Кир БУЛЫЧЁВ

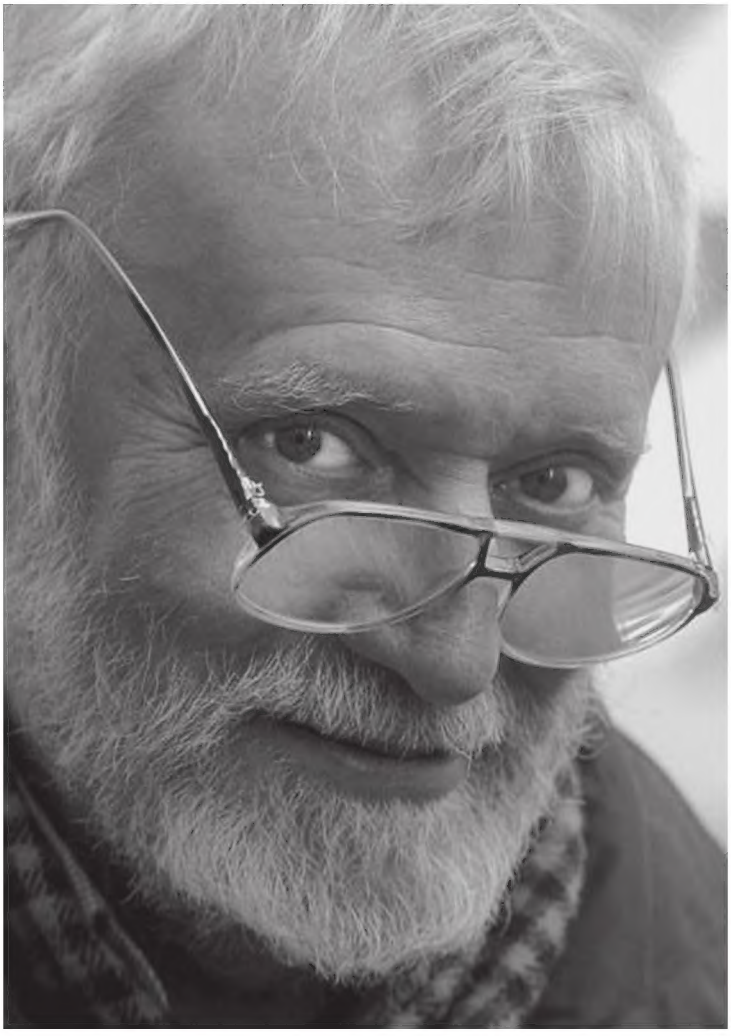
ПРИКЛЮЧЕНИЯ АЛИСЫ

Свыше 400 иллюстраций Евгения Мигунова
к повестям «Пленники астероида»,
«Заповедник сказок», «Козлик Иван Иванович»,
«Лиловый шар», «Гай-До»,
«Узники „Ямагири-мару“», «Конец Атлантиды»,
«Город без памяти», «Подземная лодка»
и пяти рассказам

БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Кир Булычёв

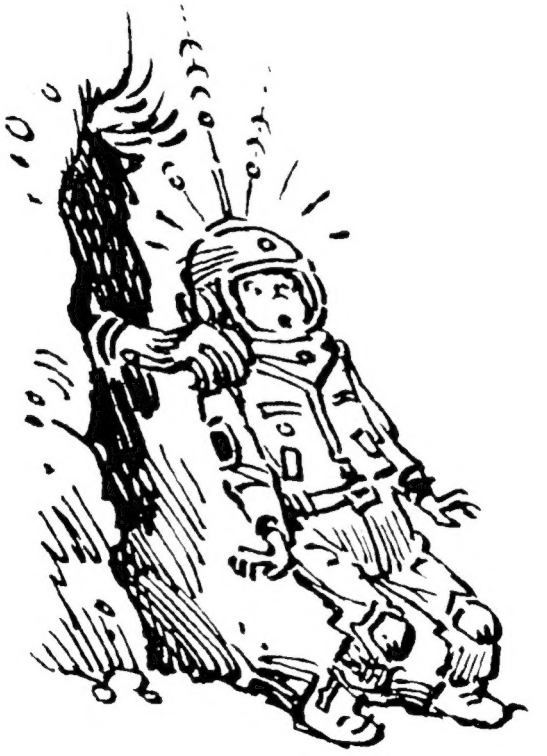
Приключения Алисы II



Кир Булычёв
(1934–2003)

Кир Булычёв

Приключения Алисы



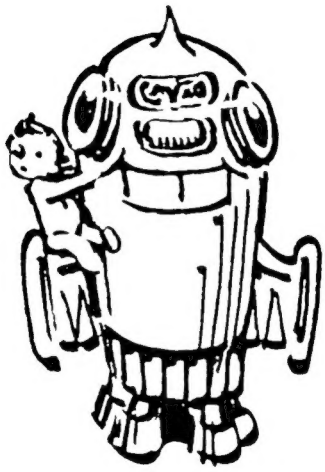
Иллюстрации
Евгения Мигунова

Санкт-Петербург
СЗКЭО

Приключения

Алисы

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6
Б90



Первые 100 пронумерованных экземпляров
от общего тиража данного издания переплетены мастерами
ручного переплета ООО «Творческое объединение „Алькор“»

Классический европейский переплет выполнен
из натуральной кожи особой выделки растительного дубления.
Инкрустация кожаной вставкой с полноцветной печатью.
Тиснение блинтовое, золотой и цветной фольгой.
6 бинтов на корешке ручной обработки.
Использовано шелковое ляссе, золоченый каптал из натуральной кожи,
форзац и нахзац выполнены из дизайнерской бумаги Malmero
с тиснением орнамента золотой фольгой. Обработка блока
с трех сторон методом механического торшонирования
с нанесением золотой матовой полиграфической фольги горячим способом.
Оформление обложки пронумерованных экземпляров
разработано в ООО «Творческое объединение „Алькор“»

Б90 **Булычёв К.** Приключения Алисы. — Санкт-Петербург: СЗКЭО, 2023. — 1152 с.: ил.

Вторая книга в серии БМЛ о приключениях Алисы Селезневой — героини, придуманной писателем-фантастом И. В. Можейко, который обычно выступал под псевдонимом Кир Булычёв — включает девять повестей: «Пленники астероида», «Заповедник сказок», «Козлик Иван Иванович», «Лиловый шар», «Гай-до», «Узники „Ямагири-мару“», «Конец Атлантиды», «Город без памяти» и «Подземная лодка», а также пять рассказов: «Вокруг света за три часа», «Это вам не яблочный компот», «Второгодники», «Это ты, Алиса?», «Чудовище у родника». Рисунки в этой книге выполнены талантливым художником и новатором отечественной мультипликации Е. Т. Мигуновым.

ISBN 978-5-9603-0940-0 (7БЦ)
ISBN 978-5-9603-0941-7 (Кожаный переплет)

© СЗКЭО, 2023
© К. Булычёв, наследники, 2023
© Е. Т. Мигунов, наследники, 2023

Пленники астероида

Глава первая

«Арбат» был раньше разведботом.

Два таких бота обычно бывает на борту корабля Дальней разведки. Они предназначены для посадок на планеты и для исследований внутрипланетных систем. А так как ботам приходится порой попадать в сложные ситуации, сделаны они на совесть скоростные, крепкие, выносливые, долговечные.

Полина Метелкина, научный сотрудник Института времени, координатор Инопланетной секции, раздобыла списанный разведбот, потому что ей часто приходилось летать на Марс и на Плутон, где были базы Института. А так как разведботы названий не имеют, то окрестила его «Арбатом». Это название кажется странным и непривычным лишь на первый взгляд. Все объясняется просто: Полина родилась и выросла в Москве, на улице Арбат.

Когда в июле она собиралась лететь на Плутон, ей позвонил старый знакомый, директор Московского космического зоопарка Селезнев и попросил взять с собой его дочку Алису. Жена Селезнева, Алисина мама,

архитектор, строила на астероиде Паллада культурный центр, а у Алисы были каникулы, и она хотела повидать маму. Пассажирского корабля на Палладу надо было ждать две недели, а тут подвернулась такая оказия.

Полина с удовольствием согласилась взять Алису, тем более, что лететь одной куда скучнее, чем в компании.

Правда, в путешествие они отправились втроем. Вместе с разведботом Полина получила от Дальней разведки и старого робота по имени Посейдон. Посейдон отработал свое в экспедициях, теперь там работали новые роботы, куда более ловкие, сообразительные и умелые. Но для помощи на борту в обычных планетарных рейсах Посейдон еще годился.

За долгую для робота жизнь Посейдон обзавелся характером, жизненным опытом, причудами и капризами, то есть очеловечился. С Полиной он летал третий год, они сдружились, привыкли мириться со слабостями друг друга. И все же робот – это робот.

У Полины своих детей не было, хотя детей она любила. Так что с точки зрения Алисы заботилась она о ней даже больше, чем нужно. Но в общем жили они дружно и даже жаль, что путешествие было недлинным.

Глава вторая

В тот день Алиса сидела в пилотском кресле и смотрела, как на экране переднего обзора возникали и гасли звезды, – «Арбат» вошел в пояс астероидов, автопилот снизил скорость, потому что навигационная обстановка была сложной.

По экрану наискось пролетела искра, корабль вздрогнул, меняя курс, чтобы не столкнуться с метеоритом.

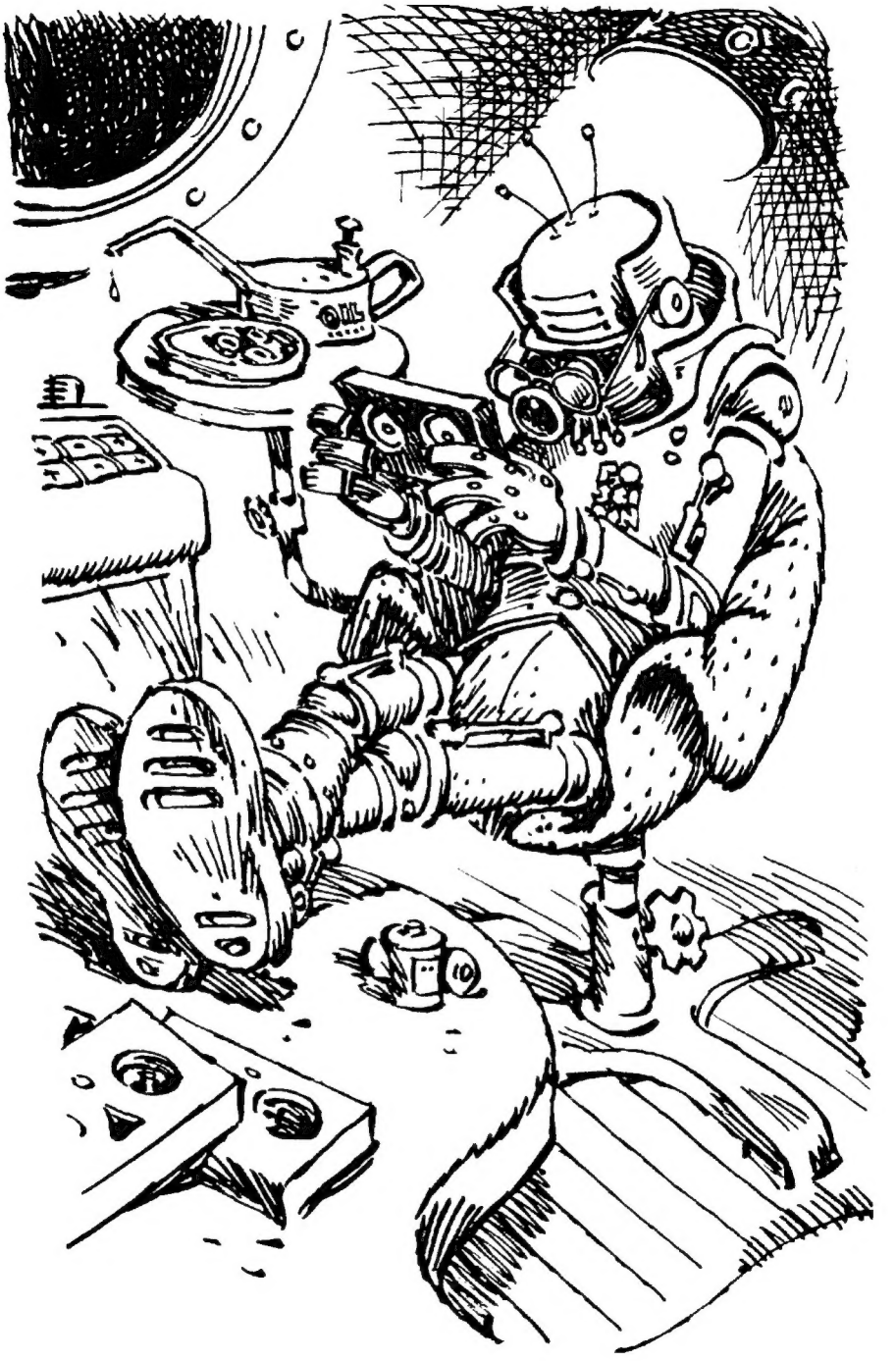
– Осторожнее! – крикнула из камбуза Полина, – я суп пролью.

Слова эти относились к автопилоту, и тот их, конечно, не услышал.

Зато услышал их Посейдон, который сидел в кают-компании, положив металлические ноги на низкий столик и читал видеокнигу.

Кают-компания на разведботе – это маленькое помещение, в котором умещается лишь обеденный стол, три или четыре кресла, к тому же один угол ее отгорожен полукругом перегородки, за которой умещается плита и мойка – камбуз.

– Нет смысла винить автопилот, – заявил Посейдон. – В поясе астероидов – повышенная метеоритная опасность. Советую тебе, Полина,



– Нет смысла винить автопилот, – заявил Посейдон. –
В поясе астероидов – повышенная метеоритная опасность.

ускорить приготовление пищи, так как возможны более резкие флюктуации курса.

– Посейдон, ты пессимист, – ответила Полина. – Я ходила этим маршрутом два десятка раз и никаких резких флюктуаций, пользуясь твоей терминологией, я не замечала.

– Еще бы, – проворчал Посейдон, который не выносил, когда ему возражали. – В те рейсы ты питалась консервами, а сейчас половину времени проводишь в камбузе. Я тебя не узнаю.

– Алисе вредно питаться консервами, – сказала Полина.

Корабль снова вздрогнул. В буфете зазвенели чашки.

– И все-таки я бы не был таким легкомысленным на твоем месте, – сказал Посейдон, который любил, чтобы последнее слово оставалось за ним. – Помнишь, что случилось с контейнеровозом «Далия» в прошлом году? Помнишь то жуткое столкновение, из-за которого весь Юпитер и базы на Уране остались без клубники?

– А что случилось? – спросила Алиса.

– Туристы, – заявил Посейдон. – От них все беды.

– Не томи, Посейдончик, – сказала Алиса. – Расскажи.

– «Далия» столкнулся с неучтенным роем метеоритов. А при расследовании они оказались искусственными.

– Кто же их сделал?

– Туристы. Упрощенно говоря, они были содержимым помойного контейнера, который кто-то выбросил за борт. Очистки и объедки мгновенно превратились в замерзшие твердые тела, и летели они с той же скоростью, с которой когда-то летел корабль, который их выбросил. А «Далия» шел встречным курсом. Удвой скорость и представь, что получится! Какое счастье, что «Далия» оказался беспилотным автоматом!

– Но ведь выбрасывать что-нибудь в космос категорически запрещено, – сказала Алиса.

– Вот именно! Мало того, что они оставляют на Земле непогашенные костры, мало им, что они исписали своими глупыми автографами руины города Страдальцев на Марсе, они загадили даже пояс астероидов. Я бы на месте людей объявил туризм вне закона.

– Посейдон, ты преувеличиваешь, – улыбнулась Полина, накрывая на стол. – Это же редкие исключения.

– Вот столкнемся с консервной банкой, – ответил Посейдон, – тогда по-другому заговоришь. Если сможешь.

Полине не хотелось спорить со стариком, и поэтому она позвала Алису:

– Обедать!

– Посейдончик, посидишь за меня? – спросила Алиса.

Нужды в том не было – все равно корабельный компьютер быстрее реагировал на любую опасность, чем человек, но принято было, чтобы на сложных участках трассы кто-то из экипажа был у пульта управления.

– С удовольствием, – ответил Посейдон и, не выпуская книги, отправился к пилотскому креслу.

– А вот книжку придется отложить, – сказала Алиса.

Всю жизнь взрослые говорят ей: «Отложи книжку», «Перестань читать за столом». И как приятно, если рядом есть кто-то, кому можно сказать взрослые слова.

– Это не книжка, – ответил миролюбиво Посейдон. – Это справочник по малым планетам. Учу его наизусть.

– Зачем? Компьютер все равно уже знает об этом.

– Во мне тоже есть компьютер, – возразил Посейдон. – К тому же мне интересно учиться. Жизнь коротка, а так хочется побольше знать! Вам, людям, хорошо. Вы можете обедать, пить чай, спать, у вас болит живот, меняется настроение, вы влюбляетесь или ссоритесь. Всего этого я лишен. Я – старая железная банка на жидких кристаллах, и единственное мое развлечение – новая информация. Скажи, например, ты знаешь диаметры хотя бы крупнейших малых планет?

– Если мне будет нужно, я загляну в справочник.

– Алиса, суп стынет! – сказала Полина.

– А представь, что у тебя не будет времени заглядывать в справочник. К примеру, диаметр Паллады, где тебя ожидает твоя мать, достигает 490 километров. А Веста уступает Палладе почти сто километров...

– Спасибо, – сказала Алиса, которая поняла, что очень проголодалась.

Она села за стол в кают-компании.

– Послезавтра прилетаем, – сказала Полина. – Соскучилась по маме?

– Конечно, соскучилась, – призналась Алиса. – Большинство мам сидят дома и дальше Антарктиды не улетают. А моя придумала себе занятие: космический архитектор! С ума сойти можно.

– А ты кем будешь? – спросила Полина. – Тоже в архитектурный пойдешь?

– Нет. Я биолог по призванию. Буду космобиологом, как отец.

– И будешь сидеть дома? И дальше Антарктиды ни шагу?

Алиса уловила иронию в тоне Полины, но решила не обижаться. Полина была права. Космобиологу приходится летать чаще и дальше всех остальных.

– Одно дело экспедиция, – сказала Алиса. – Два-три месяца и домой.

Из рубки донесся громкий хохот Посейдона. Робот явно хотел обратить на себя внимание.

– Это же надо! – рокотал он. – Эрос-то! Хах-ха-ха-ха!

– Что случилось? – Полина даже поднялась из-за стола. – Какой Эрос?

– Эрос имеет форму груши! – сообщил робот. – Груша длиной в тридцать два километра. Нарочно не придумаешь.

– Ты меня испугал, – с облегчением сказала Полина. – Не надо так громко хохотать.

– Какой вставили динамик, таким и хохочу, – заявил Посейдон.

– Суп немножко недосолен, – сказала Полина.

– Нет, очень вкусно, – ответила Алиса. – А может, вы задержитесь на Палладе? А потом бы мы вместе дальше полетели. Я никогда не была на Плутоне.

– Во-первых, меня там ждут, – сказала Полина. – А во-вторых, ты тогда опоздаешь к началу занятий.

– Жалко, мне с вами нравится летать, – сказала Алиса.

– Мне тоже с тобой веселее. И Посейдон к тебе привязался.

Посейдон, конечно, все услышал. И желание возразить заставило его снова вмешаться в разговор.

– Привязчивость мне не свойственна, – категорично заявил он. – Я старая железная банка...

Тут его слова перекрыл вой сирены.

Тревога!

Полина с Алисой в мгновение ока вскочили и бросились в рубку.

– Что случилось? – спросила Полина.

Рука робота лежала на кнопке тревоги. Это он включил ее.

– Прямо по курсу неизвестный корабль, – сказал робот.

– Ну и что? Здесь же бывают корабли. Зачем было объявлять тревогу? – спросила Алиса.

– Это учебная тревога, – ответил робот. – Я проверял вашу готовность.

– В первом же порту списываю тебя на берег, – сказала Полина. Но так как она грозилась сделать это в каждом рейсе, Посейдон ее слов всерьез не принимал.

– Алиса, суп стынет! – сказала Полина.

Раз уж обед был прерван, Полина опустилась во второе пилотское кресло. В любом случае встреча с кораблем в космосе – развлечение после долгих дней одиночества. Полина включила увеличение. Корабль пока еще казался яркой точкой, но постепенно он вырос, и можно было разглядеть его дискообразную форму.

На дисплее компьютер начал выдавать скорость корабля, его размеры, направление движения.

– Турист, – сказал Посейдон, когда обнаружилось, что корабль невелик. – Сердце болит, чувствую, что турист.

– У тебя не сердце, а бесчувственный компьютер, – напомнила Алиса.

– Компьютер, снабженный интуицией, а это что-нибудь да значит, – сказал Посейдон.

Полина включила связь. И не успела она вызвать корабль, как в эфире послышались странные, ритмичные звуки: три точки, три тире, три точки, три тире...

– SOS! – закричал Посейдон. – Турист заблудился. Так ему и надо.

– В самом деле, сигнал бедствия, – сказала Полина. – Посейдон, мы меняем курс.

– Ну, вот это лишнее, – проворчал Посейдон, хотя в самом деле так не думал. Он тут же отдал приказ компьютеру, и тот стал высчитывать новый курс.

Полина включила передатчик.

– Корабль «Арбат» на связи, – сказала она. – Что у вас случилось? Откликнитесь.

Корабль не ответил.

– Вымерли туристы, – заявил Посейдон. – А автоматика работает. Я о таком читал. «Летучий голландец» в космосе.

– Как тебе не стыдно! – возмутилась Алиса. – У людей беда, а ты все шутишь.

– К сожалению, я лишен чувства юмора. Откуда быть чувствам у железной банки, – ответил Посейдон, который отлично знал, что у него есть чувства, включая чувство юмора.

Полина продолжала вызывать неизвестный корабль. «Арбат» изменил курс и пошел на сближение.

Неожиданно, когда Полина уже отчаялась связаться с кораблем, в динамике послышался слабый высокий голос:

– У меня кончилось топливо. У меня нечего есть... я сдаюсь. Можете брать меня на абордаж.

– Он сошел с ума, – сказала Алиса. – От лишений он сошел с ума.

– Все туристы... – начал было Посейдон, но Полина прервала его:

– Приготовиться к стыковке, – приказала она.

– Я возьму стыковку на себя, – ответил Посейдон. – Здесь опасно. Астероиды.

Посейдон был прав. В пределах видимости экрана темными или светящимися точками угадывались астероиды, в большинстве случаев мелкие, как булыжники, но от этого не менее опасные.

Неизвестный корабль медленно увеличивался на экранах.

Глава третья

За время сближения и стыковки корабль, терпевший бедствие, больше на связь не выходил.

«Арбат» в умелых железных руках Посейдона послушно коснулся своего собрата. Пока захваты на борту «Арбата» притягивали чужой корабль – люк к люку, Алиса разглядела надпись: «ШУК-24».

– Что такое ШУК? – спросила Алиса. – Ты ведь все знаешь, Посейдон.

– Кое-что я знаю, – признался робот. – Без справочника сообщаю: Регистр Солнечной системы, страница тысяча девятьсот восемьдесят. ШУК – серия из тридцати планетарных катеров, приписаны к Школе Учебного Космовождения на Марсе. Сокращенно ШУК. Еще тридцать таких же суденышек базируются на Луне, но носят на борту код ШЛК, что означает Школа Любительского Космовождения. К выходу в открытый космос не предназначены, запас топлива ограничен, скорость низка. Названий не имеют, различаются по порядковым номерам. Кстати, я всегда утверждал, что номер куда лучше, чем нелепое название.

– Посейдон, я же говорила тебе десять раз: Арбат – это улица...

– На которой ты выросла, – закончил за Полину робот. – Все равно неубедительно. Тебе просто хочется, чтобы тебе все задавали вопросы и видели при том, какая ты красивая.

– Что ты понимаешь в красоте! – сказала Полина.

– Я посетил крупнейшие музеи мира, – ответил Посейдон.

Они ощутили толчок. Произошла стыковка.

– Ну, кому идти на «ШУК-24»? – спросил Посейдон. – Полагаю, что это лучше сделать мне. Если этот турист сошел с ума и будет стрелять, то меня не жалко.

– Включите видеосвязь, – сказала Полина в микрофон. – Мы вас не видим.

– Я не знаю, как она включается, – ответил слабый голос.

– Сумасшедший турист, – уверенно заявил Посейдон. – Я иду его спасать.

– Оставайся здесь, – ответила Полина. – Бывают ситуации, когда твой ум оказывается недостаточным. Не обижайся, но я убеждена, что на борту этого катера находится несчастное существо, нуждающееся в первую очередь в ласке.

– Тысячу раз говорил, – заметил Посейдон, сделав вид, что не слышал слов Полины, – возьми на базе оружие. Мало ли что – и мы оказываемся с пустыми руками. Как сейчас помню – вышел наш капитан Мержичка на поляну, поляна была такая безобидная, нагнулся цветок сорвать – а из цветка...

Тут Посейдон понял, что Полина уже вышла из рубки. Алиса следом за ней. Посейдон обернулся к приборам и стал наблюдать переход в другой корабль на экране. Он любил поворчать, но все же оставался роботом и капитану подчинялся беспрекословно. А Полина была его капитаном.

В рубке планетарного катера Полина увидела мальчика.

Мальчику было лет десять-двенадцать, он был худ и невысок ростом. Черные глаза были чуть раскосыми, а темные волосы стояли ежиком.

При виде Полины мальчик попытался подняться из кресла, но сделать этого не смог – видно было, что он устал и ослаб.

– Я сдаюсь, – сказал он. – Вы гнались за мной от самого Марса, да? А я заблудился, потом кончилось горючее, а на связь я выходить боялся.

– Ты здесь один? – спросила Полина.

– Да, совсем один. Я думал, что я не испугаюсь, но было очень страшно.

Мальчику удалось подняться. Он упрямо сжал губы, и глаза его сузились. Его шатнуло, и он, наверное бы, упал, если бы Полина не подхватила его и не подняла на руки.

Так, с мальчиком на руках, она и вернулась на свой корабль.

Глава четвертая

На «Арбате» была всего одна каюта и в ней две койки. Там и спали Полина с Алисой. Посейдон спать не умел, и ночами, если не дежурил в рубке, он поглощал корабельную библиотеку. На его счастье, библиотека была велика и занимала немного места, потому что состояла из микрофильмов.

Полина уложила мальчика на свою койку, сняла с него башмаки и накрыла пледом.

Тем временем Алиса принесла стакан сока.

– Пускай он выпьет, – сказала Алиса. – Здесь сплошные витамины.

Полина поднесла стакан к губам мальчика, и тот послушно выпил его мелкими жадными глотками. Это его так утомило, что он уронил голову на подушку и закрыл глаза.

– Ты давно не ел? – спросила Полина.

– Почти три дня, – сказал мальчик. – Я очень спешил и забыл взять с собой пищу.

– Давай я сделаю ему бульон, – сказала Алиса.

– Займись, – согласилась Полина, открывая медицинский шкафчик.

Алиса вышла из каюты, и тут же в дверях возник Посейдон.

– Ты турист? – сурово спросил он.

Мальчик открыл глаза и испуганно поглядел на массивного робота.

– Нет, – сказал он. – Я не турист. Я учился в школе космонавтики и потому угнал корабль. Но я не хотел развлекаться... Я должен был, понимаете, обязательно... у меня не было другого выхода...

Мальчик снова закрыл глаза и заснул.

Алиса заглянула в каюту, неся чашку разогретого бульона, но Полина приложила палец к губам и вышла навстречу.

– Пускай он поспит, – прошептала она.

* * *

Мальчик проснулся только через семь часов.

«Арбат» как раз проплывал мимо изъеденной кратерами, изборожденной трещинами планетки.

Алиса не уставала любоваться этими загадочными, мертвыми мирками, некоторые были уже обследованы, на других еще никто никогда не бывал.

Алиса воображала, что они плывут по океану между рифами и коралловыми атоллами и она, юнга на мачте, все надеется, что на одном из атоллов вдруг появится дымок и человеческая фигурка примется прыгать на берегу – это потерпевший крушение Робинзон или дикарь, никогда еще не видевший парусного корабля.

– Сколько их! – сказала Алиса. – Вот бы пожить на каком-нибудь.

– К настоящему моменту обнаружено и зарегистрировано, – раздался в ответ скрипучий голос Посейдона, – шесть тысяч восемьсот тридцать две малые планеты, не считая камней, учитывать которые бесполезно, все равно потеряются. Однако отметим, что общая масса астероидов в тысячу раз уступает массе Земли... Так что теории, объясняющие их происхождение гибелью планеты Фаэтон, вряд ли имеют право на существование...

Посейдон только что вернулся с осмотра планетарного катера, и потому Полина перебила его, спросив:

– Нашел там что-нибудь интересное?

– Осмотр корабля не дал ничего нового, – ответил Посейдон. – За исключением детского любительского удостоверения на вождение учебной машины, выданного на имя Юдзо Комура, место выдачи Марспополь, место постоянного проживания город Осака, Земля.

– Осака – это в Японии, – сказала Алиса. – Я так и подумала, что он японец.

– Не стоит спешить с выводами, – сказал Посейдон. – Города с таким названием могут существовать и в других странах. Кстати, на пульте в рубке мною обнаружена вот эта фотография.

Посейдон положил на стол фотографию пожилого, улыбающегося человека, черноглазого и похожего на найденного мальчика. Подпись под фотографией состояла из иероглифов.

– Кто это такой? – спросила Алиса.

– Что может быть проще? – удивился Посейдон. – Здесь же черным по белому написано: профессор Такео Комура.

– Это по-японски?

– Разумеется. И надо сказать, что вам повезло – не у каждого на корабле работает робот-лингвист, талантливый и трудолюбивый полиглот. К счастью, я могу читать и писать по-японски и притом неплохо сочиняю танки.

– Что? – удивилась Алиса.

– Танки – это вид японской поэзии, краткие стихотворения, которые в парадоксальной форме раскрывают душу природы и поэта.

– Ясно, – сказала Алиса.

Полина взяла фотографию.

– Вернее всего, профессор Такео Комура – отец нашего найденыша.

– Не доказано, – возразил Посейдон. – У нас на корабле как-то было три Иванова, и ни один из них не состоял в родственных связях с остальными. Этот пожилой мужчина может оказаться дядей, соседом, однофамильцем мальчика, наконец, фотография могла остаться на борту от предыдущего пилота...

– Это мой отец, – послышался голос.

Мальчик стоял в дверях.

– Тебя зовут Юдзо Комура? – спросила Полина.

– Да. Мой отец – профессор Такео Комура. Я долго спал?

– Несколько часов. Выспался?

– Я не хотел так долго спать, – ответил Юдзо.

– Ты голодный? – спросила Алиса.

– Честно говоря, – сказал мальчик, – я хочу есть. Но кормить меня необязательно. Я заслуживаю наказания.

– Алисочка, разогрей бульон и сделай сухарики, – сказала Полина.

Робот сделал шаг вперед и остановился, разглядывая мальчика.

– Меня зовут Посейдон, – сообщил он. – Универсальный помощник.

– Я понял, робот-сан, – ответил мальчик. – Очень приятно с вами познакомиться.

– Ты нечаянно корабль угнал или нарочно? – спросила Алиса.

– Нарочно, – ответил мальчик, опустив голову. – Но у меня не было другого выхода.

Вид его был настолько несчастным, что Полина пожалела мальчика и сказала:

– Юдзо очень устал, и он еще слабый. Не приставайте к нему с расспросами. Он потом сам все нам расскажет, правда?

Мальчик кивнул.

Но Посейдон не согласился с Полиной.

– Я иногда буквально поражаюсь, – сказал он. – Ты, Полина, путаешь гуманизм с легкомыслием.

– Почему, мой дорогой? – спросила Полина.

Ласковое обращение не успокоило робота. Он упрямо продолжал:

– Потому что мы не знаем, кого пригрели на борту. Не исключено, что это опасный преступник, который бежал с Марса, потому что его разыскивает патрульная служба.

Полина вздохнула. Она не выносила ссор.

Но мальчик неожиданно поддержал робота.

– Вы правы, робот-сан, – сказал он, не поднимая головы. – Я заслужил самого строгого наказания. И, наверное, меня разыскивает патрульная служба. Я сначала решил, что вы и есть патрульная служба.

– Но почему тебя разыскивают? – спросила Алиса. – Потому что ты угнал корабль?

– Конечно. Я угнал космический корабль и чуть не загубил его. И вы правильно сделали, что погнались за мной и поймали меня.

– Мы тебя не ловили, – сказала Полина. – Мы услышали твой сигнал бедствия и поспешили тебе на помощь.

В этот момент «Арбат» дернулся, меняя курс, видно, опять на пути показался какой-то маленький астероид.

– Чуть не налетели на риф! – сообщила Алиса.

– Садись, – сказала Полина, указывая Юдзо на кресло. – Я должна тебе сказать, что лечу по делам на Плутон, а Алиса – дочь моих друзей и отправляется к маме на Палладу.

– Счастливая! – вырвалось у мальчика. – Ты знаешь, где твоя мать.

– У тебя случилось несчастье, – сказала Полина. – Иначе бы ты никогда не решился на такой безумный поступок.

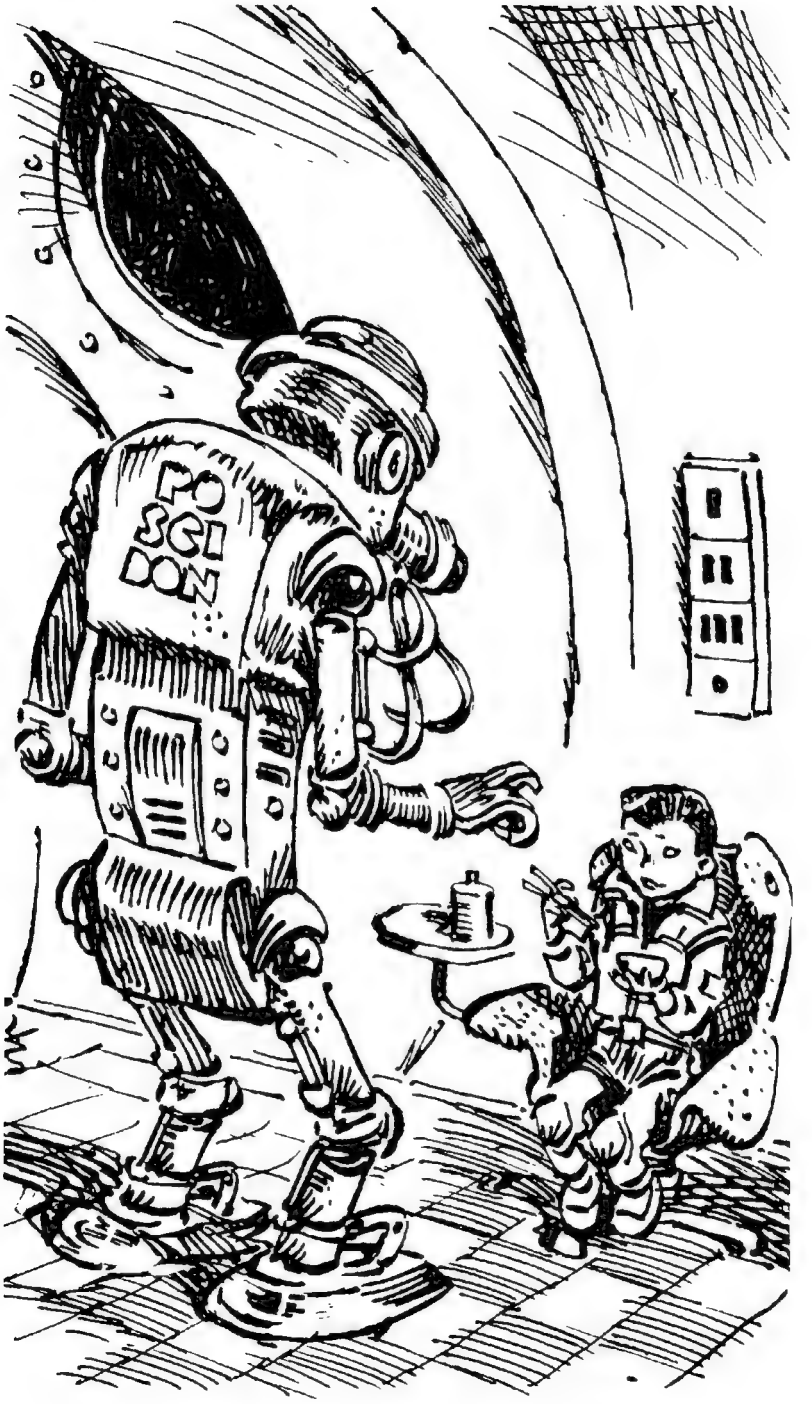
– Что за разговор с малолетним преступником! – вмешался Посейдон. – Жестче, Полина, строже. У тебя совершенно нет металла в голосе.

Полина только отмахнулась от робота.

– И не пытайся заткнуть мне рот! – возмутился Посейдон. Ему хотелось ссоры.

– Еще слово, и я попрошу тебя уйти, – сказала тогда Полина.

– Молчу, – ответил Посейдон. – Молчу под угрозой неминуемой расправы. Но внутренне не сдамся.



– Что за разговор с малолетним преступником! – вмешался Посейдон.

– Не обращай на него внимания, – сказала Алиса японскому мальчику.

– Он старый и нервный, хотя с роботами такого не должно случаться. Лучше расскажи нам, что же у тебя случилось.

– Мой отец, – сказал Юдзо, – геолог, профессор. После того как умерла наша мама, он увез меня на Марс, и мы там очень дружно жили. А четыре месяца назад он полетел на астероиды в экспедицию. Он полетел один на корабле «Сакура». С дороги он присылал мне письма и космограммы. Последняя космограмма была с Весты. Он писал в ней, что полетит дальше, к малым астероидам. Но потом он исчез.

– Как так исчез? – удивилась Алиса.

– Никто ничего не знает. Его искали. И, наверное, ищут и сейчас. Но астероидов очень много.

– Здесь сам черт ногу сломит, – сказал Посейдон.

– А я очень тосковал без отца, – сказал Юдзо, и его голос дрогнул.

Он проглотил слезы и отвернулся. Все молчали, потому что понимали, что утешить мальчика нельзя. Он был очень гордый.

– Мне кажется, – продолжал мальчик, – что отцу нужна моя помощь. Ему плохо. Мне все говорили, чтобы я терпел и ждал, что отца найдут. Но они в самом деле думали, что отец погиб, и даже корабля не нашли. И наконец мне сказали, что меня отвезут на Землю, к моей тете в Осаку. Но я знаю, что отец жив! Я лучше их всех знаю! Я знаю!

– Успокойся, Юдзо, – сказала Полина, обнимая мальчика. – Мы тебя понимаем. Ты не мог улететь на Землю, улететь далеко от отца.

– И ты взял учебный катер! – воскликнула Алиса. – Молодец! Я бы на твоем месте сделала то же самое.

– И глупо, – сказал Посейдон. – Если ты воруешь корабль, то обязательно надо взять с собой побольше топлива и продовольствия.

– Мне было некогда. Я прокрался ночью на космодром. Я знал этот корабль, потому что я на нем учился в детской космической школе. Но я не мог нести с собой продукты. Я дал себе слово, что не вернусь, пока не найду отца. Но я не подумал, как далеко надо лететь и как долго надо искать. У меня кончились продукты, а потом кончилось топливо. И я уже не мог вернуться обратно. У меня была слабая рация, и на Марсе меня не слышали.

– Еще бы. Никто не думал, что учебный катер полетит так далеко. Для этого он не предназначен. Это все равно, что на открытой лодочке уплыть в океан. Твое счастье, что мы тебя встретили.

– Я вам очень благодарен, робот-сан, – сказал Юдзо. – Но я не мог поступить иначе.

– Не знаю, не знаю. В любом случае ты поступил как человек. Вы, люди, очень неразумные существа.

– Если бы мы были очень разумными, Колумб бы никогда не открыл Америку, – сказала Алиса. Ей понравился Юдзо, и она полагала, что на его месте она поступила бы точно так же.

– В данной ситуации, – сказал робот, – разумнее всего мальчику выпить еще чашку бульона, а мне выйти на связь с Марсом и сообщить, что мы подобрали мальчика Комуру. Я представляю, какая паника царит на Марсе – пропал ребенок!

– Согрей бульон, – сказала Полина роботу.

– Ну вот, разве это занятие для Посейдона? – проворчал робот, но тут же отправился в камбуз.

– Что же ты будешь делать, когда вернешься на Марс? – спросила Алиса мальчика.

Мальчик ответил не сразу. Но потом решился и сказал уверенно:

– Я снова возьму корабль. Выпрошу, украду, если надо... и снова полечу искать отца. Только боюсь, что будет уже поздно.

– Странно, – сказала Полина, – я просто не знаю случая, чтобы бесследно пропал корабль. В Солнечной системе, где все пути исхожены, где так мало опасностей.

– Ты не права! – ответил из камбуза Посейдон. – Один пояс астероидов может похвастаться множеством жертв. За последние месяцы это, наверное, уже шестой случай. Я как раз перед вылетом просматривал сводки спасательной службы. Безвести пропали грузовые корабли «Робинзон» и «24-бис», неизвестно, куда делся корабль «Громкий смех». До сих пор неизвестна судьба двух туристских кораблей. И как найдешь корабль, если он разбился на таком вот астероиде.

Посейдон, рассуждая так, вернулся в рубку и перед тем как включить передатчик и сообщить о мальчике на Марс, поглядел на центральный экран.

На экране красовался сплющенный черный шар. Астероид не отражал света и казался черным провалом в звездном небе.

Посейдон протянул руку к передатчику и замер.

– Полина, – сказал он. – Ты ничего не чувствуешь?

– Очень странно, – отозвалась Полина. – Мне кажется, что увеличилась сила тяжести.

– Погляди на приборы. Мы меняем курс.

– Но я не давала такого приказа компьютеру, – ответила Полина. Она быстро прошла к пульту управления и включила запрос компьютеру. Черный астероид, матовый, непроницаемый, медленно увеличивался на экранах. В нем было что-то зловещее.

Полина и Посейдон прочли показания компьютера.

– Странно, – сказала Полина.

– Я с таким феноменом еще не сталкивался, – ответил Посейдон.

– Что случилось? – спросила Алиса.

– Поле тяготения этого астероида во много раз больше расчетного, – сказала Полина.

– Он как магнит? – спросила Алиса.

– Можно сказать и так, – согласился Посейдон.

– Ура! – крикнула Алиса. – Значит, мы сделали открытие.

– Не знаю, как насчет открытия, – Посейдон уселся в кресло пилота. – Но придется уходить от этого открытия, чтобы не разбить об него нос. Прошу пассажиров пристегнуться.

– Да, дети, – сказала Полина. – И пожалуйста, не теряйте времени.

Алиса нажала на кнопку в задней стене рубки, и из стены вывалились, раскладываясь, два кресла. Она уселась в одно и сказала Юдзо:

– Скорей же!

Они пристегнулись амортизационными ремнями.

– К ускорению готовы? – спросил Посейдон.

– Я готова, – сказала Полина.

– Мы готовы, – сказала Алиса.

– Есть ускорение, – сказал Посейдон.

В рубке было очень тихо. Чуть слышно жужжали приборы. Посейдон увеличил мощность двигателей, и «Арбат» начал бороться с силой, притягивавшей его к черному астероиду.

В первые минуты Алиса почувствовала, как ее вжимает в кресло – корабль начал вырываться из паутины. Но это продолжалось недолго. Алиса услышала мрачный голос Посейдона:

– Компьютер говорит, что нашей мощности не хватит.

– Почему? – спросила Полина.

– Сила тяготения увеличивается. Чем сильнее мы вырываемся, тем сильнее нас притягивает. Но этого быть не может, – сказал Посейдон.

– Почему? – удивилась Алиса.

– Потому что этого не может быть никогда.

Сраженные таким категорическим заявлением робота, люди замолчали.

– Что делать? – спросил после паузы Посейдон.

– Ты что предлагаешь?

– Мы с компьютером, – сказал Посейдон, – считаем, что этот феномен лучше изучать на месте. Для этого лучше всего опуститься на астероид и выяснить, в чем же дело.

– Значит, сдаться какому-то несчастному куску камня? – спросила Алиса.

– Сдаться камню невозможно. Но чтобы тебя не обижать, – вы ведь такие гордые, – я предлагаю по доброй воле опуститься на астероид и его быстренько исследовать.

– Найти там генератор гравитации, – сказала Алиса, – и выключить его?

– Вот видишь, какие мы сообразительные! – согласился с Алисой робот.

– Но если пойдем на пределе двигателей? – спросила Полина.

– Только зазря потратим топливо, – ответил Посейдон. – К тому же я не позволю увеличивать нагрузки. Моя первая и важнейшая функция – охранять людей. На борту есть два молодых существа, которым такие перегрузки вредны. И если ты, капитан, прикажешь мне продолжать борьбу с астероидом, я скажу тебе: прости, Полина, я против.

Астероид занимал теперь уже весь экран. Корабль сносило к пятну посреди астероида, которое даже на фоне черноты казалось провалом.

– Там какое-то углубление, – сказал Юдзо. – Наверное, яма.

– Большая яма, – сказал Посейдон.

Полина приняла решение.

– Слушайте меня внимательно, – сказала она. – Я уменьшаю нагрузку на двигатели, и мы будем спускаться на астероид. Всем включить амортизацию кресел по аварийному расписанию. Нас будет притягивать, и мы будем падать на астероид все быстрее. Перед самой его поверхностью я включу двигатели на полную мощность, чтобы нам не разбиться. Будьте к этому готовы и не пищать.

– Есть не пищать, капитан, – ответила Алиса и, перед тем как включить аварийную амортизацию своего кресла, включила ее на кресле мальчика.

Оба кресла выпустили из спинок упругие широкие захваты и как бы вобрали в кресла своих пассажиров. Нежно, но решительно, словно у них были живые человеческие руки.

Пол как бы ушел из-под ног – это Полина, тоже закутанная в кресло, включила двигатели, оставив только вспомогательные тормозные моторы.

Черная стена астероида превратила экран в непроницаемо-темное пятно. В центре пятна что-то мерцало. Но Алиса не успела разглядеть, что это, потому что корабль вдруг буквально содрогнулся, поднатужился, стараясь преодолеть тяготение, которое хотело размозжить его о черные камни. Он завис в нескольких десятках метров над поверхностью астероида и потом, сдаваясь на милость астероида, опустился на каменное дно впадины.

И хоть Полина сделала все возможное, удар был сильным настолько, что «Арбат» подпрыгнул на амортизаторах, ударился вновь, накренился и замер...

Свет погас. Наступила тишина.

Глава пятая

– Все живы? – раздался в темноте голос Посейдона.

Щелкнула застежка амортизационного кресла, потом второго. Кто-то застонал.

– Спокойно, – сказал Посейдон. – Сейчас подключу себя к аварийному освещению.

Тут же загорелся слабый свет под потолком рубки.

Вторая лампа загорелась во лбу Посейдона.

Люди вылезали из кресел, приводили себя в порядок. К счастью, никто сильно не пострадал. Только Юдзо оцарапал щеку – сорвался один из дисплеев и задел его. Алисино кресло покосилось, но устояло. Главный экран разбился, но вспомогательные работали.

– Это ты стонал, Юдзо? – спросил Посейдон, глядя на мальчика. По щеке его протянулась алая полоска.

– Нет, – ответил мальчик уверенно.

– Это я стонала, – призналась Полина. – Я вспомнила, что посуда в шкафу была не закреплена.

– Ой, там моя любимая чашка! – воскликнула Алиса, бросаясь в кают-компанию.

Посейдон возился с освещением. Постепенно свет становился все ярче.

– А притяжение здесь нормальное, – сказала Алиса, – как на Луне.

– Да, меньше земного, – сказал робот. – Я это уже отметил.

Загорелся свет и в кают-компании.

Алиса раскрыла шкаф, и оттуда посыпались осколки чашек и тарелок.

– Я неоднократно предупреждал, – заявил робот, услышав звон, – что корабельная посуда должна быть металлической или пластиковой. Пристрастие людей к фарфору неразумно.

– А моя чашка цела, – сказала Алиса.

Полина прошла к аптечке, достала пластырь и спирт.

– Алиса, – сказала она, – займись Юдзо. А мне надо выйти на связь с Марсом.

– Давно пора, – сказал Посейдон, оборачиваясь к рации.

Юдзо между тем подошел к иллюминатору и старался разглядеть, что творится снаружи.

Алисе пришлось потянуть его за руку, чтобы он отошел от иллюминатора и дал помыть и заклеить щеку. Спирт больно щипал, но Юдзо даже не поморщился.

– А вдруг мой отец... – начал Юдзо. – Ведь его тоже могло притянуть.

– Ну что, Посейдон? – спросила Полина. – Наладил связь?

– Придется потерпеть, – ответил Посейдон. – Рация разбита.

– Вот жалость! – сказала Полина. – И сколько тебе надо времени?

– Часа два, – ответил робот. – Я достану запасные части.

Полина очистила пульт от осколков и попробовала включить внешний прожектор.

– Погоди, – сказал Посейдон. – Не женское это дело чинить освещение.

Он открыл кожух пульта, заменил один из блоков, и за иллюминатором стало светло – луч мощного корабельного прожектора распорол темноту.

Все подошли к иллюминатору.

– Ой! – первой воскликнула Алиса. – Что это значит?

Глава шестая

Корабль «Арбат» очутился в большом круглом углублении, схожем с лунным кратером. Стены кратера были высоки и отвесны. Но удивление вызвало не это, а то, что «Арбат» оказался в кратере не одинок.

Вокруг него лежали корабли и обломки кораблей.

Некоторые, видно, разбились давно, и нельзя было угадать, какими они были раньше. Другие корабли были ободраны, словно какой-то шутник срывал с них обшивку, оставляя лишь скелеты шпангоутов. Третьи разбились при посадке. Но два или три корабля казались совершенно целыми.

Посейдон медленно вел лучом прожектора по этой странной свалке, и луч по очереди высвечивал потерпевших крушение.

Вот луч замер на золотой надписи на борту корабля.

– «Робинзон», – произнесла Алиса.

– Здравствуй, старик, – сказал Посейдон. – Когда мы виделись с тобой в последний раз? Кажется, на Ганимеде. Ты куда лучше выглядел. Вот ты где пропал, вот где закончил свой славный путь!

Луч прожектора ушел в сторону. Остановился, осветив надпись «Громкий смех».

– Какое странное название, – произнесла Полина, глядя на искореженный, ободранный корабль.

– Ты не слышала? – спросил Посейдон. – Это была странная компания. Поклонники веселой музыки. Они летали по разным планетам с концертами. Певцы и клоуны.

– Неужели они погибли?

– Если внутри астероида нет атмосферы, – сказал Посейдон, – тогда деваться некуда.

Луч тем временем полз дальше, и вдруг раздался отчаянный крик Юдзо:

– Это отец! Отец здесь! Я говорил, что найду отца!

Мальчик показывал на корабль, лежавший за «Громким смехом». На борту была надпись «Сакура». И знак геологи ческой службы.

– Это наш корабль! – повторял Юдзо. – Пустите меня, пожалуйста, туда. Я там должен быть.

– Там его нет, – тихо сказала Полина.

Под холодным безжалостным светом прожектора видно было, что корабль пострадал при посадке, к тому же часть металлической обшивки снята.

– Но я все равно должен туда пойти, как вы не понимаете! – сказал Юдзо. – Отец мог оставить там записку. Хотя бы записку...

– Успокойся, Юдзо, – сказала Полина. – Мы обязательно пойдем туда и осмотрим корабль.

– Ты сказал, что внутри астероида может быть атмосфера? – спросила Алиса у робота. Она спросила негромко, потому что не верила в это.

Вокруг него лежали корабли и обломки кораблей.

– Вряд ли, – сказал Посейдон. – Астероиды – мертвые тела. На них нет атмосферы. Она бы не смогла удержаться, потому что притяжение очень маленькое.

– Но здесь притяжение большое!

– Погляди за иллюминатор. Ясно же – здесь вакуум.

– А внутри?

– Внутри камень, – ответил Посейдон.

– А если внутри сделана полость и в ней сидят люди, у которых есть генератор гравитации?

– Ну, Алисочка, ты мне начинаешь рассказывать фантастический роман. Кто и зачем будет сидеть в мертвом астероиде?

– Космические пираты! Они специально пробрались в Солнечную систему и сделали такую ловушку. Затягивают корабли, а потом их грабят, а пассажиров берут в плен.

– Фантазерка! – решительно заявил Посейдон. – Даже если бы пираты и смогли незаметно проникнуть в Солнечную систему, зачем им грабить грузовик «Робинзон», который везет запасные части к бурильным установкам, зачем им грабить «Громкий смех», на котором летят музыканты, все богатство которых – трубы и барабаны? Зачем им грабить «Сакуру», на которой профессор Комура везет образцы горных пород?

– Посейдон, ты не понимаешь простых вещей, – сказала Полина, которая открыла стенной шкаф, чтобы достать свой скафандр. – Нельзя отнимать у людей надежду.

– Надежда – это гипотеза, не подкрепленная фактами, – возразил Посейдон.

– Пока не подкрепленная, – сказала Полина. – Но факты могут возникнуть.

– Нелогичность людей меня порой просто возмущает, – сказал Посейдон.

Юдзо подошел к шкафу со скафандрами вслед за Полиной и остановился.

– А где мой скафандр? – спросил он. – Ой, мы же его оставили на катере!

– С катером придется подождать, – произнес Посейдон.

Он перевел луч прожектора поближе, к самому «Арбату», и стало ясно, что пришвартованный к нему катер «ШУК-24» не перенес аварийной посадки.

– Не беспокойся, – сказала Полина мальчику. – Я пойду на «Сакуру», а Посейдон осмотрит катер и принесет тебе скафандр.

– Если от него что-нибудь осталось, – сказал Посейдон.

– Я возьму скафандр Алисы, – сказал Юдзо.

– Послушай, – строго сказала Полина, – ты на космическом корабле. В неизвестной ситуации. Капитан корабля – я. И сейчас все подчиняются мне беспрекословно. Тебе это понятно?

– Понятно, капитан-сан, – ответил мальчик. – Но, может, все-таки я возьму скафандр Алисы?

– Мы даже не знаем, куда мы попали, – терпеливо объясняла Полина мальчику. – Мы не знаем, что нас ждет. Вы с Алисой, что бы ни случилось, остаетесь в корабле. Здесь безопаснее.

– Правильно, – поддержал Полину Посейдон. – А то придется и вас спасать. Кстати, астероида с такими параметрами в полном списке малых планет не существует. Но, может, все же к «Сакуре» тоже схожу я? В случае чего – меня даже не надо спасать. Я – старая железная банка...

– Слышали, – ответила Полина. – Ничего нового. Быстро принеси скафандр Юдзо. Он может нам понадобиться. И сразу же обратно. Ты отвечаешь за безопасность детей.

– И без твоих приказов знаю, за что отвечаю. – Посейдон был недоволен, он боялся за Полину.

Полина проверила скафандр, опустила шлем. Ее голос в динамике шлема звучал глухо, как будто сквозь подушку.

– Я попробую связаться с Марсом по рации «Сакуры», – сказала она и открыла люк в переходник.

Прежде чем люк закрылся, Посейдон успел сказать вслед:

– Ставлю сто против одного, что никакой рации там и нет.

Щелкнул запор переходника. Через полминуты Полина показалась на черной гладкой поверхности астероида.

– Проверяю связь, – донесся ее голос.

– Связь устойчива, – сказал робот.

– На случай любой неожиданности капитаном корабля остается Алиса Селезнева, – сказала Полина.

– Понятно, – сказал робот, следя лучом прожектора за Полиной.

Он не возражал, потому что по космическим правилам робот не может командовать кораблем, на котором есть люди. Даже если он умный, опытный, универсальный робот. Конечно, фактически в отсутствие Полины

главным будет он, но в критической ситуации последнее слово останется за Алисой, хоть Алисе всего одиннадцать лет.

– Я все поняла, – сказала Алиса, глядя, как на экране уменьшается блестящая фигурка Полины. Полина обходила обломки кораблей и иногда, рассуждала вслух:

– Вижу корабль незнакомой конструкции – его вам не видно, он лежит за «Громким смехом». Явно не из Солнечной системы. И попал сюда давно. Значит, этот астероид не первый день притягивает корабли. Странно, что до сих пор его никто не заметил. Уже двадцать лет назад здесь работала комплексная экспедиция. Они не могли пропустить такое крупное тело. Как ты думаешь, Посейдон, каков радиус астероида?

– Чуть больше километра, – ответил Посейдон. – Но форма у него неправильная, он похож на сплюснутый шар или на чечевицу. Мы опустились на вдавленной стороне.

– Подхожу к «Сакуре», – сказала Полина.

Когда Полина остановилась возле корабля, ясно стало, что «Сакура» раз в пять выше ее. Полина вслух описывала свои действия. Так положено делать, если разведчик один вышел из корабля.

– Вижу люк, – говорила она. – Люк открыт. Крышка отсутствует. Значит, в корабле никого нет. Тем не менее я войду внутрь, осмотрю корабль и постараюсь выяснить, в каком состоянии рация. Посейдон, ты принес скафандр?

– Помню, – ответил Посейдон. – Алиса, ты остаешься на связи, знаешь, как управлять прожектором?

– Все знаю.

Посейдон пошел к переходной камере, а Алиса слушала, как Полина рассказывает о том, что видит на «Сакуре».

Юдзо разрывался между «Сакурой» и учебным кораблем. Он даже подбежал к люку, как будто хотел поторопить Посейдона, медленно ворочавшегося у люка учебного катера. Юдзо надеялся, что, как только он получит скафандр, он сможет тоже побежать к «Сакуре».

– Я внутри «Сакуры», – был слышен голос Полины. – Удивительное зрелище. Как будто здесь бушевал какой-то разбойник. Обшивка ободрана, приборы разбиты, посуда разбита, куда-то делись все вещи из каюты и кубрика. И рация... рации нет. Она вырвана и исчезла.

– А записка? – крикнул Юдзо. – Отец должен был оставить мне записку!

Полина не слышала мальчика и продолжала говорить:

– В шкафу нет скафандра. Значит, отец Юдзо успел надеть его.

Алиса подумала, что если кто-то ограбил корабль, то могли взять скафандр. Ясно, что Полина сказала последнюю фразу, чтобы успокоить Юдзо.

– Больше мне здесь делать нечего, – сказала Полина. – Придется нам искать путь внутрь астероида.

Может быть, Посейдон был не прав, когда высмеивал Алисину теорию о пиратах.

– Алиса, посмотри! – раздался громкий голос Юдзо.

Алиса обернулась к иллюминатору, который смотрел на учебный катер. Она увидела, как Посейдон подходит к кораблю, неся скафандр Юдзо.

Но мальчика взволновало не это.

– Что случилось? – спросила Алиса.

– Поверни прожектор правее! – попросил Юдзо. – Еще правее. Видишь?

Луч прожектора выхватывал из темноты остовы кораблей, каменные глыбы, изломанные клочья металла... И вдруг Алиса уловила движение. От стены кратера к кораблю спешили какие-то фигуры. Непонятные существа были в черном, и потому трудно было разобрать, что они из себя представляют.

В этот момент открылась дверь переходника, и со скафандром в руке появился Посейдон.

– Гляди, Посейдон! – позвала его Алиса.

Тот сразу понял, в чем дело, кинул скафандр мальчику, а сам кинулся к пульту, чтобы включить увеличение на экране.

– Полина, – сказал он, вглядываясь в бегущие фигуры, – мы видим людей. Они двигаются к «Сакуре» и к нам.

– Очень хорошо, – сказала Полина, – я выхожу им навстречу. Значит, здесь работает какая-то неизвестная нам лаборатория.

– Осторожнее, Полина! – вмешалась в разговор Алиса. – Хоть Посейдон не верит, я все равно думаю, что здесь космические пираты. Неужели может быть лаборатория, которая разбивает и грабит корабли?

– Внимание, – произнес Посейдон. – Это не люди.

– А кто? – спросила Полина.

– Это пришельцы. Может быть, тебе остаться в «Сакуре»?

Но было видно, что Полине не удастся скрыться. Темные существа разделились на две группы. Одна из них спешила к «Арбату», другая бросилась к «Сакуре».

– Они идут к тебе, – сказал Посейдон. – Полагаю, что они следили за нами и знают, что ты на борту «Сакуры». Я иду к тебе на помощь.

– Оставайся на корабле, – сказала Полина.

– Не могу. Ты в опасности. «Арбат» можно закрыть, и ребята продержатся в нем до моего возвращения. Ты беззащитна.

И, не тратя больше слов, Посейдон направился к переходной камере.

– Я тоже выхожу, – услышала Алиса голос Полины. – А то я себя чувствую в этой коробке, как крыса в ловушке.

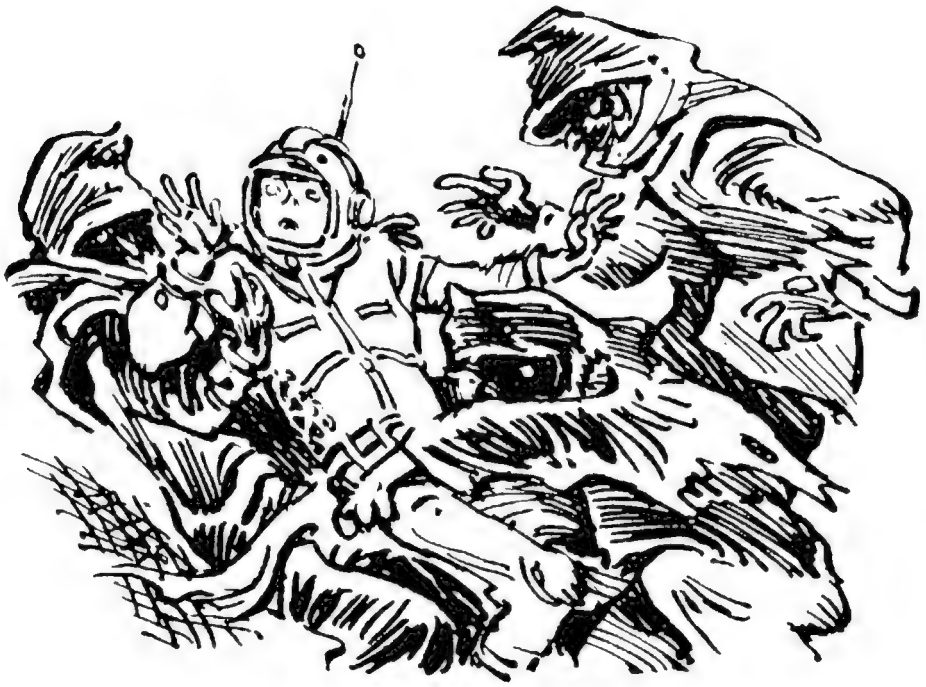
– Посейдон пошел к тебе, – сказала Алиса.

Она смотрела, как Посейдон большими шагами спешит по открытому пространству. Потом они увидели и Полину. Полина вышла из «Сакуры» как раз в тот момент, когда к «Сакуре» подбежали первые из черных фигур.

– Кто вы? – успела спросить Полина.

И тут же черные фигуры накинулись на Полину, словно стая волков на оленя, и повалили ее на камни.

– Посейдон... – И тут же связь оборвалась. Видно, черные существа сорвали со шлема антенну.



Посейдон несся к Полине громадными прыжками.

Но достичь ее не смог.

Несколько черных фигур встретили его, и он ударился о них, смял ближайших противников, но не выдержал тяжести остальных.

– Внимание, Алиса! – донесся до рубки его голос. – Из корабля не выходить. Я временно прекращаю сопротивление, чтобы проникнуть в астероид вслед за Полиной. Ждите меня...

На этом прекратилась и связь с Посейдоном.

В рубке царила тишина.

Алиса и Юдзо остались совсем одни.

Глава седьмая

Алиса заметила, что Юдзо спешит, натягивает скафандр. Она подумала, что и ей не мешает одеться. Может, придется выйти из корабля. Она побежала к шкафу, чтобы снять последний скафандр.

– Следи, чтобы они не подошли, будешь мне говорить, где они, – крикнула она Юдзо.

Добежав до шкафа, она остановилась. Нет, сначала надо запереть корабль. Она поднялась на цыпочки, чтобы включить экстренный запор. На любом корабле есть эта система электронной блокировки – когда она включена, люк не поддастся никакому ключу. Только разрезав обшивку корабля, можно в него проникнуть.

– Они идут сюда, – сказал Юдзо.

– Все?

– Нет. Почти все потащили к стене кратера Полину и Посейдона. А три идут сюда.

– Эх, жалко, у нас нет бластера, – сказала Алиса.

– Да, – согласился Юдзо. – Сейчас бы мы их расстреляли.

– А вдруг... – Алиса задумалась, держа в руках скафандр. У нее бурное воображение, и она умеет придумывать невероятные объяснения событиям. – А вдруг этот астероид управляемый? А черные существа – местные спасатели. Только они не из нашей системы и не знают языка. Вот они и вытаскивают из кораблей всех, кто терпит крушение, чтобы спрятать их внутри астероида.

– Я не верю! – сказал Юдзо. – Спасатели не наваливаются на людей как звери.

Алиса натянула скафандр, надела шлем, но пока что не стала опускать забрало. Это можно сделать в одну секунду.

– Они подошли к кораблю, – сказал Юдзо.

– Посмотрим, что они будут делать, – ответила Алиса.

Ждать пришлось недолго. Раздался удар в люк. Потом еще один, посильнее первого.

– Козлятушки, ребятушки, – сказала Алиса, – это я пришла, молочка принесла.

– Что ты говоришь? – удивился Юдзо.

– Это детская сказка, ты ее не знаешь. Один волк переоделся козой и пришел в дом к козе, чтобы съесть ее детей.

– Я знаю такую сказку, – сказал Юдзо.

– Только нас не обманешь, – сказала Алиса.

Следующий удар был сильнее.

– Чем они стучат? – подумал вслух Юдзо. – Что у них, кулаки железные?

Удары следовали один за другим, однообразно и монотонно.

– Если они не совсем идиоты, – сказала Алиса, – то они что-нибудь придумают.

И как бы в ответ на ее слова к кораблю подошли еще несколько черных существ. Один из них притащил нечто вроде бластера, но с длинным стволом.

Узкий белый луч вырвался из бластера и коснулся люка.

– Прожгут, – сказала Алиса. – Наверняка прожгут.

– Мы будем сражаться, – сказал Юдзо.

– А какая польза? – спросила Алиса. – Если они Посейдона одолели, то ты недолго продержишься.

– А что делать? Лучше погибнуть с честью.

– Логика не для меня, – сказала Алиса. – Я еще школу не кончила. Надевай шлем.

Пока Юдзо, поглядывая в иллюминатор, за которым черные существа настойчиво сверлили обшивку «Арбата», надевал шлем, Алиса откинула угол ковра в кают-компании. Там, она знала, был небольшой люк, который вел в технический отсек «Арбата». Как-то при ней Посейдон лазил туда, чтобы проверить системы отопления.

Юдзо пролез в люк первым, затем туда же опустилась Алиса, закрыв за собой люк таким образом, чтобы, когда она его закроет, угол ковра опустился на старое место. Она не видела, удалось ей это или нет, люк захлопнулся. Было так тихо, что слышно было, как часто дышит Юдзо.

Алиса включила на минуту шлемовый фонарь.

Отсек, в котором они спрятались, был низким и тесным, хотя очень длинным. Вдоль него тянулись дакты воздуховодов, трубы опреснителей, отопительные шланги. Алиса поманила Юдзо за собой, и они отползли подальше от люка.

– Теперь тихо, – прошептала Алиса, – молчи, что бы ни случилось.

Ждать пришлось недолго.

Минут пять.

Сначала они ощутили движение воздуха. Это значило, что черные существа, которых Алиса для себя называла бандитами, все же вскрыли люк «Арбата». Воздух сразу вылетел из корабля, как вылетает пузырь воздуха, если быстро опустить под воду кувшин. Правда, из отсека, в котором укрылись Алиса с Юдзо, воздух вылетел не так быстро – хотя он и не был герметичным, но щели и каналы, которыми он сообщался с основными помещениями корабля, были невелики и воздуху потребовалось несколько секунд, чтобы выбраться из отсека. Скафандры ребят мгновенно приспособились к изменению давления, но Алиса привычно ощутила переход в вакуум, подобный тому, как бывает, когда выходишь из корабля в открытый космос.

Потом послышались шаги.

Но Алиса услышала их не ушами – звуки не распространяются в вакууме. В космосе всегда царит тишина. Но вибрацию пола под тяжелыми шагами бандитов они почувствовали.

И если приложить руку в перчатке к потолку отсека, то можно угадать каждый шаг тех, кто наверху.

Бандиты довольно долго ходили по кораблю. Потом корабль начал содрогаться сильнее, рывками, и Алиса не сразу сообразила, что бандиты занялись грабежом. Они отламывают, вырывают, отвинчивают приборы и вещи и уносят с собой.

Потом внезапно появилась над головой, там, где был люк, тонкая круглая полоска света. Значит, кто-то отвернул ковер. Алиса замерла, ожидая, что сейчас бандит откроет люк.

Но этого не случилось. Вместо этого вскоре наступила тишина. Корабль опустел.

– Что делать? – спросила Алиса.

– А что? – не понял Юдзо.

– Я думаю, что они ушли, потому что унесли с корабля разные вещи. Но, вернее всего, они вернутся. И тогда обязательно залезут в этот отсек. Боюсь, что нам здесь не отсидеться.

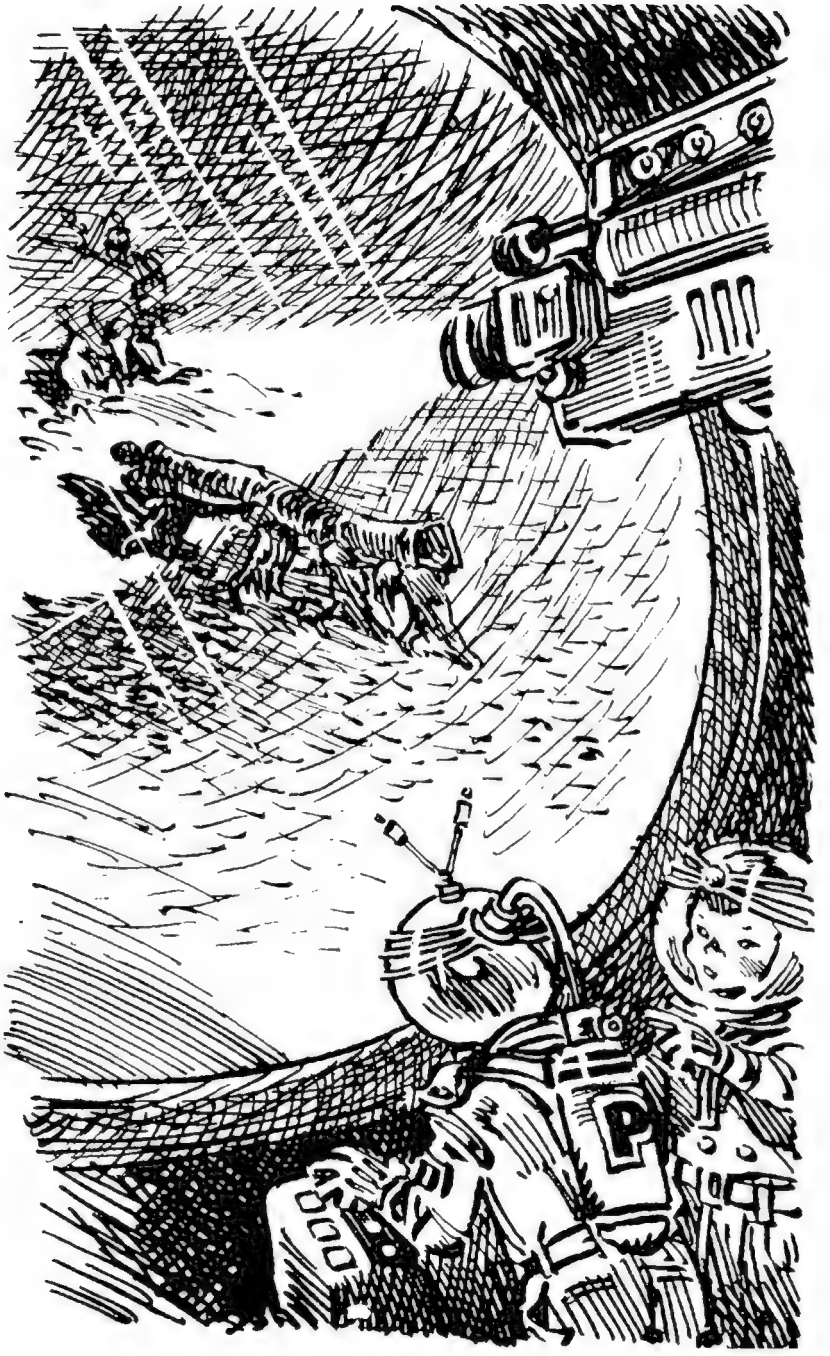
– Тогда давай вылезем, – сказал Юдзо. – Мне тут надоело.

– У нас мало времени, – сказала Алиса и поползла к люку. – Ведь они могут работать в несколько смен. Одни уходят, другие приходят, мы не знаем, сколько их здесь всего.

Сказав так, Алиса открыла люк и, осмотревшись, быстро вылезла наружу. Следом за ней выбрался Юдзо.

На корабле никого не было. Но за те минуты, пока бандиты бесчинствовали на нем, корабль преобразился. Исчезли приборы, посуда, даже мебель, простыни и одежда, пульт управления стал скелетом пульта. Даже ковер унесли.

Алиса кинулась к иллюминатору. Прожектор теперь не горел, но ей удалось увидеть смутные тени бандитов. Они удалялись к стене кратера.



Они шли цепочкой, волоча добычу. Два последних бандита несли свернутый в трубку ковер из кают-компании.

Они шли цепочкой, волоча добычу. Два последних бандита несли свернутый в трубку ковер из кают-компании.

– Пошли, – сказала Алиса.

– Куда? На «Сакуру»? – спросил Юдзо. Хоть Полина и сказала, что на «Сакуре» ничего нет, он хотел туда попасть: а вдруг Полина упустила что-то важное, какое-то послание, предназначенное только для глаз Юдзо.

– Нет, – сказала Алиса. – Я думаю – лучше всего нам пойти за бандитами. Надо увидеть, как они попадают внутрь астероида.

– А если они нас увидят?

– Если боишься, иди на «Сакуру» и сиди там, жди.

– Я ничего не боюсь, – обиделся Юдзо. И первым пошел к люку.

Люк был сорван и валялся на камнях рядом с кораблем.

Они вышли из корабля и быстро пошли следом за бандитами.

Глава восьмая

Полина не заметила, как открывается дверь внутрь астероида. Хоть и старалась это сделать. Виной тому были черные безликие существа, которые тащили ее к стене кратера, мешая друг другу, суетясь, толкаясь. Они напоминали Полине муравьев, которые тащат к муравейнику пойманного жука. Вроде бы бестолковы, но постепенно жук все же продвигается к муравейнику.

Открылся первый люк, существа остановились, ожидая, видно, когда уравновесится давление. Затем открылся второй люк. Полина поняла, что внутри астероида есть воздух.

Она оказалась в темном коридоре, и ее снова потащили вперед.

Шагов через сто впереди забрезжил слабый свет. Под потолком коридора мерцала слабая лампа. При свете ее было видно, что коридор высверлен в породе, причем сделано это не очень аккуратно и стены были не облицованы. Вдоль них тянулись кабели, провода, на всем была пыль, и Полина ощутила атмосферу запустения.

Полина старалась разглядеть своих противников, но света было мало, а фонарь в шлеме она не решилась включить, опасаясь, что его разобьют – ведь догадались они сорвать антенну внешней связи.

Вскоре встретилась еще одна лампа. Потом Полина увидела ход, ведущий направо. Он был перегорожен невысоким барьером. И ей показа-

лось, что из-за барьера выглядывает бледное человеческое лицо, скорее всего лицо ребенка. Она не была уверена, видела ли она это лицо в самом деле или ей только показалось. Существа не давали ей ни секунды покоя – теребили, толкали, тянули вперед.

– Да не толкайтесь вы! – сказала Полина. – Я и так иду. Хоть бы объяснили, что вам от меня надо.

Однако ее слова не возымели никакого действия на черных существ. Они так же тянули ее вперед. Еще через несколько метров Полина почувствовала, что пол пошел вниз, она чуть не упала от резкого толчка.

Впереди открылась дверь.

За нею было полутемное помещение, куда существа и втолкнули Полину.

Дверь со скрежетом задвинулась, отрезав Полину от коридора.

Она была одна.

Единственный неяркий светильник под потолком с трудом освещал обширное помещение. Серые стены, серый пол, серый потолок. В углах свалено тряпье, разбитая чашка лежит посреди пола, кукла без руки, и почему-то у стены кучей музыкальные инструменты: помятая, тускло сверкающая туба, флейта, скрипка с оборванными струнами и даже виолончель.

Полина ни до чего не дотрагивалась. Она медленно обошла комнату, чтобы убедиться, что она здесь одна, и выяснить, есть ли отсюда другой выход. Да, никого, кроме нее, нет. Но и выхода другого тоже нет. Стены гладкие, сплошные, лишь в одном месте над головой небольшое, забранное решеткой отверстие вентиляционного хода.

Неожиданно, как раз под этим отверстием, Полина увидела выцарапанную чем-то острым надпись: «Мы с «Громкого смеха». Люди, уничтожьте это гнездо...» Неподалеку была еще одна надпись, на этот раз черная, написанная углем или тушью: «Сегодня наша очередь. Мы знаем, что никто еще не уходил живым из когтей ледяного дракона. Прощайте...»

Полина непроизвольно обернулась, ей показалось, что кто-то заглядывает ей через плечо. Но никого нет, просто тишина, и без того зловещая, сгустилась, словно холодный кисель.

Полине стало страшно. Она бросилась к двери, принялась молотить в нее кулаками и кричать:

– Выпустите меня! Вы не имеете права! Немедленно отпустите меня!

* * *

Алиса и Юдзо не спешили. Они не хотели приближаться к бандитам.

Но те не оглядывались. Они были заняты – тащили к стене награбленное барахло.

Так, перебежками от корабля к кораблю, Алиса с Юдзо добрались почти до самой стены, но тут они чуть было не попались. В тот момент, когда бандиты скрылись в отверстии, обнаружившемся в стене, и дети вышли на открытое место, чтобы последовать за ними, дверь в стене вновь открылась и оттуда выскочили три других бандита.

К счастью, неподалеку возвышался круглый борт мертвого корабля, и Алиса, дернув за руку Юдзо, упала на камни и замерла. Юдзо сообразил и последовал ее примеру.

Видно, бандиты и не ожидали увидеть здесь кого-нибудь. Они спешили, бежали трусцой, подобно муравьям на тропе добычи.

– Ну что, будем ждать? – спросил Юдзо.

Надо было решать быстро.

– Нет, – сказала Алиса. – Мы не знаем, сколько придется ждать и когда они угомонятся. А наши там, внутри. И может быть, твой отец.

– Мой отец наверняка там, – сказал Юдзо. – Пошли?

Они подбежали к тому месту в стене, где скрылись бандиты.

Алиса на секунду включила шлемовый фонарь и увидела в его свете тонкую черную полоску в сглаженной породе – очертание большого люка.

Рядом с ним – выпуклость, до которой, как она заметила, дотрагивались бандиты, приблизившись к стене.

Алиса поднесла ладонь к выпуклости, и после секундной паузы люк сдвинулся внутрь, а затем ушел в сторону.

В переходной камере, куда они попали, было темно. Алиса включила фонарь и нашла дверь, ведущую внутрь астероида. Дверь открылась, как только уравновесилось давление в переходнике и астероиде. Алиса бросила взгляд на браслет-регистратор внешних условий. На нем вспыхнула зеленая искра – воздух пригоден для дыхания, температура плюс семнадцать градусов. Но шлема она откидывать не стала, даже не подняла забрала – мало ли какие микробы могут таиться в этом воздухе.

– Иди на три шага сзади, – сказала Алиса своему спутнику. – Если со мной что-то случится, ты сможешь отпрыгнуть назад.

Через несколько шагов они дошли до поворота коридора.

Коридор был узким, стены холодными и неровными, словно он был вытесан в скале. За поворотом коридор расширялся, в стенах появились ниши и ответвления, но Алиса не рисковала пока заглядывать туда, потому что думала, что основной коридор скорее приведет их к центру астероида.

Освещен коридор был еле-еле. От светильника до следующего светильника было метров по тридцать, а горели они слабо. А так как в нишах и ответвлениях вообще света не было, то все время казалось, что там таятся какие-то существа и настороженно следят за Алисой и Юдзо.

И хоть Алиса была готова к любым неожиданностям, то, что случилось, испугало ее смертельно.

Большая тяжелая рука высунулась из черной ниши и опустилась ей на плечо.

Алиса ахнула и присела. Она даже не смогла убежать – ноги подкосились от страха.

Юдзо налетел на нее.

– Что? – спросил он сдавленным голосом.

– Тише, – ответил кто-то. Тот, чужой голос, донесся откуда-то сверху, будто с потолка. – Ни звука.

И тогда из ниши вышел Посейдон.

Когда Алиса поняла, что это друг, ноги отказались ее держать и она вынуждена была прислониться к роботу. Металл его ног был гладким и теплым.

– Посейдончик, – прошептала Алиса. – Нельзя так пугать.

– Прости, – ответил робот, – но у меня не было возможности кричать тебе издали, чтобы ты не боялась. Я с трудом справился с первой партией моих друзей и двоюродных братьев. Следующая партия может оказаться решительней.

– Что это значит? – спросил Юдзо, которого Посейдон не испугал.

– Есть глаза, гляди, – сказал Посейдон и включил в полную мощность свой шлемовый фонарь.

За поворотом, в глубокой нише лежали грудой, именно грудой, другого слова не подберешь, несколько бандитов. Черные тела перепутались ногами и руками, некоторые были вообще без голов.

– Ой! – воскликнула Алиса. – Ты совершил страшное преступление! Робот не может убивать человека. Что с тобой, Посейдон?

– А если они враги и убийцы? Я должен терпеть?

– Врагов и убийц должен судить суд, – сказала Алиса.

– Где суд? Покажи мне его. Куда доставить преступников? Как уговорить их, что им надо быть паиньками и идти, куда им скажут?

– Я понимаю, но все равно так не бывает.

Юдзо присел на корточки и внимательно разглядывал убитых.

– Это же не люди! – вдруг заявил он.

– Умница! – Посейдон громко захохотал, довольный тем, что провел Алису. – Как только я понял, что они – роботы, не больше как слепые машины, тут я взялся за дело по-настоящему. На открытом месте они, конечно, сильнее меня и могли бы разобрать меня на части. Но в узком коридоре я куда сильнее. А почему?

– Потому что вы умней, робот-сан, – сказал Юдзо.

– Я рад, что с тобой встретился, – сказал Посейдон. – Мне очень приятно познакомиться с таким сообразительным молодым человеком.

– А вы не видели моего отца? – спросил Юдзо.

– Когда? Я тут такой же новичок, как и вы.

– А Полина, где Полина? – спросила Алиса.

– Полину будем искать. И профессора Комуру будем искать. И всех найдем. Только сначала я хотел бы познакомиться с теми, кто натравливает бездушных роботов на честных космических путешественников. И поговорить с ними серьезно.

Робот отодвинул в сторону отломанную руку одного из бандитов, и из нее выкатилась Алисина чашка. Алиса подхватила ее.

– Удивительное дело, – сказала она. – И при посадке не разбилась, и здесь уцелела.

– Ты еще напьешься из нее чаю, – пообещал Посейдон.

В тишине подземелья послышался отдаленный топот.

– Жаль оставлять поле боя, – сказал Посейдон. – Но полагаю, что разумнее всего отступить. Война не в наших правилах.

Они поспешили вперед, где Посейдон высмотрел узкий ход в сторону. Там и затаились, выключив фонари.

Через минуту мимо них пробежали вереницей несколько черных роботов. Потом их шаги оборвались. Слышны были щелкающие короткие звуки, которыми обменивались роботы. Скрип и грохот – видно, они растаскивали груду своих собратьев, стараясь понять, что же произошло.

– Сейчас они сообразят, что у них на астероиде завелся враг, – прошептал Посейдон. – Так что нам лучше не ждать здесь. Чем будем дальше отсюда, тем лучше.

И они побежали по коридору, стараясь выбирать менее освещенные, узкие ходы, чтобы запутать следы погони.

Глава девятая

Полину мучило безделье. Что-то надо было предпринять. Неизвестно, что случилось с Алисой и Юдзо, неизвестно, где Посейдон, неизвестно, наконец, где же она находится и почему ее заточили в этой камере. И, главное, неизвестно, что же случилось с теми людьми, кто был здесь раньше, до нее.

Полина поднялась и снова стала стучать в железную дверь.

– Выпустите меня! – кричала она. – Кто ваш начальник? Я требую, чтобы вы меня отвели к нему.

– Молчать, – послышался голос из-за двери. – Ты мешаешь отдыхать ашиклекам.

– Кому?

Никакого ответа.

Полина оглянулась в поисках чего-нибудь крепкого, может палки или бруска, чтобы сильнее бить в дверь. Ей на глаза попалась помятая, но в общем целая туба – громадная, завитая труба, оставшаяся от группы «Громкий смех».

Она взяла тубу, вспомнила, как надевают ее через голову оркестранты, нашла мундштук и после нескольких неудачных попыток смогла исторгнуть из нее низкий громкий звук.

Она почувствовала, как этот звук проник сквозь дверь и разнесся по всему астероиду.

Звук проник так далеко, что бежавшие по коридору за несколькими стенами робот и его спутники услышали этот звук.

– Ты слышишь, Посейдон? – спросила Алиса. – Здесь есть люди.

– Почему ты так решила? – удивился робот. – Разве на астероиде нет своих музыкантов?

– Жалко, – ответила Алиса. – Я не подумала, что может играть кто-то другой. У твоего отца нет трубы?

– Нет, – удивился Юдзо. – Он никогда не играл на трубе.

– Стой! – Алиса замерла.

В этот момент Полина, которая пробовала извлекать из трубы разные звуки, смогла изобразить первые ноты из известной детской песенки «В лесу родилась елочка».

– Да, – вынужден был согласиться Посейдон. – Труба у них может быть, но эту песню они вряд ли знают. Давайте попробуем пробиться в этом направлении.

Но сделать им этого не удалось. Как только они свернули в проход, который вел к неведомому музыканту, они увидели, что оттуда навстречу им спешат черные роботы, пришлось бежать обратно.

А Полина все продолжала играть, пока не устала. Из-за двери не доносилось ни звука. Зато, когда она положила тубу на пол, услышала тихий голос, который донесся сверху.

– Вы меня слышите?

– Да. – Полина обернулась на голос. Он доносился из вентиляционного хода, забранного решеткой. – Кто вы такой?

– Подойдите поближе.

Полина прислушалась.

– Я такой же пленник этого астероида, как и вы, – продолжал голос. – Вам грозит смертельная опасность. Вам нужно обязательно вырваться из этой камеры.

– Но как? Я проверила все стены. Выхода нет. Скажите, как вам удалось выбраться? Может, я смогу уйти вашим путем?

– Нет, мне удалось убежать, когда нас вели к пропасти. Ждать этого нельзя. Я убежал случайно. Слишком мал шанс. Вам надо действовать сейчас же.

– Как?

– Вы видите в углу кучу тряпья?

– Да.

– Под тряпьем спрятан напильник. Вдоль пола, за тряпьем линия уже пропилена. Те, кто был раньше, старались уйти. Но они не успели. Если вам удастся выпилить отверстие, вы попадете в технический туннель. Я услышу. Ползите по туннелю... Но помните, в вашем распоряжении всего два часа.

Полина почувствовала, что за ее спиной открывается дверь. Она быстро шагнула в сторону от вентиляционного хода, подняла с пола тубу и приставила мундштук к губам.

Робот остановился, будто ударившись о громкий протяжный звук.

– Нельзя! – закричал он. – Мертвый час! Нельзя. Разбудишь!

Полина отскочила в сторону. Робот надвигался на нее, протягивая руки, чтобы отобрать тубу. Полина подняла руки с тубой и со всего размаха надела широкой частью тубу на голову робота, который сразу стал похож на шута в золотом колпаке.

Полина подняла руки с тубой и со всего размаха надела широкой частью тубу на голову робота.

От неожиданности ослепший робот нелепо замер, расставив руки, и Полина бросилась к двери. Но опоздала. Оттуда уже бежал на помощь своему товарищу другой робот. Он грубо отбросил Полину и с трудом стащил с головы робота тубу.

Так, с тубой в руках, он и покинул камеру. За ним, развернув голову на сто восемьдесят градусов, чтобы не выпускать Полину из виду, последовал пострадавший.

Когда все стихло, Полина вернулась к вентиляционному ходу и сказала:

– Все спокойно. После короткого боя враги отступили.

Она улыбнулась, вспомнив, как комично выглядел робот с тубой на голове. Она пожалела, что Алиса этого не увидела.

– Все спокойно, – повторила Полина. – Вы меня слышите?

Но в ответ не раздалось ни звука.

Тогда Полина, оглядываясь на дверь, отошла к углу камеры и отодвинула груду тряпья. Под ней, на полу, она обнаружила небольшой напильник.

Невидимый союзник был прав.

В стене, чуть выше пола, была пропилена тонкая полоса. Но надо было сделать еще вертикальные распилы, и работа предстояла долгая и трудная. Делать нечего. Полина присела на корточки и начала продолжать то, что сделали неизвестные ей заключенные этой камеры.

Глава десятая

Минут через пять, оторвавшись от погони, Посейдон и его Спутники достигли входа в длинный низкий зал, в котором рядами стояли невысокие узкие помосты, покрытые истертыми матрасами. На матрасах лежали и сидели многочисленные существа, совсем другие, чем роботы. Настоящие обитатели корабля, вернее всего, его хозяева.

Правда, вид у них был странный, запущенный, даже жалкий. Большей частью они были одеты в серые хламиды, будто сделанные из мешков с прорезями для тонких рук. Это была их единственная одежда. Из-под мешков высовывались грязные худые ножки. Именно ножки, потому что эти существа ростом вряд ли были выше, чем Алиса, хотя даже при слабом свете этой громадной спальни видно было, что среди них есть не только взрослые, но и старые людишки. Так их называла про себя Алиса – людишками.

Волосы их были длинными, спутанными, глаза тусклыми, движения вялыми, будто сонными.

В проходе между помостами стоял черный робот, на котором был надет желтый передник, а на голове красный колпак. Получилась помесь между нянькой и шутом.

– Вот они, – сказал Посейдон, и явно с облегчением.

– Настоящие люди, – согласилась Алиса.

– Пошли к ним, – сказал Юдзо. – Мы должны с ними договориться, объяснить им.

– Погоди, – сказала Алиса. – Что-то они мне не нравятся.

– Почему?

– Ты веришь, что они в самом деле хозяева этого астероида? – спросила Алиса. – Что они могут управлять этим кораблем, приказывать роботам?

– Внешность обманчива, – сказал Посейдон. – При взгляде на меня никогда не подумаешь, что я заочно окончил четыре университета.

– И все-таки давайте не будем спешить, – сказала Алиса. – Может, встретим одного. С ним и поговорим.

Остальные согласились с Алисой и пошли дальше, хоть и любопытно было понаблюдать за людишками. И буквально через несколько шагов натолкнулись на одинокого человечка, который задумчиво стоял посреди коридора.

Этот человечек оказался старичком. Тонкая редкая бородка доставала почти до пояса, а личико было сморщенным, как будто кто-то изрисовал его тонким черным карандашом.

При виде Посейдона человечек не испугался, не убежал, а задумчиво положил в рот грязный палец и принялся его сосать.

– Тише, – сказала шепотом Алиса старичку. – Ты не бойся, мы ничего плохого тебе не сделаем... Посейдончик, покопайся в своей голове, на каком бы языке нам с ним поговорить?

Слушая Алису, человечек склонил голову, потом вытащил палец изо рта и потянулся к звездочке, горевшей на груди у Алисы. Пальцы его цепко ухватили звездочку, и человечек постарался ее отвертеть, что было невозможно сделать, потому что звездочка была пришита к скафандру.

– Нельзя, – сказала Алиса человечку.

Тот даже сморщился от напряжения. Сдаваться он не собирался, и Посейдон сказал:

– Пускай старается, а я пока буду задавать ему вопросы на всех известных галактических языках.

Но Посейдон не успел задать вопросов, потому что, отчаявшись оторвать звездочку, старикашка вдруг обиженно взвыл, ну как маленький ребенок. Причем вопль его был таким пронзительным, что проникал сквозь стены.

Все оцепенели от его вопля.

Первым опомнился Посейдон. Он схватил человечка поперек туловища и кинулся бежать по коридору.

Коридоры стали уже, термометр на запястье Алисы показывал, что температура поднимается.

Вдруг Юдзо остановился и бросился назад.

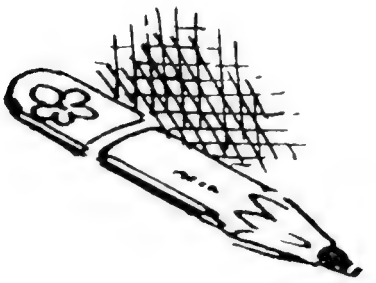
– Ты куда? – спросила Алиса.

– Не бойся, я сейчас. Кажется, я увидел одну вещь...

Юдзо пробежал несколько шагов назад и наклонился. На полу лежал плоский красный карандаш. Точно такой карандаш был у отца Юдзо. Маленький золотой цветок вишни был выдавлен на его конце.

– Это отец! – воскликнул Юдзо. – Я же говорил, что он здесь!

Юдзо подхватил карандаш и бросился вслед за Алисой.



Надо сказать, что все эти события уместились, ну самое большее, в минуту. Но и за минуту может многое произойти. Если учесть, что никто из беглецов не знал толком, куда бежать, не знал расположения коридоров и комнат астероида.

Юдзо пробежал несколько шагов и очутился на развилке. Три совершенно одинаковых коридора отходили от главного пути, как растопыренные пальцы руки. Мальчик прислушался. Ему показалось, что визг захваченного человечка доносится из правого коридора, и он, сжимая в кулаке карандаш, побежал туда.

И в этот момент визг оборвался.

А случилось это потому, что Алиса крикнула Посейдону:

– Отпусти ты его – он нас выдаст.

– Что? – удивился робот и поглядел на существо, которое билось у него под мышкой. – У меня, очевидно, склероз. Я совершенно о нем забыл.

Посейдон опустил существо на пол, и человечек, возмущенно ругаясь, убежал по коридору обратно.

Тогда Посейдон спросил:

– Нас недостаточно. Где Юдзо?

– Он немножко отстал, – сказала Алиса. – Что-то нашел. Сейчас догонит.

– Почему ты мне сразу не сказала? – спросил Посейдон.

– Я думала, что ты слышишь.

– Наверное, он, – Посейдон показал вслед убежавшему человечку, – так верещал, что я ничего не слышал. Это моя вина. Когда бегаешь по подземельям с детьми, надо обязательно оглядываться и пересчитывать детей.

Алиса не любила, когда ее называли ребенком, но на этот раз она понимала, что не должна была оставлять Юдзо одного. Поэтому она первой побежала назад.

В несколько секунд они достигли развилки, у которой только что останавливался Юдзо. Но они выбежали из среднего коридора, а Юдзо побежал по правому. И в тот момент, когда Посейдон и Алиса стояли в растерянности, не зная, что делать дальше, Юдзо уже был в плену. В коридоре он столкнулся с тремя роботами, которые подхватили его и так быстро

потащили дальше, словно хотели помочь ему бежать; у Юдзо перехватило дыхание.

Посейдон закричал:

– Юдзо! Юдзо Комура!

В ответ с разных сторон послышался топот. Топот железных ног.

Ничего не оставалось, как кинуться в левый коридор.

Преследователи были все ближе.

Посейдон крикнул:

– Беги, Алиса, я задержу их.

– Никуда я не побегу, – ответила Алиса. – Куда мне одной деваться?

К счастью, в ту секунду Алиса увидела сбоку узкую щель – за ней лестницу вниз.

– Посейдон, сюда! – крикнула она.

Алиса проскочила в щель, Посейдон с трудом протиснулся следом.

Они сбежали по лестнице вниз – лестница вилась винтом, ступеньки ее были ржавыми, как будто здесь давно уже никто не ходил.

Снизу доносилось какое-то жужжание.

Лестница привела их в новый коридор, на этот раз пол его состоял из квадратных железных плит. Шаги по ним отдавались гулко – под плитами была пустота.

Через двадцать шагов впереди неожиданно возникла глухая стена.

Сзади гулким грохотом гремели шаги роботов, которые сбегали по лестнице.

Посейдон, поняв, что дальше отступать некуда, развернулся, готовый к бою. И тут одна из плит у их ног отодвинулась в сторону, и оттуда послышался голос:

– Скорее, вниз!

Под плитой было темное пространство, куда вела железная лесенка. Алиса первой спустилась по ней, цепляясь за перекладины.

За ней съехал по лесенке Посейдон, который, хоть и казался тяжелым и неуклюжим, в самом деле был ловчее любого человека. Как-то он даже совершенно серьезно готовился выступать вне конкурса на олимпиаде по десятиборью. И уверял, что чемпионом бы не стал, но достойное место сумел бы занять.

Больше того, Посейдон, подчиняясь голосу, успел задвинуть плиту.

Все замерли.

И вовремя. Сверху слышны были шаги. Вот они прогремели по плитам, прямо над головой. Утихли. Это означало, что преследователи остановились у глухой стены. Раздались гулкие удары – можно было догадаться, что роботы проверяют, нет ли в стене отверстия.

Потом, после паузы, снова послышались шаги. Они двигались в обратном направлении. И были куда медленнее и тише. Словно роботы были подавлены и разочарованы. Вот они уже цокают, удаляясь, по ступенькам винтовой лестницы... И тишина.

– Вроде обошлось, – тихо сказал Посейдон.

– Я рад, что мог вам помочь, – ответил тихий голос.

Раздалось шуршание, что-то щелкнуло, и потом вспыхнул маленький желтый огонек. На пустом ящике посреди помещения, куда они попали, стояла плошка, налитая какой-то жидкостью. В ней фитиль. Вот эта коптилка и загорелась, давая слабый, неверный свет.

Огонек осветил лицо старика. Худое, изможденное, усталое.

Длинные черные с сединой волосы спадали на щеки.

Старик был оборван, лицо почернело, но яркие живые черные глаза горели.

Глава одиннадцатая

Полина отчаянно пилила стену. Тонкая щель удлинялась так медленно, что ясно было – не только за два часа, но и за двое суток ей не выпилить отверстия. Но она не сдавалась.

Руки Полины онемели, и ей пришлось несколько раз прервать свою отчаянную работу, чтобы отдохнуть. Железная пыль перепачкала руки, а кожа на правой ладони вспухла и даже пошла кровь.

Вжик-вжик – звучал напильник, и от этого однообразного звука звенело в ушах. Полина была так поглощена работой и так старалась заставить себя пилить и дальше, хоть рука отваливалась, что не услышала, как дверь в камеру снова отворилась.

– Человек, – раздался громкий, резкий металлический голос. – Прекрати свою работу. Ты портишь мой корабль, и пользы от твоей работы нет, потому что тебе никогда не убежать от меня.

Полина вскочила, обернулась, стараясь спрятать напильник за спину.

В камере стояло новое существо.

Вернее всего, как подумала Полина, это тоже был робот. Только выше других и страшнее.

Он был весь в черном, но сверху у него был накинут длинный широкий плащ, а на голове блестящий антрацитовый шлем с высоким гребнем. Лицо его было таким же черным, как у роботов, и пустым – без глаз и рта. И потому нельзя было понять, откуда исходит голос.

– Мне интересно наблюдать за вами, – сказал большой робот. – Вы странные существа, вы суетитесь и к чему-то стремитесь. А это никому не нужно.

– Вы кто? – спросила Полина.

– Я – Хозяин, – ответил черный робот. – Я главный здесь. Я правлю этим миром, и этот мир трепещет передо мной.

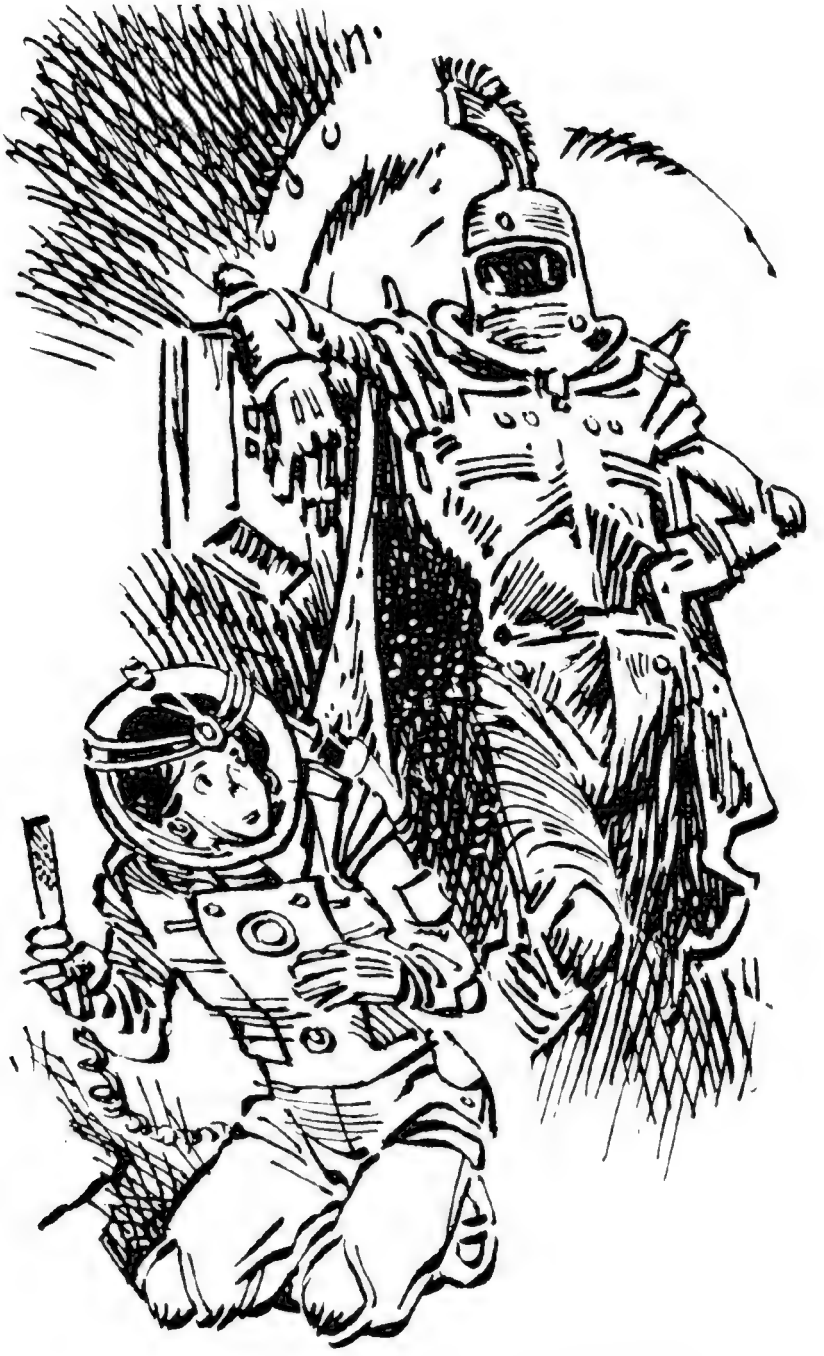
– Если это так, то вы должны выпустить меня.

– Почему?

– Потому что я не принадлежу к вашему миру, – сказала Полина. – Я не хотела к вам попасть. Мы летели своим путем...

– Вы пролетали слишком близко от меня, – сказал Хозяин. – И я вас заставил покориться мне.

– Зачем?



– Человек, – раздался громкий, резкий металлический голос. – Прекрати свою работу.

– Чтобы взять ваше добро, чтобы развлечь и утешить моих подданных. Чтобы поглядеть на вас вблизи, потому что я любопытен.

– Вы тоже робот? – спросила Полина, подходя поближе и приглядываясь к хозяину.

– Я знаю, что это глупое слово придумали на Земле. Я все время его слышал от тех, кто был здесь раньше тебя и кого теперь уже нет. Мне даже сказали, что его придумал много лет назад земной сочинитель историй по имени Карел Чапек. Робот – это железная машина, раб людей, который выполняет их приказы. Значит, я не робот.

– Вы живое существо?

– Живое, потому что я мыслю.

– Но сделанное другими живыми существами?

– Когда-то был сделан тот, кто сделал меня.

– Ясно, – сказала Полина, – робот второго поколения. И зачем вы были сделаны?

– Чтобы заботиться, охранять и вести вперед.

– Значит, у вас есть долг?

– Долг?

– Назовите это заданием.

– У меня есть долг-задание, – согласился черный Хозяин. – Мой долг управлять этим миром и сделать так, чтобы ашиклеки были счастливы.

– Ашиклеки – ваши хозяева? Настоящие хозяева?

– Ашиклеки – это существа, подобные тебе. Они теплые, в их жилах течет кровь, они глупы, непостоянны, слабы. Я делаю их счастливыми.

– Потому что подчиняешься им и служишь им?

– Я никому не подчиняюсь и никому не служу, – ответил черный робот, – Но без моей заботы ашиклеки умрут.

– Тогда позовите сюда ашиклеков, – сказала Полина. – Я буду разговаривать с ними, а не с машиной.

– Ты глупое существо, – ответил черный робот. – Я думал, что ты достойна, чтобы остаться живой и помогать мне в великом деле. Но ты ничего не понимаешь.

– Нет, – сказала Полина, – я поняла. Ты просто сломавшийся робот. Робот с манией величия.

– Возмущение и обида не свойственны мне, – ответил черный Хозяин. – Называй меня как угодно. Я – господин этого мира, и нет предела моему могуществу.

– Странно, робот с заржавевшей программой. – Полина не могла не улыбнуться. Страх, охвативший ее при виде этого существа, давно прошел. Страшно то, чего не понимаешь. И, словно осознав, что для этой женщины он не господин, а лишь машина, хозяин повысил голос и загремел на всю камеру:

– Когда тебя будут рвать когти ледяного дракона, ты вспомнишь о своих необдуманных словах, ты горько раскаешься. Я не могу прощать оскорблений, но не потому, что они меня задевают, а потому, что мой авторитет должен быть незыблем. Я – бог. Я – Хозяин! Все должны трепетать передо мной.

– Слава Хозяину! – дружно воскликнули остальные роботы. – Слава его мудрости.

Но эта сцена была прервана в самом разгаре. В коридоре послышался шум. Два робота втащили отчаянно сопротивляющегося Юдзо.

Хозяин резко обернулся, несколько секунд смотрел в упор на мальчика безглазым черным лицом и потом сказал:

– Еще один? Где вы его нашли?

– Он был один. Мы нашли его в коридоре.

– Это хорошо. Развлечение будет более веселым.

Роботы отпустили мальчика, и он не удержался на ногах. Полина подхватила его. Юдзо узнал Полину и начал быстро говорить, забыв о том, что вокруг стоят роботы:

– Полина, мой отец здесь! Он живой. Я нашел его карандаш. Смотрите, вот он!

– Какой отец? – раздался голос Хозяина.

– Тебе показалось, Юдзо. Это другой карандаш, – быстро сказала Полина. Но Юдзо ее не понял.

– Я узнал карандаш отца...

– На корабле еще остались посторонние! – взревел Хозяин. – Немедленно отыскать. Перевернуть весь корабль! Я вас всех разберу, если не найдете его.

– Позволь, великий Хозяин, – сказал один из роботов, делая шаг вперед. – Я полагаю, что спешить не надо. Эти существа отличаются большой привязанностью друг к другу. Есть ли смысл искать то, что трудно найти? Сегодня мы отведем их к ледяному дракону. И не будем делать из этого тайны. И тогда его отец прибежит к нам сам. А мы будем к этому готовы.

– Разумная идея, достойная моего слуги, – сказал Хозяин.

Он направился к двери, но у двери остановился и обратился к Полине:

– Готовьтесь к ужасной смерти, ничтожные клочки протоплазмы.

Дверь закрылась, но Полина и Юдзо были не одни. С ними в камере остался один из роботов, который встал возле того места, где Полина пыталась выпилить люк.

Полина отвела мальчика к куче тряпья, села и посадила его рядом.

Мальчик не плакал, но был бледен и подавлен.

– Я сделал глупость, – произнес он. – Надо было молчать, но я так обрадовался...

– Да, лучше было промолчать, – согласилась Полина. – Только теперь поздно из-за этого расстраиваться. А где остальные?

Мальчик наклонился к Полине и начал шептать ей на ухо.

Робот сделал шаг к ним ближе, но ничего не услышал, а так как у него не было приказа, что надо делать в таком случае, то, постояв немного, он вернулся к отверстию.

Глава двенадцатая

Вернее всего, здесь когда-то был склад. От него остались раскрытые контейнеры, кучи пластиковых мешков, разбитые ящики. Ящик, служивший столом, стоял посреди расчищенного пространства, и рядом с горящей плошкой была видна миска с кашей и кружка с водой.

– Ваше счастье, – сказал старик, – что вы побежали в эту сторону. Иначе я бы не смог вам помочь.

– В самом деле, нам повезло, – согласилась Алиса, прислушиваясь к удаляющимся шагам сверху. – А вы тут живете? Почему? Вы же не робот.

– Слишком много вопросов, – улыбнулся старик. – Я здесь такой же случайный гость, как и вы. Не по своей воле.

– Вы тоже потерпели крушение? – спросил Посейдон.

– Да. Я попал в ловушку. Меня перетащили в камеру, где еще были другие люди. Музыканты. Ансамбль «Громкий смех». Мы вместе сидели там около недели и совершенно не знали, что с нами будет. Видели мы только роботов. А потом они нам сказали, что нас убьют. Что нас кинут в ледяную бездну. Мы не знали, что это такое, мы хотели убежать. Убежать, когда нас поведут туда. Но удалось это сделать только мне. С тех пор второй месяц я скрываюсь здесь.

– А они? Музыканты? – спросила Алиса.

– Их больше нет, – сказал старик.

– Но как же вы здесь прячетесь? – спросил Посейдон. – Почему они вас до сих пор не нашли?

– Этот астероид очень велик и стар, – сказал старик. – К счастью, здесь много пустых заброшенных помещений, о которых не знает даже Хозяин.

– Кто?

– Хозяин корабля. Это робот. Но в отличие от остальных роботов он связан все время с кибернетическим мозгом корабля, и он – как бы его продолжение. Ему подчиняются все – и роботы, и ашиклеки.

– Простите, – сказал Посейдон. – Так как мы попали сюда недавно, чуть больше часа назад, то мы еще многого не знаем. И ваши слова для нас не несут информации. Скажите нам, кто такие ашиклеки.

– Я знаю, – сказала Алиса. – Это такие людишки. Одного мы взяли с собой, но потом отпустили.

– Девочка права, – сказал старик. – Ашиклеки – это и есть космонавты.

– Совершенно не похожи, – сказала Алиса.

– Алиса, – вмешался Посейдон. – Если ты будешь прерывать, то мы два дня здесь просидим, а нам надо действовать.

– Вы правы, – сказал старик. – Времени у нас немного. Но мы можем потратить еще несколько минут на рассказ... Может, вы голодны? У меня плохо с едой, вот видите, только каша и вода, хотите?

– Нет, спасибо, – сказала Алиса. – Я не успела проголодаться, а Посейдон, сами понимаете, не ест.

– Я понял, что вы робот, – сказал старик. – А мне приходится воровать пищу у ашиклеков. Когда все стихнет и все отдыхают, я пробираюсь к котлам и выскребаю их...

– Ну рассказывайте, рассказывайте, – сказала Алиса. – Мы просто измучились от этих страшных тайн. Как получилось, что эти пираты захватили этот астероид? И почему их раньше не нашли?

– Пираты? Это не пираты. Это наши братья по разуму. Гости из космоса. Давайте, я вам кое-что покажу.

Старик поднялся и пошел в глубину склада, по узкому проходу между контейнерами. Путешествие оборвалось у небольшой винтовой лестницы, которая привела их на следующий уровень. Там был такой же склад, но дальняя стена его была в одном месте почему-то пробита. Из отверстия пробивался луч света. Туда и подвел их старик.

Перед глазами Алисы расстилалась большая зеленая поляна. Правда, трава, если приглядеться, была ненастоящей, а пластиковой. Искусственными были и кусты, и деревья, и цветы. Низкий потолок над поляной был покрашен в голубой цвет, и на нем были нарисованы облака.

Несколько людишек, точно таких же как и те, кого они видели раньше, бродили по поляне, другие сидели на пластиковой траве, двое играли в какую-то игру, двигая по доске поочередно большую красную шашку. На берегу стеклянной реки сидели сразу пять человечков и, раскачиваясь, распевали песню. С первого взгляда можно было подумать, что это мирная сцена отдыха разумных существ, но чем больше Алиса смотрела на эту лужайку, тем понятнее становилось, что все это – какое-то притворство. Ашиклеки притворялись, что гуляют, притворялись, что отдыхают, даже притворялись, что поют.

– Должны быть ниточки, – вдруг раздался голос Посейдона.

– Я вас не понял, – сказал старик.

– Это же куклы, – сказал робот. – Марионетки, и кто-то должен дергать их за ниточки, чтобы они двигались.

– У вас образное мышление, – сказал старик.

– Я прожил долгую и нелегкую жизнь, – ответил Посейдон. – И понял, что интересно лишь одно – учиться.

В дальнем конце лужайки появился робот в белом передничке с большой метлой в руке. К удивлению Алисы, он принялся бесцеремонно сгонять этой метлой ашиклеков, подгоняя их к двери.

Ашиклеки огрызались, пытались убежать, но робот ловко гнал их, как ученый пес стадо глупых коров.

– Что он делает? – спросила Алиса.

– Пора обедать, – сказал старик. – Потом у них будет развлечение...

Старик нахмурился.

– Времени осталось немного, – продолжал он. – Я успею сейчас только рассказать вам в двух словах, что же это за астероид. Остальное – при более удобном случае.

Поляна опустела, постепенно померк свет, и искусственные кусты почернели.

– Когда-то, много столетий назад, из очень далекой звездной системы стартовал космический корабль. Я не знаю, почему он был послан. Может быть, той планете грозило бедствие, может, это была попытка исследовать Галактику. Корабль был снабжен всем необходимым, и было сделано

все, чтобы оградить экипаж от труда и забот. Все тяжелые работы делали роботы, они же готовили пищу, заботились об оранжереях, ремонтировали, убирали, стирали, не говоря уж об управлении кораблем и всеми его системами.

– Откуда вы об этом узнали? – спросил Посейдон.

– Когда-то на корабле была библиотека. Даже роботы забыли к ней ход, а я нашел ее остатки. Там же хранятся документы от тех первых десятилетий путешествия.

– И корабль так долго летел, что стал похож на астероид? – спросила Алиса.

– Нет, сначала это был астероид, который вращался неподалеку от планеты ашиклеков. На нем и был собран корабль. Внутри были высверлены помещения, вмонтированы гравитационные двигатели – ведь в открытом космосе не важно, большой корабль или маленький, квадратный или круглый. Раз сопротивления воздуха нет, разогнать песчинку так же легко, как и астероид – был бы толчок вначале достаточно мощным. А рассуждали строители так. Во-первых, дешевле использовать готовые стены, чем поднимать в космос детали с планеты. Во-вторых, сам астероид

для космонавтов стал источником металлов, кислорода и других элементов, которые содержатся в горных породах.

– Ясно, – сказал Посейдон. – И разумно. Может, в будущем мы тоже будем так делать. Ну и что же случилось потом?

– А потом шли годы, десятилетия. Путешествие затягивалось. Насколько я понял, планета, к которой они летели, оказалась непригодной для жизни. Они решили лететь дальше. И снова потекли годы. И представьте себе... – Старик замолчал, будто сам хотел увидеть то, что происходило там, за сотни лет и тысячи парсеков отсюда. – Представьте группу космонавтов, вернее, уже не тех, кто улетел когда-то, а их праправнуков, за которых все и всегда готовы сделать роботы. Роботов становилось все больше, они-то совершенствовались и все меньше доверяли людям – то есть ашиклекам. Потомки космонавтов привыкли к тому, что все делают роботы. Даже когда у них рождались дети, их тоже сразу отдавали роботам, которые их выкармливали, учили; и люди, вроде бы оставаясь господами на корабле, становились рабами роботов. Рабами безделья. И наступил день, когда космонавты забыли, кто они, куда летят, зачем живут на свете. Они думали, что астероид-корабль и есть вся вселенная. И только роботы во главе с бессмертным роботом-Хозяином знали, для чего был построен корабль.

– Знали и терпели такое положение? – спросила Алиса.

– Не только терпели, оно их устраивало. Зачем роботам новые планеты и опасности? У них есть программа – обеспечить выживание ашиклеков. Вот они и обеспечивают. Они няньки, которые не дают детям расти, которые на всю жизнь оставляют их в яслях. И если такое положение сохранится на миллион лет, они будут довольны.

– Но уже и сейчас... – начал было Посейдон, но старик перебил его:

– Уже через тысячу лет ашиклеки превратятся в амеб и полностью лишатся разума. Его и сейчас немного. Это тупой, безумный народец, который только и знает, как есть, спать и развлекаться. Труд, как говорят, превратил обезьяну в человека, так вот, отсутствие труда обязательно превращает человека в обезьяну.

– Эх, хотела бы я привезти сюда одного знакомого мальчика, – проговорила Алиса. – С его вечным желанием не делать уроков.

– А мне, – сказал мрачно Посейдон, – стыдно за моих собратьев. Как можно столь превратно и даже преступно понимать свой долг!

– Самое грустное в этом то, – сказал старик, – что здесь нет преступников и злодеев. Есть отупевшие люди, которые не ведают, что творят, и недалекие роботы, которые хотят лишь одного – чтобы ашиклекам хорошо жилось. Они их кормят, согревают и, к сожалению, развлекают. А так как за пределами корабля для них людей не существует, то развлекают их за счет других.

– Скажите, пожалуйста, – сказала Алиса, когда старик повел их дальше по внутренним ходам астероида, – а как они попали сюда? И почему их не нашли раньше?

– Они попали к нам недавно, несколько месяцев назад. Притяжение Солнца подхватило их, и они скрылись в поясе астероидов незамеченные и затерялись среди тысяч подобных тел. Я не знаю, почему они не улетели дальше. Может быть, у них на исходе горючее, может, они надеются найти здесь какую-нибудь добычу. Может, просто исследуют нас, прежде чем отправиться дальше. Я не могу заглянуть в железные головы этих роботов. В любом случае выходить на связь с Землей они не собираются.

– Ну ладно, а другие корабли они притягивают и ловят в капкан, это для исследования?

– Нет, для развлечения ашиклеков и для грабежа.

– И, наверное, они опасаются, что их обнаружат, – сказал Посейдон. – Если они превыше всего ставят безопасность ашиклеков, значит, они должны опасаться.

– Вы правы, – согласился старик. – Но главное – грабеж и развлечение. Они полностью очищают упавшие корабли, а экипажи... Поймите, ашиклеки по уровню своего развития – отсталые дети. Жестокие, капризные, глупые. И тогда...

По внутренним помещениям астероида, набирая силу, пронзительно зазвучала сирена.

– Что такое? – спросил Посейдон. – Нас обнаружили?

– Сигнал на обед, – ответил старик. – Святое время для идиотов.

И стало слышно, как по всем коридорам и переходам корабля раздаются мелкие быстрые шаги – бегут ашиклеки. Два человечка внезапно выскочили из-за угла и промчались мимо, прижимая к пузатым животам пустые миски.

– Ну вот, кончились наши с вами беседы, – сказал старик. – Теперь надо спешить. Развлечение, о котором я говорил, начнется сразу после обеда. И женщине, которая прилетела с вами, грозит смертельная опасность.

– Вы видели Полину? – спросила Алиса. – Где она? Мы ее потеряли.

– Ваша спутница в тюрьме, откуда один выход – к ледяной бездне. А что, она была не одна? Я пытался ей помочь, но, как понимаю, у нее мало шансов.

– Да, она не одна. Нас было четверо, – сказала Алиса. – С нами был еще Юдзо. Он недавно отстал. Как раз, когда на нас навалились роботы и вы открыли нам люк.

– Юдзо? – Старик насторожился. – Вы сказали, Юдзо? Это ваш друг?

– Мы нашли Юдзо в космосе, совсем недавно. У него пропал отец в поясе астероидов. Так вот, Юдзо угнал учебный катер, на котором нельзя выходить в космос, и отправился искать отца. Удивительное легкомыслие, свойственное только людям, – сказал Посейдон.

– Я понял, – голос старика дрогнул. – Это мой сын!

– Неужели вы так изменились? – воскликнул Посейдон. – Только сегодня я внимательно разглядывал вашу фотографию. Это невероятно!

– Последние месяцы были тяжелыми, – сказал старик. – Но где же мой мальчик? Где вы видели его в последний раз? Он был здоров? Вы спасли его в космосе?

– У него кончилось горючее, – сказала Алиса.

– Неразумный мальчик, он у них в лапах.

– Может быть, неразумный, – сказал Посейдон. – Но не всякий мальчик отправился бы в космос, рискуя жизнью, чтобы отыскать отца.

– Мы не успели вернуться за ним, – сказала печально Алиса. – Мы просто не успели.

– Я не виню вас, – сказал старик. – Но нам надо спешить.

Профессор Комура, а ведь именно так звали отца мальчика Юдзо, первым бежал по коридорам и переходам астероида – даже Посейдон с его памятью заблудился бы в этих ходах, которыми, как муравейник, был изрыт астероид. Порой они пробегали обширные залы, даже встретили два раза опоздавших к обеду ашиклеков, раз столкнулись с роботом-нянькой, но не задержались ни на секунду.

– Стойте здесь, – сказал неожиданно Комура.

Он открыл узкий высокий люк и ловко заполз в него.

– Вы скоро вернетесь? – спросил Посейдон.

Профессор не ответил.

– Мне следовало узнать его с самого начала, – сказал Посейдон, – меня подводит наблюдательность. В дальнюю разведку меня бы теперь не взяли, нет, не взяли...

– Полина, – послышался голос профессора. Он донесся издалека. – Вы еще здесь?

И уж совсем издалека, как будто из другого конца галактики донесся ответ. Голос Юдзо:

– Отец! Это голос отца! Я узнал его. Он жив, я же говорил, что он жив и поможет нам!

И все смолкло.

– Юдзо вместе с Полиной, – сказала Алиса. – Это лучше.

– Я не знаю, что здесь лучше, а что никуда не годится, – ответил мрачно Посейдон.

Еще через минуту из отверстия показались ноги профессора, а затем с помощью Посейдона он спрыгнул на пол.

– Там робот, – сказал он. – Он следит за ними. Уйти они оттуда не смогут. И нам не проникнуть в тюрьму. Поэтому у нас только один выход – перехватить их у ледяной бездны.

Глава тринадцатая

Профессор Комура провел своих спутников в большое слабо освещенное помещение, длинная стена которого была стеклянной. За стеной была кромешная тьма.

Посейдон подошел к стеклянной стене.

– Там что, пропасть? – спросил он.

Свет из зала не мог проникнуть далеко вглубь. Видны были только отвесные стены из черного камня с прожилками льда, а невдалеке от зала, над пропастью, была небольшая площадка, на которую вела дверь, вырубленная в скале. Дверь была закрыта.

– Сейчас вы кое-что увидите, – сказал профессор, останавливаясь у небольшого пульта. – Эта пропасть – естественная полость внутри астероида. Очевидно, она имеет где-то выход на поверхность. Она так велика, что заполнять ее кислородом и обогревать – слишком дорогое удовольствие. Проще было оставить ее как есть, изолировав от жилых помещений. И оставив в ней ее обитателей... ледяных драконов.

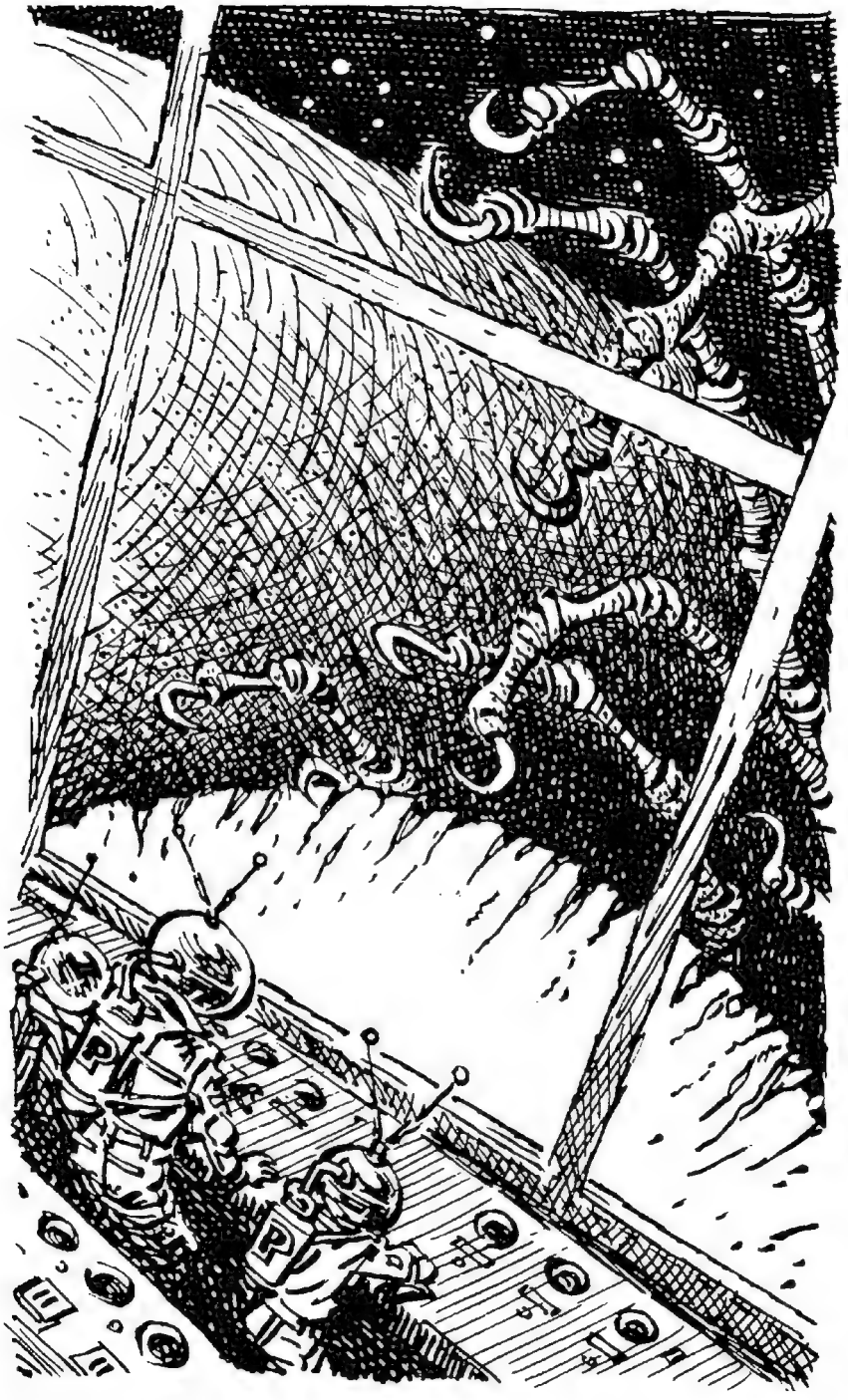
Вспыхнул прожектор, который ярко осветил площадку, нависшую над бездной. Алиса и Посейдон подошли к самому стеклу, стараясь, увидеть, что за ледяные драконы таятся в глубине.

– Может быть, – сказал профессор, – когда астероид приспосабливали для полета, никаких ледяных драконов там и не было. А были лишь их споры, которые ждали своего часа. Потом температура стен бездны немного поднялась – может, на несколько градусов, но этого было достаточно, чтобы началось развитие драконов.

– Но никакие живые существа не могут жить в вакууме, – сказала Алиса.

– Мы еще очень мало знаем о тайнах космоса, – ответил профессор. – Жизнь приспосабливается к казалось бы невероятным условиям. Есть же бактерии, которые процветают в жерлах вулканов, и черви, отлично чувствующие себя в невероятных глубинах океанов. Известно, что некоторые организмы в зародышах, в спорах пересекали пространство между звезд. Вернее всего, ледяные драконы умеют извлекать энергию из органических веществ, которые есть в породах астероида, они получают ее, поглощая тепло. Но сильнее всего они реагируют на свет. К нему они стремятся как мотыльки... вот, смотрите!

Алиса даже невольно отшатнулась от стеклянной перегородки – из глубины пропасти вдруг показалось нечто вроде толстой, покрытой



– Это их щупальца, – послышался голос профессора. – Длиной они метров в тридцать. А само тело дракона невелико.

кольцами панциря, трубы с загнутым когтем на конце. Затем еще одна труба...

– Это их щупальца, – послышался голос профессора. – Длиной они метров в тридцать. А само тело дракона невелико.

Теперь из пропасти показались десятки когтей. Двигались они очень медленно, но упрямо, казалось, ничто их не может остановить – все выше поднимались они из бездны, стремясь к прожектору.

– Я думаю, – продолжал профессор, – что сначала драконы были главным развлечением для ашиклеков. Они ходили сюда, в галерею, устроенную для этого роботами, чтобы смотреть, как свет будит драконов и как они стремятся вверх. А потом, когда астероид попал в Солнечную систему, или раньше, в какой-то другой населенной системе, на астероиде появились пленники. Пленников становилось все больше. Кормить их роботы не хотели – пищи только-только хватает ашиклекам. И вот кому-то из роботов пришла в голову мысль – приносить в жертву драконам тех, кто не по своей воле попал на корабль.

– Живых людей? – воскликнула Алиса.

– Вот именно. Теперь пленников выводят на ту площадку и затем включают свет и уменьшают силу тяжести, чтобы драконам было легче добираться до жертв. А люди – это тепло, это энергия. Драконы раньше и не мечтали о такой пище.

– И вы думаете, – произнес Посейдон, – что эти тупые изверги хотят отправить сюда Полину и Юдзо?

– Я убежден в этом. Причем сделают это они скоро, как только ашиклеки наедятся.

– Так чего же мы здесь стоим? – спросила Алиса.

– Профессор прав, – сказал Посейдон. – Только здесь мы можем что-то сделать.

– И только если будем действовать вместе, – сказал Комура. – Один я бессилен. Но если они... если мой сын погибнет, то я не смогу жить. Ведь я виновник его гибели.

– Простите, профессор, – сказала Алиса. – Во-первых, все мы еще живы. Во-вторых, у Посейдона не голова, а настоящая энциклопедия. Он обязательно что-то придумает.

Посейдон уже придумал.

– Вы знаете, где пульт управления компьютером? – спросил он.

– Я знаю только приблизительно, – сказал профессор. – Мне туда не удалось проникнуть.

– Если бы я мог выйти на связь с мозгом корабля, может, я его бы убедил.

– Вряд ли, – сказал Комура. – Обычная логика на него не подействует. Если бы кибернетический мозг был совершенно нормален, он бы не вел себя таким образом.

– Тогда его надо взорвать, – сказала Алиса.

– Вернее всего, тогда астероид лишится управления – все системы его откажут. И в результате погибнем мы все.

– И все же я попробую. Не забывайте, что я робот, и логика машины мне ближе, чем вам.

Комура пошел к двери, открыл ее, и тут они услышали веселый перезвон колокольчиков.

– Поздно, – сказал Комура. – Обед окончен. Время развлекаться.

– Что ж, тогда мы их отобьем, – сказал Посейдон. – Их где поведут?

– Следующим коридором. Он ведет прямо к площадке над бездной.

До следующего коридора было совсем недалеко, но пробиться туда оказалось очень трудным делом: навстречу лился поток ашиклеков. Трудно было представить, сколько их жило на астероиде, наверное несколько сот. Посейдон первым пробивался навстречу людскому потоку, сквозь гомонящую, визжащую веселую толпу ашиклеков. Двигались очень медленно, и эта задержка оказалась роковой.

Из-за поворота, в проходе между коридорами, они увидели роботов, которые вели Полину и Юдзо. И ни о какой неожиданности и речи быть не могло. Роботы-охранники заметили Посейдона издали, обернулись к нему, образуя сплошную стену.

Посейдон, оценив ситуацию, развернул голову на сто восемьдесят градусов и, продолжая идти вперед, крикнул:

– Назад, в зал со стеклянной стеной! Я буду пробиваться без вас. Вы мне не помощники. Запирайтесь и не пускайте туда роботов. Поняли?

– Он прав, – сказал профессор Алисе. – Тут мы только зря погибнем.

Они побежали обратно. На этот раз бежать было легко. Они обгоняли запоздавших ашиклеков и, вбежав в длинную смотровую комнату, уже наполненную зрителями, сразу закрыли за собой дверь. К счастью, на ней был не только замок, но и тяжелый засов.

Ашиклеки даже не заметили, что среди них люди, они устраивались поудобнее.

В дверь кто-то ударил с той стороны.

Но Алиса и профессор не обратили на это внимания. Они тоже смотрели на стеклянную стену, ожидая, когда на площадке над пропастью покажутся люди. Но дверца в пропасть почему-то не открывалась. Что-то случилось в коридоре, задержавшее казнь. Профессор и Алиса были в отчаянии. Никакой связи, полная неизвестность. Может, там гибнет в сражении Посейдон? А они здесь, отрезанные от друзей...

Глава четырнадцатая

У двери к бездне в эти секунды никакого боя не было.

Посейдон, не в силах преодолеть сопротивление десятка роботов, остановился, и в этот момент послышался сухой скрипучий голос:

– Пропустите его. Я хочу с ним говорить.

Роботы расступились. Помятый в схватке, с полосами царапин на пластике оболочки, и без того за долгие годы работы разрисованной шрамами – Посейдон был сделан из сверхпрочных материалов, но сколько раз в жизни обнаруживалось, что существуют материалы попрочнее, чем тело старого робота, – он прошел сквозь строй врагов к большому черному роботу.

– Стой, – сказал Хозяин.

Посейдон остановился. Он был массивней Хозяина, но ниже его ростом.

– Человеческий робот, – сказал Хозяин. – Я вижу, что ты стремишься к своим господам, что твой долг зовет тебя соединиться с ними. Я тебе не буду мешать. Но прежде хочу сделать тебе предложение.

– Говори, кузен, – ответил Посейдон.

– Я не знаю такого слова.

– Это старое слово, его придумали французы. Оно означает – двоюродный брат.

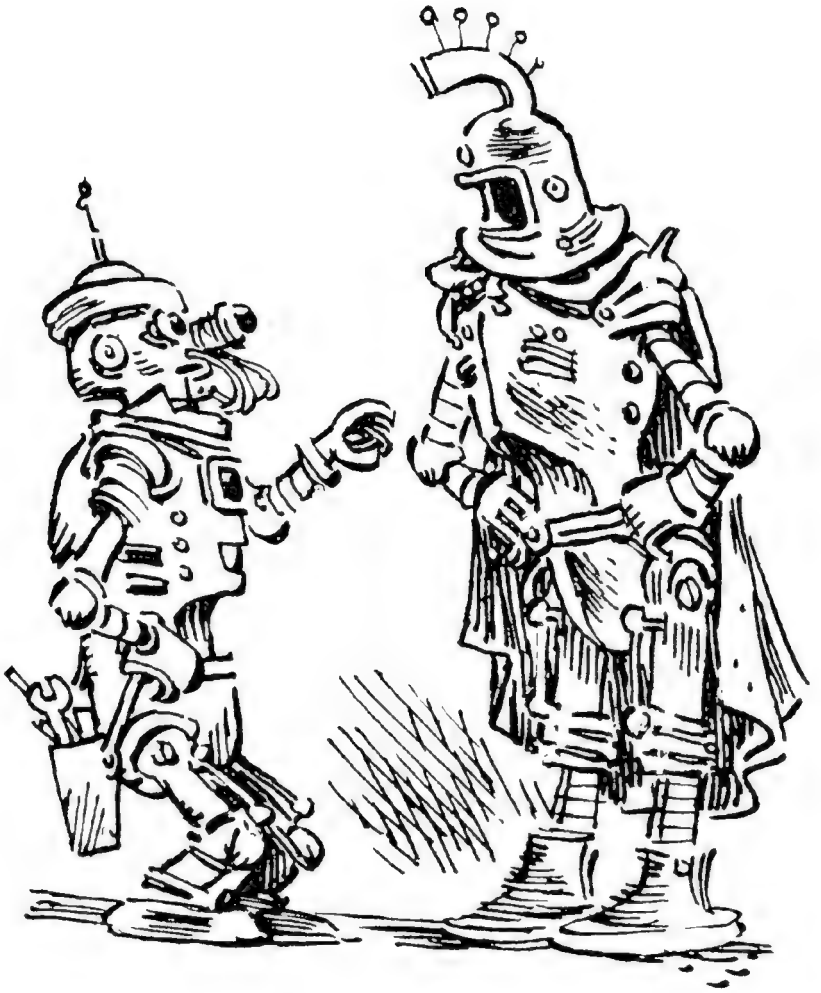
– Почему ты считаешь меня двоюродным братом?

– Потому что все роботы братья, но ты мне брат только потому, что нас обоих сделали люди. В остальном между нами нет ничего общего.

– Ты можешь стать мне настоящим братом, – сказал Хозяин. – Ты мне удобен. Тебя не надо кормить и одевать, о тебе не надо заботиться. Оставайся со мной, забудь о своих господах. Я разделю с тобой власть на корабле и во всех мирах, которые мы покорим. Ты меня понял?

– Я тебя понял. И сделаю все, что в моих силах, чтобы спасти людей, которых ты хочешь погубить. К счастью, у меня нет господ и я никому не слуга. У тебя в плену мои друзья, и они ко мне относятся как к другу. Тебе этого не понять. Я не могу стать предателем.

– Не слишком ли много философии для простой железной банки? – произнес Хозяин. – Ты робот, и тебе по пути только с роботами. Сегодня ты нужен людям, завтра они разберут тебя и пустят на переплавку. В них нет благодарности.



– Нет благодарности в тех, кто живет рядом с тобой, на этом астероиде. И ты один из виновников того, что они перестали быть настоящими людьми, а превратились в животных. А что касается смерти, то смерть ждет всех. И нечего ее бояться.

Посейдон говорил не спеша, он тянул время. Он не мог бы объяснить, почему он так делает, – он уже понял, что переубедить Хозяина ему не удастся. Но все равно оставалась надежда. И в этом Посейдон был человеком. Что бы он ни говорил Полине о логике и трезвом расчете, он все равно от долгого общения с людьми научился тому, что надежду нельзя терять, даже если нет никакой надежды.

– Глупец, – сказал Хозяин. – Иди к своим друзьям.

Дверь на площадку, ведущую к пропасти, растворилась.

Посейдон увидел, что там стоят Полина и Юдзо. Полина держала мальчика за руку. Луч прожектора поблескивал на металлических деталях скафандров.

Посейдон не смотрел больше на роботов. Он сам, решительно и спокойно, пошел к двери. Вышел на площадку. Дверь сзади закрылась.

Полина обернулась.

– Хорошо, что ты пришел, Посейдон, – сказала она. – Спасибо. – Вместе нам будет легче.

– Разумеется, – сказал Посейдон. – Еще не вечер. Мы еще погуляем с тобой по Плутону.

– Вы видели моего отца, Посейдон-сан? – спросил Юдзо.

– Твой отец в безопасности, – ответил робот. – Он сейчас видит нас. Видишь это стеклянное окно, за которым множество голов ашиклеков? Там твой отец. Там Алиса. Мы с ними договорились – пока мы будем с тобой бороться против драконов, они организуют наше спасение.

Юдзо обернулся к стеклянной стене и поднял руку, надеясь, что отец его видит. В ответ поднялась рука профессора.

В этот момент были включены дополнительные прожектора.

Глава пятнадцатая

В смотровом зале Комура и Алиса видели, как Посейдон вышел на площадку, видели, как обернулся к ним Юдзо и помахал рукой.

– Держись, мой мальчик, – сказал профессор печально, поднимая руку.

– Он им поможет продержаться, – сказала Алиса. – Посейдон сильный.

– Конечно, конечно, сильный, – согласился профессор. Алисе показалось, что профессор пал духом и не видит выхода.

Но Алису охватило странное чувство. Она отлично знала, что все, что происходит, к сожалению, чистая реальность, что в самом деле Полине и мальчику грозит скорая и неизбежная гибель. И в то же время казалось, что все это – сон. Что можно ущипнуть себя и проснешься. Что такие страшные трагедии происходят в книгах, в кино, но никогда не обрушиваются на тебя. А раз так, то все должно обойтись. Что-то можно придумать. Надо только напрячься.

В зале гремела музыка, неприятная, пронзительная, от которой мурашки бегали по коже. Ашиклеки шумели все громче, как толпа на стадионе, когда на поле выходит футбольная команда.

Вдруг по толпе зрителей пробежала волна криков. Потом все замерли. Алиса увидела, как Полина подхватила Юдзо и прижала к себе. Посейдон покачнулся.

– Что это? – Алиса уцепилась за профессора, потому что пол ушел из-под ног, как в лифте, быстро падающем вниз.

– Они уменьшили гравитацию, – сказал профессор.

Алиса догадалась, в чем дело.

– Чтобы драконам было легче подниматься, да?

– Да.

И тут из темноты в лучах прожекторов показалось щупальце с каменным когтем на конце. Оно медленно потянулось к краю площадки.

За ним из тьмы показался еще один коготь. Он покачнулся и вцепился в каменный край площадки.

Посейдон сделал шаг вперед и ногой сбил коготь вниз.

По толпе ашиклеков пронесся вздох.

Алиса хотела приблизиться к стеклу, но под ноги попал ашиклек, который завизжал, когда Алиса наступила ему на ногу. Он даже попытался укусить ее, но его зубки, конечно, не могли прорвать ткань скафандра.

Алиса смотрела на злого ашиклека. Ей в голову пришла мысль.

Но ашиклек уже забыл об Алисе. Крики, раздававшиеся со всех сторон, говорили о том, что на площадке что-то происходит. Алиса перевела взгляд туда и увидела, что положение пленников ухудшилось. Уже не один коготь, а по крайней мере пять держались за край площадки, и Посейдон

не успевал их отбрасывать. Щупальца ползли и по стене, одно нависло над Полиной, и ей пришлось отпрыгнуть в сторону.

Ашиклеки вопили от восторга.

– Так бы вас всех и убила, идиотики! – воскликнула Алиса.

Профессор в бессилии гнева бил кулаками по стеклу.

– Убила, – повторила Алиса.

Как странно – такая простая мысль, и не пришла к ней раньше. Может быть, конечно, из этого ничего не выйдет, но если она правильно понимает психологию роботов, даже свихнувшихся роботов, то ее ход может удасться. Ведь есть принцип, ради которого роботов сделали, и они этому принципу явно подчиняются. Как жаль, что рядом нет Посейдона. Он бы, наверное, смог помочь.

Алиса обернулась. Ей нужно было что-то тяжелое.

К счастью, за спинами ашиклеков в углу зала валялись какие-то железки и даже металлический брус, длиной в два метра. Алиса бросилась туда и с трудом подняла брус. Хоть сила тяжести теперь была втрое меньше земной, брус все равно был тяжелым.

– Профессор! – закричала Алиса. – Помогите мне.

Профессор услышал ее и с удивлением посмотрел в ее сторону. Видно, он решил, что она сошла с ума.

– Что с тобой?

– Помогите мне.

– Но там... – Профессор показал рукой на стенку, за которой шел отчаянный бой.

– Скорей! – крикнула Алиса. – Может быть, получится.

Профессор подбежал к ней. Движения его были замедленными и шаги очень широкими, как всегда бывает при малом притяжении.

– Я хочу попробовать! – сказала Алиса. – Ведь это роботы, их задача опекать ашиклеков. То есть если будет опасность ашиклекам, то они испугаются.

– Какая опасность? Ты хочешь их убивать?

– Нет. Если мы сделаем вид, что хотим разбить стекло, то всем ашиклекам грозит гибель. Ну давайте же, помогите мне.

Алиса старалась говорить тихо, потому что не хотела, чтобы кибернетический мозг, управляющий кораблем, услышал ее.

– Но если мы разобьем стекло?

– Зато отомстим за наших!

Посейдон сделал шаг вперед и ногой сбил коготь вниз.

Профессор колебался.

– Скорее же! – Алиса сама тащила брус к стеклу, ашиклеки, которые попадались на пути, визжали, сопротивлялись, но они были так поглощены зрелищем сражения, что даже не оборачивались.

Профессор подхватил брус, и вместе они пробились к стеклу.

Конец бруса гулко ударил по стеклу. Казалось, что этот гул пронесся по всему кораблю. Даже ашиклеки замерли и перестали вопить.

– А ну! – закричала Алиса как можно громче. – Давайте, бейте! Пускай мы погибнем, но и они погибнут вместе с нами.

Они снова ударили по стеклу. Стекло зазвенело, и Алиса испугалась, как бы не разбить его в самом деле.

Ашиклеки, видно, сообразили, что им грозит, и жалобно завыли. Это был страшный жалкий звук – несколько сот существ выли от страха за свою бессмысленную жизнь.

– Урра! – кричала Алиса. – В атаку.

Они отступили на несколько шагов, чтобы получше разбежаться.

Алиса успела поглядеть за стекло. Там положение было угрожающим. Посейдон был похож на известную древнюю скульптуру Лаокоона, который борется со змеями. Полина и Юдзо вжались в небольшую нишу в стене, и Полина старалась отталкивать когти, которые скользили уже по ее скафандру. Если сейчас кибернетический мозг не услышит, не поймет, что происходит, то будет поздно.

И тут сверху раздался голос:

– Остановитесь! Ваши действия представляют опасность для ашиклеков. Немедленно прекратить!

– И не подумаем! – радостно закричала Алиса. От облегчения, что ее идея оказалась не пустой, она готова была плясать. – И не подумаем! Пока не уничтожим все это гнездо!

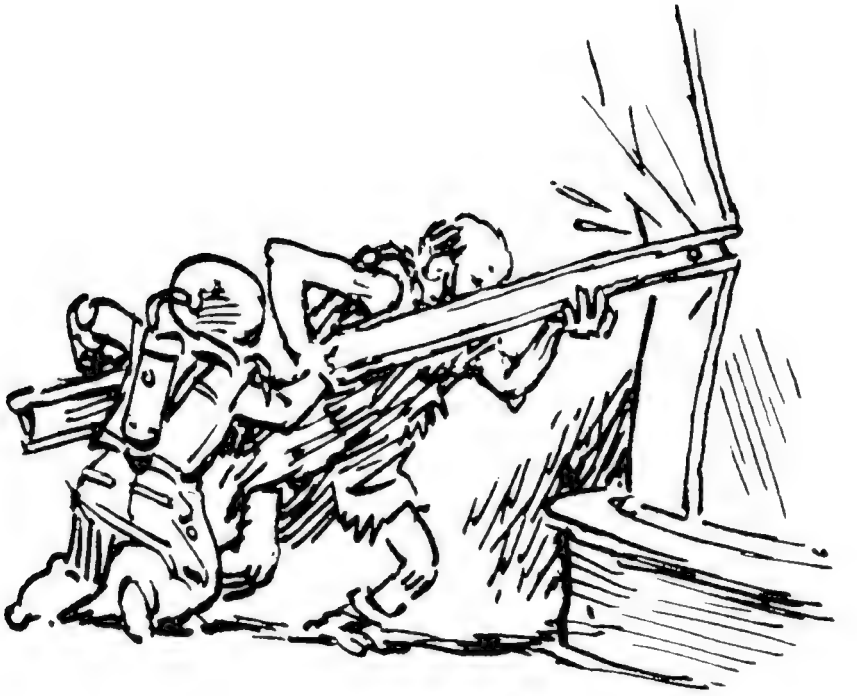
В дверь начали стучать.

– А ну, еще разок! – закричал профессор, который тоже обрадовался результату.

И они еще раз ударили по стеклу так, что оно задрожало, а ашиклеки от ужаса забыли о представлении и бросились по углам.

– Если вы не перестанете угрожать моим подданным, – продолжал голос, – я вас уничтожу.

– Попробуйте, – ответила Алиса, – только попробуйте.



Над дверью вспыхнул экран. На нем возник Хозяин. Его черное безглазое лицо не выражало ничего, но он говорил быстрее обычного. И если можно отнести к роботу слово «напуган», то Алиса впервые в жизни увидела напуганного робота.

– Чего вам надо? – спросил черный Хозяин.

– Первое и немедленно, – сказал профессор, – увеличить в три раза гравитацию. Немедленно!

– Зачем? – не сразу сообразила Алиса.

– А ну, – сказал профессор Алисе. – Побежали!

Алиса послушно подхватила брус поудобнее, но ударить они не успели.

Ноги ее налились тяжестью, и брус сам выпал из рук – оказалось, что он невероятно тяжелый.

– Что вы наделали! – крикнула Алиса профессору.

– Все в порядке, – ответил тот, и не пытаясь поднять брус. – Смотри.

Алиса поглядела за стекло и сразу все поняла.

На площадке положение изменилось.

Полина и Юдзо опустились на камни, а Посейдон, стоя на краю, глядел, как опускаются в пропасть, исчезают когти и щупальца драконов.

Конечно же – тяжесть заставила драконов опуститься на дно пропасти.

– Вы гений! – Алиса бросилась к профессору и обняла его. Она готова была заплакать, но разве плачут в скафандрах? Как вытрешь слезы?

– А теперь, – сказал профессор, – немедленно выпустите моих друзей.

– И не подумаю, – ответил черный Хозяин. – Они все равно погибнут.

– Подумай, – спокойно ответил профессор. – Мы все же разобьем стекло, как только ты уменьшишь снова тяжесть. Мы разобьем стекло и в том случае, если твои роботы попытаются взрезать дверь. Я погибну. Но я старый человек и свое уже прожил. И я буду рад умереть ради спасения моего сына и моих друзей. Тебе этого не понять. Но мои друзья в скафандрах. Они останутся живы. Погибну лишь я... и все твои ашиклеки. Погляди на них. Погляди на них в последний раз.

– Я не могу этого позволить, – сказал черный Хозяин. – Тогда у меня не будет смысла в существовании.

– Я знаю, – сказал профессор. – И мне стыдно, что первой догадалась, как справиться с тобой, убийца, девочка Алиса. Это же так просто...

Ашиклеки с трудом переносили земную тяжесть. Они ползали по полу и стонали.

– Поспеши, – сказал профессор.

Хозяин ничего не ответил.

Экран погас. Но стало легче – притяжение уменьшилось. Начали подниматься обиженные ашиклеки. Некоторые спешили сразу к стеклу, чтобы поглядеть, как там идут дела. Но их ждало разочарование: дверь на площадку нехотя отворилась и Посейдон, помогая Полине и мальчику, вывел их оттуда. От дверей он обернулся. Голова его, которая могла поворачиваться вокруг оси, сделала оборот – словно Посейдон хотел во всех деталях запомнить эту пропасть.

– Теперь, – сказал профессор, и Алиса с удивлением подумала, как же она могла принять его за старика – это же полный сил, уверенный в себе мужчина. – Теперь убери своих слуг и пропусти моих друзей сюда.

В ответ послышался голос:

– Нет, сначала вы выйдете отсюда. Вы угрожаете моим ашиклекам.

– Ашиклеки – наша единственная гарантия того, что мы останемся живы, – ответил профессор. – Поэтому я ничего не могу обещать до тех пор, пока не увижу рядом остальных пленников.

Наступило ожидание.

Ашиклеки поняли, что представление сорвалось. Некоторые еще торчали у стеклянной стены, вглядываясь в темноту бездны, видно, думали,

что попросту пропустили тот сладкий для них момент, когда жертвы скрываются в пропасти, другие толпились у двери, ожидая, когда их выпустят. Один ашиклек, совсем еще молоденький, подошел к Алисе и начал теребить ее за рукав. Он был такого же роста, как Алиса, и если бы не бледность, не остановившийся животный взгляд, не запущенность, он был бы вполне сносным подростком. И, понимая это, понимая, что ашиклек не виноват в том, что его дедушки и бабушки согласились стать господами-рабами, Алиса не стала его отгонять, а терпела, пока его любопытные пальцы щупали ткань скафандра.

В дверь постучали. Три раза. Донесся голос Посейдона:

– Пропустите наш полк. Он вернулся с передовых позиций и желает отдохнуть.

Алиса подбежала к двери, отодвинула засов, и пленники вошли внутрь. Юдзо увидел отца и кинулся к нему. Профессор обнял сына. Снова зажегся экран. На нем был Хозяин.

– Я выполнил твои условия, – сказал он. – Теперь вы должны уйти отсюда и оставить моих ашиклеков в покое.

– Я так боялся за тебя, отец, – сказал Юдзо, не обращая внимания на слова Хозяина.

– Ты вел себя как настоящий мужчина, – сказал профессор Комура.

– Я жду! – потребовал Хозяин.

– Подождешь, – ответил Комура. – Нам надо посоветоваться.

Он обернулся к Полине.

– Как вы себя чувствуете? – спросил он.

– Хорошо, обо мне не беспокойтесь. Если бы не Посейдон, мы бы уже давно погибли.

– Я выполнял свой долг, – ответил робот. – Но почему нас выпустили? Что вы придумали?

– Придумала Алиса, – ответил профессор. – Это ей я должен быть благодарен всю жизнь. Она сообразила, когда я уже был в полном отчаянии, что роботов может остановить только угроза жизни ашиклеков. И мы сделали вид, что собираемся разбить стекло.

– Сделали вид? – спросил Хозяин, который слушал этот разговор.

– Не совсем так, – сказал профессор. – Если бы это не помогло, я бы разбил стекло.

– И погиб?

– Да. И погиб.

– Я бы не дала этого сделать, – сказала Алиса Полине. – И к тому же мы с профессором были правы. Он потом так здорово вел переговоры с роботами, что им пришлось сдаться.

– Мы не сдались, мы никогда не сдаемся, – ответил Хозяин.

– Помолчи, – сказал Посейдон. – Ты мешаешь людям разговаривать. Когда будет нужно, мы тебя позовем, убийца.

– А с тобой я вообще не желаю разговаривать, железная банка, – вдруг разозлился Хозяин. – Тебя я все равно убью. Отсюда ты не уйдешь.

– Вот это совершенно неизвестно. Хотя, честно говоря, я бы с удовольствием разобрал тебя на запчасти.

– Слушай, робот, – сказал профессор Комура. – Мы останемся здесь, и с нами останутся все ашиклеки до тех пор, пока твои слуги не починят один из наших кораблей и не вернут туда все, что с него украли. После этого мы улетим.

– Это невозможно, – ответил Хозяин после некоторого раздумья. – Вещи, взятые на ваших кораблях, приведены в негодность или использованы. Вам отсюда не улететь.

– Ты не лжешь? – спросил профессор.

– Я не могу лгать, – ответил Хозяин. – Мне нет нужды размениваться на такие человеческие глупости, как ложь.

Ашиклеки столпились вокруг, повизгивая, будто просили их отпустить.

Посейдон ухнул на них, и ашиклеки разбежались во все стороны.

– Хорошо, – сказал профессор. – Пока мы не придумаем выхода, нам придется оставаться здесь.

– Ни в коем случае! – воскликнул Хозяин. – Ашиклеки проголодаются, они нервничают, они могут заболеть. Им пора отдыхать!

– Тогда предложи выход, – сказал Комура.

– Я не могу вас содержать, – сказал Хозяин. – У меня все рассчитано. Я уничтожаю всех, кто сюда попадает, не из жестокости, а для того, чтобы не лишать ашиклеков их пищи. Вам надо улететь или погибнуть добровольно.

– Заколдованный круг, – сказал Посейдон. – Логическая неувязка. Улететь нельзя, поэтому надо улететь. Надо бы проверить твои блоки памяти, кузен. Пора на ремонт.

– Я тебя убью, – повторил Хозяин. – Я могу выслушивать обидные слова от людей, но от робота – никогда!

– Я выхожу! – сказал Посейдон.

– Да погодите, вы с ума сошли! – возмутилась Полина. – Вы как дети. Разве бывают драки между роботами?

– Это будет не драка. Это будет смертельный бой, – сказал Хозяин.

– Согласен, – сказал Посейдон. – Другого мне не надо.

Он уверенно пошел к двери.

– Посейдон, я тебе приказываю оставаться! – протестовала Полина.

– Как только я укокошу этого мерзавца, все проблемы будут решены, – ответил Посейдон.

И он открыл дверь.

Все внимание было обращено на Посейдона, и потому вопрос профессора вначале услышал только Хозяин.

– А гравитационные двигатели вашего корабля, – спросил он, – работают?

– Двигатели нашего корабля в полном порядке, – ответил Хозяин, и экран погас. Хозяин пошел навстречу Посейдону.

Толпой кинулись к открытой двери ашиклеки, но Юдзо с Алисой закрыли дверь.

– Как включить экран, чтобы мы видели, что там происходит? – спросила Алиса. – Мы же ничего не узнаем.

И как бы в ответ на ее слова экран снова вспыхнул, и на нем появилось изображение перекрестка двух коридоров. С одной стороны к нему подходил Посейдон. С другой в окружении роботов – Хозяин.

– Они убьют его! – сказала Алиса.

– Пожалуй, нелегко убить старого робота-разведчика, – сказала Полина. – Он им еще покажет.

– Он прав, – сказал Юдзо. – Так поступают мужчины. Если Посейдон погибнет, я пойду вместо него.

Глава шестнадцатая

Им было видно, как черный Хозяин повернулся и жестом приказал Посейдону следовать за ним. Они вошли в большой низкий зал, возможно, резервный двигательный отсек. Потолок зала поддерживали металлические колонны. Под кожухами стояли какие-то механизмы.

Хозяин остановился.

Один из роботов поднес ему трубку с утолщением на конце. Вторую такую трубку дали Посейдону. Это было оружие. Но звуки не достигали зала, в котором ждали люди и ашиклеки, и потому непонятно было, как пользоваться этим оружием. Но тут Хозяин поднял руку, и из раструба трубки вылетела светло-зеленая нить огня.

– Тип лазерного бластера, – сказал профессор Комура.

Ашиклеки засуетились. Они поняли, что все-таки им покажут развлечение.

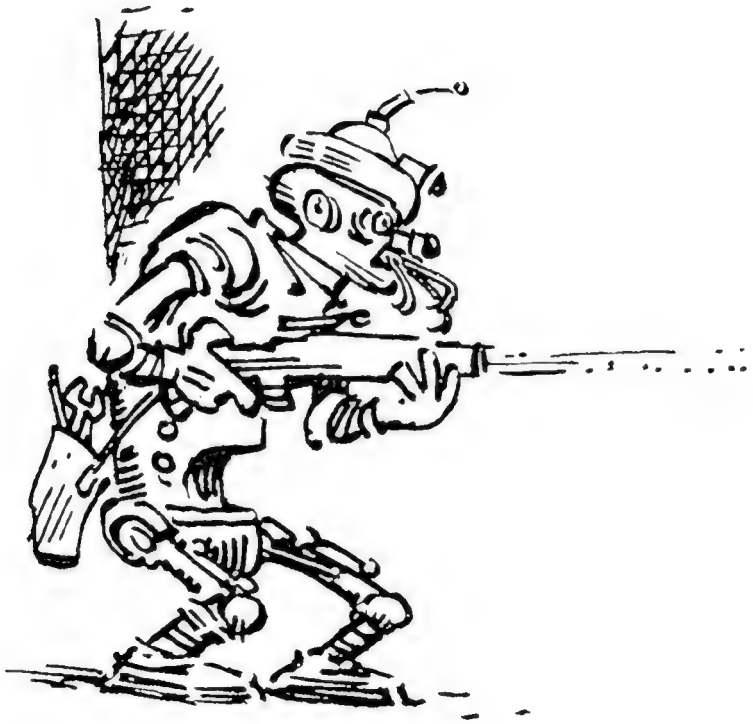
Посейдон кивнул.

Роботы разошлись в разные концы зала и остановились за колоннами.

Зеленые лучи разрезали полутьму.

С неожиданной для случайного зрителя ловкостью и быстротой роботы перебегали за колоннами, прятались за агрегатами и машинами, лучи скрещивались, как длинные шпаги.

Потом на секунду оба робота пропали из виду. Потом появился Посейдон. Он осторожно выглядывал из-за колонны, стараясь увидеть врага. А в этот момент Хозяин вышел из-за агрегата сзади и прицелился.



– Посейдончик, сзади! – закричала Алиса.

Конечно, Посейдон не мог услышать ее крика, тем более утонувшего в восторженных воплях ашиклеков, но инстинкт старого разведчика заставил его мгновенно обернуться вокруг своей оси и, не глядя, всадить луч в грудь черного Хозяина.

Тот мгновенно засветился, зеленый ореол вспыхнул вокруг его черного плаща. Потом пошел дым. И черный Хозяин рухнул на пол.

Посейдон сделал шаг к нему, не опуская бластера.

Тогда Хозяин приподнял голову и сказал что-то. Отбросил свой бластер.

Поднялся.

Подошел к экрану. Вот он стоит перед экраном и глядит прямо на Алису. Только глаз у него нет.

Щелкнуло. Возник звук.

– Я проиграл, – сказал черный Хозяин. – И вынужден подчиняться. Приказывай.

– Сейчас мы проходим в узел управления корабля и запускаем гравитационные двигатели, – сказал профессор Комура. – И берем курс на Марс.

– Это невозможно, – сказал Хозяин. – Мы доставили столько неприятностей людям, что они будут мстить. Они убьют моих ашиклеков.

– Неприятности – слишком мягкое слово, – заметил Посейдон.

– Одумайтесь, – сказала Полина. – Мы не мстим тем, кто болен. А вы больны, и больны ашиклеки. Вас нужно лечить, а не наказывать.

– Мы все здоровы. Лучше мы улетим дальше и будем искать себе ненаселенную планету. Или вечно будем скитаться в космосе.

– Я провел здесь несколько месяцев, – сказал профессор Комура, – и я знаю, в каком плачевном состоянии ваш корабль и сами ашиклеки. Системы постепенно выходят из строя, ашиклеки деградируют и вымирают. Через несколько десятков лет вы вымрете.

Наступила пауза. Наконец, словно посовещавшись с кибернетическим мозгом и взвесив все аргументы, черный Хозяин произнес:

– У меня нет выхода. Я подчиняюсь при одном условии.

– При каком? – спросил Комура.

– Если ашиклеки останутся живы.

– Мы даем вам слово, – сказала Полина.

– Я даю вам слово, кузен, – сказал Посейдон. – Роботы не умеют лгать.

Глава семнадцатая

Через два дня диспетчерская на Марсе приняла изображение астероида, который на большой скорости приближался к планете.

– С ума сойти! – воскликнул дежурный диспетчер, вызывая своего напарника, который как раз пил кофе. – Сенсация! Бродячий астероид.

Его напарник забыл о кофейнике и бросился к экранам.

– Немедленно поднять патрульный крейсер! – приказал он. – Если эта сенсация ударит по Марсу, то будет ужасная катастрофа.

На Марсе началась тревога.

Компьютеры вычисляли курс астероида и возможную точку столкновения с планетой, началась срочная эвакуация детских садов и лабораторий в полярные области. Патрульные крейсеры взвились с космодрома, чтобы исследовать астероид вблизи и узнать, нельзя ли изменить его курс.

Но еще через час астероид начал снижать скорость и менять курс, словно собирался перейти на круговую орбиту вокруг Марса.

И к тому времени, когда крейсеры подлетели к бродяге, опасность уже миновала.

И картина, которую увидели люди, прилетевшие с Марса, когда высадились на астероиде, их совершенно поразила.

Они увидели Посейдона, который организовал мастерскую по ремонту и перестройке роботов, они увидели профессора Комуру, который отважно опустился в ледяную бездну, чтобы вблизи исследовать драконов, они увидели Полину, которая с помощью мрачного черного Хозяина управляла кораблем, они увидели, наконец, Алису, которая мыла ашиклеков, причесывала их и учила застилать кровати и мыть посуду.

Еще через день ашиклеков перевезли на Марс, чтобы постепенно вернуть их в число разумных существ, а опустевший страшный астероид остался на орбите – там работают ученые, которым придется немало потрудиться, прежде чем они разгадают все тайны громадного космического корабля.

DOM

Заповедник сказок

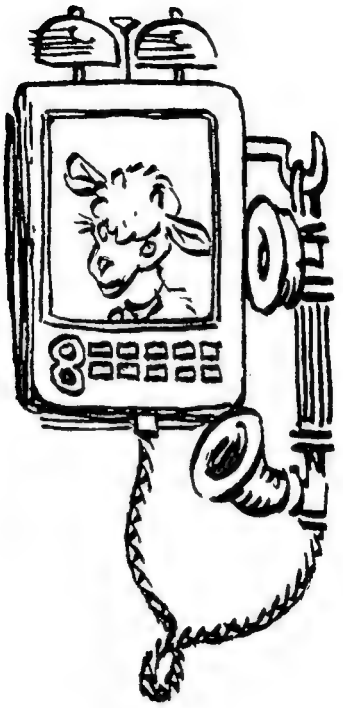
Глава первая
ГНОМ В КАРМАНЕ

Алиса учила марсианский язык. Телеучительница говорила ласковым голосом:

– А теперь поднимите правую руку и загните до половины мизинец. Это и есть марсианская буква «хфы». Запомнили?

– Запомнила, – сказала Алиса. У нее уже все пальцы онемели от марсианских букв. И настроение было плохое. «Это бесчеловечно, – думала она, – задавать столько на дом в хорошую погоду. Могли бы подождать, пока начнется дождик».

А погода была великолепная. Светило солнце, цвела черемуха, порхали бабочки, стрекотали мелкие птахи, спорили, строить ли им семейные гнезда или еще погулять? Марсианский богомол, который живет у Алисы,



с утра стоял на голове, просился на улицу. Как известно, марсианские богомолы, волнуясь, всегда встают на голову.

Алиса мечтала, чтобы что-нибудь произошло. Хоть что-нибудь. Тогда можно выключить телевизор. Но ничего не происходило. Уже второй час ничего.

И вдруг произошло.

Зазвонил видеофон.

Зазвонил он у отца в кабинете. Отец там писал статью, и Алисе бежать к видеофону не было никакой нужды. Но она, конечно, выключила телеучительницу и убежала.

Алиса остановилась в дверях отцовского кабинета и смотрела, как отец нажал кнопку и включил изображение на экране.

На экране был козел.

Вернее, козленок – рожки у него только прорезались, а бороды еще не было.

– Я вас слушаю, – сказал отец, потому что он не сразу сообразил, кто ему звонит.

– Б-ээээ! – сказал козленок тонким голосом.

– Это еще что такое? – спросил отец.

– Бееээээ! – отчаянно завопил козленок.

Вдруг изображение пропало. Экран погас.

– С ума сойти, – сказал отец. Он обернулся, увидел, что Алиса стоит в дверях, и спросил: – Ты видела?

– Видела, – сказала Алиса. – Тебе звонил козлик.

– Этого не может быть, – сказал отец. – Мне еще никогда не звонили козлы. Что ему от меня надо?

– Не знаю, – ответила Алиса. – Он же не умеет разговаривать.

– Наверное, кто-то пошутил, – сказал отец. – Странные шутки.

– А может, козлику нужна твоя помощь? Ты же зоолог и умеешь лечить зверей.

– Алиса, тебе уже восемь лет, – сказал отец. – Не говори глупостей. Я работаю в космическом зоопарке, изучаю животных с других планет,

а это был самый обыкновенный козел... к тому же козлы не звонят по видеофону. Кстати, почему ты не учишь марсианский язык?

– Пальцы устали, – сказала Алиса.

Надо было возвращаться к себе в комнату. Алиса вздохнула, отец снова склонился к своей статье, и тут с улицы послышались крики и тяжелый топот. Словно там шел слон в сапогах.

Алиса бросилась к окну.

Прохожие останавливались, жались к стенам домов, прятались за деревья, потому что высокий сутулый мужчина в черном длинном пальто, темных очках и золотой каске с гребнем вел на веревке трехголового дракона ростом с двухэтажный дом. Дракон брел, опустив головы, чихал и кашлял, выпуская из ноздрей черный дым.

На средней шее дракона висела вывеска:

На правой шее висела табличка:

На левой шее висела табличка:

НЕ
КОРМИТЬ

Странная процессия остановилась перед домом Алисы. Дракон со вздохом улегся на мостовой, а человек в золотой каске четкими шагами направился к подъезду.

«Это к нам, – решила Алиса. – Сегодня можно будет не учиться!»

– Папа, – сказала Алиса. – К тебе привели дракона.

– Этого еще не хватало, – сказал отец, – так я никогда не допишу статью.

В этот момент в дверь позвонили, и отец пошел открывать.

– Здравствуйте, – сказал старик в черном пальто, снимая золотую каску и передавая Алисе. – Вы будете профессор Селезнев?

– Здравствуйте, заходите, – сказал отец. – Я – профессор Селезнев.

– Значит, правильно пришли, – сказал старик.

Старик оказался совсем лысым, а на подбородке у него росло несколько длинных седых волосков.

– Животное у нас захворало, – сказал старик. – Уникальный экземпляр. Можете убедиться. На улице валяется. Меня к вам направили. Больше никто за него браться не желает.

– Ну что ж, – сказал отец, – посмотрим на вашего больного. Но как дракон попал в Москву? Он из космоса?

– Нет, – сказал старик. – Наш он, местный. Содержим его в заповеднике сказок, слыхали о таком?

– Как же я не догадалась! – воскликнула Алиса. – Я же у вас на экскурсии была! Мы на Змея Горыныча издали смотрели, и он куда меньше казался. Папа, это настоящий сказочный дракон!

– Надеюсь, болезни у него не сказочные, – заметил отец. – А как же вы его на улице оставили? Без присмотра и даже, наверное, без намордника.

– Смирный он, не тронет, – сказал старик. – Дрыхнет он.

– А вы анализы ему сделали? – спросил отец.

– Первым делом, – сказал старик. – Наипервейшим делом. Вы не сомневайтесь.

Старик расстегнул пальто и достал из кармана пиджака пачку листков.

– Да вы раздевайтесь, – сказал отец. – Проходите ко мне в кабинет. Мне все равно надо будет с анализами ознакомиться. Заодно расскажете, на что жалуется животное. Простите, я не знаю, с кем имею честь...

– Зовите меня просто – Кусандра, – сказал старик. – Я состою в заповеднике помощником директора по хозяйственной части.

Отец помог старику раздеться и провел к себе в кабинет. Алиса положила каску Кусандры на стул. Она слышала, как отец спросил:

– У вас директором Иван Иванович Царевич?

– Он самый, – ответил старик.

– Чего же он меня не предупредил? Я бы сам к вам приехал.

– На конференции наш дорогой начальник, – сказал Кусандра. – В городе Тимбукту заседает. А тут эта безмозглая скотина захворала. Если подохнет, Иван Иваныч сильно сердиться будет! Скандал!

Алиса хотела было спуститься на улицу, чтобы поглядеть на дракона вблизи, но тут увидела такое, что застыла от удивления.

Из кармана черного пальто Кусандры, висевшего на вешалке, вылез моток веревки, веревка развернулась и превратилась в длинную лесенку до самого пола. Потом из кармана показалась маленькая голова в красном колпаке, и оттуда выбрался человечек ростом с чайник для заварки. Не заметив Алису, он начал быстро спускаться по лестнице. Лестница раскачивалась, человечек судорожно цеплялся за перекладины. Алиса протянула руку и придержала лестницу, чтобы он не сорвался.

Человечек спрыгнул прямо на руку Алисе, сполз на пол, поднял голову, увидел Алису, совсем не испугался, а сказал ворчливым шепотом:

– Не нуждаюсь я в твоей помощи. Сам бы спустился.

– Вы тоже из заповедника сказок? – спросила Алиса.

– Тише ты! Сейчас этот Кусандра прибежит! Отнеси меня в тайное место, быстро!

– А где тайное место?

– Интересно, я живу в этом доме или ты живешь в этом доме? Неси, тебе говорят!

– Вы, наверное, гном, – сказала Алиса.

– Разумеется, гном. Разве я похож на крокодила? Ну, сколько раз повторять?

Алиса не стала спорить, осторожно подхватила гнома с пола и понесла к себе в комнату. Гном оказался очень теплым и тяжелым. Он вертелся в руках, тряс рыжей бородой и сердился:

– Не щекочи, а то вырвусь! Не жми, раздавишь! Ты что, гномов никогда не носила?

В комнате Алиса оглянулась, соображая, где же тут тайное место. Наконец она увидела в углу ящик со старыми игрушками. Она раздвинула кукол и мишек и поставила туда гнома.

– Ну что ж, – сказал он, – славная компания. Они живые?

– Это игрушки, – сказала Алиса. – А почему вы скрываетесь?

– Нагнись, – сказал гном. – Еще ближе! Вот так, теперь нас не подслушают. Ты Алиса?

– Да. А вы откуда знаете?

– Тебя мне рекомендовали... сказали, верный человек! А это что еще такое?

Гном показал пальцем на марсианского богомола, который от удивления при виде такого маленького человека перевернулся вверх головой и заглядывал через край ящика.

– Не бойся, это богомол, – сказала Алиса. – Он не кусается.

– Может, тебя он и не кусает, а меня перекусит с одного раза. А ну, убери его немедленно!

– Богомол, – сказала Алиса вежливо, – выйди, пожалуйста, из комнаты. Нам нужно поговорить. Видишь, тебя боятся!

Богомол охнул от обиды и, переставляя длинные ноги, медленно пошел к двери.

– Нехорошо получилось, – сказала Алиса. – Теперь он три дня ничего есть не будет. Он такой впечатлительный.

– Ничего, переживет, – сказал гном. – Вроде бы теперь остались только свои. Ты уверена, что твои игрушки не подслушивают?

– Уверена, – сказала Алиса.

– Это хорошо. Тогда слушай. Нам в заповеднике нужна твоя помощь. Понятно?

– Нет, непонятно.

– У нас творятся зловещие вещи, – сказал гном. – Теперь понятно? Может случиться большая беда. Ни один взрослый нам не поверит. Нам рассказала про тебя Красная Шапочка. Она видела фильм о тебе по телевизору. Она сказала, что ты нам поможешь.

– Но как я тебе помогу? – удивилась Алиса.

Гном не успел ответить. В коридоре послышались шаги и голос отца:

– Алиса, ты здесь?

– Оставь меня, – прошептал гном. – Иди к ним. Потом вернешься. Веди себя естественно!

Алиса выбежала в коридор.

– Я тебя жду, папа, – сказала она.

– Ты даже не спустилась вниз, к дракону? – удивился отец. – Это невероятно. Где твое любопытство?

Алиса пожала плечами. Если начнешь отвечать, придется врать. А врать, как известно, плохо. И не надо этого делать без крайней необходимости.

Глава вторая
КАК ЛЕЧИЛИ ДРАКОНА

Дракон лежал, свернувшись в клубок, и сладко спал. Струйки черного дыма вырывались из ноздрей. Вокруг собралась толпа любопытных, правда, близко никто не подходил. Порой он глубоко вздыхал во сне и нервно бил хвостом по мостовой, отчего начиналось небольшое землетрясение.

– Ну вот, – сказал старик Кусандра. – Разлегся, скотина!

И к удивлению всех окружающих, старик со всего размаха ударил дракона в бок ногой.

– Что вы делаете! – возмутилась Алиса. – Разве можно бить животных?

– Ой! Ой-ой! – закричал в ответ Кусандра, прыгая на одной ноге и схватившись руками за другой ботинок. – Я ушибся! У него брюхо железное! Ну, дай только вернемся, крокодил, проклянешь день, когда из яйца вылупился!

От этих воплей и криков дракон проснулся, поднял по очереди все свои головы, подумал и оглушительно чихнул. Кусандру ветром сбило с ног и откатило к стене дома.

– Ты что делаешь! – закричал Кусандра. – Ты кому мстишь?

– Он же нечаянно! – сказала Алиса.

– За нечаянно бьют отчаянно! – ответил старик Кусандра. – Мы о тебе, понимаешь, заботимся, а ты, понимаешь, неблагодарная скотина. Погоди, вернемся в замок, я тебе такую диету устрою...

Профессор Селезнев не слушал разозленного Кусандру. Он подошел поближе к Змею Гордынычу и сказал:

– Поднимись, пожалуйста. Мне надо тебя послушать.

– Папа, он же не понимает, – сказала Алиса.

– Понимает, все понимает, – сказал Кусандра. – А это что такое?

Старик заметил, что из его кармана свисает тонкая веревочная лестница, потянул ее, вытащил и стал разглядывать.

– А почему дракон понимает человеческую речь? – спросила Алиса, чтобы отвлечь старика. – Ведь он животное.

– Сказочное, девочка, сказочное. Все сказочные разговаривают. А где моя каска? Ты ее не украла? Без каски драконов по улицам водить нельзя, пожарная команда не разрешает. К тому же солнце мне затылок припекает.

– Ой, простите, – сказала Алиса. – Сейчас принесу.

Она бросилась наверх, вбежала в квартиру. Каска лежала в прихожей. Алиса взяла ее, потом зашла к себе в комнату поглядеть, там ли гном. Гном сидел в ящике и рассматривал старую маленькую, когда-то любимую, а теперь позабытую куклу Дашу, с желтыми волосами, розовым лицом, голубыми закрывающимися глазами, в розовом платье. Кукла за последние годы немного истрепалась, но все еще была очень красива.

Успокоившись, что гном занят, Алиса кинулась обратно. Она передала каску Кусандре, и тот сразу надвинул ее на голову.

Дракон уже сидел на мостовой, выпятив желтый сверкающий живот и высоко подняв головы, чтобы ненароком не дунуть черным дымом на доктора. Отец выслушивал его через трубочку и повторял:

– Дышите глубже. Еще глубже. Еще глубже.

Струи дыма вырывались из ноздрей Змея Гордыныча и поднимались к небу, как будто работал целый завод.

– Теперь не дышите, – сказал отец.

– Чего? – спросил дракон.

– Не дышите. Задержите дыхание.

– Понял, – сказал дракон. – Постараюсь.

Дым перестал идти из ноздрей, зато живот начал надуваться.

– Можете дышать, – сказал отец, спрятал трубочку и принялся, встав на цыпочки, выстукивать грудь дракона костяшками пальцев.

Дракон с облегчением выдохнул клуб дыма и сказал:

– Щекотно!

– Потерпите, – сказал отец. – Не маленький.

– Все равно щекотно, – сказал дракон.

Старик Кусандра обернулся к Алисе, показал ей намотанную на палец веревочную лестницу и спросил:

– Чьи шутки? Твои?

– Эта лестница мне мала, – сказала Алиса. И сказала чистую правду.

– А кто тебя знает, – сказал старик и спрятал лестницу в карман. – Не нравится мне это. Зачем лазить ко мне в карман по лестнице?

Алиса хотела было сказать, что не в карман, а из кармана, но сдержалась. Вместо этого она спросила:

– А почему у вас такое странное имя – Кусандра?

– Это не имя, – ответил старик. – Это псевдоним. Настоящее имя я скрываю. Врагов у меня много. – И Кусандра оглянулся, будто ждал, что враги уже окружили его.

– Ну что? – спросил отца Змей Горыныч. – Я буду жить, доктор?

– Вы совершенно здоровы, – сказал отец. – Если не считать небольшого насморка.

– Неправда, – обиделся дракон. – Я полон болезнями. Скорее всего, вы плохой доктор.

– Симулянт! – воскликнул Кусандра. – Я с самого начала подозревал, что ты симулянт. Чего меня в город поволок? Умираю, умираю, спасите меня, я уникальный! Симулянт! Крокодил-переросток!

– Не надо меня оскорблять, – сказал Змей Горыныч. – А то мы найдем на вас управу.

Кусандра занес было ногу, чтобы стукнуть дракона, но вспомнил, как ушибся недавно, и бить не стал.

– Вы мои анализы смотрели? – обернулась к Селезневу средняя, самая главная голова дракона. – Очень плохие анализы.

– Анализы приличные, – сказал профессор Селезнев. – Но если вы хотите, я пропишу вам укрепляющие уколы.

Змей Горыныч тут же поднялся на все четыре лапы и сказал:

– Так у нас дело не пойдет. До свидания, доктор.

НЕ
КОРМИТЬ

Он развернулся, чуть не сшибив хвостом Кусандру, и пошел прочь.

– Он ужасно боли боится, – сказал Кусандра. – Второго такого трусливого дракона я не встречал. Только этим я его и держу в руках.

И он побежал вслед за драконом, крича на бегу:

– Стой, ископаемое! Чтоб тебе пусто было!

Его каска сверкала на солнце, а черное узкое пальто делало его похожим на гусеницу, которая бежит на самых задних ногах.

– Ну что ж, – сказал отец, глядя им вслед, – пойдем работать. Странные люди. Надо будет потом поговорить с Иван Ивановичем, директором заповедника. Зачем он держит таких помощников? Ведь этот Кусандра совершенно не умеет обращаться со зверями.

– Но дракон не зверь, – сказала Алиса. – Он сказочное существо.

– Просто сказочных существ не бывает, – сказал отец. – Всему на свете есть научное объяснение. Только его не всегда сразу найдешь. Иди, Алиса, пора делать уроки. Я не хочу, чтобы моя дочь была отстающей по марсианскому языку.

И они пошли домой.

Глава третья
СВЕН И КУКЛА

Алиса вбежала к себе в комнату и сразу закрыла дверь, чтобы отец случайно не увидел, какой у нее гость.

Гном все так же сидел в ящике, держа за руку куклу Дашу, и, когда увидел, что Алиса вернулась, сказал ворчливым голосом:

– Тебя только за смертью посылать. Я с утра ничего не ел, переживаю, рискую жизнью ради товарищей, а ты совершенно обо мне забыла.

– Но я ждала, пока уйдет Кусандра.

– Знаю, знаю. Неси мне поесть, тогда все расскажу.

– А что тебе принести? – спросила Алиса.

– Чего-нибудь попроще.

– Молока?

– Ты же знаешь, что я не выношу молоко.

– Тогда котлету! Хочешь котлету с хлебом?

– Все ясно. Ты хочешь, чтобы я растолстел и умер от ожирения.

– Нет, не хочу. Но что же мне тогда принести?

– Я же сказал – чего-нибудь попроще. Соловьиных язычков. Но немного, полтарелки. И не пережарь, понимаешь?

– У нас нет соловьиных язычков.

– Так я и знал. Она пожалела для меня соловьиных язычков. Что же тогда... – Гном задумался, прикрыл глаза и начал чесать длинную бороду. – Хорошо, – сказал он наконец. – Согласен на тушеный плавник акулы. Согласен. Уговорила.

– У меня нет плавников акулы, – сказала Алиса.

Она себя чувствовала очень неловко. Все-таки у нее гость, а дома нет соловьиных язычков и плавника акулы. И никогда не было.

– Это ужасно, когда тебя никто не любит, – сказал гном. – В этом не приходится сомневаться. Мне триста лет, а я еще не женат. Ладно, неси мне кокосовый орех. Только быстро.

– У меня нет и кокосового ореха...

– Все, – сказал гном. – Я ухожу. Помоги выбраться из этой коробки.

Расстроенная Алиса подсадила гнома, который так и не выпустил руку куклы Дарьи и выволок ее за собой из ящика.

– Мы уходим, – сказал он.

– Кто – «мы»? Ты же здесь один.

– Мы. Я и моя невеста. Если ты меня не хочешь кормить, я хоть невесту у тебя возьму. Но учти, я делаю это только в виде большого одолжения.

– Но какая же она невеста! – рассмеялась Алиса. – Это моя старая кукла Даша, она неживая и даже не новая.

– Да-ша, – сказал гном. – Очень красивое имя. Даша. Давай познакомимся. Меня зовут Свен. Это норвежское имя, потому что лучшие в мире гномы живут в Норвегии. Но ты можешь звать меня Веня. Близкие друзья зовут меня Веней.

Говоря так, гном тряс руку кукле, но Даша, конечно, не отвечала. Даже при очень большом воображении ее невозможно было представить невестой.

Алисе было смешно смотреть на эту сцену. Она расхохоталась. Гном рассердился, отпустил руку куклы, она упала на спину и сказала:

– Ма-ма.

И закрыла глаза. Это было все, что она умела делать.

– Ой! – закричал гном. – Я ее убил! Такая любовь и такая трагическая смерть! Почему мы убиваем тех, кого любим? Я этого не переживу!

Алиса подняла куклу и посадила ее на пол. Даша открыла глаза.

– Ложная тревога, – сказал гном. – Значит, тебе эта так называемая кукла не нужна?

– Неужели ты не видишь, что она неживая. Игрушка.

– Для тебя все игрушки, – сказал гном укоризненно. – Ну чего ты не несешь котлету и молоко?

– Ты же не хотел.

– А что мне остается делать, если ничего больше дома нет?

– Ты попал к нам в неудачный день. Мама в командировке, а домработник на ремонте.

– Кто?

– Домашний робот – домработник.

– Алиса, – сказал укоризненно гном Веня. – Ты думаешь, что, если твой домработник в командировке, а мама на ремонте, можно морить гостей голодом? Ты не права.

Алиса побежала на кухню, открыла холодильник. Отец услышал, что она делает, и сказал из своего кабинета:

– Алиска, потерпи немного, скоро будем обедать.

– Я только молока возьму и котлету, – сказала Алиса.

Отец ничего не ответил. Он очень спешил дописать статью.

Гном Веня, увидев, что Алиса положила на тарелку кроме котлеты еще половину свежего огурца, три черешни и конфету «Мишка на Севере», обрадовался.

– Молодец, – сказал он. – Я к тебе буду ходить обедать. По субботам. Или чаще.

Он принялся за еду, и удивительно было, как много в него помещается. Живот гнома раздувался на глазах, но это его совсем не беспокоило. Он ел быстро, иногда предлагал кусочек Даше, но кукла есть, разумеется, не хотела, и поэтому гном все съел сам. Наевшись и выпив полстакана молока, Веня расстегнул свой широкий пояс, приказал Алисе перенести себя на диван, улегся и сказал:

– Пришел я к тебе по делу. В заповеднике творятся страшные преступления. Если ты нам не поможешь, все погибло.

– Но что за преступления?

– Сейчас расскажу. Посади рядом со мной Дашу. Я без нее скучаю.

Алиса послушно перенесла на диван куклу. Гном обнял Дашу за плечи, и Алиса еле удержалась, чтобы не рассмеяться. Уж очень смешная получилась компания: растолстевший после обеда гном в высоком красном кол-

Алисе было смешно смотреть на эту сцену.

паке, синей курточке и зеленых штанах, с длинной рыжей бородой, а рядом кукла Даша, розовая, голубоглазая, желтые косы в разные стороны.

– Рассказывай дальше, – попросила Алиса.

– Сейчас, – ответил гном. – Не дергай меня. Лучше полюбуйся, какой у моей Дашеньки цвет кожи. Она ничем не болела?

– Я уж не помню, – сказала Алиса. – Вроде бы у нее была скарлатина, а может быть, свинка.

– Это не заразно?

– Я пошутила, – сказала Алиса. – Разве ты не знаешь, что куклы не болеют?

– Другие, может, и не болеют, – сказал гном, – а моя слабенькая, нежная. Непонятно, в чем душа держится.

Гном потрогал косичку Даши и добавил:

– Чудесные волосы. Моя тетя будет рада с ней познакомиться.

Алиса вздохнула. Так она никогда не дождется продолжения рассказа. А ей очень хотелось услышать, что же произошло в заповеднике сказок. Раньше она как-то не задумывалась, что заповедник сказок – место необыкновенное. Она привыкла к тому, что в Москве есть места, куда надо ходить, потому что там интересно. В Москве есть Космозо – зоопарк для космических зверей, в котором работает отец, Ботанический сад, заповедник сказок, Третьяковская галерея, кукольный театр и много всего еще. Правда, по Космозо и по Ботаническому саду можно гулять и смотреть на животных и растения вблизи, а в заповедник сказок входить нельзя, на него смотрят сверху, со специальной смотровой площадки, через подзорные трубы...

– Ты почему меня не слушаешь, ты почему отвлекаешься? – вдруг спросил строго гном Веня. – Тебе неинтересно?

– Я слушаю, – сказала Алиса.

Глава четвертая
ЗАГОВОР В ЗАПОВЕДНИКЕ

– В заповеднике сказок созрел заговор, – сказал гном. – Понятно?

– А зачем заговор? – спросила Алиса.

– Цели его неясны, – сказал гном. – Но, разумеется, они зловещие. Все заговоры зловещие.

– А кто же там заговаривается?

– Не заговаривается, а договаривается, – сказал гном шепотом. – Старик Кусандра договаривается, чтобы захватить заповедник. Ты видела, какой он неприятный?

– Кусандра мне не очень понравился, – сказала Алиса. – Он грубо обращается с драконом.

– Вот именно, – сказал гном. – Но это не самый главный его недостаток. А директора он опутал.

– Чем опутал? – спросила Алиса.

– Наш директор, – сказал гном, – много понимает в науке и отлично разбирается в сказках, но ровным счетом ничего не смыслит в житейских интригах. Он гуманист.

– Он – кто? – спросила Алиса. К сожалению, слова «гуманист» она еще не слышала.

– Ясно, – сказал гном, обернувшись к Даше. – Они этого еще не проходили. Нехватка жизненного опыта.

– Я знаю много таких слов, которые тебе и не снились, – сказала Алиса.

– Допускаю. Но объясняю, – сказал гном. – Гуманист – это человек, который любит других людей.

– Правильно, – сказала Алиса. – Я слышала, но забыла. А что в этом плохого?

– Вообще-то неплохо, – сказал гном. – Но при этом надо уметь разбираться в людях.

– Ты слишком медленно рассказываешь, – сказала Алиса. – Уже полдня прошло, а ты мне ничего не рассказал.

– Рассказываю как умею. А ты меня перебиваешь. Не хочешь слушать, не слушай. Мы с Дашей уйдем.

Алиса не стала ему отвечать. Раньше она почему-то думала, что гномы добрые и работящие. Видно, ей не повезло. Ей достался очень сварливый гном.

– Иван Иваныч Царевич, – продолжал Веня, – доктор исторических и биологических наук, почетный член испанской и польской академий, а также Лондонского королевского общества, человек, который теоретически обосновал, а затем и практически нашел неизвестный раньше период в истории Земли – а именно легендарную эпоху, которая затерялась между третьим и четвертым ледниковыми периодами... Ты понимаешь, что я говорю? Или ты этого еще не проходила?

– Почти все понимаю, – сказала Алиса.

– Молодец. Так вот, этот человек, которым я горжусь, создатель первого в мире заповедника сказок, в личной жизни оказался тюфяком. И теперь никому не известно, где он, что с ним и вообще жив ли наш дорогой директор.

И вдруг гном разрыдался, борода его затряслась, из глаз покатились крупные слезы, из глубины его маленького тельца вырывались стоны.

– Ой, мы осиротели! – плакал он. – Ой, горе!

– Ну не надо так, – утешала его Алиса, – я тебе воды принесу...

– Нет, ты не понимаешь! – рыдал гном.

– Тогда я принесу компоту, – сказала Алиса.

– Компоту? Компоту можно.

Гном понемногу успокоился, а когда Алиса принесла чашку с компотом, он уже совсем перестал плакать.

Пока гном пил компот, Алиса спросила:

– Почему ты говоришь, что неизвестно, жив ли директор. Он на конференции, заседает в городе Тимбукту. Может, тебе просто забыли об этом сказать?

– А кто тебе сказал, что Иван Иванович Царевич в городе Тимбукту? – спросил гном.

– Его помощник, старик Кусандра. Уж, наверно, он лучше тебя знает.

– Именно. Он-то знает лучше меня, – сказал гном, возвращая Алисе чашку. – И он знает, что директор ни на какую конференцию не ездил. О, ужас! Его заколдовали или заточили!

– Успокойся, Веня, – сказала Алиса. – Не может быть, чтобы кто-нибудь заколдовал доктора наук и директора. Этого просто не бывает.

– А почему? Почему заколдовать можно недокторов и недиректоров, а докторов и директоров нельзя?

– Никого нельзя. Да и потом, кто будет заколдовывать? И зачем?

– Зачем? Наверное, потому, что директор наконец-то проник в планы заговорщиков и грозил им разоблачением. А кто? Я же целый час повторяю – старик Кусандра.

– Не может быть!

– Ну вот, ты опять за свое... Не может, не может! А вот может! Ты думаешь, он кто такой – твой любимец Кусандра?

– Во-первых, он вовсе не мой любимец, а во-вторых, он сам сказал, что он помощник директора по хозяйственной части.

– А тебе не приходило в голову спросить, почему этот злодей оказался в заповеднике?

– Не приходило. Я только сегодня со всеми вами познакомилась.

– Тогда я тебе расскажу, как дело было. Приходит однажды к Ивану Царевичу в кабинет этот Кусандра и говорит: «Вы принимаете экспонаты в заповедник сказок?»

– А что такое экспонат? – спросила Алиса.

– Ты и этого не знаешь? – Гном был расстроен.

– Я-то знаю, но мне хочется, чтобы Даша тоже знала, – сказала Алиса.

– Правильно. Даше надо учиться. А то она будет такая же необразованная, как ты, – согласился гном. – Экспонат – это тот, кто экспонируется. Ясно?

– Молодец, – сказала Алиса. – Объяснил непонятное непонятным.

– Ну как сказать попроще? Экспонат – это тот, кто сидит внутри. В музее экспонаты под стеклом, а в зоопарке в клетках.

– А ты экспонат? – спросила Алиса.

– Я экспогном, нужно понимать разницу. Ну что, будем продолжать или пойдем по домам?

– Будем продолжать.

– Так вот, Кусандра попросился в заповедник экспонатом. А Иван Иваныч спросил: «Почему я должен брать вас экспонатом, если вы производите впечатление обычного человека?» А Кусандра отвечает, что он волшебник и может абсолютно все, только не хочет, потому что боится всю Землю погубить. «Но если, – сказал Кусандра, – вы не боитесь погубить Землю, давайте начнем меня испытывать».

– И директор согласился?

– Нет, он засмеялся и спросил, а что еще Кусандра умеет делать. А Кусандра сказал, что знаком с работой Бабы-Яги.

– И его взяли?

– Взяли. Дали ему ступу и метлу и велели подметать заповедник. Подметать он, конечно, не умел, а только летал.

– По-настоящему летал?

– Не очень по-настоящему. Ступа была с реактивным двигателем, на киностудии взяли. К тому же он оказался лихачом и воздушным хулиганом. Директор терпел-терпел, а потом сказал: «Все у нас в заповеднике настоящее, а вместо Бабы-Яги Папа-Яга и пользы от него никакой. Если уж держать в заповеднике ведьму, так настоящую».

– И что?

– И Кусандру перевели на человеческую работу – помощником по хозяйственной части.

– И он за это обиделся на Ивана Царевича?

– Не это главное. Хотя зарплата помощника меньше, чем у Папы-Яги.

– А зачем Кусандре зарплата?

– Он очень жадный. Он деньги копит. Уеду, говорит, к себе, куплю царство, буду всех угнетать.

– Куда к себе?

– В легендарную эпоху. Между третьим и четвертым ледниковыми периодами. Мы все подозреваем, что он злой волшебник.

– Если бы он был волшебником, – сказала Алиса, – у него ступа сама бы летала.

– Не скажи. Волшебники не все могут. Если бы волшебники все могли, житья бы от них не было, да и не вымерли бы они к настоящему времени. Нет такого волшебника, чтобы умел в ступе летать. Это ведьмино дело. А уж на метле летать они и не мечтают.

– Что же случилось потом?

– Потом пропала курочка Ряба.

– Какая еще курочка?

– Ах, эти современные дети! Могут перечислить все спутники Юпитера, а забыли, чем знаменита курочка Ряба.

– А, я вспомнила! Она снесла золотое яичко?

– И не одно. А потом исчезла. И директор Царевич сказал Кусандре: «Вы отвечаете за порядок. Куда делась курочка? Чтобы завтра курочка была на месте! Иначе я вас уволю!»

– А что дальше?

– Вчера ночью директор пропал. Когда утром за ним прилетела машина, вышел Кусандра и сказал, что директор ушел пешком. А это неправда. Все двери были заперты. И он не уходил. Он исчез. Теперь власть в заповеднике находится в руках страшного злодея Кусандры. И если ты

нам не поможешь, мы все погибли. А может, погибнет весь город. И вся Земля!

– Может, скажем моему папе? Он взрослый...

– Взрослые не верят в сказки. Единственный взрослый, который верит в сказки, – это Иван Иванович Царевич. А он заколдован или заточен.

– Но я тоже не верю в сказки. Я верю в космические путешествия, в достижения науки, мне некогда верить в сказки. Мне как будущему ученому нужны доказательства.

– Ах, тебе нужны доказательства? – Гном вскочил и выпрямился на диване во весь рост. – А я что, не доказательство?

– Почему ты доказательство?

– Так я же гном! Я сказочное существо!

– А как ты докажешь...

– Хватит! – Гном был страшно разгневан. – Если бы я сказал тебе, что прилетел с планеты Паталипутра, где все жители такого роста и ходят в красных колпаках, ты бы мне поверила?

– Поверила бы, – сказала Алиса.

– А если я говорю тебе, что я гном, ты мне не веришь? Это же чепуха! Если на другой планете, значит, не противоречит науке, а если у тебя на Земле, то противоречит! О нас, гномах, написаны тысячи книг, сняты замечательные фильмы, созданы целые энциклопедии – но все равно, ты веришь в нас меньше, чем в какого-то там паталипатрянина!

– Но ведь это сказочные книги и сказочные фильмы...

Гном захохотал, и Алиса подумала, что в самом деле она, наверное, выглядит странно. Стоит перед ней гном, смеется, а она твердит, что гномов не бывает.

– Но почему тебя раньше не было?

– Когда раньше? Вчера? Позавчера? Миллионы твоих бабушек и дедушек меня видели и в меня верили...

– Они и в Кащея верили. И в ведьму верили...

– Так они дураки, да? Дураки? Ты умная, а они дураки?

– Это же давно было, когда наука еще только начиналась.

– А я не говорю тебе, что сегодня гномов много. Нас очень мало. Но в легендарную эпоху, когда люди были еще первобытные, мы, сказочные существа, властвовали над Землей! И если ты чего-нибудь не видела и не знаешь, это не значит, что этого нету. Ты ведь бразильских клопов

не видела, а им на это наплевать. Они все равно живут и думают, что тебя, Алиса Селезнева, на свете тоже нету.

– Сравнил тоже, меня и какого-то бразильского клопа!

– Почему не сравнить? Бразильские клопы знамениты своим упрямством. Их никакая отрава не берет! И, вообще, мне надоело с тобой спорить. Я понимаю – ты просто боишься пойти со мной в заповедник, ты боишься, что тебя заколдуют.

– Ни капли не боюсь, – сказала Алиса. – Я только не понимаю, чем я могу помочь?

– А хочешь помочь?

– Очень хочу.

– Даже если не веришь в сказки?

– Я посмотрю и, может быть, поверю, – сказала Алиса.

– Полдела сделано, – сказал гном. – Я уж боялся, что ты струсила. Нам без тебя никак нельзя – пришлось бы другого героя искать. Ведь ни одно сказочное существо не может открыть дверь в заповедник. Это могут сделать только настоящие люди.

– Почему?

– Дверь в заповедник заколдована. Сам директор Царевич заколдовал, чтобы мы не разбежались. А ты пройдешь внутрь и найдешь нашего директора. Или то, что от него осталось, – и на глаза гнома навернулись слезы.

– Я все поняла, – сказала Алиса. – Пошли, разберемся на месте. Что мне с собой брать?

– Ничего, – сказал гном. – Только сумку.

– Зачем?

– А в чем ты нас с Дашей понесешь?

– А Дашу зачем нести?

– Более отсталого ребенка, чем ты, Алиса, я еще не встречал. Даша моя невеста, без нее я ни шагу отсюда, пускай пропадает заповедник. Личное счастье мне дороже!

– Жалко мне Дашу отдавать, – сказала Алиса. – Мы с ней вместе детство провели.

– Конечно, провели, а как детство кончилось, ты ее бросила в ящик с игрушками и забыла? Погляди, у нее же лицо пыльное!

– Все равно жалко. А вдруг ей не хочется?

– То говоришь, что она неживая, то сомневаешься. Неси сумку!

Алиса достала спортивную сумку. Гном наблюдал за ней, склонив голову. А потом ехидно спросил:

– Ты в чем идти собираешься? Разоблачить нас хочешь, что ли?

– А что такого?

Алиса была в обычном комбинезоне со звездой Дальней разведки на груди, которую ей подарил космонавт Полосков.

– Когда тебя спросят, что ты делаешь в заповеднике сказок, ты что ответишь?

– Правду.

– И все погибло. В лучшем случае тебя выгонят, а меня бросят в подвал замка, в худшем – тебя заколдуют, а меня растерзают. Поняла?

– А как же мне тогда одеваться?

– Как экспонат!

– Какой экспонат?

– Как какая-нибудь бедная девочка, незаметная, скромная... И приспешники Кусандры будут введены в заблуждение.

– Ой, как ты сложно говоришь, Веня, – сказала Алиса.

– Неизбежно. Потому что я начитанный. В кого же тебя одеть?

– Может, в принцессу? – спросила Алиса.

– Ничего себе, бедная, незаметная! А у тебя дома есть принцессина одежда? У тебя под кроватью завалялась корона? Может, у тебя в коридоре свалены в кучу жемчужные ожерелья?

– Нет, – сказала Алиса, – у меня нет короны и жемчугов.

– А старое платье у тебя есть?

– Старые платья я выкидываю. Мама никогда бы не потерпела дома старых вещей.

– А может, какое-нибудь ты сохранила? Как куклу? Не нужна кукла, а валяется в ящике. Подумай!

– Ой, есть! – сказала Алиса. – У меня есть летний огородный сарафан. Я его не позволяю выкидывать.

– Доставай!

Сарафан Алисе был мал, но налез.

– Теперь снимай ботинки, – сказал гном. – Золушка, пока ей не дали хрустальных туфелек, ходила босая. Я знаю, я ее встречал.

Алиса послушно разулась.

Гном между тем спрыгнул с дивана и направился к ящику с игрушками. Он перевалился через край и начал шуровать в ящике. Из ящика вылетела игрушечная кастрюлька, игрушечные чашки и ложки, потом, поднатужившись, гном вывалил оттуда игрушечный столик, стулья и, наконец, ворох тряпок.

– Это все тебе не нужно, – сказал он, – а нам в хозяйстве пригодится. Мне перед родственниками неудобно – привел невесту, а приданого нету. Пойми меня правильно.

Глава пятая
НОВЕНЬКАЯ

Алиса сказала отцу, что пойдет погулять.

– К ужину возвращайся, – сказал отец. К счастью, он так погрузился в свою статью, что забыл об обеде, не посмотрел Алисе вслед и не заметил, как она одета и что она выносит из дома полную сумку, которая подозрительно шевелится. Это гном устраивался поудобнее.

В автобусе гном вел себя безобразно. Он вертелся в сумке, сумка вздрагивала, гном спрашивал:

– Мы правильно едем? Скоро сходить? Ты не забыла, как называется остановка? Ты не заметила ничего подозрительного?

Пассажиры с удивлением оглядывались на босую девочку в тесном застиранном сарафане, на коленях у которой лежала говорящая сумка.

Автобус летел низко, над самыми домами и через полчаса добрался до последней остановки, которая называлась: «Заповедник».

Заповедник сказок занимал заросшую лесом, окруженную искусственными горками низину, посреди которой протекала речка. Сверху заповедник был накрыт громадным прозрачным куполом, а под куполом всегда стояла хорошая погода. Рядом с куполом возвышалась многометровая мачта, похожая на ножку поганки. А шляпкой поганки была большая платформа. Туда можно было подняться на лифте, и с платформы в подзорную трубу зрители смотрели на заповедник. Так что сказочным жителям гости не мешали.

– Приехали наконец-то? – спросил гном, когда Алиса вышла из автобуса.

– Приехали, – сказала Алиса. – Теперь куда?

День клонился к закату, стало прохладно, с непривычки камешки на дорожке кололи пятки, к тому же Алиса вдруг вспомнила, что забыла пообедать. Гнома накормила, а сама забыла поесть. Поэтому она подошла к автомату на автобусной остановке и взяла порцию клубничного мороженого.

– Ты что делаешь? – спросил гном. – Ты почему никуда не идешь? Если струсила, так и скажи.

– Я ем мороженое, – сказала Алиса. – Я проголодалась.

– Значит, так, – сказал гном, – ты ешь мороженое, а Даша должна голодать. Ее и так укачало, Даша плачет, а ей не дают мороженого.

И гном громко зарыдал за Дашу.

– Ты что, мороженого хочешь? – спросила Алиса.

– Даша умоляет, чтобы ей дали мороженого, – сказал гном.

Алиса оглянулась. Вокруг было пусто. Автобус улетел, забрав последних зрителей. Рабочий день заповедника кончался. Она поставила сумку на землю и расстегнула ее. Гном выбрался наружу, поправил колпак и протянул кверху руки.

– А Даша? – спросила Алиса. – Ты ее не будешь угощать?

– Даша устала, спит, ее нельзя тревожить, – сказал сердито гном. – Как ты не понимаешь самых простых вещей!

Гном принял из Алисиных рук стаканчик, высунул длинный красный язык и начал быстро лизать мороженое.

– Куда теперь идти? – спросила Алиса.

– В дверь, – сказал гном. – В запасной выход. Я тебе покажу.

– Ты не лопнешь? – спросила Алиса. – Такое впечатление, что ты съел футбольный мяч.

– Ну, положим, не футбольный, а теннисный, – сказал гном. – Не преувеличивай. Надо уважать друзей.

Язык гнома работал со сказочной скоростью. Через минуту стаканчик был пуст.

– Жалко, – сказал гном. – Все хорошее в жизни очень быстро кончается. Может, еще по стаканчику?

– И не мечтай, – сказала Алиса. – Пошли.

– Я так и думал, – сказал гном. – А если за Дашино здоровье?

– Ты сам пойдешь или в сумку полезешь? – спросила Алиса.

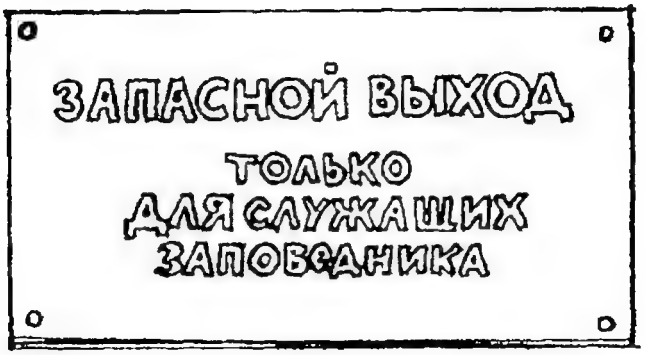
– Я пойду в сумке, – сказал гном. – Меня ноги не держат. Ты меня чем-то отравила.

Алиса не стала спорить. За гномом всегда оставалось последнее слово. Она вернула его в сумку и пошла по дорожке, которая вилась вокруг купола. Стена купола поднималась вверх и, закругляясь, исчезала из глаз. Видно было, что изнутри к ней подступают холмы и деревья, а снаружи вдоль стены были посажены кусты, так что заглянуть внутрь было нельзя.

– Долго еще идти? – спросила Алиса.

– Скоро, скоро, – ответил гном плачущим голосом. – Иди скорей, но не качай сумку. Ты меня хочешь убить.

И тут Алиса увидела, что кусты расступились, и за ними обнаружилась самая обыкновенная раздвижная дверь, на которой было написано:



– А как ее открыть? – спросила Алиса.

– Подумай сама, я не знаю, – сказал гном. – Только быстрее думай!

Алиса нажала на ручку двери, и дверь легко отошла в сторону.

Она вошла внутрь.

Дверь закрылась.

– Я уже внутри, – сказала Алиса.

– Вот видишь, – сказал гном. – Хорошо вам, людям. И мороженое дают, и в заповедник пускают.

В заповеднике было тихо, куда тише, чем снаружи. И лес вокруг был темнее, чем обычный. Шум города сюда не проникал. Могучие ели сошлись тесно, с голых нижних ветвей свисали седые бороды лишайников, а земля была покрыта толстым мягким слоем мха, из которого вылезали

папоротники. Дорожка вилась между стволами и терялась в папоротниках, которые, хоть ветра не было, медленно шевелили листьями.

– Тихо как, – прошептала Алиса. Ей стало немного не по себе. Даже захотелось вернуться обратно и позвать отца.

– Не бойся, – ответил из сумки гном. – Я сам здесь боюсь один ходить. Потерпи, сейчас доберемся до моей тетки, там куда уютнее. Ты только по сторонам не гляди. Ничего не увидишь, а испугаешься. Это бывает. Здесь лес тоже необыкновенный, реликтовый...

– Какой?

– Реликтовый. Я не знаю, что значит это слово, но наверное – очень старый, может, даже сохранился с легендарной эпохи. Иди!

И Алиса пошла вперед. Первый шаг босиком было сделать всего труднее, второй удался легче, третий – совсем легко, но на четвертом шаге в ногу вонзился сучок, и Алиса подпрыгнула от боли.

– Ты что? – взвизгнул гном. – Кто тебя?

– Я сама. Это сучок...

– Нельзя ходить по лесу босиком, – раздался добрый мягкий бас. – Разве можно маленьким девочкам ходить по нашему лесу босиком?

Алиса испуганно оглянулась.

Под деревом стоял большой Серый Волк. Он улыбался.

– Ну вот, – сказал он, – вот мы и испугались. А почему испугались? Потому что решили, что Серый Волк нас съест. Правильно?

– Не знаю, – сказала Алиса.

– А я знаю. И знаю, что это неправда. Я в жизни не съел ни одной девочки. В мире и без меня много несправедливостей. Надо любить друг друга, оберегать и даже лелеять. Ты со мной не согласна, босая девочка?

– Я согласна, – сказала Алиса.

– Ну вот мы и подружились.

Алисе раньше не приходилось видеть говорящих волков, и она удивилась тому, как шевелится волчий рот, произнося слова.

Волк мягко подошел к Алисе, сел и протянул громадную теплую мохнатую лапу:

– Давай познакомимся, – сказал он. – Я очень общительный. И добрый. Имени у меня нет, называй меня просто Волком.

– Ал... – и тут Алиса осеклась. Она вспомнила, что должна быть экспонатом.

– Золушка, – сказала она.

– Неужели! – обрадовался Волк и улыбнулся, показав множество белых длинных зубов. – А я думаю, почему босая? Может, сирота? У нас до сих пор не было Золушки. Я так рад, что ты будешь с нами жить. А как твои родственники? Как мачеха, сестры? Не болеют? Как папаша, не жалуется на здоровье?

– Я одна, – сказала Алиса. – Я буду у вас экспонатом.

– Молодец, – сказал Волк, – ну просто молодец, умница. А ты с Красной Шапочкой раньше не встречалась?

– Нет, – сказала Алиса.

– Вот и познакомитесь, – сказал Волк. – И надеюсь, сблизитесь. У меня с Красной Шапочкой сложились теплые дружеские отношения. Я ее провожаю домой, а иногда мы гуляем с ней по лесу.

– А вы ее не съели?

– Ну вот, еще чего не хватало, – обиделся Волк. – Я даже бабушку есть не стал. Я тебе, Золушка, открою большую тайну. Надеюсь, нас никто не подслушивает?

Волк оглянулся. В лесу было тихо.

– Я вегетарьянец, понимаешь? Это значит, что я не ем мяса. Потому что мясо в моем возрасте вредно. Морковка – вот настоящая еда для разумного мужчины. А ты любишь морковку?

– Да, – сказала Алиса.

– Тогда жду тебя в гости.

– Только мне сначала надо пройти в дирекцию заповедника, – сказала Алиса.

– Я ведь новенькая.

– Правильно, – сказал Волк. – Как это правильно и разумно! Сначала в дирекцию. Наш директор – милейший человек, доктор наук, Иван Иванович, я его уважаю... А разве тебе не сказали, что он улетел на конференцию в город Тимбукту?

– Но ведь там кто-нибудь еще есть?

– Обязательно, – сказал Волк. – Там тебя ждет заместитель нашего любимого директора старик Кусандра, бывший Папа-Яга. Тоже милейший человек, большого ума, редкой биографии. Есть подозрения, что он бессмертный. А что у тебя в сумке? Нет ли там морковки?

Волк облизнулся.

– Нет, – сказала Алиса, прижимая сумку к боку. Она уже не боялась Волка, но все-таки не хотела подводить гнома. Неизвестно, какие у него с Волком отношения. – Там моя кукла и запасная одежда. Хотите посмотреть?

– Не стоит, – сказал Волк скучным голосом. – Я пошел. У меня масса дел, надо встретить Красную Шапочку и поработать на огороде. Так что жду тебя в гости, Золушка. Одна приходи или с принцем, как удобнее. Тебе каждый мое логово укажет, меня тут все знают... И любят.

Сказав так, Волк махнул хвостом и исчез в лесу, будто растворился среди серых стволов.

– Ох, – раздалось из сумки. – А я уж испугался, что он в сумку полезет. Плохо, что он тебя видел. Обязательно Кусандре донесет.

– Он в самом деле морковку ест? – спросила Алиса.

– Не хочу врать – не видел. Но сомневаюсь. Как это Волк с одной морковки таким гладким будет?

– Он меня в гости звал, – сказала Алиса.

– Успеешь, – сказал гном, – не спеши.

– А он правда с Красной Шапочкой дружит?

– Пока что не съел. Да и понятно – здесь мы все на учете. Если не досчитаются, большой скандал будет. Ты думаешь, как мне удалось сегодня вырваться? Я Змея Гордыныча подговорил. Все равно, говорю, тебе пройти обследование надо, что-то ты похудел за последнее время, чиха-

ешь, а я хорошего врача знаю, специалиста по драконам. Змей Гордыныч очень боится заболеть, с утра он как начал стонать, весь замок зашатался. А Кусандра испугался, что, если дракон помрет, начнут расследовать, вопросы задавать, почему не сберегли, почему не досмотрели за уникальным экспонатом... Золотая у меня голова!

– У тебя в самом деле золотая голова, – согласилась Алиса. – Нам далеко еще идти?

– Нет. За большим дубом будет тропинка направо. И приведет она нас к родному дому.

Глава шестая
В ГОСТЯХ У ТЕТИ ДАГМАРЫ

Дом гномов приютился между корнями огромной, древней сосны.

Корни покрывали его, как шалашом, так что крыши гномам не понадобилось. Они пристроили спереди стену с дверью и двумя окнами по бокам. Над дверью была вывеска:

Дом был покрашен голубой краской, дверь была зеленой, дорожка, ведущая к дому, подметена, по сторонам ее две небольшие клумбы с маленькими анютиными глазками.

Гном высунул голову из сумки и сказал:

– Приехали. Не правда ли, чудесный дом?

– Чудесный, – сказала Алиса.

– Это только верхний этаж. Есть еще и нижний этаж, и подвал, представляешь? Лучший дом во всем заповеднике.

Алиса поставила сумку на дорожку, гном вылез оттуда и побежал к двери. Он нажал на звонок, и внутри дома мелодично отзвенели колокольчики. Дверь отворилась, и в дверях показалась гномиха – толстая, с добрым круглым лоснящимся лицом, в длинном, до земли, синем платье с кружевным передником и в колпаке, таком же, как у Вени.

– Свен! Радость моя! – воскликнула гномиха. – Я боялась, что ты уже не вернешься. Твоя невероятная смелость меня пугает!

– Я жив, тетя! – радостно закричал Свен, заключая гномиху в объятия. – Я преодолел все трудности, я победил все препятствия, я привел Алису Селезневу, я очень хочу спать, но сначала должен поделиться с тобой большой радостью. Иди сюда.

И Свен бросился к синей сумке, стоявшей на земле между клумбами.

Гном нырнул в сумку и с трудом поволок к себе куклу. Ничего у него не получилось. Кукла застряла. Тогда он крикнул Алисе:

– Ты чего мне не помогаешь? Невесту придавило столом! Если у нее будет травма, я отдам ее тебе обратно!

Алиса только улыбнулась. Она уже привыкла к гному. Она помогла ему освободить Дашу. Свен за косы вытащил ее наружу и посадил на дорожку.

– Познакомьтесь, тетя, – сказал он. – Это моя невеста Даша.

– Очень приятно, – сказала гномиха. – А разве она живая?

– Какое это имеет значение, – сказал гном, – если за ней я получил такое громадное и ценное приданое. Алиса, вытаскивай приданое! Мы сейчас потрясем мою тетю.

Алиса послушно вытащила стол, стул, посуду и платья Даши и положила их в кучку возле гномов. При виде каждой новой вещи Свен кричал:

– Ты только погляди, тетя! Ты только погляди!

Но гномиха сначала вытерла руку о передник, протянула ее Алисе и сказала:

– Простите, в суматохе мы не успели познакомиться. Меня зовут Дагмара. Спасибо, что вы нас уважили, пришли на помощь.

– Очень приятно. Меня зовут Алиса.

– Тетя, не отвлекайся, – крикнул гном. – Пощупай приданое! А где мои братья? Они лопнут от зависти.

– Не спеши, Свен, – сказала тетя, – твои братья еще на работе. Кто-то же должен в семье работать.

– Очень хорошо, пускай работают, – сказал Свен и потащил невесту за руку к дверям. – Я без всякой работы проживу своим гениальным

умом. Разве у них есть такие невесты? Присматривай за приданым, как бы не утащили!

Он побежал в дом, волоча за руку куклу.

Тетя посмотрела вслед гному, покачала головой и сказала Алисе:

– Вы уж простите, он неплохой молодой человек, только у него ветер в голове.

– Ничего, – сказала Алиса, – я к нему уже привыкла.

– Простите, – сказала Дагмара, – а вы уверены, что его невеста настоящая?

– Честно говоря, – сказала Алиса, – она моя бывшая кукла. Правда, у нее открываются глаза, и она умеет говорить «мама», если ее положить на спину.

– Я так и думала, – сказала Дагмара. – А я хотела, чтобы у меня были внуки.

– Я все слышал! – закричал гном, открывая окно и высовывая наружу рыжую бороду. – Но меня не разочаруешь! Зато я могу ее ругать, пилить, сверлить и упрекать сколько хочу, а она мне не сможет возразить. Разве это не замечательно?

– Мне нужна помощница по хозяйству, – сказала Дагмара.

– Научим, – сказал Свен. – А пока, Алиса, подавай сюда вещи. Чего им на улице лежать.

Алиса помогла гному спрятать приданое.

– Хотите чаю? – спросила Дагмара. – В доме вы, конечно, не поместитесь, но я наружу вынесу.

– Нет, спасибо, – сказала Алиса. – Мне бы хотелось вернуться поскорее, а то отец будет волноваться.

– Ну конечно, конечно, – согласилась гномиха. – Мы оторвали вас от дел, от успешной учебы в школе. Мы вам так благодарны, что вы согласились нам помочь... Свен, немедленно выходи из дома, ты забыл, зачем пришла к нам Алиса?

Гном снова высунул из окна рыжую бороду.

– Ни в коем случае! Я свое дело сделал. Теперь пускай другие спасают заповедник. Надо использовать радости жизни! Все хорошее очень быстро кончается!

– Ах ты, опять философствовать принялся! – рассердилась гномиха. – Простите, Алиса, я сейчас вернусь.

– *Очень приятно. Меня зовут Алиса.*

Дагмара бросилась в дом, хлопнула дверью так, что домик пошатнулся, и тут же изнутри раздались жалобные крики Вени:

– Ну, тетя, ну за что? Тетя, я пошутил! Тетя, перестань, я буду жаловаться...

Тут по дорожке застучали легкие шаги, и к дому подошли два других гнома. Они были измазаны землей и покрыты пылью, вид у них был очень усталый. На плечах они несли лопаты и кирки. Увидев возле дома Алису, они остановились, сняли колпаки, поклонились ей.

– Здравствуйте, – сказала Алиса.

Гномы прислушивались к крикам, которые доносились из дома, потом один из них спросил:

– Простите, если я не ошибаюсь, тетя Дагмара наказывает нашего непутевого брата?

– Да, – сказала Алиса. – Но мне его не жалко. Он меня сюда привел, а теперь не хочет идти со мной дальше.

– Не беспокойтесь, – сказал второй гном. – Я думаю, что он скоро изменит свое решение.

И в самом деле, тут же из дома донесся голос Вени:

– Тетя, я сейчас же иду!

Дверь домика растворилась, оттуда вылетел Свен, сел на дорожку, увидел братьев и сказал им:

– Здравствуйте, как сегодня работалось?

– Спасибо, не жалуемся. А ты опять тетю не слушаешься?

– Она очень многого от меня требует. Мы с Алисой идем в холодильник, а в комнате осталась моя невеста Даша. Попрошу ее не обижать и не отнимать у меня. А то растерзаю!

– Ты нашел невесту? – удивились братья Свена.

– С приданым, – сказал Свен. – Высший сорт. Вам такая и не снилась.

В дверях показалась тетя Дагмара.

– Иди, Свен, – сказала она. – А то мне придется снова с тобой поговорить. И твои братья мне помогут.

– Поможем, – сказали гномы.

– А вы сейчас же мыться и за стол, – сказала тетя братьям.

Глава седьмая
ГДЕ ЖИВЕТ СНЕГУРОЧКА?

– Нет, они не гуманисты, – ворчал Веня. – Разлучили с любимой девушкой, гонят куда-то на ночь глядя...

– Знаешь что, – рассердилась Алиса. – Я к вам не напрашивалась. У меня еще марсианский язык не выучен, дома волнуются...

– Ах, Алиса, Алиса, – вздохнул Веня. – Пожалуйста, не принимай меня всерьез. За внешним хамством я скрываю нежность моей натуры. Ради дела я покинул Дашу. Иначе тетка из меня душу вытрясет, да еще братья исколотят. У тебя мало жизненного опыта, ты не знаешь, как трудно жить на свете.

– А куда мы идем? – спросила Алиса.

– Тут недалеко, – ответил Веня. – В холодильник.

– Куда?

– Тишшшше!

Гном, который быстро семенил впереди, замер и пошел, пригнувшись, прячась за папоротники и поглядывая направо, где между деревьями что-то просвечивало. Алиса увидела небольшое озеро. На берегу его пасся привязанный за колышек козлик. А рядом с ним сидел большой Кот в шляпе с пером и высоких сапогах с раструбами. Кот держал в лапах ромашку и обрывал лепестки один за другим, приговаривая:

– Любит, не любит, плюнет, поцелует, к сердцу прижмет... Ну вот, я же говорил, что к сердцу прижмет! А мне не верили!

Козлик жалобно заблеял.

– Молчи, копытное, – сказал Кот. – Оцарапаю.

Когда деревья скрыли Свена и Алису от парочки на берегу, гном остановился и тихо сказал:

– Нельзя, чтобы он нас увидел.

– Ты о ком?

– Этот Кот в сапогах совершенно беспринципная личность, правая рука Кусандры. На все способен, на любую подлость.

– А почему он козлика пасет? Я такой сказки не знаю.

– Делать ему нечего, вот и пасет. Очень боюсь, как бы он не узнал, что у меня такая красивая невеста.

– А что он сделает?

– Они с Кусандрой ее тут же отберут. Они у нас все хорошее отбирают.

Алиса удивилась, зачем Коту кукла Даша, но она ничего говорить об этом не стала – здесь странный мир и странные нравы. Вместо этого она сказала:

– Что-то мне морда этого козлика знакома. Где-то я его недавно видела.

– Глупая, – сказал гном, – все козлики на одну морду. Кот в сапогах – это редкость, тем более что он в Спящую красавицу влюблен.

– Еще этого не хватало, – сказала Алиса.

– Он слишком влюбчивый! Он и в тебя может влюбиться. Тогда держись!

– Это не случится, – сказала Алиса.

– Ох, неспокойно у меня на сердце, – сказал гном и поспешил дальше.

«Где же я видела этого козлика? – думала Алиса. – Ну прямо сегодня видела...» Но тут ее мысли перебил гном.

– Вот мы и пришли, – сказал он.

Они вышли на небольшую полянку, затененную могучими дубами. Под самым большим дубом стоял огромный холодильник, какие бывают в магазинах. Алиса никак не ожидала увидеть в заповеднике сказок такую машину.

Гном, раздвигая руками стебли травы, подбежал к холодильнику и постучал в дверь. Раз, потом еще раз, потом три раза подряд.

– Сейчас открою, – раздался из-за двери приглушенный голос.

Дверь холодильника приоткрылась, и оттуда высунулась окладистая белая борода, потом красный нос картошкой, потом меховая шапка. Это был Дед Мороз. А Алисе все стало ясно. Разумеется, летом Деду Морозу жарко на открытом воздухе.

Увидев гостей, Дед Мороз вылез из холодильника и сел на приступочку в дверях. За его спиной, за приоткрытой дверью, Алиса могла разглядеть белую комнату с ледяными стульями, снежным ковром и занавесками из

Дед Мороз вылез из холодильника и сел на приступочку в дверях.

инея. Красивая молодая девушка в расстегнутой песцовой шубке вскочила со стула и подбежала к двери.

– Здравствуйте, – сказал Дед Мороз. – Пришли все-таки.

– Здравствуйте, – сказала Снегурочка. – Ты и будешь Алиса? Мне о тебе Красная Шапочка рассказывала. Ты мне нравишься.

– Она не Алиса, – сказал гном, поднимая воротник и отходя в сторону, чтобы не дуло из открытого холодильника. – Золушка она. Забудьте ее имя. Из соображений безопасности она будет у нас проходить под псевдонимом Золушка. Поняла?

– А что такое псевдоним? – спросила Снегурочка.

– Секретное имя, чтобы не узнали, – сказал Дед Мороз. – И помолчи немного. Я и без того от тебя устал – говоришь и говоришь. С ума сойти можно.

– Что же поделаешь, дедушка, – сказала Снегурочка. – Ты мне тоже надоел. Я теперь буду с Алисой дружить, можно? Мы будем на каток ходить.

– До зимы еще полгода.

– А я пока буду дружить с Алисой по видеофону. Алиса, ты будешь дружить со мной по видеофону?

– Конечно, – согласилась Алиса.

– Тогда я твой номер запишу.

– Нет, с ума сойти можно! – воскликнул Дед Мороз. – Прячься, а то перегреешься! Ты разве забыла, что одна Снегурочка не послушалась дедушку...

– Знаю, знаю, она влюбилась и растаяла. Но в наши дни Иван Иванович не допустит, чтобы я растаяла.

Снегурочка достала из сумочки ледяную табличку и ледяным карандашом написала на ней номер Алисиного видеофона.

Гном сказал:

– Поторапливайтесь. Не до ночи же нам здесь сидеть. У меня дела!

– И то верно, – сказал Дед Мороз. – Нечего нам время терять. В любой момент какой-нибудь шпион может появиться. – Он поглядел на Алису и спросил: – Золушка, тебе этот непутевый гном изложил ситуацию?

– Изложил, – сказала Алиса.

– Это я уговорил моих друзей, – сказал Дед Мороз, – к людям за помощью пойти. Боюсь я таких, как Кусандра. Вы, люди, думаете, что если все волшебство и сказки под колпак спрятать, то это будет только развлечение. Смотрите, детки, какие интересные зверушки внизу шевелятся!

А ведь среди зверушек бывают и хищники. В легендарную эпоху, из которой мы все родом, было немало зла и подлости. Боюсь, что наш дорогой Иван Иваныч этого не учел и пострадал.

– Веня думает, что Царевича заколдовали, – сказала Алиса.

– Из заповедника он не выходил. Живым его никто не видел. А найти мы его не можем. Может, и заколдовали, а может, и чего похуже.

– Ой-ой-ой, – сказал гном. – Какое несчастье!

– А коньки у тебя есть? – спросила Снегурочка, которой надоело слушать этот разговор.

– Внучка, не перебивай! – прикрикнул на нее Дед Мороз. – Есть у нее коньки, все у нее есть. Так вот, чтобы отыскать Царевича, надо проникнуть в замок – дирекцию.

– Ладно, – сказала Алиса. – Я схожу. Только быстро, а то скоро стемнеет.

– Ах ты, шустрая, – улыбнулся в бороду Дед Мороз. – Ты думаешь, сходила, нашла нашего директора – и домой. Нет, не так... Ты с кем имеешь дело? Со злым волшебником Кусандрой, а не с глупым гномом, – тут Дед Мороз показал пальцем на Веню.

Гном насупился и забормотал:

– Ну ладно, чего уж... я женюсь скоро. Тогда не так заговорите.

Дед Мороз отмахнулся от Вени, серьезно поглядел на Алису и сказал:

– Рад бы я тебе дать какое-нибудь сказочное средство вроде шапки-невидимки или меча-кладенца, но, к сожалению, еще не обзавелись. Так что придется тебе полагаться лишь на себя.

– А кто меня проводит? – спросила Алиса. – Я же не знаю, как туда пройти.

– Я не провожу, – сказал гном быстро. – Мы не договаривались. Братья мою невесту отнимут.

– Без тебя обойдемся, – сказал Дед Мороз. – Я бы сам пошел, да жарко до невыносимости.

– Дедушка, миленький! – взмолилась Снегурочка. – Можно я пойду? Я пальто сниму.

– Ты что, забыла, что май на дворе? Одна Снегурочка вышла летом на улицу...

– Ой, знаю, знаю! Но я только туда и сразу обратно.

– Сиди. У меня для Золушки другой провожатый есть.

Дед Мороз сунул два пальца в рот и свистнул, как мальчишка.

Громко затрещали кусты, и на поляну вышел Медведь. Он подошел к холодильнику, сел на задние лапы, протянул Деду Морозу лапу, потом поклонился Алисе и замер, сложив лапы на животе.

– Слушай, Михаил, – сказал Дед Мороз. – Проводишь Золушку до замка. Покажешь ей вход. И будешь ждать, пока вернется. Если что, поднимай рев на весь лес. Прибежим. Понятно?

– Угу, – сказал Медведь.

– Ну вот и договорились. Иди, Алиса, он тебе покажет дорогу.

Медведь поднялся и пошел вперед. Алиса за ним. Снегурочка крикнула:

– Я тебе позвоню по видеофону!

И слышно было, как хлопнула, закрывшись, дверь холодильника.

Глава восьмая
БАБУШКИНЫ ПИРОЖКИ

Солнце клонилось к закату, длинному майскому дню подошло время кончаться. Вечер уже поджидал за углом. Идти по лесу с Медведем было спокойно – никакие волки не страшны. Да и остались пустяки – зайти в дирекцию, осмотреть все комнаты и, если что неладно, позвать Медведя, Деда Мороза или тетушку Дагмару. Зато ей повезло – кто из ее друзей здесь побывал? Никто.

Поэтому Алиса оглядывалась, старалась побольше увидеть, а жители заповедника занимались своими делами, готовили ужин, возвращались домой с работы и не обращали внимания на босоногую Золушку в тесном сарафане, которая спешила куда-то вслед за Медведем.

В небольшом озерце, через которое протекала речка, плескалась самая настоящая Русалка, с зелеными длинными волосами, зеленоватой кожей и длинным хвостом.

– Иди купаться, Золушка! – крикнула она. – Вместе веселее.

– А ты откуда знаешь, что я Золушка? – спросила Алиса.

– Все уже знают, – сказала Русалка. – Волк рассказывал, что у нас новенькая.

– Мне купаться некогда, – сказала Алиса. – Мне в дирекцию надо.

– Иди и возвращайся, – сказала Русалка. – Я тебя подожду.

Чуть подальше под толстой елью лежали ступа и метла.

– Это от Папы-Яги осталось? – спросила Алиса.

– Угу, – сказал Медведь.

– Даже не убрал за собой, – сказала Алиса.

– Угу, – сказал Медведь.

Дорожка пересекла тропинку, по которой шли рядышком три поросенка. Сзади семенил медвежонок и приставал к поросятам:

– Ну скажите, что у вас на ужин, ну скажите! Из вашего домика так вкусно пахнет!

– Отстань! – говорили поросята. – Нам самим мало.

Чуть дальше, на берегу речки стоял очень большой и очень гадкий утенок.

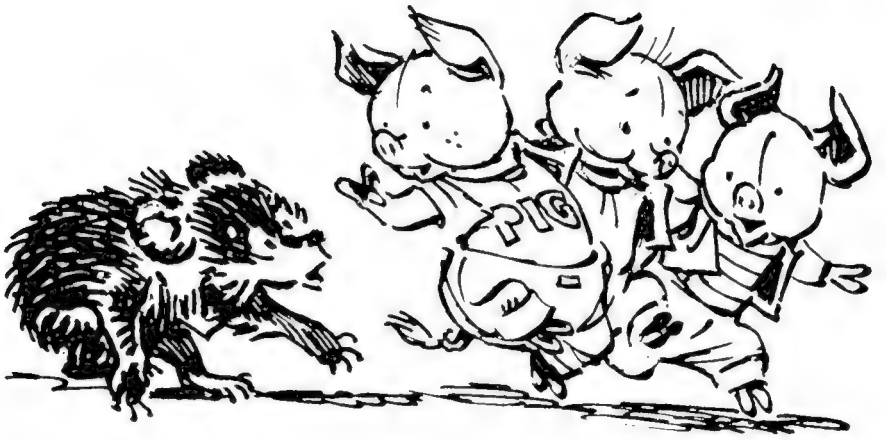
– Здравствуйте, – сказала Алиса. – Я о вас читала.

– Проходи, проходи, – сказал гадкий утенок. – Не задерживайся. У меня рабочий день кончился.

– Он расстегнул длинную молнию у себя на животе, шкура гадкого утенка слезла, и под ней оказался самый настоящий прекрасный белый лебедь.

– Вот странно, – сказала Алиса, глядя, как лебедь аккуратно складывает шкуру и прячет под камень.

– Ничего странного, – сказал лебедь. – Я не виноват, если я вырос и похорошел. Приходится днем таскать это пальто.



Лебедь сошел в воду и поплыл по реке.

Алиса и Медведь пошли дальше.

– Какая встреча, – раздался знакомый голос Волка. – Как я рад вас видеть.

За кустами на склоне стоял небольшой белый дом под крутой красной крышей. Перед домом между двумя цветущими яблонями покачивался гамак, в гамаке дремала толстая девочка в красном берете, а Серый Волк-вегетарьянец, стоя на задних лапах, нежно подталкивал гамак.

На звук волчьего голоса окошко в доме растворилось, и оттуда выглянула старушка в очках и в черном платочке с розами. В руках у нее сверкали спицы. Она вязала что-то разноцветное.

– Добро пожаловать, Золушка, – сказала она. – Мы о вас наслышаны от Волка. Я бабушка Красной Шапочки. Красная Шапочка, проснись, познакомься, Алиса пришла.

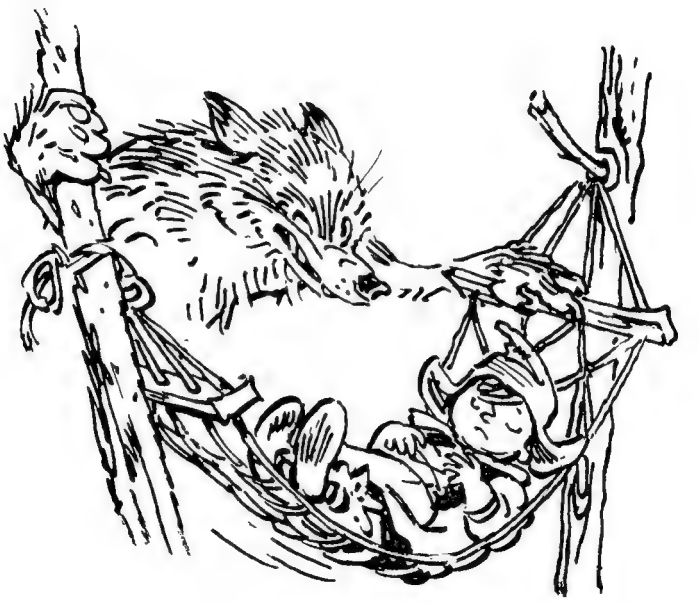
– Кто? Какая Алиса? – спросил Волк. – Это не Золушка?

– Ах, маразм, маразм, – сказала бабушка, – я оговорилась. Хотя не исключено, что настоящее имя Золушки – Алиса. Ведь столько времени прошло.

Девочка в гамаке проснулась, протерла глаза и проворчала:

– Совсем спать не дают, ни секунды. Я же устала!

– Она устала, – сказал Волк.



– С чего же ты устала, внучка? – спросила бабушка. – С обеда, что ли?

– Не надо было меня перекармливать, – капризно сказала Красная Шапочка. – Сама же заставляешь: скушай этот кусочек, скушай тот кусочек... Вот лопну, тогда заплачешь.

– Не смей так говорить, – взвыл Волк. – Ты хочешь оставить меня без работы! А за кем я буду гоняться по лесу? Кому я буду угрожать? Кого я буду, наконец, любить?

– Ничего, – сказала Красная Шапочка, – пойдешь в обыкновенный зоопарк, кусок мяса тебе всегда будет обеспечен.

– Морковки, моя дорогая, морковки! – сказал Волк.

– Ой, как ты мне надоел, – сказала Красная Шапочка, – все мне надоели.

– Пойдем, Медведь, – сказала Алиса. – Нам пора.

– Идите, идите, – сказал Волк.

– Нет, – сказала бабушка, откладывая спицы. – Я сначала тебе пирожок на дорожку дам. С вареньем. Вижу, что ты проголодалась. – И бабушка незаметно подмигнула Алисе.

– Спасибо, – сказала Алиса. Она и в самом деле была голодна. Одним мороженым сыт не будешь.

– Может, не стоит? – спросил Волк, садясь. – У нас не так уж много пирожков осталось. И мука кончается.

– Молчи, Серый, – сказала бабушка. – Тебя не спрашивают.

– Красная Шапочка! – зарычал Волк. – Куда это годится? Если я не съел твою бабушку, значит, мной можно помыкать?

– Ах, отстань, – сказала Красная Шапочка, – лучше спой мне что-нибудь. Я так утомилась!

Алиса пошла в дом, а вслед ей Серый Волк завыл занудную песню.

Алиса вошла в домик и остановилась в дверях.

Дальше идти было некуда. Большую часть комнаты занимал разноцветный ковер, сложенный в несколько раз. Именно его и вязала бабушка.

– Не стесняйся, – сказала бабушка, – проходи по краю. Пирожки на кухне, на тарелке. Бери сколько хочешь.

– А что вы делаете? – спросила Алиса.

– Вяжу, – сказала бабушка.

– А что вы вяжете?

– Занавес для детского музыкального театра, – сказала бабушка. – Я вяжу его уже полгода, а работы еще на год. К сожалению, я не могу развернуть его, чтобы тебе показать, но когда он будет закончен, ты сможешь им полюбоваться в театре. Это лучший занавес в мире.

– Не только самый лучший, – сказала Алиса, – но наверняка самое большое вязание.

– Конечно, – сказала бабушка, – иначе зачем стараться? Да ты иди на кухню, возьми пирожков, а то Медведь волнуется, тебе пора идти.

Алиса с трудом добралась до стола и взяла пирожок. Стол, табуретки, даже холодильник – вся кухня была завалена мотками шерсти разных цветов и оттенков.

– Нашла? – спросила бабушка из комнаты.

– Спасибо, – сказала Алиса.

– Не обращай внимания на капризы Красной Шапочки. Конечно, она девочка ленивая, но сейчас она тебя нарочно не замечает, чтобы Волка одурачить. Не доверяем мы ему. Что-то много он о морковке говорит и о любви ко всему живому. Мы даже дверь стали на ночь запирать. Так сказать, берегись Волка, который говорит о любви к ближним.

– Вы думаете, что он может кого-нибудь съесть? – спросила Алиса. Пирожок оказался таким нежным и вкусным, что она попросту проглотила его, даже разжевать не успела. Пришлось взять второй.

– Почему не съесть, если зубы есть? – сказала бабушка. – И на меня он недобро поглядывает. А мне собой жертвовать никак нельзя. Кто за меня занавес довяжет?

– Странно, что вы сказочные, – сказала Алиса и взяла пятый пирожок. – Вы кажетесь самыми обыкновенными людьми!

– Что делать... Мы сюда по доброй воле приехали. Я надеялась дать образование ребенку, пускай в школу ходит... Я уж ее всюду водила, и в музеи, и в театр. Но, к сожалению, все впустую. Не хочет Красная Шапочка учиться. Только телевизор смотрит. С утра и до вечера. Как начинается

– Не стесняйся, – сказала бабушка, – проходи по краю. Пирожки на кухне, на тарелке. Бери сколько хочешь.

программа для малышей, она приклеивается к телевизору – и конец, быками не оторвешь. Уж я сама за это время научилась читать и писать. И дала себе зарок, свяжу занавес для детского музыкального театра. Очень мне там понравилось. И для малышей полезно.

– Может, мне поговорить с Красной Шапочкой? – спросила Алиса. – Я с ней могу заниматься, помогать ей.

– Ах, не получится, моя дорогая, – сказала бабушка. – Ничего из этого не выйдет. Я уж ее к врачу водила, а врач говорит – безнадежный случай, таких детей в наше время уже нет. Все органы у нее работают нормально – ест она как все, и спит как все, и даже разговаривает как все. А вот никакие знания в голове у нее не удерживаются. Одним словом, сказочная лентяйка. Ты кушай пирожки, кушай. Я сама пекла.

– Спасибо, – сказала Алиса. – Мне пора идти.

– Возьми с собой на дорожку.

Алиса не удержалась, взяла шестой пирожок, попрощалась с доброй бабушкой и вышла на лужайку. Медведь, увидев ее, укоризненно заворчал, надоело ждать, а Волк, который поджидал у двери, спросил:

– Понравились пирожки? Что-то тебя долго не было. Сколько съела? Нам ничего не оставила?

– Оставила, – сказала бабушка из окна. – Всем хватит. А не хватит, я еще испеку.

– До свидания, – сказала Алиса.

– На обратном пути обязательно заходи, – сказала бабушка. – Я буду ждать.

– Я тоже пошел, – сказал Волк.

– А ты куда? – заныла хитрая Красная Шапочка. – Я тебе запрещаю идти. Мне так одиноко.

– Прости, дорогая, – ответил Волк. – На огород. Пора морковку полоть. Хороший намечается урожай морковки на моем огороде.

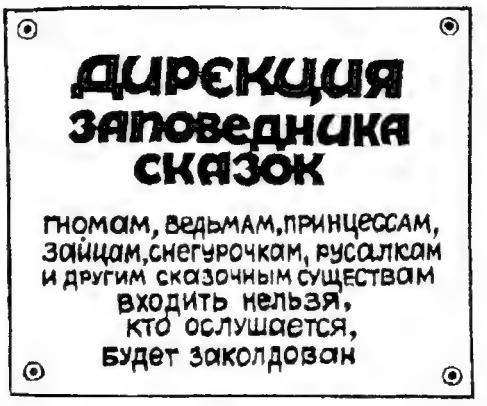
И Волк большими прыжками умчался в чащу.

Алиса с Медведем тоже пошли дальше, и скоро домик Красной Шапочки скрылся за деревьями.

Глава девятая
КУСАНДРА ОБЕСПОКОЕН

Лес кончился неожиданно. Только что было темно и сыро, и вдруг Алиса с Медведем вышли на открытое место и увидели освещенный закатным светом старинный каменный замок с высокими башнями по углам, окруженный рвом с водой. Через ров были перекинуты два узких моста, которые вели к двум одинаковым, окованным железными полосами дверям. К левому мосту вела утоптанная широкая дорожка, к правому – узкая, заросшая подорожником и даже крапивой.

Над левой дверью висела большая золотая вывеска с черными буквами:



Над правой дверью вместо вывески была прибита позолоченная корона.

– А почему две двери? – спросила Алиса у Медведя.

– У-уу... – сказал Медведь.

– Отвечайте, пожалуйста, – сказала Алиса. – Я же не знаю, что мне дальше делать.

– Угу, – сказал Медведь. Он подобрал с земли сучок, разровнял лапой песок под ногами и начал быстро писать квадратными буквами: «Иди направо».

– А разве вы глухонемой? – спросила Алиса.

– Не-е-е, – прорычал Медведь и написал, стерев прежнюю надпись: «Я молчун».

– А почему в правую дверь идти? – спросила Алиса. – Дирекция же в левой двери.

«Там Кусандра, – написал Медведь. – А справа глупый король».

Потом все стер и написал: «Я буду ждать здес».

Алиса отобрала у Медведя сучок и дописала в последней фразе мягкий знак – она не терпела, когда пишут с ошибками.

– У-уу... – обиженно сказал Медведь, и Алисе показалось, что он покраснел. Наверное, это было не так – медведи не краснеют, у них очень толстая и мохнатая шкура. Просто на него упал красный луч заходящего солнца.

Тихо подвывая, Медведь поджал короткий хвост, ушел в кусты и залег там, накрыв морду лапами, – наверное, обиделся.

Алиса не сразу пошла к замку. Замок был пуст и молчалив, он тихо подстерегал ее, заманивал, чтобы не выпустить обратно. Удивительное дело: еще сегодня утром спроси кто-нибудь у Алисы, верит ли она в сказки, Алиса рассмеялась бы в лицо тому человеку. Как можно верить в сказки в конце двадцать первого века? А сейчас она уже не стала бы спорить с гномом Веней. Если это не сон, то сказочный мир, хоть и в заповеднике, под стеклом, все-таки существует. А если он существует, значит, его можно объяснить. Но, как назло, рядом нет никого, кто бы мог объяснить. Подумать только – всего полчаса пролетишь на автобусе и вернешься домой, а там отец уже дописал статью, богомол носится по комнатам, ищет Алису, по телевизору идет восемьдесят третья серия фантастического фильма «Сквозь тернии к звездам»... И никаких чудес. А здесь – сзади

в кустах посапывает Медведь, обиженный Алисой, потому что она уличила его в неграмотности. Где-то в лесу Кот в сапогах пасет козлика, гномы сели ужинать, Дед Мороз сидит на ледяном стуле в холодильнике со Снегурочкой, Серый Волк-вегетарьянец пропалывает на огороде морковку; а злой волшебник, может быть, Кащей Бессмертный, он же бывший Папа-Яга Кусандра, стоит сейчас у неосвещенного узкого окна древнего замка и поджидает, когда Алиса ступит на мост, чтобы спустить на нее тигра или привидение. Может, все-таки вернуться назад, позвонить от гномов папе, и пускай разбираются взрослые? А что скажет отец? Отец скажет: «Немедленно возвращайся домой! В сказочном заповеднике все экспонаты искусственные». Так он и скажет. А время идет...

Алиса с грустью поглядела на кусты, где похрапывал Медведь. Большой белый лебедь пролетел низко над головой и негромко крикнул:

– Не бойся, Золушка!

– Я не боюсь, – прошептала Алиса, хотя очень боялась. И направилась к замку, который строго уставился на нее черными узкими окнами.

Алиса дошла до развилки и свернула на узкую, заросшую подорожником тропинку, что вела к правой двери, над которой была прибита позолоченная корона. И тут она увидела, что слева, у двери в дирекцию на первом этаже загорелся свет, в комнате за столом возле окна сидит волшебник Кусандра и наливает чай из самовара. «Ну и молодец Медведь, что предупредил, – подумала Алиса. – Пошла бы я в ту дверь и сразу попала бы в лапы к Кусандре».

Алиса свернула направо и быстро пробежала к подъемному мосту. Мост был узким, доски его покрыты пылью и скрипели, а цепи заржавели. Алиса подошла к двери и остановилась, думая, стучать ей к королю или к королям можно заходить без стука.

Вдруг она услышала шум шагов – обернулась и увидела, что из леса выскочил Волк. Он несется к замку. Алиса прижалась к двери и замерла. Хоть Волк ест морковку, все-таки он остается Волком. Но Волк не заметил Алису. С развилки он побежал налево к двери в дирекцию заповедника. Он остановился у освещенного окна и, поднявшись на задние лапы, принялся стучать лапой в окно. Окно со скрипом растворилось.

– Ты чего? – послышался голос Кусандры. – Я тебя не звал.

– Я с докладом, – сказал Волк. – Не нравится мне Золушка. Вызывает у меня подозрение.

– Какая еще Золушка? – спросил Кусандра. – Нет у нас Золушки.

– Я ее сегодня два раза видел. Босая, в сарафане, нахальная, – сказал Волк. – Ей бабушка все пирожки скормила. Тоже подозрительно. И привел ее в заповедник этот гном, Веня.

– Паршивец это, а не гном, – сказал Кусандра. – А что она тебе сказала? Чем объяснила появление?

– Сказала, что новенькая.

– Новенькая, говоришь? А ну-ка, погоди. Я проверю. У меня все списки населения от бывшего директора остались.

Слышно было, как Кусандра зашуршал на столе бумагами. При этом он по-стариковски кашлял и ворчал что-то себе под нос.

Волку неудобно было стоять на задних лапах, он вилял задом, перебирал ногами, потом оглянулся, посмотрел на лес и сказал:

– В любой момент они здесь могут оказаться.

– Кто они?

– Золушка эта. С Медведем.

– С молчуном?

– С ним самым, – сказал Волк. – Грубое, неприятное животное. Не понимаю, что в нем сказочного?

– А он по совместительству в нескольких сказках работает, – сказал Кусандра. – Не нравится мне, что ты рассказываешь. Сначала с гномом, а гномы – народ ненадежный, мерзкий. Потом с Медведем, а Медведь еще хуже гномов, он с Дедом Морозом в друзьях. А у этого Деда Мороза на все, видите ли, собственное мнение. Давно думаю, как бы электричество от холодильника отключить – растаяла бы вся семейка, в заповеднике спокойней стало.

– Не выйдет, – сказал Волк. – Ты же знаешь, холодильник на батареях работает. Ну как, нашел Золушку в списках?

– Так и думал, нет ее, – сказал Кусандра. – Значит, шпионка. Надо изловить и пытать. Беги, лови!

– Еще чего не хватало, – сказал Волк. – Я же не хищник. Я морковкой питаюсь. У меня репутация вегетарьянца.

– Молчать! – приказал Кусандра. – Знаем мы твою морковку. Лицемер!

– Не оскорблять! – сказал Волк и опустился со стуком на все четыре лапы. – Хоть я вегетарьянец, а держу зубы в боевой готовности. Заруби себе на носу, начальник. Я тебя слушаюсь, пока мне выгодно. А будет выгодно не слушаться, тогда на меня не рассчитывай.

– Ну ладно, ладно, – сказал Кусандра. – Не время ссориться, старик. Прошу тебя по-человечески, выйди на дорожку, стереги, когда они появятся, свистни мне, чтобы я подготовился к их приходу. Золушка, говоришь?

– Девочка, совсем ребенок, беленькая, коротко постриженная, в сарафанчике и босая.

– Беленькая, коротко остриженная? Видел я сегодня такую в одном месте, только та в комбинезоне. Ну иди, милый, иди, наблюдай за подступами к замку. Будем брать ее живьем. Чует мое сердце – не настоящая это Золушка.

– А вдруг настоящая? – спросил Волк. – Может, директор не успел сказать, что ее пригласил?

– Нет, он аккуратный, – сказал Кусандра. – Он все на бумажке записывал.

– И все-таки ты его спроси.

– Не станет он отвечать, – сказал Кусандра. – Очень он злится, что мы его заколдовали. Так бы и разорвал меня на клочки. Только не в силах он этого сделать. Хитер был директор, да мы хитрее.

Со стороны леса донеслась песня. Противный пронзительный голос распевал частушки.

Из леса появился Кот в сапогах, который тащил на веревке серого козлика. Козлик упирался, мотал головой и вдруг заблеял. Кот прервал свою песню и гневно зашипел:

– Нарочно? Да, нарочно? Я всю душу вкладываю, а ты издеваешься над артистом? Из-за тебя я пропустил аплодисменты. – И Кот потащил козлика к замку так сильно, что козлик даже захрипел.

Алиса поняла, что Кот может ее заметить, поэтому еще теснее прижалась к двери. Вдруг дверь поддалась и медленно, со скрипом отворилась внутрь. Алиса скользнула в щель. Вокруг было темно. Послышался голос Волка:

– А кто там у тебя скрипит? Твой сосед?

– Он, как всегда, спит, – сказал Кусандра. – Не обращай внимания. Он нам не помешает.

Кот с козликом подошли к мосту. Волк облизнулся, глядя на козлика, козлик вздрогнул и выставил вперед рожки.

– Ну и храбрец, – захохотал басом Волк. – Ну и храбрец! Да я тебя, если захочу, одним махом слопаю. Только не ем я козликов, понимаешь, питаюсь морковкой. Какие в козликах витамины? Нет в козликах витаминов. А морковка полна витаминами. Если бы еще морковка бегала на четырех ножках да вкусом была как мясо, я бы вообще ничем, кроме морковки, не стал питаться.

– Волк, сколько тебе говорить! – сказал Кусандра. – Скоро солнце зайдет. Пропустишь, никогда не прощу. Заколдую!

– А что случилось? – спросил Кот.

– Тут девчонка одна шляется, – сказал Кусандра. – Наверно, шпионка. Я велел Волку ее нейтрализовать. А ты мне тоже будешь нужен. Козлика запри понадежнее.

– А она красивая? – спросил Кот.

– Кто?

– Шпионка.

– Вечно ты со своими глупыми вопросами! Не видел я шпионку. Если бы видел, сразу разоблачил. Ее только Волк видел, но выпустил, старый дурак. Сомневаешься, сразу хватай, а потом уж разбирайся.

– Красивая, – сказал Волк. – Волосики золотые, глазки голубые, такая аппетитная, вкусная, всю бы съел.

– Ну вот, все бы тебе жрать и жрать, – сказал Кот. – Никакой романтики. Может, я в нее влюблюсь? Может, я с ней при луне гулять буду, песни петь буду? А ты – съем, съем... Стыдно. А еще взрослый Волк, вегетарьянец.

– Прекратить разговорчики! Следить в оба! – приказал Кусандра. – Уволю! Растерзаю!

Волк затрусил обратно к лесу, и Алиса увидела сквозь щелку в двери, как он залег в кустах. Он лежал по одну сторону дорожки, а Медведь – по другую. «Ничего страшного, – подумала Алиса, – в случае чего – Медведь сильнее».

– Пошли, козлик, пошли, маленький, – сказал Кот в сапогах. – Спать тебе пора, а нам придется опять всю ночь на страже, при деле, на работе, шпионов ловить, заповедник охранять. Раз уж директор заповедника бросил нас и уехал на конференцию в город Тимбукту. Такие вот дела, пошли, скотина.

Козленок опять жалобно заблеял, дверь в замок хлопнула, потом закрылось окно. И все стихло.

Глава десятая
КОРОЛЬ НА ТРОНЕ-КРОВАТИ

Алиса прикрыла за собой дверь. В комнате, куда она попала, было почти темно – сквозь узкие щели окна попадало слишком мало света, тем более, что уже начались сумерки. Алиса зажмурилась, чтобы глаза скорее привыкли к темноте, и тут же услышала сонный голос:

– Кто здесь? Зачем пришли? Если грабители, то ошиблись дверью. У меня брать нечего, сам с голоду помираю.

Алиса замерла. В наступившей тишине ей было слышно, как колотится собственное сердце.

Козлик упирался, мотал головой и вдруг заблеял.

– Я не грабитель, – сказала она. – Я Золушка. Мне ничего от вас не нужно.

– Сейчас, – сказал сонный голос, – свечку засветим, поглядим, кто к нам пожаловал, добрый человек или лихой разбойник.

Чиркнула спичка, еще одна, потом загорелся огонек свечи. Алиса увидела, что перед ней посреди большой комнаты стоит такой широкий королевский трон, что на нем могло бы усесться сразу пять королей. На этом троне, как на кровати, лежит пузатый человек в ночной рубашке и золотой короне, надвинутой так глубоко, что уши, заложенные ватой, торчат в разные стороны. Человек принялся сладко зевать и зевал минуты три. Алиса не удержалась и тоже зевнула. Человек отзевался, достал из-под кружевной подушки очки, расправил пышные усы и стал рассматривать Алису.

– А ну-ка, приблизься к нам, – сказал он. – Не стесняйся, мы добрые.

– Слушаюсь, ваше величество, – сказала Алиса, которая догадалась, что перед ней самый настоящий сказочный король.

Она подошла поближе, король поднял свечку повыше, внимательно осмотрел Алису с ног до головы и сказал:

– Полагаем, что ты и в самом деле Золушка. А не разбойник. Но предупреждаю, здесь тебе рассчитывать не на что. Принца у нас нет, царства тоже. Все, что есть, это половина замка, вторую мы Ивану Царевичу сдали. Даже трон-кровать не наш – достался от какого-то древнего тирана нечеловеческих размеров. Правда, это и к лучшему, можем спать, не отходя от рабочего места. – Король поправил одеяло, поглядел на Алису снова и спросил: – А зачем пожаловала? В наш замок сказочным существам вход строго воспрещен.

– Я потому и пришла сюда, что я не сказочная, – сказала Алиса. – Я обыкновенная девочка. Меня попросили помочь.

– Мы удивлены. Кто просил? О чем просил?

Алиса не знала, чей друг этот толстый усатый король. И что ему можно рассказывать, а что – нет.

– Мои знакомые попросили, – сказала она осторожно.

– Понимаю, а тебе принца за это обещали!

– Нет, не обещали.

– Зря соглашалась, – сказал король. – Я всегда чего-нибудь беру. Мы вот половину замка Ивану Царевичу отдали, замок-то старый, крыша течет, а за это выторговали кормежку и обслуживание. Только меня по-

На этом троне, как на кровати, лежит пузатый человек в ночной рубашке и золотой короне.

чему-то второй день не обслуживают. Не знаешь почему? Даже ночной горшок не выносят.

– А кто вас раньше обслуживал, ваше величество? – спросила Алиса.

– Слуга Ивана Ивановича Царевича, по имени Кусандра, низкий человек, лакей. Правда, отдавал должное моему королевскому происхождению. А вот второй день не идет. Я уж его звал, грозил, в стенку стучал, а он не идет. Жаловаться надо, а я не могу пойти пожаловаться. Столько лет пролежал на троне-кровати, что ноги ходить разучились. Я все съел, что было, а сегодня уж кости обсасывал и крошки подбирал. Разве это достойно моего положения?

Король показал на столик возле трона-кровати. На нем стояла грязная посуда, а на тарелках лежали обглоданные куриные и гусиные кости.

– Отберу я у них замок, – сказал король. – И отдам кому-нибудь. Тебе замок не нужен? Хороший замок, еще крепкий, с подвалами. Можно капусту хранить, а можно врагов заточить.

– Нет, не нужен мне замок.

– Тогда скажи Ивану Царевичу, что я им недоволен!

– Не могу, – сказала Алиса. – Пропал ваш директор. Я затем и пришла, чтобы его отыскать. Только это тайна.

– Как пропал? Кто посмел? И со мной не посоветовались! В моем замке пропадает достойный человек, мой друг, а мне даже не говорят! Теперь я понимаю, почему меня кормить перестали!

– Говорят, что его заколдовали или заточили, – сказала Алиса. – Это общее мнение. И Дед Мороз так думает, и гномы в этом уверены.

– Если Дед Мороз, это очень важно. Он достойный человек. Тоже королевского происхождения. Я ему даже предлагал в моем подвале пожить. Там холодно и пусто, пока преступников я туда не посадил. Так кто же, ты думаешь, заколдовал нашего уважаемого Ивана Царевича?

– Ясно кто – Кусандра. Он же волшебник.

– То-то мне его лицо не понравилось! Сколько я видел на своем веку волшебников – у всех удивительно неприятные лица. И у волшебниц тоже. Тебе не рассказывали, какая дикая история произошла с моим двоюродным братом? Он одну волшебницу обидел, так она ему дочку усыпила! До сих пор не могут разбудить. Принца ждут. Многие ходили, даже целовать пытались. Видно, не те. Хорошо еще, что Иван Царевич несчастную девушку к себе взял. Между прочим, он мне говорил, что

собирается в ближайшие два-три дня разбудить принцессу. Нашел, говорит, средство... И вот все пропало!..

Король задумался, глаза его закрылись, и наступила тишина. В этой тишине Алиса услышала, как кто-то стучит в стену со стороны дирекции. Король вздрогнул, открыл глаза и спросил:

– Кто там? Чего надо?

– Это я, Кусандра, – послышался голос. – У вас, ваше величество, кто-то в гостях?

Послышался скрип растворяемой двери. Алиса шепнула королю:

– Не выдавайте меня! – И спряталась под трон-кровать. Там было пыльно и темно.

– Не беспокойся, – сказал король.

Слышно было, как Кусандра подходит к королю. Он нес в руках фонарик, и от света фонарика по полу тронного зала забегали длинные черные тени.

– Мне показалось, что я слышу голоса, – сказал Кусандра.

– Я сам с собой разговаривал, – сказал король. – Кстати, я рад, что ты, наконец, пришел. Что случилось? Почему за мной не ухаживают?

– Значит, у вас никого не было? – повторил свой вопрос Кусандра, не обращая никакого внимания на слова короля.

– Я не намерен отвечать, – сказал король королевским голосом, – пока не услышу объяснений. Где директор Царевич? Я требую, чтобы он немедленно пришел сюда и извинился. Я буквально умираю от голода! Вы слышите, от голода! У меня начался бред, я разговариваю сам с собой, а вы смеете задавать мне глупые вопросы!

– А мне показалось, что кто-то был, – сказал Кусандра, но уже не так уверенно, как вначале. В голосе короля гремели раскаты грома, с потолка посыпалась труха, и захлопала крыльями, заметалась в вышине летучая мышь. Алиса сжалась под троном, стараясь не шевелиться и ничем себя не выдать. А тут еще страшно захотелось чихнуть. Алиса начала чесать переносицу.

– Поймите, – сказал Кусандра почти виновато. – Ивана Царевича вызвали в город Тимбукту на конференцию...

– На какую такую конференцию? – спросил грозно король. – Почему он мне не доложил? Кто, в конце концов, здесь хозяин? Он или я?

– Вы, ваше величество, – сказал Кусандра. – Но он директор, и я ему подчиняюсь. Никаких указаний по поводу вашего кормления он не оставил. Забыл, наверное.

– А у тебя своя голова есть?

– Занят я был. Столько дел! Все на меня одного свалилось. Подумать только, сегодня с утра занемог дракон Змей Гордыныч, и я полдня искал по всей Москве врача, который может его вылечить. А теперь еще в заповедник пробралась какая-то шпионка, и ее надо выловить, прежде чем она чего-нибудь натворит. Я же за все в ответе перед директором и наукой.

Алиса сжалась еще больше. А вдруг король сейчас скажет: «Эта шпионка сидит за моим троном!» Ведь короли бывали очень коварные, особенно сказочные короли.

Но король Алису не выдал. Он шмыгнул носом, вздохнул и спросил:

– А почему вы вместо себя кого-нибудь из зверей не прислали?

– Никак невозможно, ваше величество. Сказочные существа в замок попасть не могут, замок заколдован.

– Не пытайтесь меня заморочить, я вам не зайчик и не гном, – сказал король и сел на троне-кровати. – Я здесь сам живу. И ты здесь живешь. И Змей Гордыныч.

– Тишше, – испуганно ответил Кусандра, – даже у стен есть уши! Вы представляете, что случится, если сказочные существа узнают, что каждый может войти в замок и что замок вовсе не заколдован? Они же любопытные, они все сюда полезут. А если кто-нибудь машину увидит? Нет, вы уж лучше потерпите. Я сам, как только стемнеет, кончу дела, нам с вами ужин соображу. Вместе посидим, вина выпьем, у меня хорошее вино есть.

«Интересно, что здесь за машина, – подумала Алиса, – которую нельзя видеть экспонатам и экспогномам? Все тайны и секреты. Никогда не думала, что в Москве может быть такое секретное учреждение».

– А когда вернется директор? – спросил король.

– Может быть, даже завтра, может быть, послезавтра.

– Кстати, что это за конференция в этом Тимбукту?

– По этому... – сказал Кусандра. – По этой самой, по вечной мерзлоте.

– Вы уверены? – спросил король.

– Совершенно уверен. Директор у меня даже шубу одолжил. Я пошел. Скоро вернусь.

И с этими словами Кусандра покинул тронный зал. Хлопнула дверь, потом звякнул засов.

– Трусит, – сказал король. – Совесть нечиста, и трусит. Дверь запирает. Золушка, вылезай, он не вернется.

Алиса вылезла из-под трона. И с наслаждением чихнула.

– Еле дотерпела, – сказала она. – Пыльно у вас.

– От этого еще никто не умирал, – сказал король. – Я тебе должен сообщить, что нашего директора в Тимбукту нет.

– Как вы догадались?

– Вот и видно, что ты плохо учила географию, – сказал король. – Тимбукту – это очень древний город в Африке, у самой пустыни Сахары. Ко мне лет тысячу назад оттуда посол приезжал на верблюде. Скажи, пожалуйста, зачем там устраивать конференцию по вечной мерзлоте, если там никогда снега не видали, а что такое мерзлота, судят по инею в холодильнике. И мог ли наш директор взять туда шубу?

– Не мог, – сказала Алиса. – Значит, его надо искать здесь.

– Вот именно, – сказал король. – А если на пути попадешь на кухню, захвати мне чего-нибудь поесть. Не верю я этому Кусандре. Он хочет меня уморить. Захватишь?

– Обязательно, – сказала Алиса.

– Не обманешь?

– Нет.

– Смотри, а то что-то меня стали все обманывать. Пора срочно привозить из легендарной эпохи стражу. Тогда меня все полюбят. Королей любят за суровость. Учти, девочка. Желаю тебе найти принца. Только не хватай первого попавшегося. Принцы тоже бывают разные. А то попадется жулик вроде нашего Кота, от него не только хрустальных туфелек...

– А куда мне дальше идти? – спросила Алиса.

– В конце зала дверь. Она ведет во двор. Только осторожнее, иди по стенке на цыпочках – там дракон спит, страшный, трехголовый. Репутация у него плохая. Говорят, что в свое время тысячу рыцарей растерзал.

– А мне он добрым показался, – сказала Алиса.

– Так ты его уже видела? Тогда он тебя не тронет. Как пройдешь дракона, будет лестница в подвал. Туда обязательно загляни. Подвалы у нас

многоэтажные, страшные. Свечку держи, у меня запас. И спички. А я посплю, когда спишь, не так есть хочется. – И король захрапел.

Алиса прошла через тронный зал и увидела в конце его небольшую дверцу. За ней был узкий коридор, в котором хранились ящики и мешки, наверное, продукты для заповедника. А дальше еще одна дверь, которая вела во двор замка.

Глава одиннадцатая
ДРАКОН И ЕГО ДВОЮРОДНАЯ СЕСТРА

Алисе казалось, что она провела в тронном зале всего несколько минут, но, видно, прошло куда больше времени – солнце уже село, и узкий двор, окруженный, как колодец, высокими каменными стенами замка, был погружен в синий полумрак. Почти весь двор занимал темный холм. Он мерно и редко вздымался и опадал. Вдруг над холмом поднялась драконья шея с головой, из которой вырвался клуб черного дыма. Голова откашлялась, и Алиса догадалась, что темный холм и есть Змей Гордыныч. Интересно, узнает он ее или нет? Еще проглотит, не разобравшись, или позовет Кусандру. Поэтому Алиса, не выходя из двери, тихонько окликнула дракона.

– Змей Гордыныч, не пугайтесь, это я, Алиса. Мы с вами уже встречались.

– Кто это? – Еще две головы взвились вверх и закачались на длинных шеях. Головы вертелись, разглядывая двор, стараясь угадать, откуда донесся голос. Потом одна из голов высмотрела Алису и потянулась к ней. Алисе захотелось спрятаться в коридор, но она заставила себя остаться на месте. Голова покачалась перед самым лицом Алисы, прищурилась, потом отвернулась от нее, выдохнула дым и сказала: – Помню, помню, меня ваш папа лечил.

– А вы еще укол тогда испугались делать, – сказала Алиса.

– А это напрасно, – сказал дракон, – это совсем лишнее. Нельзя напоминать друзьям об их слабостях. Ты же не знаешь, почему я не выношу уколов. А обвиняешь меня в трусости. Это меня-то, который победил в честном бою около тысячи рыцарей и богатырей.

– А почему вы боитесь уколов? – спросила Алиса.

– По той простой причине, что много лет назад один подлый богатырь подкрался ко мне во сне и вонзил копье под мышку. С тех пор я прихра-

мываю на переднюю ногу, а в плохую погоду ноет – спасу нет! Хорошо еще, что в заповеднике дождей не бывает.

– Простите, – сказала Алиса, – я не хотела вас обидеть.

– А я и не обижаюсь, – сказал Змей Гордыныч. – Я поговорить с тобой рад. Скучно мне смертельно. Никто со мной не разговаривает, никто меня не любит. Я – последний дракон на Земле. Подумай, Алиса, вдруг ты – самая последняя девочка на Земле. Представь себе это!

– Нет, не представляю, – сказала Алиса. – Я совершенно уверена, что на Земле есть еще много миллионов девочек.

– А я вот совсем один. На всей Земле один. Мы, драконы, так давно вымерли, что даже уважаемый Иван Иванович ничем мне помочь не может.

– Неужели вы совсем один?

Алисе стало очень жаль дракона. «И в самом деле, – подумала она, – осталась бы я последней девочкой на свете.

И поиграть не с кем, и поговорить не с кем... живи, существуй в полном одиночестве. Нет, это ужасно...» – Совсем один, – сказал дракон, и Алиса увидела, как из глаз самой ближней к ней головы выкатились большие, с кулак размером, слезы, по очереди шлепнулись на землю, и получились шипящие лужи, от которых поднимался едкий дым.

– Погодите, – сказала Алиса. – Еще не все потеряно! Я вспомнила!

– А что? – спросил дракон. – Есть надежда?

– Вы когда-нибудь слышали о лох-несском чудовище?

– О ком?

– Есть такая страна Шотландия. И есть в этой стране озеро, которое называется Лох-Несс, – сказала Алиса. – Я смотрела об этом передачу по телевизору. Говорят, что в этом озере живет чудовище по имени Несси.

– Не может быть! – сказал дракон. – И какое это чудовище из себя?

– Эта Несси не хочет показываться людям. Уже триста лет люди ее выслеживают, ловят, тысячу раз фотографировали и даже рисовали, но никто не смог разглядеть ее вблизи. У нее такое же, как у вас, тело, такая же шея, только вместо ног ласты, а голова одна.

– Постой-постой, а где эта Шотландия? – спросил дракон.

– Это в Англии, рядом с Францией, точнее, я не знаю, мы географию только начали проходить.

– В Англии? Никогда не слышал такого названия, – сказал дракон. – Но по твоему описанию получается, что это моя двоюродная сестра! У нее была одна голова, и она была лентяйкой, ленилась пешком ходить. И вот однажды попала она в страну, которая называлась Древняя Греция, не знаю, как уж она теперь называется.

– Теперь она называется просто Греция, – сказала Алиса, – если мы с вами имеем в виду одну и ту же страну.

– Так вот, шла она как-то по Древней Греции и вдруг видит, бежит по улице человек совсем голый и кричит: «Эврика! Эврика!», что означало на их древнем языке: «Нашел! Нашел!» Все прохожие разбегаются по сторонам, прячутся...

– Думают, что сошел с ума, – догадалась Алиса.

– Конечно, разве нормальный человек побежит в таком виде по улицам! Но только моя двоюродная сестра, забыл уж, как ее звали, не испугалась и кричит: «Погоди, древний грек, что вас так обрадовало?» А грек отвечает: «Меня зовут Архимед. Я сейчас купался в ванне, и воды в ней было по самый край. Только я залез в ванну, как вода вылилась. Вы

понимаете, что это значит?» Моя двоюродная сестра отвечает: «Это со мной тоже случалось. Я вчера окунулась в одно озеро, оно вышло из берегов и затопило все окрестные деревни». – «Вот именно! – кричит голый грек Архимед. – Все купаются, но никто не догадался!» – «Что же это значит?» – спросила моя двоюродная сестра. «А это значит, что каждое тело теряет в своем весе столько, сколько весит вытесненная им вода. Это закон, который я только что открыл, и думаю, что этим я обессмертил свое имя, а мой закон поместят во все учебники».

– Обязательно посмотрю, – сказала Алиса. – В каком учебнике поместили этот закон?

– Разумеется, в учебнике физики, – сказал дракон. – Хотя, может быть, в учебнике истории.

– И что случилось дальше? – спросила Алиса.

– А дальше моя двоюродная сестра сказала себе: если какой-то небольшой грек Архимед вытеснил воду из ванны и потерял в своем весе много килограммов, то, когда я буду плавать, я вытесню куда больше и столько же веса потеряю. Зачем же мне мучиться, таскать на себе весь этот лишний вес? Перехожу на водный образ жизни! После чего моя двоюродная сестра залезла в воду и больше из нее не выходила. Вместо ног у нее отросли ласты... Так ты думаешь, что она теперь живет в Шотландии?

– А может быть, это другая Несси?

– Не может быть! Описание совпадает. Алисочка, душечка, – взмолился дракон, – запиши мне, пожалуйста, адрес моей двоюродной сестры. Ты влила в меня новую жизнь. Я обязательно найду свою двоюродную сестру, даже если для этого придется три года идти пешком.

– Но я не могу вам сейчас дать адрес, – сказала Алиса. – Он у меня дома.

– Так возвращайся скорей домой, – сказал дракон. – Чего же ты время зря теряешь? И вообще, что ты делаешь в нашем замке?

– А разве вам гном Веня не сказал?

– Ах, какой стыд! Я совсем забыл, что наш любимый директор пропал без вести. Алиса, будь другом, найди его поскорей, он мне поможет найти Несси!

– Но я не знаю, где его искать. Может, его уже и нет.

– Нет, он есть, – сказал дракон. – Даже такие мерзавцы, как Кусандра, не посмеют убить директора. Они могут заточить его, заколдовать, но убить не посмеют.

– Король мне сказал, чтобы я посмотрела в подвалах.

– Именно там, – сказал дракон. – Именно в подвалах. Я, к сожалению, с тобой пойти не смогу – мне в дверь не пролезть. К тому же я боюсь Кусандру. Стыдно мне, я ведь тысячу рыцарей в честном бою победил. С рыцарями мы бились по правилам, а Кусандра – бессовестный. Иди, Алисочка, найди мне директора, а потом принесешь мне адрес моей двоюродной сестры.

Алиса по краю обошла двор, чтобы не наступить на дракона, а Змей Гордыныч покачал головами, и все три головы по очереди повторяли:

– Ай да девочка, ай да Алисочка! Ай, порадовала старика!

Глав двенадцатая
У ХРУСТАЛЬНОГО ГРОБА

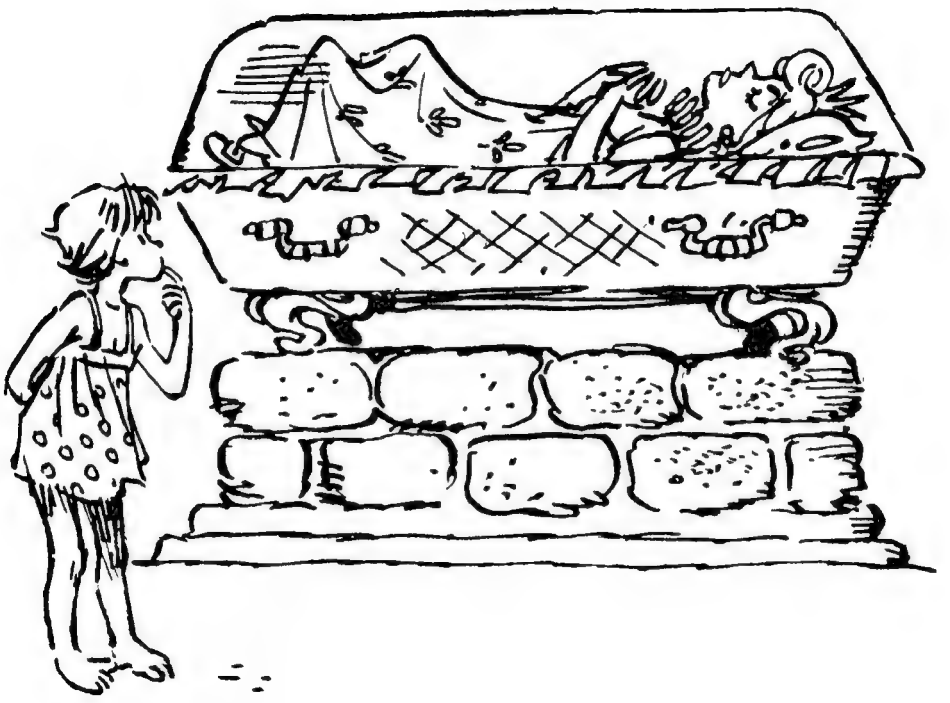
За дверью, что была как раз за хвостом Змея Гордыныча, оказалась каменная лестница, которая вела вниз. Чтобы не поскользнуться на крутых ступеньках, Алиса зажгла свечу и осторожно стала спускаться. Лестница постепенно заворачивала, кружилась, и ступеньки были бесконечными, словно вели к центру Земли. Голые ступни Алисы заледенели, сарафан совсем не грел. Алису била дрожь и от холода и от страха.

За последней ступенькой начался коридор без дверей, вырубленный прямо в скале. Алиса отсчитала по нему сто шагов и увидела впереди слабый холодный свет. Она задула свечу и пошла дальше на цыпочках, чтобы не спугнуть тех, кто скрывался впереди. Чем дальше она шла, тем яснее звучал знакомый неприятный голос. Ну как же она раньше не догадалась! Это Кот в сапогах мяукал песню.

Алиса остановилась в конце коридора и осторожно выглянула из-за камня.

Она увидела небольшой низкий зал, посреди которого стояла каменная плита, а на ней хрустальный гроб, который излучал ровный, приятный, но холодный свет. Под крышкой хрустального гроба лежала на подушках очень красивая девушка в длинном, белом, расшитом жемчугом платье и небольшой алмазной короне. Алиса сразу догадалась, что это Спящая царевна. О ней недавно рассказывал толстый король.

Царевна в подземелье была не одна. Неподалеку от хрустального гроба стояло обтянутое бархатом кресло, и в нем, закинув ногу на ногу, сидел



Кот в сапогах. Он тянул свою занудную песню. А за ножку кресла был привязан козлик, который грустно глядел на гроб и молчал.

Кот закончил пение, разгладил усы и сказал:

– Надеюсь, принцесса, ты слышала мою серенаду и можешь оценить мою любовь. В сказке не сказано, каким был принц, который тебя разбудил поцелуем. Не исключено, что тот прекрасный принц был в сапогах, в шляпе и с длинными усами. То есть я. Поэтому сейчас я тебя поцелую, и мы с тобой поженимся, договорились?

Кот встал с кресла, подошел к гробу и навалился на хрустальную крышку. Но крышка была тяжелой, и, как Кот ни тужился, ничего не получалось. Кот царапал когтями хрустальный край гроба, упирался сапогами в пол, махал хвостом и рычал, как собака.

Наконец Кот понял, что крышку ему не сдвинуть. Он перевел дух и постучал коготком по крышке.

– Царевна, – сказал он. – Царевна, проснись! Помоги мне, снизу толкни. Молодость проходит, а ты все спишь. Открой глазки, полюбуйся на меня. Давай совместными усилиями проснемся!

Принцесса вздохнула во сне и перевернулась на другой бок. Кот с досады стукнул лапой по крышке, отшиб ее и взвизгнул от боли. Зрелище

было таким смешным, что даже несчастный козлик не удержался и заблеял, словно засмеялся. Вот этого делать ему не стоило.

Кот понял, на ком он может сорвать свою злость. Он оставил гроб в покое, прыгнул на козлика и начал быстро царапать его когтями по морде. Голова козлика моталась из стороны в сторону, он плакал, как ребенок, и Алиса, конечно, не выдержала такого безобразия.

– Не смей! – закричала она. – Перестань маленьких обижать!

Кот не сразу сообразил, что на него кричат. Он был так увлечен своим злодейским делом, что еще некоторое время продолжал царапать козленка, который не мог от него убежать, потому что был привязан к тяжелому креслу.

Алиса подбежала к Коту и схватила его за лапу.

– Ах! – сказал Кот, увидев Алису. – Ты чего здесь делаешь? Ты кто, привидение?

– Да, – сообразила Алиса, – я привидение, которое пришло наказать тебя за гадкое поведение! Я давно к тебе подбираюсь!

Она старалась говорить страшным голосом и сильно потянула к себе Кота – шляпа упала у него с головы, уши под шляпой были прижаты, а между ушами обнаружилась лысина – вот, оказывается, почему Кот в сапогах носит шляпу!

Козлик забился под кресло и тихо блеял.

Спящая царевна снова перевернулась в гробу, легла на бок, подложив под щеку руку, и сказала, не открывая глаз:

– Перестаньте шуметь! Спать не дают!

– Отпусти меня! – шипел Кот. – Отпусти меня сейчас же! Я на тебя пожалуюсь. Тебя драконами затравят!

Но при этом Кот весь дрожал от страха, потому что, как все мерзавцы, был труслив.

Вдруг ему удалось извернуться, упереться сапогами Алисе в коленки, оттолкнуться и вырваться. Поджав хвост, он бросился к дверям и исчез.

– Не бойся, – сказала Алиса козлику. – Он больше не будет над тобой издеваться. Если хочешь, я возьму тебя с собой, поживешь пока у гномов, пойдем, а?

Козлик тяжело вздохнул и вылез из-под кресла. Он подошел к Алисе и доверчиво прижался к ее ноге.

– Ну вот, – сказала она, – все в порядке. Не дрожи, не нервничай. Сейчас мы найдем директора Царевича, освободим его – и домой. Я сама уже

волнуюсь, представляешь, что у меня дома творится! Может, ты знаешь, где они держат директора?

Козлик засуетился, заблеял, но говорить он не умел, так что Алиса только покачала головой и сказала:

– Нет, ты мне не помощник.

Она подошла к хрустальному гробу. Спящая царевна посапывала и хмурилась – видно, ей снился неприятный сон.

Алиса постучала по крышке гроба.

– Простите, – сказала она. – Вы не проснетесь на одну минуту?

Царевна продолжала спать.

Козлик потянул за веревку и потащил Алису к выходу.

– Боишься здесь оставаться? – сказала Алиса. – Мне и самой неприятно, но надо обязательно посмотреть, не скрывают ли они директора в подвалах.

Но козлик, неразумное существо, продолжал тянуть Алису к выходу.

Алиса еще раз постучала по крышке хрустального гроба.

– Спящая красавица, – сказала она, – может быть, мимо вас проводили директора? Они обязательно должны были проводить его мимо. Поймите, от вас сейчас зависит судьба всего заповедника.

Спящая царевна перевернулась на другой бок и пробурчала:

– Отстаньте, спать не дают. Не подземелье, а сумасшедший дом. Разве не понятно, что я сплю с закрытыми глазами?

– Я в вас разочарована, – сказала Алиса. – Все мне помогают или мешают. А вы единственная, кто захотел остаться в стороне. Стыдно!

Но Спящая царевна так и не открыла глаз, хоть и ответила:

– Какая же я буду Спящая царевна, если с каждым начну разговаривать? Я принца жду, не мешайте!

– Царевна, миленькая, хорошенькая, красивая! – взмолилась Алиса. – Вы же знаете, я по голосу чувствую, что знаете... Ну, сделайте над собой усилие!

Веки царевны дрогнули, будто она готова была проснуться, но тут отчаянно закричал, предупреждая Алису, козлик. Алиса обернулась, но было поздно.

Крепкая костлявая рука Кусандры опустилась на ее плечо.

– Так вот кто шпион! – сказал Кусандра. – Мы с вами уже встречались, так называемая Золушка!

Глава тринадцатая
ДОПРОС

Кусандра был просто счастлив, что поймал Алису. Правда, его глаз за темными очками не было видно, но улыбался он так широко, что все его сорок золотых зубов вылезли изо рта и блистали, как ожерелье. Он говорил сладким голосом, как будто изображал лису.

– Я думаю, кто же проник к нам в заповедник, кто нарушил строгие правила? А это дочь уважаемого человека, профессора Селезнева, уже школьница! Ай-ай-ай, что будет, когда наш папа узнает о безобразном поведении ребенка?

– Я вас не знаю, – сказала Алиса. – Я не знаю никакого папы, я Золушка, экспонат заповедника. Меня Иван Иванович Царевич пригласил сюда на работу.

– Ай-ай-ай, – расстроился Кусандра. – Это просто несчастье. Дочка профессора Селезнева оказалась лживой обманщицей. Она пришла сюда что-нибудь украсть. А может, уже украла?

– Украла, украла, – сказал Кот в сапогах, который стоял за спиной Алисы. – Она очень похожа на воровку. Я с самого начала подумал: какая красивая воровочка!

«Ну и глупая же я, – подумала Алиса. – Как можно было не догадаться, что Кот тут же побежит за Кусандрой!» Козлик увидел, как сморщилась Алиса от боли – костлявая холодная рука Кусандры все сильнее сжимала ее кисть, и девочка еле удерживалась, чтобы не закричать. Козлик бросился было к Алисе на помощь. Он был маленький, но отважный.

– Не сметь! – разозлился Кусандра и ударил козлика ногой. – Вот отдам тебя Волку, и съест он тебя. Останутся только рожки да ножки.

Кот тут же набросился на козлика и пинками отогнал его в угол.

– Перестаньте шуметь, – сказала Спящая царевна. – Мне все мешают, так невозможно.

– Вот видишь, – сказал Кусандра, снова показывая свои золотые зубы. – Вот видишь, ты мешаешь Спящей царевне, тебя придется жестоко наказать.

При этом он продолжал сжимать руку Алисы. Алисе стало так больно, что она не выдержала и заплакала, хотя Алиса обычно никогда не плачет.

– Отправьте меня домой, я больше не могу! – взмолилась она.

– Домой – это правильно, – сказал Кусандра и немного ослабил хватку. – Сейчас же отправим тебя домой и напишем письма. Одно –

– Так вот кто шпион! – сказал Кусандра. – Мы с вами уже встречались, так называемая Золушка!

твоему отцу, другое – в школу. Пускай полюбуются, каких они воспитывают избалованных, непослушных детей.

– Нельзя ее отпускать, – сказал Кот. – Она слишком много знает.

– А что она может знать? – удивился Кусандра. – Мы работаем, стараемся сохранить уникальных сказочных зверей, мы о них заботимся, мы водим их к врачу. Мы трудимся за двоих, потому что наш любимый директор уехал на конференцию в город Тимбукту, а наши враги стараются нам помешать. Мы ее немедленно отправим домой!

«Хорошо бы отправил, – подумала Алиса. – Хорошо бы. Я бы сразу вернулась вместе с отцом. Мы всю эту банду сразу разгоним».

– Нет, – возразил Кот, – живой я ее отсюда не выпущу. Несмотря на то, что она красивая девочка и я бы мог в нее влюбиться. Но нельзя, нельзя. Хочу отпустить, но, прости, Кусандра, не имею права.

– Вот видишь, что говорит наш уважаемый Котик, – сказал Кусандра. – Он на тебя обижен. Ты его напугала, ударила, выгнала из комнаты.

– Да, – сказал Кот, – она меня избила, и я на нее подам в суд. Пускай ее посадят в тюрьму. За избиение Кота при исполнении служебных обязанностей.

– Видишь, что ты натворила, – сказал Кусандра. – Если Кот подаст на тебя в суд, я не смогу тебя защитить. А ведь ты пришла без злого умысла. Ты зла не желала?

– Конечно, не желала, – сказала Алиса. – Я просто хотела посмотреть.

– Правильно, – согласился Кусандра. – И ты попросила... кого ты попросила провести тебя в заповедник?

– Я сама, – сказала Алиса.

– Вот это плохо, – сказал Кусандра и очень опечалился. – Врать плохо, врать вредно. Девочек, которые врут, мы отдаем Серому Волку. Вообще-то он кушает только морковку, но если нужно, может съесть и плохую девочку... Ай-ай-ай, такая девочка, дочь профессора Селезнева, а врет, как последняя лисица. Кто же провел тебя в заповедник?

– Я сама! – крикнула Алиса.

– А если еще подумать? Давай я тебе помогу. Тебя привел гном Ве... Ну, какой гном тебя привел в заповедник?

– Я не знаю никакого гнома! – сказала Алиса.

Кот зашипел от злости. Но Кусандра даже не поглядел в его сторону. Он говорил так же ласково, как прежде:

– Нельзя ее отпускать, – сказал Кот. –
Она слишком много знает.

– Помнишь, девочка, когда я был у твоего папы, я нашел у себя в кармане веревочную лестницу? Я не сразу догадался, почему у меня в кармане веревочная лестница. А теперь я все понял. Этот вредный, испорченный гном Веня обманул мое доверие, проник в карман моего пальто и таким образом выбрался из заповедника. А потом обманом заманил сюда тебя. Наговорил тебе с три короба, какой плохой старик Кусандра...

– Оклеветал старика Кусандру! – Кот в сапогах укоризненно покачал головой.

– Оклеветал нашего доброго старика!

– Видишь, что говорят те, кто любит и ценит старика Кусандру. – Они считают, что гном меня оклеветал. И что же он тебе рассказал, девочка?

– Ничего он мне не рассказывал, – сказала Алиса.

– Ага, значит, приехал к тебе в моем кармане и ничего не рассказал?

– Ничего.

– Ну вот ты и выдала своего товарища, – сказал Кусандра. – Ты призналась, что он у тебя был.

– Я ни в чем не признавалась! – сказала Алиса, но она уже поняла, что проговорилась.

– Твое упрямство меня удивляет, – сказал Кусандра. – Сначала я подумал, что ты просто из любопытства пришла к нам. Но если из любопытства, то сказала бы мне: дорогой дядя Кусандра, пожалуйста, возьми меня в заповедник, я хочу нарушить правила и поглядеть на его жителей вблизи. А я бы сказал тебе – нельзя, милая девочка, нарушать правила и беспокоить наши экспонаты, они такие нервные, такие уникальные... Кот, вынь палец из носа!

– Я нечаянно, – сказал Кот в сапогах. – Я нервничаю!

– Вот видишь, до чего ты довела Котика!

– Он сам кого хочешь доведет, – сказала Алиса. – Хулиган.

– Вот ты уже и грубить начала. Еще не раскаялась, а уже грубишь. И в мою голову постепенно закрадывается сомнение. Так ли все просто?

– Нет, непросто, – сказал Кот. – Она очень опасный шпион.

– Этого-то я и боюсь, – сказал Кусандра. – Может быть, заповеднику грозит страшная опасность, может быть, они с гномом замыслили какой-нибудь план? Может, они решили погубить нашего любимого директора Ивана Ивановича?

– Нет! – сказала Алиса. – Это вы его замыслили погубить, а я его хочу спасти.

– Ну вот, сразу все ясно, – сказал Кусандра, отошел от Алисы и опустился в кресло. – Она злобный агент моих врагов. А я-то уж было подумал, что она простая девочка.

Алиса жалела, что у нее вырвались эти слова. Ну как же так получается? Ведь хочешь молчать, хочешь не выдать своих друзей, а как только этот коварный волшебник начнет говорить, сразу отвечаешь. И как только отвечаешь, говоришь лишнее. А обратно своих слов уже не взять.

– Врет она все, – сказал Кот. – Отдай мне ее, Кусандра, я ее исцарапаю, измучаю, защекочу – она мне все расскажет!

– Может быть, – сказал Кусандра, поглядев на Кота. – Может быть и отдам...

Алиса тоже поглядела на Кота, и ей стало страшно. Усы Кота шевелились, странная зловещая улыбка играла на его тонких губах, желтые глаза горели ярким светом.

– Может быть, – задумчиво повторил Кусандра. – Я обязательно отдам тебя на растерзание Коту.

– Она такая красивенькая, такая мягонькая, – мурлыкал Кот, – она такая сладенькая... Я ее укушу.

– Не хотел бы я попасть к нему в когти, – сказал Кусандра. – Нет, не хотел бы.

Алиса очень испугалась, но решила молчать. Больше ни слова. «Лучше выдержать все пытки – они не посмеют... – думала она. – Они не посмеют». Но сама не была в этом уверена.

Кусандра замолчал и принялся золотыми зубами грызть ногти.

Кот все еще мурлыкал и ходил кругами вокруг Алисы. Спящая царевна ворочалась в хрустальном гробу, сердилась, что ей мешают спать.

– Нет, – вдруг сказал Кусандра. – Я уверен, что эта девочка просто орудие в руках негодяев. Просто орудие. Мы не будем ее пытать. Ее используют, понимаешь, Кот, ее используют. Надо ее пожалеть, а не пугать. Она сама себя наказала. Ей холодно, она боится, что ты ее защекочешь и исцарапаешь. Ее надо пожалеть. Мне даже хочется плакать, до того обидно все получилось. Такая хорошая девочка...

– Так отдаешь мне ее? – спросил Кот сердито.

– Нет, никому я ее не отдам. Я ее посажу в подвал к мокрицам. И она будет там сидеть до тех пор, пока не расскажет о тех злодеях, которые ее запугали. А тем временем я прикажу арестовать гнома Веню и всю его родню. Хотя за их спиной стоит кто-то еще. Предчувствия меня никогда не обманывают.

– Чтобы посадить ее в подвал, нужно обвинение, – сказал Кот в сапогах. – Все должно быть по закону. Если нас спросят, мы ответим: все по закону.

– Молодец, Котик, я тоже так думаю. Но, к счастью, мы уже установили, что она воровка.

– Я? Воровка?

– Вот именно. – Кусандра расхохотался, показав сорок золотых зубов.

– А что она украла? – спросил Кот в сапогах.

– Ясное дело что.

– Директора! – догадался Кот.

– Дурак. Директор в Тимбукту на конференции. Она украла курицу Рябу, которая несла золотые яйца. Ведь курица пропала?

– Ты гений, Кусандра, – сказал Кот. – Я всегда это подозревал, но сегодня я в этом убедился. Разумеется, эта девочка украла курочку Рябу.

– Но зачем мне ваша курочка? – удивилась Алиса.

– А затем, что она несет золотые яйца, а тебе нужно золото.

– Мне? Золото?

– Именно тебе и именно золото. Вставай, обвиняемая. Ты будешь сидеть в подвале, пока суд не вынесет тебе смертный приговор за воровство. Или пока не расскажешь все о моих врагах.

Кусандра встал с кресла, схватил Алису за руку и повел мимо гроба в темноту. Алиса попробовала было вырваться, но стало так больно, что пришлось подчиниться. Козлик побежал вслед, блея и страдая, но Кот отбросил его сапогом, достал из-за пояса большие ключи и электрический фонарик. Потом первым спустился по узкой лестнице на этаж ниже.

Три стены подвала были каменными и сырыми, по ним ползали мокрицы и тараканы, а четвертая стена была забрана толстой решеткой. Кот отпер дверь в решетке, Кусандра втолкнул Алису внутрь, и она упала на кучу гнилой соломы.

Заскрипела дверь. Алиса лежала на соломе, ей было холодно и сыро. Кот запер дверь и повесил замок.

– Все в порядке, – сказал он. – Отсюда ей не выскочить.

– Все не в порядке, – сказал Кусандра. – Мы не знаем, что и кому она успела сообщить. Опасность велика, но тебе своим кошачьим умишком ее не охватить. Мы поймали одну, а сколько их всего? Надо немедленно принимать меры.

– Какие? – спросил Кот.

– Не здесь, – ответил Кусандра. – Я не хочу рисковать.

Они пошли по коридору, пятно света от фонарика осветило лестницу и исчезло. Наступила кромешная тишина и кромешная темнота.

– Эй! – крикнула Алиса.

Крик ее ударился о каменные стены и исчез. «Здесь можно кричать сколько угодно, – поняла Алиса. – Все равно никто не услышит».

Глава четырнадцатая
УЗНИЦА ПОДЗЕМЕЛЬЯ

Прошло, должно быть, полчаса. Алиса сидела на соломе, поджав под себя ноги, и дрожала от холода. Тишину нарушало лишь тихое шуршание тараканов, которые бегали по подвалу. Постепенно глаза Алисы привыкли к темноте, и ей удалось увидеть высоко под потолком подвала синее пятнышко – там было окошко, которое глядело в вечернее небо. Прямо посреди синего пятнышка сияла одинокая звездочка. «Была бы у меня космическая рация, – подумала Алиса, – вышла бы я на связь с этой звездой и оттуда вызвала бы помощь. Но помощь, правда, придет только через сто лет, а я к тому времени, наверное, умру».

Но надо было что-то делать. Ведь так ее никто не найдет. Она встала и, поборов отвращение к тараканам и мокрицам, которых всегда недолюбливала (хоть и знала, что они не кусаются), подошла к стене. Стена была влажная и холодная. Алиса постучала по стене костяшками пальцев, но стука не получилось – стена была очень толстой.

Алиса подняла голову. Синий квадратик со звездой посередине был высоко и далеко – никак не доберешься.

– Эй! – крикнула Алиса, стараясь сделать так, чтобы ее крик попал прямо в квадратик окна. – Есть там кто-нибудь?

Никто не откликнулся. Интересно, куда выходит это окошко? Может быть, ко рву? Тогда, если громко кричать, услышит Медведь. Наверное, он уже беспокоится, если не заснул.

Алиса обошла всю камеру, щупая руками стены, но стены были каменными, нигде ни трещины, ни дырки. Решетка тоже оказалась крепкой. Алиса нащупала кучу соломы и села на нее. Холод был такой, что зубы сами стучали, не унять. А дома отец сейчас пьет чай, ужинает. Нет, вернее всего, он не ужинает, а звонит по всем видеофонам, разыскивая Алису по всему городу. Но кто догадается искать ее здесь? А Кусандра забудет о ней, нарочно забудет, чтобы она умерла от голода и жажды в этом подземелье. И как только Алиса подумала о голоде и жажде, ей сразу захотелось пить и есть. Как будто три дня не ела. Казалось бы, аппетит должен пропасть – как можно думать о еде, если тебе грозит смерть? Но Алиса все равно вспомнила, какие вкусные и свежие пирожки были у бабушки, которая вязала занавес для детского музыкального театра.

– Эй, Алиса! – раздался голос.

Алиса решила, что она незаметно заснула и голос ей снится. Поэтому она даже не стала отвечать – ну кто будет звать ее здесь, да еще настоящим именем?

– Алиса, отзовись! – Голос доносился сверху.

Алиса подняла голову. Звезда в синем окошке исчезла. Да и окошко само исчезло. Что-то черное закрывало его.

– Кто там? – спросила Алиса.

– Это я. Змей Гордыныч, – ответил голос.

– Как хорошо, что ты меня нашел! – сказала Алиса, вскакивая на ноги. – Я думала, что уже погибла.

– Этого не случится, – сказал дракон. – Этого я бы не допустил. Я же знал, что ты туда пошла, а обратно не вышла. Я только на вид глупый, а на самом деле соображаю.

– Я такая счастливая, – сказала Алиса. – В жизни не была еще такой счастливой. Ты не представляешь, какое это счастье, если у тебя есть друзья.

– Ну полно, Алиса, полно, – сказал дракон басом. – А то я разрыдаюсь. Мне так приятно, что я могу тебе чем-нибудь помочь.

– А как ты узнал, что меня сюда заточили?

– От козлика.

– От козлика? Но он же не умеет говорить?

– Он с веревки сорвался, выбежал во двор. Я его спросил, где Алиса. Кот с Кусандрой без нее вышли. А он принялся копытом о землю бить. Я его спрашиваю – она в подвале? А козлик головой кивает. Вот и все.

– А где козлик? – спросила Алиса.

– Его Кот поймал, в замок утащил.

– Вынь меня отсюда, – сказала Алиса. – Ты не представляешь, как я замерзла.

– Вынуть тебя я не смогу. Окошко здесь слишком маленькое. Даже голова не влезет. Но я веревку принес. Ты сможешь по веревке вылезти?

– Если другого пути нет, – сказала Алиса, – значит, надо вылезать, правда?

– Умница, как здорово рассуждаешь! – обрадовался дракон. – Сейчас кину тебе веревку. Хорошая веревка, крепкая.

На секунду темный силуэт исчез, а в окошке снова загорелась яркая звезда, потом что-то зашуршало и мягко ударилось о пол камеры, рядом с Алисой.

Алиса нащупала конец веревки. Она потянула ее к себе.

– Ты готова? – спросил дракон.

– Готова.

– Тогда держись.

Веревка поползла вверх, и Алиса обхватила ее руками и ногами, отталкиваясь коленками от стены. Было так темно, что Алиса скоро потеряла счет времени и высоте. Ей казалось, что она давным-давно ползет куда-то вверх, к самому небу, руки болели от напряжения, веревка резала ладони.

– Теперь держись, – сказал дракон. – Когда-то мне приходилось ловить рыбу удочкой для развлечения, и скажу тебе – самый рискованный момент, когда ты вытащил рыбу из воды. Не усмотрел – сорвется.

– Ну и сравнения у тебя, – сказала Алиса.

– Все из жизненного опыта, – сказал дракон. – Держись. Цель близка.

Алиса сама почувствовала, как ей в лицо повеяло теплым воздухом из окна. Змей Гордыныч тянул ее через край окна наружу, и Алиса отпустила одну руку, чтобы ухватиться за стену, но чуть не сорвалась – ноги устали держаться за веревку, а одной руки было мало. Хорошо еще, что дракон успел ухватить ее за протянутую вперед руку и рывком вытащить наружу.

– Ой, больно! – сказала Алиса. – Я вся о камни ободралась.

– Видишь, как я точно сравнил тебя с рыбой? – сказал дракон. – Ты тоже чуть не сорвалась. А теперь говори шепотом. Нас могут услышать.

Алиса посидела немного на земле, опершись спиной о жесткий бок дракона. Земля была холодной, но по сравнению с подвалом во дворе было как на летнем курорте.

– Ну, отдохнула? – спросила одна из голов Змея Гордыныча, которая нависала над ней. Две остальные головы осматривались вокруг, чтобы их не застигли врасплох.

– Да, – сказала Алиса. – Я понимаю, надо спешить.

– В любую минуту они могут тебя хватиться.

– Глупо все получилось, – сказала Алиса. – Я пришла помочь вам найти директора Царевича, а пришлось самой спасаться.

– Бывает, – сказал дракон. – Однажды я весь день сражался с рыцарями, десятерых уничтожил, а когда думал, что я победил, они натравили

на меня мышь. Я вот ничего не боюсь, а мышей опасаюсь. Пришлось мне бежать. И ты, Алиса, беги, зови на помощь своего отца. Кусандра с Котом тоже времени даром не теряют. Они готовятся.

– К чему?

– К чему – не знаю, – сказал дракон. – Но хорошего от них не жди. Беги. И не забудь достать адрес моей двоюродной сестры.

– Не забуду, спасибо, Змей Гордыныч.

Алиса скользнула в дверь, которая вела в тронный зал.

При звуке ее шагов король заворочался на троне-кровати.

– А, это ты, – сказал он. – Я уже думал, что тебя поймали. Еды принесла?

– Я не была на кухне, – сказала Алиса, – а сидела в подвале. Но как только я отсюда выберусь, я принесу вам поесть.

– Дождешься от тебя, – вздохнул король. – Директора тоже не нашла?

– Нет, – сказала Алиса. – Спасибо еще, дракон выручил. Я спешу отцу позвонить, чтобы он приехал. Одной мне не справиться. У вас тут видеофон есть?

– Мне видеофон не нужен, – сказал король. – Кому я буду звонить? А служебный видеофон в соседней комнате, где Кусандра сидит.

Алиса пробежала через тронный зал, осторожно приоткрыла тяжелую входную дверь и оказалась на подвесном мосту. Замок поднимался сзади, такой же громадный, загадочный, как и раньше. Окно в дирекции светилось. Видно было, что Кусандра собирает чемоданы, а Кот в сапогах сидит на столе и перебирает какие-то бумажки. Алиса встала на цыпочки и увидела, что вокруг стола бегает испуганный козлик, а за ним лениво трусит Волк.

– Перестань его пугать, – сказал Кусандра, – ты мне мешаешь собираться.

– Я же его не съем, – ответил Волк. – Я физкультурой занимаюсь, тренирую животное. А когда он станет бегуном на длинные дистанции и прославится, вот тогда он скажет спасибо Волку-вегетарьянцу, который не жалел времени, чтобы сделать из козлика настоящего спортсмена.

– Ты лучше в подвал сходи, – сказал Кусандра Волку. – Погляди, все ли там в порядке.

– Не пойду, – ответил Волк. – Там темно и страшно.

– Трус, – сказал Кусандра. – Сбегай ты, Кот.

– Неохота.

– Я тебе ее поцарапать разрешу.

– В следующий раз.

Кусандра стал ругаться, а Алиса больше не стала задерживаться, чтобы узнать, чем кончится их спор.

Она побежала к кустам.

В черной тени первых деревьев она остановилась и тихо позвала:

– Медведь.

– Угу, – ответил Медведь. И медленно, еле ворочая языком, добавил: – Я волновался.

– Бежим, – сказала Алиса. – Пора звать на помощь. Бежим.

– Куда? – спросил Медведь.

– У Деда Мороза есть видеофон?

– Угу.

– Тогда бежим в холодильник! Только скорее.

Глава пятнадцатая
СОБРАНИЕ

В лесу уже стемнело. Казалось, что они попали в древние времена. Но тут, над куполом, высоко-высоко протянулся светящийся след космического корабля, и Алиса сразу догадалась, что это почтовый «Москва – Луна». «Как странно, – подумала Алиса, – на корабле, наверное, никто не верит в сказки».

Медведь свернул с дорожки и побежал напрямик через кусты. Алиса за ним, даже под ноги не смотрела, так спешила. Через минуту они уже были на берегу реки, где жила Русалка. И тут Медведь споткнулся и чуть не упал – во все стороны разлетелись сухие ветки. Что-то белое мелькнуло под ними. Алиса, не поняв, в чем дело, наклонилась.

Под ветвями лежали четыре козлиных копытца и маленькие козлиные рожки.

– Стой, Медведь! – крикнула Алиса.

– У? – спросил Медведь, но остановился.

– Пойди сюда, – сказала она. – Только скорее.

Медведь вернулся.

– Видишь? – спросила Алиса.

– Угу, – сказал Медведь. И вроде бы совсем не удивился.

– Что вы здесь нашли? – раздался мелодичный голос.

Алиса увидела, что у самого берега из воды высунулась Русалка. Ее волосы сказочно блестели под светом вышедшей луны.

– Погляди, – сказала Алиса.

Русалка очень ловко подтянулась на руках и выбросила на берег тяжелый зеленый хвост.

– Понятно, – сказала она. – А я-то думала-гадала, что это здесь Волк ветками вчера засыпал?

– Вы понимаете, что он засыпал? – закричала Алиса. – Или не понимаете?

– Соображаю, – сказала Русалка, – небось не сегодня на свет вылупилась. Это рожки да ножки. Все, что осталось от козлика. Рожки да ножки. Я всегда подозревала, что Волк только притворяется вегетарьянцем. Даже надоел своими рассказами о морковке. А кто-нибудь видел, чтобы Волк ел морковку?

– Рррррр! – злобно зарычал Медведь.

– Понимаешь? – спросила Алиса.

– Угу, – сказал Медведь.

– Жалко козлика, – сказала Русалка.

– Сколько козликов в заповеднике? – спросила Алиса.

– Сколько? Один, – сказала Русалка. – Зачем нам другой?

– Вот именно! – сказала Алиса. – А я только что, пять минут назад, видела козлика в комнате у Кусандры. Того самого, которого сегодня пас Кот в сапогах. А скажите, зачем Коту в сапогах пасти козлика? Как я раньше не догадалась!

– Не понимаю, – сказала Русалка, наморщив зеленый лобик. – Ты говоришь загадками, Золушка. Какой еще козлик? Зачем два козлика?

– Медведь, – сказала Алиса, – ты понял, что они заколдовали в козлика директора Ивана Ивановича и держат его в комнате у Кусандры?

А настоящего козлика сожрал Волк-вегетарьянец!

– Угу, – сказал Медведь.

– Я побежала обратно!

Медведь покачал головой. Он был против.

– Да пойми ты, мохнатый, – сказала Алиса, они его в любой момент могут съесть! Я проберусь туда через королевский зал и расскажу обо всем дракону. Мы вместе постараемся освободить козлика. А ты зови на помощь всех, кого можешь. Ясно?

– Ой, какой ужас! – сказала Русалка. Она наконец-то догадалась, в чем дело. – Но ведь нас нельзя есть! Не разрешается! Сегодня они съедят козлика, потом за меня примутся! Как страшно! Я немедленно ухожу из этого опасного заповедника.

И тотчас над лесом разнесся звон. Как будто кто-то ударил железной палкой по пустому котлу.

– Это что такое? – спросила Алиса.

– Сама не знаю, – ответила Русалка. – Никогда раньше не слышала.

Над заповедником послышался радиоголос:

– Вниманию всех зверей, людей и сказочных существ. Всем приказываю собраться тут же, мгновенно, немедленно, судорожно и со сказочной быстротой на поляне замка. Если кто не придет, он будет заточен и заколдован. Повторяю: немедленно, быстро, мгновенно, молниеносно всем собраться у замка!

Немедленно...

– Я опоздала, – сказала Алиса.

– Ты спрячься, – сказала Русалка, – а когда будет удобный момент, отнимешь у них козлика.

– Угу, – сказал Медведь.

– Если только мы не испугаемся, – сказала Русалка. – Ведь мы не люди, а сказочные экспонаты, мы приехали сюда из легендарной эпохи, когда все друг друга угнетали. Ты только посмотри, как все послушно прибегут. Мы привыкли слушаться.

– Посмотрим еще, кто сильнее, – сказала Алиса. – Бежим к замку.

– А я тут поплыву, – сказала Русалка и нырнула в речку.

Глава шестнадцатая
ЧТО ПРИДУМАЛ КУСАНДРА

Алиса надеялась успеть к замку прежде, чем выйдут злодеи, и предупредить дракона, что директор превращен в козлика.

Но она не успела.

Добежав до края площадки перед замком, она поняла, что поговорить с драконом ей не удастся.

Площадка перед замком изменилась – на боковых башнях горели прожектора, ярко освещая траву и кусты. На перилах моста были укреплены факелы. Их красный свет отражался в гладкой воде рва. Сбоку в стене замка растворились широкие ворота, и Алиса, спрятавшись в кустах, где еще недавно лежал Медведь-молчун, увидела, как оттуда хвостом вперед вылезает дракон и тянет за собой хрустальный гроб со Спящей красавицей. Рядом с ним крутится Кот в сапогах и визгливо покрикивает:

– Левее, левее, в ров свалишься! Береги ее, мою красавицу! Я в нее безумно влюблен! Осторожнее, ты, крокодил ископаемый!

Дракон тяжело дышал черным дымом, но отмалчивался.

По дорожке из леса выехало кресло на колесиках, в нем сидела бабушка, но не вязала, а плакала. Сзади шла Красная Шапочка и толкала кресло, а за ними семенил Серый Волк и рассуждал:

– Если бы не возраст, если бы не мои болезни, разве я разрешил бы маленькой девочке делать такую работу, толкать родную бабушку! Никогда бы не разрешил.

– Помолчи, – сказала Красная Шапочка. – Бабушка плачет. Где ее занавес? Кто его украл?

– Не крал его никто, – обиделся Волк. – Где-нибудь дома завалялся. Вы за плитой искали? Под кроватью смотрели?

– Издеваешься, что ли! – воскликнула бабушка. – Занавес – и вдруг под кроватью!

– Мне пора, – засуетился Волк, отводя глаза. – Надо торопить, подгонять, а у меня морковка не прополота!.. – И Волк скрылся в чаще.

«Странно, – подумала Алиса, – кому мог понадобиться такой громадный занавес?» Площадка постепенно наполнялась зверями и сказочными существами. Некоторых Алиса уже видела, других еще не встречала. Выскочило целое семейство зайцев, белка с золотым орешком в лапках спрыгнула с дерева, пришел лебедь в расстегнутой шкуре гадкого утенка,

сонный и мрачный. Русалка подтянулась на руках, уселась на край мостика надо рвом – видно, ров где-то соединялся с речкой, иначе бы ей так быстро не доплыть. Неподалеку от Алисы протопали гуськом гномы – впереди шла тетя Дагмара, потом два брата-рудокопа, последним брел Веня, тащил за руку куклу Дашу. Алиса еле удержалась, чтобы не окликнуть старого знакомого, но испугалась, что он обрадуется встрече и выдаст ее. Дракон поставил хрустальный гроб на краю площадки и вытер пот по очереди с трех лбов. С шумом раздвинулись ветви – на площадку вышли Дед Мороз с мешком и Снегурочка, которая несла два раскладных стула. Она поставила их на траве, села на один, Дед Мороз – на другой. Дед Мороз вынул из кармана платок, вытер лицо и сказал:

– Ну и жарища!

«Вот уж не жарко, – подумала Алиса, – я опять закоченела».

Дед Мороз развязал мешок, вынул оттуда кусок льда, положил себе за пазуху, второй дал Снегурочке.

Алиса услышала, как Снегурочка наклонилась к дедушке, спросила шепотом:

– Она здесь?

– Должна быть, молчи, – сказал Дед Мороз. – Вот наш Медведь сидит. Видишь – нам кивает.

– Ну давай же, работай, скотина! – закричал Кот в сапогах на дракона. – Ты что, забыл?

– Иду, иду, – сказал дракон и раскрыл дверь в тронный зал. Он долго возился там, а его хвост, оставшийся снаружи, нервно бил по земле. Наконец, кое-как сдвинув с места, дракон выволок на площадку трон-кровать, на котором лежал толстый король.

Король прищурился, разглядывая собравшихся, потом громко сказал:

– Господа, у кого-нибудь есть с собой корка хлеба? Я умираю от голода.

– Отнеси королю, – сказала бабушка Красной Шапочке, доставая из-под шали кулек с пирожками. – Я его Золушке принесла, но что-то ее не видно.

«Я здесь!» – чуть было не крикнула Алиса. Она представила себе, какие вкусные у бабушки пироги, и проглотила слюну. Ну ладно, теперь осталось недолго ждать, скоро все кончится.

Красная Шапочка отнесла кулек с пирогами королю, тот развернул его и с такой скоростью начал кидать пирожки в широко открытый рот, что на площади наступила тишина – все с изумлением глядели на короля.

– Внимание! – закричал Кот в сапогах. – Все кланяются, низко кланяются, приветствуют нашего нового повелителя, истинного директора заповедника, великого волшебника и мага, бывшего Кащея Бессмертного, знаменитого Папу-Ягу, непобедимого, сурового, но справедливого, самого благородного из негодяев, властителя всего мира, его Узурпаторское величество Кусандру Первого!

Он визжал так громко, что зайцы и белки, лягушки, мышата и кроты упали на землю, гномы присели, Русалка чуть не свалилась в ров, бабушка заткнула уши, Красная Шапочка зажмурилась, дракон прижал головы к земле. Волк завел неизвестно откуда взявшийся граммофон, и под торжественный марш из дверей дирекции вышел Кусандра в золотой пожарной каске, завернутый в разноцветную тогу, такую длинную и широкую, что хвост ее скрывался в замке, хотя Кусандра уже перешел мостик. В одной руке Кусандра держал золотой жезл в драгоценных камнях, в другой – тяжелый мешок. Кот в два прыжка вернулся в замок и вытащил оттуда клетку с рябой курицей и упирающегося козлика.

На конце моста Кусандра замер и подождал, пока перестанет играть музыка. Потом поднял руку, призывая всех к тишине, хотя этого делать не надо было – все и так замолчали, пораженные необыкновенным зрелищем.

И в этой тишине раздался громкий голос бабушки.

– Что за безобразие! – воскликнула она. – Ты как посмел надеть на себя театральный занавес для детского музыкального театра, который я вяжу уже полгода? Вот, значит, кто утащил занавес?

– Не утащил, – ответил за Кусандру Волк. – Эта тога реквизирована по приказу его Узурпаторского величества Кусандры Первого. Молчать! А то растерзаю! Это великая честь для занавески! – Волк оскалил зубы и зарычал.

– Ты должна гордиться, старуха, что твоя работа так высоко оценена руководителем нашего заповедника, – сказал Кот. – Ты должна сказать «спасибо».

– Еще чего не хватало! – возмутилась бабушка. – Ноги моей здесь больше не будет.

Бабушка хотела подняться с кресла на колесиках, но Кусандра поднял золотой жезл и сказал громовым голосом:

– На место! Если будете возражать, всех превращу в лягушек! Вы забыли, с кем имеете дело?

И он так грозно произнес эти слова, что бабушка испугалась. Честно говоря, и Алисе стало не по себе. В конце концов, этот Кусандра был волшебником, иначе как бы он заколдовал директора Царевича?

– Но я тоже хочу возразить, – послышался голос толстого короля с трона-кровати. – В ваших руках находится, если я не ошибаюсь, мой королевский скипетр. Вы не имеете никакого права его носить. Верните мне его немедленно.

– Я не люблю приказывать дважды, – сказал Кусандра. – Ты, жирный студень, уже не король, я тебя увольняю с этой должности. Отныне ты простой маркиз и будешь исполнять должность чистильщика моих ботинок. Снять его с трона!

Волк с Котом подскочили к трону-кровати, дружно навалились на короля и свалили его на траву. Король лежал на траве, как рыба, вытащенная из воды, вяло шевелил толстыми ручками и никак не мог подняться.

Кот в сапогах отряхнул хвостом пыль с трона, Волк взбил на троне подушки, и Кусандра взобрался на трон.

– У кого-нибудь есть еще возражения? – спросил он.

Он обвел глазами площадку, но все испуганно отводили глаза. Алиса заметила, что даже Дед Мороз и Снегурочка, даже Медведь-молчун, даже гномиха Дагмара – все отводили глаза. Ну что им было делать? Все-таки не настоящие, а сказочные экспонаты.

– Я решил сообщить вам, что власть в заповеднике законным образом перешла ко мне. Ваш бывший директор Иван Царевич не смог больше держать бразды правления и отрекся. Он испугался ответственности и по доброй воле превратился в козлика. В таком облике он прячется до сих пор. Котик, покажи нам трусливого дезертира, пусть все видят и осуждают его.

Кот в сапогах подтащил на веревке козлика, который упирался и сопротивлялся, но Кот в сапогах был куда сильнее. К тому же ему помогал Волк, который подталкивал козлика сзади и щелкал зубами.

– На место! Если будете возражать, всех превращу в лягушек! Вы забыли, с кем имеете дело?

«Так и есть, – подумала Алиса. – Я права. Ну что мне стоило догадаться раньше! Давно бы уже убежали! Бедный козлик! Как, наверное, обидно и страшно ему, доктору наук, профессору разных университетов, уважаемому человеку и ученому, когда его привязывают к ножке трона-кровати, на котором сидит мерзавец Кусандра».

– Ваше узурпаторство, – спросила Красная Шапочка, – если это директор, то где же настоящий козлик? Я так любила с ним играть.

– Я тебе не давал разрешения задавать вопросы, – прикрикнул на Красную Шапочку Кусандра. – Мне некогда тратить время на объяснения, но в виде исключения я скажу. Я скажу, а вы все мотайте на ус, что случится с теми, кто посмеет меня ослушаться. Настоящего козлика мы наказали.

– Как наказали? – спросила тетушка Дагмара.

– А как наказывают козликов? – засмеялся Кот в сапогах. – Был козлик, остались рожки да ножки.

– Ох! – По толпе экспонатов прокатился вздох ужаса. Некоторые даже заплакали.

– Не может быть! – сказал Дед Мороз. – Такого у нас в заповеднике еще не бывало.

– Не бывало, так будет, – сказал Кусандра. – Отныне в заповеднике устанавливаются дисциплина и порядок. Кто не послушается, тот будет наказан, и это я поручаю Серому Волку.

– Так вот кто козлика съел! – сказала бабушка. – Так вот кто главный притворщик и негодяй! А я его пускала к себе в дом и кормила пирожками! Стыд и позор на мою седую голову!

– Молчи, старуха, – сказал Волк. – Прошли гуманные времена. Хватит с меня морковки.

– Но как же так? – пискнул один из зайчиков, дрожа от ужаса. – Ведь вы так любили морковку! Мы вас совсем не боялись.

– Бояться волков не надо, – сказал Волк. – Зачем меня бояться? Я был вегетарьянец и остаюсь вегетарьянцем. Все сказки хорошо кончаются. Детки должны воспитываться на хороших примерах, добро – ха-ха-ха – торжествует, порок – ха-ха-ха – наказан. Пускай детки и зайчики верят, что волки грызут морковку. Пускай они растут добренькими и нежненькими. Растут себе и растут. А потом наступит время, и их только вкуснее будет кушать. – Волк прошелся перед собравшимися, картинно шевеля хвостом и показывая всем, какие у него длинные, крепкие и острые клыки. – Нет, – продолжал он, – мы всегда и во всем остаемся гуманистами. Но у нас есть долг! Очищать леса и заповедники от ненужных вредителей. Мы – санитары леса! Мы – его честная стража! Стража порядка...

– Ну ладно, хватит, – оборвал его Кусандра. – А то ты можешь до ночи выступать. Главное ясно: все, кто встает у нас на пути, будут наказаны до смерти. Надеюсь, все это уяснили и трепещут. Вы все трепещете?

– Трепещем, – сказали зайчики и белочки.

– Отлично, – сказал Кусандра. – Бывший король, перестань стонать. Ты нам не нужен.

– Я больше не буду, – сказал толстый король и шмыгнул носом. – Я просто еще не привык, но я обязательно привыкну.

Кусандра молча обвел черными очками площадку. Все затаили дыхание. Кусандра откашлялся, улыбнулся, показав золотые зубы, и продолжал:

– Я собрал вас здесь, мои послушные подданные, для того, чтобы сообщить вам мой новый приказ. Заповедник закрывается!

– Ой, – сказал зайчик. – А мы еще урожай не собрали! Капуста не поспела.

– Пустяки, – сказал Кусандра. – Не о капусте надо думать в такой исторический момент. Не о ка-пус-те!

– Кто здесь говорит о капусте? – спросил Волк, направляясь к зайчику.

Зайцы замерли.

– Волк, не отвлекайся, – сказал Кусандра.

– Слушайте! – закричал Кот в сапогах. – Все слушайте!

– Мы уходим, – сказал Кусандра. – Мы уходим в легендарную эпоху. Все без исключения.

– Как мудро! – воскликнул Волк.

– Как гениально! – мяукнул Кот в сапогах.

– Простите, конечно, ваше узурпаторство, – сказала тетя Дагмара, нарушив тишину, наступившую у замка. – Но зачем нам уходить? Мы по

доброй воле приехали в заповедник, живем здесь в нормальных тихих условиях...

– Если, конечно, нас не начинают кушать, – сказала Русалочка.

– Если, конечно, среди нас нет бандитов и убийц, – дополнила тетя Дагмара.

Тетя Дагмара была чуть выше травы, и красный ее колпачок покачивался, словно цветок, под светом прожекторов. Но тетя Дагмара была отважной женщиной – ее не удалось запугать даже таким великанам и мерзавцам, как Кусандра и его подручные.

– Я тебе делаю предупреждение, гномиха, – сказал Кусандра. – Но не отказываюсь от ответа. Мне нужны размах и власть. Никакого размаха и власти в этой клетке я не имею.

– Не поедем мы с тобой, – сказала Дагмара. – Мы договор подписывали с Иваном Иванычем, условия жизни у нас хорошие, соседи не обижают. Куда нам ехать?

– В древний век! – закричал Кусандра, поднимая руки кверху, его черная тень метнулась к кустам, и Алиса даже отшатнулась, чтобы тень до нее не дотянулась. – В наш славный, жестокий, низменный и привлекательный век, когда миром правили сильные, а справедливости, права, законов – всей этой галиматьи, которую придумали для слюнтяев, – еще не было! За мной, обратно в легендарную эпоху!

– Ура-а! – закричали Волк и Кот.

Остальные молчали.

– Еще раз, – сказал Кусандра, – все вместе повторяем за мной: «Уррра!» Опять же завопили только Волк с Котом.

– Ладно, отставить, – махнул рукой Кусандра. – Вашим воспитанием я займусь позже. Лишнего с собой не брать. Слюней не распускать. Всем ясно?

– Неясно, – раздался густой бас Деда Мороза. – Совершенно неясно. Что нам там делать, в эпохе легенд, чем жить будем, кому мы там нужны, кто там нам нужен? Что нам грозит здесь, в конце концов?

– Тебе, Дед Мороз, с готовностью объясняю, – сказал Кусандра.

Алиса поняла, что Деда Мороза Кусандра немного побаивается.

– Что нам грозит здесь? – спрашиваешь ты. – Нам здесь грозит прозябание и скука. Мы сидим по уголкам, на нас глядят сверху ихние культурные дети, – а не стыдно ли нам, созданиям бурного прошлого, превратиться в эк-спо-на-ты? Разве мы – камни в музее? Мы с вами

умчимся в далекое прошлое, в славную эпоху легенд, когда миром правили волшебники и колдуны, когда разбойники бродили по лесам, когда стаи волков пожирали одиноких путников, когда короли волшебных царств строили себе дворцы из жемчугов и алмазов. И тот, кто был сильнее всех, богаче всех, наглее всех, становился господином мира! И там господином мира буду я! Я – Кусандра Неповторимый, я – Кусандра Зловещий!

– Ура! – закричал Кот и осекся, потому что Кусандра продолжал:

– А вы будете моими придворными, моими слугами и помощниками. Каждому из вас гарантирую богатство и безнаказанность!

– Меня будут любить все красавицы! – закричал Кот в сапогах. – Всех защекочу!

– Я буду гоняться за тучными овцами и молочными телятами! – закричал Волк.

– Всем хватит! Всем!

Дед Мороз подождал, пока они откричат, и спросил:

– А на какие же доходы ты собираешься править миром? Одним волшебством не справишься.

– Это точно, – сказал толстый король, – у меня самого пять волшебников при дворе жили, а все равно меня сосед завоевал, все отобрал.

– Волшебник волшебнику рознь, – сказал Кусандра. – Я буду посильнее других волшебников. Глядите!

Кусандра поставил на землю мешок и развязал его. Мешок был полон сверкающих золотых яиц.

– Все золото мира! – кричал Кусандра и махал руками так, словно сошел с ума... – Все золото Вселенной! Сколько нужно, столько и будет! Теперь вы поняли, какой я великий?

– Поняли, – сказал Дед Мороз. – Золото у тебя есть. Хоть и ворованное. Только подохнет курочка, останешься без золота.

– К тому времени я успею покорить весь мир, – сказал Кусандра. – И сделаю это с вашей помощью. Со мной будешь ты, Дед Мороз, – значит, за меня все вьюги и метели! Со мной дракон Змей Гордыныч – берегитесь, рыцари! Он стоит целой армии. Со мной Спящая красавица! Мы будем брать по тысяче золотых монет с каждого принца, который захочет ее поцеловать! Со мной Волк и Кот – истинные мастера коварства и подлости. Со мной все вы, мои друзья! То, чего не может сделать один волшебник, всегда добьется целая банда! Я богат и непобедим!

Дед Мороз покачал головой, не понравилось ему все это, но он пока не знал, что бы еще сказать. Поэтому замолчал, сел на стул и положил за пазуху еще кусок льда.

– Дедушка, не волнуйся, – успокаивала его Снегурочка. – Здесь так жарко, а у тебя давление. Может, вернемся в холодильник? Не поедем с тобой в древние времена. В крайнем случае, будешь работать мороженщиком.

Но Дед Мороз не ответил. Он глубоко задумался. «Неужели и он испугался Кусандру? – подумала Алиса. – Это было бы очень плохо. Так можно совсем остаться без союзников. Один верный друг – дракон, да и тот безнадежный трус».

– Еще вопросы будут?

– А как мы туда попадем? – спросила Белка.

– Глупая, – сказал Кусандра, отмахнувшись от нее. – Наш директор привез нас сюда на машине времени. Как приехали, так мы и уедем. Машина-то стоит, нас ждет. Все. Больше вопросов не будет. Дискуссии окончены. Всем ясно? Теперь мы будем голосовать за то, чтобы ехать в легендарную эпоху. Рук не подымать, рта не раскрывать. Кто пискнет, будет иметь дело с моими волками и котами, а они шутить не любят. Итак, кто за то, чтобы ехать в прошлое? Все молчат? Значит, все согласны. А теперь можно хлопать в ладоши и кричать «ура!». Кричите и хлопайте. Волк и Кот, следите, чтобы все кричали и хлопали.

Но так как никто не закричал и не захлопал, Коту и Волку пришлось кричать и хлопать вдвоем, что они и сделали, хоть уже оба охрипли.

– Ой, – вдруг крикнула Русалка. – Глядите, что творится!

– Что? – спросил Кусандра, оглянувшись. – Где?

Он очень нервничал, боялся, что не успеет увести всех из заповедника.

– Вода! – сказала Русалка, показывая на ров. – Вода!

Алиса из своего укрытия не видела, что там происходит, но скоро по голосам сбежавшихся ко рву животных она догадалась, что вода во рву исчезла.

– Там дырка в земле! – говорили зайцы.

– Наверное, начинается засуха, – крикнула Снегурочка. – Я вся иссыхаю.

– Пустяки, – сказал Кусандра. – Так и надо. Это предусмотрено. Не обращайте внимания. Это открылись шлюзы.

– Какие шлюзы? – спросила бабушка Красную Шапочку. – А вдруг они причинят кому-нибудь вред?

– Уже причинили! – захохотал Кот в сапогах.

– Что случилось? – Дед Мороз поднялся с места. – Что вы еще натворили, преступники?

– Ничего особенного, Мороз Тимофеевич, – сказал Кусандра. – Мы поймали человеческую шпионку, которая скрывалась среди нас под видом Золушки. Среди нас нашелся низкий предатель и провел ее в заповедник. Мы ее поймали, посадили в подвал, но случайно открылись шлюзы, и вода из рва протекла внутрь. Теперь вода затопила подвал. Мы не успели спасти эту девочку. Она утонула, бедная крошка, туда ей и дорога.

Под светом прожекторов засверкали золотые зубы Кусандры.

– Вы утопили девочку Алису? – ахнула тетушка Дагмара. – Вы совершили еще одно преступление!

– Что делать? – сказал Кусандра. – Нам приходится прибегать к решительным мерам. Я предупреждал вас, что цацкаться ни с кем не буду. Я – Кусандра Великолепный! Кусандра Злобный! Кусандра Страшный! И не становитесь на моем пути. Растерзаю! Пусть судьба той Алисы, как и судьба директора, будут вам уроком. Собирайтесь, пошли за мной!

– А вещи? – спросила Русалка. – Мы тут вещами обзавелись, сувенирами...

– Будут у вас другие вещи и другие сувениры. Ну, марш, марш!

Сказочные существа растерянно шевелились, некоторые уже начали продвигаться к мосту. Другие оставались на местах. Страшные преступления Кусандры многих напугали. Над площадкой стоял шум. Алиса услышала, как совсем рядом рыдает Снегурочка.

– Как же я теперь буду! – плакала она. – Я лишилась лучшей подруги, мы с ней собирались кататься на коньках...

– Не обращай внимания, – сказала тихо Снегурочке голова дракона, которая протянулась к ней через всю площадку. – Они пустой подвал затопили, вы уж мне поверьте. Я молчу-молчу, некоторые думают, что от страха, а я не от страха, а от осторожности и от мудрости.

– Я им не верю, – прошептал Медведь-молчун.

– Тогда их дело плохо, – сказал Дед Мороз и улыбнулся в усы.

Волк большими прыжками носился по площадке, подгоняя всех к мостику, где их уже поджидали Кусандра и Кот. Они загоняли в замок первых зайчиков и белок.

И тут послышался голос Волка:

– А это еще что такое?

Алиса увидела, что Волк наклонился над гномом Веней, который пытался скрыться в траве, волоча за руку куклу Дашу.

– Не трогай, это моя невеста! – закричал Веня.

– Кто-кто? – спросил Волк. – Невеста?

– У гнома невеста? – спросил Кусандра. – А ну-ка дайте ее сюда!

Кот одним прыжком подскочил к гному, который прижимал к себе растрепанную и измазанную землей куклу, выхватил ее и бросил Кусандре. Кусандра поймал куклу на лету и начал вертеть в руках.

– Не наша, – сказал он. – Все сходится. Я и без того знал, что нас предал этот презренный землекопатель. А ну, признавайся, тебе Алиса эту невесту дала?

– Ничего она мне не давала, – сказал гном, – я сам с ней познакомился.

– Значит, ты украл ее у Алисы?

– Нет, она разрешила...

Алиса закрыла лицо ладонями. Так и есть. Он проговорился!

Раздался зловещий хохот Кусандры. Ему вторили Кот с Волком.

– Ты достоин смерти за предательство! – крикнул Кусандра. – Ты провел в наш заповедник шпионку! Ты мой враг, ты хотел разоблачить меня и спасти директора Царевича. Ну что ж, давай разоблачай. Где твой Царевич? Вот он, у моих ног, на веревочке...

– Смерть, смерть злодею! – закричал Волк. – Разреши, я его прикончу вместо морковки.

– Нет, он у меня еще помучается, он еще на меня поработает. Я его прикую на цепь в алмазных шахтах вместе с его братьями и зловредной теткой Дагмарой. А сейчас... Смотрите!

Все замерли от ужаса.

Кусандра начал крутить длинной рукой, сжимая в кулаке куклу Дашу. Кукла попискивала, как живая, а гном, понимая, что опасность грозит его возлюбленной невесте, закричал:

– Только не это! Только не это! Она не переживет!

– Стой! – крикнул Дед Мороз.

Рука Кусандры крутилась, как винт самолета, и, наконец, кукла вырвалась из руки и полетела вверх, долетела до шпиля на башне замка и зацепилась платьем за его конец. И повисла там, покачиваясь, как опавший флажок.

– О, горе! – рыдал гном. – Я не переживу.

– Хватит преступлений! – воскликнул Дед Мороз. – Почему мы, честные сказочные жители, должны подчиняться кучке преступников и злодеев? Почему мы не можем их выгнать?

– Можем! – сквозь слезы пискнул гном Веня.

– Можем, – сказали его братья.

– Им все одно – что козлик, что кукла, что девочка, – сказала бабушка Красной Шапочки. – Разве я могу доверить им судьбу моего ребенка? Иди сюда, Красная Шапочка, мы остаемся. И не забудьте вернуть мне занавес детского музыкального театра!

Дед Мороз грозно надвигался на Кусандру. Кусандра начал отступать к замку. Но Кот не растерялся. Он рванул факел, прикрепленный к перилам моста, и принялся махать им в воздухе.

Сказочные экспонаты бросились врассыпную. Дракон зажмурился и присел, закрыв лапами все свои шесть глаз.

Дед Мороз на мгновение остановился.

– Дедушка! – закричала Снегурочка. – Дедушка, дорогой, хорошенький, вернись, они тебя сожгут. Тебе вредно! Ты растаешь!

Дед Мороз продолжал идти вперед, хоть Снегурочка повисла на его шубе и старалась остановить Мороза Тимофеевича. Искры сыпались вокруг старика, и от него уже шел пар – наверное, начал таять.

«Сейчас или никогда!» – поняла Алиса.

Она увидела, что никто не смотрит на козлика, так все увлечены схваткой Деда Мороза с Котом. Она выскочила из-за куста и, пригнувшись, метнулась к трону, к ножке которого был привязан заколдованный директор.

– Иван Иванович, я вас освобожу! – крикнула она.

Козлик увидел Алису, рванулся к ней навстречу, но веревка дернула его и отбросила обратно.

Алиса прыгнула вперед и, падая, дотянулась до ножки трона, толстой, как нога слона. Она дернула за узел, но узел не поддавался – козлик, дернувшись к Алисе, еще туже затянул его.

Алиса лежала на траве, дергала за этот проклятый узел и не видела, как разворачивается бой над ее головой. Она не видела, что Кусандра тоже схватил факел и вместе с Котом заставил исходящего паром Деда Мороза остановиться, закрыть лицо варежками и отступить. И они так увлеклись, так издевались над пожилым человеком, прыгая вокруг него, словно мальчишки, тыкая в него горящими факелами, что забыли про

Алису. Снегурочка пыталась заступиться за деда, но ничего не могла поделать, а Медведь-молчун, который тоже боялся огня, спрятался в кусты. А между тем Дед Мороз уменьшался и таял.

– Алиса! – рядом раздался тонкий крик. – Мы здесь.

Алиса оглянулась. Из травы торчали красные колпаки братьев-гномов.

Гномы выхватили из-за поясов маленькие ножи и начали быстро пилить узел. Им потребовалось всего десять секунд, чтобы освободить козлика.

Десять секунд. Это значит, что можно было бы только досчитать до десяти... Но этих десяти секунд было достаточно, чтобы Кусандра и Кот загнали в кусты несчастного старика Мороза и увидели наконец, что Алиса, подхватив конец веревки, хочет убежать в лес с козликом.

При виде этого Волк взревел страшным голосом, а Кусандра и Кот, взяв факелы на изготовку, как ружья, кинулись к Алисе.

Все обернулись к трону и увидели, что под светом прожекторов посреди площадки, у королевского трона-кровати мечется девочка в разорванном розовом сарафане, босая и встрепанная. А к ее ногам жмется козлик-директор.

– Не может быть! – кричал Кусандра. – Ее утопили!

– Не может быть! – кричал Кот. – Ты же в подвале!

– Алиса! – кричал гном Веня. – Спаси мою невесту!

Алиса понимала, что бежать некуда, что Кусандра с приятелями ее все равно поймают. И тогда она собрала все силы и всю свою храбрость – ей очень надоело прятаться, убегать и вообще бояться этих сказочных негодяев. В конце концов, она, Алиса Селезнева, школьница конца двадцать первого века, когда люди летают на далекие звезды и не верят в волшебников, когда уже никто не обижает слабых и не грабит, не предает, не убивает и не заставляет делать подлые вещи.

– Хватит! – сказала Алиса. – А ну, спрячьте свои спички! Вам нельзя играть с огнем! Я кому говорю!

И Кусандра с Котом нерешительно остановились, заколебались. И Алиса почувствовала их неуверенность.

Все было как во сне. Сон кажется настоящим и даже страшным, но если поймешь, что это всего-навсего сон, то он кончится.

– Утопить меня решили! – сказала Алиса. – Еще чего не хватало. Вы что, забыли, что вы только экспонаты, из прошлого времени? Вы забыли, что вы здесь в гостях!

– Они забыли, – сказал король, который все еще лежал на земле. – А я помню. Их давно надо поставить на место.

– Ой, какая красивая девочка, – вдруг мяукнул Кот. – Можно я тебя защекочу?

– Смотрите, кого вы слушаетесь, – сказала Алиса. – Это же просто сумасшедший Кот, больное животное, его на цепочке держать надо.

– Что она говорит? – закричал Кусандра. – Она не имеет права вмешиваться. Здесь я начальник!

– И это ненормальный колдун, самозванец и убийца! – сказала Алиса, показывая на Кусандру. Наворовал мешок золотых яиц и думает, что может вами командовать. Если ты такой сильный, заколдуй меня, убей, ну, чего ты задрожал?

– Они самозванцы, – сказала тетушка Дагмара. – Я думаю, что их надо связать и посадить в подвал.

– В подвал! – сказал Медведь-молчун. – В подвал. Хватит. Я весь год молчал, но уж если я заговорю, то держитесь.

– Не сметь! – закричал Кусандра и завертелся на месте, сверкая черными очками и рыча на сказочных существ, которые сходились со всех сторон, потому что перестали его бояться.

– Да посмотрите на них, – сказала средняя голова дракона, – они же не страшные. Кого мы боялись?

– Да, кого мы боялись? – повторила Русалка. – Не нужно их бояться.

Кусандра вдруг съежился и стал пятиться к мосту, обходя Алису и козлика, Кот пятился за ним, ощетинив шерсть и поджав хвост. Шляпа у него съехала на одно ухо и закрыла правый глаз, и от этого у Кота был залихватский и веселый вид, что совершенно не соответствовало действительности.

– Дорогие сказочные существа, – сказала Алиса. – Я понимаю, что вам было страшно. Я сама испугалась, особенно когда они так нагло себя вели и мучили несчастного Деда Мороза. Но ведь если подумать, чего страшного в негодяях и хулиганах? Только то, что они нахалы. Даже по-

одиночке многие сильнее, чем они. Дракон Змей Гордыныч одной лапой может их разбросать, Медведь их может победить, а уж если все вместе, им вообще делать здесь нечего.

– Вообще-то победить можно, но как-то не приходило в голову, – признался Змей Гордыныч. – Я, к сожалению, не успел об этом подумать.

– Вам всем должно быть стыдно. Они обманом заколдовали директора, занавес украли, короля голодом морили, чуть не растопили Деда Мороза, куклу забросили на шпиль, а вы молчали.

– Очень стыдно, – сказала бабушка Красной Шапочки. Бабушка обернулась к Деду Морозу и спросила: – Как вы себя чувствуете?

– Ничего, – сказал Дед Мороз, – сейчас вернусь в холодильник, и все пройдет. Остужусь. Алиса права, не бояться надо было, а просто гнать их вон и не обращать на них никакого внимания.

Вдруг Русалка, сидевшая на перилах, закричала:

– Они убежали! Ловите их!

Кот, который нес клетку с курочкой Рябой, и Кусандра, который тащил тяжелый мешок с золотыми яйцами, неслись по мосту к замку. И вот уже хлопнула окованная железными полосами дверь. Они исчезли.

– Убежали, – сказал упавшим голосом дракон. – Теперь они чего-нибудь придумают...

Волк на цыпочках начал красться к мосту, стелился по земле, думал, что никто его не заметит.

Но когда он уже добрался до моста, тяжелая лапа Змея Гордыныча прижала его к доскам.

– Ты куда? – спросил дракон.

– Я? – спросил Волк. – Я хотел дверь закрыть. Дует.

– Сбежать он хотел, – сказала бабушка Красной Шапочки. – Не хочет отвечать за свои преступления.

– А у меня не преступления, – сказал быстро Волк, – у меня искренние заблуждения, вызванные слабостью моего характера. Я в самом деле люблю морковку, но я попал под плохое влияние. Думаете, я хотел кушать козлика? Я плакал, когда его кушал, я кушал и обливал его слезами.

– Но ведь кушал, – сказал дракон, не отпуская лапы.

– Мы теряем время, – сказала тетушка Дагмара. – Волк нас отвлекает, а они убегают.

– Я? – удивился Волк. – Отвлекаю? Да я сам хочу спастись. Зачем я буду о других заботиться?

Веревка, на которой Алиса все еще держала козлика, натянулась.

Козлик заблеял и потянул Алису к мосту.

– Ты знаешь, куда они побежали? – спросила Алиса.

– Беее, – сказал козлик.

– Тогда бежим.

– Я с тобой, – сказал Медведь-молчун.

– И мы, – сказали гномы.

– И я, – сказал толстый король.

Они побежали в замок.

Глава семнадцатая
КУСАНДРЫ БОЛЬШЕ НЕТ!

Алиса ворвалась в пустую комнату, где стояли чемоданы и сундуки Кусандры с награбленным добром. Козлик пробежал, цокая копытцами, по каменным плитам и остановился перед дверью в конце комнаты.

Алиса догнала его и отворила дверь.

За ней оказался обыкновенный белый коридор, как бывает в учреждениях.

Козлик знал, куда бежать дальше. Он замер перед второй дверью налево и нетерпеливо застучал копытом о пол. Он делал это очень смешно, как дрессированный, но Алиса не засмеялась, потому что нельзя смеяться над доктором наук, хоть и заколдованным.

– Ну, я им покажу! – пыхтел толстый король, догоняя Алису. – Я их всех на чистую воду выведу! Чего захотели, на что руку подняли.

Алиса толкнула дверь, она не открывалась.

– Откройте сейчас же! – сказала Алиса. Она постучала. Никакого ответа, хотя слышно, как там, внутри, кто-то возится, гремит, шуршит.

Рядом раздалось частое дыхание Медведя.

– Пусти, – сказал он.

– А ну, Мишка! – крикнул толстый король. – Навались!

Медведь нажал на дверь – козлик еле успел отскочить.

Дверь покачнулась, но не поддалась. Медведь нажал сильнее, он ревел от напряжения, даже стонал, дверь выгибалась внутрь, но не поддавалась.

– А ну-ка! – толстый король отошел назад, покачнулся на месте и изо всей силы врезался в Медведя. Медведь ухнул – дверь взвизгнула, слетела

с петель, и оба они, Медведь и толстый король, упали внутрь комнаты. Послышался грохот, звон, и все стихло.

Козлик подбежал к двери и осторожно заглянул внутрь.

Король и Медведь лежали оглушенные посреди большой комнаты, заставленной приборами, среди разбитых колб, склянок, машин, амперметров и вольтметров, градусников и экранов. А в глубине комнаты стояла будка, над которой висела табличка:

Дверца в машину была закрыта, внутри ее метались разноцветные искры и клубился оранжевый пар. Машина работала.

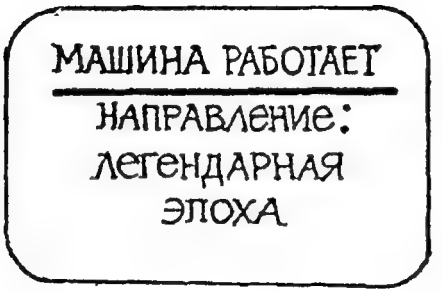
Перед машиной сидел, сняв шляпу, лысый Кот в сапогах и отчаянно рыдал, совсем как маленький ребенок.

– Ой, – сказала Алиса. – Сколько мы всего разбили!

Но козлик не слышал ее – он побежал к машине времени и остановился рядом.

– Ээээ-х, – сказал он.

Алиса, перешагивая через битое стекло, подошла поближе. И увидела, что на двери машины времени горит экранчик. В нем надпись:



– Опоздали? – спросила Алиса.

Козлик печально наклонил голову.

– А меня он бросил! – сказал Кот в сапогах. – Меня он оттолкнул ногой. За верную службу и за все преступления, на которые я за него шел, – вот моя плата. – Кот поднял с пола золотое яйцо, подкинул лапой, яйцо упало на пол и разбилось. Из яйца полился желток.

– Что такое! – изумился Кот в сапогах. Этого не может быть! Золотые яйца не бьются.

– Оно не золотое, – сказал толстый король. – Это обыкновенное, крашенное золотой краской яйцо. Кусандра и здесь тебя обманул.

– О, горе мне! – возопил Кот в сапогах. – О, горе! Я разорен и оклеветан.

– Иди отсюда, – сказал король. – Не мешайся под ногами.

– Правильно, – сказал Кот в сапогах. – Я сообщу народу, какому обманщику они подчинялись! Я первым открою всем глаза! Я еще докажу, что я не такой плохой, как кажусь.

– Нет, – сказал тоненький голос. – Не выйдет.

В дверях стоял гном Веня.

– Ты отобрал у меня невесту и отдал Кусандре.

– Я пошутил! – Кот попятился перед гномом.

– А теперь мою невесту не может достать даже дракон. Ты мне за это ответишь!

– Я? А ты знаешь, куда я шел? – спросил Кот, сладко улыбаясь. – Я спешил залезть на башню и достать нашу дорогую девочку. Пусти меня, дорогой гном, я спешу – на такой высоте кукла может простудиться.

Кот побежал из комнаты, за ним гном Веня.

– Чего же мы ждем? – спросил толстый король. – Пошли. Наша сказка кончилась. И кончилась, как положено, благополучно.

– Не совсем. – Алиса показала на плачущего козлика.

– Ах, я совсем забыл, – спохватился король. – Дорогой наш Иван Иванович, разве вы не сможете расколдоваться без помощи этого Кусандры?

Козлик покачал головой и побрел к выходу.

Медведь поднялся с пола, очумело огляделся, ухнул и тоже заковылял прочь. Последними ушли Алиса с толстым королем.

Алиса вышла на мост.

На площадке все толпились сказочные существа – никто не расходился.

– Ну как дела? – спросила Русалка, сидевшая на перилах.

– Все, – сказала Алиса. – Кусандра сбежал в легендарную эпоху.

– А Кот? – спросила Красная Шапочка.

– Кот? – Алиса посмотрела наверх. Остальные тоже подняли головы и увидели, как с высокого шпиля башни спускается Кот, царапая каблуками по черепице. И держит в лапе куклу Дашу.

Увидев, что все на него смотрят, Кот остановился и закричал:

– Вековая мечта исполнилась! Совместными усилиями нам удалось избавиться от так называемого правителя, якобы волшебника, будто бы Кащея, псевдо-Кусандры! Уррра!

– Ура! – закричал Серый Волк.

– Молчи! – прикрикнул на Волка зайчик и кинул в него морковкой.

Волк подхватил морковку и начал демонстративно жевать, хрустеть и приговаривать:

– Сказочная пища! Витамины!

– Я уже сложил радостную песню в честь освобождения от Кусандры! Слушайте, мои дорогие друзья!

Кот взмахнул лапой, забыл что висит на крутом шпиле, выпустил куклу Дашу и полетел оттуда вниз, в ров. Грязь поднялась столбом, все засмеялись, а Змей Гордыныч подхватил на лету куклу Дашу, осторожно поднял ее в громадных лапах и спросил:

– Кому невесту передать?

– Сюда, – сказала тетушка Дагмара. – Мы о ней позаботимся.

Веня схватил несчастную растрепанную куклу в объятия.

Все стали поздравлять гнома.

Началась суматоха. Только Спящая красавица посапывала в хрустальном гробу, будто ее это не касалось.

– Ах! – сказала Русалка. Раскрыв зеленый рот, она в ужасе смотрела, как из рва карабкается страшное бесформенное существо, покрытое тиной, водорослями и грязью.

– Не обращай внимания, – сказала Алиса, – это Кот в сапогах. Где же здесь видеофон?

Козлик топнул копытом, зовя за собой. Алиса прошла за ним в комнату к видеофону, набрала свой номер. Пока экран не зажегся, она глядела в окно. В заповедник возвращалась обычная жизнь. Вон уходит с площадки Дед Мороз, он горбится и еле переставляет ноги. Его осторожно поддерживают Снегурочка и Медведь-молчун. Красная Шапочка катит к лесу кресло на колесиках, а бабушка дремлет в нем. Сзади еле бредет Серый Волк, волочит, подхватив зубами за край, занавес детского музыкального театра...

Зажегся экран. На экране возникло взволнованное лицо отца.

– Алиса! – чуть не закричал он. – Что с тобой? Где ты? Даже зная о твоей склонности к приключениям, я удивлен! Ты здорова? Я всю Москву на ноги поднял!

– Я здорова, – сказала Алиса. – Все хорошо кончилось. Я в заповеднике сказок.

– Где? Ты знаешь, сколько сейчас времени? Что ты там делаешь?

– Папа, я никак не могла тебе раньше позвонить. Я сидела в подвальной тюрьме, а потом мы боролись со злым волшебником. Только сейчас от него отделались.

– Ох уж мне твои фантазии! – воскликнул отец. – Я сейчас за тобой лечу!

– Не надо. Я ничего не придумала. Здесь рядом со мной профессор Иван Иванович Царевич, директор заповедника, ты его, наверное, знаешь. Сегодня утром он тебе звонил, но ты не догадался, что это он. Мы вернемся домой вместе, тебе надо вылечить его от одной необыкновенной болезни.

– Но я же космический ветеринар, а не обыкновенный доктор! – сказал отец.

– Вот именно, – сказала Алиса. – Сейчас я позову его к видеофону, и ты все поймешь...

Козлик Иван Иванович

Глава первая
КОНСИЛИУМ

Уже неделю в доме Селезневых жил заколдованный директор заповедника сказок Иван Иванович Царевич в шкуре серого козлика. Жизнь дома была сложной и нервной. С одной стороны, казалось бы, что такого? Одним животным в доме больше. Уже есть марсианский богомол, котенок, домработник Гриша... Входит, к примеру, в квартиру гость, слышит – топ-топ по коридору острые копытца. Из дверей выбегает козлик, острые маленькие рожки, бородка еще не выросла, смотрит на гостя жалобными глазами и молчит.

– Ах, – говорит гость, – новое животное завели? А чем он питается?

– Нет, – начинает Алиса, – он совсем не то, чем кажется...

И замолкает, потому что обещала козлику не раскрывать его ужасной тайны, не рассказывать каждому встречному-поперечному, что злой и неудачливый волшебник Кусандра, стараясь захватить в заповеднике власть, подсунул директору, доктору наук и профессору Царевичу, вместо чая, воды из той самой волшебной лужи. Выпьешь ее, и превратишься в козлика.

Если объяснять это каждому гостю, то гость потребует продолжения истории и, может, даже ее счастливого завершения. А сделать это нельзя – ни продолжения, ни счастливого завершения эта история пока не имела. Кусандра успел прыгнуть в машину времени и пропасть в дебрях легендарной эпохи, которая затерялась где-то между третьим и четвертым ледниковым периодами. Он унес с собой курочку Рябу, мешок с позолоченными яйцами и секрет спасения директора.

Расскажешь об этом гостям, начнутся пустые речи, что бы сделать, как бы придумать... а вот я знаю одного профессора... а вот я слышал, что на Альдебаране это лечат... Но, оказывается, нигде не лечат. Доказательство тому вчерашний консилиум. Консилиум означает собрание самых знаменитых врачей, биологов и генных инженеров, которые в кабинете Алисиного отца поставили на середину несчастного директора, глядели на него в микроскопы, телескопы и другие приборы, мерили ему давление, брали анализ крови, а потом каждый показывал, какой он знающий ученый.

– Во-первых, – сказал, опершись о трость, седой, объемистый, бородатый профессор Володин, – мы еще не установили, является ли наш пациент человеком или, простите, только козлом.

– Ой, – возмутилась Алиса, которую допустили на консилиум. – Вы же оскорбляете Ивана Ивановича! Вы думаете, что он не понимает, а он не глупее вас.

– Может быть, – сказал профессор Володин. – И тем не менее, научная проверка необходима, не так ли, коллеги?

И его коллеги склонили умные головы, потому что были настоящими учеными и ничего не принимали на веру.

Козлик тоже кивнул головой, потому что даже в таком диком виде он оставался ученым.

– Как же вы это проверите? – спросил отец Алисы, Селезнев, директор космического зоопарка.

Мы еще не установили, является ли наш пациент человеком или, простите, только козлом.

– Способ у меня простой, – сказал профессор Володин. – Но он себя оправдывал в прошлом.

Профессор Володин расстегнул свой портфель, достал оттуда капустный лист и показал всем.

– Вы видите обыкновенный лист капусты, который я заимствовал у моей жены Гуленьки специально для этого опыта. Профессор Тягамото с островов Люкю, расположенных в Бурном океане планеты Флукс, встал со своего кресла, достал лупу и внимательно исследовал лист капусты.

– Подтверждаю, – сказал он, – что перед нами лист растения, которое именуется на Земле капустой.

– Этот лист капусты я намерен предложить нашему пациенту, – сказал профессор Володин. – Капуста, как известно, излюбленная пища всех козликов.

Остальные профессора склонили головы, соглашаясь с профессором Володиным. Они тоже знали, что капуста – излюбленная пища козликов.

– Если перед нами обыкновенный козлик, – сказал профессор Володин, – то он без сомнения тут же начнет жевать этот лист капусты. Если же перед нами наш уважаемый коллега профессор Царевич, то он найдет в себе силы отказаться от листа капусты, чтобы мы поверили в то, что он – это он. Согласны ли присутствующие?

Присутствующие переглянулись, почесали бороды и лысины и согласились, что такое испытание внесет ясность.

Тогда профессор Володин обернулся к козлику, который стоял понурившись посреди кабинета, и спросил его:

– Уважаемый коллега, согласны ли вы с таким испытанием? Вы на нас не обидитесь? Козлик наклонил голову и сказал коротко:

– Бе.

Профессора улыбнулись. Хоть они и считали себя обязанными провести такой опыт, им было неловко перед Царевичем, с которым они еще недавно встречались на научных конференциях и которого очень уважали.

Профессор Володин положил листок капусты на пол, и все стали смотреть на козлика.

Козлик поднял голову, обвел всех профессоров внимательным взглядом, потом поглядел на лист капусты. Алиса вдруг испугалась. Она-то была уверена, что козлик – это директор заповедника. А вдруг он обидится на профессоров за такое недоверие и съест лист им назло?

Под открытым окном послышался шум и топот – кто-то громадный и тяжелый шел по улице. Топот прервался у самого окна.

В комнате стало темнее, потому что в окне появился очень толстый человек в синем костюме и галстуке-бабочке, к которому была пришпилена небольшая золотая корона.

– Ничего не понимаю! – воскликнул профессор Володин. – Почему вы заглядываете с улицы прямо на второй этаж?

– Здравствуйте, – сказал толстый человек, – дело в том, что я приехал верхом на драконе.

И тут же рядом с толстым человеком появилась голова дракона, разверзла пасть, усеянную длинными, как карандаши, зубами, и сказала:

– Как дела?

Профессора были так поражены, что не могли поверить собственным глазам.

– Урра! – закричала Алиса. – Это толстый король и Змей Гордыныч к нам приехали!

– Кто они такие? – спросил профессор Тягамото и взял лупу.

– Они из заповедника сказок, – сказала Алиса. – Разве непонятно? Где еще могут у нас жить драконы и короли? Дракон – мой друг, а король исполняет обязанности директора, пока мы не расколдуем Ивана Ивановича.

– Совершенно верно, – сказал король. – К вашим услугам.

Тут он заметил козлика, который радостно заблеял при виде старых знакомых, и поклонился ему: – Как ваше самочувствие, Иван Иванович? – Простите, – сказал тогда седой профессор Кармайкл из Оксфорда. – Это ни на что не похоже! У меня создается впечатление, что здесь хотят повлиять на наше научное мнение. Надеюсь, что мы и без помощи драконов выясним, козлик стоит перед нами или директор.

– Нам нельзя мешать, – сказал профессор Володин. – У нас консилиум.

– Я считаю, что драконам здесь делать совершенно нечего, – сказал профессор Тягамото. – У вас есть вопросы к нашему пациенту?

– Мы подождем, – сказал толстый король, – вы не беспокойтесь. Мы тут в тенечке отдохнем, пока вы беседуете. Тысяча извинений.

Король верхом на драконе отъехал от окна. Дракон остановился на другой стороне улицы под тенью большого дуба и принялся щипать одуванчики. Профессора покачали головами и вернулись к своим делам.

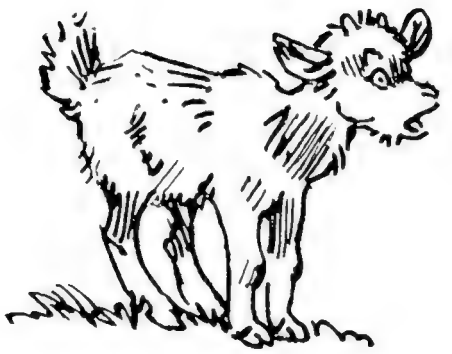
– Ну и каково будет ваше решение, коллега? – обратился профессор Володин к козлику.

Козлик посмотрел на него, подмигнул и подобрал с пола лист капусты. Он хрупал листом капусты, смаковал его, пережевывал, заглатывал, а профессора смотрели на него в полном изумлении. Они ждали чего угодно, только не этого.

Козлик доел лист капусты и снова поглядел на профессоров. Профессора опустили глаза.

– Неужели вы не понимаете, – воскликнула Алиса, – что Иван Иванович съел этот листок, потому что обиделся на вас?! Неужели это непонятно?

– С одной стороны, – сказал профессор Тягамото, – мы понимаем чувства Ивана Ивановича. Но с другой – опыт есть опыт. И если судить по



опыту, получается, что перед нами самый обыкновенный козлик.

– Да, Иван Иванович, – сказал профессор Володин, который был очень расстроен. – Вы нас подвели. Вы нас, можно сказать, поставили в тупик.

– Бээээ, – сказал козлик, как будто засмеялся. И никто из ученых не догадался, что Иван Иванович съел этот лист капусты просто потому, что ему захотелось капусты. Какой бы ты ни был профессор и директор, но если ты в козлиной шкуре, то любишь капусту. Вот поэтому Иван Иванович и съел этот злополучный листок.

– Что ж, – сказал, наконец, самый старый и самый мудрый профессор Кармайкл-младший. – Мы должны оценить чувство юмора нашего коллеги козлика Ивана Ивановича и попросить у него прощения,

Он строго посмотрел на профессора Володина, и все профессора строго посмотрели на профессора Володина, а профессор Володин смутился, достал из портфеля второй лист капусты и протянул козлику. Козлик кивнул головой, поблагодарил и съел лист.

– Теперь, когда нам ясно, что перед нами все же наш коллега, а не просто козлик, – сказал профессор Тягамото, – мы можем обсудить, как его вылечить.

Профессора спорили целый час. Козлик устал и лег спать. Они так и не достигли согласия. А их предложения были такими:

Первое предложение. Сделать козлику искусственное горло, чтобы он мог говорить. Д еще лучше – руки, Чтобы он мог писать свои научные труды.

Второе предложение. Заморозить козлика на то время, пока наука не научится превращать козликов в людей.

Третье предложение. Сделать искусственного человека, как две капли воды похожего на Ивана Ивановича, и посадить в него козлика, как в одежду. И все будут думать, что это Иван Иванович. И еще двадцать три подобных предложения. А самое последнее предложение, когда все профессора уже охрипли, сделала Алиса:

– Надо, – сказала она, – расколдовать козлика.

Разумеется, профессора зашикали на девочку, рассердились и попросили ее выйти из комнаты. Ни один из профессоров не верил в сказки и колдовство.

И правильно делали. Если бы они верили, то не были бы профессорами, а наука зашла бы в тупик.

Глава вторая
ЛЕГЕНДАРНАЯ ЭПОХА

Когда профессора разъехались по домам, Алиса с козликом прошли к ней в комнату и сели на ковер.

– Ну, задал ты им работы, – сказала Алиса. – Хотя мне понравилось предложение одеть тебя в шкуру Ивана Ивановича.

Козлик отрицательно покачал головой.

– Понимаю, – сказала Алиса. – Обидно тебе. Ты хочешь все или ничего. Козлик согласился.

– Тогда нам не на кого надеяться, кроме самих себя, – сказала Алиса. Козлик и с этим согласился.

– А для того, чтобы расколдоваться, нам надо отправиться в легендарную эпоху, – сказала Алиса. – Найти там Кусандру и заставить его тебя расколдовать.

Козлик грустно наклонил голову. Он понимал, что это невыполнимая задача. Где его найдешь? А потом, если найдешь, как его заставишь расколдовать? А вдруг он не умеет? Известно много случаев, когда люди и волшебники могли бог знает что натворить, но совершенно не умели исправлять свои ошибки. Тут зазвонил видеофон. Алиса включила экран.

На экране все было белым. Белые стены, белая мебель и белое лицо в белой шапочке.

– Здравствуй, Снегурочка, – сказала Алиса. – Как дела в заповеднике?

– Все хорошо, – сказала Снегурочка, которая звонила из холодильника, где они с Дедом Морозом ждали зимы. – Все здоровы. Гномы трудятся, скоро будет свадьба Вени с твоей куклой Дашей, ждем тебя в гости, дракон написал письмо своей сестре на озеро Лох-Несс. Бабушка Красной Шапочки почти довязала занавес для детского музыкального театра, Волк сам себе сплел намордник и ест манную кашу. Кот в сапогах стирает пыль с хрустального гроба и любуется Спящей царевной...

Алиса услышала за спиной грустный вздох. Она обернулась и увидела, как из глаз козлика катятся крупные слезы.

Снегурочка тоже поняла, что расстроила своего бывшего директора.

– Ой, зачем я только говорю и говорю! – воскликнула она. – Директор без нас соскучился, ему грустно. Но ведь я тоже не гуляю, сижу в холодильнике, жду зимы.

Козлик никак не мог утешиться, он лил слезы, и скоро на ковре образовалась небольшая лужа.

– Знаешь, Алиса, – сказала Снегурочка шепотом, приблизив губы к самому экрану. – Мне кажется, что наш директор немного влюблен в Спящую красавицу, но раньше он не смел ее поцеловать, а теперь он не сможет этого сделать. Кот этим и пользуется.

– Тогда гоните Кота от хрустального гроба, – сказала Алиса. – Не расстраивайте Ивана Ивановича.

– Я обязательно скажу об этом королю, – пообещала Снегурочка. – Алис, а Алис, почему я тебе позвонила, ты не помнишь?

– Ты мне забыла сказать.

– Ах, вспомнила! Я хотела тебя позвать на коньках кататься.

– Рано, – сказала Алиса. – До зимы долго. Лето только начинается.

– Не может быть! – сказала Снегурочка. – Но я тебе завтра позвоню. Завтра зима будет ближе?

– На один день, – сказала Алиса.

– На целый день, – ответила Снегурочка и отключилась.

Под окном раздалось тяжелое дыхание. Толстый король верхом на Змее Горыныче подъехал к окну и заглянул в него.

– Ну как, отзаседали? – спросил он. – И что решили?

– Много всего решили, – сказала Алиса. – Но нам это не подходит.

– Так я и думал, – вздохнул король и обернулся к козлику: – Я привез вам папку, которую вы просили. Козлик кивнул головой.

Король протянул папку в окно. Козлик не мог взять папку, Алиса сделала это за него и положила папку на диван.

– Еще будут указания? – спросил король. Но козлик его не слушал. Он прыгнул на диван и старался копытом раскрыть папку.

– Тогда я поехал обратно, – сказал толстый король. – Бабушка с Красной Шапочкой ждут меня к завтраку.

Тут в окне показалась одна из голов дракона и сказала:

– Алиса, хочу поделиться с тобой большой радостью. Сегодня пришла открытка из Шотландии. Моя двоюродная сестра Несси откликнулась. Теперь я не одинок.

– Я поздравляю тебя, Змей Гордыныч, – сказала Алиса. – Я очень рада.

– Спасибо, – сказал дракон. – Ты добрый и чуткий ребенок. Заботься о нашем директоре. Не падайте духом. Главное – терпение!

– Поехали! – приказал толстый король, и дракон двинулся по улице.

Алиса высунулась из окна и помахала им вслед. Потом Алиса села на диван рядом с козликом и помогла ему развязать папку. В папке лежали нужные бумаги и документы. И козлик почти сразу нашел самую главную бумагу, которую подвинул Алисе, чтобы она прочла. На большом листе было напечатано:

ОПИСАНИЕ ЛЕГЕНДАРНОЙ ЭПОХИ,

сделанное профессором И. И. Царевичем

– Я почитаю вслух? – сказала Алиса. – Это очень интересно.

Марсианский богомол замер на столе, домработник Гриша остановился в дверях, пролетавший по улице по своим делам павлин опустился на подоконник... Всем было интересно.

– «Когда мне выделили в институте Времени машину для исследований – так начиналось описание, – я решил использовать ее для подтверждения моей давнишней гипотезы...»

– Что такое гипотеза? – спросила Алиса.

Все посмотрели на козлика. Козлик не смог ответить.

– Папа! – крикнула Алиса. – Что такое гипотеза? Отец заглянул в комнату.

– Гипотеза, – сказал он, – это предположение. Еще не открытие, а только идея. Например, я изучал планету, на которой очень большое давление, горячий воздух, много вулканов, землетрясений и даже идут каменные дожди. И я предположил, что на такой планете могут выжить только существа, покрытые крепким панцирем, которые не боятся больших температур. И я даже нарисовал такое животное. И что же – моя гипотеза подтвердилась. Через два года там нашли черепаху...

– Знаю! – сказала Алиса. – И ее назвали: «Черепаха Селезнева».

– А что ты читаешь? – спросил отец.

– Толстый король привез нам описание легендарной эпохи.

– Которой нет, – сказал отец, – потому что ее не может быть.

– Это гипотеза, – сказала Алиса. Отец недоверчиво пожал плечами, но не ушел, а остался в комнате послушать, что будет читать Алиса.

– «Я решил с помощью машины времени, – читала Алиса, – доказать мою давнишнюю гипотезу. Я думал так: столько есть на свете сказок, легенд, мифов и поэм про сказочные существа, и там рассказывают о них со всеми подробностями, и трудно поверить, что все это сплошная выдумка. Я предположил, что в истории было время, когда сказочные существа жили на самом деле. Ведь когда-то ученые не верили, что раньше на Земле жили бронтозавры и даже мамонты. Но наука развивается, и в конце концов удалось откопать из вечной мерзлоты мамонтов, найти скелеты бронтозавров. Животные на Земле много раз менялись, одни вымирали, другие появлялись, и все это от того, что менялся климат, океаны заливали сушу, суша превращалась в пустыни, пустыни становились ледниками и снова – океанами. Но где же, задал я себе вопрос, могла прятаться легендарная эпоха, и почему ее не открыли?

Наверное, подумал я, в эту эпоху люди не умели писать. Они рассказывали о гномах, драконах и волшебниках своим внукам и правнукам, а внуки и правнуки не очень верили старикам и называли их рассказы сказками.

Но ведь что-то должно было случиться, чтобы люди остались живы, а волшебники и драконы исчезли с лица Земли?

Рассудив так, я принялся изучать историю Земли и узнал, что на самой заре человечества, когда люди были еще дикими и только недавно произошли от обезьян, наступили ледниковые периоды. Периодов было несколько, и пережить их было трудно. Особенно плохо приходилось потому, что ледниковые периоды охлаждали Землю, заливали льдом долины и замораживали реки и озера. Только-только оставшиеся в живых звери приспособятся к такой трудной жизни, отрастят шерсть и научатся есть мох в тундре, ледники начинают отступать, реки и озера размораживаются, начинает печь солнце, и те звери, которые не успели сбросить шкуры, вымирают... А жизнь расцветает вновь... Но тут опять похолодание, опять снег сыплет с неба, опять нельзя купаться, опять идет ледниковый период! Таких перемен ни одному зверю, ни одному волшебнику не пережить.

Когда я все это изучил, стало ясно, что искать легендарную эпоху надо как раз между ледниковыми периодами. А следов от нее могло не остаться, потому что их скорее всего слизал ледник, как корова языком.

Рассудив так, я настроил машину времени на промежуток между первым и вторым ледниковым периодами и ничего там не нашел, кроме диких охотников, которые носились по степям и лесам за дикими и странными животными. Но я не отчаивался. Я отправился в промежуток между вторым и третьим ледниковыми периодами и тоже не нашел ничего необычайного. Тогда я отправился в промежуток между третьим и четвертым ледниковыми периодами и там тоже ничего не обнаружил. Это меня сильно удивило, потому что нарушало мою гипотезу. Я долго ломал голову. Что же произошло, не может быть, чтобы я ошибся!» – Алиса остановилась и перевела дух. Она уже устала читать.

– Вот видишь, – сказал отец, – как устаешь, когда проверяешь неправильную гипотезу, основанную не на научных данных, а на пустых фантазиях!

– Погоди, еще не все, – сказала Алиса и продолжала читать:

– «Я несколько месяцев был в ужасном состоянии. Мне было горько отказываться от светлой идеи».

Богомол расстроился, спрыгнул со стола и лег на полу, вытянув во все стороны тонкие ноги. Павлин собрал хвост в длинную тряпочку, домработник Гриша смахнул фартучком набежавшую масляную слезу.

– «И вдруг однажды ночью мне пришла в голову мысль. А почему я всегда забираюсь точно в середину периода между ледниками? Ведь эти периоды очень длинные, по многу тысяч лет. А если поглядеть поближе к концу? Подумав так, я соскочил с постели и в одних оранжевых трусах побежал к машине времени, включил ее и перенесся в те годы, когда четвертый ледниковый период уже начинался. Я вышел на пустынную местность, которая располагалась в те времена на месте Москвы, на краю темного елового леса. Светила луна, дул такой пронизывающий ветер, что я сразу пожалел, что в спешке не успел одеться. По краю леса шла громадная темная тень. Я побежал туда, не зная еще, что это такое.

И представляете себе мою радость, когда оказалось, что это самый настоящий дракон с тремя головами! Я так спешил к этому дракону, что совершенно забыл об осторожности. Дракон увидел меня, зарычал и пыхнул мне в лицо огнем. Он мне потом признался, что сам очень испугался, решив, что я сказочное чудовище и, может быть, очень опасное. Ведь он никогда раньше не встречал людей в оранжевых трусах.

Я убежал от дракона и через несколько метров увидел, что на склоне холмика прорезано окошко, в котором горит свет. Я опустился на кор-

точки и заглянул внутрь. Оказалось, что я заглядываю внутрь настоящего дома гномов, которые как раз ужинали.

Это был самый счастливый момент моей жизни. Я понял, что совершил замечательное научное открытие – нашел легендарную эпоху и доказал, что волшебные существа когда-то существовали рядом с людьми и они не выдумки старых бабушек, а память человечества о своем отдаленном прошлом».

Алиса перевернула страницу и сказала отцу:

– Вот видишь, а ты сомневался.

– Ученый всегда должен сомневаться, – сказал отец. – Иначе он перестанет быть ученым.

Козлик кивнул головой. Он был согласен с профессором Селезневым.

– «Но открытие легендарной эпохи, – продолжала читать Алиса, – породило новые проблемы. Во-первых, я простудился после того, как пробегал всю ночь по холодной легендарной эпохе, во-вторых, я понял, что ни один из ученых мне не поверит. Даже если я всю Академию наук отвезу в легендарную эпоху и покажу им драконов, эльфов, магов, фей, леших, гоблинов, ведьм, таракушек, глумушек, оборотней, мои дорогие коллеги все равно сочтут меня фантазером. В-третьих, непонятно было, что делать с моим открытием. Я много раз ездил в легендарную эпоху, познакомился с некоторыми ее жителями и узнал, что они очень встревожены тем, что наступает ледник. Мой новый друг Змей Гордыныч узнал, что я живу в будущем, и стал проситься к нам в теплый климат. Другие тоже просили. И я решил – сделаю в двадцать первом веке заповедник для сказочных существ. Пускай все желающие из прошлого будут спокойно жить у нас, а наши дети смогут глядеть на сказки наяву, а не в кино и не на картинках. Пускай вначале все думают, что это фокус, трюк, но постепенно привыкнут к тому, что в Москве есть заповедник сказок, и тогда я смогу убедить ученых, что легендарная эпоха – не моя выдумка. У каждого ученого есть сын, дочь, внук или внучка. И они будут верить в мой заповедник, а их отцы, мамы, бабушки и дедушки скорее прислушаются к голосу внука, чем к словам ученого. Так я и сделал. Постепенно заповедник увеличивался. Мне даже удалось перетащить в будущее дракона Змея Гордыныча и замок толстого короля. Мне помог мой приятель волшебник Оох, который умеет уменьшать все предметы в сто раз. Теперь уже много тысяч детей видели заповедник сказок. На днях я приглашу ученых на первую экскурсию в заповедник и посмотрим, что они скажут...»

– Все, – сказала Алиса. – Дальше ничего не написано. Ты не успел, козлик?

Козлик кивнул. Он не успел дописать свою статью, потому что его погубила доверчивость. Наивный директор приблизил к себе хитрого и коварного Кусандру. Кусандра отплатил злом за добро и подсунул директору воды из заколдованной лужи.

– Ну что, папа? – спросила Алиса. – Теперь ты веришь в легендарную эпоху, ты веришь, что драконы и волшебники когда-то жили на Земле?

Но оказалось, что отца нет в комнате. Он тихо ушел, пока Алиса дочитывала статью. Он вел себя как настоящий ученый: пока ему не доказали, что сказки существуют, он в них не поверит.

Очень трудно доказать ученым непроверенную чепуху. Они всегда вовремя уходят, чтобы подумать и взвесить все, что узнали, а потом забыть об этом и вернуться к своим делам.

Глава третья
АЛИСА РЕШИЛА: ЕДЕМ!

– Что же будем делать? – спросила Алиса.

Козлик молчал. Богомол молчал, павлин распустил хвост, собрал его снова и улетел. Домработник Гриша ушел на кухню. Наступила тишина.

– Послушай, – сказала наконец Алиса. – А если мы найдем Кусандру, мы сможем его заставить вернуть тебе прежний облик?

Козлик поднял голову и поглядел на Алису. Глаза его были влажными.

– Понимаю, – сказала Алиса, – Ты очень хочешь отправиться со мной в легендарную эпоху, но боишься, что из-за тебя я пропущу занятия в школе? Козлик молчал.

– Но у нас же нет другого выхода, – сказала Алиса.

Козлик отрицательно покачал головой.

– Ты говоришь, что у тебя там есть знакомый волшебник Оох?

Козлик согласился.

– И если мы его попросим, он нам поможет?

Козлик не ответил. Он не знал, поможет ли ему волшебник Оох.

– Все ясно, – сказала Алиса. – Надо ехать в легендарный период. Нам вдвоем. Без меня ты там сразу погибнешь. Первый же волк тебя сожрет, не поглядит, что ты у нас профессор.

– Нет, – ответил глазами козлик. – Нельзя рисковать...

– Погоди, – сказала Алиса. – Ты знаешь кого-нибудь кроме меня, кто верит в твои сказки? Никого. Конечно, ты можешь взять с собой короля или Красную Шапочку. Но они сказочные, значит, не совсем настоящие. Как думаешь, мы за день управимся?

– Нет, – покачал головой козлик.

– А я думаю, что управимся, – сказала Алиса.

Козлик сомневался. Ведь он был не только козликом, но и взрослым человеком, то есть чувствовал ответственность за детей. В том числе за Алису. Он, конечно, понимал, что профессора ему не помогут и, если надеяться на них, придется оставаться в козликах, что совершенно невыносимо. А Алиса, как ни горько это сознавать взрослому человеку, предлагала ему самый разумный план. Но очень опасный.

Козлик смотрел на Алису грустными глазами, стараясь передать ей все свои сомнения. И Алиса его поняла.

– Мы пойдем туда завтра с утра, – сказала она. – Завтра суббота, я скажу отцу, что поехала на дачу.

Козлик вздохнул.

– А что поделать, если без обмана не обойтись?

Козлик вздохнул еще печальнее.

– Ты не беспокойся, – сказала Алиса. – Отец у меня разумный. И он ко мне привык. У нас в семье все не совсем обыкновенные. Разве это обыкновенное занятие для моей мамы – строить дома на других планетах? Разве это обыкновенное занятие для моей бабушки – танцевать в балете в Австрии? Разве это обыкновенное занятие для моего папы – лечить инопланетных зверей? Так что я не урод в семье, а просто продолжатель рода. Понимаешь?

Козлик кивнул.

– Значит, завтра с утра мы с тобой отправляемся в легендарную эпоху и постараемся к вечеру вернуться. Я не хочу, чтобы мой отец переживал. Надо беречь нервы родителей. Говорят, что нервные клетки не восстанавливаются.

Козлик вздохнул и подчинился Алисиному решению.

– А что с собой-то брать? – спросила Алиса. – Бусы для дикарей?

Глава четвертая
СНОВА В ЗАМКЕ

Отец с рассветом умчался в Космозоо, потому что у космического спарадека было несварение желудка. Видела Алиса этого спарадека – желудок у него на спине, а сам похож на кастрюлю, куда надо кидать пищу. Пища в нем и варится, и кипит, как в кастрюле. Зрелище удивительное, перед клеткой всегда толпа посетителей, а спарадек размешивает пищу в желудке хвостом, на конце которого костяная поварешка. «Если у спарадека несварение желудка, – подумала Алиса, – значит, он себе в желудок положил что-то абсолютно неудобоваримое. Может быть, топор?»

То, что отца не было дома, Алису устраивало. Хоть, конечно, жалко – не успела попрощаться. А вдруг что-нибудь случится? А вдруг ее там, в прошлом, заколдуют? И не вернется она никогда домой. И не увидит больше отца с матерью, и домработника Гришу, и даже марсианского богомола... Алисе стало грустно, она смотрела на свои книги и игрушки, комнату, в которой все было таким родным и знакомым, что стало незаметным. Чуть не заплакала. Но тут же взяла себя в руки, прошла к отцу в кабинет и наговорила ему в диктофон послание:

– Уезжаю на дачу, на весь день. Не беспокойся и не поминай лихом. Алиса.

Козлик маялся в коридоре, он всю ночь не спал и бродил по комнате, стараясь потише стучать копытцами. Он боялся, что Алиса передумает, и в то же время понимал, что было бы правильно, если бы Алиса передумала...

Вернувшись из отцовского кабинета, Алиса собрала свою сумку. Она положила туда бутерброды, термос с апельсиновым соком, немного бус для встреч с туземцами, свитер, потому что в тех краях уже надвигался ледник, да и вообще к вечеру может похолодать, слиток золота, который Алисе дали в школьном геологическом музее, потому что он там лишний, аптечку, в которой был пластырь – мгновенный заживитель, средство от головной боли и жаропонижающий антибиотик, абсолютного действия, который вылечивает от всех инфекцион-

ных болезней, кроме насморка, потому что насморк – последняя болезнь, с которой медицина еще не научилась бороться.

– Поехали, – сказала она козлику.

Было так рано, что в заповеднике еще многие спали. Но все-таки они кое-кого встретили.

Неподалеку от входа по тропинке шли гуськом три гнома на работу. Впереди два брата, которые несли лопаты, кирки и маленький отбойный молоток. За ними плелся Веня.

– Вот! – крикнул он, первым узнав Алису. – Я докатился! Мне приходится колоть породу и добывать руду. Скажи, кому нужны эти традиции?

– Здравствуй, Алиса, – сказали гномы. – Здравствуйте, Иван Иванович. Мы решили воспитывать Свена. Не разрешаем ему жениться, пока не научится работать, как положено гному и отцу семейства.

– Я страдаю, – сказал Веня. – Дашенька сидит взаперти. Ты мне сочувствуешь?

– Сочувствую, – улыбнулась Алиса. – Но не очень сильно. Твоих братьев можно понять.

– Я никогда на тебя не надеялся, – сказал Веня. – Хотя на свадьбу я тебя позову. Ты будешь моей тещей.

– Кем? – удивилась Алиса.

– Дашиной мамой и моей тещей. Разве у Даши есть другая мать?

– Конечно нет, – сказала Алиса. – У кукол вообще не бывает матерей.

– Вот и будешь ее матерью. А то меня все спрашивают – а твоя невеста из хорошей семьи? Что мне прикажешь отвечать? Что ее сделали на игрушечной фабрике? Нет, я гордый гном. Я отвечаю: моя невеста из лучшей семьи в Москве, ее мать – Селезнева. Вы знаете Селезневых? Им принадлежит дом в центре и целый зоопарк.

– Но это же неправда! – сказала Алиса. – Дом не принадлежит нам, он общий, а зоопарк государственный.

– Не разочаровывай меня! – сказал гном сердито.

Тут его братья остановились и стали звать его, а козлик, который спешил, гневно топнул ногой.

– Подчиняюсь! – пискнул гном. – Подчиняюсь грубой силе.

И убежал вслед за братьями.

На полянке за домом Красной Шапочки, из трубы которого шел дым – видно, бабушка уже готовила завтрак, – они увидели Серого Волка. Волк сидел на огороде и полол морковку. Делал он это с отвращением, но старательно.

В речке плескалось что-то большое и зеленое. Алиса догадалась, что это резвится Русалочка, но не стала ее звать – Русалочка любит поговорить, а время дорого.

Но все равно пришлось задержаться. Дверь в дирекцию была закрыта изнутри. Алиса долго стучала в нее, но никто не отзывался. Тогда она перебежала на соседний мостик и заглянула в окно к королю. Так и есть – король спит на троне-кровати, а его живот мерно поднимается и опускается.

– Король, – позвала Алиса. – Откройте. Уже утро. На работу пора.

Король и не думал просыпаться.

Сбоку со скрипом растворились ворота, и оттуда выглянула одна из голов Змея Гордыныча.

– Кто шумит, спать не дает? – спросила голова сонным голосом.

– Змеюшка! – крикнула Алиса. – Солнце уже скоро встанет.

– Ох! – сказал дракон. – Кого я вижу! Ты чего пожаловала?

– Мы с козликом решили сходить в легендарную эпоху, – призналась Алиса. – Может, найдем Кусандру и вернем директору прежний вид.

– А что? – спросил дракон. – На профессоров надежды нету?

– Мало.

– Я всегда говорил, – сказал дракон, – что медицина только и умеет, что анализы брать и уколы делать. То ли дело – колдовство. Мне в древние времена одна бабка так зубы заговорила, что до сих пор не болят.

– Как нам к машине времени пройти? – спросила Алиса. – Король спит, не открывает.

– Это мы сейчас сообразим. – Дракон просунул в окно тронной комнаты свою длинную шею и дотянулся до короля. Как раз до пятки. И легонько пощекотал ее языком. Король вскочил, будто его ужалили.

– Что? – закричал он. – Пожар? Что случилось?

– Простите, ваше директорство, – сказал дракон. – Иван Иванович с Алисой просят аудиенции.

– Что ты со мной сделал! – закричал король, показывая дракону красную пятку. – Что он со мной сделал?

– Я лизнул, – сказал дракон, – пощекотал, можно сказать.

– Вот и щекотал бы крокодилов, – сказал король. – У тебя же на языке наждачная бумага... Ой, теперь мне не встать! Как я буду исполнять директорские обязанности?

Король так расстроился, что лег на кровать и накрылся одеялом.

– Ваше величество, – сказала Алиса, – хотя бы ключ нам дайте.

– Рад бы, – сказал король. – Только я опасно болен, у меня кожу с пятки слизали. Страдаю я.

И король жалобно застонал.

– Извините, – сказал дракон виноватым голосом. – Я хотел как лучше... Гости ведь, и даже начальство.

– Сейчас я ему помогу, – сказала Алиса. – Не бойтесь. Через окно можно влезать?

– Лезь, – сказал дракон. – Почему нельзя? Окно ничем не хуже двери.

Алиса влезла через окно в тронный зал, достала из сумки пластырь-заживитель и подошла к королю.

– Ваше величество, – сказала она, – протяните пятку, я облегчу ваши страдания.

– А хуже не будет? – спросил король, не открывая глаз.

– Нет, – сказала Алиса. – Будет лучше.

Король высунул пятку из-под одеяла, и Алиса осторожно налепила на нее пластырь.

– Все, – сказала она. – Вам уже лучше, а через минуту станет совсем хорошо.

– Верю, – сказал король, но голос его не выражал никакой радости.

– Вы недовольны? – спросила Алиса.

– А чем мне быть довольным? – сказал король. – Я же надеялся, что можно будет день-другой поболеть, не ходить на работу, а ты меня вылечила. Это очень печально сознавать.

– Но почему же? – удивилась Алиса. – Я думала, что все взрослые хотят быть здоровыми.

– А ты когда-нибудь была директором заповедника сказок? – спросил король.

– Не была.

– Твое счастье. Я думал, что буду командовать, не слезая с трона, а оказалось, что это не работа, а сплошное мучение. Я уж не говорю, что вчера пришлось ехать в город верхом на этом пресмыкающемся, папку вам везти. А пока нас не было, в заповеднике произошла тысяча неприятностей. Во всем мне приходится разбираться, все приходится делать самому, не могу же я положиться на моих так называемых помощников. Ты только послушай: за один лишь вчерашний день я разобрал жалобу Волка на двух молодых зайцев, которые искусали его за то, что он украл две морковки на их огороде. Я понимаю, воровать морковку нехорошо. Но ведь Волк перевоспитывается, старается, ему чем-то питаться надо, чтобы на тех же зайцев не нападать. А они сразу кусаться! Только я Волка утешил, царапины ему перевязал, твой любимый дракон лезет ко мне, чтобы я срочно прочел ему письмо, которое прислали из Шотландии со свежими сведениями о его двоюродной сестре Несси. Но за тысячу лет я совершенно забыл английский язык. Приходится звонить в бюро переводов и под их диктовку записывать перевод глупого письма, в котором нас извещают, что Несси не хочет выходить на берег, однако самочувствие у нее хорошее. А тут выясняется, что мыши забрались на склад и порвали три мешка с мукой. А мы только что постановили испечь пироги на свадьбу гнома. Как назло, мыши не волшебные, а самые обыкновенные, и я над ними не имею никакой власти. Стал я искать Кота в сапогах, чтобы он мышей разогнал. А у Кота лирическое настроение, временно он влюбился в Русалку, сидит по горло в воде и поет песни. Тут же ко мне бежит гном Веня с жалобой на своих братьев, которые его угнетают... Я вам надоел? Но это еще далеко не все! Скорей бы вы, Иван Иванович, возвращались в человеческий облик и принимали от меня этот зверинец! Я отказываюсь. Я правил целым волшебным царством тридцать лет, и это было куда проще.

– Разумеется, – сказал дракон. – Я помню. У тебя три палача трудились с утра до вечера.

– Чепуха! – обиделся король. – Только два палача, притом работали они по восемь часов в день, не больше. И в основном рубили не головы, а дрова для королевских печек.

– Не спорьте, – сказала Алиса. – Время идет, а нам пора идти в Легендарную эпоху.

Король со стонами поднялся с трона, достал из-под подушки связку ключей и поплелся открывать дверь в дирекцию.

– В легендарную эпоху вам соваться смысла нет, – ворчал он, – съедят вас там без жалости. Жестокие времена, жестокие нравы, вы даже не представляете. Оставайтесь лучше здесь.

– Вы же сами сказали, – ответила Алиса, – что ждете не дождетесь, пока козлик станет снова директором.

– Это мои эгоистические желания, – сказал король. – Меня можно понять. Но к вам я отношусь хорошо, жалею. И знаю, на что вы идете.

– Ничего, – сказала Алиса. – Там тоже не все негодяи. Я по вас вижу. Вы же в основном хорошие.

– Среди королей я исключение, – сказал король и отпер дверь. – Потому что я здесь один, без лакеев, клевретов, охраны и придворных. С ними бы я сразу распустился. Обнаглел бы до безобразия. Ну, идите к своей машине. Мое дело предупредить.

Король проводил друзей до лаборатории. Там был такой же разгром, как в день исчезновения Кусандры, когда король с Медведем сломали дверь. Козлик первым прошел к машине времени и остановился перед ней. Он весь дрожал от нетерпения.

– Как управлять-то, знаешь? – спросил король.

– Я все заучила, – сказала Алиса.

– Когда вас обратно ждать?

– Сегодня к вечеру, – сказала Алиса. – Больше я там быть не могу. Сами понимаете, семья, уроки.

– Понимаю, – сказал король. – Только не верю, что управитесь. Когда спасательную экспедицию организовывать?

– Если завтра нас не будет, – сказала Алиса. – Только мне об этом думать не хочется.

Две головы дракона заглянули в окно лаборатории и сказали, перебивая одна другую:

– Я бы с вами хотел. Только мне пути обратно нет. Волшебник Оох там остался, а без него мне не уменьшиться. В случае чего, буду бить тревогу, до Академии наук дойду, но вас спасу. Отыщите там моего любимого дядю, Змея Долгожевателя. Передайте от меня привет, он все для вас сделает.

Алиса запомнила последнюю минуту в двадцать первом веке: посреди лаборатории стоит толстый король в халате и шлепанцах, печальный и даже растерянный. В окно заглядывают сразу две головы дракона, очень печальные головы, козлик уже забежал в машину времени и терпеливо ждет, пока Алиса присоединится к нему.

– Желаем счастья, – сказал толстый король.

– Счастья, – как эхо, повторила первая голова дракона.

– Счастья, – сказала вторая голова.

Две головы отодвинулись в сторону, третья заняла их место и сказала:

– Удачи!

Алиса закрыла дверь в машину времени и включила проверочное устройство. Через секунду на экранчике зажглась зеленая звездочка. Это значило, что в прошлом нет никаких помех. Можно начинать.

– Держись, козлик, – сказала Алиса.

Козлик прижался к ее ногам.

Алиса нажала нужные кнопки, и кабина заполнилась разноцветным дымом. Лаборатория исчезла. Они полетели в прошлое.

Глава пятая
БОГАТЫРСКИЙ КАМЕНЬ

– Ой, – сказала Алиса. – Какой холод!

Ей захотелось спрятаться снова в машину времени. Солнце здесь еще не вышло из-за облаков, которые лежали прижавшись к горизонту, дремали и были сизыми, темными, скучными. Ночью был мороз, на траве лежала белая изморозь, а края лужи перед самой машиной времени были покрыты тонким ледком.

Алиса поставила сумку на пол машины времени, расстегнула ее, достала оттуда свитер и натянула поверх сарафана – она поехала в прошлое в том же самом старом розовом сарафане, в котором ходила в заповедник. Она понимала, что в прошлом ходить в комбинезоне просто неприлично. Еще она надела шерстяные носки.

– Тебе не холодно, Иван Иванович? – спросила она.

Козлик не ответил. Он выглянул из машины времени и приглядывался, принюхивался к темному еловому лесу, на опушке которого стояла машина времени.

Машина времени здесь, в легендарной эпохе, выглядела совсем не так, как в двадцать первом веке. Алиса поняла это, когда вышла наружу и оглянулась.

Машина была спрятана в дупле громадного старого дуба. Дупло, как вход в шалаш, чернело в коре. Дверь в машину времени снаружи была

Две головы дракона заглянули в окно лаборатории.

обшита корой. Когда они вышли и задвинули дверь, то с двух шагов уже нельзя было ни о чем догадаться.

– Дальше знаешь куда идти? – спросила Алиса, которой хотелось скорее покинуть этот мрачный молчаливый лес, где даже не пели утренние птицы.

Как плохо, подумала она, что ее козлик не может говорить.

Козлик перескакивал через корни, увертывался от свисающих с сучьев седых лишайников, огибал зеленые мшистые кочки, как будто был здесь не в первый раз, «Ну конечно же, не первый, – улыбнулась собственным мыслям Алиса. – Но почему здесь так тихо?» Словно лес следит за ними, затаив дыхание. И тут же недалеко послышался вой.

– Уууу! – неслось между деревьями. – Ууууууу!

Козлик оглянулся и топнул копытом. Торопил Алису.

Она и без того не хотела отставать. Припустила за козликом, продираясь сквозь колючий подлесок.

– Уууу! – неслось сзади, будто кто-то гнался за ними.

Козлик высоко подпрыгнул, перемахнул через кучу валежника, и Алиса на несколько секунд потеряла его из виду, потому что ей пришлось эти сучья обежать вокруг.

А когда она обежала их, то увидела, что козлик стоит и ждет ее на узкой лесной дороге.

По дороге ездили редко, она заросла травой, в глубоких колеях стояла зеленая вода.

Листья орешника, большие, как лопухи, покачивались над головой. С них срывались крупные, тяжелые капли и больно били по голове и плечам.

Летучая мышь, как черная бабочка, порхала над головой. Издалека донесся жалобный стон. Будто у кого-то зуб болит, так что терпеть невозможно. Стон испугал летучую мышь. Она взмыла вверх и исчезла.

В лесу снова наступила тишина, и Алисе было обидно, что нельзя спросить козлика – кто же так страшно стонет в темном сказочном лесу?

Но внезапно деревья расступились, и дорога выкатилась на пригорок, прямо в поле. Алиса и козлик остановились.

Воздух здесь был теплее, солнце, которое поднялось над краем сизых облаков, освещало поляну косыми утренними лучами и сушило траву. Над ней кое-где даже поднимался пар.

Козлик отряхнулся – капли полетели во все стороны, засверкали под солнцем – и пошел не спеша, весело. Алиса подумала: козлику стыдно, что он тоже испугался в лесу.

Алиса пожалела, что не догадалась надеть резиновые сапоги или тапочки, а шерстяные носки безнадежно промокли. Она даже остановилась на минутку, достала из аптечки таблетки от простуды, одну съела сама, другую заставила съесть козлика.

Дорога взобралась на пригорок. На вершине его лежал круглый, в человеческий рост, валун. На стесанном боку валуна были выбиты слова:

А на другой стороне камня были нацарапаны другие. Некоторые – чем-то острым, другие – мелом, третьи – краской:

Остальные надписи Алиса прочесть не успела, потому что услышала шум крыльев. На камень опустилась большая неопрятная белая ворона.

– Добрый день, недобрый день! – каркнула она. – Куда вас несет на свою погибель, на свою беду? Возвращайтесь!

– Здравствуйте, птица, – сказала Алиса.

– Здравствуй, девушка, – сказала ворона. – Это что, твой братец заколдованный?

– Да, – сказала Алиса. – Как вы догадались?

– Взгляд у козлика человеческий, – каркнула белая ворона. – Плохо твое дело.

– Мне его обязательно нужно вылечить, – сказала Алиса. – Вы понимаете?

– Я все понимаю! – сказала ворона. – Я белая ворона, зовут меня Дурындой, летаю по лесам, всех пугаю, всем угрожаю, говорю, что скоро конец света.

– Зачем же вы так делаете? – спросила Алиса. – Это вам доставляет удовольствие?

– Никакого удовольствия, – сказала ворона. – Я это от скуки делаю. Я предсказываю только плохое, все меня боятся, подарки дарят.

– А сбывается?

– Иногда сбывается, иногда не сбывается, я же не проверяю! А ты просто так ищешь или кого по имени? – спросила Дурында.

– Ищу волшебника Кусандру, – сказала Алиса. – Он во всем виноват.

– Кусандру? Такого не знаю. Тут ошибка какая-то. Всех волшебников по именам знаю, а Кусандру не знаю.

– А волшебника Ооха ты знаешь? – спросила Алиса.

– Волшебника Ооха знаю, – сказала Дурында. – Только он тебя не примет. Он занят, у него совет.

– Совет?

– Совет волшебников. Съедутся волшебники со всего света, будут решать, что делать.

– А что им нужно делать?

– Ты откуда свалилась? – каркнула ворона Дурында. – Не знаешь, что ледники наступают? Скоро будет ледниковый период. Смерррртельная опасность! Радость для мамонтов – горе для всего теплолюбивого!

– Об этом я слышала.

– И не боишься?

– Нет.

– Может, ты мамонт?

– Меня зовут Алисой. А как мне найти волшебника Ооха?

– Позолоти лапку, скажу.

– Хочешь, я тебе бусину дам? – спросила Алиса.

– Покажи сначала. Может, она не драгоценная?

Алиса достала из сумки розовую сверкающую бусину, ворона взяла ее когтями и начала крутить перед глазами.

– Нет, – сказала она. – Эта бусина недостаточно драгоценная.

– Ладно, – ответила Алиса. – Давай ее обратно, я тебе другую покажу.

– Чего давать обратно? – спросила Дурында.

– Бусину.

– Какую еще бусину?

Ворона поднесла лапу с бусиной ко рту, щелкнула клювом, и бусина исчезла.

– Ты же ее только что в рот положила.

– Ничего я не клала, что я, сорока какая-нибудь, чтобы бусы глотать? А ну показывай мне бусы, не дразни.

Алиса оглянулась на козлика. Ей показалось, что козлик улыбается. – Дать ей еще? – спросила Алиса. Козлик отрицательно покачал головой.

– Видишь, – сказала Алиса. – Мой братец возражает.

– Чего? Да я его сейчас заклюю! Я же страшная и непобедимая белая ворона Дурында. Меня все боятся и трепещут!

– Мы не трепещем, – сказала Алиса. – Не хочешь говорить дорогу, сами найдем.

– Ищите, ищите, ничего не найдете... А может, дашь ма-аленькую бусинку? Я их очень уважаю, я их собираю, у меня замечательная коллекция бусинок. Мне все дарят. Как я кому что страшное предскажу, сразу дарят.

– Нет у нее никакой коллекции, – сказал мрачный бас.

Алиса обернулась. Как же она раньше не заметила! Совсем недалеко в густой высокой траве лежал крупного роста богатырь, надвинув на глаза высокий шлем с шишаком. Мокрая от росы кольчуга обтягивала его широкую грудь, а на ногах были серые штаны с железными наколенниками и красные сапоги с загнутыми носами. Из-под шлема торчала лохматая черная борода, и голос доносился как из бочки.

– Врет она, Дурында. Потому и Дурында, что врет. И меня обманула.

– А тебя, Сила Пудович, и обманывать не надо, – ответила Дурында. – В тебе ум никогда и не ночевал.

– Врешь, – ответил богатырь, протирая глаза. – Если бы у меня ума не было, как бы я догадался, что ты обманщица, а? – И богатырь захохотал, довольный своей сообразительностью.

Алиса увидела, что рука рыцаря медленно движется по траве, тянется к палке, что лежит рядом. Пальцы рыцаря обхватили палку и – вззззик! – свистнула она в воздухе. Еле-еле Дурында успела взлететь вверх. Рыцарь продолжал хохотать.

– Хам! – крикнула белая ворона. – Коня потерял! Кому ты нужен без коня? Тебя любая ящерица победит!

– А ну, молчать! – богатырь сел, надвинул шлем как следует и подхватил с земли меч. – В следующий раз не промахнусь.

Дурында кружилась в небе и кричала оттуда:

– Сила есть – ума не надо! Коня потерял... коня потерял!

Богатырь погрозил мечом, и ворона, каркая, улетела.

– Бывают же мерзкие птицы, – сказал Сила. – Как только ее воздух держит! А вы чего здесь стоите?

– Я помощи ищу, – сказала Алиса и показала на козлика. – Моего братца волшебник Кусандра заколдовал, в козлика превратил.

– Кусандру не знаю, – сказал богатырь. – Многих волшебников знаю, лично знаком, а вот про Кусандру не слышал. Может, он имя сменил?

– Его здесь давно не было, – сказала Алиса. – Он уезжал.

– Все равно странно, – сказал богатырь.

– А волшебника Ооха вы не знаете? – спросила Алиса.

– Такого слышал. Занят он, совещание собирает.

– Мы слышали, – сказала Алиса. – А как к нему пройти?

– Советов давать не буду, – сказал богатырь Сила. – Я сам вот послушался и пострадал. Рассказать?

Вообще-то Алиса спешила, но она понимала, что если не слушать рыцаря, он обидится. Зачем обижать других? И она кивнула.

– Я – бродячий рыцарь, богатырь-одиночка. Скачу по степям и полям, ищу себе подвигов и славы. Мне бы дракона победить, девицу освободить, Кащея наказать – дел невпроворот. Услышал вот вчера, что здесь неподалеку дракон объявился, старый, матерый, уже двадцать рыцарей задрал. Находка для героя! Сел на коня и поскакал его уничтожать. Доскакал до этого места, вижу камень. Остановился, Куда дальше скакать? Тут прилетела эта Дурында, известная в наших краях безобразница, и говорит: «Я видела твоего дракона вон с той стороны, иди туда, только скорей, а то он с последним своим врагом расправится и спать ляжет». Я ей отвечаю: «Нельзя мне в ту сторону, если я туда пойду, коня поте-

– Сила есть – ума не надо! Коня потерял... коня потерял!

ряю. Богатырю легче жизнь потерять, чем коня». А Дурында мне говорит, что это устаревшая надпись, в ней опечатка. Не «потеряешь» надо читать, а «потрешь». Спину коню потрешь, потому что бой с драконом тебе предстоит очень тяжелый. Ну и поверил я ей... – Богатырь замолчал и закручинился.

– И чем все кончилось? – спросила Алиса.

– Чем кончилось? Разве ты не видишь? Где мой конь? Где мой конь, спрашиваю? Я же теперь пехота, а не богатырь. Надо мной драконы смеяться будут! Не было на камне опечатки! Правильно все было написано. Поехал я за камень верхом, а вернулся пешком. Вот и сказка вся.

С этими словами богатырь снова растянулся во весь рост на траве и надвинул на глаза шлем.

– А что же дальше будете делать? – спросила Алиса.

– Откуда мне знать? – ответил рыцарь. – Буду ждать. Вдруг чего случится. Я по части ума и вправду слабоват. Но силы во мне хоть отбавляй. И рыцарь засопел, заснул.

– Куда же нам идти? – спросила Алиса.

Козлик подошел к камню, поглядел на него и отправился прямо. Алиса взглянула на надпись: «Прямо пойдешь, коня потеряешь».

– Ты уверен? – спросила Алиса.

Но козлик уже бежал по дорожке с холма, к перелеску. Он оглядывался на ходу, и Алиса поняла, что он ее торопит.

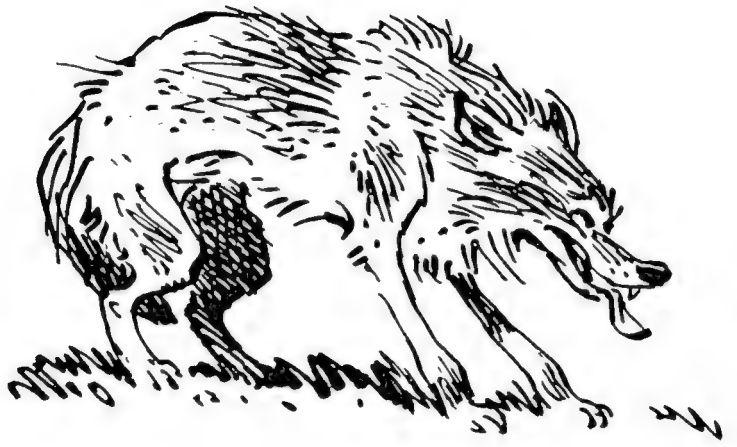
«Что ж, – подумала Алиса, – он правильно рассудил. Из всех зол лучше выбрать меньшее. А если у нас нет коня, то и терять нечего».

Глава шестая
КОГДА ВОЛКИ ШУТЯТ

Перелесок, который надо было пересечь, оказался небольшим, светлым и мирным. Среди невысоких берез росли земляника и ландыши, пели птицы, над дорогой кружились капустницы. Алиса остановилась, сорвала кислый лепесток заячьей капусты. А когда хотела идти дальше, увидела, что козлик несется обратно. Вид у него перепуганный, ноги подкашиваются.

– Что случилось?

Козлик прижался к ногам Алисы. И тут же она поняла почему.



Навстречу им не спеша шел Волк, ростом с того, что жил в заповеднике, но куда менее галантный на вид – пасть приоткрыта, зубы блестят, шерсть на загривке дыбом...

Алиса оглянулась – куда бежать? А сзади стоял еще один Волк, такой же. И ухмылялся.

– Здравствуйте, – сказала Алиса. – Вы не видели волшебника Кусандру, мы его ищем?

– Здравствуй, если не шутишь, – сказал Волк, что стоял впереди.

Другой Волк хихикнул:

– На что тебе волшебник Кусандра?

– Чтобы вылечил моего братца, – сказала Алиса, показывая на Ивана Ивановича. – Вам показалось, что это козлик?

– Показалось, – сказал передний Волк. – И даже сейчас кажется.

– Вы ошибаетесь, – сказала Алиса. – Это не козлик, а доктор наук.

Тут уж засмеялись оба волка. Они прямо катались по траве от смеха.

– Попались! – раздался вдруг с неба громкий крик. Над ними кружилась белая ворона Дурында. – Я прредупреждала! – крикнула она. – Теперрь не отвертитесь! Она полетела дальше, и слышно было, как из-под облаков вырывается далекий крик:

– Они оба умерррли такими молодыми! Какая жалость!

– Не отвлекайся, девочка, – сказал Волк. – У тебя закурить не найдется?

– Я не курю, – сказала Алиса.

– А сколько времени, не скажешь? – спросил Волк сзади, делая шаг вперед.

– У меня нет часов, – сказала Алиса.

– И курить не дает, и время не говорит, – сказал передний Волк, делая шаг вперед. – Никогда не встречал такой жадной девчонки.

– И смотрит она неприятно, как будто угрожает, – сказал Волк, стоявший сзади. Он тоже сделал шаг вперед. Алиса повернулась так, чтобы видеть обоих волков сразу, и отступила с дороги к стволу березы.

Волки медленно приближались и разговаривали между собой так, словно Алисы с козликом не было.

– А козлик упитанный, – сказал первый Волк.

– Хоть и доктор наук, – сказал второй.

– Я бы его съел, – сказал первый.

– И не думай, – сказал второй. – Он такой страшный, он сам тебя съест. С этими козликами надо ухо востро держать.

– Точно, – сказал первый Волк, – они вот-вот на нас набросятся. Хулиганы.

– Давай убежим, – сказал второй Волк.

Они говорили так серьезно, что Алиса не могла понять, шутят они или в самом деле испугались. К концу двадцать первого века на Земле не осталось хулиганов и бандитов, и не было такого места, где бы их боялись. Алиса поэтому не знала, что бандиты обожают поиздеваться над своими жертвами, если уверены в своей безнаказанности – такая уж у них подлая натура. Поэтому она сказала:

– Вы ошибаетесь, мы не собираемся на вас нападать. И если вы нас пропустите, мы пойдем дальше.

– Она нас пожалела! – воскликнул первый Волк. – Спасибо!

– Нет! – закричал второй, – Не верь ей, посмотри, как она зубы оскалила. Как только мы отойдем, она на нас набросится и сожрет.

И тут уж волки больше не могли удержаться от хохота и буквально начали корчиться на дороге, так им было весело.

– До свидания, – сказала Алиса, погладила козлика, чтобы он не боялся, и хотела было пойти своей дорогой, но тут оба волка как по команде перестали улыбаться.

– Хватит, – сказал первый. – Прощайтесь с жизнью.

– Вы в самом деле хотите нас съесть? – спросила Алиса.

– Хотим, – сказал второй Волк. – И съедим. Мы уже пошутили, нахохотались, а теперь съедим. Он разинул пасть и присел, чтобы прыгнуть. Алиса подхватила козленка и метнулась за ствол. Она уже поняла, что пощады ждать нельзя, но не привыкла сдаваться, тем более каким-то сказочным волкам. К тому же Алиса занималась спортом, а волки никогда – они только и умели, что бегать за добычей, правда, если добыча была слабая, а волков много.

Волк не ожидал, что Алиса так быстро спрячется за ствол. Он прыгнул и с размаху ударился лбом о дерево, так что искры полетели во все стороны.

Второй Волк не стал ждать, пока его товарищ придет в себя. Он страшно взревел и прыгнул тоже, Алиса не успела увернуться. Он ухватил зубами край ее сарафана и дернул к себе. К счастью, сарафан был старый, и его подол сразу оторвался. Волк присел на задние лапы, чтобы не упасть, а отважный козлик Иван Иванович кинулся к нему и со всех сил вонзил в бок острые рожки.

Волк взвыл от боли, отпрыгнул в сторону и столкнулся со своим товарищем.

Алиса с козликом бросились в чащу, но перелесок был редкий, и волкам нетрудно было их догнать... Волки обязательно догнали бы и разорвали Алису с козликом, но в этот момент послышался громкий хруст веток и крик:

– Стой! Прекратите безобразие!

Алиса на бегу обернулась и увидела, что богатырь Сила Пудович схватил волков за загривки, как щенков, поднял в воздух и трясет, будто хочет вытрясти из них всю злость.

– Ой! – кричали волки. – Мы не будем! Мы не хотели! Они первые на нас напали!

– Знаю вашу натуру, – сказал богатырь Сила, – знаю вашу подлость...

Он стукнул волков лбами так, что они лишились чувств.

Потом богатырь бросил волков на землю и вытер руки. Птица Дурында носилась по небу и кричала:

– Большой подвиг! Великое достижение! Спасение невинных детей от зубов озверевших хищников. Я сообщу всему мирррру!

Алиса почувствовала, что ее колени ослабли, и она села на траву.

– Спасибо, – сказала она. – Вы не представляете, как я перепугалась.

– Чего уж там, – сказал богатырь и даже покраснел от смущения. – Пустяки. Вы эту Дурынду благодарите. Она меня разбудила.

– Все равно спасибо, если бы вы не пришли, они бы нас съели.

– Это точно, – сказал богатырь. – Церемониться бы не стали!

– Они больше не нападут? – спросила Алиса.

– В лучшем случае через час очухаются, – сказал богатырь. – Я свою руку знаю.

Он потянулся, сладко зевнул и добавил:

– Странное дело. Как совершил подвиг, сразу спать расхотелось. Вы дальше идете?

– Дальше пойдем.

– Тогда я с вами. Мало ли какая нечисть на вас нападет. Я нечисть уничтожу, снова подвиг совершу. Мне все время хочется подвиги совершать – такая у нас, бродячих рыцарей, специальность.

– Ой, как хорошо! – сказала Алиса. – Тогда пошли!

И они пошли дальше втроем.

Глава седьмая
СЛАБОВОЛЬНЫЙ ВЕЛИКАН

Они шли по лесной дорожке, вокруг пели птицы, совсем как в обычном лесу, солнце уже согрело воздух, и даже трудно было представить, что где-то рядом лежат без памяти коварные волки.

– Скажите, пожалуйста, – спросила Алиса у рыцаря Силы, – а как вы потеряли коня?

– Обычным образом, – сказал богатырь. – Как все теряют.

– Но я не знаю, как все теряют.

– Сейчас увидишь, – сказал богатырь. – Да ты не бойся, у тебя коня нет, а козлов он не трогает.

– Кто?

– Я, кто же еще! – ответил громовой бас.

Дорогу преграждали два толстых бревна. Да это же не бревна! Это ноги в сапогах, каждый как пароходная труба. Ноги лежат на земле поперек дороги, не давая никому ни проехать, ни пройти. Между ног лежит на земле гигантский мешок. Да это же живот! Живот был так велик, что не видно ни груди, ни шеи – сразу за ним, там, высоко, начинаются подбородки – штук пять или шесть, один толще другого, над ними рот-губошлеп, нос, как красный воздушный шар, над всем этим голубые глазки, а еще выше сухие ветки желтых волос.

– Ну и великан! – воскликнула Алиса.

– Именно так меня и зовут, – сказал Великан. – Угадала.

– Это вы виноваты, что наш знакомый рыцарь остался без коня? – спросила Алиса.

Она почему-то совершенно не испугалась Великана, хотя любой осторожный человек, встретив в лесу Великана невероятной толщины, сначала бы бросился бежать, а уж потом подумал бы, знакомиться ему с таким чудищем или отложить до следующего раза.

– Да, это я виноват, – признался Великан. Его голос гудел так, что с деревьев срывались молодые листья и поднимался ветер.

– Тогда сейчас же верните коня хозяину, – сказала Алиса. – Ну, куда рыцарю без коня?

Великан почему-то засмеялся. Пришлось всем зажать уши, козлику было хуже всех – копытами уши не зажмешь. С неба упало что-то белое и лохматое. Алиса с трудом узнала белую ворону Дурынду, которая бегом бросилась в кусты.

Великан хохотал минут пять, пока весь лес вокруг него не облетел и над головой не начали скапливаться тучи. Наконец он умолк, Алиса смогла вынуть пальцы из ушей и сказала сердито:

– Вместо того, чтобы пугать, лучше бы объяснили.

– Так чего объяснять? Пройди вперед да сама погляди.

Алиса послушалась. И увидела, что за сапогами Великана лежит целая куча обглоданных лошадиных костей и черепов. В некоторых уже устроили гнезда ядовитые змеи.

– Так вы едите коней! – воскликнула Алиса. – Как это ужасно!

– Если бы я их не ел, я бы умер, – сказал Великан. – И никто бы не поверил тому, что написано на богатырском камне.

Богатырь Сила подошел к лошадиным костям и узнал останки своего любимого коня.

– Мой дорогой и верный друг, – произнес он, – разве я когда-нибудь мог подумать, что погибну позже тебя! Я тебя лелеял, поил ключевой водой, кормил отборным овсом и холил мягкой щеткой! Куда же мне теперь...

И он хотел уже поставить ногу на череп своего коня, откуда высунула злую головку гладко причесанная на прямой пробор ядовитая змея, но тут Великан закричал:

– Не надо лишних жертв! – и отбросил рукой богатыря.

Тот упал на землю и схватился за меч: обиделся.

– Великан прав, – сказала Алиса, подбегая к богатырю. – Ты же чуть на змею не наступил.

Деревья вновь зашатались – Великан зарыдал.

– Плохо, – повторял он сквозь слезы. – Люди из-за меня страдают. Уйду... Похудею, поднимусь и уйду.

– Зачем откладывать, пошли с нами, – сказала Алиса. – Как-нибудь прокормимся.

Ноги лежат на земле поперек дороги, не давая никому ни проехать, ни пройти.

Великан постарался подняться, но не смог, сапоги ехали по земле, оставляя в ней глубокие борозды, но живот от земли не отрывался.

– Поздно, – сказал Великан, – идите без меня. Когда-то я был худ, строен и красив. Но я ел много мяса, хлеба и картошки. Я привык обжираться. Обратного пути, как известно, нет. Я никогда бы не согласился сидеть здесь, если бы не мое обжорство. Погоди, девочка, не уходи. Я покажу тебе свой портрет в молодости.

Тяжело дыша, он достал из-за пазухи портрет стройного молодого человека.

– Не похоже?

– Нет.

– Я сам знаю. С завтрашнего дня перестаю обжираться.

– Вряд ли, – сказала Алиса, – Я знаю одного Волка, который все грозился, что будет есть морковку. Никто еще не похудел от благих намерений. А вы мне кажетесь очень слабовольным Великаном.

– Ничего, – сказал Сила, поднимаясь с земли и утирая слезы. – Он уж вокруг всех коней сожрал. Поневоле похудеет.

– Таких дураков, как ты, еще немало осталось, – сказал Великан. – Их учат, предупреждают, камни для них ставят, надписи пишут, а они все равно лезут. Я-то еще не такой опасный. Вот на правой дороге разбойники всех грабят, а на левой дороге настоящий Людоед сидит. Казалось бы, зачем туда ходить? А ведь ходят!

Великан принялся вслух рассуждать о человеческом легкомыслии, а Алиса, козлик, богатырь Сила и птица Дурында, которая после того, как свалилась с неба, временно разучилась летать, пошли дальше.

Глава восьмая
НАСТОЯЩИЙ СТАРИК

За перелеском начиналось вспаханное поле, а по краю его шел старик с сохой и устало ковырял пашню. Дорога проходила неподалеку от него, старик заметил путников, приложил руку к глазам, прищурился и ждал, пока они подойдут поближе.

– Здравствуйте, – сказала ему Алиса.

– День добрый, – старик поклонился путникам и не сказал больше ни слова. Он стоял, опершись о соху, ждал, что будет дальше.

– Ты чего остановилась? – спросил богатырь Сила. – Это же землепашец, простой человек, совершенно не сказочный, с ним каждый из нас что хочешь может сделать. Пойдем, не обращай внимания.

– Вы человек? – спросила Алиса.

– А как же? – ответил старик. – Мы крестьяне, из деревни.

– А вы не сказочный?

– Какой уж там сказочный, – ответил старик, – Не до сказок нам.

– Я думала, что здесь только сказочные живут, – сказала Алиса. – Мне очень приятно с вами встретиться. Я ведь тоже не сказочная.

Силе надоело ждать, он отошел в сторонку, за бугорок, растянулся во весь свой богатырский рост и тут же захрапел.

– А на вид сказочная, – ответил старик. – И компанию с ними водишь.

Он показал на птицу Дурынду, на козлика и на спящего богатыря.

Птица Дурында замахала крыльями и постаралась взлететь, но не получилось. Тогда она, как обыкновенная курица, пошла пешком по полю, выклевывая червяков.

– Эти двое – здешние, – сказала Алиса. – Но козлик – он мой, он вообще-то человек, только заколдованный.

– Ох, – расстроился старик, который вроде бы поверил Алисе. – Что делают! Ну что хотят, то и делают! Уже людей заколдовывать стали, мало им друг над другом измываться! Уйду я отсюда, уйду куда-нибудь, только чтобы всю эту сказочную братию не видеть. Неладно здесь человеку! Вот у меня лошадь Великан сожрал!

Казалось бы, что ему моя кляча, когда тут рыцари конные шастают, так нет, проголодался, подполз и сожрал.

– А нам говорил, что не может ходить.

– Как проголодается, сразу двигаться начинает, – сказал ста-

рик и даже сплюнул от обиды. – В том году колдун с драконом чего-то не поделили, стали огнем плеваться прямо над нашей деревней, три дома спалили. И когда только это кончится!

– Говорят, скоро, – сказала Алиса. – Уже ледниковый период надвигается. Люди его переживут, это я точно знаю, а вот сказочным существам не пережить, они только в человеческих сказках и останутся.

– Да по мне хоть ледник, только бы людям хозяевами на собственной земле остаться. Хоть и трудно будет под ледником, ох как трудно! Только-только мы пахать научились... А ты, пигалица откуда все это знаешь? Может, сказочная, а под человека рядишься, чтобы у меня чего хитростью выманить? Так я тебе скажу – нечего у меня выманивать. Пусто у нас, недород, бедность. Признавайся, ты ихняя?

– Нет, честное слово, я человек! – сказала Алиса.

Но старик сомневался. Он глядел на козлика, который подбежал к нему и прыгал вокруг, привлекал к себе внимание. Потом метнулся к Алисе, снова к старику, словно хотел что-то сказать, да не мог.

– И козел твой странный, – сказал старик. – Иди своей дорогой, оставь меня в покое, не до тебя – солнце уже встало, а я только первую десятину расковырял. Плохо мне без лошади, хоть помирай!

– Ты чего, Иван Иванович, – спросила Алиса козлика. – Ты что-то хочешь сказать? Козлик кивнул головой. – Ты этого дедушку знаешь? Козлик кивнул три раза подряд. Старик даже испугался.

– Не знаю я твоего козла! – воскликнул он. – Отстаньте от меня!

– Но он вас знает! – сказала Алиса.

– А меня все знают, меня все грабят, – ответил старик. – Кому хлеба надо, ко мне в печку лезут, кому лошадь нужна, мою жрут, кому курятины захотелось, моих кур тащат. Все вы одинаковые!

Козлик явно с этим не соглашался. Он даже открывал и закрывал рот, так ему хотелось объясниться.

– Погодите, – взмолилась Алиса, увидев, что старик отвернулся от них и собирался дальше пахать поле. – Может, вы и в самом деле встречались, потому что мой друг Иван Иванович Царевич у вас бывал раньше. Он из будущего, он директор нашего заповедника сказок. Он у вас недавно был!

Козлик кивал головой.

– Иван Иванович Царевич, говоришь?

Тут старик оставил соху, подошел к козлику, присел перед ним на корточки и заглянул в глаза.

– Из будущего, говоришь?

Старик покачал головой и сказал:

– Трудно узнать. Приходил ко мне один хороший человек, беседовали мы с ним. Так что, говоришь, случилось?

И Алиса рассказала деду все без утайки про волшебника Кусандру. Старик выслушал, не перебивая, потом ответил:

– Значит, несчастье у чужого человека случилось, и ты себя не пожалела, побежала в наши тяжелые времена правду искать? Это только человек может, сказочные так не делают. Не знаю уж, чего у них не хватает. Ну что ж, пошли в избу, меду горяченького попьем, подумаем, как твоему горю помочь.

Козлик даже подпрыгнул от радости, что старик его признал, а старик сказал:

– А вот прыганья за тобой раньше не замечалось. Прыгать ты не привыкай, не человеческое это дело.

Козлик смутился и пошел дальше как положено, аккуратно ставя копытца след в след.

– А как же богатырь? – спросила Алиса, показывая на спящего Силу.

– Ты за него не беспокойся, он же богатырь вольный, бродячий, где лег, там ему и дом. Дурак только. Все хочет доброе дело сделать, да не знает, какое доброе, а какое – нет. За славой гонится. Пускай себе спит, пойдете обратно, подберете его.

А птица Дурында поглядела им вслед и сказала:

– Идите, идите, здесь червяков много. Пока всех не съем, не уйду!

И тоже осталась на поле.

Глава девятая
КАК ПРИДУМАТЬ КОЛЕСО

Деревня оказалась такой бедной, что Алиса таких даже на картинках не видела. Низкие, покосившиеся, вросшие в землю бревенчатые хижины, крыши покрыты соломой, окошки маленькие, без стекол, даже труб нет. Несколько мелких кур бродили между домами, а при виде людей бросились врассыпную, попрятались. Видно, привыкли никому не доверять.

Деревня казалась вымершей – ни одна дверь не открылась при виде гостей.

– У нас народу мало, – сказал старик. – Кто в лесу грибы собирает или бересту дерет, кто помер от бедности, кто на рыбалку ушел. Он толкнул дверь в ближайшую избу. Внутри было темно, свет с трудом пробивался сквозь маленькие окошки. Вдоль стен шли лавки, а посреди избы из камней, обмазанных глиной, был сложен очаг. Дым от него уходил в дырку в крыше.

– Так и живем, – сказал старик. – Так и живем, ждем, когда времена изменятся. Ты уж прости нас за скудость.

– Как вам не стыдно так говорить! – даже обиделась Алиса. – Мы вам очень благодарны.

– Вставай, Герасик! – крикнул старик. – Вставай, гости пришли.

Куча тряпок на широкой скамье зашевелилась, и оттуда выглянула совсем белая мальчишеская голова на тонкой шее. Голова уставилась на Алису голубыми глазищами, поморгала, потом со скамейки свесились худые босые ноги.

– Здравствуйте, – сказал мальчишка. – Вы откуда такие?

– Люди это, не беспокойся, – сказал старик – Ты Ивана Иваныча помнишь, в том году приходил?

Мальчик перевел взгляд с лица Алисы на козлика и вдруг улыбнулся, соскочил со скамейки и подбежал к козлику.

– Я вас узнал! – закричал он. – Хоть вы изменились, я вас все равно узнал! У вас взгляд прежний. Кто же это вас так, а?

– Теперь все в порядке, – сказал старик. – Мой Герасик такой чуткий, просто страх. Нутром все чует. Я вас вел и думал – если признает, значит, не врешь, а если не признает – иди на все четыре стороны. Да ты садись, тебя как зовут?

– Алиса.

– Рад бы тебе помочь, – сказал старик, – но не знаю как. Скажи, внучок, не слыхал ли ты: может, проходил здесь такой бандит – зовут Кусандрой, сам худой как Кащей, в длинном черном балахоне, с мешком, полным золотых яиц и с курочкой Рябой в клетке. Он и есть главный злодей.

Герасик сидел на лавке и гладил козлика. Он задумался, потом тихо ответил:

– Такой человек проходил. Только в нашей деревне не останавливался. Думаю я, что он в разбойный лес подался.

– Почему ты так думаешь? – спросил старик. – Потому, что он не настоящий волшебник. Если бы настоящий, о нем бы мы обязательно слы-

хали. Самозванец он, а не волшебник. А если так, то возле волшебников ему делать нечего.

Мальчик говорил рассудительно, серьезно, как взрослый. Был он такой худой, заморенный, что даже кожа его отливала голубым цветом. «Наверное, чем-нибудь болен», – подумала Алиса и спросила:

– Ты не больной, Герасик? А то у меня лекарства есть с собой.

– Не больной я, – сказал мальчик. – Только голодный. Мне Иван Иванович лекарства приносил, называются витамины. Я их съел, а все равно голодный.

– Ох, грехи наши тяжкие, – вздохнул дед. – Даже ребенка досыта накормить не можем! Была корова, было молочко, да вот волки коварные сожрали ее, заманили в лес моим голосом.

– Вы обо мне не беспокойтесь, – сказал мальчик. – Сейчас нам надо Иван Иваныча спасти. Я ради этого все свои мысли отложу.

– А ты о чем мыслишь? – спросила Алиса.

– Я изобретаю. Времена трудные пошли, надо изобретать. Иначе, как совсем похолодает, плохо придется. Помрем, как драконы и богатыри.

– Он все думает у нас, все думает, – сказал старик. – Гулять не ходит, воздухом не дышит, все думает.

– А что же делать, дедушка? – сказал Герасик. – Кто-то должен думать.

Алисе мальчик понравился. Она была с ним совершенно согласна. Ей было приятно, что здесь она увидела одного из тех людей, которые будут думать и в конце концов додумаются, как строить дома, изобретут паровоз и телефон, переживут все ледниковые периоды и полетят в космос.

– А над чем ты сейчас мыслишь? – спросила Алиса.

– Я думаю, как изобрести такую штуку, чтобы грузы не таскать, а легко перевозить.

Герасик достал из-под лавки дощечку и два кружочка, вырезанные из дерева. Он приложил кружочки по бокам дощечки и сказал:

– Хочу придумать, как дощечку к этим кружкам приспособить, чтобы она не тащилась, а ка-

тилась. Мы бы сделали большую коробку, в нее клали бы тяжелые вещи и катили. Понимаешь?

– Значит, ты колесо изобретаешь! – воскликнула Алиса. – Я думала, что-нибудь серьезное. Кто же изобретает такие пустяки? Разве у вас колеса нету?

– Колесо? – повторил Герасик. Он расстроился, что колесо, оказывается, не надо изобретать, а он не знал об этом. – Наверное, где-нибудь в очень далеких землях изобрели, – сказал он. – Иначе я бы об этом уже знал.

– Да ты не обращай внимания, – сказал старик. – Ты себе изобретай. Если в заграничных землях изобрели, то нам они не скажут. А мне дрова тяжело из леса таскать...

– Ой, погодите! – сказала Алиса. – Наверное, я ошиблась. Ведь это я знаю про колесо, потому что я в будущем живу. Но я не знаю, кто его первым придумал. Может, Герасик и придумал. Хочешь, я тебе помогу, покажу, как кружочки к доске прикреплять, чтобы удобнее катить? Мы его вместе с тобой изобретем.

– Нет, – сказал тихо мальчик. – Не надо мне подсказывать. Я хочу сам. Если ты мне подскажешь, то какой я изобретатель? Ты же тысячу раз это колесо видела, тебе и думать не надо. Вспомнила, и все тут. Спасибо, без тебя изобрету.

Герасик закинул кружочки под лавку.

– Пойдем, – сказал он.

– Куда? – спросила Алиса.

– Я вас в разбойный лес провожу.

Алисе было стыдно. Расстроила изобретателя, не подумала о том, что придумать труднее, чем вспомнить.

– Извини, Герасик, – сказала она. – Ты изобретай, я больше не буду мешать. Ты нам только покажи, куда идти, а дальше нас Сила проводит.

– Нет, – сказал мальчик. – Я с вами пойду. Сила в этих местах не бывал, разбойного леса не знает.

– Ой, не ходи, Герасик, в разбойный лес, – взмолился дед. – Никто оттуда живым не возвращался. И гостей туда не зови. Пожалей их молодое здоровье.

– Мы сами пойдем, – сказала Алиса.

Но Герасик не слушал. У дверей он сунул ноги в рваные лапти, вышел наружу и остановился, поджидая остальных.

Глава десятая
ЯБЛОНЯ ЗА РЕКОЙ

С поля доносился богатырский храп.

– Совсем забыла, – сказала Алиса. – Надо богатыря Силу разбудить. Он обидится, если мы его с собой не возьмем. Он подвиги любит.

– Пускай спит, – сказал мальчик. – Начнешь его будить, зашибет. Он дурной.

– Нет, – Алиса повернула к полю, – Я его сама разбужу. Он нам в лесу пригодится.

Она подошла к богатырю, который мирно спал, раскинув руки.

– Сила, – сказала она. – Пора идти. Сила продолжал храпеть. Козлик подбежал к богатырю и дернул его губами за рукав.

Сила продолжал храпеть. Козлик боднул богатыря. Никакого результата. Алиса толкнула богатыря. Богатырь поморщился во сне, пошевелил губами, но не проснулся.

– Си-ла! – крикнула Алиса в ухо богатырю. Богатырь отмахнулся мощной рукой, Алиса и козлик еле успели отпрыгнуть. Герасик отбежал в сторону.

Тогда Алиса подобрала с земли сучок, вытерла о сарафан и пощекотала богатырю в носу. Богатырь по-богатырски чихнул и проснулся.

– Кто смеет меня беспокоить? – спросил он грозно. – Раздавлю, как козявку!

– Силушка, – сказала Алиса. – Ты с нами идти собирался.

– Никуда я не собирался. Я теперь собираюсь спать тридцать лет и три года. Накоплю мощи и всех разгромлю.

– Нельзя тебе спать тридцать три года, – сказала Алиса. – Тебя ледником накроет.

– И ледник разгромлю, – сказал Сила.

– Ну, как хочешь, – сказала Алиса. – Мы тебя хотели на подвиги позвать, в разбойный лес.

– В разбойный лес? На подвиги? Так чего же раньше-то не сказала! – Богатырь поднялся с пашни и потянулся, хрустнув костями. – В разбойном лесу я еще не был. Ого-го-го! Как мы там повеселимся, как мы там побезобразничаем!

– Ты бы лучше меня слушался, – сказала Алиса. – Безобразие может все испортить.

Тут богатырь рассмеялся, ему показалось очень смешным слушаться девчонку, и так, хохоча, он и пошел вслед за мальчиком, который показывал дорогу.

«Странно, – думала Алиса, – ведь мы все это время ходим по Москве. Вернее, по земле, где потом будет Москва. Может, даже до центра ее не дошли. А если не считать нескольких избушек, вообще жилья не встретили».

Солнце поднялось уже высоко, пригревало, они миновали небольшой густой лес и остановились на берегу широкой медленной реки. «Наверное, это Москва-река», – подумала Алиса и спросила мальчика:

– Эта река у вас как называется?

– Большая, – сказал мальчик. – Мы ее Большой называем, а есть еще Маленькая, но до нее идти далеко.

– Это Москва-река? – спросила Алиса у козленка. Козленок кивнул головой.

– Что-то он у тебя неразговорчивый, – сказал Сила. – Язык, что ли, проглотил?

– И Сила засмеялся собственной шутке.

– Так он же заколдованный! – сказала Алиса.

– А, заколдованный, – вспомнил богатырь. – Тогда понятно.

Они спустились к воде. Вода в Москве-реке была хрустальной, чистой, прозрачной, в глубине резвились рыбешки, на секунду из воды показалась здоровая гигантская щука.

– Погодите тут, – сказал мальчик. – Я лодку достану.

Он отбежал к кустам, что росли у воды, и вскоре оттуда показался нос лодки, выдолбленной из большого ствола. Лодка была узкой и на вид неустойчивой, но мальчик сказал, что она всех выдержит, даже богатыря. Богатырь поглядел на лодку и сказал: – А может, я вас здесь подожду? –

Боишься? – спросила Алиса. – Не боюсь, я плавать не умею, – сказал богатырь. – В моей кольчуге я как топор на дно пойду. Жалко меня.

– А подвиги? – спросила Алиса. – Ты же хотел подвиги совершать. – А если я утону, – резонно ответил богатырь, – то и подвиги некому будет совершать. Пустое дело. Хотя, конечно, подвиги совершать имею желание.

В конце концов богатыря уговорили. Он поехал отдельно, после того как перевезли Алису с козликом. Он сидел в самой середине лодки, неподвижный, как железная статуя, зажмурив глаза, и так крепко держался за борта, что на том берегу всем вместе пришлось разгибать его пальцы, а в бортах остались глубокие вмятины.

Когда все поднялись на высокий дальний берег, Герасик показал на синеющий впереди лес и сказал:

– Вот это и будет разбойный лес. Дорога туда через луг, другой дороги нету.

– Спасибо тебе, Герасик, – сказала Алиса. – Возвращайся домой, дедушка будет волноваться.

– Домой я пока не пойду, – сказал маленький изобретатель, шмыгнув носом. – Торопиться мне некуда, Я здесь посижу, подумаю. У воды мысли лучше приходят.

– Ты это брось, – вдруг вмешался в разговор богатырь Сила. – Ты это брось, думать. Ты же не сказочный, а можно сказать, обыкновенный человечек. Думают волшебники и колдуны. Твое дело землю пахать и лапти плести.

Сила уже отдышался, страх его пропал, да он и сам о нем позабыл.

– Иди, – сказала Алиса богатырю. – Иди вперед, мы тебя догоним.

Богатырь послушался и побрел вверх по откосу.

Алиса сказала:

– Если мы долго не будем возвращаться, ты нас не разыскивай. Ты в деревню возвращайся. Мало ли что – а вдруг нам придется дальше идти Кусандру искать?

– Хорошо, – сказал мальчик. – Я дотемна подожду и поеду обратно. Сверху послышался тихий плач. Прислушались – точно, кто-то плачет. Они побежали наверх.

Там, над рекой на обрыве не было ни одной живой души. Богатырь уже ушел далеко к лесу.

– Я знаю, кто плачет, – сказал Герасик. Он показал на яблоню, усыпанную тяжелыми плодами. Ветки ее согнулись под тяжестью яблок почти до са мой земли.

– Странно, – сказала Алиса. – Еще только май месяц, а яблоки уже созрели.

– Я не знаю, что там у вас, – сказал мальчик, – но у нас лето уже кончается. Только год выдался холодный, яблоки упасть не могут. Вот яблоня и плачет.

– Ясно! – сказала Алиса. – Сказочной яблоне надо помочь. И она нам когда-нибудь поможет.

– Как хочешь, – сказал Герасик. – Я в эти сказочные дела не вмешиваюсь. Я сегодня яблоню потрясу, а завтра меня за это какая-нибудь ведьма заколдует.

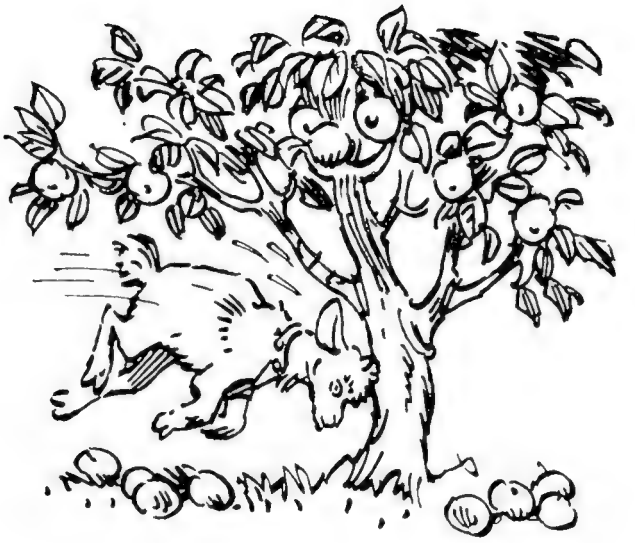
Но Алиса подошла к плачущей яблоне и как следует потрясла ее ствол. Яблоки покатились на землю.

– Еще, – прошептала яблоня с наслаждением, расправляя ветви. – Еще, моя дорогая!

Козлик разбежался и со всего размаха ударил рожками в ствол, яблоки покатились на землю с новой силой.

– Еще, – повторяла яблоня. – Еще-о-о!

Герасик тем временем собирал яблоки за пазуху.



– Дома пригодятся, – сказал он. Алиса кончила трясти яблоню, та пошевелила ветками и проворковала:

– Спасибо. При первой же возможности отплачу.

– Не стоит благодарности, – сказала Алиса.

– Ты возьми яблочко, – сказала яблоня. – Хорошие яблоки, добрые.

Алиса подобрала яблоко и надкусила его. Яблоко было кислым до невозможности. Яблоня оказалась дикой, некультурной. Но Алиса, стараясь не морщиться, съела все яблоко, чтобы не обидеть яблоню. Ни одной матери нельзя говорить, что у нее неудачные дети.

Алиса ела яблоко и смотрела на мальчика Герасика.

– Ты чего задумался? – спросила она.

– Как-то раньше в голову не приходило, – сказал мальчик. – А сейчас увидел и удивился. Почему яблоки падают на землю, а не в небо? Что их притягивает?

– Как что? – удивилась Алиса. – Земля.

– А почему?

Алиса открыла было рот, чтобы объяснить мальчику законы тяготения, но козлик сильно боднул ее в ногу.

– Ты чего? – спросила Алиса.

И поняла. Нельзя подсказывать. Если мальчик сможет, пускай сам придумает этот закон, без подсказки. А если не придумает, подождем Ньютона, английского ученого, который этот закон придумает наверняка.

И, оставив мальчика в задумчивости возле сказочной дикой яблони, Алиса с козликом побежали вслед за богатырем, который остановился на опушке леса и махал мечом, тренировался.

Глава одиннадцатая
В РАЗБОЙНОМ ЛЕСУ

Разбойный лес оказался еще темнее, чем тот, в котором была спрятана в дупле машина времени. Казалось, он хранит в себе холод зимы, холод ночи, холод страшных подземных пещер. Подлеска в нем не было. Стволы седых елей стояли, как колонны, ветви их нависали, как своды подвала, и травы никакой в нем не росло, только на черной земле, прикрытой упавшими с елей иголками, стояли кое-где бледные поганки на тонких ножках.

Скоро они увидели развалины каменного замка. Неизвестно, кто и почему решил строить замок в таком темном и пустом лесу, и неизвестно, кто и почему потом покинул этот замок. Как светлячки, из черных дыр светились зеленые глаза – и тоже неизвестно, чьи глаза. Ни Алиса, ни Сила подходить поближе, чтобы узнать, не захотели.

Потом они прошли мимо круглого озера. Вода в нем была странной – она ничего не отражала. Поэтому озеро казалось просто бездонной дырой. На берегу сидела лягушка в царской короне, и, когда Алиса окликнула ее и спросила, как пройти к разбойникам, лягушка ничего не ответила, прыгнула в озеро и пропала в нем, даже кругов по воде не пошло.

Но когда путникам уже казалось, что они заблудились и не выйдут отсюда, впереди послышалась песня. Песня была скучная, грубая, и пели ее грубые и скучные голоса.

Сила остановился, подумал, потянул носом и сказал:

– Похоже, разбойники. Поют плохо.

Поляна, на которой сидели разбойники, была такой же темной, как и весь лес. Так же смыкались над ней ветви вековых елей, и если бы не большой костер из толстых бревен, который горел посреди поляны, трудно было бы разобрать, что там происходит.

Хотя, в общем, ничего особенного там не происходило.

У костра спали вповалку несколько дикого и неопрятного вида разбойников, одетых как попало в украденные и отобранные вещи. На одном – роскошный бархатный камзол и лапти с золотыми шпорами, а вместо штанов – женская шелковая юбка. Другой одет в медвежью шкуру, в железные рыцарские штаны, а пятки голые. Бороды и волосы у разбойников оказались такими спутанными и длинными, что было ясно – они с детства не причесывались и не стриглись.

Три разбойника не спали. Они сидели обнявшись, раскачивались и тянули скучную песню.

На краю поляны стояла изба на больших курьих ногах, дверь в нее была открыта, оттуда спустилась по ступенькам отвратительного вида горбатая старуха с ковшом в руке. Ковш дымился. Она подошла, к разбойникам и сказала:

– Нате, чайку попейте. И идите на работу. Что-то сегодня с утра человечьим духом тянет. А вы все валяетесь!

Разбойники взяли ковш, первый отхлебнул, закашлялся, потом утерся рукавом и сказал:

– Славный у тебя чаек, старуха, крепкий, кусается!

– Сама варю, сама настаиваю, – сказала Ведьма. – Ну вставайте, идите! Всю добычу прогуляли и пропили!

– Погоди, бабка, – сказал второй разбойник и отдал ей пустой ковш. – Перерыв еще не кончился. И нету никого в лесу. Всех, кого только можно, мы уже ограбили.

– Нет в жизни счастья! – закричал третий разбойник.

Алиса обернулась к козлику и сказала шепотом:

– Кусандры не видно.

– Эй! – закричал тонкий голос над головой. – К вам гости, дорогие разбойнички!

И тут же раздался такой свист, что зашатались ели, а избушка на курьих ножках сама перевернулась спиной к поляне, чтобы не слышать ужасного свиста.

Алиса зажала уши, подняла голову и увидела, что на ветке сидит очень большой Соловей, растрепанный и грязный, как все разбойники, а на шее у него золотое кольцо с рубином, видно, снял с кого-то.

– Замолчи, разбойник! – закричала на Соловья Ведьма. – Избу испугал! Чего тебе почудилось?

– Люди! – завопил Соловей и снова засвистел.

– Откуда здесь людям быть? – засмеялся разбойник.

Другие разбойники от свиста начали просыпаться, ругались, что не дают поспать.

– Кто сюда сунется, кто сюда дорогу найдет?

Алиса решила, что прятаться поздно. Она велела козлику и Силе подождать ее, а сама вышла на поляну к костру и сказала:

– Я сюда сунулась. Мне поговорить с вами надо.

От изумления разбойники онемели, а Ведьма даже села на землю.

– Не бойтесь, – сказала тогда Алиса. – Я у вас спрошу и уйду.

– Девочка, – сказал один из разбойников, – Живая.

– Дура, – сказал другой разбойник. – Мы же тебя ограбим!

– У меня нечего взять, – сказала Алиса. – Хотите, проверьте.

Разбойники повалились на землю от хохота.

– Доверяем, но проверяем, – сказал, отсмеявшись, их Атаман с черной повязкой на правом глазу. – А ну, выкладывай, с чем пришла, смелая кроха, а то скучно.

– Скучно, – повторили разбойники.

– Я ищу волшебника Кусандру, – сказала Алиса. – Вы такого не видели?

– Кого-кого?

– Кусандру. Может, он настоящий волшебник, а может, просто самозванец, но он заколдовал моего брата.

– Кусандра-то? Заколдовал? – сказала Ведьма. – Ну, ты меня рассмешила. Никакой он не волшебник, и заколдовать он никого не умеет. Это я тебе точно говорю.

– И все-таки заколдовал, – сказала Алиса. – Поглядите.

Козлик выбежал на поляну и встал рядом с Алисой.

За ним вышел богатырь Сила. Разбойники вскочили, схватились за оружие.

– Не бойтесь, – сказала Алиса.

– Мы никого не боимся, – сказал Атаман разбойников. – Кто из них заколдованный?

– Козлик, – сказала Алиса. – Кусандра дал ему из какой-то лужи напиться.

– Ну, это еще не волшебник, – сказал Атаман, – если воду подсовывает. Не ищи ты Кусандру, не поможет он тебе.

– Но я хотела с ним поговорить, – сказала Алиса. – К тому же он украл у нас курочку Рябу.

– Украл? Не может быть, – сказал Атаман.

А остальные разбойники почему-то снова рассмеялись.

Тем временем Баба-Яга подошла к Алисе, погладила ее по щеке и проскрипела:

– Ах ты, какая гладенькая да красивенькая, человечьим духом пахнешь, вкусная будешь.

– Бабка! – прикрикнул на нее Атаман разбойников. – Ты эти штучки брось! Человек к нам по делу пришел, без страха, доверился, а ты уже ее готова на лопату и в печь!

– А я чего? – бабка сразу отпрыгнула от Алисы. – Я только сказала.

– Горе мое, горе! – послышался новый голос. – Я сплю, а тут люди. Где здесь люди?

Из кустов поднялся разбойник в два человеческих роста, заросший бородой до колен – лица не видно. Он распахнул, зевая, такой огромный

рот, какого Алисе вообще видеть у людей не приходилось, да что у людей – у бегемота такого рта не бывает.

– Почему не разбудили вовремя? – спросил этот страшный человек. – Подавайте сюда людей!

– Вот видите, – сказала Ведьма, – господин Людоед тоже беспокоится.

– Садись, Людоед, успокойся, – сказал Атаман.

Он, видно, и в самом деле был отважным разбойником. Не испугался Людоеда.

– Ты не на работе.

– Жан! – раздался тут громкий крик богатыря Силы. – Как ты изменился! Тысячу лет тебя не видел.

Людоед оглянулся и тоже узнал богатыря.

– Сила! – воскликнул он. – Сила Пудович! Какими судьбами?

Богатырь и Людоед обнялись так, что захрустели кости, потом сели рядом у костра.

«Ну и хорошо, – подумала Алиса. – По крайней мере, этот Людоед о нас забыл. А с Ведьмой мы как-нибудь справимся. Надо отсюда поскорей убираться. Не место здесь нормальному человеку».

– Как ты? – спрашивает Людоед, хлопая Силу по колену. – Как наши? Как Илья Муромец? Как Самсон Семенович? Как Алеша? Роланд как? Как благородный Ланцелот? Зигфрида давно не видел?

– Долго рассказывать, – отвечал Сила. – Кто жив, кто погиб в честном бою, кого волшебники погубили... все по-разному. С Ильей Муромцем дня два назад встретились. Он как раз дракона свалил. Крупный был дракон, девять голов.

– А Руслан? Русланчик жив? А как Тариэль? Автандил, его дружок, как? Ты-то сам как?

– Погоди, – сказал Сила. – Про меня все ясно. Я по-прежнему подвигов ищу, слабых защищаю, принцесс освобождаю, славу добываю. А ты чего здесь делаешь? Почему в таком виде? Почему без доспехов и доброго коня? Ты же один из самых сильных был, Жан!

– Ушел я из рыцарей, – сказал Людоед. – Устал по полям и лесам гоняться. Решил отдохнуть. Считай, на пенсии я.

– Может, тебе есть нечего? Может, обеднел ты? Мы тебе всегда поможем.

– Все у меня есть... живу зажиточно, тихо... только скучаю. – Разбойники прислушивались к разговору двух силачей, не мешали им.

– Чем же занимаешься? Чего в гости не зовешь? – спросил Сила.

– В людоеды я подался, – сказал его старый приятель. – Людоедствуем помаленьку.

– Не понял, – сказал Сила, который большим умом не отличался.

– Камень на перекрестке видел? – спросил Людоед.

– Видал, – сказал Сила. – Лучше бы мне его и не видеть. Я в ту сторону пошел, где написано, что коня потеряешь. И потерял. Безлошадный я теперь.

– Ну вот, а пошел бы ты туда, где жизнь потеряешь, меня бы встретил. Там у меня засада. Какой путник рискнет, пойдет по той дороге, или если неграмотный попадется. Я их и ем.

– Постой, постой. А если бы я пошел?

– Пришлось бы и тебя съесть.

– Не понимаю я тебя, Жан, – сказал Сила, – как можно меня съесть, если я твой старый друг, если мы с тобой вместе принцесс освобождали и драконов резали?

– Ну что поделаешь, – сказал Людоед. – Такая у меня работа. Да ты не отодвигайся, не бойся, сейчас я отдыхаю, сейчас я не на работе. Я с тех, кого съел, одежонку снимаю, несу к разбойникам. Им отдаю. А Бабушка-Яга мне зеленого зелья дает.

– Даю, миленький, – сказала Ведьма, – как же не дать хорошему человеку.

– Но ведь это подло! – закричал тут Сила и вскочил. – Как так можно? Ты что, и прохожих лопаешь, и мирных лиц?

– Приходится, Силушка, – сказал печально Людоед. – Иногда даже жалко их, невинных. Но приходится. А так работа тихая, спокойная...

– Защищайся, подлец! – закричал тут Сила. – Я не позволю тебе позорить славное богатырское звание! Лучше погибну с тобой в честном бою!

– А вот этого делать не надо, – сказал Людоед и отпрыгнул в сторону, спрятался за дерево. Меч Силы, сверкнув в воздухе, вонзился в ствол. – Погоди! – кричал из-за дерева Людоед. – Я же боевую форму потерял, я же давно боевого оружия в руки не брал! Нельзя меня убивать! Я долг исполняю! Я не хотел!..

– Нет уж, – ответил Сила, вытаскивая меч из дерева. – Мы этого уже наслушались! Нам это уже Великан-коноед говорил. Значит, если у тебя должность такая, можно подлецом быть и даже людоедом? Не выйдет! На любой должности богатырь должен богатырем оставаться!

– Пощади! – кричал Людоед, убегая от Силы. И всем было ясно, что Людоед, конечно, сильнее богатыря, но на людоедской должности он

– Пощади! – кричал Людоед, убегая от Силы.

обленился, растолстел и, главное, потерял смелость, без которой против рыцаря не устоять.

Но когда Людоед понял, что ему грозит бесславная смерть, Он взмолился:

– Разбойники, спасите! Остановите его! Он же отсталый, он ничего не понимает! Я же вам добро приносил, с вами водку пил!

Разбойники только улыбались в усы и в бороды, но помогать Людоеду не стали. Может быть, боялись Силу, а может быть, не жалели Людоеда.

Баба-Яга тоже Людоеду не помогала, но уселась на ступеньках своей избушки и оттуда сочувствовала:

– Да что ж за напасть на тебя такая? И за что невинного труженика преследуют? И чем это его труд хуже любого другого?

Наконец, совсем перепугавшись, Людоед подпрыгнул и уцепился за толстый сук дерева. Сила догнал его и вонзил в него сзади конец меча. Страшно взвизгнув, Людоед буквально взлетел выше.

– Выкуп! – взмолился Людоед. – Любой выкуп. По закону рыцарей, если ты сдался, то можно откупиться!

– Чем же ты откупишься, живой мертвец! – закричал Сила. – Колечками, которые содрал с убитых тобой вдов и сироток?

– Нет! У меня есть вещи и получше! Только перестань меня колоть.

– Ну, показывай, – сказал Сила, отступив на шаг, но не опуская меча.

Людоед достал из кармана золотое куриное яйцо и показал Силе. – Дай-ка, – сказал богатырь.

– Только на время. Пока оно не твое. Ты правила рыцарской чести знаешь, – сказал Людоед.

– Правила чести? Не тебе о них говорить, – сказал Сила и подкинул яйцо на руке. – Что-то легкое. Наверное, позолоченное. И ты хочешь за него свою паршивую жизнь купить?

Козлик боднул Алису в колено.

– Вижу, – сказала она. – Конечно, вижу. Неужели Людоед Кусандру съел? Алиса подбежала к Силе и сказала: – Отойдем на секунду. Дело есть.

– Яйцо! Яйцо не унесите! – крикнул Людоед.

Сила только отмахнулся. Они отошли с Алисой к кустам на краю поляны.

– Это яйцо украл у нас негодяй Кусандра, – сказала Алиса. – Ты понимаешь?

– Нет, – сказал Сила. – Но если тебе нужно, возьми, я не жадный.

– Мне не яйцо нужно! – прошептала Алиса. – Мне нужно найти Кусандру. Он же козлика заколдовал и убежал.

– Понял, – сказал Сила. – Сейчас сделаем.

Сила повернулся и огляделся. Людоеда и след простыл.

– Где Людоед? – спросил он. – Где он прячется? Не сознаетесь, всех разгоню.

– Ты нас не пугай, – сказал Атаман. – Думаешь, первый раз богатыря видим? Сам начал драку, сам и кончай.

– Далеко ему не убежать, – сказал Сила. – Прячется...

Тут козлик побежал через поляну к избушке Бабы-Яги.

Он не стал подниматься по лестнице, а заглянул под дом и громко заблеял. И тут же из-под дома показалась ножища в сапоге и брыкнула так, что козлик отлетел в сторону.

– Ах, вот ты где! – разгневался Сила. – Со мной драться не хочешь, а на маленьких нападаешь? Ну-ка вылезай!

Людоед вылез из-под избы и сказал:

– Мы же с тобой квиты. Ты яйцо взял.

– Нет, яйцом ты не отделаешься, – сказал богатырь. – Ты мне скажи, откуда оно к тебе попало.

– Нашел, – сказал Людоед быстро. Так быстро, что Алиса сразу поняла, что Людоед говорит неправду. Даже Сила это понял.

– Где нашел? – спросил богатырь грозно.

– В лесу. На дороге.

– Так и лежало? – спросил Сила и начал помахивать мечом. Все ближе к бороде Людоеда.

– Лежало! Лежало! – крикнул Людоед. – Не бежало же! Конечно, лежало.

– А может, ты его в чужом кармане нашел? – спросил Сила и, ловко взмахнув мечом, отхватил клок от бороды Людоеда. – Давно ты у брадобрея не был, – сказал Сила. – Придется тебе бороду подровнять.

– Ой! – Людоед схватился за остатки бороды. – Ты с ума сошел! Меня же никто бояться не будет!

– Это даже к лучшему. Тебя не бояться нужно, а уничтожать, – сказал Сила. – Сознавайся!

– Я его не ел! – закричал Людоед. – На нем мяса ни кусочка нету.

– Он видел Кусандру! – закричала Алиса. – Он его видел!

– Никого я не видел, – сказал Людоед. – Я глаза закрыл.

– Где Кусандра? – спросил Сила, и его меч снова взвился в воздух.

– Не знаю! – сказал Людоед. – Я его отпустил. А что с ним потом было, пусть разбойники расскажут. Я его отпустил, а потом его разбойники встретили.

– Это правда? – спросил Сила у разбойников.

– Чего правда? – спросил Атаман.

– Вы видели Кусандру?

– Приходил такой, – сказал Атаман. – Предлагал нам союз и дружбу, говорил, что вместе с нами весь мир покорит. Подкупить нас хотел.

Тут разбойники, которые оказались смешливым народом, повытаскивали из карманов и из-за пазухи золотые яйца и принялись их подкидывать, крутить, катать по земле, и поляна засверкала золотыми искрами. Ведьма прыгала на порожке избы и причитала:

– Не уроните!

– Где Кусандра?! – закричала Алиса. – Вы же знаете, где он!

Как по колдовству, все яйца тут же исчезли, смех прекратился, и разбойники обратили к Алисе совершенно серьезные физиономии.

– Вы о ком, девочка? – вежливо спросил Атаман.

– Но я сама только что видела золотые яйца.

– Она видела яйца? – удивился Атаман. – Но я не видел.

– И я не видела! – крикнула Ведьма.

– И мы не видели, – сказали разбойники.

– Сила! – взмолилась Алиса. – Подтверди.

– Они, видно, меня за дурака считают, – рассердился богатырь.

Он обернулся к разбойникам и так грозно посмотрел на них, что они стали хвататься за кинжалы и палицы и подниматься на ноги, понимая, что теперь не до шуток.

И неизвестно, чем бы это все кончилось, если бы на поляну не ворвался молодой разбойник с криком:

– Скорей, скорей! Там дракон напал на купеческий караван! Он их сейчас растерзает, а добыча наша!

Разбойники тут же забыли о богатыре, об Алисе, обо всем.

– Добыча! – завопили они.

И толпой побежали вслед за вестником, под свист Соловья-Разбойника.

– Дракон? – сказал Сила. – А у меня нет коня! Полцарства за коня! Но никто его не слышал.

– Эй! – сказал Сила. – Придется идти на подвиг пешком.

– Погоди, Сила, – сказала Алиса. – Мы же не нашли Кусандру.

– Ничего ты не понимаешь, – ответил богатырь. – Ты не создана для подвигов.

Богатырь с размаху кинул золотое яйцо в Людоеда. Яйцо разбилось, и по лицу Людоеда потек желток. А богатырь, ломая кусты, бросился в чащу вслед за разбойниками.

На поляне наступила тишина. Только слышались стоны Людоеда, который сидел на траве, обхватив руками мохнатую голову.

– Ну вот, Иван Иванович, – сказала Алиса. – Не надо было нам надеяться на Силу. Что теперь будем делать?

Глава двенадцатая
ВСТРЕЧА С КУСАНДРОЙ

– Девочка, а девочка, Аленушка, а Аленушка, – услышала Алиса ласковый голос. – Ты кого ищешь? Кусандру?

Рядом стояла Ведьма, один длинный зуб достает до подбородка, другой – до кончика длинного носа. Глазки маленькие, черные как уголь, платочек на голове, лицо в морщинках, как печеное яблочко. И улыбается.

– Да, бабушка, – сказала Алиса. – Мы его ищем. А вы знаете, где Кусандра?

– Знаю, милая, знаю. Позолоти мне ручку, тогда скажу.

– Вы не обманете?

– У нас все честно, как в аптеке. Неужто у тебя никаких ценностей нет?

– У меня есть бусы, – сказала Алиса, и слиток золота. Что хотите, то и возьмите.

– Давай тогда все, – сказала Ведьма. – Все давай. И бусы и золото. Ты хорошая девочка, я тебе за это все покажу.

Алиса расстегнула сумку и достала оттуда слиток золота, который взяла в школьном музее, и пригоршню бус.

Ведьма протянула к ней костлявые руки, которые даже тряслись от жадности, схватила все вещи и засунула себе за пазуху.

– Вот и все, – сказала она. – Что было, того нету.

Она поняла, что Алиса боится, как бы ее не обманули, и добавила с улыбкой:

– Ты не бойся, у нас как в аптеке, пойдем, я тебе покажу, где твой любимый Кусандра. И козлика с собой бери, чего ему здесь на поляне оши-ваться. А то еще Людоед в себя придет и скушает твоего братца.

Ведьма поднялась по высокой лестнице в избушку и поманила Алису за собой.

– Не бойся, – сказала она. – Никто тебя не съест.

– Я не боюсь, – сказала Алиса и пошла за Ведьмой.

В избе было душно, но холодно. В очаге светились угли. По стенам висели какие-то веники и пучки трав, на полке среди глиняной посуды сидела худая черная кошка, сверкая желтыми глазами, на столе стоял котел, в котором булькало какое-то варево и шел пар, хотя огня под ним не было.

– Тебе нужен Кусандра? – спросила Ведьма,

– Да.

Ведьма сразу перестала улыбаться. Она щелкнула языком, и черная кошка соскочила с полки, прыгнула к двери. Захлопнула ее и закрыла на висячий замок, а ключ кинула старухе. Та поймала его на лету и сказала:

– Лучше не рисковать. Не дрожи, девочка, не дрожи, козлик. Чего вы хотели, то и получите.

– Правильно, – раздался знакомый голос. – С ними иначе нельзя.

И широко улыбаясь, показывая все свои сорок золотых зубов, из-за печки вышел Кусандра в черном пальто, шляпе и темных очках.

– Пришли, голубчики? – сказал он. – Присаживайтесь, не стесняйтесь. И вы, Иван Иванович, и ты, Алиса Селезнева. Здесь все свои, секретов у нас нету.

Алиса присмотрелась и увидела, что пальто Кусандры спереди разорвано, а на щеке большой синяк. «Нет, он не волшебник, – подумала Алиса. – Волшебник такого бы не допустил».

– Зачем пожаловали? – спросил Кусандра. – Зачем вы преследуете меня в моей легендарной эпохе?

– Сами знаете зачем, – сказала Алиса. – Вы унесли курочку Рябу и забыли расколдовать директора заповедника, который вам не сделал ничего дурного.

– И ты думаешь, что я сейчас раскаюсь? Ошибаешься, девочка, ошибаешься, крошечка, ошибаешься, несмышленыш. Нет у меня золотых яиц, нет у меня курочки Рябы, нет у меня и колдовской силы. Я бы мог сейчас тебе наврать с три короба, но зачем? Моя сестра не даст соврать. Не повезло мне.

– Ох и не повезло моему братцу Кусандре, ох и не повезло! – воскликнула Баба Яга. – Такой он хороший, талантливый, добрый, о людях заботится, карьеру делает, а все ему мешают, палки под ноги ставят.

– Правильно, – сказал Кусандра печально. – Ставят. И этот вот, козлик тоже ставил. Держал меня в заповеднике на мелкой должности, укорял, упрекал, чуть не погубил.

– Ай как нехорошо, – сказала Ведьма. – Ты мне отдашь его потом?

– Отдам, конечно, отдам, дорогая сестрица, – сказал Кусандра. – Всех бери. И девочку можешь взять, мне не хочется, чтобы она в свой двадцать первый век возвращалась, лживые сказки о нас с тобой рассказывала.

Ведьма очень обрадовалась. Она даже ущипнула Алису и захихикала:

– Ой, какая ладная да вкусная, какая нежная да здоровая! Она у меня в судомойках послужит, кухарить будет, за скотиной ходить, а потом придумаем, какой ей конец уготовить! Сварим или поджарим.

– Я вас не боюсь, – сказала Алиса. – И не думайте, что, если мы с Иваном Ивановичем исчезнем, нас не будут искать. Еще как будут.

– Пускай ищут, – ухмыльнулся Кусандра. – Им вовек ваших косточек не отыскать.

– И не только мой отец будет искать, – сказала Алиса. – Наш друг волшебник Оох тоже будет искать.

– Пускай ищет, – сказал Кусандра. – Чайку не хотите?

– Ничего мы не хотим от вас, – ответила Алиса. – Где курочка Ряба?

– Погибла, – вздохнул Кусандра. – Я к своей сестрице спешил, по опасной дороге пошел. Людоеда-то я обманул, одним золотым яичком от него откупился, да не знал я, что разбойники сюда перекочевали, присоединились к моей любимой сестрице.

– А мне от этого прямая выгода, – сказала сестрица. – Они мне награбленное продают, а я им зелье варю, все довольны.

– Все-то довольны, а я пострадал.

– Не надо было спешить, – сказала Ведьма. – Ночи бы дождался. А то выходит на поляну, подай, говорит, сюда Ведьму, я, говорит, знаменитый волшебник Кусандра! Дурак ты, а не волшебник. Говорили тебе: учись, учись, самый главный злой колдун согласился тебе опыт передать. А ты что делал? Баклуши бил, по лесам бегал, крестьянских девок пугал, а теперь – волшебник! Думаешь, если в Москве побывал, в двадцать первом веке пожил, так уж и волшебник! Не то важно, где живешь, а то важно, что делаешь!

– Не говори глупостей, сестра! – рассердился Кусандра. – Я там заповедником руководил, сто зверей под началом, бюджет имел, кредит, дебет и дефицит, все мое было, из города Тимбукту ко мне поклониться приезжали. Если бы не эта пигалица, сейчас бы уже здесь королем был. Ненавижу!

Кусандра протянул к Алисе свои костлявые руки, словно хотел ее задушить, Алиса отпрыгнула в сторону, чуть не опрокинув котел. Ведьма метнулась к котлу, обняла его и закричала:

– Не смей! Это же зелье алкогольное, крепостью в двести градусов, видишь, дымится? Я на него сегодня у разбойников всю их добычу выменяю!

– Ты мои золотые яйца выменяй! – сказал Кусандра. – Мне же надо царство свое основывать!

– Про яйца не знаю, – проворчала Ведьма. – Если и добуду, то себе возьму. У меня тоже расходы большие, мне тоже золотишко нужно, вот надвинется ледник, надо будет уезжать отсюда, а кому я без золота нужна? Кто меня за мою божественную красоту полюбит? Вот лет пятьсот назад, когда я была красавицей...

– Ах какая чепуха, сестрица! – сказал Кусандра. – Ты никогда не была красавицей.

– Я? Не была?

Ведьма подковыляла к полке, взяла оттуда засиженный мухами портрет молодой женщины с длинным носом и зубами, которые не помещались во рту, а торчали наружу, и запричитала, разглядывая его:

– Какая красота несказанная! Принцы и короли у моих ног толклись, ходить трудно было: куда ни ступишь – поклонник валяется. На дуэлях дрались, в засадах друг дружку подсиживали, рыцари за меня сражались, драконов из-за меня было убито видимо-невидимо... ах, какая я была красавица!

Ведьма принялась целовать портрет и обливать его слезами.

– Не верьте ей, – сказал Кусандра. – Врет она все. Я думаю, она сама подговорила разбойников меня ограбить. Откуда им догадаться, что у меня в мешке золотые яйца?

– Людоед им сказал, – ответила Ведьма. – Людоед.

– А курочку Рябу зачем им отдала?

– Сам дурак – начал их стращать и угрожать, они и озлились. Разбойники наши не любят, когда их стращают. Ты зачем стал курочкой хвастаться?

– Ой, и не говори! – Кусандра схватился за щеки, словно у него заболели сразу все зубы.

– А что дальше было? – спросила Алиса.

– Что? Кусандра увидел, что разбойники его не слушают, и закричал, что и без них снова разбогатеет, курочка Ряба поможет. Разбойники схватили курочку и сразу ее разрезали, – думали, что в ней много яиц лежит, а там одно только было, обыкновенное, маленькое, не золотое. Съели они тогда курочку, бульон из нее сделали.

Кусандра завыл от горя.

– Безобразие, – сказала Алиса. – Вы не только все испортили, но и курочку загубили. Наверное, последнюю курочку Рябу на свете.

– Последнюю, милая, последнюю, – согласилась Ведьма. – Невезучий у меня братец. Да ладно, чего время терять, помоги мне, посадим козлика на лопату и в печку – хороший ужин у нас будет.

– И не смейте даже так думать! – возмутилась Алиса.

– А кого мне бояться? Тебя, что ли?

– Меня. Если вы нам поможете, я из будущего вам, сколько хотите, золота привезу. Мы его из морской воды добываем, оно дешевле алюминия.

– Алюминия не знаю, – сказала Ведьма. – А как я тебе поверю?

– Удивительное дело, – сказала Алиса. – Почему-то все обманщики думают, что остальные тоже обманщики. А это неверно. Обманщиков совсем немного на свете. Я вам слово дам.

– Какое слово дашь?

– Честное слово. Я никогда еще честного слова не нарушала.

– Мало, – сказала Ведьма. – Я вот свое честное слово каждый день нарушаю. И хоть бы что, живу. Давай иначе договоримся. Ты козлика мне оставишь, а сама к себе пойдешь. Принесешь мне золота целый мешок, отдам тебе козлика.

– А Кусандра козлика расколдует?

– Как бы не так! Он же не волшебник. Он лужу в лесу нашел. Зовется она Козлиным Копытцем. Он из той лужи черпнул и с собой взял. А как обратно расколдовать, он и не знает. Это я вам точно говорю. Тут настоящий волшебник нужен.

– Это правда? – спросила Алиса.

– Эй... – поежился Кусандра. – Ну, в общих чертах да. Конечно, если бы я этим хотел всерьез заняться...

– Не слушай ты его, – сказала Ведьма.

– Ты думаешь, это правда? – спросила Алиса у козлика.

Козлик печально кивнул.

– Тогда нам с вами больше делать нечего, – сказала Алиса. – Пойдем искать настоящего волшебника.

– Нет, – оскалилась Ведьма. – Ты сперва принеси золото. А твой козлик у меня поживет. Только скорей, одна нога здесь, другая там. А то не утерплю – съем.

– Без козлика я никуда не уйду, – сказала Алиса.

– Не уйдешь, оба останетесь здесь, – сказала Ведьма. – Я реалистка. Лучше синица в руках, чем журавль в небе.

Алиса оглянулась. Бежать некуда. Окна узенькие, не протиснешься, дверь заперта, у порога сидит кошка, улыбается в усы, светит желтыми глазами, Кусандра стоит, скрестил руки на груди, радуется. Хоть плачь. А плакать нельзя – нельзя людям двадцать первого века в древней эпохе плакать. Вдруг раздался громкий стук в дверь.

– Кто там? – спросила старуха. – Чего надо?

– Это я, Людоед, – ответил густой бас. – Мне на пост возвращаться пора.

– Ну и возвращайся, нам не мешай.

– Переволновался я, – сказал Людоед. – Подкрепиться требуется.

– А я при чем?

– Зелья зеленого дай! Ноги не держат.

– Нету у меня зелья, не перебродило еще, – сказала старуха. – Иди своей дорогой.

– Ты со мной не шути, – голос Людоеда стал грозным. – Я твой дом одним пальцем развалю, ты меня не презирай. Думаешь, если мы со старым товарищем богатырем Силой повздорили, то каждая подколодная нечисть мне указывать будет? Не надейся. Сейчас я тебе покажу!

Тяжелый удар по двери заставил весь дом пошатнуться.

– Открой ему, дай чего-нибудь, – быстро сказала Кусандра. – Разве ты не понимаешь, что он сейчас на тебе отыграется? Так всегда с подлецами бывает. Они на слабых свою злость срывают, а перед сильными заискивают. По себе знаю.

– Сейчас, мой хорошенький, мой Людоедик, – засуетилась Баба Яга. – Рада я тебя угостить, да зелье еще не готово.

– Молчи, старуха, – сказал злобно Людоед. – Не верю я тебе. Чего крутишь, признавайся! Неужели одной кружки не найдешь?

– Кружечка бы нашлась, да за нее Атаман уже уплатил. Я Атамана опасаюсь, бессовестный он, разбойник, меня не пожалеет, если ему кружку эту не оставлю.

– Сколько он тебе заплатил, старая? – спросил Людоед.

– Немного заплатил. Всего одно золотое яичко, и то куриное.

– Это за одну-то кружку?

– За одну, милый, за одну. Другой-то нету.

– А если я тебе золотое яйцо дам? – спросил Людоед. – Ты мне эту кружку отдашь?

Старуха расплылась в улыбке – зубы наружу, перехитрила Людоеда.

– Уж и не знаю, – сказала она медовым голосом. – Уж и не знаю, как на это дело Атаман посмотрит.

– А это твое дело. Давай кружку!

– Только из жалости, из любви к тебе, драгоценный! – сказала старуха и зачерпнула кружкой из большого котла.

«Вот лживая старуха, – подумала Алиса. – Даже смотреть противно. И все за золото!»

Старуха понесла кружку к двери, достала из-за пазухи ключ, вставила в замок, ключ повернулся, старуха вынула его и передала кошке, которая встала на задние лапы.

Дверь приоткрылась. В ней виднелось красное лицо Людоеда с неровно обкромсанной бородой.

Людоед протянул руки, но старуха отдернула кружку:

– Плата вперед!

– Ах ты, выжига! – выругался Людоед, но яйцо все-таки вытащил и кинул в избу, яйцо покатилось по полу, Кусандра быстро наклонился и подхватил его.

– Ты куда? – крикнула старуха. – Не прячь!

– Давай сюда кружку! – зарычал Людоед. – Держи, – сказала старуха, сунула ему кружку в руки, а сама кинулась обратно, к своему братцу Кусандре.

– Где яйцо? Отдай немедленно! – визжала она.

– Какое яйцо? – удивился Кусандра. – Тут было яйцо?

Кошка, что стояла у двери, бросила на пол ключ, прыгнула на стол, оттуда на полку, с полки – Кусандре на голову и вцепилась в шляпу.

Ведьма рвала и терзала Кусандру, и такой поднялся шум, что Людоед зажмурился и отпрянул от избушки.

Алиса поняла: сейчас или никогда!

– Иван! – крикнула она и бросилась к двери. Хорошо, что козлик был доктором наук и очень сообразительным человеком, он уже несся к двери. Вслед за Алисой он скатился по ступенькам на землю. Еще через секунду они уже бежали к лесу. Людоед допил кружку, крякнул и крикнул им вслед:

– Стойте! Вы же закуска! – И он потопал за козликом и Алисой. А сзади уже неслись вопли Кусандры и Ведьмы:

– Где они? Держите их!

Алиса обернулась и увидала, что из избушки выскочил Кусандра, за ним кошка, а потом оттуда вылетела Ведьма верхом на метле.

Глава тринадцатая
ДРУЗЬЯ И ВРАГИ

Козлик несся впереди, показывая дорогу через лес, Алиса за ним, а вслед гремел свист Соловья-Разбойника: «Держжжи! Труляляяяля!»

Свист заглушал топот преследователей, лишь земля немного дрожала от тяжелой поступи Людоеда.

Алиса представила себе, что бежит стометровку на первенство школы, но стометровку бежать было трудно, потому что получался слалом с препятствиями – все время приходилось прыгать через корни деревьев да огибать стволы.

...а потом оттуда вылетела Ведьма верхом на метле.

Топот Людоеда доносился все громче, свист соловья – слабее, а лес не кончался. Где же спасительная река? Ждет ли их задумчивый Герасик или не дождался и уплыл?

Впереди показался просвет, вот и последние деревья – за ними поляна у реки. Алиса припустила во весь дух, но поняла, что до речки не добежать, потому что из-за леса вылетела Ведьма на метле и начала снижаться.

Между рекой и Алисой оставалась лишь яблоня. Когда Алиса пробегала мимо, яблоня окликнула ее:

– Скорей ко мне!

Алиса заколебалась, но козлик, который, как ученый, был куда опытнее в здешних обычаях, прыгнул к яблоне и исчез из глаз в густой листве. Алиса последовала примеру Ивана Ивановича, и ветви яблони шевельнулись, сдвигаясь, чтобы надежнее скрыть беглецов.

Алиса старалась дышать тихо и медленно, но дыхание рвалось из груди часто и громко. Рядом мелко дрожал теплый козлик. В тени яблоневой листвы было тихо и даже уютно.

Слышны были тяжелые шаги Людоеда, который топал поблизости, никак не мог сообразить, куда подевались беглецы. Потом со свистом опустилась рядом метла Ведьмы, мяукнула кошка и сварливый голос Кусандры произнес:

– Куда они могли задеваться? Сквозь землю, что ли, провалились?

– Нет, – ответила его сестрица. – Это чьи-то злые шутки. Может, они под яблоней? Яблоня зашуршала ветвями:

– Ничего у тебя не выйдет, Ведьма.

– Так я и знала! – закричала Баба Яга, и сквозь листву Алиса увидела, что Ведьма ломится к ней. Но гибкие ветки яблони смыкались все туже, а когда Кусандра с Людоедом тоже начали пробиваться к Алисе, яблоня принялась стегать их ветвями, да так умело и больно, что они с воплями отскочили в сторону.

Три раза они пытались достать Алису и козлика, и три раза яблоня их отгоняла. Тогда Людоед взревел:

– Надо будет ее срубить.

– Правильно! – воскликнул Кусандра. – Мы ее срубим! Давай топор.

– У меня нет топора, – сказал Людоед, – что я, дровосек, что ли?

– Сестрица, – сказал Кусандра, – слетай за топором.

Ведьма начала было ругаться, что все трудные дела достаются ей, но потом влезла верхом на метлу, кошка прыгнула сзади, и они со свистом полетели обратно к лесу.

Людоед и Кусандра уселись возле яблони сторожить. Яблоня вздохнула и прошелестела:

– Плохо мое дело. Срубят меня.

– Тогда нам надо бежать, – сказала Алиса.

– Поймают вас, – сказала яблоня. – Но сидеть и ждать, пока тебя срубят, еще хуже.

И тут она услышала, как Людоед спрашивает Кусандру:

– Золотое яйцо у тебя?

– Нет у меня золотого яйца, – ответил Кусандра.

– Покажи карманы, – сказал Людоед.

– Не покажу, – сказал Кусандра. – Ты все равно уже зелье выпил.

– А я еще хочу, – сказал Людоед. – А без яйца старуха не даст. Жадная она.

– Очень жадная, – согласился Кусандра.

– Давай яйцо, – сказал Людоед. Алиса увидела, как Людоед потянулся к Кусандре, а тот отскочил в сторону. Они пошли вокруг яблони – Людоед тянул вперед свои лапы, а старик в черном пальто и темных очках отступал и увертывался. Вот они обогнули яблоню, и дорога к реке освободилась.

– Скорей, – сказала яблоня.

Она развела ветви, козлик с Алисой выскочили и побежали к реке. Может, они добежали бы незамеченными до воды, но вдруг сверху послышался крик:

– Какая встреча! Вы куда так быстро бежите? Нет, не успеете!

Надо же быть такому невезению! Над ними кружилась глупая белая ворона Дурында.

– Догонят вас! Обязательно догонят!

Алиса отмахнулась от глупой птицы, но было поздно.

– Убежали! – завопил Людоед. – Все из-за тебя!

И он громадными прыжками понесся за Алисой. За ним Кусандра. Вот близко река. Вот и лодка у берега. А в лодке стоит задумчивый Герасик.

– Герасик!

Но не добежать... слишком близко Людоед. «Вззжжжик!» – что-то маленькое пролетело рядом с Алисой, и тут же раздался вопль Людоеда:

– Меня убили!

Людоед со всего размаха упал на спину. Кусандра налетел на него и покатился по траве.

Этой задержки было достаточно, чтобы Алиса с козликом вскочили в лодку, а мальчик оттолкнул ее от берега.

Лодка закачалась на воде, и ее подхватило течением.

– Я думала, что мы уже не убежим, – сказала Алиса, прижимая к себе дрожащего козлика. – Спасибо тебе, Герасик. Ты в самом деле убил Людоеда? Как ты это сделал?

– Я не убил, – засмеялся мальчик. – Сейчас он очухается.

– А что же ты сделал?

– Я рогатку изобрел. Бьет на расстоянии. Видишь? На дне лодки лежала большая рогатка.

– Но как же ты ее изобрел? – спросила Алиса. – У вас нет резины.

– Я не знаю, что такое резина, – сказал Герасик. – Я вырезал оружие из гибкого дерева и привязал к нему веревку.

На берегу Людоед медленно поднялся и сел. Кусандра бегал у самой воды, махал черными рукавами и зло блестел очками.

– Ах, какое приключение! – кричала Дурында. – Это хорошо не кончится!

Людоед убрал от лица руки. На лбу его была большая шишка, которая на глазах росла. Людоед ощупал шишку и сказал:

– Хватит с меня. Так жизнь потеряешь. А она у меня одна. Лучше я буду есть беззащитных путников.

– Постой, – закричал Кусандра. – А как же они?

– Да я плавать не умею, – сказал Людоед и побрел к лесу. Мальчик стал грести к дальнему берегу.

– Ничего не вышло? – спросил он.

– Вышло, но не совсем удачно, – сказала Алиса.

– Кусандру нашли?

– Вот он, на берегу стоит. Это и есть Кусандра.

– А почему у него глаза, как у стрекозы?

– Это очки. У Кусандры разбойники все золотые яйца отобрали, а из курочки Рябы бульон сварили.

– Он не расколдовал козлика? – спросил мальчик.

– Он не может.

– Так я и думал, – сказал мальчик. – Теперь вам куда?

– Теперь будем искать волшебника Ооха, – сказала Алиса.

Уже был близок дальний берег. Вот-вот лодка коснется тростников. Но вдруг Герасик перестал грести.

– Погоди, – сказал он. – Видишь?

Алиса ничего не увидела. Но козлик почуял опасность. Он коротко заблеял и замолк.

А птица Дурында снизилась к кустам у берега и завопила:

– Засада! Засада! Из кустов донеслось рычание, и к берегу выскочили два волка – пасти разинуты, глаза сверкают, слюна на траву капает. Герасик начал быстро отгребать от берега, а волки закричали:

– Нельзя! Нельзя! Так нечестно! Мы вас поймали! Но в воду они входить боялись, поэтому с рычанием и воем носились у самой воды.

Алиса обернулась. На том берегу поджидал Кусандра. К нему спускалась на метле Ведьма, в руке у нее поблескивал топор. Деваться было некуда. Течение несло лодку вниз, по одному берегу за ней гнались волки, по другому припустили Ведьма и ее братец.

Глава четырнадцатая
БОЙ С ДРАКОНОМ

Мальчик правил веслами, чтобы лодка не приблизилась к берегу, а Алиса стреляла из рогатки по преследователям, но ни разу не попала. Она положила рогатку на дно лодки и сказала:

– Боюсь, мы сегодня не успеем вернуться. Что у меня дома будет – страшно представить!

– Я тоже далеко от дома ушел, – сказал мальчик. – Хоть бы живым вернуться.

– Вернемся, – сказала Алиса. – Справимся.

Хотя она совершенно не представляла, как они выпутаются из этой истории, она понимала, что Герасику хуже, чем ей.

Ведьма попыталась было подняться в воздух на метле, но Алиса подняла рогатку и прицелилась. Ведьма увидела и вернулась обратно. Волки то выбегали на берег, то исчезали в кустах, а Кусандра мерно шагал по траве над водой и грозил лодке костлявым кулаком.

– Слышишь? – спросил вдруг Герасик.

– Что?

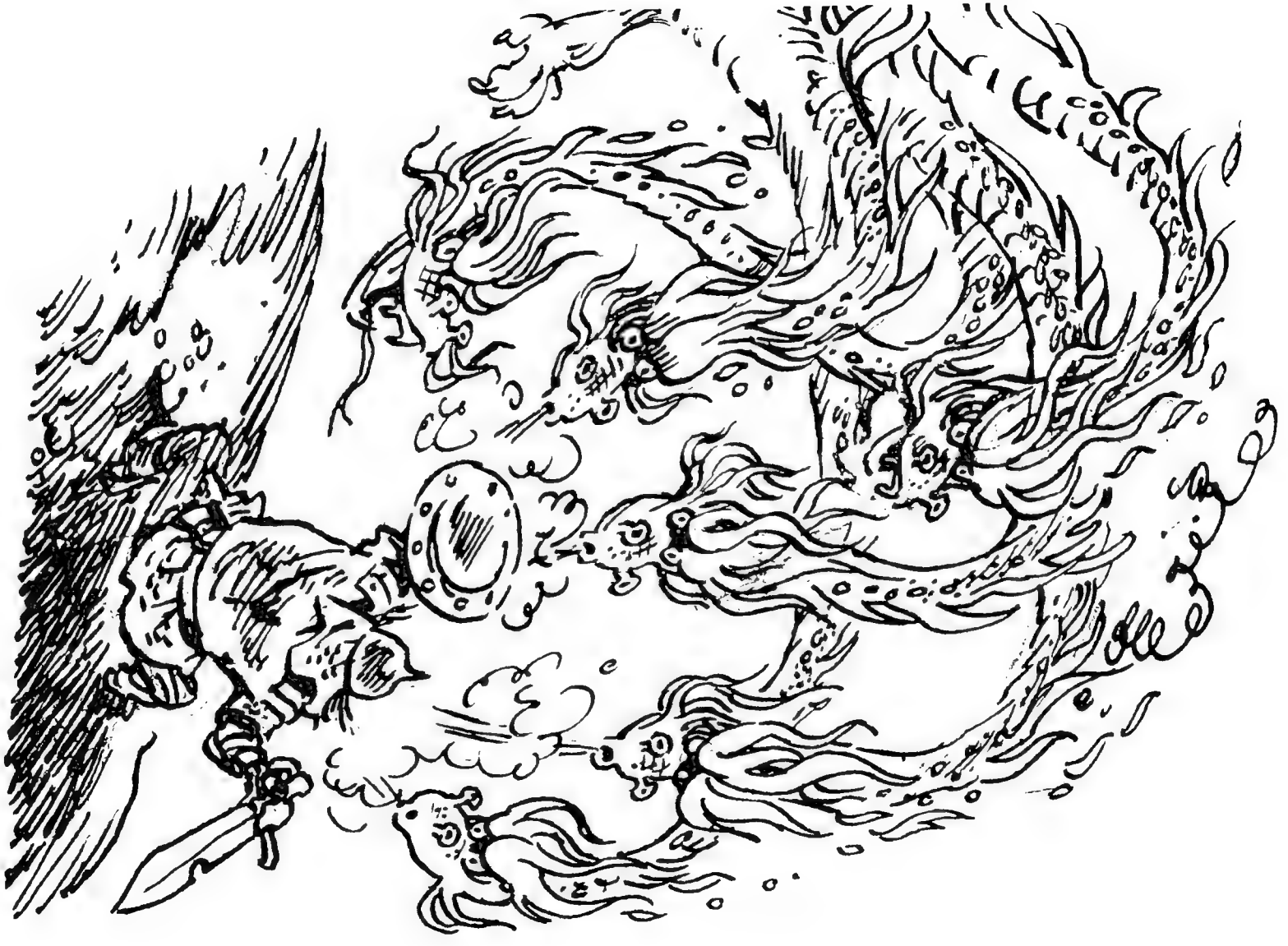
– Впереди что-то творится.

И в самом деле, оттуда доносился шум, звон, крики.

– Осторожнее греби, – сказала Алиса. – Неизвестно, что нас там ожидает.

– Здесь все неизвестно, – ответил Герасик. – Скорей бы уж наступал ледниковый период.

Река повернула, и на том берегу, где бегали Ведьма с Кусандрой, открылось большое поле. На поле громадный огнедышащий шестиглавый дракон сражался с. богатырем Силой.



По одну сторону их стояли разбойники, по другую столпились люди в длинных разноцветных халатах и целое стадо верблюдов и ослов, груженных тюками и ящиками. Это был торговый караван, на который напал дракон. Если победит дракон, они смогут ограбить купцов, а если победит Сила, караван сможет продолжать свой путь. Поэтому разбойники криками и свистом поддерживали дракона, болели за него, а караванщики очень переживали за Силу.

– Нам туда! – сказала Алиса.

– Нельзя, – возразил Герасик. – Нас Кусандра с Ведьмой поймают.

– Не поймают. При разбойниках и при Силе не посмеют. Они же трусливые.

Мальчик нехотя подчинился Алисе.

– Может, все-таки дальше поплывем? – спросил он, поворачивая к берегу.

– Сколько же нам плыть? – спросила Алиса. – Три дня? Пока не устанем и не заснем? Пока лодку к берегу не прибьет – к волчьему или ведьминому?

Ведьма с Кусандрой, совсем оглупевшие от злости, поджидали их на берегу.

– Иди сюда, моя ласточка! – закричала Баба Яга, увидев, что Алиса хочет сойти на берег. – Я тебя жду.

– Погодите! – ответила строго Алиса. – Разве не видите, что мой друг сражается с драконом?

– Вот пока он сражается, мы вас и схватим, – сказал Кусандра.

На другом берегу завыли волки. Они жалели, что упустили добычу.

Ведьма с Кусандрой уже тянули руки к Алисе, и тогда Алиса закричала:

– Атаман! Сила! Это нечестно! Они хотят нас схватить!

– Что такое? – Сила услышал голос Алисы и повернулся к ней: – А ну руки прочь от моих друзей!

Атаман разбойников тоже обернулся.

– Оставь девочку, – сказал он. – Это наши гости.

– А я пошутила, – засуетилась Ведьма, – я только хотела ее погладить.

– Врет, врет! – крикнула с неба птица Дурында. – Она ее съесть хотела!

Алиса, подхватив козлика, побежала вверх по склону, Герасик за ней следом.

– Погоди, Алиса! – крикнул богатырь. – Сейчас я расправлюсь с драконом и разгоню всю эту нечисть.

Ведьма и Кусандра переглянулись и тихонечко начали отступать назад.

Но богатырю дорого обошлась его забота об Алисе. Пока он смотрел на девочку, дракон подобрался к нему сзади и ударил тяжелой когтистой лапой по шлему. Богатырь ахнул и рухнул, как дерево.

– Нечестно! – закричали караванщики.

– Честно! – закричали разбойники. – Он сам отвернулся!

Богатырь Сила с трудом поднялся на ноги и, отступая, отбивался мечом, закрывался щитом, но всем стало ясно, что удар потряс его так, что дракон вот-вот победит.

Разбойники достали кинжалы и сабли и стали приближаться к караванщикам. Они думали, что дело сделано. Ведьма с Кусандрой потихоньку подбирались к Алисе.

Дракон выпустил огонь из всех своих ноздрей, страшно зарычал и навис над богатырем. Еще один взмах тяжелой лапы и меч богатыря, сверкнув, отлетел в сторону. Караванщики охнули. Разбойники закричали:

– Вперед, дракон!

– Стойте! – крикнула тогда Алиса и бросилась прямо к дракону.

Дракон прижал богатыря лапой к земле, наставил на него пять оскаленных морд, но одну все-таки повернул к Алисе и спросил:

– Чего еще?

– Здравствуйте, – сказала Алиса. – Вы меня не знаете, но я вас отлично знаю. У меня к вам послание.

– Послание? – спросил дракон. – Не жду я ни от кого никакого послания.

– Не верь ей! – закричала Ведьма. – Она подружка этого Силы. Она тебя отвлекает.

– Зачем же меня отвлекать? – спросил дракон. – Я никуда не спешу. Я его хоть сейчас могу растерзать, хоть через полчаса – мне спешить некуда. Я Змей Долгожеватель, тысячу лет живу и жую.

– Конечно, – заворчал богатырь, отворачиваясь, чтобы его не обожгло из пастей дракона. – Коня моего погубили, теперь любой дракон рыцаря одолеет. Это нечестно.

– А кто тебя просил на меня нападать? Ты же не чай пить со мной хотел?

– А что делать? – спросил Сила. – Что делать, если я слышу, как ты по соседству хулиганишь? Я же должен подвиги совершать. Ты поди тоже караванщиков не на чай звал.

– Помолчи, – сказал дракон раздраженно. – Надоел, всю шкуру мечом исцарапал. А ты, девочка, говори мне свое послание. Только поскорее.

– Передает вам привет мой большой друг, – сказала Алиса.

– У нас с тобой общих друзей быть не может, – сказал дракон.

– Передает вам привет ваш племянник Змей Гордыныч, – сказала Алиса.

– Быть того не может, – удивился дракон. – Он же от нас уехал.

– Там, куда он уехал, я с ним и познакомилась. Просил он вам привет передать, сказал, что отыскал пропавшую без вести вашу двоюродную племянницу Несси, которая живет в шотландском озере Лох-Несс, и племянница тоже вам передает привет.

– Быть не может! – ахнул дракон. – Какая радость! Он повернул к Алисе все свои головы и всеми улыбался.

– И еще Змей Гордыныч сказал, что вы мне всегда поможете и, если нужно, выполните любую мою просьбу.

– Разумеется! Конечно! А как мои родственники? Как они себя чувствуют? На здоровье не жалуются?

– Они себя хорошо чувствуют. Я вам потом расскажу.

– Почему потом?

– Потому что вы сейчас заняты.

– Ах да, рассеянность! – воскликнул дракон. – Я совсем забыл. Подождите минутку, пока я растерзаю этого пешеходного богатыря.

– А попросить вас можно?

– Проси. Слово Змея Гордыныча для меня закон. Я же его на коленях качал, из соски поил – мамаша его рано скончалась, вот я и заменил ему родителей.

– Я прошу вас освободить этого рыцаря.

– Этого? Пешехода? Никогда.

– Но почему же?

– А потому, что он тебе не нужен. Кому нужен богатырь, который не смог справиться с драконом? Он же будет посмешищем!

– Неужели все богатыри с вами справлялись?

– Ни один! – гордо ответил дракон. – Иначе, как бы я стал долгожевателем?

– Значит, вы всех их растерзали?

– Ни в коем случае, – сказал дракон. – Так бы не осталось ни одного рыцаря.

– Тогда я ничего не понимаю, – призналась Алиса.

– Чего тут понимать, – ответил Змей Долгожеватель. – Все наши встречи заканчиваются вничью. Подеремся день-другой, а потом разъезжаемся. Я объявляю, что победил рыцаря, а рыцарь объявляет, что убил дракона. Мы же спортсмены, а не убийцы.

– Тогда тем более вам надо освободить рыцаря.

– Какой же он рыцарь, если без коня?

– Он не виноват. У него коня Великан съел.

– Все равно виноват. Попался мне в лапы, теперь я его растерзаю. Случай редкий, но в истории такое встречалось.

– Прав он, – сказал богатырь Сила. – Чего уж меня жалеть. Не уверен, не лезь. Без коня нам сражаться не велено. Так что я не возражаю.

Тут в разговор вмешались караванщики. Главный караван-баши с длинной седой бородой в полосатом шелковом халате подошел поближе к дракону и сказал, низко поклонившись:

– Ваше сиятельство, позвольте нам слово сказать.

– Говори, – ответил дракон. – У меня настроение хорошее. Всех могу выслушать.

– Пощади рыцаря, – сказал караван-баши. – Пощади его и спасешь нас. Ведь ты первым на нас напал, а теперь вот воронье слетелось, разбойники, ведьмы, прочая нечисть, хотят нас убить, ограбить, по миру пустить. А ведь мы не просто караванщики, мы идем в замок волшебника Ооха. Везем шербет и восточные сладости на великое собрание волшебников.

– Куда вы идете, мне дела нет, – сказал дракон. – Мы, драконы, волшебникам не подчиняемся. Мы злодействуем в свое удовольствие. Если вижу караван, я на него нападаю, если вижу рыцаря, я на него нападаю, если вижу беззащитную принцессу, я беру ее в плен. Иначе какой из меня дракон?

– Но я ведь тоже прошу, – сказала Алиса. – Вы забыли?

– А это серьезнее, – сказал дракон. – Если ты настаиваешь, не могу спорить. И вообще у меня нога устала его держать. Он же дергается.

Дракон с отвращением убрал ногу и вдруг незаметно для окружающих подмигнул Алисе. По толпе разбойников прокатился гул разочарования.

– А вы, шакалы, молчите, – сказал дракон. – А то и до вас доберусь.

Он дунул огнем, и все разбойники, Ведьма и Кусандра покатились по земле, а потом исчезли в лесу.

Караванщики начали собирать своих верблюдов, а дракон предложил Алисе проехать до замка волшебника у него на спине. И Алиса согласилась, тем более что караван-баши дал ей шелковую, шитую золотом подушечку, чтобы удобнее сидеть. Алиса ехала верхом на драконе и рассказывала о Змее Гордыныче.

За драконом тянулся караван, а в конце шел печальный рыцарь Сила и вел за руку Герасика. Герасик вел козлика.

Когда впереди показались зубцы каменных стен замка, дракон остановился и сказал:

– Дальше мне ходить не положено. Идите без меня. Он стоял и ждал, пока все пройдут мимо. Все проходили и благодарили дракона за благородство, а дракон всем отвечал:

– Не меня благодарите, а эту отважную принцессу. А когда с ним поравнялся рыцарь Сила, дракон наклонился к нему и сказал громким шепотом, который все услышали:

– Будем считать, что наш поединок закончился вничью. Я никому не скажу... – И дракон захохотал всеми своими шестью головами.

– Ладно уж, – сказал рыцарь Сила, который был очень гордым и не любил подарков от драконов. – Дай только обзаведусь конем, тогда снова встретимся в чистом поле.

– Давай-давай, – согласился дракон. Он стоял на пригорке до тех пор, пока караван не дошел до самых ворот замка. И уже опустился мост, и стража выбежала навстречу, когда до Алисы донесся трубный голос Змея Долгожевателя:

– При первой возможности пришли мне портрет Несси в полный рост. Запомнишь?

– Запомню! – крикнула в ответ Алиса.

Глава пятнадцатая
В ЗАМКЕ ООХА

Когда Оох узнал, что в гости к нему приехали Алиса с Иваном Ивановичем, он сразу выбежал во двор.

Он оказался просто и скромно одетым волшебником с бородой до пояса. Ростом Оох был чуть повыше Алисы, но в его глазах и осанке было что-то такое волшебное, что Алиса сразу успокоилась: наконец-то они добрались до настоящего волшебника, который им поможет.

– Ах, – сказал чародей, увидев козлика. – Вы так изменились, Иван Иванович! Это настоящее несчастье.

Козлик понурил голову: он согласен с волшебником.

– За десять тысяч лет своей жизни я не сталкивался с таким случаем. Я слышал, правда, что одного козлика все-таки удалось расколдовать домашними средствами, но боюсь, что это неправда.

– Неужели ничего нельзя сделать? – расстроилась Алиса. – А мы так надеялись на вас.

– Ах, как грустно, – сказал волшебник. – Все, что когда-то было сделано, можно изменить. Это мировой закон. Все, что было запутано, можно распутать, все, что было завязано, можно развязать. Это тоже мировой закон. Только надо догадаться, где и как это делается.

К ним подошел караван-баши, который следил, как разгружали караван, уносили в подвалы бурдюки с прохладительными напитками, высыпали в вазы сладкое печенье, резали халву и рахат-лукум, разворачивали рулоны шелков, бархата и атласа.

– Мой уважаемый Оох-оглы, – сказал он, разглаживая свою седую бороду, которая была всего на два пальца короче, чем борода у волшебника Ооха, – мой дорогой Оох-ака, – сказал караван-баши. – Я заклинаю тебя всеми заклинаниями Востока и всеми мольбами нашей старой дружбы. Помоги моим друзьям. Если бы не благородная Алиса-джан, ты бы не увидел не только наших товаров, которые нужны, чтобы волшебники, колдуны, мудрецы, маги и заклинатели смогли совещаться в культурной обстановке, но и не увидел бы меня – твоего старого друга, великого мага Кемаля ар-Рахима.

– Я все понимаю, все понимаю, – ответил Оох. – Я сделаю все от меня зависящее, хотя ты знаешь, что даже от меня не все зависит.

Тут раздался удар колокола, который раскатился над землей, под землей и за облаками.

– Простите, – сказал тогда волшебник Оох, – я с вами заговорился и чуть не пропустил первый колокол. Собрание волшебников начинается, а я еще не переоделся.

Волшебник не успел договорить, как начали появляться его гости.

Один толстый и очень важный колдун возник прямо посреди двора, из ничего, другой прилетел в виде летучей мыши и, как только коснулся земли, превратился в молодого человека с очень старыми глазами, потом из облака, которое повисло над замком, спустились сразу три одинаковых мага, в длинных, до земли, черных балахонах, украшенных золотыми звездами, у самых ворот вдруг вырос из трещины между камней алый цветок, распустился на глазах, и из него вышла миниатюрная фея. Волшебник Оох подставил ей ладонь, и она гордо взошла на нее, подобрав шлейф белого платья. Странное превра-

щение произошло с караван-баши Кемаль ар-Рахимом, который вдруг вырос на голову, его седая борода стала иссиня-черной, а кожа приобрела загадочный зеленоватый блеск. Оказывается, он и вправду был магом!

Увидев, что Алиса смотрит на него с удивлением, караван-баши произнес:

– Не удивляйся, что я не смог справиться с драконом. Это не моя специальность. Я отличаюсь мудростью и могу вычислять судьбу по звездам, но когда встречаюсь с драконами, приходится надеяться на богатырей да еще на девочек из будущего, таких, как ты, Алиса!

А волшебники все приходили, приезжали, прилетали, возникали и вырастали. Скоро весь двор был полон удивительными существами.

– Добро пожаловать, – сказал им Оох. – Я попрошу всех уважаемых гостей пройти в зал замка, где мы и будем заседать.

Волшебники направились внутрь замка, а Оох сказал Алисе:

– Я попрошу тебя с козликом тоже пойти на собрание. Возможно, кто-нибудь из моих гостей подскажет тебе, как спасти Ивана Ивановича.

– А мне можно пойти? – спросил Герасик.

– Ни в коем случае, – ответил волшебник Оох. – Ты же самый простой человек крестьянского происхождения.

– Он изобретатель, – сказала Алиса. – И очень способный.

– Тем более, – сказал волшебник Оох. – И пожалуйста, Алиса, не вмешивайся в обычаи нашей легендарной эпохи. И без тебя тошно.

Герасик остался во дворе замка, но он не расстраивался, потому что рассматривал верблюдов, которых раньше не видел. А богатырь Сила, как нетрудно догадаться, улегся спать у самой двери на кухню. Из-за этого всем слугам и поварам приходилось через него перешагивать, что их очень сердило.

Глава шестнадцатая
ВТОРОЙ КОНСИЛИУМ

Когда Алиса вошла в высокий зал замка, ярко освещенный тысячью свечей, устланный драгоценными коврами, волшебники уже расселись на диванах, которые стояли по стенам зала. Все они были серьезны и значительны, они вежливо кивали друг другу головами, здоровались и говорили вполголоса. Алиса подумала, что они похожи на московских профессо-

ров, которые еще вчера совещались о судьбе козлика Ивана Ивановича. Волшебники были, на удивление, разного вида и размера, и самых разных специальностей. И добрые, и равнодушные, и злые, и коварные, и гордые, и скромные, и всемогущие, и только мудрые... Но все это были самые настоящие волшебники, повелители легендарной эпохи.

Волшебник Оох велел Алисе сесть на стул у входа.

– Молчи, – приказал он, – без моего разрешения ни слова. Я совсем не уверен, что здесь тебе будут рады.

С этими словами он прошел в конец зала, где на возвышении стоял простой деревянный стул. И сел на него.

– Добро пожаловать, уважаемые коллеги, – сказал он. – Удобно ли вам, не дует ли, не устали ли вы с дороги и от ваших трудов?

Волшебники молча склонили головы. Им было удобно и не дуло.

Оох хлопнул в ладоши, тут же вбежали слуги, которые несли подносы с прохладительными напитками, печеньем, конфетами и восточными сладостями. Каждый поставил свой поднос перед своим волшебником, и тут же слуги исчезли, как будто растворились в воздухе.

– Вы, как и положено волшебникам, – сказал Оох, – уже догадались, зачем я вас собрал. Я собрал вас потому, что надвигается ледниковый период. К сожалению, никто из нас не сможет остановить ледник, поэтому наша легендарная эпоха завершается. Но мы не можем завершить ее просто так, словно нас и не было. Поэтому нужно решить, сможем ли мы пережить ледниковый период, а если не сможем, что сделать, чтобы память о нас осталась на Земле.

Волшебники снова молча наклонили головы, точно, как профессора на консилиуме.

– Я давно собирался провести такое совещание, – сказал мрачный, похожий на ворона, волшебник в черном халате. – Но дела не позволяли.

– Мы все встревожены, уважаемый Мерлин, – ответил черному волшебнику Кемаль ар-Рахим. – И мы должны быть благодарны уважаемому Ооху, что он собрал нас здесь.

Волшебники налили себе по стакану прохладительного напитка и зaели восточными сладостями.

– Кое-что нам известно, – сказала маленькая хрупкая Фея, которую трудно было бы разглядеть на диване, если бы не приятное голубое сияние вокруг нее. – Не зря же мы волшебники. Легендарная эпоха кончится,

но в информированных кругах говорят, что люди переживут ледниковый период и в дальнейшем будут жить без нас, волшебников, сами по себе.

В зале возникло волнение и даже возмущенные голоса.

– Это клевета! – крикнул одетый в шкуры и дикий на вид лесной колдун. – Куда им без нас! А кому они подарки носить будут? Кому они зерно отдавать будут? Кто их будет наказывать? Нет уж, вымирать, так вместе!

– Люди наглеют! – воскликнул Мерлин. – Вчера один простолюдин дубиной свалил трех сказочных рыцарей. Если так дальше пойдет, закона и порядка на Земле не останется. Я предлагаю всех людей извести.

– А сейчас! – воскликнул горбатый маг в медном шлеме. – Прилетаю я во двор замка и вижу человеческого мальчишку, который нагло говорит: «Бронзовый век уже кончается. Пора переходить на железные шлемы!» Это он мне говорит, который в медном шлеме уже тысячу лет ходит, и все передо мной трепещут.

«Зря, – подумала Алиса, – Герасик стал давать советы волшебнику. Волшебники не терпят советов».

– Спокойно, спокойно! – сказал волшебник Оох. – Дорогие гости, маги, волшебники и колдуны. Я понимаю ваши чувства. Но, к сожалению, историю нам не остановить. Наше время на Земле истекает. Хотим мы того или нет, люди справятся без нас. И даже во многом нас превзойдут.

– Не может быть! – закричали волшебники.

– Поглядите в угол, – сказал волшебник Оох. – Видите там девочку и козлика?

Все волшебники поглядели в угол. И Алисе стало страшно. Хоть они давно уже вымерли и их нет, это были очень могущественные существа, и от их взглядов у Алисы свело руки и ноги, а козлик осел на задние ножки.

– Эта девочка, – сказал волшебник Оох, – приехала к нам из отдаленного будущего, когда люди будут летать по небу и даже добираться до звезд.

– Ха-ха-ха! – рассмеялись три одинаковых мага в балахонах с нашитыми на них звездами. – Разве она не знает, что небо твердое, а звезды прибиты к нему гвоздями?

– Все равно мы сильнее, – проворчал колдун в шкурах. – Я видел в одном волшебном королевстве карету, которая без лошадей ездила. Такое они смогут?

– Это называется автомобиль, – сказала Алиса. – Его давно уже изобрели.

– А вот так, – пискнула Фея, – с места на место перелететь вы смогли бы?

Она блеснула и исчезла. И тут же оказалась на другом конце дивана.

– Разумеется, – сказала Алиса. – Это элементарная телепортация. Целый институт этим занимается.

– Но уж волшебного зеркальца вы не сможете придумать, – сказала красивая волшебница со злым лицом. Вместо волос у нее шевелились черные змейки. – Чтобы поглядеть в него и увидеть, что в другой земле происходит, ну и, конечно, узнать, есть ли на свете кто милее, и прекрасней, и белее...

– Нет ничего проще, – сказала Алиса. – Вы, очевидно, имеете в виду телевизор. А если два зеркальца в разных землях, это называется видеофон.

Волшебникам Алисины слова не понравились. Некоторые даже заскрежетали зубами от злости. Поэтому Оох поднял руки и сказал примирительно:

– Ну ладно, ладно, не будем спорить. Однако я даю вам слово, что эта девочка – из будущего.

– А что она здесь делает? – спросила Фея.

– Она пришла к нам за помощью.

– Зачем же ей наша помощь, если люди все сами умеют? – спросил ехидно волшебник Мерлин.

– У нее случилось несчастье. Ее другу Ивану Ивановичу известный здесь некоторым самозванец Кусандра подсунул стакан с водой из болота, называемого Козлиное Копытце. И вот Иван Иванович превратился, простите, в копытное животное.

– А он тоже из будущего? – спросил кто-то из волшебников.

– Он известный в будущем мудрец, – ответил Оох.

Алиса заметила, что Оох ни слова не сказал о заповеднике сказок. И понятно, почему молчит. Ведь волшебники сейчас злятся на людей, что они ледниковый период переживут и еще научатся к звездам летать. Для них заповедник сказок – чистой воды оскорбление.

– Чего им помогать, – сказал Мерлин. – Пускай все козликами станут, мне не жалко.

– Эта девочка, – сказал волшебник Оох, – приехала к нам из отдаленного будущего, когда люди будут летать по небу и даже добираться до звезд.

– Да на всех в болотце воды не хватит, – расхохотался дикий колдун.

– Мне стыдно вас слушать, волшебники, – сказал Кемаль ар-Рахим. – Где ваше благородство, где широта души? Я думаю, что, если мы не переживем ледниковой эпохи, туда нам и дорога. Недостойны мы идти в будущее. Эта девочка, рискуя жизнью, пошла к нам в легендарную эпоху, чтобы помочь другу. Она не испугалась дракона и Бабы Яги, чтобы спасти нас, караванщиков. А мы не хотим ей помочь. Стыдно!

– И в самом деле, не очень хорошо получается, – сказала Фея. – Ведь девочка не виновата в ледниковом периоде.

– Нас ее дела не касаются, – сказал Мерлин.

Волшебники разделились на две половины. Одним было стыдно, и они хотели Алисе помочь, другие, негодяи и эгоисты волшебного племени, хотели, чтобы Алиса ушла ни с чем. А дикий колдун даже предложил и Алису заколдовать, чтобы не лазила в чужие эпохи. Наконец, когда принесли еще прохладительных напитков и конфет, волшебники успокоились. Оох сказал:

– Прежде чем эта девочка уйдет отсюда, предупреждаю, что ни один золотой волос не упадет с ее головы, потому что она моя гостья, и повторяю мой вопрос. Знает ли кто-нибудь из уважаемых волшебников, как расколдовать человека, который превратился в козлика, потому что выпил воды из Козлиного Копытца?

– Я рада бы помочь, но не знаю как, – сказала Фея.

– У нас в лесу давно такого не было, – сказал дикий колдун.

– Не может быть, чтобы не было средства, – сказал волшебник Оох. – Неужели мы все вместе не сможем расколдовать одного козлика?

– Я мог бы высчитать по звездам, где хранится такое средство, – сказал звездочет в синем балахоне. – Но это займет тридцать два года.

– Думайте, волшебники, думайте! – воскликнул Оох. – Сильнее думайте!

– Думаем! – ответили волшебники. Волшебникам стало стыдно. Какие же они правители легендарной эпохи, если не могут расколдовать одного козла?

– А что, если спросить джиннов? – сказал вдруг Кемаль ар-Рахим.

– А в самом деле – если спросить джиннов? – воскликнула Фея.

– Может, и в самом деле спросить джиннов? – сказал Мерлин. – Они такие древние, что все знают. В худшем случае они заколдуют и девочку.

– А где сейчас джинны? – спросил Оох. – Как их найти?

Все волшебники обернулись к Кемалю ар-Рахиму, но тот печально почесал свою черную бороду и ответил:

– Все не так просто, друзья. Все не так просто.

– А что тут сложного? Они же в твоих краях живут, у Аравийского моря и в других таких же песчаных местах.

– Понимаете, в чем дело, – сказал Кемаль ар-Рахим. – Джинны, узнав, что надвигается ледниковый период, страшно расстроились. Они ведь теплолюбивые. И они решили обмануть судьбу. Залезли в глиняные кувшины и велели отнести себя в секретную пещеру на острове Содейда. Там их и замуровали. Они думают пролежать в глиняных кувшинах, пока не пройдет ледниковый период. А как потеплеет, вылезут наружу.

– Какое коварство! – закричали волшебники. – Какая низкая трусость! Мы думаем, волнуемся, переживаем, а они уже в кувшинах прячутся.

– Каждый спасается как может, – ответил Кемаль ар-Рахим. – У каждого своя мораль, а у джиннов, как известно, нет никакой морали.

– А джинны помогут? – спросил Оох.

– Если захотят, то помогут. У них хранятся средства от всего, в том числе от колдовства. Но в пещеру к ним знает дорогу только Синдбад-мореход. А где его найдешь?

– Это уж ее дело, – сказал Мерлин. – Мы и так потеряли два часа на пустые разговоры. Хочет спасти своего козлика, пусть едет к Аравийскому морю и сама ищет остров Содейда.

– Правильно, – согласились остальные волшебники. – Мы свое дело сделали. Мы дали совет.

Алиса поняла, что больше она здесь ничего не добьется. Она поднялась и сказала:

– Большое спасибо за внимание. А вы не подскажете, как добраться до острова Содейда?

– Я бы рад тебе помочь, – сказал Оох, – но собрание нельзя откладывать. Волшебники ждут. Будь дружком, выйди во двор, спроси караванщиков, они все знают и подскажут.

Алиса еще раз поблагодарила волшебников и вышла из зала.

Дело было плохо. До вечера домой не вернуться. И еще неизвестно, согласятся ли помочь джинны.

Глава семнадцатая
ПУТЕШЕСТВИЕ В АРАВИЮ

Когда Алиса вышла во двор замка, солнце стояло совсем высоко в небе. Середина дня, а ничего еще не сделано. Козлик жался к ее ногам, что-то хотел сказать, но разве поймешь этого профессора?

Богатырь Сила храпел у двери на кухню и шевелил губами. Видно, ему снилось, что он обедает. Мальчик Герасик торчал в открытых дверях кузницы и, когда Алиса окликнула его, только отмахнулся, он был очень любопытным мальчиком.

А вообще-то на дворе было пусто и даже не у кого спросить дорогу в Аравию, которая, если верить учебникам географии, лежит далеко на юге. И почему здесь нет самой обыкновенной пассажирской ракеты?

– Алиса, – окликнул ее волшебник Кемаль ар-Рахим. – Чем ты расстроена?

– Я не знаю, как мне добраться до Аравии, – сказала Алиса. – И это самое главное.

– Значит, ты не отказалась от своего замысла? – спросил волшебник.

– А почему я должна отказываться?

– Но ты же устала и хочешь домой.

– Домой я, конечно, хочу, – сказала Алиса. – Но как же я вернусь с пустыми руками?

– Ты мне нравишься, девочка, – сказал старый волшебник. – И поэтому я тебе помогу. Пешком до Аравии тебе не добраться, пришлось бы полгода идти. Но есть у меня одно средство, я им сам почти не пользуюсь, потому что со здоровьем у меня неладно, насморком страдаю.

Волшебник хлопнул в ладоши, и тут же из-за угла выскочили его слуги в халатах с кривыми саблями за поясами.

– Принесите-ка мне ковер-самолет, – сказал он, – он на моем верблюде, в правом тюке лежит.

– Настоящий ковер-самолет! – обрадовалась Алиса. – Вы мне очень помогли.

– Ковер так настроен, что привезет тебя прямо к моему дому. Стоит мой дом на берегу Аравийского моря. И живет в нем моя прекрасная дочка Шехерезада. Она тебе понравится.

– Та самая Шехерезада?

– На свете только одна Шехерезада. Объяснишь все Шехерезаде, и она придумает, как тебе добраться до острова Содейда. Она у меня образованная. Сказок знает больше тысячи, кажется, тысячу и одну.

Слуги притащили ковер и расстелили его на камнях. Ковер оказался потертым и совсем небольшим, метр на два.

– Не испугаешься? – спросил волшебник.

– Другого пути нет, – сказала Алиса. – Большое вам спасибо.

– Тогда садись.

Алиса подбежала к кузнице.

– Герасик, – сказала она. – Мы с козликом летим в Аравию, но ты на ковре-самолете не поместишься. Поэтому я хотела с тобой попрощаться.

– До свидания, – сказал Герасик. – Ты за меня не беспокойся. Меня богатырь Сила обещал до деревни проводить. А пока я на кузнецов погляжу. Я хочу изобрести что-нибудь металлическое.

– Правильно, Герасик, – сказала Алиса и пожала на прощание тонкую руку мальчика-изобретателя.

Богатыря Силу она будить не стала. Пускай отдыхает. У него был трудный день.

Потом Алиса вернулась к ковру. Села точно на середину, козлик вскочил ей на руки, и Алиса обняла его.

– Погоди, – сказал Кемаль ар-Рахим. Он вытащил из-за пазухи красивую разноцветную кашемировую шаль и закутал в нее Алису.

– Не вертись, пока будешь лететь, – сказал он. – На небе холодно и дует. Не простудись.

Потом он щелкнул пальцами, ковер шевельнулся под Алисой как живой, дернул кверху углами, приподнялся и упал снова. Волшебник рассердился и топнул ногой. Алисе это не нравилось. Ковер оказался не только старым, но и своенравным.

– А он довезет меня до места?

– Довезет, он всегда сначала кривляется. Избаловался.

Ковер поднатужился и плавно начал подниматься. Алиса помахала старику волшебнику, который быстро уменьшался. Вот уже виден сверху весь двор замка, дым идет из кузницы, раскинув руки и ноги, спит богатырь Сила, потом показались окружающие холмы, на одном из них мирно пасется дракон Змей Долгожеватель, совсем как обыкновенная корова, потом заблестела речка... Тут они вошли в облака и взяли курс на юг. Алиса несколько раз просила ковер лететь пониже, потому что в обла-

ках сырость и холод, даже кашемировая шаль не спасала – зубы стучали, а козлик дрожал от холода. Но ковер оказался своенравным. Летел, как хотел, Иногда даже сворачивал с пути. Один раз погнался за стаей диких гусей и чуть было не опустился вслед за ними в камыши, а потом вдруг захотел сразиться с большим орлом. Хорошо еще, что орел решил не связываться с ковром-самолетом.

Вдруг из облака прямо на ковер свалилось что-то грязное, лохматое, крикливое – ковер испугался и вздрогнул так, что чуть не выкинул седоков.

Это была птица Дурында. Тяжело дыша, она уселась на край ковра и закричала:

– Нашла! Догнала! Без меня хотели улететь? Это хорошо не кончится.

Дурында тяжело дышала и ежилась от холода.

– А ты зачем полетела? – удивилась Алиса.

– Как зачем? Вы же в Аравию? Я никогда в жизни не видела Аравию. К тому же без меня вам не обойтись. Я всегда предупрежу, подскажу, а когда погибнете, обратно прилечу, всем расскажу.

С этими словами Дурында втиснулась Алисе на руки. Она была такой мокрой и холодной, что Алиса пожалела ее.

Прошло еще часа два мучений, прежде чем ковер начал снижаться, потеплело, и вдали показалась синяя гладь Аравийского моря. Потом Алиса увидела на берегу белый мраморный дворец с колоннами, окруженный благоухающим садом из роз, гиацинтов и мандариновых деревьев. Ковер быстро снизился и лег на дорожку у входа во дворец, а Алиса начала громко чихать, не могла остановиться. Птица Дурында тоже чихнула, козлик тоже, даже ковер три раза чихнул так, что над дорожкой поднялась пыль. Прелестная молодая девушка в длинном голубом платье, сбежавшая на шум по мраморным ступенькам в сад, при виде несчастных путешественников так расхохоталась, что долго не могла успокоиться.

Ковер поднатужился и плавно начал подниматься.

Глава восемнадцатая
СИНДБАД

Девушка, которую звали Шехерезадой, очень обрадовалась гостям, потому что была она общительной и веселой.

Она провела Алису и козлика в большой зал, посреди которого журчал, навевая прохладу, изящный фонтан, а по стенам висели клетки с канарейками и попугаями. Она посадила Алису и козлика на диван, заваленный пуховыми подушками, слуги принесли кувшины с лимонадом, печенье для Алисы и целую груду свежей зелени для козлика. Алиса пила лимонад и была счастлива. Птица Дурында клевала печенье и тоже была счастлива.

Отдышавшись, Алиса заметила, что вдоль одной из стен зала сидят на низких табуретках старички и старушки, что-то бормочут и напевают. Старички и старушки не обратили никакого внимания на гостей, как будто были не живыми, а механическими.

– Что они здесь делают, Шехерезада? – спросила Алиса.

– Рассказывают сказки. Это самые опытные сказители со всех арабских, иудейских, индийских и персидских земель. Каждый знает по сто сказок, а то и больше. Вот и рассказывают.

– А зачем? – удивилась Алиса.

– Ты что, не знаешь? Все знают. Со дня на день меня могут потребовать во дворец к нашему злому властелину. И придется мне рассказывать ему сказки. Тысячу и одну ночь подряд. Мой папа, чтобы меня подготовить, собрал сюда сказителей. Они рассказывают, а я слушаю и запоминаю.

– Но ведь ты не слушаешь, – сказала Алиса. – Ты с нами разговариваешь.

– Правильно, – сказала Шехерезада. – Когда меня во дворец увезут, я там не буду сказки рассказывать. Я красивая, молодая, шах и так в меня влюбится, без всяких сказок. Я буду готовить ему плов и шашлык, буду играть с ним в нарды и петь песни. Мало ли какие развлечения бывают у шахов с красавицами? А сказки пускай старики рассказывают. Я только папу расстраивать не хотела. Смотрите, папе не проговоритесь.

– Но что же ты тогда делаешь? – спросила Алиса.

– А ты умеешь хранить тайны?

– Умею.

– Тогда смотри.

Шехерезада хлопнула в ладоши, из-за занавеса вышел молодой человек в шароварах, сапогах с загнутыми вверх концами и белой рубашке, подвязанной широким красным поясом. На голове у него была красивая чалма.

– Познакомьтесь, – сказала Шехерезада, – мой друг Синдбад. Он пришел ко мне в гости.

– Синдбад-мореход, – поклонился молодой человек Алисе. – Я счастлив познакомиться с принцессой из северных земель.

– Я тоже, – сказала Алиса, – я о вас читала. Мне очень нравились ваши приключения. А нельзя выключить этих бабушек и дедушек? Или хотя бы сделать их потише.

Шехерезада тут же взяла блюдо со сладостями, подбежала к сказителям, дала каждому по длинной конфете и отправила их отдыхать.

– А теперь, – сказала она, вернувшись к Алисе, – рассказывайте, что вас сюда привело. Я умираю от нетерпения.

Алиса подробно рассказала о том, как заколдовали директора, о собрании волшебников в замке Ооха и о том, как Кемаль ар-Рахим посоветовал отыскать джиннов на острове Содейда.

– Это очень романтично! – воскликнула Шехерезада. Она обернулась к Синдбаду-мореходу, который внимательно слушал всю эту удивительную историю, и нежно взяла его за руку.

– Мой дорогой друг, – сказала она. – Боюсь, что никто, кроме тебя, не сможет помочь нашим друзьям.

– Почему же? – возразил Синдбад. – Есть в наших аравийских краях немало корабельщиков, которые знают пути по морям, водят свои корабли в Индию и даже в такие далекие и недоступные страны, как Маджапахит, Шрикшетра, Фунань, Тямпа и государство Ю.

– Но нет ни одного, кто мог бы сравниться с тобой, – сказала Шехерезада. – Далеко ли плыть до острова Содейда?

– Плыть туда недалеко, – сказал Синдбад, – но дорога к острову трудная, в пути подстерегают рифы, водовороты, предательские течения, страшная рыба-кит, пираты, птица Рокх и множество других смертельных опасностей. Я бы рад помочь нашим друзьям, но боюсь, что одного моего желания мало.

– Что же нужно тебе еще, кроме желания, мой драгоценный мореход? – спросила Шехерезада и улыбнулась загадочной улыбкой.

Синдбад задумался, пригладил густые усы, поправил красивую чалму с драгоценным изумрудом и сказал:

– Кроме моего желания хорошо бы получить твой поцелуй, драгоценная Шехерезада. Он бы вдохновил меня на подвиг.

– Ох! – возмутилась Шехерезада. – Сколько раз я тебе говорила, что ненавижу целоваться. Давай я лучше расскажу тебе сказку.

– Сказки будешь рассказывать старому шаху, – сказал Синдбад-мореход. – Я сам знаю столько сказок, что твоим сказителям и не снилось. И мои сказки настоящие. Стоит выйти за ограду твоего дворца, и они сразу начнутся.

– Прямо и не знаю, что мне делать, – сказала Шехерезада. Хотя Алисе показалось, что не так уж она ненавидит целоваться с мореходом.

– Но если я тебя поцелую, – сказала наконец Шехерезада, – ты сразу же повезешь моих друзей на остров Содейда?

– Немедленно, – сказал мореход. – Сию же минуту. Мой корабль стоит в бухте.

– Что же делать? – Шехерезада обернулась к Алисе.

– Мне жаль, что ты не любишь целоваться, – сказала Алиса.

– А ты что думаешь, козлик? – спросила Шехерезада.

Козлик вытянул вперед губы, сложил их в трубочку и чмокнул воздух. Шехерезада расхохоталась.

– Какой у тебя забавный зверек! – воскликнула она. – Надо будет обязательно познакомиться с ним, когда он превратится снова в человека.

Синдбад-мореход нахмурился, ему не понравились слова Шехерезады, он сердито поглядел на козлика, но тут же рассмеялся, потому что, как положено смелым и отважным мореходам, был человеком добрым и веселым. А Шехерезада обернулась тем временем к дремавшей на диване белой вороне Дурынде и спросила ее:

– Что мне делать, мудрая птица?

Никто еще в жизни не называл Дурынду мудрой птицей. Та распушила от радости тощий хвост, заворковала по-голубиному и каркнула:

– Скорррей! Лобзай!

Шехерезада подошла к Синдбаду-мореходу, поцеловала его и сказала:

– Ах, до чего у тебя колючие усы!

Синдбад-мореход густо покраснел от счастья и ответил:

– Сегодня же сбрею.

– Не надо, – ответила Шехерезада. – Я же больше не буду с тобой целоваться.

Но Синдбад не расстроился, потому что лучше всех знал, что Шехерезада не всегда говорит то, что думает.

– Пошли, – сказал он, – пока солнце стоит высоко. Может, проскочим самые главные опасности! И он первым направился к двери.

Шехерезада схватила с подноса целую пригоршню сладостей и дала на дорогу гостям.

– Правда, Синдбад очень красивый? – спросила она шепотом у Алисы.

– Правда, – сказала Алиса. – Только мне это все равно.

– Мне тоже, – сказала Шехерезада и вздохнула.

Глава девятнадцатая
ПУТЕШЕСТВИЕ НА СОДЕЙДУ

Корабль Синдбада-морехода оказался совсем небольшим. Он покачивался на мягких и теплых волнах Аравийского моря неподалеку от берега. У него была одна мачта и на ней один косой парус, который матросы подняли сразу, как только Синдбад и пассажиры, подплыв к кораблю на лодке, поднялись на борт.

На корме корабля был настил, над ним полотняный навес, чтобы кормщика не напекло солнцем. Алиса села на циновку, а Синдбад встал у рулевого весла. Как только матросы вытащили якорь, он навалился на руль, и корабль легко поплыл в море.

– Нам долго плыть? – спросила Алиса.

– Как повезет, – сказал Синдбад-мореход.

– А как мы будем защищаться от акул, китов, рифов, водоворотов и всяких опасностей? – спросила Алиса. – Они же могут нас задержать.

Синдбад-мореход вдруг рассмеялся:

– Я пошутил, – сказал он. – Если бы я сказал Шехерезаде, что до острова Содейда плыть всего час по тихому морю, то она никогда бы меня не поцеловала. Какой же подвиг плыть по тихому морю?

– Как хорошо, – обрадовалась Алиса, – что море тихое. Я уж была уверена, что сегодня мне домой не вернуться.

– Погоди радоваться, – сказал Синдбад-мореход. – Даже в тихом море случаются бури и появляются опасности. К тому же я совершенно не представляю, как тебе удастся добыть у джиннов лекарство для козлика. Джинны – самые жестокие, сварливые и предательские существа в нашей легендарной эпохе.

Постепенно низкий берег Аравийской земли скрылся из глаз. Вокруг расстилалось безбрежное море. Лишь на горизонте теснились облака.

Вдруг птица Дурында, которая сидела на мачте, закричала:

– Это еще что такое? Спасайся кто может! Она слетела с мачты вниз и спряталась в бочке, которая стояла на палубе.

Алиса подняла голову и увидела, что к кораблю приближается громадная птица.

– Горе нам! – крикнул матрос, который стоял на носу. – Птица Рокх! Смерть к нам идет!

Алиса сначала испугалась, но потом присмотрелась к птице, которая приближалась к кораблю, и поняла, что это альбатрос, который, хоть и самая большая птица в мире, на корабли не нападает, а ест только рыбу.

Она хотела сообщить об этом отважному Синдбаду-мореходу, но тот закричал:

– Всем закрыть глаза! Всем прятаться! Я сам справлюсь с чудовищной птицей!

Матросы бросились в трюм и зажмурились, а Синдбад-мореход достал из бочки большую рыбину и кинул альбатросу.

Птица на лету подхватила подарок, проглотила и тут же взмыла вверх.

– Урра! – закричал Синдбад-мореход. – Опасность миновала, я голыми руками прогнал птицу Рокх!

Матросы вылезли на палубу и начали благодарить своего отважного и непобедимого капитана.

– Вы знали, что это альбатрос, а не птица Рокх? – спросила шепотом Алиса у морехода.

– Я не знаю, как эту птицу называют в ваших краях, – ответил Синдбад. – Но у нас она зовется птица Рокх, и ее все боятся. Зачем же я буду

Птица на лету подхватила подарок,
проглотила и тут же взмыла вверх.

спорить с общим мнением? Лучше прославлюсь как непобедимый герой. И мне хорошо, и птице. Я специально для нее вожу с собой рыбу. Она очень любит рыбу.

– А вы знаете, что и киты на корабли не нападают?

– Знаю. Я опытный капитан. Если кита не ранить и не дразнить, он никогда не нападает на корабль. Но пускай об этом знаю только я. Хорошо?

Алиса не стала спорить с хитроумным Синдбадом-мореходом. Вскоре они благополучно доплыли до небольшого острова Содейда, где спрятались от ледникового периода все джинны Аравии, Египта, Персии и прочих восточных земель.

Корабль бросил якорь неподалеку от острова. Синдбад, Алиса и козлик добрались до него в небольшой лодке. А птица Дурында с ними не полетела.

– Я отдохну, – сказала она. – У джиннов очень плохая репутация. Это хорошо не кончится. Я вас буду оплакивать.

– А тебя мы бы и не взяли, – сказал Дурынде Синдбад-мореход. – У тебя слишком длинный язык. И тайны, которые мы сейчас увидим, не для твоих глаз.

При слове «тайны» Дурында конечно же решила лететь на остров Содейда, но Синдбад поймал ее за хвост, велел матросам держать ее и не пускать на берег.

Что те и сделали, несмотря на вопли и возмущение Дурынды.

Остров был совершенно пустынен. Только камни, песок, сухая трава, а на камнях греются песчаного цвета ящерицы.

Синдбад уверенно пошел по тропинке, которая вела в гору.

– А вы точно знаете, где джинны? – спросила Алиса.

– Разумеется, – сказал Синдбад-мореход. – Кто же, кроме меня, решился бы отвезти джиннов на опасный и недосягаемый остров Содейда? Правда, джинны думают, что этот остров лежит далеко в океане. Я их специально всех напоил вином, они прохрапели всю дорогу и поверили мне, что мы плыли больше недели.

– А зачем вам эта хитрость? – спросила Алиса.

– Как зачем? Они же мне дали целый сундук золота за такое опасное путешествие. А кто бы дал мне сундук, если бы знал, что до острова всего час пути?

Остров был невелик. Минут через десять они оказались на небольшой площадке, с трех сторон закрытой отвесными скалами. Из скалы бил тон-

кий ключ. Вода в нем оказалась свежей, искристой и газированной, как нарзан. В скале Алиса увидела небольшую железную дверь.

– Вот и пещера, в которой спрятались джинны, – сказал Синдбад. – Не боишься?

– Поздно отступать, – решительно сказала Алиса. – Чем скорей мы туда зайдем, тем скорей мы вернемся домой. Вы знаете, как открыть дверь?

– Какое-то слово надо сказать, – задумался Синдбад-мореход. – Как сейчас помню – очень таинственное слово. И дверь откроется.

– Забыли? – испугалась Алиса.

– Ох, забыл, – сказал хитрый мореход.

– Тогда я сама скажу, – сказала Алиса. – Я помню.

– Ну, скажи! – согласился Синдбад.

– Сезам, откройся! – воскликнула Алиса. Но дверь не открылась.

– Разве я неправильно сказала? – спросила Алиса.

– Правильно, – ответил Синдбад. – Я даже удивился, как это ты знаешь такое секретное и тайное слово. Неужели его будут помнить столько лет?

– Все будут помнить, – сказала Алиса. – И все ваши путешествия и подвиги тоже будут помнить.

– Очень приятно, – сказал Синдбад-мореход. – Я рад.

Он подошел к двери, повернул ручку и отворил ее.

– Понимаешь, Алиса, – сказал он, отходя на шаг в сторону, чтобы Алиса могла войти внутрь. – В жизни мало сказать волшебное слово. Надо еще что-нибудь сделать. Если ты сказала «сезам», не мешает потом повернуть ручку.

Алиса уже немного разобралась в странном характере Синдбада.

– Простите, – сказала она. – А если бы я не сказала «Сезам, откройся!», вы бы смогли открыть дверь?

– Конечно, смог бы, – рассмеялся Синдбад. – Но пускай все думают, что не смог бы. И джиннам спокойнее, и мне славы больше.

Глава двадцатая
В ПЕЩЕРЕ ДЖИННОВ

В пещере было темно. Синдбад достал взятый с собой факел и зажег его. Факел осветил низкий свод пещеры, сундуки и ящики, бочки и бутылки.

– Все в порядке, – сказал Синдбад. – Никто без нас сюда не заходил.

– Много добра вы сюда перевезли, – заметила Алиса.

– Чуть корабль не потопил, джинны ведь страшно бережливые, – сказал Синдбад. – Давай их будить. Ох, и шум подымется! Сам побаиваюсь.

Синдбад прошел в дальний угол пещеры. Там в нише Алиса увидела целую армию глиняных и медных кувшинов, заткнутых пробками и залитых воском. Синдбад наклонился и стал рассматривать бутылки.

– Я ищу ибн-Хасана, – сказал он. – Ибн-Хасан – самый тихий из джиннов. Он, по крайней мере, не превратит нас сразу в пыль. Вот и он!

Синдбад поднял с пола одну из глиняных бутылей, показал Алисе.

– Вот тут, – сказал он, – скрывается один из самых могущественных джиннов древности, Хасан-ибн-Хасан. Не правда ли, удивительно? Такой большой – и в бутылке?

– Удивительно, – согласилась Алиса. – Но еще удивительнее, что их столько. Как на складе. Никогда не думала, что на свете может быть столько джиннов.

– Наше счастье, что они в основном лентяи и хвастуны.

Сказав так, Синдбад отважно вцепился зубами в пробку, вытащил ее из бутылки, бутылку быстро поставил на пол, отскочил назад. И вовремя.

Столб черного дыма вырвался из бутылки, поднимаясь до потолка. Алиса закашлялась.

Дым начал клубиться и постепенно превратился в фигуру джинна ростом в пять метров, с громадными клыками, длинным носом и клочкастой бородой. Джинн был почти голым, в одних трусах.

– Кто меня побеспокоил? – возопил джинн страшным голосом. – Кто посмел меня разбудить и открыть бутылку? Кого я сейчас растерзаю?

– Это я, Синдбад, – сказал мореход. – Не надо меня терзать. Я твой старый приятель.

Дым уже рассеялся, и джинн, близоруко прищурив глаза, разглядел Синдбада.

– Садись, – сказал Синдбад. – Твоя голова так высоко, что нам трудно с тобой разговаривать.

Бормоча непонятные проклятия, джинн сел на пол, осмотрелся вокруг, подсчитал сундуки, загибая пальцы, а когда убедился, что все добро в целости, обратил свой взгляд к Алисе с козленком и спросил:

– А это еще что такое?

– Это мои друзья, – сказал Синдбад.

– Кто меня побеспокоил? – возопил джинн страшным голосом.

– Хоть твои дети! – возмутился джинн. – Ты не имел никакого права приводить их в наше секретное убежище.

– И не привел бы, если бы не крайняя необходимость, – сказал Синдбад.

Джинн немного подумал, покачал головой, и вдруг его злое и грубое лицо озарилось радостной улыбкой.

– Я понял! – зарычал он. – Ледниковый период уже кончился, и ты пришел нас освободить, чтобы мы могли властвовать над миром.

– Нет, – сказал Синдбад, – ледниковый период еще не начинался.

– Что же тогда привело тебя сюда? – удивился джинн. – Ты меня удивляешь. Может быть, превратить тебя в песок?

– Нет, – спокойно ответил Синдбад. – Ничего такого делать не стоит. Если ты превратишь нас в песок, то некому будет закрыть пробкой твою бутылку. И ты замерзнешь, когда начнется ледниковый период.

– О, горе! – воскликнул джинн. – О, предательство! Ну говори тогда, чего ты хочешь, низкий сын человеческой женщины, пенитель грязных луж, торговец благополучием своих благородных друзей!

– Вот это уже нормальный разговор, – сказал Синдбад-мореход. – Погляди на этого козлика, о, Хасан-ибн-Хасан. – Еще недавно он был уважаемым человеком, но вот ему подсунули водицы из Козлиного Копытца, и он вынужден провести остаток своих дней в таком виде. Разве это не ужасно?

– А какое нам с тобой дело до чужих несчастий? – удивился джинн. – Разве в наших джинновых обычаях делать добро людям? Разве он был королем? Или волшебником? Или хотя бы богатым купцом?

– Он был знаменитым ученым в своих землях, – сказал Синдбад.

– Пускай идет в свои земли и там лечится.

- Но совет волшебников всей Земли, который сейчас заседает в замке волшебника Ооха, решил, что такое средство есть только у джиннов.

– И ты из-за этого пустяка прервал мой сон! – джинн был страшно разгневан. Он даже подскочил так, что ударился головой о каменный потолок, набил себе шишку, отчего еще больше расстроился.

– Значит, ты не сможешь нам помочь? – спросил Синдбад.

– Не хочу, – сказал джинн. – Пускай я останусь без бутылки и замерзну в ледниковый период, но ни за что я не опущусь до того, чтобы помогать людям.

– Прости тогда, благородный и всесильный Хасан-ибн-Хасан. Значит, мы ошиблись. Я догадался, что у тебя вовсе нет такого средства, чтобы воз-

вращать заколдованным людям их прежний облик. Прости, мы пошли.

– Не хочу помогать! – ревел джинн. – Не хочу и не буду! Не буду!

И джинн начал расти, но тут его голова снова ткнулась в потолок пещеры. Джинн взвыл от боли, а Синдбад-мореход спокойно поднялся и сказал:

– Алиса, козлик, пошли, нам здесь делать нечего.

Алиса и козлик вышли вслед за Синдбадом из пещеры. Алиса готова была заплакать. Так все погубить! Синдбад оказался плохим дипломатом! С джинном надо было говорить вежливо, попросить его... ведь он не просто кто-нибудь, а джинн...

Алиса даже открыла рот, чтобы все это объяснить Синдбаду и уговорить его вернуться и попросить у джинна прощения, но Синдбад строго посмотрел на нее и прижал палец к губам. Он спокойно шагал вниз по тропинке. Алиса и козлик, понурившись, брели следом.

– Стойте! – раздался сзади громовой голос джинна. – Стойте, жалкие создания! Вернитесь!

– Вот видишь, – улыбнулся Синдбад-мореход, – а ты боялась. Я же знаю, как иметь дело с этими бандитами.

Джинн встретил их у входа в пещеру.

– Я передумал, – сказал он. – Что-то с севера тянет холодом. Идите за мной.

Джинн прошел в дальний конец пещеры, где стояли бутылки с остальными джиннами, и остановился, разглядывая их и рассуждая вслух:

– Где же аптечка! Кто ее положил рядом с собой? Ахмед? Нет, он с собой вино взял. Хусейн? Нет, он любит уют, ему эти склянки ни к чему... Ага, вспомнил.

Джинн поежился и крикнул Синдбаду:

– Прикрой дверь. Дует. Ни в чем нельзя на тебя положиться.

Синдбад прикрыл дверь, а джинн вытащил пробку из одной из бутылок и, как только оттуда пошел черный дым, наклонился к ней и крикнул:

– Не спеши, Мустафа, не вылезай, ледниковый период еще не кончился! Это я, Хасан-ибн-Хасан! Из бутылки донесся бас:

– Так чего меня будишь?

– Мустафа, я только на минутку. У меня зуб разболелся. Дай-ка мне нашу волшебную аптечку.

И тут Алиса с удивлением увидела, как из тонкого горла бутылки выплыла на воздух золотая шкатулка, которую держали две громадные руки.

Хасан-ибн-Хасан подхватил шкатулку, не обращая внимания на бас, который несся из бутылки:

– Мог бы сам себе зуб заговорить! Я тебе покажу после ледникового периода, как меня беспокоить!

– Удивительно сварливый народ, – сказал Синдбад-мореход.

Джинн Хасан-ибн-Хасан тем временем открыл шкатулку, которая оказалась уставленной бутылочками, долго копался в них, нюхал, глядел на свет и наконец сказал:

– Вот она!

Он открыл бутылочку, капнул из нее несколько капель прямо на пол и сказал:

– Лижи! Скорей, пока не выдохлось.

Козлик колебался. Алиса поняла, что он не привык лизать капли с пола и потому она крикнула:

– Скорей же, Иван Иванович!

И Синдбад закричал:

– Скорей же, тебе говорят!

Тогда козлик подбежал к лужице на полу и слизал ее.

– Все, – сказал джинн. – Дело сделано. Теперь быстро закупоривайте меня.

Он вернулся к открытой бутылке с Мустафой. Оттуда все еще торчали громадные руки и слышалось ворчание. Он отдал шкатулку. Руки исчезли,

исчезла и шкатулка. Джинн заткнул бутылку пробкой и шагнул к своей бутыли. Тут же он начал клубиться, превращаться в черный дым. Алиса обернулась к козлику. Ничего с ним не произошло.

– Не закрывайте его! – крикнула она Синдбаду-мореходу. – Вдруг он ошибся!

Черный столб дыма втянулся в бутыль, Синдбад подошел к ней, держа в руке пробку, но не спешил закрывать, все глядел на козлика.

– Скорей же! Я замерзаю! – раздался крик из бутыли.

– Минуточку, – ответил Синдбад.

Алиса тоже смотрела на козлика. И вдруг козлик начал расти вверх, в глазах у Алисы помутилось, она зажмурилась, а когда открыла глаза вновь, увидела, что в пещере рядом с ней стоит высокий человек в сером костюме с серьезным и очень приятным лицом.

– Спасибо, – сказал Иван Иванович.

– Спасибо, – передал его слова Синдбад джинну и заткнул бутылку пробкой.

Потом поставил бутыль на место.

Глава двадцать первая
ВОЗВРАЩЕНИЕ К ШЕХЕРЕЗАДЕ

Обратное путешествие до дворца Шехерезады прошло без всяких приключений. Только птица Дурында никак не могла успокоиться.

– Чудеса! – кричала она. – Мистика! Так не бывает! Как мог такой большой человек уместиться в таком маленьком козлике! Это хорошо не кончится!

Счастливый Иван Иванович держал Алису за руку и смотрел на нее благодарными глазами. Синдбад тоже был рад, что все хорошо кончилось.

– Молодец твоя подруга, – сказал он Ивану Ивановичу. – Шехерезада никогда бы из-за меня не пошла на такие жертвы.

– Погоди, еще не все потеряно. Станешь козликом, посмотрим, – улыбнулся Иван Иванович.

– Да ты что! – воскликнул Синдбад. – Ты с ума сошел!

– Извини, – сказал Иван Иванович. – С тобой такого не случится, потому что я сам во всем виноват. Так довериться проходимцу Кусандре! Еще раз спасибо тебе, Алиса.

Алисе тоже было приятно, что все хорошо кончилось, и она вдруг поняла, что страшно устала. Она положила голову на колени Ивану Ивановичу, заснула и проспала до тех пор, пока корабль не добрался до аравийского берега. Она не почувствовала, как Иван Иванович перенес ее в лодку, а потом во дворец. У дверей дворца их встретила Шехерезада. При виде Ивана Ивановича, который нес на руках Алису, она вскинула руки и закричала:

– Как замечательно! Мы победили! Несите девочку на диван!

Иван Иванович отнес Алису на диван и, поблагодарив Шехерезаду за помощь, сказал:

– Нам нужно скорей лететь обратно. Алисе пора домой.

– Сейчас полетите, – ответила Шехерезада, – но вы же не можете обидеть одинокую девушку, отказываясь от вкусного горячего чая.

Эти слова Шехерезады донеслись до Алисы будто издалека, сквозь шум моря, пение ветра, шуршание листвы. Вроде бы она и не спала, все слышала, все понимала, даже понимала, что голос Шехерезады изменился, стал совсем шелковым, нежным, вкрадчивым, особенно когда она обращалась к Ивану Ивановичу.

– Ах, выпейте чаю, – говорила Шехерезада, – не желаете ли шербету, мой драгоценный рыцарь? Вам, наверное, надоело быть в чужой шкуре! Где вы так чудесно загорели, у вас такое умное лицо... Ах, возьмите еще чаю.

Потом Алиса услышала тяжелый вздох и догадалась, что вздохнул Синдбад-мореход, который думал, что Шехерезада будет благодарна ему за то, что он помог вернуть козлику человеческое обличье, может, даже поцелует его еще раз, но Шехерезада буквально не замечала морехода. Профессор Иван Иванович, высокий, культурный, воспитанный и загорелый, полностью поразил ее воображение.

Алиса проспала бы еще дольше, хоть и понимала, что пора возвращаться домой, если бы не услышала, как кто-то сказал ей на ухо внятным шепотом:

– Пора домой, Алиса. Ковер-самолет ждет у подъезда.

– Сейчас, – ответила Алиса сквозь сон. – Я встаю.

– Скорей, Алиса, солнце садится. Облака густеют. Будет дождь. С ледников тянет холодом.

Тогда Алиса открыла глаза и увидела рядом печальное лицо Синдбада-морехода.

Ей стало стыдно, что она спит в такой важный момент.

– Увези его, – сказал Синдбад-мореход. – Может, он и не понимает, что в него готова влюбиться первая красавица Аравийских земель, но я уже жалею, что помогал вам в пещере джиннов.

Тогда Алиса все поняла, села на диване и сказала строгим голосом:

– Иван Иванович, вы думаете возвращаться? Иван Иванович сделал над собой усилие и оторвал взор от прекрасных бархатных глаз Шехерезады.

Он поднялся с подушек, улыбнулся виновато и сказал:

– Мы вам очень благодарны за все, что вы для нас сделали. Но нам пора лететь.

– Зачем! – воскликнула Шехерезада. – Разве вам плохо в моем дворце, рыцарь Иван? Может, вам мешают другие люди? Тогда я их всех тут же выгоню. И этого надоедливого Синдбада, и эту девочку Алису.

– Ничего подобного, – сказал Иван Иванович. – Я возвращаюсь с моей подругой Алисой. А Синдбад останется здесь, с вами.

– Ни в коем случае! – закричала Шехерезада и побежала за директором заповедника сказок, который пошел к выходу. – Что вы будете делать в будущем?

– Мне надо возвращаться в заповедник.

– Хорошо, – сказала тогда Шехерезада. – Я поеду вместе с вами. Неужели в громадном заповеднике сказок не найдется местечка для сказочной Шехерезады, которая так изумительно умеет рассказывать сказки?

– Не умеешь, – мрачно сказал Синдбад-мореход. – А мы с Ваней тебя не возьмем, – сказала Шехерезада, повисая на руке Ивана Ивановича. – Мы сейчас же поедем.

– Я боюсь, что вы скоро раскаетесь, – сказал Иван Иванович. – У нас жизнь тихая, заповедная, гномы и русалки...

– С тобой, мой прекрасный рыцарь, мне не будет скучно.

Синдбад-мореход заскрежетал зубами, и его загорелая рука опустилась на рукоять кинжала.

Хоть Иван Иванович и был замучен своими тяжкими приключениями, он не потерял присутствия духа перед лицом прекрасной Шехерезады. Но не надо думать, что он испугался гнева Синдбада-морехода. Он сказал просто и искренне, потому что был очень правдивым человеком:

– Дорогая Шехерезада, я признаю вашу сказочную красоту. Но я не могу полюбить такую красавицу, на которую надо беспрерывно

любоваться. А в моем замке стоит хрустальный гроб с самой обыкновенной Спящей красавицей, которая как красавица значительно уступает вам. Но я все равно давно уже влюблен в нее, хотя долгое время не решался открыть крышку гроба. Видите ли, мне казалось, что это неправильно, раз я директор заповедника. Я думал, это называется использованием служебного положения в личных целях. Но после всех приключений в образе козлика я понял, что в таких вопросах стесняться нельзя.

– Конечно, нельзя, – сказала Алиса. – Будете стесняться, Кот в сапогах первым гроб откроет. Они такие, коты в сапогах. Наглые очень.

– Конечно, – согласился Иван Иванович. – Поэтому мне надо спешить. Так что, милая Шехерезада, не обижайтесь на меня, пожалуйста.

И он решительно направился к выходу в благоухающий сад.

Алиса очень обрадовалась такому решению директора, хотя Шехерезада, честно говоря, ей очень нравилась. Но еще больше нравился ей хитроумный Синдбад-мореход, и она желала ему счастья. Алисе приятно было увидеть, как добрая улыбка появилась на мужественном лице морехода.

Но Шехерезаде все это не понравилось, потому что она была очень избалованной красавицей.

– Как так! – вскричала она. – Как ты смеешь мне противоречить, если я сама тебе объяснилась в любви! Ты не уедешь отсюда живым! Стража, изрубить его в мелкие-премелкие кусочки!

– Бегите! – крикнул Синдбад-мореход. – Она не шутит. У нее тропический темперамент.

Алиса схватила за руку Ивана Ивановича, который хотел, как настоящий профессор, уйти спокойным шагом. Алиса потянула профессора за собой к ковру-самолету, который лежал на дорожке и дрожал углами, желая поскорее взлететь в воздух.

Когда они усаживались на ковер, Алиса увидела, как из двери рвется многочисленная стража с кривыми саблями, а Синдбад отчаянно отбивается от нее кинжалом.

– Нет, – сказал Иван Иванович. – Я должен ему помочь.

– И не мечтайте! – крикнула Алиса и добавила: – Ковер, немедленно лети!

Ковер послушался, взлетел немного, но остановился в воздухе, потому что Шехерезада закричала:

– Ковер, обратно!

– Ковер, лети! – крикнула Алиса.

– Ковер, лети! – крикнул Синдбад-мореход.

– Шехерезада, прекрати немедленно! – раздался вдруг голос Дурынды. – Я все расскажу твоему отцу. Он тебя выпорет.

От неожиданности Шехерезада замолчала, а птица Дурында подлетела к ковру-самолету, вцепилась в него клювом и потянула за собой, на север. Это решило схватку. Ковер послушно набрал высоту и улетел. Дворец остался внизу, уменьшился, стал игрушечным, а в море неподалеку от берега был виден корабль Синдбада-морехода.

– До сви-да-ния, Синдбад! – крикнула Алиса. – Спасибо тебе, добрый друг!

Но Синдбад не услышал, потому что ковер поднялся высоко в небо. Всем стало холодно.

Иван Иванович обнял Алису и птицу Дурынду, чтобы не замерзли, и они помчались на север, навстречу леднику.

Глава двадцать вторая
ПРОЩАНИЕ

Уже совсем стемнело, когда Алиса с Иваном Ивановичем добрались до леса, где в дупле дуба пряталась машина времени. Они остановились на опушке.

Птица Дурында, которая уговорила Ивана Ивановича взять ее в заповедник, опустилась ему на плечо, держа в клюве узелок со своим добром.

Богатырь Сила сидел верхом на отличном арабском жеребце, которого подарил ему благодарный волшебник Кемаль ар-Рахим.

– Я бы с вами съездил, – сказал богатырь, – но боюсь, что в вашем времени мало места для рыцарских подвигов.

– Не совсем так, – ответил ему Иван Иванович. – Место есть, но не для твоих подвигов.

– Еще бы, он сразу набросится на автобус, потому что решит, что автобус пожирает пассажиров, – сказала Алиса. Рядом с богатырем стоял дракон Змей Долгожеватель. Он принес нацарапанное на бересте письмо для своего племянника, которое написал для него Герасик. Дракон с Силой обещали довезти его до деревни, чтобы волки не напали. Волшебник Кемаль ар-Рахим парил неподалеку на ковре-самолете. Он был печален. Птица Дурында рассказала ему о легкомысленном поведении его дочери, и он собирался с рассветом, оставив верблюдов здесь (пускай идут своим ходом), улететь домой, чтобы навести там порядок.

Потом из воздуха возник волшебник Оох. Он держал на ладони маленькую прелестную фею, вокруг которой распространялось золотистое сияние.

– Я очень рад, Иван, – сказал он, – что все обошлось. Прости, что не смог сам слетать с тобой в Аравию, но сам знаешь, собрание прерывать нельзя.

– О чем вы договорились? – спросил Иван Иванович.

– Как и положено в таких случаях, ни о чем, – ответил волшебник Оох. – Наше горе в том, что волшебники, маги и колдуны никогда не могут ни о чем договориться. Придется, наверное, вымирать и уступать место обыкновенным людям.

– То есть мне, – сказал мальчик Герасик. – Я согласен.

Волшебник Оох только кинул на мальчика невеселый взгляд и ничего не ответил.

– Если плохо придется, приезжайте к нам, – сказала Алиса, – для всех найдется место в заповеднике сказок.

Она поглядела на Ивана Ивановича, не возражает ли он. Иван Иванович сказал:

– Но учтите, друзья, что царствовать в будущем мы вам не сможем позволить. Другие времена, Другие обычаи.

Потом все стали прощаться, прощание было грустным, как и положено быть прощанию. И вдруг с темного синего неба, от самых звезд послышался хриплый крик:

– Погодите! Остановитесь!

На опушку опустился Кусандра верхом на метле.

– Еле успел! – сказал он. – Я с вами.

– Это еще почему? – удивился Иван Иванович.

– Мне здесь делать нечего. Сестрица меня угнетает, разбойники меня ограбили, курочку Рябу сожрали, золота у меня нет, ледник надвигается.

– Нет, – сказал Иван Иванович. – От тебя было слишком много неприятностей.

– Я заблуждался, у меня было тяжелое детство, я перевоспитаюсь. Вот видите, я метлу у сестрицы украл. Я буду ею заповедник подметать. С утра до вечера.

Иван Иванович посмотрел на Алису. Алиса посмотрела на птицу Дурынду, Дурында на волшебников, волшебники на богатыря, богатырь на дракона, и дракон за всех ответил:

– Возвращайся-ка ты, Кусандра, к своей сестрице.

– Ах так! – возмутился Кусандра. – Тогда я сам за вами в машину времени проберусь! Берегитесь!

– Не волнуйся, Иван, – сказал волшебник Оох, – мы вход в машину заколдуем так, что ни один негодяй не отыщет. А ты, Кусандра, лети отсюда, пока я тебя в гусеницу не превратил.

– Пока я тебя в комарика не превратила, – пискнула Фея.

– Пока я тебя не зарубил, – пробасил Сила.

– Пока я тебя не сжег, – закончил дракон.

Кусандра обвел всех диким злым взглядом, вскочил на метлу и улетел туда, откуда доносился волчий вой. Там его ждали.

Алиса и Иван Иванович еще раз сказали «до свидания» и шагнули в темную чащу, где их ждала машина времени.

Глава двадцать третья
ВОЗВРАЩЕНИЕ ИВАНА ИВАНОВИЧА

Когда через пять минут они вышли из машины времени в лаборатории замка, их оглушил грохот, шум и музыка. Они осторожно выглянули из лаборатории и поняли, что музыка несется из большого зала. Там на

королевском троне сидели рядышком гном Свен и кукла Даша. А остальные сказочные существа водили вокруг них хоровод. Свадьба была в самом разгаре.

– Пойдем на свадьбу? – спросила Алиса. – Нас приглашали.

– Обязательно, – сказал Иван Иванович, – только сначала я позвоню твоему папе, чтобы он не волновался.

– Это мы обязательно сделаем, – сказала Алиса. – А может быть, еще раньше мы спустимся в подвал?

И тут она увидела, как доктор наук и директор заповедника густо покраснел.

– А если завтра? – спросил он робко.

– Сейчас, – сказала Алиса, улыбаясь. – Мы не будем долго задерживаться. Мало ли что может случиться до завтра?

И они поспешили в подвал. Как права оказалась Алиса!

Когда они вбежали в подвал, посреди которого стоял хрустальный гроб, они услышали громкое пыхтение. И увидели, как Кот в сапогах с помощью Волка большой палкой подцепил край крышки и отодвигает ее. Крышка медленно сползает, поддается...

– Стойте! – закричала Алиса. – Не смейте!

Но опоздала. Крышка уже сама заскользила, поехала, наклонилась, коснулась углом каменного пола, раздался хруст, грохот и хрустальный звон – крышка разлетелась на тысячу кусков.

Иван Иванович с Алисой бросились к гробу, но Кот, который догадался, в чем дело, оказался проворнее. Он прыгнул в гроб, протянул свою морду к лицу Спящей красавицы и чмокнул ее прямо в губы. Красавица проснулась. Она открыла глаза.

– Урра! – закричал Кот. – Я победил!

Красавица медленно села в гробу, увидела перед собой кошачью морду, оглянулась. Иван Иванович, как громом пораженный, стоял возле гроба, понимая, что опоздал всего на минуту. Из глаз Алисы брызнули слезы.

Принцесса взяла шелковую подушку, на которой только что спала, и со всего размаха запустила в Кота. Кот взвизгнул и вывалился из гроба на пол.

– Кошек здесь развели! – сказала принцесса капризным голосом. – Прямо в кровать лезут!

Потом она посмотрела на Ивана Ивановича и сказала:

– Иван, помоги мне отсюда вылезти.

Она подала директору заповедника белую руку, и тот помог ей выбраться наружу.

Потом она взяла Ивана Ивановича под руку и медленно пошла с ним к выходу, не обращая внимания на Кота и Волка.

– Это нечестно! – закричал вслед Кот. – Так не по правилам! Я тебя первый поцеловал!

От самой двери принцесса обернулась и сказала:

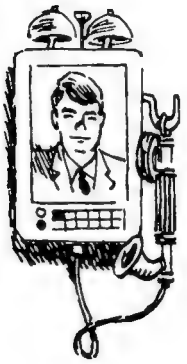
– А у моего Вани все впереди.

И они исчезли.

За ними ушли, понурившись, Кот и Волк. А Алиса осталась одна. Она поняла, что директора ей не дождаться, придется ехать домой. И она почувствовала такую усталость, что даже не захотела веселиться на свадьбе гнома Вени. Алиса потихоньку выбралась из замка и пошла к автобусной остановке. Здесь она позвонила домой из видеофона-автомата.

– Папа, – сказала она. – Я вернулась. Скоро буду дома. Не волнуйся.

– А я не волнуюсь, – сказал отец. – Только что мне звонил Иван Иванович и обо всем рассказал.



Лиловый шар

Глава первая
ГРОМОЗЕКА И ПАУК

Маленькое белое солнце висело прямо над головой, и поэтому тени были короткими. Под деревьями, в тени, росла густая зеленая трава, колючая, как стая ежей. Подальше, на открытых местах, из земли высовывались рыжие, утыканные иглами шары. Когда к ним подойдешь поближе, иглы вырастают и шевелятся. Лучше не подходить, а то могут выстрелить иголками.

Алиса была в скафандре, иголки отскакивали от него, но их удары Алиса чувствовала, и ей все казалось, что какая-нибудь самая острая игла может проколоть металлическую ткань.

Здесь надо быть очень осторожной. Как на войне. Алисе, правда, не приходилось бывать на войне, но и другой такой планеты, где все ополчилось против людей, она тоже не видела.

Обычное утреннее путешествие от купола до раскопок, занимавшее минут пять, не больше, могло грозить неприятными неожиданностями. Вот и сейчас: впереди идут Громозека и два археолога, сзади отец с парализующим бластером наготове.

Громозека – старый друг Алисы, гигантский археолог с планеты Чумароза, грозное чудовище, с виду похожее сразу на слона и осьминога, и добрейшее существо в душе.

– Стоп! – вдруг кричит Громозека, предупреждающе подняв три щупальца (три других заняты оружием, еще в двух он несет ящики с инструментами).

Археологи замерли. Алиса замерла. Отец Алисы, профессор Селезнев, замер...

Поглядев вперед, Алиса поняла, что насторожило Громозеку.

Посреди дорожки, которая за последние две недели исхожена тысячу раз, за ночь выросло крепкое, метров в пять ростом дерево, усыпанное желтыми цветочками. Ветерок чуть шевелил длинные нежные листья, бабочки лениво порхали над цветами. Очень красиво. Но ведь десять часов назад на этом месте никакого дерева не было.

Громозека протянул вперед длинный щуп с анализатором на конце. Кончик щупа чуть покачивался, будто принюхивался. И когда до ближайшей ветки оставалось сантиметров десять, дерево вдруг взмахнуло веткой и так рубануло по щупу, что Громозека не удержал его. Щуп упал на землю, и тут же к нему полетели иглы рыжих шаров.

Громозека рассердился.

– Мне это надоело! – вскричал он. Глаза под прозрачным шаром шлема загорелись. Он поднял бластер и ударил по дереву парализующим лучом.

Ветви дерева тут же свернулись, желтые цветочки закрылись, дерево начало проваливаться.

И на том месте, где оно росло, осталась небольшая кучка пыли, и если бы Алиса собственными глазами не видела этой сцены, она никогда бы не подумала, что такое возможно.

Археологи, за ними Громозека, потом Алиса и ее отец осторожно обошли место, куда спряталось дерево, и поднялись на невысокий холм, вершина которого была изрыта квадратными ямами. Здесь шли раскопки.

Громозека остановился на краю раскопа и тщательно пересчитал своих спутников.

– Я повторяю, – сказал он печально. – Мне это надоело. У меня еще не было такой трудной экспедиции. Я работал на восьмидесяти планетах, я встречался со всеми мыслимыми и немыслимыми обитателями нашей Галактики. Но более коварного, гадкого, трусливого и опасного места я не встречал. Где робот-копатель номер три?

Роботы и археологические машины стояли посреди площадки. В их строю зияла брешь. Одного из роботов не было.

Громозека кинулся вперед.

– Осторожнее! – крикнул ему вслед профессор Селезнев.

Но опоздал.

Громадная туша добродушного, но вспыльчивого археолога Громозеки, триста двадцать килограммов живого веса, восемь щупальцев, слоновьи лапы, облаченные в скафандр, три бластера и один меч – все это в мгновение ока исчезло из виду, потому что Громозека провалился в замаскированную ловушку, которую кто-то за прошедшую ночь выкопал посреди площадки.

Когда археологи, Алиса и Селезнев подбежали к яме, они увидели, что Громозека бьется в объятиях огромного паука, острые зазубрен-

ные жвалы которого, источающие мутный яд, елозили по пластику шлема, стараясь его прокусить.

Селезневу пришлось потратить почти весь заряд бластера, пока наконец паук не ослабил хватку и не замер на дне ямы.

Потом минут десять с помощью роботов они вытаскивали заклинившегося в яме начальника экспедиции. Громозека был настолько расстроен и оскорблен тем, что стал добычей паука, что мрачно повторял:

– Оставьте меня в яме. Я недостоин того, чтобы снова увидеть белый свет. Засыпьте меня песком и забудьте мое имя.

– Громозека, миленький, – уговаривала его Алиса. – Каждый из нас мог сюда угодить. Даже я.

Когда Громозеку извлекли из ямы, обнаружилось, что под ним лежит изуродованный робот-копатель номер три. Наверное, паук, что затаился на площадке, сначала решил полакомиться роботом. Наесться им он, разумеется, не смог, но изломал его основательно.

Громозека уселся на краю ямы, стер яд со шлема и сказал:

– Умоляю, прости меня, мой друг Селезнев, что я заманил тебя на эту злобную планету. Я ежеминутно подвергаю опасности твою жизнь и жизнь твоей изумительной девочки. Вернее всего, никто из нас не вернется отсюда живым.

– Ничего страшного, – ответил Селезнев, который был более уравновешен, чем его старый друг. – По-моему, для биолога это очень интересная планета.

– Я согласна с папой, – сказала Алиса. – Мне тут нравится.

– С ума сойти! – вздохнул Громозека. – Вы какие-то самоубийцы.

– Если хочешь, Громозека, – сказала Алиса, – ты улетай отсюда, а мы с папой останемся еще немного.

Громозека внимательно оглядел Алису с ног до головы всеми своими глазами и вдруг широко улыбнулся, показав акульи зубищи.

– Я понял! – воскликнул он. – Вы хотите сказать, что я самый трусливый археолог во Вселенной. А это, кстати, еще надо доказать!

С этими словами он поднялся на свои толстые лапы и зарычал на всю площадку:

– Почему не начинаем работать? Немедленно приступить к раскопкам!

Правда, кричал он только для того, чтобы самого себя успокоить. К этому времени все его коллеги уже трудились, раскапывая погибшую когда-то крепость на удивительной планете Бродяга.

Алиса и Селезнев увидели, что Громозека
бьется в объятиях огромного паука.

Глава вторая
ПЛАНЕТА БРОДЯГА

Планета, где археолог Громозека попал в ловушку, называлась Бродягой. Разумеется, это неофициальное ее название. Во всех справочниках она называется так: ИКО-1. То есть: Искусственный космический объект № 1. Другой такой планеты нет. И вряд ли будет.

Бродягу обнаружили случайно. Могли бы обнаружить и позднее. По очень простой причине: в отличие от всех других планет у нее нет своего солнца.

А раз нет солнца, то ее не видно.

Галактика состоит из звезд, вокруг некоторых из них вращаются планеты. А если планета не вращается вокруг звезды, значит, она бездомная, у нее нет своего места в космосе и она летит сама по себе в холодном, темном пространстве, где звезды встречаются так же редко, как родники в пустыне Сахара.

Бродягу нашли, потому что она влетела в ту часть Галактики, где находится Земля. Астрономы высчитали, что Бродяга летит не напрямик, а совершает огромный круг, раз в двадцать шесть тысяч лет возвращаясь в одну и ту же точку. Она должна была пролететь сравнительно недалеко от Солнечной системы, так же, как она это сделала двадцать шесть тысяч лет назад, пятьдесят две тысячи лет назад и, может быть, семьдесят восемь тысяч лет назад...

Однажды в кабинете профессора Селезнева, директора Московского космического зоопарка, известного специалиста по инопланетным животным, раздался видеофонный звонок. Когда Селезнев включил экран, он увидел на нем круглое, многоглазое лицо своего старого друга археолога Громозеки с планеты Чумароз. Громозека открыл громадную, полную акульих зубов пасть, приложил передние щупальца к покрытой панцирем груди, в которой бились три его добрых вспыльчивых сердца, и сказал:

– Селезнев, друг мой, собирайся, ты летишь на Бродягу.

– Здравствуй, Громозека, – улыбнулся Селезнев. – Я не знаю никакого бродяги. Но без тебя я соскучился и рад буду, если ты заглянешь к нам в гости. Алиса тоже будет рада.

– Ты ничего не понимаешь! – взревел Громозека. – Я говорю с тобой с Плутона. Мой корабль отлетает через двадцать минут. Я спешу. Если

не успею на Бродягу, туда прилетят археологи со всех концов Галактики и сделают великие открытия, которые должен сделать только я.

– Но что за Бродяга? – удивился Селезнев.

– Ты даже газет не смотришь! – рассердился Громозека. – Неужели ты не слышал, что капитан Ким открыл искусственную планету, которая летит в космосе от звезды к звезде и нигде не останавливается?

– Знаешь, я только что из экспедиции, – сказал смущенно Селезнев, – и отстал от жизни.

– Тогда слушай. Ким нашел в открытом космосе бродячую планету. Оказалось, что она не притягивает к себе другие тела, а отталкивает их.

– Этого быть не может, – твердо сказал Селезнев.

– Не перебивай. У меня осталось восемь минут. Ким обнаружил, что эта планета пустая внутри и оболочка ее искусственная. Ты меня слышишь?

– Да.

– Планета оказалась вывернутой наизнанку. То, что у других планет снаружи, у нее оказалось внутри, понимаешь?

– Ничего не понимаю.

– Представь себе большой орех с маленьким ядрышком внутри. Вся трава, горы, холмы, реки, озера находятся на внутренней стороне скорлупы. А маленькое ядрышко – это тамошнее солнце. То есть, с нашей точки зрения, по этой планете можно ходить только вверх ногами.

– С точки зрения физики – глупость, – сказал Селезнев. – Все твои так называемые реки выльются внутрь, а горы тоже упадут на внутреннее солнце.

– Нет! – закричал Громозека. – Секрет в том, что оболочка планеты многослойна. Внешний ее слой – сверхпрочный сплав. Средний слой – вещество, которое ваши физики назвали гравиферрумом. Это металл, притягивающий к себе все предметы. То есть скорлупа нашего ореха как бы магнит, который притягивает к себе все, что находится на его внутренней стороне. И, соответственно, с такой же силой отталкивает все, что находится на внешней стороне скорлупы. Поэтому маленькое искусственное солнце, что висит точно в центре пустой планеты, никуда не может деться – стены полости притягивают его одинаково, как бы держа невидимыми нитями...

– Если это так... – начал Селезнев, но Громозека его перебил.

– Некогда, – сказал он быстро. – Наше время истекло. Слушай внимательно. Никто еще не знает, когда и почему обитатели и строители этой планеты покинули ее. Там нет ни одного разумного существа, но много животных и птиц. Нам, археологам, надо раскопать ее города и узнать, что же с ней случилось. Так что я уже заказал тебе два билета на лайнер, который отлетает послезавтра с Луны к Альфе Водолея. Когда вы будете пролетать поблизости от Бродяги, я вышлю навстречу свой корабль и вы пересядете на него. Ясно?

– Но как я доберусь обратно? Ведь у меня масса дел... – попробовал возразить Громозеке профессор Селезнев.

– С каждым днем это сделать все легче. Планета Бродяга летит к Солнечной системе и через несколько недель пройдет совсем близко от Земли.

– Хорошо, – почти сдался Селезнев. – Неделю я смогу уделить...

– Две недели!

– Две недели? А почему ты заказал два билета?

– Очень просто, – раздался голос от двери кабинета. Там стояла Алиса. – Громозека знал, что я полечу с тобой. У меня же зимние каникулы!

– Правильно, – сказал Громозека. И экран погас.

– Ни в коем случае, – сказал профессор Селезнев.

– Почему? – удивилась Алиса. – Разве я тебя когда-нибудь подводила? Разве мы с тобой, отец, мало путешествовали вместе?

– А что скажет мама?

– Мама скажет так: если вы обещаете...

В этот момент в кабинет вошла мама и сказала:

– Если вы обещаете мне не лезть под дождь, не купаться в глубоких местах, не открывать форточки в открытом космосе, есть суп каждый день, не ссориться, мыть руки перед едой, не дразнить драконов, ложиться спать вовремя, то я согласна отдохнуть от вас недели полторы.

– Видишь, отец, – сказала Алиса, – насколько мама мудрее тебя.

– Если бы она была мудрой, – возразил отец, – она бы никогда не вышла за меня замуж.

– И никогда бы не выбрала тебя в дочки, – согласилась мама.

Селезнев вздохнул, отложил в сторону начатую статью и позвонил в информаторий, чтобы ему срочно сообщили все данные о недавно открытой планете Бродяга.

– Планета оказалась вывернутой наизнанку. То, что у других планет снаружи, у нее оказалось внутри.

Глава третья
СПЛОШНОЕ НЕВЕЗЕНИЕ

После того как Громозеку вытащили из ямы, он долго не мог прийти в себя. Громозека не боялся почти ничего на свете. Кроме пауков и длинных батонов. С батонами все было ясно – когда Громозека был маленьким, бабушка заставляла его ничего не оставлять на тарелке. А если он не доедал пищу, то она била его по голове длинным батоном. Это было не очень больно, но обида осталась в гордых сердцах Громозеки на долгие годы. Пауков же Громозека боялся с тех пор, как говорящий паучок на планете Персипона, где Громозека учился в аспирантуре, предсказал ему, что он получит двойку на экзамене по хронологии. Громозека получил двойку, лишился стипендии и целый семестр жил впроголодь. С тех пор он пауков боялся, потому что подозревал, что все они умеют предсказывать неприятности. Когда же он сегодня попал в лапы паука-гиганта, то не испугался, что паук его может сожрать. Он боялся одного: что паук предскажет еще какую-нибудь неприятность. Но паук погиб молча, и Громозеку это не успокоило. Он все время оглядывался, не появился ли рядом другой паук.

– Невезение – невезение – сплошное невезение, – твердил мрачно Громозека, шагая вдоль раскопа, в котором трудились роботы, а археологи за ними присматривали.

Говоря «невезение», Громозека имел в виду не только пауков и деревья с желтыми цветами. Тайна планеты Бродяга, оставленной жителями, все еще не была разгадана. Казалось бы, Громозека с его опытом должен был в первый же день ответить на простой вопрос: кто и зачем создал планету, кто здесь жил и куда делся.

Нельзя сказать, что археологи ничего не нашли. Остатки городов и поселений встречались во многих местах. Но это были какие-то ненастоящие поселения. В земле, покрывавшей изнутри планету пятиметровым слоем, обнаруживались каменные плиты, куски дерева, обломки железных орудий, глиняные черепки. Но ни одной книги, ни одного произведения искусства, даже ни одной игрушки.

Профессору Селезневу и Алисе повезло больше, чем археологам. Животный мир планеты был удивительным, ни на что не похожим. Здешние четвероногие, шестиногие, многоногие обитатели были объединены одним общим качеством – злостью.

Он все время оглядывался, не появился ли рядом другой паук.

Во всей Вселенной действуют одинаковые биологические законы. Каждое живое существо старается выжить, прокормить своих детей. И если для этого лисице приходится охотиться на зайцев, а прокурулям глотать весчиков, удивляться не приходится.

Зато волк никогда не нападет на слона или шестиметрового крокодила, потому что это самоубийство, а воробей не станет охотиться на носорога, потому что это ему ни к чему.

Здесь же все было иначе. Все на всех нападали. Нужно, не нужно, все равно нападали. От этого местные животные таились друг от друга, нападали исподтишка, неожиданно и злобно. К тому же все они, даже самые травоядные из травоядных, были вооружены страшными челюстями, шипами, ядовитыми железами, иглами, чуть ли не ракетами.

– В этом нет логики, – говорил профессор Селезнев Алисе, сидя на берегу речки, что текла рядом с холмом, где шли раскопки. – Для меня такое поведение животных – нарушение законов природы. Загадка не менее странная, чем все другие загадки Бродяги.

– Я с тобой согласна, – сказала Алиса.

Всегда ходить в скафандре, хотя вокруг самый нормальный воздух, обидно и глупо. Но что поделаешь. Вот над головой вьется комарик. А еще неизвестно, что это за комарик.

И только Алиса так успела подумать, как комарик выпустил жало длиной сантиметра два и спикировал на Алису. Жало согнулось, ударившись о шлем, но Алиса, хоть и была готова к нападению, вздрогнула.

– Дурак, – сказала она комару.

Комар еще раз бросился на Алису, но промахнулся и упал на землю.

Речка была мелкой, прозрачной и неширокой. Видны были камешки на ее дне, а в самой глубине просвечивала тусклым блеском металлическая основа планеты. Алисе хотелось искупаться, но об этом и мечтать не приходилось, потому что даже мальки в реке готовы были тут же вцепиться в любого купальщика. Алиса стояла на берегу, смотрела, как играют в воде мальки, и думала: «Вот странно, я вижу металлическое дно реки. И если бы у меня была самая сильная в мире нога, я могла бы топнуть, пробить дно и оказалась бы в черном бесконечном космосе, а вода из реки фонтаном вылетела бы наружу и круглыми каплями разлетелась бы в пространстве».

Селезнев снимал на пленку рыб, брал образцы воды, чтобы потом определить микробов, живущих в ней. Алиса его охраняла. Ведь неизвестно,

в какой момент и откуда вылезет какая-нибудь тварь, чтобы попытаться отца сожрать. Это не значит, что отцу угрожает настоящая опасность, но в любом случае очень неприятно, если в разгар работы на тебя наваливается какой-нибудь ядовитый медведь. Так что Алисе приходилось вместо того, чтобы гулять по окрестностям, настороженно вглядываться в окружающие кусты, держа наготове бластер.

Впрочем, это тоже интересно: мало кому из друзей Алисы доводилось стоять, сжимая в руке усыпляющий бластер, на далекой опасной планете под искусственным солнцем.

Да не просто стоять, а пускать бластер в ход... Вот что-то блестящее мелькнуло в рыжей траве – серебристая змея стрелой метнулась к отцу. Рука Алисы опустилась, и в тот момент, когда змея приподняла голову, готовясь к прыжку, Алиса нажала на спуск – мелькнула вспышка, змея свернулась кольцом, выпрямилась и заснула.

– Ты чего стреляешь? – спросил отец, не поднимая головы.

– Добыла тебе редкий образец, – ответила Алиса.

Она поглядела на обрыв: в этом месте речка вгрызлась в склон холма, на вершине которого работали археологи. Кое-где, прицепившись корнями к откосу, там росли колючие кусты. В одном месте в тени кустов было какое-то темное пятно. Но Алиса не успела приглядеться к нему, потому что на обрыве показалась громоздкая фигура Громозеки. Он махал щупальцами.

– Нашли! – гремел над речкой и над долиной голос Громозеки. – Эврика!

– Чего нашли? – спросил профессор Селезнев.

– Не скажу, – ответил Громозека. – Это сюрприз.

Его многоногая, многорукая, многоглазая фигура исчезла.

«Удивительное дело, – подумала Алиса, глядя, как отец собирает приборы. – Сколько сотен лет люди кричат «эврика!», даже не задумываясь, что это древнегреческое слово. Кажется, его впервые крикнул ученый Архимед. Когда залез в ванну и увидел, что вода вылилась наружу. Странные люди – великие ученые. Один лезет в ванну, другой идет в сад глядеть, как падают с яблони яблоки».

– Интересно, – сказала Алиса. – А что было потом?

– Когда? – не сразу понял отец.

– Ну, залез Архимед в ванну, понял, что его тело теряет в своем весе столько, сколько весит вытесненная им вода. А потом?

– Потом? – отец задумался. – Я думаю, что потом Архимед забыл одеться и побежал в голом виде по улицам, крича «эврика!».

– Правильно, – сказала Алиса. – И первый же полицейский его арестовал за хулиганство. Я думаю, что даже в те древние времена ученые обычно не бегали голыми по улицам. Почему-то в истории остаются только первые моменты. А ведь за первыми моментами всегда идут вторые. Может, Архимеда даже арестовали...

– Правильно, – сказал отец. – Но в полицейском участке была ванна. Архимед залез в нее и доказал полицейским, что он был прав.

– Полицейские разделись и по очереди залезали в ванну.

– Пока не расплескали всю воду.

– И последний полицейский сказал, что Архимед не прав, потому что его телу нечего вытеснять...

– А вот подумай о Ньютоне, – сказал отец. – После того, как яблоко упало ему на голову...

Но продолжить рассуждения о судьбе великих ученых Селезневы не смогли, потому что в этот момент они как раз переходили вброд речку, а из песка на дне вылезли чьи-то железные челюсти, схватили Алису за ногу и не пускали, пока профессор Селезнев не вытащил Алису на берег вместе с вцепившейся в ногу мертвой хваткой совершенно непонятной тварью, состоявшей только из челюстей.

Пока отец отцеплял тварь от ботинка Алисы, она поглядела наверх, где недавно видела темное пятно. Пятно оказалось дырой в холме, может быть, даже входом в пещеру. Алиса хотела было сказать отцу, что надо будет проверить эту пещеру, в ней наверняка таится какой-нибудь хищник, но тут на обрыве снова возник Громозека, обиженный, оскорбленный, униженный поведением своих ближайших друзей, которые не желают спешить, чтобы увидеть собственными глазами, какое великолепное открытие он совершил.

Глава четвертая
ГИПОТЕЗА АЛИСЫ

Открытие и в самом деле было важным.

Когда роботы убрали спекшийся завал посреди сгоревшей крепости, они нашли под ним останки существ, когда-то погибших в той крепости.

Пол зала был усеян костями и оружием воинов.

Существа, населявшие Бродягу, оказались похожими на людей, только поменьше ростом, поуже в плечах, с длинными, сплющенными с боков черепами. Они были вооружены короткими мечами, боевыми топорами и трубками, которые, по мнению Громозеки, стреляли отравленными стрелами.

Роботы оживленно гудели, фотографируя и очищая находки.

– Я сделал вывод, – сказал Громозека. – Эта крепость погибла во время войны. И люди сюда уже никогда не вернулись. Эта война случилась чуть более пяти тысяч лет назад.

Алиса уже не первый раз была на археологических раскопках и знала, что любой древний город состоит из слоев. Самый нижний слой – самый старый. Потом проходят годы, люди подсыпают дороги, строят новые

дома на месте разрушившихся, теряют вещи и сметают во двор пыль. Город как бы все время растет ввысь. Следующий «культурный слой» относится к более позднему времени. И если город живет долго, то таких слоев бывает много. Иногда на месте покинутого города остается высокий холм, созданный не природой, а человеком, набитый, как пустой суп горохом, остатками человеческого быта.

Но крепость на холме была не такой. В ней был только один слой, к тому же довольно тонкий. Под ним – скала. Значит, люди в городе жили недолго.

А может быть, эти люди жили не здесь? А в крепости они только прятались от врагов?

Где же они тогда жили?

И тут же Алиса вспомнила о черной дыре в склоне холма, которую она видела от речки.

– Громозека, – сказала Алиса. – А что, если эти люди сюда только приходили? А жили в другом месте?

– Шутка? – спросил Громозека.

– Нет, гипотеза, – сказала Алиса.

– Но поблизости нет других поселений, – сказал Громозека.

– А если внизу? Внутри холма?

– Чепуха! – отрезал Громозека. – Ты же видишь!

Он постучал ногой по скале, которую очищали археологи.

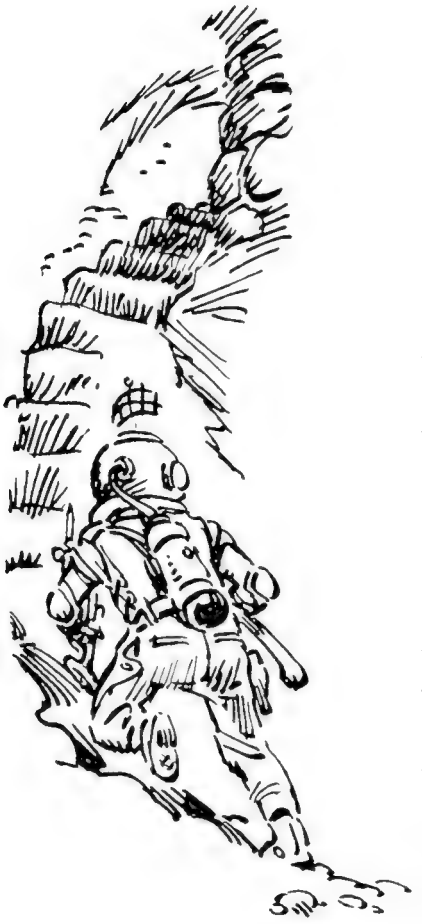
– Ну, если чепуха... – Алиса не стала спорить.

Она решила, что обязательно заглянет в пещеру у реки. Сначала заглянет, а потом уж расскажет. Если будет о чем рассказывать. Бластер у нее есть, скафандр на ней крепкий. К тому же всегда интересно сделать то, что не догадались сделать взрослые.

Глава пятая
ПОДЗЕМНЫЙ ГОРОД

Все были увлечены находками, и Алиса рассудила, что в ее распоряжении, по крайней мере, часа два до обеда. Она сунула за пояс бластер, проверила, лежат ли в кармане скафандра очки ночного видения, и отправилась в недалекий, но рискованный поход.

Перейдя реку, Алиса остановилась, глядя вверх, на вход в пещеру. До него было метров десять, и обрыв был крутым, почти отвесным. На пол-



пути к пещере начинались колючие кусты. Значит, метров пять придется подниматься, цепляясь за небольшие выступы и прижимаясь к камням.

Алиса оглянулась. Вроде бы никакой опасности.

Она глазами отыскала несколько выступов в стене и поставила ногу на первый. Первые метра три она поднималась уверенно, но тут везение прекратилось. Ни одного выступа, ни одной трещины. Только остролистый кустик в метре над головой.

Алиса попыталась выцарапать углубление в твердой скале, но перчатки были слишком мягкими для этого, а ничего более твердого она взять с собой не догадалась. «Наверное, придется спускаться и искать другой путь», – подумала она, хоть спускаться было жаль – до кустиков осталось совсем немного.

Тогда она вспомнила о бластере.

Осторожно, чтобы не потерять равновесия, Алиса достала бластер из-за пояса. Конечно, луч его рассчитан только на то, чтобы усыпить жертву. И все же...

Прижавшись к скале, Алиса отвела в сторону руку с бластером и нажала на курок. Ослепительный луч коснулся скалы, подняв облачко пыли. Нет, ничего не выходит. Алиса перевела силу бластера на максимум. И тут почувствовала опасность.

Она ничего не видела, не слышала – просто поняла, что внизу – враг.

Одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться – она не ошиблась: у подножия обрыва стояло чудовище, похожее на крокодила, только на высоких лапах, и раздумывало, как ему сожрать Алису. Если бы чудовище сообразило встать на задние лапы, оно могло бы без труда уцепиться Алисе за ногу и стащить ее вниз. Алиса же ничем помешать чудовищу не могла, потому что с трудом балансировала на носках, распластавшись по стене.

Заметив, как Алиса старается оторвать руку с бластером от скалы, чудовище сжалось на мгновение и, распрямившись пружиной, прыгнуло!

Этот прыжок и разрешил все Алисины трудности.

От испуга она взлетела вверх и вцепилась в кусты, росшие под входом в пещеру. Откуда взялись на это силы, она сама не поняла.

Чудовище, оскорбленно рыча, сползло на брюхе к подножию обрыва, а Алиса подтянулась, держась за кусты. Через несколько секунд она уже была в пещере.

С минуту Алиса неподвижно лежала у входа в пещеру, прислушиваясь, есть ли там кто-нибудь.

Но вокруг было совершенно тихо.

Алиса поднялась, весело помахала на прощание рукой чудовищу, которое обиженно взревело, потом опустила на глаза ночные очки и шагнула в темноту пещеры.

Пещера была пуста. Алису это расстроило. Она надеялась, что как только попадет сюда, увидит сундуки с драгоценностями или книгами пропавшей цивилизации.

В разные стороны от входа отходили коридоры и вырубленные в камне лестницы. Алиса поднялась по одной из них, заглянула в комнату справа от коридора, потом в другую. Комнаты были пусты. Алиса остановилась и подумала: что-то неладно.

Ну конечно же! Ведь там были ступеньки! Вся эта пещера внутри сделана разумными существами! Конечно, природа может случайно сделать прямой коридор и даже квадратный зал. Но вот лестниц природа делать так и не научилась!

Коридоров и комнат было немыслимое множество, хотя, возможно, Алисе это показалось, потому что она не привыкла ходить по пещерам.

Куда идти?

Алиса рассудила так: если сверху над ее головой была крепость и там когда-то произошло сражение, то наверняка из подземного города в крепость раньше был ход... Вот если бы его отыскать и открыть люк в тот момент, когда Громозека скажет: «Раскопки окончены! Больше ничего найти не удалось!» Тогда из-под земли выглянет Алиса и скажет: «Вы ошибаетесь! Раскопки только начинаются!» Подумав так, Алиса выбрала коридор, ведущий кверху.

И ей повезло. Уже через несколько шагов она попала на перекресток коридоров. Там, забытый кем-то, лежал бронзовый топорик, украшенный

Алиса же ничем помешать чудовищу не могла, потому что с трудом балансировала на носках, распластавшись по стене.

светящимися драгоценными камнями и красивой насечкой в виде цветов и зверей. Алиса подняла топорик. Он был тяжелым, но очень удобно пришелся по руке. Будто был сделан специально для Алисы. Алиса даже пожалела, что нет зеркала, – интересно поглядеть, как она выглядит с боевым топориком в руке. А вдруг это не боевой топорик, а знак княжеской власти? Как жаль, что придется через неделю возвращаться домой, – ведь открытия только начинаются.

И тут она увидела закрытую дверь. Это была первая дверь в подземелье. Дверь была железной, с узорной чеканкой, а узоры точно такие же, как на топорике. Но никакой ручки. Только небольшое круглое отверстие посередине двери.

Алиса ее толкнула, но та не поддалась.

Ну ладно, этим займутся археологи. Надо же им оставить какую-нибудь работу.

С этой довольно самоуверенной мыслью Алиса отошла от двери и поняла, что заблудилась. Она постаралась вспомнить, по какому коридору пришла сюда, но коридоров было несколько. Сначала она не испугалась. Ну чего бояться в пустом подземелье? Но она шла и шла, коридоры изгибались, вливались друг в друга, и ей показалось, что она давным-давно кружит по этому темному лабиринту.

Лишь эхо собственных шагов отдавалось так, словно кто-то шагает следом. Дыхание начало учащаться. Алиса заставляла себя не спешить, но ноги рвались вперед. За очередным поворотом она не выдержала и побежала.

Она мчалась черными коридорами, скатывалась по желобам, лезла по лестницам, пробегала комнаты и залы. Но все были пустыми. Она успела заметить, что кое-где лежали груды оружия и металлических доспехов, в других – каменные изваяния, дальше – гора битых глиняных горшков.

Время перестало существовать – Алиса не могла бы сказать, давно ли она бежит.

Вот еще одна лестница вверх. Алиса бросилась по ней.

Она оказалась в большом зале с низко нависшим каменным потолком. Никакого выхода.

Алиса по инерции добежала до противоположной стены, споткнувшись о скелет в латах, лежавший на полу. Скелет от прикосновения превратился в пыль.

И тут Алиса поняла, что смертельно устала и никуда бежать не в силах. Она села на пол у стены.

И тут сверху кто-то постучал. Это было невероятно. Может, там живет чудовище, которое почуяло Алису и решило ее съесть?

Алиса затаила дыхание.

Раздался еще один удар. Затем страшный, леденящий сердце скрип.

И тут же в потолке образовался ослепительно светлый прямоугольник.

В нем возникла громадная уродливая тень.

Алиса поняла, что погибла. Но без сопротивления, без боя она не сдастся.

Она тщательно прицелилась из бластера и выстрелила.

Раздался короткий рев, и огромная туша тяжело свалилась в подземелье.

Алиса сделала шаг к поверженному чудовищу. Чудовище было в скафандре и шлеме. Оно спало. И Алиса поняла, что подстрелила Громозеку.

Алиса еще пыталась сообразить, как же она с перепугу приняла своего друга за чудовище, как сверху в проем спрыгнул ее отец. Профессор Селезнев сразу понял, в чем дело.

Сначала он пощупал пульс у Громозеки.

– Спит, – сказал Селезнев.

Затем вынул из походной аптечки шприц и сделал археологу укол.

– Сейчас проснется, – сказал он и только потом обернулся к Алисе. – Как ты сюда попала? – закричал он, который всегда начинает кричать, если пугается за Алису.

– Я открыла подземный город, – скромно сказала Алиса. – И попрошу это как-нибудь отметить в книжке, которую вы о нем напишете.

– Но как... но зачем? Кто тебя просил, в конце концов! – Отец был возмущен, но Алиса на него не обиделась. У отца трудная роль – быть родителем такого беспокойного ребенка, как Алиса.

– Я выполняла свой долг перед наукой, – сказала Алиса. – У меня была гипотеза, и мне надо было ее проверить. Кто бы мне поверил без доказательств?

– И так всегда, – сказал Громозека, просыпаясь. – Идеи-то есть, но исполнение никуда не годится.

Он с трудом сел.

– А что мне было делать?

– Уговаривать меня, убеждать! Не стрелять же!

– А вы бы надо мной смеялись. Вот я и нашла самый лучший способ убеждения. Разве нет?

Глава шестая
ТАЙНА ПОДЗЕМНОГО ГОРОДА

С этого момента жизнь экспедиции изменилась. Правда, отец не удержался и сказал:

– Если бы ты не полезла в пещеру, ее бы отыскали и без тебя. На полчаса позже. А ты могла и шею сломать.

– Но ведь не сломала, – ответила Алиса.

Подземный город наградил археологов множеством удивительных находок. Теперь можно было понять, как жили когда-то обитатели крепости и подземного города.

– Всего мы раскопали восемь поселений и одну крепость, – сказал Громозека, собрав экспедицию. – В поселениях мы не нашли почти ничего, кроме обломков горшков и кастрюль, ржавого оружия и следов пожара. И тогда мы поняли, что все эти поселения и крепость погибли в долгой и тяжелой войне, в которой жители планеты перебили друг друга. Сначала они воевали, стреляя из пушек и ружей, потом, когда кончился порох и железо, люди бились дубинками и стреляли из луков, резали друг друга ножами и кидали камни.

Громозека опечалился, его щупальца печально повисли.

– А звери не смогли перебить друг друга, – сказала Алиса. – Они по лесам разбежались. Но им тоже хочется убивать. И если так будет продолжаться, скоро никого на Бродяге не останется.

– А в подземном городе? – спросил профессор Селезнев.

– Все, что лежит в тайниках и на подземных складах – это оружие, запасы на случай осады, боеприпасы, – все для войны.

Алиса оглянулась. Общая комната купола, под которым жили археологи, была буквально завалена всевозможным оружием, которое они притащили из подземелья. Но ведь это неправильно! Не может же быть, чтобы люди стали людьми, разумными существами, если они, кроме войны, ничего другого не знали и не умели.

Профессор Селезнев с утра усаживался за электронный микроскоп. Теперь ему было важнее понять, что же вызывает у всех зверей, птиц и насекомых Бродяги неукротимую злобу. Работал он так часа два, потом шел к клеткам, в которых содержались отловленные на планете звери. Он кормил их, наблюдал за ними. Потом возвращался к микроскопу и снова искал, в чем же секрет необычайной злобы. Но не находил ответа.

И Алиса поняла, что подстрелила Громозеку.

А за это время археологи разобрали завал в глубине подземного города и нашли там архив и библиотеку планеты.

Несколько дней Громозека не вылезал из своего кабинетика за тонкой перегородкой. Там беспрестанно жужжала переводческая машина. Она расшифровывала язык жителей Бродяги. Остальные же археологи просматривали пленки, найденные там. Это их специальность – восстанавливать по клочкам прошлое. Кувшин – по черепку, статую – по обломку, рукопись – по обрывку. И они выяснили, что же произошло на планете Бродяга.

А произошло вот что.

Когда-то, примерно тридцать тысяч лет назад, вокруг одной звезды вращалась планета. Она была похожа на Землю, и жители ее уже освоили космические полеты. Однажды они узнали, что их звезде грозит опасность. Через несколько столетий звезда, их солнце, должна взорваться.

К сожалению, хоть жители той планеты многое умели и многого достигли, улететь к другой звезде они не могли, потому что их система находилась на краю Галактики и до ближайшей звезды было много световых лет.

Тогда, чтобы спастись, они за триста лет отчаянного труда, в котором участвовали все без исключения жители планеты, создали на орбите вокруг своего мира планету искусственную. Ту самую, которую мы знаем под именем Бродяга.

Так как они соорудили внутри нее искусственное солнце и расположили все растения, воду и горы на ее внутренней оболочке, гибель звезды им была не страшна. Можно было отправляться в путешествие в поисках новой звезды. Все население обреченной планеты перебралось на Бродягу, и могучим взрывом искусственной планете был дан такой мощный толчок, что она помчалась к центру Галактики. Планета превратилась в космический корабль.

Через несколько лет после начала путешествия обитатели планеты увидели, как взорвалось их солнце, испепелив оставленную ими родину. Горько было сознавать, что погибли все их города и памятники, сгорели леса и испарились озера, – планета стала комком раскаленного газа.

Но главное – люди были спасены.

Путешествие продолжалось многие столетия. Рождались и умирали новые поколения, старая родина стала лишь далеким воспоминанием, а искусственная планета все летела и летела в поисках нового солнца.

Примерно через три тысячи лет после начала этого путешествия Бродяга приблизилась к звездной системе, у которой были свои планеты. Жители Бродяги отправили на разведку космический корабль. Он сообщил, что на одной из собственных планет этой системы есть разумные существа. Так они нашли сразу и новое солнце, и братьев по разуму.

К сожалению, этот разум оказался не таким братским, как они надеялись. Той планетой правили жестокие цари, которые вечно враждовали между собой. Когда в одно из царств спустились послы с Бродяги и рассказали, что за гость приближается к их системе, местный царь понял, что ему страшно повезло.

Он захватил корабль с послами, перебил часть экипажа, остальных заставил вести корабль к Бродяге, нагрузив собственными солдатами.

Жители Бродяги были воспитаны на убеждении, что в космосе их ждут братья. Сами они давно забыли войны и не верили, что люди могут убивать друг друга.

Поэтому, когда корабль, набитый солдатами царя Безна (его имя сохранилось в летописях. Он назывался Безном Великим и Безном-завоевателем) подлетел к Бродяге, там его ждали с цветами, надеясь, что послы принесли с собой благую весть. Поэтому, когда люки корабля раскрылись и из него начали выскакивать солдаты с огнеметами, жители Бродяги попросту не успели оказать им сопротивления. Через несколько дней вся искусственная планета, населенная мудрым и мирным народом, попала в рабство к разбойникам. Нет, не думайте, что жители Бродяги не сопротивлялись. Многие из них погибли, сражаясь за свободу. Но ведь в битвах за свободу обычно погибают самые смелые, самые умные...

Завоевав Бродягу и обратив ее жителей в рабство, царь Безн-завоеватель приказал перевести ее на орбиту вокруг собственного солнца, приготовившись покорить всех своих врагов.

Но ничего из этого не вышло. В войне, которую он вел на Бродяге, погибли почти все ученые и инженеры искусственной планеты. Именно их в первую очередь и убивали солдаты Безна, потому что деспоты не выносят ученых, инженеров и учителей – они понимают, что если верх возьмут ученые, то трудно будет удержать в руках рабов. Рабы должны быть невежественными и желательно неграмотными.

Слишком поздно Безн понял, что планам его не суждено сбыться. Пока он принимал меры и искал виноватых, его родное солнце осталось далеко позади. Так что Безн-завоеватель получил целую планету, но рас-

правиться с собственными врагами так и не сумел. Вскоре на его родной планете все забыли о царе Безне, а Бродяга полетела дальше, совершая громадный круг по Галактике.

Заполучив планету, Безн и его вельможи не успокоились. Им хотелось перебраться на другую, более надежную и крупную планету. Они жили в ужасе от того, что в любой момент может погаснуть искусственное солнце или прохудиться тонкая оболочка Бродяги.

И вот через много тысяч лет Бродяга приблизилась к нашей Солнечной системе.

К Земле был послан последний из военных кораблей Безна, который еще мог летать в космосе. Он опустился на Землю, чтобы выяснить, можно ли завоевать нашу планету.

Корабль не мог долго задерживаться на Земле. Ведь Бродяга неслась своим курсом, и остановить ее никто не мог. Потомки солдат Безна на Земле пробыли недолго. Времени, чтобы переселиться на Землю, у них не было, да и обитатели нашей планеты им не понравились. Но они знали, что через двадцать шесть тысяч лет они снова будут пролетать неподалеку от Земли. И чтобы к их следующему прилету Земля была подготовлена, они оставили на ней какой-то лиловый шар, который должен взорваться как раз перед подлетом Бродяги.

– Так что это за лиловый шар? – спросила Алиса. – Мы должны обязательно догадаться.

– Алиса права, – сказал профессор Селезнев. – Если верить документам, Земле грозит какая-то опасность. И на планете не осталось никого, кто мог бы рассказать нам, какая.

– И где спрятан этот шар, – добавила Алиса.

– Еще и друг друга перебили, – сказал Громозека. – Тоже непонятно. Жили бы, развивались...

– Но как развиваться! – возразил Селезнев. – Ведь на Бродяге нет гор и нет настоящей земли. Из чего ты прикажешь добывать руду или нефть? Где доставать камень, чтобы строить города? Жить-то на Бродяге можно, а вот развиваться нельзя. И как только людей становится больше, их трудно прокормить. Это же хоть и очень большой, но все-таки только корабль.

– А может, они просто хвастались? – спросила Алиса. – Прилетели к нам, захотели покорить, но наши рыцари их выгнали. Им стыдно стало, они вернулись домой и говорят: мы просто не хотели. У нас в классе есть

такой парень Пашка. Если у него задача не решилась, он всегда говорит, что ему не хотелось решать.

– Может, они и хвастались, – сказал Селезнев не очень уверенно. – А может, у них был какой-нибудь план.

– Кому нужен план через двадцать шесть тысяч лет? – спросила Алиса. – Мне, например, трудно планировать на два дня вперед.

– Громозека, – попросил Селезнев, – прочти слово в слово то место, где написано про шар.

Громозека достал желтый листок и прочел:

«И оставлен в тайном месте лиловый шар. И когда в следующий раз наш мир придет в близость с той планетой, шар сделает свое дело. И планета будет готова сдаться без боя нашим победоносным воинам. И нам достанутся все их земли и горы, и будем мы хозяевами всего, и не будет у нас врагов».

Профессор Селезнев внимательно выслушал перевод.

– Знаешь, Громозека, это мне не нравится, – сказал он.

– Пустяки, – рассмеялся Громозека. – Давно уже нет никого из этих завоевателей, а Земля живет и процветает.

– И все же, – не сдавался Селезнев. – А что же это такое – лиловый шар?

– В свое время узнаем, – сказал Громозека.

– А когда будет свое время? – спросила Алиса.

– Скоро, моя девочка.

– Ты, Громозека, не обижайся, – сказала Алиса. – Но твоя планета далеко, и на ней разбойники никогда не оставляли лиловых шаров.

– Может, и оставляли, – сказал Громозека. – Но и этот шар давным-давно сгнил. Заржавел и рассыпался. Он, наверное, был каким-нибудь заколдованным пугалом, которое придумали их жрецы.

– А когда Бродяга приблизится к Земле? – спросил Селезнев.

– Дней через двести.

Селезнев поднялся. Он стоял задумавшись и немного был похож на журавля.

– Я встревожен, – сказал он.

– Но что могли эти дикие разбойники?

– У них оставались рабы с Бродяги. Остатки ученых и инженеров. А это были образованные люди. А очень образованные люди, если у них нет смелости и если они очень боятся за свою жизнь, могут изготовлять

для сильных господ всякие штуки, которые те используют во вред окружающим. Так что я очень прошу тебя, Громозека, перерой их архив и постарайся узнать, что такое лиловый шар.

Глава седьмая
ТЮРЬМА НА ОСТРОВЕ

Хоть Громозека и посмеивался над страхами профессора Селезнева, вся экспедиция с этого момента занималась только одним – искала хоть какие-нибудь упоминания о лиловых шарах. Искала их и Алиса.

И вдруг ее посетила такая идея: мы ищем лиловый шар в подземелье, где эти разбойники жили. А если шар был опасным, тогда, может, они его держали в безопасном месте? В каком же?

В километре от холма на речке был небольшой островок, где возвышалась груда каменных плит, похожая на остатки какого-то дома. Громозека все собирался исследовать островок, но руки не доходили. И вот Алиса решила: взгляну-ка я на островок.

Воспользовавшись тем, что все археологи вместе с профессором с утра засели в архиве перебирать пленки и бумажки, она незаметно ушла с холма и спустилась вниз по речке до островка.

Вот и он, отделенный от берега узким рукавом воды.

Мирно и даже красиво. Неподвижен воздух над островком, тишина, даже речка растекалась пошире, чем у холма, и потому беззвучно катила свои неглубокие воды. Алиса вынула бластер. И пошла вброд через реку. Вода мягко обтекала скафандр.

На берегу островка Алиса остановилась, прислушалась. Вроде бы никого на острове нет. Никто на нее не собирается нападать. Она обошла островок вокруг, в длину он всего-то был шагов пятьдесят, а в ширину меньше двадцати. Никого не нашла. Даже странно, на островке не было ни птиц, ни зверей, ни даже насекомых. Какое-то неприятное место. Может быть, вернуться? Пускай Громозека сам осмотрит это место.

Алиса взобралась на груду каменных плит и увидела щель, достаточную, чтобы пролезть внутрь. Внутри темно.

Втиснуться в щель было нелегко. Особенно если не хочешь выпускать из руки оружие. Правда, перед тем как опустить ноги в темноту, Алиса кинула туда камень. Слышно было, как камень ударился о пол – не очень далеко.

Алиса вынула бластер. И пошла вброд через реку.

Тогда Алиса все же решилась. Она опустила ноги в щель и осторожно, медленно опустилась внутрь, цепляясь за края плит.

Ноги не достали до пола. Положение было сложным. Как потом вылезешь? А вдруг до пола еще метр или два? Но и висеть на одной руке, сжимая в другой бластер, тоже бессмысленно. Ладно, будь что будет! Алиса отпустила руку и упала вниз.

Пол больно ударил по ногам, потому что оказался даже ближе, чем Алиса ожидала. Она не удержалась, опустилась на четвереньки, бластер ударился о каменный пол, что-то откатилось в сторону, что-то затрещало, лопаясь... Алиса замерла.

Прошла минута, может, больше. Алиса подняла бластер. Глаза постепенно привыкали к полутьме – сверху из щели падал луч солнечного света. Алиса откатила в сторону глиняный горшок, лежавший на каменном полу.

Она очутилась в низком зале, выбитом в скале. И прямо перед глазами была решетка, которая разделяла это помещение пополам.

Решетка была сделана из толстых железных прутьев, воткнутых в пол и потолок так часто, что между ними не просунешь руку.

Глаза привыкли к полутьме, и Алисе показалось, что за решеткой что-то есть. Она осторожно сделала несколько шагов вперед и поняла, что там белеет. За решеткой лежали на полу скелеты в обрывках истлевшей одежды. Их было много, может, двадцать, может, тридцать. От каждого скелета к каменной стене тянулась толстая железная цепь. И тогда Алиса поняла, что попала в тюрьму. Эти люди были прикованы к стене, а потом, когда война сожрала всех, в том числе и их тюремщиков, они умерли от голода... Алисе захотелось уйти, скорей уйти отсюда.

Алиса подбежала к щели и подпрыгнула, чтобы достать до края плиты. Но ничего из этого не вышло. Что же делать? Ведь никто в экспедиции не догадается, что Алиса на островке. Неужели ей придется умереть здесь от голода и жажды. Светлая щель была совсем недалеко. Если встать прямо под ней, то увидишь маленькое раскаленное солнце, которое равнодушно смотрит на то, что человек оказался в мышеловке.

Алиса оглянулась. Пылинки мельтешили в луче света. Хорошо бы здесь был какой-нибудь камень, стул, чтобы подставить его и взобраться наверх. Но нет ничего – только забытый кем-то наконечник копья...

– Алисочка, – сказала она сама себе. – Только не теряй голову. В конце концов, ты человек и попадала не в такие еще переделки. И выпутывалась.

Что делать? Сначала надо спокойно осмотреться. Вряд ли тюремщики спускались сюда через щель. Наверное, был еще какой-нибудь выход, которого Алиса не заметила.

Рассудив так, Алиса отправилась вдоль стен.

Стены были каменными, холодными, кое-где с них стекали капли воды. Тихо, сумрачно...

Алиса скорее нащупала, чем увидела дверь. Дверь была железной, проржавевшей. «Только бы она не была заперта, – подумала Алиса, – и только бы за ней оказалась другая дверь – наружу».

Алиса попыталась толкнуть дверь, но она не поддалась.

Алиса потянула дверь на себя. Она не поддавалась. Алиса жутко разозлилась и наподдала по двери ногой. Башмак пробил ржавое железо, дверь буквально рассыпалась, а Алиса от неожиданности больно хлопнулась о каменный пол. На нее свалились истлевшие кости, ржавые латы, копья – видно, там за дверью кипел когда-то бой.

Отряхиваясь от тысячелетней пыли, Алиса поднялась на ноги. Первым ее чувством было разочарование.

За дверью было темно.

Алиса отбросила ржавый боевой шлем, отшвырнула ногой медные латы. Из кучи трухи выкатился темный шар, чуть больше теннисного, и покатился к ней. Алиса равнодушно поглядела на него. Ее даже не удивило, что шар был лиловым. Потом из-за двери выкатились еще два лиловых шара. Один из них попал под луч света, падающего сверху.

Она подошла к решетке, за которой лежали скелеты узников, и устало взялась за железный прут. Прут пошатнулся и выпал из гнезда в полу, в руке Алисы оказалось железное копье. Алиса с удивлением поглядела на копье. Оно было тяжелым...

– А что, если?.. – сказала она вслух.

Алиса поднесла прут к щели. В центре зала потолок немного провисал, прут, поставленный на пол, улегся другим концом на край щели. Алиса покачала его. Держится.

Остальное было делом техники. Ведь в двадцать первом веке вряд ли отыщешь девочку, которая не могла бы подняться два метра по шесту или палке.

Через минуту она была наверху.

Ярко светило солнце. Щель в подземелье казалась небольшой и нестрашной. Мирно журчала река. Маленькое облачко закрыло солнце. Высоко над головой пролетела стая птиц. «Неужели я только что думала, что никогда уже оттуда не выберусь?» Алиса представила себе эту ужасную гибель и вздрогнула от такой мысли. Она сделала шаг к воде и замерла. Какая же она дура!

В следующую минуту Алиса уже шлепала по воде, спеша скорее добежать до лагеря. Ведь она нашла шар! Только так перепугалась, что не догадалась взять его с собой. И, подходя к лагерю, она замедлила шаги: как признаться Громозеке, что она – трусиха?

Алиса решила, что придет к лагерю, сделает вид, что ничего не произошло. А потом скажет, что лиловый шар, которого так опасается отец, наверное, спрятан на острове. Все начнут кричать на нее, махать руками, объяснять, что ребенок не разбирается в археологии. Она не станет спорить, гордо поднимет голову, возьмет с собой одного робота и отправится на остров. Там заставит робота достать из тюрьмы шар, и они вернутся обратно... вот это будет триумф!

Рассуждая так, Алиса благополучно добралась до холма и вошла внутрь. Из архива доносились голоса. Громозека и археологи упорно разгребали документы и пленки.

– Как дела? – спросила Алиса, входя в архив. – Что нового?

Громозека строго поглядел на нее и произнес:

– Я недоволен тобой, Алиса. Нам сейчас нужна каждая лишняя пара глаз. А ты где-то гуляешь.

– Я? Гуляю? – Алиса сделала вид, что возмущена. Тут в коридоре послышались быстрые шаги. Она обернулась. В архив вбежал ее отец. Селезнев был взлохмачен и запыхался.

– Вы знаете! – закричал он. – Вы знаете, что я нашел!

– Лиловый шар? – удивился Громозека.

– Нет! – сказал отец. – Я выделил вирус! Вирус злобы. Вирус, который когда-то очень давно попал в кровь всех живых существ на планете

и произвел необратимые изменения в нервных клетках жителей планеты. От людей до комара. Это удивительное и страшное открытие.

– А он заразный? – спросил с опаской Громозека, который очень боялся заболеть.

– Сейчас уже нет. Когда-то он был крайне заразным. Этот вирус попал в кровь людей, которые жили здесь. Ненависть друг к другу привела к войне и погубила их.

– А против вируса есть лекарство? – спросила Алиса.

– Наверное, лекарство можно найти. Против всех вирусов постепенно находят лекарства. Ведь вылечили люди и грипп, и рак, скоро, может быть, вылечат и насморк... Но это потребует многих дней труда, и не мне одному решать эту задачу.

– А ты уверен, что мы не занесем этот вирус на Землю? – спросил Громозека.

– Уверен. Он сейчас для нас уже безвреден.

– Только ты поосторожнее, Селезнев. Один ученый привил себе чуму, чтобы проверить лечение. И умер. Я сам читал. Главное, еще одна тайна планеты разгадана. Осталось узнать, что же было в лиловом шаре. Если, конечно, он не сказка.

И тогда Алиса поняла, что больше тянуть нельзя.

– Он не сказка, – произнесла она. – Я его нашла.

Глава восьмая
ВИРУС НЕНАВИСТИ

Все собрались в лаборатории под куполом. За толстым стеклом на металлическом столике лежал лиловый шар.

– Эти два события совпали, – заговорил профессор Селезнев. И Алиса перестала думать, чтобы не пропустить ни слова. – То, что я обнаружил следы ужасного вируса, и то, что Алиса отыскала лабораторию, где сидевшие за решеткой рабы-ученые создали страшное биологическое оружие. Вирус вражды. Вот он, мирно дремлет в лиловом шаре и ждет момента, чтобы вырваться на свободу. Поглядите, что этот вирус делает с животными.

Отец нажал кнопку, и в отсеке за стеклом открылась задвижка, выпустив на стол двух мирных морских свинок, которых привезли с Земли для опытов.

– Селезнев, – спросил Громозека, – а как ты догадался, что в лиловом шаре именно этот вирус?

– А какая еще смертельная угроза целой планете может поместиться в таком шарике?

Морские свинки встретились, одна из них стала облизывать свою подругу. Отец Алисы манипулировал захватами.

Над столиком повисли металлические руки, одна из них тяжело опустилась на лиловый шар и разбила его.

Свинки этого не заметили. Минуту, может, больше они продолжали нежиться. Вдруг одна из них оскалила длинные зубы и укусила другую. Та отпрыгнула в сторону, удивленная неожиданным нападением, но тут вирус вражды проник и ей в кровь. Она остервенело бросилась на подругу и начала ее терзать. Толстенькие свинки сплелись в один яростный клубок, шерсть летела клочьями во все стороны. Полилась кровь.

– Папа, останови! – закричала Алиса. – Выключи!

– К сожалению, противоядия этому вирусу еще нет. Они будут драться, пока одна из них не погибнет.

Алиса отвернулась. Хорошо еще, что сквозь стекло не проникал звук. Она услышала голос Громозеки:

– Значит, такой же лиловый шар они спрятали на Земле?

– Да. Я уверен в том, что двадцать шесть тысяч лет назад, когда у них не было времени оставаться на Земле долго, они рассудили, что лиловый шар станет бомбой замедленного действия. Когда их планета снова приблизится к Земле, они высадятся на ней. К тому времени откроется лиловый шар, и на Земле начнется страшная война – все против всех. Люди перебьют друг друга, разбойникам с Бродяги достанется пустая планета. На ней сохранится все – заводы, дома, рудники, школы, детские сады, поля. Не будет только людей. Некому будет ее защищать.

– Но что же случилось? – спросил Громозека. – Что случилось с ними самими?

Алиса заставила себя взглянуть на стеклянную перегородку. Одна из морских свинок безжизненно лежала на боку. Вторая стояла, оскалившись, над ее телом. Она была изранена так, что вот-вот упадет...

– Поднявший меч от меча и погибнет, – сказал отец. – Слышал о такой поговорке?

– У нас на Чумарозе есть схожая, – ответил Громозека. – Ты хочешь сказать, что один из их шаров разбился?

Все собрались в лаборатории под куполом. За толстым стеклом на металлическом столике лежал лиловый шар.

– Не думаю, что это случилось нечаянно. Со временем вы, археологи, сможете это точно установить. Эти разбойники, поработив жителей планеты, стали бороться за власть на Бродяге уже между собой. Я думаю, что кто-то нарочно разбил шар. Потом началась страшная война, в которой не было победителей. Она продолжалась до того дня, пока на планете оставался последний ее житель.

– И они не смогли придумать противоядия, – сказал один из археологов.

– Они не успели его придумать. Они убивали друг друга.

– Тогда садись и работай, – сказал Громозека. – Ты должен срочно его придумать.

– К сожалению, я не могу этого сделать, – сказал Селезнев. – Для того чтобы решить эту задачу, нужна настоящая лаборатория, может быть, несколько лабораторий.

– Ты что говоришь! – возмутился Громозека. – Ты что, забыл, что на Земле лежит смертельная для всей планеты бомба замедленного действия?

«Какая я дура, – подумала Алиса. – Я даже пихала эти шары ногами. Чудом не разбила. И тогда бы... страшно подумать! Я бы старалась сейчас убить моего дорогого Громозеку, а он бы уже убил моего папу! Нет, это невозможно представить!» Но, к сожалению, представить это было можно. Вторая свинка свалилась рядом с первой.

– Давай надеяться, что механизм лилового шара не сработает. Ведь прошло столько лет, – сказал отец. Но в голосе его не было никакой убежденности. И глаза были печальны. И он тоже смотрел на мертвых морских свинок.

– Папа, – сказала Алиса, – мы должны срочно лететь на Землю.

– Знаю, – сказал отец.

– Я лечу с вами, – сказал Громозека.

Глава девятая
ЭПОХА ЛЕГЕНД

Сборы были сумасшедшими. Большую часть оборудования и находок пришлось оставить на Бродяге. Все надеялись, что экспедиции удастся вернуться. Главную и самую опасную ценность отец не доверял никому. В специальном металлическом контейнере, устланном мягкой губкой, лежали три лиловых шара, которые Селезнев вез земным биологам.

Через три часа после смерти морских свинок экспедиционный корабль поднялся над Бродягой и взял курс к Земле. По дороге он непрерывно старался связаться с Землей, но так как скорость его была выше световой, связь наладить не удавалось – приходилось ждать того момента, когда корабль войдет в Солнечную систему. А пока решался другой вопрос: как найти на Земле оставленный двадцать шесть тысяч лет назад лиловый шар?

Шары, которые вез Селезнев, были керамическими, никаким детектором не уловишь. Тем более что попробуй угадай, где именно двадцать шесть тысяч лет назад на Земле приземлялся корабль с Бродяги. Никаких документов об этом не осталось – ведь в те времена ни телеграфа, ни фотоаппаратов еще не изобрели.

– Даже колеса еще не изобрели, – сказал Громозека.

Он был печален. С утра выпил флакончик валерьянки, но это не улучшило его настроения.

Вдруг он поднял два щупальца, постучал ими себя по лбу и воскликнул:

– Есть выход!

– Какой? – спросил Селезнев.

– Срочно делать скафандры. Всем жителям Земли. Вирус будет бессилен.

Селезнев даже не стал ему отвечать. И Алиса поняла, что пять миллиардов скафандров изготовить сразу невозможно. Даже если все фабрики и заводы Земли будут делать только скафандры.

– Не беспокойтесь, Громозека, – сказала Алиса. – Мы найдем лиловый шар.

– Как?

– Пойдем в Институт времени, попросим дать нам машину времени и полетим в прошлое, на двадцать шесть тысяч лет назад. Там поглядим, куда они спустились, отнимем шар и его разоружим.

– Если бы все было так просто... – сказал профессор Селезнев.

– Конечно, непросто! – согласился с ним Громозека. – Мы не знаем, в какой точке Земли они опускались... К тому же в те времена на Земле вообще еще людей почти не было. Одни чудовища. Такое путешествие очень опасно, и неизвестно еще, успеем ли мы отыскать шар, прежде чем он взорвется в нашем времени.

– Придется рискнуть, – сказал Селезнев.

– Я пойду в прошлое, – твердо сказала Алиса.

– Это не детское развлечение, мое сокровище, – сказал Громозека. – Ты полагаешь, что это игра, а в самом деле от путешествия в прошлое зависит судьба всего человечества.

– Дорогой мой Громозека! – Алиса говорила совершенно серьезно. Она даже встала, чтобы быть побольше ростом. – Чья гипотеза о планете Бродяга оказалась самой верной?

– Твоя, – согласился Громозека.

– Кто нашел лиловый шар?

– Ты, но совершенно случайно.

– И я еще раз его найду.

– Алиса! – сказал Селезнев.

– Только не Алиса! – взревел Громозека. – Ее сожрут чудовища!

– Именно я, – сказала Алиса. – Я там уже была. У меня там связи.

– Какие связи? – захохотал Громозека. – С мамонтами?

– Не только, – ответила Алиса. – У меня связи с драконами, богатырями, волшебниками, Синдбадом-мореходом, Шехерезадой и даже первобытным мальчиком Герасиком.

– Что-о-о? – Громозека даже сощурил от удивления все свои глаза. – Девочка больна?

– Я совершенно здорова, – сказала Алиса. – Но должна тебе официально сказать, что ты плохо знаешь историю Земли.

– Так просвети меня, маленькое существо, открой мне глаза!

Так Алиса и сделала. Она рассказала Громозеке, что совсем недавно, когда ученые открыли путешествие во времени и смогли побывать в древних эпохах, обнаружилось, что в истории Земли была эпоха, о которой раньше никто не подозревал. Хотя следы ее остались и поныне, и даже существа, которые тогда жили, известны любому трехлетнему ребенку.

В промежутке между третьим и последним ледниковыми периодами ученые нашли странную эпоху легенд. Оказывается, тогда на Земле водились самые настоящие драконы, волшебники, джинны, ведьмы, гномы, говорящие звери, деды-морозы – все те существа, которых мы теперь называем сказочными и в которых взрослые не верят.

Потом похолодало, стал наступать лед, замерзли реки. Волшебники и гномы вымерли или спрятались в пещеры, под землю и в самые тайные места. Пережили последний ледниковый период только люди. Люди в эпоху легенд были совершенно первобытными и только-только научились разводить огонь и пахать землю. Конечно, жили они тихо, незаметно,

боялись драконов и богатырей. Но у первобытных людей было одно великое преимущество: они умели работать. Ведь сказочные существа, какими бы умными они ни были, работать не умели. Все их сказочные замки, ковры-самолеты и прочие чудеса были сделаны волшебным способом и, конечно, как только похолодало, никакой пользы принести уже не смогли. Знаете, как бывает с волшебниками? Они могут построить дворец или даже замок. Все в нем как в настоящем, даже железные ворота. Но вот как сделать отопление в замке, волшебники не знают, они даже не подозревают, как законопатить окна, чтобы не дуло. Молоко они берут в молочных реках, кисель черпают в кисельных берегах, а вот доить коров или делать сахар из сахарной свеклы они не научились и научиться не смогли – ведь они волшебные. Первобытные же люди отлично знали, как доить коров, как сделать плуг, как законопатить окна или сложить очаг в хижине. Хоть им и трудно пришлось во время долгого ледникового периода, кое-как они его протерпели и дождались, когда льды начали отступать и снова появилась трава. Тут они и спохватились: где же прошлые хозяева планеты? Где волшебники, колдуны, джинны и драконы? Оказалось, их нет. Придется жить на Земле самим и никого уже не бояться.

Так и случилось. А о волшебниках и драконах осталась только память. Эта память со временем становилась все более туманной, взрослые люди вообще не верят в эпоху легенд. Взрослые думают, что сказки – сплошная выдумка. Дети же, наоборот, знают, что сказки – чистая правда. Только правда не сегодняшнего дня, а далеких-далеких времен.

– С трудом могу поверить, – сказал Громозека. – Правда, у нас на планете не было ледниковых периодов...

– А сказки у вас есть?

– Нет, в детстве нам всегда рассказывали правдивые исторические повести про подвиги и путешествия наших воинов и о прекрасных дамах, которые, сложив щупальца, веками ждали, пока рыцарь вернется из похода.

– Мне тебя жаль, Громозека, – сказала Алиса, – если бы ты там со мной побывал, ты бы не пожалел.

– И ты хочешь сказать, что была там?

– Она была там, – подтвердил Селезнев. – И чудом осталась жива.

– Но почему? Кто тебя пустил? – спросил Громозека.

– Я туда попала через заповедник сказок, – заявила Алиса. – Там стоит машина времени.

– Час от часу не легче, – сказал Громозека. – Это еще что за заповедник?

– Как только ученые убедились, что эпоха легенд кончится тем, что все волшебные существа вымрут, решено было занести их в Красную книгу.

– Куда?

– В Красную книгу. Это специальная книга, куда записывают всех редких животных, которым почему-нибудь грозит гибель. И на Земле сделали специальный заповедник для тех жителей эпохи легенд, которые захотели переехать в наше время. Там они живут под стеклянным куполом.

Громозека снова обернулся к Селезневу за поддержкой – в самом ли деле Алиса говорит правду?

– Она права, – сказал Селезнев. – И директор заповедника сказок Иван Иванович – добрый друг Алисы. Она ему в свое время кое в чем смогла помочь.

– Все верно, – сказала Алиса.

Глава десятая
ВОЗВРАЩЕНИЕ

Бесконечно тянулись дни полета. Наконец корабль Громозеки, гася скорость, начал тормозить в районе орбиты Земли. Пока Громозека готовил корабль к посадке, Селезнев начал вызывать Землю:

– Земля, слушайте, – повторял он. – Говорит космический корабль «Чумароз». Мы подлетаем к Земле. Скоро начинаем посадку. У меня важные вести. Прошу подготовить нам посадочную площадку вне очереди в стороне от пассажирских причалов.

– Что случилось? – донесся наконец далекий, еле слышный голос космического диспетчера. – Почему археологический корабль требует внеочередной посадки? У нас перегружен космодром...

– Земле грозит опасность, – начал говорить Селезнев. – Нам удалось открыть на планете Бродяга смертельно опасный вирус. Против нас ведут биологическую войну.

– Кто? – не понял диспетчер.

– Вызывайте все биологические лаборатории Земли, пускай они будут готовы к работе. На космодроме прошу встретить меня в герметически закрытой «скорой помощи». Везу опасный груз.

– Я не понимаю! – крикнул диспетчер.

– На Земле кораблем с Бродяги оставлен опасный вирус.

– В каком месте?

– Неизвестно.

– Когда?

– Двадцать шесть тысяч лет назад.

Диспетчер закашлялся. И замолчал.

– Космодром! – вызывал профессор Селезнев. – Космодром, вы меня слышите?

– Слышу, слышу, – ответил диспетчер. – Скажите, есть ли кто-нибудь на корабле, кроме вас?

– Начальник экспедиции Громозека, – ответил отец.

– Пускай подойдет к микрофону.

– Я слушаю, – сказал Громозека.

– Уважаемый Громозека, – раздалось в микрофоне. – Скажите, профессор Селезнев, который только что с нами разговаривал, нормален?

– В каком смысле? – спросил грозно Громозека.

– В самом обыкновенном. Может быть, он переутомился? Или вдруг у него поднялась температура?

– Да поймите же, тупой человек! – зарычал в микрофон Громозека. – Селезнев нормальнее нас с вами! Земле действительно угрожает смертельная опасность! Это случилось...

– Двадцать шесть тысяч лет назад? – иронически спросил диспетчер.

– Я вас увольняю! – закричал Громозека и со всего размаха ударил когтем по панели связи. Раздался треск, во все стороны посыпались осколки кристаллов и схем. Замигали тревожные лампочки. Связь прервалась.

– Что ты наделал! – воскликнул профессор Селезнев. – Все погибло! Мы лишились связи!

– Зато я ему показал! – смущенно прорычал Громозека, который не любит признаваться в собственных ошибках.

– Я так надеялся их убедить, что мы не сошли с ума. Еще каких-нибудь полчаса, и мы убедили бы диспетчера. А теперь что делать?

– То же самое, – сказал Громозека. – Лететь на Землю и убеждать.

– Но как? Вдруг те часы, которые мы потеряли, окажутся роковыми?

– Этого мы не знаем, – философски заметил Громозека.

– У меня есть план, – сказала Алиса.

– Какой?

– Пока ты вызываешь своих коллег, я несусь в заповедник сказок. Там есть машина времени. Я переношусь в эпоху легенд...

– Ни в коем случае! – закричал Селезнев.

– Ни в коем случае! – закричал Громозека.

– Почему? – мягко спросила Алиса.

– Потому что это опасно! – в один голос ответили отец с Громозекой.

– Скажите пожалуйста, опасно, – ответила Алиса. – А разве не опасно, если я стану такой же воинственной, как подопытная морская свинка, и брошусь с ножом на моего любимого папочку?

– Мы найдем взрослого специалиста, – сказал Селезнев.

– Разумеется, только не в первый день. К тому же этот человек совершенно не представляет, что такое эпоха легенд, и никогда не был на Бродяге.

– Бред какой-то, – сказал Громозека и поглядел на профессора Селезнева. Тот развел руками.

Алиса больше не стала спорить. Она понимала, что, кроме нее, в эпоху легенд отправиться некому. Так что споры пустые. Надо немного потерпеть. Пока корабль доберется до Земли. Алиса уселась в кресло.

Глава одиннадцатая
СХВАТКА НА КОСМОДРОМЕ

После того как связь с кораблем «Чумароз» прервалась, на космодроме поднялась тревога. Посудите сами: к Земле приближается корабль, неизвестно почему примчавшийся без предупреждения. Корабль выходит на связь, и нервный голос сообщает, что Земле грозит смертельная опасность, а потом начинает нести чепуху о двадцати шести тысячах лет и космических пришельцах. После чего связь вообще прерывается.

Поэтому приборы диспетчерской службы начали искать корабль, а когда засекли его в районе Луны, тут же взяли его в гравитационную сеть, отключили его двигатели и осторожно повели к посадочной площадке на пустынном атолле посреди Тихого океана.

Когда корабль появился на экранах диспетчерской, он казался совершенно нормальным. Никаких следов повреждений. Но его рация продолжала загадочно молчать.

Корабль послушно опустился на бетонное поле космодрома.

К месту посадки подлетели все спасательные машины, которые были на космодроме. «Скорые помощи» замерли у люка, пожарные машины нацелили на корабль наконечники шлангов, радиационные контролеры закружились вокруг. А в самой большой машине вместе с диспетчером космодрома прилетел профессор Смит, крупнейший в мире специалист по космическим психозам. Его вызвали из Австралии.

Ждать пришлось недолго.

Как только люк открылся, из него выскочили: высокий, худой, взлохмаченный мужчина средних лет с металлическим контейнером в руке; невероятное существо, похожее сразу на слона и осьминога, с множеством глаз и акульими зубами; девочка лет десяти в красном комбинезоне.

Все трое кинулись к диспетчеру и профессору Смиту, которые только-только успели вылезти из своей машины.

– Скорей! – закричал первый из космонавтов, то есть профессор Селезнев. – Где биологи и медики? Я привез контейнер с самым страшным вирусом, который когда-либо знала Вселенная.

– Что же вы медлите! – зарычало существо, похожее на слона и осьминога. Это был милейший археолог Громозека.

Лишь девочка Алиса ничего не сказала.

– Спокойно! – заявил главный диспетчер. – Без паники! Сначала вас всех осмотрит профессор Смит, потом пройдете карантин. А потом уже расскажете все по порядку.

– Некогда, – ответил профессор Селезнев. – Сначала вы пустите меня к видеофону, а потом будете исследовать, сколько вздумается.

Он было бросился к диспетчерской, но космороботы преградили ему дорогу.

– Тупицы! – закричал Громозека. – Самоубийцы! Беги, Селезнев. Я их задержу.

Он принялся разбрасывать в разные стороны роботов, которые не ожидали такого нападения, да и вообще не знали, что делать с разумным существом, которое дерется.

Диспетчер и психиатр Смит бросились к своей машине и спрятались в ней. Оттуда донесся голос диспетчера:

– Теперь уже, к сожалению, нет сомнения в том, что экипаж «Чумарозы» сошел с ума.

– Вы правы, – откликнулся профессор Смит. – Мои первые наблюдения это подтверждают. Придется их изолировать.

Диспетчер нажал кнопку на пульте своей машины, и летающие роботы сверху мгновенно опустили тонкую сеть, которая начала опускаться на Селезнева.

– В сторону! – воскликнула Алиса.

Но было поздно. Сеть уже окутала их как паутиной.

– А сейчас, дорогие друзья, – сказал осмелевший профессор Смит, – вас отвезут ко мне в клинику. Вы не волнуйтесь. Вас обследуют, дадут успокаивающие средства...

– А Земля между тем погибнет? – спросил Громозека грозно. – И вы поднимете меч на свою жену? И ваша теща задушит ваших детей?

Он начал рваться в паутине, но она держала его крепко.

– Очень сложный случай, – сказал профессор Смит и почесал переносицу. – Честно говоря, я никогда еще не сталкивался с таким острым психозом. А ну-ка... – Он серьезно поглядел на Алису и спросил: – Девочка, ты тоже думаешь, что Земле угрожает смертельная опасность?

Алиса на секунду задумалась. Что ему ответить? Если сказать, что отец и Громозека правы, то ее тоже сочтут больной. А если сказать, что они больные, то ее отпустят, но отца с Громозекой наверняка упекут в больницу. А может, пока отец с Громозекой будут в больнице, она успеет прорваться в эпоху легенд и найти этот проклятый лиловый шар?..

– Так что же ты молчишь, девочка?

Алиса не успела ответить. Громозека, которому надоело бороться с неподатливой сетью, выхватил бластер и начал палить из него в небо. Сеть, не рассчитанная на это, затрещала и лопнула. Воздушные роботы – врассыпную. Громозека, как страшный рыцарь, скинул с плеч остатки сети и воскликнул громовым голосом:

– Руки вверх, оппортунисты и маловеры!

Растерявшийся диспетчер поднял руки. Профессор Смит, который, несмотря на свой почтенный возраст и хрупкое сложение, привык иметь дело с больными людьми, рук поднимать не стал, а, склонив голову, наблюдал за Громозекой, словно смотрел интересное кино.

– Теперь – все в машину! – приказал Громозека.

В машину вместились с трудом. Три четверти места в ней занял Громозека, который в трех щупальцах держал по бластеру. Так и доехали до диспетчерской.

Сзади тянулась процессия пожарных, санитарных машин, радиационных установок и прочих служебных машин.

Как только люк открылся, из него выскочили: высокий, худой, взлохмаченный мужчина средних лет с металлическим контейнером в руке.

По дороге диспетчер возмущался:

– Это вам даром не пройдет! Чего вы добились? Через несколько минут поднимется общая тревога, и тогда уже вы попадете в больницу надолго. Это я вам гарантирую.

Помимо прочего диспетчер был очень оскорблен тем, что его на собственном же космодроме взяли в плен и теперь заставляют делать то, что ему не хочется. К тому же он боялся, что этот сумасшедший слон-осьминог может пристрелить его и профессора. Ведь явный маньяк!

Селезнев обернулся к Смиту.

– Коллега, – сказал он. – Я заверяю вас, что мы совершенно нормальны. Почему вы не хотите в это поверить?

– Нормальные люди не несут чепухи и не стреляют из бластеров на космодроме, – ответил тихо профессор Смит.

– Но допустите, что Земле и в самом деле грозит смертельная опасность.

– Правильно, – сразу согласился профессор Смит. – У меня на излечении в Мельбурне лежит один больной бухгалтер, который утверждает, что пришельцы из космоса запустили на Землю микробы, которые способны превратить людей в рабов. Во мне, по его убеждению, тоже есть такой микроб. Он утверждает также, что идет завоевание Земли, о котором мы и не подозреваем.

– Но он же больной! – сказал Селезнев. – А мы – здоровые.

– Кроме того, он собирает фантики от конфет. А вы что-нибудь собираете?

– Не трать ты на них слов, – послышался голос Громозеки, который нависал над остальными пассажирами в машине. – Ничем ты их не убедишь.

Машина остановилась перед высокой башней диспетчерской.

Громозека следил за тем, чтобы пленники не придумали какой-нибудь хитрости.

– Шагайте, шагайте, – сказал он им мрачно, выгоняя из машины.

Профессор Смит и диспетчер покорно вошли в диспетчерскую.

Второй диспетчер сидел, встревоженный, у пульта, потому что никак не мог понять, что творится у таинственного корабля.

– Руки! – сказал Громозека.

Тот растерянно поднял руки.

– Что дальше? – спросил Селезнев.

– Дальше все ясно, – сказала Алиса, которая вошла в диспетчерский зал последней. – Я бегу в эпоху легенд, а отец с Громозекой пытаются

всех убедить, что мы не сумасшедшие. Только для этого мне нужен воздушный катер.

– План разумен, – ответил Громозека. – Но не совсем. Для того чтобы кого-то убеждать, я не гожусь. У меня слишком слабые нервы и слишком впечатлительные сердца. К тому же Алисе в эпохе легенд потребуется помощь и защита. Значит, так: я оставляю тебе, Селезнев, один бластер. Мы связываем всех маловеров и циников, включая этого никуда не годного психиатра.

– Это почему же никуда не годного? – обиделся профессор Смит, выставив вперед седую бородку.

– Да потому, что настоящий психиатр давно бы уже разобрался, кто здесь сумасшедший, а кто нет, и не путал бы знаменитых ученых с бухгалтером, который собирает фантики. Фантики! Понимаешь, Алиса, до чего он докатился? Он хочет нас унизить. К тому же надо посмотреть: скорее всего, тот бухгалтер совсем не сумасшедший и кто-то в самом деле распространяет эти микробы. Да сам этот психиатр, наверное, агент пришельцев.

– Это слишком! – закричал мистер Смит. – Я не позволю! Вы типичный маньяк с убийственными наклонностями.

– Молчать! – зарычал Громозека.

Он начал быстро связывать пленников проводами. Сделать ему это было легче, чем человеку, потому что у Громозеки не две руки, а куда больше. Диспетчеры хоть и ругались, но сопротивляться не смели. Профессор же Смит, глубоко оскорбленный Громозекой, все время грозил ему.

Через две минуты пленники были связаны. Громозека оставил Селезневу один из бластеров и сказал:

– Звони в Академию наук, ищи своих друзей и вообще нормальных людей. Поднимай тревогу. А когда твои коллеги прибудут, немедленно начинай разгадывать тайну вируса. А мы с Алисой полетели в эпоху легенд. Где тут у вас воздушные катера?

Диспетчеры не ответили. Главный диспетчер покачал головой, он сидел на стуле, руки и ноги были связаны.

Он не собирался сдаваться каким-то сумасшедшим.

– Придется нам, Алиса, обойтись без его помощи, – сказал Громозека. – Ты здесь справишься, Селезнев?

– Только вы будьте осторожнее, – сказал отец. – Сам понимаешь, волшебники, людоеды...

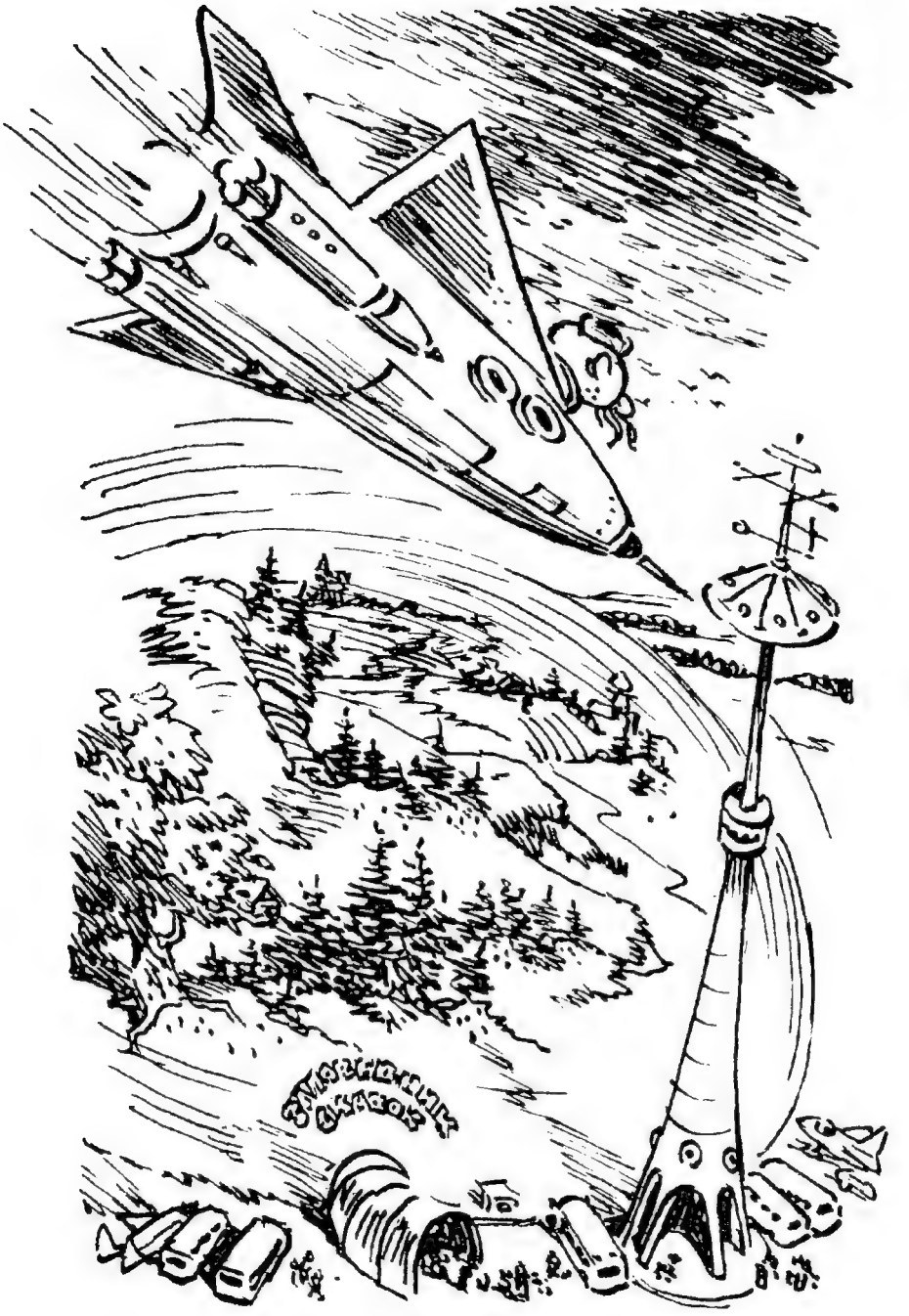
– И драконы, – сказала Алиса. – Я их не боюсь.

С этими словами она побежала к выходу, оставив отца наедине с тремя пленниками, которые смотрели на него со страхом и даже ненавистью. Ну как они могли предположить, что в конце двадцать первого века их будут привязывать к стульям?

Через три минуты Алиса и Громозека добежали до стоявшего у диспетчерской воздушного катера – быстрого корабля, который должен был за час донести их в Москву, в заповедник сказок.

Глава двенадцатая
В ЗАПОВЕДНИКЕ СКАЗОК

Громадный прозрачный купол над участком девственного леса, где скрывается сказочный мир, привезенный из далекого прошлого, каплей воды поблескивал на окраине Москвы. Воздушный катер послушно вошел в глубокий вираж и стремительно, так что сердце подкатывало к горлу, снизился у служебного входа в заповедник сказок.



Воздушный катер послушно вошел в глубокий вираж и стремительно, так что сердце подкатывало к горлу, снизился у служебного входа в заповедник сказок.

Алиса бросилась к замку, где находится его управление. Она боялась, что директора заповедника Ивана Ивановича может не быть на месте. Но директор уже ждал гостей у подъемного моста.

– Здравствуйте! – крикнул он, увидев, что к нему бежит Алиса, а за ней подобно слону переваливается Громозека. – Отец только что звонил и просил меня включить машину времени. Все готово.

С этими словами Иван Иванович побежал внутрь замка.

– Как дела у папы? – спросила на бегу Алиса.

– У него трудности, – ответил Иван Иванович. – А почему такая спешка? Он позвонил мне десять минут назад и сказал, что для спасения всей Земли я должен срочно дать Алисе и ее другу Громозеке машину времени. Потом сказал, что у него трудности, и отключился. Что за трудности?

– Ничего особенного, – ответил Громозека. – Селезнев взял в плен двух диспетчеров и одного профессора-психиатра, а теперь старается доказать всему человечеству, что он не сошел с ума.

– А это было необходимо? – спросил Иван Иванович.

– Совершенно необходимо! – закричала в ответ Алиса.

Они выбежали во внутренний двор замка. Громозека ахнул и замер в дверях. И было чему удивиться: свернувшись кольцом и заняв весь двор, под лучами солнца нежился громадный дракон с тремя головами.

– Алиса! – закричал Громозека.

Но Алиса уже радостно бежала к средней голове дракона, которую озарила драконья улыбка.

– Змей Гордыныч! – закричала она. – Как я по тебе соскучилась!

– Вот счастье-то, – ответил дракон.

Вдруг вторая голова заметила, что Громозека тащит из-за пояса бластер, и закричала на него:

– Ты что, с ума, что ли, сошел? Это же заповедник! Стрелять вздумал!

Иван Иванович обернулся и бросился к Громозеке, грудью закрывая от него дракона. Он хоть и производил впечатление кабинетного ученого, отличался отвагой, смелым сердцем и любовью к своим питомцам. Алиса тоже поняла, что Громозека был готов поднять стрельбу.

– Громозека! – сказала она твердо. – Если ты не оставишь свой бластер у Ивана Ивановича, ты вообще ни в какую эпоху легенд не полетишь. Там на каждом шагу драконы, и, если ты хоть раз выстрелишь, нам с тобой несдобровать!

– Ну что я могу с собой поделать, – сокрушенно ответил Громозека, который уже понял, что дракон – старый приятель Алисы. – Я ведь обещал твоему отцу охранять ребенка.

– Сколько раз нужно повторять одно и то же, – сказала Алиса. – Меня охранять не нужно! От тебя больше опасности, чем охраны. Отдай бластер.

– Ни в коем случае, – ответил Громозека. – Здесь мы с тобой в заповеднике, и я приношу свои извинения директору и дракону. Но в эпохе легенд заповедников еще не могло быть.

– Все, – сказала Алиса твердо. – Иван Иванович, этот археолог в прошлое не летит.

– Разумное решение, – согласился Иван Иванович.

– Простите, простите, – сказал Громозека и протянул бластер директору заповедника.

– Вообще-то ему надо остаться здесь, – сказал дракон. – Такое чудовище в эпохе легенд всех перепугает.

Дракон был трусоват, и вид бластера вывел его из равновесия. А так как мы не любим тех, кто нас пугает, то дракону Громозека вообще не понравился.

– Без меня, – сказал Громозека решительно, – Алиса ни в какую эпоху не летит.

– И пускай Земля погибнет? – спросила Алиса.

– Мне важнее твоя безопасность, чем судьба всей Земли, – ответил упрямый археолог.

Тогда Алиса махнула рукой. Она понимала, что в прошлом ей придется натерпеться от такого ненадежного спутника, но что поделаешь?

– Поехали, – сказала она.

Они поспешили дальше.

– Алиса, – крикнул вслед дракон. – Передавай привет моему дяде.

– Обязательно, Змей Гордыныч, – ответила Алиса.

Они уже готовы были скрыться во внутренних помещениях замка, но тут снова раздался голос дракона.

– Алиса, – сказал он, – мне кажется, что в заднем кармане твоего невоспитанного друга лежит еще один бластер. Проверь, будь добра.

– Не может быть. – Алиса остановилась. – Громозека, неужели ты опустился до жалкой лжи?

Громозека почернел. Он не мог покраснеть, он мог только чернеть от стыда.

– Ах, – сказал он смущенно, – я совсем забыл.

Потом он вытащил из заднего кармана бластер и отдал его Ивану Ивановичу.

Теперь у Ивана Ивановича был совсем грозный вид – по бластеру в каждой руке.

В низком подземелье, где стояла машина времени, их ждал толстый волшебный король заповедника сказок. Король сидел на скамеечке и раскладывал пасьянс.

– Ты что здесь делаешь? – удивился Иван Иванович. – Ведь тебе уж пять минут назад надо было начать аудиенцию. В тронном зале собрались все кролики, гномы и другие существа твоего царства. Они ждут, чтобы ты обсудил с ними важные вопросы.

– Не хочу, – сказал король. – Я знаю, что у них за вопросы. Опять все будут жаловаться на Красную Шапочку, что она плохо учится, прогуливает школу и дразнит Волка. А что я могу поделать? У нее же есть собственная бабушка. Пускай этим и занимается.

Тут король узнал Алису и даже подскочил.

– Девочка моя! – воскликнул он. – Сколько лет, сколько зим... Что за чудище ты с собой привезла? Неужели новенький в мое царство?

– Нет, ваше величество, – ответила Алиса. – Мы с моим другом археологом Громозекой спешим в эпоху легенд. У нас там срочное и важное дело.

Иван Иванович подошел к машине времени, похожей на будку телефона-автомата, и начал настраивать ее на эпоху легенд.

– Вам какой год? – спросил он.

– Двадцать шесть тысяч лет, три месяца и два дня назад, – сказал Громозека.

– Не рекомендую, – сказал король. – Я до сих пор счастлив, что оттуда выбрался.

– Почему? – спросил Громозека.

– Климат. Жуткий климат. Снег даже в июне, ветры с севера, разгул чудовищ и колдунов. Алиса, ты что, собираешься в этом виде туда бежать? В одном комбинезончике?

«Ох, – подумала Алиса, – вот теперь и директор Иван Иванович смотрит на меня как на преступницу. Да и в глазах Громозеки блеск появился. Откуда у взрослых постоянное нездоровое желание одевать детей? Как будто дети сами не знают, как им одеваться! Дай этим взрослым волю,

они бы сейчас надели на тебя три шубы и плащ сверху, а уж зонтик дали бы обязательно. Это постоянное бедствие. Ребенок собирается идти гулять, на улице светит солнце, поют птички. Только ты открыла дверь, как сзади уже крик бабушки, или дедушки, или мамы, или папы, или просто приходящего дяди: «Ты почему не оделась?!» – Скорей, – сказала Алиса как можно строже. – Мы, кажется, забываем, что речь идет не о насморке, а о судьбе всей планеты.

В этот момент в зал, хлопая крыльями, крича, как недорезанный поросенок, влетела растрепанная и грязная белая ворона.

– Вы куда? – закричала она. – Вы с ума сошли! Ребенок раздет! Это хорошо не кончится.

– Дурында! – сказала Алиса. – Здравствуй и не отвлекай нас.

– Вы решили, что поедете без меня? – спросила белая ворона, садясь на крышу машины времени. – Не тут-то было. Вы все погибнете, вы пропадете без меня!

– Это еще что за создание кошмарного сна? – спросил Громозека.

– От создания и слышу, – нагло ответила ворона. – Не тебе меня учить, мальчишка. Инопланетный, что ли?

– Я профессор Громозека с планеты Чумароз, – ответил археолог.

– Будем знакомы. Я белая мудрая ворона Дурында из эпохи легенд. Временно проживаю в заповеднике сказок, но страшно соскучилась по родине. Поэтому лечу с вами.

– Послушай, Дурында. Ты нам всем в заповеднике страшно надоела, – сказал Иван Иванович. – Если ты вернешься в эпоху легенд, откуда тебя, кстати, никто не приглашал, мы будем только счастливы.

– Но пускай сначала вернет украденную серебряную ложку, – сказал толстый король.

– Меня, – возопила ворона, – меня обвиняют? Больше моего крыла здесь не будет! Я всем расскажу, какие жалкие клеветники собрались в этом так называемом заповеднике.

С этими словами ворона сделала круг под потолком и вылетела из зала.

– Типичная истеричка, – сказал толстый король. – Со склонностью к клептомании. Клинический случай.

Тем временем Иван Иванович уже настроил машину.

– Сколько вы весите? – спросил он у Громозеки.

– Восемь с половиной вырлей, – вежливо ответил Громозека. – Это не очень много.

Алиса поняла, что ее друг испугался, что сейчас ему объявят: машина вас не возьмет. И начал по-детски хитрить. Взрослые чаще, чем дети, хитрят по-детски.

– А в килограммах? – так же вежливо спросил Иван Иванович.

– Чуть больше ста, – ответил Громозека. – Но я могу снять башмаки. И оставить здесь авторучку.

– А точнее? – вежливо спросил Иван Иванович.

– Забыл.

– Еще точнее?

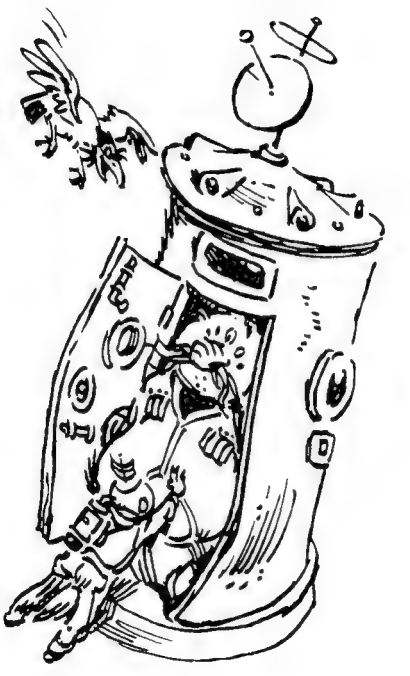
– Сто восемьдесят три килограмма, – вздохнул Громозека. – Это слишком много, да?

– Порядочно, – сказал Иван Иванович.

– Но я вас предупреждаю: Алису одну в эпоху легенд я не отпущу.

– Ох уж эти перегрузки, – сказал толстый король. – Я сам еле-еле сюда попал. Чуть не промахнулся. Еще бы мгновение, и пришлось бы мне остаться в девятнадцатом веке. Познакомился бы с Наполеоном...

– Может, и к лучшему, – сказал мрачно Иван Иванович. Иногда он жалел, что затеял всю эту историю с заповедником сказок. Сказочные существа хороши в книжках. В жизни же от них масса неприятностей. Вот и король. Порой с ним можно договориться, поладить, а иногда становится невыносимым, хочет кого-нибудь угнетать, травить, казнить и миловать. Такая уж у короля генетика. Пришлось закупить ему два полка оловянных солдатиков. С помощью простого колдовства он сделал их двигающимися, и теперь они маршируют по тронному залу. Ну а если какой-то солдатик спутает ногу или выйдет из строя – тут же ему не миновать телесного наказания. Иван Иванович как-то подглядел, как король обращается с ними, и подумал, что даже оловянные солдатики могут в один прекрасный день взбунтоваться.



– Входите, – сказал Иван Иванович. – Лететь вам придется в тесноте.

– Спасибо, – с чувством сказал Громозека. Он был уже почти уверен, что его в прошлое

не возьмут, и готовился к грандиозному скандалу. – Вы настоящий ученый и человек. Когда все кончится, я напишу о вас в нашей чумарозской газете.

С этими словами Громозека втиснулся во временную кабину, а потом с трудом втянул туда живот, чтобы Алисе тоже было где поместиться. «И в самом деле тесно, – подумала Алиса. – Хоть и мягко».

– Готово, – сказала она. – Можно отправляться. Позвоните папе, ему может понадобиться ваша помощь, когда его будут забирать в сумасшедший дом, – сказала она Ивану Ивановичу.

– Никогда в это не поверю, – сказал директор заповедника.

Он хотел закрыть дверь в кабину, но в зал вновь влетела птица Дурында. В клюве она волокла объемистый узел.

– Ты куда? – закричал толстый король.

– Ты куда? – закричал Иван Иванович.

Они догадались, что ворона все же решила сгонять в прошлое.

Но вороне ловко удалось избежать их вытянутых рук, кинуть свой узел в узкую щель между головой Громозеки и потолком кабины, а затем нырнуть туда самой.

– Вылезай немедленно! – рассердился директор заповедника.

Но Дурынду уже не было видно. Только ее пронзительный голос звучал откуда-то из-за ушей Громозеки:

– Не смейте ничего предпринимать! Я свободная птица, я буду сопротивляться! Заповедник не тюрьма, а убежище. Иначе я потеряю к вам уважение.

– У нее полный узел барахла! – кричал толстый король. – Там моя серебряная ложка. Верните добро!

– Нам что, вылезать? – спросил Громозека.

– Не надо, – сказала Алиса. – Еще не хватало драться с Дурындой. Включайте машину, Иван Иванович.

И директор подчинился Алисе.

Дверь закрылась. На пультах замигали огоньки. Раздалось жужжание. И все пропало.

Почти все, потому что в темноте, которая охватила путешественников во времени, в бесконечном полете, верчении и падении Алиса все время чувствовала, что ей в затылок вцепились когти перепуганной Дурынды, которая вопила, каркала, скрипела и требовала, чтобы ее немедленно выпустили наружу и не губили.

Она продолжала вопить и тогда, когда путешествие кончилось.

Глава тринадцатая
ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ ТЫСЯЧ ЛЕТ НАЗАД

Алиса с трудом открыла дверь временной кабины, что спрятана в громадном дупле старого дуба на опушке непроходимого волшебного леса. Хоть путешествие заняло несколько минут, у нее все тело затекло от неудобной позы, волосы растрепались, щека расцарапана – следы когтей Дурынды.

Затем из кабины вывалился Громозека. Он был оглушен и не очень соображал, что же произошло.

Алиса обернулась. На дно кабины кучкой грязных белых перьев упала Дурында. Рядом валялся узел с ее добром. Алиса спросила:

– Ты жива, Дурында?

– Нет, – ответила птица тихо. – Меня раздавили.

– Но ведь ты же сидела у меня на голове.

– Вот ты меня головой и убила, – сказала птица.

– Что же делать?

– Заплати мне золотую монету, тогда я, может, оживу.

– Ох как нехорошо получилось, – сказал Громозека, залезая в карман. – Как назло, у меня нет золотых монет. Но разве это поможет?

– Поможет, – сказала ворона.

– А куда надо приложить золотую монету, чтобы вам стало лучше? – спросил доверчивый Громозека.

– В клюв, – сказала ворона и широко открыла клюв.

– Погоди, Громозека, – сказала Алиса. – Не верь воронам, даже когда они убиты. Я сейчас ее оживлю.

– Как? – спросила ворона подозрительно.

– Я просто скажу тебе, что через две секунды дверь кабины автоматически закроется и ты вернешься в двадцать первый век.

– Неправда, – закричала ворона, вскочила на ноги, схватила в клюв свой узел, с трудом вылетела наружу, долетела до нижней ветки и уселась на ней. У нее был скорбный вид.

– Пошли, Громозека, – сказала Алиса. – Нам надо поскорей добраться до избушки.

– До какой избушки?

– В ледниковые времена жили первобытные люди. Один из них – мальчик Герасик, великий изобретатель, он изобрел колесо и догадался, почему яблоки падают на землю. Если корабль пришельцев с Бродяги здесь побывал, Герасик об этом знает. Он подозревает, что со временем люди научатся летать по воздуху без помощи волшебников. Он думает, что помощь волшебников унижает человеческое достоинство.

Громозека недоверчиво хмыкнул. Алиса понимала почему. В волшебников, экстрасенсов, невидимость, ведьм, гадалок и колдунов он не верил. Он был самым обыкновенным ученым со щупальцами, восемью глазами и ногами, как у слона. И полагал, что так и надо. «И если бы он жил сто лет назад, – подумала Алиса, – он бы ни за что не поверил в инопланетных пришельцев».

Времени терять было нельзя. Поэтому Алиса сразу пустилась в путь. Громозека, разочарованно похлопывая себя по карману, где раньше лежал бластер, шагал следом.

Некоторое время они шли молча. Начал накрапывать холодный дождик. Лето в эпохе легенд было прохладным – ледниковый период надвинулся совсем близко.

Они остановились перед большим серым валуном. На валуне были грубо вырезаны слова: «Прямо пойдешь, коня потеряешь. Налево пойдешь, жизни лишишься. Направо пойдешь, кошелек потеряешь».

– Нам прямо, – сказала Алиса.

Громозека постоял – сомневался. Алиса ушла вперед.

– Почему?! – крикнул он вслед Алисе.

– Потому что у нас нет коней! – откликнулась Алиса.

– Разумно, – сказал Громозека. Он увидел большой сухой сук на старом дубе, подпрыгнул и отломил его. В щупальцах Громозеки оказалась огромная дубина.

– Ну что, теперь тебе легче? – спросила Алиса.

Она подумала, что Громозека растревожил шумом все сказочное королевство. Наверное, никак не могут понять, то ли столкнулись два богатыря, то ли рухнул расколдованный замок.

– Вот тут, – сказала Алиса, – мы должны были потерять коня.

Дорога в том месте была вытоптана так, что получилась широкая площадка, заваленная лошадиными костями, остатками сбруи и даже оглоблями. В сторонке стояли сани.

– Что здесь было? – удивился Громозека. – Ужасное сражение?

– Велика-а-ан! – позвала Алиса. – Велика-ан, где ты?

Только эхо отозвалось из леса.

– Странно, – сказала Алиса. – Здесь должен сидеть Великан, который пожирает всех коней.

– Нет больше Великана, – раздался тихий голосок.

Голосок донесся снизу.

Алиса увидела, что на небольшом камне сидит гном в красном колпачке и вырезает что-то на лошадином зубе.

– Здравствуйте, – сказала Алиса. – Я давно здесь не была. Вы не скажете, что случилось с Великаном-коноедом?

– Ушел, – сказал гном. – Холода замучили, радикулит, да и лошадей уже не оста-

лось. На юг он ушел, в теплые края, надеется там переждать ледниковый период.

– А Людоед, который на второй дороге сидел, людей пожирал?

– Нанялся к Ведьме в охранники. Но не по доброй воле. Его довел до отчаяния человеческий детеныш по имени Герасик.

– Как же это случилось? – спросила Алиса.

– Много народу Людоед истребил, и не только людей, но и всех кого ни попадя, даже разбойника сожрал с голодухи. А гномов поел – не счесть. Вот и решил этот мальчик Герасик выгнать Людоеда из этих краев. Пошел он к деревенскому кузнецу и выковал из железа маленькую девочку, Красную Шапочку, раскрасил ее как настоящую, в платьице одел, дал в руку корзинку, будто она по грибы идет, подобрался ночью поближе к Людоеду и поставил девочку на дорогу. Людоед голодный был страшно – давно уж все его логово обходили. Проснулся, увидел девочку, не разобрался, что к чему, и цапнул ее зубами. Да и остался без зубов. А без зубов какой Людоед?

– Вот молодец Герасик! – обрадовалась Алиса.

– Молодец-то молодец, да без толку, – проворчал гном. – Разве со злом так борются? Людоеда надо было либо убивать, либо не трогать.

– Почему?

– Беззубый Людоед хуже зубастого. Тот хоть на месте сидел, как бы при деле. Не хочешь, чтобы тебя кушали, – не суйся к нему, останешься живой. А беззубому Людоеду пришлось уйти к Ведьме. На пару с ней они с тех пор и безобразят. Ведьма все грозится ему железные зубы сделать, но не очень-то спешит. Знаешь, почему? Потому что он вернется на старое место. А пока что он за ней как тень ходит. Руки у него здоровые, ноги быстрые – ну прямо палач. К тому же раньше у него только своя голова была, можно сказать, пустая. А теперь он указания выполняет. Ведь Ведьме в уме не откажешь?

– Ой, не откажешь, – согласилась Алиса. – А где теперь Герасик?

– С Герасиком дело плохо, – сказал гном. – Пришлось ему скрыться. Людоед первым делом Ведьму попросил – помоги мне избавиться от человеческого детеныша. Вдвоем они напали на деревню, где Герасик жил. Герасик в лес сбежал. С тех пор скрывается. А дед его, старый землепашец, скрыться не успел. Растерзали его Ведьма с Людоедом.

– До смерти?

– А то как же? В них жалости нету.

Над головами захлопали крылья. Низко, чуть не задевая за вершины деревьев, пролетела белая птица с узлом в клюве.

– Никак, Дурында вернулась? – удивился гном. – Давно ее не было. Говорили, где-то устроилась.

– Что же теперь делать? – подумала вслух Алиса. – Где Герасика искать?

– А что тебе от него нужно?

– А я с ним раньше дружила, – сказала Алиса. – Когда в прошлый раз приезжала.

Громозека, слушая этот разговор, уселся неподалеку на землю и, достав перочинный ножик, стал обстругивать свою дубину.

– А чего вам здесь нужно? – спросил тихонько гном, косясь на Громозеку. Археолога с планеты Чумароз он побаивался.

– Уважаемый господин, – сказал Громозека, – у нас есть сведения, что совсем недавно на Землю опустился с неба космический корабль.

– Что такое? – спросил гном. Он ничего не понял.

– Ко-сми-ческий ко-рабль! С другой планеты.

– Я разве моряк? – удивился гном. – Я в кораблях не понимаю.

– Космический корабль! Воздушный!

– Тогда у волшебников спрашивайте, – сказал гном.

– Разумеется, вам, уважаемый гном, – сказала Алиса, – это не очень понятно. Но может быть, в последние дни или ночи вы видели падающую звезду?

– Ночью я сплю. Я порядочный гном, – ответил их собеседник. – Пускай на звезды совы и колдуны смотрят.

– Тогда, может быть, днем?

– Днем, моя дорогая, звезд не бывает, – ответил гном. – И если больше нет вопросов, я вас покину. У меня обед стынет.

С этими словами гном зашагал к дереву, завернул за толстый корень и исчез с глаз.

– Вот и первая неудача, – сказал Громозека. – А вдруг корабль еще не прилетал?

– Ты же сам считал, – сказала Алиса. – Если ты не уверен, надо было выбирать другое время.

– Я-то считал, – ответил Громозека. – Но ведь мы не знаем, вдруг они прилетали чуть позже...

– Погоди, – сказала Алиса. – Гномы – ненадежные свидетели. Они слишком маленькие и вообще не любят смотреть на небо.

– Тогда давай искать других свидетелей.

Алиса и Громозека побрели дальше. Вскоре они дошли до избушки. Крыша ее провалилась, дорожки заросли лопухами и крапивой.

Пустота, пыль, запустение. Посреди избушки открытый очаг – печек в те времена люди еще не знали, – над ним в крыше дыра, чтобы уходил дым. Окошко без стекла. А на столе у окошка осталось памятью о Герасике деревянное колесико, насаженное на палочку. Когда-то Герасик изобретал телегу.

– Эх, Герасик, Герасик, – вздохнула Алиса.

Она взяла колесико на память и вышла из избушки. Громозека ждал ее снаружи.

– Никого? – спросил он.

Алиса даже не стала отвечать. И так все было ясно.

– Пошли дальше, – сказала она. – Доберемся до реки, а там на чем-нибудь спустимся к замку волшебника Ооха. Он нам поможет.

До реки они дошли быстро. Их подгоняло нетерпение. Нетрудно было представить, что именно сейчас трескается, как яйцо, в котором вырос птенец, лиловый шар, и зловещий вирус несется над Землей, среди ничего не подозревающих людей, которые спешат на работу, садятся во флаеры, толпятся на космодромах.

– Интересно, – сказала Алиса, спеша по тропинке, что вела вниз. – Смог ли отец убедить ученых в том, что нам грозит опасность?

– Я надеюсь, – ответил Громозека. – Он обладает даром убеждения.

– Осторожно! – крикнула Алиса.

В кустах мелькнула серая морда – волк!

Громозека обернулся. Волк высунул морду наружу, принюхался. Оскалил зубы. Но Громозеку это не испугало. И хоть волк был велик, вдвое больше обыкновенного, Громозека просто снял с плеча свою дубину и показал ее волку. Волк склонил голову набок, зажмурился... и мгновенно испарился.

– Знаешь, Громозека, – сказала Алиса. – От тебя есть польза. Если бы я тебя не взяла с собой...

– То тебя бы съел волк, – сказал Громозека. – И твой папа очень бы расстроился.

– Мягко сказано, – ответила Алиса.

Река, к которой они спустились, была широка и полноводна. Вода в ней казалась серой, потому что серым было небо, у берега вздрагивали тростники, им было очень холодно стоять по колено в воде.

Из тростников торчал нос долбленой лодки. В ней лежало весло.

– Нам вниз по реке, – сказала Алиса. – И чем дальше мы от этих мест отплывем, тем лучше.

Алиса смотрела, как Громозека забирается в лодку. Лодка сразу глубоко осела, борта ее почти сровнялись с водой.

– Не шевелись, – сказала ему Алиса. – А то перевернемся.

Она оттолкнула лодку, прыгнула на корму и взяла весло. Громозека сидел не шелохнувшись, растопырив для равновесия щупальца.

Лодка вышла на чистую воду. И сразу же берег, который они покинули, ожил. Из тростника высунулись волчьи морды. Волки оскалились, рычали, один из них хрипло сказал:

– Мы еще до вас доберемся, поросяточки!

– Меньше всего я похож на поросенка, – обиделся Громозека.

Другой берег был пуст.

– А там кто живет? – спросил Громозека.

– Ничего интересного. Отрицательные персонажи, – сказала Алиса. – Ведьма, о которой ты уже слышал, у нее в услужении черная кошка, да теперь еще беззубый, но злобный Людоед. Кроме того, там разбойники, очень испорченные бездельем и легкой жизнью, пьяницы и хулиганы. Правда, не безнадежные. Попались бы они мне в руки, я бы их перевоспитала.

Река быстро несла лодку вниз по течению, Алиса только иногда окунала весло в воду, чтобы удерживать лодку подальше от берегов. Тростники справа время от времени шевелились – видно, волки следили за путешественниками. Но левый берег был по-прежнему пуст.

– Нам еще долго плыть? – спросил Громозека, поеживаясь. Ему было холодно.

– Думаю, через полчаса сможем пристать к берегу, – сказала Алиса.

Вдруг она чуть приподнялась. Далеко впереди на левом берегу она заметила бегущие фигуры. Там что-то происходило.

Глава четырнадцатая
ГЕРАСИК

Вскоре лодка приблизилась к группе немытых и нестриженых людей, которые окружили высокий, коренастый дуб, росший на берегу. Они размахивали кинжалами, саблями, топорами, некоторые пытались влезть на дерево, но это у них не получалось. А над вершиной дерева крутилось странное сооружение, похожее на цилиндр. Из цилиндра высовывалась встрепанная голова с крючковатым носом и длинные жилистые руки. Руки держали метлу и норовили достать ею до того, кто прятался в листве.

– Ну вот, – сказала Алиса. – Громозека, можешь познакомиться с другими обитателями эпохи легенд. Вокруг дерева прыгают разбойники. Вся банда во главе с Атаманом. А над деревом летает в ступе Ведьма.

– А что у нее в руках? – спросил Громозека.

– Метла, что же еще. Она у нее вместо руля.

– Очень любопытно, – сказал Громозека. – А по какому принципу действует эта так называемая ступа? Антигравитация?

– Вовсе не так, Громозека, – сказала Алиса. – Она действует по принципу колдовства. В эпоху легенд действовали особенные физические законы.

– Чепуха, – сказал Громозека. – Во все времена и на всех планетах действуют совершенно одинаковые физические законы. И если кажется, что они другие, значит, мы просто их плохо изучили.

Алиса не стала спорить – лодка уже приблизилась к дубу. Алиса всматривалась в листву, чтобы разглядеть, кто там прячется. Вдруг из листвы высунулась мальчишеская физиономия.

– Герасик! – узнала мальчика Алиса. – А мы к тебе приехали. Ты что здесь делаешь?

– Алиса! – обрадовался Герасик. – Меня, по-моему, собираются убить.

– С них станется, – согласилась Алиса. – Это все из-за Людоеда?

– Конечно! – крикнул мальчик.

– Тогда прыгай в воду – мы тебя подберем.

– Я плохо плаваю, – сказал мальчик.

– Но наша лодка такая перегруженная, – крикнула Алиса, – что я не смогу ее подогнать к берегу.

– Кыш отсюда! – завопила Ведьма сверху. – А то утоплю.

Мальчик Герасик решил, что ему нечего терять. Он выполз на нависший над водой сук и спрыгнул в воду.

Разбойники кинулись за ним, но мальчик быстро, по-собачьи, поплыл вслед за лодкой, которую несло течением вниз. Алиса стала притормаживать веслом.

Разбойники бежали по берегу вслед и дико кричали, возмущаясь тем, что потеряли свою добычу. Ведьма спустилась почти к самой воде и норовила ударить мальчика по голове ручкой метлы.

– Уважаемая старуха! – громовым голосом произнес Громозека. – Я вас попрошу не безобразничать. Вы разве не видите, что перед вами ребенок?

– Кому ребенок, а кому первый бандит! – ответила Ведьма. – И вообще, молчи, урод. Таких мы еще не видели. Во сне приснишься – умрешь со страху.

– Не обращай ты на нее внимания, – сказала Алиса, почувствовав, что Громозека обиделся и может потерять присутствие духа. (А если Громозека теряет присутствие духа, то обязательно совершит необдуманный поступок.) Но она опоздала. Громозека вспыхнул, как бенгальский огонь. Ведьма раньше не сталкивалась с археологами с планеты Чумароз и потому не знала, какие у них длинные и подвижные щупальца. Громозека распрямил одно из щупальцев – то взметнулось вверх, схватило когтем конец метлы и дернуло вниз. Ведьма не успела выпустить метлу, ступа резко накренилась, и Ведьма вывалилась в реку. Ступа без пассажира облегченно взлетела вверх и понеслась, подгоняемая ветром, к лесу. Но это приключение плохо кончилось и для самого Громозеки. Он тоже не удержался в лодке и вывалился в воду. Разумеется, Алиса последовала за ним. А Герасик так и не успел влезть в лодку.

К перевернутой лодке, которая была похожа на спину небольшого кита, со всех сторон потянулись руки. Алиса, уцепившись за нее, увидела, что Громозека, не умевший плавать, обхватил лодку сразу всеми щупальцами, Ведьма, крича от ужаса, схватилась за нее с другой стороны, а Герасик достал пальцами до кормы. А так как из всей этой компании хорошо плавать умела только Алиса, она и смогла оценить весь юмор этой картинки, хоть для остальных ничего смешного здесь не было.

Алиса подплыла к лодке с кормы и крикнула Герасику:

– Толкай вперед!

Они начали толкать лодку к небольшому островку, который торчал холмиком посреди реки. Вода была страшно холодной, лодка неслась быстро, и Алиса увидела, что разбойники с воплями бежали вдоль берега, надеясь, что лодку прибьет к ним.

– Держись, старушка! – кричали они Ведьме. – Не сдавайся!

Вдруг Алиса почувствовала толчок – нос лодки ударился в мель у островка. Колени ее коснулись дна. Она увидела, как посиневший Громозека поднимается во весь свой рост и спешит на сухое место. За ним, с трудом отцепив руки от лодки, бежит Ведьма.

Алиса с Герасиком задержались у берега, стараясь перевернуть лодку.

– Все равно весла нет, – сказал Герасик.

Островок был невелик. Посреди него росли кустики. Берег, на котором их поджидали разбойники, был рядом, но, к счастью, речная протока была быстрой и глубокой.

Громозека и Ведьма подпрыгивали посреди островка, стараясь согреться. Громозека потерял свою дубину. Мокрые серые волосы Ведьмы прилипли к голове, юбка обтягивала костлявые ноги.

– Это тебе даром не пройдет, – сказала она Алисе, лязгая зубами.

– А мне и не надо, – ответила Алиса. – Вы зачем за Герасиком гонялись?

Герасик подпрыгивал на одной ноге, чтобы вытряхнуть воду из уха.

– Я до него все равно доберусь! – Ведьма погрозила костлявым кулаком. – Я все человеческое семя со света сживу.

Громозека переступал с ножищи на ножищу, чтобы согреться.

– Теперь я понял, – сказал он. – Этим чудовищам и в самом деле пора вымирать.

– Не вымру, не надейся, – сказала старуха. – Всех переживу. В темных лесах скроюсь, под колодами буду скрываться, в чащобах согреваться, по кустам скитаться, детишками питаться. И не вымру.

– Ведьма-а-а! – донесся крик с берега. Это кричал атаман разбойников. – Чего нам делать-то? Как помочь?

– Зови Людоеда! – закричала в ответ Ведьма. – Пускай сюда перебирается, всех передушит.

– Ну, монстры, прямо монстры, – сказал Громозека, – такое впечатление, что цивилизация до них не добралась.

– Жили без нее и дальше проживем, – сказала Ведьма.

– Почему ты на этом дереве оказался? – обратилась Алиса к Герасику.

Герасик поманил Алису в сторону. Он наклонился к ее уху и прошептал:

– Не хочу, чтобы Ведьма услышала. Меня гномы прятали под землей. Тесно, темно, неудобно. Я неделю попрятался, потом решил – лучше уйду в пустынные земли. А они, оказывается, меня выслеживали. Вот и выследили. Хорошо еще, что вы здесь оказались.

– В этом преимущество сказочной эпохи, – сказала Алиса. – Здесь всегда можно рассчитывать на совпадения и счастливые неожиданности. Скажи, Герасик, ты не видел, чтобы в последние дни с неба падала звезда?

– Когда?

– Точно не знаю – несколько дней назад, а может, вчера.

– Вообще-то с неба звезды часто падают, – сказал Герасик. – Иногда по несколько штук за ночь упадут. Видно, состарилось небо, плохо держит.

– Как держит? – удивилась Алиса. Но тут же вспомнила, что для Герасика небо твердое – в школу он не ходил, про Коперника не слышал. Откуда ему знать про космос?

– А что тебе эта звезда? – спросил Герасик. – Ты за ней приехала?

– Мне надо ее найти, – сказала Алиса.

– Наверное, она упала, пока я в земле у гномов сидел.

– Жаль. Я на тебя надеялась.

Ведьма и Громозека стояли поодаль друг от друга, оба дрожали, никак не могли согреться. Ведьма не сводила глаз с берега, видно, ждала, когда придет помощь.

– Что же дальше? – спросил Громозека. – Весла у нас нет.

– Да и лодка не выдержит, – сказал Герасик.

Но Алиса сейчас думала только о лиловом шаре.

– Бабушка, – обернулась она к Ведьме. – Если вы нам поможете, мы вас домой отпустим.

– Чего? – удивилась Ведьма. – Я-то думала, ты о пощаде молить будешь! Сейчас приведут мои ребятки Людоеда, вот вам и конец.

– Придут или не придут, дело второе, – сказала Алиса. – А может, вы видели, как недавно с неба упала звезда?

– Ты меня режь, ты меня казни, – ответила старуха сурово. – Но из меня ни слова не выжмешь. И про звезду тебе не сознаюсь.

– Значит, была звезда?

– Режь, – сказала старуха решительно. – Начинай.

– Ай-ай-ай! – раздался с неба пронзительный крик. – Я же предупреждала, что это хорошо не кончится.

К острову летела птица Дурында. Уже без узла в клюве. За ней следом летела другая птица, поменьше, сизая горлица.

Птицы опустились на ветки кустов посреди острова.

– Беда, – сказала Дурында. – Так я и знала. Без средств к передвижению, без руля и ветрил, на произвол судьбы и злых разбойников! О, Алиса! О, моя несчастная девочка!

– Дурында, – сказала Алиса. – Перестань паниковать. У нас все в порядке. Мы отдыхаем.

– Такие мокрые и отдыхают! – ахнула Дурында. – Типичное воспаление легких. Это я вам гарантирую.

– Дурында, – сказала Алиса, – ты что-нибудь узнала о падающей звезде?

– Я только этим и занималась, – ответила белая ворона. – Все свободное время. Посетила родственников, передала им гостинцы и сразу за дело. Говори, горлица.

Горлица повела вокруг изящной головкой и сказала:

– Как я есть заколдованная красавица, то провожу все ночи в ожидании рыцаря, который меня спасет. И поэтому смотрю на небо.

Горлица замолчала и стала смотреть в землю.

– Говори, родная, говори, – сказала Дурында.

Но горлица молчала.

– Придется позолотить клювик, – сказала Дурында. – Чем мы располагаем?

– Я буду тебе должна, – улыбнулась Алиса.

– Смотри, не забудь. Продолжай, моя заколдованная.

– Вчера под утро с неба упало что-то большое, – произнесла горлица. – Я решила было, что это мой суженый, который спешит меня расколдовать.

– А в самом деле?

– В самом деле он ко мне не пришел...

В этот момент на берегу раздались крики, и Алиса увидела, что к реке толпой бегут разбойники, окружив неопрятного, волосатого, огромного Людоеда. Костюм его был сшит из медвежьих шкур, а щеки замотаны грязной тряпкой, чтобы не так болели обломанные зубы.

– Где он? – ревел Людоед. – Дайте только мне до него добраться!

– Я его задержу, – сказал тихо Громозека. – А ты попытайся выбраться с острова.

– Горлица! – закричала Дурында. – У нас ни минуты свободной. Где твой принц упал?

Разбойники подбежали к воде и остановились на берегу, а Людоед, придерживая ручищей щеку, вошел в воду.

– Ах, – сказала горлица, – вон там за лесом. Я туда летала утром, но никакой звезды не нашла. Там лежит некрасивое яйцо с дом величиной. Мой принц никогда бы на таком не прилетел.

– Все правильно, – сказала Алиса. – Космический корабль.

– Алиса, плыви! – сказал Громозека. – За меня не беспокойся.

– Я же не могу оставить Герасика! – воскликнула Алиса.

– Пускай он оседлает перевернутую лодку, а ты плыви сзади и толкай. Поняла?

– Спасибо, Громозека, ты умница! – сказала Алиса. – Герасик, ко мне!

Они вдвоем столкнули лодку в воду. Герасик сел верхом на перевернутую лодку, а Алиса поплыла за лодкой, толкая ее перед собой. Вода каза-

лась уже не такой холодной, как раньше, – ко всему привыкаешь. Течение подхватило лодку и понесло вниз. Герасик пытался помогать Алисе, подгребая руками. Алиса обернулась. На островке кипел бой.

Людоед выбрался на берег, и у самой воды его встретил могучий Громозека, который, хоть и был вдвое ниже Людоеда, знал приемы самбо и карате, о чем Людоед не имел представления. Правда, Громозеке сильно мешала Ведьма, которая вцепилась в него сзади и колотила ногами и руками. О беглецах все забыли. Кроме птицы Дурынды, которая летела сверху и сочувствовала:

– Нет, – говорила она пронзительным голосом, – не доплыть вам, не доплыть! Ни за что не доплыть. Сейчас или волкам на зуб попадете, или какая-нибудь акула вас подхватит. Вот увидите. А жалко. Такие приятные молодые люди...

Алиса не верила в то, что в такой холодной речке могут водиться акулы, а сказочные волки не умеют плавать.

В последний раз Алиса обернулась. Она переживала за Громозеку. Вот старуха подставила археологу ножку, и Громозека рухнул на траву. Людоед навалился на него... Но даже если бы Алиса сейчас захотела вернуться, она не смогла бы повернуть лодку против течения. Еще секунда, и остров скрылся за поворотом.

Глава пятнадцатая
ОШИБКА

– Сюда! – закричала горлица, которая летела вслед за Дурындой. – Отсюда дорожка ведет к тому яйцу, которое вы ищете.

Алиса изо всей силы стала работать ногами, чтобы повернуть лодку к берегу. Как только лодка ткнулась в берег, Алиса побежала по дорожке вверх. Герасик за ней.

Алиса совершенно не представляла, что будет делать, когда увидит корабль пришельцев. Вряд ли разумно подбегать к космическим бандитам и кричать им: «Мы вас раскусили!» С перепугу они могут что-нибудь натворить. К тому же Алису все время терзала мысль, что она оставила Громозеку на произвол судьбы. Ведь хоть разбойники и людоеды давным-давно вымерли, Громозека попал в лапы к негодяям, которые умеют и убивать.

Громозеке сильно мешала Ведьма, которая вцепилась в него сзади.

– А что за звезда? – услышала Алиса голос Герасика, который бежал сзади. – На что она тебе понадобилась?

– Как тебе объяснить? В общем, это летающий корабль. В нем прилетели очень плохие люди. Они хотят нас всех заразить смертельным вирусом вражды.

– Заразить? Вирусом?

– Я все время забываю, что ты первобытный! – сказала Алиса. – Они хотят наслать на нас болезнь.

– На вас или на нас? – спросил Герасик.

– На нас. На тех, кто будет жить здесь потом.

– Если потом, то чего же сразу к вам не прилетели? – удивился Герасик.

Объяснить Алиса не смогла. Кусты смородины расступились, и они выбежали на широкую поляну. Огромное темное яйцо лежало посреди поляны.

Алиса замерла на опушке и схватила за руку Герасика, чтобы он не выбежал на открытое место.

Потом прислушалась. Тихо. Это означало, что космонавты либо еще не вылезли из корабля – проводили анализы, разведывали. Или, наоборот, уже ушли и сейчас где-нибудь по соседству закапывают ужасный лиловый шар.

– Как ты думаешь, Герасик, – сказала Алиса, – они там, внутри?

– Кто?

– Пришельцы.

– Это не корабль, – сказал Герасик уверенно. – Это яйцо. У корабля мачты и парус. Или весла.

– Ох, Герасик, тебе еще учиться и учиться! Ты совершенно не представляешь себе, каких высот достигнет со временем цивилизация. Неужели ты не понимаешь, что яйца такими не бывают?

– А кто их знает, какие бывают? – удивился Герасик, который в сказочном мире привык к любым неожиданностям.

– Некогда спорить по пустякам, – сказала Алиса. – Все-таки скажи, они вылезали наружу?

– Да никто из этого яйца не вылезал, – сказал Герасик. – Сама видишь, ни одна травинка вокруг не помята.

Алиса успокоилась. Она доверяла удивительному зрению Герасика.

– Будем ждать, когда вылупится? – спросил Герасик.

– Они должны скоро выйти, – сказала Алиса. – Их планета проносится сейчас мимо Солнечной системы. У них каждый час на счету. Погоди.

– Тогда надо послушать, – сказал Герасик.

– Что послушать?

– Пойти к яйцу и послушать. Если там птенец вылупиться хочет, он наверняка будет стучать.

Алиса вздохнула – первобытный мальчик оказался страшно упрямым.

Алиса сделала шаг вперед, кочка под ногой спружинила, захлюпала вода.

– Погоди, – сказал Герасик и поглядел наверх. Там, в вышине, кружилась птица Дурында, за ней летала горлица. – Эй, Дурында! – крикнул он. – Погляди, кто там в яйце, не хочет проклевываться?

– А почему я? Почему я? – удивилась Дурында. – Это риск. Меня могут поймать и заточить.

– Да потому, что ты птица и лучше в этом разбираешься.

– А что буду иметь? – спросила Дурында.

– Вернемся в заповедник, рассчитаемся, – сказала Алиса. – Дурындочка, миленькая, послушай, что они там делают.

– Любое мое желание в заповеднике выполнишь, понимаешь? – каркнула белая ворона.

– Только скорей, Дурындочка.

Птица нехотя подлетела к яйцеобразному космическому кораблю. Перед тем как опуститься на его округлую вершину, она сделала несколько кругов, как бы прислушиваясь. Но, видно, ничего не услышала. Она далеко вытянула вниз ноги и опустилась, отчаянно хлопая крыльями так, чтобы только когти касались вершины корабля с Бродяги. Словно боялась обжечься. Потом она все же встала на вершину корабля и склонила голову, прислушиваясь.

Потом вдруг отчаянно закричала:

– Стучит! Стучит! Сейчас выскочит!

Взлетела в воздух и полетела к лесу. Горлица за ней.

Алиса с Герасиком, которые уже было вышли на открытое место, замерли. Вслушались.

Космический корабль был неподвижен, и никаких звуков они уловить не могли.

– Ну и здоровый птенец должен быть, – прошептал Герасик.

«Если бы птенец, – подумала Алиса. – Если бы птенец. Но птенцы, которые скоро выйдут из этого корабля, будут вооружены пистолетами и одержимы злодейскими планами».

Вдруг до Алисы донесся глухой удар. Сомнений не было: в корабле готовились к высадке. Второй удар последовал через минуту. Алиса присела за куст и потянула за руку Герасика, чтобы он тоже спрятался. Она лихорадочно придумывала, что ей делать. Ведь пришельцы не сразу спрячут лиловый шар. Сначала они захотят осмотреться. У них, наверное, есть летательные машины или вездеходы. Как уследить за ними? Придется бежать к волшебнику Ооху, поднимать всех колдунов, просить о помощи.

Еще один удар раздался изнутри корабля.

Корабль покачнулся.

Еще один удар.

Небольшая трещина показалась в теле корабля. От следующего удара она побежала, ломаясь, по всему боку. Алиса застыла от изумления. Удары следовали один за другим. После десятого, а может, двенадцатого космический корабль буквально развалился. Осколки его скорлупы упали на траву, и среди этих развалин обнаружился громадный, совершенно голый, лишь с хохолком на голове, тонкошеий птенец.

Птенец широко раскрыл желтый клюв, в котором могла бы поместиться телефонная будка, и пискнул так, что облетели листья с деревьев.

– Что это? – прошептала в ужасе Алиса.

– А что? – совсем не удивился Герасик. – Птенчик. Я же говорил тебе. А ты все: пришельцы, пришельцы...

– Но что же будет, когда он вырастет?

– Будет птица Рокх. Разве тебе Синдбад-мореход не рассказывал?

– Там другая была... Тогда что же мы с тобой время теряем? Бежим!

– Куда?

– Обратно к Громозеке. Мы должны его спасти!

– Его, наверное, съели, – сказал удрученно Герасик. – Они всех, кто в лапы попадет, едят.

– Во-первых, еще неизвестно, попал ли Громозека им в лапы. А во-вторых, им его не съесть... Он же несъедобный.

Алиса поднялась.

В этот момент птенец увидел их, вытащил из обломков скорлупы красную ножищу, неуверенно оперся на нее, сделав первый в жизни шаг, подтащил вторую ногу и сделал второй шаг. Его глазищи открылись, в них

– *Стучит! Стучит! Сейчас выскочит!*

возник осмысленный огонь. Третий шаг ему дался куда легче. Ковыляя, птенец побежал к Алисе.

– Ты посмотри, какой смешной, – сказала Алиса.

– Чего ждешь? Он же тебя склюет, как козявку! – Герасик потянул Алису за руку.

И они помчались сквозь кусты обратно к реке. Сзади раздался оглушительный писк птенца, который гнался за своей первой в жизни добычей. Вдруг сразу потемнело. Алиса взглянула наверх. Небо закрыли крылья мамаши Рокх. Она снижалась к своему новорожденному детищу.

К счастью, человеческих козявок птица Рокх не заметила, а птенец, завидев мать, закрякал, приветствуя ее.

Со всех ног Алиса с Герасиком побежали вверх по берегу.

Они совсем запыхались, пока добежали до того места, где напротив островка стоял дуб, с которого прыгнул в воду Герасик.

Островок был пуст. Ни Ведьмы, ни Громозеки, ни Людоеда.

Алиса присела под деревом, чтобы перевести дух.

– Вообще-то, Герасик, – сказала она, – теперь наши дела хуже, чем были с самого начала. Час назад я не знала, где космический корабль с Бродяги. Теперь не знаю, где корабль, зато и не знаю, где Громозека.

Глава шестнадцатая
ДРАКОН ДОЛГОЖЕВАТЕЛЬ

Положение в самом деле было отвратительное. Корабля пришельцев никто не видел. Значит, он, если приземлился, мог сделать это очень далеко, например, в пустынной Аравии. И тогда нужна помощь волшебников или Синдбада-морехода, который, как известно, живет на знойном берегу Аравийского моря. Но нельзя же мчаться за полмира, не узнав, что произошло с Громозекой.

– Теперь куда? – спросил Герасик. Он был почти совсем раздет, босиком, еще не высох после купания в реке, но не жаловался. У него было правило: если твоему другу надо помочь, то можно забыть о холоде и голоде.

Они встали и пошли наверх, к лесу, к избушке Ведьмы. Герасик шел впереди и внимательно смотрел под ноги – он был великим мастером читать следы.

– Они его тащили, – сказал Герасик. – Видно, связали и тащили. Он сопротивлялся. Видишь, кустики травы вырваны.

– Если бы он в наше время каким-нибудь несознательным мальчишкам встретился, – сказала Алиса, – они бы от его вида просто умерли. А здесь все ко всему привыкли. Даже к тому, что из космических кораблей птенцы вылупляются.

Ей было немного стыдно, что она спутала яйцо с космическим кораблем.

– А теперь ты здесь постой, – сказал Герасик. – А я сбегаю разведаю.

– Мне страшно тебя одного отпускать.

– Наоборот, – сказал Герасик. – Ты не умеешь по лесу, как тень, скользить. Они тебя услышат. А я туда и обратно промчусь, погляжу и вернусь. Так

и быстрее, и спокойнее будет. Ты пока посиди под деревом, только не вылезай наружу и не кашляй. Мало ли какая нечисть тебя унюхает. Я быстро.

И с этими словами Герасик умчался в чащу.

Алиса осталась одна. Теперь бы самое время подумать, что делать дальше. Но мысли приходили в голову совсем другие. Как там отец? А вдруг они ему не поверили и посадили в сумасшедший дом? А как там лиловый шар? Лежит, не двигается? А вдруг он уже взорвался? Давно? Например, когда была война с фашистами. Может быть, он был спрятан где-нибудь в Германии, потом взорвался? А в тот момент рядом Гитлер проходил. А потом и на гитлеровских друзей и соратников зараза распространилась. А потом на всех эсэсовцев и всю его армию.

– Алисочка, – послышался сверху знакомый глухой бас. – Ты меня ищешь?

Алиса так устала, что не смогла испугаться, когда подняла голову и увидела, что над ней покачиваются головы шестиглавого дракона, дяди Змея Гордыныча, который живет в заповеднике сказок.

– Здравствуйте, Долгожеватель, – сказала Алиса. – Нет, я не вас ищу, а злодеев.

– Значит, не меня. А жалко.

– Почему жалко?

– Ты же обещала мне привезти из будущего портрет моей внучатой племянницы Лох-Несси, которая обитает в Шотландии.

– Ах, извините, – сказала Алиса. – Но оказалось, что ваша внучатая племянница наотрез отказывается фотографироваться. Уже много лет люди стараются ее сфотографировать. А она, как завидит фотоаппарат, сразу ныряет в воду.

– Узнаю мою племянницу, – сказал дракон. – Она всегда была очень стеснительной. Ну, что же тебя сюда привело, Алиса? Чем могу быть тебе полезен? Может, надо кого растерзать?

– Скажи, дракоша, – спросила Алиса, – ты не видел, чтобы с неба падали какие-нибудь звезды?

– Когда?

– В последние дни.

– Как назло, в последние дни, моя девочка, небо было затянуто облаками. Даже ночью. И хоть я по старости лет почти не сплю и люблю глазеть на звезды, ни одной звезды я не видел.

– Жалко. Никто не видел. А она должна была упасть!

– А что, в ваши времена звезды уже не падают?

– Это особенная звезда.

Тут Алиса увидела, что из леса бежит Герасик.

Завидев Алису, над которой навис громадный дракон, мальчик отважно подхватил с земли камень и пошел к дракону, намереваясь запустить в чудовище этим камнем.

– Ну-ну, – сказал дракон. – Попрошу без баловства. В меня один человеческий мальчишка лет сто назад кинул камнем, до сих пор шрам под глазом на самой правой голове.

– Нет, на левой, – сказала самая левая голова, которая, видно, очень завидовала самой правой. – Можешь потрогать.

– Герасик, не надо! – крикнула Алиса. – Это мой знакомый дракон.

– Они все такие. Сначала знакомые, а потом кусаются, – сказал Герасик. Но все-таки опустил камень.

– Ну что там? – спросила Алиса.

– Ничего особенного, – сказал Герасик. – Твой Громозека сидит запертый в избушке – скрутили его.

– Ему больно?

– Не очень. Он в кости играет с Людоедом. И ругается. Только не по-нашему.

– А что они хотят с ним сделать?

– Мне они не рассказали. Может, к ужину его приготовят. Я думаю, все будет зависеть от того, насколько они будут голодными. Если не голодными, то и до утра оставят. На завтрак. Так что у нас время есть.

– Тогда побежали к волшебнику Ооху. Он, наверное, знает, где опустился проклятый корабль.

– Не добежим, – сказал Герасик. – Далеко. Что-нибудь изобрести надо. Я вот думаю, если взять бычий пузырь, подержать его над костром, чтобы дыму побольше набралось, он ведь вверх полетит?

– Герасик, немедленно прекрати изобретать воздушный транспорт! – сказала Алиса. – Человечество для этого еще не созрело.

– Ага, – согласился Герасик, задумчиво глядя на дракона. – С бычьим пузырем я уже пробовал. Только бычий пузырь маленький, человека не поднимет. А что, если...

– Почему ты на меня смотришь? – спросил дракон.

– А у драконов, – продолжал Герасик, будто и не слышал, – у драконов пузырь должен быть великого размера. Если взять драконий пузырь да надуть его дымом...

– Алиса, хоть он и твой друг, – сказал тут дракон, – я должен его немедленно испепелить и уничтожить. Из чувства самосохранения. Драконов на свете считанные единицы, а он хочет из меня вынуть пузырь.

Дракон начал надуваться, и из ноздрей всех его голов пошел дым.

– Мальчики, мальчики! – закричала Алиса. – Перестаньте ссориться. Немедленно! Нам нужно спешить к волшебнику Ооху. От этого зависит судьба Земли. Дракоша, приляг, пожалуйста, мы влезем тебе на спину, и ты отвезешь нас к волшебнику.

– Тебя, пожалуйста, – сказал дракон. – А этого человеческого бандита, урода, который хочет истребить драконов только для того, чтобы летать по воздуху... нет, никогда!

– Ящерица, – сказал Герасик, – ты ничего не понимаешь в изобретательстве.

– Понимаю, понимаю, – сказал дракон. – Только когда меня для этого не режут на кусочки.

– Но ведь я это так, абстрактно, – сказал Герасик. – Зато когда ты вымрешь, я обязательно воспользуюсь твоим пузырем.

– Герасик, я тебе складной воздушный шар пришлю, шелковый, – сказала Алиса. – Только забудь на время о своих идеях.

– Что за времена, что за нравы! – вздохнул дракон, но так как он был, в сущности, незлым животным, то прилег на землю, чтобы людишки могли взобраться ему на спину.

Спина была неровной, в острых пластинках, скользких и давно не мытых. Пришлось сесть верхом на гребень, держась за шип и облокачиваясь на другой, словно между двумя горбами каменного верблюда.

Дракон поднялся и спросил, обернув одну из голов:

– Устроились?

– Спасибо, удобно.

– Подушек не держим, – сказал дракон. – Так что терпите. И вообще мы не верховые.

– Надо подумать, – сказал Герасик. – Может, и приручим. Если не вымрешь.

– Я тебе приручу! – рявкнул дракон. – С ним по-человечески, а он...

– Я по-человечески.

Дракон поднялся и спросил, обернув одну из голов:
– Устроились?

– Вот именно, – сказал дракон, пускаясь в путь. – Нет, не жить нам с людьми бок о бок. Очень уж они эгоисты.

Дракон трусил по берегу. Алисе сверху было видно, как его чешуйчатая лапища выдвигается вперед, когти вдавливаются в траву. Спина чуть покачивалась, как палуба корабля. Алиса поняла, что она голодна – сейчас бы даже супа съела.

– Кстати, – сказал вдруг дракон, – у меня такое впечатление, что волшебник Оох улетел в Аравию по делам.

– Что же ты раньше не сказал! – воскликнула Алиса. – Ты уверен?

– Я вчера встретил богатыря Силу Пудовича, он мне сказал, что Оох нанял его сторожить замок, пока будет в отлучке.

– Тогда иди скорей! Может, он еще не уехал!

Дракон покачал одной из голов:

– Бегать, – сказала эта голова, – мы не любим.

– Я думаю, – сказал Герасик, – что когда мы приручим драконов для верховой езды и перевозки всяких тяжестей, то надо будет сделать острые крюки, чтобы колоть их в спину. И если как следует колоть, то драконы будут бегать.

– Все, – взревел дракон, – терпения моего больше нет. Слезайте. И ты, убийца и угнетатель, и ты, его подруга. Лучше я обойдусь без фотографии моей внучатой племянницы Несси, но останусь свободным волшебным животным.

Дракон опустился на живот и, наверное, закинул бы пассажиров в кусты, если бы Алиса вдруг не закричала:

– Смотри! Они летят!

Дракон вскинул все головы.

Через небо протянулась горящая полоса. Она протянулась за ослепительной звездой, которая неслась прямо на Алису. Даже дракон, известный своим бесстрашием, спрятал головы под мышки, и те толкались там, стараясь скрыться от ужасного зрелища. Звезда превратилась в раскаленный шар и исчезла за вершинами деревьев. И только через несколько секунд на Алису обрушился грохот, будто кто-то начал молотить по натянутой громадной простыне, и ветер, налетевший от леса, заставил склониться вершины деревьев, ударил по дракону так, что его повалило на бок, а Алиса и Герасик покатились по траве в волне обломанных сучьев, листвы и орехов.

Алиса перевела дух, поднялась. Дракон все еще лежал. Герасик сел, поглядел на Алису.

– Это и есть твоя звезда? – спросил он.

– Да. Вряд ли что еще.

– Ну и звезда... Боюсь, что в небе такая дырка получилась, страшно подумать.

– Хорошо, – сказала Алиса. – Пускай будет дырка. Сквозь нее они и улетят дальше.

– Это идея! – воскликнул Герасик, вскакивая. – Конечно же, теперь я погляжу ночью в дырку и узнаю, что же за небом. Я всегда этим интересовался.

– Дракон, вставай, поехали, – сказала Алиса. – Они за лесом.

– И не подумаю, – сказал дракон Долгожеватель. – Один хочет мой пузырь вынуть, другой гонит меня в самое пекло. Живите как хотите, а я отдохну. Мне ваши человеческие развлечения ни к чему. Дайте мне мирно дожить в сказочной эпохе.

– Побежали без него, – сказал Герасик. – Эта ящерица-переросток труслива, как червяк.

– Я тебе покажу червяка! – рявкнул дракон, но не встал с земли.

Глава семнадцатая
КОРАБЛЬ С БРОДЯГИ

Корабль, на этот раз настоящий, оказался тоже похож на яйцо. Только срезанное сверху и снизу. К счастью, он упал на открытое место, где за лесом начиналась болотистая пустошь, покрытая камнями и поросшая мхом. Пустошь тянулась до самого горизонта и скрывалась в тумане.

– Опять ждать будем? – тихо спросил Герасик, когда они остановились за большим камнем шагах в ста от корабля.

– Конечно, они же сейчас выйдут.

– Жаль, Дурынды нет, – сказал Герасик. – Улетела, бедная, струсила. А то бы мы узнали, скоро ли он будет вылупляться.

– Да я же тебе говорю – там нет птенца, там космические пришельцы.

– Конечно, – согласился Герасик. – Ты уже в прошлый раз это говорила.

– Но там оказалось яйцо!

– Вот именно, – сказал Герасик.

– А сейчас – космический корабль.

– Я про то и говорю, – ответил Герасик, и Алиса поняла, что ни в чем не убедила первобытного мальчика.

Их разговор прервался, потому что в корпусе корабля медленно открылся круглый люк. От него к земле спустился трап.

– Видишь, – прошептала Алиса, которая уж начала сомневаться.

– Вижу, – сказал Герасик удивленно. – Никогда раньше не видел, чтобы так вылуплялись.

Еще через несколько секунд в отверстии люка показался житель Бродяги, похожий на человека, только очень узкий, худой, будто сплющенный с боков. Он был в металлическом шлеме и темно-сером скафандре, подпоясанном золотым поясом, на котором висел длинный меч. Пришелец осмотрелся, прислушался. Потом обернулся и что-то крикнул внутрь.

А сам начал спускаться по трапу, держа в руке большой пистолет. Он нервничал, вертел головой, дуло пистолета совершало округлые движения, будто пришелец ожидал нападения с любой стороны.

Но он все-таки никак не ожидал нападения оттуда, откуда оно последовало.

Со свистом и клекотом на корабль спикировала громадная птица Рокх. Она опустилась рядом с кораблем, который только-только доставал ей до брюха и со всего маха ударила клювом по его крыше.

«Ой, – сообразила Алиса, – она же, эта птица, как и Герасик, уверена, что это ее собственное потерянное яйцо. Она хочет помочь птенцу вылезти наружу».

Металл оказался слишком крепок для клюва птицы, что привело ее в бешенство. Она принялась молотить по кораблю с удвоенной силой. Перепуганный пришелец бросился в люк, отчаянно паля в птицу из пистолета. Если птице это и было неприятно, она не подала виду. Материнский инстинкт, который требовал, чтобы она помогла птенцу, был сильнее боли.

Люк захлопнулся.

Тут же из стен корабля начало выдвигаться орудие. Оно развернулось вверх.

– Птица, улетай! – крикнула Алиса.

Но как птице Рокх, привыкшей к тому, что она самое большое и сильное существо на Земле, испугаться какой-то мелкой пушки? Она ударила клювом по кораблю так, что он покачнулся и чуть не опрокинулся. Из пушки вылетел белый столб огня. Птица содрогнулась и рухнула вниз, на секунду скрыв своими крыльями космический корабль.

Со свистом и клекотом на корабль
спикировала громадная птица Рокх.

Она казалась большим рваным одеялом. Громадный желтый клюв приоткрылся и с треском защелкнулся. Птица погибла.

– Как же они ее! – прошептал в ужасе Герасик. – Такую редкую птицу!

– Теперь ты понимаешь, как они опасны, – сказала Алиса. – Тут никакой волшебник не поможет.

– А что же делать?

– Они улетят. Они скоро улетят, – сказала Алиса. – Надо только сделать так, чтобы они не успели навредить ни сегодня, ни в будущем.

Пришелец снова выглянул наружу. Выстрелил из пистолета в голову птице, опасаясь, видно, что ее только ранили, а не убили. Потом спустился на землю и подошел к ней. Ударил носком сапога по кончику клюва. Желтый клюв был метра три в длину. Другие пришельцы столпились в люке и что-то кричали оттуда, смеялись. Потом из люка выбрался бандит с черным ящиком, наверное, фотоаппаратом, потому что он направил ящик на того, кто стоял рядом с птицей, и начал щелкать. Затем и остальные пришельцы выбрались наружу.

Они смеялись, хлопали друг друга по плечам, а погодя выстроились возле убитой птицы и сфотографировались.

Последним из корабля вылез пришелец в золотом шлеме и черном матовом скафандре. Он подошел к остальным, и все сфотографировались в последний раз: начальник в золотом шлеме посредине, остальные шеренгой на шаг сзади.

– Слушай меня, Герасик, внимательно, – сказала Алиса. – Возможно, от тебя зависит судьба всей Земли. Эти существа притащили на Землю очень опасную вещь, отраву, хуже, чем мухомор, которой можно отравить всех жителей нашей планеты. Они сейчас будут осматривать нашу Землю, решат вернуться на нее потом. И чтобы к их приходу все было готово, они оставят у нас лиловый шар. Мы должны увидеть, куда они его спрячут. И когда они улетят, найти этот шар.

– А когда они этот шар спрячут?

– Этого я не знаю. Мне очень хочется, чтобы они это сделали сразу. Потому что, чем скорее мы его найдем, тем лучше.

– За Громозеку боишься?

– И за Громозеку тоже, – сказала Алиса.

Черная тень мелькнула над ними. К кораблю, возле которого все еще фотографировались пришельцы, подлетела Дурында. Издали она сообразила, что случилось что-то ужасное с птицей Рокх, и завопила:

– Скандал! Убийство! Бедная мать! Бедные дети!

Пришелец в золотом шлеме взмахнул рукой, и по его команде остальные начали палить по птице. Они, конечно, не знали, кто она такая, и не подозревали, что в сказочные времена даже самые глупые звери могли разговаривать, правда, умнее от этого они не становились.

Ну как им сообразить, кто из жителей планеты Земля разумен? Птицы? Или муравьи? Ведь пришельцы привыкли сначала стрелять, а уж потом разбираться.

Дурында в ужасе от выстрелов взмыла вверх.

– Разбойники! – закричала она. – Я буду жаловаться!

Белое перо полетело, кружась, на землю.

Дурында скрылась в низких облаках. Пришельцы смеялись. Почему-то Алиса раньше думала, что они будут очень мрачными, суровыми существами, которые сразу начнут делать пробы воздуха и почвы, а затем начнут закапывать лиловый шар. Ничего подобного.

Пришельцы явно не спешили. Они с удовольствием разминались у корабля, двое даже начали бороться. Другие старались вытащить из птицы Рокх перо – на память, что ли? Главному пришельцу (Алиса про себя называла его капитаном) вынесли кресло с высокой спинкой, и он уселся в него, закинув ногу за ногу.

Затем из корабля выгнали наружу трех изможденных, плохо одетых людей. Люди моргали, попав на яркий свет, жмурились, и Алиса подумала, что они долго сидели в темноте. Эти люди отличались от пришельцев с корабля. Они были пониже ростом, потоньше, и Алиса догадалась, что это – порабощенные жители Бродяги. При виде птицы Рокх пленники замерли, испугались, но воины толкали их в спины, били, гнали к капитану.

Тот рассмеялся, увидев, какими несчастными и жалкими кажутся пленники при свете дня, и махнул рукой, давая приказ.

Тут Алиса увидела, что к пленникам подошли два воина. Один из них держал в руке поднос, на котором были свалены трава, дикие яблоки, листья липы, улитки, даже вроде бы – с такого расстояния не разглядишь – камешки. Второй воин остановился, держа в руке блокнот.

– Они что, голодные? – спросил Герасик.

Начальник повысил голос, прикрикнул на дрожащих рабов, и стражи подтолкнули их поближе к подносу. Первый из пленников трясущейся рукой взял с подноса травинку и начал жевать. Он сморщился и сплюнул. Стражник тут же наотмашь ударил его по лицу.

Пленник покорно принялся дожевывать траву. Остальные внимательно глядели на него. Ждали.

– Теперь понимаешь? – спросила Алиса.

– Нет еще, – признался Герасик.

– Проще простого, – сказала Алиса. – У них приборов не хватает. Вот и привезли с собой живые лаборатории.

– Чего?

– Испытателей. Проверить, годится ли наша трава или наши плоды в пищу. Если годятся, то можно нас завоевать.

– А если не годятся?

– Тогда пленники сейчас умрут или начнут мучиться.

– Жалко их, – сказал Герасик.

– Ты только подумай, что произойдет, если они захватят власть на Земле?

Рабы покорно поедали по очереди все, что было на подносе, а пришельцы с любопытством наблюдали за ними и все время задавали вопросы. После некоторых ответов они начинали хохотать, наверное, спрашивали, вкусно ли.

Из-за кустов ивняка, росшего на холме среди болота, вышел еще один пришелец. Он нес пленникам на пробу новую добычу.

– Ой! – не смогла удержать восклицания Алиса.

Держа за ноги, пришелец нес двух толстеньких бородатых гномов.

Остальные увидели добычу пришельца и загоготали.

– Они их жевать будут, как ты думаешь? – спросил Герасик.

– Не знаю, что и делать. Я понимаю, что мы должны таиться, – сказала Алиса. – Я все понимаю. Судьба Земли и так далее. Но ведь гномам больно!

– Если сунешься, тебе еще больнее будет, – сказал мудрый Герасик. – Изобрести что-нибудь надо.

– Ну, что тут изобретешь? – Алиса смотрела, как гномов кинули на поднос. Капитан наклонился к подносу, снял с головы гнома колпачок, покрутил, надел на указательный палец.

«Сейчас он догадается, – подумала Алиса, – что гномы разумные. Ведь только разумные существа делают себе колпаки и шляпы. И пришельцам станет стыдно».

Капитан выкинул колпачок в траву. Отдал приказание. Один из его солдат быстро кинулся в корабль.

Держа за ноги, пришелец нес двух толстеньких бородатых гномов.

Краем уха Алиса услышала шорох кустов, оглянулась. Герасик исчез. Испугался, что ли? Вроде бы он бесстрашный парень.

Пришелец вытащил из корабля треногу с подвешенной к ней плошкой. В плошке лежало что-то белое. Он поставил треногу перед капитаном, и тот сам вытащил из-за пояса короткую трубку, поднес к белому веществу в плошке. Загорелся голубоватый огонь. Тогда один из воинов подхватил большими щипцами гнома, поднес его к огню. Алиса увидела, как гном извивается от боли. Его тоненький визг понесся над болотом. От гномовой боли склонились, зашептались травинки, а лягушки спрятались в лужи. Одна лягушка с маленькой золотой короной на голове громко заквакала, будто возмущалась.

Алиса приподнялась, чтобы броситься на помощь гномам, – а там уж будь что будет. Бывают же такие моменты в жизни, когда забываешь даже о своем долге, только бы спасти слабого.

Но в этот момент что-то темное просвистело в воздухе.

Небольшой камень угодил прямо в нос капитану. Тот завопил и свалился с кресла в лужу.

Алиса быстро обернулась и поняла, что стрелял ее друг Герасик. Он отыскал на опушке гибкое, упругое дерево, привязал к расходящимся су-

чьям веревку, которой был подпоясан, и натянул веревку, далеко отогнув на себя дерево. Получилась первая в мире катапульта.

– Ложись! – крикнула Алиса.

Герасик послушался ее и нырнул за кочку. И вовремя. Все пришельцы принялись палить в ту сторону. Пули летели к дереву, поднимая столбики воды и комья грязи. Закипала вода в лужах. Алиса вжалась всем телом в мокрую землю.

Гномы, пользуясь смятением, спрятались в траве. А когда стрельба прекратилась, Алиса увидела, что мимо нее, пригибаясь, трусят один за другим гномы. Лысенькие, грязные, растрепанные.

Наступила тишина. Алиса осторожно приподняла голову.

Пришельцы не осмеливались отойти далеко от корабля. Они стояли полукругом, целясь во все стороны. Капитан скрывался за спинами своих солдат, прикладывая к носу окровавленный платок.

А совсем недалеко от Алисы в луже плавала вверх белым животом мертвая лягушка с золотой короной на голове.

Эх, если бы сейчас у Алисы был пулемет, она разогнала бы всех этих бессердечных бандитов. Конечно, отец или Громозека рассердились бы на нее за такое самоуправство. Но что будешь делать, если ты совсем одна, а перед тобой существа, которые хотят убивать и покорять других. И которые не знают, что такое жалость. А если кто-то и знает, то боится показать.

Неужели ни один волшебник не догадался, что здесь творится?

Глава восемнадцатая
В ПОГОНЮ ЗА ШАРОМ

И как бы в ответ на свои мысли, Алиса увидела, что по вечернему небу медленно плывет не очень новый разноцветный ковер. Его углы чуть колыхались, и был он похож на морского ската.

Ковер-самолет! Значит, прилетел волшебник. Ага, вон там, повыше, под самыми облаками вьется ворона Дурында. Значит, она отыскала кого-то из волшебников и рассказала ему о смерти птицы Рокх.

Пришельцы не сразу заметили ковер-самолет, и только когда его тень упала на капитана, тот задрал голову, перепугался, прижался к борту корабля и завопил.

Все поглядели наверх. Сначала не поняли, что это такое. Наверное, подумали, что новая птица. А так как нервы у пришельцев пошаливали, они тут же начали палить по ковру, который дернулся несколько раз, потом заскользил вниз, к земле, стараясь избежать пуль, резко пошел вниз и хлопнулся на кочки.

Два воина подбежали к нему и стали расстреливать ковер в упор. Потом, решив, что убили его, подняли за края и потащили к капитану.

– Жалко, они пулями все дерево испортили, – прошептал Герасик, подползая к Алисе. – Видела, как я его?

– Гномы тебе должны памятник поставить, – сказала Алиса. – А кто на ковре был?

– Разве с этими волшебниками разберешься? У них ковров много. И восточные летают, аравийские, и наши. Думаю, какой-нибудь местный.

Птица Дурында вилась под облаком, и ее крик еле слышно доносился с высоты:

– Какое преступление! На кого подняли руку...

Вдруг Алиса увидела, как тельце мертвой Царевны-лягушки поднялось над водой и поплыло по воздуху. Потом медленно опустилось на траву, в ложбину, где скрывалась Алиса.

Алиса сразу догадалась, что это волшебник в шапке-невидимке держит в руке погибшую лягушку. Поэтому она спросила:

– Вас не ранили?

– Нет, – ответил тихий значительный голос.

– Это вы, волшебник Оох? – спросила Алиса.

– Да, моя девочка, – сказал волшебник. – Ковер жалко, они его весь продырявили. А новых ковров уже не делают. Разучились. Ты из-за этих бандитов к нам приехала?

– Да, – сказала Алиса. – Вы как догадались?

Странно было разговаривать с воздухом. Ей хотелось протянуть руку, потрогать волшебника, чтобы убедиться, существует ли он на самом деле.

Волшебник Оох, старый мудрец, видно, догадался об этом, и Алиса почувствовала, как теплая сухая ладонь опустилась ей на плечо.

Над головой взвизгнула пуля. Один из пришельцев на всякий случай выстрелил в их сторону.

– Сначала, – сказал волшебник, – мне бы хотелось оживить Царевну-лягушку. Большая беда, если она погибнет. Это ведь милейшая девушка, работящая, заботливая, она должна жить. Иначе погибнет целая сказка.

Тельце лягушки приподнялось в воздухе, и Алиса услышала глубокий вздох – волшебник, вероятно, поднес лягушку ко рту и старался вдохнуть в нее жизнь. Лягушка пошевелилась, подтянула длинные ножки и уселась в воздухе прямо перед лицом Алисы. Потом поправила передними лапками корону.

– Спасибо, волшебник, – сказала она. – Так мучительно погибать!

– Прячься в воду, – сказал невидимый волшебник. – И сиди там, пока они не улетят.

– Опасно, – капризно сказала Царевна-лягушка. – Я буду сидеть в воде и вдруг прогляжу свое счастье?

– Не беспокойся, – сказал Герасик. – В случае чего, я подрасту, тогда к тебе приду.

– А когда? – спросила Царевна-лягушка, которая, конечно же, не умела считать.

– Скоро, – сказал Герасик. – Ты же видишь, я почти вырос.

– Ладно, – согласилась лягушка. – Только не смотри на меня, я совсем не одета.

И с этими словами лягушка прыгнула с руки и исчезла в луже.

– А птицу Рокх вы не сможете оживить? – спросила Алиса.

– Дыхания всех волшебников не хватило бы, – печально сказал Оох. – Лучше расскажи, Алиса, в чем дело. Я хоть и из сказочной эпохи, но человек неглупый, недаром в народе меня любовно зовут мудрецом.

– Это правда, – согласился Герасик. – Из волшебников он получше других. Совсем не хулиганит.

Волшебник промолчал. И если он улыбнулся на эти слова Герасика, то Алиса этого не увидела.

Алиса шепотом рассказала про лиловый шар.

– Надо быть особенно осторожными. Как только они его закопают, мне надо вернуться в будущее. Если они его разобьют здесь, то вы все погибнете... И наверное, даже будущего вовсе не будет.

– Ты ошибаешься, Алиса, – сказал волшебник. – Ведь ты родилась на свет, и целый мир в твоем времени существует. А значит, в наше время они шар не разобьют.

– И все равно, – сказала Алиса, – надо быть осторожными.

– Они изуродовали мой любимый ковер, – сказал волшебник Оох, – который мне подарил мой друг волшебник Кемаль ар-Рахим. Только потому, что я не был достаточно осторожным.

– Дайте мне шапку-невидимку, – сказала Алиса. – Я проберусь на корабль, найду там лиловый шар и унесу его.

– Ты-то будешь невидимой, – сказал волшебник. – Но шар-то останется видимым. Тогда тебя и схватят. Надо что-то еще придумать. Может, подождем, пока они лягут спать?

Незаметно солнце подобралось к горизонту. Начинались серые дождливые сумерки.

– Я знаю, что делать, – сказал Герасик. – Сам надену шапку и подберусь к ним. Потом найду этот шар, выйду к двери и кину его в болото.

– Подожди, Герасик, – сказала Алиса. – Здесь волшебник Оох. Он лучше знает, как достать шар. Он, наверное, может их заколдовать.

– Исключено, Алиса, – сказал волшебник. – Я даже тебя заколдовать не могу. Заколдовать можно только тех, кто принадлежит к эпохе легенд. Да и вообще мы, волшебники, не колдуны, мы существа солидные, и все эти колдуны, ведьмы, экстрасенсы, телепаты – для нас обыкновенное суеверие.

– А я читала...

– Погоди, я слушаю, – сказал волшебник.

– Чего?

– Слушаю, о чем это они совещаются.

– Но ведь вы их языка не знаете.

– Разве это так важно? Я любой язык понимаю. И людей, и нечисти, и зверей, и птиц – иначе какой я волшебник?

В этот момент рядом с Алисой возник старый человек в длинном синем халате, лысый и бородатый. В руке он держал маленькую, шитую бисером шапочку.

– Удивилась? – сказал он и хитро улыбнулся.

Он высунул голову из-за куста, повернулся ухом к кораблю, от которого чуть слышно долетал гомон голосов, откинул длинные седые волосы, что свисали на уши, и тут же ухо его, к удивлению Алисы, начало быстро расти, пока не стало похожим на большой кочан капусты.

– Звукоуловитель, – сказал волшебник. – Понимаешь принцип?

– Понимаю, – сказала Алиса.

– Тогда слушай, я буду сейчас слово за словом переводить, а ты уж понимай.

Волшебник закрыл глаза, и лицо его приняло рассеянное выражение. Он начал быстро говорить, переводя речь капитана.

«Конечно, мы можем сейчас всех их истребить. – Алиса увидела, как капитан пришельцев приложил к разбитому носу платок. – Они другой участи и не заслуживают».

«Точно! Точно, мудрый капитан!» – зашумели пришельцы.

«Но чего мы этим добьемся? – спросил капитан. – Бомба у нас всего одна. Остальные эти мерзавцы приготовить не смогли».

Видно, он имел в виду покоренных ученых с Бродяги.

«Значит, нам ее надо использовать с максимальной пользой. Если мы ее сейчас взорвем, что будет?» «Они перебьют друг дружку, – ответил один из пришельцев. – И в следующий виток мы прилетим сюда на пустую и чистую от всяких тварей планету».

«А если кто-то останется? За двадцать шесть тысяч лет, прежде чем наши потомки снова сюда прилетят, они снова наплодят себе подобных. Сильные выживут. И мы столкнемся с новыми врагами, почище, чем эта птица», – капитан показал на птицу Рокх.

«Так что же делать, капитан?» «Выход один, – сказал он. – Надо надежно спрятать лиловый шар и завести в нем атомные часы. Шар расколется через двадцать шесть тысяч лет. Тогда-то они и перебьют друг друга, как раз к нашему прилету. А если за двадцать шесть тысяч лет они построят города и заводы, все это достанется нам задаром».

«Ура, наш мудрый вождь!» – закричали пришельцы.

– Все, – сказал волшебник, и ухо его стало уменьшаться. – Они замолчали.

– Теперь надо ждать, – сказала Алиса задумчиво. – Как там Громозека? Жаль, что его нет.

– Кого нет? – спросил волшебник. Его ухо медленно продолжало уменьшаться и наконец стало обыкновенным.

– Друг у нее, – сказал мальчик Герасик. – К Ведьме в лапы попал. Может, съедят его, а может, обойдется. Хотя он здоровый, страшный, похуже джинна.

– Вы мне поможете его выручить? – спросила Алиса Ооха.

– Чтобы я общался с Ведьмой? Никогда, – гордо ответил волшебник. – Я с ней триста лет не разговариваю.

– Но нашему другу грозит опасность.

– Прости, но это не моя специальность.

– Они всегда так, – сказал Герасик. – Ограниченные, можно сказать, ненастоящие.

– Почему это мы ненастоящие? – спросил строго волшебник.

– Как будто заколдованные. Любой человек на твоем месте побежал бы помочь.

– Я не человек, это правильно, – согласился волшебник. – Если в пределах моей специальности, я с удовольствием помогу. А где нельзя, там нельзя.

Алиса не отрываясь глядела на люк корабля. Сейчас там покажется пришелец с лиловым шаром. Они закопают его и улетят. Скорей найти этот шар.

В люке появился пришелец. Алиса даже привстала, и Герасик довольно больно стукнул ее по макушке, чтобы легла обратно.

Руки пришельца были пусты.

Он поклонился капитану и что-то сказал ему.

– Что он говорит? – спросила Алиса у волшебника.

– Одну минутку, – сказал тот, и его ухо снова начало увеличиваться.

– Эх, – махнула рукой Алиса, – поздно. Они уже договорились. Но до чего?

Капитан поднялся с кресла, и по его приказу усталые и перепуганные пленники, один из которых держался за живот, подняли кресло и унесли на корабль. Ковер-самолет остался лежать у корабля.

Остальные также собирались к кораблю. В вечернем свете они казались черными тенями. Каждый что-то тащил внутрь. Двое секирами отрубали голову птице Рокх, хотели взять с собой трофей.

– Ну, что они говорят? – спросила Алиса, глядя на громадное ухо волшебника.

– Улетают, – сказал волшебник.

– А как же шар?

– Чего не знаю, того не знаю.

– Но что они говорят?

– Капитан говорит о безопасном месте.

– А где безопасное место?

– Они лучше знают.

– Неужели вы не понимаете? – почти закричала Алиса. – Они же улетят, а мы не знаем, куда.

– Мы птицу Дурынду за ними пошлем. Где она? – сказал Герасик.

– Летает где-то, – сказал волшебник.

– Она за ними не угонится, – сказала Алиса.

– Мне на ковре тоже не угнаться. К тому же он простреленный.

Последние пришельцы входили в люк.

Алиса приняла решение.

Она выхватила из руки волшебника шапку-невидимку и сказала быстро:

– Оох, постарайтесь меня найти. А ты, Герасик, беги к Ведьме и освободи Громозеку.

– Ты куда? – закричал волшебник, забыв, что близко пришельцы. – Тебе нельзя, ты же человек. Тебе не положено в шапке-невидимке ходить.

Он протянул костлявые руки, чтобы поймать Алису, но ведь она уже была невидима, и потому он ее не поймал.

И Алиса бросилась к кораблю, чтобы успеть, пока не закроется люк.

Глава девятнадцатая
ПОЛЕТ

Алиса успела еле-еле. Люк уже закрывался.

По ту сторону стоял пришелец, который закрывал люк. Алиса так спешила, что ударилась о его локоть, ушиблась и отлетела к стене.

Пришелец охнул, оглянулся, но ничего не увидел.

Он закричал, кто-то откликнулся. Но Алиса не смотрела вокруг, она постаралась спрятаться в безопасное место.

Она оказалась в низком круглом помещении, из которого в разные стороны вели открытые люки, крутая лестница наверх, откуда доносился гул, будто там работала какая-то машина. Помещение было пустым и каким-то нежилым, неуютным. То ли из-за темного цвета стен и потолка, то ли из-за того, что в нем не было ни одного предмета, на котором мог бы остановиться глаз.

Алиса видела, как пришельцы быстро разносят трофеи по соседним помещениям, трое тащили, надрываясь, голову птицы Рокх. Один из них открыл, откинул большой люк в полу, и они свалили голову туда. Потом

Алиса увидела, как стоявшие у стены пленники также двинулись вперед и подошли к этому люку. Пришелец толкнул одного за другим, и они покорно свалились вниз.

Капитан корабля поднялся по лестнице наверх. Алиса подумала, остаться ли ей здесь, неподалеку от входа, или пойти за капитаном. Лучше рискнуть и подняться за капитаном. С капитанского мостика она увидит, куда они летят. Алиса бросилась по лестнице наверх и оказалась в довольно тесном и мрачном капитанском отсеке. Капитан уже сидел в кресле перед пультом, по сторонам два пилота. В отсеке стояло еще два кресла. В одном сидел солдат, другое, на счастье, оказалось пустым.

Алиса кинулась туда, упала в кресло. Видно, солдат, сидевший рядом, услышал шаги и подозрительный шум и с удивлением поглядел в ее сторону. Если солдат и заподозрил неладное, он все равно не успел ничего сказать, потому что жужжание двигателей усилилось и корабль резко пошел наверх. Алису вдавило в кресло. Хорошо, что Алиса привыкла летать в космосе и знала, что это такое.

Перегрузки длились недолго.

Капитан включил экран. На нем была видна Земля с высоты примерно ста километров. Она медленно плыла под кораблем. Алиса тут же поняла, что они направляются к юго-востоку. Вот внизу проплыло Черное море. А Каспийское море оказалось куда больше, чем в XXI веке. Алиса его с трудом угадала. Затем под кораблем пошла пустыня. «Каракумы», – поняла Алиса.

Алиса встала позади капитана и старалась не дышать.

Под кораблем потянулись горы. Минуты текли медленно, Алиса устала стоять неподвижно, она отошла назад, нечаянно натолкнулась на солдата, который тоже встал со своего кресла. Алиса о нем совсем забыла.

Солдат охнул и что-то воскликнул.

Капитан обернулся. Обернулись и пилоты.

Солдат начал быстро говорить. Алиса метнулась в сторону. Она боялась, что пришельцы начнут обшаривать корабль. Но они, видно, никогда не слышали о шапках-невидимках и поэтому только расхохотались в ответ на жалобы солдата.

Алиса успокоилась. Снова взглянула на экран. Горы становились все выше, вершины их были покрыты снегом.

«Куда меня занесло, – подумала Алиса. – Это же Гималаи! Может быть, мы пролетим дальше и опустимся в Древней Индии? Там, по край-

ней мере, тепло. Ведь если мы опустимся на Гималаях, я попросту умру от холода! Ну тяни дальше, – мысленно уговаривала Алиса капитана. – Не спеши опускаться».

Надеждам ее не суждено было сбыться. Капитан отдал приказание, и корабль пошел на снижение. Алиса еле успела нырнуть в кресло.

Глава двадцатая
В ГОРАХ

Когда корабль замер, Алиса первой успела выбежать из капитанского отсека, сбежать по лестнице и встать неподалеку от люка. Так что, когда капитан подошел к люку, она уже была готова выскочить наружу.

Откуда-то выскочил солдат с целой охапкой меховых одежд. Капитан натянул на себя шубу, его примеру последовали пилоты. «Ох, сейчас бы схватить одну из шуб», – подумала Алиса. Но неизвестно еще, станет ли шуба невидимой. Наверное, станет. Ведь ее скафандр невидим!

Алиса потянула к себе последнюю шубу, которую держал воин.

Тот удивился, но шубу не отдал, а потянул на себя.

Алиса потянула сильнее. Солдат не сдавался. Тогда Алиса поняла, что побороть солдата она не сможет, а если и сможет, то наверняка будет разоблачена. Она с сожалением отпустила шубу, и солдат от неожиданности отлетел к стене.

Капитан рассердился и закричал на него.

Солдат стал оправдываться, но тут открылся еще один боковой люк, и оттуда показался пришелец, который осторожно держал в руке прозрачную сумку, в которой покачивался лиловый шар.

Алиса не могла оторвать от него глаз.

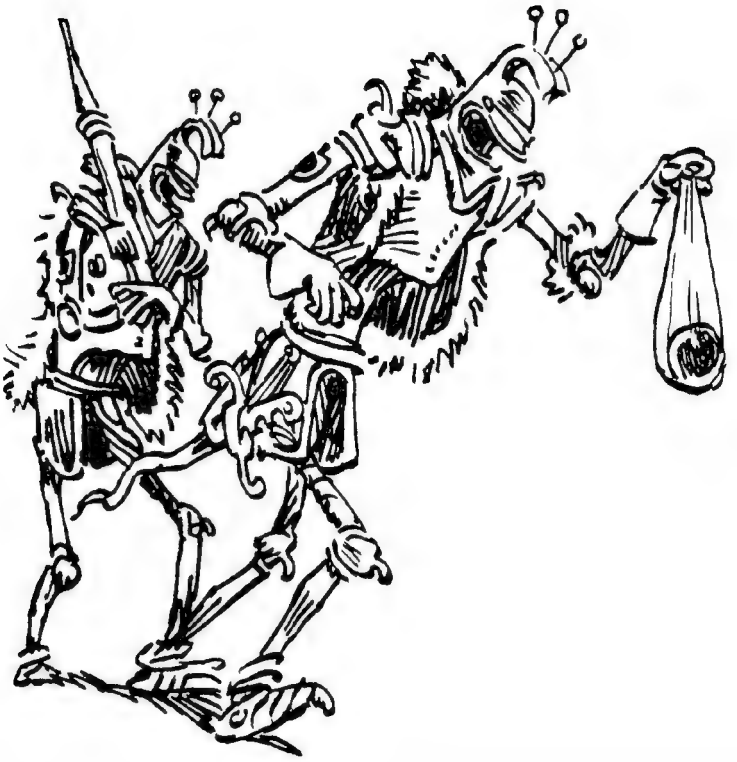
Конечно же, она помнила, что пробралась на корабль пришельцев специально для того, чтобы найти этот шар. Но все равно появление его было таким неожиданным, словно шара в самом деле не существовало.

Но капитан и остальные пришельцы отнеслись к этому шару совершенно спокойно. Капитан потрогал шар. Проверил.

Появился еще один пришелец, он нес длинный, заостренный на конце аппарат.

Капитан оглядел всех, убедился, что все в порядке, и отдал приказание.

Солдат откинул запор люка и отодвинул его в сторону. Морозный звездный вечер царил над площадкой, притулившейся к склону громадной



снежной горы. Ветер нес редкие снежинки, и струя его, ворвавшаяся в корабль, была такой жгучей, что солдаты буквально отшатнулись в сторону. Алисе стало страшно при мысли, что сейчас придется выходить на такой мороз. Может быть, поглядеть, где они спрячут шар, и потом вернуться на корабль? Она даже улыбнулась собственной глупости: вернее всего, корабль сразу же полетит обратно к Бродяге, и тогда ей предстоит провести остаток своей жизни жалкой пленницей на разбойничьей планете.

Капитан прикрикнул на своих подчиненных. Они нехотя двинулись наружу. Оружие они держали наготове.

Капитан сошел сразу за пришельцем, который нес сумку с лиловым шаром.

Наконец выскочила и Алиса. И вовремя, потому что оставшиеся в корабле пришельцы поспешили закрыть дверь, чтобы не выстудить корабль.

Алиса остановилась возле корабля. Как теперь идти? Она же будет оставлять следы в снегу! Значит, надо идти так, чтобы попадать в следы пришельцев. Правда, сделать это оказалось не очень легко, потому что они были вдвое выше Алисы и шагали широко. Пришлось прыгать от следа к следу. От этого Алиса даже согрелась.

Пришельцы не стали отходить далеко от корабля. Они взобрались на невысокую плоскую скалу, которая возвышалась над снегом. Капитан указал на центр скалы, и человек с длинной машиной в руках включил ее – она оказалась буром. Посыпались осколки камня. Алиса переминалась с ноги на ногу – холод проникал до костей.

В скале образовалось углубление. Тем временем другие пришельцы тащили со всех сторон камни.

Капитан сам медленно и аккуратно положил шар в углубление, потом они начали осторожно класть сверху камни, пока не образовалась небольшая каменная пирамидка.

«Что ж, они не дураки, – подумала Алиса. – Пройдут тысячелетия, многое изменится в долинах. Но здесь, на вершине мира, горы будут неподвижно и безмолвно охранять тайну лилового шара...» Капитан поглядел на пирамидку и первым поспешил обратно к кораблю. Он дрожал от холода.

Остальные побежали следом за ним.

Алиса тоже было поспешила к кораблю, вернее, ее ноги поспешили к кораблю, потому что ее тело хотело спрятаться в тепле. Но голова сказала ногам: терпите. Никуда ты, Алиса, отсюда не побежишь.

Один за другим пришельцы вскакивали в люк. Потом люк закрылся.

Алиса осталась.

«Надо терпеть, – повторяла она. – Надо терпеть».

Корабль вдруг покачнулся. Поднялся снежный вихрь. И, набирая высоту, корабль помчался в вечернее небо, пока не превратился в маленькую звездочку.

Сумерки на вершине Гималаев подходили к концу. Небо было зеленым там, где опускалось солнце, а с другой стороны оно стало уже темно-синим. Алиса сняла шапку-невидимку, спрятала в карман. А то еще свои же не найдут.

Алиса, чтобы не закоченеть, пошла к пирамидке.

Она стала оттаскивать камни. Ну почему она даже не надела перчаток! Руки тут же окоченели.

Камни были тяжелыми, Алиса задыхалась – сюда, на такую высоту, только альпинисты забираются.

Но Алиса знала, что останавливаться нельзя. Мороз только и ждет, чтобы она сдалась.

Наконец показался шар. Алиса взяла его в руки.

Он успел остыть. Он был тяжелым и скользким.

Надо спускаться вниз. Правда, конца этим горам не видно. Руки закоченели, холод подбирается к самому сердцу. Поднялся ветер. Он стегал по лицу снегом.

Алисе очень хотелось сесть на снег и немножко поспать. Она понимала, что делать этого ни в коем случае нельзя, но ведь на минутку-то можно?

Она присела...

И тут услышала, как сквозь сон, что неподалеку кто-то развел костер. Потрескивают дрова, пахнет дымком. Алиса понимала, что это сон, но сон был приятным.

– Так нельзя, – донесся издалека голос. – Так и замерзнуть можно.

Сильные руки подняли ее.

Алиса с трудом раскрыла глаза.

Нет, это был не сон. Ее держал на руках молодой человек с короткой русой бородой, одетый в овчинный тулуп и высокую меховую шапку. На ногах – валенки.

А за его спиной на снегу спокойно стояла самая обыкновенная русская печь с трубой. Из трубы валил дым.

Молодой человек посадил Алису на печь, открыл дверцу, взял пару полешек, положил в печь, пламя загудело веселее. Потом он взобрался на печку и сказал:

– Поехали домой, старая!

Печка качнулась, приподнялась и медленно поплыла над снегом, направляясь вниз по склону.

– Спасибо, – сказала Алиса. – Еще немного, и я замерзла бы.

– Это точно, – сказал молодой человек. – От смерти тебя отделяли минуты. Тебя забыли или нарочно бросили?

– Я сама.

– Не захотела, значит. А я гляжу – что-то с неба опустилось. Ну, решил, это от Мороза Тимофеевича за мной. Затаился. А потом гляжу – улетает. Поехал посмотреть. А тут ты сидишь, замерзаешь.

– Я знаю, кто вы такой! – закричала Алиса. – Вы Иванушка-дурачок, который на печи ездил и на принцессе женился. Я про вас в детстве читала.

– Зови меня просто Ваней, – ответил молодой человек. – Все ты правильно угадала, только про принцессу ошиблась.

Печка тем временем спустилась по склону в неширокую долину и остановилась возле входа в пещеру.

– Пригнись, – сказал Ваня. Печка въехала внутрь пещеры и затормозила у стены большого зала. Дрова в ней загорелись сильнее и осветили небогатую обстановку зала. Там стоял стол, скамейки, полки с утварью, на полу шкуры. На шкурах сидели два мальчика, которые с удивлением уставились на Алису.

Красивая молодая женщина в длинном, отделанном мехом и позументом голубом платье вышла из темноты и сказала:

– Добро пожаловать, девочка. Не от моего ли дедушки весточку принесла?

– Я вашего дедушку не знаю, – сказала Алиса. – Я не сказочная, я из будущего. А вы принцесса?

– Сказано тебе, принцесс не держим, – ответил Ваня, спрыгивая с печки. – Жена моя, Снегурочка.

– Очень приятно познакомиться. Я встречалась с вашей сестрой. В холодильнике, – ответила Алиса, зная, что ей надо слезть с печки. Но глаза сами закрылись, тепло сморило ее, и она не заметила, как заснула.

Глава двадцать первая
КАК ОТДЕЛАТЬСЯ ОТ ШАРА

Когда Алиса открыла глаза, ей сначала показалось, что она дома и что пора идти в школу. Но тут же она услышала, как булькает каша в горшке на печи, детский смех и звон ложек. Снегурочка накрывала на стол.

– Доброе утро! – сказала Алиса.

– Проснулась? – спросила Снегурочка. – Позавтракай с нами.

Снегурочка поставила перед Алисой горшок с кашей.

– У нас небогато, – сказала она. – Ты уж не обижайся.

– Спасибо, – сказала Алиса. – А вы уже поели?

– Ребятишки поели, а я горячего не употребляю.

– А почему вы здесь живете? – спросила Алиса.

– Из-за любви, – ответила Снегурочка. – Иванушка как встретил меня, так полюбил, даже принцессу не стал искать. Но мой дедушка Мороз Тимофеевич очень возражал против нашей любви. Тем более весна надвигалась, пора было нам уходить, чтобы не растаять. Тогда Иванушка посадил меня на самоходную печку и повез сюда, на Гималайские горы. Здесь никогда тепло не бывает. И дедушка до нас со своим гневом не доберется.

– Хотите, я с вашим дедушкой поговорю? Он ко мне хорошо относится.

– Не надо. Мы живем тихо, никому не мешаем. А дедушке только расстройство.

– Скучно, наверное, – сказала Алиса.

– Что значит скучно? – ответила вопросом Снегурочка. Она села за стол рядом с Алисой, подперлась прекрасной белой ручкой и улыбнулась алыми губами. – Ради меня Иванушка от всего отказался, хоть и не сознается, а очень тоскует по лесу и речкам. А ведь не кинет меня. Счастливы мы с ним. И ребятишки у нас растут, хозяйство, хоть небольшое, но забот много. Ему на охоту надо ходить, да еще вниз, в долину, за дровами и овощами для детей. Скучать некогда... А теперь ты расскажи, почему тебя в горах бросили? Кому ты не угодила?

– У меня было очень важное дело... – начала Алиса и спохватилась: где лиловый шар? Она начала шарить руками вокруг, потом вскочила, кинулась к печке.

– Тут был шар, – говорила она. – Вы его не брали?

– Поехали домой, старая!

– Нам чужого не нужно, – ответила Снегурочка. – Может, ребятишки взяли поиграть? У них игрушек мало, вот и берут. Да не бойся, поиграют, отдадут.

– Это очень опасно! – воскликнула Алиса и бросилась из пещеры.

Ярко сверкал снег, на темном небе светило солнце. По снегу, неподалеку от пещеры, бегали дети Снегурочки и играли в футбол лиловым шаром.

– Отдайте немедленно! – закричала Алиса, ежась от холода.

Мальчики засмеялись. Когда Алиса подбежала к ним, они стали перекидывать мяч, чтобы она его не схватила. Алиса с ужасом представляла себе, как шар упадет, ударится о камень и разобьется.

Навстречу ей поднимался по склону Иванушка. Он нес на плече большое бревно.

– Остановите их! – кричала Алиса. – Это опасно!

– Ничего, – улыбнулся Иванушка, – они у меня шустрые, не разобьются.

– Вы ничего не понимаете. – У Алисы слезы брызнули из глаз. – Вы ничего не понимаете!

Слезы застилали глаза, поэтому Алисе сначала показалось, что в глаз попала соринка.

Но это была не соринка – в синем небе возникла черная точка, которая постепенно приближалась. И еще через минуту уже можно было различить ковер-самолет, который летел неровно, проваливался в воздушные ямы. На нем тесной кучкой сидели друзья Алисы.

– Волшебник! – закричала Алиса. – Скорее!

Иванушка тоже увидел гостей.

– За тобой, говоришь? – спросил он. – А то, если от Мороза Тимофеевича, придется мне бежать.

– Не бойтесь, им до вас дела нет, – сказала Алиса, подбегая к приземлившемуся ковру.

Громозека выпрямился на своих слоновьих лапах и тут же увидел лиловый шар в руках у мальчика.

– Алиса, – сказал он укоризненно. – Я же тебя предупреждал, с шаром играть нельзя. Ну как тебе можно было доверить ответственное дело!

Он требовательно протянул вперед щупальце, и перепуганный мальчик тут же отдал ему шар. Громозека сунул шар в карман.

– Сколько всего навидался, – сказал дрогнувшим голосом Иванушка, – но такого страшилища еще не встречал.

Он положил бревно на снег и обнял своих сынишек.

– Не бойтесь, – сказала Алиса, хоть и была обижена на Громозеку: можно подумать, это он рисковал жизнью в горах, доставая шар. – Они все мои друзья.

– Друзья, говоришь? Тогда пускай заходят в дом. Мы гостям всегда рады, – сказал Иванушка.

Через три минуты основательно продрогшие путешественники оказались в пещере. Ворона Дурында залезла на печку и громко кричала, что у нее начинается бронхит.

У Иванушки и Снегурочки припасов было в обрез, так что волшебник Оох велел Снегурочке принести тарелки и ложки, а он уже обеспечит остальное. Можно себе представить, какие кушанья оказались на столе в пещере!

Герасик, конечно, принялся за еду так, что за ушами трещало. Мальчишки от него не отставали.

Но Громозека, который обычно отличался хорошим аппетитом, на этот раз ничего не ел. Он думал.

– Главное, – сказал он наконец, – то, о чем мы в суматохе не догадались.

– Что? – спросила Алиса.

– Как же нам от него избавиться?

– Мы возьмем шар с собой, – сказала Алиса. – И папа его обезвредит.

– Чепуха, – ответил Громозека. – Шар может взорваться в любой момент. Там, в далеком будущем.

– Может, закопать... – сказала Алиса и осеклась. Как его закопаешь? Он же все равно взорвется, и вирусы вылезут наружу.

– А если его выкинуть? – спросил волшебник Оох.

– Куда выкинуть? – не понял Громозека.

– На Луну, – сказал Оох, улыбаясь в бороду.

– Только абсолютной неграмотностью можно объяснить такое предложение, – вздохнул Громозека. – Вы не представляете, сколько километров до Луны.

– К тому же ваш шар ударится о небо и упадет обратно, – сказал Герасик.

– Расстояние – не проблема, – сказал волшебник. – Я как-то пробовал закинуть туда одного джинна. Почти докинул. А ведь ваш шарик полегче будет.

– Докинет! – закричала с печи Дурында. – Он же не силой, а колдовством кидает.

– Ну знаете, – Громозека развел щупальца во все стороны. – Мне эти сказки немного надоели.

– Если Оох сказал, значит, может, – ответила Алиса. Она-то верила в сказки.

Поблагодарив хозяйку, они вышли наружу.

– А где Луна? – спросил Герасик. – Не вижу Луны. Ночи надо ждать.

– Это несущественно, – ответил волшебник. – Пока шар долетит, Луна придет в расчетную точку.

Алиса с удивлением глядела на волшебника. Он явно знал больше, чем положено обыкновенному волшебнику.

Волшебник взял шар, закатал рукав синего, расшитого звездами халата и замахнулся было старческой тонкой рукой, но тут его остановил крик Алисы:

– Там же люди! Там колонии, экспедиции, Луноград.

– Не бойся, – ответил Громозека. – Там все в скафандрах.

– А если случайно вирус проникнет в город?

– Решайте, – произнес волшебник, хлюпнув носом, – а то у меня насморк начинается.

– Не знаю, что и делать, – сказала Алиса.

– Вообще-то говоря, – сказал волшебник, – если посильнее замахнуться, я и дальше могу закинуть.

И прежде чем кто-нибудь успел возразить, волшебник сильно размахнулся и метнул шар вверх.

Набирая скорость, шар поднимался все выше, потом исчез из глаз, и только белый след, как от реактивного самолета, остался в синем небе.

– Что вы наделали! – ахнула Алиса.

– Ничего страшного, – ответил Оох, – ведь Солнце раскалено так, что ни один вирус там не выживет.

– Вы его закинули на Солнце?

– Есть еще порох в пороховницах, – скромно ответил волшебник.

– Что такое порох? – спросил мальчик Герасик.

– Порох, молодой человек, – сказал волшебник Оох, – еще не изобрели.

– Значит, изобрету, – сказал мальчик.

Вокруг света за три часа

Эта история началась очень мирно. Ничто не предвещало драматических событий.

В середине сентября, в четверг, сразу после школы, Алиса и ее друг Пашка Гераскин решили слетать на Волгу, в леса за городом Калязином, где, как говорили, отличные уродились рыжики. Алиса любит собирать грибы, а Пашка готов к любому приключению, лишь бы не сидеть дома.

Они взяли Пашкин флаер и не спеша полетели на северо-запад по тихой проселочной воздушной трассе. Пашке все не терпелось спуститься искать грибы, поэтому он, как увидел хороший лес, начал уверять, что, по его мнению, именно здесь растут самые лучшие рыжики. Но Алиса не сдавалась и упрямо вела машину дальше. Настоящие рыжики водятся далеко не везде.

Наконец, внизу проплыли белые небоскребы Калязина, показалась река, посреди которой стояла колокольня. Когда-то, в первой половине XX века, Волгу возле Углича перегородили плотиной, вода поднялась и затопила часть старого Калязина, в том числе и собор. Так и осталась колокольня посреди реки, подобно высокой острой скале.

Еще через несколько минут флаер опустился на берегу небольшой речки. Было тихо, солнце еще грело, но от реки тянуло холодком. Деревья уже начали облетать, хоть трава еще была зеленая.

Алиса взяла корзину, а Пашка пошел рядом, рассуждая о том, что давно пора изобрести грибоискатель, и даже придумал принцип его работы – по запаху. Для того чтобы доказать, что грибоискатель придумать нетрудно, он срывал поганки и сыроежки, нюхал и что-то диктовал на свой очень тяжелый браслет, в котором объединены телевизор, диктофон и секундомер, не говоря уж о термометре и барометре.

Пашка мешал Алисе своей болтовней, потому что грибы требуют тишины и сосредоточенности, и она велела ему отойти. Тогда он заявил, что скоро начнется футбол и он будет смотреть его, поэтому выйдет сейчас к речке, по ней вернется к флаеру и там дождется Алису. Алиса согласилась.

Пашка побежал направо, забыв о грибах, а Алиса почти тут же увидела в траве небольшую розовую, темнеющую к центру шляпку – рыжик. За ним второй, третий... Но через минуту ее занятие было прервано отчаянным воплем Пашки:

– Алиса-а-а! Сюда!

Он кричал так, словно на него напал медведь. Алиса бросилась в ту сторону.

Метров через двести деревья расступились, показалась поляна, за ней текла речка.

Пашка прыгал по краю поляны, размахивая руками.

– Что с тобой?

– А ты посмотри!

И тут Алиса увидела, что Пашка суетится возле недавно погашенного костра, а дальше на траве валяются консервные банки, пластиковые пакеты, скомканная бумага и другой мусор.

Такого Алиса за свою жизнь еще не видела.

Она знала, конечно, что когда-то встречались люди, которые засоряли леса, жгли деревья, портили реки, и из-за этого потом пришлось потра-

тить громадные средства и усилия, чтобы сейчас привести Землю в порядок. Но эти грустные события давно уже ушли в историю. На всей Земле не нашлось бы человека, который мог не убрать за собой мусор в лесу, разорить муравейник или убить лягушку. Все с грудного возраста понимали, что Земля – это наш дом и наша кормилица. И портить ее хуже, чем обидеть маленького ребенка.

Но вот, оказывается, нашелся такой человек.

– Этого не может быть, – произнесла Алиса.

– Вот я и кричу, – ответил Пашка.

Алиса оглянулась. Может, этот человек просто отошел и по рассеянности забыл за собой убрать? Но тут же она поняла, что пытается себя утешить. Мусор был мокрый, а дождь шел только утром, к тому же на банках и бумажках валялись иглы и бурые листья – они насыпались не только что.

А Пашка, словно угадав мысли Алисы, показал на примятую под деревом траву и углубления от креплений – тут была надувная плащ-палатка, в которой этот негодяй ночевал.

– Ну что, уберем, а потом сообщим лесному патрулю? – спросил Пашка.

– Погоди, – возразила Алиса. – Это ужасное преступление. Если узнает лесной патруль, он будет беспощаден.

– А что будет?

– С ним никто здороваться не станет, – предположила Алиса. – Его жена уйдет, его дети возьмут себе другую фамилию, никто не захочет с ним рядом работать.

– Да, тяжелый случай, – сказал Пашка. – Давай тогда сами быстренько уберем – пускай живет.

– А он и дальше будет гадить? Если человек начал совершать преступления, его трудно остановить, пока он убежден в своей безнаказанности. Я читала об этом. Представляешь, среди нас будет ходить такой тип и еще ухмыляться.

– Ну что же тогда делать?

– Я знаю, – сказала Алиса. – Мы заставим его самого все убрать.

– Правильно! – обрадовался Пашка. – И пусть он знает, что только наше чрезвычайное благородство и доброта его спасли. Ему от возмездия никогда не уйти.

Все было замечательно. Решение принято.

– Постой, – сказала Алиса. – А где он?

– Он? – удивился Пашка. – Он трепещет перед неминуемым наказанием. Он прячет свое жирное тело в утесах.

– Прости, а в каких конкретно утесах?

– Не знаю.

– А как мы его найдем и заставим за собой убрать?

– Не подумал, – сказал Пашка. – Из головы вылетело. А в самом деле, как?

Алиса опустилась на корточки, разглядывая мусор. Вся их затея висела на волоске. Если не найти преступника, то как его наказать? Эту проблему еще никто и никогда не смог решить.

Алиса взяла консервную банку. Надпись на ней была английская. «Бифштекс с жареной картошкой. Саморазогревающийся. Чуть недожаренный. Сделано в Дарвине».

– Вот так, – сказала Алиса. – Уже что-то.

– Дарвин, – произнес Пашка. – Это, наверное, в Англии. Я думаю, что это город, в котором родился Чарльз Дарвин.

Он тоже присел рядом и начал разглядывать пластиковый мешок, на котором был изображен красивый город на фоне невысоких гор. Маленькими буквами под картинкой было написано: «Веллингтон».

– Ну, что я говорил! – обрадовался Пашка. – Веллингтон. Это английский маршал, он победил Наполеона. А в этом городе он родился. Надо лететь в Англию и выяснять, кто там любит рыжики.

– Павел, – сказала Алиса. – Ты как доктор Паганель, который завел своих друзей в другую часть света, потому что был слишком ученым.

– А что? – насторожился Пашка, который Жюля Верна знал наизусть и сразу понял, что сплоховал. – Разве Дарвин родился в Америке?

– Вернешься в школу, – строго сказала Алиса, – добровольно пойдешь к географу и попросишь, чтобы он тебе поставил незачет за первое полугодие. В прошлом году мы проходили Австралию. Там есть город Дарвин. Веллингтон находится в Новой Зеландии.

– Я и говорю, – ничуть не смутился Пашка. – Но тем не менее Веллингтон победил Наполеона при Ватерлоо. А ты об этом и не подозревала.

И Алисе ничего не оставалось, как улыбнуться и продолжить поиски.

Она теперь знала, что преступник прилетел сюда из Австралии или Новой Зеландии. Вряд ли он специально слетал туда за пакетом и консервными банками. Кстати, остальные банки тоже были австралийскими и новозеландскими. Но все-таки этого было мало, чтобы его найти. Двад-

цать миллионов австралийцев и пять миллионов новозеландцев ни в чем не виноваты и никогда не были в лесу под Калязином.

Так как больше ничего найти на том месте не удалось, Алиса пошла вниз, к реке. Там она увидела еще следы варварства. Тот человек ловил там рыбу, чистил грибы и не только за собой не прибрал, но и оставил у воды грязную тарелку. И тарелка послужила последней уликой. На ее бортике была оттиснута в обрамлении волн и ветвей английская надпись: «Подводная база Морсби. Новозеландский океанографический центр».

С тарелкой в руке Алиса поднялась наверх, где Пашка смотрел футбол на миниатюрном телеэкране своего браслета, и сказала:

– Паш, ты тут пока посиди, а я слетаю в Новую Зеландию.

Алиса показала ему тарелку.

– Ясно, – сказал Пашка. – Я с тобой. Как только кончится футбол, сразу полетим.

– Нет, – ответила Алиса. – Я быстренько – туда и обратно. А ты оставайся здесь, потому что может прилететь лесной патруль, а они ничего не знают. Ты им все объяснишь, скажешь, что я полетела, чтобы притащить этого негодяя сюда.

– Может, все-таки я, а? Вдруг он будет сопротивляться?

– Я там буду не одна.

– Ну, тебе виднее, – сказал Пашка. – Только я в сторонке посижу, чтобы его безобразие не видеть. А то мне захочется убрать, я не выдержу и все тебе испорчу.

Алиса за несколько минут добежала по берегу до флаера. У нее была еще идея, и ее она осуществила, когда пролетала над Калязином. Она вызвала сверху городскую гостиницу и, когда на экранчике появилось лицо дежурной, спросила:

– Простите, у вас не останавливался тут один турист из Новой Зеландии?

– Нет, – ответила дежурная. – Из Новой Зеландии у нас туристов не останавливалось. Сейчас вообще не сезон... За последние два дня прилетели только воднолыжники, а также С. Иванов, Пуркинелли и Смайлс с детьми.

– Смайлс? Очевидно, это тот, кто мне нужен.

– Он врач из Канады и проходит стажировку в нашей больнице.

– Тогда он мне не нужен.

Алиса поблагодарила дежурную и взяла курс на Москву. Она гнала изо всех сил. К счастью, аэропорт Внуково расположен по эту сторону

Алиса поблагодарила дежурную и взяла курс
на Москву. Она гнала изо всех сил.

города, так что Алиса через сорок минут уже бежала к стойке, где шла регистрация на вылет в Сидней.

Еще через двадцать минут стратолет взмыл свечой в небо, покинул земную атмосферу и по крутой дуге пошел на юго-восток. Через пятьдесят минут он опустился в Сиднее, и Алиса местным рейсом долетела до Веллингтона, откуда на таксолете добралась до подводной базы Морсби.

Такси опустилось на квадратную платформу, посреди которой возвышалось небольшое строение – сама станция лежала на морском дне, на глубине километра, а платформу с ней связывали скоростные лифты.

Алиса вбежала в строение.

Вид у нее был взъерошенный, осунувшийся, да и одета она была для осеннего леса под Калязином, а совсем не для теплого океанского климата.

Молоденькая девушка в белом купальнике при виде Алисы вскочила из-за стола.

– Что случилось? – спросила она.

– Простите, – сказала Алиса. – Я к вам на минутку. Мне только надо спросить, кто-нибудь из ваших сотрудников в последние дни улетал на север?

– Я даже и не знаю, – ответила девушка. – Хочешь воды, девочка? Или сока? У нас много сотрудников, и все летают туда-сюда.

– А кто-нибудь из них любит рыжики?

Девушка от удивления открыла рот. И если при этом учесть, что разговор шел по-английски, а Алиса не знала, как рыжики по-английски, а сказала просто «рыжие грибы», то удивление дежурной можно понять.

– Что произошло? Ты откуда прилетела?

– Из Москвы. Вернее, из леса.

– А что было в лесу?

– Я не могу сказать, – ответила Алиса. – Это слишком ужасно. Я не имею права бросать подозрение на человека, которого не знаю.

– Но на кого?

– Вы мне можете сказать, кто из ваших подводников прилетел сегодня?

– Пожалуйста.

Девушка протянула Алисе стакан сока, а сама набрала запрос на компьютере. Через несколько секунд желтая карточка лежала перед Алисой.

Она не успела взглянуть на нее, потому что в дверь влетели три человека, обвешанные камерами, осветительными приборами и штативами.

– Где? – закричал с порога первый из них.

– Вы опоздали, – ответила девушка.

– Как опоздали?

– Его уже почти загнали в сеть, но он скрылся в подводной трещине.

– И не успели сфотографировать?

– К счастью, Семен успел это сделать, – ответила девушка.

Алиса так и не поняла, о чем идет речь. Она уже снова глядела на карточку. На ней в столбик было выписано шесть имен. Она очень надеялась отыскать среди них имя Смайлса. Но имени Смайлса там не было. Там были: Сато, Пирсон, Эминеску, Чакравартин, Поло и С. Иванов.

– Иванов! – буквально подскочила Алиса. – Вот ты мне где попался!

Она не стала ничего спрашивать у девушки. Вниз вел только один путь – лифтом.

Алиса вбежала в лифт и нажала кнопку нижнего этажа.

Лифт остановился в большом зале, перекрытом прозрачным куполом. Купол был похож на звездное небо. И Алиса не сразу поняла, что это не небо, а черная вода, в которой снуют, плавают и висят на месте светящиеся рыбы и другие морские животные.

В зале было довольно много народу. Все громко разговаривали, спорили, даже кричали. Многие разглядывали цветные фотографии.

– Простите, – спросила Алиса, подойдя к первой группе людей. – Вы не видели С. Иванова?

– Семена? – спросил седой бородач в плавках. – Минут пять назад здесь был.

Алиса кинулась к другой группе людей.

– Скажите, – спросила она у худенькой японки. – Вы не видели С. Иванова?

– Конечно, видела, – ответила японка. – Он мне отдал эту фотографию. Хотите посмотреть?

Она протянула фотографию Алисе. На фотографии было изображено животное, похожее на тюленя, только с очень длинной шеей и маленькой головой. Рядом с животным плыл человек, и ясно было, что животное очень велико, метров шесть длиной, а может, и больше.

– Что это? – спросила Алиса.

– Неужели не догадалась? Это же морской змей! Мы его преследовали и выслеживали шесть месяцев. И если бы не С. Иванов с его гениальным

умением фотографировать, все наше многочасовое преследование морского змея пропало бы впустую.

– Он умеет не только фотографировать, – язвительно сказала Алиса, но японка ее не поняла, она уже вновь разглядывала фотографию загадочного чудовища.

Алиса обежала весь зал, подходила ко всем, всех спрашивала о С. Иванове. Все его только что видели, но никто не знал, куда он делся.

Минут через пятнадцать, поняв, что Иванова в подводном зале нет, Алиса поднялась наверх.

– Ну что? – спросила дежурная. – Нашла, кого искала?

– Он только что был. Может, убежал?

– А кто тебе все-таки нужен?

– Мне нужен ваш гениальный фотограф С. Иванов, – сказала Алиса.

– Но он минуту назад промчался мимо меня как молния, – сказала девушка. – Вот, дал мне фотографию и исчез.

– Куда? – почти закричала Алиса.

– Он не сказал, – ответила девушка. – Но ты не расстраивайся. Может, он еще вернется. Хочешь фотографию на память? Первый морской змей!

– Спасибо, – сказала Алиса и вышла на платформу, возле которой на маслянистых ленивых волнах покачивались несколько пустых флаеров.

Алиса поглядела вверх. Ей показалось, что на фоне голубых гор Новой Зеландии она видит точку флаера. Это он!

Теперь он не скроется!

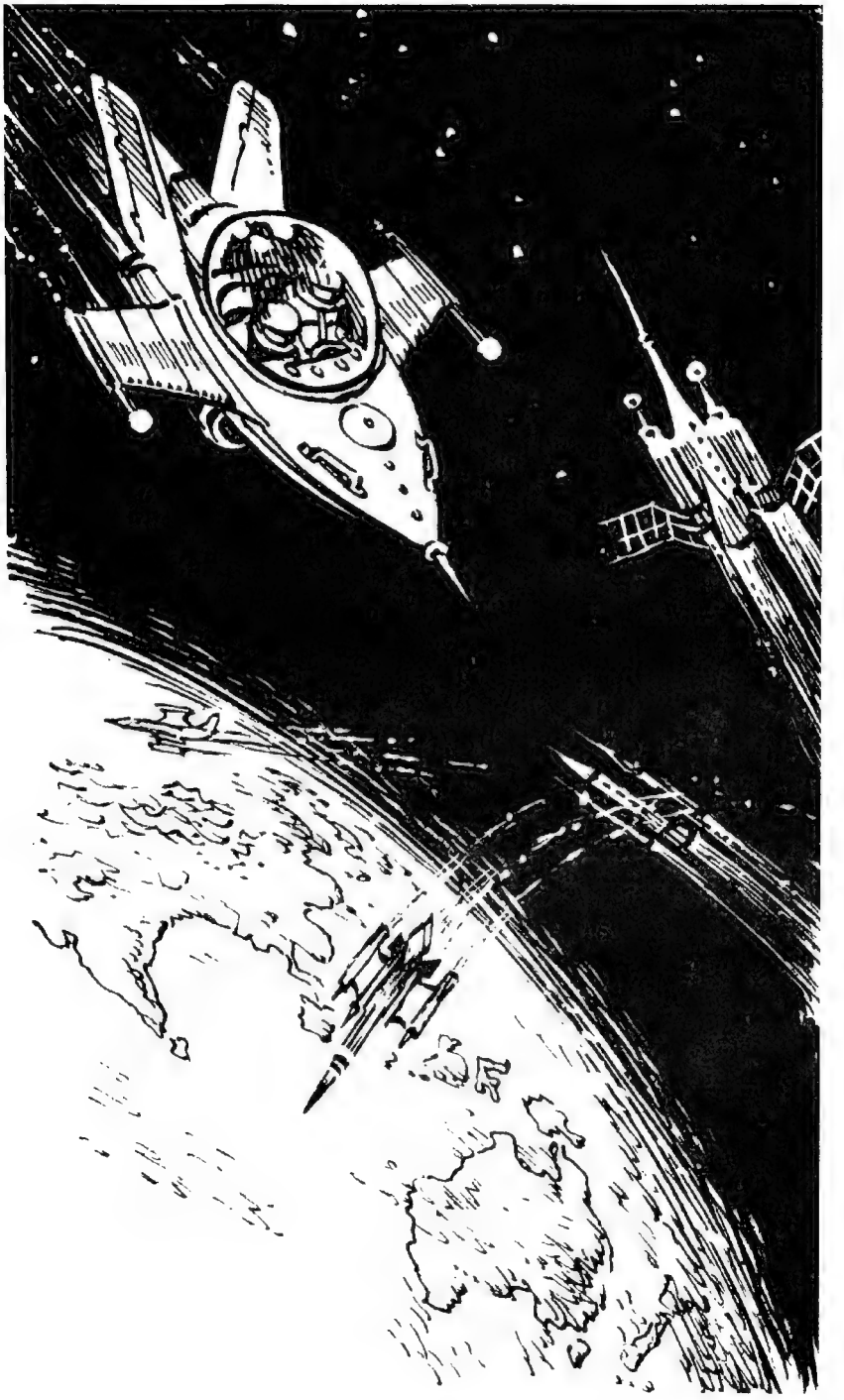
Алиса прыгнула во флаер и полетела вдогонку. Но уже через три минуты оказалось, что она гналась за альбатросом.

Так окончилась ее погоня.

Алиса не знала, что ей делать. Конечно, можно вернуться на подводную станцию и ждать, пока С. Иванов вернется обратно. Можно объявить его розыск в Веллингтоне.

Но тут Алиса взглянула на часы и поняла, что прошло уже больше двух часов, как она улетела из леса, и Пашка сидит там голодный и волнуется, куда она делась. Да и сама она устала.

«Ладно, – подумала Алиса. – Пусть Иванову будет хуже. Не надо было скрываться. Я прилечу обратно, мы уберем с Пашкой мусор, а потом расскажем обо всем лесному патрулю. Имя преступника известно. Больше ему не придется раздаривать фотографии морских змеев».



Алиса прыгнула во флаер и полетела вдогонку. Но уже через три минуты оказалось, что она гналась за альбатросом.

С такими мыслями Алиса добралась до аэропорта, села в первый же стратолет, который шел через Антарктиду в Африку, в Дакаре пересела на московский рейс и через три часа и десять минут после отлета из леса вернулась на поляну у речки.

Она посадила флаер там, где должен был ее ждать Пашка.

Но поляна была пуста. Больше того, Пашка, оказывается, не дождался ее и все убрал. Поляна была чиста, и лишь примятая трава там, где была палатка преступника С. Иванова, напоминала о том, что здесь произошло.

– Пашка! – закричала Алиса. – Эй, ты где?

Никто не откликнулся.

Алиса устала, даже грибы собирать не хотелось.

Тем более что ее корзины нигде не было видно. Но улетать без Пашки нельзя: у него нет флаера.

Алиса присела на траву и стала ждать. Она разглядывала фотографию морского змея.

– А вот и ты! – раздался веселый Пашкин голос.

Алиса обернулась. Пашка вышел из леса. За ним шел молодой человек с полной корзиной рыжиков в руке.

– Здравствуйте, – сказал молодой человек, – простите, что из-за меня вам пришлось потратить столько времени. – Он протянул руку и представился. – Семен Иванов.

– Ах, это вы... – произнесла Алиса, вложив в эти слова все свое возмущение.

– Да погоди ты, не сердись, – засмеялся Пашка. – Сеня так хотел рыжиков, он сам из Ленинграда, а работает на подводной станции, что взял отпуск на три дня и прилетел сюда. А тут срочный вызов со станции – нашли морского змея...

– Мы полгода за ним охотились, – перебил Пашку Иванов. – Нельзя было терять ни секунды. Я скатал палатку, прыгнул во флаер и помчался на станцию. К счастью, успел сфотографировать чудовище, прежде чем оно от нас сбежало.

– И как только смог, – сказал Пашка, – сразу на стратолет и обратно. Вы с ним, видно, совсем рядом были.

– Я вас видел, – сказал Семен. – Вы как раз из лифта выскочили и вбежали в подводный зал. А я ждал лифта, чтобы наверх подняться. Меня очень мучила совесть, но ведь я так спешил...

– Все в порядке, – сказала Алиса. – Вы мне подпишете фотографию?

И она протянула ему фотографию морского змея.

А потом, как Алиса ни отказывалась, Семен заставил ее взять корзину рыжиков. Он еще соберет, а Алиса из-за него осталась без грибов. Пашка, конечно, поддержал Иванова.

Так что Алиса вернулась домой с грибами.

Это вам не яблочный компот!

Есть такая травка, растет на Паталипутре, в пустыне, где весна длится ровно один день. И чтобы выжить и дать потомство, травке приходится за этот день вырасти, отцвести и сбросить на землю семена. Не успеешь – налетит песчаная буря, и погибнешь, не оставив детей.

Эта травка описана открывшим ее ботаником Путейкиным во втором номере журнала «Космоботаника» за 2076 год, а ее семена хранятся в космическом Фонде.

Аркаше Сапожкову пришла в голову идея, и потому он заказал в Фонде несколько семечек и сказал Алисе Селезневой:

– А что, если попробовать скрестить ее с клевером?

– Зачем? – спросила Алиса.

Разговор этот происходил на станции юных биологов, той самой, что на Гоголевском бульваре. Утро было морозным, февраль еще не кончился, и потому жираф Злодей гулял между елками в меховой шубе, которую ему сшила Машенька Белая.

– Реальная польза, – сказал Аркаша. – Если мы ускорим созревание клевера, скажем, в десять раз, то в десять раз больше коров сможет пастись на одном лугу.

Идея Алисе понравилась, и она согласилась помогать Аркаше, потому что работа предстояла очень сложная. Ведь хромосомы травки с Паталипутры отличаются от хромосом земного клевера.

Как-то, когда Алиса с Аркашей сидели в лаборатории, туда заглянул Пашка Гераскин. Узнав, чем занимаются его друзья, он тут же начал их укорять.

– Какой еще клевер! – восклицал он. – Приземленные вы люди. Думайте шире. А как вам нравится яблоня, которая дает урожай через три дня после того, как ее посадили в землю? А как вам нравится корабельная роща, что вырастет за неделю? А вы подумали, что и коровы могут расти как грибы...

– Все ясно, – засмеялась Алиса. – Мы вырастим за неделю из Пашки Гераскина центрового баскетбольной команды!

– Но на первой же игре он умрет от старости, – добавил Аркаша.

– С вами нельзя говорить серьезно, – обиделся Пашка.

– Никто не мешает тебе работать с нами, – сказала Алиса. – Садись к манипулятору, нам лишние руки не помешают.

– Завтра, – ответил Пашка. – Сегодня я страшно занят. Один пришелец привез с Альдебарана редчайшую серию марок. И может мне ее променять на коробку шоколадных конфет.

– Сластена он, что ли? – спросил Аркаша.

– Нет. Эта серия сделана из шоколада. Почти весь тираж уже съеден. А он согласен менять марки на конфеты.

И с этими словами Пашка испарился.

На следующий день он не смог прийти, через день он сразу после уроков улетел на Гавайи участвовать в соревнованиях по серфингу – кататься на

доске в волнах прибоя, а потом на неделю совсем пропал. Он всем рассказывал, что отыскал клад капитана Кидда. Но из проверенных источников стало известно, что Пашка попал под домашний арест, – учительница Галина Сергеевна пожаловалась его отцу, что Гераскин страшно отстал по русскому языку. Вот отец и изолировал Пашку.

Так что опыты проходили без его участия.

Алиса с Аркашей бились над этой травкой недели две. Устали так, что шатались. Тут как раз прилетел большой друг Селезневых археолог Громозека. Хотел посетить новые раскопки в Вавилоне, приглашал Алису.

– Прости, Громозека, – сказала Алиса. – Ничего не получится. Наша травка не хочет скрещиваться.

– Девочка больна, – заявил Громозека. – Ни один здоровый человек не откажется от поездки в Вавилон из-за какой-то травки.

Громозека был убежден, что археология – единственная стоящая из всех наук. А остальные не стоят внимания.

Отчаявшись, юные биологи поехали к профессору Алексееву в Институт космогенетики. Профессор был толстый, веселый, он долго читал записи опытов, поил юных биологов чаем, иногда хлопал себя ладонями по коленям и восклицал:

– Молодцы! Будущие гении. Жалко только, что необразованные.

Профессор Алексеев не удивлялся тому, что к нему пришли шестиклассники. Таких молодых ученых он встречал уже не раз. Давно известно, что интересные открытия делают не только взрослые, но и дети, потому что дети часто не догадываются, что можно делать, а что нельзя. И делают то, что противоречит законам природы. Изредка получаются сногсшибательные результаты. Хотя чаще ничего не получается.

– Ничего у вас не получится, – заявил наконец профессор. – Идея неплохая, но скрестить земные растения с травкой не удастся.

– Мы все равно будем работать, – упрямо сказал Аркаша.

– Ученый должен думать, а не упрямиться, – рассердился вдруг профессор. – Не получается, ищи новый путь.

– А какой? – спросила Алиса.

– Попробуйте синтезировать гормон, который вызывает рост травки. Сможете – вводите его в растения. Только вашего оборудования для этого не хватит. Я вас познакомлю с моим аспирантом Просей. Хорошая голова, тяжелый характер. Поработаете с ним.

Профессор вызвал аспиранта со странным именем Прося, а пока они ждали аспиранта, сказал:

– Когда принимаешься за опыт, обязательно надо помнить, к чему он приведет. Наука ради науки редко бывает полезной.

– Но мы и хотим принести пользу, – сказал Аркаша. – Разве неясно? Какие стада будут пастись на наших лугах!

– Вы уверены? – улыбнулся профессор.

– Уверены.

– А скажите, откуда ваши растения будут брать питательные вещества?

– Из земли.

– Но если клевер будет вырастать за день, значит, он за день должен получить всю воду и питательные вещества, которые обычный клевер получает за лето. Откуда они возьмутся?

– Мы его будем поливать.

– Это очень красиво получается в лаборатории, – сказал профессор. – Но совсем не так – в поле. Стоит задуматься.

Тут открылась дверь, и вошел аспирант Прося.

Он был похож на большую мохнатую гусеницу в два метра ростом, которая стояла на задних ножках, а десять пар передних были прижаты к животу и в них – множество вещей: записные книжки, колбы, реторты, калькуляторы и даже бутерброды.

– Аспирант Прося, – сказал профессор, – родился на окраине нашей галактики. Расскажите ему о ваших проблемах.

Алиса поглядела на необычного аспиранта с недоверием. А тот совсем не смутился при виде гостей.

– Чепуха. Какие у вас могут быть проблемы? – сказал он глубоким басом и, повернувшись, засеменил к двери. Его длинное мохнатое тело чуть покачивалось, и он шел так быстро, что Аркаше с Алисой пришлось за ним бежать.

В лаборатории аспирант Прося залез в кресло, свернулся в нем кольцом, и его многочисленные передние ручки начали быстро шевелиться. Каждая из них занялась своим делом. А тем временем голова обернулась к Алисе, большие выпуклые янтарные глаза светились изнутри.

– Выкладывайте, комары, – сказал аспирант басом. – И побыстрее. Время не ждет.

Пока Аркаша рассказывал аспиранту об их проблеме, тот успел вымыть химическую посуду, пообедать, написать небольшую статью, разбить пробирку, собрать осколки, вымыть пол, посмотреть по видео последние космические известия – даже в глазах рябило от его движений. Казалось, что ему некогда слушать.

Но он слушал. И все понял. И сказал:

– Звоните домой, что остаетесь у меня до двенадцати часов ночи. В двенадцать катализатор будет готов.

– Меня до двенадцати не отпустят, – сказал Аркаша.

– Чепуха! Наука требует жертв, – ответил басом аспирант Прося. – Человек, который не может убедить своих родителей, что он настоящий ученый, недостоин заниматься наукой.

– А вы убедили? – спросила Алиса.

– Моя мама, – серьезно ответил Прося, у которого, как оказалось, не было чувства юмора, но было двести ценнейших научных талантов, – снесла триста двадцать икринок. И больше к ним не возвращалась. Мы воспитывались в инкубаторе.

После сложных переговоров с родителями разрешение работать до полуночи было получено, и ровно в двенадцать часов аспирант Прося сказал:

– Можете брать ваш катализатор и идти домой.

И тут же забыл о своих помощниках. Даже вроде и не слышал, как Аркаша с Алисой благодарили его. А может, все слышал, но был уже занят другой проблемой.

На следующий день Аркаша ввел катализатор в зерно пшеницы и высадил его в ящик. И случилось чудо. Алиса, которая стояла рядом с лейкой, наполненной водой с удобрениями, увидела, как из темной влажной земли показалась зеленая стрелка и потянулась вверх с такой скоростью, как жучок ползет по ветке.

Алиса хоть и ожидала увидеть нечто подобное, но так удивилась, что забыла поливать росток. Аркаша выхватил у нее лейку.

– Ты хочешь все загубить! – закричал он.

На его крик в лабораторию вбежали сестры-близняшки Маша и Наташа Белые, заглянул на шум глупый, но любопытный питекантроп Геракл, а жираф Злодей сунул голову в открытое окно.

Через час пшеница уже была взрослой. Стебель начал колоситься.

Пашка Гераскин, который прибежал откуда-то взмыленный, сначала не поверил, что зерно посажено так недавно, а поверив, обрадовался и начал строить планы. Слушать его не стали, но и не прогнали – не чужой человек на биостанции.

Тем же вечером пшеница созрела, пожелтела, зерна ее осыпались из колоса, а экспериментаторы разошлись по домам. Алиса позвонила аспиранту Просе и сказала ему:

– Спасибо, катализатор действует.

– Чепуха, – ответил Прося басом, – пустяки.

Но видно было, что аспирант доволен.

Когда Алиса на следующее утро забежала перед школой на биостанцию, там уже был Аркаша. Расстроенный – смотреть жалко.

– Что случилось?

– Что и должно было случиться, – ответил Аркаша. – Когда за дело берутся такие недоумки, как мы.

И он показал на ящик с землей, где они вчера выращивали пшеницу. Ящик был полон пересушенной пыли, поверх нее лежал слой соломы.

Алиса поняла с первого взгляда: когда они ушли, зерна, упавшие из колоса, начали прорастать – уже не одним стеблем, а целым лесом стеблей. Но вырасти они не смогли – не хватило воды. Они высосали воду из ящика до последней микрокапли и погибли.

Алиса с Аркашей написали о своих работах небольшую статью в научный журнал. Они хотели, чтобы третьим автором был аспирант Прося, без которого они никогда бы не выделили катализатор, но аспирант сказал: «Чепуха!»

– Слушай, Прося, – сказала Алиса, которая уже привыкла к аспиранту и перестала перед ним робеть. – Пошли гулять. Ты скоро зачахнешь в своей комнате. Тебя не узнают триста твоих братьев и сестер.

– Чепуха, – сказал аспирант. – У меня же нет сестер. Из икры моей мамочки выводятся только мальчики.

И никуда, конечно, не пошел.

Алиса с Аркашей продолжали опыты. Им удалось вырастить кактус ростом с двухэтажный дом за какие-нибудь два часа, потом они начали опыты с яблоней. Яблоня выросла быстро, совсем как в сказке. И яблоки налились, покраснели и поспели за несколько минут. Одно яблоко Алиса даже успела съесть, но остальные упали на землю и тут же сгнили.

Никому не хочется трудиться зря. Поэтому Аркаша позвал на помощь ребят с технической станции. Ребята пришли, подивились на то, как растет яблоня, и сконструировали компотную машину.

Машина была простой. Представьте себе широкий и глубокий металлический желоб. Он свернут кольцом диаметром побольше метра. В него налита вода, которая в нужный момент подогревается до кипения. Желоб положили на землю и в центр образованного им круга посадили яблоневое семечко. Пока яблоня росла, вода в желобе нагревалась. И начала кипеть, как только яблоки созрели.

Тут надо было не терять ни секунды. Биологи и техники принялись трясти яблоню, и яблоки, поднимая фонтанчики горячей воды, посыпались в желоб. Машенька Белая ходила вокруг и сыпала в желоб сахар. Через несколько минут в желобе оказалось сорок литров изумительного яблочного компота.

Все закричали «ура!» и сели пить компот. Даже если ты очень любишь компот, не так просто выпить сорок литров. Пили сами, угостили жирафа Злодея, который вежливо отказался, дали кружку питекантропу Гераклу, а компот все не кончался. И тут кто-то вспомнил, что нет Пашки Гераскина. Он так и не выходил из лаборатории.

– Пашка! – позвала Алиса Гераскина. – Ты что компот не пьешь?

– Сейчас! – откликнулся тот из лаборатории. – Некогда.

– Странно, – сказал Аркаша. – И даже подозрительно. Я не могу поверить, что наш друг откажется от компота, если он не замыслил какие-нибудь каверзы.

– Я ничего не замыслил, – откликнулся Пашка. – Может, у меня живот болит.

И голос у Пашки был такой лживый, что Алиса поднялась и поспешила в лабораторию. Аркаша за ней.

При виде друзей Пашка быстро выскочил из-за лабораторного стола, сжимая что-то в кулаке. Алиса сразу заметила, что катализатора в пробирке осталось на донышке и манипулятор включен.

– Ты что здесь делал? – произнесла она грозно.

– Ничего интересного, – ответил Пашка, – так... наблюдал.

– Ты лжешь, бледнолицый! – возразил Аркаша. – Покажи, что у тебя в кулаке.

Ловким движением Пашка увернулся от Аркаши, прыгнул в открытое окно и бросился прочь.

Яблоня выросла быстро, совсем как в сказке.

Алиса кинула взгляд вокруг. На полу валялась кедровая шишка. Она подняла ее. Шишка была вылущенной – ни одного орешка.

– Аркаша! – воскликнула Алиса. – Он хочет вывести скороспелый кедр!

– Но через час такой кедр вырастет на сто метров и рухнет. Может произойти несчастье, – испугался Аркаша.

И они кинулись вслед за Пашкой.

Пашку они настигли у Арбатской площади. Он бежал по газону к стоянке флаеров.

– Стой! – закричал Аркаша на бегу. – Послушай!

Пашка увидел преследователей, которые старались отрезать его от флаера, и метнулся в сторону. Алиса прыгнула за ним и свалила его на газон. Пашка вырвался, побежал было дальше, но тут на него навалился Аркаша.

Люди на площади остановились, не понимая, что происходит. Пашка отбивался как лев, а Алисе и Аркаше бороться было нелегко – ведь в каждом литра по два компота! Правда, тут им на помощь подоспели остальные биологи, и наконец Пашка был повержен.

– Где семена? – спросила Алиса.

– Ничего не знаю, – упрямо сказал Пашка. – Не было никаких семян.

– Похвалиться захотел? – сказал Аркаша. – Я тебя знаю. А ты подумал, что через час эти кедры рухнут от старости и, может, даже на детей?

– Не рухнут, – сказал Пашка мрачно. – Вы такое дело погубили, что даже не представляете. – И он мрачно пошел прочь. Остальные за ним.

– Ты хоть скажи, зачем ты наш катализатор истратил. Чего ты хотел? – спросила Алиса.

– Я сделал открытие, а вы его сорвали.

– Какое еще открытие?

– Я хотел посадить эти семена на болоте. Кедры бы высосали всю воду из болота – и не надо никакого осушения. Два часа – и нет болота. Это революция в ирригации.

– А почему ты нам ничего не сказал?

– А вы бы поверили? Вы бы сказали, что я хочу похвастаться перед знакомыми... Вы меня всерьез не принимаете.

– А где семена?

– Пока вам сопротивлялся, там потерял. – Пашка обернулся и показал на газон посреди площади.

Машенька Белая ахнула.

Газона не было. Всю середину Арбатской площади занимала молодая поросль кедровника.

Перепуганные прохожие разбегались с площади, флаеры поднимались повыше в небо, от движения молодых ветвей над площадью поднялся ветер.

– Их надо выполоть! – закричал Аркаша.

– Поздно.

И в самом деле – Пашка так накачал семена кедра катализатором, что росли они – метр в минуту.

Вскоре уже над площадью шумел лес, и земля начала вздрагивать.

Это могучие гибкие корни молодых кедров пробивались сквозь землю в поисках воды – воды им не хватало. Вспучилась и лопнула стенка подземного туннеля – какая-то машина еле успела выскочить оттуда. Как живые, корни рвали подземные коммуникации. Вот они разорвали водопроводную трубу, но и этого им было мало. Земля на газоне просела под тяжестью деревьев.

Со сказочной быстротой зрели орехи на ветвях, падали со стуком на землю, и на их месте появлялись новые кедры. Чтобы увидеть вершины деревьев, уже надо было задирать головы.

Когда примчались флаеры пожарной команды и ремонтные роботы, на Арбатской площади стоял густой могучий кедровый лес.

– Это что еще такое? – остолбенело спросил пожарник, увидев кучку растерянных школьников. – Откуда это? Утром не было.

– Ничего, – сказал Аркаша. – Это скоро кончится. Только надо оцепить площадь, чтобы никто не подходил близко к деревьям.

– Их рубить дня два придется, не меньше, – сказал ремонтный робот.

– Их не придется рубить, – мрачно ответила Алиса.

Со страшным скрежетом обвалился туннель, вздрогнули дома вокруг площади, зазвенели стекла в домах.

Сверху спустился флаер, и из него вышла высокая гусеница – аспирант Прося.

– Чепуха, – сказал аспирант. – Нельзя пускать детей в науку.

И тут одно из старых могучих деревьев со страшным скрежетом и треском, ломая ветви, рухнуло на землю, выбив вершиной стекла в ресторане «Прага».

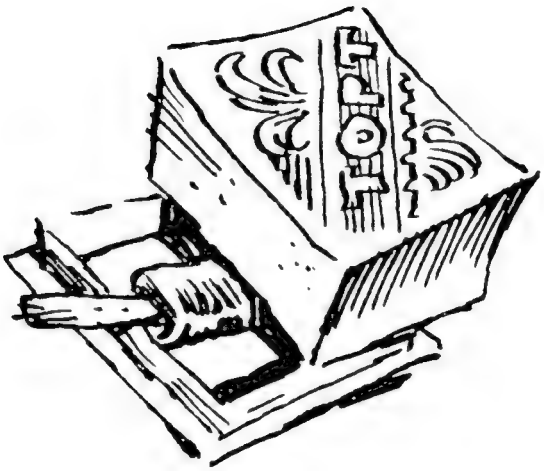
И деревья принялись падать – одно за другим.

Казалось, что сотрясается вся Москва.

– Понимаешь, что ты наделал? – сказала Алиса. – Мы тебя выгоним со станции биологов.

– Меня нельзя выгнать, – ответил Пашка как ни в чем не бывало. – Уже завтра по моему методу будут осушать болота во всем мире. Это вам не яблочный компот.

Последний кедр упал на искореженную землю, и наступила тишина.



Второгодники

Сосед Алисы Всеволод Михайлович от случая к случаю работал на телестудии, где играл древних дедов или волшебных злодеев. К тому же любил давать консультации и советы. Не все они были ценными, потому что в сознании деда путалось то, что было при нем, и то, о чем он читал в исторических романах. Он жил на свете так долго, что порой ему казалось, что когда-то он даже встречался с Наполеоном. На самом деле Всеволод Михайлович родился примерно в середине двадцатого века, ему еще не было и ста пятидесяти лет.

Алиса любила к нему ходить, потому что дед за свою долгую жизнь так оброс воспоминаниями и сувенирами, как дно корабля ракушками. Часто Всеволод Михайлович рассказывал ей удивительные истории, где правда перемешивалась с вымыслом, отчего истории становились похожи на сон.

У деда было одно качество, не всегда приятное для собеседников. Ему казалось, что сто лет назад все было лучше, чем теперь.

Иногда он вдруг замирал посреди комнаты, держа на весу тяжелый комплект «Огонька» за 1979 год, и задумчиво произносил:

– Мы выходим с Андрюшей из кино. А там киоск. В нем самая вкусная вещь на свете – мороженое эскимо! Хрустит мороз. Мы стоим с Андрюшей и держим по мороженому за деревянные палочки!

– Зачем деревянные палочки? – спросила Алиса.

– От них был главный вкус. Какой вкус!

– Разве сейчас мало мороженого? – удивлялась Алиса.

– Это не мороженое. – Дед был категоричен. – Это развлечение для хлюпиков, которые поднимаются на Эверест на фуникулере. В наши дни мы шли туда пешком...

Всеволод Михайлович замолк. Потом вдруг сказал:

– Завтра у меня день рождения. Сто пятьдесят лет. Круглая дата. А кто об этом вспомнит?

За окном шел первый снег, начинался ноябрь, и Алисе стало грустно. Вот прожил человек столько лет, внуков-правнуков много, да все разъехались. Один на Венере живет, другой улетел в звездную экспедицию. Некому деду подарок принести.

– А вы не пробовали заказать эскимо на фабрике? – спросила Алиса. – Там же могут сделать все что угодно.

– Ты угадала, – сказал Всеволод Михайлович. – В прошлом году я туда поехал. Они покопались в архивах и говорят: эскимо снято с производства шестьдесят лет назад. Рецепт утерян. Можем предложить «Марсианский рассвет», «Шоколадный восторг» и еще сто названий. И кому мешали деревянные палочки?

Алиса пришла домой и задумалась.

Если эскимо нет, надо его достать. День рождения не бывает без подарка.

Алиса достала альбом со старинными монетами, вынула из него металлический рубль с памятником Юрию Долгорукому, выпущенный к Олимпиаде 1980 года, и поехала в Институт времени.

Рабочий день кончился. Роботы уже начали уборку, техники проверяли камеры для путешествий во времени, сотрудники, которые вернулись из командировок в прошлое, сдавали находки. Только в одном зале камеру готовили к работе. Перед ней стоял средних лет человек в длинном полосатом халате и белой чалме, в руке у него был суковатый посох, через плечо висел кожаный мешок.

– Простите, – спросила Алиса, – вы уезжаете в прошлое?

– Да.

– У меня к вам небольшая просьба, – сказала Алиса, протягивая человеку рубль. – Для одного дедушки, у которого завтра день рождения, нужно привезти мороженое эскимо.

– К сожалению, – ответил человек, – я отправляюсь в Среднюю Азию в четырнадцатый век, чтобы поговорить с Ходжой Насреддином. Боюсь, что в те времена мороженое эскимо еще не делали.

Алисе стало неловко, что она задала такой глупый вопрос. Видно же, что человек едет совсем не туда.

Надо было возвращаться домой. Но Алиса – человек упрямый. Она пошла дальше. В небольшой комнате увидела камеру, возле которой никого не было. На ней надпись: «Не включать. Испытания».

Не включать – так не включать. В Институте времени посторонним вообще находиться нельзя, а к камерам подходить строжайше запрещено.

Алиса сказала сама себе: «Я пошла домой». А ноги уже несли ее в камеру. Она включила «пуск». Камера работала нормально. «В конце концов, – подумала девочка, – мне недалеко и ненадолго».

Какой код набрать? Допустим, «1986 год». И она нажала на клавиши.

Через минуту Алиса вышла из камеры, которая была спрятана в подвале старого дома в переулке у Арбата. В подвале было темно, туда редко кто заглядывал. А если бы заглянул, никогда бы не увидел камеру, искусно спрятанную за кирпичной стеной.

Алиса выбралась из подвала и побежала к Арбату. Она уже бывала в прошлом, поэтому не удивилась ни одежде людей, ни шуму.

Шел мокрый снег, дул холодный ветер. На углу Арбата, у аптеки, Алиса увидела добрую на вид бабушку.

– Простите, – спросила она, – где здесь продают мороженое эскимо?

– Не скажу, – ответила бабушка.

– Почему? – удивилась Алиса.

– Ты никогда не донесешь мороженое до дома, съешь его на улице. Тут же у тебя начнется ангина, ты ляжешь в постель и пропустишь занятия в школе. Отстанешь от своих товарищей по классу и останешься на второй год. И никто тебя не пожалеет, потому что ты сама во всем виновата.

Бабушка говорила очень строго, глаза ее за толстыми стеклами очков сверкали.

– Это не для меня, – сказала Алиса, – это для дедушки.

– Ах, ты еще и лжешь! – возмутилась бабушка. – Ни один дедушка не будет есть эскимо. Эскимо – это мороженое для прогульщиков и второгодников!

Алиса побежала прочь.

«Бабушка не представляет, – думала она, – что у нас нет ангины, свинки, коклюша и скарлатины, что я купаюсь в проруби и поднимаюсь на Эльбрус. Но ведь бабушка не поверит... И то, что на второй год у нас не оставляют, она тоже не подозревает».

Если бы Алиса знала в тот момент, как она ошибается!

Буквально через сто метров Алиса увидела нужного человека. Нужному человеку было лет двадцать. Он медленно шагал по улице и жевал мороженое.

– Где вы его купили? – спросила Алиса.

– В такую погоду... – начал было молодой человек, но увидел отчаянные глаза Алисы и быстро ответил: – У метро. Деньги есть?

– Спасибо! – Алиса бросилась в том направлении, какое указал молодой человек.

Киоск был открыт. У стекла выставлены в ряд пачки, но Алиса не знала, какое из них – эскимо. И сколько оно стоит. Поэтому довольно робко протянула рубль в окошечко и сказала:

– Мне одно эскимо, пожалуйста.

Толстая женщина в белом халате поверх пальто открыла крышку холодильника, вынула оттуда совсем маленькую, невзрачную на вид пачку, из которой торчала плоская деревянная палочка, и начала считать сдачу. Она пододвинула мелочь Алисе, но та не уходила.

– Ты что? – спросила продавщица.

– Скажите, а у вас коробка есть? – спросила Алиса.

– Зачем коробка?

– Мне домой надо отнести, дедушке на день рождения. Я боюсь, что оно растает. Я вам все деньги оставлю. Мне не нужно.

– Нет, вы только поглядите! – громко сказала продавщица, как будто выступала перед большим залом. – Ребенок о дедушке заботится, себя без мороженого оставляет, а я должна с нее деньги за пустую коробку брать! Да за кого вы меня принимаете? Держи свои деньги, дай мне сюда свое мороженое!

Продавщица отобрала эскимо у Алисы, вытащила из-под прилавка довольно большую коробку из-под торта и положила в нее кучу дымя-

щихся кусков сухого льда. Потом спрятала в лед целых пять пачек эскимо, закрыла коробку, завязала ее и сказала:

– Бери, вот тебе еще пачка, сама съешь. И не суй мне свои деньги. Пускай мне внук на день рождения мороженого принесет!

И как ни старалась Алиса отдать продавщице деньги, ничего из этого не вышло. Так и вернулась она в будущее, прижимая к груди холодную коробку, а в кулаке сжимая горстку мелочи.

Когда Алиса вышла из временной кабины, она очень удивилась.

В зале было человек пятьдесят. Среди них ее папа, мама, Всеволод Михайлович, врачи, ученые, техники и даже директор Института времени.

– Алиса, ты жива! – закричала мама, схватив ее в объятия.

– Осторожно! Коробку раздавишь.

– Я же говорил, что ничего не случится, – сказал директор института. Но голос его дрожал от волнения.

– Как вы успели сюда прийти? – спросила Алиса. – Меня ведь не было самое большее полчаса.

– Ты, по-моему, не умеешь читать, – сердито произнес директор института, – видишь надпись: «Не включать. Испытания».

– Я виновата, – сказала Алиса, – но мне так хотелось сделать подарок Всеволоду Михайловичу на день рождения.

И она протянула коробку. Дед открыл коробку, из нее повалил белый пар.

– Эс-ки-мо! – изумился дед. – Девочка, дорогая моя девочка... – Больше он ничего не смог выговорить от волнения.

Тут Алиса поглядела в окно и увидела, что деревья одеты в молодую листву.

– Что такое? – удивилась она.

– Сейчас май, – ответила ее мама. – И мы полгода живем в ужасе.

– Это экспериментальная машина для исследования времени. Тебе казалось, что прошло полчаса, а ты отсутствовала полгода, – объяснил директор института.

К сожалению, эта история так просто не кончилась.

На следующий день Алиса пошла в школу.

Светило солнце, пели птицы, летали майские жуки. Зацветала сирень.

В классе ее ждали. Но она ничего не успела рассказать – ее сразу же вызвал директор школы.

Директор ждал Алису в оранжерее. Сам он преподавал генетику и притом был крупным профессором по генному конструированию, так что его растительные питомцы были сами на себя не похожи.

– Алиса, – спросил директор, – знаешь ли ты, что прошло полгода с тех пор, как ты в последний раз пришла в школу?

– Мне очень трудно в это поверить, – ответила Алиса. – Но все об этом говорят.

– А знаешь ли ты, – продолжал директор, как будто не услышав ответа, – сколько всего интересного и важного узнали за это время твои товарищи по классу?

Он сорвал с куста анютиных глазок нечто похожее на огурец и протянул Алисе. Она послушно откусила от этого зеленого, которое оказалось на вкус самой обыкновенной морковкой.

– Да, – ответила Алиса, – знаю, и мне очень жалко, что я так много пропустила.

– Что же будем делать? – поинтересовался директор. – Думаю, тебе придется остаться на второй год в третьем классе. Немного отдохни от своего путешествия, почитай, позанимайся сама, а со следующего сентября пойдешь снова в третий класс.

– Нет, – сразу ответила Алиса.

– Но почему?

– Я не могу остаться без моих ребят, – сказала Алиса. – Они все мои друзья. Я догоню. В конце концов, я уже взрослый человек.

– Взрослые люди, – резонно возразил директор, – не лазят без спроса в сломанные машины времени и не сводят с ума своих родителей. Считай, что вопрос закрыт. Ты свободна, Алиса Селезнева.

Алиса послушно вышла из оранжереи и, понурив голову, побрела в класс.

– Ну что там? – спросил ее друг Пашка Гераскин. – Ругался?

– Хуже, – ответила Алиса. – Оставил на второй год.

Все ребята ахнули.

– Ни в коем случае! – сказал Пашка. – Я этого не допущу.

– Как же ты не допустишь? – спросила Машенька Белая. – Если наш директор решил... – И она, грустно вздохнув, добавила: – Но без тебя, Алиса, наш класс станет не тем.

– А я знаю, что сделаю, – сказал Аркаша Сапожников, самый умный ученик в классе.

Он включил свою пишущую машинку и начал диктовать. Все окружили Сапожникова и смотрели на лист бумаги, который медленно вылезал из машинки.

– «Заявление, – говорил Аркаша. – Директору школы. Сейчас я веду большую научную работу, и мне совершенно некогда заниматься текущими учебными делами. Очень прошу оставить меня на второй год. С уважением Аркадий Сапожников, третий класс».

– Это что же получается! – закричал Пашка Гераскин. – Значит, Сапожников будет учиться с Алисой и дальше, а мы к ним в гости будем ходить? Где моя пишущая машинка?

Он тут же включил пишущую машинку и принялся ей диктовать.

Сестры-близнецы Маша и Наташа Белые тоже кинулись к своим пишущим машинкам, а Джавад сказал:

– Нельзя повторяться, это вызовет подозрения. Я скажу все честно.

В этот момент в класс вошла молоденькая учительница Каролина Павловна и, поздоровавшись, принялась с грустью разглядывать Алису.

Аркаша тихо подошел к столу и положил перед учительницей свое заявление.

– Ничего не понимаю, – сказала Каролина Павловна, – какую такую работу ты ведешь, которая тебе мешает учиться?

– А вот мое заявление. – Пашка Гераскин принес листок бумаги.

– «Директору школы, – прочла вслух Каролина Павловна. – Я должен признаться вам, что только сегодня понял, что весь год недостаточно вдумчиво занимался и материала за третий год совершенно не усвоил. Поэтому мне очень хочется еще раз прослушать весь курс третьего класса. Надеюсь, что мне не откажут в моей просьбе. С уважением Павел Гераскин».

– Как? – удивилась Каролина Павловна. – Значит, ты меня обманывал? А я всегда думала, что тебе интересно на моих уроках.

– Интересно, – сказал Пашка, – вот я их еще раз и прослушаю.

Заявления одно за другим ложились на учительский стол.

– Невероятно! Я сойду с ума! – воскликнула Каролина Павловна, собирая со стола листочки. – Такого не было не только в истории нашей школы, но и в истории человечества.

И с этими словами она быстро ушла из класса.

А когда шум в классе немного утих, Алису и Пашку избрали от класса разведчиками, чтобы они подкрались к оранжерее, где уже заседал учительский совет, обсуждая необычные события в третьем классе.

Когда ребята подкрались к оранжерее и спрятались за кустами, совет уже кончался. Говорил директор. Он держал в руке стопку заявлений.

– Мы воспитываем в нашей школе самостоятельных людей и всегда стараемся уважать их мнение, даже если это только первоклассники. Если сегодня по разным причинам весь третий класс хочет остаться на второй год, мы не можем подозревать, что все дети делают это из лени или нежелания трудиться. Таких в наше время почти не осталось. Следовательно, мы должны удовлетворить их просьбу. Но, с другой стороны... – Директор сделал паузу, а Пашка прошептал Алисе на ухо:

– Если он и в самом деле оставит нас всех на второй год, мои родители ужасно удивятся...

– Но, с другой стороны, – повторил директор, – я полагаю, что есть выход. Алиса, ты подслушиваешь?

– Да, – призналась Алиса, выходя из кустов.

– Подслушивать нехорошо, тем более что у нас нет секретов от учеников.

– Извините, – сказала Алиса. – Но мы переживаем.

– Передай своим товарищам, – попросил директор, чуть улыбаясь, – что мы удовлетворили просьбу твоего класса. И весь класс оставлен на второй год. И будет в будущем году снова называться третьим классом. Но если твои товарищи помогут тебе, Алиса, наверстать то, что ты пропустила за полгода, и ты сама поработаешь летом, то первого сентября мы устроим тебе экзамен, и если ты его выдержишь, то всех переведем в четвертый класс. Тебе ясно?

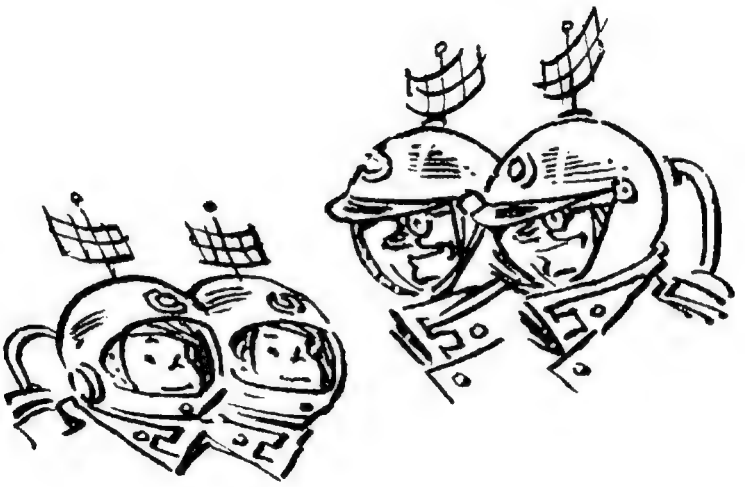
– Ясно, – обрадовалась Алиса. – Спасибо.

– Ну, конечно, если Паша Гераскин чувствует, что он не справился с годовой программой, мы сделаем для него исключение и оставим его...

– Не надо, – выскочил из кустов Пашка. – Я буду заниматься вместе с Алисой.

На том и порешили.

Разумеется, третий класс не остался на второй год. Уже в конце мая Алиса догнала своих ребят. Правда, всем, и ей в первую очередь, пришлось немало потрудиться.



Это ты, Алиса?

Корабль «Пегас» летел в соседнюю Галактику. Он только вышел из суперпрыжка, как Алиса Селезнева увидела на экране корабль, который летел навстречу.

– Папа! – воскликнула Алиса. – Я этот корабль где-то видела.

– Странно, – ответил профессор Селезнев. – Здесь еще не бывал ни один земной корабль.

– Не нравится мне это, – заметил капитан Полосков. – Это хорошо не кончится.

Уже через несколько минут стало ясно, что Алиса была права. Всем им уже приходилось видеть этот корабль: на его борту была надпись «Пегас».

Скоро корабли так сблизились, что включилась видеосвязь. И на экране, перед которым стоял капитан Полосков, появилось лицо другого Полоскова. Первый Полосков так удивился, что сначала себя даже не узнал.

– Вы откуда летите? – спросил он своего двойника.

– С Земли, – ответил тот. – А вы?

И тут капитаны оба замолчали и уставились друг на друга.

– Наверное, это оптический эффект, – сказал профессор Селезнев.

– И мы видим самих себя, – продолжал его двойник с экрана. – Но почему мы тогда говорим не одновременно?

– Папа! – воскликнула Алиса. – А может, у тебя был близнец?

– А ты тогда моя близняшка, – сказала с экрана вторая Алиса.

– Приготовиться к стыковке, – сказал первый капитан Полосков.

– Подготовиться к стыковке, – отозвался эхом второй капитан.

Алиса первой подбежала к переходному люку. За ней шел Полосков, который держал в руке пистолет.

– Зачем ты так? – удивилась Алиса.

– Не исключено, что там оборотни, – ответил капитан, – космические пираты. А у меня – на борту ребенок.

В этот момент люк открылся. С той стороны люка стояла вторая Алиса, а за ее спиной второй Полосков с пистолетом.

Тут первый профессор Селезнев отобрал пистолет у первого Полоскова, а второй – у второго. Они подошли друг к другу и поздоровались.

– Папа, – хором воскликнули обе Алисы. – Скажи, что это значит?

– Вернее всего, – ответил профессор, – в этом виновато искривление пространства. В этой точке соприкоснулись два параллельных мира. В них все одинаково... или почти все.

Алиса уже все поняла и сказала своей двойняшке:

– Пошли ко мне.

– Нет, – сказала та, – пошли ко мне.

– У них даже характеры одинаковые, – засмеялись Селезневы.

Когда Алиса попала в каюту другой Алисы, она больше всего удивилась тому, что на таком же, как у нее, столике там были разложены такие же подарки для ребят из ее класса. Она подняла голубую раковину и спросила:

– Это ты для кого везешь?

– Разумеется, для Пашки Гераскина, – ответила вторая Алиса.

И девочки рассмеялись.

– Интересно, – спросила потом вторая Алиса, – у нас все точно совпадает или есть разница? Давай проверим.

И они начали исследовать оба корабля, чтобы найти разницу. В это время профессора Селезневы обсуждали проблемы изогнутости пространства, а капитаны Полосковы жаловались друг другу на непослушных Алис.

За час, пока корабли летели вместе, девочки облазили оба корабля.

И тут зазвучал сигнал компьютера. Кораблям пора было расставаться, иначе они затеряются в пространстве и никогда не вернутся домой.

– Прошу всех собраться у переходной камеры, – раздался голос профессора Селезнева.

Через минуту оба экипажа стояли там.

– Я нашла, – воскликнула Алиса, – у нас в камбузе зеленая кастрюля, а у вас синяя!

– И я нашла! – откликнулась вторая Алиса. – У нашего Полоскова усы длиннее.

– Давайте прощаться, – сказал Селезнев. – Осталось две минуты. В будущем мы наладим постоянную связь между нашими мирами. Надеюсь, никто не перепутал корабль?

Все засмеялись и стали прощаться. Было немного грустно – встретились с самими собой, а надо расставаться.

Потом люк закрылся, и Алиса вслед за старшими перешла на капитанский мостик. Они видели на экранах лица новых друзей. Потом связь прервалась, и второй «Пегас» превратился в зеленую звездочку на дисплее.

Алиса ушла к себе в каюту, чтобы записать в дневник события этого невероятного дня.

«С нами случилось удивительное приключение», – написала она и остановилась. Что-то неладно.

И тут она поняла: вся страница до последней фразы была написана черной пастой, а последняя фраза – синей.

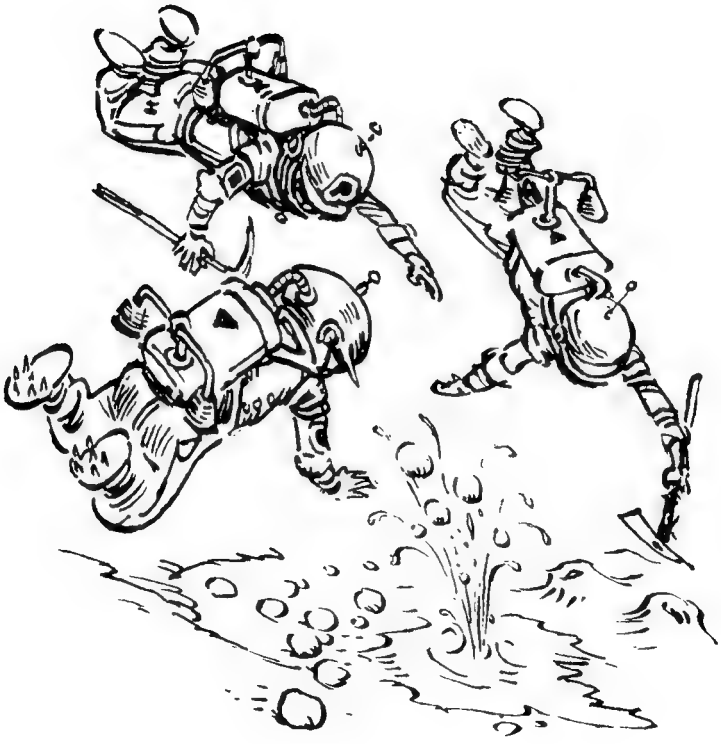
Какой ужас! – подумала Алиса. Значит теперь она – не она, и ее папа – чужой. Она не заметила в беготне, что осталась на чужом корабле. Надо немедленно сказать... Но какое это будет горе для отца! И для капитана Полоскова! И для мамы! Нет, придется хранить тайну всю жизнь.

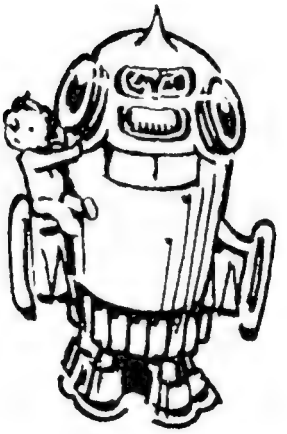
Тут открылась дверь, и в каюту вошел отец.

– Алиса, – сказал он, – ты не взяла случайно мою синюю ручку? А то я гляжу – у меня ручка с черной пастой. Наверное, твоя.

– Ой, моя! Как ты меня обрадовал. Значит, я – твоя дочь!

С той стороны люка стояла вторая Алиса,
а за ее спиной второй Полосков с пистолетом.





Гай-до

Глава первая
ГАЙ-ДО И ЕГО ГОСПОЖА

В нашей галактике много планет, где обитают разумные существа. Большинство из них – люди. Другие – похожи на людей. Третьи – похожи на что угодно, только не на людей.

Как-то директор московского Космического зоопарка профессор Селезнев взял свою дочь Алису на конференцию космозоологов. Там собрались ученые с трехсот сорока двух планет.

Сам зал заседаний был устроен необычно. Амфитеатр занимали люди и подобные им создания. По крайней мере, настолько подобные, что могли сидеть в креслах или на полу.

Вместо партера был устроен бассейн, где плавали и плескались делегаты, привыкшие жить в воде. Балконы были превращены в аквариумы, и там находились делегаты, которые дышат метаном, аммиаком и другими газами. А под самым потолком реяли и порхали летающие делегаты.

Порой космозоологи отлично понимали друг друга, а иногда начинали так отчаянно спорить, что Алисе становилось страшно – а вдруг они

пустят в ход все свои зубы, когти, щупальца, иглы и клювы. И начнется первая зоологическая война.

Но до войны дело не дошло.

На конференции был делегат и с планеты Вестер. Алиса его не заметила, потому что жители планеты Вестер не отличаются от землян. Только глаза у них сиреневые, а на ногах шесть пальцев.

Если бы Алиса тогда знала, какую роль сыграет планета Вестер в ее жизни, она бы, конечно, подошла к профессору с Вестера и спросила бы, не знаком ли он с изобретателем Самаоном Гаем? А профессор бы ответил, что тысячу раз видел изобретателя, так как живет в соседнем доме и может рассказать много интересного о самом Самаоне и его дочке Ирии.

Самаон Гай жил на окраине города в отдельном обширном доме, большую часть которого занимали лаборатория и мастерская. Гай работал один. Его звали в институты, предлагали конструкторское бюро. «Нет, – отвечал он, – когда рядом со мной чужие люди, я не могу думать. – И добавлял: – Вот родится у меня сын, я выращу себе помощника, и мы вдвоем построим такой корабль, что вся галактика ахнет».

Самаон мечтал о сыне. Он ему придумал имя Ирий, что означает «солнечный». Самаон заранее покупал сыну игрушки, инструменты и приборы, чтобы тот, как родится, сразу занялся делом. Над мастерской он построил комнату для сына, в которой все, от гимнастических снарядов до маленькой лебедки и миниатюрной штанги, сделал собственными руками.

И тут случилась неожиданность: жена Самаона родила ему дочку. Нормальную, здоровую, веселую дочку. Но дочку!

Самаон Гай решил, что жена нарочно это сделала, потому что никогда его не любила. Так он ей и сказал. Правда, после того, как два месяца вообще с ней не разговаривал.

За эти два месяца Самаон Гай решил, что еще не все потеряно. Если у него нет сына, то он сделает сына из дочери.

Он назвал дочь Ирией, что значит, как вы уже догадались, «солнечная», потом отнял ее у матери и переселил в комнату над мастерской. Самаон сам растил и воспитывал дочь, никого к ней не подпуская. Он не подарил ей ни одной куклы и не разрешил дотронуться до нитки с иголкой. Он запрещал ей собирать цветы и играть с девочками. Зато с раннего детства Ирия должна была водить автомобиль, поднимать штангу, заниматься боксом и вольной борьбой, прыгать с парашютом, считать в уме, работать с компьютером, пилить, строгать и паять. Даже в школу он ее

Вместо партера был устроен бассейн, где плавали и плескались делегаты, привыкшие жить в воде.

не пускал, чтобы она не заразилась какими-нибудь женскими слабостями.

Мать Ирии редко видела свою девочку. Ей разрешалось только кормить семью, шить и стирать. Она несколько раз просила своего мужа: «Можно я рожу второго ребенка?» Но тот отвечал: «Хватит с меня одного». И нет ничего удивительного, что мать Ирии скоро умерла. И тогда уж ничего не могло остановить отца.

Ирия не подозревала, что существует другая жизнь, в которой девочки не поднимают штангу, не прыгают с крыши на землю, не водят гоночных автомобилей и не занимаются боксом. Она была уверена, что так живут все девочки Вселенной.

Понемногу отец учил Ирию и ремеслу конструктора космических кораблей. Разумеется, трудно построить в мастерской настоящий корабль – обычно Самаон Гай делал только макеты, но его макеты были настолько хороши, что многие заводы были рады заполучить макет и сделать по нему большой корабль.

Когда Ирии исполнилось десять лет, она была куда больше похожа на мальчишку, чем на девочку. Руки в мозолях, ногти обломаны, волосы пострижены совсем коротко, движения резкие и быстрые. Самым большим удовольствием в ее жизни было взять в руку широкий загнутый нож и вырезать из дерева модель будущего корабля или игрушечный бластер. После работы она ныряла в прорубь, если дело было зимой, или плавала с аквалангом, если стояло лето.

Отец был доволен. Ирия оказалась лучше обыкновенного сына. А если добавить, что у нее была такая великолепная память, что она знала наизусть всю таблицу логарифмов и могла в две секунды извлечь корень шестой степени из десятизначного числа, выучила наизусть все учебники и бегала стометровку быстрее десяти секунд, то можно согласиться с Самаоном Гаем, что ему повезло.

В доме Самаона Гая не было радио и телевизора. Ирия даже в университет не ходила. Профессора читали ей лекции дома. Самаон выбирал самых старых профессоров, которые не думали ни о чем, кроме своей науки.

Самой заветной мечтой Самаона Гая было построить умный корабль. Нет, не робот. Кораблей-роботов, которые сами выбирают курс, сами добираются до нужной планеты, сами разгружаются и загружаются, немало летает во Вселенной. Гай хотел сделать корабль, который будет думать.

Такой корабль нужнее всего в небольшой экспедиции. Он сам привезет ученых, будет поддерживать связь с базой. Если нужно, поможет советом, если нужно, сам выполнит задание. А главное, станет разумным и добрым собеседником, преданным другом, который готов пожертвовать собой ради экипажа. Такой корабль, хоть и небольшой по размеру, должен быть самостоятельным и кроме обыкновенных двигателей иметь гравитационный, чтобы совершать прыжки между звездами.

Над подобной задачей давно ломали голову конструкторы. Но у них либо получалась громадина, либо маломощный планетарный катер, либо обычный корабль-робот, а уж никак не друг и собеседник.

Этот корабль Гай решил построить сам. От первого листа проекта до последней кнопки на пульте. Он ухлопал в это дело все деньги, что скопил за жизнь, вложил в работу все знания и опыт. Но все равно без сына-дочки ему бы не справиться.

Три года они трудились рука об руку. Когда Ирии исполнилось девятнадцать лет, корабль был уже почти готов. Гай с дочкой даже спали в ангаре и три года питались только бутербродами и лимонадом. Три года Ирия не знала ни одного выходного дня, она отрывалась от работы только для занятий со старыми, ворчливыми профессорами.

И вдруг случилось несчастье.

Самаон Гай срочно выехал в город, чтобы получить на заводе навигационные приборы, но по дороге попал в автомобильную аварию. За те месяцы, что он не выезжал на улицу, в городе левостороннее движение сменили на правостороннее. И единственным автомобилистом, который об этом не подозревал, был изобретатель Самаон Гай. Он врезался в грузовик и погиб.

Ирия Гай осталась сиротой.

Но раз отец научил ее всегда держать себя в руках, девушка, похоронив Самаона, заперлась в ангаре, заказала себе полугодовой

запас бутербродов и лимонада, разогнала старых профессоров и принялась доделывать корабль.

И в конце концов она победила. Мечта ее отца осуществилась.

Кораблик, который она назвала «Гай-до», что значит на вестерском языке «Брат Гай», взлетел над планетой.

Он был так быстр, что даже патрульному крейсеру было нелегко его догнать. Он мог пролететь половину галактики и в то же время мог опуститься, не повредив ни травинки, на полянке размером с волейбольную площадку. Но главное – он был верным и единственным другом Ирии. Они понимали друг друга с полуслова. Гай-до так хорошо знал свою хозяйку, что мог бы вместо нее ходить в библиотеку или магазин. Правда, сделать этого он не мог, потому что оставался все-таки космическим кораблем.

Геологи, археологи, палеонтологи, экологи и ботаники планеты Вестер были в восторге от кораблика и просили сделать для них еще один. Но Ирия знала, что повторить Гай-до никто никогда не сможет – в него была вложена жизнь ее отца и часть ее собственной жизни.

Поэтому, чтобы никого не расстраивать отказом, Ирия сказала, что сначала потребуются летные испытания.

Летные испытания не так уж были нужны – Гай-до и без них мог делать все, что нужно. Но неожиданная шумиха вокруг кораблика очень испугала и утомила Ирию. Она поняла, что отвыкла от людей и не знает, как себя с ними вести.

Ирия загрузила корабль всем необходимым для долгого путешествия, договорилась с геологами, что обследует для них несколько планет в пустынном секторе галактики, и улетела.

Целый год они летали от планеты к планете. Много сделали интересных открытий, много повидали, но постепенно Гай-до начал замечать, что его госпожа невесела. Как-то вечером она спросила его:

– А что дальше?

– Дальше? – удивился корабль. – Дальше мы будем лететь от звезды к звезде и обследовать планеты.

– А дальше? – спросила Ирия.

– Я тебя не понимаю, – сказал корабль. – Очевидно, со временем мы с тобой состаримся и умрем. Так бывает со всеми людьми и кораблями. Это тебя печалит?

– Нет, не это. Меня печалит, что я не понимаю, зачем мы летаем?

Три года они трудились рука об руку. Когда Ирии исполнилось девятнадцать лет, корабль был уже почти готов.

– Чтобы принести пользу науке, – ответил корабль. – Вспомни своего отца. Вот кем надо гордиться. Он всю жизнь посвятил работе и в результате создал меня.

– Тебя он даже и не увидел, мою маму уморил, себя загнал до смерти, а меня изуродовал.

– Что ты говоришь, госпожа! – закричал кораблик. – Ты же самая сильная и мужественная женщина во Вселенной!

– Именно это меня и огорчает, – ответила Ирия, и кораблик ее не понял. Но замолчал, потому что когда у Ирии было плохое настроение, то и у корабля портилось настроение. К сожалению, с каждым днем это случалось все чаще.

Глава вторая
НА ПЛАНЕТЕ ПЯТЬ-ЧЕТЫРЕ

Им осталось обследовать всего одну планету. И потом надо будет возвращаться домой. Но ни Ирия, ни кораблик не знали, хотят ли они этого.

В таком настроении они подлетели к последней планете. Названия у нее не было. Только номер. 456-76-54. Они могли бы сами ее назвать. Тот, кто первым обследует планету, имеет право дать ей имя. Но планета оказалась такой негостеприимной и даже некрасивой, что им и называть ее не хотелось. Между собой они называли ее Пять-четыре. А это, разумеется, не имя для настоящей планеты.

На планете извергались тысячи вулканов, а от потухших остались кратеры, порой заполненные горячей водой. Из этих озер поднимались гейзеры или пузыри газа. Порой планету сотрясали землетрясения, отчего вулканы рассыпались, а их обломки и лава покрывали долины. На планете Пять-четыре моря были набиты каменными островами и островками, которые вылезали из них, как ягоды из компота, налитого в блюдце. Реки утыкались в горы, исчезали под землей и выбивались фонтанами посреди озер. Долин там не было, нельзя же считать долинами россыпи скал, гор и камней. Этот бестолковый, тоскливый мир освещали четыре небольших красных солнца, так что там не было ночи, но и никогда не было светло. Тени от скал и гор метались по камням и лужам, в зависимости от того, какое солнце светило сильнее. Живых существ на планете было мало, а те, что были, таились в скалах или в морях, в трепете ожидая очередного землетрясения или извержения.

Эту планету и надо было исследовать Ирии с Гай-до.

Составить общую карту, геологическую карту, водную карту, собрать образцы минералов и фауны...

Устраивать наземный лагерь они не стали, а вышли на орбиту. А раз Гай-до никогда не спит, то он работал круглые сутки. Первым делом Ирия приготовила себе бутерброды. Она так привыкла питаться бутербродами, что даже забыла, как выглядит суп.

Тут она услышала голос корабля:

– На этой планете кто-то недавно побывал.

– Почему ты так думаешь?

– Тут вели взрывные работы и даже копали шахты.

– Странно, – сказала Ирия. – По всем справочникам, мы на Пять-четыре первые. Значит, тот, кто здесь побывал, не хотел, чтобы об этом знали.

Гай-до высыпал на рабочий стол фотографии, которые он уже сделал, и Ирия убедилась, что ее кораблик, как всегда, прав. Неопытный взгляд не увидел бы, где кончается естественный хаос, а где к нему добавились следы человеческой работы. Однако специалисту все было ясно.

Но еще более удивительное открытие они сделали примерно через час.

Они пролетали над очень мрачным ущельем, заваленным обломками скал, по дну которого, то исчезая среди камней, то вновь появляясь на поверхности, протекал горячий ручей. Неподалеку мирно пыхтел вулкан.

– Внимание, – сказал Гай-до. – Вижу предмет искусственного происхождения.

Ирия бросилась к экрану.

У ручья в тени скалы виднелось оранжевое пятно.

Они быстро снизились.

Оранжевое пятно оказалось смятой, разорванной палаткой.

Гай-до осторожно спустился в ущелье, Ирия выбежала наружу, чтобы поглядеть на палатку вблизи.

Она поняла, что случилось несчастье. Видно, на планету прилетел исследователь или турист и попал в землетрясение.

Ирия пошла вверх по ущелью и буквально в десяти шагах увидела остатки разбитого вдребезги планетарного катера.

Поняв, что в корабле никого нет, Ирия пошла дальше по течению ручья, от которого поднимались струйки пара. И вдруг замерла.

Под нависшей скалой лежал темноволосый молодой человек.

Он был неподвижен.

Ирия бросилась к нему, наклонилась и прижала ухо к его окровавленной, обожженной груди. Сердце молодого человека еле билось.

– Гай-до! – позвала она. – Он еще жив!

В две секунды Гай-до перелетел к Ирии, и девушка перенесла пострадавшего внутрь кораблика.

Ирия умела оказывать первую помощь. Она осмотрела раненого, вымыла его, перевязала, сделала укрепляющие уколы, но больше помочь ему не могла – ведь на Гай-до не было госпиталя.

Пока Ирия возилась с раненым, Гай-до помогал ей советами, так как в его памяти лежала медицинская энциклопедия. В то же время он внимательно смотрел по сторонам и старался отыскать в ущелье ответ на загадку: что могло случиться с молодым человеком? Почему он так изранен и обожжен? Ведь он был довольно далеко от своего катера. Верно, он посадил свой катер в ущелье, потом разбил там палатку и пошел по ущелью вниз. И тут что-то случилось... Недоброе предчувствие охватило Гай-до.

– Госпожа, – сказал он, – думаю, что нам лучше отсюда улететь. И как можно скорее.

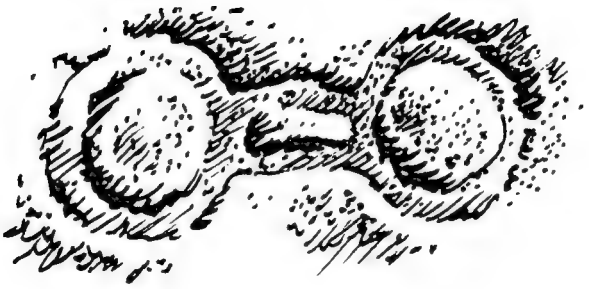
– Я согласна, – сразу ответила Ирия. – Но дай мне еще десять минут: должны подействовать уколы, а я подготовлю раненого к взлету.

Гай-до согласился с хозяйкой и продолжал осматривать ущелье.

И тут он увидел в углублении скалы странный знак: кто-то вырезал на камне два кольца, соединенные двумя полосками.

– Госпожа! – воскликнул Гай-до.

Под нависшей скалой лежал темноволосый молодой человек.



– Не мешай, – сказала Ирия.

– Я вижу рисунок, – сказал Гай-до.

– Этого еще не хватало, – ответила Ирия. – Помолчи, раненый может в любой момент умереть.

Гай-до замолчал. Но не переставал думать.

Он знал о таком знаке. Это был знак странников. Тех самых загадочных странников, которые когда-то облетели всю галактику. Они оставили свои следы на многих планетах. Иногда это были развалины гигантских башен, иногда пустые обширные подземелья или широкие шахты. Иногда базы снабжения.

Сами странники исчезли, по подсчетам ученых, сто тысяч лет назад. Исчезли без следа, вернее всего, улетели за пределы галактики. Базы странников больше всего волновали ученых и кладоискателей. Какие невероятные богатства могучей цивилизации хранятся там? Но еще ни на одну базу не удалось проникнуть.

Знаком, означающим, что база рядом, были два кольца, соединенные двумя линиями. Первый раз, когда такую базу отыскали, она оказалась пустой – странники все вывезли оттуда.

Вторую базу нашли нетронутой. Но как только постарались открыть ворота, ведущие туда, база тут же исчезла, взорвалась. Хорошо еще, что никто не пострадал. В третий раз разведчики были очень осторожны. Вместо того чтобы проникнуть через вход, они вырыли туннель сквозь скалы и увидели внутри много чудесного. Они даже успели кое-что сфотографировать, но тут раздался сигнал тревоги, такой громкий и страшный, что нервы разведчиков не выдержали и они убежали. Как только последний из них покинул базу, раздался взрыв, и база исчезла. Вот и все, что известно. С тех пор многие экспедиции обыскивали самые отдален-

ные и дикие планеты в надежде увидеть два кольца на скале. Но пока безуспешно.

Гай-до, углядев два кольца, стал шарить электронными глазами по соседним скалам в надежде увидеть вход в базу. Он был очень любознательным кораблем.

Вскоре в глубокой расщелине он увидел черный провал, а возле него каменную плиту. Он понял: когда-то землетрясение разрушило вход в базу и некому было вернуться и починить его. Гай-до направил луч прожектора в черную расщелину и увидел смутные очертания круглой цистерны. Он знал по докладам разведчиков, что в таких цистернах странники хранили сверхтопливо для кораблей, которое позволяло достигать невероятных скоростей. Гай-до даже подумал: «Попрошу Ирию, пускай возьмет немного топлива для меня. Ведь для корабля хорошее топливо все равно что торт с кремом».

И только он так подумал, как услышал голос своей госпожи:

– Гай-до, немедленно поднимаемся.

– Госпожа Ирия, – сказал Гай-до, – не могли бы мы немного задержаться? Я вижу открытый вход в базу странников. Может быть, мы там найдем кое-что интересное.

– Ты, по-моему, сошел с ума, – твердо сказала Ирия. – От наших действий зависит жизнь человека. Все базы странников не стоят этого. Приказываю стартовать.

И конечно, Гай-до немедленно стартовал.

Но полет домой оказался совсем не простым.

Только Гай-до начал удаляться от планеты, он увидел, что за ним несется боевая ракета.

– Тревога! – сказал Гай-до Ирии. – На нас напали!

– Сам принимай меры, – ответила Ирия. – Нашему раненому совсем плохо.

Гай-до и без того уже принял меры. Он резко увеличил скорость и изменил курс. Ракета не отставала. Вслед за ней неслась вторая. Неизвестные враги не хотели выпускать кораблик живым.

К счастью, они не знали, какой замечательный корабль сделали отец и дочь Гай. Любой другой давно бы погиб. Но Гай-до умудрялся увертываться от хищных ракет.

– Осторожнее! – закричала Ирия.

– Другого выхода нет, – ответил Гай-до, включая гравитационные двигатели, чтобы уйти в прыжок, где его не найдет ни одна ракета.

И за мгновение до того, как ракета дотянулась до него, Гай-до исчез. Он растворился в пространстве, перестал существовать, лишь его тонкие приборы продолжали трудиться, высчитывая ту долю секунды, когда надо выключить гравитационные двигатели, чтобы кораблик снова возник среди звезд у пределов своей планетной системы.

Через несколько часов после выхода из прыжка на экранах Гай-до возникла знакомая планета Вестер.

Глава третья
ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ИРИИ ГАЙ

Гай-до опустился у госпиталя и вызвал врачей. Тут же раненого перенесли в реанимационную палату. Ирия хотела остаться с ним, но врачи ей не позволили. Они спешили сделать очень сложную операцию, без которой спасенный умрет.

К удивлению Гай-до, Ирия отказалась идти домой. Она осталась в коридоре больницы и ждала до самого вечера, пока операция не закончилась и хирург не сказал Ирии, что жизнь раненого вне опасности.

Гай-до отвез Ирию домой, она отыскала в холодильнике два замерзших, высохших бутерброда и съела их, запивая водой из-под крана. А потом легла спать, так и не обсудив с корабликом удивительные события на планете Пять-четыре.

На следующий день с утра Ирия снова поспешила в больницу.

Гай-до уверял госпожу, что это неразумно. Она ничем не может помочь молодому человеку. Лучше сдать все собранные материалы в геологическое управление и написать отчет об экспедиции. Но Ирия не стала его слушать.

Так прошло еще несколько дней. С утра Ирия бежала в больницу, а Гай-до весь день стоял в больничном парке и ждал, пока она кормила с ложечки молодого человека и меняла ему повязки.

Когда молодой человек пришел в себя, оказалось, что его зовут Тадеуш, что он – биолог, специалист по беспозвоночным животным. Он занимался проблемой происхождения жизни и поэтому опустился на Пять-четыре, которая показалась ему очень интересной. Он выбрал наугад ди-

кое ущелье, вытащил из корабля палатку, перенес туда микроскоп и спальный мешок и начал исследовать ручей. Он так увлекся работой, что ничего не видел вокруг. Он даже не заметил знака из двух колец на скале прямо у него над головой.

Вдруг раздался страшный взрыв. Тадеуш обернулся и увидел, что от его катера остались дымящиеся обломки. Следующим взрывом его отбросило в сторону. Больше он ничего не помнил и очнулся только в больнице на планете Вестер. Рядом с ним сидела девушка, которую он сначала принял за юношу. Она была коротко острижена, ладони ее были в мозолях, упрямый подбородок исцарапан, на щеке шрам. Да и одежда на этой девушке была мужская. Движения ее были резкими, голос грубым. Тадеуш узнал, что именно эта девушка спасла его, и удивился, узнав от врачей, что она две недели не отходила от его постели. Но тут он заглянул в громадные сиреневые, окруженные черными длинными ресницами глаза этой девушки-юноши. И тут же понял, что все остальное – обман и пустая видимость. Настоящее – это сиреневые нежные глаза.

Он ничего не произнес, кроме слова «спасибо», потому что был еще очень слаб и сильно страдал. Все остальные слова он сказал взглядом. И самая мужественная женщина в галактике Ирия Гай вдруг почувствовала, как ее сердце остановилось, а потом начало биться, как пулемет. И она сказала:

– Можно я вам поменяю повязку?

Ничего этого кораблик Гай-до, который послушно стоял в парке, не знал. И не подозревал, какое страшное испытание готовит ему судьба.

На двадцатый день после операции Ирия сказала кораблю:

– Гай-до, я улетаю на Землю.

– Зачем?

– Надо отвезти Тадеуша на родину. Здесь для него неподходящий климат. А человеку лучше выздоравливать у себя дома.

– Но зачем вам лететь с ним, госпожа? – удивился Гай-до. – Жизнь Тадеуша вне опасности, а мы с вами еще не сделали отчета по экспедиции.

– Ты ничего не понимаешь, – раздраженно ответила Ирия. – Может быть, то, что я делаю для Тадеуша, в тысячу раз важнее, чем отчеты всех экспедиций, вместе взятых.

– Ты сделала для него все возможное, – сказал кораблик. – Пускай теперь о нем заботятся доктора на Земле. И всякие там нежные женщины, не годные для того, чтобы водить скутер, заниматься боксом и опускаться в жерла вулканов.

– Глупый железный болван! – закричала тогда Ирия. – Ты не понимаешь, как я жалею, что занималась боксом, но не умею варить суп. А Тадеуш, оказывается, любит суп с клецками. Я знаю наизусть таблицу логарифмов, но совершенно не представляю себе, как пришить пуговицу, и не умею собирать землянику. А Тадеуш любит землянику.

– Тадеуш, Тадеуш, – ворчливо сказал кораблик. – Мир клином сошелся на этом Тадеуше! Самый обыкновенный биолог по беспозвоночным. Он тебе в подметки не годится. Я уверен, что ты бегаешь стометровку на три секунды быстрее его.

– Какой безнадежный железный дурак! – воскликнула Ирия. – Неужели недавно я сама была такой же?

– Поэтому мы и дружим, – сказал кораблик обиженно. – Хотя я никогда никому своей дружбы не навязывал.

На этом разговор и кончился. Гай-до понял, что Ирия непреклонна в своем намерении отвезти Тадеуша на Землю. Он смирился с этим и даже предложил самому отвезти Тадеуша, но Ирия заявила, что Тадеушу, видите ли, будет неудобно лететь в таком маленьком корабле, на котором нет ванны и мягкой постели.

На прощание Ирия договорилась с геологами, что, пока ее не будет, Гай-до поработает с ними. Она обещала вернуться, как только Тадеуш выздоровеет, и Гай-до, хоть и был расстроен и обижен, скрыл свою обиду и полетел на соседнюю планету обследовать залежи цинковых руд.

Прошло полгода. Ирия все не возвращалась. От нее даже письма не было. Гай-до молча страдал. В экспедиции ему пришлось несладко. Геологи, конечно, знали, что он разумный корабль, но до чувств Гай-до им дела не было. Они использовали его как самый обыкновенный разведочный катер. Он возил почту, собирал образцы, обследовал долины и ущелья, работал честно, но без души. И с каждым днем росло его беспокойство. В своем воображении он строил ужасные картины: в них его госпожа попадала в катастрофы, погибала, тонула, разбивалась. Гай-

до мучили кошмары, но не было рядом ни одного человека, которому можно было пожаловаться. Когда он просил знакомых геологов послать на Землю запрос, что случилось с его госпожой, они только улыбались. Им казалось смешным, что корабль беспокоится о человеке. Они говорили, что с Ирией все в порядке, но Гай-до им не верил.

И вот он решился.

Когда геологи вернулись из экспедиции и оставили кораблик на космодроме, Гай-до уговорил знакомых роботов привезти ему горючее. Роботы заправили его для дальнего полета. У Гай-до были штурманские карты, и он представлял себе, где находится Земля. Как-то перед рассветом в дождливую ветреную ночь он тихонько поднялся с космодрома и взял курс к Земле. Разогнавшись в космосе, он включил гравитационные двигатели и совершил большой прыжок до самой Солнечной системы.

Настроение у Гай-до было приподнятым. Он очень надеялся, что его госпожа жива и тоскует по нему так же, как он по ней. Только не может дать о себе знать. Он предвкушал радостную встречу. Правда, его не покидала тревога. Он боялся встречи с патрульным крейсером или большим кораблем. Ему тогда зададут вопрос: что делает в космосе корабль без экипажа? Может, он потерял свой экипаж и скрывает это?

Когда на подлете к Солнечной системе Гай-до понял, что его преследует какой-то неизвестный корабль, он прибавил ход и постарался уйти от преследования.

Но корабль не отставал. Гай-до повернет влево, корабль тоже, Гай-до поднажмет – корабль тоже. Гай-до пытался рассмотреть название корабля, но названия не было. Опознавательных знаков тоже. И тогда Гай-до решил: помчусь скорее к Земле, а там видно будет. Он выжал из своих двигателей все возможное и начал удаляться от преследователя. Преследователю это не понравилось. Он выпустил по Гай-до боевую ракету. Гай-до был настолько не готов к такому нападению, что на миллионную долю секунды опоздал принять решение...

Это было последнее, что он помнил. Страшный удар разорвал его борт. Воздух в мгновение ока пузырем вылетел из корабля, и Гай-до беспомощно поплыл в безвоздушном пространстве.

Преследователь хотел приблизиться к нему, но взрыв привлек внимание патрульного крейсера, который стартовал с Плутона. Поэтому преследователь быстро развернулся и сгинул в глубинах космоса.

Глава четвертая
НУЖЕН КОСМИЧЕСКИЙ КОРАБЛЬ!

Каникулы – лучшее время, чтобы поработать в свое удовольствие. Никто тебе не мешает, не отвлекает уроками и не отправляет спать в десять часов, потому что завтра рано вставать.

За день до каникул Аркаша Сапожков сказал Алисе Селезневой:

– Мне нужна твоя помощь.

Аркаша уже третий месяц вынашивал такую идею: космонавтам в дальних полетах и сотрудникам космических баз не достается арбузов, уж очень они велики и неудобны для перевозки. А арбузов всем хочется. Какой выход? Арбузы должны быть маленькими и по возможности кубическими. На месте их можно положить в воду, чтобы они быстро надулись, разбухли и стали настоящими. Теперь надо придумать, как это сделать.

С этой целью Алиса с первого июня засела с Аркашей за работу в лаборатории станции Юных биологов на Гоголевском бульваре в Москве.

Задача оказалась интересной и сложной. За первую неделю биологам удалось создать арбуз, который был размером с грецкий орех, а в воде становился большим, но, к сожалению, совершенно безвкусным. На этом работа застопорилась.

День был дождливый, грустный. Однорогий жираф Злодей сунул голову в открытое окно лаборатории и громко чихнул, жалуясь на непогоду. Изо рта у него торчала ветка сирени.

– Аспирину дать? – спросила Алиса.

Она уже жалела, что согласилась помогать Аркаше: опыты грозили затянуться на все лето, потому что Аркаша – самый упрямый человек на свете. Он только на первый взгляд такой тихий и застенчивый. Внутри его сидит несгибаемый, железный человечек, который не признает слабостей и поражений.

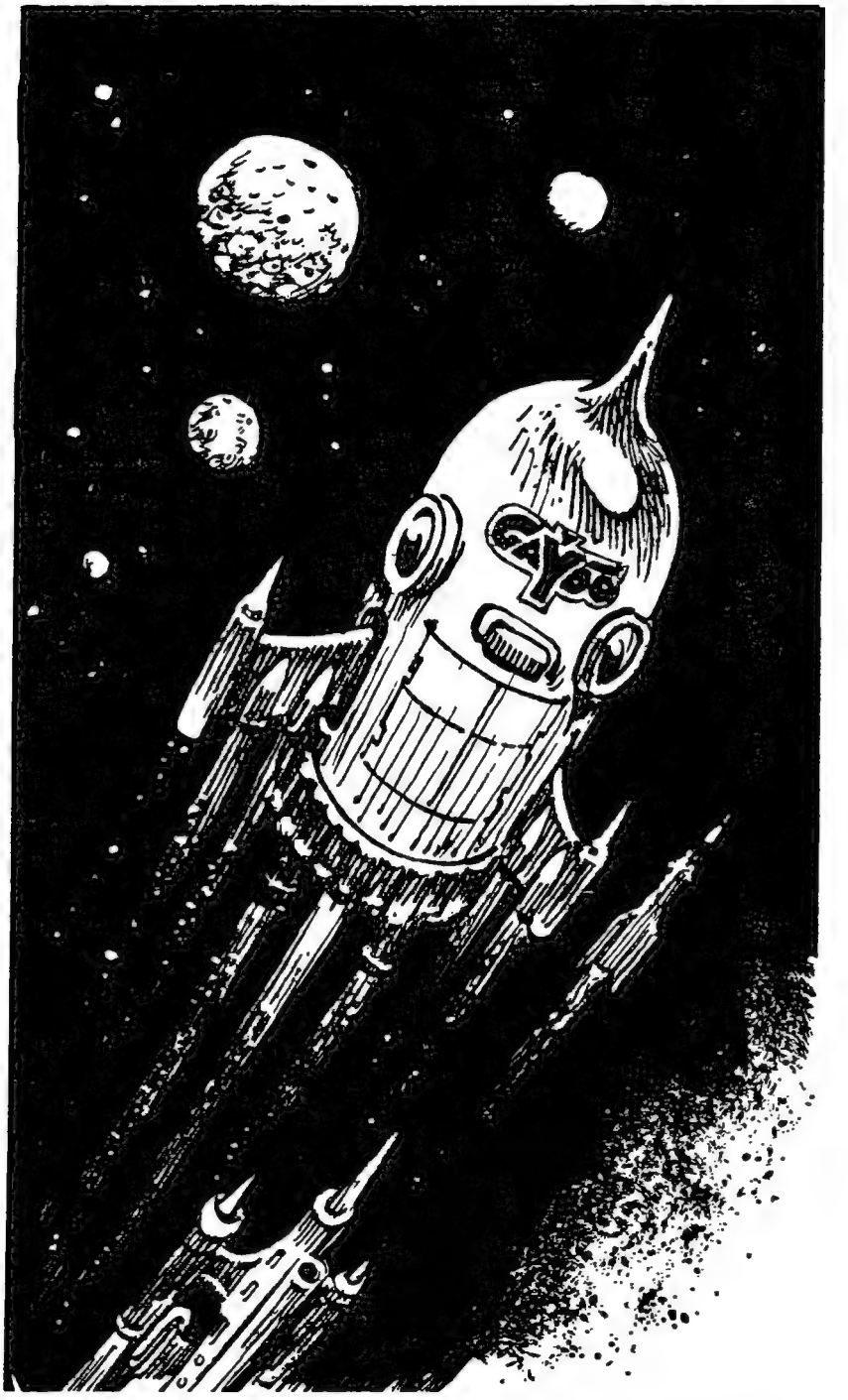
Жираф отрицательно покачал головой и положил веточку сирени на стол перед Алисой.

Дверь в лабораторию распахнулась, и вбежал промокший Пашка Гераскин. Глаза его сверкали, волосы торчали во все стороны.

– Сидят! – воскликнул он. – Уткнулись носами в микроскопы. Прозевали событие века!

– Не мешай, – тихо сказал Аркаша.

– Буду мешать, – ответил Пашка. – Потому что я ваш друг. Если я вас не спасу, вы скоро окаменеете у микроскопов.



Гай-до прибавил ход и постарался уйти от преследования.

– Что случилось? – спросила Алиса.

– Я вас записал, – сообщил Пашка и уселся на край стола.

– Спасибо, – сказал Аркаша. – Не шатай стол.

– Я вас записал участвовать в гонках Земля – Луна – Земля, – сказал Пашка, болтая ногами. – Как вам это нравится?

– Нам это категорически не нравится, – ответил Аркаша, – потому что мы не собираемся ни за кем гоняться.

– Получился славный экипаж, – сказал Пашка, словно и не слышал Аркашиного ответа. – Павел Гераскин – капитан, Алиса Селезнева – штурман, Аркадий Сапожков – механик и прислуга за все. Старт второго августа из пустыни Гоби.

– Теперь я окончательно убедился, – сказал Аркаша, – что наш друг Гераскин сошел с ума. Слезь со стола, наконец!

Пашка добродушно улыбнулся, слез со стола и сказал:

– Не надейтесь, я от вас не отстану. К тому же я ваш капитан. Вас интересуют условия гонки?

– Нет, – отрезал Аркаша.

– Расскажи, – произнесла Алиса, – что за гонки?

Пашка потрепал жирафа по морде.

– Первая брешь в вашей обороне уже пробита, – сообщил он. – Я и рассчитывал, что мой союзник – любопытство Алисы. Итак, объявлены гонки школьников. В них могут участвовать любые корабли, как самодельные, так и обыкновенные, планетарные катера. Экипаж – не больше четырех человек. Первый приз – путешествие в Древнюю Грецию на первую Олимпиаду.

– Можно задать пустяковый вопрос? – Аркаша оторвался от ми-

кроскопа – все равно Пашку, пока не выскажется, не остановишь. – А где у тебя корабль? Может, ты его за месяц построишь?

– Это деталь, – сказал Пашка. – Главное, что я получил ваше согласие. С таким экипажем мы победим.

– Никто тебе не давал согласия, – сказала Алиса. – Мы только задали вопрос.

– Чему нас учат в школе? – сказал Пашка. – Нас учат дерзать, думать и действовать. Почему вы не хотите дерзать? Вас плохо учили? Мы можем взять списанный планетарный катер и привести его в порядок.

– Чепуха! – воскликнул Аркаша. – Слишком просто. Наверняка другие уже полгода готовятся.

– Правильно, – сказал Пашка. – Я уже созвонился с Лю, это мой приятель, он учится в Шанхае. Они с зимы строят корабль.

– Вот видишь, – сказала Алиса.

– Потом я провидеофонил в Кутаиси. Резо Церетели сказал мне, что они взяли обыкновенный посадочный катер, оставили только шпангоуты и полностью его перестраивают.

– Вот видишь! – сказал Аркаша. – На что ты надеешься?

– На ваш ум и мою дерзость, – сказал Пашка. – Вы уже заинтересовались. Значит, полдела сделано.

– Мы ничем не заинтересовались, – сказал Аркаша. – Мы только хотим, чтобы ты все сказал и ушел. А у тебя есть идея?

– Конечно, есть, – рассмеялся Пашка. – Мне только нужно было, чтобы ты оторвался от микроскопа, а у Алисы в глазах загорелись лампочки. Своего я добился. Мы летим на свалку.

– Вот теперь я окончательно убедился, – сказал Аркаша, – что мой друг Гераскин сошел с ума. Во-первых, на свалку нас никто не пустит. Во-вторых, на свалке уже побывали конкуренты и ничего там подходящего не осталось. В-третьих, мы все равно не успеем.

– Хо-хо-хо! – взревел в восторге Пашка. – Вы у меня на крючке! Во-первых, я получил разрешение осмотреть свалку, и не спрашивайте меня, как мне это удалось. Во-вторых, мы ничем не рискуем. А вдруг нам подойдет то, на что другие не обратили внимания? Летим?

– Никуда я не полечу, – сказал Аркаша. – И Алиса тоже.

– Он тебе приказывает! – сказал коварный Пашка.

– Я слетаю с Пашкой, – сказала Алиса. – Все равно я хотела проветриться. Туда и обратно.

– Туда и обратно, – подтвердил Пашка. – Аркаша, ты слышишь: туда и обратно.

– Сегодня вернемся? – спросил Аркаша. – А то мама будет волноваться.

– Какие могут быть сомнения! – ответил Пашка.

Алиса уже поднялась и натягивала плащ.

Аркаша поглядел на своих друзей, вздохнул и принялся отключать приборы. Он не верил в Пашкины дикие идеи, он никуда не хотел улетать от своих кубических арбузов, но выше всего на свете Аркадий Сапожков ценил дружбу.

Пашкин флаер стоял у входа в лабораторию.

Дождик моросил по веткам берез, большие капли воды скапливались на длинных пальмовых листьях и тяжело срывались вниз. Под елочками таились сморчки. Жираф Злодей проводил друзей до флаера и с печальным видом глядел, как они забирались внутрь. Видно, догадался, что они летят в Африку.

Пашка набрал код свалки, машина резко взяла вверх и понеслась, увеличивая скорость, на юго-запад.

Глава пятая
СВАЛКА В САХАРЕ

На западе великой пустыни Сахара, на плато Тассили, в одном из самых диких и сухих мест на Земле, несколько квадратных километров каменной пустоши огорожено: туда свозят космические корабли, которым не суждено больше подняться в небо.

Там есть суда, отслужившие свой век, есть неудачные модели, отвергнутые конструкторами, есть корабли, потерпевшие аварию, а есть и корабли, попавшие туда неизвестно как. Всего их на свалке несколько сот.

Зачем нужна такая свалка? Не лучше ли переплавить весь этот хлам и не загромождать пустыню?

Но это не хлам! Это великолепная лаборатория. Название «свалка» придумал неизвестный шутник. Оно прижилось, и никто не видел в нем ничего обидного.

Туда часто прилетают гости. Конструкторы, которые проектируют новые машины, чтобы учиться на ошибках своих коллег или отыскать

ответ на трудную конструкторскую задачку. Историки, которые пишут книги о завоевании космоса. Киносъемочные группы, чтобы снять кадр отлета настоящего корабля. Металлурги, чтобы узнать, каковы свойства того или иного металла, побывавшего в космосе. Наконец, туристы со всех концов света.

Вот куда держал курс флаер Пашки Гераскина.

Летели долго, часа полтора. Сначала под флаером проплыли зеленые поля Украины, потом за Одессой он вышел к Черному морю и снизился над болгарским городом Варна. Море было теплым и синим, всем захотелось искупаться, но пришлось от этой мысли отказаться, а то вернешься в Москву ночью, родители будут беспокоиться. Еще через несколько минут флаер сделал круг над греческой столицей Афины. В Афинах уже начался туристский сезон – небо над городом было буквально набито флаерами, воздушными автобусами и глайдерами. Особенно много их было над знаменитым храмом Парфеноном.

Пашка обогнул Афины с запада, и вскоре флаер вылетел к Средиземному морю. Италию увидели на горизонте, зато заглянули в жерло спящего вулкана Этна на острове Сицилия. От Сицилии уже рукой подать до Африки.

Показался рыжий берег Алжира, усеянный зелеными точками апельсиновых деревьев, устланный квадратами пшеничных полей и садов. Флаер взял южнее, и постепенно зелень стала реже, пошли пустынные пейзажи, лишь изумрудные полосы пальм вдоль каналов и дорог доказывали, что в Сахаре живут люди.

Алиса глядела на друзей и думала, что они все-таки похожи. Бывает же так: совсем не похожи, а на самом деле похожи. Трудно найти более разных людей: у Пашки глаза голубые, у Аркаши карие, Пашка белобрысый, волосы прямые, непослушные. У Аркаши темно-рыжая шевелюра, завитая, как у барашка. Его в детстве бабушка так и звала: «Аркашка-барашка». А кожа у Аркаши очень белая, почти голубая, усыпанная крупными веснушками. У Пашки лицо непонятного цвета. Потому что этот цвет все время меняется. Пашка легко краснеет, мгновенно бледнеет, быстро загорает, и тогда его курносый нос становится малиновым. Пашка ни секунды не сидит на месте – он весь в движении, всегда куда-то несется, часто сначала делает, а потом думает, из-за чего попадает в неприятные ситуации. Аркаша рассудителен, спокоен, редко повышает голос и может замереть на час, задумавшись. Оба любят придумывать, изобретать, но Пашка ду-

мает сразу о десяти вещах и изобретает одновременно вечный двигатель, невидимые шпаргалки и блинопереворачиватель. Поизобретает минут пятнадцать – и спешит на хоккейный матч. Аркаша занимается только теми проблемами, которые намерен решить. И решает, даже если полгода приходится просидеть в лаборатории. Пашка и Аркаша вечно ссорятся, спорят, чуть до драки дело не доходит, но при том остаются лучшими друзьями.

Флаер начал спускаться к плоскогорью, с трех сторон окруженному мрачными скалами. Сверху могло показаться, что они подлетают к детской площадке гигантов. Гигантские дети играли разноцветными корабликами и шариками, а потом убежали, разбросав игрушки. «Обитатели» свалки были всех возможных форм и размеров – от небольших спасательных и разведочных катеров до пассажирских лайнеров. Одни поблескивали металлом или были ярко раскрашены, другие потемнели от времени и космических передряг.

Флаер опустился возле проходной, что расположилась в небольшой летающей тарелочке. Как только флаер коснулся земли, послышался звонок, и люк в тарелочке распахнулся. Курчавая девичья головка появилась в люке, и дежурная сказала:

– Салам алейкум.

– Здравствуйте, – ответил Пашка, первым выскочивший из флаера.

– Добрый день, – сказала девушка по-русски.

Она увидела московский номер флаера и сразу перешла на русский язык. Ничего удивительного – все работники международных организаций знают десять основных земных языков, не считая космолингвы, на которой говорят в галактике. Дежурная на свалке, которую звали Джамиля, знала тридцать шесть земных и семь галактических языков и так любила учить новые, что специально пошла работать в пустыню, чтобы можно было заниматься в тишине.

– Вам звонили, – сказал Пашка. – Мы из московской школы и ищем космический корабль для гонок.

– Одну минутку, – сказала девушка.

Видно было, как она включила дисплей.

– «Павел Гераскин, – прочла она, – и сопровождающие его два лица: Алиса Селезнева и Аркадий Сапожков». Проходите.

Алиса и Аркаша открыли рты от удивления и молча прошли за Пашкой в открытые двери свалки.

Только внутри Алиса пришла в себя и спросила Пашку:

– Гераскин, что все это значит?

– А что?

– Не только тебя пустили, – сказал Аркаша, – но и знали, что мы с тобой прилетим. А ведь мы ни на секунду не разлучались с того момента, как ты вошел в лабораторию на Гоголевском бульваре.

– Все гениально просто, – ответил снисходительно Пашка. – Мне помогло знание людей. Утром я узнал о гонках. Через час я принял решение в них участвовать. Затем мысленно подобрал себе экипаж и тут же позвонил на свалку.

Было жарко, дул сухой ветер, Пашка отошел в тень громадного космического лайнера и продолжал:

– Если бы мы пришли сюда как маленькие дети и стали просить: «Пустите нас, тетенька», – дежурная ни за что бы нас не пустила. Но я сказал ей по телефону: «В шестнадцать по местному времени к вам прибудет группа из Москвы в составе Гераскина и сопровождающих его лиц. Вы записали?» И что она ответила? Она ответила: «Хорошо, я записала». Остальное – дело техники.

– Что дело техники? – спросила Алиса.

– Я пошел к вам и сказал, что мы участвуем в гонках. Вы сразу бросили все свои арбузные дела и помчались в Сахару. Яснее ясного.

– Аркаша, я его сейчас убью! – сказала Алиса. – Он еще над нами издевается.

– Он совершенно прав, – сказал Аркаша. – Он нас обманул, соблазнил, провел за нос, потому что заранее знал, что мы, как послушные овцы, полетим в Сахару.

– Прекратить пустые разговоры! – сказал Пашка. – Времени в обрез. Папочки и мамочки ждут нас ужинать, а мы еще не нашли себе подходящего космического корабля. В путь, капитаны!

Ну что тут будешь делать? Аркаша с Алисой улыбнулись и пошли по жаркой пустыне искать космический корабль.

Солнце палило яростно, и приходилось перебегать от корабля к кораблю, чтобы отдышаться в тени.

Хорошо смотреть на свалку с неба – скопище маленьких игрушек.

Вблизи все было иначе – над друзьями нависали бока громадных кораблей. Только пройдешь мимо одного, выплывает новая громада.

Корабли образовали странный сказочный город. Улиц в нем не было, дорога вилась между гигантами и карликами, между сверкающими космическими щеголями и унылыми развалюхами.

Идти по такому городу с Пашкой, который бредил космонавтикой, было нелегко, потому что через каждые сто шагов он останавливался и восклицал:

– Ребята, глядите! Это же «Титанус». Привет, старина! Как ты отдыхаешь после последнего рейса к Черной дыре? Ребята, заглянем на минутку внутрь?

– «Титанус» как «Титанус», – отвечал всезнающий Аркаша. – Грузопассажирский второго класса, спущен со стапелей греческого завода на Луне 16 ноября 2059 года, ходил к поясу астероидов. Совершил один рейс за пределы Солнечной системы, после чего списан. Если мы полезем его осматривать, то не вернемся домой до завтра.

– Ты не романтик! – бушевал Пашка. – Тебе сидеть дома и разводить квадратные арбузы!

– А я сюда не просился.

– Как хочешь, а я обязан заглянуть на капитанский мостик «Титануса». Ведь именно там стоял капитан Синос, когда снимал с Ганимеда группу Вижека.

Нетрудно догадаться, что в конце концов Пашка уговорил своих друзей побывать на «Титанусе».

Капитанский мостик «Титануса» их разочаровал. Все ценные приборы были сняты, в шахтах повисли лифты, работало только дежурное освещение, в коридорах было полутемно, мрачно и пахло пылью. Навстречу пронеслась по коридору разбуженная летучая мышь. Пашка даже присел от неожиданности, а когда Алиса рассмеялась, обиженно объяснил, что он боялся ушибить редкое животное, вот и наклонился.

На мостике Пашка постоял перед пустым темным экраном и сказал, что видит на нем отпечаток звездного неба. Спорить с ним не стали.

Когда выбрались наружу, солнце начало клониться к гряде скал, ветер затих, и стало еще жарче. Пройдя с полкилометра и не обнаружив ничего подходящего, ребята спрятались в тень у скалы, и Алиса сказала:

– Только наивные дети могли не догадаться, что в пустыне им захочется пить.

– Мы и есть наивные дети, – мрачно ответил Аркаша. Он задумчиво глядел вдаль. Мысленно он уже вернулся в лабораторию.

Пашка вытер пот рукавом, поднял камешек и кинул его в щель под скалу. Вдруг оттуда выкатился серый футбольный мяч и шустро покатился прочь.

– Аркаша, что это? – воскликнул Пашка.

– Не знаю, – ответил Аркаша, который даже не удивился. – В Сахаре таких не водится.

– Наверное, что-то инопланетное, – сказала Алиса. – Остались споры в каком-нибудь корабле, вот и вывелось.

– Что ты говоришь! – воскликнул Пашка. – Ты понимаешь, что говоришь! Значит, какой-то корабль плохо продезинфицировали, и теперь Земле грозит страшная опасность. Эти мячи размножатся, и нам придется с ними воевать. Надо его поймать.

Пашка побежал в ту сторону, куда скрылся мяч, но ничего не нашел. Только запыхался и вспотел.

Они побрели дальше по свалке.

Вокруг стояли корабли – круглые, кубические, длинные и короткие, цилиндрические и веретенообразные, целые и разбитые. Два раза им попались небольшие катера, но один из них был стареньким и тихоходным, на таком не только до Луны, до Одессы не долетишь, а другой оказался в таком состоянии, что проще построить новый, чем восстанавливать.

Солнце уже садилось, от кораблей протянулись длинные тени.

Наконец Аркадий остановился у очередного космического колосса и сказал:

– Все. Мы возвращаемся. Очередная Пашкина идея оказалась блефом.

– Аркадий прав, – сказала Алиса. Ей так хотелось пить, что слюны во рту не осталось, язык еле ворочался.

Пашка молчал, не спорил. Он замер. Он так смотрел через плечо Аркаши, словно увидел привидение.

Алиса обернулась.

Там стоял небольшой планетарный корабль, подобного которому видеть раньше им не приходилось.

Он был похож на мятый желудь, проеденный червяком, в его боку у самой земли чернела дыра диаметром в два метра.

– На этом замечательном корабле, – сказал Пашка, – мы выиграем гонки.

– Ты перегрелся, – ответил Аркаша. – Ты слишком долго был на солнце.

Глава шестая
РАЗУМНЫЙ КОРАБЛЬ

Аркаша сначала и смотреть на корабль не хотел, не то что лезть в него. Он устал, измучился от жажды и желал только одного: скорей вернуться домой. Алиса была с ним согласна. Но Пашка настаивал:

– Мы летели через всю Европу, чтобы посмотреть на корабли, мы третий час бродим по Сахаре. И зачем? Только для того чтобы уйти за шаг до цели? Мы же никогда себе не простим, если не осмотрим корабль. А может быть, его можно починить? Поглядите, это же совершенно необыкновенное судно! Такого нет ни в одном справочнике! Ну ладно, оставайтесь здесь, а я загляну. На минутку. Мне он очень нравится.

– Тут нечему нравиться, – сказал Аркаша. – С таким же успехом можно любоваться ржавым паровозом.

Пашка решительно направился к кораблику, подтянулся, схватившись за оплавленные края дыры, и скрылся внутри.

– Я тоже погляжу, – сказала Алиса, – скучно стоять.

– Иди, – мрачно ответил Аркаша. – Глупости все это.

Алиса заглянула в черную дыру.

– Пашка, – позвала она. – Что там?

– Ничего не вижу, – ответил Пашка. – Фонарь во флаере остался.

– Вылезай, – сказала Алиса, – еще ногу сломаешь.

И в этот момент впереди, откуда доносился голос Пашки, зажегся под потолком плафон. И сразу стала видна фигура Пашки, стоявшего среди покореженных остатков мебели и приборов.

– Вот видишь, – сказал Пашка, – еще не все потеряно.

– Интересно, почему загорелся свет? – сказала Алиса, забираясь в корабль.

– Не знаю, – сказал Пашка, пробираясь вперед. – Погляди, пульт управления почти цел. Только надписи на непонятном языке.

Алиса подобралась поближе к другу. Она отвалила в сторону сломанное пилотское кресло и поглядела на пульт. Пульт и в самом деле был почти цел. Надписи были сделаны на каком-то инопланетном языке. И в этом тоже не было ничего удивительного. На свалке встречались корабли с других планет. Те, что потерпели крушение у Солнечной системы или были оставлены экипажами, а потом были подобраны буксирами-чистильщиками и привезены на свалку.

Он был похож на мятый желудь, проеденный червяком, в его боку у самой земли чернела дыра диаметром в два метра.

– Надо осмотреть двигатели, – сказал Пашка.

– Если это инопланетный корабль, – сказала Алиса, – нам тут делать нечего – откуда мы знаем, как им управлять?

С трудом они пробрались в двигательный отсек. Там обнаружили Аркашу. Конечно же, тот не утерпел и тоже залез в корабль. К сожалению, дела в двигательном отсеке никуда не годились. Гравитационный двигатель был сорван ударом со станин, и на нем была большая вмятина. Хорошо еще, что планетарные двигатели остались целы.

– Ну, все ясно? – спросил Аркаша. – Теперь можно уходить?

– Ничего не ясно, – ответил упрямый Гераскин. – Ведь условие гонок – пользоваться только обычными планетарными двигателями. Гравитационными пользоваться нельзя. А обычные двигатели в порядке.

– Все! – сказал решительно Аркаша. – Я с тобой расстаюсь, и навсегда. Я не могу дружить с легкомысленным авантюристом.

– Аркаша прав, – сказала Алиса, – починить корабль нельзя. Придется ему доживать свой век на свалке.

И она первой побрела к выходу.

За ней последовал Аркаша. Пашка задержался еще на несколько секунд в двигательном отсеке. Но, видно, и он понял – ничего не выйдет. Он сказал кораблю:

– Прости, друг. Мы не виноваты.

И тоже пошел к выходу.

Вдруг они услышали негромкий, низкий голос:

– Не уходите, пожалуйста.

Слова прозвучали на галактическом языке – космолингве, который ребята, конечно, знали.

– Это кто говорит? – вздрогнул Пашка.

– Это я, корабль, – послышался ответ. – Я очень прошу вас задержаться, люди. У меня создалось впечатление, что вы намеревались использовать меня для полета, но мое прискорбное состояние вас напугало.

– Вот это да! – сказал Пашка. – Ребята, погодите! Это говорящий корабль.

– Мы слышим, – сказала Алиса, которая была удивлена не меньше Пашки. Бывают роботы, бывают разного рода разумные машины, но ей еще никогда не приходилось разговаривать с кораблем.

– Я не только говорящий корабль, – продолжал голос. – Я разумный корабль. И мой мозг совершенно цел. Я помогу вам меня починить.

– Надо осмотреть двигатели, – сказал Пашка.

Никто не знал, что ответить.

И тогда Пашка задал глупый вопрос.

– Послушайте, – сказал он. – А у вас воды нет? Ужасно пить хочется.

– Нет, – ответил кораблик, – воды у меня, к сожалению, нет. Синтезатор тоже вышел из строя.

– Жалко, – сказал Пашка.

– А вас где построили? – спросила Алиса.

– Я вам все расскажу, только не бросайте меня. Я не могу больше оставаться здесь. Я очень много знаю. Я – уникальное создание. Я – жертва несчастной любви, – ответил кораблик.

Все так удивились, что даже Пашка не засмеялся.

– Простите, – сказал тогда Аркаша, – но нам пора улетать, иначе мы вернемся домой ночью.

– Вы меня бросите? – спросил корабль, и Алисе показалось, что его голос дрогнул.

И тогда Алиса представила себе, что живое существо – а если ты обладаешь разумом, значит, ты живое существо, пускай даже металлическое, – очень боится остаться одно в этой пустыне, на кладбище кораблей. Ей стало жалко этот разбитый кораблик. И она ответила за всех:

– Мы к вам обязательно вернемся.

– Завтра, – сказал Пашка.

Аркаша промолчал, но понятно было, что он не оставит друзей.

– До свидания, кораблик, – сказала Алиса, спрыгивая на камни.

– Меня зовут Гай-до, – ответил кораблик.

Солнце уже спустилось к острым зубцам скал, стало чуть прохладнее, и ребята побежали к выходу. Сил не осталось, язык присох к нёбу, и очень хотелось скорее выбраться из этого мертвого города.

Из последних сил они добрели до проходной.

– Как вы долго, – сказала Джамиля, – я уже думала посылать за вами робота. А то у нас в прошлом году один мальчик забрался в корабль и спрятался там, думал, что сможет один улететь. Правда, смешно? Пить хотите?

– Ужасно, – сказал Пашка.

– Тогда заходите ко мне.

Когда ребята поднялись в летающую тарелочку, Джамиля уже открыла банки с холодным апельсиновым соком и поставила их на столик. Она с интересом смотрела, как ее гости проглотили сок, и только повторяла:

– Пожалуйста, пейте глоточками, а то обязательно простудитесь.

Допив сок, будущие гонщики поставили пустые банки на стол и посмотрели на Джамилю так, что она без слов открыла холодильник и достала еще три банки.

На этот раз они пили медленнее.

Джамиля спросила:

– Нашли, что вам нужно?

– Не знаем, – сказала Алиса.

– На той неделе прилетали сюда ребята из Франции, – сказала Джамиля, – но ничего не нашли.

– А скажи, – Пашка поболтал в банке остатками сока, – можно узнать, как к вам попал один корабль?

– Конечно, – сказала Джамиля, – если я знаю.

– Планетарный катер в шестом секторе, – сказал Аркаша. – У него большая дыра в боку.

– Бедненький, – сказала Джамиля, – его подобрали возле Плутона. Совсем недавно, полгода назад. Бортового журнала на нем не нашли, и, судя по всему, он был оставлен или потерян в космосе.

Джамиля включила дисплей, на котором появилось изображение кораблика, который назвал себя Гай-до.

– Его осматривали эксперты. Язык надписей на его приборах вестерианский. Туда отправлен запрос, но пока что мы не получили ответа. Кораблик – нераскрытая тайна. Но он так разбит, что его уже никогда не восстановить.

– А если мы попробуем? – спросил Пашка.

– Разрешение надо спрашивать не у меня, – улыбнулась Джамиля. – Еще соку дать?

Алиса и Аркаша отказались, но Пашка выпил еще одну банку, про запас.

Когда они собрались уходить, Алиса спросила:

– А этот кораблик... он не разговаривает?

– Что? – удивилась Джамиля. – Корабли не разговаривают.

– Не обращай внимания, – сказал Пашка. – Алиса перегрелась на солнце. До свидания, мы завтра прилетим.

– Прилетайте, – сказала Джамиля. – А если у вас дома случайно найдется русско-китайский словарь, я буду вам очень благодарна.

– Хоть три словаря! – заявил Пашка и начал подталкивать друзей к выходу.

Когда они уже поднялись в воздух и взяли курс навстречу надвигавшейся с востока ночи, Пашка сказал:

– Ну и язык у тебя, Алиса.

– А что я сказала?

– С кораблем Гай-до связана тайна, он не хочет никому, кроме нас, показывать, что он разумный, значит, у него есть основания. А ты сразу начала у Джамили спрашивать.

– Мне это не нравится, – сказал Аркаша. – Машина не может обманывать людей.

– И эти странные слова о несчастной любви, – добавила Алиса, глядя, как далеко внизу, на берегу моря, зажигаются вечерние огоньки.

Глава седьмая
ГАЙ-ДО РАССКАЗЫВАЕТ

На следующий день Алиса и ее друзья с утра вернулись в Сахару.

Аркадий взял в лаборатории приборы, чтобы исследовать корабль и понять, насколько серьезно он поврежден. Павел вез с собой инструменты, чтобы наладить на корабле вентиляцию. Алиса захватила на всех еду и русско-китайский словарь. К тому же по дороге они спустились на окраине Афин у рынка, купили там апельсинов, маслин и целый ящик ранних овощей и фруктов.

Джамиля встретила гостей из Москвы как старых знакомых. Она даже не садилась завтракать – ждала их. Так что овощи из Афин пригодились. А русско-китайский словарь привел ее в восторг.

Конечно, Джамиля не верила, что корабль можно починить, но ей нравилось упорство в других. Она даже разрешила перелететь на флаере к самому кораблику, что обычно на свалке не разрешалось.

Флаер мягко опустился возле Гай-до.

Алиса первой выскочила из него.

Было еще прохладно, солнце невысоко поднялось над скалами и грело мягко, по-московски. По небу медленно плыли перистые облака. В колючих кустах, что росли между кораблями, щебетали птицы.

– Здравствуй, Гай-до, – сказала Алиса. – Мы вернулись.

– Доброе утро, – откликнулся кораблик. – Я рад вас видеть.

Алиса не заметила ничего странного в ответе кораблика. Но Аркаша был внимательнее.

– Ого! – сказал он. – Когда ты научился говорить по-русски?

«И в самом деле! – сообразила Алиса. – Ведь еще вчера кораблик разговаривал с нами на космолингве».

– У меня было время проанализировать ваши вчерашние разговоры, – ответил кораблик. – Вы сказали достаточно слов, чтобы я научился. Чего только не сделаешь за длинную пустынную ночь!

– Молодец! – сказал Пашка, выгружая из флаера инструменты. – А я никак английский выучить не могу.

– Наверное, у вас другие интересы, – вежливо сказал корабль.

– Интересов у него миллион, – улыбнулась Алиса.

Аркаша включил лазерную камеру и пошел вокруг корабля, снимая его со всех сторон, чтобы сделать потом голографическую копию.

Только он шагнул за корабль и скрылся из глаз, как раздался его крик:

– Это еще что такое!

Из тени выкатился серый мяч и быстро покатился прочь.

– Опять! – сказала Алиса. – Он тебя не укусил?

– По-моему, у него нет рта.

– Обязательно надо будет с Джамилей поговорить, – сказала Алиса. – Это какая-то мутация.

– Я полезу внутрь, – сказал Пашка, вытаскивая из флаера ворох инструментов. – Посмотрим, что можно сделать.

– Погодите, – сказал корабль, – вы в самом деле хотите меня отсюда взять?

– Мы еще не знаем, – сказала Алиса, – можно ли будет тебя починить.

– Мне бы хотелось, чтобы вы меня починили, – ответил корабль. – Я постараюсь вам помочь. Поднимитесь ко мне на мостик. Я покажу, как наладить информационный дисплей. Я расскажу вам грустную историю моей жизни.

Алиса с Пашкой пробрались к пульту управления, и Гай-до сказал им, как открыть бортовой шкафчик, где хранилась запасная трубка к разбитому дисплею. Вдвоем они за полчаса привели дисплей в порядок.

– Слушайте... – сказал Гай-до, когда дисплей загорелся зеленым цветом. На нем появилось изображение пожилого лысого человека с сиреневыми глазами. – Вы видите знаменитого конструктора Самаона Гая с планеты Вестер... – начал свой рассказ Гай-до. – Ему очень хотелось, чтобы у него родился сын...

Гай-до закончил долгий рассказ вопросом:

– Люди, ответьте мне: почему она покинула меня и не вернулась? Может, она погибла?

– Скорее всего, – сказал Аркаша, – Ирия Гай жива и здорова. Но погибла для науки. Она предпочла ей и тебе обыкновенного мужчину.

– Но это предательство! – воскликнул корабль.

– Не укоряй ее, – сказала Алиса. – Может, это любовь. Я читала, что ради любви люди совершали странные поступки. Ты не слышал про Ромео и Джульетту?

– Нет, – сказал корабль. – Они тоже конструкторы?

– Это случилось очень давно, – сказала Алиса. – Они погибли...

– Не путай, – прервал Алису Пашка. – Как можно из-за какой-то любви забыть о друге и о работе? Я эту Ирию презираю. Забыть ее надо.

– О нет! – возразил корабль. – Я ее никогда не забуду!

– Надо взять себя в руки, – сказал рассудительный Аркаша. – Если это любовь, то она скоро пройдет.

– Ты наивный, Аркаша, – сказала Алиса. – Ты еще никогда не любил.

Аркаша внимательно посмотрел на Алису и спросил:

– А вас, девушка, не Джульеттой зовут?

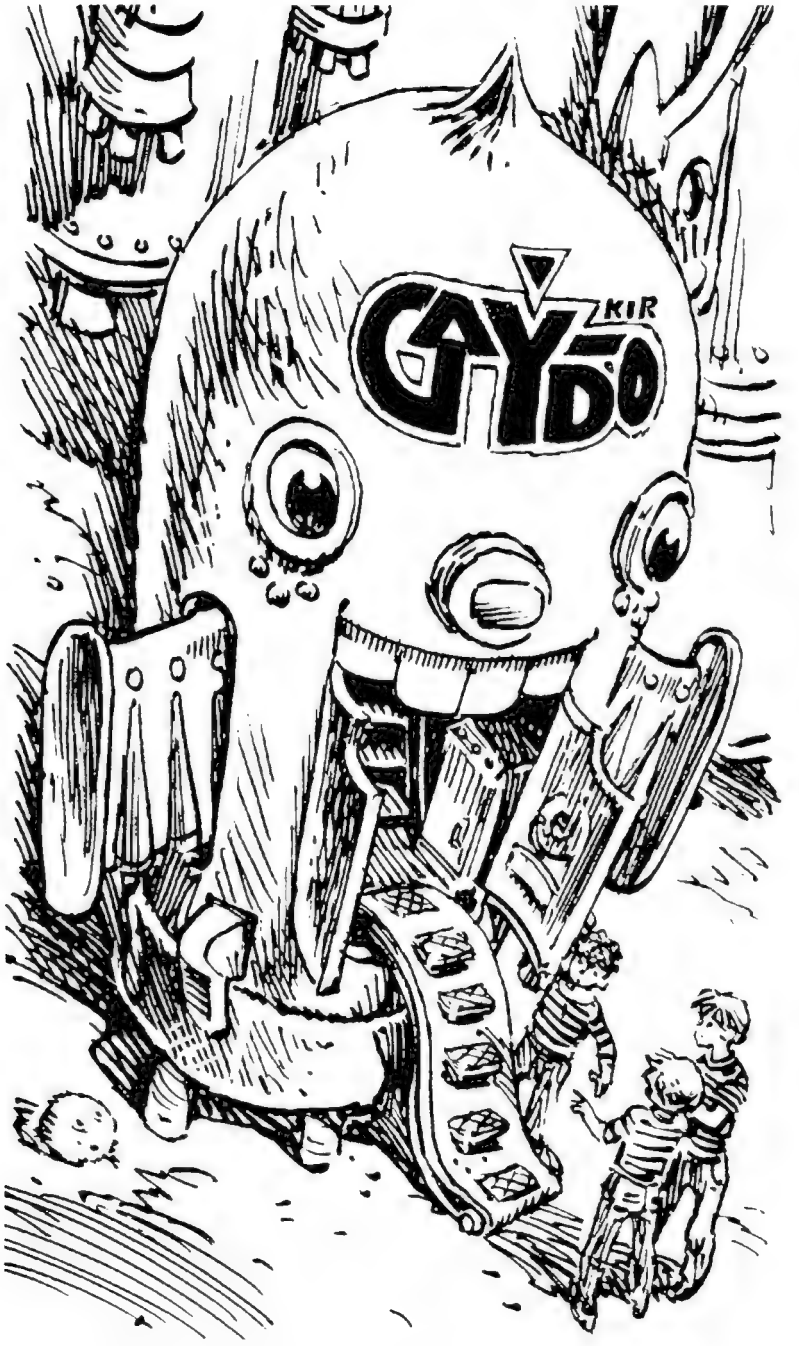
Пашка расхохотался, а корабль обиженно замолчал, потому что не очень приятно слушать смех, когда рассказываешь о своих чувствах.

– Ты очнулся только здесь? – спросила Алиса.

– Да.

– А почему ты скрыл от людей, что ты разумный?

– В первые недели я потерял дар речи. Ум мой работал еле-еле. Я тяжело болел. Меня осматривали инженеры, но они решили, что я погиб где-то в глубинах космоса, и меня принесло к Земле звездными течениями. Так что я стою здесь как неопознанный обломок, который не представляет интереса для науки.



– Мне бы хотелось, чтобы вы меня починили, – ответил корабль. – Я постараюсь вам помочь. Поднимитесь ко мне на мостик.

– А почему ты молчал, когда к тебе вернулась речь? – спросил Пашка.

– Я о многом передумал. Я не знаю, кто на меня напал и почему. Может быть, у вас на Земле есть злобные люди, которые уничтожают гостей?

– Ты с ума сошел! – воскликнул Пашка.

– А вдруг это был заговор против моей госпожи? Вдруг кто-то не хотел, чтобы я ее нашел? Сначала я решил выздороветь, а потом уже действовать. Пока что я начал заращивать дыру в борту. Еще неделю назад дыра в моем боку была вдвое больше. Я не бездельничаю, не сдаюсь на милость судьбы.

– И тут ты увидел нас, – сказал Пашка. – И решил нас использовать.

– Это вы решили меня использовать. Наверное, мне повезло. Если вы меня почините, я сделаю все, что вам нужно, а потом полечу дальше, искать госпожу Ирию.

– Правильно, – сказал Пашка.

– Неправильно, – возразил Аркаша.

– А в чем дело?

– Неужели ты не понял? – ответила за Аркашу Алиса. – Первым делом мы должны найти Ирию Гай.

– Что я слышу! – прошептал корабль. – Неужели в вас столько благородства?

– Это естественно, – сказал Аркаша. – Если у тебя несчастье, мы должны помочь.

– Но ведь я совсем чужой, и к тому же не человек, а корабль.

– Какая разница! – воскликнула Алиса. – Ты переживаешь, как самый настоящий человек.

– Погодите, погодите, – сказал Пашка, – что за спешка? А где гарантии, что этот катер не бросит нас, как только найдет свою госпожу? Мы тут будем стараться, трудиться и останемся без гоночного корабля.

– Как тебе не стыдно! – сказала Алиса.

– Паша прав, – сказал корабль. – Хоть и печально, что он плохо обо мне думает. Я даю слово, что буду вам честно служить.

– Не слушай Пашку, – сказала Алиса. – Ты лучше расскажи все, что знаешь об Ирии, чтобы нам легче было ее отыскать.

На дисплее возникло лицо молодой женщины. Лицо было красивым, решительным, волосы подстрижены очень коротко, на щеке небольшой шрам.

– Ее легко отличить от остальных женщин, – произнес Гай-до. – Она всегда ходит в мужской одежде, говорит редко, но метко, иногда даже употребляет грубые слова. Шаги широкие, спина прямая, любимые занятия: стрельба из пистолета, верховая езда, бокс и поднятие штанги... Ладони мозолистые, отлично обращается с рубанком и топором, владеет приемами смертоносной борьбы вейко. Это самая мужественная женщина во всей галактике, и лишь по недоразумению она родилась не мужчиной.

– Вот это да! – сказал Пашка. – Хотел бы я иметь такую сестру.

– А что ты знаешь о Тадеуше? – спросила Алиса.

– Тадеуш – он и есть Тадеуш. – В голосе корабля прозвучало презрение. – Обыкновенный биолог, таким не место в галактике, даже за себя постоять не может.

На дисплее показалось лицо приятного молодого человека, голубоглазого, курчавого, скуластого, с грустными глазами.

– Он очень обыкновенный, – сказал корабль. – Такой обыкновенный, что даже смотреть не на что.

– Тадеуш, – сказал Аркаша. – Наверное, из Польши.

– Не играет роли, – твердо ответил кораблик. – Он недостоин моей госпожи.

Глава восьмая
САД ПОД ВРОЦЛАВОМ

На следующий день Пашка с Аркадием с утра снова улетели в Сахару, а Алиса отправилась в центральный информаторий, чтобы разыскать Ирию.

Оказалось, что это не так просто.

Во-первых, никакой Ирии Гай на Земле не было.

Женщин же по имени Ирина, Ирия, Ира и Ираида жило на планете слишком много. А какая из них нужна, не угадаешь.

Стали искать Тадеуша.

Но в Польше обнаружились триста двадцать тысяч восемьсот четыре Тадеуша самого разного возраста, и из них несколько тысяч побывали в космосе, потому что, как известно, поляки любят путешествовать.

Тогда девушка, которая занималась поисками Ирии, попросила Алису подождать, пока она свяжется с Управлением космической разведки. Алиса пошла к автомату с мороженым, выбрала себе трубочку сливочного, покрытого ананасовым желе с тонкой хрустящей леденцовой корочкой. Не успела она доесть мороженое, как девушка позвала ее.

– Кое-что проясняется, – сказала она. – В Управлении мне сказали, что один Тадеуш Сокол числится в списках космобиологов по беспозвоночным. Он летал в экспедицию к системе Прокл, был ранен, лечился, полтора года назад вернулся на Землю. Сейчас живет возле города Вроцлав в поселке Стрельцы. Вот координаты.

Девушка нажала на кнопку, и из-под дисплея вылетела карточка со всеми данными. На обороте карточки было написано, как долететь из Москвы до поселка Стрельцы во Вроцлавском воеводстве, с расписанием подземки, аэробуса и координатами флаерной станции.

Алиса доела мороженое и взяла на стоянке флаер. Конечно, флаером лететь до Стрельцов немного дольше, чем добираться подземкой. Но подземка идет только до Вроцлава, а там надо пересаживаться. На флаере можно не спеша долететь прямо до нужного дома. Заложи в него карточку, полученную в информационном центре, остальное он сам найдет.

Настроение у Алисы было отличное, она предвкушала, как обрадуется Ирия, узнав, что ее кораблик на Земле.

Флаер сделал круг над поселком. Справа виднелись небоскребы и соборы Вроцлава, далее начиналась зеленая зона – деревья были покрыты молодой листвой, лес был светлый, пронизанный солнцем. Алиса опустила флаер на поляне и пошла через лес к нужному дому. Она не спешила. Уж очень ей тут понравилось. В лесу было свежо, из травы поднимались ландыши. Алиса рвала заячью капусту и жевала кислые мягкие листочки. В траве зашуршал ежик и смело вышел на прогалину, не обращая на Алису внимания.

На иголках у него были смешно наколотые листья. Алиса догнала ежика и сказала:

– Какой ты неаккуратный!

Ежик фыркнул, обиделся и шустро побежал прочь.

Алиса засмеялась.

Светило солнце, ветер был упругий, но не холодный, шумели листвой березы.

По тропинке от поселка шла женщина в сарафане. Она катила перед собой детскую коляску. В коляске лежал совсем маленький малыш, держал в руке погремушку и так внимательно смотрел на нее, словно решал математическую задачу. Алиса поздоровалась с женщиной, спросила по-русски, как зовут малышку.

– Ванда, – сказала женщина. Может, женщина и не знала русского языка, но каждому ясно, что у тебя спрашивают, если смотрят на твоего ребенка и притом улыбаются.

– Скажите, – Алиса вынула информационную карточку, – как пройти к дому Тадеуша Сокола?

– Тадеуш Сокол? – повторила женщина тихим, очень нежным голосом.

Алиса залюбовалась ею. Она была такая воздушная и нежная. Длинные пышные волосы легко касались загорелых плеч, сарафан мягкими складками прилегал к стройному телу. У женщины были странные глаза сиреневого цвета в длинных черных ресницах.

– О! – сказала женщина. – Тадеуш Сокол. Это есть мой муж.

«Ой! – испуганно подумала Алиса. – Я и не подозревала, что столкнулась с трагедией. Значит, этот самый Тадеуш полюбил другую женщину и прогнал женщину-мужчину, которую ищет кораблик Гай-до. А вдруг Ирия с горя покончила с собой?»

– Я провожу? – спросила женщина.

Она повернула коляску и пошла по тропинке. Алиса за ней. Женщина раз или два обернулась, с тревогой глядя на Алису, словно настроение Алисы передалось ей.

Шагов через сто перелесок кончился, и перед ними открылся тихий поселок маленьких разноцветных домиков, окруженных садами. Женщина покатила коляску к крайнему дому. В саду загорелый мужчина в закатанных до колен штанах красил известью стволы яблонь.

– Тадеуш! – позвала женщина.

Мужчина выпрямился и радостно улыбнулся женщине.

Он спросил ее что-то по-польски. Женщина ответила, обернулась к Алисе.

Алиса сказала:

– Здравствуйте. Простите, что я не знаю польского языка, но мне нужно обязательно поговорить с Тадеушем Соколом по очень важному делу.

– Хорошо, девочка, – ответил Тадеуш, ставя кисть в ведро и вытирая руки. – Ты можешь говорить здесь?

– Мне хотелось бы, – сказала Алиса, чувствуя себя неловко, – поговорить с вами наедине.

– Хорошо, – сказал Тадеуш. – Пошли в дом.

Он сказал что-то своей жене, та осталась в саду, а Тадеуш провел Алису на веранду. Он был мало похож на Тадеуша с дисплея. Алиса не узнала бы его, встретив на улице. И понятно – Гай-до помнил его больным, чуть живым.

Тадеуш сел в соломенное кресло и показал Алисе на второе.

– Ты хочешь молока? – спросил он.

– Нет, спасибо, – сказала Алиса. – Я к вам на минутку.

– Откуда ты?

– Меня зовут Алиса Селезнева. Я живу в Москве, но прилетела я к вам со свалки.

– Очень приятно, – сказал Тадеуш, но было видно, что он удивился. – А что тебя привело на свалку?

Алиса посмотрела в сад. Молодая женщина снимала с веревки детские ползунки.

Алиса ужасно стеснялась и потому говорила сбивчиво:

– Он ее любит и ради нее преодолел половину галактики. Он думает, что вы всему виной. Но теперь, когда я все поняла, то я, конечно, ничего не скажу, но что вы с ней сделали?

– Я ничего не понимаю, – сказал Тадеуш. – Объясни спокойно.

– Зачем объяснять? Я думаю, что вы все понимаете. Куда она улетела? Домой? Она ничего с собой не сделала?

– Может, тебе принести валерьянки? – спросил Тадеуш.

– Пожалуйста, не надо вилять и обманывать, – сказала Алиса. Она начала сердиться на этого биолога. Виноват, а сидит на веранде и еще предлагает валерьянку. – Обойдемся без валерьянки.

Тадеуш кинул встревоженный взгляд на жену, но та не смотрела в их сторону.

По тропинке от поселка шла женщина в сарафане.

– Что я ему скажу? – спросила Алиса. – Он же при смерти. У него вот такая дыра в боку.

– Дыра? – биолог вскочил. – У кого дыра?

Он сказал это так громко, что жена услышала его голос и поняла: на веранде происходит что-то неладное.

В мгновение ока она вбежала на веранду. И замерла, переводя взгляд с Тадеуша на Алису.

– Ничего не понимаю, – развел руками Тадеуш. – У кого-то дыра в боку, кто-то еще из-за меня погиб, а кого-то я, по-моему, убил.

Биолог говорил на космолингве, языке, который Алиса отлично понимала.

Молодая женщина смотрела на Алису.

«Ну что ж, – подумала Алиса. – Я хотела быть деликатной и щадила их чувства. Они сами этого не хотят».

– Я скажу всю правду, – произнесла она решительно. – Ваш муж был на планете Вестер. Это было давно, почти два года назад.

– Я знаю, – сказала молодая женщина.

Тадеуш на секунду скрылся внутри дома и вернулся, держа в одной руке флакон валерьянки, в другой – стакан с водой.

– Он был ранен, и за ним ухаживала одна женщина по имени Ирия Гай. Это совсем особенная женщина. Она скорее мужчина, чем женщина, она изобрела и построила корабль Гай-до.

– Знаю, – коротко ответила молодая женщина.

Ее длинные волосы ниспадали на плечи, и сзади их подсвечивало ласковое польское солнце. И оттого эта женщина показалась Алисе красивой, как принцесса из сказки. Ей было очень жаль огорчать такую милую женщину. Но раз уж она начала говорить, останавливаться было поздно.

– Эта Ирия улетела за Тадеушем на Землю. Может быть, она его любила, а может, просто пожалела. Я не знаю.

– Любила, – сказала молодая женщина.

– Тем хуже, – вздохнула Алиса. – Потому что я ищу эту женщину, а оказалось, что он уже женился на вас. Все так запуталось, и я не знаю, что теперь делать. Но мне надо отыскать Ирию Гай. Хотя, может быть, он, – Алиса показала на Тадеуша, – ничего вам про нее не рассказывал.

– Ты права, – сказала молодая женщина и вдруг улыбнулась. – Он ничего мне про нее не рассказал, потому что я и есть Ирия Гай. И на мне он женился.

– Нет! – ахнула Алиса. – Вы не можете быть Ирией Гай. Ирия Гай совсем другая. Она почти мужчина, так ее воспитал отец. Она гоняет на скутерах и занимается штангой. Она обожает рубить деревья.

– Я немного изменилась, – сказала Ирия Гай.

– Разве изменилась? – произнес Тадеуш и сам выпил валерьянку. – Я думал, что совсем не изменилась.

– Но вы совсем другая, – сказала Алиса. – Он мне рассказывал... и даже показывал ваш портрет. У вас даже взгляд другой.

– Кто обо мне рассказывал? – спросила Ирия.

– А у кого дырка в боку? Кто так любит мою жену? – нервно спросил Тадеуш.

– Конечно, Гай-до, – сказала Алиса.

– Корабль? – спросила Ирия. – А как ты могла его увидеть?

– Он так волновался, что полетел на Землю вас искать. Мы его нашли на Земле. На свалке.

– На какой свалке?

– На свалке космических кораблей. В Сахаре. Его обстреляли по пути к Земле, и он чуть было не погиб. Но все-таки долетел. Потому что хотел вас увидеть.

– Глупенький кораблик, – сказала Ирия Гай.

И в этот момент в саду заплакал ребенок. Ирия кинулась с веранды, подхватила малышку на руки и стала укачивать.

– Теперь я все понял, – сказал Тадеуш, – а сначала я даже испугался.

– Я тоже запуталась. Ваша Ирия не похожа на Ирию. А теперь я смотрю и вижу – конечно же, это Ирия, только она изменилась.

– Тадеуш, – послышался из сада голос Ирии, – поставь греть кашку.

– Сейчас, – откликнулся Тадеуш и убежал на кухню.

Алиса осталась на веранде одна.

Всего она ожидала, но не этого. В саду плачет ребеночек, Тадеуш разогревает кашку... А как же космос? А куда делась героиня, которая больше мужчина, чем женщина?

Героиня поднялась на веранду. На руках она несла ребеночка.

– Посмотри, – сказала она Алисе, – Вандочка – удивительное дитя. У нее уже зубик прорезается.

Алиса посмотрела на малышку: совершенно обыкновенный ребенок.

– И что мы будем делать с Гай-до? – спросила она.

– С кем? – удивилась женщина. – Ах, с кораблем? Но ты же сказала, что он на свалке.

– Вам его не жалко?

– Жалко? Конечно. Тадеуш, где же наконец кашка?

– Иду-иду, – откликнулся Тадеуш. Он прибежал на веранду, держа за ручку красную кастрюльку.

– Гай-до прилетел сюда из-за вас. Его чуть не убили, – сказала Алиса.

– Я его помню, – сказал Тадеуш. – Очень забавное кибернетическое устройство. Имитация человеческого поведения. Твой отец был чудак.

– Мой отец был великий чудак, – ответила Ирия. – Правда, мне из-за этого пришлось нелегко. Я потеряла детство. В то время как мои счастливые сверстницы играли в куклы, я твердила логарифмы и осваивала рубанок. Вспомнить ужасно!

– А Гай-до говорил, что вам это нравилось.

– Я любила отца, – ответила молодая женщина, – и слушалась его. К тому же я не знала другой жизни.

– Славный старина Гай-до, – сказал Тадеуш, размешивая кашку, чтобы малышка не обожглась. – Помнишь, как вы меня нашли? Я ему очень благодарен.

– Значит, ты благодарен мне, – сказала Ирия. – Ведь я построила этот катер.

– Тебе я благодарен всегда, – ответил Тадеуш. – А ему за то, что он вытащил нас с той проклятой планеты, когда нас хотели убить.

– Но ведь не он два месяца сидел рядом с тобой в больнице?

Алисе показалось, что Ирия немного сердится на Тадеуша. «Так бывает, – подумала она. – Люди чувствуют себя виноватыми, а сердятся на других».

– Может, слетаем на свалку, навестим его? – сказал Тадеуш.

– Лучше Алиса пришлет нам его фотографию, – ответила Ирия, – я не хотела бы оставлять Вандочку. В конце концов, корабль – это корабль. Не больше. Он связан с моим прошлым. Честно говоря, это прошлое мне кажется страшным сном. Лучше бы его не было. Только здесь

я поняла, что создана не для приключений и бокса, а для того, чтобы качать детей и вышивать. Оказывается, я отлично вышиваю. Ты умеешь вышивать, Алиса?

– Нет, – сказала Алиса. – Я учусь стрелять из лука.

– Стрелять из лука – не главное в жизни, – засмеялась Ирия, прижимая к себе ребеночка.

– Не знаю, – сказала Алиса. – Мне кажется, что главное в жизни – это наука и приключения.

– Раньше я тоже была глупой. Теперь меня ничто не оторвет от дома. Ты будешь с нами обедать? У меня суп с клецками. Очень вкусный.

– Нет, спасибо, – сказала Алиса. – Меня друзья ждут. Мы хотим починить Гай-до.

– Зачем? Лучше постройте новый корабль. Гай-до свое отлетал.

– Нет, – не согласилась Алиса. – Второго такого корабля нет. Но он так переживал из-за вас!

– Знаешь что, – сказала Ирия сердито, – я бы на вашем месте отключила его динамик. Кораблю незачем разговаривать.

– Мы этого никогда не сделаем. Мы с ним уже почти подружились. А что сказать, если Гай-до будет спрашивать, нашла я вас или нет?

– Что? – Ирия задумалась. Потом сказала: – Тадеуш, подержи ребенка.

И быстро ушла в комнату.

Тадеуш спросил:

– Ты сказала, что у него дыра в боку. Что случилось?

– Кто-то напал на Гай-до, когда он подлетал к Солнечной системе.

– Напал? И выстрелил?

– Да. Он не знает кто и почему. Его подобрал наш патрульный крейсер, и он очнулся уже на свалке.

– Странно, – сказал Тадеуш.

Тут на веранду вышла Ирия.

Она протянула Алисе маленькую плоскую кассету.

– Отдашь эту видеопленку Гай-до. Он сам скажет тебе, куда ее вставить. Тут я передаю ему привет и говорю, что у меня все в порядке, прошу, чтобы он забыл обо мне. Я больше никогда не буду летать. Я счастлива на Земле.

Ирия и Тадеуш вышли проводить Алису к калитке.

Алиса лесом добежала до флаера.

Через два часа она была уже в Сахаре.

Глава девятая
САМОУБИЙЦА

Алиса рассказала обо всем ребятам, а кассету вставила в видеофон.

Корабль был огорчен.

Он надолго замолчал и даже перестал помогать Пашке и Аркаше советами. Словно его больше не интересовала собственная судьба.

Но работать он не мешал, просто вдруг превратился в самый обыкновенный безмолвный корабль.

Алисе было жалко его. Конечно, у каждого человека своя судьба. И кораблю не разобраться в человеческих отношениях. Но Алисе почему-то казалось, что Гай-до – это щенок, который привязался к своему хозяину, а тот переехал на другую квартиру и решил, что обойдется без щенка, потому что он может испортить ковер. Вот и бегает щенок по улице и никак не поймет, за что его так обидели.

Аркаша привез из Москвы затравку кораллита. Это материал, из которого часто строят на Земле дома. Он состоит из живых кораллов, которые могут расти на воздухе. Если сделать кораллиту форму или опалубку, а потом поливать его питательным раствором, микроскопические кораллы начинают буйно размножаться, заполняя форму плотной массой, которая крепче любого бетона и легче ваты.

Пашка с Аркашей сделали из пластиковых листов заплату на корпус Гай-до, а затем нарастили ее кораллитом.

Кораллит быстро затянул пробоину. Получилось не очень красиво, но крепко. Даже в космос не страшно подняться, хотя надежнее сделать заплату металлическую. Но для этого надо перелететь в Москву, в школьную мастерскую. Там есть приборы и станки, с помощью которых можно починить Гай-до.

Подготовка к перелету заняла еще три дня.

Все эти дни Гай-до упрямо молчал.

Впервые он заговорил утром четвертого дня, когда москвичи прилетели на свалку, чтобы перегнать корабль к себе домой.

Пока Аркаша с Павлом сидели у Джамили, оформляя документы – ведь все корабли на учете и просто так забрать оттуда корабль нельзя, – Алиса включила пылесос, привезенный из дома, чтобы прибрать на мостике и в каюте.

Она так отвыкла от того, что Гай-до разговаривает, что вздрогнула, когда услышала голос корабля.

– Алиса, – сказал корабль, – я вам не советую лететь в Москву.

– Ой! – сказала Алиса. – Ты заговорил! Как хорошо!

– Я решил покончить с собой. И не хочу, чтобы в этот момент вы оказались внутри меня.

– Ты с ума сошел! – ответила Алиса. – Так не бывает! В истории космонавтики еще не было случая, чтобы корабль покончил с собой.

– Это будет первый случай, – сказал Гай-до, – потому что я первый в мире разумный корабль, которого так жестоко обманули. Я не хочу больше жить.

– Это из-за Ирии?

– Я желаю ей счастья, – сказал Гай-до. – Но я ей не нужен. И она этого от меня не скрывает. Она даже не хочет обо мне вспоминать. Она не хочет вспоминать ни о чем, что связано с ее прошлой жизнью. Значит, я должен исчезнуть. А вдруг она вспомнит обо мне и начнет разрываться между мною и этим проклятым Тадеушем. Она разрушит семью, забудет своего ребеночка. И все будут страдать. Нет, я не могу этого допустить. Поэтому я должен погибнуть.

– Как же ты собираешься это сделать? – спросила Алиса.

– Несложно, – сказал печально корабль. – Я возьму курс на ближайший астероид, разгонюсь до субсветовой скорости и врежусь в него. От меня ничего не останется.

– И ты твердо решил? – спросила Алиса и неожиданно для себя заплакала.

– Твердо, – ответил кораблик.

– Как жалко!

– Мне тоже нелегко.

Алиса ничего не могла с собой поделать. Она почти никогда не плакала, а тем более нельзя плакать, если тебе уже скоро двенадцать лет и ты облетела половину галактики. Но представьте себе, как маленький, никому не нужный корабль Гай-до устремляется к пустому холодному клыкастому астероиду, чтобы найти мгновенную смерть в его скалах.

И в этот момент вернулись веселые, запыхавшиеся Пашка с Аркашей.

И увидели, что Алиса сидит в кресле пилота с пылесосом в руках и безудержно рыдает. А вторя ей, из динамика над пультом доносится еще чей-то тихий плач.

– Кто тебя обидел? – бросился к Алисе Пашка. – Скажи, и я его убью!

– Может, тебя скорпион укусил? – спросил Аркаша.

– Нет, но у меня горе.

– Какое?

– Гай-до не хочет больше жить. Он решил разбиться об астероид.

– Чепуха какая-то, – сказал Пашка. – Так не бывает.

– Почему не бывает? – сказал Аркаша, который уже все понял. – Если ты дал разум машине, если ты научил ее чувствовать и переживать, то несешь за нее ответственность. А что сделала Ирия? Она нашла свое счастье и забыла, что этим отняла счастье у другого. Я не знаю, что бы я сделал на месте Гай-до.

– Спасибо, – сказал Гай-до. – Так хорошо, когда тебя понимают.

– Гай-до, миленький, постарайся не умирать, – сказала Алиса, глотая слезы.

– Я буду о тебе заботиться.

– Она в самом деле опечалена? – спросил Гай-до.

– Еще как! – сказал Пашка. – Я бы этой Ирии голову оторвал.

– Послушай, Гай-до, – сказал разумный Аркаша, – может быть, вместо того чтобы разбиваться об астероид, ты поищешь другой смысл в жизни? Ты еще молодой, тебе летать и летать...

– Не знаю, – всхлипнул корабль. – Я не вижу этого смысла.

– Неправда, – возразил Пашка. – Смысл есть. Смысл в том, чтобы нам всем вместе победить в гонке.

– А потом? – спросил кораблик.

– А потом придумаем. Полетим с тобой в галактику. Будем воевать с космическими пиратами. Найдем странников. Дел на всю жизнь хватит.

Гай-до замолчал. Задумался.

Алиса вытерла слезы. Ей было неловко перед друзьями, хотя никто ее не осуждал. Все они за эти дни привыкли к кораблику, как к живому существу.

– Давайте я слетаю к этой Ирии, – сказал Пашка. – Я ей все выскажу по-мужски.

– Зря стараешься, – сказала Алиса. – Она не поймет. Нет смысла.

– Нет смысла, – повторил кораблик. – Но есть над чем задуматься. Слезы... детские слезы...

И он снова замолчал.

– Что теперь? – спросил Аркаша. – Возвращаемся домой?

– Нет, – твердо сказала Алиса. – Я его здесь не оставлю. Или он летит с нами и будет жить в Москве, или я останусь здесь.

– И умрешь от голода и жажды.

– Не умру, – сказала Алиса. – Джамиля меня поймет.

– Погодите! – воскликнул кораблик. – Алисе не надо здесь оставаться. Я лечу с вами в Москву. Я решил жить, потому что видел, как из-за моих несчастий плакала эта чудесная девочка. Значит, я все-таки не один на свете.

– Не один, – твердо сказал Пашка, который испугался, что затея с гонками рухнула. – Мы с Аркашей тоже тебя не оставим. Будешь четвертым членом экипажа. Честное слово!

– Спасибо, – сказал Гай-до. Еще подумал и добавил: – Когда вылетаем? Мне надо сменить в мозгу шестнадцать кристаллов.

– Чем скорее, тем лучше, – ответил Аркаша.

– Тогда за работу! – ответил кораблик бодрым голосом.

Глава десятая
Я С ВАМИ НЕ ПОЛЕЧУ!

Они попрощались с Джамилей, у которой сидели биолог по случайным мутациям и специалист по сельскохозяйственным вредителям. Они и прилетели из Лондона искать этот таинственный серый мяч, который ребята видели на свалке. Пашка решил было задержаться и вместе с ними ловить серый мяч, но Аркаша посмотрел на него так строго, что Пашка смешался и сказал, что он пошутил.

Через Средиземное море летели не спеша, невысоко, чтобы Гай-до посмотрел Землю. Он ведь ее толком еще и не видел. Средиземное море ему понравилось, но красоту храма Парфенон кораблик не оценил. У него были свои понятия о красоте, которые не имели ничего общего со вкусами древних греков.

Зато Москву корабль одобрил. И небоскребы, и чистоту на улицах, и даже самих москвичей.

Школьная техническая площадка расположена между учебным зданием и футбольным полем. На площадке есть мастерские, небольшой ангар для летательных аппаратов, полигон и склад. Когда Гай-до снизился, там как раз возились первоклассники, которые разбирали старый спутник на

практических занятиях по истории космонавтики. Малыши загалдели, окружили кораблик, он им понравился, и они не скрывали своего удовольствия. Оказалось, что и Гай-до не лишен тщеславия. Он медленно поворачивался вокруг оси, чтобы малыши могли его получше разглядеть, и Алисе даже захотелось засмеяться, но она сдержалась, чтобы не обидеть Гай-до. А тот сказал ей:

– Приятные ребята, из них выйдет толк. Когда-нибудь я с ними займусь.

Потом пришел Лукьяныч, бывший механик на грузовых кораблях, человек ворчливый, но добрый – даже трудно представить себе, сколько поколений учеников школы занималось у него космической техникой. Его слово было решающим. Пашка даже побледнел, так ему хотелось, чтобы экзамен прошел успешно.

Лукьяныч долго ходил вокруг Гай-до, заглянул внутрь, посидел в пилотском кресле. Гай-до молчал, он договорился с Алисой, что пока не будет показывать, что он разумный, а то начнутся всякие разговоры, расспросы... Ведь для Лукьяныча все равно, разговаривает корабль или нет. Лукьянычу важны ходовые характеристики.

Лукьяныч вылез из Гай-до и сказал, покручивая сизый ус:

– Работа мастера!

Это было высокой похвалой конструктору корабля. Но потом Лукьяныч добавил:

– Вам его не довести до кондиции.

– Почему?

– Гонки идут не в открытом космосе, а частично в атмосфере. В этом вся загвоздка. Корпус побит, погнут, дыру вы заделали кое-как. Разогнаться как следует не удастся.

– А вы поможете? – спросила Алиса.

– Не помогу, – сказал Лукьяныч. – Послезавтра уезжаю на практику с седьмыми классами. А восстанавливать его надо на заводе. Сами понимаете.

С этими словами Лукьяныч ушел, оставив космонавтов в полном отчаянии. Потому что если Лукьяныч сказал, что корпус не восстановить, значит, не восстановить.

Они забрались в Гай-до, и Аркаша спросил:

– Ты слышал, что он сказал?

– Слышал, – ответил Гай-до. – Но я постараюсь.

– Что ты сможешь сделать! – воскликнул в сердцах Пашка. – Не надо было под ту ракету соваться!

– Глупо, – заметил Аркаша. – Откуда он знал, что по нему будут стрелять?

– Может, в самом деле поговорить на космическом заводе? – спросила Алиса.

– Попросить их.

– Ничего не получится, – сказал Аркаша. – На заводе свой план, они и так не справляются, вон сколько нужно кораблей! А к ним приходят дети и говорят: почините нам игрушку.

– Я не игрушка, – сказал Гай-до, – вы слышали, как профессор Лукьяныч сказал, что меня делал мастер?

– На прошлом далеко не уедешь, – заметил Пашка. – А наши соперники уже выходят на финишную прямую. Я звонил сегодня утром в Шанхай. Ван и Лю говорят, что почти готовы.

– Но я же прилетел сюда из Сахары! – сказал Гай-до.

– На малой скорости. И то ты плохо держал курс, сам знаешь.

– Знаю, – убитым голосом сказал Гай-до. – А я так хотел быть вам полезен.

– Мы тебя не упрекаем, – сказала Алиса. – Просто не повезло.

– Заколдованный круг получается, – сказал Аркаша. – Если бы ты был в полном порядке, мы обогнали бы всех и на обычном топливе. Если бы у нас было какое-нибудь особенное топливо для разгона в атмосфере, мы бы обогнали всех и в таком виде.

– Топливо... – повторил Гай-до. – А что, если... Нет, для меня эти воспоминания слишком тяжелые.

– Какие воспоминания? – быстро спросил Пашка.

– Воспоминания о планете Пять-четыре, где госпожа Ирия встретила этого Тадеуша.

– А что там было?

– Может, ничего и не было.

– Гай-до, – строго сказал Пашка, – или ты сейчас все рассказываешь, или остаешься навсегда на этой площадке, и пусть с тобой играют первоклассники.

– Я же вам рассказывал, – произнес нехотя Гай-до, – что мы нашли Тадеуша возле базы странников.

– База странников! – Пашка подскочил в кресле и чуть не стукнулся головой о потолок.

– База очень старая.

– Они все старые, – сказал Пашка. – Все равно туда не заберешься.

– Ах, вы такие забывчивые, друзья мои! – вздохнул корабль. – Я же видел там цистерны с горючим. А если я их видел, значит, они были видны.

– Я помню, – сказал Аркаша, – ты говорил, что вход был разрушен землетрясением.

– Значит, – сказал Гай-до, – предохранительный механизм, который уничтожает базу, если туда попадает посторонний, вышел из строя.

– Повтори, – сказал Пашка торжественно.

– Вышел из строя.

– Чего же ты молчал! – закричал Пашка. – Мы немедленно летим на планету Пять-четыре, забираем горючее странников... и, может быть, сокровища!

– Нет, – сказал Аркаша, – я категорически возражаю. Мы должны сообщить об этом в Верховный совет Земли. Туда снарядят экспедицию. Этим должны заниматься взрослые.

– Очень разумно, – сказал кораблик. – Я преклоняюсь перед вашей разумностью, Аркаша.

– Я тоже преклоняюсь, – сказал Пашка. – Я думаю, Аркаше пора возвращаться к ботаническим опытам. Квадратный арбуз – вот цель жизни!

– Это почему? – обиделся Аркаша. – Нельзя сказать правду, чтобы ты сразу не накинулся.

– И никаких гонок, разумеется, не будет, – сказал Пашка.

– Почему же?

– А очень просто, – ответила за Пашку Алиса. – Потому что мы должны будем в первую очередь отдать в Верховный совет нашего Гай-до. Его будут там расспрашивать и проверять. Может, он больной. Может, его так повредило ракетой, что он начал придумывать разные фантазии.

– Правильно! – подхватил Пашка. – И потом, конечно, Гай-до разберут на части.

– Не надо! – закричал кораблик.

– И уж конечно, ему никогда не подняться в космос.

– Не надо!

– А потом на планету Пять-четыре полетит экспедиция, в которую ни за что не возьмут ни одного легкомысленного ребенка. Туда полетят профессора и академики, а потом напишут миллион статей о возможном применении отдельных предметов... А мы прочтем об этом в газетах.

– Что же ты предлагаешь? – спросил Аркаша.

– Совершенно ясно, – сказала Алиса, – Пашка предлагает полететь туда самим.

– Полететь туда самим, поглядеть хоть одним глазком на сокровища странников. Я живу на свете только один раз! – Тут Пашка встал в гордую позу, чтобы все поняли, что живет он не зря. – Я не знаю, сколько подвигов и великих открытий я успею совершить. Но когда мне говорят: «Гераскин, ты можешь!» – я бросаю все дела и иду!

– Мне нравится, как говорит Павел, – сказал кораблик. – Я его понимаю. Но, к сожалению, я должен возразить: это путешествие может оказаться очень опасным.

– И мы вообще не долетим, – добавил Аркаша. – Это же настоящее космическое путешествие с большим прыжком. Его категорически запрещено делать человеку, не имеющему диплома космонавта. И вы подумали, что скажут наши родители?

– Отвечаю по пунктам, – сказал Пашка. – Во-первых, мы долетим, потому что полетим туда не на обыкновенном глупом корабле, а на нашем друге Гай-до. Он сделает все, что нужно. Ты сделаешь, Гай-до?

– Сделаю, – сказал кораблик.

– Второе. Никому мы ничего не скажем. Потому что нам, конечно, запретят лететь. А родители наши сойдут с ума от страха за своих малышей. При всех положительных качествах они совершенно отсталые, как и положено родителям.

– Я с вами не играю, – сказал Аркаша.

– Я и не ждал, что ты согласишься, – сказал Пашка. – Для этого требуется смелость, а смелость дана не каждому. Но ты должен дать слово, что будешь держать язык за зубами.

– Я не могу дать такого слова.

– Тогда мне придется тебя обезвредить, – сказал Пашка.

– Попробуй.

– Я найду подходящее подземелье и заточу тебя на то время, пока нас не будет.

– Ладно, мальчики, – сказала Алиса. – Хватит ссориться. А то вы наговорите глупостей, а потом будете целый месяц дуться друг на друга.

– Скажи, Алиса, – вступил в разговор кораблик, – а наш друг Паша в самом деле намерен провести в жизнь свой страшный план и посадить Аркадия в подземелье?

– Нет, – ответил за Алису Аркаша. – У него нет под рукой подходящего подземелья.

Аркаша повернулся и ушел.

Пашка бросился было за ним, но потом махнул рукой.

– Беги, предатель, – сказал он.

– Он никому не скажет, – сказала Алиса.

– Я знаю, – ответил Пашка. – Все равно обидно. Пошли, Алиска, нам надо придумать, что сказать предкам.

Глава одиннадцатая
ФЕСТИВАЛЬ НА ГАВАЙЯХ

Они попрощались с Гай-до и выскочили из него.

День был радостный, солнечный. На площадке перед кораблем стоял молодой мужчина и задумчиво рассматривал его.

Мужчина был Алисе знаком, но она никак не ожидала его тут увидеть и сразу не узнала.

– Тадеуш! – воскликнула она. – Вы что здесь делаете? А где Ирия?

– Здравствуй, Алиса, – сказал Тадеуш Сокол. – Ирия во Вроцлаве с ребенком. А я вот приехал в Москву по делам. У нас конференция. И думаю: разыщу тебя, узнаю...

– А это Паша, мой друг, – сказала Алиса. – Мы хотим с ним вместе полететь на Гай-до.

– Очень хорошо, – сказал Тадеуш. – Я рад.

– Значит, это вы – муж Ирии? – спросил Пашка строго.

– Ты угадал.

– Понятно, – сказал Пашка. Тадеуш ему не понравился.

Они замолчали, глядя на кораблик. Он стоял совсем рядом, но неизвестно было, слышал их или нет. А может, он и не узнал Тадеуша. А если и узнал, то не подал вида. Наверное, потому, что считал Тадеуша виновником всех бед.

– Я себя чувствую неловко, – сказал Тадеуш. – Но жизнь очень сложная штука. Вы это еще поймете. Потом.

– Я уже сейчас понимаю, – сказал Пашка.

Тадеуш только улыбнулся.

Алиса подумала: «Он не так уж и виноват. Это все Ирия решила». Чтобы не молчать, она спросила:

– А вы на планете Пять-четыре не видели базы странников?

Пашка толкнул Алису в бок: замолчи!

– Базу странников? – удивился Тадеуш. – А разве она там есть?

– Нет, – сказал быстро Пашка. – Наукой установлено, что там нет базы странников.

– Впрочем, – сказал Тадеуш, – если бы я выбирал самое дикое место, чтобы спрятать базу, лучше, чем Пять-четыре, не найдешь.

– Вы так и не помните, кто на вас напал? – спросила Алиса.

– Нет. Это случилось очень неожиданно. Хотя, если задуматься, у меня в тот день было странное ощущение, словно за мной кто-то следит. Неприятное ощущение. Там водятся серые шары, большие, как... футбольный мяч. Один такой шар от меня буквально не отставал.

Тадеуш замолк. Алиса вдруг вспомнила мяч на свалке.

– Вот такой? – Она показала руками.

– Да, примерно такой... Простите, мне пора идти. До свидания, ребята. Напишите мне, как прошли гонки. До свидания, Гай-до.

Гай-до ничего не ответил.

Они попрощались с Тадеушем у школьных ворот. Его ждал флаер.

Тадеуш помахал сверху рукой. Алиса помахала в ответ. Пашка махать не стал.

– Где бы добыть оружие? – сказал Пашка. – В такую экспедицию безумие лететь невооруженным.

Алиса только отмахнулась. Она оставила Пашку на перекрестке и пошла домой.

Нельзя сказать, что она была довольна собой. Она отлично понимала, что Аркаша прав: детское легкомыслие – лететь на неизвестную планету, искать базу странников. Надо обо всем рассказать отцу. Тогда прощай, Гай-до, прощайте, гонки, прощай, Большое Приключение. Но как трудно от этого отказаться! А что, если Аркаша обо всем расскажет? Тогда она ни в чем не будет виновата. Все получится само собой. Нет, лучше, если Аркаша промолчит. В конце концов, что тут особенного? И она и Пашка бывали в космосе, они уже не дети, им по двенадцать лет. Гай-до не обыкновенный корабль. А если открыть сокровища странников – это редчайшая удача!

Алиса почувствовала, что сзади кто-то есть.

Она быстро обернулась и увидела, что по дорожке следом за ней катится серый мяч.

Поняв, что его увидели, мяч резко изменил направление и покатился к кустам.

– Стой! – крикнула Алиса. – Еще чего не хватало!

Кусты зашуршали. Алиса раздвинула их, но ничего не увидела.

Может, показалось? Тадеуш говорил про серый шар, вот и чудится всякая чепуха.

Алиса не заметила, что серый мяч как бы растекся, превратился в серую пленку и обвил дерево, слившись с его корой.

«Пойду домой, – решила она. – Надо будет придумать, куда отправиться на несколько дней так, чтобы не удивить родителей».

Вечером ей повезло. Позвонила папина знакомая и стала рассказывать, какой замечательный фестиваль народных танцев всей планеты начинается на Гавайских островах. Она щебетала полчаса, а потом спросила:

– Почему бы вам туда не слетать?

– Мне некогда, – ответил профессор Селезнев, которому это щебетание уже надоело.

– А Алисочка? – воскликнула знакомая. – У нее же каникулы.

– Сомневаюсь. По-моему, она всерьез увлеклась космическими гонками, – сказал отец.

– Почему же? – сказала Алиса. – Гонки еще только в августе. Я с удовольствием слетаю на фестиваль.

А когда она сказала о фестивале Пашке Гераскину, тот заявил, что с детства только и мечтал наслаждаться народными танцами.

Мать его отпустила на Гавайи. Только умоляла не сражаться с акулами.

На следующее утро мать застала его в тот момент, когда он опустошал холодильник. Глядя честными голубыми глазами, Пашка сказал матери, что не выносит гавайской пищи и потому вынужден тащить с собой на фестиваль целый мешок копченой колбасы, сыра, масла и консервов.

Мать спросила:

– Может, у тебя живот болит?

– У меня железное здоровье, – ответил Пашка.

Глава двенадцатая
ДВА ЗАЙЦА

Конечно, экспедиция была подготовлена не очень тщательно. Но Алиса с Пашкой рассчитывали, что она продлится недолго. Туда и обратно. Да и много ли нужно двум космонавтам отроческого возраста?

С Аркашей в последние два дня перед отлетом они не виделись. Правда, Алиса как-то заглянула в лабораторию и увидела, что Аркаша в одиночестве сидит перед микроскопом. Они поговорили на разные темы, но основной и самой болезненной не касались.

Стартовать решили днем. На виду у всех. Пашка где-то вычитал, что опытные преступники так всегда и делали. Допустим, хочешь ты огра-

бить старушку миллионершу. Тогда ты переодеваешься молочником или почтальоном и открыто стучишь к ней в дверь. Никто не беспокоится, включая саму старушку.

Алиса попросила Пашку самому поговорить с Лукьянычем. Дело в том, что Алиса ненавидит говорить неправду. Но в жизни детям время от времени приходится говорить неправду, в первую очередь из-за того, что родители их не понимают. В таких случаях Алиса предпочитала ничего не говорить вообще. А так как Пашка не имел таких железных принципов, он спокойно рассказал Лукьянычу, что они решили провести ходовые испытания Гай-до в атмосфере и совместить их с полетом на фестиваль народных танцев.

Лукьяныч сам проверил, как работает пульт управления, похвалил ребят, что они привели его в порядок, проверил прочность кораллитовой заплаты и дал согласие на полет.

– Только выше пятисот над поверхностью не советую подниматься, – сказал он. – И не гоняйте его на пределе скорости. Все-таки ему еще далеко до готовности.

– Будет сделано, – сказал Пашка.

Алиса, стараясь остаться честным человеком, молчала и укладывала посуду в ниши бортового шкафа, чтобы не побилась при маневрах.

Когда Лукьяныч вышел из корабля, Гай-до, который не проронил до этого ни слова, произнес:

– Странно, говорят, что ваш Лукьяныч разбирается в кораблях, а мне не доверяет.

– Ты не прав, братишка, – сказал Пашка. – Если бы у него были сомнения, никуда бы он нас не отпустил.

В последние дни Пашка называл Гай-до братишкой, и корабль не обижался. Чувство юмора у Гай-до было развито слабо, потому что оно было слабо развито у его конструкторов, но смеяться он умеет.

Алиса села в кресло пилота, связалась с диспетчерской, получила «добро» на вылет за пределы атмосферы.

– У тебя все готово? – спросила она Пашку.

– Готово, – сказал он, пристегиваясь к креслу.

И тут раздался леденящий душу крик. Он доносился снизу.

Алиса и Пашка замерли, словно примерзли к креслам.

Люк, что ведет в трюм корабля, распахнулся, и оттуда выскочил бледный как смерть Аркаша Сапожков.

Он даже трясся.

Как только Алиса и Пашка сообразили, что это не привидение, а самый обыкновенный Аркаша, они накинулись на него.

– Я могла умереть от страха, – заявила Алиса. – Ты об этом подумал?

– И вообще, что ты здесь делаешь? Шпионишь? – спросил Пашка.

– Я сам чуть не умер от страха, – сказал Аркаша, опускаясь в кресло. – Я решил: полечу все-таки с вами. А вдруг будут опасности, и я смогу вам помочь. Но мне не хотелось об этом раньше времени говорить... Я прошел в корабль, забрался в трюм и стал ждать, пока Гай-до поднимется.

– Ты что, о перегрузках забыл? – удивилась Алиса.

– Он, может, и забыл, – послышался голос Гай-до, – но я о таких вещах, как безопасность экипажа, никогда не забываю.

– А чего же нам не сказал? – удивилась Алиса.

– А вы не спрашивали, – сказал Гай-до. – Вы не спрашивали, а Аркадий попросил меня хранить молчание. Вот я и хранил.

– Дурак, – сказал Пашка.

– Вот это лишнее, братишка, – обиженно ответил корабль.

– А чего же ты испугался? – спросила Алиса.

– Я испугался? – удивился Аркаша. – Я почти не испугался.

– Ты бы видел свое лицо, когда из люка лез, – засмеялся Пашка.

– Нет... так просто... Я там в пустой контейнер для образцов залез и заснул. А потом мне показалось... наверное, мне показалось, что там что-то живое меня коснулось. Как крыса. Там же темно... Я спросонья и закричал.

– Показалось? – спросила Алиса. – А может, там еще какой заяц есть? Может, какой-нибудь первоклашка забрался? Гай-до, скажи, в трюме больше нет ни одного человека?

– В трюме больше нет ни одного человека, – сказал Гай-до. – Я бы заметил, если бы на борт поднялся еще один человек. В трюме есть органические вещества, но это, очевидно, те продукты, которые загрузили мои новые хозяева. Там есть десяток палок копченой колбасы, двадцать три батона, головок сыра разного размера... четыре.

– Три головки сыра, – поправила корабль Алиса.

– Хватит, – сказал Пашка. – Так мы никогда не взлетим. Аркаша, ты не раздумал с нами лететь?

– Не раздумал, – сказал Аркаша.

– Всем членам экипажа занять свои места! Даю старт.

Прошли пояс околоземных лабораторий и городков на орбите, потом миновали громадный центральный космодром на полпути к Луне, где швартовались грузовые громады со всей галактики, затем справа по борту прошла Луна. На ней были видны многочисленные огоньки городов, заводов и рудников. Гай-до постепенно набирал скорость, так, чтобы не было особых перегрузок. Он щадил своих пассажиров.

Наконец орбита Луны была позади. Марс остался в стороне. Впереди плыл величественный полосатый Сатурн.

– Скоро будем проходить то место, где меня подбили, – сказал Гай-до.

– Как странно, – сказала Алиса, – тут оживленно, будто на улице.

– Может, позавтракаем? – спросил Пашка. – Что-то я давно не ел.

– Мы же договорились как следует позавтракать дома! – возмутилась Алиса. – Почему на тебя нельзя положиться? Пищу надо экономить. Теперь нас не двое, а трое. С твоим аппетитом мы умрем с голоду раньше, чем долетим до Пять-четыре.

– Я не рассчитывал на Аркашу, – сказал Пашка. – Мне бы хватило.

Алиса увидела, что Аркаша побледнел. Он был гордый человек и понимал, что виноват, не подумал о еде.

– Я вообще могу не есть, – сказал Аркаша.

– Поздравляю, – съязвил Пашка.

– Замолчи, умник! – возмутилась Алиса. – Я буду делить свою норму с Аркашей, а ты можешь о себе не беспокоиться.

Тут уж пришла Пашкина очередь возмущаться:

– Значит, я – холодный эгоист, я могу бросить друзей на произвол судьбы, а вы хорошие? Как я жалею, что выбрал вас к себе в экипаж. Столько хороших людей на свете, а мне достались неблагодарные эгоисты.

– Странно, – заметил Гай-до, – в рассуждениях моего братишки полностью отсутствует логика. Насколько я понял, его товарищи добровольно решили не ограничивать его питание, а он на них сердится.

– Что ты понимаешь в человеческих отношениях! – взревел Пашка.

– Боюсь, что ничего не понимаю, – грустно сказал Гай-до. – Я все время ошибаюсь. Когда я думаю, что люди должны вести себя так, они тут же начинают вести себя иначе.

– Извини, Гай-до, – сказала Алиса твердо. – Мы ведем себя как глупые дети, которых нельзя пускать в космос. Я предлагаю забыть о спорах и для начала выяснить, сколько у нас продуктов. Я пойду в трюм и все запишу.

– У меня с собой есть две пачки жевательной резинки, – сказал виновато Аркаша.

– Ими ты будешь угощать туземцев, – не удержался Пашка, потому что он всегда оставлял за собой последнее слово.

Алиса отстегнулась от кресла и открыла люк.

Гай-до включил в трюме яркий свет.

«Конечно, – подумала Алиса, – когда здесь было темно, Аркаша мог напугаться». Сейчас маленький трюм, в котором хранились инструменты, запасные части, продовольствие и снаряжение для экспедиции, фонари, веревки, лестницы, сверла и бурильная установка, которые приволок на корабль Пашка, казался обжитой мастерской. У стены стоял большой холодильник. Рядом на полках – контейнеры.

Алиса сказала Гай-до:

– Я буду тебе диктовать, а ты записывай, хорошо?

– Зачем записывать? – удивился корабль. – Я и так все запомню.

– Мне потом надо будет разделить пищу на дни и едоков, – сказала Алиса.

Она открыла холодильник и начала вслух перечислять все продукты, что были в нем. Потом перешла к продуктам, что лежали на полках. На нижней полке, где недавно скрывался Аркаша, лежали сухие колбасы и головы сыра.

– Записывай дальше, – диктовала Алиса. – Колбаса. Десять штук.

– А какой вес? – спросил Гай-до.

– Примерно по полкило.

– Записал.

– Три головы сыра.

– Нет, – сказал Гай-до, – четыре.

– Но тут три. Можешь посмотреть.

– Нет, четыре, – упрямился Гай-до. – Четвертая закатилась в угол, протяни руку.

Алиса протянула руку и, хоть она ничего не боялась, вскрикнула от неожиданности, потому что голова сыра была мягкой, теплой и покрытой слизью. Голова вздрогнула от Алисиного прикосновения, покатилась по полке, упала на пол и помчалась к куче инструментов, чтобы в нее зарыться.

Тогда Алиса сообразила: это был все тот же вездесущий серый мяч из Сахары.

– Еще чего не хватало! – сказала Алиса вслух. – Как же мы его раньше не заметили?

В люке появились головы Аркаши и Пашки – они услышали крик Алисы.

– Что случилось? – спросил Пашка.

– Этот сыр, – сказала Алиса, беря в руки кирку, чтобы защищаться, если мяч прыгнет на нее, – вовсе не сыр, а гадкое животное.

– Вижу, – сказал Гай-до. – Узнаю. Я видел эту тварь в Сахаре. Виноват, что не заметил, как оно проникло на борт. Несу ответственность.

– Не нужна мне твоя ответственность, – сказала Алиса. – Нам его надо поймать и посадить в какую-нибудь банку.

Она приблизилась к мячу. Сверху спрыгнул Пашка, он притащил из камбуза большую кастрюлю.

В тот момент, когда Пашка дотронулся до мяча краем кастрюли, мяч метнулся в сторону и исчез.

– Где он? – Алиса оглядывалась.

Шару негде было укрыться в трюме, но все же он скрылся.

– Он над вашей головой, – сообщил Гай-до. – И постепенно перемещается к люку, чтобы выбраться наверх.

Подняв голову, Алиса увидела шар. Только это уже был не шар. Он расползся по стене, превратившись в тонкий серый блин.

– Сейчас я до него доберусь, – сказал сурово Пашка. Он схватил швабру и угрожающе поднял ее.

– Не надо! – раздался тонкий, пронзительный голос. – Я жить хочу. Я ни в чем не виноват!

– Ах, вы разумные? – удивилась Алиса.

– Тем хуже. Значит, он шпион, – сказал Пашка. – Пускай лезет в кастрюлю.

– Я не шпион! – взмолился мяч. – Я жертва обстоятельств. Можно я упаду на пол? Я обещаю, что не убегу. Мне же некуда убегать.

– Пускай падает, – сказала Алиса.

– Только без шуток, – предупредил Пашка.

Шар плюхнулся на пол, собрался в комок и замер посреди трюма.

– Признавайся, – сказал Пашка, – шпионил?

– А как я могу шпионить? – сказал шар. – Моя история такая простая и печальная, что вы должны меня понять. Вы же добрые люди.

Шар откатился подальше от швабры, которую направил на него Пашка.

– Еще чего не хватало! – сказала Алиса вслух. –
Как же мы его раньше не заметили?

– Я живу на планете, которую вы называете Пять-четыре, – сказал шар комариным голосом. – У меня есть жена и восемь маленьких детей, которые никогда меня не дождутся, если ваш страшный капитан убьет меня этой мохнатой палкой.

– Не такой уж я страшный, – сказал Пашка и отставил швабру в сторону.

– Я жил мирно, как все, но однажды на мою планету опустился большой корабль. Это была экспедиция. Они обследовали планету и собирали образцы. И забрали меня как образец.

– А чего же вы не возражали? – спросила Алиса.

– Меня погубило любопытство. Я решил, пускай они думают, что я неразумное существо, зато я увижу другие звезды. В душе я путешественник. Когда корабль прилетел к себе домой, я сбежал и пробрался в город.

– Как называлась планета? – спросил сверху Аркаша.

– Паталипутра, – быстро ответил шар.

– Я там была, – сказала Алиса.

– Ну вот видите! – обрадовался шар. – Значит, я говорю правду. Я осмотрел Паталипутру и решил лететь дальше. Мне это нетрудно. Я могу незаметно проникнуть на любой корабль. За пять лет я облетел много планет и захотел вернуться домой. Но как это сделать? Ведь на мою планету не летают корабли. И я отправился на Землю.

– Почему? – спросила Алиса.

– Потому что сюда прилетают корабли со всей галактики. Здесь можно дождаться экспедиции в мои края. Ожидая случая, я облетел всю Землю. Я побывал в Сахаре на свалке кораблей и узнал, что ваш уважаемый корабль побывал на моей родной планете и вы собрались к нам снова. Но у меня нет денег на билеты. Пришлось спрятаться в трюм под видом головки сыра. Вот и вся моя история. Вы можете убить меня, а можете осчастливить.

Скользкий мяч покорно замер посреди пола.

– Поверим? – спросил Пашка.

– Не знаю, – сказал сверху Сапожков.

– И я не знаю, – сказала Алиса.

– Вы можете мне не верить, – сказал мяч. – Только довезите меня до дома. Меня уже не ждут... И мне суждено будет умереть на чужбине.

– А где он будет жить? – спросила Алиса.

– Пожалела? – понял ее Пашка.

– А что делать? Лучше верить, чем не верить.

– Я останусь здесь, в трюме, – сказал мяч, – чтобы не попадаться вам на глаза. Я вам кажусь некрасивым и даже противным. Но я не обижаюсь. Я буду жить здесь, на нижней полке.

– Если вы его оставляете, – сказал Гай-до, – то я за ним присмотрю.

– Только чтобы продуктов не касался, – предупредил Пашка.

– Я не ем колбасы и сыра, – ответил мяч. – Я извлекаю все, что мне нужно, из простой воды. Вы не откажете мне в глотке воды?

– Не откажем, – сказал Пашка.

Глава тринадцатая
ПОЛЕТ С ПРОИСШЕСТВИЯМИ

Постепенно быт на борту наладился. Серый мяч мирно сидел в трюме, порой вылезая напиться. Двигался он с удивительной ловкостью. Он объяснил Алисе, что жизнь на планете Пять-четыре суровая. Слабому там не выжить. Разумные мячи могут прыгать, плавать, нырять, расплющиваться в блин, даже превращаться в червей. Опасаясь землетрясений, они обитают по берегам озер и речек, на открытых местах, чтобы успеть укатиться от опасности. И уж конечно, не строят никаких городов.

Если озеро вдруг высохнет или провалится сквозь землю, они спешат к другому озеру или реке. Аркаша, которому мяч разрешил себя осмотреть, сказал, что мячи – растения. Но они не лишены чувств и привязаны к своей семье.

Из своих пассажиров Гай-до более других выделял Алису. Когда Алиса была на вахте, они подолгу разговаривали, и Пашка даже посмеивался: о чем можно часами разговаривать с кораблем? Но Гай-до не обижался. Он к Пашке привык и знал ему цену. Он придумал для Пашки прозвище: «Наш опасный друг». И объяснял его так: Пашка ради друзей готов жизнь отдать. Человек он благородный и верный. Но настолько увлекающийся, что в решающий момент может забыть о долге, обязанностях. Правда, про быка и красную тряпку Гай-до не говорил, потому что на Вестере не знают о бое быков, – так его поняла Алиса.

На третий день все космонавты заняли свои места, и корабль совершил прыжок. Как известно, притяжение передается гравитонами – особыми частицами, которые были открыты в начале XXI века великим чешским физиком Ружичкой и его женой Анитой Сингх. Гравитоны, в отличие от прочих частиц, движутся быстрее скорости света, то есть почти мгновенно. И когда удалось обуздать и подчинить гравитоны, люди смогли создать гравитонные двигатели: любой корабль может пронестись через половину галактики в считанные минуты.

Но гравитонные двигатели очень сложны и дороги. Далеко не на всех, даже больших, кораблях их устанавливают. А уж на маленьких – никогда. Гай-до был исключением.

Три с половиной часа, за которые Гай-до совершал прыжок к планете Пять-четыре, космонавты были без сознания. Для Алисы и ее друзей этих часов не существовало. Она закрыла глаза, потом открыла их снова. Часы над пультом показывали, что прошло три часа и тридцать одна минута.

Алиса услышала голос Гай-до:

– Прыжок прошел нормально. Система назначения видна на экранах.

Очнулся Пашка, включил экран. Несколько тусклых звездочек горели в его центре.

– Ищи там, где четыре солнца, – сказал Аркаша.

Алиса отстегнулась и спустилась в трюм проверить, как перенес прыжок серый мяч.

Тот был невредим, сидел в углу на полке, хотя трудно сказать, сидел, лежал или стоял, раз уж он совершенно круглый.

– Ты обо мне беспокоилась? – спросил он Алису.

– Разумеется, – сказала Алиса.

– Зря, – сказал мяч.

Алиса увидела, что он волнуется. Когда мяч волновался, по его телу пробегала дрожь, как будто мелкая рябь по воде.

– Я тебя не понимаю, – сказала Алиса. – Это же естественно.

– На свете нет ничего естественного, – ответил пронзительным голоском мяч.

– Потому что ты не должна меня жалеть. Ты должна желать моей смерти.

– Я ничьей смерти не желаю, – сказала Алиса.

– Ты еще не знаешь жизни. Ты еще детеныш. Как и мои детеныши, ты думаешь, что все взрослые должны быть хорошими. Но если бы твоему отцу сказали: выбирай, что тебе дороже: жизнь своих детенышей или чужих? Он бы выбрал своих и стал убивать чужих.

– Ты говоришь странные и неприятные вещи, – сказала Алиса. – Я тебя не понимаю.

– Вот будут у тебя свои дети, тогда поймешь, – сказал мяч.

– Постараюсь, – согласилась Алиса. – Прости, мы давно знакомы, а я не знаю, как тебя зовут.

– Зачем тебе мое имя? – сказал шар. – Оно опозорено.

Шар забился в угол и замолчал.

«Странно, – подумала Алиса, выбираясь из трюма. – Сам говорил, что тоскует по своей семье. Казалось бы, повезло, подлетает к дому. А чем-то недоволен, говорит о смерти...» Гай-до словно угадал ее мысли и сказал:

– В мяче пробудилась совесть.

– А разве он до этого был бессовестным? – спросила Алиса.

– Не знаю, – сказал Гай-до. – Но у меня дурные предчувствия. Мне кажется, что он не тот, за кого себя выдает.

– Ты думаешь, что он не с планеты Пять-четыре?

– Не в этом дело...

Постепенно одна из горящих точек на центральном экране увеличивалась и становилась ярче. К исходу второго дня уже можно было различить на ней кольца вулканических кратеров. Алиса с тревогой наблюдала, как уменьшаются запасы пищи. Но пока говорить об этом ей не хотелось, она боялась, что мальчики начнут нервничать. И Аркаша вообще откажется есть. А мужчины, как учила Алису бабушка, должны быть сытыми. Даже самый хороший мужчина становится невыносимым, если он голодный.

Мяч больше с Алисой не разговаривал. Но она как-то услышала, что он беседует с Аркашей, который собирался написать о мяче статью.

– А зачем вы-то летите на нашу планету? – спросил он Аркашу.

– Нам интересно, – ответил Аркаша.

– Что может быть интересного? – спросил мяч. – Ничего у нас интересного нет.

– Для ученого любой новый мир интересен, – сказал Аркаша.

– Изучаете, значит? – пронзительно произнес мяч.

«Неприятный голос, – подумала Алиса. – Сквозь переборки проникает».

– А я думал, вы клады ищете, – вновь послышался голосок мяча.

– Почему? – спросил Аркаша.

– Больше незачем лететь на пустую планету.

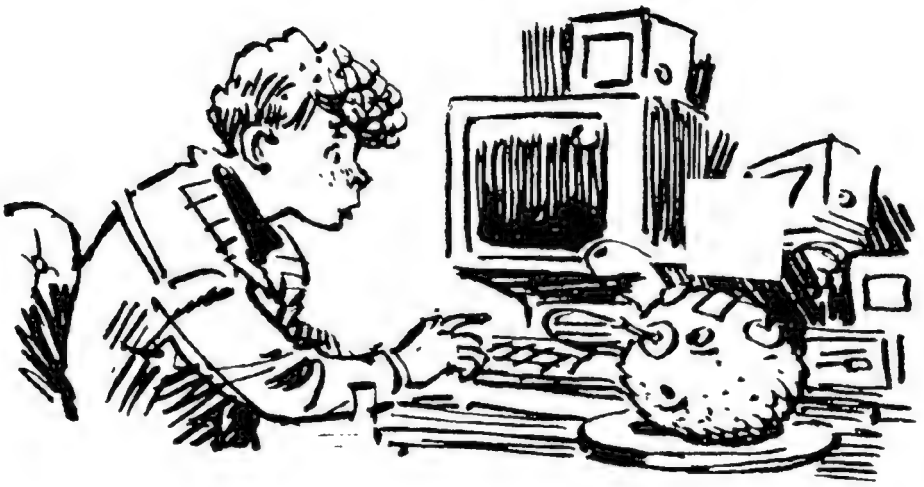
– Нет, – сказал Аркаша, – дело не в кладах.

– Да разве в вас разберешься? – сказал мяч. Помолчал. Потом спросил: – Ну и какая у меня температура?

Алиса заглянула в кают-компанию. Аркаша изучал мяч. Мяч сидел (или лежал, или стоял) на столе. Он был обклеен датчиками. Аркаша просматривал данные на дисплее.

– Температура тела, – сказал Аркаша, – повышается и понижается от настроения.

– Правильно. Как-то мой дядя с семьей попал на Северный полюс, занесло их потоком, и там они проспали три года во льду. Пока не разморозило. И ничего, живы. У нас климатические условия ужасные.



– Знаю, – сказал Аркаша.

– А то еще попадете в землетрясение. Тоже ужасно. Значит, клад ищете?

– Не ищем мы клада.

– Не люблю я вас, кладоискателей, – сказал мяч. – Таинственные вы. Вот я знаю: вас на борту четверо. Трех я видел, а Гай-до прячется. Почему? Где?

Послышался смех Гай-до. Ему показалось забавным заблуждение мяча, но спорить он не стал, а объявил, что начинает торможение.

Аркаша освободил мяч от присосок и датчиков, отнес его в трюм, где Пашка проверял снаряжение, потому что был уверен, что ему придется опускаться в пропасти и подниматься на вулканы.

– Типичные кладоискатели, – сказал мяч, увидев Пашку, обмотанного тросом, с альпенштоком в руке и ранцевым ракетным двигателем за спиной.

– Я альпинист, – сказал Пашка.

И тут они услышали голос Гай-до:

– Тревога, всем членам экипажа собраться на мостике.

Аркаша и Пашка выскочили из трюма и кинулись к креслам.

– Что случилось? – крикнул Пашка.

– Смотри на экран! – сказала Алиса.

По экрану быстро ползла зеленая точка.

– Вижу катер, – сказал Гай-до. – На мои позывные не отвечает.

Зеленая точка резко изменила курс и через несколько томительных минут скрылась за расплывчатым, туманным краем атмосферы.

– Я полагаю, – сказал Гай-до, – что разумно повернуть назад.

– Предлагаешь вернуться? – удивился Пашка. – В минутах от цели?

– Я не знаю, что нас отделяет от цели, – сказал Гай-до, – может, скорая гибель.

– Наверное, Гай-до прав, – сказал Аркаша, – у нас на борту девочка. Я считаю, что мы должны вернуться обратно и сообщить обо всем взрослым. Я и раньше так считал.

– Ты не о девочке думаешь! – вскипел Пашка. – Я все понял! Трусишь – сиди на Земле. А об Алисе не беспокойся, она смелее тебя!

Алиса понимала, что Пашка думает только о приключениях. Она готова была уже поддержать Аркашу, но странное дело: слова Пашки о том, что она смелая, заставили ее промолчать. Как будто хитрющий Пашка заткнул ей рот большой конфетой.

– У кого сколько смелости, мы еще посмотрим, – тихо сказал Аркаша. – Я высказал свое мнение, но сам я не возражаю, чтобы спуститься на эту планету.

«Ну и Пашка, – подумала Алиса, – он и Аркашу перехитрил. Ну какой нормальный парень будет настаивать на возвращении, если его обвинили в трусости?» – Возвращайтесь! – услышала она пронзительный комариный голосок. Оказывается, серый мяч каким-то образом выбрался из трюма. – Вам с ними не справиться. Вы погибнете, как погибли все остальные.

– Что ты знаешь? – спросил Гай-до. – Отвечай, что ты знаешь?

– Я ничего не знаю. Я ничего не сказал! – Шар превратился в бесконечную серую нить и скользнул в люк.

– Настойчиво рекомендую, – сказал Гай-до, – вернуться на Землю.

– Голосуем, – быстро сказал Пашка. – Я за демократию. Твой голос, Гай-до, считается. Кто за то, чтобы опуститься на планету Пять-четыре? Я – раз, Алиса – два, Аркадий – три. Кто против?

– Я против, – сказал Гай-до.

– Я против, – послышался комариный голосок из трюма.

– Три – два в нашу пользу, – сказал Пашка. – Решение принято демократическим большинством. Начинаем посадку.

– Хорошо, – сказал Гай-до. – Но я предлагаю спуститься подальше от базы странников.

– Почему? – спросил Пашка. – Мы быстро спустимся, быстро осмотрим подземелье, моментально заберем, что нам нужно, и улетим.

– Моментально – это неправильное слово, – сказал Гай-до.

– Пока ты будешь моментально лазить по подземелью, – сказала Алиса, которая поняла, что Гай-до прав, – нас тридцать раз увидят, найдут и, если захотят, убьют.

– А что же ты предлагаешь? – спросил Пашка.

– У меня есть одна идея, – сказал Гай-до. – Смотрите.

Гай-до зажег большой экран на пульте, и на нем показалась объемная карта. На ней – путаница скал, ущелий, гор и кратеров.

Загорелась зеленая стрелка, которая поползла по ущелью.

– Вот здесь, – сказал Гай-до, – мы нашли Тадеуша. Рядом со входом в подземелье. Но сюда мы опускаться не будем. Здесь... – зеленая стрелочка переместилась в соседнее ущелье, – выходы железной руды. Под этим обрывом большая ниша, там можно уместить пассажирский лайнер. Навес над нишей – железная руда. Что это означает?

– Это означает, – сказал Аркаша, – что, если мы незаметно ляжем в ту нишу, нас нельзя засечь сверху.

– Если не возражаете, я начинаю маневр, – сказал Гай-до.

– А оттуда до базы далеко? – спросил Пашка.

– Километров двадцать. Но дорога через горы.

– А поближе нельзя?

– Братишка, ты нетерпелив, как маленький ребенок, – сказал Гай-до.

– Ну ладно, если другого выхода нет...

Пашка умеет всем сделать одолжение.

Глава четырнадцатая
НЕУЮТНАЯ ПЛАНЕТА

Если бы кто-то наблюдал за Гай-до сверху, он страшно удивился бы, каким запутанным курсом тот идет над планетой. Корабль петлял, делал зигзаги длиной в тысячу километров, замедлял движение так, словно вот-вот остановится, и потом снова срывался с места. Внутри корабля все трещало, и Алиса побаивалась, выдержит ли коралловая заплата.

Разумеется, Гай-до был бы последним дураком, если бы полагал, что его маневры кого-то обманут, – ведь тот, кто следил за ним, мог спокойно ждать, пока он сядет. Гай-до рассчитывал на другое: вертясь над планетой, он хотел сам засечь наблюдателей.

На втором витке он засек спутник связи, который ходил на высокой орбите над планетой и координировал наблюдение. Затем он два раза прошел над одним местом, где ему показалось, что над кратером натянута маскировочная пелена. На всякий случай он отметил этот кратер в памяти.

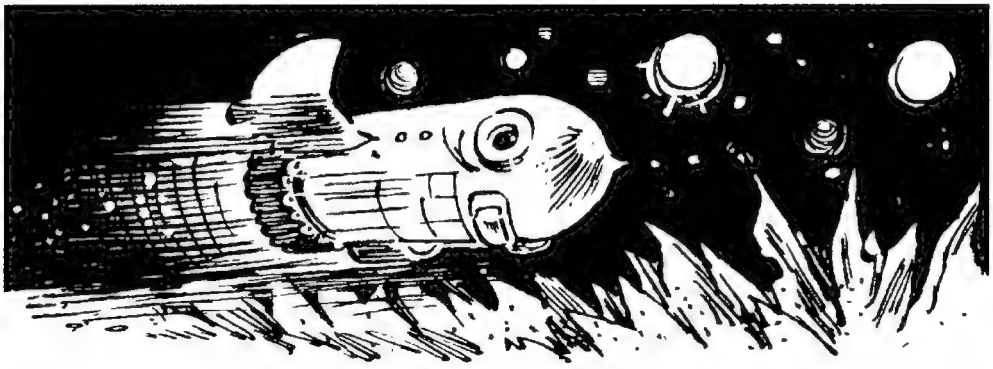
Неожиданно Гай-до снизился. Он сделал это в тот момент, когда спутник связи находился на другой стороне планеты. Гай-до буквально пополз по ущелью, прижимаясь ко дну и порой задевая за скалы, отчего внутри корабля раздавался отвратительный скрежет. Алиса стиснула зубы, чтобы не вскрикнуть от страха.

Затем корабль замер.

– Все? – шепотом спросил Пашка.

– Нет, не все, – ответил Гай-до. – Если они нас не потеряли, пускай думают, что я лежу здесь.

– И сколько ждать?



– Пока их спутник снова уйдет за горизонт, – сказал Гай-до.

Потянулись томительные минуты ожидания.

Вдруг корабль снова рванулся и полетел дальше.

На экране внешнего обзора мелькали страшные зубцы железных скал. Как ножи они тянулись к Гай-до. Он с трудом ускользал от них. Затем замер, резко метнулся вправо, отчего посудный шкаф распахнулся и чашки покатились по полу.

Послышался глухой удар.

Экраны потемнели.

– Все, – сказал Гай-до. – Приехали. Пока мы в безопасности. Они, конечно, знают, в каком районе мы затаились, но им потребуется некоторое время, чтобы нас отыскать.

– Неаккуратно ты спускался, – проворчал Пашка. – Всю посуду побил.

– Неаккуратно? – Гай-до был обижен.

– Гай-до, не слушай его, – быстро сказала Алиса, – ты все сделал великолепно. Ни один другой корабль в мире не смог бы так спрятаться.

Она отстегнулась от кресла.

– А какой здесь воздух? – спросил Аркаша. – Скафандры надевать?

– Не надо, – сказал Гай-до после некоторой паузы: видно, рассуждал, обижаться на Пашку или не стоит. – Воздух здесь пригоден для дыхания.

– Можно выйти? – спросил Пашка. – Я хочу начать разведку.

– Подожди, – ответил Гай-до. – Ждем час. Если я не увижу и не почувствую ничего подозрительного, тогда выходите.

– Давайте пообедаем, – сказала Алиса.

Аркаша помог Алисе убраться. Чашек осталось две на всех, но тарелки были небьющиеся, так что ничего страшного не случилось.

Пашка сказал, что пойдет в трюм, чтобы подготовиться к походу.

Он открыл люк, и только тогда вспомнили о сером мяче.

Мяч сидел на полке, кожа его ходила мелкой рябью. Он волновался.

– Ой, прости! – воскликнула Алиса. – Ты так хочешь к своей семье, а мы тебя держим. Иди скорей. Передавай привет своим детишкам.

Мяч не тронулся с места.

– Что такое? – удивилась Алиса. – Ты ушибся? Тебе плохо?

– У него нервный шок, – сказал Аркаша. – Мяч так долго ждал этого момента, что нервы не выдержали.

– Нервы у меня не выдержали, – сказал шар. – Я хочу остаться здесь. То есть я не хочу остаться здесь, но вам лучше, если я останусь здесь. Я не такой плохой, каким я вам кажусь, но я могу быть куда хуже, чем я вам кажусь.

Сказав эту загадочную речь, мяч застыл.

– Что он говорит? – удивилась Алиса. – То он стремится, то он не стремится!

– Заприте меня! – закричал шар. – Я знаю, какие вы добрые! Заприте меня так, чтобы я не мог выскользнуть, потому что я могу выскользнуть через самую узкую щель. Заприте меня, запакуйте... лучше всего в холодильник. Да, лучше всего в холодильник, потому что мне оттуда, наверно, не выбраться.

– Логика хромает, – сказал Аркаша, который сидел на краю люка. – Если вы не хотите уходить, то оставайтесь. Если хотите уходить и даже намерены выбраться через любую дырочку, тогда уходите.

– Нет, – сказал Гай-до. – Я вижу логику в его словах. И очень печальную для нас логику. Его надо запереть в холодильник.

– Но я буду сопротивляться! И вы всем скажите, что я сопротивлялся, но вы меня разоблачили и мучили, чуть не убили и заточили в холодильник.

– Хорошо, – сказал Гай-до, – я согласен.

Мяч скатился с полки и поспешил к холодильнику.

У его двери он остановился.

– Да он с ума сошел! – закричал Пашка. – Там же продукты.

– Вынь продукты, – сказал Гай-до.

– А сколько он будет сидеть в холодильнике? Все продукты испортятся! У нас их и так мало осталось.

– Он недолго там просидит, – сказал Гай-до.

– Но скажи же, в чем дело? – не выдержал Пашка.

– Не говорите! – взмолился мяч. – Если они узнают, моя семья погибнет.

– Он говорит правду, – сказал Гай-до.

– Ничего не понимаю! – вскричал Пашка. Остальные молчали.

На этом спор кончился.

Алиса с Пашкой вынули из холодильника последние продукты: кусок колбасы, пять пакетов молока, пачку куриного паштета и мороженую курицу.

Мяч шустро залез в холодильник и сказал:

– Не беспокойтесь, мне совсем не холодно. Но учтите, что я сопротивлялся, как зверь.

Он забился в угол опустевшего холодильника, но Пашка медлил. Как-то неловко запирать в холодильник живое существо.

– Запирай! – пискнул мяч.

– Захлопывай, – сказал Гай-до, и Пашка подчинился.

Алиса взяла курицу и пошла ее готовить. Она положила ее в духовку. Скоро по кораблю потянуло приятным запахом пищи, и Пашка прибежал в камбуз, чтобы приглядеть за курицей. Ведь это последняя курица, а вдруг подгорит?

За ужином Алиса отдала Пашке половину курицы, а вторую поделила с Аркашей. Аркаша понял и кивнул ей, а Пашка в мгновение ока сжевал полкурицы и начал шарить глазами по столу.

Тогда Алиса сказала:

– С завтрашнего дня вводим жесткий режим экономии.

Пашка вздохнул и пошел спать.

Он заснул через три минуты. А Алисе долго еще не спалось.

Она ворочалась на узкой койке. Потом поднялась и спросила:

– Гай-до, а можно я выйду на минутку? Только посмотрю и вернусь, я не буду отходить далеко.

– Хорошо, – сказал корабль.

Алиса накинула куртку и открыла люк. За ней вышел Аркаша. Ему тоже не спалось.

Вечер был холодным, ветреным и сырым. Под громадным каменным козырьком было темно, и Алиса сделала несколько шагов к прыгающему по камням ручью. Открылось небо, все в полосах от быстро текущих облаков. Небо было фиолетовым, на нем горели редкие оранжевые звезды. Ма-

ленькое алое солнце светило сквозь облака. Оно бежало по небу быстро, словно спутник. Второе солнце, чуть побольше и пожелтее, поднималось из-за скал. А в другой стороне неровно вспыхивало зарево, – видно, извергался вулкан. Земля чуть дернулась под ногами и потом долго мелко вздрагивала, будто успокаивалась после спазма.

Это был неуютный и даже страшный мир. Черные тени черных скал двигались, как живые, – два быстрых солнца как бы дергали их, тянули в разные стороны.

– Куда нам завтра идти? – спросила Алиса. Ей стало страшно.

Из черной глубины ниши послышался тихий голос Гай-до:

– Надо будет подниматься на скалы, которые перед тобой, Алиса. Жаль, что я не смогу пойти с вами.

Начался дождик, и небо заволокло сизыми тучами. Стоять больше не хотелось, и Алиса пошла обратно. Аркаша за все время не сказал ни слова, и Алиса не знала, о чем он думает.

Аркадий пропустил Алису вперед, потом закрыл люк.

– Спокойной ночи, – сказала Алиса.

– Спокойной ночи, – ответил Аркаша печально.

– Спокойной ночи, – сказал корабль.

Глава пятнадцатая
ПОХОД

Утром первым вскочил Пашка.

– Вперед! – шумел он. – Не время спать. Нас ждут сокровища странников!

Он выволакивал из трюма веревки и крючья, прилаживал альпинистские ботинки, проверял фонари – суетился за десятерых.

Пока Алиса готовила завтрак, Аркаша с Пашкой уже оделись.

Пашка сказал:

– А может, тебе не надо идти с нами? Кто-то должен остаться на корабле. Мало ли что может случиться? Тогда ты вернешься и расскажешь нашим родителям, как мы погибли.

– И не подумаю, – сказала Алиса, накрывая на стол. – Если ты мне скажешь, в чем я уступаю тебе, кроме нахальства, тогда я останусь.

– Тогда ты оставайся, Аркаша, – сказал Павел.

– Почему я?

– Так положено во всех экспедициях. Кто-то должен быть в резерве. Если что, вы с Гай-до прилетите на помощь.

– Гай-до сам может прилететь на помощь. Он не глупее нас, – сказал Аркаша.

– Но ведь так положено! – сказал Пашка.

– Летать на незнакомые планеты без взрослых тоже не положено, – сказал упрямо Аркаша, – а мы здесь. Но если хочешь, оставайся.

– Мне нельзя.

– Почему?

– Потому что я командир корабля и начальник экспедиции.

– А кто тебя назначил?

– Но вы же согласились!

– Он шутит, – сказала Алиса.

Пашка понял, что друзей не переспорить. Придется идти втроем.

Пока Алиса одевалась, Аркаша спустился в трюм, чтобы заглянуть в холодильник, не задохнулся ли серый мяч.

Он открыл холодильник и сказал спокойно, словно увидел муху:

– А мяча нет.

– Как так нет? – удивился Пашка. – Он не мог выйти. Корабль был заперт. Значит, он прячется где-то внутри.

– Его нет во мне, – сказал Гай-до. – Я бы почувствовал.

– Значит, пока мы вчера ночью гуляли... – сказала Алиса.

– Так! – сказал Пашка голосом полководца, которого в решающем бою подвели любимые генералы. – Значит, пока я спал, вы гуляли по планете. Значит, Гай-до разрешил вам гулять, а в это время любой мог зайти в корабль. Так получается?

Все чувствовали себя виноватыми и не нашли что ответить. Они глядели на разъяренного капитана, через плечо которого висел моток троса, в руке был альпеншток, глаза сверкали, волосы выбивались из-под шлема, из-за спины торчали раструбы ракетного ранца. Пашка был ужасен.

– Ну и что? – вдруг сказала Алиса. – Мы сами хотели отпустить его к семье. А он предпочел посидеть в холодильнике.

– Значит, были основания, – сказал Пашка. – Никто без оснований не запирался бы в холодильник.

– У него были основания, – как эхо, повторил Гай-до. – Я виноват. Я не заметил, как он ускользнул.

Из черной глубины ниши послышался тихий голос Гай-до:
– Надо будет подниматься на скалы, которые перед тобой, Алиса. Жаль, что я не смогу пойти с вами.

Пашка оглядел экспедицию. Он уже забыл о своем гневе.

– Пошли скорей, – сказал он. – Пока нас не выследили.

Они вышли из-под тени навеса. Корабль тускло поблескивал в полутьме. Было светлее, чем вчера, потому что по небу катились сразу три солнца, но свет от них был неверным и зловещим.

Надо было подняться на скалы на той стороне ущелья, потом пройти через лес камней, спуститься к небольшому горячему озеру, из которого раз в минуту поднимался стометровый гейзер, за ним начинался колючий, без листьев, кустарник, в котором можно было немного передохнуть. От кустарника шел пологий спуск к следующему ущелью, где таилась база странников. Путешественники рассчитывали выйти к ущелью выше базы и спуститься к ней по ручью.

На скалы они взлетели, включив ракетные ранцы. С их помощью можно прыгать метров на пятьдесят. Ребята умели пользоваться ранцами: в туристском походе так перебираются через реки и болота.

Прыгая, они не забывали об осторожности. Если их ищут, прыгающую или летающую фигуру легче засечь.

Поэтому они только помогали себе ранцами на подъемах, а когда выбрались наверх и начали спускаться к красневшему впереди озеру, то разошлись подальше друг от друга и открытые места перебегали как можно незаметнее.

– Эй, – закричал Пашка, – глядите!

У берега озера в рядок, будто выброшенные волнами, замерли несколько серых мячей. Три побольше, другие маленькие, с теннисный мяч.

– А может, наш тоже среди них? – сказал Аркаша. – Нашел все-таки семью?

Они повернули к мячам и прибавили шагу.

При виде людей мячи осторожно двинулись к воде.

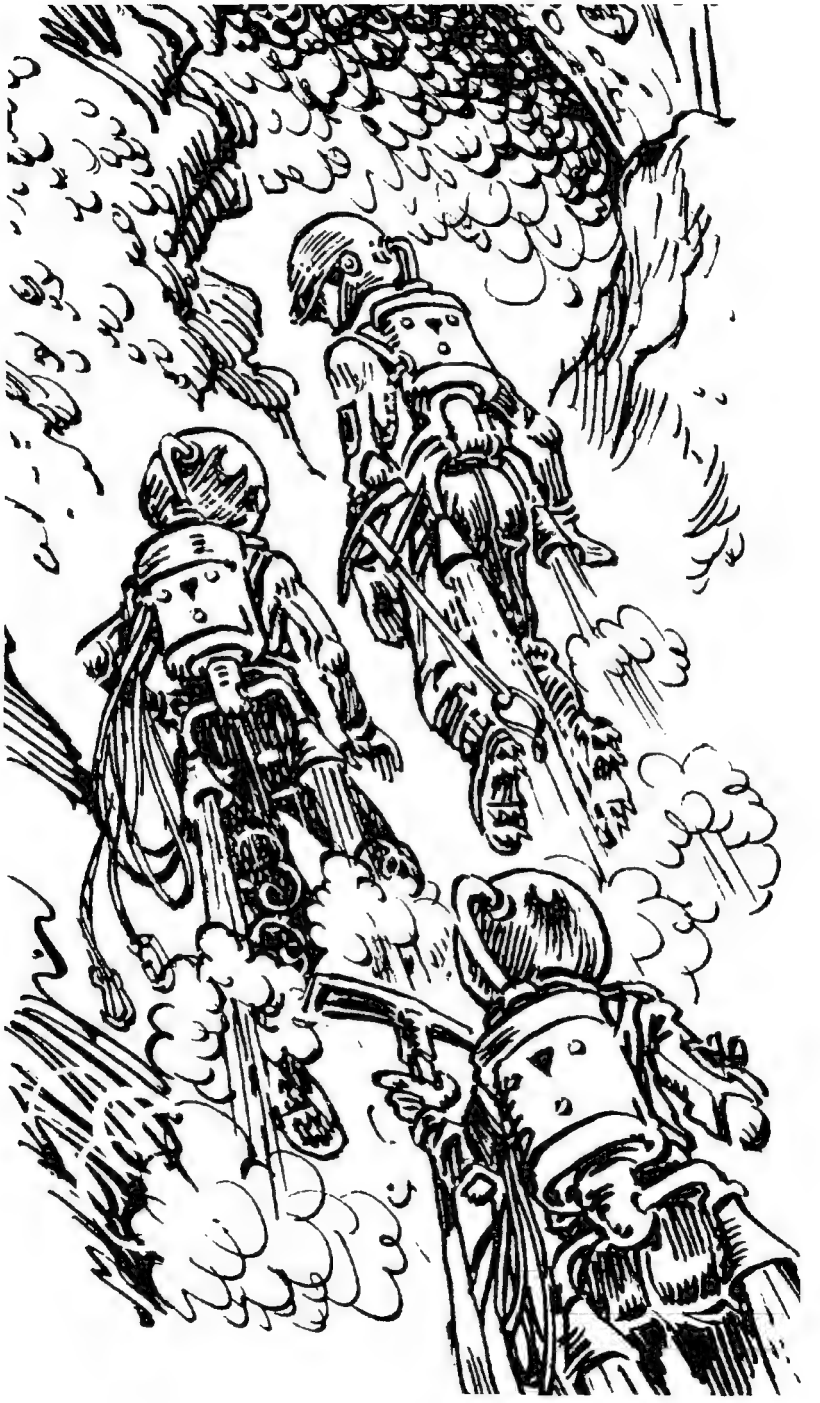
– Простите! – крикнула Алиса. – Вы не были на нашем корабле?

Мячи заверещали тонкими голосами и попрыгали в воду.

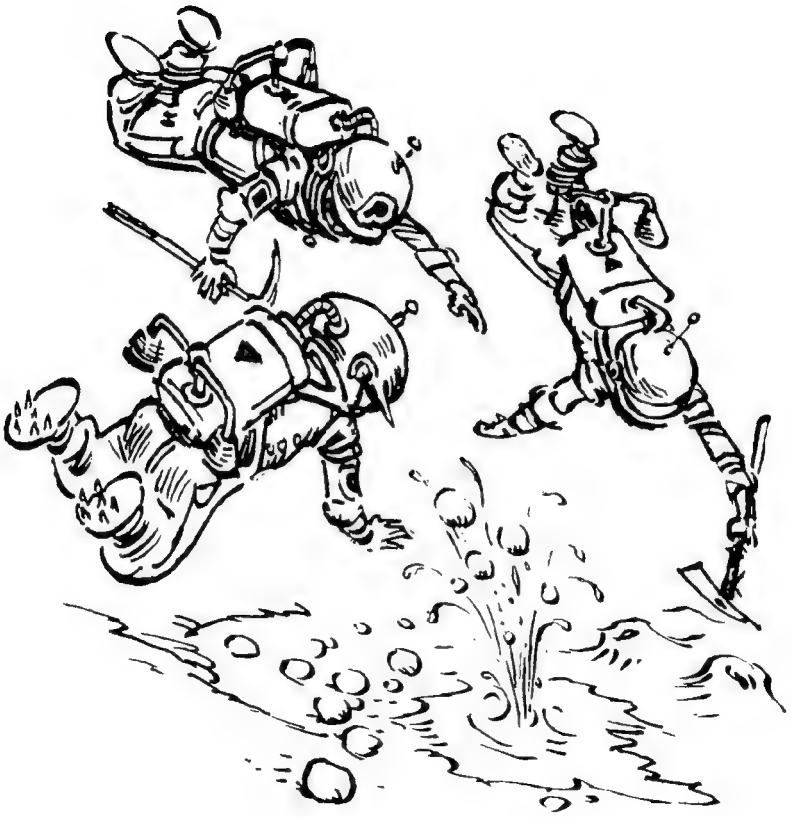
– Нет, – сказал Пашка, останавливаясь, – это другие, нашему зачем убегать?

Посреди озера возник пузырь, вода вспучивалась, поднималась, и вдруг ее прорвало – громадный фонтан, подсвеченный оранжевым небом, взметнулся к зеленым облакам.

В то же мгновение из озера выскочило множество серых мячей. Они быстро заскользили по воде к дальнему берегу.



На скалы они взлетели, включив ракетные ранцы.



– Они нас боятся, – сказала Алиса.

– Надо им объяснить, что мы не будем на них нападать, – сказал Пашка. – Давайте я сяду на землю, они увидят, что я безвредный, и подойдут поближе.

– Братишка, – послышался в наушниках голос Гай-до, – напоминаю: времени у вас в обрез.

– Пошли, – сказал Аркаша, – с мячами мы еще успеем поговорить.

За озером началась каменистая долина. Она была усеяна большими глыбами. Пришлось снова включить ранцевые ракеты, чтобы не поломать ног. Только через полчаса они добрались до кустарника. Но кустарник оказался непригодным для отдыха. Кусты были покрыты острыми длинными колючками, словно ощетинились, чтобы не пустить никого внутрь.

Небольшой серый мяч выскочил из камней, помчался к кустам, и те раздвинулись, пропуская его.

– Типичный случай симбиоза, – сказал Аркаша. – Наверное, мячи скрываются там от крупных хищников.

– А здесь есть крупные хищники?

– Возможно, – сказал Аркаша.

– Гай-до, – спросила Алиса, – тут есть крупные хищники?

– Не знаю, – ответил Гай-до. – И попрошу не занимать связь пустыми разговорами. Чем больше мы разговариваем, тем скорее нас засекут.

Дальше они шли молча.

Закапал дождь. Пашка сказал, что проголодался, но Алиса, которая несла рюкзак с бутербродами, велела ему потерпеть до ущелья.

Спуск в ущелье был крутой, и потому они решили прыгнуть туда с помощью ранцев.

Они летали над ущельем, словно легкие, сухие листья, выбирая место на дне, свободное от камней.

От ручья, возле которого они приземлились, поднимался пар. Зарево над скалами стало ближе и ярче. Слышно было, как рокотал вулкан. Глухо журчал ручей.

Казалось, что из-за скалы следят злые глаза.

Ощущение было неприятным. Алисе захотелось вызвать Гай-до, чтобы услышать голос друга. Но Пашка опередил ее.

– Гай-до, – сказал он, – проверка. Как самочувствие?

– Ничего подозрительного, – отозвался корабль. – Отдыхайте.

Идти не хотелось. Устали ноги, а от здешнего воздуха, мертвого и скудного, у Алисы разболелась голова.

Ущелье было еще более мрачным, чем первое. Скалы сходились над головой, закрывая свет, пар, поднимаясь над водой, белыми клочьями метался по ущелью. И ни одной живой души.

Перекусив, они пошли вниз по ручью. Приходилось карабкаться через громадные глыбы, свалившиеся сверху, а то и ступать в горячий ручей. Ранцами не воспользуешься: ущелье было таким тесным, что от любого прыжка тебя бросало на каменную стену.

– Отдохнем? – спросил Пашка тоскливым голосом.

– Нет, – сказал Аркаша. – Осталось немного.

– Я не о себе, – сказал Пашка. – Алиска устала.

Алиса и в самом деле устала, но, конечно, ответила:

– Ты ошибаешься.

Следующие минуты слились у Алисы в странную череду прыжков, шагов, переползаний, снова прыжков. Она старалась не смотреть далеко вперед. Вот перед ней камень, сейчас мы на него вскарабкаемся. А вот

трещина, надо перепрыгнуть. А что дальше? Дальше надо лезть в ручей... И так шаг за шагом.

Стены ущелья неожиданно разошлись. Перед ними был цирк, окруженный отвесными скалами. Алиса услышала голос Гай-до:

– Вы на месте.

Ноги Алисы подкосились, она села на плоский камень и подумала, что никогда уж не поднимется.

Аркаша опустился рядом.

– Думал, не дойду, – признался он.

Пашка тоже хотел было сесть, но взял себя в руки.

– Гай-до, – спросил он, – куда дальше?

– Перед вами, – сказал корабль, – две высокие желтые скалы, похожие на обломки толстых колонн. Видите?

Желтые колонны поднимались над цирком, замыкая его.

– Справа от этих колонн темнеет провал. Видите?

– Вижу, – сказал Пашка и пошел туда.

– Подожди, – сказала Алиса слабым голосом.

– Я только посмотрю, – сказал Пашка упрямо.

Алиса бессильно посмотрела ему вслед.

Пашка на ходу включил фонарь, и яркий круг света ударился в скалу, отчего она вдруг засверкала множеством искр. Круг света сместился правее и исчез в темном провале. Алисе показалось, что внутри провала что-то блеснуло.

– Есть! – услышала она крик Пашки.

И тут оглушительно завизжала сирена. Так, что Алиса заткнула уши.

Но это почти не помогло.

– Бегите! – крикнул Гай-до, перекрывая шум. – На меня напали!

Из-за темных камней, из-за желтых колонн, из-за скал выскочило множество темных фигур, и со всех сторон они кинулись на ребят. Алиса успела увидеть, как падает окруженный этими существами Аркаша, как пытается скрыться в расщелине Пашка. Она отбивалась, но кто-то больно ударил ее по голове, и она потеряла сознание.

Глава шестнадцатая
ПАЛАТА В ЦВЕТОЧКАХ

Очнулась Алиса от странного ощущения, словно она лежит на лужайке, светит солнце, стрекочут кузнечики... ей хорошо и приятно. Она открыла глаза...

Прямо в глаза ей светила яркая лампа. Алиса зажмурилась и отвернулась.

Она была в большой узкой длинной комнате.

Стены без окон были покрашены в светло-зеленый цвет, и на них нарисованы очень яркие, пышные цветы.

В комнате стояло два ряда кроватей, головами к стене, ногами к проходу.

Алиса лежала на крайней кровати. Простыня была свежей и мягкой, одеяло легким и пушистым. Откуда-то доносилась нежная музыка. Это было очень странно, ведь перед этим Алиса запомнила темный красноватый густой воздух ущелья, черные скалы и желтые скалы, провал подземелья, пар, поднимающийся над ручьем, и темные стремительные фигуры.

Если после такого нападения ты остался жив, то, наверное, должен очнуться в тюрьме, в тесной, сырой камере, в мрачном подвале, где бегают крысы и тараканы... Как странно!

Алиса села на постели: что с остальными?

И тут же успокоилась.

На соседней кровати мирно спал Аркаша Сапожков, а дальше, через пустую кровать, – Пашка Гераскин. Правда, у Пашки был синяк под глазом, но это, как вы понимаете, далеко не первый и, уж конечно, не последний Пашкин синяк.

Напротив Алисы, по ту сторону прохода, была занята еще одна кровать. На ней лежал, закрыв глаза, знакомый ей человек. Очень знакомый... Кто?

Конечно же Тадеуш Сокол, бледный, нос заострился, глаза запали!

Взгляд Алисы упал на ее рукав, и она поняла, что одета в пижаму: легкую, фланелевую, в голубых незабудках.

Алиса спустила ноги с постели. Ноги сразу попали в пушистые, мягкие тапочки. Она тихо подошла к Аркаше, потому что в сложных ситуациях Аркаша куда надежней.

– Аркаша, – позвала она, наклонившись к его уху, – проснись.

Аркаша открыл глаза, словно и не спал. И не произнес ни звука. Его взгляд обежал палату и остановился на Алисином лице, но Аркаша словно ее и не видел. Взор его был отсутствующим. Он думал.

– Странно, – сказал он. – А кто тот мужчина?

Алиса вспомнила, что Аркаша раньше не видел Тадеуша.

– Это тот самый Тадеуш, – прошептала она, – из-за которого Ирия бросила нашего Гай-до.

– Он должен быть во Вроцлаве.

– А где мы?

– Не знаю. Пошли посмотрим?

Аркаша вылез из-под простыни. Он тоже был в пижаме. Только его пижама была расшита голубыми колокольчиками.

Они подошли к белой двери в конце комнаты.

Дверь легко открылась. Они оказались в светлом широком коридоре.

Коридор был пуст. Тихо играла музыка.

Дверь с другой стороны коридора отворилась, и навстречу им поспешила медсестра, в голубом платье, высокой белой наколке и белом фартучке, обшитом кружевами. Сестра ласково улыбалась.

– Вы куда, дети? – спросила она издали. – Ночные горшочки у вас под кроватками.

Сестра говорила со странным текучим акцентом, словно припевала.

Улыбка тоже была странная. Словно наклеенная. И когда сестра подошла поближе, Алиса сообразила, что она в маске.

В гладкой, улыбающейся, розовой маске, обтягивающей все лицо. В маске были прорезаны аккуратные отверстия для глаз. И глаза, что смотрели сквозь искусственную улыбку, показались Алисе печальными и настороженными.

– Где мы? – спросил Аркаша медсестру.

– Вы у друзей, мои любимые, – пропела женщина. – А теперь, пожалуйста, возвращайтесь к себе в комнатку, там вы найдете умывальничек и ночные горшочки, на каждого приготовлена зубная щеточка и кусочек мыльца. Вы же не хотите бегать по улице в пижамках, чтобы над вами все смеялись?

– Кто вы такая? – спросил Аркаша.

– Потом вам принесут завтрак. – Медсестра обняла ребят мягкими, теплыми руками в тонких белых перчатках и повела, подталкивая, обратно. – А после завтрака придет доктор. Он очень добрый. Он вас допросит. Ну, будьте хорошенькие, будьте ласковые.

Медсестра мягко, но решительно толкнула их в комнату, и дверь закрылась.

Пашка еще спал, но Тадеуш проснулся и сразу узнал Алису.

– Доброе утро, – сказал он. – Не думал, что нам придется так скоро встретиться.

Глава семнадцатая
ИРИЯ ГАЙ ИЩЕТ МУЖА

В субботу после возвращения из Москвы Тадеуш собрался на рыбалку. На рассвете он погрузил во флаер удочки и палатку. Сказал, что вернется в воскресенье к обеду.

У Тадеуша было любимое место – в лесистом ущелье Карпат, у небольшой быстрой речки.

Поздно вечером в субботу он связался с Ирией, пожелал ей и дочке спокойной ночи, сказал, что очень доволен рыбалкой, к тому же набрал грибов. Только пожаловался, что кусаются комары.

К часу дня в воскресенье прилетела из Гданьска полюбоваться внучкой мама Тадеуша. Ирия еще не волновалась. Она знала, что рыболовы – народ увлекающийся, и конечно же Тадеуш забыл обо всем на свете. Ничего, проголодается – прилетит.

Ирия решила, что угостит Тадеуша и его мать печеным гусем с яблоками. Когда гуся уже пора было ставить в духовку, Ирия поглядела на часы и ахнула: скоро два часа!

Ирия вытерла руки и побежала в комнату, чтобы вызвать мужа.

Рация не отвечала. Удивительно: ведь рация вмонтирована в браслет для часов Тадеуша. Может, он отправился купаться и снял часы?

Через пятнадцать минут, когда гусь уже был в духовке, Ирия снова вызвала Тадеуша. И снова никакого ответа.

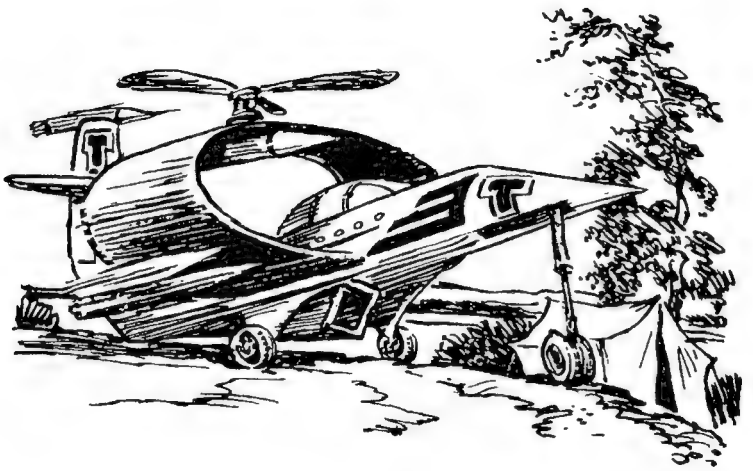
Ирия не хотела пугать свекровь и сказала, что ей срочно нужно лететь во Вроцлав, потому что она забыла положить в гуся особенную редкую пряность. А сама полетела прямиком в Карпаты.

То место, где рыбачил Тадеуш, она нашла без труда. Ведь она не раз там бывала с мужем.

Снижаясь, она разглядела оранжевую палатку Тадеуша. Возле нее флаер.

Ирия опустила свою машину рядом с палаткой.

– Тадеуш! – позвала она.



Никто не ответил. Только шумела говорливая речка и тихо жужжали пчелы.

Ирия выбежала к берегу. На траве у воды валялись удочки. Рядом стояло ведро, в котором крутилась форель. Речка была неглубокой, прозрачной – из воды высовывались обкатанные камни. Утонуть в ней было трудно.

Ирия кинулась в палатку.

Палатка была пуста. Спальный мешок смят и отброшен к стенке, рюкзак раскрыт, и вещи выброшены из него на пол.

И тут Ирия увидела на полу засохший грязный след чужого башмака.

Чужие следы были и вокруг палатки. Ночью прошел дождь, но к середине дня земля подсохла, и следы остались.

Ирия принялась звать Тадеуша. Она кричала так, что сорвала голос. Никто не откликался.

«Спокойно, – сказала себе Ирия. – Возьми себя в руки».

Она сосчитала до двадцати, глубоко вздохнула и начала тщательные поиски Тадеуша.

Сначала она осмотрела поляну у реки.

Следы рассказали ей, что ночью прилетел незнакомый флаер, который опустился за деревьями. Три человека в башмаках с магнитными подковками, какие носят космонавты, подошли к палатке Тадеуша. Тот, видно, спал и сначала не сопротивлялся.

Нападавшие вытащили Тадеуша из палатки, скрутили его и привязали к толстому дубу – Ирия нашла царапины на коре, что оставила веревка.

После этого Тадеуша, видно, допрашивали – вся земля вокруг дерева была истоптана. Не добившись от Тадеуша того, что хотели, те люди затащили его к себе во флаер. Потом один из них вернулся на поляну и постарался замести следы. Он хотел сделать так, чтобы те, кто будет искать Тадеуша, подумали, что он утонул. Но Ирию тот человек не обманул. Ведь она с детства умела читать следы и была замечательной охотницей.

«Если все случилось именно так, – размышляла Ирия, оглядывая поляну, – Тадеуш постарался бы оставить мне знак. Он же знал, что я буду его искать. Но где? Какой?» Ирия еще раз обошла дерево, к которому привязывали Тадеуша. На земле у самого ствола между корней она увидела несколько кривых линий, которые Тадеуш начертил носком башмака. Пять палочек, потом еще четыре. Зачем ему надо было это писать? Пять, четыре... пять, четыре... Почему эти цифры ей знакомы?

Стой! А как называлась планета, на которой они познакомились?

Планета Пять-четыре!

Неужели Тадеуш имел в виду ту планету? В тот момент, когда его связали, допрашивали, хотели куда-то увезти, он вспомнил о далекой планете.

И тут Ирия подумала, что на планете Пять-четыре на Тадеуша тоже напали – ведь она нашла его чуть живого. С планетой была связана тайна, которую они так и не разгадали.

Что еще можно вспомнить? Конечно же! Когда она улетала оттуда, кораблик Гай-до что-то сказал... что-то важное. А она не обратила внимания. Он говорил о базе странников! Сказал, что видит вход в нее...

Нельзя было терять ни минуты.

Ирия быстро собрала палатку и вещи Тадеуша, сложила все в свой флаер, а флаер Тадеуша заперла, чтобы в него случайно не забрался медведь. Потом полетела домой.

По дороге домой Ирия остановилась во Вроцлаве и с почтамта провидеофонила в Сахару. Ей хотелось узнать, где сейчас Гай-до и дети, что подобрали его на свалке.

Дежурная по имени Джамиля ответила, что московские дети починили кораблик и улетели на нем к себе, потому что хотят участвовать в гонках. А что-нибудь случилось?

– Нет, – ответила Ирия. – Ничего не случилось. Я просто хотела поговорить с девочкой по имени Алиса. Где ее найти?

– Одну минутку, – сказала Джамиля. – Они оставили мне свои адреса. Записывайте.

Ирия поблагодарила Джамилю и тут же позвонила Алисе домой.

К видеофону подошел высокий, чуть сутулый человек средних лет, который оказался Алисиным отцом. Он удивился, увидев, что Алису разыскивает очень красивая женщина с длинными золотыми волосами. Женщина была взволнована. Она сказала, что ее зовут Ирия Гай и что ей надо взглянуть на корабль Гай-до. Где можно найти Алису и Гай-до?

– Точно не отвечу, – сказал отец, профессор Селезнев. – Дело в том, что они полетели на Гавайи, на фестиваль народных танцев. Но, зная характер Алисы и ее друга Паши Гераскина, я полагаю, что они могут сейчас носиться по всей Солнечной системе, испытывая свой корабль.

Ирия позвонила на Гавайи, в штаб фестиваля. Там ей сказали, что на фестиваль прилетело шестьдесят тысяч гостей и из них по крайней мере двести на своих космических катерах.

На аэродроме в Гонолулу ответили, что корабль Гай-до там не зарегистрирован. Тогда Ирия поняла, что Алису ей быстро не найти, и полетела домой.

Дома Ирия прошла в кабинет Тадеуша, открыла шкаф, в котором хранилось экспедиционное снаряжение, и стала выбирать, что ей может пригодиться.

Собираясь в дорогу, Ирия продолжала размышлять.

Куда лететь? Что делать дальше?

Ключ к разгадке, вернее всего, на дикой планете Пять-четыре. У базы странников. Очевидно, кто-то ищет эту базу. Или даже нашел ее. И очень боится, что ее отыщет кто-то другой. Допустим, рассуждала Ирия, что враги заподозрили, что Тадеуш тоже ищет их драгоценную базу, и решили его убить. Ирия с Гай-до спасли Тадеуша. Но подозрения не оставили врагов. И они выследили Гай-до. И вот они видят, что Гай-до летит к Земле. Зачем он летит? Отыскал базу и спешит сообщить о ней? Тогда нападают на Гай-до. Гай-до оказался на свалке, и там его увидели дети из Москвы. Если у врагов есть шпион, он узнает, что Алиса летала в Польшу и встретилась там с Тадеушем! Значит, Тадеуш жив! Тогда враги всполошились. Еще больше их обеспокоило, что Тадеуш отправляется в Москву, приходит к Гай-до и сразу после этого корабль куда-то улетает. Тогда их агенты выслеживают Тадеуша и увозят его с собой.

Конечно, можно обратиться в милицию, но, вернее всего, враги уже далеко. Пока будешь все объяснять, их и след простынет. Ирия должна действовать сама.

Когда готовая к полету Ирия вышла на веранду, мать Тадеуша не сразу ее узнала.

И понятно почему.

Мама Тадеуша знала, что ее сын женился на нежной и скромной женщине с длинными золотыми волосами, которая обожает готовить, ненавидит приключения и рада бы никогда не покидать своего сада.

А кого она увидела?

Перед ней стояла настоящая амазонка: коротко подстриженная, в походном комбинезоне, сузившиеся сиреневые глаза холодны и суровы, твердый подбородок упрямо торчит вперед. Движения ее решительны и экономны. Она готова сейчас взойти на Эверест, выйти на боксерский ринг, вызвать на дуэль самого отчаянного пирата галактики.

Никто, даже Тадеуш, не узнал бы в этом решительном воине свою нежную жену.

Хотя был, конечно, один человек, или почти человек, который сразу бы узнал Ирию и даже обрадовался этому.

Узнал бы ее Гай-до. Именно такой воспитывал свою дочь конструктор Гай. Именно такая девушка в одиночку улетала в опасные экспедиции.

– Да, – сказала Ирия, увидев себя в зеркале, – никогда не думала, что вернусь к своему прошлому.

Ирия поцеловала дочку, спрыгнула с веранды и уселась во флаер, который словно почувствовал, что с Ирией шутки плохи, и вертикально взмыл в небо, распугав голубей и синиц. Со свистом ввинчиваясь в теплый, летний воздух, он понесся к космодрому.

Глава восемнадцатая
ВЕЧНЫЙ ЮНОША

– Здравствуйте, Тадеуш, – сказал Аркаша. – Может, вы нам объясните, что за детский сад вокруг? Что за пижамки, ночные горшочки, цветочки и нянечки? Вроде мы вышли уже из этого возраста?

– Мы с вами, ребята, – сказал Тадеуш, – попали в подполье всеобщего счастья. И очень грустно.

– Мы не на Земле? – спросила Алиса.

– Мы на планете Пять-четыре, – сказал Тадеуш. – Я здесь такой же пленник, как и вы, но неподалеку, за этими стенами, сидит и размышляет о благе всей Вселенной самый добрый, самый красивый и нежный Вечный юноша. В его присутствии расцветают улыбки и все умирают от радости...

– Да говорите вы серьезно! – прервал его Аркаша.

– Я совершенно серьезен. Я уже прошел через несколько допросов без нанесения ущерба для моего драгоценного тела.

Тадеуш за те дни, что Алиса его не видела, вдвое похудел, страшно осунулся, лицо у него было серое, глаза потускнели. Может, он сошел с ума?

– Только не думайте, что я сошел с ума, ребята, – сказал Тадеуш. – Я сильно огорчен тем, что они схватили и вас. Вас будут допрашивать. Умоляю, рассказывайте все, что знаете, и даже больше того, что знаете. Иначе они будут вас мучить.

В этот момент дверь открылась и вошла медсестра, за ней доктор в улыбающейся маске.

– Кто первый на процедуры? – спросил он. – Смелее, детки.

– Я запрещаю вам трогать детей! – сказал Тадеуш, шагнув навстречу доктору.

– Они ничего не знают.

– На место, – сказал доктор Тадеушу, – ты еще не выздоровел, тебе надо отдохнуть.

Доктор поднял руку с зажатой в ней металлической трубочкой.

Тадеуш непроизвольно поднял руку, закрываясь от трубочки, видно, он знал о ней. Алиса испугалась за Тадеуша и сразу подбежала к доктору.

– Я готова! – крикнула она. – Я хочу на процедуры.

– Вот и хорошо, – доктор прижал к боку голову Алисы и погладил ее. – Всегда лучше разговаривать с девочками. Они такие нежненькие, добренькие, они все расскажут. Идем.

– Что такое! – услышала Алиса сонный голос Пашки. – Какие еще процедуры?

– Нет! – сказал Тадеуш. – Я этого не допущу!

– Назад! – Доктор сильнее сжал трубку в кулаке, тонкий голубой луч дотянулся до Тадеуша, отчего тот скорчился от боли и упал на пол.

Тут же доктор сильно дернул Алису за руку, так что она вместе с ним оказалась в коридоре, и дверь захлопнулась.

– Что вы сделали? – Алиса попыталась укусить доктора за руку, но тот больно сжал ее лицо пальцами.

– Ах, какие мы невыдержанные, – с упреком сказал он. – Ничего с твоим Тадеушем не случится. Мы его, упрямца, раз сто этим кнутиком стегали.

Он отпустил Алису. Спросил:

– Хочешь попробовать, как стегает? Но это больно.

– Не хочу.

– Молодец. Соображаешь. Еще вопросы будут?

– Снимите маску!

– Это не маска, – сказал доктор. – Это мое истинное лицо. – Он потащил Алису за руку по коридору, продолжая говорить: – Мое внутреннее лицо, что под маской, может ошибаться, может поддаваться минутным сомнениям и неправильным мыслям. Мое внешнее, настоящее лицо никогда не грустит и не сомневается. Оно знает, что я счастлив. И все мы счастливы.

– Куда вы меня ведете? – спросила Алиса.

– Доставить тебе счастье встречи с Вечным юношей.

– Но я не хочу такого счастья!

– А тебя и не спрашивают. Счастье – это подарок. Подарки берут и радуются.

Говоря, доктор тащил Алису по коридорам. Они казались бесконечными. Пересекались, раздваивались, изгибались. По обеим сторонам шли одинаковые двери. Но людей не было. Словно Алиса с доктором спешили по громадному ночному учреждению, откуда все служащие ушли, а свет за собой выключить забыли.

За очередным поворотом открылся большой низкий зал. В зале стояло множество кадок с фикусами и финиковыми пальмами, стены изображали картины природы – леса, зеленые долины и голубые речки. А с потолка свисали клетки с поющими птицами.

Под каждой клеткой стоял человек в улыбающейся маске и, если птица замолкала, тыкал в клетку острой палкой.

В дальнем конце зала была небольшая дверь с изображением на ней улыбающегося солнца. Перед дверью замерли два улыбающихся стражника с автоматами в руках.

При виде Алисы и доктора погонщики птиц принялись быстрее колотить по клеткам, громче запели птицы, громче заиграла музыка, стражники распахнули дверь, и доктор втолкнул Алису внутрь. Дверь закрылась, и Алиса осталась одна.

Она стояла посреди небольшой уютной комнаты. Звуки из зала сюда не доносились. Только мирно потрескивали дрова в камине. На стенах были нарисованы окна. Окна были широкими, небо за ними голубым, листва зеленой.

Стены были оклеены голубыми обоями с белыми нарциссами на них. На столе стоял букет бумажных нарциссов.

В комнату быстро вошел человек небольшого роста в золотой короне и улыбающейся маске. Длинная тога была расшита жемчугом.

– Прости, Алисочка, – сказал человек, – что я заставил тебя ждать. Ты не представляешь – тысяча дел. С утра вскакиваешь и крутишься как белка в колесе. Тебе сока или молока?

– Молока, – сказала Алиса. – А вы кто такой?

– Я император Сидон Третий. Обычно меня называют Вечным юношей. Я очень давно живу на свете, лет шестьсот тридцать шесть. И совершенно не старею.

Император открыл холодильник, что стоял рядом с пианино, достал оттуда бутыль с молоком, налил в стакан и поставил на стол.

– Ты садись, – сказал он. – Будь как дома.

– А почему на нас напали? – спросила Алиса.

Она села и отхлебнула молока. Молоко было хорошее, свежее.

– Не бойся, не синтетическое, – сказал император. – Я всегда вожу с собой двух коров. Куда бы ни летел. Но корова в космосе – роскошь. Так что молоко здесь на вес золота. Угощая тебя, я граблю себя. Но ты пей, пей...

– Спасибо, – сказала Алиса, которой сразу расхотелось пить такое драгоценное молоко.

– Нет, ты пей, – сказал Вечный юноша. – Ты ведь не думаешь, что я за тобой допивать буду? Мало ли какие в тебе микробы?

– А вы мне не сказали, – повторила Алиса, – почему на нас напали?

– Ты хорошо устроилась? – спросил император. – Пижамка тебе понравилась? Мне кажется, что она тебе очень к лицу. Я сам выбирал. Думал, проснется Алисочка, а на ней новая пижамочка.

– Ну почему вы мне не отвечаете? – воскликнула Алиса.

– А что, давай дружить? Ты права. Давай дружить!

– Почему вы мне не отвечаете?! – совсем громко закричала Алиса.

– Ты думаешь, что если я кажусь старше тебя, – продолжал диктатор как ни в чем не бывало, – то со мной дружить не интересно? Это не так. Я знаю много игр.

– Вот сейчас разобью этот стакан, – сказала Алиса, – что вы тогда будете делать?

– Ты, кажется, любишь нарциссы? – сказал император. – Я тоже их обожаю. Вот один пункт сходства между нами. А потом мы с тобой найдем другие. И общих знакомых тоже.

Алиса подняла стакан и замахнулась. Несколько капель молока брызнуло на ковер.

– А вот если ты это сделаешь, – сказал император скучным голосом, – ты об этом будешь жалеть до самого конца своей короткой жизни. Поставь стакан, дура!

Слова Вечного юноши были такими неожиданными, что Алиса растерялась и поставила стакан на столик.

– К сожалению, – вздохнул император, – первый подход к тебе не удался. Попробуем другую тактику. Откровенность. Хочешь, я буду разговаривать с тобой, как со взрослой?

– А как же иначе?

– Тогда послушай. И не только послушай, а постарайся понять. Я правлю одной планетой. Название ее тебе ничего не скажет. Планета моя – самое счастливое место во Вселенной. Так как я правлю ею уже довольно давно, примерно шестьсот два года и три месяца, то у меня громадный административный опыт. Но для счастья нужно изобилие, а мы небогаты. У нас плохо с топливом.

Вечный юноша закручинился. Сел за пианино, сыграл гамму, захлопнул крышку.

– Плохо, – сказал он. – Некогда тренироваться. Тебе скучно? Потерпи. Я скоро кончу. Несколько лет назад мы узнали, что на этой планете есть база странников с нетронутыми запасами топлива. Что я делаю, как отец моей планеты? Я созываю добровольцев, мы прилетаем сюда и начинаем искать базу ради счастья наших детей. Нам трудно вдали от родных, от родины. Но мы улыбаемся! Улыбаемся!.. И тут появляются злые люди, которые хотят нас ограбить! – Император ткнул пальцем в Алису: – И ты обманутая игрушка в их грязных руках!

Маска Вечного юноши безмятежно улыбалась. От этого было страшно.

Дрогнувшим голосом Алиса спросила:

– Вы кого имеете в виду?

– Ты отлично знаешь. Грабителей. Кладоискателей. Одного нам удалось схватить, и он не уйдет от наказания. Его зовут Тадеуш. Второй – тот, кто привез сюда вас, детей, – еще скрывается. Но мы его поймаем... С твоей помощью, девочка.

– Кого вы поймаете? – Алиса в самом деле ничего не понимала.

– Того, кто командовал вами. Его имя – Гай-до!

– Я император Сидон Третий. Обычно меня называют Вечным юношей.

И тут Алиса все поняла. Вечный юноша думает, что Гай-до – это человек. Но так думал и серый мяч! Значит, серый мяч – шпион императора! Тогда все становится ясно.

Словно издалека, до нее доносился голос Вечного юноши:

– У нас есть только одно страшное преступление – это ложь! Мы все так правдивы, что страдаем, если слышим ложь. Скажи правду: где Гай-до?

– А где он? – удивилась Алиса.

– На борту корабля вас было четверо: Алиса, Аркаша, Паша и Гай-до. Когда вы вышли из корабля, Гай-до остался на борту, и вы поддерживали с ним связь. Но на корабле мы не нашли Гай-до. Он успел скрыться. Куда?

– Как я могу знать! Я же была здесь!

– Ну, девочка, смелее! Это испытание на честность. Если ты не выдержишь его, я обижусь.

– Простите меня, – сказала тогда Алиса, – может, я очень глупая, но зачем вам Гай-до?

– Как зачем? – удивился диктатор. – Вы же злодеи! Вы же космические пираты! Вы хотите ограбить мой добрый, честный народ! Разве мы можем быть спокойны, если один из вас, негодяев, останется на свободе?

– Значит, вы его боитесь?

– Нет, жалеем, – возразил император. – Подумай, ты сейчас пьешь молоко, тебе тепло, ты в хорошенькой новой пижамке, а он, бедный, мерзнет среди скал, он плачет, ему плохо! Помоги ему вернуться к людям и почувствовать нашу добрую руку.

...Видно, чтобы Алиса тоже могла почувствовать добрую руку, Вечный юноша схватил ее за плечо и так вцепился когтями, что она чуть не закричала от боли.

– Правду, – зашипел император. – Я требую правды!

– Честное слово, на борту было только три человека!

– Четыре!

– Три!

– Врешь! – Император подбежал к двери, приоткрыл ее и закричал: – Дикодима ко мне!

Через несколько секунд, будто ждал сигнала под дверью, в комнату вошел стражник. В его руке покачивалась сетка, в ней был серый мяч.

– Дикодим, – спросил император, – ты знаешь эту девочку?

– Знаю, – пропищал шар. – Ее зовут Алиса Селезнева.

– Ты летел с ней с Земли?

– Да, я летел с ними.

– Сколько было их на борту?

– Четверо: трое детей и взрослый, которого я ни разу не видел, хотя он все время разговаривал с ними.

– И его звали...

– Его звали Гай-до. Но я его ни разу не видел.

– Как вам не стыдно! – сказала Алиса мячу. – Мы же вас пожалели.

– А что я мог поделать? – ответил мяч. – Моя семья в заложниках у его величества.

– Ну и нравы у вас! – обернулась Алиса к императору. – Мне за вас стыдно.

– Я все делаю ради народа, – ответил Вечный юноша.

– Простите, великий император, – пропищал мяч, – а где моя семья? Почему нас еще не отпустили? Я все сделал, как мне велели.

– Нет, голубчик, – сказал император, – ты нам еще пригодишься.

– Но вы же дали слово!

– Я его дал, я его взял обратно.

– Это нечестно!

– Честно, честно! Я самый честный на свете император. А у тебя, дружок, слишком длинный язык. Если я выпущу тебя, ты кому-нибудь расскажешь лишнее. А у меня ответственность перед моим славным народом. Я не могу его подвести в решающий момент, когда мы начинаем перевозить добро с базы странников на наш корабль.

– Я вас ненавижу! – запищал мяч. – Вы меня обманули!

– Вот это правда. Так я и думал, – сказал печально император, а его маска продолжала улыбаться. – Киньте неблагодарного в подземелье.

– А девочку? – спросил стражник.

– Эту плохую девочку? Придется ей тоже посидеть там, пока я буду беседовать с ее друзьями.

– Их привести? – спросил стражник.

– Погоди, сначала я проверю, как идут дела на базе.

Стражник подтолкнул Алису к двери. Но тут из динамика на столе послышался голос на незнакомом языке. Голос возбужденно кричал.

Диктатор бросился к столу и принялся кричать в ответ.

Глава девятнадцатая
НЕЛЬЗЯ БОЯТЬСЯ ПАУКОВ

Стражник, держа в руке сетку с мячом, подвел Алису к узкой лестнице, что вела вниз, и сильно толкнул в спину. Алиса покатилась по бесконечным скользким ступенькам. Вслед за ней полетел мяч.

Наверху захлопнулся люк.

Было совсем темно.

– Где мы? – спросила Алиса, сидя на каменном полу. Локти и колени страшно болели. Она их ушибла о ступеньки.

– Мы в подземелье, – ответил пискливо мяч Дикодим. – Отсюда еще никто не выходил живым.

– Выйдем, – сказала Алиса. – Не бойся.

– Я уже ничего не боюсь, – ответил мяч.

– А что они так кричали? – спросила Алиса. – Ты их язык понимаешь?

– Нет, – сказал мяч. – Но я видел, как Гай-до пробрался на твой корабль, хотя его охраняли. Он поднял корабль и улетел. Сейчас они за ним гонятся.

– Молодец Гай-до! – закричала Алиса. – Вот молодец.

– Они его все равно догонят и убьют.

– Это мы еще посмотрим, – сказала Алиса.

У нее сразу исправилось настроение. «Вот дураки, – подумала она, – стерегли подходы к кораблю, стараясь поймать таинственного Гай-до, а настоящий Гай-до тем временем спокойно взлетел».

– Не расстраивайся, – стала утешать его Алиса. – Теперь Гай-до приведет к нам помощь.

– Не успеет, – пропищал мяч. – Я знаю: любого, кто попадает в это подземелье, пожирают пауки.

Алиса непроизвольно оглянулась. Темнота и тишина...

– Ничего, – сказала Алиса, но ее голос сорвался. Ей было очень страшно. – Они, наверное, опять обманывают. Они все время обманывают. Пугают.

– Хорошо бы, – сказал мяч. – Хотя мне уже все равно.

– Ты в самом деле шпион?

– Я гнусный шпион.

– Настоящие шпионы так не говорят о себе.

Алиса покатилась по бесконечным скользким ступенькам. Вслед за ней полетел мяч.

– Вечный юноша захватил всю мою семью – и жену, и всех детишек... И мне было сказано: отыщешь на Земле моих врагов, семья будет цела. Я сделал! Я выследил корабль, я выследил вас и даже выследил Тадеуша, его поймали и привезли сюда. Я все сделал. Ты думаешь, я делал это с радостью? Я это делал от страха и от любви к моим близким. Убей меня!

– Я тебя понимаю, – сказала Алиса, – хоть мне и очень неприятно думать, что все наши беды от тебя, Дикодим. Если ты делаешь подлые дела, даже из любви к своим родственникам, то подлые дела не становятся от этого менее подлыми. И потом будет наказание. Обязательно.

– Но он убил бы моих родных!

– А теперь?

– Теперь они уже мертвые...

– Вот видишь, – сказала Алиса.

Вдруг она услышала, как в темноте кто-то зашевелился.

– Пауки! – воскликнула она и вскочила. Она с детства боялась пауков.

– Вряд ли, – послышался из темноты низкий голос. – Это еще не пауки. Это только я.

В углу зажглась свечка и осветила старую женщину, которая сидела на куче тряпья. Она была в разорванном платье, седые волосы спутаны, глаза ввалились.

– Кто вы? – спросила Алиса. – Почему вы здесь, бабушка?

– Я здесь потому, что меня не существует, – загадочно ответила старуха. – А чем вы не угодили Вечному юноше?

– Я не угодил тем, что верно служил, – ответил мяч. – Потому что я поверил, что он выпустит на свободу меня и мою семью, если я стану подлецом и шпионом.

– И помогло? – спросила старуха.

– Нет, он обманул меня. Он смеялся надо мной.

– А тебя, девочка, за что?

– Я не знаю, – сказала Алиса.

– Не знаешь? А может, много знаешь? Вечный юноша не любит свидетелей.

– Он ненормальный? – спросила Алиса.

– Почему? Он совершенно нормальный негодяй.

– Он говорит, что все делает ради своего народа. Самого счастливого народа в галактике, которым он правит уже шестьсот лет.

– Смешно, – сказала старуха. – Я его знаю куда меньше, лет сорок, и он всегда думал только о власти. А о народе он думал, только когда хотел его использовать.

– Он мне врал?

– Он в жизни ни разу не сказал правдивого слова.

– А как же народ его терпит?

– Народ можно обманывать. А Вечный юноша – мастер обмана. Он кричал, что мы счастливы, и мы верили ему. Он приказал всем ходить в улыбающихся масках, чтобы не видеть печальных лиц... Лучших людей убивали, торжествовали подлецы и грабители. Стало так плохо, что начали умирать от голода дети. Но нельзя всегда улыбаться и умирать от голода. И наконец наш народ поднялся и сверг Вечного, прекрасного, мудрого и счастливого юношу.

– Сверг? А о ком же он тогда заботится?

– О себе. Как всегда, только о себе... К несчастью, его не успели поймать. Он захватил флагманский корабль нашего флота, который называется «Всеобщее умиление», и вместе со своими приближенными умчался сюда.

– Зачем? – плаксиво взвыл серый мяч Дикодим. – Зачем именно сюда? Мы жили тихо, мы растили детей и купались в вулканических озерах. Зачем он прилетел сюда?

– Потому что он живет одной мечтой: добиться могущества, вернуться на нашу планету и жестоко отомстить тем, кто посмел его изгнать. С помощью вас, глупые дети, он нашел эту базу, теперь он грабит ее, теперь он готовится к победоносному возвращению домой. Чтобы казнить и расправиться с непокорными.

– Почему с нашей помощью? – удивилась Алиса. – Мы ему не помогали.

– Глупенькая! С той минуты, когда вы сели на планету, с вас не спускали глаз. И вы привели Вечного юношу к самому входу базы странников, которую он искал уже три года!

– Какой ужас! – ахнула Алиса.

– Бойся за себя и своих друзей. Может быть, вы нужны ему как заложники. А может, наоборот, не нужны как лишние свидетели. Я не знаю всех извилин его злодейского ума. И не так страшны пауки настоящие, как пауки в человеческом обличье, потому что пауков, что таятся в этом подземелье, можно не бояться. И если их не бояться, они тебя не тронут. Они

питаются страхом, спешат на запах страха. А Вечный юноша сам создает страх.

– А отсюда нет выхода? – спросила Алиса.

– А куда пойдешь? Надо ждать...

– Чего ждать?! – завизжал мяч.

– Смерти, свободы... все равно ничего не поделаешь. Ложитесь спать. Во сне люди ничего не боятся.

– Я не могу спать! – воскликнула Алиса. – Он там моих друзей сейчас допрашивает.

– Никого он не допрашивает, – лениво сказала старуха. – Сейчас он на склад побежал добычу считать.

– Это я виноват, – сказал мяч. – Но теперь я знаю, что сделаю. Если меня выпустят отсюда, я его сам убью!

– Попробуйте, – сказала старуха, прислушиваясь.

Из темноты послышалось шуршание.

Сначала Алиса увидела глаза. Круглые, желтые, немигающие. Они тускло светились.

– Только не бойтесь, – сказала старуха. – Они это чуют.

Что-то мягкое коснулось Алисиной ноги. Она еле удержалась, чтобы не вскрикнуть. Но это был всего лишь серый мяч.

Шуршание приближалось. Из темноты возникали пауки – с желтыми светящимися глазами, на длинных мохнатых членистых ногах, с могучими клешнями. Их было много, каждый ростом с собаку.

– Возьми меня на руки, – пропищал мяч, – я умру от страха.

– Зачем его спасать? – сказала старуха. – Он же предал тебя и твоих друзей. Отдай его паукам, и дело с концом.

– Так делать нельзя, – сказала Алиса. Она подхватила трепетавшего серого мяча. – Не бойся, они тебя не тронут.

Она боялась в тот момент, но не за себя, а за серого мяча. Ужас мяча почуяли и пауки. Они устремились к Алисе, тянули клешни к мячу, Алиса отвернулась от них и кинулась к стене, чтобы им не дотянуться до мяча.

Пауки касались ее спины, толкали, мешали друг дружке.

– Ну сделайте что-нибудь! – крикнула Алиса старухе. – Вы же знаете, что делать!

– Ничего не сделаешь, – ответила старуха. – Разве зло можно победить? Хочешь жить, отойди в сторону.

– Нас же сожрут поодиночке!

– Может, забудут...

Паукам надоело отталкивать Алису. Острые клешни все сильнее рвали пижаму, и, как ни отбивалась Алиса, ее оторвали от стены, отбросили и вырвали мяч из ее рук.

Тот пискнул и пропал в кошмарном месиве пауков.

Алиса пыталась расшвырять их, оттаскивала, но пауки были куда сильнее и не обращали на нее внимания.

А потом, как по команде, толкаясь и спеша, бросились прочь и исчезли в темноте. Лишь занудное шуршание угасало в подземелье.

Алиса кинулась туда, где упал серый мяч. Но на полу было лишь мокрое пятно – все, что осталось от несчастного предателя.

– Заслуженная гибель, – сказала старуха.

– Он же спасал свою семью!

– Странная ты, Алиса, – сказала старуха. – Не плачь. Его уже не вернешь. Подумай, что он своей смертью спас тебя. Ты не испугалась, потому что защищала его. Была бы одна – испугалась. Тут бы тебе и конец.

Алиса поняла, что ноги не держат ее. Она села на пол и горько зарыдала.

Глава двадцатая
ВСТРЕЧА СТАРЫХ ДРУЗЕЙ

На рейсовом корабле «Линия», на маршруте Земля – Вестер, произошло чрезвычайное событие, которое было отмечено в судовом журнале.

Когда корабль пролетал неподалеку от ненаселенной планетной системы, на капитанский мостик поднялась одна из пассажирок, которую звали Ирия Гай.

На эту странную женщину капитан обратил внимание еще на Земле. Она была одета, как дальний разведчик, ни с кем не разговаривала и почти не выходила из каюты.

Поднявшись на мостик, Ирия Гай заявила, что хочет покинуть «Линию» и для этого ей нужен планетарный катер. Она вернет катер после высадки. Сообщить о причине такого желания она отказалась, и, разумеется, капитан отказался выполнить просьбу пассажирки.

Планетарные катера не предназначены для прогулок. Так он и сказал Ирии Гай.

Тогда, к удивлению капитана и вахтенного штурмана, Ирия Гай вынула боевой бластер и приказала капитану и штурману отойти к стене. Когда штурман попытался отнять у нее оружие, она умелым приемом джиу-джитсу бросила его на пол, а капитану нанесла такой удар в челюсть, что он оказался в нокауте.

Затем Ирия Гай набрала на пульте приказ подготовить планетарный катер к запуску, быстро и умело связала капитана и штурмана, а сама спокойно вышла к люку, залезла в катер и стартовала.

Когда через полчаса встревоженный молчанием капитана механик поднялся на мостик, он увидел, что капитан и штурман лежат связанные, с кляпами во рту. Он с трудом поверил, что с ними справилась одна молодая женщина.

«Линия» была рейсовым пассажирским кораблем, она не могла менять курс, чтобы догонять молодую женщину. Капитан связался с галактическим патрулем и сообщил о происшествии. Патруль сообщил, что пошлет крейсер с планеты Вестер и тот сможет прилететь через три дня.

Тем временем Ирия Гай старалась выжать из катера максимум скорости. Конечно, она чувствовала угрызения совести за то, что так жестоко обошлась с капитаном. Но мысль о судьбе Тадеуша Сокола беспокоила ее куда больше.

...она умелым приемом джиу-джитсу бросила его на пол, а капитану нанесла такой удар в челюсть, что он оказался в нокауте.

Через два часа после отлета с «Линии» Ирия увидела, что навстречу ей идет другой корабль.

Это было странно. С планеты Пять-четыре ее увидеть не могли. Значит, это враги?

Ирия включила передатчик.

– Отзовитесь, – сказала она. – Что за корабль, куда следует?

Корабль не отозвался и даже изменил курс, чтобы уйти от встречи.

«А вдруг это Тадеуш? – подумала она. – Вдруг он сумел угнать корабль врагов и теперь тоже опасается погони?» Тогда она радировала:

– Говорит Ирия Гай. Держу курс на планету Пять-четыре. Вы меня слышите?

И тут она услышала знакомый голос:

– Госпожа! Какое счастье! Это я, Гай-до.

И неизвестный корабль устремился к Ирии Гай.

Через полчаса Ирия перешла на борт Гай-до, а планетарному катеру набрала программу на автоматический полет к Вестеру.

В знакомой рубке Ирия уселась в знакомое пилотское кресло. Как будто и не прошло двух лет со дня их последней встречи.

Гай-до был счастлив.

– Я мечтал увидеть тебя, госпожа! – повторял он. – Это такое счастье! Ты летела спасать Алису?

– Какую Алису? – удивилась Ирия. – Я лечу спасать Тадеуша.

– Опять? – сказал кораблик. – Но ведь ты его уже один раз спасла. Может, хватит? Неужели ему так понравилось, что ты его спасаешь, что он снова сюда полетел?

– Не говори глупостей, Гай-до, – сказала Ирия, – все не так просто, как ты думаешь. Тадеуша украли. Он успел оставить мне знак. Разве ты его не видел? А где Алиса?

– Нам надо обменяться информацией, – сказал Гай-до. – Сначала рассказывай ты, потом я.

И через десять минут все стало ясно.

– Как я и предполагала, – сказала Ирия, – неизвестные враги ищут базу странников. И стараются завладеть всеми, кто, по их мнению, что-то знает об этой базе.

– Наверное, ты права, – сказал Гай-до. – Но боюсь, что теперь они уже нашли эту базу. Ведь моих ребят они схватили возле нее. Их выдал один ничтожный серый шпион, которого они к нам заслали.

– Значит, мы их освободим, – сказала Ирия. – Курс к планете Пять-четыре.

– Я уже иду к ней, – ответил корабль. – Я не сомневался в твоем решении, госпожа. Воспитание твоего папы куда сильнее, чем полтора года жизни с Тадеушем. Я так и знал, что ты вернешься к старой жизни.

– Посмотрим, – сказала Ирия.

– А у тебя есть план действий?

– Проникнуть к ним, – сказала Ирия.

– Они тебя замучают.

– Пусть только попробуют!

– А я?

– Ты будешь ждать моих приказов.

– Слушаюсь, госпожа. Можно еще вопрос?

– Спрашивай.

– А если они уже убили Тадеуша, мы будем снова путешествовать вдвоем?

– Если ты еще раз скажешь такую глупость, безмозглый Гай-до, я больше не скажу тебе ни слова.

– Я молчу, – сказал Гай-до.

Ирия проверила оружие. Потом сказала, глядя, как на экране растет Пять-четыре:

– Я буду поддерживать с тобой связь. Если ты поймешь, что я попалась, улетай домой. Ты понял? Это приказ.

– Я должен немедленно улететь домой, – мрачно повторил Гай-до.

– Лети к ближайшей населенной планете и давай сигнал SOS. Ты понял?

– А что, ты думаешь, я делал, когда мы встретились? Я летел за помощью. Вот вернемся на Землю, попрошу Аркашу сделать мне колеса и руки. Мне надоело быть неподвижной железной банкой.

– Я не уверена, что у твоего Аркаши что-нибудь получится, – с непонятной ревностью заявила Ирия.

– Получится, он очень талантливый мальчик. Мы с Пашкой и Лукьянычем ему поможем.

– Не советую, – сказала Ирия. – Кстати, у тебя внутри все очень захламлено. Раньше у нас было чисто.

– Когда мои дети, – сказал гордо Гай-до, – уходили искать базу странников, они не собирались попадать в плен. Я виноват в том, что позволил им пойти на такой риск.

– Ты не виноват, ты только корабль, – сказала Ирия Гай. – Хотя иногда забываешься.

«Нет, – подумал с горечью Гай-до, – моя хозяйка уже никогда не станет прежней. Прошлое не вернуть. Я для нее теперь только корабль, только инструмент. Я должен ждать, я должен звать на помощь, я должен возить. И молчать».

– Помолчи, – сказала Ирия, – мне надо подумать.

«Я и так молчу», – хотел было ответить Гай-до, но не ответил.

Ирия смотрела на экран. Она рассуждала: сколько прошло времени, а планета точно такая же, как была два года назад. Пройдет еще тысяча лет, и кто-то другой увидит ее впервые на экране, а она будет точно такой же. А два года назад Ирия была совсем другим человеком. Если бы ей тогда сказали, что она будет жить в саду под Вроцлавом и качать своего ребеночка, она бы засмеялась. «Ой, а как же там моя Вандочка? – У Ирии заныло сердце. – Она, наверное, капризничает, а мать Тадеуша забыла согреть ей молочка». Ирии захотелось повернуть назад, очутиться сейчас же на Земле и накормить малышку. Но это невозможно. Ирия шевельнула рукой – бластер врезался в бок. Нет, папа не зря потратил столько лет, воспитывая из нее бойца. Его школа не забылась.

– Мой скафандр цел? – спросила Ирия.

– Я сберег его, – ответил корабль.

– Давай!

В стене открылась ниша. В ней поблескивал скафандр.

– Ты останешься на высокой орбите, чтобы тебя не застали врасплох, – сказала Ирия.

– Но почему мне не опустить тебя на планету? Это же удобнее.

– Ты безмозглый...

– Лучше объясни, чем ругаться.

– А что бы ты подумал на их месте? Только что этот кораблик удрал с планеты. И вдруг возвращается. Зачем? Не беспокойся, я доберусь без тебя. Я стану метеором.

– Ни в коем случае! – испугался Гай-до. – Это опасно.

– Я уже пробовала. Ты знаешь.

– Я не позволю!

– Иначе меня засекут.

С этими словами Ирия залезла в скафандр.

Гай-до, электронное сердце которого разрывалось от тревоги, начал снижать скорость.

– Будь на связи, – сказала Ирия Гай.

Она не тратила лишних слов. Она была экономна в движениях и расчетлива, как на боксерском ринге.

Через переходник она вышла в открытый космос, оттолкнулась от Гай-до и поплыла к планете. Через несколько минут, отойдя от корабля на достаточное расстояние, она включила ракетный двигатель и пошла вниз, набирая скорость так, чтобы внешняя оболочка скафандра при входе в атмосферу раскалилась. Это было очень опасно – любой микроскопический дефект в скафандре погубил бы Ирию в мгновение ока. Но она считала, что у нее только один шанс попасть на планету незаметно. Если наблюдатели увидят метеор, они не встревожатся: на Пять-четыре падает много метеоров.

Глава двадцать первая
В ОЖИДАНИИ АЛИСЫ

В большой светлой палате, где остались Пашка, Аркаша и Тадеуш, прошло уже больше часа, а Алиса не возвращалась.

Дверь была заперта крепко, Пашка несколько раз пытался ее взломать, но из этого ничего не вышло. А на стук никто не приходил. Аркаша, как человек более разумный, за это время простукал все стены в палате. Он надеялся отыскать какой-нибудь потайной ход или дверь.

Тадеуш, видя, как Аркаша старается, сказал:

– Не стучи, нет смысла. Я все уже простучал. Под краской металл. Это же корабль.

– Мы в космосе?

– Нет. Мы на планете Пять-четыре. Вечный юноша прилетел сюда на флагманском корабле «Всеобщее умиление» и замаскировал его. Даже если ты будешь ходить по обшивке, никогда не догадаешься, что под ногами громадный корабль. Отсюда он руководит поисками базы странников.

– Что за странное имя – Вечный юноша? – спросил Пашка.

– Он говорит, что ему шестьсот лет, – ответил Тадеуш, – но он молод духом и заботится о своем народе.

– Понятно. Он приказал всем носить маски, – сказал Аркаша, – чтобы никто не видел, какой он дряхлый.

Пашка стукнул кулаком по двери.

– Как не повезло! – сказал он. – Надо же было собственными руками отдать базу этому Юноше.

– Собственными руками? – удивился Тадеуш.

– Мы его сами прямо к базе привели, – сказал Пашка. – Я думаю, что серый мяч был шпионом. Догадаться бы раньше, выкинул бы его в космос!

– Серый мяч хотел нас предупредить, – сказал Аркаша. – Только мы не поняли. А если все начнут друг друга выкидывать в космос, как ты разберешься, кто хороший, а кто плохой?

– Хороший тот, кто стремится к хорошей цели, – сказал Пашка. – Наша с тобой цель благородная, а их цель отвратительная.

– Не знаю, – задумчиво произнес Аркаша. – У нас с тобой была цель: добыть топливо странников, чтобы победить на гонке. Это благородная цель?

– Но потом бы мы всем рассказали о базе! – воскликнул Пашка.

– С самого начала не сказали, – возразил Аркаша, – случилось много неприятностей.

– Не смей сравнивать нас с негодяями, – воскликнул Пашка, – когда Алисе угрожает гибель!

– Я не сравниваю, – сказал Аркаша. – Я стараюсь понять. Пока меня не переубедили, я верю в то, что люди хорошие.

– Давай лучше думать, как нам вырваться отсюда, – сказал Пашка, меряя длинную палату большими шагами. – Если они тронут Алиску хоть пальцем, им не жить на свете. Это говорю я, Павел Гераскин!

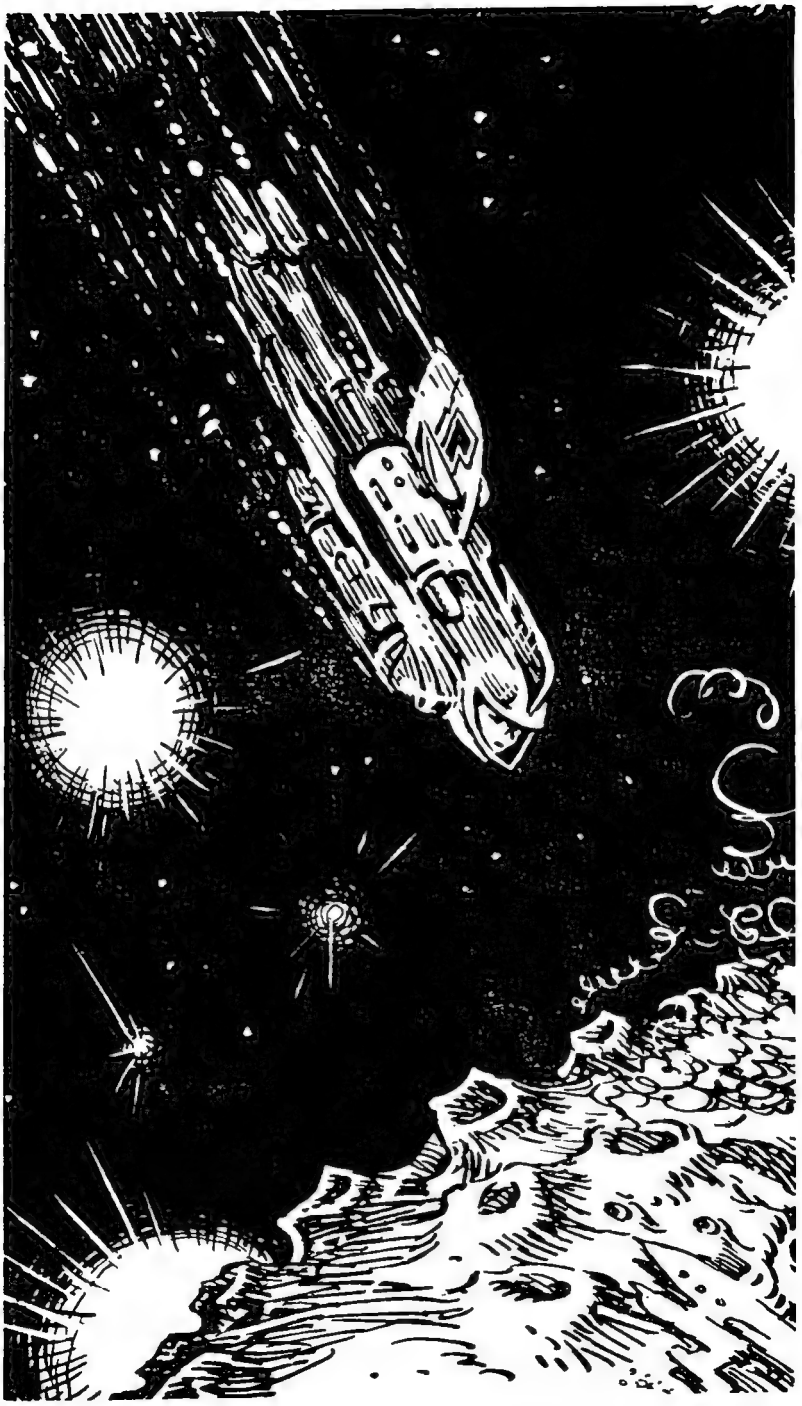
Тадеуш, слушая, как спорят друзья, лишь горько усмехнулся. Дети, думал он, совсем еще дети. И лучше им не знать, как Вечный юноша пытает своих пленников, как он мучил Тадеуша. Только бы Ирия поняла его знак! Тогда она уже подняла тревогу, и их успеют спасти... Самое страшное – неизвестность.

Глава двадцать вторая
БОЙ В ТЕМНОМ ТУННЕЛЕ

В те минуты Алиса думала о своих друзьях. Как они? Может, им плохо?

Старуха дремала в углу.

– Скажите, пожалуйста, – спросила Алиса, – а из этого подземелья нет выхода?



Через несколько минут, отойдя от корабля на достаточное расстояние, она включила ракетный двигатель и пошла вниз.

– Зачем тебе?

– Убежать.

– Бежать некуда.

– А откуда приходят сюда пауки?

– А ты сунься к ним, погляди.

Алиса внутренне съежилась от мысли, что нужно идти в темноту, где кишат безжалостные насекомые.

– А наверх нельзя выйти? – спросила она.

– Эти ступеньки ведут к люку. Люк в днище корабля «Всеобщее умиление».

– Значит, мы под кораблем?

– Да. Корабль стоит на дне кратера, под ним пещера. Эту пещеру наш Вечный юноша превратил в тюрьму. Выхода нет, сиди и жди. Может, забудут.

«Странная старуха, – подумала Алиса. – Вроде бы зла не сделала, даже предупредила, что пауков бояться не надо. Но какая-то равнодушная».

– Если наверх нельзя, – сказала Алиса, – я пошла в пещеру.

– Что? – Старуха подняла голову. – Куда пошла?

– В пещеру, к паукам, – сказала Алиса.

– Сгинешь же!

– А я не боюсь пауков.

– А если там нет выхода?

– Должен быть, – возразила Алиса. – Здесь паукам нечего есть. Значит, они ходят на охоту.

– Не пройти тебе. В пещере не только пауки.

– Я пошла, – сказала Алиса. – Я не могу сидеть и ждать, если моим друзьям плохо.

– Ты всерьез? – Старуха только теперь поверила, что Алиса и в самом деле пойдет в черный туннель.

– Конечно, всерьез. И очень спешу.

Алиса сказала так, потому что знала: если спешишь, не так страшно.

– Тогда... тогда возьми свечку, – сказала старуха. – Я ее для себя берегла. Возьми, ты меня удивила. Меня давно уже никто не удивлял.

– Спасибо, – сказала Алиса.

Она, наверное, очень глупо выглядела в цветастой пижамке, со свечкой в руке.

Воздух в подземелье был неподвижен, и пламя тянулось к потолку ровно, как в стеклянной колбе.

Алиса пошла в ту сторону, откуда появлялись пауки.

– Ты с Земли, говоришь? – спросила вслед ей старуха.

– Из Москвы.

В неровной каменной стене, по которой медленно сочились капли воды, было много трещин. Вот и самая большая – в ней пропали пауки.

Алиса шла медленно, ноги были тяжелые, словно их притягивало к полу магнитом.

Ей показалось, что вслед хихикает старуха. Нет, просто старуха закашлялась.

Алиса выставила руку со свечой далеко вперед. Она уговаривала себя: «Пауков я не боюсь. Это только насекомые. Они охотятся, выискивая волны страха. Когда я буду возвращаться на Землю, я возьму с собой парочку пауков для папиного зоопарка, папа будет очень рад...» И тут она увидела в темноте желтоватый отблеск – это горели глаза пауков, которые преградили ей дорогу.

От неожиданности Алиса вздрогнула. Так бывает: ты готов к какой-нибудь неприятной встрече, знаешь, как себя вести, а как увидишь, все вылетает из головы.

Пауки неподвижно ждали Алису. Может, удивились ее наглости?

Тогда Алиса сказала:

– Здравствуйте! – Голос сорвался, она откашлялась и повторила: – Здравствуйте! Я на вас не обижаюсь. Вы – глупые твари. Покажитесь мне получше, я хочу отобрать парочку для московского зоопарка. Там у вас будет чудесная компания.

И она увидела, как свеча в ее руке, словно желая помочь, разгорается все ярче. От этого света пауки совсем растерялись, и плотная стена их блестящих ломких тел начала медленно отступать.

– С дороги! – приказала им Алиса. – Не шагать же мне через вас. Это очень противно. Уходите, а то рассержусь!

Стена пауков отступала назад все быстрее, пауки давили друг друга, шуршали лапами, словно их преследовал страшный хищник, а не безоружная девочка со свечкой в руке.

– Долой! – Алиса пошла еще быстрее.

И тогда пауки, охваченные паникой, кинулись назад, уродливым клубком катясь по трещине. Они спешили так, что оставляли на полу обломанные ноги и клешни.

Алиса остановилась и перевела дух. «Какая я слабая, – подумала она. – Нет сил идти. Но идти надо».

Трещина была пуста. Ни звука. Свечка снова потускнела, словно и не вспыхивала прожектором.

Алиса собралась с силами и побрела дальше.

Постепенно дно трещины поднималось вверх, идти было трудно, пришлось перебираться через завал, что доставал чуть ли не до потолка, Алиса ободрала коленку. А конца этому ходу не было.

Что-то беспокоило Алису. Она даже не могла объяснить что.

Но было ощущение, словно кто-то идет за ней следом, идет бесшумно, осторожно крадется, чтобы напасть стремительно и смертельно.

Когда ход чуть изогнулся, Алиса быстро спряталась за выступ и прижалась спиной к стене. Но ничего не услышала. Словно преследователь, угадав ее маневр, тоже затаился.

Алиса высунулась из-за выступа и посветила свечой. Но свеча горела так тускло, что и в двух шагах ничего не было видно. Зато наверняка тот, кто преследовал Алису, видел огонек и теперь знает, где его добыча.

Поняв это, Алиса поспешила вперед.

Она бежала, но бежала медленно, скользила по камням, чуть не провалилась в какую-то дыру. А шаги преследователя, хоть и мягкие, звучали все ближе...

И когда Алиса увидела новое препятствие на своем пути, она почти не испугалась. Когда устанешь так, что нет больше сил, перестаешь пугаться.

Перед ней, разлегшись поперек прохода, лежала громадная сороконожка. Она рвала передними когтистыми лапами несчастного паука, угодившего к ней в лапы, когда он бежал от Алисы.

При виде Алисы сороконожка шустро отбросила недоеденного паука и начала подниматься. Она поднималась все выше, уже половина ее тела нависла над Алисой, и множество одинаковых когтистых лапок примеривалось, как лучше схватить новую жертву.

– Я тебя не боюсь, – сказала Алиса устало. – Уйди, насекомое.

Но, в отличие от пауков, сороконожка не реагировала на страх. Она просто увидела добычу и просто возжелала ее сожрать.

И когда Алиса поняла, что сороконожка сейчас бросится на нее, она отступила назад. И тут же замерла. Она вспомнила о преследователе.

Бежать было некуда.

«А раз так, – решила Алиса, – надо идти вперед».

Сороконожка не ожидала, что жалкое двуногое создание столь решительно кинется на нее. Она даже откинула голову назад, но тут же сообразила, что двуногое неопасно, и резким движением накинулась на Алису.

Алиса ударила кулаками в жесткий скользкий живот сороконожки и почувствовала, как острые когти рвут материю пижамы. Она забилась в жестоких объятиях насекомого. Свеча упала и погасла...

Вдруг пещеру осветили яркие синие лучи.

Они ударили по сороконожке, отбросили ее назад, расплющили о стену и разметали на кусочки.

Алиса без сил опустилась на пол.

– Ничего, – раздался голос сзади, – скоро выход.

Это был голос старухи.

Значит, это она шла за Алисой? И не догоняла, а охраняла ее?

– Спасибо, – сказала Алиса шепотом.

– Спеши, – сказала старуха. – У тебя мало времени.

Алиса поднялась на ноги, нащупала свечу. Свеча сразу загорелась в ее руке.

Алиса обернулась. Но сзади уже никого не было.

И Алиса побежала. А может, ей только показалось, что она бежит?

Через сто шагов она увидела впереди свет.

Алиса выбралась из трещины на краю обширного кратера. Над ней расстилалось фиолетовое небо, по которому, обгоняя друг дружку, спешили два солнца. Дул ветер, приносил брызги дождя. Внизу у озерка точками маячили серые мячи. Из-под камня опасливо выглядывали желтые глаза паука.

Алиса упала на камни, и они показались ей теплыми и даже мягкими. Она бы заснула сейчас от усталости, но сердце билось так быстро, что не заснешь. И нельзя спать... надо идти. Но куда идти? Как найти своих? Как найти Гай-до? Как дать о себе знать? Алиса попробовала встать, но упала.

Глава двадцать третья
СТОЙ, МЫ СВОИ!

– Не волнуйся, – сказала старуха, которая вышла из трещины в скале вслед за Алисой, – можешь немножко отдохнуть.

Старуха вытащила из складок грязного, мятого платья длинную черную курительную трубку, затем кисет, набила трубку табаком. Пальцы у старухи были длинные, желтые, сильные, с коротко обрезанными ногтями. Алиса пригляделась к ней и вдруг поняла, что старуха совсем не так стара, как казалось в подземелье. Скорее, пожилая женщина. Лицо ее было изборождено глубокими морщинками, углы тесно сжатых губ опущены, глаза велики и печальны. Прямые черные с проседью волосы были спутаны и падали на плечи неровными прядями.

– Отдыхай, – сказала старуха. – У нас есть пять минут.

– Как странно здесь, – сказала Алиса с облегчением. И в самом деле: ей нужно было именно пять минут, чтобы прийти в себя. – Все здесь не те, за кого себя выдают. И вы тоже.

– Ты не права, – сказала старуха. Она глубоко затянулась и выдохнула дым. Дым кольцами поплыл к фиолетовому небу. – Ты мне помогла, девочка, – продолжала старуха. – Я тебе очень благодарна.

– Как я могла вам помочь?

– Ты помогла понять, что рассудок – не главное, что правит миром. Если ты считаешь, что должна идти, то никакой паук не страшен. Тебе нельзя было идти ни в коем случае. Все было против тебя. А ты пошла.

– Если бы не вы, меня бы эта сороконожка сожрала, – сказала Алиса.

– С чудовищами куда легче сражаться, если у тебя в руке бластер. Это каждый сможет. Ты пойди в бой с одной свечой в руке, тогда мы и посмотрим, кто смелый. Ты можешь встать?

– Могу.

– Тогда пошли. Тут недалеко. Нам нужно проникнуть в корабль.

Старуха шла первой. Она осторожно подобралась к краю и поманила Алису. Отсюда было видно, как внизу шагают вереницей автоматические повозки. Повозки с трудом переставляли металлические ноги, перебираясь через каменные завалы к замаскированному кораблю.

На некоторых сидели стражники в улыбающихся масках и разноцветных веселеньких одеждах. Даже автоматы, что болтались на груди, были раскрашены незабудками.

– Чем хуже и голоднее, – сказала старуха, – тем веселее мы раскрашивали нашу бедность. Даже на похоронах положено было плясать от радости.

Она говорила сама себе, не глядя на Алису.

– Как мы попадем в корабль? – спросила Алиса.

Она поднималась все выше, уже половина
ее тела нависла над Алисой.

– Не беспокойся.

– Первым делом я хочу освободить моих друзей, – сказала Алиса.

– Знаю. Так мы и сделаем. Они будут мне нужны.

«Странно, как меняются люди, – подумала Алиса. – В ней не угадаешь ту беспомощную старуху, что бормотала в подземелье».

Навстречу потоку повозок низко над камнями промчался флаер. В нем между двух автоматчиков сидел Вечный юноша.

– Спешит, – сказала старуха, – суетится. Хорошо, что он снова отлучился.

Яркий метеор пролетел по небу. Старуха посмотрела на него.

– Пошли, – сказала она. – Иногда лучше сгореть и погибнуть, как метеор, чем тлеть тысячу лет, как гнилушка.

Они быстро спустились на дно кратера, скрываясь за камнями, если близко проходил патруль автоматчиков.

Люк в корабль, замаскированный под вход в пещеру, был открыт. В нем по очереди скрывались повозки с добычей.

Из плоской сумки, висевшей у нее на боку, женщина достала две улыбающиеся маски. Одну надела сама, другую дала Алисе.

Маска оттягивала кожу на лице, она была как резиновая.

По знаку женщины они спрятались за большим камнем у самой тропы. Мимо прошагала повозка с двумя стражниками.

Следующая, груженная ящиками, была без людей.

– Прыгай! – приказала женщина.

Она первая вскочила на ящики и протянула руку, помогая Алисе.

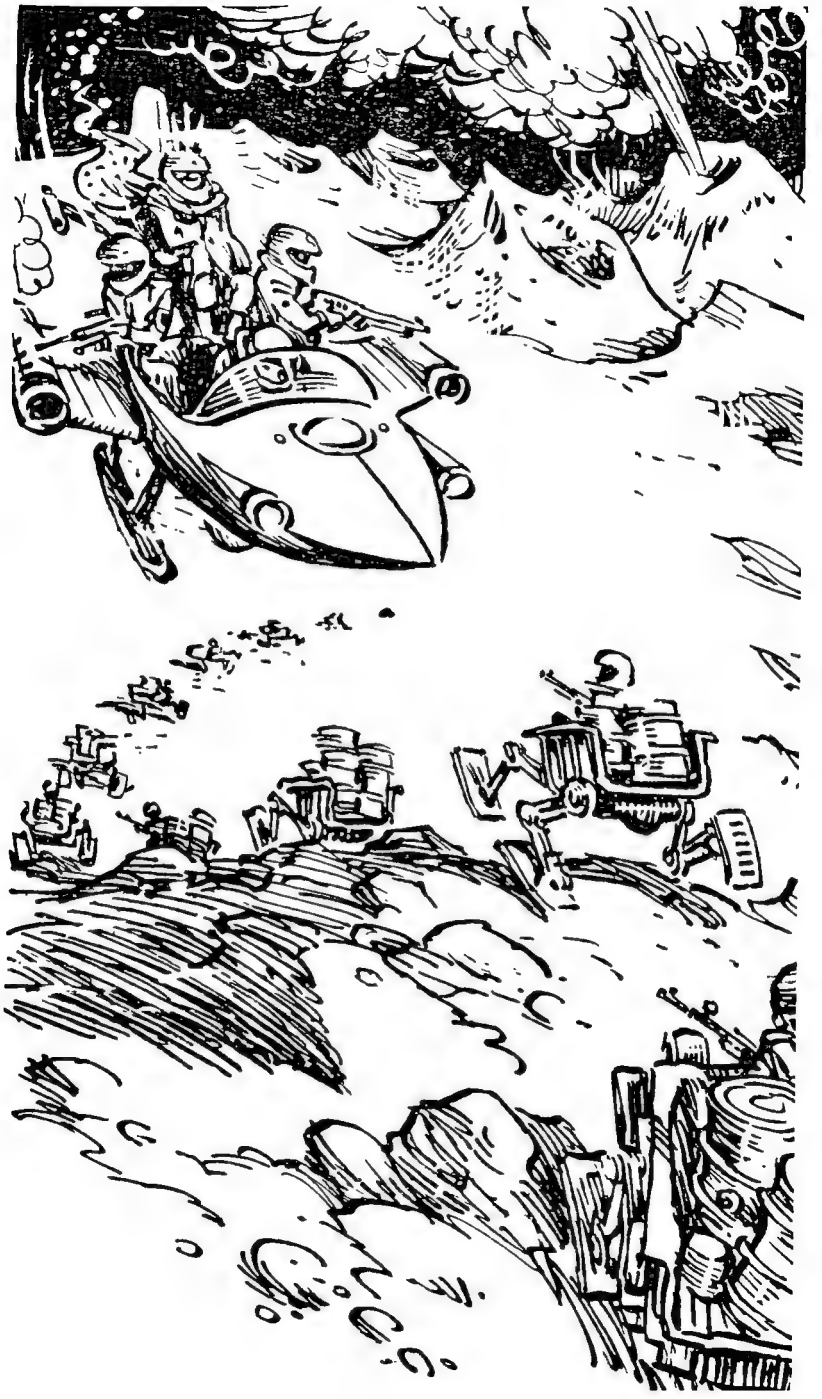
Пока повозка, не замедляя хода, шагала к кораблю, женщина подвинула ящики так, что за ними были видны лишь улыбающиеся маски. А так как на планете царил полумрак, то стражники у люка в корабль равнодушно скользнули по маскам взглядами, не приглядываясь, кто едет. И как догадаешься, если все маски одинаковые?

Как только повозка оказалась в коридоре, женщина соскочила с повозки. Алиса последовала ее примеру.

Женщина уверенно шла по кораблю. Она отлично знала расположение помещений.

Алиса узнала коридор, ведущий к палате.

Навстречу им шел доктор. Знакомый Алисе доктор в маске. Тот самый, что водил ее на допрос.



Навстречу потоку повозок низко над камнями промчался флаер. В нем между двух автоматчиков сидел Вечный юноша.

При виде Алисы и женщины он остановился. Он был удивлен. Даже если он и не узнал Алису, то оборванная, растрепанная ее спутница возбудила его подозрения.

Он сказал что-то на незнакомом Алисе языке.

Женщина ответила, не замедляя шага.

Ответ доктора не успокоил. Он поднял руку к верхнему карману, но старуха мгновенно выхватила бластер, и зеленый луч ударил доктора в сердце. Он упал.

– Вы убили его! – крикнула Алиса.

– Его давно надо было убить, – ответила женщина, наклоняясь и срывая с лица доктора маску.

Алиса непроизвольно остановилась и посмотрела на доктора. Это было лицо старого человека с короткими усиками над верхней губой. Неприятное лицо.

– На твоей совести немало преступлений, Мезальон, – сказала старуха. – Ты получил заслуженную кару.

Алиса пошла дальше. Ей не хотелось смотреть на мертвого человека.

– Смотри-ка, испугалась, – сказала женщина. – Я-то думала, что ты ничего не боишься.

– Я очень многого боюсь, – сказала Алиса. – Я боюсь темноты, грома и больших пауков...

– Чего? – Женщина расхохоталась. – Пауков? Больших?

– Если бы я увидела паука с кулак размером, я бы умерла со страха.

Женщина расхохоталась так, что задрожали стены.

– Шутница!

Но Алиса не шутила. Она в самом деле была не очень храброй девочкой. Скажем, обыкновенной. И боялась темноты.

У двери в палату стоял стул. На нем дремала медсестра.

Алиса шепотом попросила:

– Не убивайте ее, пожалуйста.

– Не бойся, – ответила старуха.

От звука ее голоса медсестра очнулась.

– Ни слова. Руки вверх, – сказала женщина. – И благодари судьбу, что Алиса просила тебя не убивать.

– Я... я... – лепетала медсестра.

– Молчать!

Старуха сорвала с медсестры маску, вырвала из ее кармана микрофон и бросила на пол.

– Меркэ? – сказала она. – Я не думала, что ты полетишь с ним сюда.

– Он заставил меня, – ответила медсестра.

Под маской у нее обнаружилось пухлое, совсем незлое лицо с маленькими черными глазками.

– И ты подчинилась?

– Я хотела жить. Все хотят жить. Ваш голос мне знаком, госпожа... Но вас нет на свете.

– Еще бы, – сказала женщина. – Разумеется. Меня нет на свете.

Она властным движением руки сняла свою маску.

– Ой! – ахнула медсестра и упала на колени. – Пощадите меня, великая госпожа!

– Молчать. Ты меня не видела. Открой дверь в палату.

– Там опасные пленники. Они чуть не сломали дверь.

– Я два раза не приказываю.

Медсестра быстро набрала код на маленьком пульте возле двери.

– Открыто, – прошептала она.

– И не пытайся убежать.

– Я – ваша рабыня, – ответила медсестра.

– Можно я? – сказала Алиса и, распахнув дверь, вбежала в комнату. – Ребята! – закричала она с порога.

Она хотела закричать: «Мы свободны!» – но не успела сказать ни слова, потому что на нее прыгнул какой-то страшный зверь, сшиб с ног. Алиса ударилась о ножку кровати, но сознание не потеряла и даже сообразила, что это не зверь, а Пашка, который подстерегал в засаде того, кто войдет в комнату, а Аркаша и Тадеуш выскочили в дверь и бросились бежать по коридору.

Но далеко им убежать не удалось. Реакция у старухи была отменной. Она отпрянула в сторону и подставила ножку Аркаше, который рыбкой пролетел вдоль коридора прямо в цепкие руки медсестры.

Тадеуш, который уже отбежал шагов на пятьдесят, остановился, потому что не мог оставить в беде своих товарищей, и бросился обратно. Но к тому времени Алиса уже успела подняться, оттолкнуть обалдевшего Пашку и крикнуть Тадеушу:

– Стой, мы свои! Понимаешь, мы свои! Это я, Алиса!

Глава двадцать четвертая
РАССКАЗ ИМПЕРАТРИЦЫ

Пашка, придя в себя, сказал ворчливо:

– Могла бы и потише кричать...

Он был недоволен, что его замечательный план провалился, и теперь он уже не главное действующее лицо драмы. А Пашка любит быть главным действующим лицом.

– Слушайте меня внимательно, – властно сказала старуха. – Я вам расскажу, что вы будете делать. Вы, молодой человек, – обернулась она к Тадеушу, – найдете в коридоре тело казненного мною преступника. Возьмите его маску и халат.

Тадеуш кивнул и вышел.

– О вас я знаю, – сказала женщина мальчикам. – Вы Аркаша и Павел, друзья Алисы. Меня зовут госпожа Моуд. Я знаю тайну Вечного юноши. Тайну, которая его погубит. Для этого я должна сорвать с него маску.

Вернулся Тадеуш. Он был в халате и маске доктора. Сама Ирия его бы не узнала.

– Хорошо, – сказала госпожа Моуд. – Вы должны помочь мне подойти к императору. Я буду в одежде медсестры Меркэ. Тадеуш – доктор Мезальон. Вы – пленники.

Госпожа Моуд вела себя так, будто не сомневалась: командует здесь она. И все покорялись ей. Даже Пашка.

– Зачем нужно срывать с императора маску? – спросила Алиса.

Старуха внимательно посмотрела на Алису, размышляя, отвечать или нет. Потом сказала:

– Я отвечу. Потому что, не будь тебя, я бы не решилась. Твоя смелость, Алиса, может изменить судьбу нашей планеты.

– А что ты сделала? – прошептал Аркаша.

– Сама не знаю, – сказала Алиса.

– Ничего особенного, – сказал Пашка, который хотел сам совершать все подвиги.

– Ничего особенного... – повторила госпожа Моуд. – Может быть, если я останусь жива, ты, Алиса, получишь титул наследной принцессы и право выпороть любого глупого мальчишку, который ставит под сомнения слова императрицы Моуд.

– О, небо! – ахнула медсестра Меркэ. – О, грозная императрица!

– Молчать! – оборвала ее госпожа Моуд. – Слушайте. Много лет правил нашей планетой мой муж, император Сидон Третий. Наши народы жили в мире. Но у нас не было детей. И когда у одной из лун нашей планеты сорок лет назад потерпел крушение неизвестный корабль, на борту которого нашли чудом спасшегося маленького мальчика, мы решили, что это знак небес. Мы усыновили мальчика и воспитали его как принца. Его назвали Зовастром. Мы учили принца добру, а он рос грубым, нечестным, жестоким, он окружил себя подхалимами и мерзавцами, и мы слишком поздно поняли, что этого человека нельзя допускать к власти. И пять лет назад мой муж скрепя сердце сообщил о своем решении принцу. Принц Зовастр вошел в гнев и предательски убил императора.

– Не может быть! – воскликнула медсестра Меркэ. – Наш император убит? А кто же правит нами?

– Узурпатор Зовастр, – ответила госпожа Моуд. – Мой недостойный пасынок. Чтобы скрыть преступление, он объявил от имени убитого императора, что все жители планеты должны отныне носить улыбающиеся маски, чтобы не было ни одного хмурого или печального лица. Наши народы привыкли доверять императору и подчинились. Правда, некоторые шутили, что это – старческая причуда.

– Правда, – сказала медсестра Меркэ. – Многие так думали.

– Я была тогда в отъезде. Но, вернувшись во дворец, я узнала об этой причуде и очень удивилась. Я сразу прошла в тронный зал, где меня ждал император. Я помню, как странно было идти по дворцу и вместо знакомых лиц видеть одинаковые глупые маски. Во всем дворце, во всем городе я была единственным человеком без маски. Когда я вошла в тронный зал, мне было достаточно одного взгляда, чтобы понять: на троне не мой муж. «Кто ты?» – спросила я. «Законный император», – ответил Зовастр. И по голосу я узнала своего приемного сына. «А где отец?» – спросила я. Он захохотал, и маски вокруг него льстиво захохотали. «Император покинул нас, – сказал он. – Но для блага отечества нужно, чтобы все думали иначе».

– О, ужас! – воскликнула Меркэ. – Но никто не знал об этом!

– Никто, кроме его друзей, не знает и сейчас, – сказала императрица. – Он предложил мне играть при нем роль: словно он – мой муж. Я была так возмущена, что заявила: «Лучше смерть, чем такая ложь!» А он засмеялся и сказал: «Не гневайся, мама, под масками все равны. Твою роль сможет сыграть любая служанка. Жива ты теперь или нет – никому нет дела. Выбирай – жизнь или смерть».

Я выбрала смерть, но он не дал мне даже смерти. Он приказал заточить меня в тюрьму. И если он арестовывал кого-нибудь из моих друзей или родственников, обязательно на последний день жизни сажал их ко мне в камеру. Так я встречала своих сестер, своих старых знакомых, великих ученых и славных князей, знаменитых писателей и замечательных музыкантов. И в последний день своей жизни они узнавали горькую правду. О, как я умоляла сохранить их жизнь. Но мой сынок был неумолим. Он получал удовольствие от убийства. Под масками все одинаково счастливы, повторял он. А тех, кто сомневается в этом, приходится убивать. Он приказал расписать цветочками все тюрьмы, веселыми узорами – крепости и бастионы. Все сильнее становилась его власть над страной, и все хуже жили люди в счастливом государстве масок. Он замыслил покорить другие миры. Но как это сделать? Он прослышал о том, что есть базы странников, где хранится абсолютное топливо и абсолютное оружие. Он разослал своих шпионов по всем планетам. Он постепенно превращал всю планету в военный лагерь. Планета разорялась, и все больше людей понимали, что дальше так жить нельзя. В страхе перед этим недовольством Зовастр казнил все новых и новых людей. Страшно было сказать лишнее слово на улице – тебя хватали, и ты не выходил живым из тюрьмы.

Люди проклинали императора. Они проклинали моего убитого мужа, они проклинали меня, потому что на приемах и торжествах вместо меня, в моих одеждах и в маске, рядом с узурпатором сидела актрисочка, которая играла мою роль. И кому могло прийти в голову, что все это обман, что вся планета живет обманом?

И я в тюрьме с жадностью ловила слухи о недовольстве народа, надеясь, что мое унижение не вечно. Я решила: вытерплю все, чтобы дождаться его гибели. В конце концов зло всегда терпит поражение. Только иногда приходится ждать очень долго. И только ненависть помогла мне жить.

– О, ужас! – воскликнула медсестра Меркэ. – Наша бедная императрица!

– Три года назад, – продолжала императрица Моуд, – агенты Зовастра донесли, что база странников находится на этой планете. Он сразу послал сюда корабль, чтобы его разведчики искали базу и уничтожали всех, кто приблизится к планете.

– И потому они напали на меня, – сказал Тадеуш.

– Да, поэтому они напали на вас. И вскоре после этого меня охватила надежда: я узнала, что в столице началось восстание. Народ не выдержал

жестокого гнета в империи улыбающихся масок. Даже в моей камере было слышно, как гремят пушки. Я надеялась, что освобождение близко, но внезапно дверь в мою темницу открылась, меня связали и вывели наверх. Стояла ночь. Над городом тянулся черный дым, сверкали костры пожаров, слышалась перестрелка. В закрытой машине меня отвезли на космодром, где снаряжался к полету флагманский космический корабль, который раньше назывался «Справедливость», а теперь был переименован во «Всеобщее умиление». Мой пасынок уже ждал меня на корабле. Оказывается, он решил бежать. Он кипел гневом, но был бессилен. Он решил перелететь сюда и оставаться здесь, пока не отыщет базу странников. Она нужна ему не для счастья народа, она нужна ему для того, чтобы мстить народу.

– Меня увезли насильно, – сказала Меркэ. – Здесь не только его друзья, здесь немало и таких, кто попал на корабль не по своей воле.

– Знаю, – сказала императрица. – Люди слабы и разобщены. Трудно первому пойти в бой. Потому что первые погибают. Я сначала удивилась, почему он меня не убил. Но потом поняла: я нужна ему живой. Он хочет, чтобы я присутствовала при его торжестве. Когда он захватит сокровища странников, когда он вернет себе власть и зальет кровью нашу планету, я должна стоять рядом с ним и видеть его триумф. А уж потом он сможет спокойно меня убить...

– И вы сидели в этом подземелье? – спросила Алиса.

– И в этом мое преступление, – ответила тихо императрица. – Я надеялась, что он не найдет никаких сокровищ. Я надеялась, что произойдет чудо – восстанут те, кто его здесь окружают. Я надеялась, что жители нашей планеты отыщут узурпатора и прилетят сюда, чтобы уничтожить его. Я ждала, что сюда прилетит патрульный крейсер Галактического содружества и его арестуют. Я надеялась, потому что боялась смерти. Но бояться и ждать – значит губить других людей. И только сегодня девочка Алиса доказала мне, насколько я была не права. И потому я выхожу на бой. Возможно, на последний бой.

Алиса поймала удивленный взгляд Аркаши. Конечно, он, как сдержанный человек, ничем не показал своего удивления, но одно дело – лететь в космос с Алисой Селезневой, ученицей твоего класса, другое – узнать, что эта обыкновенная девочка совершила какой-то таинственный подвиг, за который ее объявляют принцессой. Пашка тоже молчал, но на Алису не смотрел. Конечно, не нужны ему престолы и империи, но почему не он совершил подвиг? Почему?

– По моим расчетам, узурпатор вернулся и прошел в тронный зал, – сказала императрица. – Вы поняли, почему я должна сорвать с него маску?

– Поняли, – ответил за всех Тадеуш. – Пани императрица хочет, чтобы все увидели его настоящее лицо.

– Ты прав, мой дружок, – сказала императрица. – Теперь все мужчины должны отвернуться. Мы с Меркэ поменяемся одеждой. Принцесса Алиса, я позволяю тебе помочь мне одеться.

Глава двадцать пятая
ГРОЗНАЯ ИРИЯ

Пролетев раскаленным метеором над планетой, Ирия затормозила над скалами. К счастью, скафандр выдержал стремительный спуск и теперь медленно остывал. Гай-до все время поддерживал с ней связь.

– Госпожа, – сказал он, когда Ирия пролетала над большим озером, из глубины которого поднимались и лопались громадные пузыри газа, – в районе, куда вы летите, заметна активность. Из недр горы все время выезжают груженые повозки, в ущелье видны люди. Полагаю, что враги отыскали базу странников.

– Ничего удивительного, – ответила Ирия. – Этого следовало ожидать.

– Повозки поднимаются по ущелью, переваливают через невысокую горную гряду и исчезают в большом кратере.

– Спасибо, – сказала Ирия. – Значит, у них здесь есть постоянное убежище...

– Или замаскированный космический корабль.

Теперь Ирия летела осторожно. Все правильно. Вот вход в базу. Неподалеку по ущелью шагает повозка, груженная контейнерами. Ирия задержалась возле входа на базу, ожидая, что оттуда появится еще кто-нибудь, но никто больше не выходил.

Ирия полетела за последней повозкой. На ней сидело несколько человек, одетых в яркие одежды. Почему-то все они непрерывно улыбались.

Так, за последней повозкой, Ирия добралась до входа в корабль.

– Вижу вход, – сообщила она Гай-до. – Ты меня хорошо слышишь?

– Отлично, – ответил Гай-до. – Но учтите, что, когда вы будете внутри, связь может ухудшиться.

– Знаю, – ответила Ирия.

В этот момент широкий грузовой люк корабля «Всеобщее умиление» начал медленно закрываться.

Ирия поняла, что нельзя терять ни секунды. Она включила двигатель скафандра на полную мощность и снарядом влетела в корабль.

Два стражника в масках, которые дежурили у люка, еле успели отскочить в стороны. Ирия затормозила. Ни один нормальный человек не выдержал бы такого торможения. Но недаром Ирия все детство провела в тренировках. Она только поморщилась от боли и тут же точным ударом в солнечное сплетение отправила в нокаут одного стражника, а второго схватила за руку, выбила оружие, завернула ему руку за спину и приказала:

– Веди к главному!

Стражник дергался, мычал, бормотал что-то на непонятном языке.

– С тобой говорят на космолингве, – сообщила Ирия. – Если ты меня не понимаешь, значит, жить тебе осталось одну минуту.

Стражник сразу понял, чего от него хотят, и побрел, согнувшись, по коридору.

– Выпрямись, – приказала Ирия, – а то подумают, что я тебя веду. Ты идешь сам. А ну, выпрямись. И улыбайся.

– Я всегда улыбаюсь, – буркнул стражник.

– На тебе маска?

– На всех маски.

– Слушай меня: на днях сюда привезли пленников с Земли. Где они?

– Мне пленников не показывают, – сказал стражник. – Их Вечный юноша для себя держит.

– Где держит?

– В палате госпиталя, – сказал стражник.

– Веди меня туда.

Стражник неуверенно двинулся вперед, будто раздумывал, куда идти.

– Учти, – сказала тогда Ирия, – если ты меня обманешь и заманишь в другое место, я погибну. Но первым погибнешь ты. Понял?

Стражник решил не испытывать судьбу. Он провел Ирию к палате самым коротким путем. На счастье, никто им не встретился. Ирия не знала, что большинство жителей корабля собрались в тот момент в тронном зале, где Вечный юноша должен был выступить с речью.

– Вот здесь, – сказал стражник, остановившись перед дверью с голубыми незабудками.

– Попробуй, – приказала Ирия, – открыта ли дверь?

– Дверь заперта, – сказал стражник. – А ключей у меня нет.

– Проверим, – сказала Ирия. Она сильнее загнула назад руку стражника и толкнула его вперед так, что он ударился головой о дверь. От этого удара дверь распахнулась, а стражник пролетел метров десять вдоль прохода и замер, шмякнувшись животом об пол.

Ирия увидела ярко раскрашенную комнату с двумя рядами кроватей. Но на кроватях никого не было. Только на стуле посреди комнаты сидела женщина в рубище. От удара в дверь она вскочила и приложила руки к груди.

– Они ушли, – сказала оборванка. – Никого нет.

– Куда?

– В тронный зал.

– Покажите мне туда дорогу.

– А вы не причините вреда императрице?

– Мне нужно освободить пленников.

– Пойдемте. – Медсестра Меркэ выскользнула в коридор.

Стражник, услышав, что дверь закрылась, приподнялся и дотянулся до кнопки на стене. По кораблю прокатился пронзительный рев сирены.

– Тревога! – закричала Меркэ.

– Тогда скорей! – крикнула Ирия.

– Слушаюсь, господин, – сказала Меркэ, подобрала юбки и побежала по коридору. Она была уверена, что человек в скафандре – отважный мужчина, боец с патрульного крейсера Галактического центра.

Глава двадцать шестая
РАЗОБЛАЧЕНИЕ ЗОВАСТРА

Когда императрица Моуд и Тадеуш в медицинских халатах и улыбающихся масках вошли в зал, гоня перед собой трех робких пленников, там уже собрались все обитатели корабля.

В другую дверь вошел Вечный юноша. Он был взволнован, ломал пальцы, подергивал плечами, приплясывал. За его спиной стали два телохранителя с автоматами.

– Слава! – закричал он, вскочив на сиденье трона, чтобы его лучше видели. Рот его широко раскрывался, руки и ноги суетились, но улыбка оставалась застывшей, и оттого зрелище было жутким. – Слава мне! Слава богам! Сокровища странников наши! Мы возвращаемся на нашу

многострадальную планету, которую захватила кучка негодяев, посмевших поднять руку на меня, вечного и бессмертного императора! И пускай час моего торжества будет часом гибели наших врагов! Ура! Слава!

– Слава! Ура! – подхватили стражники и придворные.

Вдруг взор императора остановился на кучке пленников.

– Кто разрешил их привести сюда? – спросил он.

– Простите, ваше величество, – сказала императрица измененным голосом, подражая голосу Меркэ. – Доктор Мезальон приказал привести пленных, чтобы они видели момент вашего торжества.

И она поклонилась императору.

– Верно, – согласился император. – Подведите их сюда. Пускай падут мне в ноги. И может, я подарю им жизнь. Я сегодня добрый.

Люди вокруг расступались, одинаковые улыбающиеся маски жутко глядели со всех сторон.

Узурпатор в нетерпении подпрыгивал на троне. Затем соскочил вниз, уселся на трон.

– Целуйте мне ногу, – приказал он, вытянув перед собой блестящий сапог. – Ну же, на колени! Ползите сюда!

По незаметному знаку госпожи Моуд Алиса и Аркаша упали на колени. Но упрямый Пашка и не подумал. Он стоял, гордо подняв голову. И чуть было все не испортил.

– Опустись, Пашенька, – умоляла его Алиса.

– Стража! – приказал узурпатор. – Покажите этому мерзавцу, как надо себя вести!

Один из стражников выхватил из-за пояса плеть. Но ему не пришлось пустить ее в ход. Тадеуш был быстрее, он так ловко толкнул Пашку в спину, что тот растянулся на полу.

– Молодец, доктор Мезальон! – расхохотался узурпатор.

Пашка пытался подняться, но Алиса и Аркаша вцепились в него.

Император от души веселился, глядя, как пленники возятся у его ног.

И вдруг замер. Рука его поднялась. Палец уткнулся в Алису.

– Нет! – закричал он. – Не может быть! Она же в подземелье!

«Все погибло, – успела подумать Алиса. – Как же мы забыли, что он меня знает!» И ни она, ни император не заметили, что в этот момент ложная медсестра быстро поднялась на возвышение у трона.

– Слушайте меня, жители моей планеты, – произнесла она низким, властным голосом и резким движением сорвала с себя маску.

Гул изумления прокатился по залу. Все узнали императрицу.

– Вас обманули! – продолжала она. – Это самозванец.

Узурпатор так растерялся, что поднес ладони к лицу, словно испугался, что с него сорвут маску.

– Смотрите же! – Императрица с силой оторвала ладони Зовастра от его лица.

– Нет! – завопил узурпатор.

Императрица рванула маску так сильно, что она разорвалась. И все увидели потное от страха, бледное остроносое лицо Зовастра – ничем не примечательное лицо, не старое.

По залу прокатился крик ужаса.

– Вы узнаёте его? – продолжала императрица. – Это мой недостойный сын. Он не только убил нашего законного императора, но и заточил меня в подземелье. Мои друзья, – императрица показала на Алису, которая уже поднялась на ноги, – помогли мне прийти к вам и сказать правду. Правда всегда в конце концов побеждает, но, если мы не поможем ей, она может победить слишком поздно.

Императрица не видела, как растерянность на лице узурпатора уступает место гримасе ненависти.

Он отпрыгнул в сторону.

– Стреляйте в нее! – крикнул он телохранителям. – Убейте ее! Это ведьма!

– Я ведьма? – Императрица подняла руку, останавливая движение Тадеуша, который бросился ей на помощь. – Ты, жалкий червяк, после всего, что совершил, осмеливаешься оскорблять меня? Тебе нет прощения!

И императрица подняла руку с бластером.

Но не успела выстрелить.

Сразу несколько выстрелов поразили ее. Стрелял сам узурпатор. Стреляли его телохранители, и стреляли друзья Зовастра, что толпились тесной кучкой за троном.

– Проклинаю! – произнесла громко императрица и в полном молчании пораженного зала опустилась на пол.

– Вот так! – закричал в бешенстве узурпатор. – Так будет со всеми, кто осмелится поднять на меня руку. Не вам меня судить! У меня власть и сила. Всех казнить!

Он показал на Алису и остальных пленников.

Император от души веселился, глядя,
как пленники возятся у его ног.

Но ужас, охвативший всех, даже телохранителей, был так велик, что ни один из них не тронулся с места.

Алиса кинулась к императрице и приподняла ее голову.

– Не умирайте! – заплакала она. – Только, пожалуйста, не умирайте!

– Ах так, вы смеете мне не подчиняться! – Император направил бластер на Алису.

Но тут в дверях послышался страшный шум и грохот.

Влетели кучкой стражники, метнулись во все стороны зрители.

Словно сверкающая молния, ворвалась в зал фигура в космическом боевом скафандре.

Луч бластера вонзился в потолок.

– Всем стоять на месте! – прогремел громкий голос.

И при виде фигуры в скафандре нервы узурпатора не выдержали.

– Патрульный крейсер! – крикнул кто-то в зале.

– Патрульный крейсер! – завопил узурпатор и кинулся прочь из зала. За ним побежали два или три его дружка.

– Ирия! – Голос Тадеуша перекрыл шум зала.

Он сорвал маску и побежал навстречу жене.

– Тадеуш, миленький, я так за тебя боялась, – сказала Ирия. – Тебя никто не обидел?

А в зале творился страшный переполох. Многие кинулись вслед за узурпатором, чтобы его поймать, другие окружили тесной толпой лежащую на полу императрицу.

Императрица открыла глаза и увидела рядом с собой плачущую Алису. Она сделала попытку подняться, и сразу десятки рук помогли ей.

Императрица Моуд положила слабую руку на голову Алисе и сказала:

– Уходя от вас, я передаю всю власть над планетой этой девочке. Она оказалась сильнее и смелее всех нас, вместе взятых. И я горда тем, что судьба свела меня с этой девочкой. Клянитесь же в верности ей!

– Клянемся!.. – прокатилось по залу. – Клянемся!

Люди срывали с себя маски и топтали их.

– Я скажу вам, что сделала эта... – И тут голос императрицы оборвался. Голова ее склонилась.

– О горе! – послышался чей-то голос. – Императрица скончалась!

И горький стон прокатился по залу.

Вдруг корабль содрогнулся от толчка.

Сразу шум в зале оборвался. Люди прислушивались: что случилось?

В зал вбежал один из тех, кто гнался за узурпатором.

– Самозванец убежал! – закричал он. – На спасательном катере.

– Это очень опасно, – сказал пожилой человек, который стоял, наклонившись над императрицей. – На спасательном катере есть запас топлива и оружие.

– Гай-до, – сказала Ирия в микрофон, – ты меня слышишь?

– Я все слышу, – отозвался корабль.

– Сейчас от нашего корабля отделился спасательный катер. В нем находится опасный преступник. Приказываю тебе следовать за ним, находясь на безопасном расстоянии. Ты должен установить, куда он держит путь. Ты меня понял?

– Вижу спасательный катер, – отозвался Гай-до.

Но голос его слышала только Ирия. Сотни людей в зале молча смотрели на нее. Тогда Ирия включила динамик на полную громкость.

– Ты сможешь идти за ним? – спросила она.

– Он идет с большим ускорением. Полагаю, что для разгона он использует топливо странников. В открытом космосе мне его не догнать.

– Придумай что-нибудь, Гай-до, придумай, друг! – сказала Ирия.

– Принял решение, – ответил Гай-до. – Иду на сближение на встречном курсе.

– Ты что задумал?

– У меня нет выхода, – ответил Гай-до. – В меня стреляют.

– Гай-до, береги себя!

– Направляю удар в ходовую часть спасательного катера, – сказал Гай-до. – Намерен лишить их хода.

– Гай-до, не надо! – закричала Ирия. – Ты погибнешь!

– Прощай, моя любимая госпожа, – сказал Гай-до. – Передай привет Алисе и ее друзьям. Я их полюбил. Как жаль, что мы не сможем участвовать в гонках!

В зале стояла страшная тишина. Люди даже боялись дышать.

– Включите экраны! – закричал кто-то. – Включите экраны!

Под потолком тронного зала загорелись экраны внешнего обзора. На одном видно было небо, и по нему, быстро сближаясь, двигались две звездочки. Было видно, как одна из них несется на вторую. Вторая меняет курс, стараясь избежать столкновения. Но первая, как упрямая оса, снова сближается.

– Ты боишься меня, узурпатор! – раздался голос Гай-до. – Хочется жить!

И вторая звездочка – видно, и в самом деле нервы Зовастра не выдержали – резко развернулась и пошла на снижение. Гай-до не отставал от императора.

В гробовом молчании все смотрели, как звездочки, увеличиваясь, стремительно приближаются к планете.

На втором экране появилось изображение каменистой равнины.

Именно там опустились оба корабля.

Вот сел, ударился о камни Гай-до.

Вот снизился, как затравленный волк, спасательный катер императора. В нем открылся люк. Из люка выскочил человек.

– Он убежит, – пронесся по залу ропот. – Надо догнать его.

– Он безопасен, – сказала Ирия. – Мы его поймаем.

Узурпатор отбежал от спасательного катера. В руке у него был бластер.

И вдруг все увидели, как из-за камня выкатился серый мяч.

Узурпатор остановился, погрозил мячу бластером. Но мяч уже был не один, сотни мячей выкатывались со всех сторон и катились к Зовастру.

Луч бластера бил по мячам. Но все новые и новые мячи выкатывались из-за камней. Наконец луч бластера потускнел, узурпатор отбросил оружие прочь и побежал от мячей.

– Они его убьют? – спросил Пашка.

– Как они могут его убить? – возразил Аркаша. – У них и рта нету.

Но мячи уверенно и упорно гнали перед собой убийцу.

Он выбежал на берег озера. Мячи серой массой покрывали берег.

– Они мстят, – сказала Алиса. – Они мстят за Дикодима и его детей.

Узурпатор вбежал в озеро. Он думал, что он в безопасности, но тут первая шеренга мячей тоже вошла в воду и поплыла за ним.

Все глубже и глубже входил в воду узурпатор. Вот он поплыл.

Мячи замерли, словно отказались его преследовать. И тут все поняли почему.

Перед плывущим императором из воды поднялся огромный, многометровый гейзер. Столб воды поднял махонькое тельце императора к небу, а затем рухнул вниз.

Лишь круги пошли по воде...

– Все, – сурово сказала Ирия. – Нам не придется его ловить.

В зале нарастал гул. Впервые за много дней люди могли посмотреть друг на друга спокойно, без страха. Некоторые прятали глаза, другие хмурились, третьи были серьезны, четвертые радостны.

И, перекрывая шум, издалека донесся голос Гай-до:

– Госпожа... Госпожа, я жив. Я жду тебя...

Глава двадцать седьмая
ЧТО ЖЕ ТЫ НАТВОРИЛА?

В тот же день Алиса и ее друзья полетели на берег озера, в котором утонул узурпатор Зовастр. Ни одного серого мяча на берегу они не встретили: те опасались людей и не скоро еще станут относиться к ним без опаски.

Гай-до, поврежденный при посадке, лежал на берегу. От удара вылетела заплата, поставленная на Земле.

– Я его обманул, – тихо сказал Гай-до. – Он поверил, что я пойду на таран. Но я ведь всего-навсего робот. Я не могу причинить вреда человеку, даже если он очень плохой.

– Но он забыл об этом, – сказал Аркаша. – И перепугался. Иначе тебе бы его не догнать.

– Простите, друзья, – сказал Гай-до, – что я так неудачно приземлился. Я спешил...

– Несчастный старик, – произнес Тадеуш. – Одно утешение: он прожил героическую жизнь.

Ирия, затянутая в черный сверкающий комбинезон, стройная, быстрая в движениях, ничем не похожая на ту нежную красавицу, что встретила Алису в лесу под Вроцлавом, ответила:

– Еще посмотрим.

В ее голосе звучала сталь. И Алиса подумала, что даже Тадеуш немного робеет перед женой, такой он ее никогда раньше не видел.

– Погуляйте, – сказала она. – Я вас позову.

Но никто не ушел. Все стояли за ее спиной и смотрели на Гай-до.

Всем было грустно. Но по-разному. Алиса жалела кораблик, который хотел летать, любил свою госпожу и был куда больше человеком, чем негодяй Зовастр. Пашка расстраивался, потому что сорвались гонки. А ведь он был почти уверен, что победит. Аркаше было очень жалко, что пострадало замечательное изобретение – второго такого кораблика во Вселенной уже не будет. А Тадеуш беспокоился: вдруг невероятные изменения, что произошли с его любимой Ириечкой, останутся в ней навсегда. Сможет ли он полюбить ту незнакомку, что, оказывается, скрывалась в его нежной Ирии? Эти тревожные мысли заставили его спросить:

– Как там наша Вандочка?

На что Ирия совершенно спокойно ответила:

– Не беспокойся, она с твоей мамой.

И с этими словами она скрылась внутри Гай-до.

Часа два Ирия провела в кораблике. Остальные далеко не отходили: а вдруг понадобится помощь? Иногда изнутри доносились вздохи, Гай-до страшно страдал, а Ирия Гай, разбираясь в повреждениях, совсем его не жалела.

Потом Алиса пошла к озеру. Через каждые десять минут над озером поднимался высокий фонтан воды и с грохотом обрушивался вниз. Маленький серый мячик выкатился из-под камня и осторожно покатился к Алисе. Алиса замерла, боялась шелохнуться, чтобы не испугать малыша, но из-за камней раздался предупредительный свист, и мячик стремглав покатился обратно.

Луч бластера бил по мячам. Но все новые и новые мячи выкатывались из-за камней.

Подошел Пашка. Сел рядом на камни.

– Я тут поговорил с ребятами, – сказал он. – Они могут дать нам спасательный катер. Только, боюсь, скорость у него мала.

– Кто эти ребята? – спросила Алиса.

– Из экипажа «Всеобщего умиления». Приглашали меня к ним стажером.

– Неужели не согласился? – спросила Алиса.

Пашка почуял подвох в вопросе и ответил равнодушно:

– Не буду же я им объяснять, какая у меня несознательная мать.

– Да, – согласилась Алиса. – С Марьей Тимофеевной тебе не повезло. Она не оценит твоих способностей.

– Сама хороша! – вдруг озлился Пашка. – Наследная принцесса! Вот расскажу в школе ребятам, со смеху лопнут.

– Не стоит рассказывать, – ответила Алиса серьезно. – Мы с тобой понимаем, что все эти королевства и империи – вчерашний день человечества. А ведь императрица говорила все это серьезно. И потом умерла. Для них это не шутки.

– Ладно, понимаю, не маленький. Им после этого узурпатора лет десять придется приводить планету в порядок. Ты туда полетишь?

– Может, слетаю, – сказала Алиса. – Но только после того, как там будет республика.

– Правильно, – сказал Пашка.

Он помолчал, кидая камешки в озеро. На том берегу горело зарево далекого вулкана. Красное солнышко стремительно пронеслось над головами. Тени вытянулись, сократились и вытянулись снова.

– А может, все-таки расскажешь, что ты такого сделала?

– Когда?

– Не крути! Ведь не стала бы та императрица просто так престол передавать. Что-то ты натворила?

– Ничего не натворила, – сказала Алиса.

– Я знаю, ты скрытная, – сказал Пашка. – И теперь уж нам никогда ничего не узнать.

– Не скрытная, а скромная, – сказал Аркаша, который подошел к ним и остановился, глядя на зарево вулкана. – Ты бы уж давно всему миру возвестил о своем подвиге.

– А может, и не было никакого подвига? – спросил Пашка.

Он дразнил Алису. Любопытство убивало его.

Тогда Алиса поднялась и пошла к Гай-до. Кому нужны эти пустые разговоры? Ведь мальчики не знали императрицу, не были в подземелье, не видели пауков, не разговаривали с коварным узурпатором. А того, что люди не знают, им не объяснишь. Алисе было грустно.

Через два часа Ирия наконец вылезла из Гай-до и сказала:

– Здесь его не починишь.

– Значит, все-таки можно починить? – радостно спросил Пашка.

– Боюсь, что он уже никогда не станет таким, как прежде.

– А все-таки можно починить?

– Только на Земле, – сказала Ирия. – Или на Вестере.

– А это сложно? – спросил Аркаша.

– Сложно, – ответила Ирия. – Вам не справиться.

– Жалко, – сказал Аркаша. – А вы нам не поможете?

– Нет, – ответил быстро Тадеуш, который только что вернулся из ближайшего ущелья, где собирал местные растения. Он не хотел терять времени даром. – Ирия возвращается во Вроцлав. Нас ждут.

Ирия поглядела на Гай-до, потом на мужа. Взгляд ее смягчился, и она сказала добрым голосом:

– Тадеуш, мой любимый, пойми меня. Я была очень несправедлива к моему другу. Если бы я не забыла о нем, может, ничего бы плохого не случилось. Я очень люблю тебя и нашу малышку. Но прежде чем снова стать домашней, тихой, хозяйственной женой, я должна отплатить Гай-до за все, что он для нас сделал.

Тадеуш не стал спорить. Он был умным человеком и уже понял, что в его жене существуют два совсем разных человека. И ему придется теперь быть мужем обеих Ирий.

– Спасибо, – тихо произнес Гай-до.

– Ирия, – сказал Пашка, – я в твоем распоряжении. Ты можешь заставить меня работать круглые сутки, доставать материалы, паять, лудить, ковать, приносить гвозди...

– А что такое гвозди? – удивилась Ирия.

– Это я в переносном смысле, – сказал Пашка.

– Если в переносном, тогда не перебивай, – сказала Ирия, и Пашка сразу сник. Тогда Ирия чуть улыбнулась и добавила: – Конечно, я не откажусь от вашей помощи, друзья, потому что мне тоже очень хочется, чтобы Гай-до смог участвовать в гонках.

Глава двадцать восьмая
ПЕРЕД ГОНКАМИ

Еще через три дня прилетел патрульный крейсер. Галактический патруль сначала получил тревожный сигнал с пассажирского корабля «Линия», где сумасшедшая пассажирка угнала спасательный катер. Когда крейсер уже был в пути, его настигла гравиграмма со «Всеобщего умиления», в которой кратко говорилось о последних событиях на планете Пять-четыре.

К тому времени Ирии с ее помощниками удалось немного подштопать Гай-до, так что он сам смог подняться на орбиту. Ирия и Тадеуш уговорили командира крейсера взять Гай-до с собой. И потому Гай-до совершил путешествие до Вестера, откуда ходят регулярные рейсы к Земле, в трюме патрульного крейсера.

Они попрощались с обитателями «Всеобщего умиления», который уже был переименован в «Императрицу Моуд», и поклялись, что на следующие каникулы обязательно прилетят в гости к новым знакомым. На прощание медсестра Меркэ и старший советник, который теперь командовал кораблем, отозвали Алису в сторону и вручили ей официальный диплом, на котором было золотыми буквами написано, что в соответствии с последней волей императрицы Моуд Алисе Селезневой присваивается почетный титул наследной принцессы и она может в любой момент вступить во владение империей. Алиса, конечно, отказывалась, но Меркэ объяснила, что этот диплом только почетный. Неизвестно, захотят ли жители планеты новую императрицу, даже если она лучшая московская школьница. Поэтому пускай диплом останется ей на память. Тогда Алиса диплом взяла.

На Землю путешественники попали только через десять дней. Разумеется, с патрульного крейсера они послали на Землю гравиграмму. Страшно подумать, что произошло бы в Москве, если бы встревоженные родители отправились искать детей на Гавайские острова, где их никто не видел.

Когда родители получили гравиграммы с патрульного крейсера Службы галактической безопасности, в которых сообщалось, что их дети живы-здоровы, только почему-то находятся на другом конце Млечного Пути, то реагировали они на это по-разному. Алисин папа, профессор Селезнев, сказал Алисиной маме, которая собралась заплакать:

– Вот видишь, с нашей дочкой ничего не случилось.

Пашкина мать, прочитав гравиграмму, разорвала ее в мелкие кусочки и заявила:

– Уши оборву!

Правда, эта угроза была в том доме обыкновенной, и Пашкины уши до сих пор остались на месте.

В доме Аркаши все Сапожковы, от прадедушки до правнуков, тети и дяди и племянники, собрались за овальным обеденным столом и долго держали совет, принимать меры или не принимать мер. Все очень шумели и переживали до тех пор, пока прадедушка Илья Борисович не сказал:

– У нашего мальчика есть склонность к научной деятельности. А эта склонность не позволяет Аркаше сидеть на месте. Я очень надеюсь, что наконец-то в нашем семействе будет второй лауреат Нобелевской премии.

Первым лауреатом был сам прадедушка. Поэтому, когда путешественники наконец объявились на Земле, их родственники уже более или менее успокоились, и они смогли без помех заняться починкой Гай-до, что оказалось нелегким делом.

Если бы не замечательный конструкторский талант Ирии Гай и терпение Тадеуша, который взял на себя все заботы о малышке, если бы не трудолюбие Аркаши, который неделями не уходил с ремонтной площадки, если бы не помощь Лукьяныча и всех членов технического кружка школы, если бы не самоотверженность Пашки, который два раза летал в Австралию и один раз в Шанхай, чтобы добыть нужные детали, если бы, наконец, не старания Алисы, которая одна умела успокоить и утешить Гай-до, если бы не общие титанические усилия, Гай-до никогда бы не поднялся в воздух.

А так, за четыре дня до начала гонок, Ирия уселась в пилотское кресло, включила пульт управления, загорелись дисплеи и индикаторы, мерно зажужжали планетарные двигатели, и Гай-до спросил:

– Может, выйдем на круговую орбиту?

Голос его дрогнул от волнения.

– Один виток, – сказала Ирия.

Остальные члены экипажа, болельщики и помощники остались на Земле. Они следили за испытательным полетом по мониторам.

Легко, почти незаметно, Гай-до оторвался от земли, на секунду завис в воздухе и, набирая скорость, рванулся кверху. Он вышел на орбиту, и Ирия заставляла его совершать сложные маневры. Сначала Гай-до осторожничал, робел, но с каждым новым удачным маневром он все смелее менял курс, переворачивался, тормозил и вновь ускорялся.

– Можно еще один виток? – попросил он Ирию, поверив в свои силы.

– Нет, – ответила она. – Для первого раза достаточно. Дальше испытывать тебя будут ребята.

– Ну, как? Хорошо? Правда, хорошо? – спросил Пашка, первым подбежав к кораблю, когда тот спустился на школьную площадку.

– Нет, – ответила Ирия. – Недостатков масса. Еще надо работать и работать.

– Но это невозможно! – воскликнул Пашка. – Гонка через четыре дня!

– Значит, надо работать еще четыре дня, – ответила Ирия. – Это уже ваша задача. Я буду прилетать к вам каждый день и проверять, что вы сделали по программе, которую я вам оставлю.

– У нас есть шансы победить в гонках? – спросил Аркаша.

– Пока нет, – ответила Ирия.

– Есть! – крикнул Гай-до.

Все засмеялись, но Ирия сказала серьезно:

– Шансов у вас мало. Я думаю, что другие гонщики построили корабли не намного хуже, чем Гай-до. И их корабли не попадали в такие переделки.

– Не расстраивайся, Гай-до, – сказала Алиса, подойдя к кораблику и гладя его по еще теплому боку. – Мы постараемся.

Они проводили Ирию с Тадеушем до автобусной станции. А на обратном пути Пашка сказал:

– Завтра я работать не приду. Обойдетесь без меня.

– Что еще задумал? – спросила Алиса.

– Ничего. Просто я знаю, что мы все равно победим.

– Пашка, признавайся, что ты еще задумал! – потребовал Аркаша. – Моя интуиция говорит, что ты опасен.

– Интуиция тебя обманывает, – сказал Пашка.

Правда, на следующий день он пришел на площадку, и они работали, но после обеда он исчез. На третий день вообще зашел на полчасика, зато слетал за это время в Шанхай посмотреть на корабль китайских ребят и в Тбилиси. Алиса сердилась на него, говоря, что он – турист. Аркаша молчал. Хотя был недоволен.

За день до начала соревнований всем его участникам раздали отпечатанные правила.

Они уселись в кают-компании Гай-до и прочли их вслух.

– Ну что ж, ничего нового, – сказал Аркаша. – Взлет из пустыни Гоби. Облет вокруг Луны, возвращение в заданную точку. Двигатели только

планетарные, топливо только обыкновенное, жидкое. Ты чего надулся, Пашка?

– Я надулся? – Пашка поднял брови. – Ничего я не надулся. Просто я думаю. На мне, как на капитане, лежит большая ответственность.

– Хорошо, – сказала Алиса. – На всех нас лежит ответственность. Поэтому я предлагаю разойтись по домам и хорошенько выспаться. Вечером перегоним Гай-до в пустыню Гоби. Старт в десять утра по местному времени.

Глава двадцать девятая
ГОНКИ

Громадная плоская каменная равнина в то утро преобразилась. Вокруг долины, с которой должны стартовать корабли, реяли под ветром громадные флаги и вымпелы. Множество киосков с сувенирами, прохладительными напитками, мороженым радовали глаз. Тысячи и тысячи флаеров, аэробусов, стратолайнеров слетелись к полю. Когда Гай-до подлетел к месту старта, поле казалось усеянным разноцветными божьими коровками и яркими бабочками.

Посредине, на свободном круге диаметром в три километра, стояли гоночные корабли.

Всего их было сто шестьдесят три.

Гай-до, далеко не самый большой, новый и красивый из кораблей, скромно стоял почти в середине поля. Ирия Гай с Тадеушем с трудом отыскали его.

– Это какая-то ярмарка, – сказала Ирия. – Совершенно несерьезно.

Алиса, которая в последний раз проверяла дюзы Гай-до, потому что тот неожиданно заявил, что у него там что-то «чешется», обернулась на голос и не сразу узнала отважную Ирию, потому что с ней снова произошла метаморфоза.

Перед Алисой стояла скромная молодая женщина в легком голубом сарафане. Голову ее прикрывала от яркого солнца белая косынка. На руках женщина держала младенца, который с удивлением крутил головой, очень внимательно вглядываясь в космические корабли. Сзади стоял Тадеуш, лицо у него было счастливое и спокойное. Такая жена его устраивала больше, чем амазонка.

– Ого, – сказал Пашка, появившись в люке корабля и увидев малышку. – Как она смотрит! Наверное, продолжит дело своего дедушки!

– Вандочка не такая, – вмешался Тадеуш. – Я ей уже купил вагон кукол и набор для вышивания. Ты меня понимаешь, Паша?

– Я-то понимаю, а мама поймет?

– Алиса, – сказал Гай-до, – скорее проверь правую дюзу индикатором гладкости. Там шершавит. Мы проиграем. Не отвлекайся.

И только тут Алиса сообразила, что кораблик даже не поздоровался со своей госпожой. Он с утра был совершенно не в себе, так боялся опозориться.

И вдруг молодая женщина сверкнула сиреневыми глазищами и сказала мужу:

– Подержи малышку.

Она сделала решительный шаг вперед, отобрала у Алисы индикатор и с головой ушла в дюзу.

Тадеуш встревожился.

– Милая, – робко сказал он. – Может быть, здесь обойдутся без тебя?

Но вокруг стоял такой грохот, так громко играли оркестры, так отчаянно перекликались гонщики, так натужно ревели в последних проверках двигатели кораблей, что, конечно, никто не услышал Тадеуша.

Подошли два китайских мальчика. Поздоровались с Пашкой. Это были его старые друзья и соперники из Шанхая.

– Хороший корабль, – сказал Лю.

– Очень красивый корабль, – сказал Ван.

Китайские гонщики были близнецами. Они были очень похожи, но не совсем одинаковы. Поэтому любой мог их отличить друг от друга. Правда, никто, кроме их мамы, не был уверен, кто из них Лю, а кто Ван.

– Мы постараемся тебя обогнать, Паша, – вежливо сказал Лю. Хотя, может быть, это сказал Ван.

Подбежала девочка из афинской школы, знакомая Алисы.

– Ты летишь? – спросила она.

– Да.

– А меня не взяли. Мы в классе тянули жребий. Я вытащила пустую бумажку.

Над громадным полем ударил гонг. Звук его как будто свалился с неба.

Сразу шум стих, но через несколько секунд возник вновь и, быстро нарастая, заполнил поле.

– К старту приготовиться! – послышался голос главного судьи соревнований Густава Верна, троюродного правнучатого племянника великого фантаста Жюля Верна.

Болельщики и зрители отходили от кораблей.

Ирия выскочила из дюзы.

– Не успела, – сказала она. – Когда вернетесь, доделаем. Я же просила Пашу проверить дюзы. Почему ты этого не сделал?

Капитан корабля, раздобывший где-то настоящий мундир капитана Дальней разведки, который был ему велик, отвел взор в сторону и сказал равнодушно:

– Я делаю ставку не на это.

– На что бы ты ни делал ставку, – ответила Ирия Гай, – это не избавляет тебя от обязанностей перед кораблем.

– Ты слишком строга к капитану, – сказал Гай-до.

Корабль знал цену Пашкиным недостаткам, но, как и многие другие Пашкины друзья, склонен был ему многое прощать. В этом таится какая-то загадка. Алиса по себе знала, иногда ей хотелось Пашку убить. А через полчаса стараешься вспомнить: почему ты хотела убить этого замечательного парня? И не вспомнишь.

– Я доверила Гераскину самое дорогое, что у меня было в жизни, – корабль Гай-до. И не потерплю, чтобы с ним так обращались! – возмутилась Ирия.

Алисе захотелось напомнить ей о первой встрече, когда она с трудом вспомнила Гай-до, брошенного на свалке. Но зачем напоминать людям об их слабостях? Они только сердятся.

Второй раз ударил гонг.

– Провожающим покинуть поле! – раздался голос Густава Верна. – Экипажам занять места в кораблях.

– Топливо проверили? – нервно спросила Ирия.

– С топливом обстоит так... – начал было Гай-до, но Пашка его перебил:

– С топливом все в порядке.

– Я буду ждать, – сказала Ирия. Потом добавила: – Как бы я хотела полететь с вами!

– С нами нельзя, – сказал Пашка. – Это школьные гонки.

– Неужели я не понимаю? – улыбнулась Ирия, и в глазах у нее сверкнули слезы. – Я же пошутила. Тадеуш, ты где? Малышка, наверное, проголодалась.

Но малышка на руках Тадеуша и не думала о еде, она восторженно глазела на Гай-до.

– По местам! – приказал Пашка.

– По местам! – на разных языках закричали капитаны из восьмидесяти разных стран.

Провожающие и болельщики уже покинули поле.

Экипаж Гай-до занял свои места. Пашка и Алиса в креслах у пульта управления. Аркаша сзади, в кресле механика.

Через пять томительных минут прозвучал третий удар гонга.

Во всех кораблях и корабликах раздался голос Густава Верна:

– Начинаю отсчет. Старт – ноль! Тридцать... двадцать девять... двадцать восемь...

– Ты готов, Гай-до? – спросил Пашка.

– Я готов, – ответил кораблик.

– Открыть клапан левого топливного бака, – приказал Пашка. – Топливо поступает?

– Поступает, – ответил Гай-до.

– Семь... шесть... пять... четыре... три... два... один...

– Ключ на старт! – приказал Пашка.

И одновременно сто шестьдесят три корабля взмыли над полем космодрома.

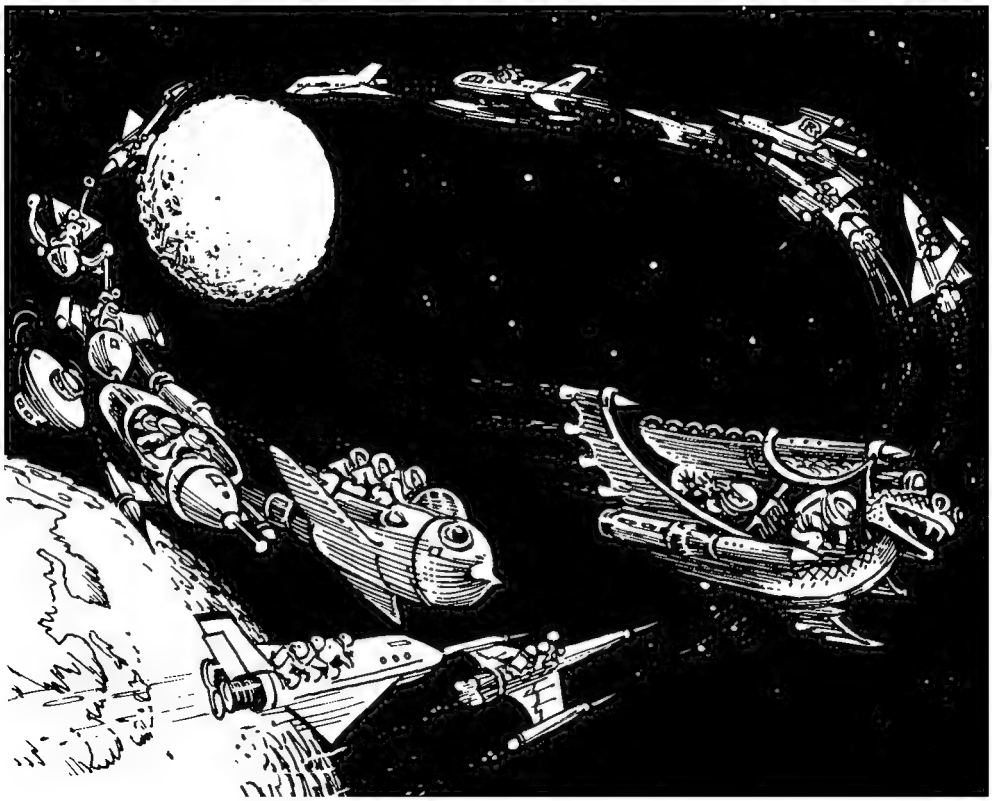
Глава тридцатая
ПОБЕДА И ПОРАЖЕНИЕ

Это было чудесное зрелище. Никогда еще в истории Земли не стартовало столько кораблей одновременно.

Десятки тысяч зрителей захлопали в ладоши и замахали руками.

Десятки миллионов телезрителей закричали: «Ура!» По правилам при подъеме корабли не должны были превышать минимальной скорости, потому что прорыв такого большого числа кораблей сквозь ионосферу вреден для Земли. Полной скорости можно было достигнуть только после того, как атмосфера Земли останется позади.

Очень многое зависело от мастерства пилотов. Корабли летели к Луне не по прямой, а по сложному маршруту, в котором надо было миновать девять контрольных пунктов.



Постепенно плотная толпа кораблей начала распадаться. Одни пропустили ту долю секунды, когда надо было включить двигатели на полную мощность, другие чуть-чуть неточно рассчитали момент первого поворота...

– Начинаем второй поворот, – сказал Пашка.

– Второй поворот начали, – отвечал Гай-до.

Постепенно Гай-до выходил вперед. У москвичей было важное преимущество: их корабль был членом экипажа, который не только выполнял приказания капитана, но и не менее других его членов стремился к победе. Гай-до знал, что Ирия наблюдает за его полетом с Земли и жадно ловит каждое слово комментатора. Пашка еще мог ошибиться, приборы еще могли не догадаться, но Гай-до всегда успевал исправить ошибку человека и увеличить ошибку приборов, если считал нужным.

– Первым ко второму контрольному пункту вышел корабль «Янцзы» шанхайского экипажа, – услышали они голос комментатора. – Вторым, отставая на три секунды, к пункту подходит греческий корабль «Арго».

Но их настигают сразу два корабля. Судя по эмблеме на борту, это корабль тбилисской школы, где капитаном Резо Церетели, а второй... второй «Гай-до». На нем летят москвичи!

– Неплохо, – сказал Пашка. – Совсем неплохо.

– Капитан, – произнес встревоженно Гай-до, – средняя скорость китайского корабля выше нашей.

– Штурман, ты слышишь? – спросил Пашка.

– Слышу, – ответила Алиса. – У нас есть шансы обойти Лю и Вана к шестому пункту. У них маневренность хуже нашей.

– Хорошо, если будут сложности, доложить.

Пашка продолжал играть в космического волка. У него даже голос стал басовитым.

– Как дела с топливом? – спросил он.

– Расход несколько больше нормы, – ответил Аркаша. – Тяга в правой дюзе меня не удовлетворяет.

– Правильно сказала Ирия, – вспомнила Алиса. – Ты должен был проверить дюзу.

– Не обращай внимания, – сказал Пашка. – Следи за приборами. Подходим к третьему контрольному пункту.

Луна на экранах увеличилась и приближалась. Уже можно было разглядеть даже самый маленький кратер и цепочки огней лунных баз и заводов.

Третий контрольный пункт Гай-до прошел четвертым. Но тонким маневром, который они провели с Алисой, к четвертому пункту, который был недалеко от Луны, им удалось обойти грузинский экипаж. Впереди шли только китайцы и греки.

– А вот теперь самое главное, – сказал Пашка, – используем притяжение Луны. Ты помнишь все расчеты, Гай-до?

– Я ничего не забываю, – ответил корабль.

– Ты можешь прибавить скорость?

– Летим практически на пределе.

– Продолжаем полет, – сказал Пашка.

Маневр перед пятым контрольным пунктом удался. Гай-до поравнялся с греческим кораблем. Но сзади, обогнав грузинский экипаж, их стала настигать черная с желтыми полосами, похожая на осу стрелка корабля из Новой Зеландии. Рядом с осой, словно привязанный, шел красный диск второй чукотской школы-интерната.

– Не обращай внимания, – сказал Пашка. – Следи за приборами. Подходим к третьему контрольному пункту.

Корабли летели вдоль теневой стороны Луны. Огоньки на ней были ярче. Земля скрылась из глаз.

– Мы догоняем «Янцзы»? – спросил капитан Гераскин.

– Нет, – ответил Гай-до.

– Тогда приказываю: переключить питание двигателя на резервную цистерну.

– Зачем? – удивился Аркаша. – У нас еще достаточно топлива в левом баке.

– Приказы не оспаривать! – рассердился Пашка. – Переключить.

– Исполняю, – сказал Аркаша.

– Исполняю, – повторил за ним Гай-до.

И тут все заметили, что корабль сразу прибавил скорости. Огоньки на поверхности Луны быстрее побежали назад, экипаж вдавило в спинки кресел – возросли перегрузки.

– Что случилось? – удивилась Алиса.

– Тайное оружие, – ответил капитан Пашка.

– Мы настигаем «Арго», – сказала Алиса. – При такой скорости мы обойдем «Янцзы» через шесть минут.

– Пашка, – сказал Аркаша, – объясни, что же произошло?

– Ничего, – ответил капитан. – Я вам обещал, что мы выиграем гонку. И мы ее выиграем.

– Я требую ответа, – повторил упрямо Аркаша. – Я хочу выигрывать честно.

– Ты обвиняешь меня в нечестности? – воскликнул Пашка.

– Еще не обвиняю, но подозреваю.

– Ничего удивительного, – сказал тогда Пашка. – Гай-до нашел резервы скорости.

– К сожалению, – послышался голос Гай-до, – капитан Гераскин не совсем прав. Никаких резервов во мне нет. Но топливо, которое поступает сейчас в мой двигатель, отличается от того топлива, что поступало раньше.

– Что ты туда подмешал? – спросил Аркаша.

– Ничего. Какое было, то и используем.

– Состав топлива мне неизвестен, – сказал Гай-до. – Но по всем компонентам могу предположить, что это – абсолютное топливо странников.

– Пашка! – воскликнула Алиса. – Ты взял топливо на планете Пять-четыре?

– Всего одну канистру, – сказал Пашка. – На самый экстренный случай. Я думал, что оно нам не понадобится. Но настоящий капитан должен быть предусмотрителен.

– Настоящий капитан не имеет права быть обманщиком, – сказала Алиса.

– И ты тоже! – обиделся Пашка. – Пойми же, мы как на войне. Мы должны победить. На нас надеются многие люди. Подумай, там внизу Ирия Гай. Она ради нас с тобой рисковала жизнью. Мы не можем ее подвести.

– Она тебе этого не простит, – сказала Алиса.

– Ты-то сама никогда не рисковала жизнью ради других! – сказал со злобой Пашка. – Тебе этого не понять. Тебе не понять, что мною двигает чувство благодарности.

«Как я не рисковала?» – хотела было крикнуть Алиса, но сдержалась. Она никогда не расскажет им о темной пещере, пауках и сороконожке.

– Послушай, капитан, – сказал Аркаша. – В правилах соревнований есть пункт: гонки проходят только на обыкновенном стандартном жидком топливе. Это условие соревнований. Все должны быть в равных условиях.

– Мы обходим «Янцзы», – сказала Алиса.

Они поглядели на экраны. Яркая точка «Янцзы» была уже сбоку и отставала с каждой секундой.

Из-за края Луны показалась светлая Земля в широких полосах и завитках облаков, зеленая и голубая.

Гай-до стремительно летел к Земле.

Прошли пятый контрольный пункт. Понеслись к шестому.

– Корабль «Гай-до», – послышался голос главного судьи, – ваша скорость превышает разумные пределы. Все нормально на борту?

Пашка наклонился к микрофону, потому что боялся, что его перебьет кто-то из своих:

– На борту все нормально. Мы включили дополнительные мощности двигателя.

– Все, – сказал Аркаша, поднимаясь с кресла. – Я в твои игры, Пашка, не играю. И если мы победили, я первый скажу, что победили мы нечестно.

– Я согласна с Аркашей, – сказала Алиса.

– Что? Бунт на борту? – Пашка был оскорблен в лучших чувствах. – Я старался для всех!

– Голосуем, – сказал Аркаша.

– Голосуем, – сказала Алиса.

И тут, как эхо, послышался голос Гай-до:

– Голосуем.

Никто на Земле не знал, что происходит на борту Гай-до. Комментатор с удивлением говорил о том, что корабль московской школы «Гай-до» на темной стороне Луны обошел всех соперников и сейчас проходит шестой контрольный пункт. Вторым идет «Янцзы». Его догоняют греческий и грузинский экипажи.

– Я запрещаю вам голосовать! – закричал Пашка. – На борту приказывает капитан.

– Кто за то, чтобы немедленно перейти на нормальное топливо? – спросил Аркаша.

– Я, – сказала Алиса.

– Я, – сказал Аркаша.

– Я, – сказал Гай-до.

– Тогда я отказываюсь быть капитаном, – заявил Пашка.

Не успел он это произнести, как Гай-до вздрогнул, словно налетел на невидимую стену. Корабль сам выключил резервный бак и включил левый. Скорость сразу упала почти вдвое, двигателям нужно было время, чтобы переработать получившуюся смесь, которая для Гай-до хуже, чем обычное топливо.

– Внимание! – говорил комментатор, и его голос был отлично слышен на капитанском мостике Гай-до. – Что-то происходит с московским экипажем. Скорость его резко упала. Его настигает «Янцзы».

– «Гай-до», – снова раздался голос главного судьи, – что с вами происходит?

– Перевыборы капитана, – ответила Алиса.

– Совершенно беспрецедентный случай, – изумился главный судья. – А нельзя было подождать до конца гонок?

– Нельзя, – ответила Алиса. – К тому же это наше внутреннее дело.

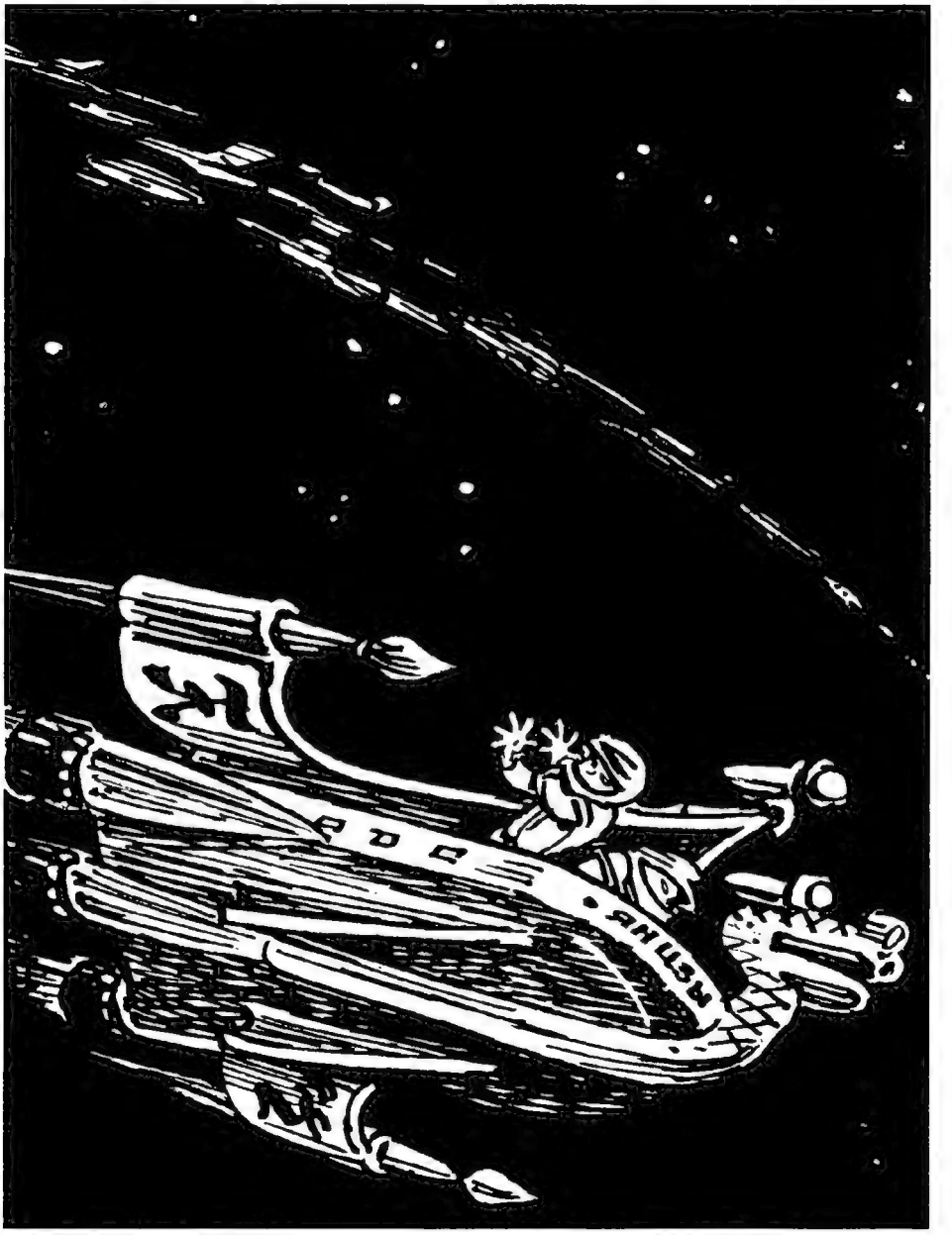
– Я согласен с вами, – сказал Густав Верн. – Но вы рискуете отстать от своих товарищей.

– Знаем, – сказала Алиса.

«Гай-до» на темной стороне Луны обошел всех соперников и сейчас проходит шестой контрольный пункт.

Больше она не говорила ни с кем. Она следила за приборами. Она понимала, что теперь единственный шанс не прилететь среди последних заключается в ее умении маневрировать. Гай-до тоже понял это и помогал Алисе как мог.

Скорость его немного возросла, но недостаточно для того, чтобы удержаться на первом месте.



Вот их обошел «Янцзы», затем грузинский корабль, за которым стремилась черно-желтая оса новозеландского экипажа.

У седьмого контрольного пункта Алиса и Гай-до сумели так тонко совершить поворот, что настигли грузин.

Пашка сидел за пультом, глядя прямо перед собой, будто ему не было никакого дела до того, что происходит вокруг.

Впереди уже была видна Земля. Алиса и Аркаша старались сделать невозможное, чтобы догнать «Янцзы», но уже было ясно, что Гай-до не удастся прийти первым. Оставалась надежда на второе место.

Как ни напряжены все были, Аркаша все же не удержался:

– Если бы не махинации с топливом, мы бы наверное догнали «Янцзы».

– Я уже подсчитал, – ответил Гай-до. – По крайней мере мы пришли бы одновременно.

– Мы сами виноваты, – сказала Алиса. – Мы знали, кого избрали капитаном.

– Какие вы забывчивые! – вдруг сказал с горечью Пашка. – Как быстро вы забыли, зачем мы летали на планету Пять-четыре. Мы же хотели добыть топливо странников и выиграть гонку. Тогда никто со мной не спорил.

– Конечно, мы не спорили, – согласилась Алиса. – Каждому хочется найти сокровища странников. А потом там столько всего случилось, что мы о топливе и забыли.

– Нет, не забыли, – сказал Пашка. – Среди нас был один человек, который всегда помнил о долге.

– Чепуха, – сказал Аркаша, – тогда мы еще не знали, что можно лететь только на обычном топливе. А как только мы узнали, то топливо странников стало нам не нужно. И не отвлекай Алису. Ей начинать следующий маневр.

Они пронеслись мимо девятого контрольного пункта.

Теперь надо было сбросить скорость, чтобы войти в атмосферу Земли.

«Янцзы», шедший впереди, сбросил скорость раньше, и расстояние между ним и Гай-до сразу уменьшилось.

Пашка закричал:

– Не спеши, не спеши сбрасывать! Чуть-чуть, они не заметят.

– Нельзя, – сказал Гай-до. – Это нечестно.

– И он тоже о честности! – вздохнул Пашка и снова замолчал. И молчал до самой посадки.

В последний момент Гай-до чуть не упустил второе место – черно-желтая оса новозеландцев приземлилась почти одновременно. Но фотофиниш показал, что серебряная ваза – награда за второе место – досталась все же Гай-до.

Наконец Гай-до замер на поле среди кораблей, которые один за другим снижались рядом. Надо было несколько минут подождать, пока приземлится последний из гонщиков.

Алиса сказала:

– Может быть, мы не будем никому говорить, что прилетели без капитана?

– Я согласен, – сказал Аркаша. – У Пашки есть смягчающее обстоятельство. Он сначала делает, а потом думает о последствиях.

– Я тоже согласен, – сказал Гай-до. – Ирия очень огорчится, если узнает, что мы ссорились в полете.

– Пашка, выходи первым, – сказала Алиса.

– И не подумаю.

– На нас смотрит вся планета, – сказала Алиса. – Сделай это ради Гай-до.

– Алиса права, – сказал корабль. – Может, снова будем голосовать?

– Не надо, – вздохнул Пашка. – Если вы меня так просите, то я сделаю для вас доброе дело. Хотя это не значит, что я вас простил. Мы могли быть первыми, если бы меня слушались.

Как только сел последний из кораблей, на трибуну взошел главный судья и почетные гости.

– Всех участников гонок просят подойти к трибуне, – услышали они голос Густава Верна.

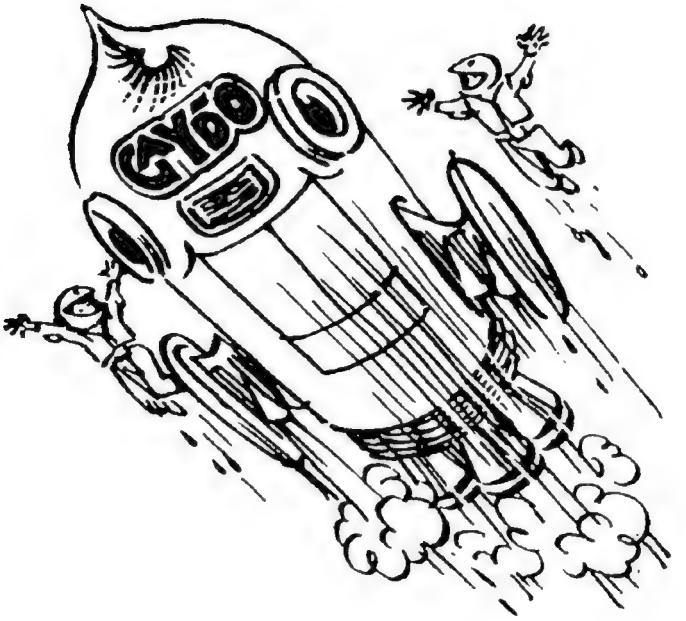
Пашка вышел из корабля первым. Аркаша за ним.

– Не скучай без нас, – сказала Алиса. – Спасибо тебе, Гай-до.

– Я не буду скучать, – сказал Гай-до. – Я буду смотреть на экране, как вас награждают.

И Алиса побежала вслед за друзьями.

– Первое место и хрустальный кубок победителя всемирных гонок вручается экипажу корабля «Янцзы», город Шанхай, – произнес главный судья, подняв над головой сверкающую награду.



Он передал хрустальный кубок Вану. Хотя, впрочем, многие считают, что он передал его Лю.

– Второе место и серебряный кубок вручается экипажу корабля «Гай-до», – сказал Густав Верн. – Несмотря на то, что экипажу пришлось преодолеть ряд дополнительных трудностей, московские школьники с честью вышли из положения.

Пашка первым взошел на пьедестал, принял серебряный кубок из рук судьи и поднял его над головой, чтобы его видела вся Земля.

Алиса отыскала в толпе зрителей Тадеуша с малышкой на руках. Тадеуш счастливо улыбался. А где же Ирия?

И тут Алиса увидела, как по опустевшему полю между замолкшими, неподвижными, как бы уснувшими кораблями бежит фигурка в белой косынке и голубом сарафане. Фигурка добежала до Гай-до и прижалась к его боку.

Как и договаривались, никто не узнал о том, что случилось на борту Гай-до. Может быть, Гай-до и признался Ирии, но она не выдала его.

После гонок ребята перелетели на Гай-до под Вроцлав. Они решили: пускай Гай-до поживет у своей госпожи. А когда его новые друзья соберутся в путешествие, он обязательно полетит с ними.

Они провели три чудесных дня в домике под Вроцлавом.

В лесу, на радость Алисе, уже поспела земляника, Аркаша собрал коллекцию бабочек, а Пашка выкопал большую яму на дворе заброшенного старинного панского поместья, потому что кто-то из его новых друзей проболтался, что там есть старинный клад.

Тадеуш, который первые дни поглядывал с опаской на корабль, стоявший как башня рядом с домом, вскоре примирился с Гай-до, потому что обнаружилась удивительная вещь: стоило малышке заплакать или просто закапризничать, как ее несли к Гай-до, и при виде космического корабля девочка замолкала. Она могла часами, не отрываясь, глядеть на Гай-до. А Гай-до подслушал, как молодые парни пели на улице мазурку Домбровского, и напевал ее девочке по-польски.

Когда путешественники вернулись в Москву, Алиса повесила грамоту, где было написано, что она – наследная принцесса, у себя над кроватью. Но знакомые задавали столько вопросов, что она сняла грамоту и спрятала в ящик письменного стола.

Она вынет ее, когда соберется полететь на ту планету, где, как известно, давно уже установлена республика, но многие помнят об императрице Моуд, которая пожертвовала жизнью, чтобы разоблачить злобного узурпатора.

Узники «Ямагири-мару»

Глава первая
ПОДВОДНОЕ КЛАДБИЩЕ

На каникулах после шестого класса каждый сам выбирал себе тему биологической практики. В маленьком коралловом домике биостанции на Гоголевском бульваре собрались все биологи. С утра над Москвой синоптики устроили мелкий теплый дождь, потому что паркам и садам нужна была влага – наступало время цветения. Дождик уютно постукивал по молодым листьям, капли влетали в открытые окна. Жираф Злодей, существо доброе, но глупое, сунул голову в окно, полагая, что он спрятался от дождя. Питекантроп Геракл попросил у Аркаши Сапожкова зонтик и гулял по дорожке, порой громко ухая, чтобы привлечь к себе внимание. Он был уверен, что, завладев зонтиком, уже превратился в человека. Остальным обитателям биостанции дождь не мешал, и поэтому они, в свою очередь, не мешали юным биологам.

Первыми рассказывали о своих планах на лето близнецы Маша и Наташа Белые. Они решили уехать со своими ручными дельфинами на Черное море, потому что у Медеи вот-вот должен родиться малыш, и сестры решили с детства учить дельфиненка человеческому языку. Они рассу-

дили, что трудности с обучением дельфинов происходят из-за того, что учат обычно взрослых, а взрослые уже знают свой дельфиний язык и новый учить им недосуг.

Биологи одобрили решение близняшек, только Пашка Гераскин, который, разумеется, опоздал, сказал:

– Первой фразой, которую выучит твой дельфиненок, будет: «Отстаньте от меня, люди!» – А что ты будешь делать, Паша? – спросила Галина Петровна, наставник по биологии.

– Я еще не сформулировал, – скромно ответил Паша. – Может, вернусь к опытам по дрессировке белых грибов, чтобы они по сигналу сбегались к корзинке.

– Что очень показательно для твоего характера, – сказала Машенька Белая. – Один литературный герой уже придумал вареники, которые прыгали ему в рот.

– Теперь твоя очередь, Алиса, – сказала Галина Петровна.

– Хорошо, – ответила Алиса и подошла к стене, где висела географическая карта. – Только сначала я должна кое-что рассказать. Сто пятьдесят лет назад на Тихом океане бушевала война. В те дни 1941 года, когда немецких фашистов разгромили под Москвой, их японские союзники неожиданно, без объявления войны, напали на американский флот, который стоял в бухте Перл-Харбор на Гавайских островах. Впрочем, вы ведь знаете историю...

– Все равно рассказывай, – сказал Пашка. – Было морское сражение?

– Нет, – сказала Алиса. – Японский флот не подходил близко к Перл-Харбору. Но японские бомбардировщики поднялись с авианосцев и ранним утром сбросили тысячи бомб на американский флот. Самые сильные американские линкоры были потоплены, и поэтому японцы смогли послать корабли с десантом на юг и в несколько месяцев захватили всю Юго-Восточную Азию. Но постепенно их наступление остановилось. Война затягивалась. Японцам все труднее было вывозить из оккупированных стран награбленное добро. Американские подводные лодки топили их транспорты, а самолеты бомбили их. И вот теперь о том, что мало кто знает. В начале 1944 года японцы собрали большой конвой. В нем было около тридцати транспортов и танкеров. Охраняли их два крейсера и авианосец «Секаку». Этот конвой собрался в Сингапуре и взял курс на остров Яп.

– А что эти транспорты везли? – спросил Джавад Рахимов.

– На некоторых было награбленное добро – каучук, нефть, тиковое дерево, олово... Были там и транспорты с войсками, танки, пушки, солдаты, которых отправляли, чтобы укрепить гарнизон Марианских островов, где готовились высадиться американцы.

Алиса показала на длинную дугу островов.

– Утром третьего февраля конвой был замечен американским самолетом, как раз когда он приближался к атоллу Моруту, вот здесь. Самолет сообщил о конвое, и тут же с американских авианосцев поднялись бомбардировщики. В тот район вышла «волчья стая».

– Что? – удивился Пашка.

– Так называли группы подводных лодок, они нападали на добычу все вместе, как стая волков. Три часа длилось избиение конвоя. Некоторые корабли пытались спастись в лагуне атолла Моруту. Их разбомбили уже там...

– Все это очень интересно, – сказала Галина Петровна. – Но какое отношение это имеет к твоей практике?

– Через много лет после войны на атолле Моруту побывали биологи. И они обнаружили интересную вещь – оказывается, потонувшие корабли постепенно превращались в рифы. На них селились кораллы и водоросли, гнездились колонии рыб и моллюсков. Причем там удалось найти новые виды морских существ. Ведь эти искусственные рифы были железными, в танкерах была нефть. Все это влияло на состав воды в атолле. Кораллы, например, росли там втрое быстрее, чем на обычных скалах. Уже много лет никто не бывал на атолле Моруту. И по-моему, очень интересно поглядеть, что там сейчас происходит. К тому же на острове Яп, – Алиса показала указкой на карту, – теперь есть морская ферма. Им хочется узнать, нельзя ли устроить филиал фермы на атолле Моруту.

– А чего они сами не съездят туда? – спросила Машенька Белая.

– У них людей не хватает. Поэтому они обрадовались, что я собираюсь на атолл, и дадут мне батискат.

– Кого дадут? – спросил Пашка.

За Алису ответила Машенька:

– Ты что, батиската не видел? У нас на Черноморской станции их штук пять. Это катер, который может идти по морю, а если надо, опускается на любую глубину.

– Вот тут, недалеко, – сказала Алиса, – есть Марианская впадина, глубочайшая в океане. Больше десяти километров. Батискат может опуститься туда, и ничего с ним не случится.

– И ты одна поплывешь? – спросила Машенька.

– Если никто из вас не хочет ехать со мной, я поищу себе попутчика в Индонезии, сегодня позвоню тамошним юным биологам, – сказала Алиса.

– Погоди, – прервал ее Пашка. – Есть вопрос. А сокровища на кораблях были?

– Может, и были, – ответила Алиса. – Их даже искали. Кто-то писал, что на «Ямагири-мару» хранилась годовая добыча рубинов из Бирмы. Подводники туда спускались, но ничего не нашли.

– Очень любопытно, – сказал Пашка. – Возможно, я отправлюсь на практику с тобой. Тебе может пригодиться мужчина.

– Честно говоря, – сказала Алиса, – я бы предпочла другого спутника. Ты очень склонен к романтике. А там надо работать.

Глава вторая
ТАИНСТВЕННЫЙ УБИЙЦА

Остров Яп – место тихое, в стороне от больших путей. На нем расположен один из природных заповедников Тихого океана. Там нельзя строить никаких предприятий. На острове есть небольшой городок с современными зданиями, школами и больницами, там же – лаборатории и правление подводной фермы, где и работает большинство жителей острова. Но на другом берегу острова осталось несколько деревень, точно таких, какими они были сто и двести лет назад. Живут в них в основном старики и малыши, которым еще рано идти в школу.

Остальные островитяне приезжают в эти деревни в отпуск, отдохнуть, порыбачить.

Алиса с Пашкой заглянули в правление фермы. Там никого не было – время обеденное. Тогда они пошли погулять по берегу, заглянули в деревню, потом славно искупались в теплом ласковом море и улеглись на берегу.

– Все-таки неплохая у тебя идея, – сказал Пашка. – Практика у Северного полюса скучнее.

– Я и к Северному полюсу соберусь, – ответила Алиса.

– Не спеши. А знаешь, я перед отъездом подключился к информатору, попросил проверить, что сохранилось в архивах по поводу «Ямагири-мару». Транспорт в самом деле шел из Рангуна. А в показаниях на про-

цессе военных преступников полковник Судзуки, который отвечал за погрузку, сообщил, что в последнюю минуту на корабль была доставлена стальная шкатулка с рубинами.

– Оставь свои мечты, – сказала Алиса, переворачиваясь на живот. С непривычки можно и обгореть. Ведь еще утром они были в Москве, где прохладно и моросил дождик. – Подводники обследовали капитанскую каюту. Там ничего нет.

– Ага, – не стал спорить Пашка. – А в трюмах знаешь что было?

– Забыла. Кажется, рис.

– Никакой не рис. Танки. Танковую бригаду перебрасывали на Сайпан.

– Может быть, – Алисе было лень разговаривать. Налетел теплый ветер, зашуршал листьями пальм. Высохший кокосовый орех валялся на песке. Море накатывалось на берег мягко и тихо.

– Давай еще разок окунемся, – сказал Пашка.

– Иди, – сказала Алиса.

И Пашка побежал к морю.

Повернув голову, Алиса глядела, как он вбежал в воду, подняв фонтан брызг.

И тут же сверху, от деревьев, послышался крик:

– Назад! Немедленно назад!

По берегу к воде бежал высокий, очень худой, почти черный человек в плавках и голубом тюрбане. Алиса узнала его – они говорили по видеофону всего два дня назад, из Москвы. Это был доктор Аран Сангх, директор подводной фермы.

Алиса вскочила. Пашка не слышал. Он бултыхался в воде.

Сангх, не обращая на Алису внимания, пронесся мимо и врезался в воду как пуля. В несколько секунд он настиг Пашку, схватил его и поволок обратно к берегу. А так как Пашка не понял, что происходит, и вообразил, что на него напал пират-людоед, то он сопротивлялся изо всех сил.

Только минут через пять на берегу наступило спокойствие. Пашка уселся на песок рядом с Алисой.

– Можно было позвать нормально, – сказал он недовольно. – Я вам не добыча.

– Я звал, – сказал Сангх. – Никто не откликался.

– Он звал, – подтвердила Алиса. – Только не знаю почему.

– Остров небольшой, приезжающих нет, – ответил Сангх. – Так что все знают – в море купаться нельзя.

– А что, акулы? – обрадовался Пашка. Ему теперь рассказов на год хватит.

– Хуже, – ответил Сангх. – Смерть. Я как узнал, что вы прилетели на остров, сразу кинулся вас искать – вернее всего, гости из холодной страны сразу захотят искупаться.

– Смерть! – воскликнула Алиса.

– Я не преувеличил, – сказал Сангх. – У нас серьезные неприятности. Как вы знаете, отделения фермы разбросаны по всему океану. В некоторых разводят молодь осьминогов и тунца, в других – жемчужниц... впрочем, вы это потом увидите. Есть и лаборатории, инкубаторы – большое хозяйство. Шесть дней назад кто-то напал на садок осьминогов – они погибли.

– Может, уплыли? – спросил Пашка, который все не мог простить Сангху, что тот его столь неуважительно вытащил из воды.

– Сетки были разорваны, от осьминогов почти ничего не осталось. Но кто виновник нападения – неизвестно. Ничего подобного раньше у нас не было.

– А где-нибудь было?

– Что-то похожее случилось весной севернее, у острова Сайпан, на краю Марианской впадины. Кто-то разорил там жемчужную отмель, сожрав всех моллюсков. И снова никаких следов.

– Неужели никто не следит за этими садками? – спросила Алиса.

– После того, как погиб еще один садок, мы удвоили бдительность. Прошел всего день, как раздался сигнал тревоги – его подавал кашалот Палау, ручное животное, большой наш друг. Он часто приплывал к нам.

– Как кашалот может подавать сигнал? – удивился Пашка.

– У тех китов и кашалотов, за которыми мы наблюдаем, есть передатчики. Мы всегда знаем, где находится кит, как он себя чувствует. Палау передавал сигналы страха и боли... Потом связь прервалась. Мой помощник немедленно сел во флаер и помчался в тот квадрат. Там Палау не было. Мы послали туда батискат. И он отыскал то, что осталось от Палау. Обглоданный скелет. На костях кашалота были следы мелких острых зубов, такие же, как на сетках садка осьминогов. Судя по следам, владельцы зубов невелики. И это еще больше запутывает картину.

– Значит, ничего не известно? – спросила Алиса.

– Объявлена тревога. Во всем районе от Марианской впадины до наших островов. Купаться запрещено. Ищем...

Аран Сангх поднялся.

В несколько секунд он настиг Пашку, схватил его и поволок обратно к берегу.

– Пойдемте, я вас накормлю. А потом решим, что делать. Может быть, отложить ваше путешествие?

Они пошли по узкой тенистой тропинке к станции.

– В батискате нам ничего не грозит, – уговаривала Алиса Сангха. – Никакая рыба его не одолеет.

– Тогда я должен взять с вас слово, – сказал Аран Сангх, – что вы не будете покидать батискат ни при каких обстоятельствах. И будете поддерживать с нами постоянную связь.

– Нет вопросов, – сказал Пашка. – Обещаем.

Пообедав, они втроем спустились к пристани, где был пришвартован батискат. Он был похож на веретено с полушарием наверху. Полушарие было прозрачным – для наблюдений. К тому же батискат был снабжен иллюминаторами по бортам и спереди.

Внутри было тесно, он был рассчитан на двоих исследователей. В задней части была небольшая каюта, под стеклянным полушарием размещалась рубка. Батискат был снабжен манипуляторами, которые выдвигались по сторонам переднего иллюминатора.

Когда они подошли к кораблику, из люка появился робот, который доложил, что все системы батиската проверены, вода и пища в расчете на неделю автономного плавания. Связь работает нормально.

Так что ничто не мешало с утра отправиться к атоллу Моруту.

Глава третья
АТОЛЛ МОРУТУ

Алиса с Пашкой отправились в путь на рассвете.

Море было синим, по нему катились редкие пологие валы, небо было еще темным, только там, где должно было подняться солнце, тянулись рваной марлей перистые облака.

Отплыли. Пашка проверил, как работает связь. Верхний прозрачный колпак юные биологи задвигать не стали – через него в рубку влетал влажный прохладный ветер и мелкие соленые брызги.

Алиса пустила батискат быстрее, он подпрыгнул, как жеребенок, и пошел, срывая верхушки валов и ударяясь о воду, отчего получились хлесткие гулкие удары.

На костях кашалота были следы мелких острых зубов, такие же, как на сетках садка осьминогов.

Пашка вышел на связь с фермой. Аран Сангх пожелал им счастливого пути и напомнил об осторожности. Путешествие проходило без приключений. Часа через два Алиса поставила батискат на автопилот, а сама приготовила завтрак – на Пашку было мало надежды, он отличался склонностью к экспериментам, и потому обед в его исполнении оказывался несъедобным.

Еще через час они добрались до атолла Моруту.

Атолл – кольцо коралловых рифов окружностью около десяти километров. С запада в кольце был разрыв – достаточно широкий и глубокий, чтобы туда мог пройти океанский корабль. На восточной стороне разрывов не было, там даже росли пальмы и кустарник. В центре лагуны поднимались два голых острова.

Алиса снизила скорость, Пашка приклеился к переднему люку. Лагуна была прозрачной, и вода пронизывалась солнечными лучами.

– Ничего нет, – сообщил Пашка. – Дно неровное, скалы, камни, но никаких кораблей. Ты уверена, что мы в правильную лагуну приехали?

– А ты с поверхности ничего и не увидишь, – сказала Алиса. – Ведь полтора века прошло.

Батискат пересек лагуну и ткнулся носом в противоположный берег.

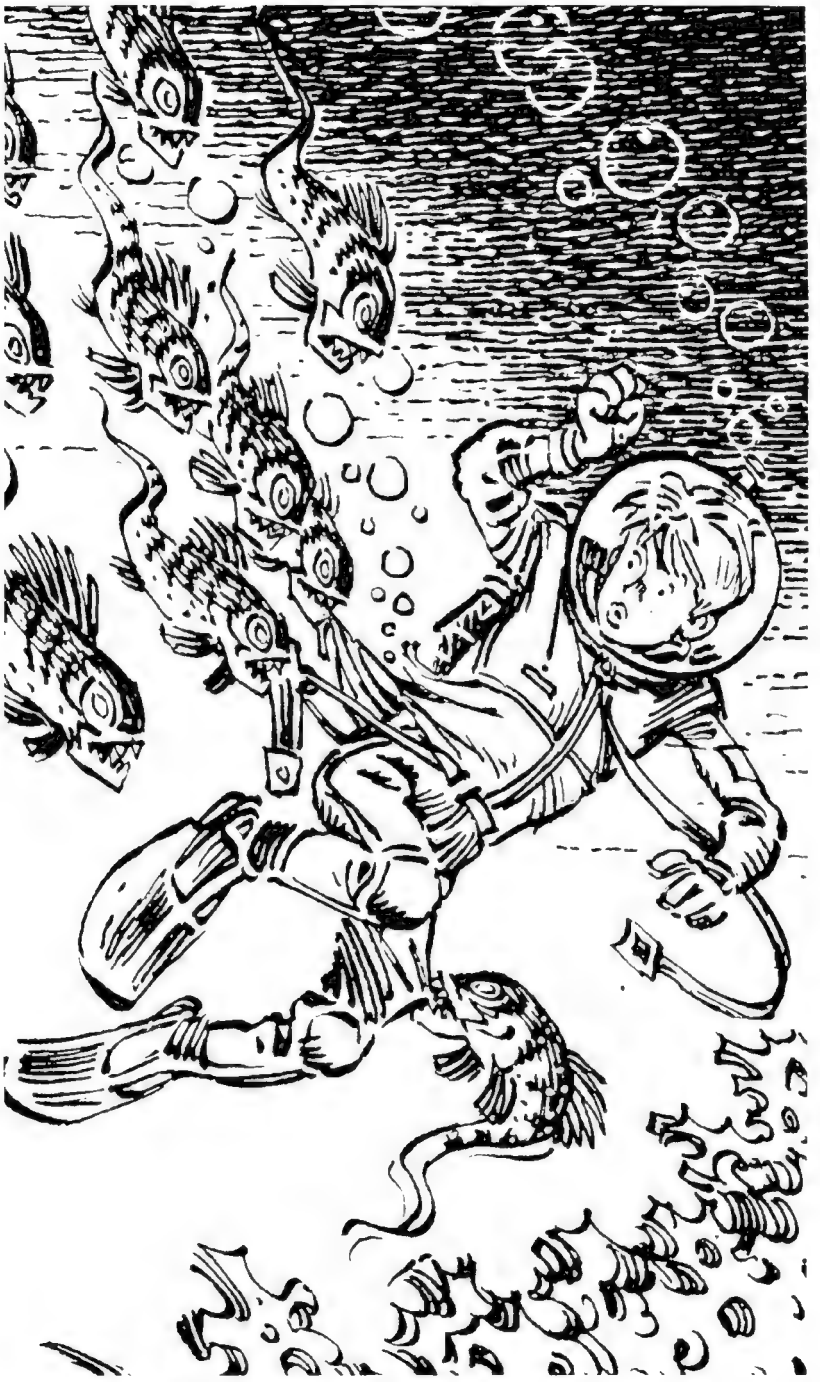
Они устроились под большой кокосовой пальмой. Пашка сразу углядел орехи, разулся и полез наверх, цепляясь ногами, как обезьяна, а Алиса принялась читать отчет прошлой экспедиции.

Пашка добрался до середины острова, устал и решил нарушить договор с Сангхом. Он тихонько отошел подальше по берегу и вошел в воду с внешней стороны лагуны. Из песка высовывались острые кораллы, волны норовили сбить с ног, а глубина никак не начиналась. Наконец он зашел по пояс и поплыл.

Когда Пашка оглянулся, ему показалось, что берег уже далеко. И он, хоть и хорошо плавал, встревожился. Одно дело плавать в Черном море, другое – в Тихом океане.

Пашка поплыл обратно. И в этот момент его кто-то больно укусил за ногу.

Пашка буквально подпрыгнул над водой и попытался достать рукой до больного места. Что-то тонкое, словно жгут водорослей, попало ему в пальцы, он рванул, но боль не уменьшилась. Тогда Пашка понесся к берегу изо всех сил. Он ударился коленом о песок и выскочил на мелководье.



Пашка поплыл обратно. И в этот момент
его кто-то больно укусил за ногу.

Ковыляя к берегу, Пашка разглядел, что в руке у него не водоросли, а тело длинной и тонкой красивой полупрозрачной рыбки. Голова же рыбки, небольшая, усеянная мелкими зубьями, осталась на коже – она так сильно вцепилась в икру Пашки, что даже после смерти не разжала зубов.

Ранка немного кровоточила и болела. Может, потому, что в нее попала соленая вода, а может – и этого, конечно, Пашка испугался больше всего, – рыбка была ядовитой.

В мрачном настроении Пашка побрел к Алисе. Алиса была так погружена в расчеты, что его пятиминутного отсутствия не заметила.

Пашка не стал бы ей рассказывать о своем проступке, если бы не страх умереть от ядовитых зубов.

– Алис, – сказал он. – Ты, конечно, не волнуйся, но на меня напало морское существо. Боюсь, что ядовитое.

– Что? – Алиса сразу вскочила. – Как оно забралось на берег?

– Оно, может быть, и не забралось, – сказал Пашка. – Я с ним встретился там...

Он показал на море.

– Покажи! – Алиса присела на корточки рядом с Пашкой и осмотрела ранку. Края ее немного припухли, кровь уже не шла.

Алиса прыгнула в батискат, достала оттуда аптечку, отыскала в ней универсальное противоядие и смазала им ногу Пашки. Пока она занималась лечением, до нее дошло, что Пашка нарушил запрет.

– Ты как там оказался? – грозно спросила Алиса.

– Понимаешь... – Пашка искал серединку между правдой и ложью, в которую и самому можно поверить. Ведь если не поверишь сам, как убедишь остальных? – Я пока лазил на пальму, весь извозился. Вот и решил ноги помыть. Отошел от берега шагов на... сто. Эта рыбка на меня и кинулась.

– А почему голова мокрая?

– Волна налетела, – сказал Пашка. Он уже сам себе поверил. – Щиплет. Хватит меня мазать.

– Вот когда разболится, тогда раскаешься. Какая из себя рыбка была?

– Тонкая, полупрозрачная, а зубы острые. Она так вцепилась, что голова оторвалась. Даже рассказывать противно.

– Сиди здесь и отдыхай, – сказала Алиса. – Если будет хуже, я тебя отвезу обратно. И зачем только я согласилась взять тебя с собой? Балласт!

Алиса оставила Пашку на берегу и в первое погружение пошла одна. Но прежде она связалась с фермой и сказала, что все в порядке. Она не стала рассказывать о приключении Пашки, потому что взрослые всегда преувеличивают опасности. Сангх приказал бы свернуть экспедицию.

Алиса кинула последний взгляд на Пашку, который сидел под пальмой, вытянув ногу и воображая себя раненым конкистадором, потом закрыла колпак и осторожно повела батискат вниз, в зеленую глубину лагуны.

Вокруг сновали тропические рыбки, разноцветные, причудливых форм. Одни носились стайками, другие проплывали неспешно. Вспугнутая батискатом, сверкнув злым глазом, проплыла хищная мурена, полупрозрачные медузы покачивались перед иллюминатором. Здесь, у первого из затонувших транспортов, было неглубоко. Транспорт почти дотянул до суши, и раньше его мачты даже выступали над поверхностью воды.

Кораллы поднялись букетами черных, розовых и белых цветов. Потом Алиса увидела красную губку, по которой ползла пятнистая морская звезда. Она согнала звезду манипулятором и сорвала губку.

Стайка тропических рыбок пронеслась мимо иллюминатора. Что могло их испугать? Потом Алиса увидела горбатого краба, боком убегавшего по коралловому кусту. За крабом гнались полупрозрачные рыбки. Они изгибались, тыкались маленькими головками в панцирь. Алиса включила камеру, которая начала снимать эту сцену. За краба Алиса не волновалась – никакой рыбке, даже зубастой, не прокусить его панциря. Но тут она поняла, что дела краба совсем не так хороши, как показалось вначале. Рыбки облепили краба так, что Алиса ничего не видела. Потом рыбки рассыпались по сторонам, и на дне остался объеденный панцирь.

Так как Алиса никогда таких существ не встречала, она попросила бортовой компьютер определить их. Почему-то тот не смог дать ответ. Но надо было работать.

С помощью манипулятора Алиса сбила кораллы с возвышения на бывшей палубе. Под слоем кораллов обнаружился большой ржавый шар. Компьютер ожил и сообщил, что это – морская мина, поэтому он не рекомендует чистить дальше.

Алиса согласилась и решила подняться, поглядеть, как себя чувствует Пашка, и заодно рассказать ему про нападение на краба. Про мину она рассказывать не будет; исследовательский зуд заставит ее друга тут же нырнуть и что-нибудь отвинтить.

Пашки на берегу не было видно.

Алиса встревожилась и погнала батискат к пальмам. Уже въезжая на берег, она увидела Пашку. Он, оказывается, вырыл себе в песке яму и улегся в нее. Там было прохладно, и Пашка мирно заснул.

Алиса будить его не стала, проверила, как нога, – припухлость была невелика и, видно, Пашку не беспокоила. Поэтому Алиса стала готовить чай. Конечно, проще и быстрее было сделать это в батискате, но глупо сидеть в каюте, когда такая погода. Она вынесла чаеварку на берег.

Пашка проснулся, заявил, что ему снился страшный сон, и хотел снова идти купаться. Алиса, которой самой до смерти хотелось поплавать, начала спорить с ним, и в конце концов они решили, что возьмут с батиската рыболовную сеть и отгородят ею кусочек океана.

Пока они этим занимались, позвонил Аран Сангх, и Алисе пришлось бежать в рубку, чтобы поговорить с ним.

Аран Сангх был полон подозрений – не купаются ли юные биологи. Он сказал, что поступил еще один сигнал, на этот раз от дельфинов – кто-то напал на них. Сейчас поднимаются флаеры спасательной службы. Если Алиса заметит что-нибудь подозрительное, надо сразу сообщить на ферму.

В огороженном садке было мелко, пришлось лечь на дно, чтобы поверить, что плаваешь. С востока шли темные облака, они громоздились на горизонте, и когда Алиса после купания помыла чашки и принесла их в рубку, она спросила у компьютера, что с погодой. Тот сообщил, что надвигается шторм.

Быстро наступил вечер, он был коротким, потому что солнце нырнуло в сизые облака, которые поднимались над океаном. Океан затих, катились по нему невысокие, маслянистые, черные волны, пальмы опустили листья, словно покорно ждали нападения.

Алиса с Пашкой посидели немного на берегу, но было тревожно и даже страшновато. Низкий атолл почти не поднимался над океаном, и казалось, что они совсем одни под громадным недобрым небом... И когда первый порыв ветра достиг атолла, он был таким могучим и всесильным, что поднял к небу песок и согнул до земли покорные пальмы, словно хотел показать, что ему ничего не стоит сдуть и Алису с Пашкой.

Алиса сообщила на ферму, что они переждут ураган в батискате, уговорила Пашку уйти внутрь, и они спустились под воду.

Под водой они и ночевали.

Глава четвертая
В ПОГОНЕ ЗА КЛАДОМ

Пашка проснулся первым и в ужасном настроении. Разумеется, он куда лучше провел бы каникулы в любом другом месте Земли или Солнечной системы. Почему-то он должен бегать от рыб и ночевать в железной банке.

Алиса не стала с ним спорить, потому что ему этого больше всего хотелось. Она приготовила кофе, потом вышла на связь с фермой. Дела на ферме были хуже некуда. Вечером загадочно погибла стая дельфинов. Причем трагедия произошла всего в пятидесяти милях от атолла Моруту. Когда Алиса попрощалась с Сангхом, Пашка ворчливо сказал, что удивляется, почему Алиса не сообщила о том, что на него напала рыбка. Ведь не исключено, что он может погибнуть.

– Что же, – сказала Алиса, – сейчас я снова свяжусь с фермой, пускай за тобой прилетят. Полежишь в госпитале.

– Ты с ума сошла! – возмутился Пашка. – Из-за жалкой царапины ты хочешь упрятать меня в больницу?

– Но тебе, наверно, больно ходить?

– Лучше выберемся наружу, поглядим, что осталось от атолла.

Ураган миновал, и, если не считать одной сломанной пальмы, ничто о нем не напоминало.

Пашка побежал по берегу поглядеть, не выкинули ли волны старинную бутылку с просьбой о помощи или мешок с дублонами. Ни бутылки, ни мешка с дублонами он не отыскал, но мысль о кладе к нему вернулась.

Зато Алисе повезло больше. На песке она отыскала выброшенную волной полупрозрачную рыбку, из старых знакомых. Теперь бортовой компьютер мог изучить ее более детально. Заработали анализаторы. Потом электронный мозг ответил: вид ему неизвестен, но ясно, что это мутация, причем недавняя. По составу микроэлементов в тканях можно утверждать, что эта особь еще недавно обитала в Марианской впадине. Почему она покинула глубоководье и появилась здесь, неизвестно.

Это было очень интересно и похоже на открытие. Но пора было исследовать подводное кладбище. Алиса позвала Пашку.

За первые два часа они предварительно осмотрели шесть кораблей, лежащих в лагуне. Алиса научилась угадывать их очертания, несмотря на заросли водорослей и наросты кораллов. Пашка, который раньше на тропических атоллах не работал, был в полном восторге от разноцветия

этого подводного мира – от всех этих полосатых рыб и пятнистых морских звезд, от голубых креветок и красных крабов, от кораллов, похожих на деревья, от губок и моллюсков, схожих с цветами.

Но скоро Пашке надоело помогать Алисе фотографировать кораллы, измерять их размеры и скорость роста. Ему не терпелось поглядеть на «Ямагири-мару».

«Ямагири-мару» лежал в глубине, вне лагуны, по Алисиным планам, его очередь подойдет дня через два, но Пашка буквально умолил ее отправиться к транспорту.

Они нашли транспорт не сразу – пришлось включить прожектор. Глубина там была около ста метров, подводный мир не так богат и разнообразен, как в лагуне.

Транспорт лежал, склонившись набок. Одна из труб не упала и казалась старинной крепостной башней, обвитой плющом. От удара о дно, а может, от бомбы транспорт раскололся, и между кормой и остальным корпусом зияла темная пропасть.

– Нам туда, – сказал Пашка.

– Зачем? – спросила Алиса.

– Поглядим, где лежит шкатулка с рубинами, – просто ответил Пашка.

– Опять ты за свое!

– Но попробовать можно?

Алиса колебалась. Будь она взрослым исследователем, наверное, она бы отказалась послушаться Пашку. Но в двенадцать лет любому хочется приключений. В этот момент их вызвал Аран Сангх. Беды не оставляли ферму. Невидимый враг во время урагана напал на один садок. Кроме того, пропал без вести турист, прилетевший на Яп. Вернее всего, не послушался, ушел купаться...

– Неужели никаких данных нет? – спросила Алиса.

– Установили два факта, но пока не знаем их значения. Во-первых, мы теперь точно знаем, что у бандитов маленькие острые зубы, во-вторых, собрали все сведения о подобных нападениях за последние недели, и теперь можно сказать, что они начались в районе Марианской впадины к востоку от острова Сайпан и постепенно перемещаются к юго-западу. А как у вас дела?

– Мы осматриваем корабли. Очень интересно.

Сангх пожелал счастливой работы и напомнил об осторожности. И они попрощались до обеда.

Транспорт лежал, склонившись набок. Одна из труб не упала и казалась старинной крепостной башней, обвитой плющом.

Пашка включил манипуляторы и с их помощью очищал проход в щель, что вела в трюмы корабля. Что-то сказанное Араном Сангхом встревожило Алису. Что-то о Марианской впадине. Может, она и вспомнила бы, но Пашка громко спросил:

– Ну как, мы спускаемся или нет?

– Спускаемся, – сказала Алиса.

– Алиса, – сказал Пашка. – Видишь коридор?

Это был не коридор – громадное отверстие, которое зияло перед ними, было трюмом... Оно, словно открытая дверь, манило внутрь.

Батискат осторожно приблизился к отверстию. Оно было достаточно широким, чтобы в него прошли десять батискатов.

Трюм был уставлен ящиками и контейнерами, когда-то от толчка они сползли к борту. Потом за долгие годы водоросли и кораллы обжили эти искусственные скалы.

Алиса увлеклась работой – манипуляторы трудились, отбивая образцы для исследования. Пашка маялся. Ему хотелось проплыть глубже в трюм и посмотреть, что там. Но он пока терпел.

– Интересно, правда? – спросила Алиса, разгибаясь, – руки устали работать с манипуляторами.

– А ты не заметила одной детали, которая бросилась бы в глаза любому элементарному Шерлоку Холмсу? – спросил Пашка. – Где рыбы? Где креветки? Где крабы? Почему даже морские звезды не хотят здесь жить?

И в самом деле, в пещере трюма ничто не двигалось. Лишь губки, кораллы и водоросли обитали там. И ни одного животного.

– Здесь какой-то яд! – предположил Пашка.

– Вряд ли, – сказала Алиса. – Если бы был яд, водоросли и губки тоже бы погибли.

– Но он может действовать только на животных. Понимаешь, скопился здесь за сто лет...

И тут, как бы нарочно, чтобы опровергнуть Пашку, рядом с иллюминатором полупрозрачной массой проплыла целая стая знакомых рыбок. Они выплыли из глубин корабля и спешили наверх. Некоторые заметили батискат и начали кружиться возле него, даже пробовать на зуб.

– Тогда яд на них тоже не действует, – сказала Алиса и схватилась за рычаги манипуляторов, чтобы выпустить тонкую сеть и поймать несколько рыбок.

– Давай проплывем еще несколько метров вглубь, – сказал Пашка. – Поглядим, как там.

Батискат плыл как бы по просторному залу, украшенному гирляндами к Новому году и устланному зеленым пышным ковром. Наконец впереди показалась стена – переборка. В ней проход.

– Вроде больше ничего интересного, – сказала Алиса.

– Впереди самое интересное, – ответил охотник за сокровищами.

Глава пятая
В ПЛЕНУ

Медленно и осторожно батискат вплыл в следующий отсек. Прожектор выхватывал из черноты сплетения водорослей неясные очертания предметов, которые настолько потеряли форму, что невозможно было угадать, чем они были когда-то.

Алиса вела батискат на самой малой скорости. Проход становился все теснее, и пора было поворачивать обратно. Поэтому Алиса остановила батискат и включила манипуляторы, чтобы они взяли образцы флоры. И тут она увидела впереди серое движение.

Она перевела туда луч прожектора и не сразу поняла, что видит громадное скопление полупрозрачных рыбок, которые сплелись в шар диаметром метра в два.

– Попробуй их тронуть манипулятором! – сказал Пашка.

Рука манипулятора двинулась вперед, и в то же мгновение шар распался, превратившись в серое облако, которое заполнило собой весь трюм. Рыбки с яростью бросились на батискат, и видно было, как они бессильно скребли его маленькими зубами. Часть их стала отступать, утекая серой рекой в темный проход сбоку.

Алиса двинула батискат вслед за ними. Рыбки продолжали атаковать подводный кораблик. Они облепили иллюминаторы. «Еще десять метров, – сказала себе Алиса, – и назад».

Перед ними поднималась преграда, схожая со скалой, и надо было подняться наверх, туда, где над скалой кишели тучей рыбки. Некоторые ныряли внутрь скалы, которая, видно, была полой.

– Алиса, знаешь, что это такое! – воскликнул Пашка. – Это же танк.

И в самом деле можно было различить орудие, которое смотрело прямо на них и казалось зеленым, обросшим мхом бревном. Рука ма-

нипулятора содрала сверху слой губок, и под ним обнаружилась орудийная башня.

– Погляди с той стороны – это тоже танк?

Алиса приказала манипулятору обследовать скалу справа. Видимость была плохой. В дополнение к туче рыб, которые мешали смотреть, манипулятор, освобождая танк от губок, поднял тучу ила.

– Подождем, – сказала Алиса.

Но ждать не пришлось. Манипулятор задел за столб или стойку, – впрочем, они так и не узнали, что это было. Сгнивший и проржавевший внутри корабль был настолько ветхим и перегруженным населившими его кораллами, губками и водорослями, что потолок трюма не выдержал и медленно, как в кошмарном сне, начал опускаться на них. Многотонный груз верхних палуб упал сверху на батискат и вдавил его в пол. Видимость сразу пропала. Батискат, хоть рассчитанный на многоразовые перегрузки при глубоководных погружениях, застонал от неожиданного удара. Казалось, что он расколется как орех.

Свет в батискате погас, треск был невыносимым и зловещим, и так как Алиса с Пашкой сначала не поняли, что произошло, они скатились к стене рубки, а на них в полной темноте посыпались разбитые приборы.

Потом стало очень тихо. Только медленно ухали, устраиваясь поудобнее, железные балки переборок.

– Ты жив? – спросила Алиса.

– Жив, – ответил Пашка. – У него аварийное питание есть?

Алиса нащупала пульт – пульт был почти цел. Третья кнопка справа.

Зажегся свет. Алиса выбралась из-под опрокинутого кресла. Болела рука.

Как только они немного отдышались и поняли, что воды в батискате нет, Алиса включила прожектор. Он горел. Только перестал двигаться. Вода за иллюминатором была мутной настолько, что не разглядишь ничего за метр.

– Придется подождать, – сказала Алиса, – пока муть уляжется. А то мы не знаем, куда плыть.

– Назад, – уверенно сказал Пашка, – нас не переворачивало. Просто повалило набок.

– Хорошо бы, – сказала Алиса.

Она не хотела пугать Пашку, но сквозь муть она постепенно различила темную массу, навалившуюся на верхний прозрачный колпак. К тому

же перед передним иллюминатором протянулась рука манипулятора, которая торчала под неестественным углом. Алиса включила манипулятор. Видно было, как металлическая рука вздрогнула. Но не послушалась приказа; батискат застрял в груде металла. Алиса поняла, что их спас танк – он принял на себя груз переборки, отчего его пушка еще более склонилась к нему.

– Давай задний ход, – сказал Пашка. – И вырываем эту железку. Проще простого.

Но проще простого не вышло. Манипулятор застрял так прочно, что сколько ни давала Алиса задний ход батискату, тот не мог вытащить застрявшую руку.

Алиса выключила двигатель и вытерла пот.

– Не получается, – сказала она. – Надо думать.

– Думать не надо, – ответил Пашка. – Будем действовать. Я выхожу наружу через задний люк – он свободен. Отрезаю манипулятор – горелка у нас есть.

– А рыбы? – спросила Алиса.

– В скафандре они не страшны.

Сказав эти слова очень уверенно, Пашка тут же потерял долю энтузиазма – с этими рыбами у него были связаны неприятные воспоминания.

– Ладно, – сказала тогда Алиса. – Я лучше умею обращаться с горелкой – ты курса подводных работ не проходил.

Пашка начал возражать, но Алиса его не слушала. Она надела скафандр и вошла в переходник – небольшой отсек, который наполняется водой, если надо выйти наружу. Задраила за собой внутренний люк – в переходнике было темно. Потом включила шлемовый фонарь, и свет его уперся в близкую стенку, высветив на ней каждую царапинку, каждую каплю влаги. Забортная вода с шипением стала поступать в переходник.

Алиса приготовилась к тому, что сейчас можно будет открыть внешний люк, потом надо будет как можно быстрее сделать три шага к основанию защемленного манипулятора и сразу включить резак.

И в этот момент она почувствовала болезненный укол в ногу. Тут же – второй.

Алиса направила луч фонаря в воду и поняла, что в воде кишат тонкие длинные рыбки, яростно вонзающиеся зубами в скафандр и прокусывающие прочнейший материал скафандра.

У Алисы хватило самообладания не драться с ними, не отгонять их. Она поняла, что ее единственное спасение – тут же откачать из переходника воду.

Но вода вокруг достигла уже горла, и руки под водой двигались куда медленней, чем в воздухе. К тому же она держала в одной руке горелку, а другой непроизвольно отдирала рыбок от скафандра.

Пока она догадалась выпустить из рук горелку, прошло три секунды, пока нашаривала в бурлящей воде кнопку откачки воды, прошло еще секунд пять, все это время вода прибывала и закрыла Алису почти с головой. Она ощутила, как острые тонкие струи воды врываются в скафандр в прокушенных местах. Было впечатление, будто Алиса попала под душ Шарко, который со всех сторон бьет тебя струями.

Алисе казалось, что вода уходит из переходника страшно долго – все укусы обжигали ее, а вода внутри скафандра уже поднялась до колен. Наконец вода с хлюпаньем ушла из переходника, прямо перед глазами оказались мокрые стены.

Терпя жгучую боль, Алиса обобрала рыбок со скафандра и только тогда услышала взволнованный голос Пашки:

– Ты что? Почему не выходишь? Почему молчишь? Ты что, Алиска?

– Все в порядке, – сказала Алиса. – Я возвращаюсь.

Вернувшись в рубку и задраив за собой люк, Алиса устало стянула скафандр.

Пашка, который не мог понять, что произошло, помогал ей и мучил вопросами.

– Достань антисептик, – велела Алиса.

– Ой, что с тобой?

– Мы не можем выйти из батиската. Придется вызвать помощь.

Алиса вздохнула. Вызывать помощь было стыдно. Пустили детей в лагуну, а они нарушили правила – без разрешения забрались внутрь ветхого судна, попали в ловушку, сломали батискат. А у Сангха и без того неприятностей выше головы.

Но ничего не поделаешь. Одно утешение, есть о чем рассказать на ферме. Рыбки из Марианской впадины – опасные обитатели лагуны. Если сюда поставить садки с молодью осьминогов, от них через полчаса ничего не останется. Может, эта информация стоит сломанного батиската.

Алиса смазала многочисленные ранки, приняла антисептик и включила рацию.

Алиса направила луч фонаря в воду и поняла, что в воде кишат тонкие длинные рыбки, яростно вонзающиеся зубами в скафандр и прокусывающие прочнейший материал скафандра.

Ферма молчала. Рация работала нормально, слышны были шумы, но ни одно слово не доходило до батиската.

– Что еще случилось? – в отчаянии спросил Пашка.

– Связи нет, – сказала Алиса. – Я думаю, это из-за того, что мы сидим в груде железа.

– Ты что хочешь сказать, – произнес Пашка, – что мы здесь останемся навсегда?

– Очень не хочется, – ответила Алиса. Ну что еще ответишь на такой глупый вопрос?

Глава шестая
В ПОИСКАХ ВЫХОДА

Сначала они сели и начали размышлять. По правде говоря, Алиса попросту устала, у нее болели ноги. Пашка же был удручен, потому что не мог придумать остроумного пути вырваться наружу. Надо сидеть в рубке и чего-то ждать. Это самое противное.

– Нас, конечно, найдут, – сказала Алиса. – Часа через два Сангх будет нас вызывать, мы не откликнемся. Они встревожатся и станут принимать меры. Пришлют сюда флаеры и батискаты.

– Только неизвестно, есть ли у них свободные батискаты.

– Вызовут с Сайпана, может, даже из Индонезии. Воздуха у нас хватит, потерпим...

– Ты оптимистка, это хорошо, – сказал Пашка. – Только как нас отыскать, ты подумала? Здесь, в лагуне, и вокруг нее тридцать железных гробов, каждый не меньше «Ямагири-мару». А еще надо обследовать дно лагуны, а еще не исключено, что мы поплыли в открытый океан и утонули там... Я бы нас не нашел.

– Найдут, – сказала Алиса бодро, потому что и сама вдруг испугалась, что отыскать их будет невозможно.

– Я думаю, – сказал Пашка, – что надо рискнуть. Я выхожу в воду и быстро режу манипулятор.

– Они меня чуть не сожрали еще в переходнике, – возразила Алиса. – А ты захлебнешься в дырявом скафандре через минуту.

Рыбы деловито кружились вокруг танка, пропадая в люке и вылезая из него. Там у них было логово. Краем глаза Алиса увидела, как в освещенный прожектором участок трюма медленно вплыла огромная рыба. Длиной

она была около двух метров, бурое тело было испещрено желтыми пятнами, она была немного похожа на сома, но вместо большой добродушной соминой головы морда ее была острой, хищной и невероятно злобной.

– Мурена, – сказала Алиса. – Может, она их ест?

– Хорошо бы.

Они с надеждой глядели, как громадная хищница, медленно поворачивая злобную головку, озиралась в новом для себя месте.

Вот первая из полупрозрачных рыб, заметив гостью, кинулась к ней и вцепилась в пятнистый бок. Она была так мала и ничтожна по сравнению с муреной, что, когда та, резко рванувшись от боли, поднялась выше, стараясь зубами достать обидчика, даже странно было, что она могла заметить этот укус. И тут же, словно услышав приказ, тысячи юрких врагов ринулись на мурену. Облепленная ими, рыба крутилась, рвала врагов зубами...

– Я поглядел на часы, – сообщил мрачно Пашка. – Прошло семь минут.

Они смотрели на тщательно обглоданный скелет мурены, который лежал на водорослях.

– Да, – сказала Алиса задумчиво. – Вряд ли в океане есть кто-либо, кто может с ними бороться...

– Да они даже кита сожрут!

– Кита? Кашалота? Ой, Пашка, я все думала, что же у меня в голове кружится. И никак не могла вспомнить. Марианская впадина!

– Не понял.

– Наш компьютер сказал, что по составу микроэлементов эти рыбы недавно покинули Марианскую впадину, что они первоначально были глубоководными существами. Так?

– Так.

– Сангх сказал нам, что они проследили случаи таинственных нападений. Они идут от Марианской впадины к югу. Как будто таинственный убийца перемещается к острову Яп. Ты только что сказал, что эти рыбы могли бы сожрать и кашалота.

– Я сказал – кита.

– Не важно. А таинственный убийца убил кашалота. И напал на дельфинов. Значит...

– Значит, таинственный убийца и есть эта рыба, – согласился Пашка.

– Теперь мы вдвойне должны спешить. Надо вырваться отсюда и предупредить биологов.

– Молодец. Остался пустяк...

Они снова замолчали и молчали долго – от безвыходности. Как на экзамене, когда не знаешь билета, экзаменатор тебе что-то подсказывает, задает наводящие вопросы, а ты смотришь в окно и думаешь: вот птичка полетела, а вот еще одна птица полетела...

– А может, здесь какая-нибудь мина есть? – вдруг спросил Пашка.

– Где?

– В трюме. Мало ли что бывает в трюме. Если танк есть, то и мины могут быть.

– А как мы их найдем?

– Один манипулятор у нас остался...

Конечно, просто совсем из головы вылетело! Может, с его помощью удастся освободиться?

Алиса тут же включила манипулятор. Он мог двигаться только справа от танка, между танком и какими-то заросшими предметами у борта.

Алиса стала осторожно чистить от губок и кораллов те предметы, что были у борта. Это была работа, а когда работаешь, забываешь о неприятностях и время идет быстрее.

Рыбам не понравилось, что в их владениях поселился манипулятор; они отчаянно нападали на него.

Алиса уступила место у пульта Пашке, потому что понимала, что ему тоже хочется действовать.

Пашка обнаружил ящик. Когда манипулятор вскрыл его крышку, оказалось, что он полон снарядов. Пашка хотел было кинуть один из снарядов в танк с рыбами, но Алиса не разрешила.

– Ты представляешь, что случится, если снаряд взорвется? В первую очередь ничего не останется от нас с тобой – он же как глубинная бомба. Нас сплющит в лепешку.

– А чего же мы тогда ищем?

– Не знаю.

– Вот это плохо.

Пашка согласился с Алисой, кидать снаряд не стал, а принялся дальше разгребать водоросли в поисках какого-нибудь оружия. Работа эта была медленной, потому что движения манипулятора поднимали муть и приходилось ждать, пока она осядет. Прошло уже больше часа.

И вдруг Алиса обратила внимание на то, что движения рыбок стали более быстрыми и хаотичными, они вели себя как опаздывающие на стадион болельщики.

– Погоди, Пашка, – сказала Алиса. – Не мути воду.

Из танкового люка показалась пышная седая борода, состоявшая, наверное, из миллионов рыб. Невероятно, сколько их уместилось в старом танке! А они все выплывали и выплывали. Они плыли так тесно, что трудно было понять, что же там, внутри этого потока.

Но там что-то было.

Пашка тоже почувствовал это, подвел манипулятор и ударил его пальцами по скопищу рыб. На какое-то мгновение облако рассыпалось, и оказалось, что внутри таится громадная многометровая рыбина толщиной в руку, которая злобно извивалась, стремясь укрыться от манипулятора. Тут же остальные рыбы скрыли ее от глаз, и вся эта армада проплыла к выходу из корабля.

– Эх, – сокрушался Пашка. – Надо было мне ее схватить. Это же их королева. Понимаешь?

– Но почему они уплыли? – спросила Алиса.

– Я думаю, что их королеве не понравилось соседство с нами. Они ведь хранили ее в самой секретной глубине. А представь – рядом мы, шумим, светим прожектором, орудуем манипулятором, стену и переборки крушим...

– Наверное, они найдут другое логово, откуда будут нападать на жителей океана. Если бы знать...

– Если бы мы могли отсюда вырваться, – вздохнул Пашка. – Мы бы сразу следом за ними!

– Погоди, не води манипулятором. Мне надо посмотреть!

– Что посмотреть?

– Если они уплыли, значит, мы можем выйти.

Но надежды оказались напрасными. Сотни хищных рыбок остались в трюме, они вились у иллюминатора – видно, решили не оставлять батискат без присмотра.

Глава седьмая
СПАСЕНИЕ

– Представляешь, – грустно сказала Алиса, – они сейчас озлобленные, они ищут новое логово – кто им ни попадется на пути, любого растерзают. Печально, что мы не можем предупредить биологов.

– Все-таки надо что-то делать! Думай, Алиса!

– Как могло получиться, что раньше наука их не знала? – думала вслух Алиса. – Ведь эти места океана хорошо исследованы. Еще год назад их не было... а сейчас они нападают на любую живность! Это же ненормально.

– Может, они из космоса? – спросил Пашка. – Занесло их в виде спор, а потом они размножились.

Пашка продолжал работать манипулятором, и металлическая рука размахивала в узком проходе между танком и стеной, как будто отмахивалась от жалящих комаров. И в конце концов с такой силой ударила по обросшей губками стенке, что пробила ее. Из отверстия вырвался черный шарик и медленно поплыл вверх.

– Это еще что такое? – удивился Пашка, догоняя шарик манипулятором. Тот послушно рассыпался на несколько маленьких шариков.

Еще одна темная капля жидкости медленно выползла из пробитой дырочки. Несколько рыб кинулись к ней, думая, что это добыча, но тут же отскочили.

– Я знаю, что это такое: нефть или мазут, – сказала Алиса.

– Точно, – согласился Пашка. – У них была в трюме цистерна для заправки танков. Может, они рассчитывали, что танки сразу пойдут в бой. Только мы с тобой в бой пойти не можем. Хотя нет! Слушай, у меня гениальная идея! Надо проверить, много ли нефти осталось в цистерне. Если много – мы ее выпустим и отпугнем рыб. Поняла?

– Но нефть уйдет вверх! – сказала Алиса. – И погубит рыб в лагуне.

– По-моему, ты рехнулась, – удивился Пашка. – Других рыб в лагуне эти уже сожрали. А если мы здесь останемся, то погибнем, как те рыбы.

– Иногда ты бываешь логичен, – печально улыбнулась Алиса.

– Правда, мы не знаем, сколько мазута в этой цистерне. Может, мало. Пойду я.

– Почему ты? – спросила Алиса. – Я лучше тебя умею...

– Может быть, – согласился Пашка. – Может, ты все умеешь делать лучше меня, даже в футбол играть. Но учти, что у тебя вместо скафандра сито. А мой скафандр тебе велик.

И Алисе пришлось согласиться.

Пашка натянул скафандр и вышел в переходник. Воду он туда пока не впускал, он ждал сигнала Алисы.

Алиса подцепила когтем манипулятора край маленького отверстия в цистерне, через которое все выдавливались капли мазута, и с силой

рванула когтем вниз. Ржавый металл сразу поддался, и клочья отогнулись наружу. И из отверстия медленно и тяжело хлынул мазут, поднимаясь кверху и растекаясь по трюму.

– Жди, Пашка! – приказала Алиса. – Пускай мазут подойдет к батискату!

К счастью, мазута в цистерне было много – все меньше оставалось чистой воды в трюме, вот уже полосы мазута почти скрыли японский танк и заволокли иллюминатор.

– Пошел, Пашка! – сказала Алиса.

– Слушаюсь! – Слышно было, как Пашка включил воду и она начала поступать в переходник.

– Как рыбы?

– Пока нет, – ответил Пашка бодро. Еще через несколько секунд он сообщил, что выходит наружу.

Алиса его не видела – лишь на мгновение его рука промелькнула между слоями мазута.

– Иду на ощупь, – сказал он.

– Они на тебя не нападают?

– Не отвлекай. Вот манипулятор!

– Скорей начинай резать!

Сквозь толщу мазута Алиса увидела светлое пятно. Раскаленный резак, мелко вибрируя, врезался в твердую сталь.

Алиса смотрела, как ужасно медленно на часах выскакивают цифры секунд. Наконец свечение в толще мазута пропало. Раздался короткий треск.

– Все, – сказал Пашка. – Я возвращаюсь. Без меня не уезжайте...

Закрылся внешний люк.

– Вроде все нормально, – сказал Пашка. – Выгоняем воду.

Прошло еще полминуты.

– Ну что ты? – спросила Алиса. – Чего не входишь?

– Я бы рад, – сказал Пашка, – но вода не уходит, почти по пояс.

– Так я и знала! Мазут. Давай открою люк вручную.

– Будет потоп. И довольно грязный, – сказал Пашка.

Но прошло еще полминуты, уровень воды в переходнике все не понижался, и Пашка сдался.

Когда Алиса открыла люк, в рубку хлынул грязный водно-мазутный поток, сметая все, что лежало на полу. Вода хлынула по наклонному полу

рубки, оставляя черные пятна. А потом в рубку влез измученный, в черных пятнах даже на прозрачном забрале шлема Пашка. Он еле держался на ногах.

– Помоги снять скафандр, – сказал он.

Алиса кинулась к нему.

Вывести батискат из трюма оказалось нелегким делом. Сначала надо было его выпрямить, а потом долго ползти из трюма в черных облаках мазута, натыкаясь на кораллы и танки.

Только через пятнадцать минут батискат выскочил на поверхность моря.

Алиса откинула измазанный мазутом верхний колпак, и морской воздух ворвался в рубку.

– Я думал, еще минуту – и погибну от духоты, – сказал Пашка. – А теперь прошу вас, капитан, об одном – на берег, к кокосовым орехам.

– И не мечтай, – ответила Алиса. – Хоть я тебе очень сочувствую, но сначала надо отыскать этих наших рыбок. Далеко они уйти не могли.

– Иголку в стоге сена будешь искать?

– Мы не одни.

– Тогда я плыву к берегу один.

– И по дороге тебя съедают. Ты этого хочешь?

Алиса включила рацию.

И в тот же момент зазвучал сигнал вызова – их искал Сангх.

– Вы живы! – Сангх не мог скрыть счастья в голосе. – Мы уже час вас ищем. К вам летят флаеры.

– Извините, – сказала Алиса. – Мы были в трюме транспорта, и связь прервалась.

– Наверное, за сокровищами полезли? – Сангх не скрывал своей ярости.

– Нет, – ответила Алиса. – Мы узнали, кто нападает на ваши стада, и сейчас хотим догнать убийцу в океане.

– Да ну! – только и вымолвил Сангх.

– Это рыбки, – сказала Алиса. – Такие безобидные, даже красивые на вид. Но с ними что-то случилось.

Ей пришлось потратить еще несколько минут, пока она убедила Сангха, что они в самом деле нашли убийц.

А тем временем Пашка, смирившись с мыслью, что придется еще помучиться от жажды, сел к рычагам управления, включил передний экран и повел батискат вперед. Он догадался, как нужно искать рыб.

– Все, – сказал Пашка. – Я возвращаюсь. Без меня не уезжайте.

Алиса на секунду оторвалась от разговора с Сангхом и спросила его:

– Ты что задумал?

Пашка показал на рыбку, которая плыла перед экраном. Вот еще одна...

– Как они плывут? – спросил Пашка. – Большое ядро с королевой внутри, а вокруг охрана и длинный хвост простых жителей царства убийц. Их арьергард догоняет основной отряд.

– Молодец, Пашка, – сказала Алиса. – Я бы до этого не додумалась.

Флаер, посланный с фермы, нашел их как раз в тот момент, когда они настигли громадный косяк рыб, которые, окружив королеву, медленно плыли к западу.

Батискат выбросил сеть.

Конечно, в такой сети рыбок не удержать, но королева была так велика, что из сети ей вырваться не удалось. А остальные отказались или не могли ее бросить. Они метровым слоем покрыли сеть – в таком виде их всех и доставили на базу.

Вечером, вымывшись и напившись кокосового молока, Алиса и Пашка сидели в кабинете Сангха. В комнату то и дело забегали сотрудники фермы – всем хотелось познакомиться с ребятами из Москвы, которые нашли и поймали таинственного убийцу.

Пашка потом говорил, что у него даже рука распухла от рукопожатий. Конечно, он преувеличивал.

– Скажи спасибо, что нам не вспомнили наши грехи, – ответила ему тихо Алиса. – Залезли в трюм за сокровищами, поломали батискат...

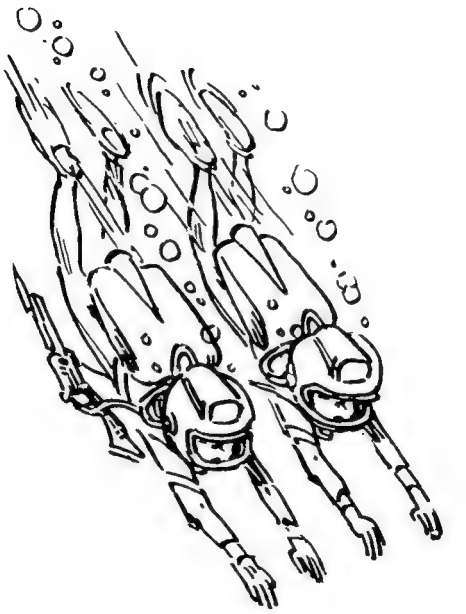
Вошел Аран Сангх.

– Только что получил видеограмму с Сайпана, – сказал он. – Все правильно. В Марианскую впадину в специальных аппаратах спустились акванавты и нашли там на большой глубине еще три колонии этих хищников, – сказал он. – Одна из колоний уже двинулась к поверхности.

– Но почему там? – спросила Алиса.

– Все объясняется просто и печально, – сказал Сангх. – Сто лет назад какие-то безответственные головы решили, что атомные отходы, которые остаются в реакторах, можно опускать в контейнерах в глубоководные морские впадины и там они останутся навсегда. Это не так. Во впадинах контейнеры разрушились, и радиоактивные материалы попали в воду. За последние десятилетия мы выловили почти все эти источники отравления океана, но, видно, несколько контейнеров осталось – и под их влиянием началась мутация безвредных рыб. Их новая популяция оказалась хищ-

ной, плодовитой и очень опасной для всего живого в океане. Они быстро уничтожили всю живность в глубокой впадине и в поисках корма начали перемещаться, распространяясь по океану как чума...



– Как странно, – сказала Алиса. – Сколько лет уже нет атомных бомб и войн, а опасность от них живет и сегодня.

– И еще, – сказал Пашка. – Они выбрали своим логовом старый танк, который утонул во время той, последней войны. Убийцы, рожденные войной, жили в танке, который был сделан для войны.

– Хоть ваша практика была и короткой, – сказал Сангх, – но думаю, что мы поставим вам за нее отличные отметки.

– Нет, – сказала Алиса. – Нельзя. Мы отравили мазутом всю лагуну.

– С мазутом мы уже справились – там работают чистильщики. С рыбами придется повозиться подольше. За находчивость – спасибо.

Алиса и Пашка вышли на пирс плавучей фермы.

Возле пирса покачивался их батискат – одна рука отломана, весь еще в мазуте, несчастный, но живой и даже вроде веселый.

– Слушай, давай в нем покатаемся, – сказал Пашка. – Я слышал, что у атолла Трук триста лет назад затонул один неплохой галеон с сокровищами.

– Сначала, – сказала Алиса, – ты должен починить батискат. Если пришел в гости, неприлично ломать чужие вещи.

– Так это работа на неделю!

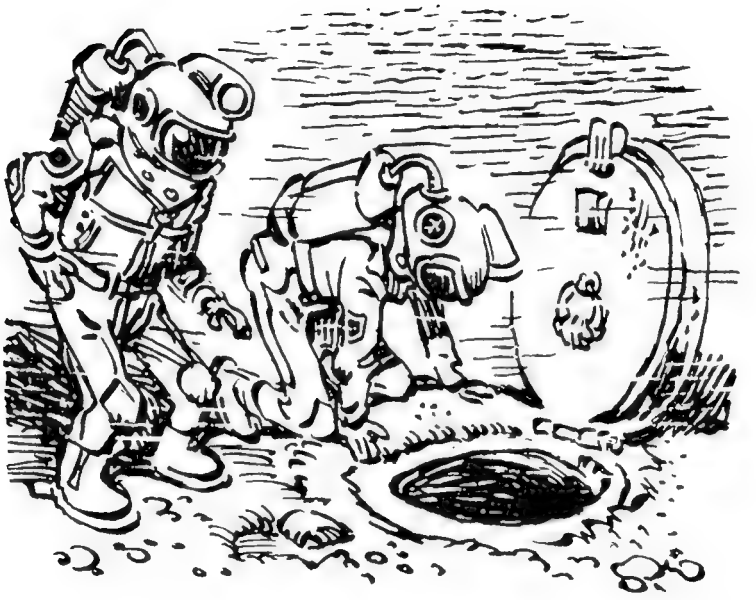
– Значит, наша практика еще не закончена, – сказала Алиса.

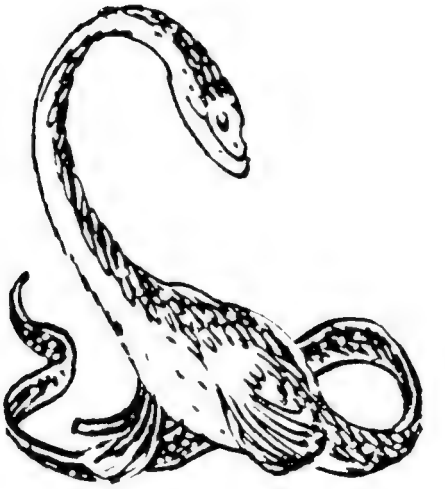
И они остались на ферме.

Батискат с помощью местного механика они починили за пять дней.

И поплыли на нем к атоллу Трук.

Правда, никаких сокровищ не нашли.





Конец Атлантиды

Глава первая
СОВПАДЕНИЕ КАК В РОМАНЕ

Солнце мгновенно поднялось над океаном, словно вынырнуло из глубины и спешило отдышаться. Оно разбрызгалось искрами по верхушкам ленивых зеленых волн, подгоняя их к песчаному пляжу острова Яп. Но волнам за ночь надоело биться о берег, и они устало облизывали полосу плотного песка, не дотягиваясь до темного вала водорослей, выброшенных штормом к столбам кокосовых пальм.

Алиса медленно шла по песку. Порой язык волны, отороченный пеной, трогал ступню. Маленькие полупрозрачные песчаные крабы деловито носились вокруг, а если на них падала тень Алисы, быстро закапывались в песок.

Алисе хотелось найти на берегу редкую ракушку или морскую звезду – утром после шторма на пляже случаются любопытные находки. Но в то

утро ничего удивительного не встретилось. Алиса прошла больше километра и видела только два пустых кокосовых ореха, обкатанный волнами кусок дерева и несколько обыкновенных ракушек каури. Директор подводной фермы Аран Сингх рассказывал, что в прошлом году ураганом на берег выбросило метровую раковину тридакну. Теперь она лежит у входа в лабораторию.

Солнце поднялось уже высоко и стало жарко. Но купаться здесь было плохо – мелководье. Пока дойдешь до глубокого места, сто раз побьешь ноги об обросшие скользкими водорослями обломки кораллов. В отлив широкая полоса, что тянется до рифов, кажется шкурой громадной жабы.

Алиса кинула последний взгляд на море и поспешила к белому причалу, за которым начиналась глубокая бухта. Она соединялась с океаном каналом, пробитым в коралловой тверди.

Вот тут-то Алиса и увидела бутылку.

Бутылка целиком ушла в песок, наружу торчало лишь горлышко, облитое сургучом, и поэтому она сначала показалась Алисе концом палки. Но волна вспенилась вокруг горлышка, и оно заблестело. Алиса присела на корточки, разгребла мокрый, тяжелый песок. Бутылка была толстой, пузатой, темной. Пока она плавала по морю, на ней поселились скользкие мелкие водоросли, покрыв ее словно чехлом. Алиса отодрала слой водорослей сбоку и подняла бутылку, глядя на нее против солнца, чтобы понять, нет ли чего-нибудь внутри.

Внутри что-то лежало. Может быть, листок бумаги.

Алиса попробовала соскрести сургуч с горлышка, но тот был как камень.

Она поднялась и побежала к причалу.

Алиса пробежала шагов сто и остановилась.

«А почему я, собственно, бегу? – подумала она. – Впрочем, торопиться надо, ведь бутылка – сигнал бедствия. Бутылки кидали с борта гибнущего корабля или с берега необитаемого острова. Правда, это бывало очень давно... двести, триста лет назад. Кто будет теперь кидать в океан бутылки? Скорее всего, шутник или безнадежный романтик. А если бутылка на-

Вот тут-то Алиса и увидела бутылку.

стоящая, «кораблекрушительная», то за триста или четыреста лет, что прошли с тех пор, как ее кинули в волны, корабль, терпящий бедствие, давно утонул, а Робинзон умер от скуки».

Чтобы развеять сомнения, бутылку надо разбить и прочесть вложенную в нее записку. Но это будет нечестно по отношению к Пашке Гераскину. Он никогда не простит ей такого предательства. Пашка Гераскин серьезно относится к романтике и верит, что настоящие приключения в конце XXI века еще не перевелись.

Алиса поднялась на причал.

Подводный катер-батискат, который на океанской станции дали Алисе и Пашке, был пришвартован со стороны бухты. Ни Пашки, ни робота, с помощью которого они чинили сломанный манипулятор батиската, видно не было. Да и вообще причал был пуст. Директор Аран Сингх с двумя зоологами еще вчера улетел в Сидней на совещание, а остальные с рассветом ушли на батискатах и катерах в океан проверить, не натворил ли бед ночной шторм на жемчужных фермах и в крабовых питомниках.

Алиса прошла по гладким камням причала до батиската.

Он был похож на веретено, увенчанное зеленоватым куполом. Там, под куполом, Алиса и увидела своего друга. Он лежал в кресле, задрав ноги на пульт, и читал старинную книгу.

Пашка был так поглощен чтением, что не заметил, как Алиса спрыгнула на палубу батиската и присела, разглядывая длинную членистую руку манипулятора.

Все в порядке. Пока она гуляла по берегу, Пашка с роботом кончили ремонт. Так что Пашка имел полное право читать сколько ему вздумается.

Алиса откинула колпак над каютой и спрыгнула внутрь.

Пашка даже бровью не повел.

Алиса поставила бутыль на штурманский столик и уселась во второе кресло.

– Что нового? – спросила она.

– По-моему, я сделал великое открытие, – сказал Пашка, продолжая читать.

– Я тоже, – сказала Алиса и подвинула бутыль ему под нос.

Пашка был невозмутим. Алисе стало обидно.

– Что за тайны! – сказала она.

Книга, которую с таким вниманием читал Пашка, была очень старой. Кожаный переплет обтрепался на углах, страницы пожелтели.

Алиса поставила бутыль на штурманский столик и уселась во второе кресло.

– Слушай, – сказал Пашка и перелистал назад несколько страниц. – Перевожу с английского: «...Я находился в своей каюте, намереваясь отойти ко сну, когда услышал отчаянный крик лейтенанта Робинсона. «Капитан! – кричал он. – Скорее!» В его голосе была такая настойчивость, что я решил: случилось несчастье. Стремглав я выскочил на палубу и остановился, пораженный зрелищем. Предрассветная темнота была озарена странным зеленоватым сиянием, которое исходило от громадного болида, что несся, прочерчивая ослепительный след по синему небу. Еще мгновение – и примерно в миле от нас болид коснулся поверхности океана и, подняв гигантский столб воды, исчез в его пучине. Он был настолько раскален, что еще минуту мы наблюдали свечение воды, словно некто опустил в воду горящую лампу. Волна, поднятая этим небесным телом, вскоре достигла нашего фрегата и была так велика, что корабль лишь чудом не лег на борт. Когда все успокоилось, мы проследовали со всей осторожностью к месту падения болида и, осветив воду фонарями, увидели, что там плавает множество мертвой рыбы. Я разрешил матросам спустить шлюпку, и они набрали несколько бочек рыбы, что послужило славным подспорьем нашему столу. Но самое удивительное случилось, когда мы поднимали шлюпки на борт, намереваясь следовать далее. Мичман Джонс закричал, что видел нечто огромное слева по курсу «Рочестера». Несмотря на то, что рассвет лишь наступал и видимость была ограниченной, нам удалось понять, что упавший в океан болид настиг в невероятных глубинах некое загадочное существо, неизвестное прежде натуралистам. Это существо, достигавшее длины ста или более футов...»

Тут Пашка перевел дух и сказал:

– Сто футов – это тридцать метров, понимаешь?

– Понимаю, – сказала Алиса. – А что ты читаешь?

Пашка заложил пальцем страницу и открыл книгу на титульном листе. Там было написано по-английски: «Отчет о плавании фрегата Его Величества «Рочестер» в Тихом океане и Южных морях в 1816–1819 годах, написанный коммодором Стэнли Рейнольдсом. Издано в Лондоне в 1822 году».

– Поняла? Это я в библиотеке фермы взял. Там много книг, но в большинстве специальные. А несколько совсем старых. Я как увидел эту книгу на полке, меня что-то кольнуло. Ты веришь в предчувствия?

– Нет.

– Ты не права, Алиса. Если не было предчувствия, почему я эту книгу взял? Почему я ее открыл именно на этих страницах?

– Случайно, – сказала Алиса.

– Иногда я подозреваю, что ты лет на пятьдесят старше меня, – укоризненно произнес Пашка.

– Дочитывай, – сказала Алиса.

Бутыль стояла перед самым носом Пашки, но тот ее не видел, сейчас для него ничего, кроме книги, не существовало.

– «Это существо, достигавшее длины ста или более футов, – продолжал читать Пашка, – имело обтекаемое тело и длинную шею, которая заканчивалась небольшой головой, схожей с головой питона. Хвост чудовища скрывался в волнах. Так как одна из шлюпок еще не была поднята на борт, я приказал боцману и четырем матросам подгрести к чудовищу и осмотреть его подробно, соблюдая осторожность, ибо не исключено, что оно лишь оглушено. Вместе с матросами в шлюпку опустился судовой врач Р. Поткинс. Шлюпка не успела отойти от борта, как чудовище пришло в себя и, сильно ударив широким плоским хвостом по воде, скрылось в глубине. Полагаю, что мы наблюдали таинственного морского змея, о котором ходит столько слухов между моряками».

Пашка громко захлопнул книгу и воскликнул:

– Теперь ты понимаешь?

– Что я должна понимать?

– А то, – сказал Пашка, – что известна широта и долгота этой встречи. Слушай: «После того как волнения этих минут остались позади, я приказал штурману произвести счисление места, где находился «Рочестер» в момент падения болида. Вышеописанное происшествие имело место в точке с координатами: 138 градусов 50 минут 22 секунды восточной долготы и 12 градусов 15 минут 54 секунды северной широты».

– Это очень интересно, – сказала Алиса.

На самом же деле она не вслушивалась в Пашкины слова. Она не могла дождаться, когда наконец этот романтик увидит, что перед его носом стоит самая настоящая бутылка, выброшенная на берег океаном.

– Тебе не интересно, – сказал Пашка. – Я по голосу слышу. Ты не поняла, что от нашего острова до той точки всего сто пятьдесят миль?

– Да?

– И сегодня же мы на нашем батискате отправимся туда. Нам все равно нужно провести ходовые испытания. Мы опустимся в той точке и отыщем громадный метеорит и логово морских змеев.

– Не слишком ли много сразу? – спросила Алиса. – Прошло двести пятьдесят лет.

– Морские змеи живут дольше. – Пашка сказал это так уверенно, словно всю жизнь дружил с морскими змеями. – Но если не хочешь, я проведу испытания без тебя. А ты отдыхай, загорай... может, отыщешь неизвестный науке подвид каракатиц.

– Или бутылку, которую выбросило на берег.

– Если бы ты увидела бутылку, выброшенную на берег, – заявил Пашка, – ты бы ее не заметила. Нужно иметь особый взгляд на вещи. Тайны и открытия покоряются лишь людям моего склада.

И в этот момент Пашка поднял глаза и увидел бутылку.

Он посмотрел на нее совершенно равнодушно.

– Такие приземленные люди, как ты, – продолжал он, – увидят на берегу разбитый бурей фрегат с черным флагом на бизань-мачте и скажут...

Но что они скажут, так Алисе никогда и не удалось узнать. Потому что Пашка открыл рот, а закрыть его не смог. Он протянул руку, дотронулся до бутылки, отдернул пальцы и часто заморгал.

– Э... – произнес он наконец. – Э... Это что?

– Бутылка, – сказала Алиса.

– Какая?

– С письмом о бедствии, – сказала Алиса.

– Кто? Где? – Пашка вдруг ожил, вскочил и чуть не вывалился из батиската. – Почему на борту бутылка, а мне никто ничего не рассказывает?

– Я шла по берегу, – сказала Алиса как можно наивнее, – и подумала: наверное, Пашке хочется найти таинственную бутылку. Я взяла ее и принесла.

– Ты какое имела право находить бутылку? – Пашка был в ужасном гневе. – Ты не имела права находить бутылку! Я ее искал всю мою сознательную жизнь, а ты... так просто, шла по берегу! Это неправда! Этого не может быть.

– Ну что ж, – сказала Алиса, – если бутылки не может быть, я ее отсюда унесу.

– Не смей! – Пашка схватил мокрую, в водорослях бутылку и прижал к груди как бесценное сокровище. – Ты ничего не понимаешь. Немедленно открыть!

– Зачем? – Алиса, честно говоря, получала истинное наслаждение от Пашкиной суматохи. Уж очень быстро разлетелась а клочки его спесь. – Что за спешка? – спросила Алиса.

– А если они терпят бедствие? Если они носятся по волнам на маленьком плоту?

– Где носятся? – спросила Алиса.

– В океане.

– За триста лет их унесло очень далеко, – сказала Алиса.

– Но может быть, ее кинули только вчера!

– Разве ты когда-нибудь видел такую бутылку? – спросила Алиса. – Это же древняя бутылка!

– Где молоток?

– Молоток и все инструменты унес робот, – сказала Алиса. – Да я и не позволила бы тебе разбивать бутылку, потому что она – исторический памятник.

– Это не памятник! Это сигнал бедствия!

Алиса решительно отобрала у Пашки бутылку и выпрыгнула из батиската.

Пашка побежал за ней по пирсу, потом по дорожке, что вела к зданию лаборатории, и кричал:

– Осторожнее! Ты ее сейчас уронишь!

В лаборатории была только Дороти Гомеа, очень толстая, добрая полинезийка, ассистентка Сингха.

Увидев вбежавшую в лабораторию Алису и услышав топот Пашки, она сказала:

– Дети, не разбейте микроскоп, он мне еще понадобится.

– Дороти, – сказала Алиса, подбегая к ней и ставя бутылку на стол, – что это такое?

– Это бутылка, – сказала Дороти.

– Что вы еще можете сказать?

– Это таинственная бутылка, ее выбросило на берег! – закричал Пашка.

– Странно, – сказала Дороти, разглядывая бутылку, – таких давным-давно никто не делает.

Дороти осторожно перевернула бутылку и посмотрела на ее донышко. На донышке были видны выпуклые буквы.

– Видите, – сказала она, – «Фирма Спанк и сыновья. Ливерпуль».

– А что это значит? – спросил Пашка.

– Сейчас узнаем.

Дороти включила информатор и набрала на нем код.

– Я вызываю Лондон, – сказала она. – Справочную Британского музея.

Через несколько секунд на дисплее побежали строчки – справочная откликнулась. Дороти набрала вопрос: когда в Ливерпуле существовал стекольный завод фирмы «Спанк», который выпускал бутылки темно-зеленого стекла вместимостью в одну пинту?

Ответ пришел немедленно: фирма «Спанк и сыновья» обанкротилась в 1822 году. Бутылки в пинту и полпинты она выпускала, начиная с 1756 года, однако требуется более точное описание бутылки, чтобы установить год ее изготовления.

– Вот так, – сказала Дороти, разглядывая бутылку.

– Я же говорила, что бутылка страшно старая, – сказала Алиса. – Ее болтало по волнам сотни лет.

– Я не согласна с вами, дети, – ответила Дороти.

Дороти убеждена, что все, кому меньше двадцати лет, – дети. У нее своих шестеро, да еще двое приемных. Ждать от нее серьезного отношения к исследователю, которому недавно исполнилось двенадцать, невозможно. Приходится терпеть.

– Эта бутылка пробыла в воде не больше года, – сказала Дороти.

– Не может быть! – возмутился Пашка. – Вы посмотрите, как она обросла.

– Вот именно, она совсем не обросла, – ответила Дороти.

Она взяла пинцет и соскоблила водоросли с бока бутылки – водоросли уже подсохли и легко отстали от стекла.

– Даже меньше года, – сказала Дороти. – В наших краях морская растительность очень активна. Если бы бутылку бросили в воду двести лет назад, вы бы и не догадались, что это бутылка. Вы бы решили, что это кусок коралла.

– Значит, – сказала Алиса, – кому-то эта бутылка попалась на глаза и он решил: давай я подшучу над любителем романтики. Пускай он решит, что произошло кораблекрушение.

– Нет, – сказал Пашка. – Эта бутылка пролежала двести лет на берегу острова. В песке. А сегодня вылезла наружу.

– Не вижу у нее ножек, – заметила Алиса.

– Не спорьте, дети, – сказала Дороти. – Мы ее откроем и все узнаем.

Она достала из стола маленький молоточек и оббила темную массу сургуча. Под сургучом была пробка. Дороти подхватила ее пинцетом и вытащила.

– Вот и все, – сказала Дороти, запуская пинцет внутрь бутылки и извлекая оттуда свернутый в трубку листок бумаги.

Она развернула его на столе.

Листок был совсем белый, почти не пожелтел. На нем была только одна строчка:

138°50'22''E, 12°15'54''N

– И это все? – спросил Пашка. Он взял со стола бутылку и заглянул в нее, потом потряс. Ничего больше из бутылки не выпало.

– У меня есть рабочая гипотеза, – сказала Дороти. – Хоть мне и жаль разочаровывать мальчика Пашу. На острове Гуам работают гидрологи. Они изучают морские течения. Наверное, кто-то из гидрологов нашел старую бутылку и решил отправить ее в плавание. Надо будет им позвонить и сказать, что мы нашли их письмо.

– Но почему только координаты? – спросила Алиса.

– Я думаю, – ответила Дороти, – это та точка, в которой сбросили бутылку. Если хотите, загляните в кабинет профессора Сингха, там большая карта. По-моему, это отсюда недалеко.

– Хорошо, – согласился Пашка и забрал записку. Потом взял и бутылку. – Мы ее оставим себе на память, – сказал он.

– Разумеется, – ответила Дороти. – В нее можно налить кокосовое молоко.

Пашка первым побежал к двери. Дороти крикнула вслед:

– Постойте!

Почему-то вместо того чтобы остановиться, Пашка припустил со всех ног по дорожке. Алиса вернулась. Дороти достала из ящика стола коробку шоколадных конфет.

– Возьми, девочка, – сказала она. – И своего друга тоже угости.

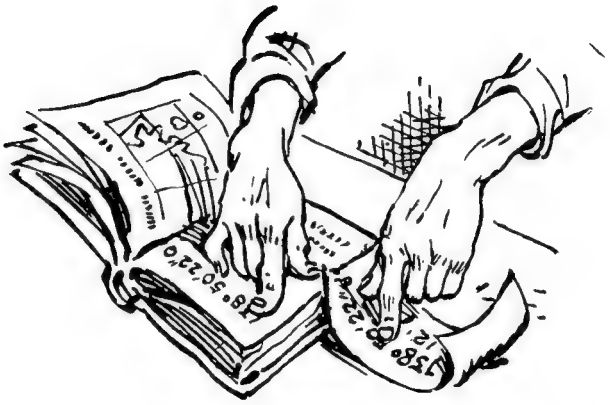
Алиса поблагодарила и взяла конфеты. Она не любила шоколадных конфет, но не хотела огорчать добрую Дороти. Ведь конфеты привозили сюда из Австралии или из Индии специально для Дороти, которая их обожала.

Когда Алиса вышла из домика лаборатории, Пашка уже добежал до пирса.

– Пашка! – крикнула она. – Разве ты не пойдешь смотреть на карту?

Но Пашка только отмахнулся.

Алиса пошла за ним. «Романтика тебя погубит», – подумала она.



Когда Алиса поднялась на пирс, Пашка уже влез в батискат.

Он положил на пульт записку из бутылки, а рядом с ней открытую книгу о путешествии фрегата «Рочестер».

– Ты чего убежал? – спросила Алиса, спрыгивая в батискат и кладя перед Пашкой две шоколадные конфеты.

– Смотри, – сказал Пашка таким голосом, словно он только что достиг в одиночку Северного полюса.

Указательным пальцем правой руки он прижимал строчку в книге, указательным пальцем левой – записку, найденную в бутылке.

– Ты ничего не видишь?

– А что я должна увидеть?

– Тебе никогда не быть великим исследователем, – сказал Пашка. – Это же одинаковые координаты! До секунды!

Алиса сначала не поверила ему. Совпадение было слишком невероятным. Но через минуту она должна была признать, что Пашка прав.

– Ничего не понимаю, – сказала она. – Так не бывает.

– Так не бывает в обычной жизни, – сказал Пашка, – но когда я берусь за дело, бывает и не такое.

– Во-первых, бутылку нашла я, – сказала Алиса.

– Ну и что? Если бы я не прочел книгу, эту записку ты бы выбросила.

Пашка кинул в рот одну за другой две шоколадные конфеты.

Потом спросил:

– Ты знаешь, что мы будем делать?

Алиса немного подумала и ответила:

– Наверное, мы завтра с утра поплывем в эту точку.

– Почему завтра с утра? Сегодня! Сейчас! Немедленно!

Глава вторая
В ПОДВОДНОМ УЩЕЛЬЕ

Сразу уйти в море не удалось.

Путешествие займет весь день. Два часа туда, два часа обратно, и неизвестно, сколько уйдет на погружение.

Надо загрузить в батискат еду и пресную воду, проверить батареи и очиститель воздуха – погружение в море не развлечение для детей. Пока Пашка с помощью робота проверял системы батиската, а потом раздобывал на складе скафандры для глубоководных работ, Алиса побывала в информатории, чтобы раздобыть подробную карту морского дна того района, где они собирались искать болид, морского змея и разгадку тайны записки.

Судя по карте, глубины в тех местах были невелики, не больше пятисот метров. Правда, там проходила узкая расщелина. Больше ничего интересного – ни подводного вулкана, ни загадочной впадины...

Потом Алиса вызвала бюро прогнозов по Океании и получила прогноз погоды на сутки. Прогноз был хорошим.

Теперь – к Дороти.

– Дороти, миленькая, – сказала Алиса сладким голосом, заглядывая в лабораторию через окно.

Дороти откинула со лба прядь тяжелых черных волос.

– Что тебе, девочка?

– Мы пошли в море. Возвращение вечером.

– Не простудитесь, – сказала Дороти.

И снова склонилась над микроскопом.

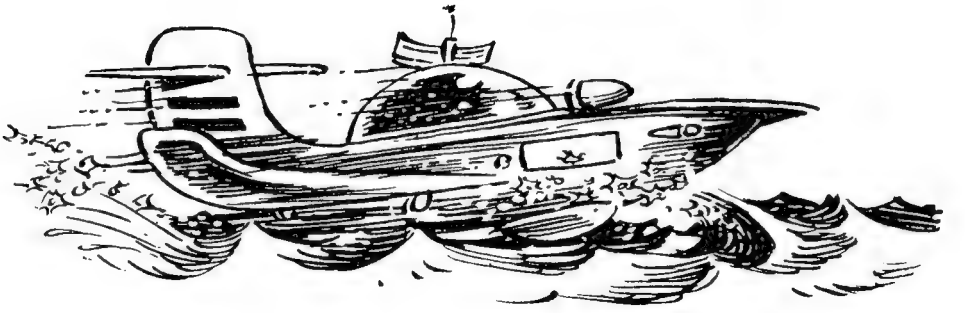
Вся операция заняла полминуты. Если бы Алиса принялась просить разрешения или стала бы объяснять Дороти, что они с Пашкой хотят совершить погружение в таинственной точке, разумеется, Дороти бы никогда их не пустила и велела бы ждать возвращения профессора Сингха. Алиса же никогда не обманывала. Она сказала чистую правду. Но сказала точно так, как говорят экипажи батискатов, уходящие в океан на работу. Она не просила, а сообщила. Поставила в известность. А Дороти «приняла к сведению». Ей и в голову не пришло, что московские практиканты замышляют авантюру.

Через пятнадцать минут батискат отвалил от причала и осторожно направился по каналу к выходу в стене рифов. Ветер совсем стих, и вода

в лагуне была гладкой как зеркало. Маяки на выходе из канала перемигнулись, фиксируя выход батиската, и Пашка, который вел кораблик, послал им сигнал: батискат номер семнадцать, экипаж два человека, выходит на ходовые испытания. Курс норд-ост-ост.

За рифами покачивало. Океан еще не успокоился после ночного шторма, его грудь мерно поднималась в сонном дыхании. Легкий батискат медленно и долго взбирался на вершину покатой волны, потом скользил вниз. Покачаться на волнах, конечно, приятно, но когда у тебя дело, приходится отказать себе в удовольствии.

Пашка перевел батискат на полуполет. Два широких плавника выскочили из днища батиската, и он пошел дальше большими пологими прыжками, срезая вершины волн. Алиса откинула колпак, и теплый, упругий ветер приятно бил в лицо.



– У тебя есть версия, откуда взялась записка? – спросила Алиса.

Она понимала, что Пашка ни на секунду не поверил Дороти, будто записка в бутылке – шутка гидрологов.

Пашка ответил не сразу. Он поднял батискат чуть выше, чтобы не врезаться в большую волну, катившую навстречу.

– Я чувствую, – сказал он наконец, – что мы с тобой стоим на пороге великого приключения, может, самого большого в жизни. Но что это за приключение, я не знаю. Фантазии не хватает. Что нам с тобой известно? Точка в океане. Нам сообщил о ней капитан фрегата «Рочестер» и неизвестный, который кинул бутылку.

– Может, это случайность?

– Таких случайностей не бывает, – возразил Пашка.

– Погоди! – воскликнула Алиса. – У меня идея. А вдруг кто-то на острове уже читал эту книгу? Допустим, в прошлом году?

– Как читал?

– Пришел в библиотеку, увидел на полке старый том и прочел его. Потом подумал: дай-ка я возьму старую бутыль, напишу на записке координаты из книги и брошу ее у берега.

– Ну какой дурак мог это сделать?

– Ричи Гомеа, сын Дороти. Он очень веселый.

– Нет! – закричал Пашка. – Так быть не может! Ты отнимаешь у меня тайну! Мне надоела твоя трезвость, Алиса Селезнева! Я тебя в последний раз предупреждаю: если ты не станешь наконец романтиком, наши пути разойдутся.

– Не кричи, Пашка, – сказала Алиса. – Дай-ка мне эту записку.

Алиса еще раз поглядела на записку.

– Почерк взрослый, – сказала она. – Но если человек намерен сообщить что-то важное, зачем ему писать только координаты?

На этот вопрос Пашка отвечать не захотел.

Они неслись по волнам больше часа, а потом Пашка снизил скорость, и батискат поплыл, покачиваясь, взбираясь на океанские валы и легко скользя с них. Над волнами носились летучие рыбки. Одна из них залетела в батискат, Алиса поймала ее на пульте и выбросила обратно в воду. Потом Алиса открыла термос с чаем и достала бутерброды. Они позавтракали.

В тот момент, когда Алиса поднесла ко рту последний кусок бутерброда, раздался звонок – пульт сигнализировал, что батискат вышел в расчетную точку.

Океан вокруг был точно таким же, как и полчаса назад, – пустынным, мирным и могучим. Высоко пролетел альбатрос, летучие рыбки блестками отсвечивали под солнцем.

– Ну что? – спросил Пашка. – Начнем погружение?

Алиса задраила прозрачный колпак. Пашка начал осторожно выпускать воздух из цистерн. Забортная вода поступала в них, и батискат постепенно становился все тяжелее. Он погружался. Зеленая волна хлестнула по колпаку, в последний раз сверкнул луч солнца, скользнул по приборам, и сразу стало темнее.

Сколько раз уже Алиса опускалась в глубины океана, но всегда у нее сжималось сердце от сладкого предчувствия. Только что батискат был для океана чужим – он лишь касался воды дном. Но стоило ему уйти вглубь, как он превратился в одного из обитателей бездны, словно стал громад-

ной рыбой или китом. И океан, такой пустой и почти безжизненный на поверхности, внутри оказывался населенным всякой живностью, которой и дела не было до батиската и тех человечков, что в нем сидели.

Сначала вода вокруг была светлой, зеленой, лучи солнца пронизывали ее. Небольшая акула скользнула рядом с батискатом, равнодушно глянув на него. Можно было различить полосы на ее боках и даже блеск маленького злобного глаза. Потом совсем рядом – только протяни руку – проплыла большая медуза, чуть шевеля длинными, почти прозрачными щупальцами. Стайка рыб слаженно совершила поворот, словно это были не рыбы, а корабли, и пошла в глубину, обгоняя батискат.

Постепенно темнота за бортом сгущалась. Пашка не спешил с погружением – он проверял приборы. Потом выпустил оба манипулятора, и длинные членистые руки высунулись по бокам батиската, раскрыли и снова сжали металлические пальцы, страшно испугав акулу. Все системы батиската работали отлично.

Алиса взглянула на приборы. Температура воды понемногу падала – лучи солнца уже не прогревали ее. Вокруг царила вечерняя синь, и рыбы, проплывавшие рядом, казались черными тенями.

Пашка включил прожектора. Большой скат, попавший в луч, взмахнул крыльями и рванулся в сторону.

Батискат опускался по спирали.

Сто метров...

Сто двадцать метров...

Сто пятьдесят метров...

За бортом полная темнота. И рыбы, что встречаются там, сами имеют фонарики и огоньки. Они никогда не поднимаются к поверхности и привыкли жить под большим давлением.

Двести метров...

Двести тридцать метров...

Алиса включила отопление, в батискате стало холодно.

Триста метров...

Четыреста сорок...

– Вижу дно, – сказал Пашка.

Он направил луч прожектора вниз.

Дно было гладким, кое-где по нему были разбросаны крупные камни. В одном месте прожектор высветил бледную морскую звезду.

И больше ничего.

– Странно, – сказал Пашка.

– А ты думал, что здесь тебя ждут?

– Ничего я не думал. Давай искать. Может, потребуется осмотреть несколько километров дна.

Пашка набрал на пульте задание для батиската: разработать оптимальный маршрут, чтобы обследовать квадрат за квадратом весь участок дна. Человеческие глаза – далеко не лучший инструмент. Приборы скорее найдут то, что таится под слоем ила.

Подумав несколько секунд, батискат двинулся вперед. Он шел зигзагами, сам избирая маршрут. На дисплее этот маршрут накладывался на карту дна.

Так прошло минут двадцать. Ничего особенного за это время не случилось. Под батискатом тянулось серое, почти ровное дно. Порой появлялись его обитатели: то проползет краб, то проплывет светящаяся большая креветка с глазами на длинных стебельках, то скользнет рыба, по боку которой тянется цепочка огоньков, отчего она становится похожей на пассажирский самолет.

– Гляди! – Пашка нажал на кнопку.

Батискат дернулся и замер. Под ним в слое глубоководного ила протянулась широкая волнистая полоса, будто там проползла огромная змея.

Пашка сразу же перевел батискат на ручное управление и направил его по следу.

– Наверное, это морской змей, – сказал Пашка. – Кто еще мог оставить такой след?

Они проплыли по следу метров триста. И тут он внезапно оборвался.

– Еще одна загадка, – вздохнул Пашка.

– Похоже, – сказала Алиса, – что змей опустился на дно, прополз по нему, а потом снова поплыл.

– Допускаю, – согласился Пашка. Он не очень любил, когда кто-нибудь разгадывал загадку скорее него.

Алисе и Пашке казалось, что они уже весь день плывут в этой непроницаемой тьме, над ровным и скучным дном, где ничего интересного и быть не может. Металлоискатели батиската упрямо молчали, локаторы не показывали никаких крупных предметов. Тихо, монотонно, скучно. И с каждой минутой настроение портилось и все больше хотелось наверх, к солнцу, к зайчикам, играющим на волнах, к свежему ветру.

– Ничего здесь нет, – вдруг сказал Пашка.

– Предлагаешь подняться?

– Даже не знаю.

– Давай заглянем в расщелину, – предложила Алиса.

Она показала на почти прямую линию, что темнела на дисплее.

– Как хочешь, – ответил Пашка скучным голосом.

Он помолчал немного, потом добавил:

– Может, в самом деле гидрологи пошутили.

Трещина появилась под батискатом совсем неожиданно.

На карте она казалась узкой, но в действительности была шириной больше пятидесяти метров, и луч прожектора с трудом достигал ее дальнего края.

Стены расщелины почти вертикально уходили вниз. Приборы сообщили, что до дна двести метров.

Батискат завис над серединой расщелины и медленно начал опускаться.

– Смотри, температура воды здесь выше, – сказала Алиса.

– Всего на градус.

Лучи прожекторов отражались от базальтовых стен. Пронеслась, будто испуганная чем-то, стая крупных рыб, светя огоньками на концах усов.

Понемногу расщелина сужалась. Минут через двадцать батискат достиг дна. Здесь между стенами было не больше двадцати метров. Дно покрывал густой слой ила.

– Смотри, – сказал Пашка, – какая странная стена.

Стену пересекали тонкие полоски, словно их провели по линейке.

– Только не говори, что это следы неизвестной подводной цивилизации, – сказала Алиса.

– А это что? – Пашка направил луч прожектора на дно ущелья.

Там угадывалась гладкая каменная плита.

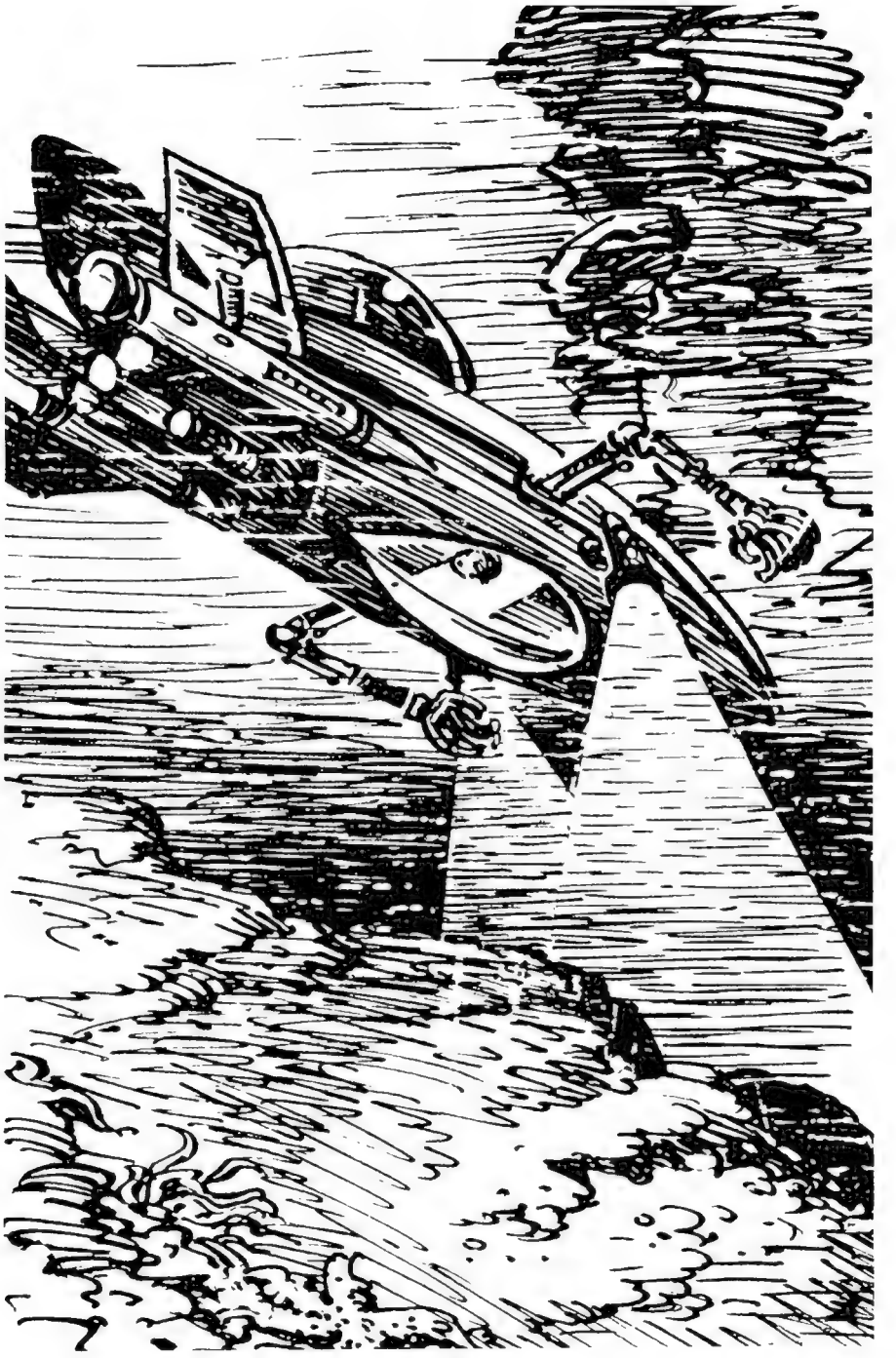
– Люк в подводное подземелье, где лежат сокровища, – улыбнулась Алиса.

– Не смейся, – сказал Пашка. – Мы обязаны это обследовать.

– Погоди, – сказала Алиса. – Давай проплывем еще дальше по трещине. Если ничего больше не увидим, тогда вернемся и поглядим на твой люк.

Плита, полоски... может, это ничего не значило, но Алиса почувствовала, как сердце забилось быстрее. А вдруг?..

Несколько громадных глыб, видно, сорвались в свое время сверху и перегородили ущелье. Из щели между глыбами вырвался пузырек газа и помчался вверх. За ним второй...



Батискат завис над серединой расщелины
и медленно начал опускаться.

– Видишь? – воскликнул Пашка. – Выход газов.

Цепочка пузырьков вырвалась из-под скалы и потянулась кверху.

Батискат завис над тем местом, откуда вырывались пузыри.

– Может быть, здесь вулканическая активность? – спросила Алиса.

– Ты же сама проверяла – район сейсмически нейтральный, вулканической деятельности нет.

– Значит, здесь идет какой-то процесс с выделением метана или какого-нибудь другого газа. Это бывает, – сказала Алиса.

– Сейчас проверим, что за газ, – сказал Пашка.

Он дал команду манипулятору. Длинная рука выдвинулась из корпуса батиската. Два металлических пальца осторожно держали опрокинутую пробирку. Когда новая цепочка пузырьков вырвалась снизу, манипулятор ловко накрыл пробиркой один из них и быстро спрятался в корпус.

Алиса набрала запрос, и через минуту на дисплее появились цифры: состав газа.

– Кислород – 21 процент, – прочел Пашка, – углекислота – 1/10 процента, азот – 78 процентов – это же воздух!

– Почти такой, как наверху, – согласилась Алиса.

– И что это означает?

– Это означает, что там, внизу, – сказала Алиса, – есть полость, наполненная воздухом.

– Это невероятно! – заявил Пашка. – Я немедленно иду наружу.

– Зачем? – спросила Алиса. – Пускай манипулятор разберет завал и отыщет место утечки. Он это сделает куда лучше тебя.

– Лучше? – возмутился Пашка. – Ты больна болезнью двадцать первого века!

– Какой болезнью?

– Ты уверена, что машины все делают лучше, чем человек.

– Нет у меня такой болезни, – ответила Алиса. – Но машины для того и изобретены, чтобы делать некоторые вещи лучше человека. Быстрее и точнее.

– Но принимать решения все равно будет человек, – ответил Пашка. – В конце концов мне надоело сидеть в этой банке. Я тысячу лет не гулял по дну моря.

– Но здесь глубина почти полкилометра.

– Скафандр рассчитан на большее, ты же знаешь, – ответил Пашка. – А если тебе хочется посидеть в батискате, сиди. Отдохни, пока я буду заниматься исследованиями загадочного явления.

Пашка – великий провокатор. Об этом все в школе знают. Он может любого, даже самого спокойного человека вывести из себя, и тот, того не замечая, уже несется совершать необдуманные поступки и делать великие глупости, потому что Пашка его к этому подтолкнул. Неудивительно, что Алиса поднялась с места и сказала:

– Я пойду с тобой.

– Это неразумно, – сразу сменил политику Пашка. – Кто-то должен оставаться на корабле. Мало ли какая опасность может нам угрожать?

– Какая? В этих скафандрах нам ничего не страшно.

Пашка провел батискат немного вперед, отыскал ровную площадку на дне расщелины и опустил туда батискат. Облаком поднялся серый ил и долго не оседал. Даже когда акванавты натянули глубоководные скафандры и выбрались через двойной люк наружу, дно было покрыто туманом. Идти было трудно. Тяжелый столб воды сковывал движения. Впереди, словно толпа чудовищ, нависли каменные скалы.

– Как ты думаешь, – раздался в шлеме Алисы голос Пашки, – а вдруг это осколки того болида, который видел капитан «Рочестера»?

Алиса не ответила, но подумала, что надо будет захватить с собой образцы этих скал. Если это болид, то состав у него будет иной, чем у породы на дне.

Снизу, со дна, скалы казались выше. Темнота сгустилась, светили только шлемовые фонари скафандров, выхватывая из тьмы острые края скал.

– Где же эти пузыри? – услышала Алиса голос Пашки. – Куда они подевались?

Пашка протиснулся в узкий проход между скал.

– Вижу! – воскликнул он.

Его фигурка в блестящем скафандре исчезла. Алиса последовала за ним.

Но оказалось, что Пашка ошибся, это лишь маленькая глубоководная медуза сверкнула в луче фонаря.

– Ну где же, где же эти пузыри? – бормотал Пашка.

– Может, они кончились? – спросила Алиса.

Они остановились, стараясь сообразить, куда идти дальше.

Алиса взобралась на большой округлый камень, чтобы оглядеться.

Перед ней торчали головы и спины скал, виднелись черные провалы между ними, а дальше – темнота.

Вдруг Алиса замерла. По ущелью медленно двигался огонек. Сначала Алисе показалось, что это какая-то глубоководная рыба с собственным фонарем, но огонек был куда ярче, чем положено иметь животному. К тому же он двигался, покачиваясь в такт шагам.

Алиса сказала:

– Паша, мы не одни.

Она сказала это так тихо, почти шепотом, что Пашка не сразу понял. Было страшно, что Тот, кто идет, их услышит. Хотя этот страх был глупым – ведь Пашка с Алисой переговаривались по радио.

– Что ты говоришь? – спросил Пашка, который где-то у ног Алисы пробирался по узкому проходу между скал.

– Тихо!

Пашка замер. По тону Алисы он сообразил, что произошло что-то особенное.

– Что там? – прошептал он.

– Он идет, – сказала Алиса. – Я его вижу.

– Кто?

– Не знаю.

– Тогда выключи фонарь, – приказал Пашка. – Я влезу к тебе!

Алиса послушно выключила фонарь. На нее сразу навалилась темнота. И лишь далеко впереди покачивался, медленно приближаясь, огонек.

К тому времени, когда Пашка оказался рядом с Алисой, огонек приблизился настолько, что стало ясно – это фонарь, укрепленный на шлеме человека.

– Кто это? – спросил Пашка.

Алиса не ответила. Она отодвинулась немного назад, чтобы спрятаться за выступом скалы.

– Может быть, нас ищут со станции? – спросил Пашка.

– Они бы услышали, как мы переговариваемся.

– А может, это другая экспедиция? Мало ли кто опускается на дно? Геологи, вулканологи, зоологи.

Неизвестный остановился метрах в двадцати от Пашки с Алисой и начал крутить головой, светя вокруг.

Он что-то искал.

Вдруг в свете его фонаря засверкали пузырьки воздуха. Неизвестный увидел их и подошел к тому месту, откуда они поднимались. Он опустился на корточки и начал разгребать ил. Облако ила просвечивало изнутри.

Алиса переключила шлемофон на внешний прием, и стали слышны звуки океана. Человек ударял чем-то по металлу, потом раздался удар погромче, и вдруг внизу вырвался фонтан пузырей.

Удары по металлу возобновились.

– Ты понимаешь? – прошептал Пашка, наклоняясь к шлему Алисы.

– Понимаю. И очень удивляюсь.

Любой бы удивился, увидев на дне неизвестного человека, который занимается ремонтом.

Не надо было быть гением, чтобы сообразить: здесь, под ущельем, расположена какая-то полость, наполненная воздухом. И в этой полости находятся люди.

Если бы это была научная база или лаборатория, Алиса с Пашкой узнали бы о ней еще на острове Яп, когда собирали материалы. Значит, здесь Секретная база.

А это чепуха. К концу двадцать первого века на Земле уже не было не только тайных или секретных баз, но даже армий, бомб и пушек. Мысль о том, что можно убивать друг друга, чтобы отнять землю и города

или навязать другим свой образ жизни, была людям двадцать первого века отвратительна. Самое главное правило: человек должен жить так, как он хочет, дружить, с кем хочет, ходить и ездить, куда хочет. Человек должен быть свободен. При одном условии: его свобода не должна наносить вреда другим людям. Вот этому научиться оказалось труднее всего. Но когда люди этому научились, оказалось, что число счастливых людей увеличилось в тысячу раз.

Конечно, не все люди через сто лет будут счастливыми. Такого не бывает. Останутся и обиды, и неразделенная любовь, и ссоры, и даже такие чувства, как зависть, ненависть и злоба. Не могут же все быть добрыми. Но если общество, в котором ты живешь, действует по правилам добра, то твоя злоба остается твоим личным делом. Твоя глупость – это твоя беда, твоя зависть – это твоя тревога. Мы станем терпимыми, и обязательным для всех будет чувство юмора. Улыбнитесь, будут говорить через сто лет врачи. Улыбнитесь, и вам станет легче. Такое лекарство поможет лучше любого аспирина.

– Надо его выследить, – сказал Пашка.

– Нет, – сказала Алиса. – Мы поднимемся наверх и сообщим о встрече на ферме. Пускай решают взрослые.

– Сингха нет. Дороти нам не поверит.

– Мы позвоним в Сидней.

– Постой, – возразил Пашка, – мы же еще ничего не знаем. А вдруг это кладоискатель? Такой же, как я. Он тоже выловил бутылку и нашел подводную пещеру. А в ней сокровища атлантов.

Тем временем загадочный человек кончил трудиться, закрыл сумку, что висела на боку его скафандра, и, постояв немного, чтобы проверить, не поднимаются ли пузырьки, побрел прочь.

– За ним! – прошептал Пашка, и не успела Алиса ответить, как он уже соскользнул со скалы.

Алиса съехала вниз за ним и поняла, что не знает, куда идти. Ил поднялся со дна, застилая расплывчатое пятно удаляющегося фонаря.

Ничего не видно. Ровным счетом ничего. Только в ушах неразборчивое ворчание Пашки, который наткнулся на скалу и не может выбраться на открытое место.

Конечно, надо было включить фонари, но тогда тот человек их наверняка увидит.

– В какую сторону идти, понимаешь? – спросил Пашка.

– Дай руку.

Алиса двинулась вперед, и через два шага пальцы ее перчаток натолкнулись на гладкую грудь Пашкиного скафандра. Оказывается, Пашка шел ей навстречу.

Алиса развернула Пашку.

– Видишь? – Алиса показала на пятно света впереди.

– Вижу.

И в этот момент свет погас.

– Наверное, он куда-то свернул, – сказал Пашка. – Скорее.

– Или спустился вниз. Может быть, там у него люк.

Преодолевая сопротивление воды, они поспешили вперед по ущелью и лишь тут поняли, что свет исчез не потому, что неизвестный человек скрылся, – его перекрыло громадное черное тело.

Алиса успела включить шлемовый фонарь – на нее надвигался сгусток тьмы, который издавал низкий, утробный, почти неслышный звук.

Включить-то свет Алиса успела, но бежать было поздно: черная туша навалилась на нее, черная сверкающая кожа отразила свет фонаря, сверкнул яркий черный глаз... невероятная тяжесть подмяла Алису, закрутила, прижала к камням.

Алиса услышала, как вскрикнул Пашка.

К счастью, скафандр рассчитан на большое давление, его не повредить даже кашалоту. Но разве об этом думаешь, когда в полной темноте на тебя наваливается абсолютно черный слон, а может, кто-то в десять раз тяжелее слона?

Давление ослабло – чудовище проплыло или проползло дальше.

Алиса хотела было подняться, но сделать это было трудно, потому что удар, поваливший ее, был таким сильным и неожиданным, что у нее перехватило дыхание...

Она повернула голову, стараясь нащупать лучом фонаря Пашку, и увидела, что он неподвижно лежит в облаке ила.

Но помочь Пашке Алиса не смогла: чудовище возвращалось. Его пасть, усеянная длинными острыми зубами, потянулась к Алисе. Алиса подняла руку, защищаясь. Она со страхом подумала: неизвестно, выдержит ли скафандр удар таких острых зубов?

И в тот момент, когда Алиса поняла, что спасения нет, она услышала громкий свист. При этом звуке чудовище замерло, подняло голову... Затем отступило.

И Алиса потеряла сознание.

Алисе еще не приходилось терять сознания. А тут потеряла, да еще от страха. Поэтому Алиса никогда никому в этом не признается.

Она была без сознания совсем недолго, может быть, минуту.

Но за это время Пашка, который ничего не видел, потому что лежал, зарывшись шлемом в ил, смог подняться, включить фонарь и отыскать Алису. Увидев, что ее глаза закрыты, он перепугался и принялся ее звать. От звука Пашкиного голоса она очнулась. Голова кружилась.

– Ничего, – сказала она слабым голосом, – ничего страшного.

В носу свербило, но когда на тебе скафандр, невозможно почесать переносицу... Алиса громко чихнула, и Пашку это успокоило.

Он осмелел и был полон энергии.

– Ты видела? – воскликнул он. – Это был морской змей! Понимаешь, тот самый морской змей, которого видел капитан «Рочестера»! Мы с тобой сделали великое открытие. Скорее вставай, мы должны найти его логово.

– Пашка, – Алиса села, но встать не смогла – ноги не держали, – ты, кажется, забыл, что тут был человек.

– При чем тут человек! – завопил Пашка, но тут же спохватился и замолчал. Молчал он недолго. Ровно столько, чтобы Алиса смогла подняться на ноги. – Пошли скорей! – наконец сообразил Пашка. – Разве ты не понимаешь, что теперь морской змей погнался за тем человеком. Он его догонит и сожрет!

– Нет, – сказала Алиса.

– Почему нет?

– Потому что тот человек умеет командовать морским змеем.

– А ты откуда знаешь?

– Я слышала, как он приказал змею оставить нас.

– А почему я не слышал?

– Не знаю.

– Тебе не показалось?

– Нет. Я слышала свист.

– Значит, это он отправил бутылку, – заявил Пашка. – Он живет здесь в плену у морского змея... Мы должны его спасти.

– Пашенька, – сказала Алиса устало, – не сходи с ума. Лучше сначала подумай.

– Может, я и погорячился, – сказал Пашка. – Но главное – мы обязаны его найти. Если устала, возвращайся в батискат. И жди меня.

– Давай оба вернемся в батискат.

– И потеряем драгоценное время?

И Пашка пошел по ущелью вслед за морским змеем. Алисе стало ясно, что Пашку не остановить. Пришлось идти следом.

Голова у нее разболелась, ноги были как ватные. Ей казалось, что они идут уже три часа, хотя в самом деле прошло минут десять. Ущелье тянулось прямо, впереди никого не было – ни змея, ни человека.

– Паш, – сказала наконец Алиса, когда поняла, что сил больше нет, – давай вернемся.

– Сейчас.

Пашка остановился. Алиса подумала, что он согласен вернуться к батискату, но вместо этого Пашка присел на корточки и торжествующе произнес:

– Попались, голубчики!

Алиса подошла поближе.

Пашка склонился над крышкой люка.

Люк был круглым, каменным. Ила на нем не было, значит, его недавно открывали.

Пашка вытащил нож и постарался всунуть его в щель. Это было неразумно, но у Алисы не было сил спорить. Пашка надавил на нож, и его стальное лезвие благополучно обломилось.

В отчаянии Пашка начал стучать о крышку люка кулаком. Но камень гасил звук. С таким же успехом можно было стучать по скале.

– Я придумал, – сказал Пашка. – Мы пригоним сюда батискат и взломаем люк манипулятором.

– Погоди, – возразила Алиса. – Мы не знаем, кто там таится. И они нас в гости не звали. Тебе бы понравилось, если бы кто-нибудь у тебя взломал дверь?

– Не понравилось, – согласился Пашка. – А что ты предлагаешь?

– Вернуться наверх.

– Я вернусь на остров, и мое великое открытие сделают другие. Лучше уж я попаду в плен, а ты будешь меня спасать.

Конечно, Пашка шутил, но ясно было, что вытащить его из ущелья можно только подъемным краном.

Луч фонаря упал на небольшой камешек. Пашка со злостью пнул его ногой, камешек не шевельнулся. Пашка рассердился и еще раз ударил по нему. И вдруг камешек отъехал в сторону, а люк, как бы подчиняясь движению камешка, медленно откинулся.

– Видишь, а ты говорила, что мне его не открыть, – сказал Пашка.

– Ты ногу не ушиб?

– Потерплю. Давай спустимся, поглядим – и сразу обратно. Не отказываться же от такого приключения.

И чтобы не слышать Алисиных возражений, Пашка быстро ступил в отверстие, и через несколько секунд его голова скрылась внутри.

– Стой наверху, – услышала Алиса голос друга. – И подстраховывай меня.

Но Алиса не послушалась. Оставлять Пашку одного ей не хотелось, да и стоять одной в черном ущелье, где плавают морские змеи, не очень приятно.

Алиса заглянула в шахту, далеко внизу вода светилась от Пашкиного фонаря.

– Пашка, ты что делаешь? – спросила она.

– Опускаюсь, – сказал Пашка. И через секунду добавил: – Опустился.

Тогда Алиса последовала за ним. Вот и дно колодца... Совсем близко закругляется каменная стена...

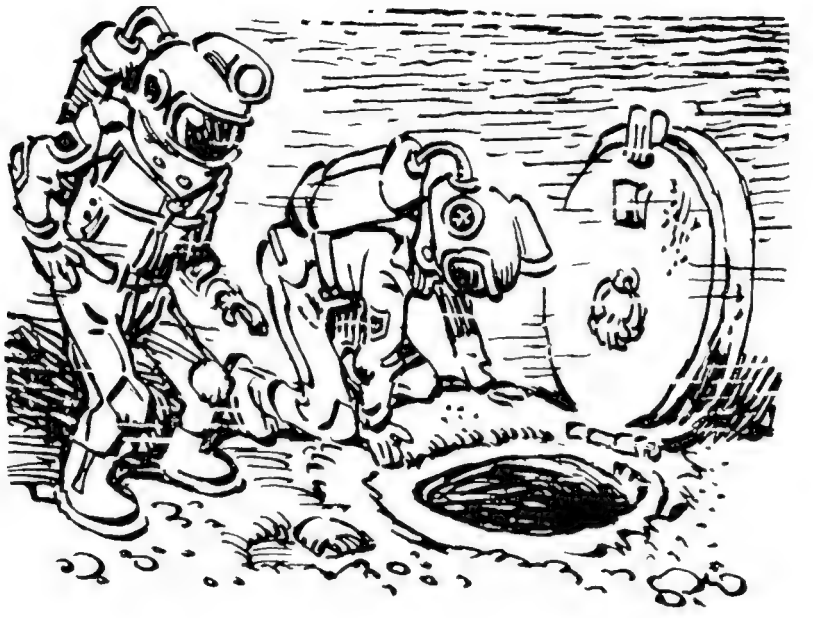
Она посветила фонарем вверх и вдруг увидела, что крышка люка медленно закрывается.

– Пашка, смотри!

– Ничего, – ответил Пашка храбрым голосом. – Выпутаемся. Главное – идти вперед.

Идти было некуда. Они были заперты, как жуки в узкой, высокой банке.

У ног в стене колодца открылось забранное решеткой отверстие и, вода, урча, хлынула туда.



– Это переходник, – сказал Пашка спокойно. – Сейчас вода уйдет, и мы выйдем.

– Куда? – спросила Алиса.

Как только вода ушла из колодца, в его стене со скрипом отворилась железная дверь. За ней было светло.

Там стоял старый человек в скафандре, но без шлема. Лицо его было бледным и усталым.

– Выходите, дети, – сказал он по-русски.

Глава третья
ПЛЕННИКИ АТЛАНТОВ

Алиса с Пашкой оказались в обширном зале с низким каменным потолком.

Под потолком тянулся ряд позеленевших бронзовых светильников. Некоторые горели, некоторые погасли, и оттого часть пещеры была погружена в полумрак.

Старик подошел к стене возле двери в колодец, повернул медный рычаг, и дверь медленно, со скрипом, закрылась.

Что-то в старике удивляло. Но что?

Во-первых, скафандр. Он был непрозрачный, темно-синий, с золотым поясом и золотыми манжетами, на плечах – небольшие крылышки, тоже из золота, одно, правда, обломано. Потом Алиса разглядела и шлем старика, который лежал на широкой каменной тумбе у стены пещеры. Шлем был украшен продольным золотым гребнем, словно шлем древнегреческого воина.

А лицо старика? Странное лицо. Очень бледное, почти голубое, без морщин, с глубоко запавшими темными глазами. Длинные седые волосы были собраны в пучок на затылке. Бороды не было, но жидкие усы, свисающие от углов рта, придавали лицу грустное выражение, какое бывает у голодной собаки.

Старик сказал:

– Можно снять шлемы.

Ребята отстегнули крепления и откинули шлемы на спины.

Потом спросил:

– Следили?

– Выходите, дети, – сказал он по-русски.

– За кем? – Пашка сделал большие глаза.

– Следили, следили, – проворчал старик. – Ходят тут, следят, подглядывают...

– Мы сначала не следили, – сказала Алиса. – Но потом на нас напал морской змей.

– Какой такой змей? – Старик глядел на них рассеянно, будто думал о другом.

– Морской змей! – сказал Пашка. – Редчайшее животное. Мы уже сто лет его ищем.

– Змей? Эмпидоклюс, что ли? – спросил старик. – Он играл. Молодой еще.

– Он у вас прирученный? – догадался Пашка. – И откликается на имя? А мы испугались, что он на вас напал.

– Значит, вы увидали, побежали, в колодец полезли – меня спасали?

Старик поморгал и глубоко вздохнул.

Какое-то шуршание послышалось неподалеку.

Алиса обернулась – в полутьме, в дальнем конце зала, мелькнула розовая фигура.

Старик тоже обернулся. И сразу сжался, понурился.

– Пошли, – сказал он, – пошли, чего уж там. Я вас не знаю, вы меня не знаете, залезли куда не просили, теперь плохо будет.

И он, волоча ноги, побрел к низкой металлической двери. Дверь была обита золотыми полосками. Старик повернул массивную изогнутую ручку.

Пашка толкнул Алису.

– Сто против одного, – шепнул он, – это самая настоящая Атлантида!

Старик отворил дверь, и они увидели уходящий наклонно вниз узкий коридор. Видно, старик услышал слова Пашки, потому что, не оборачиваясь, проворчал:

– Атлантида! Мы уж забыли, а они ищут. Была Атлантида, да потонула...

Под потолком тянулась цепочка светильников. Теперь Алиса смогла их разглядеть. Каждый светильник представлял собой разинутую пасть змеи, в которую, подобно белому яйцу, была вставлена лампа. Лампы были электрическими, некоторые разбиты или перегорели. Стены коридора выложены камнем, но тщательно обтесанным.

Вдруг Пашка, который шел спереди, ахнул и отшатнулся.

Он больно ударил Алису откинутым на спину шлемом.

– Ты что? – спросила Алиса и тут же увидела, что его испугало.

В неглубокой нише стояла позолоченная человеческая фигура с шестью руками. Страшные тонкие губы были растянуты в улыбке, на шее висело ожерелье из белых черепов.

– Не бойтесь, дети, – раздался голос старика. – Это бог не вредный. Только пугает.

– Ну и боги у вас, – проворчал Пашка, который не любил, чтобы кто-то замечал его слабости.

Старик не ответил.

Коридор расширился. Вдоль стен потянулись длинные низкие скамьи со спинками в виде переплетенных змей. Скамьи были каменными, змеи – бронзовыми.

«Что же меня так настораживает?» – думала Алиса.

И поняла: пустота и тишина.

Они шли уже несколько минут, но никого не встретили, ни с кем старик не разговаривал, словно он один жил в этом подводном царстве. Как капитан Немо в «Наутилусе».

Старик открыл еще одну дверь и сказал:

– Здесь будете сидеть. Ждите, пока Госпожа скажет, что с вами делать.

– Какая госпожа? – спросила Алиса.

– Мы люди маленькие, – ответил старик, глядя куда-то мимо Алисы в стену. – Ходим, чиним. Все течет, все капает, все прохудилось. Все кричат: «Где Гермес? Почему капает?» А я вам скажу, – старик перешел на громкий шепот, – потому капает, что сверху вода.

С этими словами старик вышел из комнаты и закрыл за собой дверь.

Алиса обернулась и поняла, что изнутри в двери нет ручки.

– Подождите! – крикнула она, бросаясь к двери.

Алиса несколько раз ударила кулаком в дверь.

– Не суетись, Алиска, – сказал Пашка. – Ты мешаешь мне думать.

Алиса обернулась.

Ее друг стоял у длинного низкого стола и разглядывал предметы, лежавшие на нем. Там было множество вещей, сваленных без всякой системы. Банки из-под пива, кучка ржавых гвоздей, карманные старинные часы, обросшие кораллами, кусок доски с надписью «SANTA MARIA», человеческий череп, сабля с обломанным клинком, почти целая фарфоровая тарелка, мятая канистра, медный чайник с отломанным носиком, скелет рыбы...

Пашка извлек из-под расколотого блюда несколько потемневших серебряных монет.

– Талеры, – сказал он. – Им лет пятьсот.

Он стал разглядывать, что написано на талере.

– Как ты думаешь, – спросила Алиса, – куда мы попали? Может, это в самом деле... подводные археологи?

– Археологи? – Пашка фыркнул. Алисины слова рассмешили его. – И сколько же лет они вырубали в базальте свою базу, забыв сообщить об этом в видеогазеты? Неужели тебе все еще непонятно?

– Сейчас ты опять скажешь: Атлантида!

– Этот старик – последний атлант. А пещеры – осколки некогда великой и могучей империи.

– Но ведь Атлантида была в Атлантическом океане, а это Тихий.

– Удивительный народ – скептики, – ответил снисходительно Пашка. – Ты что, веришь старику Платону, который записал туманные слова египетских жрецов. А откуда знали про Атлантиду египетские жрецы? От моряков. А куда плавали египетские моряки? В Индию и Китай. Ну и конечно, в настоящую Атлантиду, которая была расположена на островах.

– А как ты объяснишь, что он разговаривал с нами по-русски?

– Зачем объяснять? – нашелся Пашка. – Скажи, на каком языке разговаривали между собой атланты?

– Не знаю, – растерялась Алиса.

– А я вот читал в старом журнале, что русский язык в античном мире был очень распространен. Кто были этруски?

– Они жили в Италии еще до римлян.

– Вот именно. Этруски – это таинственный народ, язык которого до конца так и не удалось разгадать, даже с помощью самых современных компьютеров. Но кое-что известно. Этруски приплыли в Италию из-за

Коридор расширился. Вдоль стен потянулись длинные низкие скамьи со спинками в виде переплетенных змей.

моря в древние времена и построили там много городов, даже Рим. Но потом римляне их победили. И этруски куда-то делись. Один очень образованный человек, кандидат химических наук, еще сто лет назад написал статью, что этруски – это предки русских. Слышишь: эт-руски! И говорили они по-русски. Разве исключено, что они спаслись из Атлантиды, когда она утонула? И тогда все становится на свои места: атланты – это этруски, этруски – это русские, и мы с тобой по-своему атланты.

– Трудно поверить, – сказала Алиса.

– К сожалению, даже сто лет назад тому открывателю никто не поверил. И знаешь почему?

– Почему?

– Из зависти. Каждому хочется сделать великое открытие. А если не удалось, он начинает завидовать тому, кто сделал.

– Мне трудно с тобой согласиться, Пашка, – сказала Алиса, – даже если это атланты, да к тому же этруски, неужели они столько тысяч лет говорят на современном русском языке. А мне даже стихи Ломоносова трудно читать – так язык изменился.

– Ничего удивительного, – упорствовал Пашка. – Они следили за событиями. Выныривали и подслушивали.

Алиса поняла, что Пашку не переспоришь. Она отстегнула шлем и положила его на круглый табурет. Сиденье табурета было выточено из черного дерева, а ножки – из розового коралла.

Пашка с увлечением разбирал старые монеты. Но Алисе было тревожно. Зачем надо было их запирать? Куда исчез этот старик? Странный атлант – говорит по-русски, живет под водой, дрессирует морского змея... Алиса стояла возле стола с трофеями и разглядывала вещи, надеясь отыскать какой-нибудь ключик к этой тайне. И вдруг она увидела бутылку. Пузатую зеленую бутылку.

– Пашка! – сказала она. – Что ты на это скажешь? – Она подняла бутылку и показала ему.

– Точно! – воскликнул Пашка. – Как бы сказал Шерлок Холмс: это последняя точка в цепочке тайн. Преступник найден! Этот старик вызывал нас на помощь! Это он кинул бутылку с запиской. Все ясно!

– Ничего не ясно, – сказала Алиса. – Если кинул, почему не обрадовался, когда мы пришли?

– А что, если кинул не он? – Глаза Пашки загорелись. – А что, если здесь есть тюрьма? И он держит в ней тех, кто потонул после кораблекру-

шения? Алиса, слушай, когда он придет, о записке ни слова! Мы объединимся с его жертвами и поднимем восстание.

Алиса только вздохнула. Пашка – хороший человек, умеет так увлечься собственной идеей, что начинает верить: это не глупая идея, а единственная и окончательная правда.

Она почувствовала, что устала. Ведь с раннего утра на ногах, подумать только, сколько всего вместилось в этот день – от находки бутылки до подводного плена. А день еще только перевалил за половину.

Пашка закончил изучение монет и занялся детективной работой.

Алиса сидела устало на скамейке и смотрела, как он тщательно простукивает стены и пол.

– Камень, – говорил он деловито и делал шаг дальше. – Камень, – повторял он.

Алисе было холодно. И душно. Такое неприятное сочетание – извечный каменный холод и духота. Снять скафандр? Станет еще холоднее. «Глупая, – сказала она сама себе, – ведь в скафандре должно быть отопление!» Алиса отыскала кнопку обогрева.

– Перегородка! – торжественно объявил Пашка. – Я же говорил!

В той стороне комнаты, где он выстукивал стену, было полутемно. Поэтому Алиса и не заметила небольшую дверь, покрашенную под камень.

Внезапно эта дверь медленно отворилась.

Пашка от неожиданности отпрыгнул.

В дверях стояла странная фигура.

Это была очень толстая, невысокого роста женщина с длинными, до пояса, черными спутанными волосами. На голове у нее сверкал золотой обруч, в который спереди был вставлен большой красный камень. Женщина была одета в зеленое, до земли, платье, расшитое золотыми рыбами и змеями. На груди в несколько рядов висели ожерелья из драгоценных камней и маленьких раковин.

Алиса не сразу разглядела ее лицо, потому что оно было скрыто волосами. На нее в упор глядели маленькие черные пронзительные глаза, близко посаженные к крючковатому острому носу. Губы были тонкие, голубые.

– Это вас Гермес поймал? – спросила женщина пронзительным голосом.

«Ага, – подумала Алиса, – значит, старик здесь не один. Атлантида населена. И все знают русский язык».

– Здравствуйте, – сказал Пашка. – Скажите, почему нас заперли?

– Потому что к нам нельзя! Это нарушение закона.

– Нам ваши законы неизвестны, – сказал Пашка. – А по нашим – людей запирать нельзя.

– А разве мы вас звали?

– Звали, – сказал Пашка.

– Я не звала. Значит, никто не звал.

– А кто вы такая, что за всех отвечаете?

– Я – наследница Афродита. Скоро Госпожа Гера умрет, и я буду править Атлантидой. Я вам нравлюсь?

– Не очень, – честно признался Пашка.

– Тогда вас придется казнить. Я здесь единственный ребенок. Больше нам детей не нужно. Тем более таких грубых.

– Я с вами не согласна, – сказала Алиса. – Я думаю, что нас лучше отпустить, и вы останетесь одна.

Наследница Афродита задумалась. Она грызла ноготь и сопела.

Наконец она додумалась.

– Нет, – сказала она. – Если вы обещаете, что не будете драться со мной за трон, я вас оставлю здесь. Мне совсем не с кем играть. А у меня есть тысяча кукол. Мне папа дарит.

– Я не играю в куклы, – сказала Алиса.

– Значит, ты хочешь отнять мой трон?

И тут наследница уселась на пол и начала громко рыдать.

В дверь вбежал лысый толстяк в красной тоге. В руке у него был кинжал с хищно загнутым лезвием.

– Убийцы! – закричал он. – Не смейте обижать ребенка!

Он погрозил Пашке кинжалом, но тут же забыл о нем, кинулся к наследнице, присел рядом с ней на каменную скамью и принялся ее утешать.

Алиса не поняла, что он говорит, но по тому, как лысый толстяк гладил длинные спу-

танные волосы наследницы, было ясно, что он ее очень любит и расстраивается из-за ее несчастий.

Афродита, всхлипывая, опустила голову на грудь толстяку.

Пашка с Алисой молча смотрели на эту сцену, не решаясь что-нибудь сказать.

Через несколько минут наследница стала всхлипывать все тише и тише, а потом вдруг захрапела. Да так громко, что Пашка не выдержал и прыснул от смеха.

Толстяк зашипел на него, как змея. Пашка осекся. Толстяк поднатужился, подхватил наследницу под коленки, обнял другой рукой за плечи, поднял и, покачиваясь от натуги, унес из комнаты.

– Пашка, – сказала Алиса уверенно, – мне тут не нравится.

– А мне, – ответил упрямо Пашка, – даже очень нравится. Таких приключений у меня давно не было.

– Боюсь, – сказала Алиса, – что они только начинаются.

В этот момент большая дверь медленно отворилась, и вошел старик, который взял их в плен.

– Скучали? – спросил он.

Старик говорил ровным голосом, будто ему все равно, скучали они или нет, хотят сидеть в каменном мешке или не хотят. Надо говорить – он говорит. А может и не говорить.

– Мы не скучали! – ответил Пашка. – У нас были гости.

– Кто? – спросил старик.

Его голова медленно поворачивалась, будто ему легче было поворачивать всю голову, чем двигать глазами. Наконец он заметил открытую дверь в глубине комнаты.

– А я забыл, – сказал он, – что тут есть вторая дверь. Госпожа Гера будет сердиться. Как же ты,

Гермес, скажет она, забыл, что там есть вторая дверь? Вот мне и конец придет. Вы ведь сбежать могли.

Алиса и Пашка заметили, что старик переоделся в длинную, до земли, темно-зеленую тогу. На ней была вышита серебряная змея, которая несколько раз обвивала старика, а ее разинутая пасть оказалась у него под подбородком. Казалось, еще секунда – и змея цапнет Гермеса за нос.

Рукав тоги был разорван и кое-как сшит серыми нитками.

Старик пересек комнату, заглянул в маленькую дверь. Там было тихо.

– Эй! – крикнул он в темноту. – На совет, на совет! Госпожа сердится.

– Жалко, что у нас нет оружия, – сказал Пашка. – Не представляю себе, как буду тебя защищать.

Старик обернулся к ним и долго смотрел, словно не узнавал.

– Вы что здесь делаете? – спросил он наконец. – Здесь чужим нельзя.

– Мы сразу уйдем, – сказала Алиса. – Только покажите нам дорогу.

– А! – вспомнил старик. – Вы за Эмпедоклюсом гонялись. Теперь вас судить будем. Наверное, засудим, правда?

– Учтите, – строго сказал Пашка, – нас будут искать. И когда найдут, преступников настигнет заслуженная кара.

Алиса поняла, что Пашка вспомнил какой-то приключенческий роман.

– Настигнет – постигнет, – ответил старик. – А сверху все течет. Скоро протечет совсем, вот нам и крышка. Пошли, что ли?

Глава четвертая
СМЕРТЬ ПРИШЕЛЬЦАМ!

Старик вел их по скудно освещенным лестницам и коридорам. Алиса старалась запомнить все повороты, но это было невозможно: под океаном обнаружился целый подземный город... И тут Алиса ахнула от удивления.

За небольшой дверью открылся зал, второго такого на Земле не отыскать. «Наверное, – подумала Алиса, – рабы атлантов трудились сотни лет, чтобы его создать».

Зал был слабо освещен, и поэтому сначала казалось, что ты вошел в бесконечный лес. Прямыми рядами стояли колонны стволов, каждая больше метра в диаметре, вершины их исчезали в полутьме, и казалось, что там, наверху, клубится густая листва.

Когда глаза привыкли к полутьме, стало понятно, что это не деревья, а каменные столбы. Каменотесы тщательно вырезали каждую полоску коры, каждый сучок. Потолок в самом деле состоял из ветвей и листьев, но и они были вырезаны из камня. Этих гигантских каменных деревьев было столько, что границы зала скрывались в бесконечности. Когда-то деревья были раскрашены. Кора их была коричневой и золотой, листья зелеными. Но краска сохранилась лишь в отдельных местах, а там, где она облезла, был виден серый камень.

Пол в этом зале был гладким, сложенным из зеленых керамических плиток. На плитках были нарисованы цветы и бабочки, жуки и пчелы... Да так тонко, что страшно было на них наступить.

Алиса с Пашкой замерли на пороге зала. Старик же прошел вперед. Через несколько шагов, сообразив, что шаги пленников не слышны, он обернулся.

– Вы чего оробели? – спросил он. – Леса не видели?

– Кто это сделал? – спросил Пашка.

– Атланты, – ответил старик. – Старались, убивались, а зачем? Сик транзис глория мундис, что означает: «Так проходит земная слава».

Каждый шаг гулко раздавался в каменном лесу, и от этих звуков лес казался еще необозримее.

Зал заканчивался аркой, которая опиралась на колонны из белого коралла, обвитые зелеными нефритовыми змеями.

При приближении людей двери в арке медленно раскрылись, и Алисе почудилось, что сейчас она увидит стражей в латах с кривыми мечами, как в сказках Шехерезады. Но стражей не было: за дверями оказался еще один зал.

В нем стояло множество скульптур. Некоторые из них были знакомы по учебнику античной истории.

Пашка задержался, любуясь мраморной статуей воина, поднявшего меч. Мрамор был белым, теплым, почти живым.

Следующая дверь оказалась пастью злобной драконьей рожи. Словно громадный красный язык, эту пасть перекрывал алый занавес.

Старик остановился перед ним в растерянности. Потом поглядел на Алису и сказал:

– Закрыто.

– Открыто! – послышался резкий, высокий голос изнутри.

– А вроде бы закрыто, – все еще сомневался Гермес.

Но все же откинул занавес. Алисе показалось, что чудовище облизнулось алым языком.

Алиса ожидала увидеть еще один огромный зал, но вместо этого они оказались в довольно небольшом, но высоком помещении. Всю заднюю стену занимала золотая кобра. Змея свернулась кольцами и высоко, к самому потолку, подняла раздутую шею, которая кончалась маленькой злобной головой и разинутым ртом. Изо рта высовывался усыпанный жемчужинами раздвоенный язык. Кольца змеи образовывали как бы сиденье трона, а шея и голова – спинку.

На троне восседала худая старая женщина с жемчужной диадемой в седых волосах. Она была одета в розовое платье, расшитое серебряными звездами. Лицо ее было голубым, глубоко запавшие глаза – черными. Женщина сидела неподвижно и сама казалась статуей.

По обе стороны трона тянулись низкие скамьи, на которых лежали плоские подушки. Справа от розовой женщины, которая, как поняла Алиса, и была Госпожой Атлантиды, на скамье сидел еще один старик. В отличие от нее и Гермеса, который привел пленников, он был одет скромно, даже бедно. На нем была серая мятая тога и серый высокий колпак. Ни одного украшения, если не считать медного браслета на правой руке.

Старик Гермес, введя пленников, спросил у Госпожи:

– Мне, что? Уйти или садиться?

– Глупый, – сказала женщина, – ты член Совета. Опять забыл?

– Он скоро забудет, как его зовут. – Человек в сером улыбнулся одними губами, глаза остались печальными.

Старик послушно поднялся на несколько ступеней и уселся на скамью по левую руку от Госпожи. И сразу задремал.

– Кто вы? – спросила женщина в розовом. – Зачем вы пришли сюда?

– Я – Алиса Селезнева, – ответила Алиса. – А это мой друг Павел Гераскин. Мы проходим биологическую практику на острове Яп, на океанской ферме.

– На ферме? – Госпожа подняла тонкие брови. Видно, ей было незнакомо это слово.

– Это такое хозяйство, – пояснила Алиса. – Там разводят морских животных, пасут кашалотов и дельфинов...

– Сколько лет тебе? – спросила Госпожа.

– Двенадцать, – ответила Алиса.

На троне восседала худая старая женщина
с жемчужной диадемой в седых волосах.

– А твоему другу?

– Мне тоже двенадцать, – сказал Пашка. – Только я не понимаю, что происходит. Мы ничего плохого не хотели, а нас заставили сюда прийти, как будто мы пленники.

– Вы пленники, – сказала Госпожа. – Таков закон Атлантиды. Никто, попавший сюда, не уходит живым.

– Но мы не знали вашего закона, – сказала Алиса.

– Незнание закона не освобождает от его выполнения, – сказала Госпожа.

– Какие-то средневековые порядки! – возмутился Пашка. – Спускаешься под воду с исследовательской миссией, тебя хватают и еще грозят. Вы должны радоваться, что мы вас нашли.

– Интересно, – сказал мужчина в сером, – почему мы должны радоваться тому, что вы забрались туда, куда вас не звали?

– Мы же не нарочно! – воскликнул Пашка. Он уже забыл, почему опустился в подводное ущелье, и чувствовал себя невинной жертвой.

– Глупые детишки! – вдруг проснулся старик Гермес. – Лезут, не спросясь, не знают куда. Я пойду, Госпожа Гера? А то опять течет.

Он показал костлявым пальцем на потолок, и все послушно подняли головы. На потолке, когда-то побеленном и раскрашенном желтыми узорами, расплылось большое влажное пятно.

– Помолчи, – поморщилась Госпожа Гера. – Сначала Совет, сначала приговор, а потом иди куда хочешь. Я предлагаю: за нарушение закона пришельцев убить.

– Как так убить? – удивился Пашка.

– Мне лично вас жалко, – сказала Госпожа, – но я подчиняюсь Закону. Она обернулась к серому человеку:

– Что ты скажешь, Посейдон?

– Я уважаю закон, – сказал серый человек. – Но он ничего не говорит о казни детей.

– Не все ли равно, сколько лет человеку? – возразила Госпожа. – Закон ничего не говорит, потому что он относится ко всем.

– Я полагаю, – сказал Посейдон, – что самым разумным будет оставить пленников здесь. Нам нужны рабочие руки. Им все равно не убежать.

– Через час нас начнут искать! – выкрикнул Пашка. – И тут же локаторы найдут наш батискат. И еще через два часа вас будут судить уже по нашим законам.

«Какой дурак!» – подумала Алиса. Но было поздно.

– Мальчик прав, – сказала Госпожа Атлантиды. – Мы забыли о их подводном корабле. Посейдон, прошу тебя, перегони их корабль в наш ангар.

– Вы не знаете, как им управлять! – испугался Пашка. – Вы его сломаете.

– Я видел на моем веку много подводных кораблей, – улыбнулся одними губами Посейдон.

Он поднялся и обратился к Госпоже:

– Прошу мое мнение учесть при решении Совета.

– Твое мнение будет учтено, – ответила Госпожа.

– Стойте! – Пашка хотел было броситься следом за Посейдоном, но Госпожа так властно сказала: «Ни с места!», что Пашка остановился.

– А ты, Гермес, – улыбнулась Госпожа, глядя на Гермеса, который клевал носом, стараясь удержаться от дремоты, – ты понимаешь, что Закон нарушать нельзя?

– Закон для всех один, – ответил Гермес. – Закон я знаю.

– И ты согласен со мной?

– Я всегда согласен, – ответил старик. – Мне идти пора, вода капает.

– Тогда скажи: «Пришельцы приговариваются к смерти».

– А? – Старик бессмысленно смотрел на Госпожу, и у Алисы возникло желание закричать: «Не слушайте ее!»

Затем мутный взор старика переполз на Алису и Пашку.

– Кто такие? – спросил он. – Я не помню.

– Скажи, смерть!

– Это... – Старик долго жевал губами. Потом светлая мысль посетила его. – Дай их мне, – сказал он. – Будем чинить. Сил не хватает, никто мне не помогает. Я их научу. Пускай помогают, а?

– Ты ничего не понял, старый дурак! – рассердилась Госпожа.

– Куда мне понять...

Алый занавес отлетел в сторону, и в комнату ворвались толстяк и наследница Афродита.

– Почему без нас заседаете? – закричал толстяк с порога. – Опять заговор?

– Мы вас звали, – устало ответила Госпожа. – И не наша вина, что вы гуляете неизвестно где.

– Почему неизвестно где? – возмутился толстяк. – У ребенка был нервный шок.

Толстяк помог наследнице подняться на ступени, и они заняли место Посейдона.

– Меркурий, – обратилась Госпожа к толстяку, – мы судим пришельцев, которые нарушили закон и проникли в Атлантиду. Мы приговорили их к смерти. Ты согласен?

– Согласен, согласен, – быстро ответил толстяк. – Они нам угрожали. Моя девочка в опасности.

– Значит, все решено. Единогласно.

– Чепуха какая-то, – возмутился Пашка. – Я протестую. Я требую защитника!

– Правильно! – закричала вдруг наследница. – Я скоро умру от скуки. Мне не с кем играть. Мне прислали сверху детей, чтобы я играла, а злая Гера хочет их убить. Папа, прекрати!

– Да, кстати, – тут же изменил свою позицию толстый Меркурий, – почему их нужно казнить, когда моей девочке не с кем играть? Нет, я не позволю. Опять заговор против моей девочки. Гера, тебе пора уступить ей место. Ты стара и зла.

Алиса слушала эту перепалку как во сне. Такого быть не могло. Мы живем в конце двадцать первого века, когда на Земле не убивают людей. Может, они шутят? Может, это спектакль?

– Вы не понимаете! – Госпожа Гера поднялась с трона и протянула вперед руку. – Если нарушить закон единожды, закон погибнет. Погибнет

закон – погибнет Атлантида. Своей властью я приказываю: Гермес и Меркурий, отведите пришельцев к внешнему люку и утопите!

Она была грозной и страшной. Казалось, что из глаз вылетают черные стрелы. Остальные в зале оробели и молчали...

Пауза тянулась долго, словно все окаменели, заколдованные.

Вдруг занавес откинулся, впуская Посейдона.

– Все, – сказал он, – их корабль спрятан. Что решил Совет?

– Совет моей властью постановил – смерть! – произнесла Гера.

Посейдон окинул взглядом комнату. Потом обернулся к Алисе.

– Это правда? – спросил он.

– Она не вправе отвечать, – сказала Госпожа Атлантиды.

– Это ложь, – сказала Алиса.

– Здесь решаю я! – Госпожа была неумолима. – Я – это закон. И много лет уже я его охраняю.

– Что ты думаешь, Меркурий? – обернулся Посейдон к толстяку.

– Я против! – воскликнул толстяк. – Моей девочке не с кем играть, а вы тут топите детей.

– А ты, Гермес? – спросил Посейдон.

– Ты о чем? Прости, я задремал, может, чего пропустил?

– Задремал или притворился?

– Пускай дети живут, – быстро ответил Гермес. – Мне помощники нужны. Ты не сердись, Госпожа, все течет, чинить некому.

– Атланты не убивают детей, – сказал Посейдон. – Решение Совета: оставить им жизнь. Ты одна против.

– Решение Совета: смерть пришельцам!

– Я увожу детей, – сказал Посейдон. – Им не следует слушать дрязги стариков.

Он поднял руку, жестом приказывая пленникам следовать за ним.

Красный занавес всколыхнулся и мягко опустился сзади. Они снова оказались в зале скульптур.

Вслед несся крик Госпожи Геры:

– Они приговорены и будут убиты!

– Фапофадофажди, – сказала Алиса Пашке, пользуясь старым школьным кодом. – Фамыфаосфатафанемфася фаодфани.

– Фапофанял, – ответил Пашка.

– Фавлефасу, – сказала Алиса. Пашка кивнул. И на самом деле, каменный лес – лучшее место, чтобы убежать.

Они миновали зал скульптур. Алиса оглянулась. Посейдон брел шагах в трех сзади, его серая тога волочилась по камням.

Вот и каменный лес.

Алиса почувствовала, как напрягся Пашка.

– Беги, – шепнула она. – Налево.

Пашка послушно бросился налево. Алиса побежала в другую сторону. Она не оглядывалась, главное было – оторваться от Посейдона. Ей казалось, что она бежит по настоящему лесу, вот только нет кустов, чтобы спрятаться. Она обогнула один ствол, второй, третий... Впереди, уходя в бесконечность, стояли такие же громадные колонны.

И вдруг со всего размаха Алиса врезалась в стену.

Она настолько не ожидала этого, что ушиблась и упала на пол.

Лес был обманом! Всего-то в нем оказалось шесть рядов деревьев, а за ними – зеркальная стена.

Алиса постаралась подняться, ноги скользили по кафельному полу, по нарисованным цветочкам и бабочкам. «Гадкий мир, – подумала Алиса, – все ненастоящее!» Сзади раздался крик.

Алиса обернулась.

Посейдон спокойно ждал в проходе между деревьями. А чуть дальше был виден Пашка, который колотил кулаками по зеркальной стене и громко проклинал Атлантиду и всех атлантов.

– Пашка, за мной! – крикнула Алиса.

Она побежала к выходу из зала. Пашка за ней.

Но выйти из зала не удалось. В его дверях стоял, нервно колотя себя хвостом по бокам и разевая розовую пасть, огромный лев.

Алиса начала отступать.

Лев сделал шаг за ней.

Кто-то толкнул Алису. Это был Пашка. Он встал перед Алисой, закрывая ее собой.

У Пашки, может быть, много недостатков. Но он никогда не оставит товарища в беде.

Лев стоял с раскрытой пастью. Пашка и Алиса, замерев, глядели на льва.

Сзади подошел Посейдон и спросил:

– Ну что, набегались? Пойдем дальше?

Пленники ничего не ответили.

Посейдон поднял руку, щелкнул длинными сухими пальцами. Лев растворился в воздухе.

– Голограмма, – сказал Посейдон.

– Ага, – перевел дух Пашка. – Я так и подумал.

– Нет, – сказал Посейдон. – Ты так не подумал. Иначе бы прошел сквозь него. Идите направо.

Справа была небольшая дверь. Алиса повернула изогнутую бронзовую ручку, и дверь послушно открылась.

За дверью обнаружилась небольшая комната с длинным столом посредине. Вдоль стола были расставлены кресла с резными спинками.

На столе стояло несколько сосудов, закрытых крышками.

Посейдон закрыл за собой дверь и сказал:

– Если вам нужно вымыть руки и привести себя в порядок, туалет в соседнем помещении.

– Зачем мыть руки, если вы собираетесь нас убивать? – спросил Пашка.

– Очень неприятно убивать грязных детей, – совершенно серьезно ответил Посейдон. – К тому же здесь тепло, вы можете снять скафандры, наверное, надоело в них ходить.

Когда Пашка с Алисой мыли руки в небольшой комнатке, где стояла низкая золотая ванна и из кранов в виде птичьих голов тонкими струйками лилась пресная вода, Алиса сказала:

– Знаешь что, Пашка?

– Что? – Пашка, ополоснувшись, принялся простукивать стены. Он надеялся, что можно будет убежать оттуда.

– Я думаю, что нас не будут убивать.

– В любом случае я им так просто не дамся, – сказал Пашка.

Алиса сняла скафандр и положила его на низкий каменный стол. Потом причесалась, глядя в мутное овальное зеркало. Пашка скафандра не снимал.

– Вроде бы нас собираются кормить, – сказала Алиса.

– Могут и отравить, – предупредил Пашка.

Алиса приоткрыла дверь в большую комнату. Посейдон сидел за столом, подвинув к себе один из сосудов, и мирно черпал оттуда серебряной ложкой суп. Он увидел, что дверь в туалет приоткрылась, и сказал, улыбаясь:

– Фазафахофадифате, а то суп остынет. И в следующий раз придумайте код посложнее. Нельзя недооценивать противника.

– Вы правы, – согласилась Алиса.

Она прошла к столу и села в кресло. Посейдон подвинул ей серебряную миску.

– Надеюсь, вы употребляете в пищу суп из креветок? – спросил он.

– Спасибо, – сказала Алиса. – Я очень проголодалась.

Пашка стоял в дверях, так и не решив еще, что перевесит: голод или осторожность.

Посейдон спросил:

– Суп не остыл?

– Нет, – сказала Алиса. – Очень вкусно.

– А мне так надоела морская пища! – сказал Посейдон.

Пашка осторожно подошел к столу.

– Нехорошо, – заявил Посейдон, глядя на него, – в скафандре за стол у нас не садятся.

Алиса посмотрела на Пашку укоризненно.

– Я руки вымыл, – сказал Пашка.

Понятно было, что скафандра он не снимет.

– Ну, как знаешь, – сказал Посейдон.

Суп был не очень вкусный, подсоленные креветки плавали в жидком бульоне.

– Овощей не хватает, – вздохнул Посейдон. – Теплица вышла из строя, а починить некому.

Пашка сел за стол. В скафандре не очень удобно обедать. Но он делал вид, что всю жизнь обедает только в скафандре.

– А откуда вы знаете русский язык? – спросила Алиса.

– Я знаю все основные языки Земли, – ответил Посейдон.

Пашка съел несколько ложек супа, потом отложил ложку и сказал:

– Плохо питаетесь.

– Другого предложить не можем, – ответил Посейдон. – Кстати, я должен заметить, что, в отличие от Алисы, вы плохо воспитаны.

– Ваша наследница не лучше, – ответил Пашка.

– Вы правы, – сказал Посейдон. – Но что поделаешь, она последний ребенок, мы ее избаловали.

– Ребенок! – фыркнул Пашка. – Взрослая женщина!

– Даже пожилая, – согласился Посейдон. – Но для нас она ребенок.

Он подвинул к себе сосуд поменьше, снял крышку.

– Отварной осьминог, – сообщил он. Потом достал ложкой кусок белого мяса и принялся жевать. – Как всегда, недоварен.

Алиса попробовала кусочек, но прожевать не смогла. Пашка даже пробовать не стал.

Так и закончился обед.

Затем Посейдон поднялся и произнес:

– Вы готовы идти?

– Только не вздумайте нас казнить, – сказал Пашка. – Учтите, я буду сопротивляться.

– Молодой человек, – ответил Посейдон усталым голосом, – меньше всего на свете мне хочется вас казнить. – Он помолчал и добавил: – Но осторожность не мешает.

В столовую быстро вошел толстый Меркурий.

– Я возьму обед для доченьки, – сказал он.

– Опять капризничает? – спросил Посейдон.

Толстяк только махнул рукой и начал составлять сосуды стопкой. Потом обнял стопку и осторожно понес к выходу.

– Тяжело одному воспитывать ребенка, – вздохнул Посейдон.

– А у вашей Афродиты нет матери? – спросила Алиса.

– Мать этой девочки умерла... пятьдесят лет назад.

Посейдон отодвинул миску.

– Хотите отдохнуть? – спросил он.

– Нет, мы не устали, – сказала Алиса. – Нам пора возвращаться.

– К сожалению, это невозможно. Закон велит сохранять нашу тайну.

– И сколько это будет продолжаться? – грозно спросил Пашка.

– Всю вашу жизнь, – ответил Посейдон.

– Вы хотите, чтобы я всю жизнь осьминогами питался?

– Мы же питаемся.

– Вы привыкли. А я не намерен.

– Ничем не могу помочь, – сказал Посейдон.

– Какие же вы после этого культурные люди, – воскликнул Пашка, – если вы не подумали о наших родителях? Они сойдут с ума, когда решат, что мы погибли! У вас нет совести!

– Мы не можем думать обо всех, – сказал Посейдон. – На Земле много несчастных людей и одиноких родителей. Мы – хранители великой и древней тайны. И мы не принадлежим себе. Я был бы рад покинуть Атлантиду. Но не имею права.

– Почему?

Посейдон не ответил.

Глава пятая
ПРИНЦЕССА, КУКЛЫ И СИРЕНЫ

Посейдон провел их по узкому коридору в ту комнату, где они томились первый час своего плена.

– Прошу вас не выходить, – сказал он и запер за собой дверь. – Я вернусь.

Пашка прошел вокруг стола, потом улегся на скамью.

– Не переживай, Алиска, – сказал он. – Выпутаемся.

Алиса почувствовала, что устала. Она села в ногах у Пашки.

– Кто же они такие? – подумала она вслух.

– Атланты, – сказал Пашка уверенно. – Последние атланты.

– Но они знают, что такое голограмма, выходят наружу в скафандрах, говорят по-русски, как мы с тобой...

– Научились, – сказал Пашка.

– Нет, – сказала Алиса. – Я им не верю.

– Мне бы пулемет, – вздохнул Пашка. – Мы бы пробили путь наверх.

Алиса только отмахнулась. Она думала о другом. Вернее всего, у атлантов должен быть пункт связи. Обязательно должен быть. Значит, можно будет дать о себе знать... Атланты боятся, что их найдут. Значит, им есть, что скрывать.

– Где наш батискат? – услышала Алиса голос Пашки.

– Он у них в ангаре, – сказала Алиса.

– Точно! – Пашка сел на скамейке. – Мы его найдем и прорвемся. Пошли.

– Куда?

– Ты забыла, что здесь есть вторая дверь. К наследнице.

– Она шум поднимет.

– Чем мы рискуем? Хуже не будет.

Пашка прошел к маленькой двери и толкнул ее. Дверь послушно открылась. За ней оказался большой зал, совершенно темный.

– Эй! – крикнул Пашка.

«Эй-эй-эй...» – отозвалось эхо, отражаясь от далеких стен.

Когда эхо утихло, стало слышно, как, срываясь с высоты, по полу бьют капли.

– Хорошо, что я оказался сообразительней тебя и не снял скафандра, – сказал Пашка.

Он надел шлем и включил фонарь. Яркий луч улетел вдаль, но не нашел преграды, а рассеялся в темноте.

– Вот это да! – сказал Пашка. – Откуда же приходила наследница?

– Ау... – раздался голос справа. – Ау...

И тут же зазвучала медленная, нежная песня.

Она заполняла собой гулкое подземелье.

– Это вы, Афродита? – позвал Пашка.

Песня продолжалась.

Они пошли направо, стараясь держаться ближе к стене.

– Стой! – крикнула Алиса.

Но Пашка уже сам увидел, что дальше хода нет, – у ног был обрыв. Внизу чернела вода.

Песня прекратилась.

Пашка наклонил голову, чтобы фонарь светил вниз.

Вода была спокойна. Вдруг она всколыхнулась, и из нее показалась голова девушки. Длинные зеленые волосы расплескались по плечам. Лицо тоже было зеленым, глаза большие, словно у ночного животного.

Девушка подняла руку и поманила Пашку.

Рядом с ней вынырнула вторая.

И они запели. Они пели очень красиво, в два голоса, и при этом медленно плавали кругами, не отрывая взгляда от Пашки.

Пашка глядел на них завороженно, и Алисе пришлось вмешаться.

– Паш, – сказала она, – по-моему, это самые обыкновенные сирены, или морские русалки.

– Молчи. Не мешай!

– Когда-то моряки теряли голову от их песен и ныряли в воду. Только учти, вода здесь очень холодная.

– Ау... – позвала Пашку одна из русалок.

– Они хотят вступить с нами в контакт, – пояснил он.

Алиса вспомнила, что Одиссей заливал своим матросам уши воском, чтобы те не слушали песен сирен и не бросались в море.

– Может, тебе уши заткнуть? – спросила она.

– Не беспокойся, – ответил Пашка. – Неужели ты не видишь, что мною руководят научные интересы?

Но Алиса не была в этом убеждена. На всякий случай она встала к Пашке поближе.

Тут из темноты выплыл морской змей размером чуть побольше дельфина, но с длиннющей, тонкой шеей и маленькой головкой.

Одна из русалок ловко вскочила ему на спину, и оказалось, что у нее широкий, плоский чешуйчатый хвост.

– Вот это да! – воскликнул Пашка. – Морской змееныш!

Он уже забыл о сиренах, потому что проблема морских змеев его занимала куда больше.

Из озера доносился плеск, веселое уханье змееныша, визг сирен.

– Обойдем озеро с другой стороны, – сказала Алиса.

Вскоре они вышли на широкую площадку.

Площадка сбегала к самой воде, и там вдоль берега стояло несколько выдолбленных из камня корыт. Корыта были пусты. Возле одного из корыт сидели три сирены и тихонько выли. При виде Алисы с Пашкой они принялись выть куда громче, а одна стала стучать кулачком по краю корыта.

– Наверное, они голодные, – решил Пашка.

Вдруг Алиса увидела свет.

Свет вырывался из небольшого окошка, пробитого в каменной стене. Желтым квадратом он падал на склон, и казалось, что горит окно в избушке в темном лесу.

Пока Пашка разглядывал сирен, Алиса поднялась к окошку и заглянула внутрь.

Там была самая настоящая лаборатория.

На длинном белом столе стояли приборы, колбы, пульвы и баренги. У одной стены был пульт с дисплеями, вдоль другой тянулись стеклянные ниши с заспиртованными обитателями морских глубин. Но с первого взгляда было ясно, что лаборатория находится в полном запустении. Приборы стояли в беспорядке, большой электронный микроскоп зарос паутиной, а на окуляре сидел большой белый паук и чистил лапы. На полу валялись разбитые пробирки. В углу на круглом белом табурете сидел старик Гермес и мирно дремал, опустив голову на грудь.

– Тише, – сказал Пашка Алисе. – Пускай спит. Нам нужно скорее отыскать батискат.

Но уйти не удалось.

По берегу озера медленно брела еще одна сирена, но без хвоста и двуногая.

Зеленые волосы скрывали лицо, а зеленое платье волочилось подолом по камням. В руке она несла бронзовый фонарь.

Сирены при виде двуногой подруги отчаянно заскулили. Та зашипела на них, видно приказывая молчать.

Она кинула опасливый взгляд на светящееся окошко лаборатории и тут заметила Алису с Пашкой.

– Ой! – сказала двуногая сирена, подобрала подол платья и, похоже, хотела убежать, но нога у нее подвернулась, и русалка неловко упала.

– Бежим, – сказал Пашка. – А то сейчас сюда сбегутся.

Сирена громко рыдала знакомым Алисе голосом.

Этот шум услышал старик, что спал в лаборатории. Он с трудом поднялся с табурета и побрел к двери.

Алиса отлично понимала, что нужно бежать, но ноги сами понесли ее к плачущей русалке. Она склонилась над ней, помогая подняться.

– Афродита, – сказала она, – вы ушиблись?

– Зачем ты меня испугала! – закричала на нее наследница. – Ты меня нарочно испугала, чтобы я упала.

– Вы ошибаетесь, – возразила Алиса. – Давайте я помогу вам подняться.

– Нет, я никогда уже не поднимусь, – сообщила наследница сквозь слезы. – У меня сломана нога.

– Пашка, – позвала Алиса, – помоги мне.

Пашка не отозвался.

Алиса подняла голову, над ней стоял старик Гермес.

Он сказал что-то наследнице на своем языке, и та в ответ разразилась длинной визгливой тирадой.

Она была так возмущена, что поднялась без помощи Алисы и принялась махать кулаками перед носом Гермеса.

Зеленый парик съехал набок.

Старик тоже кричал на наследницу, сирены выли и щебетали возле пустых корыт, эти звуки поднимались, усиленные эхом, к потолку подземного зала, и Алисе казалось, что она сидит на стадионе во время футбольного матча.

Вдруг шум, как по команде, прекратился.

– Вот это да! – воскликнул Пашка. – Морской змееныш!
Он уже забыл о сиренах, потому что проблема
морских змеев его занимала куда больше.

Старик спокойно побрел в свою лабораторию, наследница замолкла, словно ее выключили. И даже русалки-сирены утихомирились.

– Ты думаешь, я его испугалась? – спросила наследница у Алисы.

Алиса нагнулась, подняла фонарь Афродиты, который, к счастью, не пострадал, и передала его женщине.

– И вовсе я не скрывалась от него, – продолжала наследница. – Я переоделась в русалку, потому что люблю изображать русалок. Иногда я даже с ними танцую на берегу. «Где же Пашка? – тем временем подумала Алиса. – Вернее всего, он воспользовался суматохой, чтобы продолжить поиски батиската. Это правильно. У него есть фонарь. А я пока узнаю побольше об атлантах». А вслух спросила:

– Почему же вы ссорились с Гермесом?

– А они здесь все из ума выжили, – ответила наследница. – Он ходит в эту лабораторию и говорит, что там работает. А все знают, что он только спит. Он же сто лет как все позабыл. И еще смеет кричать, что я мешаю ему ставить опыты, старый дурак!

Афродита подняла подол и стала рассматривать ссадину на коленке.

– Так я и знала, – сообщила она Алисе. – Почти до крови. Когда я стану Госпожой Атлантиды, я прикажу этого Гермеса казнить. Он мне надоел. Пошли ко мне.

– Пошли.

– А где твой мальчик? Он мне нравится.

– Мальчик ушел по делам.

– У всех дела! – капризно сказала наследница. – Как только мне мальчик понравится, у него дела. Я ненавижу мужчин.

Наследница сорвала криво сидевший парик, бросила его в озеро, и сирены, толкаясь и вереща, кинулись к нему. Их глаза хищно горели в полутьме. В мгновение ока они разорвали парик на клочки.

– Они думают, что он съедобный, – засмеялась наследница и пошла прочь от озера.

– Они голодные? – спросила Алиса, поднимаясь следом за ней.

– Еще бы, – сказала Афродита. – Что осталось в озере, то и едят. Скоро друг дружку съедят. Или змееныши их скушают, или они змеенышей скушают. Все друг дружку едят.

– А почему их не кормят?

– Самим мало, – сказала наследница. – Только Гермес иногда кормит. Но он глупый, всех жалеет.

Наследница остановилась у двери в лабораторию. Старик Гермес опять задремал.

– Тихо, не разбуди, – прошептала она, – мы через лабораторию пройдем. Тут короче.

Она подошла к стеклянному шкафу, в котором лежал свернутый спиралью скелет какой-то рыбы, нажала на угол шкафа, и тот, страшно заскрипев, чуть двинулся в сторону. Наследница навалилась на него животом и позвала Алису:

– Помоги. Все тут заржавело, даже противно.

Они принялись толкать шкаф вдвоем, но он не поддавался. Наследница запыхалась и отошла. Потом схватила со стола микроскоп и запустила им в шкаф.

– Ты что! – закричала Алиса.

Но было поздно – стеклянный шкаф разлетелся вдребезги, скелет рыбы рассыпался по полу, а то, что недавно было микроскопом, раскатилось по каменному полу массой мелких деталей.

– Ой! – закричал с перепугу Гермес. – Наводнение, обвал!

Он вскочил, опрокинул табуретку, кинулся было бежать, потом сообразил, что случилось, и опечалился:

– Что ж вы наделали! Как теперь опыты ставить?

– Молчи, дурак! – огрызнулась наследница и со всего размаха ударила ногой по стойке шкафа. У того, видно, уже не осталось сил сопротивляться, и он упал, открыв проход. – Вот видишь, – сообщила Афродита, – с ними надо строже! Они все распустились.

– Кто? – спросила Алиса, входя за наследницей в открывшийся проход. Там было темно, и бронзовый фонарь в руке наследницы высвечивал занавески и тряпки, свисавшие вокруг.

– Все люди и все вещи, – сказала Афродита. – Когда я возьму власть, то приведу все в порядок. Все меня будут бояться. А Госпожу Геру, если не успеет помереть, казню.

– А что здесь было раньше? – спросила Алиса. Ей надоело слушать, как тараторит глупая наследница.

– Театр, – сказала Афродита. – Разве не видишь? Мне отец рассказывал. Я отсюда платья и парики беру.

В подводном мире было мало пыли. Только здесь, в этом проходе ее скопилось столько, что запершило в носу. И запах здесь был особый – запах пыльных тряпок.

Проход кончился небольшим обрывчиком, Алиса увидела внизу несколько рядов кресел. Наследница тяжело спрыгнула вниз и поспешила по проходу между кресел. Алиса сообразила, что они спустились со сцены и оказались в зрительном зале.

– Сколько вас здесь? – спросила Алиса.

– Много, – туманно ответила Афродита. – А раньше было больше.

– Сколько?

– Ты всех видела.

Уууух-вззвиии! Что-то черное, чернее тьмы, широкое, плоское метнулось над головой – закачались, зашуршали старые занавеси.

Алиса присела от неожиданности.

– Не бойся, – сказала наследница, – они не кусаются.

– Кто это?

– Летучие собаки.

– Они тут живут?

– А где же им жить? Ты их не бойся. Ты камеусов бойся.

Наследница, пригнувшись, нырнула под низкую арку.

И тут они оказались в ее детской.

Когда-то там была театральная уборная. Вдоль стены шли узкие высокие зеркала в золоченых пышных рамах, перед каждым был столик и небольшое вертящееся кресло. Кроме того, в комнате стояло несколько пышных, правда, потертых и продавленных диванов, валялось множество ковров и звериных шкур. Но больше всего там было кукол. Фарфоровые и тряпичные, целлулоидные и деревянные, в длинных платьях и коротких распашонках, с белыми, желтыми, золотыми, черными, рыжими, зелеными волосами, а то и вовсе без волос, с голубыми, серыми, черными закрывающимися глазами и даже с пуговицами, пришитыми к розовому лицу. Одни куклы были как новенькие, а другие истрепаны настолько, что трудно угадать, какими они были раньше. Несколько самых больших кукол сидели в креслицах перед зеркалами, остальные занимали диваны, лежали на полу и под стульями. Самая маленькая куколка сидела на подушке широкой неприбранной кровати.

– Тебе нравится? – спросила наследница, зажигая светильники перед зеркалами. – Сейчас мы будем с тобой играть.

Афродита суетилась, ей очень хотелось, чтобы гостье у нее понравилось.

– Ты у кого-нибудь видела столько кукол? – спросила она.

– Нет, не видела.

– Это все игрушки сверху, – сказала наследница. –
Когда папа был молодой, он специально их искал.

– Правильно. Потому что я наследница престола великого царства. Сегодня я люблю вот эту... – Афродита схватила с дивана деревянную, грубо сделанную большую куклу в синем коротком платье. Глаза куклы были нарисованы синей краской, а розовая краска со щек почти вся облупилась. – Нравится?

– Нравится, – согласилась Алиса.

Надо признаться, что сцена была страшноватой. Пожилая, толстая, лохматая женщина прыгала по комнате, хватала кукол, совала их под нос Алисе и требовала, чтобы гостья восхищалась.

– Откуда у вас столько игрушек? – спросила Алиса.

– Это все игрушки сверху, – сказала наследница. – Когда папа был молодой, он специально их искал. Больше всего собрал с утонувших кораблей. Меня все так баловали, так любили, даже больше, чем сейчас. Когда я маленькая была, Посейдон устроил у себя в узле связи пункт наблюдения. Как только ловили сигнал SOS, сразу посылали туда субмарину. Корабль еще не успеет до дна спуститься, а дядя Посейдон с папой уже идут по каютам: ищут, ищут, собирают кукол, чтобы меня порадовать...

Афродита захохотала, но тут же закручинилась и добавила:

– А когда субмарина сломалась, больше кукол не стало... Правда, жаль? Ведь столько тонет детей, куклы им не нужны, а мне ничего не достается.

Алиса поежилась. Она все больше убеждалась, что наследница не совсем нормальная. В бабушки годится, а всерьез думает, что осталась девочкой.

– А где ваша мама? – спросила Алиса.

– Ее камеусы сожрали, – сказала наследница, – но давно, я еще маленькая была. Только я тебе не скажу, сколько лет назад.

– Почему?

– Чтобы ты не догадалась, что мне пятьдесят лет. Или сорок. А может, двадцать.

Афродита отбросила куклу в сторону, та ударилась головой в высокий железный подсвечник без свечей, отлетела к погнутому, ободранному игрушечному паровозу и замерла.

«Где сейчас Пашка? – подумала Алиса. – Столько времени прошло, а я так ничего и не узнала».

– Возьми эту куклу, она больная, за ней надо ухаживать, – сказала наследница и протянула Алисе лысую куклу, которая долго пробыла в воде. – Качай ее и утешай, а я сделаю нам с тобой постельку.

– Зачем? – спросила Алиса. – Я не хочу спать.

– Ты будешь теперь спать со мной, – сказала наследница. – Ты всегда будешь спать со мной, или я тебя убью. Качай ребенка!

Алиса принялась покачивать куклу.

– Афродита, – попросила она, – расскажите мне про вас.

– Нельзя. Чужим рассказывать про нас нельзя.

– Закон не разрешает?

– Еще чего не хватало! – закричала наследница. – Знать не хочу этого отвратительного закона!

– Но Госпожа Гера главнее всех?

– Ой, какая ты вредная девочка! – изумилась наследница. – Ты меня все время обижаешь. Не буду с тобой дружить! Ты лишена моей милости. Отдай куклу!

Алиса протянула ей куклу.

Наследница взяла куклу за ногу и остановилась посреди комнаты в задумчивости.

– Очень странно, – сказала она. – Оказывается, мне нечего рассказывать.

– Расскажи, кто вы такие, откуда сюда попали...

– Но я не знаю, откуда мы сюда попали. Мы здесь всегда! Это наша Атлантида. Она всегда была и всегда будет. Самая великая страна в мире. И я в ней самая главная!

– А почему вас раньше было много и даже был театр, а теперь мало?

– Театр был... было светло. Много света. Была субмарина, и папа брал меня на ней кататься. Мы поднимались наверх, и я видела звезды... Ты видела звезды?

– Я живу наверху.

– Жила, – поправила ее наследница. – Отсюда еще никто не уходил.

Она всхлипнула и закашлялась.

– Были люди, – повторила она, – много. И мне давали конфеты. И мы делали музей... А где все это? Почему этого нет? Не знаю...

Афродита стояла посреди комнаты, раскачивая за ногу облезлую куклу. Потом уронила ее на пол.

Алиса стала размышлять, как лучше сбежать от наследницы и заняться поисками Пашки, но тут события приняли неожиданный оборот.

В детскую вошел, задыхаясь от быстрой ходьбы, толстяк Меркурий.

Он закричал что-то с порога и, не умолкая, кинулся к Афродите. Алису он не заметил, видно, принял ее за одну из кукол.

Но, толкнув ее, сообразил, что наследница не одна, испугался, схватился за сердце.

– Почему ты здесь? – спросил он у Алисы.

– Ваша дочь привела меня сюда.

– Тогда я спрашиваю, почему вы не заперли дверь? Вы что, забыли, что сегодня полнолуние и камеусы выходят из своих нор?

– Я ничего не знаю про камеусов, – сказала Алиса.

– Когда узнаешь, будет поздно, – сказал толстяк.

Он прошел к двери, которая вела в театральный зал, и запер ее на засов. Потом вернулся к той дверце, сквозь которую вошел. Запер ее тоже.

– Скажите, пожалуйста, что такое камеус? – спросила Алиса. – Я волнуюсь за Пашку. Он пошел искать наш батискат. Он же ничего здесь не знает.

Толстый Меркурий не ответил. Он попытался погладить по голове свою дочку, но пальцы запутались в ее волосах, и он с трудом выдрал их оттуда.

– Ты мне голову оторвешь! – взвизгнула наследница.

– Я пошла, – сказала Алиса. – Только объясните, где искать наш батискат?

– Не знаю, – сказал толстяк. – Уходи скорее. Мне надо утешить ребенка.

Он отворил дверь за занавеской и подождал, пока Алиса выйдет.

И тут же Алиса услышала, как щелкнул засов.

Алиса совершенно не представляла себе, куда идти. Поэтому она потеряла полчаса, блуждая по коридорам, пока не попала еще в один обширный зал.

Зал был похож... ни на что он не был похож!

Если это была свалка, то зачем свозить сюда целые и даже ценные вещи? В полутьме вырисовывались контуры неожиданных в подводном царстве предметов. Настолько неожиданных, что порой Алиса даже не сразу узнавала их. Что это за длинный стеклянный ящик с перегородками и черным квадратом на внутренней стенке? Да это старинная телефонная будка! А это? Словно плавник гигантской акулы? Хвост самолета столетней давности. А это? Контрабас. А это? Спортивная штанга. А это? Ну что? Такое знакомое... Башня танка? Склад? Или музей?

Конечно же, догадалась Алиса, много лет атланты собирали в морях то, что утонуло вместе с кораблями. А корабли, как известно, перевозят по морям все, что делают люди.

...Нечто громоздкое, темное, необъятное нависало над Алисой, перегораживая путь. Алиса подняла глаза и встретилась взглядом со страшной мертвой головой существа, которое висело, прибитое спиной к этой громадине.

Алиса ахнула и метнулась назад.

И тогда сообразила: перед ней стоял, подпертый бревнами, целый парусник, на носу которого под бушпритом была прикреплена деревянная фигура, как было принято делать на парусниках в давние времена.

Борта парусника поднимались на высоту трехэтажного дома. И в темноте, уходя к невидимому потолку, тянулись мачты с обвисшими серыми парусами. Как попал сюда такой большой корабль?

– Как ты сюда попал? – спросила Алиса вслух, обращаясь к деревянной фигуре. Та не ответила.

Но эхо подхватило негромкий вопрос и начало таскать, искажая, эти звуки по залу музея.

Зашуршали ткани, заскрипели доски, зазвенели медные котлы. Казалось, что вещи ожили, зашевелились, зашептались: здесь чужая, здесь живая девочка в мире умерших вещей...

И казалось, они начали сдвигаться все ближе, ближе, тянуть к ней невидимые лапы, чтобы не выпустить, навсегда оставить в этом промозглом, захламленном мире.

Алиса замерла, стараясь подавить ужас, который поднимался в ней. Замерли и вещи. Они подстерегали ее движение.

Алиса не знала, в какую сторону идти дальше. Она стала осторожно оглядываться, чтобы отыскать проход в лабиринте.

И тут она услышала осторожные шаги.

Кто-то медленно, крадучись, приближался к ней.

Алиса сделала осторожный шаг. Еще один.

Остановилась.

Тот, кто преследовал ее, тоже остановился. Прислушивался.

Звук в этом зале распространялся так причудливо, что нельзя было угадать, с какой стороны приближаются шаги.

Скрипнула доска под чьей-то ногой.

И снова нависла тишина, которая казалась более зловещей, чем любой звук.

Стоять на месте и ждать, когда тебя поймают, было еще страшнее, чем куда-то идти.

Алиса разглядела проход между кораблем и грудой ящиков и вошла в него. Единственный светильник, горевший как бы в воздухе, над парусником, рождал длинные черные тени.

Алиса шла все быстрее, стараясь ступать на носки, но даже самое слабое шуршание подошв разносилось, усиливаясь, по музею.

Наверное, ей теперь никогда не выйти отсюда. Надо закричать. Надо позвать...

Алиса все ускоряла шаги...

И вдруг, впереди, она уловила быстрое движение. Кто-то, увидев ее, спрятался за ящик.

Может, показалось?

Алиса бросилась назад. Только не оборачиваться...

Сзади шаги. Ее догоняют.

И тогда Алиса стремглав, спотыкаясь, помчалась вперед. Куда угодно, только убежать!

Но преследователь не отставал. Сквозь бешеные удары сердца, сквозь шум собственного частого дыхания Алиса слышала шаги.

Впереди показался яркий свет.

Скорее туда!

Но на пути Алисы возникла высокая черная фигура.

Алиса попыталась остановиться, нырнуть куда-нибудь в сторону.

Но не успела.

Человек, который подстерегал ее, быстро протянул длинную костлявую руку и схватил Алису за плечо.

– Стой! – сказал он.

Алиса забилась, как птенец, попавший в силки. Но человек держал ее крепко.

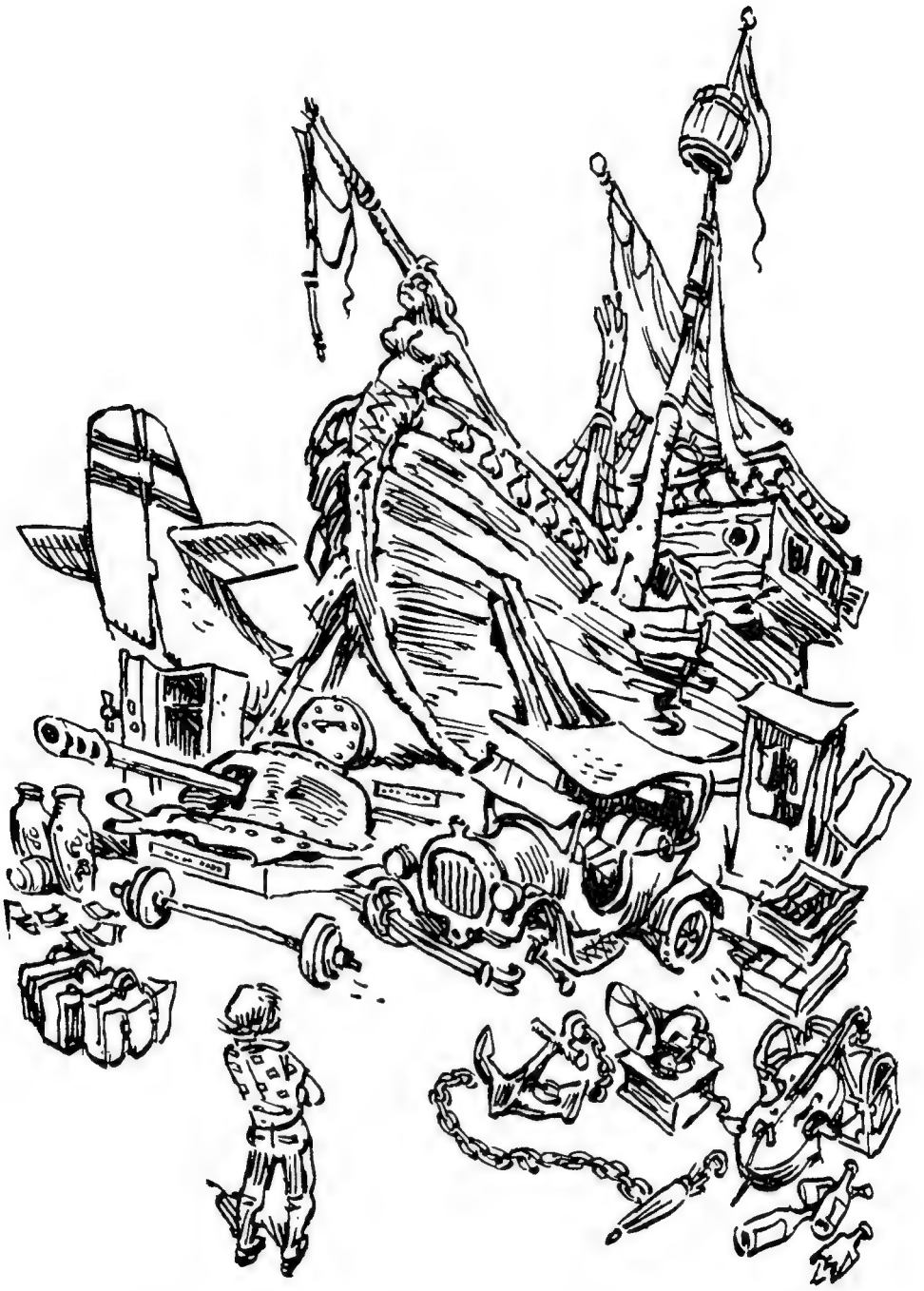
– Уходи, – сказал он громко кому-то. – Уходи и не навлекай на нас позора.

Алиса с трудом различала эти слова, голова кружилась от страха, и удары собственного сердца были как удары грома.

– Не бойся, девочка, – сказал тот же голос. – Ты в безопасности.

Алисе было так страшно, что она не сразу поняла смысл этих слов. Она замерла, словно окоченела, глядя назад.

И увидела, как розовое платье мелькнуло рядом с кораблем и растворилось в темноте. И оттуда из темноты вылетела серебряная молния. Человек, что держал Алису, дернул ее в сторону и пригнулся сам.



Борта парусника поднимались на высоту трехэтажного дома. И в темноте, уходя к невидимому потолку, тянулись мачты с обвисшими серыми парусами.

Раздался удар и звон.

Острый загнутый нож с золотой рукоятью ударился острием о радиатор старинного автомобиля и упал на каменный пол.

– Как грустно, – произнес человек, державший Алису, – как стыдно...

Сначала Алиса узнала голос, а подняв голову – и человека.

Это был Посейдон.

– Пойдем, девочка, – сказал он. – Она не вернется.

– Это была Госпожа Гера? – спросила Алиса.

– Да, – ответил Посейдон. – И она хотела тебя убить.

Посейдон вывел Алису из музея.

Он шел быстро, держа Алису за руку. Алиса еле поспевала за ним, ноги были как ватные. В жизни так не пугалась.

– Куда мы идем? – спросила она.

– Ко мне.

Посейдон достал из кармана серого плаща большой ключ, схожий со штопором, и вставил его в почти невидимое отверстие в стене коридора. Раздался щелчок, и часть стены провалилась в пол.

– Это самое тайное место Атлантиды, – сказал он. – Мы рассчитывали на то, что даже если люди проникнут сюда, они не найдут этой двери.

В лицо Алисе ударил яркий свет. Ей показалось, будто в мгновение ока она перенеслась из Атлантиды в обыкновенную комнату обыкновенного института на Земле.

И если бы не длинная, до земли, серая тога, Посейдон был бы самым обыкновенным земным профессором, который пригласил Алису к себе в лабораторию.

Посейдон снял серый колпак, поправил ладонью неровно остриженные седые волосы и сказал:

– Сюда, в мое хозяйство, я никого не допускаю.

Он провел Алису в следующую комнату. Это был пункт связи. В линию вдоль стены на низком столе тянулись телевизионные экраны. Они были окружены овальными золотыми рамами в виде змей.

– Сколько здесь змей! – сказала Алиса. – Почему?

– Традиция, – ответил Посейдон. – Наследие Атлантиды. Атланты поклонялись Великому змею.

– Зачем эти экраны? – спросила Алиса.

– Это мониторы, – ответил старик. Он уселся в удобное вращающееся кресло и указал Алисе на соседнее. – Садись, у тебя, наверное, много вопросов.

– Да, – сказала Алиса. – У меня тысяча вопросов, но сейчас меня больше всего беспокоит, где Пашка. Он побежал искать батискат и пропал. Раньше я не так боялась, а теперь очень за него волнуюсь.

– Сейчас проверим, – сказал Посейдон.

Он протянул руку и включил один из мониторов.

По экрану побежали зеленые полосы, и Посейдону пришлось долго настраивать его, прежде чем картинка стала нормальной.

– Все в небрежении, – вздохнул Посейдон, – остался один механик, но ты же видела, в каком он состоянии.

– Вы имеете в виду Гермеса?

– У него очень плохо с памятью. И ослаб он сильно. Его только и хватает на то, чтобы латать щели.

На экране монитора был виден большой, плохо освещенный зал. Три его стены были каменными, а четвертая, блестящая, гладкая, – стеклянной. За ней плескалась вода.

– Это ангар, – сказал Посейдон. – Там, за перегородкой, наша сломанная субмарина и ваш батискат. Сейчас ты увидишь.

Посейдон нажал кнопку на пульте, и яркие прожектора загорелись в том зале, пронзая толщу воды. Алиса увидела, что за перегородкой находятся два корабля. Один из них незнакомый, похожий на акулу. Второй – батискат.

– Как видишь, – сказал Посейдон, – ваш корабль цел и в безопасности.

– А где Пашка? – спросила Алиса.

– Он должен будет сюда прийти, – сказал Посейдон. – Он уже час бродит по нашему городу.

– Вы его видели?

– Еще недавно он был в музее.

Посейдон набрал комбинацию из цифр на пульте, и на соседнем мониторе появился длинный коридор.

– Ой! – воскликнула Алиса. – Это же Пашка!

И в самом деле по коридору шагал Пашка. Он был в скафандре, шлем откинут за спину, вид серьезный и целеустремленный.

– Он идет правильно, – сказал Посейдон. – Скоро будет у ангара. Не беспокойся.

– Пойдемте к нему!

– Не спеши. Ему сейчас ничто не угрожает.

– А Гера его не найдет? – спросила Алиса.

– Не беспокойся, мы его не выпустим из виду. А когда нужно, придумаем, как ему помочь.

– А сейчас нельзя помочь?

– Сейчас еще нельзя.

– Почему?

– У нас с тобой есть более важное дело, – сказал Посейдон.

– Спасти Пашку – самое важное дело.

– Ты ничего не знаешь!

– Я еще мало знаю, – сказала Алиса, – но уже начинаю что-то понимать.

– Что?

– Вы здесь как мастодонты, как вымершие динозавры. Я не знаю, сколько лет вы уже живете под водой, но, наверное, вас раньше было много, а теперь почти никого не осталось. Даже ваша девочка уже старуха. Вы меня извините, пожалуйста, что я так с вами разговариваю, но мне кажется, что вы все немного ненормальные. Почему вы не поднялись наверх? Вас очень хорошо встретят. У нас хорошая жизнь. Вы будете лечиться в санатории и, может, даже писать воспоминания. Представляете, как интересно – Записки последнего атланта! И по телевизору будете выступать. Я думаю, что вы много знаете, а если вы умрете от старости или ваш потолок рухнет, то все ваши знания пропадут.

Посейдон слушал серьезно, склонив голову, и чуть кивал, соглашаясь со словами Алисы.

– Наша последняя субмарина, – произнес он, – вышла из строя пятьдесят лет назад. Мы заточены здесь. Мы пленники Атлантиды.

– Но теперь же все изменилось! Мы поднимемся в нашем батискате!

Посейдон отрицательно покачал головой.

– Но почему же? – воскликнула Алиса. – Не так важно, кто живет под водой, а кто на суше. Это наша общая Земля, и вы должны чувствовать себя патриотами!

– Милая, наивная девочка! – вздохнул Посейдон. – Ты так ничего и не поняла.

– Чего я не поняла?

– Если я тебе раскрою тайну, меня ждет смерть. Это самый главный наш закон. И я не могу его преступить.

Посейдон набрал комбинацию из цифр на пульте, и на соседнем мониторе появился длинный коридор.

– А если не раскрывать тайну? – спросила Алиса.

– Если не раскрывать, то мы останемся здесь и не сможем отпустить вас. И мы умрем, скоро умрем, потому что надежды не осталось. Но и вы умрете с нами.

– Что за глупая тайна! Что за глупый жестокий закон! – воскликнула Алиса. – Не может быть закона, который обрекает людей на смерть ни за что.

– Твоими устами говорит разум, – печально ответил Посейдон. – Но я воспитан в почтении к закону. И тот, кто правит нами, ставит закон выше жизни.

– Розовая Госпожа?

– Да, Гера.

– А какое она имеет право губить вашу жизнь? Я разговаривала с Меркурием. Он так переживает за свою дочку. И в самом деле, вы слышали, как она кашляет? Ей обязательно нужно на свежий воздух, ее надо лечить, а она сидит здесь.

– Меркурий выжил из ума, – сказал Посейдон. – Мы как маленькая стайка старых скорпионов...

Посейдон включил третий монитор. И они увидели зал Совета Атлантиды.

На троне-кобре сидела Гера. В руке она держала черную шкатулку.

– Так я и знал! – воскликнул Посейдон. – Она нас ищет!

Он ударил ладонью по ряду кнопок, и возник страшный шум, будто невпопад, без нот заиграл духовой оркестр.

Алиса зажала уши.

Посейдон поманил Алису за собой в небольшую нишу, там жестом велел сесть на стул. Потом выключил свет. Лишь огоньки на пульте да зеленые экраны мониторов чуть освещали его лицо.

Голова Посейдона наклонилась к Алисе.

– Я не могу рисковать, – прошептал он ей на ухо. – Она не должна услышать.

Голова Алисы раскалывалась от шума.

– Я боюсь ее, – продолжал Посейдон. – Она убила многих. Тех, кто хотел подняться к людям, тех, кто отказался ей подчиниться. Она безжалостна, в ней не осталось ничего человеческого.

Губы Посейдона дрожали, голос срывался.

– Я открою тебе тайну, потому что хочу, чтобы ты ушла отсюда, – продолжал он. – Иначе Гера скоро уничтожит нашу станцию. Есть такой

пункт в Законе: если спасти станцию нельзя и угроза раскрытия неотвратима, начальник станции обязан ее уничтожить. Как только Гера решит, что надежды нет, она это сделает. Поэтому ты должна знать правду.

И в темной нише, при неверном свете экранов, под грозную, нестройную музыку, Алиса услышала историю Атлантиды.

Глава шестая
ТАЙНА АТЛАНТИДЫ

Три тысячи четыреста лет назад на Землю прилетела экспедиция с планеты Крина.

Мудрая цивилизация той планеты уже давно вышла в космос и овладела секретом межзвездных полетов.

Она посылала корабли во все концы Галактики. Но эти экспедиции подчинялись строгому Закону: если жители какой-нибудь планеты еще не вышли в космос, если они не готовы к космическим контактам, изучение планеты должно проводиться в строжайшей тайне. Никто там не должен догадаться, что за ними ведется наблюдение. Иначе развитие планеты нарушится, и это может привести к печальным последствиям.

Когда криняне прилетели к нам, на Земле лишь начала развиваться цивилизация. Первые государства создавались в Египте, на острове Крите, в Индии и Китае. А севернее, в лесах Европы, лишь маленькие поселки охотников и рыболовов возникали на берегах рек.

Криняне были настоящими учеными, они внимательно записывали, снимали на пленку все, что происходило на Земле. На их глазах происходил удивительный феномен – рождение великой цивилизации.

Больше всего кринян интересовала Атлантида. Атлантида, слухи о которой дожили до наших дней, была богатым государством. Она лежала на островах Полинезии. Корабли атлантов бросали якоря у острова Пасхи и берегов Америки, ходили в Китай и Индию, достигали Аравии, огибали Африку и посещали Средиземное море. Но однажды, более трех тысяч лет назад, в Тихом океане произошло страшное землетрясение, и Атлантида погрузилась в глубины вод. Могучее государство пропало бесследно.

Эта трагедия произошла на глазах кринянских наблюдателей. Они ничем не могли помочь атлантам, даже их возможностей не хватило бы, чтобы остановить бедствие. К тому же строгий Закон запрещал вмешиваться в дела землян.

Когда Атлантида погибла, криняне начали исследовать утонувшую страну. Они опускались в подземные храмы и пещерные города Атлантиды. Потом кто-то догадался, что из подземной части столицы атлантов можно откачать воду, сделать непроницаемые переборки и таким образом спасти часть сокровищ погибшей страны. Что они и сделали.

И тогда криняне сообразили: подводная Атлантида – идеальная база для их экспедиции. Земляне никогда не найдут ее. С тех пор, уже три тысячи лет, подземные залы утонувшей страны существуют как база космической экспедиции кринян.

Шли годы и столетия. Каждые пять лет менялся состав станции. Ее мониторы могли наблюдать, что происходит в разных концах Земли, подводные корабли доплывали до любого уголка нашей планеты, спутники снимали картины битв и праздников.

По мере того как земная цивилизация развивалась, положение кринян становилось сложнее. Людей на Земле становилось все больше, они уже освоили свою планету, росли города, строились заводы, на полях сражений грохотали пушки...

По расчетам кринян, Земля уже подходила к критической точке своего развития. Это бывает почти с каждой планетой: на ней скопилось много опасного оружия, скоро люди изобретут и атомную бомбу. Немало было в космосе цивилизаций, которые не смогли справиться с этой страшной опасностью и погибли. На других планетах удавалось преодолеть этот рубеж – запретить оружие и перейти к мирной эпохе.

На Крине понимали, что лет через триста подводную базу придется закрыть.

Если для землян триста лет – срок немыслимо длинный, то для кринян, которые живут дольше, он не так уж велик.

И вот в апреле 1818 года в тропической части Тихого океана опустился космической корабль, который должен был забрать ученых, что прожили на Земле пять лет, и заменить их новой сменой. Смена состояла из сорока молодых, энергичных, жаждущих работы, любознательных и очень образованных ученых. Были среди них биологи, химики, сейсмологи, электронщики, был экипаж подводной лодки и даже ремонтник. Сорок человек – двадцать шесть мужчин и четырнадцать женщин.

Прилет этого корабля и наблюдал капитан брига «Рочестер».

Ученые приняли дела у предыдущей смены, подивились на подземные залы и храмы атлантов, обошли музей, где скапливались столетиями

предметы земной цивилизации, проверили лаборатории и, собравшись в главном зале Совета, вслух повторили клятву; «Никогда не преступать Закон. Никогда и никому не раскрывать своей тайны. А если случится невероятное и кто-то из землян проникнет в Атлантиду, члены экспедиции должны притвориться, что они и есть атланты, – чудом пережившие катастрофу жители древней страны».

Члены экспедиции много работали, изучали нашу планету, следили за тем, что происходит в мире, снимали фильмы, собирали образцы земной техники и искусства – в этом им помогало море, пожирая корабли и даря исследователям все, что было в их трюмах.

В Атлантиде была большая биологическая станция. Если какому-нибудь виду морских животных грозило истребление, то криняне брали к себе последних животных этого вида и сберегали их в своем зоопарке. Поэтому в подземном озере станции жили морские змеи, сирены и морские коровы. А семья взрослых морских змеев обитала в трещине, на дне которой скрывался вход в Атлантиду. Змеи были приручены и узнавали своих хозяев...

В этом месте рассказа Алиса вспомнила, как на них с Пашкой напал морской змей. Посейдон улыбнулся и сказал, что змей не напал. Он принял их за обитателей станции и решил поиграть.

И тут Посейдон перешел к самой главной и печальной части своего рассказа.

Прошло пять лет.

Вот-вот должен был прибыть корабль с Крины со сменой.

Ученые уже собрали материалы, которые они отвезут к себе домой, сортировали записи, паковали пленки и образцы, попрощались со своими питомцами в подводном зоопарке, облетели те места Земли, которые успели полюбить, а корабля со сменой все не было.

Месяц шел за месяцем, но никаких вестей из дома.

К сожалению, на базе не было космического передатчика. Никакой сигнал не достигнет другого конца Галактики.

Месяцы превращались в годы, годы – в десятилетия.

Ожидание перешло в отчаяние.

Если сначала была надежда, что корабль со сменой погиб в пути и вместо него прилетит другой – может, через год, может, чуть больше, – то через десять лет последняя надежда пропала. Что-то страшное случилось на родной планете исследователей...

– А когда должна была прилететь смена? – спросила Алиса.

– В 1823 году.

– Но сейчас же 2088 год!

– Мы живем под водой двести семьдесят лет!..

Посейдон продолжил свой печальный рассказ.

Станция могла существовать вечно. Энергию давал термоядерный реактор, пресную воду синтезировали опреснители, море дарило пищу.

Станция-то была вечной, но ее обитатели вечными не были. Кто-то из ученых погиб, кто-то умер от болезни или сошел с ума от тоски. Одно дело – работать на подводной станции и знать, что ты в конце концов вернешься домой, совсем другое – понимать, что ты никогда уже не выйдешь из-под воды, что, вернее всего, твоя родная планета погибла.

– Надо было выйти к нам, – сказала Алиса, – и все объяснить.

– Кому объяснить? – спросил Посейдон. – Представь себе, что в 1860 или в 1870 году из-под воды появляются странные существа с голубыми лицами и рассказывают, что они – пришельцы с другой планеты. Нас просто могли убить.

– Ну, а позже?

– А позже мы все, кто остался в живых, стали стариками. Даже наши дети стали стариками. Да и мало детей рождалось в подводном царстве. Из первого поколения нас осталось трое: я, Гермес и Гера. Толстяк Меркурий – мой племянник. А Афродита – третье поколение. Это последний ребенок Атлантиды, она родилась всего девяносто лет назад.

– Девяносто? А она мне сказала, что ей пятьдесят лет.

– Бедная девочка молодится. Она скрывает свой возраст.

– А сколько же лет вам?

– Мне скоро будет триста лет, – ответил Посейдон. – И мой жизненный путь подходит к концу.

Он замолчал. Все так же гремел оркестр и перемигивались огоньки на пультах.

Передохнув, Посейдон продолжил свой печальный рассказ.

Чем меньше оставалось на станции кринян, тем меньше она была похожа на научную станцию. Какой смысл проводить исследования, если их результаты никогда и никто не узнает? Постепенно ломалось оборудование, приходили в негодность приборы. К концу двадцатого века на станции осталась одна действующая субмарина и ни одного летательного аппарата. Потом последняя субмарина вышла из строя. Теперь даже при

желании последние жители Атлантиды не смогли бы подняться на поверхность моря. Вымер и зоопарк. Лишь сирены да морские змеи чувствуют себя привольно. Он, Посейдон, единственный из наблюдателей продолжает работу. Не потому, что она нужна, а чтобы не сойти с ума.

– Ничего не понимаю! – воскликнула тут Алиса. – Вот появились мы с Пашкой. Вы должны просить нас: скорее, скорее поднимемся наверх!

– Все не так просто, – сказал Посейдон. – Ты очень молода, Алиса, и не понимаешь, как рассуждают очень старые люди. У нас есть Закон. В нем написаны все правила, по которым мы должны жить. Когда-то он был полезен. Закон приказывал нам работать, Закон предписывал подчиняться дисциплине и выполнять решения Совета. Представь себе: под водой, на немыслимой глубине, без надежды выйти наружу живут несколько человек. У них свой мир, совсем иной, чем на Земле или на несчастной Крине. У нас здесь как бы собственная планета. И на ней, как на планете, есть правительство и есть граждане. Если у людей нет настоящего дела, они его придумывают. Мне легче других, я с грехом пополам продолжаю свои наблюдения. Старик Гермес следит, чтобы вода не прорвалась в подземелье. А Госпожа Гера правит нашим миром в постоянной борьбе с толстяком Меркурием и его глупой дочкой. Они борются за власть. Не улыбайся, Алиса, ты не знаешь, что порой власть людям кажется важнее работы, даже важнее жизни. Так случилось потому, что мы – пленники собственного мира. Для Геры Закон стал богом. Пока действует Закон, она правит Атлантидой. Пока она правит, она жива. Сто лет назад двое из нас, зная, что Земля уже вышла в космос, хотели подняться на поверхность и рассказать обо всем людям. Гера узнала об этом. И был суд. Она потребовала на Совете казни предателям за нарушение Закона. Я тогда выступил против этого жестокого решения, но люди были приговорены к смерти. Я был уверен, что приговор – пустая формальность. Кто и как будет казнить своих товарищей? А на следующий день этих людей нашли мертвыми. Никто не признался в том, что совершил злодейство. Но я убежден, что их отравила Гера. Ради чего? Ради власти...

– Но неужели вы не пытались дать о себе знать? – спросила Алиса. – Тайком от нее?

– Я – кринянин и подчиняюсь Закону, – сказал старик.

– И вы никогда не кидали в воду бутылку?

– Что за глупая мысль?

– Мы спустились сюда, потому что нашли бутылку с вашими координатами.

– Этого не может быть!

– И все-таки было, – сказала Алиса. Она жалела старого ученого. Он как будто закован в невидимые цепи. И не знает, что хуже: остаться и умереть здесь или уйти отсюда...

– Давайте поглядим, где Пашка, – сказала Алиса. – Он уже, наверное, в ангаре.

Глава седьмая
ПОБЕДА ГОСПОЖИ ГЕРЫ

С тех пор как Пашка расстался с Алисой, убежав от озера сирен, он многое увидел. И чем больше он видел, тем больше удивлялся и запутывался в своих версиях.

Он был в заброшенном театре, но не догадался, что это театр. Он видел засохший, темный сад, где шуршали ветвями мертвые деревья и рассыпались под ногами хрупкие стебли травы. Он увидел странную мастерскую реставраторов. Там когда-то старались возродить произведения искусства, найденные на утонувших кораблях – чистили от кораллов и ржавчины, укрепляли, паяли, восстанавливали обычные и необычные предметы: ложки, тарелки, часы, картины, скульптуры и даже одежду.

Потом Пашка заблудился, попал в нежилую часть пещерного города и с трудом нашел путь назад. Он спугнул стаю летучих собак, видел белого подземного червя, похожего на канат...

Только на исходе часа Пашка оказался в том музее, где Алиса пережила несколько страшных минут.

Он, конечно, спешил, но, когда увидел гигантский склад трофеев, задержался там, потому что заметил парусник.

Пашка много читал о пиратах и мореплавателях и потому сразу

определил, что в музее стоит непонятно как перенесенный туда атлантами испанский галеон семнадцатого века «Сарагосса». На орудийных палубах галеона сохранились тридцать две пушки, в каюте капитана – мореходные инструменты, его треуголка и серебряный бокал, а в трюме – груз пряностей и китайского фарфора.

Понятно, что Пашка обследовал галеон от клотика до трюма, потерял на это полчаса, но ничего с собой поделать не мог. Он даже поднялся на верхнюю палубу, увидел там штурвал и постоял, держась за него и воображая, что паруса надуваются над головой и пассат подгоняет «Сарагоссу» к Молуккским островам, чтобы сразиться там с голландским корсаром, что разгромил испанскую факторию...

Пашка был так погружен в собственные мысли, что не слышал осторожных шагов Алисы. И не заметил ее преследовательницу. Иначе он, разумеется, вмешался бы в ход событий. Тем более что через плечо у него висела перевязь с коротким морским абордажным палашом и он мог дать бой любому пирату.

А когда Алиса, умирая от страха, бежала по проходу между роялей, машин, ящиков, танков, статуй, тюков с бархатом, якорей, кроватей, столов, компьютеров, связок копры, Пашка, все еще воображая себя капитаном Хуаном Диего Суаресом, спускался по трапу с другой стороны фрегата.

Он слышал шаги, даже голоса, но меньше всего хотел встретить кого-нибудь из атлантов. Поэтому поспешил прочь от голосов и вышел из музея.

И вскоре он достиг цели.

Зал, в который попал Пашка, был разделен пополам прозрачной перегородкой. По ту сторону перегородки была вода. Зал был совсем пуст, если не считать сваленных в кучу каких-то баллонов и инструментов, а недалеко от перегородки – небольшого пульта, схожего с пюпитром, какой стоит перед дирижером в оркестре.

Вода за перегородкой была темно-зеленой.

Пашка включил шлемовый фонарь и подошел к перегородке.

Луч пронизал толщу воды и высветил узкую, похожую на акулу подводную лодку. Она лежала на дне. За ней, туда луч доставал с трудом, Пашка угадал очертания батиската.

Пашка обрадовался батискату, как родному брату.

– Здравствуй, – сказал Пашка вслух. Но как проникнуть к батискату? Как проверить, цел ли он? Как вывести его отсюда наверх?

Может, вернуться в город атлантов за Алисой?

Пашка подошел к пульту. «Проверим, как действует система, – сказал он себе. – Ведь наверняка атланты как-то выходят наружу».

Возле кнопок на пульте были надписи на непонятном языке атлантов.

Пашка нажал на крайнюю кнопку справа.

Ничего не произошло, только где-то сверху раздалось слабое жужжание и на пульте загорелся зеленый огонек.

– Как я понимаю, – раздался голос, – ты намерен затопить наш город.

Пашка обернулся.

За его спиной, скрестив руки на груди, стояла Госпожа Гера.

Ее большие черные глаза смотрели сурово, белые волосы обрамляли голубое лицо, и розовое платье мягкими складками касалось пола.

– Ты хочешь нам отомстить? – спросила женщина.

Она говорила совершенно серьезно. Пашка даже удивился.

– Почему я должен мстить? – сказал он. – Я хотел узнать, как попасть к нашему батискату.

– Пойми меня, мальчик, – сказала женщина, – мы живем здесь вдали от всех людей, мы никому не мешаем, никого не трогаем. Нам нужно только, чтобы нас оставили в покое. Если вы выйдете наружу, вы сразу же приведете за собой своих друзей, и наша Атлантида погибнет.

– Почему? – удивился Пашка. – Если хотите, живите здесь. Но мне кажется, вы не очень хорошо живете.

– Мы живем по нашим древним законам.

– Вы, наверное, не представляете себе, как мы живем там, наверху, – сказал Пашка. – Вы оторвались от действительности. Может, в ваши атлантические времена люди враждовали, мешали жить друг другу. Но теперь на Земле мир, все сыты и даже нет армий. Вы не бойтесь. Я вам даю честное слово, вас никто не тронет. К вам будут приезжать только ученые, чтобы вас исследовать.

– Вот ты и проговорился, мальчик, – сказала розовая женщина. – Ты прав. Нас не оставят в покое. Погибнет тайна, погибнет Закон, и мы тоже погибнем!

– Если бы вы заглянули наверх, то поняли бы, как вы не правы!

– Неужели ты думаешь, что мы не заглядываем наверх? Мы знаем о вас все. Мы можем увидеть любую точку Земли. Уже много тысяч лет мы следим за каждым вашим шагом!

– Значит, вы не атланты!

Пашка подошел к пульту. «Проверим, как действует система, – сказал он себе. – Ведь наверняка атланты как-то выходят наружу».

– Для тебя мы атланты.

Женщина вздохнула, прикрыла глаза, стараясь успокоиться. Потом сказала спокойно:

– Прости, я совсем забыла, что ты всего-навсего мальчик и не знаешь действительных побуждений взрослых людей. Тебя легко обмануть.

– Меня не так уж легко обмануть, – возразил Пашка.

– Ты мне нравишься. Ты смелый мальчик.

Женщина подошла к нему и положила руку на плечо. Пашка покосился на ее руку и увидел, какие узловатые и морщинистые пальцы у Геры. И вдруг он понял, что она стара как мир, что ей много-много лет. Он хотел спросить, сколько, но не посмел.

– Любопытно, – вдруг произнесла женщина, – как все изменилось. Я в последний раз встречалась с вами, людьми, шестьдесят лет назад. Я видела водолаза. У него был совсем другой скафандр. Куда более громоздкий. На какую глубину рассчитан твой?

– На два километра, – сказал Пашка.

– Молодцы! Вы делаете большие успехи. Я помню, как люди опускались под воду только в специальных колоколах. Ты не читал об этом?

– Читал, – сказал Пашка. – Пока под колоколом был воздух, водолаз мог дышать.

– Молодец. А из чего сделан твой шлем?

– Это – полистон, – сказал Пашка.

– Дай погляжу, – сказала женщина.

Пашка удивился, но отстегнул шлем и протянул ей.

Женщина надела шлем.

– Мне идет твой шлем? – спросила она с улыбкой. И что-то в этой улыбке испугало Пашку.

– Отдайте, – сказал он.

– Сейчас, – сказала женщина.

Она медленно отступала от Пашки.

Он сделал шаг следом за ней, и тогда женщина включила шлемовый фонарь. На расстоянии двух метров его свет с такой силой ударил Пашке по глазам, что тот зажмурился.

– Не надо! – воскликнул он и в ответ услышал резкий, колючий смех.

Когда Пашка открыл глаза, он увидел, что дверь в зал закрывается. Стало очень тихо. Пашка не знал, что делать.

И тут он услышал голос Госпожи Геры:

– Прощай, мальчик. Ты мне понравился, но я не могу оставить тебя в живых.

Пашка увидел, как в стеклянной перегородке открылся люк.

И в него хлынул поток зеленой воды. Он ворвался в зал так сильно, что казался толстым блестящим канатом, протянувшимся через зал. Струя воды ударила в камень и разлетелась брызгами.

Вода завихрялась по полу, и вот уже весь пол залит водой, вот она коснулась башмаков Пашки, поднялась до щиколоток... Пашка бросился к двери, за которой скрылась Госпожа Гера. Но конечно, дверь была закрыта... Вода крутилась водоворотами, быстро поднимаясь.

Там, за перегородкой, совсем близко, – батискат. Но до него без шлема не добраться.

Пашка поднял голову, выискивая, нет ли наверху отверстия... Он еще даже не успел испугаться, но был жутко зол, что дал себя провести розовой женщине.

Вода уже поднялась до колен...

Глава восьмая
КАМЕУСЫ ВЫХОДЯТ НА ОХОТУ

Посейдон начал последовательно, один за другим, включать мониторы.

Вот зал музея. Пусто. Вот театр, там никого. Вот покои наследницы. Наследница спит, обняв лысую куклу. Вот берег подземного озера. Сирены сидят у пустых кормушек и заунывно поют...

– Почему у вас такие странные имена? – спросила Алиса.

– Мы взяли их из древних земных мифов. Так велит Закон. Никто не должен догадаться, что мы – пришельцы.

– А ваше настоящее имя?

Ответить Посейдон не успел.

На экране монитора возник зал перед ангаром Атлантиды. Все в зале изменилось.

Зал был залит водой, которая хлестала из отверстия в перегородке.

По пояс в воде металась маленькая фигурка.

– Пашка! – закричала Алиса. – Что с ним? Почему он не уходит?

– Проклятие! – воскликнул Посейдон. – Она нас обманула! Она добралась до него раньше нас!

Вспыхнул еще один монитор.

Алиса увидела, что, отделенная от ангара стеклянным иллюминатором, глядит на Пашкины мучения розовая Госпожа. Она улыбается и гладит Пашкин шлем, прижимая его к груди.

– Она отняла у него шлем!

– Вижу, – сказал Посейдон.

– Скорее, бежим ему на помощь!

– Мы не успеем, – ответил старик.

– Не спорьте!

– Но это безнадежно.

– Пожалуйста! Я же не знаю дороги!

Посейдон кинул последний взгляд на мониторы.

Вот Пашка. Вода уже достигает ему до груди. Пашка старается стащить с себя скафандр, который тянет его ко дну.

Розовая женщина удовлетворенно кивает головой, кидает на пол шлем и быстро уходит...

Алиса первой выбежала из лаборатории Посейдона.

Старик возился с ключами, он волновался, никак не мог попасть ключом в скважину.

– Никто не тронет вашей лаборатории! – сердилась Алиса. – Не тратьте времени.

– Надо запереть. Нужен порядок. Закон запрещает...

– Хоть скажите, куда мне бежать!

– Иду, иду...

Посейдон широкими шагами пошел по коридору. Алиса хотела схватить его за руку и тащить за собой, но она понимала, что он не может идти быстрее.

– Какое изуверство! – бормотал Посейдон. – Докатиться до низкого преступления!

Алиса не слушала старика. Она представляла себе, как вода в подземелье поднимается к потолку и там, стараясь удержаться на плаву, бьется Пашка, но силы его оставляют.

– Долго еще?

– Скоро, – задыхаясь, произнес старик. – Скоро... Я не могу!

Мелькали светильники. Странные статуи улыбались Алисе в залах, летучие собаки проносились черными тенями...

– Здесь, – сказал наконец Посейдон.

Ход раздваивался перед ними: лестница вверх и лестница вниз.

– Там. – Посейдон показал на нижнюю лестницу. – Вход в ангар.

И поспешил по второй лестнице наверх.

– Вы куда?

Посейдон уже стоял перед дверью.

– Мы должны перекрыть воду. А это можно сделать только отсюда.

Он распахнул дверь и с опаской заглянул внутрь.

Алиса поняла: он боится, не поджидает ли их Гера.

Маленькая комната. Пульт управления. Один иллюминатор, глядящий в ангар. Комната пуста.

Посейдон протянул руку к пульту. Алиса кинулась к иллюминатору. И замерла от удивления.

В зале не было воды!

Пол был мокрым, на полу валялись клочки водорослей, расплескалась пятном слизи медуза... Но Пашки и след простыл.

– Где он? Где? – Алиса обернулась к Посейдону, будто он был во всем виноват.

– Я сам ничего не понимаю, – ответил старик. – Кто-то перекрыл воду, включил насосы и выпустил твоего друга... Это загадка.

– Побежали обратно, – сказала Алиса. – Мы включим мониторы и найдем Пашку.

– Если я пробегу еще десять метров, – простонал старик, – я умру.

Он сказал это так искренне, что Алисе стало стыдно. Ведь в триста лет нелегко бегать по коридорам и слушать упреки какой-то девочки. Посейдон нарушил из-за нее Закон, теперь ему пощады не будет. И поэтому Алиса сказала:

– Не бойтесь, я с вами. Я вас не оставлю. Мы возьмем вас наверх, и никакая Гера до вас не доберется.

Голубые губы Посейдона тронула слабая улыбка.

– Спасибо, девочка, – произнес он.

Он с трудом поднялся и медленно пошел к выходу.

Алиса кинула последний взгляд на батискат, который мирно покоился в зеленой воде, такой близкий и такой недостижимый. И вдруг ахнула: батискат медленно начал двигаться.

– Посейдон! – воскликнула она. – Смотрите!

Батискат, набирая скорость, удалялся от стеклянной стены. Вот он включил носовой прожектор, и конус света разрезал зеленую мглу.

– Этого не может быть! – произнес Посейдон. – Он не мог.

– Это Пашка! – радовалась Алиса.

– Но как? Никто не мог вывести его отсюда. Его шлем отняла Гера.

Алиса оглянулась. Шлема нигде не было.

– Пойми же, – упрямо повторял Посейдон, – у толстяка и наследницы ума не хватило бы... да и не нужен им батискат, они хотят править Атлантидой. Старик Гермес давно в маразме... Неужели Гера?

– Конечно, – с иронией сказала Алиса. – Она сначала его утопила, а потом отнесла на батискат.

– Ничего не понимаю, – развел руками Посейдон.

– Все хорошо кончилось, – сказала Алиса, глядя, как светлым пятнышком исчезает в глубине океана батискат. – Сейчас Пашка вызывает по рации ферму на острове Яп. Через час здесь уже будут катера спасательной службы. И власть вашей Геры кончится...

– Мне страшно, – сказал старик. – Я прожил всю жизнь здесь, под водой.

– Не бойтесь, – сказала Алиса. – У нас хорошие врачи.

Посейдон покачал головой...

– Врачи не всегда могут помочь, – вздохнул он.

– Пошли, – сказала Алиса.

– Куда?

– Вам надо подготовиться. Кто-то должен все объяснить нашим.

– Погиб Закон, погибла Атлантида, – сказал Посейдон. – Тебе этого не понять.

– Честное слово, всем будет лучше!

Настроение у Алисы исправилось. Как хорошо, что раз в жизни Пашка оказался сознательным человеком и, вместо того чтобы самому совершать подвиги, догадался отправиться за помощью.

Если бы Алиса знала в тот момент, как она далека от истины, она бы так не радовалась...

Алиса с Посейдоном осторожно шли по коридору. Старик впереди. У него был замечательный слух, выработанный за многие годы жизни в тишине подводного мира. Он шел медленно, опасаясь каверз Госпожи Геры...

Вдруг он остановился.

– Слышишь? – прошептал он.

– Ничего не слышу.

– Сегодня полнолуние, – сказал Посейдон. – Сейчас там, наверху, взошла луна...

– И что же?

– Камеусы вышли на охоту.

– Я ничего не понимаю.

– Скорее, Алиса, – сказал Посейдон. – Надо спрятаться в моей лаборатории. Туда они не проникнут...

Над головой послышался шорох, потом громкий голос Геры прозвучал в динамике:

– Внимание. Камеусы вышли на охоту. Всем запереться в помещениях. Кто успеет, спешите в зал Совета.

И тут Алиса тоже услышала то, что так испугало старика.

Из недр подземелья доносился шорох, будто тысяча маленьких коготков скребли по камням. Этот шорох, хоть тихий и далекий, таил в себе что-то зловещее...

Старик побежал. Алиса даже не думала, что у него остались силы так бежать.

Она бежала рядом, думая, как подхватить старика, если он упадет.

Через несколько метров они достигли двери в центр наблюдения.

Старик дрожащей рукой сунул ключ в скважину.

И тут Алиса увидела загадочных камеусов.

В дальнем конце коридора показалась серая масса. Непонятно было, из чего она состоит: смутно мелькали ноги, покачивались спины каких-то существ. Все громче был слышен шорох.

Старик открыл дверь.

– Скорее! – Он почти упал внутрь. – Запри. У меня нет сил.

Алиса взяла у него ключ и, когда запирала дверь, почувствовала, как что-то ткнулось в нее. Потом еще удар...

Алиса повернула ключ.

Старик сидел на полу, прислонившись к стене.

– Все в порядке, – сказала она.

– Я сейчас, – простонал старик. – Сил не осталось...

– Давайте я вам помогу. – Алиса попыталась поднять Посейдона, он был худой и казался легким, но на самом деле поднять его было трудно...

Он потерял сознание, и Алиса, задыхаясь от напряжения, приволокла его во внутреннюю комнату центра наблюдения, где был диван, – не оставлять же старика на каменном полу.

К счастью, диван был низким. Алиса опустилась в ногах у старика.

Отдышавшись, она подошла к пульту.

Вот театр. Что-то темное проскочило в поле зрения монитора. Еще одна тень... Но не разберешь, что это такое.

Алиса стала смотреть на следующий экран. На нем был виден берег подземного озера.

И тут она увидела первого камеуса.

Это был большой серый краб, размером с собаку. Тонкие, длинные ноги делали его похожим на паука-сенокосца, только очень большого. Но, в отличие от безвредного сенокосца, у краба были длинные массивные клешни, которые он раскрывал и сводил, будто угрожал.

Не успела Алиса разглядеть первого камеуса, как следом за ним на берег подземного озера выскочили другие. Они разбежались вдоль воды, вынюхивая что-то, словно собаки. Алиса увидела, как из озера показалось испуганное лицо сирены и сразу исчезло, как только она заметила камеуса.

Один из камеусов увидел свет в лаборатории над озером. Он скользнул в ее дверь. И принялся пробовать клешнями приборы, может, искал что-нибудь съедобное. Алиса услышала звон и хруст стекла.

Она обернулась, глядя на Посейдона. Но тот все еще лежал с закрытыми глазами и часто дышал.

Алиса хотела заглянуть в другие залы Атлантиды, но не знала, какие надо кнопки нажимать.

Включались все новые экраны.

На одном было видно море. Солнце склонялось к воде. Алиса взглянула на часы: седьмой час. На базе уже волнуются. Нет, успокоились. Ведь там знают, что случилось.

Включился еще один экран. На нем был виден небольшой городок на берегу моря. Белый мирный городок, несколько корабликов и глиссеров стоят у причала, над улицей медленно плывет флаер... Почему этот городок заинтересовал Посейдона? Надо будет спросить.

Шорох со стороны двери отвлек Алису.

Она поняла, что это скребутся крабы.

Посейдон открыл глаза.

– Вам плохо? – спросила Алиса. – У вас есть лекарство?

– Там, – тихо сказал Посейдон. – Синий пузырек. Видишь?

Алиса достала лекарство. Протянула старику.

Он прислушивался.

– Они скребутся в дверь? – спросил он. – Это стучит смерть.

– Вы о крабах? – спросила Алиса.

– Камеусы... – Старик открыл пузырек, по комнате распространился странный острый аромат. Старик поднес пузырек к носу, понюхал... – Последний, – сказал он в ответ на взгляд Алисы. – У нас была аптека, с Крины.

Камеусы продолжали царапаться в дверь.

– Откуда они? – спросила Алиса. – Из моря?

Старику стало легче. Он опустил ноги на пол.

– Спасибо, – сказал он. – Не представляю себе, как ты меня дотащила. Отважная девочка.

Посейдон встал и подошел к мониторам.

Он увеличил изображение на мониторе, что глядел на берег подземного озера, и показал Алисе крупным планом краба, который методично рвал на клочки белый халат, забытый в лаборатории.

– Они жили здесь всегда, – сказал старик. – Правда, судя по всему, раньше они были куда меньше и совсем безвредными. Их ловили, исследовали... Это особый род пещерных крабов. Они таятся в трещинах скал и питаются тварями, что живут в пещерах, – улитками, мокрицами, если повезет, летучими собаками, даже грибами, что вырастают в темноте. Когда много тысяч лет назад эти подземелья обжили атланты, крабы стали пожирать объедки, научились ловко воровать пищу, забираться в склады...

– Но ведь Атлантида утонула, – сказала Алиса, не в силах оторвать взгляда от краба, который рвал белый халат. В движениях его клешней и в выражении белых, на стебельках, глаз была холодная жестокость.

– Камеусы мечут икру и затем обволакивают ее плотной оболочкой. В глубинах трещин икринки прожили несколько лет, пока мы не откачали отсюда воду. А затем камеусы приспособились жить рядом с нами. Мы старались их извести, травили ядами. Многие крабы погибали, но те, что остались, перестали бояться ядов. Мы придумали новые способы истребления. Крабы учились с ними бороться. Мы запаковывали органические продукты в специальные контейнеры, камеусы стали прогрызать металл. Пока на станции было много людей, крабы отсиживались в своих трещинах и каменных норах. Но теперь, поняв, что мы бессильны, камеусы перешли в наступление. На наше счастье, крабы становятся агрессивны лишь раз в месяц, когда над океаном поднимается полная луна. В эту ночь они впадают в бешенство. В такие ночи мы собираемся в зале Совета за

двойными стальными дверьми, потому что обычная дверь теперь не преграда для них... Но никогда еще я не видел такого нашествия...

– Что же делать? – спросила Алиса.

– Остается только одно: ждать. Как только зайдет луна, крабы исчезнут, спрячутся в своих щелях.

– Скоро прибудут спасатели, а они ничего не знают о крабах.

– Крабы, к счастью, не умеют плавать.

«Странно, – подумала Алиса, – я спешила, бежала – и вдруг остановилась. Я сижу в осажденной крепости и жду спасения. Рядом со мной очень старый человек, пришелец с другой планеты, который сотни лет жил в подводной тюрьме и не смел ее покинуть. И даже сейчас боится. А я к нему уже привыкла. Лицо у него приятное, очень усталое, но не злое».

Алиса поглядела на мониторы.

– А почему у вас некоторые мониторы показывают наш мир? – спросила она. – Вот этот показывает море, а тот – какой-то городок.

– Привычка, – сказал Посейдон. – Я ведь не только наблюдатель. Я занимаюсь тектоникой, изучаю строение Земли. Я прихожу сюда, веду наблюдения, регистрирую процессы, которые происходят в недрах вашей планеты. Работа меня спасает... Хоть она и никому не нужна.

– Теперь все будет иначе, – возразила Алиса. – Вы же знаете многое, что неизвестно наверху. Наверху вас обязательно сделают академиком, вот увидете.

– Наивно, девочка. Кому нужен выживший из ума старик? Все наши открытия безнадежно устарели. Еще сто лет назад мы знали о вашей пла-

нете в тысячу раз больше, чем сами земляне. Но ваша наука развивалась с такой скоростью, что теперь мне впору у вас учиться.

– Как жалко, что Закон запрещал вам выйти к людям раньше! – сказала Алиса. – Вы бы нам сильно помогли.

– Мы изучили морское дно. Мы знаем, где под океаном находятся очаги магмы, где – запасы полезных ископаемых. Мы знаем, как предсказывать извержения вулканов и землетрясения... Вот видишь этот гавайский городок Колау? Он спокойно спит, не подозревая, что в шесть утра на него обрушится землетрясение. И не будет больше этого городка – разлетятся на куски его дома, провалится под землю эта церковь, волна цунами смоет в море порт...

– Какой ужас! – воскликнула Алиса. – И вы так спокойно об этом говорите? Даже муравейник жалко, если он попадет в лесной пожар, а вы же говорите о целом городе, о людях, которые в нем живут!

– Это закон природы, – сказал Посейдон. – Мы не вмешиваемся.

– Вы не вмешивались, вы жили, как подземные кроты! Поглядите, до чего вы докатились! Нельзя быть только наблюдателями. Люди должны помогать друг другу. Знаете, кто вы? Вы преступники. И сами себя наказали! – возмутилась Алиса.

– Если бы мы открылись вам, то ваша судьба бы изменилась. Я не знаю, была ли бы сейчас Земля лучше или хуже, – возразил Посейдон.

– Я говорю не о том, чтобы вмешиваться или не вмешиваться! – сказала Алиса. – А о том, чтобы спасти людей, если им грозит опасность! Если бы опасность грозила вашей планете или даже вашей станции, мы пришли бы к вам на помощь!

– Для того чтобы стать такими, вы должны были сами прожить собственную историю. Сами совершить свои ошибки и сами их исправить.

– Но какую же ошибку совершили люди того города, который спит? И которые погибнут на рассвете?

– Я надеюсь, что ваши сейсмологи уже догадались, что надвигается землетрясение.

– Нет, не догадались. Это ясно. Вы же видите, до землетрясения осталось несколько часов, а в городе спокойно, никакой эвакуации. Значит, о землетрясении никто не подозревает.

– Я ничего не могу сделать, – сказал Посейдон.

– Неужели у вас нет рации?

– Она давно уже вышла из строя. Да и зачем нам связь с Землей?

– Скорей бы спускались спасатели, – сказала Алиса. – Тогда мы успеем предупредить этот городок...

Она была сердита на Посейдона и на всех этих кринян. Вроде бы они говорят правильно, логично, разумно. Но все равно они не правы.

Алиса с надеждой смотрела на монитор, на котором был виден ангар. Скорей бы...

Но там было спокойно. Только один камеус выскочил в зал, быстро переставляя серые ноги, боком пробежал через него, остановился перед стеклянной стеной, вглядываясь в толщу воды. Потом побежал прочь.

Посейдон уселся в кресло перед монитором и сказал тихо, словно чувствовал себя виноватым:

– Надо проверить, как остальные...

Но он не успел этого сделать. На мониторе, который показывал подземное озеро, в толпе крабов, суетившихся на берегу, жадно глядя на перепуганных сирен и морских змеенышей, вдруг возникла паника. Крабы бросились наверх, подальше от воды.

Вода в середине озера расступилась, и из нее показался прозрачный купол. На поверхность поднимался батискат.

Еще несколько секунд – и батискат, вынырнув из воды, замер. Можно было различить, что под куполом два человека.

Яркий свет прожектора ударил по берегу. Купол откинулся. В батискате стоял Пашка.

Глава девятая
БЕГСТВО ИЗ АТЛАНТИДЫ

Алиса сразу все поняла.

Вместо того чтобы подняться на поверхность и вызвать помощь, безрассудный Пашка отправился сам совершать подвиги.

Почему так случилось?

Но для этого надо рассказать, что же произошло с Пашкой Гераскиным.

...Вода уже доставала Пашке до груди, когда он понял, что больше она не поднимается. Вода не только не пребывала, она начала уходить из зала. Слышно было, как работают насосы. Тяжело дыша и чавкая, они выкачивали воду.

Вот вода уже по колено, по щиколотки... вот последние ее струи втягиваются в решетку в полу.

Дверь в зал отворилась, и туда вошел, волоча ноги, старик Гермес. Он был в скафандре, сумка с инструментами через плечо. В руке Пашкин шлем, который унесла Гера.

– Это вы откачали воду? – спросил Пашка.

– Опять поломка, – вздохнул старик. – Везде поломки. Иду, вижу – прорвало. Да и ты остался запертый. Ох, старое все здесь, ненадежное. Попадешься невзначай, утонуть можно. Ай-ай-ай! – Старик тяжело вздохнул и протянул Пашке шлем. – Потерял, что ли?

– Спасибо.

Пашка не знал, что ответить старику. Может, признаться, что шлем отняла Госпожа Атлантиды и хотела его убить? А вдруг старик, чего доброго, сообщит Гере, что ее план не удался, и тогда она вернется, чтобы исправить свою ошибку?

Но старик сам разрешил Пашкины сомнения.

– И чего же ты хотел, мальчик? – спросил он. – Небось домой захотелось? К маме? Пошли, провожу тебя.

И старик вывел Пашку из зала, провел узким ходом в шлюзовую камеру. Потом задраил внешний люк, спросил, в порядке ли шлем у Пашки. Пашка надел шлем, закрепил его и проверил, как поступает воздух. Все было в норме. Потом старик вытащил из инструментального ящика свой потертый и поцарапанный шлем, похожий на шлем греческого воина, привинтил его и открыл воду. Шлюз быстро наполнился, и старик Гермес открыл внешний люк. Они стояли на дне океана.

Старик побрел вперед. Они не могли разговаривать – системы связи в скафандрах были разными. Пашка уже догадался, что старик ведет его к батискату.

Пашке казалось, что прошла вечность, прежде чем они, миновав субмарину атлантов, достигли батиската. Старик остановился. Он подождал, пока Пашка открыл люк переходника, а через три минуты они уже были внутри батиската и можно было снять шлем.

– Почему вы меня спасли? – спросил Пашка.

– Почему? – повторил старик, глядя на Пашку выцветшими, серыми глазами. – Это я себя спасал.

– А я думал, что вы ничего не соображаете, – нетактично признался Пашка. – Вы всегда чепуху несли.

– Так все думают, – сказал старик. – Какая опасность от старого дурака? Этим и спасаюсь.

– Но почему?

– Потому что здесь больше жить нельзя. Но и признаться в этом – значит жизни лишиться. Вот и притворялся дураком.

Пашка уселся в кресло у пульта батиската.

– Куда идти? – спросил он. – Вы знаете?

– Туда. – Старик показал пальцем направление. – Я бы сам на нем уплыл, но не знаю, как управлять.

Пашка включил прожектор и начал разворачивать батискат.

Именно тогда Алиса увидела, как батискат уплывает, и обрадовалась, что Пашка догадался вызвать спасателей. Старик Гермес тоже решил, что Пашка будет подниматься.

– Через триста метров выход в ущелье, – сказал он Пашке. Голос старика изменился, даже помолодел.

– И давно вы притворяетесь? – спросил Пашка.

– Давно. Если открыть мысли, Госпожа Атлантиды сразу меня со света сживет. Я все старался весть наверх дать. Я знаешь что придумал? Собирал старые бутылки, вкладывал в них записки с нашими координатами и выпускал их в море.

– Я знаю! – воскликнул Пашка. – Мы потому и приплыли сюда, что нашли такую бутылку. С координатами.

– Значит, я был прав, – сказал старик Гермес.

– А что же вы подробнее не написали?

– Я напишу, – проворчал старик, – а бутылка к Госпоже попадет. Она и догадается. Я человек старый, немощный, мне уж триста лет скоро. Я терпел и ждал. Что с дурака возьмешь? Хожу себе, чиню, латаю...

– Как хорошо, что вы успели вовремя и спасли меня.

– Я не успел. Я знал. Я как выследил, что Госпожа сюда идет – сразу за ней. И ждал, пока она уйдет. Очень боялся, что она задержится поглядеть, как ты потонешь.

Батискат прошел сквозь горло широкого туннеля и оказался в ущелье.

– Поднимайся, – сказал старик. – Теперь можно.

Но Пашка не спешил перевести рули батиската на вертикальный подъем.

– Подождите, – сказал он, – нельзя оставлять Алиску. Ей угрожает ваша Госпожа.

– Так поднимись, позови на помощь!

– Нет, сначала мы возьмем Алису. Помощь может опоздать.

Он был в скафандре, сумка с инструментами через плечо. В руке Пашкин шлем, который унесла Гера.

– Лодка твоя, ты капитан, – вздохнул старик. – Только разумнее вызвать помощь.

– Мы возвращаемся, – твердо произнес Пашка.

– Есть другой путь в Атлантиду, – помедлив, сказал старик. – Через подземное озеро. Там нас не ждут.

Старик боялся возвращаться в Атлантиду. Он нарушил Закон и знал, что сделает с ним Госпожа, если он попадет к ней в руки. Пашка этого понять не мог. А старик, мечтавший лишь о том, что он увидит перед смертью настоящее солнце и вдохнет свежего морского воздуха, мрачно сидел рядом с Пашкой. Он уже жалел, что спас его.

Шлюзовое устройство у озера действовало. И меньше чем через час после того как старик спас Пашку в зале ангара, они вынырнули посреди подземного озера, перепугав и без того испуганных сирен и морских змеенышей.

– Что это? – спросил Пашка, увидев, как от луча прожектора разбегаются камеусы.

– О горе! – воскликнул старик. – Как я мог забыть! Сегодня полнолуние! Камеусы вышли на охоту!

Эти слова старика Гермеса Алиса услышала. Их уловили микрофоны в зале подземного озера.

Алиса слышала, как Гермес объяснял Пашке, что такое камеусы. Посейдон, сидевший рядом, удивленно говорил:

– Этого быть не может! Ведь Гермес давно сошел с ума! Он ничего не понимает! Какая глупость! Нас было двое недовольных, а мы не доверяли друг другу.

Голос Госпожи Атлантиды раскатился по всему подземелью:

– Я все вижу! – кричала она. – Я вижу, какое преступление совершил ничтожный Гермес, который не убоялся моего гнева. Слушай же, предатель Атлантиды, нарушитель Закона: если ты сейчас убьешь этого мальчишку, я сохраню тебе жизнь.

Алиса видела, как вздрогнул Гермес, услышав грозные слова Геры. Он опустил голову, съежился, стараясь спрятаться от разящих слов.

– Не бойся, – услышала Алиса голос Пашки, – ничего она с тобой не сделает.

– Она всесильна, – тихо ответил Гермес.

– Зло не бывает всесильным, – возразил начитанный Пашка.

Крабы, толпившиеся у лаборатории, замерли, тоже слушая Госпожу Атлантиды.

– Я жду одну минуту, – произнесла Гера. – После этого пеняй на себя.

Посейдон включил еще один монитор. Гера стояла посреди зала Совета Атлантиды, держа в руке золотой микрофон в виде змеиной головы.

– Я пойду, – сказал между тем Пашка. – Мне надо найти Алису.

– Ты не пройдешь мимо камеусов, – чуть не плача произнес Гермес. – Они разорвут тебя.

– Надеюсь, мой скафандр выдержит.

Алиса обернулась к Посейдону:

– Пожалуйста, сделайте, чтобы он нас услышал. Он должен знать, что мне ничего не грозит.

Посейдон наклонился к микрофону.

– Внимание, – произнес он, – говорит Посейдон. Слушай меня, Госпожа Атлантиды! Слушай меня, Гермес, слушай меня, мальчик Паша. Алиса в безопасности. Она стоит рядом со мной. Госпожа, ты бессильна против нас. Еще вчера мы были разобщены, каждый сам по себе, и потому ты правила Атлантидой и утверждала, что ты и есть Закон. Твое время прошло. Я лишь жалею, что раньше не доверял Гермесу.

– Я тоже жалею об этом! – закричал Гермес, который услышал слова Посейдона.

– Ты одна, Гера, – продолжал Посейдон, – с помощью детей, которые пришли из солнечного мира, мы поняли, что единственный выход – наверх, где ветер и солнце.

– Я убью вас! – кричала Гера. Она отбросила микрофон и протянула руку к рубильнику на стене. – Я затоплю Атлантиду! Никто не выйдет отсюда живым.

– Глупости, – сказал Посейдон. – Гермес и Паша в батискате. Они не погибнут.

Гера замерла. Она поняла, что Посейдон прав.

Обезумевшая от страха потерять власть, Госпожа Атлантиды готова была убить всех. И если кто-то спасется, ее торжество будет неполным.

И тут все услышали отчаянный визг.

Вспыхнул еще один монитор. На нем была видна детская Афродиты.

Наследница сидела на кровати, прижимая к груди куклу, и отчаянно вопила. Ее отец, толстяк Меркурий, стоял посреди комнаты, подняв стул.

Им было отчего испугаться: в дверной трещине шевелилась клешня камеуса.

С каждым мгновением щель становилась все шире. Слышно было, как трещит дверь.

Толстяк кинулся к двери и стал суматошно колотить по ней стулом, стараясь попасть по клешне, но промахивался и лишь расшатывал дверь.

– Гера! – воскликнул Посейдон. – Достань оружие. Бери лазерный бластер и спаси Меркурия с Афродитой. Ты Госпожа Атлантиды. Это твой долг – защищать кринян.

– Это священное оружие!

– Открой сейф! Наступил момент.

– Момент? – Госпожа Атлантиды задумалась. Потом тихо произнесла, словно читала: – В момент крайней опасности для станции ее начальник имеет право употребить оружие. Так гласит Закон.

Гера открыла сейф и вынула оттуда лазерный бластер.

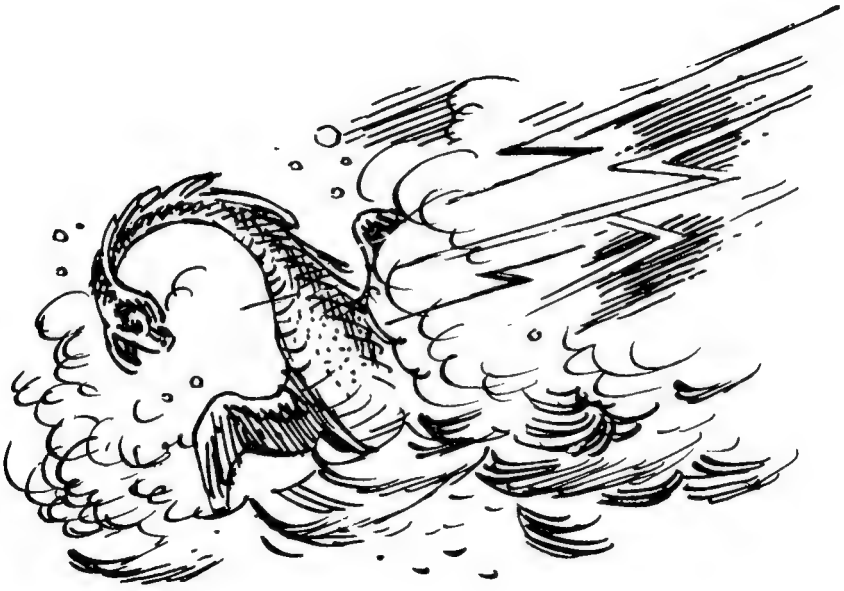
И тут же направилась к двери.

– Вот видишь, – сказал Посейдон. – Я рад, что она вспомнила о долге.

– Вы уверены, что Госпожа Гера идет спасать наследницу и Меркурия? – спросила Алиса.

На экране монитора было видно, как Госпожа Атлантиды выбежала из двери. Навстречу ей, раскрыв клешни, кинулись два крупных камеуса.

Зеленый луч вылетел из бластера, крабы обуглились и кучками пепла рассыпались по каменному полу.



Госпожа миновала зал скульптур, потом повернула направо...

– Куда? – закричал Посейдон. – Не туда!

Камеусы, почуяв шаги Госпожи Атлантиды, кидались на нее со всех сторон. Но она резала их лучом, не останавливаясь... Она бежала к подземному озеру...

Алиса поняла: через три минуты Гера увидит батискат.

Она схватила микрофон:

– Пашка, ты меня слышишь?

– Что у вас случилось?

– Гера вырвалась из своей норы и несется вас расстреливать. Она вооружена и очень опасна. Немедленно – погружение.

– Понял, – быстро ответил Пашка.

Одним движением он закрыл колпак, задраил его. Взрывая бурунчики воды, батискат быстро пошел вниз. Когда Гера, уничтожая камеусов, выбежала на берег озера, лишь водоворот на месте батиската напоминал о кораблике.

Гера выбежала на самый берег, к пустым каменным кормушкам, и начала палить по воде. Взревел раненый морской змей, вода кипела, облако пара поднялось над озером.

– Она больна, – сказал Посейдон. – Она лишилась рассудка.

Как молнии сверкали лучи лазерного бластера. Батиската и след простыл, но Гера не прекращала стрельбу, будто у нее заклинило палец.

И она не услышала, да и как в таком состоянии услышишь, что сзади к ней подкрались камеусы.

Даже Алиса, поглощенная зрелищем, заметила их, когда было поздно.

– Сзади опасность! – закричала она.

Но Гера не обернулась.

Клешни крабов рванули ее одежду.

Гера упала на каменный пол. Зеленый луч полосовал вокруг, но она не могла прицелиться: клешни крабов резали ее руки.

Алиса в ужасе закрыла глаза руками.

Потом была тишина. Только доносился визг наследницы.

– Все, – сказал Посейдон. – Ты свободна, Алиса.

Алиса заставила себя посмотреть на монитор.

Кучка тряпок и лужа крови, в которой лежал лазерный пистолет, – вот и все, что осталось от Госпожи Атлантиды.

И тут Алиса увидела, как вода близ берега расступилась.

Из воды поднимался Пашка Гераскин в скафандре.

Крабы, закончив свою кровавую трапезу, кинулись к нему, широко разевая клешни. Но Пашка не обращал на них внимания. Он будто не чувствовал, как клешни вцепляются в скафандр, стараются разорвать его.

Раскидывая крабов кулаками, он дошел до лежавшего на камнях лазерного бластера. Быстро поднял его.

Несколькими короткими ударами луча он очистил берег от камеусов.

Потом откинул шлем и вытер перчаткой лоб.

– Алиса, – сказал он, – ты меня слышишь?

– Слышу, – сказала Алиса.

– Где Афродита и Меркурий?

– Я скажу тебе, как пройти, – сказал Посейдон.

Алиса вместе с ним следила за каждым шагом Пашки, предупреждая друга об опасности, когда из-за кулис в театре на него кинулся громадный камеус, когда еще один протянул клешню из-под кресла, когда целая толпа камеусов устроила засаду в темном проходе, пока другие штурмовали дверь в бывшую гримерную – детскую наследницы.

И Пашка, как в приключенческом романе, успел в самый последний момент. Крабы уже прогрызли дверь, и первый из них махал клешнями, отбиваясь от стула, которым защищался толстяк Меркурий.

Но на этом Пашкина работа не закончилась.

Он вызволил и Алису с Посейдоном. И они вместе вернулись к берегу озера.

Когда переходили в батискат, который Пашка поднял на поверхность, на берегу не было ни одного камеуса. Они не хотели больше рисковать. А может быть, сообразили, что люди уходят и камеусы остаются безраздельными хозяевами Атлантиды. Вряд ли они слышали, как Алиса крикнула:

– Недолго вам здесь править! Люди вернутся!

Крабы не ответили. Они не умеют разговаривать.

Крабы уже прогрызли дверь, и первый из них махал клешнями, отбиваясь от стула, которым защищался толстяк Меркурий.

В батискате было тесно.

Мрачной серой птицей сидел Посейдон, прижимая к груди мешок с записями и документами. Рядом нахохлился Гермес, поставив ноги на драгоценную и никому уже не нужную сумку с инструментами, с которыми он не мог расстаться. Всхлипывала наследница и шептала отцу: «А нас не утопят? Может, вернемся? Крабы уйдут, и мы будем жить с тобой вдвоем». – «Успокойся, – бормотал ее отец, – нам нельзя обратно, нас некому кормить». – «Но у меня не будет своего царства». – «Папочка отыщет тебе царство...»

– Я надеялась, Паша, что ты вызовешь помощь, – сказала Алиса.

– И это вместо благодарности! – Пашка задраил люк. – Я спас население Атлантиды. Что бы вы без меня делали?

– Дождались бы помощи, – сказала Алиса. – Может, даже Гера осталась бы жива.

– Геру мне не жалко, – сурово сказал Пашка. – Она бы все равно отсюда не ушла. А Меркурий с Афродитой обязательно бы погибли.

Он сел за управление батискатом и повел его к шлюзу.

Кто-то постучал по корпусу. Еще...

Алиса удивленно выглянула.

Рядом с батискатом плыли сирены и морской змееныш. Сирены колотили в корпус, просили не оставлять их.

– Товарищи сирены! – крикнул им Пашка. – Через несколько часов здесь будут люди. В том числе биологи. Вы для них – сокровище. Я обещаю вам, что отныне вас будут кормить только вкусно и только до отвала.

Но сирены не поняли Пашку и плыли за батискатом до самого шлюза, и их с трудом удалось отогнать, чтобы они не попали в открытое море.

Как только батискат начал подъем из трещины, Алиса, несмотря на возражения оробевшего вдруг Пашки, взяла микрофон:

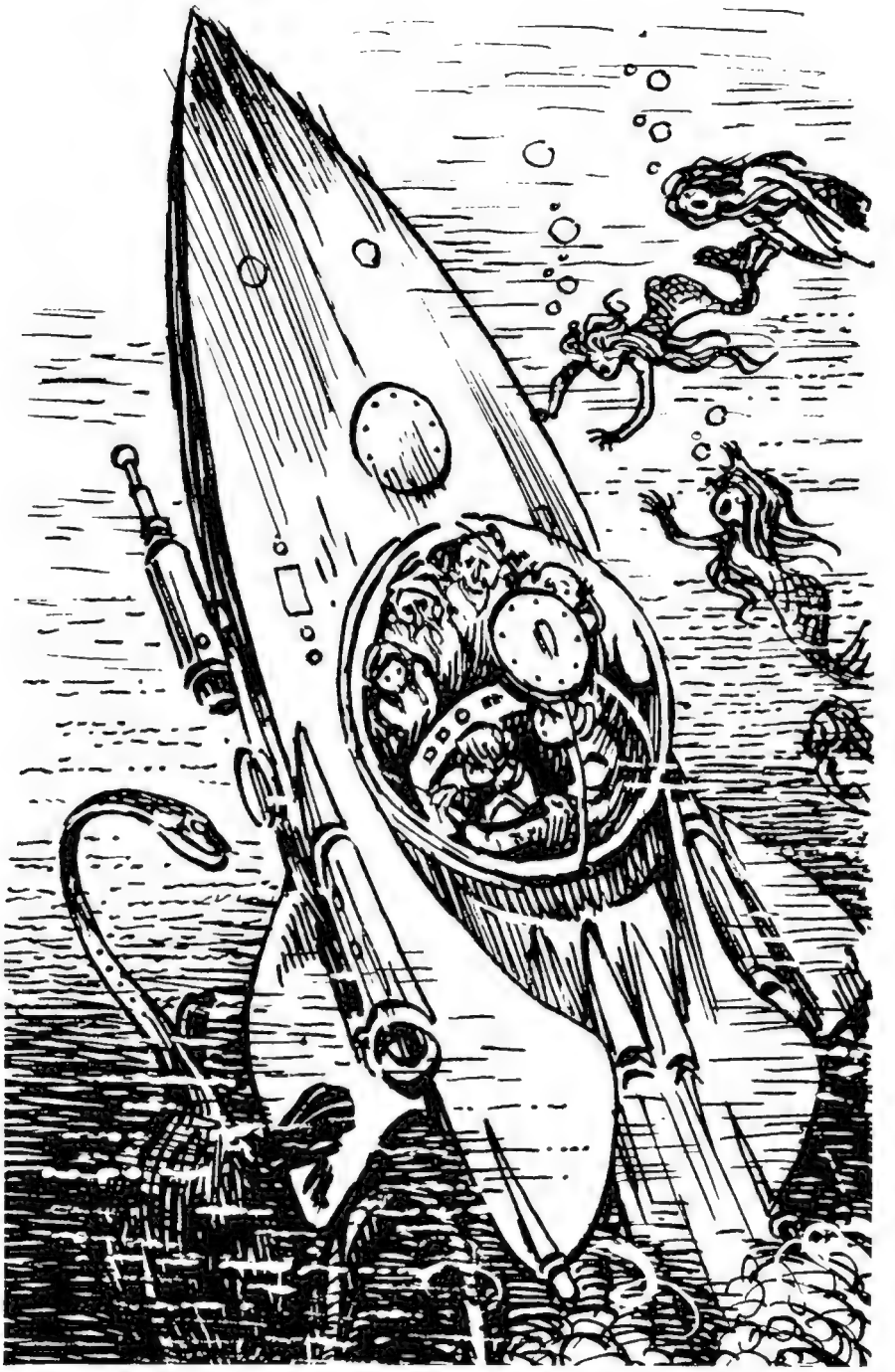
– Остров Яп, – сказала она, – вас вызывает батискат-17.

– Это ты, Алиса? – раздался голос Дороти. – Ты с ума сошла!

– Простите, Дороти, мы не хотели вам доставлять неприятности. Но у нас было столько приключений!

– Какие могут быть приключения! – возмущенно ответила Дороти. – Вы же еще дети! Вы забываете, что питаться надо по часам. Вы знаете, сколько сейчас времени?

– Сколько? – виновато спросила Алиса.



Рядом с батискатом плыли сирены и морской змееныш. Сирены колотили в корпус, просили не оставлять их.

– Девятый час, а вы все еще катаетесь по морю. Ужин остыл, кокосовое молоко прокисло, лепешки зачерствели. В следующий раз я оставлю вас без ужина.

– Мы летим, мы спешим! – воскликнула Алиса. – Мы везем гостей. Дороти, вы самая прекрасная, добрая и заботливая женщина на свете!

– Не подлизывайся, – сказала Дороти. – Сколько гостей я должна кормить сегодня?

– Кроме нас, четверых.

– Где же вы их нашли?

– В Атлантиде.

– Поняла, – засмеялась Дороти, – значит, это гидрологи. Скажи им, что я ставлю на огонь жаркое.

Алиса обернулась к кринянам.

Они смотрели на нее внимательно и даже испуганно. И молчали.

Им было страшно.

Батискат быстро шел наверх.

Рядом с ним плыл громадный морской змей, Эмпедоклюс, который не хотел отставать от своего друга, старика Гермеса.

– Минуточку, Дороти, – сказала Алиса, – не отключайся. Дай мне координаты сейсмической станции в Гонолулу.

– Пожалуйста. – Дороти никогда не удивлялась.

Алиса набрала координаты сейсмологов.

– Сейсмический дежурный по Гонолулу слушает, – послышался голос.

– Говорит подводная ферма острова Яп. Мы имеем информацию, что завтра в шесть утра на острове Оаху случится землетрясение силой в девять баллов. Наибольшим разрушениям подвергнется город Колау.

– Информация достоверная? – спросил сейсмолог.

– На сто процентов. Проверьте по вашим каналам, – сказала Алиса.

– Спасибо, – сказал сейсмолог. – До связи.

Батискат прорвал поверхность воды, и последний отсвет луны мелькнул в кабине.

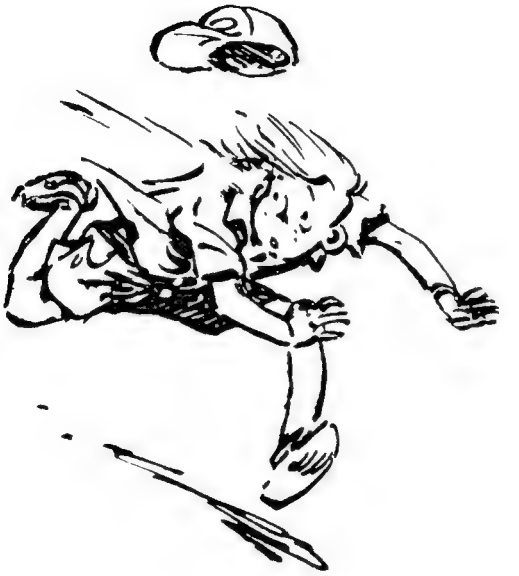
Когда Алиса поглядела на атлантов, у нее сжалось сердце – какие это несчастные, грязные, изможденные старые люди. И чтобы жалость не отразилась на лице, Алиса улыбнулась и сказала, обращаясь к Посейдону:

– Сейсмологи благодарят вас. Вы спасли сегодня много человеческих жизней.

Маленькая голова морского змея поднялась над водой рядом с батискатом, потом показалась черная туша, короткий хвост... Поднялся фонтан брызг.

И морской змей скрылся в волнах.

Батискат взял курс на остров Яп.



Чудовище у родника

Алиса кончила мыть посуду и вдруг увидела, что на пульте в камбузе загорелся красный сигнал: вода на исходе.

– Пашка! – воскликнула Алиса. – Тебя нельзя пускать в космос.

– Можно, – ответил Пашка. – А что я еще натворил?

– Ты обещал перед отлетом проверить все системы. Я тебе поверила. Воду не экономила, очиститель не включала.

– Вода должна быть, – сказал Пашка, но уверенности в его голосе не было.

– Придется переходить на замкнутый цикл, – сказала Алиса.

– Ты с ума сошла! – сказал Пашка. – Я вторичную воду не выношу! Лучше спустимся на какую-нибудь тихую планетку, наберем воды, заодно разомнемся. Сколько дней летим – скучно!

Алиса не ответила. Ей самой хотелось высадиться где-нибудь отдохнуть. Может, даже лучше, что вода кончилась.

Пашка уже включил дисплей звездного атласа.

– Нам повезло, – заявил он. – Почти не надо уходить с курса. Слушай: «Планета Ког. Население редкое, занимается земледелием. Климат в основном засушливый. Не рекомендуется опускаться возле поселений, чтобы не пугать местных жителей». Ну как, посетим?

– Посетим, – согласилась Алиса.

Через три часа корабль вышел на орбиту.

Внизу долго тянулась рыжая пустыня, потом на ней появились пятна зелени. Вот и деревня – множество небольших глинобитных хижин вдоль пыльной улицы.

– Заодно, – сказал Пашка, – мы купим у них фруктов и овощей. Нам нужны витамины.

– Но ведь сказано – не пугать местных жителей.

– Сказано, чтобы не опускаться на корабле, – возразил Пашка. – А мы пойдем пешком.

Пашка ловко опустил корабль на прогалине в кустарнике.

Они вышли, закрыли за собой корабль.

Алиса несла пустую корзину для фруктов, а Пашка сумку с подарками для поселян. Ведь совершенно неизвестно, что они захотят получить за свои фрукты.

Было жарко. Дул сухой ветер. Справа от корабля начинались горы, сначала невысокие, бурые, покрытые лесом, потом высокие, голубые, со снежными вершинами.

Пашка быстро нашел тропинку, которая вела к деревне. От каждого шага поднималась пыль. Кусты тянули колючие ветки с редкими тонкими листьями. Над кустами носились мухи.

– Мне здесь не нравится, – заявил Пашка, вытирая рукавом пот со лба. – Может, перелетим севернее?

– Жаль время терять, – возразила Алиса. – До деревни недалеко.

Пашка чуть было не наступил на змею, похожую на пустынного удавчика. На всякий случай они подождали, пока змея не проползла мимо, – ведь неизвестно, как ведут себя здешние змеи.

Кусты расступились, и впереди показалась деревня.

Перед деревней был загон, в котором толпились животные, похожие на коз и овец. При виде гостей животные начали скулить и блеять.

Дорога, что вела к хижинам, была покрыта толстым слоем пыли. Пыль долго не садилась, в носу свербило, глаза слезились. Откуда-то выскочил большой голый кот и грозно зарычал.

На шум из ближней хижины вылез полосатый темнокожий человек небольшого роста в одной набедренной повязке и начал кричать, что ему не дают поспать после обеда.

Тут он разглядел в пыльном облаке гостей и от изумления раскрыл рот.

– Это еще что такое? – удивился человек. – Кто такие? Почему не знаю?

Весь он, от пяток до бритого затылка, был раскрашен белыми и голубыми полосами и узорами.

– Простите, – сказала Алиса. – Мы путешественники. Мы хотели купить у вас фруктов и узнать, где здесь источник или родник с чистой водой?

– Еще чего не хватало! – вдруг возмутился полосатый человек. – Она над нами издевается!

– Честное слово, мы не издеваемся, – сказал Пашка. – Мы даже не знаем, над чем издеваться.

Человек задумался, верить Пашке или нет. А тем временем жаркая пыльная улица заполнилась народом. Все мужчины были полосатыми, а женщины без полос. У мужчин были косы, а женщины были бритыми наголо. Дети кричали и смеялись, коты рычали, козы блеяли, овцы скулили. И все: мужчины, женщины, дети, коты, овцы и козы были голыми и пыльными, если не считать браслетов и колец в носах.

– Погодите! – воскликнула Алиса, стараясь перекрыть общий шум. – Если вы будете кричать хором, мы ничего не поймем. Пожалуйста, пускай говорит кто-нибудь один.

Шум немного утих, и из толпы вытолкнули махонького старичка с длинной желтой бородой, заплетенной в косичку. Старичок был раскрашен ярче всех. Он поднял сухую ручку и воскликнул:

– Тише! Дайте им оправдаться. Может быть, они не виноваты. Подумайте, что они расскажут о нас, когда вернутся в свою деревню.

– Они не вернутся, – сказала мрачная старуха с большим глиняным кувшином на голове. – Мы их растерзаем.

– Разве это так обязательно? – спросил Пашка.

Старичок задумался. Он долго жевал губами, потом вдруг спросил:

– Как вы узнали, что у нас в этом году нет фруктов?

– Мы не знали, – возразила Алиса. – Иначе зачем нам брать с собой пустую корзинку? Зачем нам брать с собой сумку подарков?

– Покажи подарки, – потребовал старичок.

Пашка раскрыл сумку и в тот же момент чуть не погиб, потому что все сто жителей деревни кинулись на сумку и получилась куча-мала. Когда они разошлись, стискивая в кулаках бусы, зажигалки, записные книжки, брелоки для ключей, пачки леденцов и перочинные ножи, Алиса с трудом откопала Пашку из пыли. А от сумки попросту ничего не осталось.

На улице было пусто. Возле них остались только старичок и голый кот, которым ничего не досталось.

Старичок стоял как ни в чем не бывало и, как только увидел, что Алиса помогла Пашке подняться на ноги, спросил:

– А откуда вы знаете, что у нас нет воды?

– Ничего мы не знаем! – Алиса готова была заплакать. – Мы сейчас уйдем.

Старичок как будто не слышал. Он еще подумал, потом спросил:

– Значит, это не вы напустили на нас чудовище?

При слове «чудовище» из хижин донеслись вопли и стоны. Значит, жители деревни подслушивали разговор.

К воплям присоединились козы и овцы в загоне, пришлось опять ждать, пока шум утихнет. Пашка постарался отряхнуть пыль, но это ему не удалось.

Наконец снова наступила тишина.

Пашка уже отдышался настолько, что к нему вернулось любопытство.

– А что за чудовище? – спросил он. – Слон? Тигр?

– Мы не знаем, как оно называется, – сказал старичок. – Мы знаем только, что это – Страшное Чудовище!

– А чем оно вам мешает? – спросила Алиса.

– Ясно чем, – ответил за старичка Пашка. – Оно их пожирает.

– Хуже, – быстро ответил старичок. – Оно нас лишило воды.

– Как так?

– Всю хорошую воду мы берем в роднике, который впадает в озеро.

Старичок показал в сторону гор.

– А чудовище, – продолжал он, – не пускает нас к роднику. Мы пытались уговаривать его, чудовище нас не слушает. Мы пытались испугать

его, но испугались сами. Мы даже вызвали из соседней деревни известного богатыря, непобедимого Влоса Большая нога. Он вышел на схватку с чудовищем...

– И погиб, – сказал Пашка.

– Нет, он прибежал обратно в деревню, потеряв дар речи. Он видел нечто такое страшное, что откусил себе кончик языка.

– А вы видели чудовище? – спросил Пашка.

– Видел, – сказал старичок. – Издали.

– На что оно похоже?

– На что? Лучше не спрашивайте!

– И дальше что будет? – спросила Алиса, пытаясь отогнать цепких мух, что слетелись со всех сторон.

– Дальше мы умрем, – сказал старичок покорно. – Воды у нас нет, урожая не будет...

– Может, вам лучше уйти отсюда? – спросила Алиса.

– Куда? Воды на нашей земле мало, все хорошие места заняты. Кому нужна целая деревня? Кто нас прокормит?

– Все ясно, – сказал Пашка. – Мы немного задержимся.

– Почему? – спросила Алиса.

– Потому что мы обязаны избавить деревню от чудовища.

– Пашка! – ахнула Алиса. – Ты представляешь, что говоришь? Целая деревня, да еще богатырь Большая нога не смогли справиться с чудовищем...

– Неужели ты намерена бросить этих несчастных людей на произвол судьбы? Если они умрут, я никогда себе этого не прощу.

– У тебя даже нет оружия!

– Ты девочка, – сказал Пашка. – Тебе положено бояться чудовищ. Но я не так воспитан.

– Ты плохо воспитан, – возразила Алиса. – Во-первых, девочкам нельзя говорить, что они трусливые, потому что это неправда.

– И все-таки ты девочка и я должен тебя оберегать.

– От чудовищ?

– Хотя бы от чудовищ.

– Когда оно тебя сожрет, – сказала Алиса, – некому будет меня оберегать.

– Ты подождешь меня в корабле, а если я погибну, полетишь домой.

– Мы не знаем, как оно называется, – сказал старичок. –
Мы знаем только, что это – Страшное Чудовище!

– И скажу твоей маме, – продолжала Алиса, – простите, Мария Трофимовна, ваш Пашенька сражался с одним чудовищем, и чудовище его съело. Ах, как грустно! И твоя мама скажет: «Ах, как грустно! Я только что хотела испечь Паше пирожок на ужин».

– Глупости говоришь! – возмутился Пашка. – Еще чего не хватало! Почему я должен погибать? Я побежу чудовище и вернусь домой.

– Сначала научись говорить, – сказала Алиса. – А потом уж сражайся. Побежу!

– Ну, победю!

– Не лучше. Если чудовище узнает, что у тебя тройка по русскому языку, оно даже есть тебя не захочет.

Когда Пашка собирается на очередной подвиг, он шуток не выносит и не понимает.

– Как оно может узнать про тройку? – спросил Пашка серьезно.

– Я ему скажу!

Только тут Пашка сообразил, что над ним издеваются, и хотел кинуться на Алису с кулаками, но вспомнил, что вся деревня слушает их разговор и ждет, что будет дальше.

Пашка понял: надо взять себя в руки – не время ссориться с обыкновенными девчонками. Он сказал старичку:

– Успокойтесь. Я займусь вашим чудовищем.

Старичок рухнул на колени в пыль и протянул к Пашке худые руки.

– Спаситель! – доносились крики из хижин. – Спаситель! Бери, что хочешь! Бери козу любую!

– Бери в жены любую из девушек нашего племени, – произнес старичок с желтой бородой.

И пока Пашка с Алисой поднимали старичка на ноги, из хижин выбежали девушки. Все они, толстые и худые, звенели кольцами и браслетами, смотрели на Пашку влюбленными глазами и согласны были тут же выйти за него замуж.

Алиса не выдержала, засмеялась, а Пашка сказал:

– Товарищи девушки, это лишнее. Чудовище я еще не поборол. Вернемся, поговорим. Пока что я о женитьбе не думал.

– Мы будем ждать! – хором закричали все девушки деревни.

– Куда идти? – спросил Пашка. Он чувствовал себя героем.

Старичок показал в сторону гор.

– Идите по тропинке, – сказал он.

– Мне бы вооружиться, – спохватился Пашка. – У вас что есть? Я бластер на борту оставил.

Это была ложь, бластера у Пашки не водилось, но он полагал, что любой богатырь и чудовище-борец должен быть достойно вооружен.

– Оружие? – Старичок подергал себя за косичку-бороду и послал Пашкиных невест искать по хижинам оружие для освободителя.

Через минуту у Пашкиных ног лежало двадцать копий с каменными и медными наконечниками, три лука со стрелами, палица, дубинка и большой тупой нож.

Пашка в растерянности глядел на это богатство. Он представлял себе бой с чудовищем несколько иначе.

– А чего-нибудь огнестрельного у вас нет? – спросил он.

– Огнестрельного? – Старичок Пашку не понял.

– Огнестрельное оружие стреляет огнем и пулями, – объяснил Пашка.

– Огнестрельное бывает только у дракона, – сказал старичок. – Мы – люди, нам такое ни к чему.

– Ладно уж, – сказал Пашка. Он поднял из пыли нож и заткнул за пояс.

Потом обернулся к Алисе, которая, не скрывая улыбки, наблюдала за приготовлениями к бою.

– Алиска, – сказал он, – если ты останешься, иди на корабль. Если пойдешь со мной, вооружайся.

– Не спеши, – ответила Алиса. – Мы же ничего не знаем.

И пока Пашка переминался с ноги на ногу – ему не терпелось победить чудовище, – Алиса выспросила у старичка, что он знает о чудовище. Оказалось, не так уж и много. Чудовище не пускало их в лес, к роднику. Оно кидало камни, рычало, шумело, оно даже могло устроить лесной пожар. Показываться оно не любило, предпочитало таиться в чаще и пугать оттуда. Шкура у него блестящая, как у дракона, собой оно массивное с громадными лапами и выпученными глазами. Вот, пожалуй, и все. Если кто и видел чудовище вблизи, так это богатырь из соседней деревни. Но пока у него не заживет язык, богатырь ничего не расскажет.

Потом старичок с невестами показали тропинку, которая вела к роднику, даже проводили друзей до козьего загона, но дальше никто не осмелился сопровождать героев. Старичок хмурился, а девушки не скрывали слез.

– Мы будем молить богов, чтобы вы благополучно вернулись, отважные пришельцы! – кричали вслед невесты. Они понимали, что там, где

не справился настоящий богатырь из соседней деревни, вряд ли счастье улыбнется малолетнему жениху. Но так хотелось надеяться...

Алиса и Пашка шли по узкой тропинке, уклоняясь от колючек и отмахиваясь от слепней. Воздух был неподвижный и густой от жары.

Они пересекли запущенное поле, над которым поднимались засохшие стебли.

Пашка сбросил куртку и повесил ее через плечо.

Он обернулся к Алисе, которая шагала сзади, и сказал хрипло:

– Могли бы нам фляжку с водой дать.

– Они бы дали, – ответила Алиса, которой тоже ужасно хотелось пить. – Но ты так спешил сражаться с чудовищем, что забыл их попросить.

– А у тебя что, языка нет? – огрызнулся Пашка. – О хозяйстве в походе заботятся женщины.

Тропинка стала совсем узкой. Кусты кончились, вокруг стояли корявые деревья с редкими узкими листьями, которые почти не давали тени. На ветках грелись ящерицы.

– Может, и нет никакого чудовища, – сказал вдруг Пашка. – Одна видимость.

Алиса поняла, что Пашка ищет предлог вернуться на корабль, но промолчала. Пашка к любому слову придерется.

– Они ведь совершенно первобытные люди, – продолжал Пашка. – У них дикое воображение. Увидят камень, а думают – слон.

И в этот момент до них донеслось глухое рычание. Этот звук трудно было с чем-нибудь сравнить. Похоже, что какая-то большая машина разводит пары. В наступившей тишине было слышно, как трещат сучья, – нечто огромное и могучее пробивалось к ним навстречу сквозь чащу.

Ребята замерли. Даже по тому, как трещат сучья, можно было догадаться, что чудовище не придумано жителями деревни. И оно очень большое.

– Тише, – прошептал Пашка. – Нам нужно к нему поближе подобраться, посмотреть. Только чтобы оно нас не заметило.

Алиса подумала: «Какой Пашка храбрый. Вот я испугалась, а Пашка ничуть не испугался. Он даже рад, что чудовище наконец объявилось».

Треск и шум прекратились. Видно, чудовище не знало, где притаились его враги.

– Сойдем с тропинки, – прошептал Пашка, – попытаемся обойти его лесом.

Они осторожно взяли вправо. Деревья были колючие, ноги проваливались в песок и застревали в перепутанных корнях. Идти было трудно...

И вдруг впереди послышался оглушительный треск.

Потом снова тишина. Только жужжат мухи.

Ребята застыли на месте. Минута, две, три...

Ничего не произошло. Пошли дальше.

Когда они подобрались к тому месту, откуда слышался треск, оказалось, что несколько деревьев повалено так, что получился непроходимый завал. Деревья упали только что – даже листья на них не успели пожухнуть.

– Давай вернемся, Пашка, – сказала Алиса. – Я боюсь, что такое чудовище нам не по зубам. Долетим до Паталипутры, попросим, чтобы сюда наведались зоологи. Они лучше знают, как обращаться с чудовищем.

– Нет, – сказал Пашка твердо. – Сначала мы на него поглядим.

Через завал они перебрались там, где его край упирался в склон холма.

Дальше шли медленно, стараясь не наступить на сучок, готовые при первом признаке опасности броситься наутек.

С холма, на который они взобрались, была видна низина, поросшая редкими деревьями и зеленой травой. За низиной поднималась каменная стена.

– Чего же оно молчит? – прошептала Алиса. – Наверное, подстерегает.

– А я думаю, что оно нас потеряло, – сказал Пашка.

– Тогда подождем, – сказала Алиса. – Посмотрим, что оно будет делать.

– Может, ты и подождешь, – не согласился Пашка, – а я скоро умру от жажды. Знаешь как сделаем: ты сиди здесь и смотри. Как только опасность – кричи мне. А я спущусь вниз и поищу воды. Потом тебя позову.

Алиса согласилась остаться на наблюдательном посту.

Пашка, пригибаясь, побежал вниз, виляя среди стволов.

Ближайшее к нему дерево вдруг покачнулось и начало падать.

Пашка отпрыгнул.

Дерево ухнуло в траву.

Видно, Пашка решил, что дерево упало само по себе. Он взял правее. Но тут же рухнуло другое дерево – Пашка чуть было под него не угодил.

Это Пашку всерьез рассердило.

Он поднялся во весь рост, вытащил свой нож и закричал:

– Трусливая скотина! Выходи на бой! Чего прячешься?

В листве деревьев за стволами что-то блеснуло. Чудовище!

Оно медленно приближалось к Пашке.

– Назад, Пашка! – крикнула Алиса. – Оно нападает!

Пашка не стал испытывать судьбу – как заяц он взлетел обратно на холм.

– Что же делать? – сказал он, стараясь отдышаться. – Надо что-то придумать. Зря я лук не взял – сейчас бы пустить в него стрелу. Оно бы взвыло и выскочило на открытое место.

Но чудовище не спешило выходить на открытое место.

И это было совершенно удивительно, потому что ни Алисе, ни Пашке еще не приходилось встречать говорящих чудовищ.

– Уходите! – пронесся над лесом глухой голос. – Уходите, пока целы!

– Этого нам не хватало! – сказала Алиса. – Значит, это не ящер и не дракон...

– Снежный человек? – предположил Пашка.

– А может, здешние драконы разумные?

Пашка приподнялся и крикнул:

– Чудовище, ты меня слышишь?

– Уйди! – раздался голос в ответ.

– Я не уйду, – ответил Пашка. – Пока тебя не победю! Нет, пока тебя не побежу... Пока тебя не одолею!

– Уйди! – тупо протянуло в ответ чудовище.

– По-моему, – сказал Пашка, – оно умом не отличается.

– Нам от этого не легче, – сказала Алиса.

– Нет, легче. Значит, мы его перехитрим. Мы сделаем так. Ты останешься на холме, так, чтобы чудовище тебя видело. И будешь с ним разговаривать. А я окружу его...

– Это опасно, – испугалась Алиса.

– Мы с тобой космические волки. Не нам бояться отсталых чудовищ на отдаленных планетах.

С этими словами Пашка быстро пополз в сторону, а Алиса, стоя так, чтобы ее было видно, закричала:

– Чудовище, чем мы тебе помешали? Почему ты нас не пускаешь?

– Нельзя, – проревело чудовище. – Не хочу!

– Это не ответ, – сказала Алиса. – Мало ли чего кому хочется. Мне хочется пить, а ты не даешь. Разве это правильно?

– Уходи, – ответило чудовище, видно, ничего умнее не придумало.

Алиса кинула взгляд направо. Пашка скрылся в кустах.

Чудовище может услышать, как ползет Пашка, подумала Алиса. Надо отвлекать его энергичнее.

– Слушай, чудовище! – воскликнула Алиса. – Сейчас я пойду к тебе. Я тебя не боюсь. И ты пустишь меня к роднику.

– Нельзя! – зарычало чудовище в ответ.

Алиса стала спускаться с холма.

– Я могучий, я страшный! – раздался голос чудовища. – Я обвалю на тебя скалы, я подниму против тебя горы! Беги, ничтожное создание!

И для того чтобы доказать силу, чудовище начало раскачивать вершины деревьев, и далеко впереди со скалы начали сыпаться камни.

Любопытно, думала Алиса, продолжая спускаться. Оно не нападает. Пугает, кричит, но само не нападает. Казалось бы – что может быть проще для чудовища, если оно видит, какие маленькие его враги? Может быть, оно боится, что Алиса вооружена? А может быть, оно не умеет бегать?!

Алиса спустилась с холма в низину.

Перед ней лежало сваленное дерево. Надо было через него перелезть.

Алиса с опаской поглядела на соседнее дерево. Как бы оно не рухнуло. Чудовище было мастером валить деревья.

Как там Пашка, подумала Алиса. Скорее бы уж он зашел в тыл чудовищу. Пока оно не подозревает о Пашкиной хитрости. Ну что ж, продолжим разговор.

– Только попробуй погубить еще одно дерево! – крикнула Алиса. – Я очень на тебя рассержусь. Видишь, я иду к тебе.

– Нельзя! – Голос чудовища раздался совсем близко. – Дальше ни шагу нельзя.

– Можно, – ответила Алиса. Она уже поняла, что чудовище что-то защищает. Вернее всего, свое гнездо, своих детенышей.

Дерево перед Алисой зашаталось.

Сквозь листву она разглядела лапу чудовища, которая оканчивалась двумя пальцами.

Лапа была велика – каждый палец размером с руку Алисы.

Но что же неладно? Конечно же!

Лапа была металлической!

А металлических чудовищ, как известно, природа пока не изобрела.

– Стой! – крикнула Алиса. – Приказываю, замри!

Рука замерла. Дерево, накренившись, шелестело листьями.

– Ты робот? – спросила Алиса, стараясь, чтобы ее голос не дрогнул. – Отвечай!

– Отвечаю, – послышался голос из чащи. – Я робот.

– А я человек, – сказала Алиса. – Неужели ты не знаешь об этом? Неужели тебя не научили, что ты не имеешь права причинить человеку вред?

– Уйди, – сказал робот. – Я не причиню тебе вреда. Но дальше ты не пойдешь.

– Покажись мне, не бойся, – приказала Алиса. – Я без оружия. Я не буду на тебя нападать.

Она смело пошла вперед и чуть не налетела на громадного робота, который стоял в самой чаще.

Такого робота Алисе еще не приходилось видеть.

Ростом он был с двухэтажный дом, держался на трех лапах коротких мощных ног, а над «туловищем» поднималась полушарием голова с выпуклыми глазами, которые поочередно вспыхивали красным светом. У робота было две длинные членистые ручищи, они кончались металлическими пальцами. Правда, с одной рукой что-то было неладно – она была прижата к длинному туловищу и неподвижна.

При виде Алисы робот начал отступать и показался ей похожим на жука, который испугался муравья.

– Ты куда? – спросила Алиса.

– Уйди, – прогудел робот. – Нельзя!

– Робот, ты мне надоел, – сказала Алиса. – Сколько можно повторять одно и то же? Роботы так себя не ведут. Они должны слушаться людей, а не пугать их. Ты знаешь, что из-за тебя целая деревня сидит без воды? Что люди не могут поливать поля и останутся без урожая. Ты о людях хоть раз подумал?

Робот продолжал отступать к скале, в которой чернела узкая расщелина.

Он с трудом втиснулся в расщелину и застрял в ней, выставив вперед железную руку.

«Хорошо мне сейчас, – подумала Алиса. – Я-то знаю, что это робот. Большой служебный робот, который потерялся. Может быть, его забыла экспедиция, и от одиночества робот сошел с ума».

Алиса знала, что подобные машины служат на кораблях и в экспедициях грузчиками, носильщиками и ремонтниками и к тому же охраняют членов экипажа.

Ростом он был с двухэтажный дом, держался
на трех лапах коротких мощных ног.

«Хорошо мне, а каково бедным здешним крестьянам? Они никогда не видели автомобиля или ракеты, даже о телеге не знают. А тут – служебный робот высотой в шесть метров. К тому же рычит, пугает, блестит и мигает огнями...»

Алиса подошла к роботу поближе.

– Простите, – сказала она. – Почему вы здесь оказались? Вас забыли? Скажите, откуда вы, я обязательно сообщу на вашу планету или базу, и за вами прилетят. Я даю вам слово.

Алиса была почти уверена, что робот, если кибернетический мозг цел, обязательно успокоится и ответит, как положено разумной машине.

Но робот, ничего не отвечая, продолжал отчаянно втискиваться в расщелину.

Алиса решила позвать Пашку. Теперь, когда чудовище оказалось не чудовищем, его хитрые маневры потеряли смысл.

– Павел! – закричала Алиса. – Па-ша! Иди сюда! Это всего-навсего робот!

С громким скрежетом, смяв себе бока, робот все же протиснулся задом в расщелину. Алиса не спешила за ним. Осторожность не помешает.

Она подождала, пока робот исчез между скал, и только тогда заглянула в расщелину.

В расщелине было полутемно. Впереди ухал, скрипел, трещал по всем швам отступающий робот.

На полминуты шум прервался.

И затем: удар, громкий плеск! И снова тишина...

Алиса прошла по расщелине метров тридцать. Впереди светило солнце.

Алиса остановилась на краю невысокого обрыва.

Оттуда она увидела небольшое заболоченное озеро. Чистая вода была лишь в самой середине, а по краям озеро было затянуто тиной и заросло тростником.

Робота нигде не было видно.

Алиса присела на каменную глыбу, рассуждая, что же делать дальше. Если робот подстерегает ее за скалой, то лучше не соваться туда, а подождать Пашку. Этот робот какой-то ненормальный.

И тут тростники у дальнего берега озерка расступились, и из воды показалось страшное существо.

Алиса даже не сразу сообразила, что это – робот.

Существо было густо покрыто тиной, к бокам прилипли длинные водоросли, а с вытянутой вперед руки робота они свисали густо, словно конская грива.

Буро-зеленое существо, разгребая прибрежную грязь, медленно и неуверенно выбралось на берег, и именно в этот момент из кустов на той стороне вышел забывший об осторожности друг Алисы, отважный рыцарь Павел Гераскин.

Вместо того чтобы смотреть перед собой, Пашка глядел под ноги, потому что увидел куст земляники. Он даже присел на корточки, чтобы удобнее было сорвать ягоды, и Алиса, понимая, что произойдет, если Пашка сейчас поднимет голову и увидит вблизи робота, закричала:

– Пашка! Назад!

То ли Пашка услышал крик, то ли треск тростника, но голову он поднял и замер от ужаса.

Представьте себе Пашкино положение. Ты гуляешь по лесу, ты почти забыл, за чем идешь. Никаких чудовищ нет, вокруг поют птички и звенят стрекозы. Ты нагибаешься, чтобы сорвать спелую ягоду. Потом поднимаешь голову, потому что тебе слышится какой-то шум...

А к тебе зловеще тянется зеленая волосатая ручища, что принадлежит бурой громадине, страшнее и отвратительнее которой тебе и видеть не приходилось.

Это долго рассказывать. На самом же деле события заняли ровно две секунды. За это время Пашка поднял голову, увидел замаскированного водорослями робота и сделал невероятное сальто назад из положения «на корточках». Если вам или какому-нибудь великому гимнасту удавалось совершить такое сальто без подготовки, то первое место в мире вам обеспечено.

Совершив сальто, Пашка не стал останавливаться на достигнутом.

Он понесся в лес с такой скоростью, что поставил несколько мировых рекордов. На стометровке, на двухсотметровке и по трехкилометровому бегу с препятствиями.

Опомнился он только через пять километров на вершине скалы, что поднималась круто над лесом выше десятиэтажного дома. И только там к нему вернулась способность думать.

И он принялся думать:

Как спасти Алису и предупредить ее, что чудовище непобедимо, громадно и смертельно для любого человека?

Как выбраться из леса живым и не попасться чудовищу на зуб?

Как спуститься со скалы, если ты забрался на нее неизвестно как?

Пока Пашка думал, Алиса, спокойная за его судьбу, отправилась дальше за роботом, который, ничего не видя, брел сквозь чащу, ломая деревья, словно спички.

Алисе было интересно узнать, есть ли цель в движении робота.

К тому же она еще не знала, как уговорить машину не портить жизнь обитателям деревни.

Так они и шли минут десять.

Раза два робот останавливался и пытался стереть с себя слой тины и водоросли. Он терся боками о стволы самых толстых деревьев, но деревья не выдерживали этого и, как правило, падали.

Было бы у робота две здоровые руки, он бы сумел привести себя в порядок. Но с одной рукой это сделать нелегко.

Лес становился все реже. Между деревьями попадались поляны, поросшие мягкой травой. Из травы высовывались серые спины камней.

Робот не оборачивался и не замечал, что Алиса идет следом.

Он перевалил через груду камней, и тут Алиса увидела, что впереди, в понижении между скал, лежит, накренившись, космический корабль.

Ясно, что корабль потерпел крушение.

Люк в корабль был открыт. Вокруг ни одной живой души.

Робот добрался до корабля и обернулся.

Водоросли подсохли, грязь местами отвалилась от его тела, и в тех местах проглядывал металл.

– Нельзя, – сказал робот.

Как будто только теперь сообразил, что Алиса рядом.

Но Алиса его уже совсем не боялась.

– Робот, – сказала она. – Я все поняла. Ты охраняешь свой корабль. Ты никого не хочешь убивать. Но ты не знаешь, что тебе делать и откуда ждать помощи. Разве я не права?

– Нельзя, – сказал робот. Он замолчал, словно подыскивал слова. – Авария. Всякие существа идут. Я не пускаю. Связи нет. Жду помощи.

– Отойди от люка, – сказала Алиса. – Мне надо войти.

– Нельзя.

– Я хочу помочь, – сказала Алиса. – Пойми же ты, железный цепной пес!

Она подошла к роботу, который поднял руку, чтобы помешать ей войти в люк.

Но рука двигалась плохо. Видно, и ее робот повредил, когда свалился в озеро.

Алиса наклонилась и быстро проскользнула в корабль.

Там было темно.

Робот неуверенно вошел в открытый люк следом за Алисой.

– Дай свет, – приказала ему Алиса.

Робот подчинился. Вспыхнул прожектор.

В свете его Алиса дошла до следующего люка, поменьше, который вел во внутренние помещения. Робот остановился. Он был слишком велик, чтобы войти в жилые отсеки.

– Дай сюда фонарь, – сказала Алиса.

Робот покорно вывинтил один из своих глаз и передал девочке. Фонарь был большой и тяжелый.

Алиса пошла по коридору. Вскоре она отыскала вход на капитанский мостик.

Там было пусто.

Пульт управления был почти не поврежден, но от удара некоторые приборы сдвинулись со своих мест. Очевидно, корабль шел на автоматическом режиме. Где же тогда экипаж?

Алиса подошла к пульту и постаралась его включить. Но расположение приборов было неизвестно.

Алиса обернулась и крикнула:

– Робот, ты не знаешь, как включается аварийная система обеспечения?

– Не знаю, – донесся далекий печальный голос.

Жаль, что Пашки нет, подумала Алиса. Он куда лучше меня разбирается в кораблях. Она отыскала в нише справочник по управлению кораблем и потратила не меньше получаса, прежде чем разобралась, что к чему.

Наконец ей удалось включить аварийную систему. На пульте загорелся свет. Зажглись лампы в коридорах. Один за другим включались приборы.

Ожил информационный блок.

– Что за корабль? – задала Алиса первый вопрос.

– Космический корабль первого класса «Венитор», – ответил ровный голос информатория. – Порт приписки планета Вестер. Цель полета – соседняя галактика.

– Где экипаж?

– Экипаж находится в анабиозе, – ответил информаторий. – Он будет разбужен при приближении к цели.

– Проверьте, – приказала Алиса информаторию, – состояние анабиозных ванн. Не пострадали ли члены экипажа?

Информаторий замолчал.

В корабле было очень тихо. Где-то далеко мерно падали капли. Жужжал какой-то прибор на пульте.

– Анабиозный отсек не поврежден, – ответил наконец информаторий. – Экипаж находится в ваннах. Все спят.

– Приказываю, – сказала Алиса. – Включить систему пробуждения.

– Есть включить систему пробуждения, – ответил информаторий.

Алиса поднялась с кресла.

– Как мне пройти в анабиозный отсек? – спросила она.

– Центральное ядро среднего яруса, – ответил информаторий.

– Какой код?

– 1654.

– Спасибо.

Алиса поднялась с кресла и вышла в коридор. Она знала, куда идти. Все галактические корабли построены по одинаковому принципу. Они могут отличаться в деталях, как автомобили. Но если вы увидите автомобиль, в какой бы стране он ни сделан, вы сразу догадаетесь, где у него двигатель, а где пульт.

Герметическая дверь в анабиозный отсек была задраена.

Алиса набрала код на пульте у двери, и дверь отсека медленно отошла в сторону.

Перед ней было обширное низкое помещение, в котором в два ряда висели в воздухе поддерживаемые амортизаторами ванны. В них спали члены экипажа. Ванны были рассчитаны таким образом, что даже при вынужденной посадке с ними ничего не должно случиться.

Алиса подошла к первой ванне.

В специальной жидкости лежал молодой человек. Глаза его были закрыты. Он ровно дышал.

На маленьком пульте возле ванны перемигивались огоньки.

Начался процесс пробуждения.

Алиса знала, что через несколько минут приборы осторожно и бережно изгонят из тела космонавта глубокий сон, затем жидкость уйдет из ванны и человек откроет глаза.

Это случится минут через десять.

Все в порядке. Приборы работают нормально. Люди живы.

Стоять и ждать, пока проснется экипаж, не было смысла.

Алиса вышла из анабиозного отсека и пошла по коридору к выходу.

Ей хотелось сказать верному роботу, что его вахта закончилась. Больше охранять потерпевший бедствие корабль не надо. Ничто не угрожает жизни экипажа.

Робот все также стоял перед входом в жилую часть корабля.

Он осветил Алису последним глазом.

Алиса зажмурилась и подняла руку, чтобы закрыться от яркого света.

– Перестань, – сказала она. – Давай выйдем наружу. Скоро ты увидишь своего капитана.

– Ты... их... вернула? – спросил робот.

– Да. Аварийная система, к счастью, цела. Через несколько минут экипаж проснется.

– Я охранял, – сказал робот. – Моя задача – охранять людей до последней возможности. Были опасности. Были чужие существа. Я не делал вреда. Я никого не пускал в зону корабля. Я прав?

– Не совсем, – сказала Алиса. – Защищая свой корабль, ты мешал жить другим людям, которых ты называешь существами.

– Они не были разумные, – сказал робот. – Они кидали в меня камни, они хотели меня разрушить. Они могли разрушить корабль. Я их не убивал. Я только пугал и не пускал.

– А заодно не пускал их к роднику. И они остались без воды.

– Это не входило в мою программу, – сказал упрямо робот.

– Ну что с тобой делать! – вздохнула Алиса. – Вылезай из корабля. Мне надо отыскать друга. Ты так его испугал, что я не знаю, где его искать.

– На корабле есть система оповещения, – сказал робот. – Мы включим громкоговоритель, его слышно за десять километров. Твой друг услышит и придет.

С этими словами робот вылез из люка на траву.

Но не успел он сделать и шага, как из-за скалы вылетел камень и ударил его в лоб.

Бзззнк! – разлетелся вдребезги фонарь-глаз робота.

Робот, защищаясь, поднял единственную руку.

Тут же второй камень ударился в руку.

– Перестаньте! – закричала Алиса. – Что вы делаете! Ваш родник свободен!

– Вот и я говорю, – печально заметил робот. – Эти существа совсем дикие. Я был обязан защищать от них корабль.

И в этот момент дикое существо выбежало из-за скалы.

Это был Пашка Гераскин, который соорудил из лианы пращу и так удачно метал камни в робота.

– Алиса! – кричал он на бегу. – Ты жива?

– Эх, Пашка, – сказала Алиса. – Неужели не видишь, что здесь космический корабль. Разве можно кидать камни?

– Я потому и кидал, что увидел, как это грязное чудовище забралось внутрь.

– А меня ты не заметил?

– Честное слово, не заметил. – Пашка остановился в отдалении, с опаской поглядывая на робота. – Я вижу – потерпел бедствие корабль. А это чудовище лезет внутрь.

Что делать? Тогда я сел в засаду и стал ждать. Вдруг вижу – оно вылезает снова! Вот я и запустил ему в глаз!

– Дикое существо, – сказал робот. – Теперь меня придется чинить.

– Это робот? – удивился Пашка.

– Служебный корабельный робот модели КР, к вашим услугам, – сказал робот.

– В меня здесь все кидают камнями.

– Зачем же такая маскировка? – спросил Пашка.

– Это не маскировка, это нечаянно, – сказал робот и принялся очищать с себя водоросли и остатки грязи.

– Я преследовал его по всему лесу, – сказал Пашка. – Еле догнал. А теперь оказывается зазря.

Алиса не стала напоминать Пашке, что видела, как он удирал от робота возле озера. Зачем портить человеку настроение? Ведь Пашка уже искренне верит, что он – победитель роботов.

В люке появился человек в комбинезоне. Он был еще слаб и держался за раму.

– Что произошло? – спросил он. – Это какая планета?

– Здравствуйте, капитан, – первым ответил робот. – Корабельный робот системы КР докладывает: за время моего дежурства происшествий почти не было. Но планета мне не понравилась.

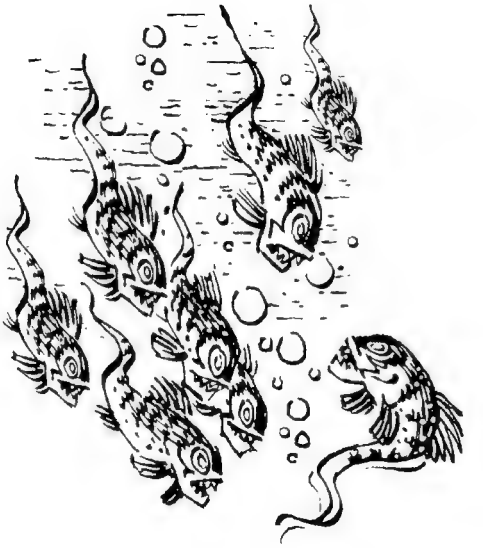
– Я вам все объясню, – сказала Алиса.

– Только сначала мы хотели бы напиться, – добавил Пашка. – У нас с утра во рту ни капли воды не было.

– А потом вернемся в деревню, – улыбнулась Алиса. – Местные жители ждут возвращения героя.

Пашка уж готов был согласиться, но вспомнил, сколько у него в деревне невест, и быстро сказал:

– Как-нибудь в другой раз.



Город без памяти

Вступление
О СТАРЫХ И НОВЫХ ЗНАКОМЫХ

Стоянка перед космовокзалом была переполнена, и Алисе пришлось минут пять кружить над ней, пока не освободилось место для ее флипа. Она пролетела совсем низко над рощей кокосовых пальм. Орехи уже созрели, дрессированные мартышки срывали их и метко кидали в корзины. С низким, почти неслышным гулом с космодрома поднялся рейсовый Москва – Марс, на несколько секунд завис неподвижно над полем, затем стремительно понесся к облакам.

Август подходил к концу, погода капризничала, даже бюро прогнозов не могло ее толком наладить. У входа в космовокзал громко перекликались туристки с Пилагеи в разноцветных париках, синий робот вынес из автобуса громадный букет орхидей, пожилая воспитательница пересчитывала галдящих малышей. У каждого малыша в руках розовый кристалл, значит, они вернулись из своей первой межпланетной экскурсии: такие кристаллы дают каждому, кто впервые побывает на Ганимеде...

Но для Алисы этот день был необычным.

Она провожала «Днепр».

Как быстро бежит время! Всего месяц назад они с Пашкой Гераскиным опускались в батискате в глубины Тихого океана, спасались от морского змея, сражались на кладбище погибших кораблей и нашли затонувшую Атлантиду. И все это далеко в прошлом. Через две недели идти в школу, в седьмой класс, и все вокруг твердят: «Алиса, ты не ребенок, ты подросток, ты должна быть серьезной!» Раньше она всегда торопила время, ей хотелось скорее вырасти, чтобы прекратилось это бесконечное детство, когда каждый тебя учит, каждый что-нибудь запрещает, каждый дает полезные советы. Вот детство и прошло. Хорошо это или плохо?

Желтый, в черных кружках, похожий на божью коровку флип взвился со стоянки. Алиса сразу бросила свою машину вниз, чтобы занять его место. Времени до отлета «Днепра» оставалось в обрез. Жалко, если опоздаешь. Ведь еще неизвестно, увидит ли она когда-нибудь снова атлантов с Крины, которых они с Пашкой отыскали на дне Тихого океана.

Алиса выскочила из флипа и побежала на космовокзал.

Она не сразу разглядела в шумящей толпе своих друзей. Пашка первым заметил ее и закричал:

– Алиса, мы здесь!

Они стояли у ландышевого фонтана: капитан Полосков, с которым Алиса когда-то летала на «Пегасе» за дикими зверями, механик Зеленый, его рыжая борода поседела, а голубые глаза, как и прежде, были печальны, Тадеуш с видеокамерой через плечо, его прекрасная жена Ирия Гай, Пашка Гераскин и криняне.

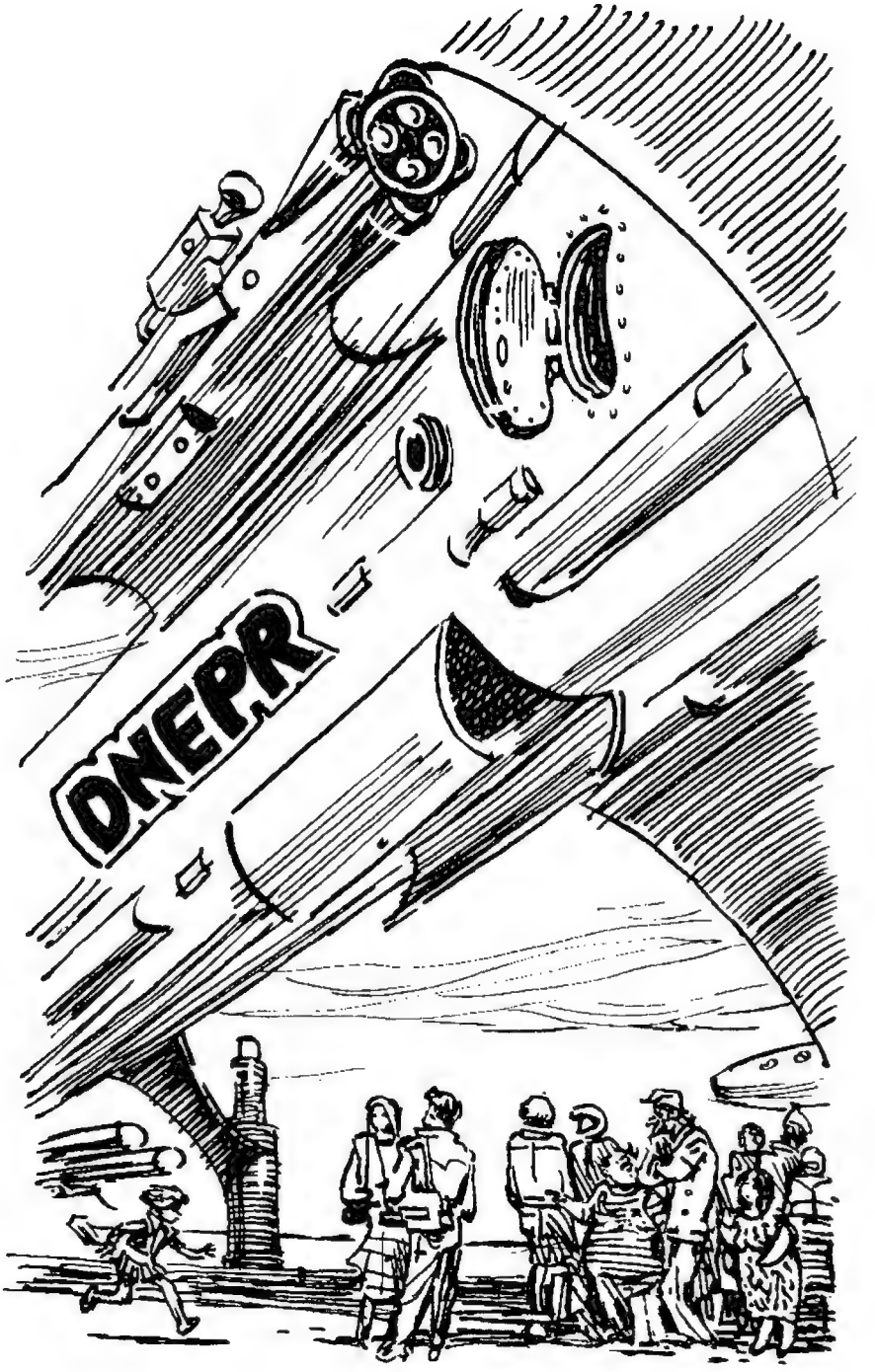
Сначала Алиса подошла к кринянам.

– Здравствуйте, атланты, – сказала она.

Когда Алиса с Пашкой встретили их в подземельях Атлантиды, криняне старались убедить непрошеных гостей, что они – потомки атлантов. Только потом стало известно, что это не атланты, а жители планеты Крины, члены экспедиции, которые были заточены под дном океана, после того как неожиданно и таинственно прервалась связь с их планетой.

А теперь космический корабль «Днепр», которым командует капитан Полосков, должен помочь им вернуться домой. И разгадать тайну: почему двести пятьдесят лет назад связь с Криной прервалась и с тех пор никто в Галактике не знает, что же произошло с этой планетой.

– Ах, Алисочка! – воскликнула Афродита, бывшая наследница престола Атлантиды. – Я так рада тебя видеть! Я надеюсь, что ты обо мне не забыла?



Алиса выскочила из флипа и побежала на космовокзал.

За месяц на Земле наследница помолодела, лицо ее стало розовым, глаза блестели. Но, даже помолодев, Афродита совсем не была похожа на прекрасную греческую богиню. Она осталась пожилой толстой женщиной, которая так и не смогла расстаться с детством.

– Я о тебе не забыла, – улыбнулась Алиса и достала из сумки свою старую куклу, которую нашла в ящике под кроватью.

– Ах! – воскликнула наследница. – Какое счастье! Я так скучаю без моих кукол, которые остались в Атлантиде! Меня здесь никто не любит и никто не дарит мне игрушек.

– Афродита, ты не права! – возмутился ее отец, толстый старик Меркурий. – Мы загрузили в корабль два контейнера с игрушками.

– Это не те игрушки! – ответила Афродита. – Это не любимые игрушки!

Худой, высокий Посейдон, глядя на которого никогда не подумаешь, что ему уже триста лет, положил сухую руку на плечо Алисе.

– Когда все уладится, – сказал он, – я буду тебя ждать. Прилетай к нам.

– А я? – вырвалось у Пашки Гераскина.

– Разумеется, ты тоже, наш отважный юный друг, – сказал Посейдон.

Робот, которого Алиса заметила, когда кружила над космовокзалом, подъехал к ним и спросил:

– Могу я видеть сейсмолога Посейдона с планеты Крина?

– Это я, – ответил старик.

– Примите, пожалуйста, этот скромный букет орхидей, – сказал робот, – от благодарных жителей гавайского города, который вы спасли от землетрясения.

Он протянул букет Посейдону. Тот смутился и ответил:

– Этот букет по праву принадлежит Алисе. Ведь она настояла, чтобы мы срочно поднялись наверх. Иначе бы никто не узнал о землетрясении.

Но, разумеется, Алиса букета не взяла.

Мастер Гермес стоял в стороне. Он так и не расстался со своим сундучком, где хранил инструменты. Много десятилетий он ходил с ним по переходам и залам Атлантиды, заделывая дыры, починяя трубы. Вот и везет его через всю Галактику домой.

Подошел невысокий седой человек со шрамом через щеку. Когда-то знаменитый капитан Симак, теперь начальник Космофлота.

– Вы готовы? – спросил он.

– Корабль «Днепр» к полету готов, – ответил Полосков.

– Хочу еще раз предупредить вас об осторожности, – сказал Симак. – Наладить связь с Криной так и не удалось. Никто в Галактическом центре не знает, что там произошло. Ни один корабль с Крины не появлялся на населенных планетах. Ни один корабль не был там.

Алиса знала об этом. Уже месяц все газеты и телестанции рассказывали об этой тайне. Но педантичный Симак счел необходимым еще раз напомнить экипажу о сложности их задачи.

– Мы будем осторожны, – ответил Полосков.

– Вы отвечаете за безопасность наших гостей, капитан. Кринянам и без того пришлось многое пережить.

– Я обязательно вернусь на Землю! – воскликнула Афродита. – Здесь замечательные игрушки!

Симак вежливо кивнул и сказал механику Зеленому:

– Я очень рассчитываю на ваш пессимизм. Все знают, что вместо вопроса «Как дела?», вы говорите...

– «Что у нас плохого?» – хором ответили за Зеленого Алиса и Пашка.

Остальные рассмеялись. Даже сам Зеленый улыбнулся, хотя не выносил, когда над ним смеются. Но тут же согнал с лица улыбку и произнес:

– У нас еще немало недостатков. Некоторые дети плохо воспитаны.

– Они уже не дети, – сказал Тадеуш. – Они семиклассники, подростки.

– Прошло пять лет, как мы летали с Алисой на «Пегасе», – добавил Полосков.

Симак посмотрел на часы.

– Все, – сказал он. – Пора прощаться. Желаю счастья вам, криняне. И пускай наша с вами дружба станет началом дружбы между Криной и Землей.

– Спасибо, – ответил за кринян Посейдон.

Тадеуш обнял свою жену.

– Наступает осень, – сказал он. – Когда станет холодно, не надо открывать без нужды окна и закалять Вандочку.

– Не бойся, – ответила Ирия. – Даже если бы я захотела ее закалять, Гай-до никогда не разрешит.

Расставшись с экипажем и пассажирами экспедиции, Алиса, Пашка и Ирия Гай поднялись на крышу космовокзала. Они видели, как автобус подкатил к распахнутому люку «Днепра» и их друзья вошли в корабль. Автобус укатил обратно, люк закрылся, на вершине диспетчерской башни замигали сигнальные огни. Еще через несколько минут «Днепр» осторожно оторвался от летного поля и начал подниматься к облакам. Моросил дождик.

Ирия Гай незаметно смахнула слезу. Она обожала своего мужа и не выносила, когда тот улетал в экспедиции. Но что поделать, если твой муж космобиолог.

«Днепр» вонзился в серые облака и исчез.

– Полетели ко мне во Вроцлав, – предложила Ирия Гай.

– Спасибо, – сказала Алиса. – С удовольствием. Только не сегодня.

– На той неделе, – сказал Пашка. – Бюро прогнозов обещает хорошую погоду и много грибов.

– Правильно, – согласилась Алиса. – Мы навестим вас перед самым началом занятий. Я соскучилась по Гай-до.

– Замечательно! – сказала Ирия. – Гай-до каждый день о вас спрашивает.

На том и договорились.

Глава первая
«ДНЕПР» НЕ ОТВЕЧАЕТ

Есть под польским городом Вроцлавом небольшой домик на краю леса. Там живут космический биолог Тадеуш, его любимая жена инопланетянка Ирия Гай и их дочка Вандочка. А рядом с домом в саду стоит самый быстрый, умный и добрый космический корабль по имени Гай-до, построенный когда-то отцом Ирии.

В пятницу, как раз к обеду, Алиса и Пашка Гераскин прилетели к Ирии в гости.

В саду было пусто. Пашка осторожно опустил флип на дорожке возле большой клумбы с флоксами и выскочил первым.

– Алиса! – воскликнул он. – Гляди, какие яблоки!

Яблоки и в самом деле были удивительными. Дерево было густо усыпано красными, белыми, зелеными, желтыми, оранжевыми, длинными, круглыми, большими, маленькими плодами. Словно все существующие сорта яблок собрались на одном дереве.

– Тадеуш вывел, – послышался низкий голос. – Я ему помогал советами.

– Гай-до! – Алиса обернулась.

Кораблик был прикрыт кустами орешника.

Алиса кинулась к старому другу.

– Как ты? Не скучаешь? Ты совсем не изменился!

– Все меняется, – ответил кораблик и засмеялся. Он был рад видеть старых друзей. – Грустно лишь, что тебя забывают.

Из округлых боков кораблика вылезли два манипулятора, и они раздвинули кусты, чтобы лучше видеть Пашку и Алису.

– Честное слово, мы тебя не забывали! – сказала Алиса. – Но это лето было такое занятое. Мы были на острове Яп, опускались в океан в батискате...

– Не надо лишних слов, – ответил Гай-до. – У меня есть телевизор, и я отлично знаю, что вы открыли Атлантиду. И Пашка, подозреваю, наделал там немало глупостей.

– Ну, это еще надо доказать, – возразил Пашка.

Сзади послышались быстрые шаги.

По дорожке к ним бежала Ирия Гай в домашнем халатике и переднике. В руке она держала поварешку.

– Мои дорогие! – закричала она. – Приехали! Какое счастье! Я совсем извелась от тоски.

– Обещали – сделали, – сдержанно ответил Пашка.

Ирия начала обнимать и теребить Алису, а Пашка отступил на шаг в сторону. Он обожал Ирию Гай, но испугался, что его тоже поцелуют. А поцелуев он, понятное дело, не выносил.

Вдруг внутри кораблика послышался детский плач.

– Простите, – сказал Гай-до, – Вандочка проснулась, пора ее кормить. Ты сама ее будешь кормить, хозяйка, или мне доверишь?

– Доверю, – сказала Ирия, потому что знала, как обидится корабль, если отнять у него обожаемую Вандочку. – Только сначала покажи ее моим друзьям.

Из открытого люка появились манипуляторы, которые держали розовую подушку. На подушке лежала годовалая девочка и сосала палец. Вандочка хныкала, и, когда Ирия взяла ее на руки, Гай-до проворчал:

– Сначала покормим, а потом, мамаша, будете играть с ребенком.

Но Ирия не послушалась и взяла девочку.

Девочка сразу перестала хныкать, а Гай-до сказал:

– Ты ее избалуешь. У этих мамаш никакого представления о педагогике.

Но Ирия его не слушала. Они с Алисой принялись обсуждать, на кого похожа Вандочка: сиреневые глазки от мамы, носик от папы, губки... губки вроде бы от мамы... а может быть, от папы...

Пашке этот пустой женский разговор быстро надоел, и он полез в Гай-до поглядеть на пульт управления.

К своему удивлению он обнаружил, что внутри Гай-до все переделано. Похоже, что кораблю уже никогда не подняться в небо. Всю середину кубрика занимали детские вещи: люлька, бутылочки и тарелочки с пищей, пеленки, чепчики, игрушки... а вокруг были разбросаны многочисленные книжки о воспитании, кормлении и лечении маленьких детей. Целая библиотека на множестве языков.

– Ну, ты даешь, старина Гай-до, – сказал неодобрительно Пашка. – Видно, совсем забыл, как мы с тобой сражались в глубоком космосе.

– Ты не понимаешь, Пашка, – ответил Гай-до. – Самое благородное дело в мире – воспитывать младенцев. Ты еще не дорос до отцовской любви.

– И не спешу дорастать, – ответил Пашка. Он был расстроен, словно его предал лучший друг. – К тому же я думал, что если у тебя и будут дети, то железные.

– Не издевайся, – грустно ответил Гай-до. – Мне не дано стать отцом, но мне доступна любовь.

– Пашка! – позвала снаружи Алиса. – Пошли, окунемся в речке! Через десять минут обед.

Тут же в корабль вернулись внутренние манипуляторы, которые принесли подушку с Вандочкой. Ванда сидела, сосала конфету и улыбалась.

Манипуляторы осторожно положили девочку в люльку и принялись быстро готовить ей обед. С потолка спустилась третья рука и ловко отняла конфету.

– Перед обедом, – сказал Гай-до, когда девочка заревела, – хорошие дети не едят конфет, чтобы не испортить аппетита. А хорошие родители не дают малышам конфет за пять минут до обеда!

– Нет, – вздохнул Пашка, – мне с тобой не по пути.

Он выскочил из люка, взял свою сумку, и они с Алисой побежали купаться.

Речка была тихая, чистая, неглубокая, к ней склонялись ивы, рыбья мелочь прыскала в разные стороны от купальщиков. Вода была холодной, Алиса окунулась, вылезла на берег, достала кассету с записью языка планеты Крина и принялась учить. Пашка еще долго плескался, больше из упрямства, чем для удовольствия, вылез посиневший, зубы стучали, весь покрыт гусиной кожей. Он долго прыгал на берегу, залез на дерево, сорвался, снова залез. К обеду они конечно же опоздали, Ирия сердилась, что приходится подогревать суп.

Алиса глядела на Ирию и думала: «Как удивительно в ней уживаются два совсем разных человека. Один человек – домашняя хозяйка, хлопотунья, повариха: «Ах, как бы Тадеуш не простудился!», «Ах, как бы пчела не укусила Вандочку!». Второй человек – тот, которого воспитывал отец: боец, альпинист, отличный стрелок, победивший узурпатора на планете Пять-четыре, конструктор космических кораблей. Сегодня перед нами первый человек. А что будет завтра? Попробуй кто-нибудь обидеть ее Тадеуша или ее друзей. Тогда посмотрим!» Обед был чудесный: суп с грибами, фритки – польская жареная картошка, тушеное мясо с ананасами, коктейль из кокосового молока, мангустины, которые Ирия выращивает в теплице... Алиса еле живая отвалилась от стола, глаза слипались. Но Пашка отважно сражался с третьей порцией малинового мороженого.

Алиса поднялась наверх, в свою комнату, поглядела сверху на сад. Погода испортилась, снова пошел дождик, Гай-до стоял посреди кустов,

круглый, толстый, блестящий от дождевых струй, стекавших по нему. Он мерно покачивался и пел колыбельную песню на польском языке – видно, укачивал Вандочку.

Алиса свернулась калачиком на диванчике, успела подумать: «Какой здесь свежий, душистый воздух...» – и заснула.

Когда она поднялась, уже стемнело. Снизу раздавались голоса.

Она выглянула в окно. Пашка размахивал старинной саблей дедушки Тадеуша, сражаясь с большим чертополохом, Гай-до умолял его не шуметь, чтобы не разбудить Алисочку. У Гай-до замечательная интуиция. Даже не видя Алису, он точно знал, спит она или нет.

– Ну вот, – услышала Алиса голос кораблика, – разбудил мою красавицу.

– Спать после обеда вредно! – ответил Пашка и сделал выпад. Но промахнулся. Потом поднял голову, увидел в открытом окне Алису и добавил:

– Купаться пойдешь?

– Ни в коем случае.

– Купанье под дождем, – заявил Пашка, – закаляет лучше, чем подъем на Эверест. Хотя некоторые трусливые девчонки предпочитают вышивать гладью.

– Ах, гладью! – возмутилась Алиса, вскочила на подоконник и прыгнула вперед, чтобы достать до ветви могучего дуба, что рос возле дома. Ветвь спружинила, прогнулась, но Алиса уже перелетела на следующую, пониже, оттуда, метров с трех, прыгнула на землю. Пашка не успел отбежать и потому в мгновение ока был повержен.

– Ты что! – закричал он. – Больно же!

– Берешь свои слова обратно? – спросила Алиса.

– Ура! – закричал Гай-до. Он принялся стучать манипуляторами, изображая аплодисменты.

Пашка изловчился, вырвался. Ему было не очень приятно, что его победила Алиса.

– Ладно уж, – сказал он. – Я пошутил.

Из домика выглянула Ирия и позвала всех пить чай.

Чай пили на террасе, потому что Гай-до было скучно одному и хотелось поговорить.

Беседовали о планете Крина. Что могло с ней случиться?

Пашка, конечно, предположил, что на нее напали космические пираты или Черный странник.

– Конечно, – сказала Ирия, – этого исключать нельзя. В Галактике еще немало сохранилось всякой нечисти. Но все же мне кажется, что Паша не прав. Черный странник был один. Другого в Галактике никто не знает. И он давно погиб. А пиратам, даже если все пираты соберутся вместе, целую планету не захватить. Ведь Крина была цивилизованной планетой. Криняне могли путешествовать между звезд, у них была развита наука. Нет, здесь что-то иное...

– Эпидемия, – предположила Алиса.

– Это больше похоже на правду, – вмешался в разговор Гай-до. – По имеющейся у меня информации, по крайней мере три планеты за последние двести лет погибли из-за эпидемии. На Перикюле после космической чумы, которую занесла одна из экспедиций, спаслось лишь несколько человек. Что касается второго случая, то я о нем узнал из информатория...

– Погоди, Гай-до, – перебила его Ирия. – Ты так будешь рассказывать до утра. А ведь могло случиться, что там началась война и все погибли.

– Цивилизации такого высокого уровня, как кринянская, – сказал Гай-до, – уже не воюют. Этот закон сформулировал А-Пей-до на втором галактическом конгрессе футурологов и социопрогностиков на Альдебаране восемнадцать лет назад. Меня удивляет, что ты, моя хозяйка, этого закона не запомнила.

– У меня голова, а не компьютер, – ответила Ирия, и Гай-до замолчал. Он не выносил, если ему напоминали о том, что он всего-навсего машина.

Пашка подошел к телевизору.

– Я просто не представляю, – сказал он, – как люди жили в древности. Смотрели по телевизору не то, что хочется, а то, что показывают. Я недавно читал статью по истории телевидения. Оказывается, лет сто назад ты включаешь, допустим, телевизор в восемь часов. Показывают футбол. А тебе нужно узнать новости. А до новостей надо ждать целый час. Глупо, правда?

– Не понимаю, – сказала Алиса. – А если тебе некогда?

– Значит, жди до завтра.

– Мы не можем ждать, – сказала Алиса. – «Днепр» уже долетел до Крины.

Пашка включил телевизор.

– Пожалуйста, – сказал он, – прочтите нам новости.

«Как сообщают с Паталипутры, – отозвалась дикторша, улыбнувшись, – эпидемия гигантизма, охватившая там коров, взята под контроль.

Ветвь спружинила, прогнулась, но Алиса уже перелетела на следующую, пониже, оттуда, метров с трех, прыгнула на землю.

Стадо гигантских коров, выросших после этой загадочной болезни, отправлено в зоопарк на исследование...» На экране возникли коровы. Они мирно паслись на лугу... Нет, это не луг, они объедали вековые деревья!

– Радовались бы! – сказал Пашка. – Такая корова дает, наверное, тонну молока.

– А сколько она ест? – спросила Алиса.

И дикторша, будто услышав вопрос Алисы, добавила:

«Стадо гигантских коров способно за один день уничтожить до десяти гектаров отборного леса».

Тут дикторша сделала паузу.

«Одну минуточку, – сказала она. – Только что из центральной диспетчерской к нам поступила срочная информация... Она касается экспедиции к загадочной планете Крина...»

– Вот видите, – сказала Алиса. – Наверное, они приземлились.

– Погоди, – раздался голос Гай-до, – по интонации дикторши я чувствую, что дело неладно.

«Экспедиция находилась на постоянной связи с диспетчерской. Двадцать минут назад была получена информация, что экспедиция достигла планеты и корабль готовится к посадке. После этого связь внезапно прервалась. Возможно, возникли помехи... Мы будем информировать о корабле «Днепр», как только поступят дополнительные сведения. А теперь начинаем репортаж с межпланетных соревнований по фехтованию на лазерных шпагах...»

– Не выключай! – сказала Алиса, увидев, что Пашка поднимается с кресла.

– И не думаю, – сказал Пашка. – Я просто хотел выйти на связь с диспетчерской. Они нам скорее скажут.

– Им сейчас не до нас, – сказала Ирия.

Она поднялась и подошла к перилам террасы. Подняла голову, глядя на звезды.

– Я чувствую, – сказала она, – что случилось несчастье.

– Какое может случиться несчастье с «Днепром»? – удивился Пашка. – Это же корабль первого класса.

Никто ему не ответил. Несчастья случаются с любым кораблем.

До ночи никаких новостей больше не было. Центральная диспетчерская все время пыталась добиться связи, но корабль не отвечал. В двенадцать Ирия заставила ребят пойти спать. Сама она осталась у телевизора.

Алиса долго не могла заснуть, прислушивалась сквозь писк комаров к голосу диктора...

Глава вторая
«МЫ ЕГО НАЙДЕМ!»

Алиса проснулась на рассвете, как только в лесу начала куковать кукушка. Лес был тихий, осенний, не то что в июне, когда он полон птичьих голосов.

Алиса поднялась, умылась и тихонько спустилась вниз.

Гай-до был покрыт росой и блестел сквозь листву. Телевизор на веранде был включен. Возле него в плетеном кресле сидела, нахохлившись, Ирия.

– Что нового? – тихо спросила Алиса.

– Ничего, – ответила Ирия.

– А что делать?

– Я только что говорила с диспетчером, – сказала Ирия. – Связи с «Днепром» нет.

Из кустов донесся тихий голос Гай-до. Корабль боялся разбудить Вандочку, что спала в нем.

– Мне нужны пленки переговоров «Днепра» с диспетчерской, – сказал он. – Я бы их проанализировал.

– Если связь оборвалась неожиданно, – сказала Ирия, – этот анализ тебе ничего не даст.

Дикторша на экране сказала:

«Передаем дополнительные сведения, касающиеся экспедиции на «Днепре». Совет капитанов постановил готовить спасательную экспедицию к Крине. В качестве базы для экспедиции выбран патрульный крейсер «Боец», который в настоящее время дежурит за Трансплутоном. Сегодня крейсер будет вызван на Землю для подготовки к срочному вылету...»

– К срочному, – сказала, усмехнувшись, Ирия Гай.

– После дождичка в четверг, – добавил Гай-до, который знал все поговорки Галактики.

На веранду вышел сонный Пашка. Он тер глаза, жмурился, зевал.

– Что нового? – спросил он. – Нашли?

– Готовят экспедицию, – сказала Алиса.

– Пока они подготовят, – сказал Пашка, – мы уже будем там.

– Как так? – не поняла Алиса.

– Я во сне понял, – сообщил Пашка. – Мы не можем ждать, пока их найдут другие. У нас есть Гай-до.

– Пашка, ты что?

– А я лучше спрошу Ирию. Ирия, ты как думаешь?

– Я уже решила, – сказала Ирия спокойно.

– Что?

– Я лечу на Крину. Сегодня.

– И я с тобой, – сказал Пашка.

– Нет! Я лечу одна, – сказала Ирия. – И попрошу тебя, Алиса, позаботиться о Вандочке, пока нас с Гай-до не будет на Земле.

– И меня тоже не берешь? – удивился Пашка.

– Не беру.

– Тебе нужен мужчина на борту. Защитник.

Даже Алиса улыбнулась. Пашка совсем забыл, что Ирия Гай даст сто очков вперед любому мастеру спорта.

– Мы с Гай-до уже летали вдвоем и умеем обходиться без мужчин, – сказала Ирия.

Глаза Ирии потемнели, щеки запали, движения стали резкими.

– Послушай, Ирия, – сказала Алиса. – Ты права. Долететь ты сможешь одна. Но мы не знаем, что случилось на планете. Мы не знаем, что угрожает нашим друзьям. Ты сейчас думаешь только о Тадеуше. А кроме Тадеуша на борту еще несколько наших друзей. Я имею такое же право, как и ты, переживать за них.

– И я! – воскликнул Пашка.

– Мы тебе пригодимся. А если ты боишься, что тебе придется о нас заботиться и нас защищать, ты глубоко ошибаешься.

– Мы уже не дети, – сказал Пашка.

– Они правы, – послышался голос Гай-до. – Я уже просчитал все варианты полета. Куда больше шансов, что ребята тебе помогут, чем помешают.

– Ой, Гай-до, помолчи, – отмахнулась Ирия.

– Не могу молчать, – ответил с достоинством кораблик, – когда речь идет о справедливости.

– А что подумают ваши родители? – Ирия уже начала сдаваться.

– А они подумают, что мы у тебя в гостях, – ответил Пашка. – И пускай это тебя не заботит.

– Нет, не могу. Это слишком опасно, – вздохнула Ирия.

– Арьергардный бой, – заметил Гай-до. – Она уже почти сдалась. Можете собираться.

– Мы его найдем! – воскликнул Пашка.

Вся первая половина дня ушла на сборы, устройство Вандочки и дипломатические маневры с родителями.

А что касается оружия и снаряжения, у Ирии все было дома.

Глава третья
ПУТЬ К ЗАГАДОЧНОЙ ПЛАНЕТЕ

– Корабль Гай-до, третьего класса, пункт приписки Земля, начинает испытательный полет за пределы Солнечной системы, просит разрешения на выход в космос, – произнесла Ирия. Она сидела за пультом. Пашка рядом с ней, перед штурманским дисплеем.

– Гай-до, – диспетчер на экране улыбнулся Ирии, – выход разрешаю. Когда вернетесь?

– Дня через три, может быть, через неделю.

– Удивительные существа эти женщины, – сказал диспетчер, обернувшись к кому-то в комнате. – От трех дней до бесконечности. Все-таки без мужчин я бы их в космос не пускал.

Ирия быстро выключила экран.

– Пронесло, – сказал Пашка.

– А почему должно было не пронести? – спросила Алиса. – Мы им не врали. И нет никаких запретов улетать с Земли.

– Если бы они знали, что мы летим на Крину, никогда бы не пустили.

– Отставить пустые разговоры, – сказала Ирия. – Алиса, приготовь завтрак экипажу.

На ней был рабочий комбинезон и облегающий шлем. От этого лицо казалось совсем другим, чем вчера.

Алиса спустилась в трюм. Гай-до, который понимал, что с Ирией сейчас разговаривать нет смысла, начал давать Алисе советы, что достать из холодильника. Хотя Гай-до, если не считать топлива, никогда ничего не ел, он мнил себя великим кулинаром. За последний год, проведенный в саду под Вроцлавом, он проштудировал все кулинарные книги, что были дома и в библиотеке. У Гай-до была идея придумать такое питание для Вандочки,

чтобы вырастить из нее самую здоровую девочку в Галактике. У него вообще было много идей, и далеко не все из них самые умные. Но, как уверяет Гай-до, даже великие Эйнштейн и Дарвин время от времени ошибались.

Алиса слушала Гай-до рассеянно. Хорошо было бросаться в авантюры, если ты ребенок. Да здравствует приключение! Теперь, когда тебе уже почти тринадцать лет, начинаешь задумываться над последствиями. Конечно, она не раскаивается, что полетела на Крину. Но ее не оставляли другие мысли: отчет о летней практике так и не написан, коллекции не разобраны, на биостанции ждет Аркаша Сапожков, у него не получается опыт. И бабушку она уже три месяца не видела...

Сверху из рубки донесся голос Ирии, которая вышла на связь с центральным информаторием на Земле.

– Значит, никаких новостей? А как идет подготовка к спасательной экспедиции?

– Крейсер «Боец» прибыл на Землю. Центральный компьютер просчитывает варианты опасности. Старт экспедиции через три дня, – ответил голос диспетчера.

Раздался щелчок. Связь прервалась.

– Не понимаю, – сказал Гай-до. – Какие могут быть варианты? Что они там рассчитывают? Главное я высчитал. И на это у меня ушло сорок шесть секунд.

– Что ты вычислил? – спросила Алиса.

– Точку над Криной, в которой прервалась связь с «Днепром». Восемь километров. И эту цифру я вам советую запомнить.

Покормив друзей и вымыв посуду, Алиса взяла мневмокассету и принялась изучать язык кринян. Она не хотела учить язык под гипнозом, как сделали Пашка и Ирия, которые видели в этом докучливую обязанность. Лучше потратить три дня – все равно в полете – и выучить язык основательно, на всю жизнь, а не только на одну экспедицию.

Ирия проверяла снаряжение, а Пашка сидел за пультом управления, ловил на экранах золотые искорки встречных кораблей и вступал в переговоры с их радистами.

На следующий день дежурил по камбузу Пашка, и им пришлось есть подгоревшую яичницу, а молоко сбежало. Гай-до сообщил, что по всем законам физики испортить завтрак в условиях автоматической кухни невозможно и надо иметь к этому особый талант. Пашка признался, что у него такой талант есть.

На четвертый день полета Гай-до сообщил:

– Система Крины в пределах видимости. Начинаю снижать скорость.

Прошло еще полдня, прежде чем Крину смогла увидеть и Алиса.

Диск планеты был похож на земной. Белые спирали циклонов перекрывали очертания коричневых континентов и голубых океанов.

Гай-до вышел на орбиту вокруг Крины на высоте двадцати пяти километров и начал изучать планету.

Экипаж Гай-до расположился перед экраном, а он сам комментировал то, что они видели.

– Первое наблюдение, – произнес Гай-до, – не видно воздушных кораблей. Ни самолетов, ни ракет, ни дирижаблей.

– Странно, – сказала Алиса. – Триста лет назад они долетали до Земли и других планет. Куда же все делось?

– Ответить не могу, – серьезно сказал Гай-до. – Констатирую факт.

– Смотрите, город! – воскликнул Пашка.

В самом деле, на экране появился город. Можно было угадать улицы, даже отдельные дома.

– Наблюдение второе, – сказал Гай-до. – Не вижу на улицах быстроходных машин.

– Но отсюда не разберешь, – возразил Пашка.

– Разрешающая возможность моих объективов, – возразил Гай-до, – позволяет с высоты в двадцать пять километров различать предмет диаметром в два метра.

– А люди? – спросила Ирия. – Ты видишь людей?

– Да. Я почти уверен, что вижу отдельных людей, а в одном месте... смотрите... скопление людей возле большого здания.

Алиса тоже увидела на экране темное пятнышко.

– Значит, они не вымерли, – сказала Алиса.

– А может, это обезьяны? – спросил Пашка. – Люди вымерли, а их место заняли обезьяны. Я читал об этом в фантастическом романе.

– Не исключаю и такой возможности, – серьезно ответил Гай-до.

– Фантастические романы мы будем обсуждать потом, – сказала Ирия Гай. – Продолжайте наблюдение.

Гай-до еще несколько раз облетел планету. Они видели другие города, отдельные здания, деревни, дороги, корабли в море.

– Это удивительно, – сказал наконец Гай-до. – Если бы я не знал, что представляет собой Крина, я бы решил, что мы летаем вокруг отсталой

планеты. Экипажи, что двигаются по улицам, по-моему, запряжены лошадьми или какими-то похожими животными, дороги запущены, некоторые зарастают кустарником. Корабли... Я убежден, что корабли здесь парусные.

– Все ясно, – сказал начитанный Пашка. – Я и об этом читал в фантастическом романе. Они истратили все свое топливо, и им пришлось перейти на силу ветра и лошадей.

– Ты опять ошибся, Паша, – сказала Ирия Гай. – Ты же знаешь, что на Крине были атомные станции, гравитолеты, солнечные и световые двигатели...

– Больше мы ничего отсюда не увидим, – сказал Гай-до.

– А как же «Днепр»? Если он не взорвался, то должен лежать на планете, – сказал Пашка.

– Продолжай облеты, пока не убедишься, что корабля нет, – приказала Ирия кораблику.

Тот молча подчинился.

И еще через три витка Гай-до показал на дисплее фотографию: в глубине густого леса среди деревьев лежит... космический корабль. Корпус его частично скрыт деревьями. Через минуту, сличив силуэт корабля с данными компьютера, Гай-до доложил, что сомнений у него нет: это «Днепр». Безжизненный, замерший, заваленный стволами деревьев, которые он сокрушил при посадке...

– Спускайся, чего же ты ждешь? – закричал Пашка.

– И не подумаю, – ответил Гай-до. – Я не знаю, почему они сели в лесу, я не знаю, почему прервалась связь, я не хочу, чтобы с нами случилось нечто подобное.

Ирия волновалась. Алиса увидела, как побелели ее пальцы, которыми она вцепилась в край пульта.

– Скажи, Гай-до, – ее голос дрогнул, – корабль поврежден? Нет ли в нем пробоин?

Все замолчали. Вопрос Ирии был понятен. Если в корабле есть пробоина – неизвестно от чего: от метеорита, от вражеской ракеты, – значит, он погиб, и погибли все, кто на нем находился.

Гай-до ответил не сразу.

«Пускай ее не будет, – мысленно умоляла его Алиса. – Пускай ты не найдешь пробоины!» Наконец в гробовой тишине послышался голос Гай-до:

Гай-до доложил, что сомнений у него нет: это «Днепр».
Безжизненный, замерший, заваленный стволами деревьев.

– Я не могу разглядеть его днище. С боков и сверху корабль цел.

Алиса вздохнула с облегчением.

– Но он совершил аварийную посадку. Это очень странно, – продолжал Гай-до.

– Почему? – спросила Алиса.

– Потому что он сел в вековой лес, где стоят деревья в два обхвата. Ни один разумный капитан не будет сажать свой корабль в таком лесу, если рядом, всего в пяти километрах, есть большая ровная поляна.

Алиса поняла, что Гай-до прав.

– Гай-до, – сказал Пашка, – ты хочешь, чтобы мы навсегда остались на орбите?..

– Помолчи, – оборвала Пашку Ирия Гай. Она села за пульт и набрала приказ.

– Правильно, – откликнулся Гай-до, – я только собирался это сделать.

От Гай-до отделилась проба – небольшой управляемый аппарат, который спускают на неизвестную планету, чтобы определить ее температуру и состав воздуха.

Гай-до молчал, остальные смотрели, как на экране проба мягко опускается в атмосферу планеты. Рядом с ее изображением на дисплее загорались цифры – данные о ее скорости и высоте.

Когда до поверхности осталось восемь с половиной километров, все затаили дыхание – именно на этой высоте, по подсчетам Гай-до, что-то произошло с «Днепром». Но ничего не случилось. Проба миновала высоту, и ее приборы показали, что никаких изменений в составе воздуха нет. Ничто не помешало пробе достигнуть поверхности планеты. Воздух там был пригоден для дыхания, температура – плюс восемнадцать градусов.

– Все нормально, – сказал Пашка первым.

– Не знаю, – ответил Гай-до. – Не верю я этой планете. Ведь с «Днепром» что-то произошло!

– Но это не значит, что с нами случится то же самое? – спросил Пашка.

– Гай-до прав, – сказала Ирия Гай. – Поймите, ребята, я куда больше вас спешу на Крину. Там, в «Днепре», мой Тадеуш. Но если с нами что-то случится, весь смысл экспедиции пропадет. Подождем возвращения пробы.

Проба вернулась через сорок минут. Она подлетела к Гай-до и спряталась в специальном люке. Гай-до принялся изучать ее записи. Алиса тем временем рассматривала местность, на которой лежал «Днепр».

И в самом деле странно – до края леса, где за обширной пустошью текла широкая река, было километров пять. За рекой начиналась равнина, где были видны отдельные домики.

– Я так и думал! – услышала Алиса возглас кораблика. – Именно на этой высоте есть какое-то препятствие.

– Какое? – спросила Ирия.

– Не понимаю. Все физические характеристики воздуха те же самые, температура почти без изменений... плотность воздуха чуть-чуть выше... Эффект светового преломления чуть-чуть иной... Но что это? Это не микроорганизмы, это какое-то неизвестное мне поле... Никогда не встречал... я в тупике. Но интуиция меня никогда не обманывала. Там таится опасность, моя госпожа.

– Что же будем делать? – спросила Ирия.

– Рискнем? – сказал Пашка.

– Есть один выход, – сказал после некоторого раздумья Гай-до. – Весь резерв гравитонов я могу обратить на создание мощного силового поля, которое защитит нас... Но тогда мне уже не подняться с планеты.

– Ничего страшного, – сказала Алиса. – Там внизу «Днепр». Мы возьмем топливо на нем.

– А вдруг что-нибудь случится? – возразил Гай-до. – Я ведь потеряю подвижность и не смогу прийти вам на помощь.

– Об этом сейчас не думай. На планете мы сами о себе позаботимся, – сказала Ирия Гай. – Работай! Сколько времени тебе понадобится?

– Две минуты, – сказал Гай-до печально. Никому не хочется стать неподвижным, а для Гай-до не летать – все равно что человеку остаться без ног, а птице без крыльев.

Ирия набрала на пульте курс. Если отключится автоматика, ей придется сажать корабль вручную.

– Опускаемся на поляне, на краю леса, – сказала она. – Если для «Днепра» метровые стволы все равно что спички, для Гай-до они опасны. Пять километров пройдем пешком. Хорошо?

– Конечно, – сказал Пашка, – часовая прогулка.

– Готово, – сказал Гай-до. – Начинаю снижение.

Он медленно пошел вниз. Двадцать километров... пятнадцать... десять... девять... восемь...

Вдруг они увидели на экранах, как небо вокруг корабля начало интенсивно светиться фиолетовыми сполохами, похожими на полярное сияние.

Алиса почувствовала, что в голове у нее зажужжало. Она хотела сказать об этом Ирии, но рот не открывался... Неприятное ощущение длилось меньше минуты. Затем сияние погасло.

– Прошли, – сказал Гай-до. – Как вы себя чувствуете?

– Хорошо, – сказала Ирия. – Но ты был прав. Там в самом деле какое-то поле.

– У меня в голове будто оркестр заиграл, – сказал Пашка. – И полное затмение.

– У меня тоже, – сказала Алиса.

Ирия не сказала ничего. Она вела кораблик вниз.

Гай-до тоже молчал. Он берег остатки энергии.

Шесть километров... четыре... два... пятьсот метров... Гай-до шел на бреющем полете над речкой. Вот и пустошь, за ней зубчатой стеной поднимается лес.

Корабль мягко коснулся травы, подскочил, улегся поудобнее.

– Все, – сказала Ирия. – Теперь в путь.

– Я буду ждать, – слабым голосом произнес Гай-до.

Глава четвертая
ТАЙНА «МАРИИ ЦЕЛЕСТЫ»

Через несколько минут они покинули кораблик.

Впереди шла Ирия. В облегающем комбинезоне, в шлеме, к которому спереди прикреплен сильный фонарь. За спиной рюкзак, в нем пища, походная аптечка, заряды для парализующих пистолетов, теплая одежда – ведь никто не знает, что их здесь ждет. За широким поясом Ирии был кинжал в ножнах, кобура с бластером и моток тонкого троса.

Так же были снаряжены и ее юные спутники.

В том месте Крины, где опустился Гай-до, было позднее утро. Холодный ветер гнал над вершинами деревьев низкие, серые тучи. Высокая трава, мокрая от недавнего дождя, поднималась выше колен. Земля под ногами была скользкой, в траве виднелись проплешины – пятна рыжей глины.

Лес поднимался перед ними сплошной темно-зеленой стеной. Если не считать шелеста ветра, вокруг царила тишина. Не слышно было пения птиц и жужжания насекомых. Крина показалась неласковой, угрюмой и настороженной.

За пять минут путешественники дошли до леса.

Подлеска в нем не было. Прямые седые стволы поднимались из покрытой голубым мхом земли. Деревья стояли так тесно, что сквозь потолок листвы свет почти не проникал. В лесу было сумрачно и сыро. Светлые стволы казались привидениями, и Алиса невольно жалась к Ирии. Она поминутно оглядывалась, будто деревья могли сойти с места и догнать ее.

Идти было трудно, ноги порой проваливались, прорвав слой мха, что покрывал сгнившие стволы или ямы между узловатыми корнями.

Попадались грибы. Они были похожи на громадные поганки, чуть ли не с Алису ростом. Хоть ветра в лесу не было, поганки покачивались на длинных, тонких ножках, будто раскланивались с гостями. Большая летучая мышь пролетела над головами, так быстро, беззвучно и страшно складывая метровые крылья, что Пашка от неожиданности присел и чуть было не выстрелил в чудовище. Мышь давно уже исчезла, а в глазах Алисы все еще стояла ее ухмыляющаяся морда.

Они шли молча, говорить не хотелось: еще привлечешь голосами внимание тварей, что таятся в чаще.

Пять километров, которые надо было пройти до «Днепра», растянулись на два с лишним часа. С каждым шагом лес становился все гуще, седые стволы двигались все теснее, мох делался все выше, словно они шли по дну моря, раздвигая ногами мягкие упругие водоросли.

– Стой! – прошептала Ирия.

Она показала вправо.

Там, в дымке между стволов, двигалось мохнатое животное, похожее на огромного кабана. Животное на секунду замерло, глядя в упор на Алису маленькими черными глазками... и пошло прочь. Кабан уходил беззвучно, словно лишь привиделся Алисе. Потом вдали хрустнула ветка...

Через час Ирия разрешила устроить привал. Сама она не устала, но понимала, что силы ребят на исходе. Они остановились на небольшой прогалине между деревьев, где над головой был виден клочок серого неба. Ирия достала из рюкзака термос с горячим бульоном, и они подкрепились.

Когда Алиса допивала бульон, она услышала шорох над головой. Она кинула взгляд наверх и замерла.

С низкого горизонтального сука до половины свесилась толстая блестящая белая змея. Ее голова была всего в десяти сантиметрах от Пашкиного лица. Красная пасть широко распахнулась, раздвоенный язык в нетерпении высунулся изо рта и плясал между острых зубов.

Размышлять было некогда. Даже бластер не успеешь достать.

Алиса крикнула:

– Пашка, ложись!

И кинула крышку от термоса, из которой пила бульон, в морду змее.

Пашка не понял, чего от него хотят, и начал крутить головой, соображая, откуда грозит опасность. Змея не обратила никакого внимания на крышку, пролетевшую рядом с ней.

Быстрее всех оказалась Ирия. Она успела выхватить усыпляющий бластер и поразила змею в мгновение, когда ее зубы были готовы коснуться Пашкиной шеи.

Змея дернулась, тяжело, вяло, как мешок, соскользнула на землю и вытянулась во всю свою пятиметровую длину у Пашкиных ног. Он стал медленно отступать назад, приоткрыв рот и выставив перед собой руки... Но тут он ударился спиной о ствол соседнего дерева, отчаянно прыгнул в сторону и провалился в моховую подушку.

– Да, – сказала Ирия, задумчиво глядя на змею, – здесь не следует отвлекаться.

Пашка поднялся. Он был бледный и злой.

Ирия спрятала бластер и сказала:

– Я думаю, что мы достаточно отдохнули. Можно идти дальше.

– Конечно, – сказала Алиса, но идти дальше она не могла, потому что у нее дрожали коленки. У Пашки тоже.

Пока ребята приходили в себя, Ирия сфотографировала змею, взяла пробу ее яда, смерила температуру ее тела. Ирия никогда не теряла времени даром.

Алисе было стыдно, что она не помогает Ирии, но дотронуться до этого скользкого чудовища у нее не было сил.

Первым собрался с духом Пашка.

– Пошли, что ли? – сказал он угрюмо. – А то совсем темно станет.

Ирия тут же пошла вперед.

Больше ничего, достойного упоминания, не произошло. Через полчаса впереди стало светлее, и они увидели поврежденный «Днепр».

Но добраться до него оказалось непросто. Ударившись о землю и протаранив дорогу среди лесных великанов, корабль повалил множество деревьев, и они, перепутавшись корнями и сучьями, образовали баррикаду, через которую путешественники перебрались с великим трудом.

С низкого горизонтального сука до половины свесилась толстая блестящая белая змея. Ее голова была всего в десяти сантиметрах от Пашкиного лица.

Корабль почти не пострадал от такой необычной посадки, только кое-где на корпусе виднелись царапины.

«Днепр» был безмолвен и как будто мертв. Капли дождя ударяли по его обшивке, на сломанной внешней антенне сидела черная ворона. При приближении людей она с громким карканьем поднялась вверх и полетела оповещать лес о том, что видела чужих.

Они остановились, не доходя ста шагов до корабля.

Ирия знаком приказала ребятам оставаться на месте, а сама осторожно подошла к «Днепру». Люк был открыт, но трап не был спущен. Ирии пришлось подпрыгнуть и подтянуться на руках, чтобы забраться внутрь корабля.

Целую минуту Ирия простояла в первом отсеке неподвижно, вслушиваясь, есть ли кто-нибудь на корабле. Потом исчезла внутри.

Пашка сделал шаг к «Днепру».

– Стой, – сказала Алиса. – Ты куда? Ирия велела ждать.

– Жди, если хочешь, – огрызнулся Пашка. – Я могу ей пригодиться.

Он шел, выставив перед собой бластер, и, видно, сам себе казался героем. Но тут, как назло, под ним обломился сук, и Пашка завяз в переплетении веток.

В проеме люка показалась Ирия.

– Там никого нет, – сказала она.

Ее голос показался слишком громким.

Ирия протянула руку, помогая Пашке взобраться в корабль, а Пашка помог Алисе.

Ирия включила аварийное освещение.

Коридор, ведущий к отсеку управления, был пуст. Там не было ни одного человека. На полу валялись вещи, которым не положено валяться на полу корабля: один башмак, чья-то записная книжка, открытая консервная банка, из которой натекла уже засохшая лужа сгущенного молока, золотой нагрудный знак пилота, хлебная корка, радиационный счетчик и, что самое удивительное, бластер.

В отсеке управления тоже были следы беспорядка. Один из дисплеев разбит, кресло штурмана опрокинуто, на полу разорванные штурманские карты, второй башмак...

Алиса спросила:

– Ты смотрела в каютах?

– Разумеется, – сказала Ирия. – Там то же самое.

– Значит, на них напали грабители, – уверенно сказал Пашка. – Сначала они увели людей, а потом стали тащить вещи. Но очень спешили и многое по пути потеряли.

– Скажи тогда мне, – спросила Ирия, – что пропало с корабля?

– Ну как я могу сказать? – удивился Пашка. – Я же не знаю, что было тут прежде.

– Я тебя поняла, Ирия, – сказала тогда Алиса. – Даже если не знаешь, что было, можно сказать, что должно быть.

– Правильно, – сказала Ирия. – Я была в каюте Тадеуша, там все разбросано, но ничего не пропало. – Она помолчала и добавила: – И кто-то разорвал мою фотографию.

– Ничего удивительного, – тут же предложил другую версию Пашка. – На них напали дикари, которые не знают ценности вещей. Они хватали что придется и бросали.

Ирия как будто не услышала Пашку. Она продолжала:

– Обрывки фотографии валяются на полу, там же куртка Тадеуша. Он ее не надел. И талисман: медальон с локоном Вандочки. Тадеуш никогда не снимал медальон, ни днем, ни ночью.

Они еще раз обошли весь корабль, стараясь найти хоть какой-нибудь ключ к разгадке того, что случилось с экипажем. В каюте наследницы Афродиты валялись ее любимые куклы. В каюте мастера Гермеса Алиса нашла его заветный сундучок с инструментами... Люди, покидая корабль, расставались с самыми дорогими их сердцу вещами.

Так ничего и не поняв, они вернулись в отсек управления.

Корабельный журнал – кассета с пленкой, на которой регистрируется вся жизнь корабля, – обнаружился под креслом. Они включили кассету. Алиса узнала голос капитана Полоскова. Вот он сообщает, что планета Крина в пределах видимости. Вот идет доклад о переходе на орбиту... Полосков говорит: «Странно: над планетой нет воздушных кораблей». После этого Полосков отдает команду начинать снижение. Последние слова Полоскова звучали так: «Высота восемь тысяч семьсот метров. Экипажу приготовиться к посадке. До моего разрешения никому корабль не покидать...» И тут его голос оборвался, а вместо него Алиса услышала другой: то ли Зеленого, то ли Тадеуша. Голос произнес: «Какая чепуха»! Послышался чей-то смех. И запись оборвалась. Лишь тихо шуршала пленка...

– Вот и все, – сказала Ирия.

– Что делать дальше? – спросил Пашка.

– Если их нет в корабле, мы будем их искать вне корабля, – сказала Ирия.

– А как же Гай-до? – спросила Алиса. – Он нас ждет. Он же совсем беспомощный.

– Рано, – отрезала Ирия. – Мы еще ничего не узнали. А если сейчас нести контейнер с топливом к Гай-до, это... это займет всю ночь. И неизвестно, что нас ждет ночью в лесу. Постараемся обойтись собственными силами. Если до темноты ничего не обнаружим, проведем ночь в «Днепре». Это безопаснее. Если бы я была одна...

Но Ирия оборвала себя. Может быть, ей хотелось сказать, что ребята для нее обуза. Но не сказала.

– Знаете, что мне это напоминает? – спросил Пашка.

– Что?

– Тайну «Марии Целесты». Читали?

– Я читала, – сказала Алиса. – А Ирия вряд ли.

Ирия отрицательно покачала головой.

– Много лет назад, когда корабли были парусными, в океане нашли «Марию Целесту». Корабль был совершенно цел, на плите стоял чайник, все вещи были целы... и ни одного человека.

– И что же с ними случилось? – спросила Ирия.

– До сих пор эта тайна не разгадана, – ответил Пашка.

Они прошли по коридору обратно к выходу.

– Почему они не спустили трап? – подумала вслух Ирия, останавливаясь перед люком.

Алиса увидела, что Ирия глядит на запор люка. Запор открывался, если нажмешь на кнопку справа от люка. Вторая кнопка выпускала трап. Дублирующие кнопки были в отсеке управления. В крайнем случае можно было открыть люк вручную, повернув рычаг, – это было сделано на случай, если по какой-то причине откажут силовые установки, чего обычно не бывает.

Но кто-то, забыв о кнопках, старался выбить дверь, приспособив, как лом, толстый стальной прут. Краска с люка была сбита неверными, неточными ударами. Вмятины и царапины были на самом рычаге.

– Вот видишь, – сказал Пашка, – дикари-грабители все-таки здесь побывали.

– И вместо того чтобы пробиваться в корабль, они старались из него выйти, – ответила Алиса. – Очень остроумно.

– Не исключено, – сказал Пашка, – что рычаг закрылся случайно, а грабители не знали, как открывается люк.

– А наши смотрели, как они это делают? – спросила Алиса.

– Не веришь? Ну хорошо, у меня по крайней мере есть своя версия. А ты только критикуешь, – сказал Пашка. – Предложи свою.

– Не знаю, – честно сказала Алиса.

Ирия спрыгнула на землю и принялась осматриваться в поисках следов. Но на мху и в переплетении ветвей трудно было что-нибудь отыскать. Алиса и Пашка, спрыгнув за ней, тоже стали искать следы, бродя кругами вокруг корабля. Но с каждой минутой искать было все труднее. Смеркалось. Дождь разошелся не на шутку. Порывы дикого ветра раскачивали вершины деревьев.

В двадцати шагах от корабля на обломанном суке Ирия увидела лоскут от синей куртки. Кто-то зацепился за сук и потом, вместо того чтобы осторожно освободиться, так рванул, что рукав разорвался… «Значит, он спешил? Бежал?» – подумала Алиса. Но говорить ничего не стала. Она понимала, что Ирия не хочет обсуждать новые версии. Она представляет себе, что где-то здесь, может, раненый, может, попавший в плен, томится ее любимый Тадеуш.

– Все, – сказала Ирия. – Возвращаемся в «Днепр». Поиски продолжим с рассветом.

– Не согласен, – возразил Пашка. – У нас есть фонари. Нельзя терять ни минуты.

Он включил фонарь, но его яркий луч тут же запутался в переплетении ветвей.

От этого стало еще темнее. Белые стволы казались гигантскими привидениями. Дождь стегал по лицам. Кто-то пронзительно заверещал в чаще. Пашка выключил фонарь. Этим он признал, что не прав.

Когда они вернулись на корабль, Ирия обратилась к Алисе с вопросом:

– Как ты думаешь, включить прожектор?

Алиса поняла: с одной стороны, его яркий свет может быть маяком для членов экипажа «Днепра», если они заблудились. Но если они попали к врагам и враги так сильны, что смогли захватить большой корабль, они догадаются, что на корабле снова появились люди, и вернутся.

– Наверное, не стоит, – сказала Алиса.

Ирия кивнула.

Потом сказала:

– Занимайте капитанскую каюту. Спать будем все вместе.

Они перетащили туда матрацы из соседних кают. Алиса и Пашка легли не раздеваясь. Сил не было даже выпить чаю. Пашка сразу уснул, но к Алисе сон не шел.

Потом она все-таки уснула, и во сне ей показалось, что кто-то ходит по каюте. Она осторожно открыла глаза, тускло горел ночник.

Дверь медленно открылась. Ирия вышла из каюты и прикрыла за собой дверь.

Алиса решила, что Ирия хочет проверить, хорошо ли заперт корабль. Она пролежала минут пять. Ирия не возвращалась. Алису охватило беспокойство. Она поднялась и вышла в коридор. Ирии нигде не было. Алиса дошла до люка. Люк был приоткрыт. Алиса осторожно выглянула наружу и увидела, как далеко в сплетении ветвей поблескивает луч фонарика. То остановится, замрет, то дрогнет, то пробежит по листве. Алиса поняла, что Ирия ищет следы. Она не посмела окликнуть ее, уселась у люка, вытащила бластер и стала ждать. А фонарик все бродил вокруг корабля, постепенно удаляясь. Наверное, прошло больше часа, прежде чем его огонек снова приблизился к «Днепру». Когда Алиса поняла, что Ирия возвращается, она тихонько поднялась, вернулась в каюту, спрятала бластер и накрылась одеялом. Еще через две минуты в коридоре послышались осторожные шаги. Дверь приоткрылась и затворилась вновь. Алиса закрыла глаза. Сопел Пашка, но дыхания Ирии не было слышно. Значит, Ирия не спит.

Может, сказать ей, что сочувствуешь и все понимаешь? Нет, не надо. Пускай Ирия думает, что Алиса спит. Так ей спокойней.

Алиса старалась дышать ровно и глубоко. И, согревшись под одеялом, заснула.

Глава пятая
ГИБЕЛЬ МЕРКУРИЯ

Алисе показалось, что она спала одну минуту. И тут же ее разбудил бодрый голос выспавшегося Пашки:

– Скорее, скорее, выходим в поход!

Алиса вскочила. Пашка уже застегивал ремень с бластером и ножом.

Ирии не было.

– Ирия, – закричал Пашка. – Где ты?

– Я здесь, – послышался ответ. Ирия вошла в каюту. – Я встала пораньше, проверила все вещи Тадеуша. Хотела понять, в чем он ушел, что взял с собой.

Алиса с первого взгляда поняла, что Ирия так и не спала.

– Ну и что? – спросил Пашка.

– Очень странно, – ответила Ирия. – Он ушел, совершенно ничего с собой не взяв.

– Раздетый?

– Одетый. Так, как был одет в корабле. Но не так, как одеваются, выходя на незнакомую планету.

Ирия достала из рюкзака термос. Они выпили по чашке чая.

Снаружи был сизый туманный рассвет. Вата тумана покрывала поваленные деревья, и лишь некоторые ветки прорезали его и торчали наружу, словно руки.

– В пятидесяти метрах отсюда ручей, – сказала Ирия. – Там умоемся.

Ирия уверенно шла впереди, ловко перепрыгивая через сучья и пробиваясь между ветвей. Алиса оглянулась: «Днепр» нависал над ними, темный, гладкий, как заблудившийся в лесу бегемотище.

Там, где кончался поваленный лес, журчал среди корней ручеек.

Чтобы не промочить ног, Алиса забралась на ствол упавшего дерева, что лежал поперек ручья. Вода текла под ним. На дне что-то блеснуло. Алиса сначала подумала, что это рыбка. Но когда она опустила руку в воду, рыбка не уплыла. Алиса достала из воды золотую пуговицу от форменного мундира Космофлота. Пуговицами давно уже никто не пользовался, только моряки и космонавты упрямо сохраняли старую традицию.

– Ирия, смотри, – сказала Алиса. – Это наверняка пуговица Полоскова.

– Или механика Зеленого, – сказала Ирия.

– Значит, их здесь вели дикари, – сказал Пашка, – и они специально оставляли мелкие блестящие вещи, чтобы мы их нашли по следам.

Ирия ничего не ответила. Она смотрела вперед, где так же, как вчера, поднимались одинаковые светлые стволы деревьев. Лес затаился...

Ирия остановилась, выпустила из-за обшлага своего комбинезона пластинку-карту, сфотографированную с орбиты. Алиса заглянула ей через плечо. На карте было видно, что лес тянется до широкой реки, за которой начинаются поля.

– Нам к реке, – сказала Ирия.

– Пойдем напрямик? – спросила Алиса печально. Она так устала прыгать по моховым кочкам и проваливаться в гнилые ямы.

– А может, спустимся по ручью? – ответила Ирия. – Он наверняка впадает в реку.

Вдоль ручья идти было веселее. Кое-где деревья расступались, и тогда было видно серое небо, по которому неслись быстрые облака. Правда, порой ручеек растекался, образуя широкое болотце, и приходилось углубляться в лес, чтобы обойти его.

Пашка осмелел, забыв о змеях и чудовищах, и часто отбегал в сторону, в надежде отыскать еще какой-нибудь след. Но больше ему не удалось ничего отыскать.

Алисе хотелось есть, она знала, что в рюкзаке у Ирии были бутерброды и сок. Конечно, можно попросить ее сделать привал. Но просить не хотелось. Алиса была уверена, что Пашка сейчас думает о том же самом. Он-то любит поесть куда больше, чем обыкновенный человек, но тоже видит, как устремленно и неустанно шагает Ирия и как она порой оборачивается, бросая взгляд на спутников, и молча укоряет их за то, что отстают.

«Ничего, – уговаривала себя Алиса, – сейчас выйдем к реке, осмотримся, тогда Ирия обязательно сделает привал».

Берега ручейка стали круче, словно он почувствовал, что скоро ему встречаться с рекой, и начал энергичнее стремиться вперед, прорезая путь в земле. Им пришлось отойти от ручейка, и теперь они шагали по краю крутого обрывчика. Ручей, вобрав в себя ключи и родники, стал куда шире, глубже. Он громко журчал, перекатывая по дну камешки.

Впереди среди деревьев показался просвет – лес кончался.

И тут они увидели человека.

Человек сидел на земле, привалившись спиной к стволу и опустив голову на грудь.

Ирия подняла руку, приказывая спутникам не двигаться с места.

Затем вынула из кармана бинокль, вгляделась в неподвижную фигуру и передала бинокль Алисе. Та увидела лицо спящего совсем близко. И сразу узнала его, хотя человек был грязен, щеки его исцарапаны, а одежда разорвана.

– Меркурий! – закричала Алиса и бросилась к старику.

Конечно же это был толстяк Меркурий, отец наследницы Афродиты. «Какое счастье, – подумала Алиса, – что мы так быстро нашли его. Сейчас тайна разрешится».

– Меркурий! – закричала она снова, спотыкаясь о сучья и проваливаясь в мох.

От вторичного крика Меркурий открыл глаза и увидел подбегающую к нему Алису. В глазах его был ужас. Он вскочил и попытался убежать. Но ноги плохо держали его.

Ирия, обогнав Алису, схватила его за руку.

– Не бойтесь! – закричала она. – Мы – ваши друзья.

Старик забился всем телом, словно животное, которое попало в западню. Он кусался, отбивался толстыми ногами, махал руками, и Ирия с трудом его удерживала.

А Алиса и Пашка прыгали перед ним, стараясь поймать его взгляд.

– Меркурий! – повторяли они. – Меркурий! Это мы! Это я, Алиса. Это я, Пашка Гераскин! Не бойтесь!

Но Меркурий продолжал вырываться из железных пальцев Ирии. Потом, стихнув, сказал плачущим голосом:

– Больно... мне больно...

– Только не убегайте, – сказала Ирия. – Мы не сделаем вам больно. – И она отпустила старика.

Тот начал растирать руки.

– Не надо, – повторял он, – я больше не буду.

– Меркурий, миленький, – испугалась Алиса, – что они с тобой сделали?

– Да, сделали, – согласился Меркурий, глядя мимо Алисы. – Больно.

– Кто они? – спросил Пашка. – Скажи, это дикари?

– Дикари, – согласился Меркурий.

– Погоди, Пашка, – остановила Ирия следующий вопрос Гераскина. – Меркурий в шоке. Ему нужно успокоиться.

Ирия обернулась к Меркурию и мягко сказала:

– Пожалуйста, успокойтесь. Все будет хорошо.

Она открыла сумку с аптечкой, прикрепленной к поясу, и достала оттуда прозрачный шарик. Быстро приложила его к руке Меркурия и нажала. Шарик сплющился. Его содержимое влилось под кожу Меркурию.

– Не надо, – сказал Меркурий, отводя руку Ирии.

Лекарство начало действовать сразу, хотя не совсем так, как надеялась Ирия.

Меркурий на самом деле стал куда спокойнее, но все равно не узнавал своих старых знакомых.

Ирия велела Алисе раскрыть рюкзак, достать еду. Угостили и Меркурия. Он вел себя странно. Держал в руке бутерброд, словно не знал, что это такое. Но, видно, был голоден и, увидев, что Алиса и Пашка уплетают бутерброд, совсем по-детски улыбнулся и затолкал свой бутерброд в рот. Он жевал и улыбался. Потом взял протянутый Алисой стакан сока и долго принюхивался к нему. Выпил сок. Протянул стакан Алисе и сказал:

– Надо. Каждый день. Правильно?

– Что делать? – вздохнула Алиса. – Он еще не пришел в себя.

– Наверно, его пытали, – сказал Пашка. – Посмотрите, какие синяки на плечах и глаз подбит.

– Он сам мог упасть, – возразила Алиса. Ведь Ирия сейчас думает: если это случилось с Меркурием, то что с Тадеушем?

– Я ничего не понимаю, – произнесла Ирия. – Я ждала всего что угодно, только не этого...

Меркурий хитро улыбнулся и потянулся к термосу.

Видно, он подумал, что в термосе тоже сок, никто не успел его остановить. Он хлебнул из термоса горячий бульон, завопил, стал отплевываться. Потом вскочил и сердито крикнул:

– Злые, злые!

Махнул рукой и побрел прочь.

Пашка засмеялся.

– Ты что? – удивилась Алиса.

– Смешно ведь!

Алиса хотела пойти следом за Меркурием, но Ирия ее остановила:

– Пускай он идет, может, ему станет лучше.

Они смотрели, как Меркурий медленно бредет по лесу. Шагов через сто он остановился. Оглянулся. Увидел, что его не преследуют.

– Ничего, – сказал он громко. – Это пройдет.

– По-моему, он приходит в себя, – сказала Алиса.

А Меркурий снова пошел прочь. Стволы скрывали его из виду, поэтому Ирия пошла за ним, но не спешила, чтобы не пугать старика.

Меркурий шел все быстрее. Он еще раз оглянулся, помахал им рукой, побежал...

Тут уж они все побежали следом.

Меркурий бежал неровно, зигзагами, как слепой, вытянув вперед руки, его фигура все уменьшалась, и странно было видеть, как быстро может бежать такой толстый и старый человек.

Вдруг он пропал.

Когда Алиса первой добежала до того места, где Меркурий будто растворился в воздухе, перед ней раскрылась широченная даль: она стояла на краю высокого обрыва. Далеко внизу поблескивала река, за ней до горизонта тянулась плоская равнина.

Рядом часто дышал Пашка.

– Где он?

Они смотрели вниз, старались отыскать на поверхности голову Меркурия. Но река была пустой, чистой и ровной, как полоска серого пластика.

– Почему он так? – подумал вслух Пашка. – Чего он испугался? Он сошел с ума?

Алиса дотронулась кончиками пальцев до руки Ирии. Она понимала, как переживает сейчас Ирия, которая представляет себе, что так же где-то в лесу блуждает и может погибнуть ее Тадеуш.

Алиса еле сдерживала слезы. Надо же, прожить столько лет под океаном, а погибнуть дома, на родной земле!

Алиса перевела взгляд на противоположный берег. За рекой были видны редкие, раскиданные по лоскутным полям, словно игрушечные, домики. Даже издали было видно, что они бедные, приземистые, крыты

соломой, без труб. За домами снова начинался лес. На горизонте спичкой поднималась высокая башня или труба. Но это уже было так далеко, что даже в бинокль не разглядишь.

– Смотри! – сказал Пашка.

Из-за поворота показался гребной корабль. Посреди него поднималась высокая мачта с большим белым флагом, на котором был нарисован красный медведь.

Ирия рассматривала корабль в бинокль. Потом протянула бинокль Алисе.

Корабль приблизился настолько, что можно было разглядеть лица его гребцов и пассажиров.

Обнаженные по пояс, потные, угрюмые гребцы сидели на низких скамейках. Между ними ходил надсмотрщик с длинным бичом. Пассажиры собрались толпой на носу.

Нарумяненная толстая женщина с копной ярко-рыжих волос восседала на высоком стуле. Одета она была в длинный белый халат, на котором был нашит красный медведь. Вокруг женщины кольцом расположились еще несколько человек, облаченных в белые халаты с красными медведями. На некоторых были шапки, изображающие птичьи головы.

Пашка протянул руку, Алиса передала ему бинокль.

Пока Алиса разглядывала корабль, он уже приблизился. Снизу стали слышны голоса, крик надсмотрщика, который начал стегать бичом по плечам гребцов. Рулевой на корме навалился на тяжелое рулевое весло. Поток подхватил корабль и понес его под самым обрывом.

Пашка опустил бинокль.

– Что характерно, – сказал он, – никакой техники. Обратили внимание?

– Трудно было не обратить, – сказала Алиса.

Ирия между тем разглядывала берег. Она прошла шагов сто вверх по реке, туда, где обрыв выдавался уступом, и позвала ребят.

Там, за поворотом, берег отступал от обрыва. Внизу, на усыпанной камнями и заросшей невысоким кустарником площадке, уместилась покосившаяся хижина. Рядом с ней была видна вытащенная на берег лодка.

– Предлагаю спуститься к хижине, – сказала Ирия.

– Зачем? – спросил Пашка. – Наших надо искать в лесу.

– Там должны быть люди, – ответила Ирия. – Они что-то могут знать.

– Ирия права, – согласилась Алиса. – Лес большой.

Вскоре они отыскали промоину, по которой скатывался к реке ручей. Спуск был крутой, в некоторых местах такой крутой, что приходилось прижиматься всем телом к откосу.

В трещинах росли колючки, из норок выглядывали пауки, ящерицы бесстрашно глазели на людей, не желая уступать дорогу.

От промоины сквозь кусты вела узкая тропинка.

Не доходя нескольких шагов до хижины, Ирия остановилась. Они с минуту прислушивались. Кругом все было тихо. На берегу никого. Тогда Ирия жестом велела друзьям подождать, а сама подошла к двери и постучала. Никто не ответил. Ирия постучала сильнее.

Глава шестая
ДОЧЬ ПЕРЕВОЗЧИКА

Внезапно дверь резко распахнулась, и в проеме возник приземистый рыжий мужчина, одетый в серую рубаху и рваные черные штаны. В руке он держал топор и готов был пустить его в дело.

– Ты чего? – спросил он.

– Уберите топор, – сказала Ирия. – Что за манеры?

– Манерам не обучен, – ответил оборванец, не опуская топора. – Уходи, пока цела.

– Я не желаю вам вреда, – сказала Ирия, – но мне надо с вами поговорить.

– Человеческого языка не понимает! – удивился рыжий. – Бе-пе, что ли? От вас, бе-пе, добра не жди.

С этими словами он захлопнул дверь.

Но Ирия не сдавалась.

– Погодите, – сказала она, понимая, что за дверью слышно каждое ее слово. – Я пришла издалека. Я никакая не бе-пе. Я не знаю, что это такое «бе-пе». Я потеряла моих друзей. Скажите, пожалуйста, сюда не приходили люди, одетые как я?

– Убью! – раздалось из-за двери. – Не уйдешь сейчас, догоню и убью.

– С ума вы здесь все посходили, что ли? – удивилась Ирия. – Я прошу вас ответить добром.

– Я тебе сейчас отвечу!

Дверь с грохотом раскрылась, и рыжий с занесенным над головой топором выскочил из нее. Если бы Ирия не отшатнулась, он мог бы ее разрубить. Но Ирия ловко перехватила руку оборванца, заломила ее за спину, он согнулся до земли, выронил топор и сразу заныл:

– Тетенька, не надо, я тебе плохого не сделал! Мы люди маленькие, никого не видим, ничего не слышим, возим людей на лодке, как прикажет поклон Таракан, помилуй!

Из-за хижины выбежала рыжая девушка, одетая в платье из какого-то мешка, и с криком: «Не смей трогать моего отца!» – кинулась на Ирию, как разъяренная кошка.

Одна рука у Ирии была занята – она держала оборванца, – и она с трудом стала отбиваться от девушки.

Тут Пашка пришел на помощь Ирии, а Алиса, видя, в какой клубок сплелись все четверо, схватила с земли топор, закинула его в воду и закричала:

– Прекратите драку! Я вам приказываю!

Получилось так громко, так повелительно, что все замерли, и клубок распался.

На поляне перед хижиной наступила тишина.

Отец девушки сидел на земле и тер кисть правой руки, видно, Ирия больно сжала ее. Девушка и Пашка стояли друг против друга, как два бодливых козла.

– Если вы нам скажете, видели ли вы наших друзей или нет, мы сразу уйдем, – сказала Алиса.

– Мы ничего не знаем, – сказал упрямо оборванец. – Куда мой топор дели? Мне без топора нельзя.

– Он в воде у берега лежит, – показала Алиса.

Дверь с грохотом раскрылась, и рыжий с занесенным над головой топором выскочил из нее.

Мужчина сразу поднялся и полез в реку. Нагнувшись, он шарил руками в воде и громко ворчал.

Пока он был занят, девушка тихо сказала:

– Видела я твоих друзей. В лесу они.

– Где в лесу? – спросила Ирия.

– У помников, – сказала девушка.

– Сколько их было? – спросила Ирия. – Они здоровы? Кто такие помники? Они не причинят вреда нашим друзьям?

– Я сразу на все ответить не смогу.

– Отвечай по порядку. – Пашка показал ей кулак.

– А ты прикажи своему мальчишке, чтобы он не дрался, – сказала девушка. – А то ничего не скажу.

– Паша! – воскликнула Ирия. – Неужели ты не понимаешь, что в такой момент...

– Понимаю, – ответил Пашка и сделал шаг в сторону.

– Я была в лесу, – сказала рыжая девушка, – и видела там помников.

– Молчи, Речка! – завопил тут оборванец. – Хватит того, что я уже пережил.

Он, мокрый по пояс, вылез из реки, держа в руке свой топор.

– Папаша, – девушка подошла к нему и отняла топор, – не вмешивайся. Ты не все понимаешь.

Она обернулась к Ирии и объяснила:

– Мой отец здесь перевозчик. И все его обижают. Кто хочет, тот и обижает. А он огрызается, как дикий кот.

– Чтобы слова такого я больше не слышал! – не сдавался отец девушки. – Чтоб о помниках ни слова. А если какой поклон или вкушец услышит?

– Зря я к тебе вернулась, – сказала Речка. – Кричишь ты много!

– А ты, может, и не ко мне вернулась! Может, ты на подглядки вернулась.

Ирия улучила паузу в этом не очень понятном для посторонних споре и вмешалась:

– Вы обещали рассказать о наших друзьях.

– А что еще рассказывать? Помники с ними были. Значит, в Убежище повели.

– Простите, – сказала Ирия, – мы здесь первый день. Мы не знаем, кто такие помники, что такое Убежище, где все это находится. Помогите нам, пожалуйста.

– Ни в коем случае! – разозлился перевозчик. – Я ее не пущу.

– Не надо пускать, – сказала Ирия. – Вы только скажите, куда нам идти, мы сами.

– В лесу самим нельзя, – сказала девушка, – в лесу помереть можно.

– А ты за нас не беспокойся, – сказал Пашка. – Справимся. У нас бластеры.

– В лес нельзя, – сказал перевозчик. – В лесу смерть ходит. Где Ручеек? Нет Ручейка!

– Он придет, – сказала девушка.

– Когда придет? Ты все говоришь, а он не идет.

– Когда надо будет, тогда и придет.

– Сейчас надо.

– Сейчас рано.

– Порченая ты, помниками порченая! – закричал перевозчик, глаза его побелели, он стал водить руками по траве, словно искал свой топор.

– Я вас проведу, – сказала девушка. – Я вас до беспамятной ямы проведу, до каменной дороги.

– Никуда ты, Речка, не пойдешь, – повторил перевозчик.

– Только не сейчас, – сказала девушка. – Когда все проплывут, тогда и пойдем.

– Кто проплывет? – спросил Пашка.

– Я думаю, два остались, – сказала девушка, – но кто знает? Может, еще кого позвали.

Алиса кивнула, будто поняла.

– Должны вот-вот появиться, – продолжала девушка. – Только вам тогда по берегу лучше не гулять. Вдруг стрельнут?

Перевозчик насторожился. У него был отменный слух.

– Едут, – сказал он.

Девушка выглянула из-за угла хижины. Пашка хотел бежать на берег, но перевозчик остановил его:

– Куда собрался? Ты же одет по-чужому. Они тебя мигом схватят. А меня задушат.

Из-за хижины Алиса увидела, что по реке плывет новый корабль. Больше всего он был похож на огромное долбленое красное корыто, посреди которого торчала толстая мачта с парусом. На парусе был грубо нарисован павлин. На корме стоял шатер из синих и желтых полос ткани.

– Сам, – сказал печально перевозчик. – Сам поклон Таракан.

Тут «корыто» начало поворачивать к берегу. Матросы убирали парус, рулевые повисли на рулевом весле, заставляя неповоротливое судно двигаться, куда надо.

На корме перед шатром можно было разглядеть человека в полосатой, цвета шатра, одежде. Он махал руками, суетился, грозил кулачком матросам.

– Прятаться надо, – сказала Речка. – Ты чего, отец, молчишь?

– Идите, – согласился перевозчик. – А я дань заплачу!

Девушка вывела путешественников из-за хижины, и, пригибаясь, чтобы их не увидели из «корыта», они побежали к кустам. Там они и затаились.

И вовремя. Еще через три минуты «корыто» приблизилось к берегу и ткнулось носом в песок. Матросы, голые, если не считать коротких полосатых юбочек, сбросили с борта мостики, и по ним быстро сбежал невысокого роста горбун, что командовал «корытом». За ним спустились стражники в полосатых, синих с желтым, таких же, как у господина, костюмах с копьями в руках.

Вся эта компания остановилась на берегу, и один из стражников закричал.

– Синий Нос! Синий Нос, предстань пред грозные очи!

Перевозчик мелкими шажками подбежал к горбуну, упал на колени и принялся биться головой о песок.

– О славный, грозный Таракан! – кричал он. – О великое хвостатое крылатое существо, поклон ты наш!

– Почему его зовут тараканом? – спросила Алиса шепотом у Речки.

– Потому что это его герб, – ответила девушка. – Видишь, на парусе нарисован?

– Но это же павлин, – сказала Алиса.

Еще через три минуты «корыто» приблизилось к берегу и ткнулось носом в песок.

– Таракан не такой, – вмешался Пашка. – Он маленький, черный или рыжий, он с усами, он бегает. Он – насекомое!

– Я-то знаю, – загадочно ответила девушка, – а другие не знают.

Между тем перевозчик по знаку поклона Таракана протянул ему мешочек. Горбун вытряхнул из него на ладонь несколько монеток.

– Мало, – сказал он.

– Знаю, что мало, поклон Таракан, – печально ответил перевозчик. – Да никто не платит. Времена такие, что никто не платит.

– Врешь! – закричал Таракан высоким голосом. – Все таишь! Поклоном норовишь стать! Сапоги тебе целовать будут?

По знаку горбуна стражники вытащили из-за поясов плети и принялись стегать рыжего перевозчика, который валялся в ногах у горбуна и клялся, клялся, клялся, что ни монетки не спрятал, что с голоду опух, дочку не может замуж выдать, потому что нечего за ней дать.

– Чего же мы ждем! – возмущенно прошептал Пашка. – Можно я их проучу?

– Не смей! – испугалась Речка. – Ты все погубишь. Так надо, чтобы бить. Так всегда делают. Иначе рабы слушаться не будут.

– Ты мне и без того уже столько монет недодал, сколько дней в году, – сказал горбун. – Как расплачиваться будешь?

– Вы же меня на место определили, поклон Таракан! – взмолился Синий Нос. – Сколько дают, столько отдаю. Может, помру скоро на этой работе.

– Что же делать? – Горбун пересыпал с руки на руку монетки. Стражники перестали лупить перевозчика, уморились. – А ну, показывай дочку. Может, и в самом деле осчастливлю тебя, за долги возьму, в хорошем доме будет жить, кушать из серебряной миски.

– Нету дочки, – ответил Синий Нос.

– Как так нету?

– В лесу она. Грибы собирает. Грибов не соберешь, что зимой жевать будем?

– Врешь! – сказал горбун. – Врешь, гладиолус вонючий! А ну, всыпьте ему, пока не сознается, где прячет свою дочь.

Стражники принялись снова хлестать перевозчика. – Ну зачем он обо мне сказал? – расстраивалась Речка. – Совсем старый стал, не понимает.

– А почему такое странное ругательство? – спросил Пашка. – Разве у вас гладиолусы вонючие?

– Не все ли равно, – отмахнулась девушка. – Если человек бедный, подлый, ничтожный, то и имя у него некрасивое. А если благородный, богатый, то мудрецы придумают ему красивое имя.

– Значит, гладиолус хуже таракана?

– Значит, хуже, – сказала девушка.

На реке показался еще один корабль.

Это было совсем удивительное сооружение: большой плот из толстых бревен, на котором возвышался дощатый помост, устланный шкурами

и коврами. По бокам плота медленно вращались, ударяя ступицами о воду, большие колеса, как на старинных колесных пароходах. На помосте стоял громоздкий резной шкаф. Вокруг шкафа выстроились люди в лиловых рясах, круглых шляпах, из-под которых свисали черные чадры с прорезями для глаз.

Стражники прервали экзекуцию и дружно повалились на колени. Матросы на «корыте» тоже пали ниц. Только горбун остался стоять, глядя, как плот поворачивает к берегу.

– Это еще кто? – спросила Алиса.

– Это сам повелитель грома и луны, верховный Клоп Небесный, первый вкушец королевства.

– Ой, – сказал Пашка, – можно понятнее?

– Можно, – спокойно ответила девушка. – Первый вкушец – это верховный жрец нашей земли. Вы знаете, что такое жрец?

– Конечно, – ответил Пашка, – это первобытный священник.

– Вот именно. У нас их называют вкушецами. Это приличнее.

– Почему приличнее?

– Потому что жрец жрет. А наши не жрут, а вкушают. Им кажется, что вкушец – более красивое слово.

– Любопытно, – сказала Алиса. – Странный пароход. Колеса крутятся, а трубы нет. Где же у него котел?

– Какой котел? – не поняла девушка.

– А колеса крутятся?

– А ты присмотрись, – сказала Речка.

Плот уже подошел поближе, и тут Алиса поняла, что она ошибалась. Колеса вращали люди, человек по десять каждое. Как белки в колесе, они работали ногами, потные, голые, несчастные.

– Это рабы? – спросил Пашка.

– Это грешники, – сказала Речка. – Бедные грешники.

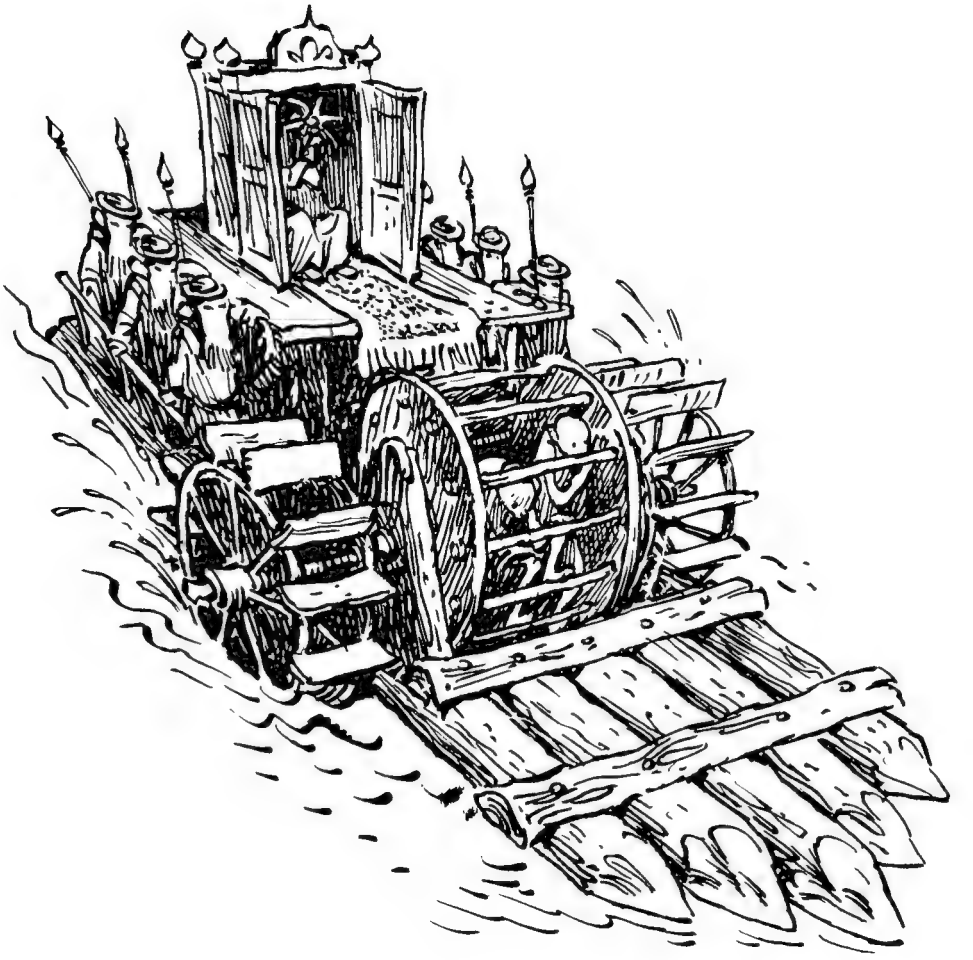
– А в чем же они согрешили?

– Кто в чем, – сказала девушка. – Может, помник попался, может, вкушецу не заплатил, или украл что-нибудь, или высморкался в храме. Много бывает разных грехов.

– Их надо всех освободить! – сказал Пашка.

– Смотри, какой смелый! – улыбнулась Речка.

Когда плот подошел к берегу, люди в лиловых рясах распахнули дверцы шкафа, и оттуда вышел очень худой сутулый человек, одетый так же, как



остальные жрецы, только на голове у него, словно корона, сияло золотое солнце.

Жрецы склонились перед ним.

– А почему у них лица закрыты? – спросил Пашка.

– Потому что они вкушецы звезд и ночи. И никто не должен видеть лица ночи.

– Слава тебе, знаменитый Клоп! – сказал горбун.

– Почему ты задержался? – спросил главный жрец. Голос у него был глухой, потому что он говорил сквозь чадру.

– Навожу порядок среди моих рабов, – сказал поклон Таракан.

– Хорошо, что я тебя догнал, – сказал жрец. – Надо поговорить.

– Слушаю и повинуюсь. – Горбун протянул руку, чтобы помочь жрецу сойти на берег.

– Отойдем, – сказал Клоп Небесный. – Чужие уши не должны слышать наших высоких бесед.

– Воистину, – ответил Таракан.

– Клоп с Тараканом, – фыркнул Пашка. – Смешно!

– Никто не думает, что это смешно. А кто подумал, уже умер, – сказала Речка.

Горбун в полосатом наряде и лиловый жрец с солнцем на голове пошли к кустам. За ними, на некотором отдалении, последовали стражники и монахи.

Горбун остановился совсем рядом с затаившейся в кустах Алисой.

– Вроде бы здесь можно поговорить, – сказал он.

– Да, они не услышат, – ответил жрец.

Они зашли за куст, и жрец откинул чадру. Под ней оказалось бледное лицо, изрезанное морщинами. Из вышитой бисером сумки, что висела у пояса, жрец достал кисет и курительную трубку. Набил трубку табаком, потом вытащил из сумки кремень и огниво. Раскурил трубку. Горбун стоял молча, глядел на жреца. Потом спросил:

– И какое же наказание положено тобой, Клоп Небесный, за такой грех?

– Медленное поджаривание на костре, – ответил тот, усмехнувшись. – Курение – страшный грех...

Жрец с наслаждением затянулся.

– ... с переходом всего имущества твоему храму, – закончил горбун прерванную жрецом фразу.

– Не пропадать же деньгам грешника, – кивнул жрец.

– Тогда и я согрешу, – сказал горбун.

– Греши, уважаемый Таракан, – согласился жрец.

В руках горбуна оказалась плоская медная фляга. Горбун отхлебнул из нее и спросил, вытирая тонкие голубые губы:

– О чем ты хотел поговорить со мной, властитель звезд?

– Там, в Убежище, – сказал жрец, – как доносят мои люди, есть много странных и даже чудесных вещей.

– Я слышал об этом, – согласился горбун.

– Плохо будет, если они попадут в руки недостойным.

– Или дуракам, – сказал горбун.

– Как видишь, мы мыслим с тобой одинаково, мой ученик, – сказал жрец. – Главное – не высовываться. Наши отряды невелики.

– Конечно, – сказал горбун, прихлебывая из плоской бутылки. – Эти бандиты-близнецы приведут с собой целую орду мерзавцев.

– И его Повелительство имеет армию.

– Наши люди не пойдут в первых рядах, – сказал горбун.

– Они должны остаться в живых...

– Чтобы забрать все чудесные вещи, что спрятаны нечестивцами.

Заговорщики замолчали.

Алисе очень хотелось чихнуть. Но она лежала так близко к горбуну, что видела каждую ниточку на его полосатых штанах.

«Он же похож на осу, – подумала она. – На желто-синюю осу».

– А теперь мне хотелось поговорить с тобой еще об одном деле, – сказал жрец, понижая голос.

– Я слушаю, несравненный Клоп.

– Наше Повелительство великий Радикулит...

– Да славится имя его! – воскликнул горбун.

– Да славится имя его, – тихо повторил жрец, – стареет.

– Но он еще крепок.

– Он еще крепок, но стареет. И мы обязаны думать о том, кто займет его место в случае несчастья...

Алисе жутко хотелось чихнуть. Она чесала переносицу, но не помогало, она извивалась на песке, стараясь удержаться...

И чихнула!

Заговорщики подпрыгнули от неожиданности и бросились бежать к берегу.

Впереди несся Клоп Небесный, подобрав лиловую рясу и мелькая худыми голыми ногами. За ним, подпрыгивая, семенил горбун.

– Стража! – кричал он на бегу. – Оцепить кусты! Никто не должен уйти живым! Там враги! Там подглядчики!

– Бежим! – крикнула Речка.

Она первой кинулась в гущу кустарника. Колючки цеплялись за рукава, корни – за башмаки, сзади доносились вопли.

– Сюда! – крикнула Речка и пропала из глаз.

Оказалось, что в гуще кустарника есть лаз. Алиса нырнула туда.

Пещера. Вернее, яма в обрыве, тесная и сырая. Вчетвером они еле в ней поместились.

– Теперь тихо, – сказала Речка. – Я думаю, они нас не найдут. Я тут уже не раз пряталась.

– Зачем пряталась? – спросил Пашка.

– То работорговцы, то люди горбуна, то разбойники – мало ли кто хотел меня утащить.

– Ну и жизнь, – сказал Пашка. – Никакой справедливости.

– А какая может быть справедливость для бедных?

– С этим надо кончать, – сказал Пашка.

– Трудно.

– Но ведь раньше было иначе, – сказала Алиса.

– Тише, – прошептала Ирия.

Алиса понимала: Ирию сжигает желание скорее вернуться в лес, найти Тадеуша. И раз приходится терпеть и ждать, она будет терпеть и ждать, но мысленно она не здесь, она в лесу.

Перекликались голоса. Солдаты и жрецы прочесывали кусты в поисках злоумышленников.

В пещерке было душно, с потолка сыпалась земля. Казалось, что прошел целый час, прежде чем крики солдат утихли.

– Можно вылезать? – прошептал Пашка.

– Погоди, – ответила девушка, – они могли затаиться. Вкушецы ужасно хитрые. Они привыкли ловить людей. Люди думают, что опасность миновала, а они сидят и подстерегают.

И снова потянулось ожидание.

– А кто такие помники? – спросила вдруг Ирия. – Они живут в лесу?

– Они живут в Убежище, – сказала Речка.

– Они плохие?

– Все думают, что они плохие, а они хорошие.

– Они не причинят вреда нашим друзьям?

– Если ваши друзья хорошие, то не причинят.

– А почему они живут в лесу?

– А где же еще жить? – спросила девушка.

– А почему твой отец их не любит?

– А помников никто не любит, – ответила Речка. – Их боятся. Вы же слышали, Клоп с Тараканом собираются в поход на помников.

– Почему?

– Потому что помники крадут детей.

– Так это же плохо!

– Это хорошо, – уверенно сказала девушка. – Они моего брата украли. И меня украли. Только я вернулась.

– Убежала? – спросил Пашка.

– Нет. Я подглядчица, – сказала Речка.

Пашка ничего не понял. Речка прошептала:

– Я вылезу наружу, посмотрю...

– Осторожнее, – сказала Ирия.

– Я очень осторожная, – ответила Речка и выбралась из пещеры.

Алиса смотрела ей вслед. Девушка проползла между кустами и замерла, прислушиваясь.

В кустах возник какой-то шум.

– Осторожнее! – прошептала Алиса.

Но девушка поднялась и пошла навстречу шуму.

Из кустов вышел ее отец. Он хромал, голова была разбита, бровь рассечена, струйка крови стекала по щеке.

– Отец! – побежала к нему Речка. – Они тебя совсем замучили!

– Ты жива! – обрадованно воскликнул перевозчик. – А я уж не знал, чего думать.

Девушка сорвала лист с куста и стала вытирать отцу щеку.

– Негодяи! – говорила она. – Они за это поплатятся.

– Не надо так говорить, – перевозчик опасливо оглянулся. – У них везде уши.

– Не бойся, недолго осталось терпеть.

– Нет, не говори так, не говори!

– Вылезайте. – Девушка обернулась к пещере. – Они уплыли.

– И так серчали, – сказал перевозчик, увидев, как его гости вылезают из-под земли и отряхивают с комбинезонов грязь. – Так серчали, чуть меня не убили. Я им сказал, что у нас здесь странная птица завелась – кричит, словно человек чихает.

– И поверили?

– Может, поверили, может, не поверили, откуда им знать, что в лесу водится. Но спешили сильно. Им в Город надо.

Когда все вышли на берег, то увидели, что плот Клопа Небесного и «корыто» горбуна уже отплыли довольно далеко.

– Я выведу их наверх, – сказала Речка отцу. – И вернусь.

– Нет, – сказал перевозчик. – Я с тобой пойду. А то ты опять в лесу пропадешь. Сколько мне одному бедовать?

– Не бойся, я вернусь, – сказала Речка. – Мне здесь до вечера сидеть, смотреть, кто по реке плывет. Вечером уйду. Так договорено. Так что ты оставайся. Если без меня кто проплывет, запомни и все расскажешь.

– Ты их далеко не води, – сдался перевозчик. Глаз у него распух, на щеке ссадина, он стал еще страшнее, чем прежде.

– Не бойся, – снова повторила девушка.

– Ты одна у меня осталась! – горестно сказал перевозчик.

Когда они забрались на крутой обрыв и, переводя дыхание, поглядели вниз, хижина перевозчика показалась им махонькой, игрушечной, а сам Синий Нос, что стоял рядом, задрав голову и стараясь разглядеть дочь на обрыве, был ростом чуть больше муравья.

Лес в том месте подступал близко к обрыву, и от него тянуло сыростью, влагой, тусклым запахом мхов и грибов.

Речка долго вглядывалась вверх по реке. Но река была пуста.

– А почему ты за ними следишь? – спросил Пашка.

Хоть они сначала и повздорили, с Пашкой Речка чувствовала себя свободней, чем с остальными.

– Надо, – коротко ответила девушка.

Она присела на корточки, сорвала несколько длинных травинок и принялась плести из них какую-то сложную косичку. Ее пальцы летали так быстро, что трудно было уследить за их движением.

– Это, – сказала она, обращаясь к Ирии, – вы отдадите первому же помнику. Скажете, что от Речки.

– Это пароль? – спросил Пашка. – Чтобы нас не убили?

– А зачем вас убивать? – удивилась девушка. – Если вы до помников доберетесь, никто вас не убьет. Вы только доберитесь. Не помрите по дороге.

– А как мы узнаем, кому отдать? – спросила Ирия, пряча косичку в карман комбинезона.

– Ну разве ты помника не отличишь?

– Нет, – улыбнулась Ирия. – Ты забываешь, Речка, что мы здесь еще ничего не знаем.

– Отличишь, – уверенно сказала Речка и первой направилась к лесу.

Они вступили в его тень. Белесые стволы сомкнулись со всех сторон, под ногами пружинили моховые кочки. Небо пропало из глаз.

– Чем помники от остальных отличаются? – спросила Алиса.

– Они... они такие, как я. Обыкновенные. – Твой отец помник?

– Нет, разве не видно? – удивилась девушка. – Мой отец простак. Как все люди там... – Речка показала назад.

– А в лодках были простаки?

– В лодках не было простаков, – поморщилась девушка. – Какие вы непонятливые! В лодках были поклоны, вкушецы и их слуги. И солдаты. Разные люди. А простаки работают. Землю пашут, сапоги тачают. Их можно бить. А поклонов и слуг бить нельзя.

– Вот это уже понятнее, – сказала Ирия. – А почему помники живут в лесу?

– Они не живут в лесу! – Речка была в отчаянии, что ее новые друзья не понимают простых вещей. – Они живут в Убежище. Там есть над чем думать. И их найти трудно.

– То, что ты называешь Убежищем, за лесом?

– До Убежища лес, – сказала девушка. – И за Убежищем тоже лес. И горы. Вы разве не знали?

– Не знали, – сказала Ирия.

Речка остановилась, огляделась. В лесу было тихо. Лес затаился, словно прислушивался к шагам людей.

– Здесь я прошлый раз оборотня встретила, – сказала Речка. – Еле убежала.

– Оборотня? – повторил Пашка. – А во что он оборачивается?

– Может в летучую мышь, а может в сову, – сказала девушка. – Кто знает! Они опасные.

– Нет, – сказал Пашка, – эта планета требует большой специальной экспедиции. Чем больше я по ней путешествую, тем более загадочной она мне кажется.

– А ничего загадочного, – откликнулась Речка. – Только безобразий много.

– Речка, – спросил Пашка, – а ты знаешь, что раньше это была очень развитая страна? И отсюда даже летали космические корабли.

– Ты честно говоришь?

– Честное слово. Ваши даже к нам прилетали.

– Когда будешь в Убежище, скажи об этом пигмею Хрусту, – попросила девушка. – Он очень обрадуется.

Справа что-то светлело.

– Там что? – спросила Алиса.

– Туда нельзя, – ответила девушка. – Вы вообще в лесу бойтесь ям, особенно если в них туман.

– Почему?

– Там пауки бывают. Или еще хуже.

– А что хуже? – спросил Пашка.

– Попадешь в яму, станешь бе-пе.

– Вместо того чтобы пугать, – сказал Пашка, – лучше бы объяснила.

– Ну как тебе все объяснишь, если ты простых вещей не понимаешь! – ответила Речка. – Я же сказала: видишь яму – беги.

– А еще от чего бежать?

– А в лесу, если что незнакомое, обязательно беги.

– Ничего, мы вооружены, – сказал Пашка.

– Слышала я уже это от тебя. Много твое оружие поможет, если в туман попадешь? Твои-то попали, видать.

– Кто? – быстро спросила Ирия.

– Кто? Твои друзья. Видела я их. Бе-пе! Ясное дело.

– Я так больше не могу! – воскликнул Пашка. – Говори по-человечески.

– Тише! Пигмеев атани спугнешь. И без шкуры останешься. Все! Дальше мне хода нет. Теперь держите на то белое дерево. Никуда не сворачивайте, поляну обойдите по краю, чевири неопасные, но противные, потом не отмоешься. У того дерева начнется каменная дорога. По ней идите быстро, не разговаривайте. Чуть какой шум – прячьтесь в кусты и ждите. Через час увидите белую полосу поперек дороги. Там встаньте. Выйдет караульщик. Это помник, наш. Отдашь ему плетенку. Скажешь на словах, что вечером буду, как договорено. Есть важные новости. Ясно?

– Ясно, девочка, – сказала Ирия.

– Я бы пошла с вами, да не могу, некогда.

– Мы увидимся, – сказала Ирия.

– Обязательно увидимся.

Пашка протянул девушке руку.

– Ты чего? – спросила она.

– Руку даю, – сказал Пашка. – Прощаюсь.

– Так у вас делают? – спросила Речка.

Ирия уже шла впереди.

– Пашка, не задерживайся, – сказала Алиса.

Речка провела себе ладонью по щеке – так прощаются на Крине.

Девушка стояла, смотрела им вслед – тоненькая, в сером рубище, длинные рыжие волосы рассыпались по плечам.

Такой Алиса и запомнила Речку.

Глава седьмая
ПИГМЕИ АТАНИ

Метров через сто они вышли на поляну. Поляна была невелика, она густо заросла высокой сочной травой. Мирная поляна, тихая, только бабочки вьются над ее серединой.

– Не вижу чевирей, – сказал Пашка.

– Ну и хорошо, – ответила Алиса.

– Может, пройти напрямик?

Ирия, которая огибала поляну, прижимаясь к кустарникам, ответила не оборачиваясь:

– Пашка, я бы тебя в экспедицию с собой не взяла. Если есть предупреждение, всегда выполняй его. А то будет поздно.

– Слушаюсь, капитан, – ответил Пашка, который уже раздумал идти напрямик, он отломал толстый сухой сук и кинул его в центр поляны.

И тут же из густой зеленой травы высунулись многочисленные розовые щупальца, тонкие, гибкие, быстрые. Они закрутились, разыскивая, кто потревожил их покой. И над поляной повис густой неприятный запах.

– Пашка, тебя же предупреждали! – воскликнула в сердцах Алиса, спеша вперед, потому что дышать было невозможно.

Вонь еще долго преследовала их.

– Ведь предупреждали, почему ты никому не веришь? – возмущенно воскликнула Алиса, остановившись перевести дух.

– Доверяй, но проверяй, – повторил Пашка чью-то глупую фразу.

Громадное белесое дерево-великан в три обхвата возникло перед ними. Оно было таким старым, что в коре, источенной норами и дуплами, живого места не было. Обитатели коры – насекомые, зверьки, птицы – высунулись, глазея на гостей.

Ирия первой обогнула дерево, прошла несколько шагов и остановилась. Ударила каблуком башмака по земле. Звук был гулким, твердым.

– Девочка была права, – сказала она.

Когда Алиса догнала Ирию, она увидела, что та стоит в начале бетонной дороги. Она была старая, по ней давным-давно никто не ездил. Между бетонными плитами росли кусты и даже маленькие деревья, края плит раскрошились. Но это была самая настоящая дорога.

– Еще одно предсказание сбылось, – заявил Пашка. – Теперь мы скоро дойдем до наших помников.

– Погоди, Пашка, – сказала Алиса. – Велели же не разговаривать. Только не представляю, как тебе это удастся.

– А вот посмотришь, – ответил Пашка и пошел по дороге рядом с Ирией, которая вытащила бластер из-за пояса и шла, стараясь беззвучно наступать на бетон, оглядываясь и прислушиваясь к звукам леса.

Так они шли несколько минут. Но до белой полосы не дошли.

Внезапно с обеих сторон раздался оглушительный визг, крики, треск ветвей. И отовсюду, даже будто из-под земли, появились маленькие юркие черные мохнатые тела...

Алиса даже не успела ахнуть, как под тяжестью мохнатых тел упала на бетон. Раздался выстрел, кто-то успел выстрелить – Пашка или Ирия. От существ, которые напали на путешественников, пахло шерстью, потом и мускусом. Они так суетились, дергали Алису, кричали, щебетали, таким тяжелым комом навалились на нее, что она испугалась: сейчас задохнется.

Ее потащили в лес...

Они не знали, что попали в плен к пигмеям атани. И не знали, что пигмеи, ловкие, цепкие, как обезьяны, живут в кронах деревьев, где вьют большие гнезда из сучьев, сражаются со стадами обезьян и драконами, которые разоряют их гнезда и воруют детей, и что у пигмеев есть тайные святые места, где они скрывают своих идолов и сокровища, что находят в заросших лесом городах. Ну и конечно, они не знали, что есть на Крине рыцари, из которых самые отчаянные посылают отряды, чтобы выслежи-

вать пигмеев и отыскивать эти тайники. И уж совсем не знали, что, кроме братьев Кротов, это мало кому удается. Это лишь потом они узнали, что если пигмей попадется в лапы Крота или подобного ему лесного рыцаря, то вряд ли он вырвется на свободу. Скольких пигмеев эти разбойники уже замучили, чтобы выпытать секреты их тайников! Скольких сгноили в заброшенных шахтах! Зато если пигмеям попадется в руки рыцарь или стражник, они к ним беспощадны. Речку или помника они не тронут – они их угадывают по одежде. Но за рыцарями они охотятся. А Ирию и ее друзей они приняли за рыцарей.

Ничего этого наши герои, разумеется, не знали. Их волокли, как пойманных кабанов, скрутив лианами руки, по кочкам в чащу, в темноту, подальше от дороги.

Ветви стегали их по лицу и плечам, и не закроешься от ударов, лианы так сильно стягивали руки, что они затекли; вокруг пересвистывались пигмеи – мохнатые темные человечки, которые казались быстрыми тенями. Под их ногами чавкала вода. Потом они продрались сквозь переплетение колючих ветвей и оказались в низине, окруженной сплошной стеной кустов и деревьев. В центре низины горел громадный костер, вокруг стояло несколько шалашей. Шалаши эти были временными, только раз в году пигмеи атани собирались сюда на священный праздник Белой Господинки. В этот день сокровища вынимают, и пигмеи любуются ими, тут же приносят жертвы, совершают священные пляски, посвящают молодых пигмеев в охотники, продают и покупают невест. И главное – в этот день они смотрят на Белую Господинку, Хранительницу Леса, мать пигмеев. Пигмеи думают, что эта статуя родилась вместе с лесом в древние времена из корней деревьев. Ничья рука не касалась ее...

Пленников бесцеремонно бросили на землю и, казалось, о них забыли. Алиса смогла наконец разглядеть пигмеев.

Они были невелики ростом, по пояс взрослому человеку. Старые охотники украшали себя ожерельями из кабаньих клыков, а красавицы вдевали эти клыки в нос и в уши. Если пигмею удавалось найти в лесу или в заброшенном городе какую-нибудь красивую, с его точки зрения, вещь, он ее использовал как украшение. Поэтому в мочке уха одного из пигмеев висел ржавый гвоздь, у другого на груди – будильник без стрелок, а у самого знатного в густые волосы была воткнута позеленевшая дверная ручка.

Пигмеи занимались своими делами. Женщины сортировали на больших листьях угощение – чистили улиток, сдирали шкуру с ящериц, – другие подметали ветками площадку у костра, устилали ее мхом.

– Как в приключенческом фильме, – сказал Пашка, который вовсе не пал духом, а наблюдал за всем с интересом. – Потом они привяжут нас к столбам и начнут стрелять в нас из лука.

– Не говори глупостей, – сказала Алиса, – и без тебя тошно.

– Ловко они нас ограбили, – произнесла с сожалением Ирия. – Я даже не заметила.

Тут Алиса поняла, что пигмеи сняли с них пояса, к которым крепится все – от аптечки и запаса концентрированной пищи до бластера.

– А я заметил, – сказал Пашка, – только подумал, что они меня щекочут.

Из самого большого шалаша вышел старый пигмей. Его длинные курчавые волосы от старости стали желтыми, желтая борода доставала до земли, и немудрено: он шел, согнувшись пополам, так что доставал кончиками узловатых пальцев до земли.

Остальные пигмеи, а их собралось на площадке, наверное, несколько сотен, засуетились, сбежались к старику. Тот направился к лежавшим на траве пленникам.

Их волокли, как пойманных кабанов, скрутив лианами руки, по кочкам в чащу, в темноту, подальше от дороги.

Изучал он их долго. Рассматривал, трогал, даже приоткрыл пальцем губу Алисы и осмотрел ее зубы, будто лошадь покупал. Пашка фыркнул, но старик заворчал на него.

Больше всего старика заинтересовала Ирия.

Он опустился перед ней на корточки, погладил по золотым волосам и засвистел. Остальные тоже засвистели. Старик распрямился и отдал приказание.

Алиса пожалела, что компактный переводчик остался в поясе, которого она лишилась. Без него языка пигмеев не поймешь.

Пигмеи выволокли из шалаша большой, длиной метра полтора, сверток. Они положили его на землю недалеко от пленников, развязали лианы, размотали мешковину, и там обнаружилась мраморная статуя.

Статуя изображала молодую женщину в короткой тунике. Женщина держала перед собой небольшую книжку. Талантливый скульптор очень хорошо передал состояние читательницы – ее не интересовало ничего, кроме книги, в которую был устремлен ее взгляд.

На небольшом постаменте было выбито название скульптуры:

«ЧИТАТЕЛЬНИЦА»

По знаку старика пигмеи положили скульптуру рядом с Ирией и начали сравнивать пленницу с «Читательницей». Сравнение убедило их в том, что Ирия и есть ожившая статуя. Это привело пигмеев в восторг.

Старик поднял руку, все замолчали, и в тишине он произнес:

– Ату-мана!

Затем показал на статую и перевел указующий перст на Ирию.

Толпа пигмеев издала радостный вопль.

Когда радость несколько утихла, все обернулись к Ирии, ожидая, что она скажет.

Ирия сказала:

– Спасибо за внимание. Теперь развяжите меня и моих друзей.

Услышав голос ожившей Белой Господинки, пигмеи пришли в бурный восторг, но развязывать пленников не стали. Ирия повторила свое приказание и нахмурилась. Пигмеи всполошились: Белая Господинка недовольна.

Старик пошлепал губами, подумал, потом крикнул:

– Вери-Мери!

– Вери-Мери! – завопили пигмеи. – Вери-Мери!

Из-за шалашей раздался ответный крик. Пигмеи толпой бросились туда и через несколько секунд выволокли на площадку маленького сытого пигмея. Он жевал большой корень.

Пигмеи начали кричать на Вери-Мери, старик рассердился, отобрал корень, поднял на вытянутой руке и начал выговаривать пигмею за непослушание. Тот глубоко вздохнул, поглядел на пленников, потом, обратившись к Ирии, сказал на языке Крины:

– Они велят спросить, чего ты сердишься?

– Вы переводчик! – догадался Пашка.

– Конечно, переводчик, разве не видать? – сказал пигмей. – Быстро отвечайте, а то они мой корень сжуют.

– Я приказала им меня развязать, – сказала Ирия.

– Вряд ли, – сказал Вери-Мери. – Кого решили скушать, их не развязывают.

– А ты переведи, – повторила Ирия.

Вери-Мери обернулся к ожидавшим зрителям и сообщил, чего хочет Ирия.

Началось долгое совещание. Некоторые соглашались с тем, что живую богиню неприлично держать связанной. Другие полагали, что развязанная богиня убежит. Наконец старейшина принял решение и сообщил его Вери-Мери, заодно вернув ему корень.

– Странно, – сказал переводчик, засовывая корень в рот. – Велят развязать. Значит, кушать не будут.

С этими словами он не спеша направился обратно за шалаши.

Пигмеи развязали пленников. Ирия тут же потребовала, чтобы им вернули пояса.

Снова побежали за Вери-Мери. На этот раз он даже подходить близко не стал. Выглянул из-за шалаша и объявил:

– И даже переводить не буду. Они ваши вещи уже растащили и в тайники засунули.

– А ты попробуй, – сказала Ирия.

– А то мы дождь напустим или град, – добавил Пашка. – С нами, с богами, лучше не шутить.

– Ладно уж, переведу.

На этот раз совещание пигмеев затянулось. Видно, Пашкина угроза показалась им реальной, но расставаться с сокровищами не хотелось. Неизвестно, чем бы кончился спор, если бы вдруг из кроны громадного дерева, что нависало над низиной, не вылетел, держась за конец лианы, отчаянно верещавший пигмей.

Его крик вызвал панику. Некоторые бросились бежать в лес, другие хватались за дубинки, плакали дети, женщины метались по поляне, старик схватил статую «Читательница» и старался утащить ее в шалаш. К старику на помощь прибежало еще несколько пигмеев, но они только мешали друг другу.

Вери-Мери, который продолжал меланхолично жевать корень, подошел к растерянным пленникам и сообщил:

– Левый Крот едет. Выследил. Я так и думал, что выследит. Конец вам пришел.

Сверху послышался хруст ветвей и топот, кусты расступились, и над низиной показались всадники.

Все они были одеты одинаково: в черные кожаные куртки, узкие черные штаны, на головах вместо шапок или шлемов – волчьи головы с разинутыми красными пастями. Впереди был их предводитель, одетый так же, только на плечах серебряный плащ, расшитый волчьими головами. Все воины ехали верхом на оленях, предводитель – на единороге. Да, на самом настоящем единороге.

Алисе приходилось слышать о единорогах. Отец даже привозил фотографию, сделанную в зоопарке какой-то далекой планеты, только это было давно, и Алиса не запомнила названия той планеты. Когда-то, в сказочные времена, единороги жили даже на Земле, но вымерли.

Единорог был ослепительно белым и во всем схож с большой красивой лошадью. Но на лбу у него был прямой, направленный вперед витой золотой рог.

Группа воинов замерла на краю леса, глядя вниз на суету и суматоху лагеря пигмеев.

Потом главный рыцарь на единороге взмахнул рукой в черной перчатке, остальные воины подняли большие луки и натянули тетиву.

– Иййееж! – закричал, улыбаясь, рыцарь.

На площадке наступила тишина. Пигмеи попадали ниц.

Черный отряд медленно спустился в низину. Это было внушительное, хоть и жуткое зрелище, и склонный к романтике Пашка глядел на рыцарей, приоткрыв от удивления рот.

А Алиса глядела в лицо предводителя, которого переводчик Вери-Мери назвал Левым Кротом.

Из-под волчьей морды смотрели черные, узко посаженные глаза. Они казались глубокими дырами, пробуравленными в голубом узком лице. Все в нем было узкое: и нос, и губы, и брови, и даже усики. И еще Алиса успела заметить одну странность: все воины и их предводитель были обуты на одну ногу. На правой черный сапог, левая – босая.

Левый Крот встретился взглядом с Алисой и явно удивился.

Потом перевел взгляд на Ирию, на Пашку.

– Кто такие? – спросил он высоким голосом.

– Мы попали в плен, – сказала Ирия.

– Вижу и удивляюсь, – сказал рыцарь. – Я знаю этих дикарей. Они никогда не развяжут пленников. Они даже жарят и жрут их в лианах.

– Случилась странная вещь, – сказала Ирия, решив, что правда – лучшее оружие. – Эти карлики принесли статую, решили, что я похожа на нее, и развязали нас.

– Статую? Белую?

Голос рыцаря дрогнул. Видно, Ирия сказала что-то лишнее.

– Где она?

Рыцари привстали в стременах.

Алисе показалось, что большие карие глаза единорога глядят на нее с сочувствием. А может, с укором?

Пигмеи были неподвижны. Как будто сотни человечков заснули на этой площадке.

Взгляд рыцаря остановился на кучке пигмеев, скорчившихся возле костра.

Он тронул босой левой ногой единорога. Тот медленно и грациозно подошел к пигмеям и приподнял золотое копыто.

– Ну! – крикнул рыцарь. – Долой!

Пигмеи не шелохнулись.

Тогда по знаку рыцаря воины соскочили с оленей и принялись растаскивать пигмеев.

Когда плачущих карликов разогнали, оказалось, что они закрывали своими телами драгоценную статую «Читательница» – Белую Госпожу, свою главную ценность.

Когда под стон и плач пигмеев воины поставили статую, Левый Крот радостно воскликнул:

– Она!

Воины загоготали.

– Большая удача! – воскликнул Левый Крот. – Посмотрим, как запоют поклоны в Городе. А теперь... – Он огляделся: – Искать тайники! Вы знаете, как это делать.

– Поклон Левый Крот, – сказал один из воинов, постарше других, сидевший верхом на могучем олене с рогами размахом в метр. – Я думаю, сначала лучше связать пигмеев, а то будут мешать.

– Правильно, – согласился рыцарь. – Займись этим. А я поговорю с чужими людьми.

Впереди был их предводитель, одетый так же, только на плечах серебряный плащ, расшитый волчьими головами. Все воины ехали верхом на оленях, предводитель – на единороге.

Не слезая с единорога, он подъехал к Ирии. Голова единорога была совсем рядом с Алисой, и ей очень захотелось погладить его. Она протянула руку. Единорог словно понял, но не пошевелился. Алиса слышала, как рыцарь спрашивает Ирию:

– Судя по всему, вы благородные поклоны. Но одежда ваша и герб мне незнакомы. С кем имею честь?

Алиса дотронулась до шеи единорога. Шерсть была мягкой, шелковистой. Единорог закрыл глаза. У него были длинные черные ресницы.

– Мы издалека, – сказала Ирия. – Вы не знаете нас.

– Может, ты из помников? – нахмурился рыцарь.

– Нет, – ответила Ирия. – Разве вы сами не видите?

Рыцарь ничего не ответил.

В низине стоял вой, слышались крики, стоны, воины ловко привязывали пигмеев к длинной веревке, словно низали бусы. Пигмеи почти не сопротивлялись, а если кто-то норовил убежать, воины били пленников нагайками.

– Почему ехали лесом? – спросил рыцарь у Ирии.

– Мы заблудились.

– Мне трудно поверить, – сказал рыцарь. – Благородная поклонка с двумя детьми без коней или оленей.

– Мы плыли по реке, – сказала Ирия. – Наша лодка разбилась.

Алиса почесала единорога за ухом. Ей показалось, что единорог улыбнулся.

– Готово, поклон Левый Крот! – крикнул старый воин.

– Отгоните их, – приказал рыцарь.

Пигмеев загнали за шалаши, оставили возле них стражу.

– Теперь за дело, – сказал рыцарь. – Где Вери-Мери?

Переводчик Вери-Мери уже сам подошел к рыцарю. Непонятно было, откуда он взялся, где скрывался эти минуты.

– Здесь я, – сказал он лениво.

– Показывай, – сказал рыцарь. – Где тайники пигмеев?

– При всех показывать не буду, – сказал тихо переводчик. – Они увидят – под землей меня найдут. А я жить хочу.

– Не покажешь, умрешь куда раньше, – усмехнулся рыцарь.

– Нет, – ответил переводчик, – не убьешь ты меня, поклон Левый Крот. Сколько еще племен в лесу, сколько тайников, а тебе ведь хочется все раздобыть.

– Молчать!

– Могу и помолчать. Ищи сам, – сказал Вери-Мери и принялся сосать корень.

– Убью! – рявкнул рыцарь.

– Десятая часть моя, – ответил на это переводчик.

– Показывай, – сдался рыцарь.

– Под левым шалашом в земле, – сказал Вери-Мери. – Справа от костра яма засыпана сучьями. Выше, у большого двойного дерева между корней пещерка. А я пойду. Потом встретимся.

– Где? – быстро спросил рыцарь.

– Буду в Городе, – сказал Вери-Мери. – У мудрецов. Люблю поговорить с мудрецами. Дай-ка мне горсть.

– Много, – сказал рыцарь.

Маленький пигмейчик стоял спокойно и улыбался. Он был похож на злую перекормленную обезьянку. Босая нога рыцаря покачивалась у самой его головы. Рыцарю ничего не стоило ударить предателя. И, видно, ему хотелось это сделать. Нога дрогнула, и переводчик решил не испытывать судьбу – он шустро отпрыгнул в сторону.

– В Городе я постараюсь узнать важные для тебя вещи, рыцарь, – сказал он.

Левый Крот отстегнул от пояса один из висевших там кошелей и уронил на землю. Переводчик не шевельнулся.

Рыцарь тронул ногой единорога, и тот, кинув взгляд на Алису, двинулся прочь.

Тогда переводчик нагнулся, быстрым движением поднял с земли кошель и тут же засунул его под набедренную повязку.

Этим моментом воспользовался единорог. Он поднял заднюю ногу и сильно ударил Вери-Мери золотым копытом. Тот с воплем отлетел в сторону. Но никто не слушал его проклятий. Только Пашка сказал:

– А я согласен. Не люблю доносчиков.

– Я не доносчик! – откликнулся Вери-Мери. – Я принципиальный подглядчик! Это моя работа. И не хуже других.

А на площадке воины раскапывали тайники пигмеев. Те поняли, что происходит, и завопили еще сильнее.

Из тайников воины доставали сокровища, которые, на взгляд Алисы, и не были сокровищами. Ржавая кастрюля, корпус от пишущей машинки, утюг без ручки, разбитая люстра, дверца шкафа, мраморные шарики, ка-

кие-то блестящие тряпки, и все это грязное, замшелое, словно с помойки. Но воины думали иначе. Порой какая-нибудь вещь вызывала у них бурю восторга, а Левый Крот, который на единороге сновал между группами «археологов», щурился, как сытый кот. Все награбленное добро воины совали в мешки и приторачивали их к седлам. Олени пугливо поглядывали на незнакомые вещи. Особенно тщательно запаковали белую «Читательницу». Заворачивая ее, воины поглядывали на Ирию. Видно, им тоже казалось, что она похожа на статую.

– Может, сбежим? – спросил шепотом Пашка.

– Боюсь, сейчас не удастся, – сказала Ирия.

В этот момент воин вытащил из одного тайника пояс Ирии.

– Это мое, – сказала она, подходя к воину и протягивая руку.

– Подожди, – ответил рыцарь, – потом разберемся. Может, ты ведьма и у тебя там волшебные снадобья.

– Там рация, – сказал по-русски Пашка. – Вот что жалко. Вызвали бы сейчас Гай-до.

– Вызовешь его, – мрачно ответила Алиса. – Если он без топлива сидит, ждет нас, бедненький. Представляешь, как он переживает!

– Слушайте меня, друзья, – сказала Ирия. – Без моего согласия ничего не предпринимать. Мы обязательно убежим, но ошибки быть не должно.

Глава восьмая
ВСТРЕЧА В ЛЕСУ

Они шли по лесу. Впереди рыцарь на единороге, затем Ирия с ребятами и воины. Сзади гнали длинную вереницу пленных пигмеев.

– Боюсь, что мы с каждым шагом удаляемся от цели, – сказал Пашка.

– На непонятном языке говорить запрещено! – раздался рядом голос.

Они увидели, что за ними шагает, как всегда жуя корень, предатель Вери-Мери.

– Еще тебя не хватало! – возмутился Пашка. – Отойди, а то я с тобой расправлюсь почище единорога.

– Что такое единорог, я не знаю, – ответил с достоинством маленький предатель. – Если вы имеете в виду удар, который мне нанесла рогатая кобыла, то она за это поплатится. Каждый поплатится, кто поднял на меня руку.

Вери-Мери грозно выпучил глаза и надулся, но все равно он был так мал, что его шевелюра еле доставала до плеча Алисы.

– Вы думаете, – продолжал Вери-Мери, – что если человек мал ростом, то большие могут его топтать? Это ошибка. Все великие люди были маленького роста. И знаешь почему?

– И знать не хочу, – буркнул Пашка.

– А ты слушай. Полезно. Маленького ребенка обижают большие дети, потому что они глупые и думают, что рост – это достоинство. А потом, когда маленький человек станет взрослым, он понимает, что вместо роста небо подарило ему ум. И с помощью этого ума он доказывает всем глупым великанам, что может укоротить их, как пожелает. Только для этого нужно терпение. И еще раз терпение. Ты думаешь, мне не жалко этих пигмеев, которые так и не поняли преимуществ нашего малого роста? Жалко. Но в этом мире побеждает только сильный.

– Вери-Мери, – сказала Ирия, – вы мне надоели. И я боюсь, что Пашка сейчас вас побьет.

– Нельзя, – ответил переводчик. – Я под защитой знаменитого непобедимого поклона Левого Крота.

– А он будет только рад, – сказала Ирия.

– К сожалению, вы правы, – согласился вдруг переводчик. – До встречи.

И он исчез. То ли под землю провалился, то ли нырнул в листву.

Некоторое время они шли молча. Лес близко подступал к тропе. Листва смыкалась над головой. Что-то заставило Алису поглядеть направо – из переплетения сучьев на нее глядел человек.

На мгновение его лицо мелькнуло белым пятном в массе зелени.

Она хотела сказать об этом Пашке, но, как ни вглядывалась в чащу, ничего больше не увидела.

Процессия двигалась медленно, петляя между могучих стволов. Сзади доносился шум: говор, стоны пигмеев, крики воинов. Спереди мерно покачивались черные спины рыцаря и его охраны.

Единорог оглянулся, взглянул на Алису, и ей показалось, что он улыбается. Но не может же лошадь, даже рогатая, улыбаться.

Деревья расступились, впереди была просека. Она заросла кустами и тонкими деревцами, посреди нее тянулась проселочная дорога. Воины оживились, заговорили громче, даже олени пошли быстрее.

И тут Алиса снова увидела человека, который следил за ними.

Он сидел на толстом суку, нависшем над дорогой, совсем не таился и даже странно было, что никто не догадался поднять голову и заметить его.

Человек улыбнулся Алисе, подмигнул и помахал рукой.

Он был совсем молодым, даже юношей. Одет в кожаную куртку и штаны, у него были длинные, до плеч, огненные волосы, зеленые глаза, и лицо его почему-то знакомо. Но почему Алисе может показаться знакомым лицо лесного человека на далекой планете?

Дерево осталось позади. Алисе хотелось оглянуться, посмотреть, что будет делать юноша дальше, но она не осмелилась, чтоб не привлечь к нему внимания.

Но оказалось, что юноша сам этого хочет.

Когда через несколько минут первые воины выехали на широкую пустошь посреди леса, заросшую редкими деревьями, меж которых рос тростник и кое-где поблескивала вода, юноша сполз с дерева, вышел из кустов и спокойно побрел навстречу процессии. Он шел, опустив руки, глядя в землю, будто ему было совершенно невдомек, куда он попал и с кем встретился.

Один из воинов поднял лук, но рыцарь положил руку ему на локоть, приказал подождать.

Юноша шел, не поднимая головы, пока не натолкнулся на дерево. Он потер лоб, удивленно поглядел на ствол, как лунатик, который гуляет во сне по крышам, затем побрел дальше, забрел в низину, не замечая, что идет по колени в воде, чуть не упал, поскользнувшись, выпрямился, остановился, оглядываясь, будто стараясь проснуться и понять, что происходит. Он стоял совсем близко от черного рыцаря, и тот окликнул его:

– Куда идешь, добрый человек?

Юноша поднял голову. Глаза его были пустыми. Что-то произошло с ним за те минуты, что Алиса не видела его. Ведь тогда он улыбнулся ей, он все отлично понимал. А сейчас он глупо моргал, глядя на рыцаря. Потом повернулся и пошел прочь.

– Бе-пе, – сказал воин.

– Вижу, – согласился Левый Крот. – Возьми его.

Воин на олене догнал человека. Преградил ему путь. Тот покорно остановился.

Воин вынул нагайку, слегка хлестнул ею юношу, и тот послушно, как корова, которую пастух погоняет домой, подошел к черному рыцарю.

Он сидел на толстом суку, нависшем над дорогой, совсем не таился и даже странно было, что никто не догадался поднять голову и заметить его.

– Стой! – приказал черный рыцарь. Потом наклонился в седле, протянул руку, сильно схватил юношу за подбородок и потянул к себе.

– Больно, – сказал юноша.

– Еще больнее будет! Ты чего притворяешься? Помник? Подглядчик?

– Может, и помник, – сказал старый воин. – Только он бе-пе. Я их навидался на своем веку. Вроде бы должны знать, куда нельзя соваться, а суются. Даже жалко.

– Ты себя жалей, а не других, – сказал рыцарь. – Свяжи его. И веди.

– Слушаюсь, – сказал старый воин. – А что с ним делать будем?

– Если не притворяется, отвезем в Город. На рынке он хорошо пойдет. Молодой, крепкий.

Старый воин спрыгнул с оленя и, вытащив из-за пояса веревку, быстро связал руки юноше. Тот безучастно смотрел на воина, будто и не замечал его.

Алиса хотела спросить черного рыцаря, что такое бе-пе. Это слово она слышала здесь уже не в первый раз. Но потом раздумала. Ведь здесь все знают, что означает бе-пе. А если Алиса не знает, это вызовет подозрение. Поэтому она не спросила.

Через полчаса дорога начала подниматься, лес поредел, и, наконец, впереди, на вершине пологого холма, показался замок.

Высокая каменная стена окружала массивную башню. Башня была покрыта куполом, в котором виднелся большой разрез – от вершины до стены.

Когда процессия вышла на открытое место, рыцарь приложил к губам трубу, что висела притороченная к седлу и затрубил. Тут же на стене появился человек и затрубил в ответ.

К тому времени, когда первые воины поднялись к стенам, ворота замка открылись и оттуда выехал рыцарь.

И тут Алисе показалось, что у нее двоится в глазах, потому что рыцарь, который выехал из замка, был точной копией рыцаря, который возглавлял процессию. Они были одинаково одеты, они ехали на одинаковых белых единорогах. И лица у рыцарей были одинаковыми.

– А я знаю, в чем разница, – сказал вдруг Пашка, который, как это часто бывает, угадал мысли Алисы. – У нашего левая нога босая, а у того – правая.

– Можно предположить, – добавила Ирия, – что если нашего зовут Левый Крот, то это...

– Правый Крот! – воскликнула Алиса.

Рыцарь услышал ее и резко обернулся.

– Слишком догадливая, – сказал он.

– Вы близнецы? – спросила Алиса.

– Я родился первым, – сказал Левый Крот.

– Не хвастайся, – сказал, подъезжая, второй рыцарь. – Хвастовство тебя когда-нибудь погубит. Ты забыл, что у меня первого прорезался зуб?

Рыцари поехали рядом.

Единороги сблизили головы, будто шептались о чем-то.

В воротах замка рыцари остановились, пропуская процессию, и Левый Крот сказал, словно представляя гостей:

– Этих мы отняли у пигмеев.

Он показал на Алису и ее друзей.

– Странные люди, – заметил его брат. – Бе-пе?

– Нет. Говорят, что поклоны издалека. Их корабль перевернулся на реке. Вели проводить их в верхнюю гостиную. Но глаз не спускай.

– А это?

– Это бе-пе, – сказал Левый Крот, глядя на юношу.

– Я бы сказал, что помник.

– Надо будет проверить.

Тут с ними поравнялись олени, груженые добычей.

– Мама будет рада, – сказал Левый Крот.

Больше Алиса ничего не услышала, потому что воины повели их внутрь, во двор замка, где возвышалась башня...

– Что она мне напоминает? – спросила Алиса вслух.

– Обсерваторию, – ответила Ирия.

Глава девятая
ИСТОРИЯ БАНДИТСКОГО СЕМЕЙСТВА

Отец близнецов, Старый Крот, гроза лесов, бандит и убийца, каких мало, в молодости был простым разбойником, таился со своей бандой в пещере на берегу реки. Однажды, преследуя оленя, наткнулся в лесу на бывшую обсерваторию. Он не знал, что это обсерватория, – на Крине уже двести пятьдесят лет не было ни одного астронома, но башня ему понравилась, потому что была просторной, с холма было видно далеко вокруг, и в ней была лишь одна дверь, которую легко было защищать. Года через два, после некоторых удачных набегов на деревни горбуна Таракана, что тянулись по тому берегу реки, и захвата купеческого каравана, Старый Крот смог обнести башню стеной, чтобы было где расположиться его воинам, устроить конюшни для верховых оленей и хранить добычу. А если у разбойника есть неприступный замок, как у настоящих баронов и знатных поклонов, то он уже не разбойник, а поклон.

Как-то Старый Крот был в Городе у моря. Он ездил на рынок рабов продавать пигмеев, пойманных в чаще. Там на улице он увидел носилки, в которых несли красивую девушку, дочь вкушеца храма святой Сороконожки. Потому девушку и звали красивым именем – Сороконожка. Крот поклялся себе, что эта девушка будет его женой. Поклялся, но никому, кроме ближайших соратников, не сказал об этом. Он умел ждать. И надеялся на Вери-Мери. Вери-Мери был тогда юным пигмеем, который попал в замок-обсерваторию мальчишкой, тихой проворной обезьянкой. Его бы продали, как и других лесных рабов, но хитрый мальчишка смог выбраться из подземелья, где его держали, хотя никто раньше этого сделать не смог, пробраться к самому Кроту, который, на счастье пигмея, был в тот вечер в отличном настроении, и сообщить, что знает, где хранится тайник племени Сухих сучьев. И не соврал.

Не было на всей Крине лучшего шпиона, чем пигмей Вери-Мери. Ну кто подумает опасаться грязного карлика, одного из тысяч городских рабов, что подметают улицы, трудятся в рудниках, вывозят нечистоты?

Вери-Мери познакомился с рабами в доме вкушеца храма Сороконожки и пронюхал, что Сороконожка собирается на Речной остров, к своей тетке, колдунье и прорицательнице Куке-Мокрице. Она отплыла на небольшом корабле с малой охраной, потому что стояли недели сбора урожая, и, как известно, пока урожай не свезут в закрома, в долине реки и на большом море устанавливается мир.

Но какое дело было бандиту Кроту до обычаев! Лес велик, он хранит свои тайны. Там пропадают люди, там живут страшные звери, там летают разумные говорящие птицы, там, в глубине чащи, лежит Убежище помников, которые крадут детей. Там есть страшные колодцы, из которых поднимается дух, одним дуновением своим превращающий человека в бе-пе, что значит «беспамятный, потерявший память».

Крот собрал свой отряд и на маленьких лодках, когда корабль Сороконожки пристал к берегу на ночлег, напал на ее охрану. Так Сороконожка стала его женой.

К несчастью для Крота, один из стражников Сороконожки остался жив. Утром он пришел в себя, выбрался из-под груды тел, брошенных на берегу, отыскал лодку и смог вернуться в Город.

Гнев вкушецов был ужасен. Ужасен был и гнев его Повелительства Радикулита. И хоть Вери-Мери успел предупредить Крота, что на него идет целая армия из города, Кроту пришлось плохо. Три дня продол-

жался штурм обсерватории. У Крота кончились стрелы и камни. Те из его людей, что еще оставались в живых, были ранены и так измучены, что не держались на ногах.

Правда, осаждавшие об этом не подозревали.

И когда во время последнего штурма погиб сам великий вкушец, его армия отступила. В том бою стрела попала Кроту в глаз, и он окривел. Но с невестой не расстался.

А что невеста? Она поплакала, погоревала, она еще ждала, что ее выручат. Но некому было ее выручать.

Через год она родила двойню – двух мальчиков, похожих как две капли воды. Они были такими одинаковыми, что даже Сороконожка путала их. Мальчики были ловкие, злые, жестокие, и отец специально приносил им из леса животных и птиц, чтобы они их мучили. Когда мальчики подросли, надо было дать им имена. И Сороконожка послала гонца с большими дарами к мудрецам в Город. Потому что только мудрецы знают значение имен. Но мудрецы испугались мести властителя и вкушецов. И отказались дать братьям имена. Пришлось назвать их как отца. И близнецы стали Левым Кротом и Правым Кротом. А знаменитая колдунья Кука-Мокрица с Речного острова, которой отвезли хорошие дары, предсказала, что близнецы никогда не поссорятся и не разлучатся, если будут носить только по одному сапогу. Левый Крот – правый сапог, Правый – левый. Что и было сделано. Первое время мальчики часто простужались, потому что им приходилось ходить босыми на одну ногу даже зимой. Но потом привыкли.

А что касается шлемов, то у них своя история. Когда-то, совсем давно, когда давали имя Старому Кроту, мудрец вместе с именем продал его дедушке картинку, на которой был изображен крот. Однажды в лесу Крот увидел такого зверя. Но он не знал, что зверь зовется волком, потому что только мудрецы знают, как что называть. А они думали, что это животное называют кротом. Вот и стал Крот, и все воины Крота, и дети Крота носить на голове вместо шлемов волчьи головы, называя их кротовыми головами.

Так уж повелось, что все воины в замке, да и сам Старый Крот, ездили на верховых оленях. А однажды случилось невероятное событие. Сороконожка гуляла как-то вечером с близнецами на зеленом склоне возле замка и услышала стон. Совсем человеческий.

И тут она увидела, как из леса вышел единорог.

Разумеется, госпожа Сороконожка слышала о единорогах и знала, что они живут далеко, за непроходимыми лесами, и людям показываются очень редко. А в неволе умирают. Даже у его Повелительства Радикулита Грозного не было ни одного единорога. Так что настоящего единорога Сороконожка не видела.

И вдруг – такая встреча.

Но встреча оказалась грустной. Когда госпожа Сороконожка и мальчики стояли в оцепенении, глядя на это чудо, женщина увидела, что по шее животного струится кровь.

Госпожа Сороконожка не знала, как помочь животному. Тут из леса выбежали два маленьких единорога на тонких ножках – видно, родились совсем недавно, даже ходить толком не научились.

Единорог, вернее, единорожиха, что оказалась матерью жеребят, сделала несколько неверных шагов и упала. Жеребята остановились рядом.

Тогда женщина подбежала к матери жеребят, вытащила платок, постаралась остановить кровь, но не смогла. И тогда губы умирающей едино-

рожихи дрогнули. Губы шевелились беззвучно, Сороконожке казалось, что животное умоляет женщину не покинуть в беде ее детей, потому что она тоже мать и у нее тоже есть близнецы.

– Я обещаю тебе, – поклялась Сороконожка.

Со стены замка стражники увидели, что происходит внизу, и послали за хозяином. Вскоре прискакал Старый Крот. Он был удивлен не меньше жены и тут же приказал отнести тело погибшей единорожихи в замок, снять шкуру и сделать из нее чучело. Сороконожка не стала спорить, хотя ей было это неприятно. А жеребят старый бандит хотел тут же связать и отвезти в Город, надеясь, что ему за них много заплатят.

Сороконожка боялась перечить дикому мужу. Она знала, что спорить с ним – пустое дело. Поэтому она и не спорила, а тихонько делала так, как хотела. Когда ее муж приносил из леса животных и птиц и заставлял мальчиков мучить и убивать их, она, как только он уйдет, отнимала у мальчиков несчастные жертвы, выхаживала их и отпускала на волю. И объясняла близнецам, что животных надо любить. Потому мальчики

росли двуличными. Когда нужно, они слушались отца, когда нужно – мать. Отца они боялись, потому что в гневе он мог жестоко избить, а мать по-своему любили – ведь она их кормила, ухаживала за ними, сидела рядом с их одинаковыми кроватками, когда они болели.

Когда их мать сказала мужу, что считает разумней не продавать жеребят, а вырастить их для мальчиков, близнецы стеной встали на сторону матери. И перед бунтом в собственном семействе Старому Кроту пришлось отступить.

Так и росли молодые рыцари вместе со своими жеребятами.

Нигде единороги не живут в неволе, но в замке Кротов они чувствовали себя свободными. Они были братьями молодых рыцарей. И если хотели, могли разговаривать. Беззвучно, чуть шевеля губами. Но Левый Крот понимал только своего единорога, а Правый – своего.

Когда Повелитель Города Радикулит Грозный узнал, что у Старого Крота живут настоящие единороги, он предлагал за них любые деньги, но Крот был очень гордым. Если бы он сам решил продать единорогов, это одно дело. А если ему приказывают – никогда! Повелитель Радикулит объявил новый поход на замок Крота. Но тут началась война за проливы, и ему стало не до единорогов.

А братья-близнецы выросли самыми настоящими разбойниками, они были отважны и жестоки. Их никто не любил и все боялись. Помники не раз устраивали им засады, пигмеи собирались в большие орды, чтобы убить их, соседние бароны посылали против них отряды... Но не было лучше бойцов, чем братья Кроты. И не было во всем мире быстрее и умнее животных, чем их единороги.

У молодых Кротов была сестра. Она родилась уже после того, как в замке появились единороги. Теперь ей исполнилось шестнадцать лет. Она была странной девочкой – дикой, замкнутой, неразговорчивой. Сам Старый Крот считал, что она родилась такой, потому что ее мать в тот год встретила в лесу Угрюмую Старуху. А кто увидит Угрюмую Старуху, никогда не будет счастлив. Дочку свою Старый Крот не любил, порол,

и она убегала от него в лес и пропадала там по несколько дней. И никому, кроме матери, не было до нее дела. Ей даже не дали красивого имени. Звали ее Белкой.

Потом Старый Крот погиб. Погнался в лесу за каким-то зверем, один, без охраны, заблудился... А может, и не заблудился, а завели его в чащу враги-пигмеи. И попал он там в яму, где живет дух, отнимающий память. И долго бродил по лесу. Когда его отыскали сыновья, он был так истощен, и так всех боялся, и такие страшные сны ему снились, что он повесился в замковой башне.

А жизнь в замке потекла, как прежде. Выросли сыновья, состарилась Сороконожка. Все уже забыли, что Старый Крот был простым разбойником. Сыновей считали настоящими поклонами. Потому, когда Радикулит Грозный стал собирать всех баронов и поклонов из подвластных ему земель, чтобы начать общий поход на помников, их тоже позвали.

Эту весть принес из Города Вери-Мери. По дороге ему удалось выведать у доверчивых пигмеев, где те собираются на годовой праздник. И конечно же, рассказал об этом своим старым господам. Поэтому и оказался Левый Крот в лесу, поэтому Ирия, Пашка и Алиса попали к нему в замок.

Глава десятая
НОЧЬ В ЗАМКЕ

Ворота замка со скрипом закрылись, стражи опустили толстый брус, запирая их. Воины спешивались, пигмеев, как покорное стадо, загнали в узкую пасть подземелья. Туда же попал и юноша, найденный в лесу.

Пожилой воин с длинными седыми усами сказал Ирии:

– Вам наверх.

И они вошли в здание обсерватории.

Когда-то на первом этаже были комнаты астрономов и вычислительный центр. Разумеется, все вещи давно отсюда вытащили, некоторые из перегородок сломали. Пленников повели наверх по спиральной лестнице, у которой давно обломились перила, туда, где когда-то стоял телескоп.

Это был огромный круглый зал, его стены кончались на высоте двух метров и переходили в купол с прорезью для телескопа. Сквозь широкую длинную прорезь было видно серое, темнеющее небо, по которому бежали серые облака. Начался дождь, и капли гулко ударялись о каменный пол.

Воин закрыл за собой железную дверь и ушел.

Сразу стало очень тихо.

И голос Пашки прозвучал гулко:

– Надо бежать.

Алиса и сама знала, что надо бежать, но вдруг она почувствовала, что смертельно устала и мечтает только об одном: лечь и вытянуть ноги.

У стены протянулась низкая широкая скамья, устланная шкурами. Алиса добрела до нее и сказала:

– Можно, я немножко отдохну?

– Нам всем нужно отдохнуть, – сказала Ирия.

Алиса поняла, что Ирия жалеет своих юных друзей, сама-то она могла обходиться без сна несколько суток.

– Еще чего не хватало! – возмутился Пашка. – Отдохнем, когда отыщем Тадеуша.

– Конечно, – сказала Ирия. – Но я здесь старшая. И я сама устала. Если ты, Пашка, не поспишь хотя бы несколько часов, от тебя завтра будет мало пользы.

– Конечно, – вздохнул Пашка, – надо учитывать, что Алиса – всего-навсего девочка.

Алиса только улыбнулась. Она понимала, что Пашка не умеет признаваться в своих слабостях.

– Ложись, – сказала она, – скамейка длинная.

Пашка вытянулся у нее в ногах и пробурчал:

– Интересно, почему-то совсем не хочется спать.

И тут же засопел.

Алиса подумала: «Наш герой заснул раньше меня». Но это была ее последняя мысль. Она уже спала.

Когда Алиса проснулась, было совсем темно. Она не сразу сообразила, где она, и не поняла, что же ее разбудило.

Потом сообразила: в зале посторонний.

Кто-то чужой беззвучно ступает по полу, стараясь сдерживать дыхание.

Алиса замерла. Она кинула взгляд наверх: в щели для телескопа были видны звезды.

Чужой подходил все ближе.

Потом раздался щелчок. По звуку Алиса догадалась, где стоит тот человек, – метрах в трех слева.

Снова щелчок. И искры. Снова щелчок – и зажглась свеча.

Как же она не догадалась раньше: пришелец разжигал огонь! У них здесь нет спичек.

Скупой свет свечи вырвал из темноты странное скуластое лицо, черные глаза, копну курчавых волос. Лицо подростка. Нет, девушки!

Девушка вглядывалась в темноту, стараясь увидеть, кто лежит на скамье.

– Ты что здесь делаешь? – спросила Алиса негромко.

– Ах! – Свеча дрогнула и чуть не вывалилась из руки девушки.

– Не бойся! – сказала Алиса. – Ты кто?

Глаза Алисы привыкли к свету, и она поняла, что девушка не намного старше ее.

– Я – Белка. Я здесь живу.

– Белка?

– Я знаю, это некрасивое имя, но мне не стали давать настоящего, потому что отец меня не любил. Можно, я сяду рядом с тобой?

– Конечно, садись, – сказала Алиса. – Вот здесь.

Девушка села и поставила свечу на край скамьи.

– Мне так скучно здесь жить, – прошептала она. – Я увидела, как вас ведут, и подумала: обязательно к тебе проберусь, когда все заснут. Только я очень боялась тех, кто с тобой.

– Почему?

– Эта женщина с золотыми волосами, она страшная.

– Почему?

– Не знаю. Я только чувствую. Я все чувствую, – сказала Белка. – В ней больше силы, чем в мужчине.

Алиса подумала: «Ты бы посмотрела на Ирию на Земле, когда она возится с Вандочкой или готовит обед Тадеушу, вот бы удивилась!» И тут они услышали голос:

– Еще бы! Ведь Ирия вышла на тропу войны. А ирокезы на тропе войны беспощадны.

Это был голос Пашки.

Белка от неожиданности подскочила.

– Не бойся, – сказала Алиса. – Это Пашка. Он мой друг. Он проснулся от нашего разговора.

– Я вообще не спал, – сказал Пашка хриплым сонным голосом. – Я думал.

– Он немного хвастун, – сказала Алиса. – Но хороший друг.

– Мальчики не бывают хорошими, – сказала Белка. – Из них вырастают мужчины. А это самое гадкое племя.

– Сумасшедшая какая-то, – сказал Пашка. – Какой же мужчина тебя обидел?

– Меня все обижают, – сказала Белка. – Мои братья меня обижают, мой отец меня обижал. А хуже всех Вери-Мери.

– Это предатель! – сказал Пашка. – Я когда-нибудь до него доберусь.

– До него не доберешься, – сказала Белка. – Он только кажется таким тихим и беззащитным. А он очень богатый и знает все яды и заклинания. Даже моя мать его боится.

Пашка сел на скамье.

– А кто твои братья? – спросил он.

– Владетели этого замка. Крот Правый и Крот Левый.

– Какие странные имена, – сказала Алиса. – Совсем не подходят к рыцарям.

– Почему? Это же имена очень страшных зверей.

– Страшных? – Пашка не смог удержать смеха. – Подземные кроты! Рыцари черных норок! Победители дождевого червя!

– Ты странно говоришь, – сказала Белка. – Я тебя не понимаю. Вас-то самих как зовут?

– Меня – Алиса.

– Меня – Павел. Павел Гераскин.

– Вот у вас странные имена, – сказала Белка. – Я таких никогда еще не слышала. Что они значат?

– Ничего, – сказала Алиса. – Просто имена.

– Просто имен не бывает. Наверно, у вас бедные родители, и они не смогли вам купить красивых имен. Откуда вы сюда приехали?

– С Земли, – сказал Пашка.

– Это выше по реке?

– Нет, это в космосе. За звездами.

– Ох! – испугалась Белка. – Что ты говоришь, Павел Гераскин? А вдруг кто-нибудь услышит?

– И что случится? – спросил Пашка.

– Тебя отведут к повелителям неба, вкушецам. И они тебя убьют.

– За что?

– За то, что ты говоришь, о чем говорить нельзя. Разве тебе неизвестно, что небо твердое? А звезды прибиты к нему?

– Ну прямо средневековье какое-то! – возмутился Пашка. – Люди не знают самых очевидных вещей. А ведь каких-нибудь триста лет назад ваши прадедушки летали в небо и даже долетали до нашей планеты.

– Наши прадедушки, – громко сказала Белка, – жили в этом замке и во дворцах великого Города.

– Ребята! – улыбнулась Алиса. – Я предлагаю, сделаем вот что: ты нам расскажешь, что сможешь, о вашей жизни здесь. А мы тебе расскажем, что захочешь, о нашей жизни у нас.

– А если это будет неправда?

– Захочешь – поверишь, – буркнул Пашка.

– Ладно, начинайте, – сказала Белка.

– Я разбужу Ирию, – сказала Алиса. – Ей тоже надо все знать.

– Ни за что, – сказала Белка. – Тогда я ничего не скажу. Пускай ваша поклонка спит.

– Хорошо, – не стала спорить Алиса. – Рассказывай.

И Белка рассказала о Старом Кроте, о том, как он украл себе жену, как родились близнецы, как появились в замке единороги. Кое-что Алисе стало яснее, но многого она, конечно, и не поняла, потому что Белка всю жизнь прожила в замке-обсерватории и никогда не была в Городе. Она не могла объяснить, кто такие помники, только повторяла, что это очень страшные люди, они крадут детей и потом их едят. И еще призналась, что очень боится пигмея Вери-Мери, который сказал Белке, что обязательно на ней женится.

Белка вдруг замолкла и схватила Алису за руку.

В щели от телескопа на фоне звезд показалась человеческая фигура.

– Стой! – воскликнул Пашка.

– Тише, – послышался в ответ громкий шепот. – Что с вашими нервами? Это я, Ирия.

– А мы думали, что ты спишь, – сказал Пашка.

Ирия не спешила спрыгивать на пол. Она помогла взобраться в щель другому человеку.

Ирия спрыгнула вниз, второй человек последовал ее примеру. Алиса услышала его голос:

– Здесь трое. Кто третий?

– По-моему, мои друзья обзаводятся знакомыми, – ответила Ирия.

– Ничего удивительного, – сказал Пашка. – Ты же обзаводишься!

Алиса держала Белку за руку, чтобы та не убежала. Рука девушки дрожала.

Когда Ирия и ее спутник подошли к скамье, пламя свечи осветило их, и Алиса поняла, что это тот самый юноша, которого они встретили в лесу.

– Как же ты спустилась отсюда в подземелье? – спросил Пашка. – Там гладкая стена, метров десять.

– Гладких стен не бывает, – коротко ответила Ирия.

– Но мне бы без помощи Ирии сюда не забраться, – сказал юноша.

Ирия обернулась к Белке и спросила:

– Кто эта девочка?

– Это сестра близнецов, – сказала Алиса. – Она нам рассказывала о себе. Она тебя боится.

– Хорошим людям меня бояться не надо, – ответила Ирия. – Я тоже не теряла времени даром.

Тут Алиса увидела, что на плече у Ирии висит холщовая сумка.

Она положила ее на скамью, вытащила оттуда большой ломоть хлеба, кусок вареного мяса и глиняную бутыль с водой.

– Подкрепитесь, – сказала Ирия. – И благодарите Ручейка.

– Это меня так зовут, – сказал юноша.

Глаза его были живыми, движения уверенными.

– Значит, вы притворялись? – спросил Пашка.

– Когда?

– Когда вас нашли в лесу.

– Разумеется, – сказал юноша. – Иначе бы мне не попасть в замок.

– А я думала, что вы – бе-пе, – сказала Белка. – И все так думали.

– Кто-нибудь скажет мне наконец, что такое бе-пе?! – потребовал Пашка. – Мне никто ничего не рассказывает.

– Бе-пе – это значит беспамятный, – сказал юноша. – Человек, который потерял память.

– Почему потерял?

– В лесу есть такие опасные места, – сказал Ручеек. – Если человек туда попадет, он теряет память.

– Ой! – воскликнула Алиса. – Наверно, старик Меркурий потерял память! И погиб.

– Да, – сказала Ирия. – Я это тоже поняла. Но, к сожалению, все еще хуже.

– Что? Ты узнала о Тадеуше?

– Да, – сказал Ручеек. – Ваши друзья у нас. Мы их нашли в лесу. Они – бе-пе.

– Не может быть! – воскликнула Алиса. – Надо скорее их найти и вылечить.

– Чего же мы ждем! – сказал Пашка. – Ручеек, показывайте нам, как отсюда выбраться.

– К сожалению, – ответил Ручеек, – я ничем не могу вам помочь. Ворота замка закрыты, на стенах часовые. И через стены нам не перебраться. – Он посмотрел на Ирию. – Может быть, госпожа Ирия и смогла бы... но остальные – нет.

– Тогда ты, Ирия, – сказал Пашка, – иди.

– Нет, – ответила Ирия, – я не могу вас здесь оставить. Мы уйдем все вместе или все вместе останемся.

Алиса поняла, что Ирию не переубедишь. А раз так, то и говорить не о чем.

– А как же вы догадались встретиться? – спросила она.

– Я выбрался наружу, когда стемнело, – сказал Ручеек. – Меня ведь не очень стерегли, кто боится бе-пе? Я подошел к башне и тихонько свистнул.

– А я не спала, – сказала Ирия. – И думала, почему лицо молодого человека, которого нашли в лесу, мне так знакомо.

– Тебе тоже? – сказала Алиса.

– Да, – сказала Ирия. – И я догадалась. Юноша похож на Речку...

– Еще бы! – улыбнулся Ручеек. – Я ее родной брат.

– Ваш отец думает, что вас украли помники, – сказал Пашка.

– Не может быть, – вмешалась Белка. – Если бы помники украли, они бы давно его съели.

– Во-первых, – возразил Ручеек, – помники не едят детей.

– Нет едят! Это все знают.

– Все знают только то, что им говорят вкушецы и поклоны, – сказал Ручеек.

– А вкушецы и поклоны ненавидят помников и боятся их.

– Их все боятся, – сказала Белка. – Они страшные. Как дикие звери.

– А ты видела когда-нибудь живого помника? – спросил Ручеек.

– Нет, что ты! – отмахнулась Белка. – Кто их увидит, ослепнет.

– А если я тебе одного покажу?

– Нет, нет, не надо! А то я закричу!

– Но здесь тебе некого бояться, – сказала Ирия.

– Здесь некого, а вдруг он прилетит? Они же летают на птицах!

– Не буду с тобой спорить, – сказал Ручеек. – Но многие говорят, что я – помник.

– Врешь!

– Значит, вру, – быстро согласился Ручеек.

И Алиса поняла, что он в самом деле – помник. Она не знала, кто такие помники, но Ручеек был помником. Это точно.

– Я же тебя видела, – сказала Белка с недоверием. – Ты был бе-пе. А теперь говоришь, что помник.

– Ты смешная девчонка, – улыбнулся Ручеек, и в полутьме сверкнули его белые зубы. – Не все ли равно, кто я? Просто человек.

– Просто?

– А разве так не бывает?

– Не бывает, – решительно ответила Белка. – Потому что бывают повелители, бывают угодные небу вкушецы, бывают поклоны, бывают воины, бывают помники, бывают бе-пе, бывают пигмеи, бывают простаки и рабы, а бывают страшные люди из ночи.

Алиса с Пашкой тем временем ели. Оказывается, они очень проголодались. Алиса подумала: «Никогда еще в жизни не ела такого вкусного хлеба».

Над башней дул ветер, он залетал в щель, свистел, ворошил волосы. Было зябко. Алиса натянула на себя шкуру.

– Ручеек мне рассказал кое-что, – сказала Ирия. – И я хотела, чтобы он повторил свой рассказ для вас.

– Нет, – сказал Ручеек, – здесь я говорить не буду. Потому что здесь знатная госпожа и ей об этом не надо знать.

– А я не уйду, – заявила Белка. – Мне здесь интересно, а спать скучно. И к братьям идти скучно. Они сейчас напились и делят добычу.

– Тогда иди к маме.

– Мама любит скучать одна. Ей все надоели.

– Ну сколько же можно говорить! – с раздражением произнес Ручеек.

– А ты лучше помолчи, – ответила Белка. – Кто ты такой? Бе-пе? А я здесь хозяйка. Это мой замок, это моя башня. А когда мама умрет,

а моих братьев убьют помники или другие поклоны, я стану хозяйкой. И всех, кто меня обижал, обезглавлю.

– Интересно, – сказал Ручеек, – кто же вложил в твою курчавую головку такие мысли?

– Это мои мысли!

– Твои?

– Мне Вери-Мери сказал. Он только один меня любит.

– А ты его? – спросил Пашка, которому Вери-Мери очень не нравился.

– Ты с ума сошел! – воскликнула девушка. – Он же гадкий.

– А ты ему веришь?

– Он хоть со мной разговаривает, – произнесла Белка. – А больше никто и разговаривать не хочет. Я сюда пришла. Здесь такая хорошая девочка, она со мной стала разговаривать. Мне интересно. А теперь приходит этот притворщик бе-пе со страшной ведьмой, которая ползает по стенам, и велит мне уйти. Уж лучше я буду верить Вери-Мери. Он – самый богатый человек на всем свете. Он только кажется маленьким. А на самом деле его все боятся!

Девушка даже запыхалась, так быстро и яростно она говорила. Она замолчала. Остальные тоже молчали. И вдруг ее губы задрожали, маленький вздернутый нос сморщился, брови сошлись к переносице и наследница сокровищ Старого Крота заревела, как маленькая девочка.

– Я не хотела... – повторяла она. – Я не хотела так говорить! Я боюсь Вери-Мери, он хочет, чтобы я стала его женой. Он страшный, и мне страшно. Здесь всегда темно... убегу отсюда...

– Не надо плакать, – Алиса обняла Белку. – Мы тоже не хотели тебя обидеть. Мы знаем, что ты хорошая.

– Я тебя гнал не потому, что ты плохая, – сказал Ручеек, – я тебя гнал, потому что ты поклонка. Ты расскажешь лишнее своим братьям или этому пигмею... И нам будет плохо.

– Я никому ничего не расскажу. Честное слово. Я клянусь лесной чащей, священным белым деревом, небесной оленихой, дрожащей трясиной, что никому ничего не расскажу...

– Ну хорошо, хорошо, – сказала Ирия. – Оставайся. Начинай Ручеек.

Но Ручеек ничего не успел сказать, потому что вдруг Белка, у которой был удивительный слух, встрепенулась, вырвалась из объятий Алисы и прошептала:

– Они идут.

Не говоря ни слова, Ручеек метнулся к щели, перемахнул через стену и исчез.

Дверь в зал распахнулась.

Вошел старый воин. Он нес факел.

– Уважаемые поклоны, – сказал он, – Великие Кроты велят вам спуститься к ним.

Тут он заметил горящую свечу и сидевшую на скамье Белку.

Девушка подбежала к нему и тихо сказала:

– Сук, не говори никому, что ты меня здесь видел.

– Ясное дело, – ответил он.

Белка скользнула мимо него, и ее легкие шаги простучали по лестнице.

Глава одиннадцатая
КРОТЫ РАССЕРДИЛИСЬ

Братья Кроты ждали пленников в главной комнате замка, которая находилась за каменной перегородкой на первом этаже.

Комната была похожа на дольку арбуза: одна стена полукруглая, вторая – прямая. В глубине, у выгнутой стены, стояли три деревянных, покрытых резьбою трона. Средний, самый большой, был пуст. На двух поменьше, по сторонам, сидели близнецы. Перед ними стоял длинный, похожий на полумесяц стол. На нем – миски и кружки с едой и питьем. А между ними, за ними, перед ними – сотни горящих свечей. Свечи были вставлены в старые подсвечники, различные бутылки, вазы и вазочки, даже в химические колбы, словно в этом замке жил сумасшедший коллекционер, собиравший предметы, в которые можно вставить свечу.

Алису так и подмывало спросить, зачем нужно столько свечей и кто собирает такие подсвечники. Но она не спросила, она понимала, что в этом мире порой лучше обойтись без вопросов. Так она никогда и не узнала, что этот обычай родился в замке после того, как Старый Крот в бою потерял глаз, а второй стал слабеть. Бандиту казалось, что он плохо видит, потому что зал плохо освещен, и он велел вечерами зажигать столько свечей, сколько поместится на столе. Вот и собирали его слуги где придется разные вещи, которые хоть как-нибудь могли сойти за подсвечник. Чем хуже становилось зрение у Старого Крота, тем больше свечей зажигали на столе. Говорят, что Крот истратил на свечи половину своих сокровищ,

и после его смерти в подвалах осталось столько свечей, что его сыновьям ничего не оставалось, как жечь свечи, хотя у них со зрением все было в порядке. Так родилась традиция. А традиция – это то, что никому не нужно, но от чего трудно отказаться.

– Добро пожаловать, дорогие гости, – сказал Крот, что сидел справа и был, наверное, Правым Кротом.

– Садитесь, – сказал Левый Крот.

Ирия и ее друзья уселись на табуретки, что стояли с их стороны стола.

Братья внимательно разглядывали Ирию, и Алисе очень не понравились их взгляды. Они были хищными, волчьими. Перед близнецами стояли большие жбаны, откуда они подливали себе в кружки какую-то коричневую жидкость. И вряд ли это был квас.

– Слушай, приезжая поклонка, – сказал Правый Крот, – у тебя золотые волосы и длинные ноги.

– У тебя красивое лицо, – сказал Левый Крот.

– Ты нам понравилась, – сказал Правый Крот.

– И мы решили на тебе жениться, – сказал Левый Крот.

Тут братья захохотали. Это был неприятный смех, потому что они смеялись, изгибая губы, показывая желтые зубы, булькая горлом, а глаза оставались такими же жестокими и пустыми, как прежде, словно кто-то пробуравил в их лицах глубокие черные дыры.

Ирия ничего не ответила. Братья оборвали смех. Правый Крот продолжал:

– У нас, зубастых и страшных Кротов, есть такой обычай: мы не просим себе жен, а мы берем их силой. Так поступил наш отец. Так поступим и мы. Но нас двое, а ты одна. Поэтому мы разыграем тебя в кости.

Второй брат вытащил из кошеля, привязанного к его серебряному поясу, мешочек и высыпал из него на стол два кубика.

– Простите, – сказала Ирия, поправляя волосы и вежливо улыбаясь. – Но у меня уже есть муж, который мне нравится куда больше, чем вы оба, вместе взятые. К тому же я знатная поклонка и со мной нельзя разговаривать неуважительно.

– Да! – не удержался Пашка. – Муж Ирии – великий и могущественный поклон. У него есть большое войско. А я его друг. И если кто-нибудь хоть пальцем тронет Ирию, он будет иметь дело со мной, Павлом Гераскиным!

Рыцари расхохотались и долго не могли остановиться.

– Добро пожаловать, дорогие гости, – сказал Крот,
что сидел справа и был, наверное, Правым Кротом.

Они трясли головами, длинные прямые черные волосы, перехваченные серебряными цепочками, метались, как трава под ветром, унизанными перстнями пальцами они стучали по столу – по стенам прыгали длинные тени.

– Мальчики, мальчики! – послышался скрипучий голос. – Ну опять вы расшалились.

В комнату вошла пожилая грузная женщина, одетая в вышитое цветами платье. Ее седые волосы были забраны в пук на затылке и скреплены усыпанной сверкающими камнями заколкой. В руке женщина несла корзинку.

– Не мешай, мать, – отмахнулся от нее Правый Крот, – мы решили жениться.

– Наконец-то, – пропела женщина. – Давно пора образумиться. А то все по лесам шастаете.

Рыцари снова рассмеялись. Веселый у них получился вечер.

– Ой, мама! – сказал наконец Левый Крот. – Ты даже и не спросила, кто наша невеста.

– А чего спрашивать? – вздохнула женщина, усаживаясь на табуретку и доставая из корзинки вязанье и спицы. – Вы же мне все равно не скажете.

– Вот она, сидит перед тобой.

Женщина поглядела на Ирию. Алиса уже догадалась, что эта женщина – госпожа Сороконожка, вдова Старого Крота.

– Нет, – сказала она печально. – Не по зубам вам такая красавица. Да и не согласится она выйти замуж за разбойников.

– А мы ее и спрашивать не будем, – сказал Правый Крот. – Разыграем ее в кости, и дело с концом.

– Ладно, хватит, – вдруг сказала Ирия. – Мне это надоело. Мне пора от вас уезжать. Верните нам наши вещи и оружие. Иначе я приму меры.

– Я же говорила, что вам она не по зубам, – повторила Сороконожка.

– Ты ничего не поняла! – взъярился Правый Крот. – Ты должна нам сапоги целовать от радости. В роду зубастых Кротов женщины трепещут перед мужчинами! Встать!

Ирия не пошевелилась, но у Пашки нервы не выдержали.

Он вскочил и, как петушок, бросился к рыцарю.

– Вам же сказали! – закричал он. – Неужели непонятно? Не смейте приставать к Ирии.

Рыцарь коротко размахнулся и ударил Пашку по лицу так, что тот отлетел к стенке.

– Вы подняли руку на ребенка, – раздался тихий голос Ирии. – И это вам даром не пройдет.

Дальнейшее произошло так быстро, что даже Алиса, которая знала, на что способна Ирия Гай, не успела ничего сообразить.

Ирия распрямилась, схватила Правого Крота за руку, рванула вперед так, что он взлетел в воздух и со всего размаха шлепнулся на пол. Брат бросился к нему на выручку, но он не успел даже вытащить меч из ножен, как и сам перевернулся, пролетел метров пять и врезался головой в стену.

– Ну вот, – сказала госпожа Сороконожка, не переставая вязать, – я же говорила, что эта невеста вам не подходит.

– Он нечестно мне врезал, – сказал Пашка, потирая затылок, пока Алиса помогала ему подняться. – И возможно, подставил подножку. Без подножки я бы не упал.

– Спасибо тебе, что ты за меня вступился, – сказала Ирия. – А теперь надо уходить.

– Деточки мои, – произнесла госпожа Сороконожка, – вам отсюда не уйти. Ворота заперты, стража стоит, а уйдете – в лесу ночь, вас мигом звери растерзают.

Со стонами и проклятиями рыцари поднимались на ноги.

– Она не женщина, – сказал Правый Крот.

– Она сам дьявол, – сказал Левый Крот.

– Если хочешь на ней жениться, я тебе уступаю очередь, – сказал Правый Крот.

– А я вообще пока не хочу жениться, – ответил его брат.

– Пускай уходят, – сказал Правый Крот.

– На все четыре стороны, – добавил его брат.

– Пускай их удавы задушат, дракон разорвет, черная тьма сожрет.

– Пускай они в беспамятную яму попадут, в болоте утонут, – вторил, потирая синяк, второй близнец.

– Верните сначала наши вещи, – сказала Ирия.

– Сейчас, – сказал Левый Крот. – Подождите. Сейчас сам принесу.

Прихрамывая, он поспешил к двери и скрылся за ней.

В дверях он столкнулся со своей сестрой – Белкой, но не обратил на нее никакого внимания.

Белка остановилась у входа, исподлобья разглядывая сцену.

– Они на вас напали? – спросила она у Алисы.

– Ничего, – сказала Алиса. – Они уже извинились. Мы уходим.

– Белка, ты что здесь делаешь? – спросила ее мать. – Спать пора.

– Проваливай, – сказал второй брат. – Чтобы я тебя больше не видел.

Белка кинула взгляд на Алису. Но что могла сделать Алиса? Она же не распоряжалась в этой семейке.

– Возьмите меня с собой, – попросила Белка. – Я хочу уйти!

– Вот я тебе поговорю, – проворчала мать. – Совсем распустилась. Не серди мальчиков. Они и так расстроены.

Белка понуро повернулась к двери.

Сороконожка обратилась к Ирии:

– Может, подождете до утра? Вместе с моими мальчиками до Города доберетесь?

– Нет, уж мы лучше сами по себе, – сказала Ирия.

– И то правильно. Я бы на вашем месте моим сынкам доверять не стала.

И, сказав это, госпожа Сороконожка снова принялась за вязание.

– Идем, – сказал Правый Крот. – Там все готово.

Они вышли из комнаты, миновали коридор, еще комнату, заваленную мешками, и попали во двор.

Там все было готово...

Выставив копья, стояли полукругом воины Кротов. Слуги держали факелы – сцена была зловещей. Ирия обернулась, сзади уже тоже были воины.

– Только не вздумай бежать, – раздался голос Левого Крота. – Погляди на стены. Вы под прицелом.

Алиса подняла голову. Рыцарь был прав. На стене протянулась цепочка воинов. Каждый из них держал в руках натянутый лук.

– Вы мерзавцы, – сказал Пашка убежденно. – У вас нет честного слова.

– Это нам никогда не мешало, – ответил Правый Крот.

Из башни, неся корзинку с вязаньем, вышла госпожа Сороконожка.

– Что вы намерены делать с ними, мальчики? – спросила она.

– Не жениться же на этой ведьме! – рявкнул Правый Крот. – Отвезем в Город. Продадим на рынке невольников.

– Нехорошо, мальчики, не так я вас воспитывала, – вздохнула Сороконожка.

– Нас жизнь воспитывала, – ответил ее сын. – А жизнь – жестокая штука.

Слышен был плач. У стены, скорчившись, сидела наследница рода Кротов Белка и горько плакала, спрятав лицо в ладонях.

Глава двенадцатая
В ПОДВАЛЕ ЗАМКА

На этот раз братцы-близнецы взялись за дело серьезно. Они уже видели, на что способна Ирия, и не хотели рисковать. Слуги приволокли тяжелые ржавые кандалы с цепью и заковали Ирии руки.

Потом пленников провели в душный холодный подвал, набитый несчастными пигмеями. Воздух проникал туда только через забранное решеткой окошко под самым потолком, и Алисе показалось, что она вот-вот умрет от духоты и вони, от стонов и плача пигмеев.

Они с трудом отыскали себе место на скользком каменном полу и прижались друг к дружке, чтобы не замерзнуть.

Сквозь решетку сверху проникал синий свет – начинался холодный рассвет. На дворе замка еще некоторое время слышны были голоса, смех воинов. Потом послышался голос одного из Кротов:

– Не спать, часовые, не спать! Головы оторву!

– Не спим, зубастый Крот! – послышалось в ответ со стены.

Потом все затихло.

Пленники молчали. Алиса иногда засыпала и тут же просыпалась. Душно, холодно и безнадежно. Вот что получилось: летели, спасали – представители великой галактической цивилизации. А чем все это кон-

чилось? Подземельем на дикой Крине, где никто не помнит, что всего несколько сот лет назад их планета была одним из центров галактической науки. Что же могло случиться? И Алиса поняла, что за весь день она ни на шаг не приблизилась к разгадке. Тайна громоздится на тайну – и ни одного ответа. Загремели кандалы – значит Ирия не спала. «Как она мучается, – подумала Алиса. – Она переживает не только за Тадеуша, но и за нас с Пашкой. Она ведь думает, что виновата в том, что взяла нас на Крину». Алиса протянула руку, нащупала железный браслет, сковывающий кисть Ирии, погладила ее пальцы.

– Ничего, – прошептала она. – Все будет хорошо.

– Спасибо, Алисочка, – прошептала в ответ Ирия. И голос ее дрогнул.

Черная тень закрыла решетку.

– Девочка, – послышался шепот. – Девочка, это я, Белка. Ты не спишь?

– Я не сплю, – ответила Алиса.

– Я тоже не сплю. Я очень злая. Я обязательно убегу и тебе помогу убежать. Держи.

Тонкая рука протянулась между прутьями решетки. Алиса поднялась и, перешагивая через тела спящих пигмеев, добралась до окна. В кулаке Белки был кусок хлеба.

– Ешь, – сказала Белка. – Больше мне достать не удалось.

– Спасибо.

– Что тебе еще нужно?

– Убежать, – сказала Алиса.

– Это я понимаю. Только из замка не убежишь. Мы в Городе убежим.

И с этими словами Белка исчезла.

Алиса вернулась к Ирии. Она разделила кусок хлеба на три ломтика. Пашка тоже не спал. Они съели хлеб. Почуяв запах хлеба, вокруг зашевелились голодные пигмеи. В тот момент, когда Алиса подносила ко рту последний кусочек хлеба, мохнатые пальцы вырвали его и в темноте завязалась драка между невольниками.

На дворе стояла тишина. Из окошка тянуло холодом.

Алиса снова задремала. Ей даже начал сниться сон, будто она сидит в гостях, и хозяйка протягивает ей большой бокал валерьянки. «Я не люблю валерьянку, – говорит Алиса. – Я голодная». – «Сначала бокал валерьянки, а потом уже гречневую кашу», – отвечает хозяйка. И звенит кандалами.

Звон разбудил Алису.

Оказывается, Ирия поднялась и отошла к окну.

– Не расстраивайтесь, – донесся оттуда, из-за решетки, голос Ручейка. – Я повторяю: ваши друзья в безопасности. И мы обязательно до них доберемся. Терпение и еще раз терпение.

– Детям плохо.

– Утром мы будем на корабле. Там я постараюсь вам помочь.

– А вы уверены, что наши друзья в безопасности?

– Следующую ночь, – ответил Ручеек, – мы проведем на острове, у реки. Это на полдороге к Городу. Там я получу известия из дома. И тогда мы решим, что делать. Главное – потерпите.

– Спасибо. Мы надеемся на вас.

– Спокойной ночи.

– Спокойной ночи...

Алиса проснулась, когда уже наступило утро. Проснулась от страшного гама, криков и стонов – воины выгоняли пигмеев наружу. Проснулся Пашка. Он принялся растирать затекшие ноги, потом начал прыгать, чтобы согреться.

В опустевший подвал заглянул старый воин и крикнул:

– Выходи! Вам что, специальное приглашение?

На дворе в котле варилась похлебка. Пигмеи стояли толпой у котла, протянув ручки, и скулили. Слуги кидали им деревянные миски, повара плескали туда похлебку. Старый воин Сук сам принес Ирии и ребятам по миске похлебки. Правда, ложек не было, и пришлось пить похлебку через край. Один из близнецов стоял у входа в башню и посмеивался, глядя на пленников.

Ни старой госпожи Сороконожки, ни Белки не было видно.

Зато Алиса увидела Ручейка. Юноша сидел в сторонке и тоже пил похлебку из миски. Алиса чуть было не поздоровалась с ним, но спохватилась: ведь он бе-пе, беспамятный.

Ручеек оказался замечательным актером. Даже издали было видно, какое у него тупое, равнодушное лицо, какие пустые глаза. И когда воины начали сгонять в кучу пигмеев и остальных пленников, Ручеек покорно поднялся и пошел к воротам.

– Ку-ку, – сказал вдруг один из пигмеев, что шагал рядом с Алисой.

Алиса обернулась. Вот чудеса! Да это же Белка! Она встрепала свои черные кудри, закуталась в немыслимо грязную шкуру и, маленькая, худенькая, затерялась в толпе дикарей.

Близнецы выехали к воротам верхом на одинаковых единорогах. Они приоделись. Поверх черных курток накинули одинаковые серебряные плащи. Оскаленные волчьи головы казались издали их собственными головами. Это были замечательные, бравые рыцари... если бы не беда с сапогами. На Левом – только правый сапог. На Правом – только левый.

Госпожа Сороконожка вышла проводить детей к двери башни. С вязанием она так и не рассталась.

– Вы там поосторожнее! – крикнула она сыновьям. – Поменьше безобразничайте.

Сыновья даже не оглянулись.

Госпожа Сороконожка достала из корзины длинный пирог, поманила к себе Алису. Алиса оглянулась на воина. Тот отвернулся. Алиса подошла к Сороконожке.

– Возьми, – сказала та, – на дорожку.

– Спасибо, – сказала Алиса и взяла пирог.

– От пигмеев береги, – сказала Сороконожка. – Они голодные, отнимут.

Голова процессии уже скрылась в воротах. И Алиса побежала догонять своих.

Глава тринадцатая
ВНИЗ ПО РЕКЕ

Вниз по реке плыли на двух кораблях. И это было к лучшему, потому что на переднем, гребном, расположились братья и большая часть их воинов. Всех пленников, а также оленей и единорогов, разместили на барже, которая шла на буксире за передним кораблем. Стражников на барже было немного, и они не обращали внимания на пленников.

Ручеек незаметно подсел поближе к Ирии. Между ними и ближайшим стражником стояли единороги. Вскоре к ним присоединилась Белка. Ручеек сначала ее не узнал, а узнав, развеселился:

– Ну и хитра, тебе бы подглядчиком быть. Давай мы тебя к себе возьмем.

– Куда – к себе? – Белка была так рада, что ей удалось ускользнуть из замка, что перестала бояться юношу.

– К нам, к помникам.

– Брось шутить, – отмахнулась наследница замка Кротов, – какой ты помник! Помники страшные! Помник бы меня давно съел.

– Никогда не поздно, – сказал Ручеек.

– Только не шути, – сказала Белка. – Я не люблю, когда шутят. Вы так – пошутите, пошутите, а потом украдете.

На всякий случай она отодвинулась от Ручейка.

Ирии было тяжело таскать ржавые кандалы. К тому же они натирали ей запястья.

– Время есть. Целый день плыть. Я вам много чего расскажу. Но и вы мне расскажете. Хорошо? – сказал Ручеек.

– Хорошо, – сказала Ирия.

– Тогда вы начинайте. Про себя и про нас.

– Про нас не надо, – сказала Белка. – Про нас мы все знаем.

– Не вмешивайся, когда старшие разговаривают, – сказал Ручеек. – А то накостыляю тебе.

– А я закричу. Тебя братья убьют.

– Не знаю, кого сначала, – ответил Ручеек. – Меня везут по приказу братьев, а тебя? Тебя кто приглашал?

Белка сразу замолчала. Но, правда, вскоре она забыла об угрозе Ручейка и время от времени вмешивалась в рассказ. Уж очень ей трудно было поверить в то, что Крина, на которой она родилась и выросла, когда-то была совсем другой. Что на Крине были заводы, в громадных городах ра-

ботали театры, что с космодромов поднимались космические корабли, что кринские экспедиции бывали в разных концах Галактики и даже на Земле. И ни о каких рыцарях, баронах, вкушецах и рабах на их планете и не подозревали. Ирия рассказала молодым людям, как Пашка и Алиса отыскали на дне Тихого океана забытую станцию кринян и как они помогли кринянам подняться к людям.

– Сколько лет назад эти криняне потеряли связь с нашей планетой? – спросил Ручеек.

– Двести пятьдесят лет назад, – сказала Ирия.

– Правильно, – сказал Ручеек. – Это случилось двести пятьдесят лет назад. Мы это уже знаем.

– Но что случилось? – спросила Алиса.

– Точно мы еще не знаем, – ответил Ручеек. – Только сейчас наши ученые отыскали главный архив и начали его исследовать. Они читают документы.

– Что такое «читают»? – спросила Белка.

– Они смотрят на маленькие черные значки, которые написаны на старых листах бумаги, – объяснил Ручеек. – И эти значки с ними говорят.

– Как так говорят? У них рты есть?

– Нет, они молчат, – сказал Ручеек. – Но говорят.

– Это колдовство!

– Значит, я колдун, – сказал Ручеек.

– Ой! Порази тебя гром, разорви тебя кролик! Сожри тебя суслик!

– Вот видишь, ничего не случилось, – сказал Ручеек.

– Значит, ты не колдун, – с облегчением произнесла Белка.

– У вас никто не умеет читать? – спросила Ирия.

– Только мы, помники. За это нас считают колдунами и охотятся за нами, как за дикими зверями.

– Еще бы, – сказала Белка, – вы детей крадете и потом едите.

– Ну скажи ей, что это чепуха! – воскликнул Пашка. – Они просто темные и ничего не понимают.

– В этом есть правда, – сказал Ручеек. – Мы крадем детей.

– Не может быть! – удивилась Алиса.

– А почему? Меня самого когда-то украли, когда я был маленький. Если бы не украли, я был бы такой же темный и беспамятный, как эта Белка.

– Я знатная поклонка!

– Вижу, какая ты поклонка.

– Но красть детей нехорошо! – сказала Алиса.

– Что ты знаешь? Ты второй день на нашей планете, а уже половину этого времени сидишь связанная и голодная. Скажи спасибо, что живая! – Ручеек разволновался, начал махать руками, и Ирия остановила его, чтобы он не обратил на себя внимание охранников.

Алиса заметила, что один из единорогов внимательно смотрит на юношу, будто понимает, о чем идет разговор.

Ручеек взял себя в руки и продолжал спокойнее:

– Вы не видели нашей планеты. А хуже места я, как я понимаю, нет во всей Вселенной. Ты рассказывала нам о Земле, о том, что у вас нельзя убить человека просто потому, что он тебе не нравится, что у вас там нет голодных, что все чистые, хорошо одеты и говорят то, что хотят. Ты рассказывала, что у вас все умеют читать и писать, летать на воздушных машинах, все могут учиться и жить там, где им хочется. У нас ничего этого нет. У нас есть кучка знатных поклонов и вкушецов, которые хорошо живут, а все остальные даже не подозревают, что тоже могут жить иначе. У нас никто, понимаешь, никто не умеет читать и писать. А если узнают, что ты почему-то научился читать, то тебя затравят собаками или сожгут на костре. Мы живем без памяти, мы даже не знаем, что было на нашей планете много лет назад. И считается, что ничего другого, чем есть теперь, и быть не могло. Потому что тем, кто правит нами, выгодно, чтобы мы ничего не знали. Но среди нас оказались люди, которые догадались, что так было не всегда. Что раньше было иначе...

– А ты знаешь, что было раньше в замке братьев Кротов? – перебила Ручейка Алиса.

– Нет, не знаю, но вернее всего, там что-то раньше было. Почти все замки устроены в старых зданиях.

– Там была обсерватория – место, чтобы смотреть на звезды, – сказала Алиса.

– Вранье, – обиделась Белка, – этот прекрасный замок построил мой отец.

– Зачем же он тогда сделал такую щель в крыше? – спросил Пашка.

– Потому что так красивее, – ответила упрямая Белка.

– Нет, раньше там стоял телескоп – такая труба с увеличительным зеркалом, – и он двигался за звездами.

– Ты говоришь плохие вещи, – сказала Белка. – Я не хочу, чтобы трубы двигались.

– Дайте мне договорить, – сказал Ручеек. – Некоторые люди догадались: что-то плохое случилось со всей нашей планетой. Они догадались, что можно читать. И в книгах, которые чудом сохранились, они прочли правду. И узнали, что мы живем не в своем мире. Мы шакалы на кладбище.

– Может, была война? – спросила Ирия.

– Не знаю. Вроде бы войны не было. – Ручеек пожал плечами. – Была какая-то беда. Разве так важно, какая? Но после этой беды наши люди изменились. И стали дикарями, стали первобытными.

– И что же дальше? – спросил Пашка. – Те, что догадались, ушли в партизаны?

– Я не знаю, что такое партизаны. К тому же все это было еще до того, как я родился. Нашего первого учителя поймали и сожгли вкушецы.

– И правильно сделали, – сказала Белка. – Поклоны должны быть поклонами, а то не будет порядка.

– Вот видите, – вздохнул Ручеек, – искалеченное дитя.

Все засмеялись. Кроме Белки.

– Учителя нашего убили, но уже были другие, которые умели читать. И они ушли в лес, потому что в лесу есть другие города, покинутые, забытые всеми. В тех городах они надеялись найти следы прошлого, вернуть его и разогнать эту свору кровососов с красивыми именами Мокриц, Кротов, Сосунов, Вампиров, Фаланг и Скорпионов.

– Почему они берут такие имена? – спросила Алиса.

– А потому, что они думают, будто эти имена значат совсем не то, что они значат на самом деле.

– Как так?

– А просто. Никто не умеет читать, никто не помнит прошлого, никто не знает, как назывались раньше разные животные. А в Городе сидят мудрецы, это тоже паразиты, они теперь вместо ученых. Когда надо назвать знатного младенца, обращаются к ним, и за большие деньги они дают ему имя. Например, Крот. Что такое крот?

– Как – что? – удивилась Алиса. – Это такое маленькое животное, оно живет под землей и роет себе ходы.

– Неправда! – закричала Белка. – Это вранье. Ты обижаешь моих братьев и моего отца.

– А что же это такое? – спросила Ирия Белку.

– Крот – это такое могучее лесное животное с большими зубами, очень сильное. Его головы мои братья носят вместо шлемов.

– Но это же головы волков! – сказала Алиса.

– Вот именно, – улыбнулся Ручеек. – Конечно, это волк. А мудрецы говорят: крот – это могучий зверь! Кто их проверит? Кто узнает правду, если только мудрецам разрешено придумывать имена?

– Не хочу больше слушать, – сказала Белка и отошла к борту баржи.

– Она не пожалуется братьям? – спросил Пашка.

– Не думаю, – сказал Ручеек. – Ей же интересно с нами. Но к правде нелегко привыкнуть.

– Я согласна с Ручейком, – сказала Ирия. – Белка – неплохая девочка. Ей было несладко в замке. Продолжайте, Ручеек.

– Мои учителя ушли в глубину леса. Там было трудно. В лесу много страшных зверей, есть очень опасные места. Учителя отыскали покинутый Город и поселились в нем. Назвали его Убежищем. Прошло уже много лет...

– Если никто не знает правды, – удивился Пашка, – как к вам приходят новые люди?

– Мы крадем детей, чтобы учить их, – сказал Ручеек. – У нас нет другого выхода. Помники не могут ходить по городам и учить людей, их сразу поймают и убьют. Поэтому они и стали красть детей. Взрослого трудно переубедить, а ребенка можно всему научить.

– Но как же родители?

– По-разному, – уклончиво ответил Ручеек.

– Все-таки это жестоко, – сказала Алиса.

– Но у нас нет другого выхода! – повторил Ручеек. – Если этого не делать, кто освободит наш мир? Когда ребенок вырастет, он волен вернуться домой. Наш лесной город, наше Убежище – это как школа. Некоторые возвращаются. Иногда тайно и скрывают свои знания. Эти люди нам очень нужны, они наши глаза и уши. Некоторые не выдерживали, погибали.

– Почему? – спросила Алиса.

– Они стали рассказывать людям правду. Или начинали учить их читать. И их выдавали собственные ученики.

– Как же свои ученики выдавали? – спросил Пашка.

– Потому что они учили рабов, – сказал Ручеек. – А рабы не знают, что такое свобода. Они любят палку. Для нас опасно покидать Город. Я очень беспокоюсь за сестру Речку. Она подглядчица.

– Значит, я должна тебе передать от нее послание, – сказала Ирия. – Она велела передать его первому помнику, которого мы встретим.

Ирия достала из кармана комбинезона сплетенную из травы косичку. Ручеек взял ее и стал перебирать травинки.

– Это шифр? – спросил Пашка.

– Это наш тайный язык. Если такое послание попадет в руки поклонов, они ни о чем не догадаются.

Белка подошла к нему и заглянула юноше через плечо, стараясь понять, над чем он так задумался.

– Плохо дело, – сказал Ручеек. – Так мы и думали.

– Что там написано? – спросил Пашка.

– Речка сообщает, – сказал Ручеек, – что все поклоны государства съезжаются в Город, потому что решено начать против нас поход.

– А это не тайна, – сказала Белка. – Я слышала, как братья говорили, что они покажут этим помникам.

– Мы надеялись, – сказал Ручеек, – что они никогда не сговорятся. На наше счастье, поклоны, как пауки в банке, все время грызутся между собой. Но вот сговорились.

– Они хотят спасти детей, – сказала Белка, – потому что помники детей крадут, а потом кушают...

– Да перестань ты нести чепуху! Надоело, – сказал Ручеек. – Кушают, кушают! Не кушают, а учат читать и писать, учат пользоваться теми вещами, которые нашли в старом городе, учат делать новые вещи. Учат! Понимаешь?

– Уж больно ты ученый! – огрызнулась Белка.

– Куда ученее твоих братьев и даже его Повелительства Радикулита.

– Не смей так говорить! – испугалась Белка.

– Боишься, что меня убьют?

– Конечно. Хоть ты и противный и, может быть, даже помник, мне все равно тебя немножко жалко.

– Ну вот и хорошо.

Ручеек обернулся к Ирии:

– Речка считала корабли, которые проплыли мимо нашей хижины. Очень много кораблей. И на каждом воины.

– А у вас есть оружие? – спросила Ирия.

– Кое-что есть. Но мы не готовились... Мы надеялись, что они побоятся леса.

– Мои братья ничего не боятся, – сказала Белка.

– Твоих братьев нам еще не хватало! – Ручеек поднялся, посмотрел вдаль, на лесистый берег, мимо которого плыла баржа. – Надо как можно скорее сообщить обо всем нашим. Им нужно подготовиться.

– А может, нырнуть в воду и доплыть до берега? – сказал Пашка. – Если хочешь, я с тобой пойду.

– Глупости, – ответил Ручеек. – Ты не знаешь, как далеко мы уже отплыли. Отсюда до нашего Убежища идти целый день. Если не больше. И по самым диким местам. Не дойти. Даже мне.

– Отнять бы у Кротов наши бластеры, тогда бы дошли, – сказал Пашка.

– Эх, друг мой! – ответил Ручеек. – Ты не на своей Земле, где все звери добрые, а леса не опасные.

– У нас разные звери есть.

– Таких, как у нас, нет. Такие тебе и не снились. И думаю, что моим прадедушкам тоже.

– Ты хочешь сказать, что их раньше не было, а за триста лет они появились?

– Мне рассказывали учителя, что когда все это случилось... в городе, где теперь лес, было очень большое место, в котором держали диких животных.

– Зоопарк, – подсказала Алиса.

– Зоопарк. Но не только для наших зверей, но и для зверей, которых привозили с других планет. И эти звери разбежались. Некоторые подохли, а другие расплодились в лесу...

– Мы видели, – сказал Пашка, – когда шли по лесу.

– Вы еще очень мало видели, поэтому остались живы, – сказал Ручеек. – Вся надежда на птицу. Если она меня найдет.

Река была такая широкая, что дальний берег скрывался в дымке. Стало теплей, облака разошлись, и солнце, поднявшись высоко, приятно согревало. Алису опять стал мучить голод, но она молчала, потому что понимала: остальным тоже несладко.

Над кораблями показалась стая больших летучих мышей. Когда они спустились пониже, высматривая, нет ли чего съедобного на кораблях, Алиса увидела, что у них длинные пасти, утыканные множеством острых зубов.

С переднего корабля воины принялись стрелять по летучим мышам из луков.

– Вот вам пример, – сказал Ручеек. – Раньше их не было. Они вообще не с нашей планеты.

Одна из летучих мышей спикировала на баржу. Испуганные пигмеи бросились плашмя на дно, закрывая головы руками. Алиса увидела совсем близко разинутую пасть и отпрыгнула в сторону. Единорог поднял золотой рог.

Воины замахали мечами. С переднего корабля сыпался дождь стрел. Одна из мышей упала в воду, и ее понесло по волнам. Единорог пронзил рогом еще одну тварь и выкинул за борт.

– Спасибо, – сказала ему Алиса. – А то я так испугалась.

Единорог наклонил голову и дотронулся губами до руки Алисы.

– Ты мне тоже очень нравишься, – шепнула Алиса.

Летучие мыши взвились к небу и полетели прочь. Пигмеи испуганно щебетали.

– Они их очень боятся, – сказал Ручеек.

– Я тоже боюсь, – сказала Белка. – У нас один воин пошел в поле, на него целая стая напала – разорвали.

На правом низком берегу показалась небольшая деревенька. Хижины стояли у самой воды. Напротив, на высоком берегу, у леса, возвышался еще один замок.

На этот раз Алиса сразу догадалась, что когда-то здесь стоял завод, – от него остались две трубы. Их превратили в башни, а в заводских корпусах заложили окна камнями.

Замок был безлюден. Никто не вышел на стены поглядеть на проплывающие корабли.

– Наверное, все уплыли в Город, – сказал Ручеек.

– Чего же они все так дружно поднялись? – спросил Пашка. – Неужели в самом деле хотят освободить детей?

– Да не из-за детей они переживают, – сказал Ручеек. – Они думают, что у нас там сказочные сокровища. Вот и хотят отнять.

– Скажи, Ручеек, – спросила Алиса, – а ты почему притворился бе-пе?

– Так это же ясно, – сказал Ручеек. – Мы должны были встретиться с Речкой. Позже, вечером. Мне нужны были сведения о том, сколько кораблей проплыло вниз, какие корабли. Мы знали, что поклоны что-то затевают, но не знали подробностей.

– И ты шел на свидание с ней?

– Я наблюдал за лесом, – сказал Ручеек. – И тут увидел, что по лесу едет Левый Крот со своим отрядом. Я проследил за ними и увидел, как они напали на лагерь пигмеев.

– Их Вери-Мери навел, – сказала Алиса.

– Знаю, – кивнул Ручеек. – У лагеря пигмеев я увидел, что Крот захватил людей, очень похожих на тех бе-пе, что мы нашли вчера в лесу.

– Экипаж «Днепра»? – спросил Пашка.

– Правильно. Я сразу понял, что вы не бе-пе, что вы разумные. Значит, вы нам можете помочь. И тогда я стал следить за вами. Вижу – вас ведут в замок. А как мне в замок попасть? Как мне связаться с вами?

– И ты притворился бе-пе? – с ужасом спросила Белка.

– И вот я здесь.

Лес на левом берегу кончился. К реке подступили крутые утесы, вода пенилась, и баржа поплыла быстрее. Пигмеи заверещали, испугались.

– Скажи, – тихо спросила Алиса, – а от беспамятства можно вылечить?

– Не знаю, – ответил Ручеек. – Пока что мы еще никого не смогли вылечить.

– Какой ужас!

– Вылечить нельзя, – сказала Ирия, которая все слышала, – но можно всему научить заново.

– Ты не расстраивайся. – Алиса присела рядом с Ирией и погладила ее закованные в кандалы руки. – На Земле быстро найдут противоядие от этой болезни.

Ручеек тоже подошел к Ирии.

– Ничего страшного, – сказал он. – Твой муж жив и здоров. Как только он тебя увидит, все вспомнит. Только вот добраться до него непросто. Сегодня ночью я передал через нашего человека в замке весть о себе в Убежище. Если он сможет добраться к нашим, они узнают, что мы плывем по реке и будем ночевать на Длинном острове. Тогда этой ночью к нам прилетит птица.

Глава четырнадцатая
СОБЫТИЯ НА ДЛИННОМ ОСТРОВЕ

Уже темнело, когда корабли братьев Кротов достигли узкого острова посреди реки, заросшего кустарником.

У острова, приткнувшись носами, стояли еще два корабля. Видно, они добрались сюда раньше и остановились на ночлег.

На берегу, возле покосившегося навеса, горело несколько костров.

– Кто плывет? – раздалось с одного из кораблей.

В ответ Левый Крот пронзительно крикнул:

– Плывет корабль непобедимых зубастых Кротов, поклонов лесного царства! А кто посмел задавать нам вопросы?

– На этом острове остановился на ночлег благородный поклон Страны зеленых болот Червяк Самыйтолстый. Он приветствует своих друзей и приглашает их разделить с ним его скромную трапезу.

– Ничего себе – лучший друг, – тихо сказал Ручеек. – Еще в прошлом году братья разорили деревню Червяка, а он в отместку потопил рыбачьи лодки Кротов.

– Они будут воевать? – спросил Пашка.

– Не будут. Видишь, как вежливо разговаривают. На время общей войны поклоны объявляют мир.

Флотилия Кротов пристала к берегу. Пленников с баржи отогнали к кустам. Вокруг стояли воины, но следили они за пленниками кое-как, часто отходили к кострам. Да и понятно – кто убежит с острова?

Ужин пленников был таким же скудным, как и завтрак. Слуги притащили ящик с подсохшими хлебами, а воду каждый мог черпать ладонями из реки.

Ручеек есть не стал, он отполз, таясь за кустами, туда, где близнецы медленно разгуливали с Червяком Самымтолстым, желтая тога которого была разрисована изображениями черных пантер. Видно, мудрецы опять ошиблись – назвали пантеру червяком. Ручейку надо было узнать, о чем разговаривают поклоны.

Как только зашло солнце, поднялся ветер. Стало холодно. Но приходилось терпеть. Пашка сказал:

– Алис, давай займемся акробатикой.

В прошлом году все в классе увлекались акробатикой, ходили в секцию, – конечно, это была Пашкина идея. Но когда Пашка выступил на районных соревнованиях школьников и занял всего-навсего третье место, он сразу в акробатике разочаровался и ходить на секцию перестал.

– Идите, – сказала Ирия, – побегайте, только на глаза воинам не попадайтесь.

Уже почти стемнело, осталась лишь оранжевая черточка на горизонте, там, где опустилось солнце. Алиса с Пашкой прошли на дальний берег острова, нашли широкую полосу твердого песка. Сначала они по очереди крутили сальто. Потом Пашка поддерживал Алису, и она сделала ласточку и стойку у него на руках. Потом они решили устроить соревнования: кто быстрее пробежит сто метров на руках. Пашка Алису обогнал, но до конца дистанции не добежал.

– Камень под руку попал, – сказал он.

И тут они услышали аплодисменты.

Совсем недалеко стояли братья-близнецы и Червяк Самыйтолстый. Оказывается, они смотрели, как ребята занимаются акробатикой.

– Молодцы! – сказал Левый Крот. – Что же вы раньше молчали?

– А нас никто не спрашивал, – ответил Пашка.

– Твои рабы? – спросил Червяк, тряся шестью подбородками.

– Наши, – сказал Правый Крот.

– А зачем они вам? – спросил Червяк.

– Как зачем? Везу в Город. Я их его Повелительству покажу.

– Отдай их мне, – сказал Червяк.

– Нельзя, – ответил Левый Крот. – Это подарок властителю.

– Я хорошо заплачу.

– У тебя таких денег нет, – ответил Левый Крот, ухмыляясь. – Этих детей с младенчества готовили, учили. Даже кормили особой кашей. Таких больше во всем мире нет.

– Говори, сколько!

– Ни за что! – воскликнул Правый Крот.

А Левый Крот почесал длинным пальцем подбородок и сказал:

– Такие вопросы так не решаются. Надо думать.

– Правильно, – согласился его брат. – Надо думать.

Братья, как по команде, повернулись и пошли прочь от берега.

Червяк Самыйтолстый семенил следом.

– Мешок золота! – кричал он. – Два мешка золота!

Но братья не обернулись. Алиса услышала, как они хихикают.

Алиса улыбнулась. Пашка сердито спросил:

– Ты чего смеешься? Разве не понимаешь, что нас с тобой продадут? В рабство.

– Но какие хитрые братья!

– Ты что, хочешь выступать перед здешними поклонами?

– А почему бы и нет?

– Иногда мне хочется тебя убить! – заявил Пашка и побежал прочь.

Алиса пошла следом. Разумеется, она не хотела выступать перед этими баронами, даже смешно было бы подумать... Просто интересно на них смотреть.

– Я бы могла разбогатеть, – сказала Алиса. – Привозила бы на Крину акробатов и гимнастов. Целыми секциями и спортивными обществами.

Алиса разбежалась и сделала двойное сальто.

И чуть не врезалась в Белку, которая стояла в кустах, поджидая ее.

Совсем недалеко стояли братья-близнецы и Червяк Самыйтолстый. Оказывается, они смотрели, как ребята занимаются акробатикой.

– Алиса! – сказала она громким шепотом. Глаза ее были круглыми от ужаса. – Они тебя продадут! Тебя продадут Червяку!

– Знаю, – сказала Алиса. – Я давно хотела прославиться.

– Тебя тоже! – Белка обернулась к Пашке.

– Я убегу, – сказал Пашка.

Когда они вернулись к тому месту, где их ждала Ирия, Ручеек уже был там. Они негромко разговаривали. Лагерь понемногу засыпал. Только у костров нестройно пели воины. Оттуда послышалась ругань, зазвенели мечи, кто-то завизжал, кто-то засмеялся.

– Нас намерены продать, – сказала Алиса. – Мы будем выступать со смертельными номерами. Сегодня и ежедневно: отличники седьмого класса «Б», двойное сальто-мортале!

Но никто не поддержал Алисину шутку.

Над ними, закрывая звезды, пронеслась большая темная тень.

– Смотри, опять летучие мыши, – сказала Алиса.

– Нет, – ответил Ручеек. Он вскочил на ноги и тихо свистнул.

Снова пролетела тень, и сверху послышался ответный свист.

Ручеек сказал:

– Пошли к берегу. Она нас будет ждать там.

– Кто? – спросил Пашка.

– Увидишь, – сказала Ирия.

По дороге Белка все время жалась к Алисе.

– Я боюсь, когда темно, – шептала она. – Я идти с вами боюсь и оставаться боюсь.

На берегу, недалеко от того места, где Алиса с Пашкой крутили сальто, на небольшой полянке в кустах их ждала большая белая птица.

А может, и не птица? Подобного существа Алисе раньше встречать не приходилось.

С первого взгляда в полутьме, при свете двух кринянских лун, ее можно было принять за гигантского голубя, ростом с человека. Но если приглядишься, то удивляли глаза, они были не птичьими, а человеческими, с веками, ресницами, белком и голубым зрачком. Клюв птицы был невелик и казался мягким. Когда птица говорила, он двигался и даже изгибался.

– Я тебя еле нашла, – сказала она Ручейку.

– Я же передал, что мы будем ночевать на острове.

– Посланец не сказал, на каком.

– Я думал, что ты догадаешься, – сказал Ручеек.

– Я и догадалась, – сказала птица. – Что за люди с тобой?

– Это наши друзья.

Птица оглядела всех.

– Дети, – сказала она, – и закованная в кандалы женщина одеты так же, как беспамятные люди у нас в Убежище. Они из одного племени?

– Вы их видели? – спросила Ирия. – Как они себя чувствуют?

– Они сидят в большой комнате, – сказала птица. – С ними говорят учителя. Они сыты. Они ничего не помнят. Что я еще могу сказать?

– Спасибо, – сказала Ирия. – Еще не узнали, почему это с ними случилось?

– Спроси у злых духов леса, – ответила птица.

Алиса заметила, что Ирия, в отличие от остальных, вовсе не удивлена встречей с говорящей птицей. Наверное, Ручеек рассказал ей все заранее.

Птица посмотрела на Алису.

– Учителя спрашивают, – сказала она, – как вы попали на нашу планету? Из дальних стран или с неба?

– С неба, – сказала Алиса.

– Где ваш корабль?

– В лесу.

– Я расскажу им. Спасибо, – сказала птица. – Мне интересно на вас смотреть. Я таких еще не видела.

Затем птица обернулась к кустам.

– А кто эта пигмейка, что прячется от меня в листве?

Конечно же Белка при виде птицы спряталась.

– Выходи, – сказал Ручеек, – тебя никто не тронет.

– Не выйду, – послышался ответ из кустов. – Она меня унесет.

– Тогда сиди, – сказал Ручеек.

– Мне страшно.

– Пигмейка, – сказала птица, делая шаг к кустам, – я никогда никому не причинила вреда. Ты можешь спросить об этом у любого жителя леса. Мне стыдно, что ты меня боишься.

– Сама говоришь, – послышался ответ из кустов, – а потом клюнешь.

– Какая дикость! – сказала птица. – Я, благородная Альта из рода Альтосов, оскорблена такими подозрениями.

– Нет, – ответила Белка, – я лучше здесь посижу.

Птица по-куриному склонила голову и спросила Ручейка:

– Друг мой, что мы теперь будем делать?

– Мы обсуждали этот вопрос с Ирией, – сказал Ручеек.

– Кто такая Ирия?

– Это наш благородный друг с планеты Земля, закованный в кандалы, потому что ничтожные Кроты ее боятся.

– Какой стыд! – воскликнула птица Альта. – И это называется рыцари!

– Ты моих братьев не трожь! – отозвалась из кустов Белка.

– Так, значит, ты не пигмейка? Значит, ты та самая девочка из замка Кротов, которую бьют, не кормят и на которой хочет жениться гадкий предатель Вери-Мери?

– А ты откуда знаешь?

– В лесу для меня нет тайн. Берегись, Белка. Звери и люди говорили мне, что ты добрая и не мучаешь животных. Берегись своих братьев, но втройне берегись Вери-Мери.

Белка ничего не ответила, но вышла из кустов.

Она стояла в сторонке, настороженная, готовая в любой момент спрятаться снова.

– Мне нужно передать в Убежище послание, – сказал Ручеек. – Так, чтобы к утру оно было у учителей.

– Хорошо, – сказала птица. – Полетели.

– Нет, – ответил Ручеек. – Полечу на тебе не я. Полетит мальчик Паша.

– Почему? – спросила птица.

– Почему? – воскликнул Пашка.

– Так мы решили, – сказала Ирия, обращаясь к Пашке с Алисой. – Ручеек не может сейчас покинуть нас. Ему обязательно надо быть в Городе, ему надо проникнуть во дворец и узнать, что замышляют поклоны.

– Но почему я?

– Альта может отнести в Убежище помников одного человека. Я не могу лететь. Я не могу оставить вас здесь. Но один из нас должен попасть в лес как можно скорее, увидеть наших друзей и рассказать учителям, как отыскать «Днепр» и Гай-до. Кто-то должен перенести в Гай-до контейнер с гравитонами. Без этого Гай-до не сможет взлететь и вызволить нас. Это могут сделать Алиса или ты, Паша. Я решила, что полетишь ты, Паша. Все-таки ты мальчик, ты сильнее. А путешествие может быть опасным. Алиса пускай остается со мной. Ты понимаешь, Паша, какая тебе поручена задача?

– Я понял, – сказал Пашка. – Но пускай летит Алиса. Я не хочу оставлять тебя одну. Тебе может понадобиться моя защита.

– Здесь остается Ручеек. Он меня защитит. В крайнем случае, я сама за себя постою. А от того, как ты доберешься до лесного Убежища и сможешь поднять в воздух Гай-до, зависит все. Даже наши жизни и жизни наших друзей.

– Понял, – сказал Пашка.

– Лети, – сказала Алиса. Ей было чуть-чуть обидно, что для полета выбрали не ее, а Пашку, но лучше не спорить. Если недовольна, скажешь на Земле, когда все кончится.

– Я сомневаюсь, – сказала птица Альта, которая до того бродила по полянке и что-то клевала в траве. – Я сомневаюсь. Мальчик никогда не летал. Он может испугаться и упасть.

– Я? Испугаться? – Пашка тут же забыл о своих сомнениях.

– Ты полетишь низко, – сказал Ручеек. – Медленно. Ты не позволишь мальчику упасть. Я на тебя надеюсь.

– Я постараюсь, – сказала птица. – Но возить мальчиков – последнее дело. Они всегда шалят.

– Может, привязать Пашку? Чтобы не свалился? – спросила Алиса.

– Еще чего не хватало! – возмутился Гераскин.

– Не надо, – сказала птица. – Веревки будут мне мешать.

– А сколько лететь до вашего Убежища? – спросила Ирия.

– Я буду лететь медленно, – сказала Альта. – Я буду лететь часа три-четыре. Утром будем на месте.

– Три-четыре – это много? – спросила вдруг Белка.

– Нет, немного, – сказал Ручеек. – А может быть, ты хочешь научиться считать и читать?

– Нет, что ты! – воскликнула Белка. – Это запрещено! Только ужасные помники читают и пишут.

– Какая темнота!

Ручеек тем временем нарвал травинок и быстро сплел послание для учителей. Ирия еле уговорила Пашку взять ее куртку – ведь в полете будет холодно.

– Я не замерзну, – возражал Пашка.

– Когда мы вернемся на Землю, – сказала Ирия, – твоя мама меня обязательно спросит: почему вы не проследили за здоровьем моего сына? Почему он чихает и кашляет? Куда вы его возили? На Северный полюс?

Ирия так здорово скопировала голос Пашкиной мамы, что Пашка засмеялся и сдался.

Пока Ручеек плел свое послание, а Ирия диктовала Алисе записку для Тадеуша, Пашка вышел на берег реки. По реке протянулись две серебристые полосы – от двух лун. На том берегу мерцали тусклые огоньки – там была деревня. Под ложечкой щекотало от предчувствия приключений. Таких ему еще переживать не приходилось. Страшно ли ему сейчас подняться в небо на белой птице с голубыми светящимися глазами? Нет, не страшно. Он представил себе, как в лесной чаще ждет, волнуется, не зная, что с ними происходит, их добрый Гай-до. Что ж, в жизни всегда найдется место подвигам.

– Я готов! – сказал Пашка. – По коням!

Альта присела, чтобы Пашке было сподручней забраться ей на спину. Спина была теплой, гладкой. Пашка опустил ноги перед крыльями. Ручеек снял с себя ремень и завязал его на шее Альты.

– Хватайся за него, только если будет страшно, – сказала птица. – А то задушишь меня.

– Хорошо, – сказал Пашка и поклялся себе, что даже если будет жутко, он не дотронется до ремня.

– Ой, Паша, – сказала плачущим голосом Белка, – может, останешься? Занесет она тебя в колдовские места, превратишься ты в цветочек безгласный, пропадешь в вонючих болотах.

– Перестань канючить, – сказала птица. – Мне стыдно за тебя.

– А мне Пашеньку жалко, – сказала Белка.

Она подошла к Ручейку и взяла его за руку.

Тот даже удивился:

– Ты меня больше не боишься?

– Я тебя, конечно, боюсь, – сказала Белка. – Но я остальных еще больше боюсь. Ты уж меня не обижай.

– Не обижу! – Ручеек запустил пятерню ей в волосы, но Белка тут же вырвалась и сказала строго:

– Ты забыл, с кем имеешь дело! Я же настоящая поклонка.

Ручеек передал Пашке шифрованное послание, Ирия – записку для Тадеуша. Алиса просто пожала руку.

– Мы полетели, – сказала Альта. – Осторожней в Городе!

Птица разбежалась по полянке и расправила крылья. Крылья оказались громадными, каждое – метра четыре длиной.

Добежав до воды, Альта резко взмахнула крыльями. Пашка сидел, обхватив ногами плечи птицы и обняв шею, ему очень хотелось вцепиться в ремень, но он сдерживался.

– Нильс на диком гусе! – услышал он голос Алисы.

В ушах засвистел ветер, Пашка зажмурился, а когда открыл глаза, остров уже выглядел черной полосой на глади реки, а костры на берегу казались светлячками.

– Только не засни, – сказала Альта.

– Еще чего не хватало!

– Это бывает, – сказала Альта. – Ты мне лучше рассказывай, где ты живешь, откуда прилетел, какие у вас птицы. Мне все интересно.

И Пашка начал рассказывать о жизни на Земле.

Глава пятнадцатая
ОПАСНЫЙ ПОЛЕТ

Через час полета Пашка так закоченел, что, несмотря на всю свою гордость, вынужден был признаться Альте, что вот-вот свалится.

– Глупости, – сказала Альта. – Мог бы и раньше сказать. Мне не нужны мертвые мальчики.

– Может, спустимся, и я немного попрыгаю, согреюсь, – сказал Пашка.

– Через пять минут будет такое место, – сказала птица. – Я и сама собиралась там сделать привал. И знаешь почему?

– Н-н-н-ет, – ответил Пашка. Даже губы у него замерзли так, что не слушались.

– Там есть чудесные ягоды. Вам, людям, они кажутся горькими, но мы, Альты из рода Альтосов, их обожаем.

Птица начала снижаться. Мерно поднимались и опускались по бокам Пашки ее громадные крылья. Внизу тянулись скалы, острые, кое-где поросшие колючками, мрачные под светом лун.

Наконец Альта опустилась в лощину между скал. Там было темно. Альта легла, чтобы Пашке было удобно с нее спуститься, и он скатился на землю – ноги не держали.

– Плохо дело, – сказала Альта, ее глаза светились в темноте, как голубые фонарики.

В лощине было теплее, чем наверху.

– Ходить можешь? – спросила птица.

– Сейчас, только ноги разотру.

– Тогда шагай за мной.

Птица уверенно пошла вдоль лощины. Впереди поднимался белый пар.

Когда Пашка добрался до того места, оказалось, что это маленькое озерко, чуть больше ванны размером. Вода в нем бурлила, и от нее поднимался пар.

– Рекомендую окунуться, – сказала птица. – Это целебная вода. Мой друг Ручеек всегда здесь купается.

Пашка послушался. Задеревеневшими пальцами он стащил с себя одежду и бултыхнулся в теплую, почти горячую, наполненную щекотными пузырьками воду. «Ванна» была неглубокой, по пояс. Пашку охватило блаженство. Наверное, никогда в жизни ему не было так хорошо.

Он нежился в воде минут десять. Наконец Альта, которая куда-то отходила, вернулась и сказала:

– Пора и честь знать. Всему хорошему бывает конец. Вылезай, а то перегреешься и простудишься. Ты забыл, что нам еще лететь и лететь. А тебе еще обсохнуть надо.

Пашка с сожалением подчинился птице, вылез, и его сразу стало знобить.

– Иди за мной, – сказала птица.

Она отошла на несколько шагов и остановилась перед углублением в земле.

– Ложись здесь.

Пашка подчинился. Камни оказались теплыми, как лежанка на печи. Жестко, но тепло и уютно.

– Я пойду, поклюю немножко, – сказала птица. – Подожди меня.

Пашка решил, что несколько минут можно подремать.

И заснул.

А когда проснулся, солнце уже встало, жужжали насекомые, было тепло. Альта сидела рядом, подняв одно крыло, чтобы защитить Пашку от лучей солнца.

– Ой! – испугался Пашка. – Чего же вы меня не разбудили?

– Людей будить нельзя, – сказала птица. – Это вредно.

– Прости, – сказал Пашка. – Я нечаянно. Сколько я проспал?

– Два часа, – сказала птица, – ты же всего-навсего человеческий детеныш, наверное, недавно из яйца вылупился. Одевайся, полетим дальше.

И через три минуты они уже были в небе.

Начался лес. Вершины деревьев так переплелись листьями и сучьями, что Пашке казалось: под ними тянется сплошной слой зелени, по которому можно ходить. Стало теплее, и даже трудно было представить себе, что совсем недавно он умирал от холода. Страшно захотелось есть. Ведь если не считать нескольких кусочков хлеба да миски с жидкой похлебкой, за последние сутки у Пашки ничего во рту не было. Он думал о еде и не заметил, как откуда-то появились летучие мыши, такие же, как те, что напали на баржу.

Увидев одинокую птицу, они тут же начали снижаться.

– Держись, Пашка! – сказала Альта. – Попытаемся уйти.

Пашка обхватил шею Альты и прижался к птице всем телом. Крылья махали чаще, они казались голубыми занавесами, раздуваемыми ветром. Альта изменяла полет, ныряла вниз, взмывала вверх. Она летела быстрее мышей и была куда ловчее их, но мышей было не меньше десятка. И хоть почти все они промахивались, то одной, то другой удавалось дотянуться зубами до Альты... Вот одно перо взмыло в воздух и полетело, планируя, к земле. За ним второе...

Альта устала. – Снижаемся, – сказала она. – Только бы дотянуть до поляны.

– А здесь нельзя?

– Нельзя! Здесь сплошная чаща, негде опуститься.

И тут одной из мышей удалось полоснуть зубами по крылу птицы.

Альта сразу полетела медленнее, часто взмахивая раненым крылом. Пашка всей душой чувствовал, как ей больно и тяжело. Почувствовали это и мыши, которые с новой яростью кинулись на Альту.

Удар, еще один... Острые желтые зубы мелькали со всех сторон. Пашка сумел развязать ремень на шее Альты и размахивал им, отбиваясь от мышей. Одной он угодил по морде, и она с воем стала падать вниз.

– Вот вам! – кричал Пашка. – Вот вам, стервятники! Ну давайте, смелее нападайте! Я вам покажу!

Он даже не сообразил, что Альта падает... Лишь у самой земли, на узкой прогалине между деревьями, она, отчаянно махая крыльями, задержала падение и, сев на землю, пробежала несколько шагов, волоча крыло.

Пашка свалился с птицы.

– В лес! – прошептала Альта.

Пашка помог ей спрятаться под укрытие деревьев.

Там было полутемно, сыро. Но, к счастью, летучие мыши не смогли последовать за своими жертвами и одна за другой поднялись в воздух. Они еще долго кружили над лесом, надеясь, что добыча к ним вернется.

– Плохо наше дело, – сказала птица.

– У тебя повреждено крыло!

– И боюсь, что серьезно.

– Можно погляжу?

– Погоди, – сказала Альта. – Здесь недалеко есть развалины. Никто не знает, что там было раньше.

Альта побрела вперед. Она шла медленно, прихрамывая, крыло волочилось по земле, по перьям сочилась алая кровь.

Пашке хотелось поддержать птицу, помочь ей, но он не знал, как это сделать.

– Еще немного, – сказала Альта слабым голосом. – Осталось чуть-чуть...

Пашка увидел развалины, только когда они подошли к ним вплотную. Обвалившиеся бетонные стены, проемы окон, заплетенные лианами, груды плиток, провода... запустение.

Птица вошла в руины и тяжело опустилась на пыльный пол, усеянный камнями и сухими сучьями.

– Может, здесь они нас не найдут, – сказала птица.

– Кто?

– Хозяева этих мест. – Альта вздохнула и добавила: – Нельзя было лететь днем, когда летучие хищники вылетают за добычей. Я знала...

Она летела быстрее мышей и была куда ловчее их, но мышей было не меньше десятка.

– Значит, я виноват, – сказал Пашка. – Прости. Это я проспал.

– Теперь поздно искать виноватого, – сказала птица.

– Можно я погляжу, что у вас с крылом?

– А ты понимаешь?

– Я постараюсь.

Пашка осторожно осмотрел крыло. В двух местах он нашел глубокие раны, до кости. Из них все еще сочилась кровь.

Птица тихонько стонала.

– Нужно лекарство, – сказал Пашка. – Давайте я пойду пешком в Убежище. Вы скажите, как дойти. Вам необходима помощь.

– Нереально, – сказала Альта. – До Убежища идти полдня. И через самую чащу. Даже наши туда не заглядывают.

– Что же делать?

– Не знаю. Я всего только птица. Я привыкла доверять людям. Они лучше умеют думать.

Пашка был бы рад что-нибудь придумать. На Земле он обязательно бы придумал. Но что придумаешь посреди непроходимого леса, на чужой, дикой планете?

– Вас будут искать? – спросил он.

– Как? Как нас найти? Я сбилась с пути.

– Но мы не можем сидеть всю жизнь в этом лесу!

– Ты прав. Значит, мы умрем. Прости, что я не выполнила своего обещания и не донесла тебя до Убежища.

– Не это важно, – сказал Пашка. – Дело не в нас с вами. Ведь в Убежище не знают, что вот-вот начнется общий поход против помников. Они не ждут его.

– Это ужасно! – сказала птица. – Я не переживу такого позора. Лучше умереть...

Альта распласталась на полу и спрятала голову под здоровое крыло.

«Типично птичья реакция, – подумал Пашка. – Скрыться от трудностей, спрятав голову под крыло!» Он решил осмотреться. Он был убежден, что находчивый человек обязательно найдет выход из любой ситуации.

Пашка оставил птицу скорбеть, а сам отправился исследовать развалины.

Здание, в котором они спрятались, состояло из нескольких больших комнат. Крыша обвалилась, и кое-где приходилось перебираться через

груды камней и бетонных плит. В одной из комнат Пашка увидел несколько столиков и стульев. Большая часть их была опрокинута, другие разломаны. Столики были маленькими, будто для карликов. Может, в этом доме когда-то жили пигмеи? Но неужели они потом так одичали? В следующей комнате – длинной, выходившей окнами в лес, – стояли кроватки. Тоже маленькие, пигмейские. На одной даже сохранилась простыня и одеяло. Пашка дотронулся до одеяла, и оно тут же рассыпалось в прах. А из-под кровати выскочил, подняв клешни, сухопутный краб размером с тарелку и боком, боком побежал к Пашке, пугая его. Пашка не стал спорить, отступил. Конечно, всем известно, что ядовитых крабов не бывает, но это на Земле, а не в диком лесу на неизведанной планете. Ведь в лесу крабам тоже не положено водиться.

Из той комнаты вниз вела лестница. Ступеньки обсыпались, лоскуты краски, отвалившиеся от стен, валялись на лестнице, как лужицы голубой воды. За приоткрытой дверью обнаружилась кухня. Да, вернее всего, это была кухня – на заржавевших плитах еще стояли кастрюли и сковородки. Грудой громоздились тарелки. На крюке висело полотенце и белый фартук, но Пашка, наученный горьким опытом, не стал до них дотрагиваться – знал, что рассыплются в пыль. «Те, кто жил здесь когда-то, – подумал Пашка, – ушли сразу, неожиданно. Бросили все как есть. Чего они испугались?» Пашка прошел сквозь кухню и выбрался другой, узкой лестницей наружу. Лес, подходивший к дому, был здесь не так густ, в нем встречались прогалины и полянки. Одна из них, овальная, была окружена невысоким барьером из керамических плиток. Внутри барьера была впадина, облицованная белым. Большое корявое дерево выросло в центре впадины, разломав плитки. Пашка не сразу сообразил, что когда-то там был бассейн. Чуть дальше в кустах он отыскал площадку для игр, качели, большой мяч до половины врос в землю...

Зашуршало в кустах, и Пашке показалось, что за ним из чащи следят многочисленные злые глаза. Он спохватился, что отошел далеко от дома, и бросился назад. Шуршание сзади усилилось. Что-то черное мохнатое вылезло из лиан. Пашка чуть не свалился в бассейн, споткнулся о торчащий корень и стрелой добежал до разрушенного дома. Оглянулся. Никто его не преследовал.

И все-таки было очень страшно. Лес был чужой, зловещий, он подстерегал Пашку, следил за каждым его движением, а Пашка был безоружен и сам должен был охранять раненую птицу.

Он прошел вдоль стены дома. Вот и главная дверь. Над ней покосившаяся вывеска – золотые буквы на черном фоне:

«ЛЕСНЫЕ ПОЛЯНЫ»

Санаторий для детей

Как странно было увидеть эту надпись, напоминавшую о тех временах, когда на Крине были санатории, дети играли в мяч или купались в бассейне. Вот почему кровати такие маленькие!

Пашка заглянул в прихожую санатория. Увидел справа небольшую дверь. Толкнул ее, и она с грохотом упала внутрь.

Когда-то здесь был медицинский кабинет. На длинном белом пластиковом столе стоял непривычной формы микроскоп, в застекленном шкафу на полках – различные медицинские инструменты. Второй стол стоял у разбитого окна. На нем стопкой лежали бумаги... Пашка осторожно подошел к столу. Он не дотрагивался до бумаг. Только посмотрел, что там написано.

Дата, которая ничего не говорит, потому что на Крине свое летосчисление. Потом: «Расписание праздника проводов лема». «Праздничный ужин. Концерт гостей. Танцы. Костер на лужайке. Фейерверк».

Пашка неосторожно кашлянул – лист бумаги разлетелся в пыль.

«Фейерверк, – подумал Пашка, подходя к медицинскому шкафу, – концерт гостей, танцы... Что же случилось? Куда делись дети?» Пашка просунул руку сквозь разбитое стекло шкафа. Как назло, не видно никаких бинтов или пластыря, чтобы перевязать Альту. Впрочем, это все разлетелось бы от прикосновения. «Возьму ножницы. Может, пригодятся. Почти оружие», – решил он.

В комнате стало темнее.

Пашка обернулся. В разбитое окно глядела страшная образина: мохнатая морда, оскаленные зубы, прижатые желтые уши, – похоже на медведя, но очень большого желтого медведя.

– Иди отсюда! – крикнул Пашка, скорее, с перепугу.

Медведь еще шире оскалился и низко зарычал.

В следующее мгновение Пашки в комнате не было. Он выскочил в коридор. Куда бежать? Где птица?

И в этот момент он услышал тонкий крик.

Альта! Они напали на Альту!

Пашка обернулся. В разбитое окно глядела страшная образина: мохнатая морда, оскаленные зубы, прижатые желтые уши, – похоже на медведя, но очень большого желтого медведя.

Глава шестнадцатая
ГОРОДСКИЕ ПРИЧАЛЫ

Ночь они скоротали кое-как, сбившись в кучку, – Ирия, Ручеек, Белка и Алиса. Белка все норовила забраться в середину, толкалась, а под утро проснулась и решила идти к братьям, сознаться во всем, сказать, что ее украли.

– Иди, – сонно сказал Ручеек. – Они тебя ждут.

Белка утихла.

Так они и дотерпели до утра, очнулись еле живые. Над рекой плыл туман, воины бродили по пояс в белой вате, расталкивали спящих, гнали их на баржу. Пигмеи дрожали, они были голодны, но кормить их не стали.

– Пошли умоемся, – сказала Ирия.

– Нельзя, – ответила Белка. – Мыться вредно. – Она подумала и добавила: – И холодно.

Но Ирия уже поднялась и шла к реке. Чтобы кандалы не звенели, она подобрала их, кандалы были тяжелыми, ей было трудно, но Ирия терпела и даже улыбалась, чтобы подбодрить Алису.

Белка осталась на берегу и все твердила, что Алиса и Ирия наверняка ведьмы, потому что нормальный человек по доброй воле мыться не будет, тем более холодной водой, да еще в речке, где водятся чудовища, которые тех, кто моется, обязательно утянут в воду.

Алиса побегала по берегу, размялась, стало чуть теплее.

Когда они вернулись, оказалось, что их уже разыскивают по кустам стражники. Близнецы хватились, что нет Пашки.

Их привели к близнецам, и Левый Крот спросил:

– Где мальчик, который умеет кувыркаться?

– Не знаю, – сказала Алиса.

– Не знаю, – пожала плечами Ирия.

Белка стояла неподалеку, в толпе пигмеев и молчала. Ручейка нигде не было видно.

– Ты мне его найди, – сказал Червяк Самыйтолстый. Он выплыл из тумана, словно обрюзгшее желтое насекомое. – Я у тебя одну девчонку не куплю. Я двоих хотел купить. Ты меня не обманешь.

– А я и не собирался продавать тебе моих рабов! – рявкнул Левый Крот. Он и без того был взбешен пропажей. А тут еще надутый Червяк.

– Если бы не мир, объявленный в стране, я бы не стал слушать твой гнусный визг! – взревел Червяк Самыйтолстый. – Но ты мне еще заплатишь за оскорбление. А девчонку я беру себе. Бесплатно.

Правый Крот выхватил меч – воинов у Кротов было куда меньше, чем у Червяка, но братья и не думали отступать. Червяк бесновался, грозил страшной местью. В конце концов его корабль отплыл, а братья со своими подручными еще долго обшаривали остров, споря, то ли мальчишка утонул, то ли его унесли летучие мыши... Алиса и Ирия покорно сидели у погасшего костра, ждали, чем кончатся поиски. Когда Пашку отчаялись отыскать, Алисе велели перейти на первый корабль. Кроты не хотели терять главную рабыню, так что полдня ей пришлось быть одной среди воинов. Правда, ее покормили вместе с ними. Алиса сидела на корме, глядела по сторонам, старалась высмотреть, что делают ее друзья на барже. Она видела, как, укрываясь от любопытных глаз за единорогами, Ирия шепталась о чем-то с Ручейком, и Алисе было грустно, что она ничего не слышит. Потом, уже днем, берега стали низкими, деревни пошли куда чаще. По берегам тянулись развалины, но было трудно угадать, заводы это, лаборатории или, может, какие-нибудь склады. Алиса увидела, как Ручеек сел у борта, к нему подошла Белка и они оживленно заговорили. Белка спорила, махала руками, сердилась. Ручеек смеялся, даже издали было видно, как сверкают на смуглом лице его белые зубы, и, судя по всему, Белка его вовсе не боялась. Забыла, что ли, что он помник?

Алиса помахала Ручейку рукой, тот улыбнулся в ответ. И вдруг потупился и отвернулся от Белки.

Алиса услышала скрипучий голос одного из Кротов:

– Погляди, брат, тебе это не кажется странным?

– Вижу, – ответил второй Крот. – Что-то он сегодня не похож на бе-пе.

– Как только приедем в Город, вели его схватить и как следует допросить. Может, это подглядчик помников.

– И я так думаю, – сказал второй брат.

Алису братья не принимали в расчет. Они отлично видели, что она сидит почти у их ног, но продолжали разговаривать о своих делах, в том числе и об Алисе.

– Жалко, что мальчишка утоп, – сказал Левый Крот.

– Может, уплыл? – спросил Правый Крот.

– Куда уплыл? В лес?

– Не знаю. За двоих мы бы получили куда больше.

– А мы и за одну получим неплохо, – сказал второй брат.

Алиса почувствовала, как ей на голову опустилась тяжелая рука в жесткой кожаной перчатке.

– Ты, девочка, постараешься? – спросил Левый Крот ласково.

Алиса решила, что сразу соглашаться не стоит.

– А зачем? – спросила она.

– Затем, чтобы сделать приятное нам с братом, – ответил Левый Крот.

– Я не хочу делать вам приятное, – сказала Алиса. – Вы моей тете руки железом сковали. Вы злые.

– Не сделаешь нам приятное, – сказал Правый Крот, – тебе будет плохо.

– И тетке твоей тоже. Она не знает, как надо себя вести, если знаменитые поклоны удостаивают тебя вниманием.

– Я боюсь, дяденька! – заныла Алиса. – Не наказывайте меня.

– Ладно, – смилостивился Правый Крот. – Ты старайся, и мы тебя не обидим. Хочешь яблоко?

– Спасибо, – сказала Алиса. – Но не продавайте меня этому страшному Червяку.

– Еще чего не хватало! – захохотал Левый Крот. – Да этот старый выжига за тебя и кошелька не даст. Мы тебя во дворец поведем!

– А он сказал, что меня отберет.

– Посмотрим, – ответил Левый Крот. – Мы, славные зубастые Кроты, все берем сами и никому ничего не отдаем.

Яблоко было диким. Алиса его съела, хоть скулы сводило от кислятины. Она продолжала изображать из себя запуганную, дикую девочку. «Лучше пусть они меня недооценивают», – думала она.

К середине дня, когда солнце поднялось высоко и стало припекать, корабли добрались до Города.

Было тихо, лишь мерно вскрикивал надсмотрщик, подгоняя гребцов. Остальные, разморенные теплом и мирным путешествием, дремали. Алиса глядела на берега, уже густо населенные, и думала: «Как там Пашка? Добрался ли он до Убежища? Нашел ли Гай-до? Нет, до Гай-до он, пожалуй, еще не добрался. Бедненький Гай-до, как он переживает, не зная, куда делась его хозяйка».

Корабль миновал высокий, могучий замок. На его башнях развевались флаги. Алиса уже достаточно присмотрелась к здешнему миру, чтобы понять, что и этот замок построен на руинах большого завода. За замком начинались кварталы Города. Город, как все по пути, оказался полуразрушенным. Люди жили в развалинах, покрытых соломенными крышами либо разномастной черепицей. Улицы, сбегавшие к реке, были пыльными, заросшими травой и кустами, кое-где видны были повозки, которые тянули быки или лошаденки, у самого берега Алиса увидела кузницу – кузнец мерно бил молотом по наковальне, потом промелькнул небольшой базарчик – несколько покосившихся лотков с фруктами. У берега покачивались долбленые лодки, в которых сидели рыболовы с удочками, хилый старичок в длинной синей тоге колотил палкой громадного полуголого раба, и тот покорно сносил удары. Потом Алиса увидела на площади между домами виселицу, на которой висел человек...

Вскоре пошли причалы. На причалах было оживленно. Там стояли десятки различных кораблей и плотов, некоторые с парусами, другие гребные. Корабли были раскрашены, на мачтах висели флаги с гербами. Алиса поняла, что это корабли поклонов и вкушецов, что съехались в столицу планировать поход против лесного Убежища.

Кормчий корабля Кротов углядел свободный причал, возле которого стояло несколько человек. Самый маленький из них, темнокожий, в полосатом длинном одеянии, при виде корабля замахал руками, как бы призывая: сюда, сюда!

Корабль ударился днищем о пологий берег, его занесло течением, надсмотрщик набросился на гребцов с кнутом, кормчий навалился на весло, один из воинов выбежал на нос и кинул веревку маленькому человеку, что стоял на деревянных мостках. Тот схватил веревку и потащил ее к тумбе. Он замотал веревку за тумбу, а когда он распрямился, Алиса поняла, что это пигмей Вери-Мери.

С корабля сбросили мостки, а тем временем матросы подтягивали к берегу баржу.

Братья легко сбежали по мосткам на причал. Вери-Мери склонился перед ними в поклоне.

– Мы ждем вас не дождемся! – воскликнул он. – Повелитель Радикулит Грозный гневается. Все поклоны уже собрались в столице. Ждут только вас.

– Подождут, – отмахнулся Правый Крот. – Что за спешка?

– Говорят, что послезавтра начало похода. Кто не успеет, будет объявлен врагом всех поклонов, и имения его будут захвачены.

– Не суетись, – сказал Левый Крот. – Мы, кровожадные Кроты, никогда не отказывались от походов и битв. Говори, что еще?

– Не для враждебных ушей, – сказал Вери-Мери, вставая на цыпочки.

Оба Крота наклонились к нему, и Вери-Мери принялся шептать, подскакивая на месте, чтобы дотянуться до ушей своих господ. А те, видно нарочно, не особенно старались наклоняться, будто издевались над доносчиком.

Алиса оглянулась. С баржи сгоняли рабов. Надо быстрее предупредить Ручейка, что братья подозревают его. Вот он спускается с баржи. Ирия идет в стороне, не замечая его. А где Белка? Белка среди пигмеев.

Алиса оглянулась на Кротов, они не смотрели на нее.

Алиса быстро пошла к Ручейку, наклонив голову, будто что-то искала на досках причала. Она смешалась с толпой несчастных, голодных пигмеев.

– Ручеек, – позвала она негромко.

Ручеек будто не слышал, он тупо смотрел перед собой. Но задержался.

– Они видели, – сказала Алиса, – как ты говорил с Белкой. Они хотят тебя допросить, тебе надо бежать.

Ручеек продолжал идти вперед, глядя прямо перед собой.

– Ручеек, ты слышишь?

В этот момент Алиса услышала голос одного из братьев:

– Где эта проклятая девчонка?

Что делать?

– Ручеек! – крикнула Алиса.

Никакого ответа. К Алисе, расталкивая пигмеев, уже бежали воины. Пигмеи заверещали.

– Ручеек! – закричала отчаянно Алиса. – Беги!

Именно в этот момент Ручеек, который шел у края причала, скользнул в воду. Так быстро и ловко, что даже Алиса не заметила, как он исчез.

Тем временем воины добрались до нее. Старый Сук схватил ее больно за руку, и Алиса, не притворяясь, закричала:

– Больно! Больно! Что ты делаешь? Ирия, я к тебе хочу!

А Ирия, поняв, в чем дело, кинулась навстречу Алисе, громко крича:

– Иду, иду, моя дорогая! Что они с тобой сделали! Не смейте делать больно ребенку!

Гремя цепями, Ирия пробивалась к Алисе сквозь толпу пигмеев, что еще больше прибавило суматохи, и Алиса уже надеялась, что Ручеек благополучно убежит, как раздался крик Вери-Мери:

– Вот он! Держите его!

На берег, метрах в ста от причала, выбрался Ручеек. Он бросился вверх, стараясь скрыться между сараями, между сваленными в незапамятные времена и поросшие кустарником груды бревен.

– Так я и знал! – взревел Правый Крот. – Я его давно подозревал!

Он выхватил меч и бросился следом за Ручейком. Второй брат крикнул:

– Стрелять! Где ваши луки, небо вас разрази!

Воины были заняты тем, что пытались собрать в кучу разбегающихся, орущих от страха пигмеев. Некоторые даже и не взяли своих луков с корабля. Но все же за минуту, пока Ручеек бежал к сараям, два или три воина успели натянуть луки. Взвизгнула тетива – стрелы унеслись вслед беглецу.

Вери-Мери бежал к Левому Кроту, волоча за повод оленя. Но тот только отмахнулся и закричал: – Не стрелять! В брата попадете.

И правда, Правый Крот огромными прыжками уже догонял Ручейка. Алиса не выдержала и закричала:

– Скорей!

На пути Ручейка появился какой-то богато одетый мужчина. Он попытался, расставив руки, остановить беглеца, но тот сумел обогнуть его, зато Правый Крот врезался в неудачливого помощника. Не разбирая, кто прав, кто виноват, взбешенный Крот полоснул мечом по лицу человека. Тот упал, обливаясь кровью, но этой задержки было достаточно для того, чтобы Ручеек перемахнул через покосившийся забор и исчез в лианах сада, что начинался за забором.

Алиса смогла перевести дух.

– Ты чуть все не погубила, – сказала стоявшая рядом с ней Белка. – Зачем кричала? Что он, глухой, что ли?

– Я думала, что он не слышит.

– Глупая ты все-таки, – сказала Белка. – Если бы они его поймали, я бы тебя своими руками убила.

– Прости, – сказала Алиса. Она поняла, что в самом деле вела себя неумно.

Ирия подошла к ней. Воин все еще держал Алису за руку, но, видно, не знал, что делать дальше, и смотрел наверх, где вдоль забора, размахивая мечом, метался Правый Крот.

– Слушай, Алиса, – сказала Ирия по-русски, чтобы воин не понял, – нас продадут в рабство.

– Не может быть! Мы будем сражаться!

– Ни в коем случае! Ручеек все уладит. Он обещал. Нас купит его друг. Веди себя спокойно.

Воину не понравилось, что пленницы говорят непонятно. Он оттащил Алису от Ирии, проворчав:

– Хватит вам на ведьмином языке колдовать.

– Где девчонка? – спросил Левый Крот. Он уже понял, что брату не догнать Ручейка и хотел сохранить хотя бы Алису.

– Веду! – ответил воин. – Здесь она.

Воин подтащил Алису к Кроту. Вери-Мери стоял рядом.

– Осмелюсь доложить, ваше поклонство, – сказал пигмей, – эта девчонка что-то кричала тому, который убежал.

– Я и сам слышал, – ответил Крот, недоверчиво глядя на Алису.

– Я не ему кричала, – сказала Алиса. – Я мою тетю звала.

На причал вернулся Правый Крот. Он был зол. Он шел, вытирая о штаны лезвие меча.

– Дьявол дернул его сунуться мне под меч, – сказал он.

Он поглядел наверх. Там, за сараями, уже собралась кучка людей, окружившая лежавшего на земле горожанина.

– Вы ранили старшину этого квартала, – сказал Вери-Мери. – Это будет вам дорого стоить.

– Еще не хватало платить за кровь простолюдина! – возмутился Правый Крот.

– Если бы ты быстрее бегал, – заметил его брат, – то поймал бы нашего раба, вместо того чтобы рубить горожан. Нам теперь на рынке ничего не продадут. Как в прошлый раз, когда ты избил вкушеца.

– Я заплачу! – быстро сказал Вери-Мери, кланяясь братьям. – Я вам обязан.

– Вот и отлично, – сказал Правый Крот.

Но Левый Крот был поумнее близнеца.

– Почему такая милость? – спросил он. – Я не слышал, чтобы ты хоть что-то в жизни делал бесплатно.

– Отвечу честно, – усмехнулся пигмей, – как всегда. Вы мне за это дадите продать ваших рабов. Может, мне удастся получить на этом несколько лишних монет.

– Я подумаю, – сказал Левый Крот.

– Еще чего не хватало! – возмутился его брат. – Я сам пойду их продавать. Если Вери-Мери этим займется, мы вообще с тобой голыми пойдем по миру.

– Господин шутит! – рассмеялся пигмей. – Мой любимый господин всегда шутит.

– Иди, – приказал ему Левый Крот. – Иди и заплати этим подонкам. Скажи, что мы добрые люди и не хотели лишней крови.

– Что за порядки в этом Городе? – расстраивался Правый Крот. – Этого не убей, этого не тронь! Где же наши права?

Вери-Мери побежал к сараям.

Правый Крот оглядел толпу пленников и велел старому воину Суку:

– Всех их на невольничий рынок! А где Белая Дама?

– Несут, – сказал воин.

И в самом деле, воины вытащили из трюма корабля завернутую в тряпки статую «Читательница».

– Грузите, – сказал Левый Крот.

Воины принялись привязывать статую между двух оленей.

С баржи свели единорогов. Они радовались тому, что наконец снова стоят на твердой земле, переступали золотыми копытами. Зеваки, что толпились у причала, оживленно перекликались при виде чудесных животных.

Воины садились на оленей, близнецы оседлали единорогов.

– Двинулись? – спросил Правый Крот.

– Готовы! – отозвался Сук.

Процессия тронулась в путь. Первым ехал молодой воин, который держал знамя – зеленое полотнище с оскаленной мордой волка. Затем, бок о бок, – братья Кроты. За ними вели Алису. Потом тянулась толпа пигмеев, и среди них шла Ирия Гай.

Алиса обернулась: какое печальное зрелище! Хорошо еще, что Гайдо не видит: знаменитого конструктора космических кораблей, одну из первых красавиц Галактики Ирию Гай уводят на невольничий рынок. Она идет, волоча тяжелые железные цепи, окруженная, как лебедь стаей воробьев, толпой пигмеев.

Не успели они миновать сараи, как из-за бревен выбежал Вери-Мери.

– Поклоны! – громким шепотом произнес он, подпрыгивая, чтобы его лучше услышали. – Впереди засада!

– Кто? – отрывисто спросил Правый Крот.

– Люди Червяка Самоготолстого.

– Так я и знал, – сказал Левый Крот. – Он хочет бесплатно заполучить акробатку. Ну, я ему покажу!

– Осмелюсь предложить, поклоны, – сказал Вери-Мери, – может быть, нам пройти вон той улицей?

– Почему? Мы не боимся этих разбойников.

– Но сейчас объявлен мир, и, если кто-то нарушит его, Правитель рассердится.

– Но ведь мир нарушает Червяк! – возмутился Левый Крот.

– Осмелюсь напомнить, – сказал Вери-Мери, – что Червяк Самыйтолстый при всей неприятности его характера – могучий поклон, который владеет обширными землями, а главное, приходится родственником госпоже Радикулит-Фаланге. Вы же – простые лесные бароны.

– Убью! – закричал Правый Крот. – Как ты смеешь нас унижать!

И прежде чем более осторожный брат успел его остановить, Правый Крот уже мчался, подстегивая своего единорога, вверх от реки.

Левый Крот, а потом и воины помчались за ним.

Остальные стали нещадно подгонять пленников, и пигмеям пришлось бежать на косогор.

Образовался довольно большой разрыв между первым отрядом и пленниками. Когда толпа пигмеев поравнялась с обширными, заросшими травой и кустарником развалинами, оттуда на них кинулись воины в желтых

одеждах с нарисованными на них пантерами – засада Червяка Самоготолстого.

Воинов у Кротов было мало, и в начавшейся свалке их быстро одолели, отогнав от пленников. Из кустов донесся пронзительный голос Червяка:

– Вот она, в голубом, хватай ее!

Сразу два воина кинулись к Алисе, но тут ей на выручку пришла белокурая женщина, закованная в кандалы. Она подняла руки и начала размахивать цепями. Цепи свистели в воздухе, и воины присели от страха.

Услышав шум боя, возвратились основные силы Кротов.

Как метеоры ворвались Кроты в толпу. Они безжалостно рубили врагов направо и налево, мечи их сверкали как молнии.

Червяк Самыйтолстый выскочил из кустов и завопил, подпрыгивая:

– Что же вы, солдаты! Отважные, зубастые червяки! Бейтесь! Кротов меньше! Вперед!

Правый Крот увидел Червяка Самоготолстого и направил единорога в его сторону. Единорог буквально взвился в воздух и ударил Червяка копытами передних ног. Тот ахнул и рухнул на землю, как мягкая кукла, выброшенная на помойку.

При виде этого воины Червяка Самоготолстого с воплями бросились в разные стороны.

На этом бой и кончился.

Два воина из охраны Кротов погибли, несколько получили ранения, белая статуя валялась на земле. На земле корчились пигмеи, попавшие между сражавшимися и пострадавшие невинно, стонали порубленные воины Червяка...

«Сколько всего страшного, – подумала Алиса, – произошло за две минуты». Она поглядела на Ирию. Та стояла, опустив руки, и тяжело дышала.

– Славно мы с ними расправились, – сказал Правый Крот.

– Позволю не согласиться с великими воинами, – послышался голос Вери-Мери.

– Что еще? – спросил Правый Крот. Он спрыгнул на землю и старался стащить с пальцев Червяка драгоценные перстни.

– Повелитель будет гневаться и может вас казнить, – сказал Вери-Мери.

– Чепуха! Мы воины и поразили его в честном бою. Мы не устраиваем засад.

Единорог буквально взвился в воздух и ударил Червяка копытами передних ног.

– Как вы это докажете? – сказал печально Вери-Мери.

– Тогда заплати за нас.

– Всех моих денег и всех ваших рабов не хватит, чтобы искупить эту смерть.

– Тогда мы едем обратно, – сказал Левый Крот.

– Червяки уже добежали до дворца, – сказал Вери-Мери. – Скоро за вами будет погоня. И вам от нее не уйти.

– Мы не боимся, – сказал тогда Правый Крот. – Мы мирные бароны. Мы пойдем к Повелителю и все расскажем.

– Нужно будет сделать очень необыкновенные подарки, – сказал Вери-Мери, – чтобы замолить ваш грех. Единственная надежда на то, что Повелителю нужны сегодня храбрые воины.

– А что мы ему дадим? – спросил Левый Крот. – Белую Даму?

– Не дам! – закричал Правый Крот.

– Когда ее у нас отнимут, мудрецы ее получат бесплатно, – возразил его брат.

– Разумно, – поддержал старшего близнеца Вери-Мери, – но одной Белой Дамы мало.

– У нас больше ничего нет, кроме пигмеев, – сказал Правый Крот.

– А эта акробатка? – спросил Вери-Мери. – Из-за нее толстый Червяк и напал на вас.

– Ни в коем случае! – воскликнул Правый Крот. – Ты нас хочешь разорить.

– У вас еще останутся пигмеи, это тоже хорошие деньги, – сказал Вери-Мери.

– Хорошо, – принял решение Левый Крот. – Сук, гони рабов на невольничий рынок. Девчонку берем во дворец.

Он ловко наклонился и, подхватив Алису, посадил перед собой на спину единорога.

Алиса кинула последний взгляд на Ирию.

– Вперед! – крикнул Левый Крот. – Мы должны успеть во дворец как можно скорее. С каждой минутой гнев Радикулита будет расти.

– Я прослежу за невольниками! – крикнул вслед Вери-Мери.

Алиса обернулась – Ирия осталась далеко позади.

«Ничего, – подумала Алиса. – Ирия в безопасности. О ней позаботится Ручеек. А я попаду во дворец и, может, узнаю что-нибудь важное о походе и потом расскажу Ручейку».

Глава семнадцатая
СОВЕТ В БЫВШЕМ ТЕАТРЕ

Там, где тянулись деревянные причалы и стояли покосившиеся сараи, когда-то был речной порт. И можно было угадать, каким он был: ряды складов, от которых теперь остались лишь огрызки стен, подъездные пути для монорельсовых повозок и грузовиков, посадочные площадки для трейлеров... Когда этот порт в одночасье обезлюдел, он быстро пришел в упадок. Потом окрестные жители забрались в склады и растащили оттуда то, что могло представлять ценность в хозяйстве, но рельсы остались на месте – портальные краны, рухнув со временем, перегородили подъездные пути, как скелеты вымерших чудовищ. Лишь один каким-то чудом остался стоять, склонив набок острую морду. То, что было слишком тяжело или не пригодилось людям, так и продолжало валяться, ржаветь, гнить, пылиться. И потому некогда широкая улица, что вела от причалов вверх, к Городу, вынуждена была виться, огибая груды камней и бетона, проржавевшие бухты кабелей, рассыпавшиеся стопы стальных отливок, пустые контейнеры; на мостовой возвышались холмы и холмики, и теперь уж не угадать было, из чего такой холм возник, – то ли это была когда-то гора удобрений, высыпавшихся из мешков, то ли железная руда, то ли окаменевшая соль. Есть миллионы вещей и продуктов, без которых не обойтись цивилизованному обществу и которые не понятны, не нужны и даже вредны для первобытных людей. Среди этого запустения лениво бродили мелкие куры, вороны расклевывали чудом уцелевший пластиковый мешок. Из погнутой и пробитой в нескольких местах цистерны, на которой еще можно было угадать надпись «Ацетилен», выглядывала тощая собака, нищие и калеки сидели в ряд под выложенной цветными плитками в стене буквами «Холо..льник № 67», протягивали худые руки и бормотали:

– Подайте славным рыцарям, умирающим от голода!

Выше по склону склады кончились, и потянулись оплетенные лианами и диким виноградом, невероятные по размерам руины какого-то учреждения, передняя стена которого с дырками выбитых окон поднималась этажей на двадцать, а сквозь оконные проемы было видно небо и остатки гнутой арматуры. Дальше когда-то был район вилл и домов, которые прятались в садах. От садов остались редкие одичавшие деревья. Аллея высохших пальм вела к изысканным, вырезанным из розового камня воротам, от которых сохранилась лишь одна створка. Стены некоторых вилл стояли,

перекрытые сверху жердями и кусками железа. Другие рухнули, и на их руинах выросли хижины и кривули-домики нынешних жителей Города.

А дорога вела все выше и выше, она обогнула стройное, ничуть не тронутое временем здание с высокой красной башней. Здание было обвешано разноцветными флагами. У входа стояли два вкушеца в синих тогах, расшитых серебряными звездами.

Братья-близнецы поклонились этому зданию, приложив руки к сердцам, воины гладили себя ладонями по щекам. Наверное, решила Алиса, это местный собор.

За собором с площади открылся вид на море.

Вернее, на море и на небо сразу – они были голубыми и сливались на горизонте так незаметно, что не догадаешься, где кончается вода, а где начинается воздух.

С этой площадки открывался другой мир, он был шире, душистей и даже теплее. И теплота в нем была наполнена упругим ветром, который мог разгуляться, набрать силу и впитать в себя просторы моря, пышность облаков и запах соли...

Море было пустым. Только у берега, куда сбегали кривые, узкие улочки, чернели полоски рыбачьих лодок, а далеко, у самого горизонта, виднелся одинокий белый парус.

Занудные, скучные и пыльные запахи города сразу исчезли...

Единороги замерли, глядя вперед, – возможно, они никогда еще не видели моря и не знали, какие бывают в мире просторы.

Один из единорогов легонько ударил золотым копытом по камню, и из камня вырвался столб искр. Братья тоже не двигались и тоже молча глядели вперед; они были лесными жителями, а в лесу горизонт всегда закрыт деревьями, мир огражден зелеными стенами.

Сзади слышалось дыхание воинов. Но никто не сказал ни слова.

И неизвестно, сколько бы длилась эта сцена, если бы не пронзительный голос Вери-Мери:

– Поклоны, поклоны, мы не можем задерживаться!

– Проклятие! – Левый Крот ударил единственным сапогом в бок единорога, тот недовольно дернул головой, но подчинился и медленно начал спускаться вниз.

Они долго ехали по улицам, кривым и вблизи совсем не таким приятным и веселым, какими казались с верхней площади. Они были пыльными и грязными, там стояла вонь от жаровен, бродили облезлые псы,

из-за покосившихся заборов вылезали цепкие колючки кустов, в пыли возились грязные детишки. Море часто пропадало из виду, но присутствие его все равно ощущалось – сейчас откроется за поворотом, сейчас блеснет между кустов.

Минут через десять они выехали на большой плац, окруженный некогда роскошными, а теперь запущенными и полуразрушенными строениями. На фронтоне одного из них, над колоннами – пять на месте, шестая рухнула и валяется, рассыпавшись на каменные бочонки, – выбиты слова: «Музей искусств». Перед музеем – деревянные ящики, затянутые с одной стороны решетками. В ящиках скорчились голые люди. К столбу, врытому в землю перед входом в музей, был привязан человек, два других полосовали его бичами, и после каждого удара на спине несчастного вздувалась красная полоса.

– Что там? – спросила Алиса.

– Тюрьма, – ответил Левый Крот равнодушно.

– Тюрьма? А раньше что было?

– Здесь всегда была тюрьма, – откликнулся Вери-Мери, что семенил рядом с единорогом, стараясь не отстать. – Там даже написано: «Тюрьма». – И он показал потной ручкой на надпись: «Музей искусств».

– Кто вам сказал? – спросила Алиса.

– Все знают, – ответил Вери-Мери.

Рыцари свернули к другому, самому большому на той площади дому. И не надо было быть мудрецом, чтобы догадаться, что там когда-то был театр: над широким входом, к которому вела пологая лестница, виднелись полустертые изображения поющих и танцующих фигур.

Сейчас сбоку от лестницы к невысоким столбикам был прибит длинный брус – коновязь, стояли привязанные к нему лошади, одни под попонами, другие с разукрашенными седлами, рядом лежали носилки. Вокруг толпились слуги и воины.

Кроты спрыгнули с единорогов, появление которых вызвало оживление среди челяди и охраны.

Воины Кротов отвязали и положили на землю статую «Читательницы». Вери-Мери осмотрел Алису и остался недоволен.

– Она одета не так, – сказал он.

– Так раздень ее, – отмахнулся Левый Крот.

Кроты волновались, они боялись того, что ждет их, но скрывали страх за грубостью. Кричали на воинов, топали, говорили громко.

Вери-Мери рванул Алису за рукав серенького платьица, что дала ей Речка, которое она надела поверх комбинезона.

– Это сними! – приказал он.

Алиса не выносила, когда ее хватают даже за рукав. Разумеется, старших бить нельзя... Но тут она не выдержала, схватила пигмея за руку, вывернула ее назад и сделала ему подсечку. Пигмей взлетел в воздух и шлепнулся задом о каменную мостовую.

Как он взвыл! Рыцари схватились за мечи, слуги и воины, окружившие их, захохотали. Никто не любил Вери-Мери.

– Убью! – завопил пигмей, поднимаясь и потирая ушибленный копчик.

– Только попробуй! – ответила Алиса.

– Хватит шуметь, – сказал Левый Крот. – Пускай остается как есть. Еще не хватало нам устраивать драки перед дворцом Повелителя.

По лестнице к ним уже спешил какой-то поклон, на лице которого были нарисованы желтые и зеленые круги, в ушах висели тяжелые медные серьги, длинная розовая тога развевалась, как облако.

– Что за шум?! – закричал поклон. – Вы забыли, где находитесь?

– Мой слуга нечаянно упал, – сказал Левый Крот. – Это больше не повторится.

Правый Крот промолчал, но Алиса увидела, как побелели его пальцы, которыми он схватился за рукоять меча.

– Так чего же вы здесь прохлаждаетесь? – сердился вельможа. – Все уже собрались. Как докладывать?

За его спиной стояли два стражника с обнаженными мечами.

– Доложи: Великие и Кровожадные Кроты, бароны леса, – сказал Правый Крот, – прибыли просить защиты, милости Повелителя и принесли с собой дары.

– Кроты? Вам запрещено входить во дворец, – сказал вельможа. – Вы нарушили мир в столице и, предательски напав из-за угла, убили знаменитого и величественного поклона Червяка Самоготолстого.

– Клевета! – воскликнул Левый Крот. – Чье слово против нашего?

– Слово его воинов.

– Слово воинов – грязь и ничтожество перед словом поклонов, – сказал Правый Крот и решительно пошел к лестнице.

– Стойте, ждите! – Вельможа отступал перед рыцарями, которые решительно шагали вверх по ступеням.

– А вы за нами! – обернулся Левый Крот к воинам и Алисе. – Девчонка, статуя – все здесь?

Вельможа повернулся и кинулся внутрь театра.

Стражники, хоть и держали мечи перед собой, медленно отступали, не смея напасть на знаменитых разбойников.

Так они и прошли через холл театра, где сохранились окошки, над которыми было написано «касса», мимо холла с остатками гардероба.

Тут их ждал следующий заслон.

Это были воины громадного роста в кольчугах и стальных шлемах. На плече каждого, вцепившись когтями в кожаную подушечку и уставившись желтыми злыми глазами на

пришельцев, сидел орел. В руках они держали раздвоенные на концах короткие мечи.

Между воинами стоял длинноносый старик с острой седой бородой, на голове которого возвышалось чучело попугая.

– Остановитесь! – произнес старик. – Вы нарушаете тишину дворца. Нам не нужны разбойники в нашем великом и культурном государстве.

– Мы требуем, – сказал Левый Крот, – чтобы нас провели пред сверкающие очи Радикулита Грозного, нашего господина и покровителя.

– Вы нарушили закон!

– Закон? – сказал Левый Крот. – Закон устанавливают благородные поклоны. Пусть судит нас сам Повелитель.

– Тогда отдайте оружие, – сказал старик, – и вас выслушают.

Братья переглянулись. Они колебались. Но спереди стояли стражи в кольчугах, с орлами на плечах.

– Разрешите нам взять с собой подарки Повелителю? – спросил Левый Крот.

– Подарки всегда разрешается брать, – согласился старик.

Мечи братьев звякнули о пол. Их воины, что несли Белую Даму, тоже положили на пол оружие.

Старик подошел к дверям, над которыми была надпись: «Партер», распахнул их и воскликнул:

– Рыцари лесного замка, кровожадные зубастые Кроты приползли на брюхе просить милости и прощения Повелителя Радикулита Грозного.

Голос его гулко разносился по зрительному залу.

В ответ послышался гул многочисленных голосов. Затем голоса стихли и послышался низкий хриплый голос:

– Пусть войдут.

Они вошли в зрительный зал.

Давно в нем не играли спектаклей. Давно уже упали, сгнили портьеры, слезла бархатная обивка с кресел, да и кресел почти не осталось. Лишь десятка два, кое-как сбитых и починенных, обтянутых мешковиной, стояли полукругом в пустом и гулком зале. В креслах сидели поклоны.

На сцене стоял великолепный трон, освещенный множеством факелов и свечей. Трон был белый, с высокой спинкой, белыми подлокотниками, с двигающейся полочкой под рукой, чтобы можно было положить на нее что захочешь... И тут только Алиса сообразила: это же старинное зубоврачебное кресло!

В кресле сидел пожилой мужчина с перебитым носом. Его редкие пегие волосы были собраны в пучок на макушке. Пучок был охвачен узкой золотой полоской с зубцами – короной. Одет мужчина был просто – в кольчугу на голое тело. Лишь на пальцах сверкали перстни. На переносице Повелителя были очки с одним стеклом. Он снял очки, протер стекло, глядя на вошедших, которые растворились в полутьме громадного зрительного зала, снова надел их.

Алиса обратила внимание на то, что на сцене стоит еще и большой шкаф. Где же она его видела? Конечно же, он стоял на плоту, который плыл по реке! И в шкафу ехал знаменитый и великий Столп невежества, Покровитель беспамятства, Главный вкушец Клоп Небесный.

Пока Повелитель манипулировал с очками, дверцы шкафа раскрылись и оттуда выглянул Клоп в синей хламиде, расшитой серебряными звездами.

– Позор! – воскликнул он. Сделал шаг назад, и двери шкафа закрылись вновь.

– Позор! – закричали поклоны, что собрались в зале. Они подпрыгивали в креслах, размахивали кулаками, строили рожи, но, правда, ни один не поднялся с места и не посмел подойти к Кротам, что стояли у дверей зала плечом к плечу, набычившись, нахохлившись, готовые сражаться до конца.

– Не надо, – сказал тихо Радикулит Грозный, – зачем же так! Мы все здесь друзья, мы все настоящие поклоны. Если мы будем ссориться, кто же будет нас бояться, дети мои?

– Они убили Червяка Самоготолстого!

– Знаю и скорблю, – сказал Повелитель, почесывая пучок волос, что торчал над короной. – Тем более что Червяк Самыйтолстый был моим

возлюбленным родственником. И потому я строго накажу наших неразумных детей – баронов леса, кровожадных Кротов. Мы решим этот вопрос сейчас же. Подойдите ближе к моему трону, гадкие дети!

Кроты одновременно поклонились и поспешили к сцене.

– Стойте! – приказал им старик с попугаем на голове, когда они подошли близко. И как бы в ответ на его слова из оркестровой ямы поднялся лес копий и верхушки шлемов, – оказывается, там затаились воины охраны.

Братья замерли.

Алиса, которая осталась стоять у входа, рядом с двумя воинами, разглядывала зал.

Вместо задника на сцене висели флаги, на каждом был нарисован белый слон. Алиса уже достаточно знала про этот мир, чтобы догадаться, что слон и называется здесь Радикулитом.

По сторонам сцены, незаметные, пока глаза не привыкли к полумраку, стояли две кучки людей. Справа – вкушецы, этих Алиса уже научилась узнавать, слева – мужчины, большей частью пожилые, бородатые, длинные одежды которых были изукрашены геометрическими знаками, словами, буквами, цифрами и непонятными значками. На головах этих людей были высокие черные цилиндры.

За троном возвышались два гигантского роста телохранителя, на головах которых были странные, чем-то знакомые шлемы – круглые, с кольцом сбоку. В кольца были вставлены пучки перьев. Что же напоминали эти шлемы? И тут Алиса не выдержала и громко засмеялась. Она поняла, что на головах главных телохранителей ночные горшки. С ручками.

– Кто смеется? – спросил Радикулит.

Тут же из темноты к Алисе кинулись два человека в темных одеждах и шапках, к которым были пришиты громадные уши.

Они схватили ее и поволокли к сцене.

– Ну, скорее, что там? – спросил Радикулит.

– Твои наушники-подслушники, великий господин, докладывают! – крикнул один из них. – Это девчонка.

– Зачем здесь девчонка?

– Разрешите сообщить, ваша милость, – сказал Правый Крот. – Разрешите сказать.

– Говорите, мои милые, – ласково произнес Повелитель. – Говорите, мои мальчики. Всю правду говорите. Ничего не таите.

В кресле сидел пожилой мужчина с перебитым носом. Его редкие пегие волосы были собраны в пучок на макушке.

Люди с пришитыми ушами держали Алису за локти. Не больно, но крепко.

– А зачем вам запасные уши? – тихо спросила Алиса.

Они не ответили, но Повелитель, у которого был изумительный слух, что, как известно, помогло ему пережить сорок четыре заговора и три восстания, ответил за них:

– Это мои наушники-подслушники, слухачи и доносчики. Моя опора и надежда. – Тут же Радикулит поглядел на Кротов. – Говорите, мои кровожадные, – сказал он. – Говорите.

Левый Крот сделал шаг вперед, поклонился и сказал:

– Как было велено, мы сели на корабли и приплыли в столицу по зову нашего Повелителя.

– Хорошо, люблю послушных мальчиков. Говорите, говорите.

– Мы взяли с собой драгоценные и редкие дары, чтобы обрадовать глаза нашего Повелителя.

– Говори, говори.

– В пути, остановившись на ночлег на Длинном острове, мы встретили уважаемого поклона Червяка Самоготолстого. Мы не имели к нему вражды и мирно провели ночь.

– Проверить! – приказал Радикулит, обернувшись к вкушецам.

– Проверено, – ответил один из них. – Это правда.

– Но уважаемый поклон Червяк Самыйтолстый возжелал получить вот эту девочку, на которую вы обратили свое благосклонное внимание, Повелитель.

– Почему? Что в ней особенного?

– Эта девочка – акробатка, она умеет делать такие трюки, которых не знают наши акробаты. Мы сами выучили ее этим трюкам и хотели привезти ее в подарок нашему грозному Повелителю. Разумеется, мы вынуждены были отклонить требование Червяка.

– Любопытно, – сказал Радикулит. – Продолжай, мой мальчик!

– А когда мы спустились на берег в столице, Червяк устроил засаду, чтобы отнять у нас девочку. Мы не нападали на него, но защищались. И в бою подлый Червяк был убит.

Повелитель обернулся к вкушецам. Один из них вышел вперед и наклонил голову. Но сказать ничего не успел, потому что с одного из кресел, что стояли полукругом у сцены, вскочил очень высокий и страшно худой поклон и закричал:

– Я, Червяк Самыйдлинный, требую казни этих ничтожных самозванцев и жалких лесных бродяг за смерть моего возлюбленного брата. Если Червяк из нашего рода требует рабыню, вы должны с благодарностью отдать ему рабыню. Смерть преступникам!

– Я выслушал тебя, мой уважаемый Червяк Самыйдлинный, – сказал ласково Радикулит. – Я полностью разделяю твое негодование. Я рассмотрю твою просьбу.

Дверь шкафа раскрылась, оттуда выглянул Клоп Небесный и сказал:

– Я разделяю точку зрения Червяка Самогодлинного. Никто не смеет поднять руку на представителя знатного рода.

– Никто! – закричали, перебивая и подогревая друг друга, остальные вельможи, что сидели в креслах.

Тут Левый Крот не выдержал. Он закричал, обращаясь к орущим вельможам:

– У меня нет меча, и я не могу осквернить вашей подлой кровью этот священный дворец. Но когда мы выйдем, я вызываю на честный бой до смерти любого из вас!

Эти слова вызвали новую вспышку негодования.

– Как он смеет! – кричали толстые и тонкие, низенькие и величавые вельможи Крины. – Самозванец! Поклон в первом поколении! Твой отец был простым лесным разбойником.

– Пускай, – отвечал им Левый Крот. – Пускай он был разбойником, но вы от него бегали, как быстроногие трусливые черепахи!

– Ах! – закричали вельможи. – Ах!

Видно, под черепахой имелся в виду какой-то очень позорный для них зверь.

Радикулиту надоели эти крики, он поморщился и поднял руку, давая знак всем замолчать. Никто не замолчал, словно забыли, где находятся.

Тогда раздался удар гонга, такой низкий и гулкий, что его звук поглотил остальные звуки в зале.

Вельможи опомнились.

Червяк Самыйдлинный сказал:

– Просим голосования вельмож! Пускай решит голосование.

– Голосование! – закричали остальные вельможи.

– Кто за то, чтобы немедленно казнить Кротов, а их имущество и замок поделить между нами? – спросил Червяк.

Все вельможи без исключения подняли обе руки.

– Вот так, поклон Радикулит, – сказал Червяк и сел.

Наступила тишина. И в этой тишине послышался голос Радикулита:

– Мы тут посоветовались с мудрецами, – старики в высоких шапках поклонились, – и со вкушецами, – жрецы поклонились, – и решили: ваше требование законно и обычай должен быть соблюден. Так что вам, мои дорогие мальчики-кротики, придется погибнуть.

– Мы будем сопротивляться, – сказал Правый Крот.

– Похвально! – ответил Радикулит. – Вы отважные воины.

– Отдай их мне, господин, – выглянул из шкафа Клоп Небесный.

Алисе хотелось спросить, почему этот человек прячется в шкафу, но спросить было не у кого.

– Конечно, считай, что они твои, – ласково ответил Повелитель.

– Я кину их в пропасть Блаженства.

– Разумеется, – согласился Радикулит. – А теперь мы перейдем к насущным делам.

– Как так? – подпрыгнул в кресле Червяк Самыйдлинный. – А казнить? Сначала казнь!

– Погодите, дорогие мои, любезные поклоны, – сказал Радикулит. – Разумеется, мы их казним. Но не сейчас. Не в день, когда мы выходим в великий и исторический поход. И в этом походе кровожадные Кроты нам очень и очень понадобятся. С их знанием леса, с их умением сражаться! Нет, пускай они погибнут в бою, в первых рядах, пускай они искупят свое преступление кровью на пользу общего дела. А если они случайно останутся живы, мы их убьем сразу после окончания победоносного похода. Разве я не мудро решил?

– Мудро, – криво усмехнулся Червяк. Конечно, он не был согласен с Радикулитом, но, если будешь возражать, получается, что ты выступаешь против общего дела. Поэтому Червяк некоторое время мялся, словно искал убедительные слова, потом махнул худой лапкой и плюхнулся в кресло.

– А пока что, – сказал Радикулит, – покажите мне, что вы там принесли мне в подарок. А то, когда погибнете, некому будет приносить мне подарки.

И многие в зале захлопали в ладоши, поражаясь мудрости Повелителя.

– Во-первых, мы нашли в лесу и отобрали у пигмеев их главную святыню, за которой тщетно охотятся многие славные мужи, – сказал Левый Крот.

Он махнул рукой. Воины вытащили на сцену мраморную статую и поставили ее. Правый Крот подозвал к себе Алису и тоже вывел ее на сцену.

Радикулит спросил:

– А это акробатка?

– Замечательная акробатка, – сказал Правый Крот, – специально выдрессированная лесными мудрецами и волшебниками, чтобы услаждать ваши глаза, милостивый Повелитель.

– Покажи, – сказал Радикулит Алисе.

– Что показать? – спросила Алиса.

– Что ты умеешь.

Алиса пожала плечами. Лживый и сладкий Радикулит ей не понравился. Впрочем, Алиса чувствовала, что и она Повелителю пришлась не по душе. Так что неприязнь была взаимной.

– Девчонка! – зарычал Правый Крот. – Показывай все, что ты умеешь.

– В ином случае, – улыбнулся Радикулит, – не поздно еще пересмотреть приговор. Почему мы должны откладывать казнь братьев Кротов? Может, сделаем это сейчас? Повеселим наших слуг?

– Конечно! И скорее! – закричали вельможи.

– Если ты думаешь, девчонка, – сказал из зала Левый Крот, – что, когда нас казнят, ты останешься живой, ты ошибаешься. Я всегда успею отрубить твою упрямую голову.

Алиса поняла, что он не шутит. Но одно дело – крутить сальто на берегу вместе с Пашкой, когда это тебе хочется, другое – здесь, на голой пыльной сцене, под взглядами напыщенных индюков.

Но что поделаешь?

Алиса разбежалась и сделала сальто. Вышла из сальто в стойку и прошлась немного на руках. Что еще им показать? Она перевернулась, сделала ласточку, потом шпагат и снова сальто.

– И это все? – спросил Радикулит разочарованно.

– Почти все, – ответила Алиса.

– И из-за этого Червяк напал на вас?

– Из-за этого, – сказал Правый Крот.

Повелитель посмотрел на своего советника – старика с чучелом попугая на голове.

– Конечно, это редкий дар, – сказал старик. – Но скорее он подходит для ярмарки, чем для Повелительского дворца.

– И я так думаю, – сказал Радикулит. – Пускай она подождет нашего решения.

– Отдай девочку мне. – Голова Клопа высунулась из шкафа. – Мне она нравится.

– Я сказал – подождем. Есть еще второй подарок.

Один из охранников подошел к Алисе и довольно чувствительно толкнул ее.

– Отойди, не слышала, что ли?

Алиса не стала спорить. Чем дальше от негодяев, тем безопаснее.

– Так, – сказал Радикулит. – А это Белая Дама?

– Так точно, ваша милость, – сказал Правый Крот.

– Таинственная Белая Господинка, богиня пигмеев?

– Она самая.

Радикулит поднялся с зубоврачебного трона, и оказалось, что одно плечо у него выше другого, и притом он хромает.

– А что у нее в руках? – спросил он подозрительно.

– Не можем знать, – ответил Правый Крот.

– Мудрецы, – приказал Радикулит, – выскажите свое высокое мнение.

Мудрецы в высоких цилиндрах тут же окружили статую, начали водить по ней пальцами, щелкать, стучать, двое встали на колени и стали вслух, споря из-за каждой буквы, стараться прочесть слово «Читательница» на пьедестале.

– Скорее, дорогие, – торопил Радикулит, – отвечайте. Нам еще многое надо обсудить. Если вы, мои голубчики, будете так долго разгадывать эту простую загадку, придется передать вас в руки вкушецов забвения.

Мудрецы засуетились, сдвинулись в кружок, так что цилиндры касались друг дружки, пошептались, и главный мудрец с длинной, до пояса, раздвоенной бородой сказал:

– Как сказало нам великое знание, учениками и слугами которого мы, господин, являемся, эта Белая Дама, давно потерянная и наконец-то возвращенная, в подлинности которой мы не сомневаемся, держит в руке священный кирпич, который, по преданию, она заложила в основание храма.

– Но с другой стороны, – сказал второй мудрец, невежливо отталкивая в сторону своего коллегу, – есть версия, не менее достойная доверия, и она заключается в том, что Белая Дама держит в руках коробку с конфетами.

Алиса снова хихикнула.

– Девочка, у тебя есть своя версия? – ласково спросил Радикулит. – Ты, по-моему, слишком умная.

– У нее в руках книга, – сказала Алиса. – Что же, ваши мудрецы книг не видели?

– Что? Что она говорит, богохульница! – закричал, распахнув дверь шкафа, вкушец Клоп Небесный. – Богиня никогда не падет так низко, чтобы взять в руки это проклятие прошлого – книгу!

– Девочка очень глупа! – сказал главный мудрец.

– А что за буквы у ног этой Белой Дамы? – ласково спросил Радикулит.

– Мы их расшифровали, – сказал белобородый мудрец. – Они означают: «Успокоение».

– Есть другая версия, – сразу же вылез вперед второй мудрец, видно, вечный соперник первого. – Там написано: «Слава Радикулиту, мудрейшему Повелителю».

– Странно, – сказал Радикулит, – неужели богиня знала о том, что я приду править этим миром, надпись-то кажется старой. А ты что скажешь, акробатка?

– Там написано: «Читательница», – сказала Алиса. – Наверное, эта статуя когда-то стояла в библиотеке, поэтому девушка читает книгу.

– Какой ужас! – воскликнули мудрецы. – Она хочет сказать, что женщина могла читать! Таких девочек надо жечь на костре!

– Почему женщина? – спохватилась Алиса, которая перехватила горящий злобой взгляд Клопа из двери шкафа. – Вы же сами говорите, что это – богиня. А богиням все можно. И читать тоже.

– Богине можно и читать, – проскрипел Клоп. – Но вот рабыне-акробатке читать не положено.

– Ты в самом деле умеешь читать, мое сокровище? – спросил Радикулит. И в его голосе было столько сладости и столько угрозы, что Алиса почувствовала, как над ее головой повис топор.

– Нет, – сказала Алиса. – Зачем мне читать! Мне так показалось.

– Вижу, что показалось. Ты лживая девчонка, и мне хотелось бы узнать, чем ты околдовала этих глупых лесных разбойников.

– Я не колдовала. Я прыгала, – сказала Алиса.

– А прыгаешь ты слишком ловко, – сказал Радикулит.

– Отдай ее мне, Повелитель, – проскрипел из шкафа Клоп Небесный. – Я из нее быстро выпытаю правду.

– Это все куда серьезнее, чем вам кажется, – произнес Радикулит, глядя на Алису в упор кошачьими желтыми глазами. – Иди, девочка, подожди, пока дяди и тети будут говорить о своих скучных делах. Потом мы решим твою судьбу.

– Куда идти? – спросила Алиса.

– Тебе покажут, – ответил Радикулит и кивнул старику-советнику.

Тот подозвал пальцем одного из подслушников с привязанными к шапке ушами и что-то тихо приказал ему. Алиса уловила лишь последние слова: «Отвечаешь головой!» Подслушник цепко схватил Алису за руку и утащил за сцену, в пыльные, темные проходы между ржавых колес и свисающих сверху тряпок. Когда они остались одни, он больно ущипнул ее.

– За что? – спросила Алиса.

– Чтобы знала, где ты. От нас еще никто не уходил живым, – сказал подслушник.

– А я и не убегаю, – сказала Алиса.

Рядом мелькали черные ушастые тени – подслушники охраняли заседание поклонов.

– Иди, – подслушник толкнул Алису, она споткнулась.

– Ой! – сказала она. – Ногу подвернула.

Алиса села на пол и подумала: «А что он теперь будет делать?»

– Ты где? – спросил подслушник.

– Здесь. Ой, ногу больно!

– Иди!

Подслушник принялся бить Алису ногами, но в темноте не мог попасть, сердился и ругался. Этого Алисе и надо было. Она схватила его за поднятую ногу и так рванула, что он с писком полетел на пол.

Алиса поднялась, сорвала с его пояса веревку, быстро скрутила ему руки. Чем бы заткнуть рот? Ага, у нее же есть платок. Жалко, конечно, платок, мама вышивала, но для хорошего дела и платком можно пожертвовать. Алиса заткнула хрипящему подслушнику рот платком и, подхватив его под мышки, потащила в сторону от прохода.

И вовремя – зашуршали, зашлепали шаги: со сцены уходили вкушецы и мудрецы. Два подслушника гнали их.

– Скорее, – торопили они. – Давайте отсюда! Нечего вам слушать, о чем разговаривают великие.

Алиса засунула мычащего подслушника за кучу сломанных и сгнивших декораций и сняла с него шапку с ушами.

Шапку она надела себе на голову, потому что уже поняла, что в этой темноте видны только силуэты. А силуэт человека с громадными ушами не вызовет никаких подозрений.

Затем она проскользнула обратно к сцене и остановилась за дырявым задником. Так что теперь она отлично слышала и видела все, что происходило в зале.

Глава восемнадцатая
БЕГСТВО

– Все? – раздался голос Радикулита. – Лишних нет? Тогда перейдем к делу. Как вы знаете, мы решили пойти большим походом на лесное логово помников. Давно пора их уничтожить. Для объяснений слово предоставляется его Высокому невежеству Клопу Небесному.

Послышался скрип двери шкафа.

– Вылезай, голубчик, вылезай, – сказал Радикулит. – Мы все знаем, как ты трясешься за свою драгоценную жизнь. И понимаем, что у тебя

есть на то основания, – слишком много людей в мире мечтают, чтобы ты поскорей встретился со смертью.

Послышался смех поклонов, которые, видно, не любили Главного вкушеца.

Снова раздался скрип, Клоп все же вылез на сцену.

– Смертельная опасность нависла над нашим миром! – возопил он. – Грядет гибель, грядет разорение! Вы думаете, что я сижу в шкафу, потому что труслив? Нет, я отважен. Я первым в молодости поднялся на стены замка кальдонских бунтовщиков, я вступил в бой с драконом Кори, я не побоялся выйти к оборванцам в год малой смуты. Но сейчас я трепещу!

Вкушец закашлялся, и слышно было, как эхо прокатывает его кашель по гулкому пространству театрального зала.

– Если мы не ударим сегодня и не выжжем священным огнем Убежище помников, нам не жить. И погибнет наш славный мир, мир, в котором все довольны, все забывчивы и спокойны. Помники подняли руку на самое святое, что у нас есть, – на детей!

– Смерть помникам! – раздался крик Правого Крота.

– Людоеды! – раздался крик толстой поклонки, которую Алиса видела на реке.

– Они пожирают наших крошек!

– Ты права, Коси-косиножка, – согласился Клоп. – Они их пожирают. Но раз уж здесь только свои, я открою вам страшную тайну, которая должна умереть в этих стенах! На самом деле они их не едят. Они их учат читать.

Наступила такая тишина, что у Алисы зазвенело в ушах.

– Читать? – спросил кто-то тихо.

– Читать и писать.

– Но этого не может быть!

– Это и есть их главная цель. Они крадут счастливых, ничего не знающих, живущих в мирном неведении крошек, утаскивают их в свой вертеп и там превращают их в новых помников. Дети уже никогда не вернутся к нам. Они уже не дети, они страшные оборотни.

– Зачем читать? – послышался голос из зала. Спрашивал горбун Таракан. – Зачем читать? Для этого есть мудрецы.

– Сегодня читают сотни помников, завтра их будут тысячи!

– Смерть помникам! – крикнул Червяк Самыйдлинный.

– Смерть! – раздались крики поклонов.

– Тишина! – оборвал крики Радикулит. – Слушайте мой приказ. Поход, запланированный на послезавтра, переносится на завтра. На рассвете мы выступаем.

– Как так? – воскликнула поклонка Коси-косиножка. – Мы совсем не отдохнули с дороги.

– Помники уже пронюхали, – продолжал Радикулит, – когда мы выступаем. И будут готовы отразить наше наступление. Мы не знаем, на какие коварные хитрости они пойдут.

– Как же они об этом узнали? – спросил горбун Таракан.

– Наивный, – сказал Клоп Небесный. – Разве тебе непонятно? Помники воспитали оборотней, которые умеют читать и готовы свергнуть

справедливую власть благородного невежества. Они уже среди нас. Они таятся, они ходят по улицам, они делают вид, что они такие же, как и мы с вами. И они подслушивают, вынюхивают, доносят своим господам... Вот поэтому и переносится поход на завтра.

– А что же твои подслушники и подглядчики, Повелитель? За что они едят хлеб с маслом? – спросила Коси-косиножка.

– Можно увидеть и услышать то, что говорится, – ответил Радикулит. – Но даже мои люди не могут заглянуть в душу каждого из оборотней.

– Но как их отличить? – спросил Червяк Самыйдлинный. – Я их никогда не видел!

– Только мой пронзительный взгляд может проникнуть в душу оборотня, – сказал Радикулит. – И сейчас я вам покажу одного из них.

– Ой, а это не опасно? – ахнула Коси-косиножка.

– Пойманные, они не опасны. Они опасны неузнанные, – сказал Клоп Небесный.

– Голубчики Кроты, – сказал сладким голосом Радикулит, – ответьте мне, только честно, как родному папочке, где вы нашли эту девчонку-акробатку? Ведь вы не учили ее прыгать и кувыркаться. Вы случайно узнали об этом?

– Случайно, – признался Правый Крот. – Мы отбили ее у пигмеев. В лесу.

– В лесу! – сказал Радикулит. – Именно в лесу! Я так и думал. Что же она сказала вам, мои наивные и глупые рыцари?

– Она сказала, что она поклонка из дальних мест, их корабль утонул, и она заблудилась в лесу.

– И вы поверили, глупенькие!

– А кто еще мог быть в лесу?

– А если она помник?

– Нет, – сказал Левый Крот. – Помника я за сто шагов узнаю. Не помник она. И одета не по-нашему. А помники одеты по-нашему.

– Ах, какое умное рассуждение! – пропел Радикулит. – Значит, если ты видишь крота в кошачьей шкуре, то ты думаешь – это кошка. Знаете ли вы, что привели в мой дворец подглядчицу помников, оборотня?

Послышались возмущенные крики поклонов.

«Пора бежать», – подумала Алиса.

– Нет, – сказал Правый Крот. – Быть того не может.

– А мой проницательный взгляд заметил то, к чему вы были слепы. Она прочла написанное у ног статуи!

– Но ведь мудрецы прочли это слово иначе, – сказал горбун.

– А вы им верите? Вы верите этим выжившим из ума старикашкам, которые скажут что угодно, только чтобы подольститься ко мне? Нет, я уверен, что правильно это слово прочла именно та девчонка. Она – оборотень. Она – подглядчица помников. И сейчас на глазах у вас мы будем пытать ее и мучить до тех пор, пока она не сознается в своем ужасном преступлении. Приведите ее!

Старик с попугаем на голове хлопнул в ладоши.

– Подслушники! – крикнул он. – Привести акробатку.

И тогда Алиса поняла, что через минуту здесь начнется такая катавасия, что убежать будет невозможно. И она быстро пошла прочь, спустилась по железной лесенке со сцены и оказалась в неосвещенном коридоре. Навстречу ей бежали два подслушника.

– Не видел акробатку? – крикнул один из них на бегу.

– Ищу, – ответила Алиса, стараясь не ускорять шагов.

Затем она оказалась в каком-то служебном помещении, здесь уже было светлее. Мимо протопали, не замечая ее, несколько стражников. Из зала доносился гул голосов.

– Эй! – раздался крик сзади. – Стой! Ты куда? Туда нельзя.

Перед Алисой была полуоткрытая дверь. Она толкнула ее и оказалась в большой комнате, где была устроена спальня. Громадная кровать под пышным, но рваным и пыльным балдахином была не убрана, на полу валялись подушки, через окно, затянутое выцветшей бархатной занавеской, пробивался луч света.

Женщина в длинном зеленом платье, которая убирала со столика грязные чашки и тарелки, закричала:

– Ты куда, проклятый подслушник! Это же спальня Повелителя!

Но Алиса, не обращая внимания на крик, рванулась к окну. По дороге она опрокинула сундучок, стоявший у кровати. Из сундучка посыпались ветхие, потрепанные книги. «Ага, – успела подумать Алиса. – Все вы лжецы! Конечно же, здешний Повелитель умеет читать!» Уборщица погналась за Алисой, в дверь вбежал стражник, но Алиса уже откинула занавеску и глянула вниз: метрах в трех от окна – дно театрального двора, заставленного развалившимися декорациями. Алиса смело прыгнула

вниз, нырнула за декорацию. И тут же фанерная стенка вздрогнула: в нее вонзилась стрела.

Алиса пробежала узким проходом между стеной театра и какими-то развалинами, перебралась через груды битого кирпича и остановилась. Прямо перед ней была улица. По улице ходили люди, совсем рядом ехала телега, запряженная парой быков. На телеге были навалены вязанки хвороста, а возчик шел по ту сторону телеги, лениво понукая быков.

Алиса медленно шла за телегой, стараясь восстановить дыхание.

Но никто ее не преследовал. Видно, стражники потеряли ее из виду.

Улица была узкой, кое-где в старых домах и между ними разместились лавочки и мастерские. Люди, что шли по улице, были одеты не то чтобы бедно, но как-то неопрятно и скудно.

«Что теперь делать? – спросила сама себя Алиса. – Надо как можно скорее отыскать Ручейка и сообщить ему, что поход перенесли на завтра. Но как искать его в этом совершенно незнакомом Городе? Эврика! Надо найти невольничий рынок, там Ирия и Белка. У кого спросить? Так, чтобы не вызвать подозрения?» Алиса увидела пожилую женщину, которая вела за руку худенькую, заморенную девочку, а в другой руке несла мешок.

Алиса догнала женщину.

– Простите, – сказала она, – вы не подскажете, как пройти на рынок, где продают рабов?

Круглое доброе лицо женщины исказилось страхом. Она бросила мешок. Девочка заплакала.

– Я ничего не знаю, – запричитала она, – я ничего не помню, я ни в чем не виновата!

– Я вас ни в чем не обвиняю, – сказала Алиса, удивившись тому, что ее испугались. – Я только хотела спросить...

Но женщина, подхватив девочку, уже мчалась прочь.

Алиса оглянулась. И поняла, что улица вокруг опустела. Дверь в лавку, где торговали сандалиями и сапогами, захлопнулась, нищий, что сидел у стены, пополз в проход между домами, кучка мужчин, которые обсуждали что-то интересное, рассеялась.

«Почему они меня боятся?» – подумала Алиса.

Высокий согбенный человек брел по улице ей навстречу. Он нес на плече несколько тонких досок и глядел себе под ноги.

Алиса медленно шла за телегой, стараясь восстановить дыхание.

– Простите, – сказала Алиса, – скажите, пожалуйста, как пройти на рынок?

– На рынок, говоришь? – Человек поднял руку, чтобы показать направление, но тут взглядом уперся в лицо Алисы, и у него от ужаса расширились глаза. – Я ни в чем не виноват! Я ничего не говорил! – закричал он и, бросив доски, побежал по улице, высоко поднимая колени.

«Что-то со мной неладно!» Алиса провела руками по груди и бокам. Серое платье, которое дала ей Речка, скрывает комбинезон. Башмаки уже такие грязные, что никто не догадается, что они сделаны на Земле... И тут пальцы Алисы натолкнулись на мягкие полотнища, болтающиеся у щек. Что такое? Алиса не сразу сообразила, что на ней шапка с громадными ушами подслушника. Вот за кого ее приняли! Алиса даже улыбнулась – это еще не самое страшное. Зато она узнала полезную для себя вещь: в этом счастливом государстве, где никто ничего не помнит и все довольны, прохожие смертельно боятся подслушников.

Алиса сняла ушастую шапку и хотела выкинуть ее, но потом передумала. Уши еще могут пригодиться. Она свернула шапку в трубочку и быстро пошла прочь, держа ее в руке.

На следующей улице Алиса встретила мальчишку и уже спокойно задала ему вопрос о рынке рабов.

– Глупая ты, что ли? – спросил мальчишка. – Или нездешняя?

– Я с моим поклоном приехала. Мы вверху по реке живем, – сказала Алиса.

– На помников в поход собрались? – сказал мальчишка. – Только ничего у вас из этого не выйдет.

– Скажи, где рынок, мне некогда.

– Иди прямо, до большой площади, потом свернешь к морю. Там и рынок. Найдешь.

Глава девятнадцатая
НЕВОЛЬНИЧИЙ РЫНОК

Рынок занимал бывший стадион. На вытоптанном пыльном поле стояли шатры и палатки, хижины и навесы. Здесь торговали всякой живностью – от кур и коз до людей.

Алиса боялась, что опоздала и рабов уже распродали. Но еще издали она увидела, что густая толпа окружила высокий помост, на котором стоит кучка понурых пигмеев, а рядом с ними два воина с волчьими мордами на головах.

Алиса протолкалась поближе к возвышению.

Сбоку на помост взобрался Вери-Мери. Он был роскошно одет в расшитую цветами тогу, в руке держал позолоченный посох. И, впервые увидев пигмея снизу, Алиса заметила, что из-под тоги торчат каблуки – деревянные столбики, приделанные к его сандалиям. Столбики были сантиметров по десять. Значит, на самом деле, поняла Алиса, он и среди пигмеев карлик.

Вери-Мери стукнул посохом о доски настила и объявил:

– Целое племя послушных, безропотных пигмеев. За бесценок вы купите себе полон дом слуг, куда более надежных, чем городские рабы.

– Они только и норовят в лес убежать! – раздался голос из толпы.

– А вы их привяжите, – ответил Вери-Мери. – А если на кухне, то и приковать можно. И кормить их недорого. Жрут в два раза меньше нормального человека.

– И ты тоже? – послышался из толпы другой голос.

Вери-Мери не обратил внимания на издевательский вопрос. Он крикнул:

– По большой монете за каждого пигмея! Всего по большой монете! Это почти даром!

– По монете, еще чего не хватало! – крикнул оборванец, стоявший рядом с Алисой. – Они дохнут, как мухи.

Вери-Мери посмотрел вправо. Алиса, встав на цыпочки, увидела, что там, у самого помоста, стоит несколько человек, одетых побогаче прочих.

– По одной монете, – повторил Вери-Мери. – Кто больше?

– Даю по монете за мужчин, – послышался голос справа.

– Две монеты, – толстяк в синей тоге поднял два пальца.

«Где же Ирия?» – Алиса постаралась еще поближе пробиться к помосту, но ближе второго ряда лезть не стала – не хотела, чтобы ее заметил Вери-Мери или воин Сук.

– Две монеты, кто больше? – кричал Вери-Мери. – За идеальных слуг, за послушных рабов. Их можно бить, над ними можно издеваться, они слова в ответ не скажут!

Могучий мужчина, обросший светлой шевелюрой и густой бородой так, что на лице осталось место только для кончика курносого носа и голубых глаз, поднял три пальца.

– Три монеты, кто больше?

Никто не поднимал цену.

Торг был окончен. Вери-Мери дал знак воину Суку, тот начал по одному подгонять перепуганных пигмеев к краю помоста, бородач принимал каждого из них, отсчитывал три монеты и ждал следующего.

«Зачем такая длинная процедура? – подумала Алиса. – Ну подсчитал бы всех, сложил...» – И тут она вспомнила, что на Крине умеют считать только до десяти – сколько пальцев на руках. А уж складывать и вычитать никто не умеет.

– Следующая партия! – закричал Вери-Мери. – Знаменитая красавица дальних стран! Сам бы ее купил, но не хватит денег!

По ту сторону помоста засуетились воины, Алиса видела, как покачиваются волчьи головы. Потом над ними поднялась золотая встрепанная голова Ирии. И вот она всходит на возвышение, спокойная, гордая, словно ее ведут не в рабство, а на трон. Ирия подобрала тяжелые железные цепи и выпрямилась.

По толпе прошел вздох удивления.

– Чего заковали? – раздался голос из толпы. – Может, она ведьма? Или психованная?

– Ни в коем случае! – ответил Вери-Мери. – Она здоровая и сильная. Она годится по хозяйству или в жены богатому человеку. А закована она, потому что еще дикая, неприрученная. Пять золотых монет – это гроши за такую драгоценную покупку.

И Вери-Мери поднял вверх руку с растопыренными пальцами.

Первым откликнулся изысканный, завитой, с подведенными бровями щеголь.

– Рука и палец! – крикнул он.

– Она тебя искусает! – крикнули из толпы.

Ирия подобрала тяжелые железные цепи и выпрямилась.

«Какие странные люди, – подумала Алиса, – это для них развлечение. Как в театр пришли».

Ирия, обводя взором толпу, увидела Алису. Она чуть улыбнулась. Алиса приподняла ладонь. Ирия отвернулась, боялась подвести девочку. А у Алисы сразу исправилось настроение: «Теперь Ирия знает, что я здесь, теперь мы вместе!»

– Рука и палец – один! – крикнул Вери-Мери.

– Рука и два пальца! – отозвался молодой воин в высоком шлеме.

– Рука и два пальца. Кто больше? – воскликнул Вери-Мери. – Неужели эта прекрасная работница, эта женщина, которая будет работать на кухне за десятерых, не стоит двух рук?

– Рука и три пальца! – сказал щеголь.

В толпе шумели. Торг покупателей всех увлек.

И тогда бородач с голубыми глазами, который уже купил пигмеев, сказал высоким голосом, что так не вязался с его могучим обликом:

– Две руки!

– О-о-ох! – прокатилось по толпе. Видно, это была высокая цена.

Молодой воин достал кошель, висевший у него на поясе, и пересчитал монеты.

– Две руки и одна! – крикнул он.

Вери-Мери обернулся к щеголю:

– Что скажешь, торговец благовониями?

– Она не стоит и одной руки, – огрызнулся тот.

– Две руки и две монеты, – сказал громко бородач.

– Проклятие! – воин повернулся и начал проталкиваться сквозь толпу, чтобы поскорее уйти.

– Возьми свою покупку, – сказал Вери-Мери. – Ты не пожалеешь. Ты купил за бесценок лучшую женщину в государстве. Только не советую пока снимать с нее цепи. За них с тебя дополнительно половина монеты.

Алисе бородач понравился. Ей очень хотелось надеяться, что его подослал Ручеек.

– За цепи я тебе платить не буду, – сказал бородач. – Можешь их оставить себе. Я умею укрощать строптивых рабынь. Но могу дать тебе монету за оставшихся пигмеек. Там только женщины и детеныши. За них тебе никто ничего не заплатит.

– Как так не заплатит? – возмутился Вери-Мери. – Из детенышей вырастут замечательные ручные забывчивые рабы. А женщины нужны в хозяйстве. Я отдам тебе их за руку монет.

– Две монеты и цепь.

Сторговались на трех монетах.

Бородач поднялся на помост, взял у воина Сука ключ от цепей и освободил Ирию. Алисе было видно, какие темные полосы остались от цепей у нее на запястьях. Бедненькая, как она все это терпела! Ирия сошла с помоста следом за бородачом, осторожно растирая руки.

Алиса услышала, как бородач спросил:

– Больно или онемели?

– Онемели.

– Дома у меня травы есть, – сказал бородач. – Потерпи.

Из-за помоста воины вытолкали женщин и детей пигмеев. Они жались друг к дружке, плакали.

Вери-Мери стоял и пересчитывал деньги. Алиса заметила, что он считает по десятку, загибая пальцы. Насчитал десять, половину кинул в кошель. Потом оглянулся, не смотрит ли кто-нибудь на него, и пять монет ссыпал в карман.

Пигмейки увидели своих мужей и кинулись к ним. Видно, уж не надеялись, что когда-нибудь с ними встретятся. Шум поднялся такой, что перекрыл гул толпы, которая отваливала от помоста, растекалась по полю стадиона, стремилась к трибунам, где расположились торговцы пирожками, требухой и фруктовой водой.

Крики пигмеев не понравились Вери-Мери.

– Эй, борода! – крикнул он. – Уводи их поскорей!

– Не твое дело! – ответил бородач.

Наконец-то Алиса увидела и Белку. Белка вырвалась из толпы пигмеев и кинулась к Ирии.

– Ирия, я так боялась! – бормотала она, обнимая ее.

– Отойди! Молчи! – сказала Ирия.

Алиса не слышала этих слов, а угадала по движению губ.

Но было поздно. Алиса заметила, как насторожился Вери-Мери. Он тоже увидел, как Белка обнимает Ирию.

Бородач прикрикнул на своих новых рабов:

– Пошли, пошли, нечего тут кудахтать!

Широко расставив руки, он погнал их перед собой.

– Эй! – крикнул вслед Вери-Мери. Он сделал движение вперед, начал было спускаться с помоста. Потом передумал и, приставив ладошку ко лбу, начал приглядываться к Белке, что семенила рядом с Ирией.

Тут к нему подошел воин Сук и спросил:

– Где деньги для господ?

– Сам отдам, – ответил Вери-Мери.

Он сбежал с помоста и исчез в толпе.

Алиса настигла бородача и Ирию у прохода под трибуной. Там был фонтанчик с водой. Пигмеи окружили его и жадно пили. Бородач торопил их:

– Пошли, дома напьемся, наедимся, – говорил он. – Потерпите немного.

Голос у него был добрый.

Алиса не стала подходить близко к Ирии. Рано еще. Нужна осторожность. Ведь ее, Алису, ищут по всему городу подслушники и воины Радикулита. К тому же ее беспокоил хитрый Вери-Мери: а вдруг он узнал Белку?

Толпа рабов с бородачом во главе вышла на улицу и направилась в гору. Алиса не спешила их догонять. Она остановилась за углом и посмотрела назад: не бежит ли Вери-Мери? Нет, никого. У ворот стадиона снуют люди, ржут кони, мычат коровы, плачут рабы, но никто не идет за бородачом.

Толпа рабов шла медленно, бородач лениво покрикивал на пигмеев. Белка совсем осмелела, она держала Ирию за руку и безостановочно болтала. С крутого поворота Алиса посмотрела назад – наступал вечер, море стало густым, синим, а небо выцвело, и по нему ползли золотистые облака.

Минут через десять бородач остановился перед высоким каменным забором. В нем была деревянная дверца.

Глава двадцатая
В ОСАДЕ

Пашка пронесся по коридору, выскочил в детскую спальню, опрокинул кровать, выбежал в столовую... Вот и комната, где, прижавшись к стене, отбиваясь здоровым крылом, несчастная Альта пытается отпугнуть еще одного медведя, который пролез сквозь разбитое окно и, поднявшись на короткие лапы, медленно идет к птице.

– Не выйдет! – закричал Пашка.

Выставив вперед ножницы, как кинжал, он бросился на медведя.

И тот, хоть был куда больше и сильнее Пашки, от неожиданности закрыл морду лапами и задом наперед вывалился из комнаты.

– Он ничего не сделал? – спросил Пашка птицу.

– Я думала, что ты убежал, – сказала Альта.

– Ну как не стыдно!

– Тогда беги. Спрячься где-нибудь. Пережди. Меня тебе не спасти.

Медведь вернулся к оконному проему и заглянул внутрь. Желтые глазки его яростно горели. Он рычал низким басом.

Пашка подобрал с пола камень и кинул в медведя. Медведь, обиженно взревев, исчез.

– А теперь, – сказал Пашка, – мы отступим. Я знаю, где спрятаться. Вы можете идти?

– Я постараюсь, – сказала птица. – Только это лишнее. Не думай обо мне.

– Молчите, вы и так ослабели, – сказал Пашка.

Птица поднялась на ноги и поплелась к двери в столовую. Пашка шел сзади, сжимая в одной руке ножницы, в другой – увесистый камень. Увидев, что добыча уходит, медведь снова полез в окно.

Но его возможные жертвы уже были в другой комнате.

Когда Пашка решил, что они без помех доберутся до кухни в подвале, еще один медведь преградил им дорогу. Птица от страха присела и замерла.

Пашка кинул камень. Медведь даже не обратил внимания, он был крупнее и злее первого.

Пашка оглянулся. Никакого оружия! А ножницы не помогут: пока дотянешься ими до шкуры зверя, он тебя разорвет.

Но Пашка не сдавался.

– Стойте! – крикнул он птице и поднял детскую кровать, – к счастью, она оказалась крепкой и не развалилась. Пашке было тяжело, но он закрылся кроватью, как щитом, выставив вперед ее ножки.

Такого медведь не ожидал.

Прежде чем железное четырехногое чудище набросилось на него, он ретировался. Дорога в подвал была открыта.

Пашка подождал, пока Альта спустится в подвал. Затем перекрыл дверь кроватью, подтащил к ней кухонный стол и тоже привалил к дверному проему.

За дверью ворчал медведь, стараясь сообразить, как преодолеть это препятствие.

– Полежите, вам надо отдохнуть, – сказал Пашка птице, переводя дыхание.

– Ты отважный рыцарь, – сказала птица. – Если мы когда-нибудь выберемся отсюда, я расскажу всем о твоем мужестве.

– Вот это лишнее, – ответил Пашка, хотя ему, честно говоря, было приятно слышать похвалу.

Медвежья морда показалась в окошке под потолком подвала. К счастью, окошко было невелико и медведь мог только облизываться, глядя на птицу.

– Так сидеть бессмысленно, – сказал Пашка. – Сколько мы продержимся?

– Нас ищут, – сказала птица. – Наши никогда не оставят нас в беде... Но они не знают, где искать, они думают, что мы погибли в лесу.

– Значит, надо дать им знать, – сказал Пашка.

– А как?

– Надо разжечь большой костер, – сказал Пашка. – Так, чтобы ваши друзья увидели этот сигнал.

– А как зажечь костер? – спросила птица. – И где?

– Не знаю, – отмахнулся Пашка. – Главное – принять решение. Как его выполнить – дело второе.

– Ты мудрый, – согласилась птица. – Считай, что мы приняли решение. Что дальше?

– Дальше надо думать, – сказал Пашка, расхаживая по комнате.

Он остановился у окошка и погрозил медведю кулаком. Медведь взревел, стараясь протиснуться в узкое отверстие. Пашка кинул в него кастрюлю.

Медведь взревел еще громче. Кастрюля грохнулась на пол и покатилась между столов.

– Как зажигают огонь? – рассуждал Пашка вслух. – Для этого добывают спички. Спичек я не вижу, и вряд ли они сохранились. Можно достать кремень и трут. Я их тоже не вижу. Можно достать увеличительное стекло. Где его достать? Видел! Там же стоит микроскоп! Если вынуть из него увеличительное стекло, потом разложить костер...

– Но где этот микроскоп? – спросила птица.

– Он там, наверх.

– Но наверху звери.

– Правильно. Они скоро уйдут.

– Не знаю. Может быть, и не уйдут, – сказала птица.

Настроение у Пашки чуть упало. Нелегко будет добраться до медпункта, разобрать микроскоп, сложить костер, зажечь его... но все-таки положение уже не безнадежно.

Рассуждая так, Пашка не переставал исследовать кухню. И его труды не пропали даром. За грудой ржавых кастрюль, битых тарелок, ящиков с консервными банками, за жестянками со сгнившими специями он заметил небольшую дверь.

«Склад» – было написано на ней.

Пашка начал отваливать мусор, чтобы проникнуть туда. Ведь на складах случаются интересные находки.

Большой паук отпрыгнул в сторону, когда Пашка потащил какой-то мешок, но Пашка не испугался – некогда было.

Дверь на склад открылась с большим трудом. Там было темно. Стояли какие-то ящики. Пашка ножницами открыл первый из них – труха. Второй – какая-то ссохшаяся грязь. Он перемазался, закашлялся от пыли. Ничего на этом складе нет. Вот груда простынь, их лучше не трогать – все равно рассыплются. Вот ящик с резиновыми мячиками... Вот ящик с какими-то длинными круглыми цилиндрами. Поверх них лежит загнутая с одной стороны трубка.

– Пашка! – раздался крик Альты. – Он здесь!

Пашка сразу бросился обратно.

И точно, один из медведей все-таки свалил кровать и лез в подвал.

Пашка бросился обратно, выволок ящик с тяжелыми пластиковыми мячами и принялся метать их в хищника. Тот опять отступил.

Пашка потащил к двери плиту. Он чуть не надорвался, тем более что медведь навалился на плиту с той стороны и не давал поставить ее на место.

К счастью, медведю надоело толкать плиту и он отступил.

Пашка свалился на пол. Сил больше не было. Выход один: все же прорываться в медпункт. Но как это сделать, когда медведи не собираются уходить...

– Сейчас, – сказал он птице. – Сейчас, я отдохну немного.

– Конечно, отдыхай, – сказала птица. – Что же теперь еще делать?

Пашка посмотрел наверх. В окошко он, пожалуй, пролезет. Но там поджидает медведь. Попробовать? Сейчас он отдохнет немного и попробует...

Глава двадцать первая
ДОМ КОШМАРА

Бородач достал ключ и отпер калитку. Пигмеи послушно зашли внутрь. Ирия с Белкой вошли последними. Калитка уже закрывалась, когда Алиса, со всех ног добежав до нее, втиснулась в щель.

– Это я! – крикнула она. – За нами никто не следил!

Бородач совершенно не удивился. Он протянул Алисе руку и представился:

– Меня зовут Вепрь. Я твой друг.

– Я знаю. Меня зовут Алиса.

Бородач запер калитку на засов. Белка прыгала вокруг, совсем как маленькая девочка, и кричала:

– Алиса, Алиса пришла! Молодец Алиса! Ручеек побежал тебя спасать, а ты сама пришла!

– Я в тебе не сомневалась, Алиса, – сказала Ирия.

Алиса осмотрелась. Они стояли в густом, заросшем саду. Дорожка, устланная каменными плитами, вела к веранде, на полу которой было разложено множество вывесок. Окруженный ими, в глубокой задумчивости сидел в кресле седобородый мудрец в высокой шляпе, которого Алиса видела в театре.

– Ой! – сказала Алиса. – Тише, он нас услышит.

– Ничего, – сказал Вепрь. – Идите за мной. Господину всемудрому Кошмару не до нас. Он думает.

Они обогнули дом.

С его задней стороны были пристроены каменные сараи. Из открытой двери одного из них тянулся дымок, такой вкусный, что пигмеи оживились и начали поглядывать на бородача. Одна пигмейка, похрабрее, дернула его за рукав и, когда он обернулся, сунула палец себе в рот.

– Ваш намек понял, – сказал бородач.

Он повел пигмеев в тот самый сарай. В сарае стоял длинный стол, за ним сидели на длинных скамьях три пигмея и хлебали из больших мисок похлебку.

– Эй, Моро-Пари, – сказал Вепрь, – я тебе новых друзей привел. Завтра ночью переправляем их в лес. Сегодня накорми их, как положено. Потом все объяснишь. Ты знаешь как.

– Слушаюсь, мастер, – сказал молодой пигмей, который стоял у большого бака с поварешкой в руке.

Пигмеи толпой кинулись в сарай, начали расхватывать тарелки и строиться в очередь к Моро-Пари.

Тот принялся кричать на них на пигмейском языке, чтобы установить порядок.

А бородач провел Ирию, Алису и Белку по узкой наружной лесенке наверх, в небольшую комнатку, пристроенную к стене дома над кухней. Там стояла кровать, два стула и низкий столик. В комнате было чисто.

– Садитесь, отдыхайте, друзья, – сказал Вепрь. – Сейчас я принесу целебной мази для Ирии.

Окруженный ими, в глубокой задумчивости сидел в кресле седобородый мудрец в высокой шляпе, которого Алиса видела в театре.

Когда они остались одни, Алиса спросила:

– Когда вернется Ручеек? У меня для него важные новости.

– Он тебя ищет.

– Это опасно. За мной гонятся подслушники.

– Что ты натворила? Что ты натворила? – спросила Белка. – Ты кого-нибудь убила?

– Нет, не убила, – улыбнулась Алиса. – Но узнала тайну, которую они очень хотели сохранить.

– Это хорошо, что не убила, – сказала Белка. – А то мои братья всегда кого-нибудь убивают.

– А кто этот бородач? – спросила Алиса.

– Он управляющий в доме главного мудреца.

– Он помник?

– Самый настоящий, – сказала Ирия.

– Ты не бойся, он добрый, – сказала Белка. – Я в людях разбираюсь.

– Как странно, – сказала Алиса. – Мы в доме мудреца. А я его видела в театре, то есть во дворце Радикулита, и он мне совсем не показался мудрецом. А ты очень волновалась?

– Ирия совсем не волновалась, – заявила Белка. – Ведь Ручеек сказал, что все будет в порядке. Ты просто не представляешь, какой он смелый, наш Ручеек. Он любого стражника победит. И даже Вери-Мери.

– Да, кстати, – сказала Алиса. – Мне кажется, что Вери-Мери тебя узнал.

– Не мог он меня узнать, – ответила Белка. – Я от него все время отворачивалась. Я волосами лицо закрывала.

– Почему ты так подумала, Алиса? – спросила Ирия.

– Он так поглядел вам вслед... помнишь, когда Белка к тебе кинулась?

– Это могло показаться ему странным, – сказала задумчиво Ирия.

– Но он за вами не следил, – сказала Алиса. – Я специально отстала и смотрела.

– Ему и не надо было следить, – сказала Ирия. – Он наверняка знал, что нас купил управляющий всемудрого Кошмара.

– Ну и имена у них! – вздохнула Алиса.

– Конечно, – согласилась Ирия. – Мудрец выбрал себе самое красивое.

Вернулся бородач. Он принес склянку с мазью и чистую тряпочку.

– Не бойтесь, – сказал он. – Это лесное средство. Нас научили им пользоваться пигмеи. Они знают травы.

Алиса взяла у него банку, набрала мази на тряпочку и протерла раны Ирии. Ирия иногда морщилась, но терпела. Белка, которая уже полюбила ее, вмешивалась, давала советы и говорила под руку. Но Алиса не сердилась. Белка была доброй, только плохо воспитанной.

– В городе шум, подслушники с ног сбились, – сказал бородач. – Твоя работа, Алиса?

– Моя. А Ручеек где?

– Будем надеяться, что скоро придет. А что случилось?

– Я узнала...

И в этот момент дверь растворилась и в комнату заглянул Ручеек. Запыхавшийся, пропыленный, усталый...

– Алиса! – воскликнул он. – Ты здесь! Какое счастье! Как же ты добралась?

– Ничего особенного, – сказала Алиса. Она взяла со стола шапку с ушами и натянула ее на голову. – Узнаешь? – спросила она.

– Подслушник!

И Алиса рассказала о том, что услышала и узнала в бывшем театре.

Когда Алиса завершила свой рассказ, Ручеек сказал:

– Новости, которые ты принесла, такие важные, что я не знаю, как тебя благодарить.

– Глупости, – сказала Ирия. – Без твоей помощи мы могли погибнуть.

– Хорошо, – сказал юноша. – Мне нужна лошадь, Вепрь.

– Это очень трудно. И лошадь сейчас добыть нелегко, а выбраться из Города еще труднее. Ты же знаешь, что все ворота закрыты, на причалах дежурят солдаты. Они очень боятся, что известие о начале похода вырвется из Города.

– Что же делать?

– Можно попробовать уплыть на лодке. У меня есть люди среди рыбаков. Но грести против течения нелегко. И все равно потом придется идти пешком.

– Что делать? Что делать? – Ручеек ходил по маленькой комнате, ломая пальцы.

– Не волнуйся так, – сказала Белка. – Ты станешь старый.

– Значит, так, – произнес бородач, – когда солнце сядет, ты переберешься через стену. Мой человек проводит тебя до деревни – это часа три быстрой ходьбы. Деревня стоит в начале лесной дороги. Там тебе дадут коня... Правда, я не знаю, остались ли у них кони – всех коней в последние дни отняли для армии.

– Это единственный выход, – сказал Ручеек.

– Может, подождем Пашку? – спросила Алиса. – Он, наверное, уже добрался до Гай-до.

– И чем он нам поможет?

– Он прилетит на Гай-до и всех перепугает.

– Я не знаком с вашим Гай-до, но не уверен, что они испугаются. Не думай, что они такие уж суслики. Среди поклонов немало отчаянных разбойников, которые насмотрелись в лесах и в горах таких чудовищ, что еще одно их не остановит. Они верят лишь в силу своих мечей.

– Я думаю, – сказала Ирия, – что мне лучше пойти с Ручейком.

– Нет, не лучше, – возразил бородач. – Здесь вы в безопасности. А пользы от вас в лесу никакой. Да и выбраться из Города у Ручейка куда больше шансов, чем у такой красавицы, как вы.

Если Ирия и не согласилась с Вепрем, то она ничем этого не показала. Она понимала, что здесь она – гостья и должна подчиняться друзьям.

– Хорошо, – коротко ответила она и взглянула в окно.

Алиса прочитала ее невысказанные мысли: где же Пашка? Почему от него до сих пор нет вестей?

– Не будем терять времени, – сказал бородач. – Прощайся, Ручеек.

– Я с тобой, – заявила Белка.

– Я иду в лес. Я иду быстро, – сказал Ручеек.

– Что же, я леса, что ли, не знаю? – спросила Белка.

– Я мужчина.

– А я поклонка!

– Ты глупая девчонка, а не поклонка, – сказал Ручеек. – К тому же я иду в лесное Убежище, а там живут страшные помники, которые крадут и едят детей.

– Не боюсь я твоих помников, – возразила Белка. – Тоже мне, испугал! Что, я не знаю, что ты сам помник и Вепрь помник? А вы приличные, не деретесь.

– Я тебя обязательно возьму с собой. В следующий раз, – сказал Ручеек. – Я обещаю.

– Конечно, бросишь и забудешь.

– Слушай, Белка, – сказал твердо юноша, – я не из тех, кто забывает. Я никогда ничего не забываю. Я клянусь тебе лесом и великим знанием, что вернусь к тебе и возьму тебя с собой.

– Навсегда?

– Навсегда.

– Тогда иди и скорей приходи обратно.

– А нам что делать? – спросила Алиса.

– Пока я не вернусь, вы можете ходить по саду и по дому, – ответил бородач.

– Но там же ваш Кошмар!

– Не обращайте внимания на него. Он, как и все мудрецы, уже столько раз терял память, что ничего не помнит. Он никогда ничему не удивляется. Если будет скучно, можете поговорить с ним. Я вернусь через час.

Ручеек вслед за Вепрем вышел из комнаты.

– Увидишь Пашку, скажи, что мы его ждем! – крикнула вслед Алиса.

– Скажу! – послышалось в ответ.

Глава двадцать вторая
ФЕЙЕРВЕРК В ЛЕСУ

Выглянув наружу после того как отразил очередной приступ упрямых тупых медведей, Пашка с удивлением заметил, что тени деревьев стали длиннее. Куда делся целый день? Пашка и не заметил, как он прошел. Хотя, честно говоря, жутко устал.

От усталости и напряжения Пашка отупел. Он ощущал, как медленно движутся в голове мысли... Сейчас надо снова встать, снова выбраться наружу через окошко, снова убежать от медведя... Там медпункт. Разобрать микроскоп... Но в медпункте дверь и большое окно, и медведи снова не подпустят его к микроскопу.

Рядом тихо стонала Альта. Видно, ей было совсем плохо.

А мысли продолжали тянуться, как кисельная пенка.

Надо вынуть стекло, пройти в медпункт... Там на столе расписание праздника. Будут танцы, будет фейерверк... Что такое фейерверк? Это когда стреляют ракетами и в воздухе горят разноцветные огни.

– Ура! – закричал Пашка и вскочил.

Птица от неожиданности вжалась в угол, даже медведь, что следил за ними сквозь окошко, отпрыгнул.

Раскидывая кастрюли, Пашка кинулся на склад.

– Что случилось? – спросила вслед Альта.

Из склада донесся шум, грохот, потом раздался треск, и птица увидела, что сквозь дверь склада прорвался на кухню ослепительный красный свет. Она в ужасе закрыла глаза. Когда она открыла их, то увидела, что из дверей склада тянется густой белый дым, а в дыму, отчаянно кашляя, стоит счастливый Пашка, держа в одной руке изогнутую трубку, а в другой – несколько круглых длинных цилиндров.

– Что? Что случилось? – крикнула Альта. – Ты жив?

– Фейерверк! – закричал Пашка. – Сейчас мы им устроим такой фейерверк, что они запомнят его на всю жизнь! И внукам расскажут! Закройте глаза!

Альта послушно закрыла глаза и не видела, как Пашка вложил в трубку цилиндр и нажал кнопку. Ослепительный сноп искр вырвался из трубки и ударил прямо в морду медведю.

Оглушенный и ослепленный медведь отскочил от окна и помчался, ревя, в лес.

– Видишь?

Птица открыла глаза. Подвал был полон дыма, дышать было трудно. А Пашка прыгал в этом дыму, смеялся и размахивал трубкой.

– Но что это? Что? Скажи, – умоляла перепуганная Альта.

– Как говорил наш друг Ручеек? – спросил Пашка. – А он говорил: «Надо читать!» Только грамотные люди могут стать господами мира! А неграмотным дикарям – стыд и срам!

– Я не понимаю, – простонала птица.

– Я догадался. Если они хотели устроить фейерверк для детишек, но не успели, то ракеты где-то должны сохраниться? Где? На складе. А что я видел на складе? Ящик с цилиндрами. На ящике надпись: «Огнеопасно». А что, если, подумала моя гениальная голова, та изогнутая трубка и есть ракетница? Все гениальное просто! Теперь мы спасены! Я разгоню ракетами всех медведей и прочую нечисть. Я спокойно, как царь природы, пойду к медпункту, выну лупу из микроскопа, разожгу костер и пусть только кто-нибудь попытается мне помешать!

С этими словами Пашка, рассовав ракеты по карманам, направился к двери и решительно оттащил в сторону плиту и кровать.

Медведь, что дежурил за дверью, радостно заворчал, полагая, что обитатели подвала решили сдаться ему на съедение.

– Глядите на торжество просвещения! – воскликнул Пашка, отступая назад и целясь в зверя из трубки.

Ослепительный сноп искр вырвался из трубки
и ударил прямо в морду медведю.

Он нажал на кнопку. На этот раз сноп зеленых искр осветил подвал нереальным, мертвенным светом, а рев убегающего медведя был слышен, даже когда он умчался километра за два.

– Сидите спокойно, – сказал Пашка Альте. – Я пошел разбирать микроскоп и разводить костер.

– Погоди, – сказала птица, – ты, конечно, гениальный мальчик. Но можно глупой птице задать тебе вопрос?

– Валяйте, – ответил Пашка.

– А там много этих самых ракет?

– Больше сотни.

– А может быть, и не надо разводить костер?

– Почему? А как же нас заметят?

– А если эта штука, которую ты называешь ракетницей, может посылать цветной огонь высоко в небо, это ведь лучше, чем дым от костра?

Пашка задумался. Ему было не очень приятно сознавать, что птица права, но, в конце концов, Пашка улыбнулся и сказал:

– Что ж, даже гениям свойственно ошибаться.

Он вышел на поляну перед домом, поднял ракетницу вверх и выстрелил.

Ракета звездой взлетела высоко над вершинами деревьев. Даже при свете заходящего солнца было видно, как в невероятной высоте она рассыпалась красными искрами.

Альта, прихрамывая и волоча крыло, тоже выбралась наружу.

– Я уверен, – сказал Пашка, – что если они не увидят наш сигнал днем, то вечером увидят обязательно.

– Я думаю, что мои собратья уже летают над лесом, – сказала Альта.

– А тебе что здесь надо? – Пашка снова увидел в листве морду медведя, который не смел подойти ближе. Желтая ракета, как раскаленное пушечное ядро, унеслась к кустам, и визг медведя был доказательством тому, что выстрел угодил в цель.

– Эй! – крикнул Пашка. – Друзья! На помощь! – И он снова выстрелил в небо.

И как бы в ответ на его крик над прогалиной белыми облачками появились две птицы.

– Это они, – сказала Альта. И заплакала.

Никогда еще Пашке не приходилось видеть, чтобы птица плакала. Он даже растерялся. Вдруг он почувствовал, что ноги его не держат, и сел прямо на траву.

Глава двадцать третья
ВЕЧЕР С МУДРЕЦОМ

Алиса подошла к окну. Ручеек и бородач спустились по лестнице и поспешили к дверце в ограде сада.

Вечерело. Солнце скрылось за откосом горы, южные деревья стали фиолетовыми в тени и золотыми под лучами уже невидимого солнца. Моря из окна не было видно, но присутствие его чувствовалось в воздухе, в освещении, в движении ветра.

– Пошли посмотрим, как живут мудрецы, – предложила Алиса.

– Может, все же разумнее остаться здесь? – сказала с сомнением Ирия.

– Пойдем, я не могу столько времени сидеть в комнате. Нам ведь разрешили, – вмешалась Белка.

Втроем они спустились в залитый сумраком сад. Там под навесом на циновках спали пигмеи. Они обошли дом и вышли к веранде.

Мудрец Кошмар был не один. Он сидел в кресле, а рядом с ним стоял второй мудрец. Его Алиса тоже видела в театре.

Оба с умным видом рассматривали вывески и надписи, разложенные на полу.

Алиса поднялась на веранду.

– Здравствуйте, – сказала она.

– Наше почтение, – ответили хором мудрецы. И тут же снова обратили свои взоры к вывескам.

– Вы собираете коллекцию? – спросила Алиса.

Мудрец Кошмар не ответил, зато второй оглянулся и радостно улыбнулся.

– Новое слово! – сказал он. – Коллекция! Каково его значение?

– Это собирание разных, большой частью никому не нужных вещей, – сказала Алиса.

– Очень красивое слово. Его надо запомнить. Я его дам какой-нибудь знатной поклонке.

Алиса между тем рассматривала вывески. Их явно собирали по всему Городу. Были там и маленькие, лаконичные, вроде: «Посторонним вход воспрещен», «Без стука не входить». Была большая, красивая, правда сильно потертая вывеска: «Булочная-кондитерская». Была золотая пластинка с черной надписью: «Директор». Были там названия улиц, «Остановка автобуса» и даже: «Не влезай – убьет!». Алиса так и не догадалась, куда нельзя влезать и кто убьет.

– Вы их читаете? – спросила Алиса.

– Шшш! – Второй мудрец приложил палец к губам. – Слово «читать» запрещено в нашем государстве. Мы их изучаем и расшифровываем. Но не читаем.

– А жалко, – сказала Алиса. – Такие красивые надписи.

– Какая самая красивая? – спросил вдруг мудрый Кошмар.

– Вот эта, – сказала Алиса, показав на небольшую табличку, явно из зоопарка, на которой было написано: «Хищников кормить воспрещено».

– А мне больше нравится вот эта, – сказала Белка, показав на табличку с надписью: «Детское питание».

Табличка эта и в самом деле была очень красивой. На ней были изображены скрещенные бутылочки и погремушка.

– А мне эта надпись не нравится, – сообщил Кошмар. – Я бьюсь над ее расшифровкой уже который год. Я понимаю, что она говорит о том, что пить молоко запрещено. Но почему?

– Нет, – сказала Алиса. – Там написано: «Детское питание».

– Глупая версия, – сказал второй мудрец. – Я давно уже разгадал эту надпись. Она означает: «Запрещено сражаться на бутылках!» В древние времена это был очень распространенный вид спорта.

– Ну зачем гадать, – сказала Алиса, – если можно прочесть? Вот видите эту букву? Что она означает?

– Это не буква, – сказал Кошмар, – это рисунок.

– Это буква «Д», – сказала Алиса.

– Мой друг, не слушай ее, – сказал второй мудрец, – я подозреваю, что мы имеем дело с помницей.

– Я ее не боюсь, – сказал Кошмар, – но попрошу уйти, потому что она мешает нам плодотворно мыслить. Она разрушает спокойную научную дискуссию.

– Но почему бы вам не научиться читать? – упорствовала Алиса. – Вы бы тогда стали вдвое мудрее.

– Высшая мудрость... – Кошмар поднял к небу палец, – заключается в том, чтобы все знать, но ничему не учиться.

– Слушайте, как мудро говорит мой коллега! – воскликнул второй мудрец.

– Учиться – это значит запоминать, – продолжал Кошмар. – Что может быть опаснее этого заблуждения? Что может быть страшнее для судьбы счастливого государства, где никто ничего не помнит и не знает?

– А почему вы боитесь знания? – спросила Ирия.

– Потому что... потому что мы боимся вкушецов, – признался Кошмар.

Вдруг он вздохнул и добавил:

– Я подозреваю, что когда-то я умел читать.

– И что?

– Ничего.

– Моего друга трижды лишали памяти, – сказал второй мудрец. – Вернее всего, за дело.

– А вас лишали?

– Может быть, – устало улыбнулся мудрец. – Но я не помню. Я вообще себя помню только с прошлого лета. Вы не представляете, как рискованна

жизнь мудреца. Всегда есть опасность, что ты нечаянно научишься читать. И тогда – наказание. Вкушецы этого не прощают.

– Поэтому настоящая мудрость, – воскликнул Кошмар, – это ничего не знать, но обо всем судить! Да здравствует мудрое невежество!

– Да здравствует! – согласился второй мудрец.

Но тут же, таясь и от Алисы, и от своего коллеги, нацарапал камешком на перилах веранды букву «Д». И губы его шевельнулись.

«Запомнил», – подумала Алиса.

Она хотела сказать об этом Ирии, но не успела. Она почувствовала, что за ними кто-то следит.

Над забором торчала голова Вери-Мери.

Увидев, что Алиса обернулась, пигмей тут же исчез.

– Он здесь! – сказала Алиса. – Выследил! – Кто выследил? Где? – всполошился второй мудрец.

– Вас не касается, живите спокойно, разгадывайте.

Она сбежала с веранды и поманила за собой Ирию и Белку.

– Там Вери-Мери! – прошептала она.

Белка тут же бросилась к калитке, распахнула ее и выглянула наружу.

– Никого нет, – сказала она. – Может, это тебе показалось?

– К сожалению, мне не показалось, – вздохнула Алиса.

К ним подошел второй мудрец.

– Я не хочу беспокоить моего коллегу, – сказал он, – но я вижу, что вы не подслушники, а эту девочку я узнал, ее сегодня хотели убить. Так что я могу быть с вами предельно откровенен. А если вы на меня донесете, то я скажу, что ничего вам не говорил.

– И что вы хотите сказать? – спросила Ирия.

– Мы, молодое поколение мудрецов, уже многое понимаем. И может быть, в чем-то по большому счету вы правы – в том, например, что касается знания. Но как только мы признаем знание, значит, мы окажемся где-то, как-то в одних рядах с помниками. А это недопустимо.

– Боитесь вкушецов?

– И не только это, – сказал мудрец. – Наш счастливый мир незыблем, потому что не меняется. И к нам, к мудрецам, идут, потому что мы единственные, кто знает то, чего не знает никто. Поэтому нас уважают и ценят, мы придумываем все названия, а нам за это дают красивые дома и одежды. А если мы научимся читать, то станем самыми обыкновенными помниками и нас придется лишить памяти. Вы меня понимаете?

– Я ничего не поняла, – сказала Белка.

– А я кое-что поняла, – сказала Алиса. – Но должна сказать вам под большим секретом, что Повелитель Радикулит умеет читать и у него в спальне есть книги.

– Молчите! – закричал мудрец и присел от страха.

– Молчу, – согласилась Алиса, мысли которой сейчас были заняты совсем другим.

Мудрец наклонился к Алисе и прошептал:

– У меня тоже есть книга. И мне очень хочется ее прочитать.

И мелкими шажками, так и не отняв пальцы от губ, он убежал обратно на веранду.

– Давайте вернемся в комнату, – сказала Ирия. – Расскажем обо всем Вепрю. Он лучше нас знает, что делать.

У лесенки их догнал веселый молодой повар Моро-Пари и сказал:

– Если голодные, я накормлю. Правда, все остыло.

– Спасибо, – сказала Ирия.

Они зашли на кухню. Моро-Пари налил им холодной похлебки.

Похлебка была вкусной, крупяной. На длинном столе, отшлифованном локтями, стояла свечка. Было уютно, как на даче вечером. Вокруг свечи кружились маленькие оранжевые мотыльки. Слышно было, как в саду под навесом ворочаются, сопят пигмеи. Издалека донесся удар колокола.

– Ночная стража, – сказал Моро-Пари, принеся всем по кружке молока. – Что-то Вепрь пропал. Но вы не бойтесь, он вернется.

Из сумеречной сини на пороге кухни возник пигмей.

– Госпожу Белку зовут, – сказал он.

– Кто зовет? – удивилась Белка. – Никто не знает, что я здесь.

– Один человек, говорит, что у него для тебя важные новости.

– Это от Ручейка! – вскочила Белка.

– Ручеек не может передавать тебе новости, – сказала Алиса. – Он все скажет через Вепря.

– Этот человек ждет близко за домом, – сказал пигмей и растворился в кустах, подступающих к дверям кухни.

– Я пошла, – сказала Белка. – Это Ручеек. Я точно знаю.

Белка выбежала из кухни.

Ирия поднялась.

– Мне это не нравится.

– Я боюсь, что это штучки Вери-Мери, – сказала Алиса, тоже поднимаясь.

Они быстро вышли из кухни. В саду уже было темно, хотя небо было светлым, зеленоватым и лишь самые яркие звезды появились на нем.

Тихо.

Они дошли до угла. Остановились, прислушиваясь. С веранды доносилось бормотание мудрецов. Потом от забора из чащи послышался тихий голос:

– Нет, пойдешь! Пойдешь добром, иначе мы всех возьмем.

– Я сейчас закричу! – Это был голос Белки.

– Закричишь – будет хуже. Тогда твои дружки попадут в яму беспамятства. Ты этого хочешь?

– Нет, я не пойду! Я боюсь тебя! Ты противный.

– Привыкнешь. Госпожа Сороконожка тоже сначала спорила, потом смирилась.

Короткий крик... Треск кустов... Шум борьбы...

Ирия бросилась к забору. За ней – Алиса.

Два темных тела боролись на фоне белой каменной стены. Алисе показалось, что она видит сцену в театре теней.

Плотный, крепкий, почти квадратный Вери-Мери зажимал рот Белке, другой рукой держал ее за горло.

– Нет, пойдешь! – шипел он. – Не шуми! Если твои прибегут, им же хуже будет.

Но договорить он не успел.

В следующее мгновение он валялся в траве. С Ирией шутки плохи.

Алиса подхватила падающую Белку.

– Не бойся, – сказала она, – мы с тобой.

Зашуршали кусты, из них выглянул второй мудрец. Его голова в высоком цилиндре сокрушенно закивала при виде этой сцены. Он произнес:

– Ничего не вижу, ничего не слышу – в этом высшая мудрость.

И исчез.

Вери-Мери с трудом поднялся. В полутьме его глаза сверкали ненавистью.

– Ты за это поплатишься, – пробормотал он, вытирая окровавленную губу. – Ты выплачешь это оскорбление горючими слезами.

Белка заплакала:

– Он такой страшный, такой противный! Я не хочу с ним идти!

– Не бойся, никуда ты не пойдешь, – сказала Ирия. Она возвышалась над Вери-Мери, как громадная статуя прекрасной богини над бешеным индюком. – И Вери-Мери никому никогда не расскажет, что он здесь видел.

– Расскажу. Теперь-то наверняка расскажу, – ответил Вери-Мери. – Ты посмела поднять руку на советника великих поклонов, на самого богатого человека в столице, на будущего барона Крота.

– А мне все равно, кто ты. Я знаю только одно: если ты хоть пальцем тронешь Белку, тебе не жить. Ни здесь, ни в лесу, ни в небе.

– Кто ты такая, чтобы указывать мне? – храбрился Вери-Мери.

– Я госпожа с далекой звезды, – сказала Ирия. – Я живая богиня неба. За мной стоят могущественные силы Вселенной, и не тебе, жалкий работорговец, грозить мне.

Ирия так замечательно играла свою роль богини, что Белка замерла в страхе и удивлении и даже у Алисы мурашки побежали по коже.

– Я видел тебя в цепях, – ответил Вери-Мери. – Ты не смогла их снять. Я видел тебя на помосте для рабов и тебя продавали, как скотину. Я не верю тебе, женщина.

– Потом будет поздно, – сказала Ирия. – Если ты хочешь сохранить свою жалкую, подлую жизнь, уйди отсюда тихо, забудь, что видел. И когда времена изменятся, а они изменятся скоро, ты сохранишь жизнь. Иначе я не могу тебе обещать даже этого.

Голос Ирии и ее уверенность в себе произвели впечатление на карлика. Но ему так не хотелось расставаться с добычей...

– Почему же ты таишься, почему скрываешь беглую девушку из рода кровожадных Кротов? В чем твоя сила?

– Вери-Мери, – вмешалась Алиса, – я даю тебе честное слово, что Ирия прилетела с далекой звезды. Я знаю, я была вместе с ней. И я даю

честное слово, что ее власть бесконечна по сравнению с властью твоих вкушецов и твоего Радикулита.

– Но ты меня тоже пойми, – Вери-Мери с облегчением обернулся к Алисе. Наверное, потому, что разница в росте между ними была не так велика. – Я тоже человек, у меня тоже есть чувства. Одни меня не любят, другие боятся, ибо власть моя тайная. Но я давно люблю эту девушку. Я мечтаю о ней. Я ночами не сплю, думая о Белке. Вот, например, прошлую ночь совершенно не спал... Подумайте о чувствах немолодого человека! Я согласен жить с ней в шалаше, хотя, должен сказать, у меня скоплены скромные средства. Увидев Белку в Городе, где ей грозят опасности, я обезумел. Я хочу одного: отвести ее в безопасное место, охранять ее и беречь...

Обильные слезы заблестели в полутьме, стекая по толстым щекам пигмея.

Алиса растерялась.

Не очень приятно смотреть, как плачет взрослый мужчина.

– Я не верю ему! И ты не верь. Не верь, Алиса! – Голос Белки развеял гипноз.

– Я не лгу! – ответил пигмей. – Я уйду сейчас. Но при одном условии: вы будете охранять Белку так, как охранял бы ее я. Я не появлюсь здесь до тех пор, пока вы не позволите. Но я буду охранять этот дом, эту улицу...

– Разумно, – сказала Ирия. – Больше того, мы заплатим тебе за молчание.

– Заплатите? Вы хотите оскорбить меня деньгами?

– Да, – сказала Ирия, – хотим. Сколько тебе нужно? Мешок золота?

– Мешок? А большой мешок?

– Такой, чтобы ты не смог унести, – сказала Алиса. – У нас в школьном музее килограммов на триста самородков есть. Мне дадут.

– Вы поражаете меня своей щедростью!

– А сколько тебе надо, чтобы вообще забыть о существовании Белки?

– Я не смогу ее забыть. Никогда! – Вери-Мери задумался. – Два мешка, – сказал он решительно.

– Тогда уходи немедленно.

– А золото?

– Золото, когда Белка будет в безопасности.

– Мне нужны гарантии, – сказал Вери-Мери. – Я деловой человек. Я привык никому не верить. Даже богиням с далекой звезды.

– Сейчас ты получишь гарантии, – раздался голос. Оказывается, вернувшийся Вепрь неслышно подошел к ним и слышал окончание разговора. – Ты кончишь свои ничтожные дни в страшных мучениях!

Бородач протянул руку к Вери-Мери, но тот с потрясающей ловкостью кинулся прочь, перевалился через забор и исчез из глаз.

– Как неладно получилось, – сказал Вепрь. – Упустили.

И тут же из-за забора послышался голос Вери-Мери:

– А три мешка можно?

– Можно, – поспешила ответить Алиса.

– Если три мешка, я молчу, – ответил голос из-за забора. – Прощай, Белка, прощай, моя любимая!

В тишине было слышно, как стучат по мостовой деревянные каблуки карлика.

– Зря мы его отпустили, – сказал Вепрь. – Может, догнать?

– Поздно, – сказала Белка. – Он этот Город знает лучше всех. Он уже спрятался.

– Будем надеяться на его жадность, – сказала Ирия.

– Конечно, лучше бы вам уйти, – вздохнул Вепрь, – но сейчас идти некуда. Город полон подслушников. Ищут помников. К тому же пропали единороги Кротов.

– Как пропали?

– Их не нашли в конюшне. Может, они сами сорвались и убежали, потому что не хотели жить в Городе, но, вернее всего, их кто-то украл. В Городе творится что-то несусветное.

– Что с Ручейком? – спросила Белка. – Он жив? – Он уже далеко, – сказал Вепрь. – Если он достанет лошадь, то доберется до Убежища к середине дня. А теперь спать, спать, спать. С рассветом я постараюсь перевести вас в более безопасное место. А когда из столицы уйдут войска, мы переправим вас в лес.

Они поднялись наверх, в комнату. Белка упала на кровать и сразу заснула, а Ирия и Алиса долго отвечали на бесконечные вопросы бородача. Ему хотелось узнать о Земле, о космосе, о других мирах. И только когда ударил колокол полуночной стражи и обе луны поднялись высоко в небо, Вепрь пожелал гостям спокойной ночи и сказал, что разбудит их с первыми лучами солнца.

Ирия и Алиса улеглись на полу, на шкурах, потому что больше места в комнате не было.

Глава двадцать четвертая
УБЕЖИЩЕ ПОМНИКОВ

Пашка долетел до города помников на другой птице – ее звали Алиной, она приходилась Альте двоюродной сестрой. Алина была птицей веселой, вздорной и все время пела. Алина уже знала о Пашкином героизме и невероятной сообразительности – Альта все рассказала птицам, которые видели ракеты, запущенные Пашкой. Алина очень гордилась тем, что несет на себе не обыкновенного мальчика, а героя с другой планеты. Из-за этого она то и дело оборачивалась и спрашивала:

– Вас не беспокоит? Может, лететь пониже?

Вторая птица, ее имени Пашка не запомнил, осталась с Альтой, ждать, пока из города помников пришлют за раненой птицей повозку. Там же остались и оба человека, что прилетели на птицах. Это были совсем подростки, похожие чем-то на Ручейка, серьезные, задумчивые. Кожаные куртки и штаны сидели на них, как рыцарские латы. Они уже знали, что Ручеек встретился с землянами, но не ожидали, что Пашка полетит на Альте. Больше всего они поразились целому ящику ракет. Пашке пришлось потратить несколько минут, чтобы убедить их, что ракеты – это не страшное оружие, а развлечение.

Алина летела быстро, внизу все так же тянулся лес, в одном месте из него высунулось несколько фабричных труб. Между трубами поднимались голубые дымки, и слышно было, как что-то скрежещет и позвякивает в развалинах, заросших деревьями и лианами.

– Плохое место, – сообщила Алина. – Мы туда не летаем. Это был завод. И теперь он работает.

– Как так работает? – не понял Пашка.

– Никто не знает как. И никто не знает, кто там живет. Мы летали, смотрели – ни одного человека. А работает. Так бывает?

– Не знаю, – сказал Пашка, – может быть.

Затем пошли болота. Пятна яркой зелени перемежались с купами кустов, хилыми осинами, проплешинами рыжей воды. Кое-где над болотом поднимался пар.

– Смотри! – сказала Алина. – Какой большой!

Пашка увидел дракона. Самого настоящего дракона. Он лежал в жиже, иногда взмахивал бронированным хвостом, отмахивался от слепней. Две головы спали по уши в грязи, третья была на страже. При виде пролетавшей Алины голова дракона поднялась, раздула ноздри и пыхнула дымом.

– Как в сказке! – крикнул Пашка.

– Попадешь ему в зубы, будет действительность, – ответила Алина.

Они миновали болота, пролетели над пустошью, через которую протянулся железнодорожный путь без начала и конца. На рельсах стоял поезд – три вагона без паровоза, окна выбиты, стенки проржавели и потеряли цвет. Из одного окошка высунулся по пояс голый человек, замахал желтой тряпкой.

– А это кто?

– Это бе-пе, – сказала Алина. – Он здесь живет, думает, что едет в гости. Его никто не трогает, даже подкармливают.

Снова пошел лес, только был он не такой мрачный и высокий.

Пашка углядел стадо коров, которые бродили между деревьев.

– Скоро мы дома, – сказала Алина.

Внезапно показался город помников. Они летели над расчищенной от зарослей улицей. По ней шли два человека, несли на носилках груду камней. Улица уперлась в ров, в котором блестела вода. За рвом начинался высокий вал, насыпанный недавно, он даже не успел зарасти травой. На валу трудились люди. Они подсыпали, укрепляли его. Один из них замахал рукой, приветствуя Алину.

– Это мой друг, – сказала птица. – Его зовут Дротик.

– Очень приятно! – крикнул в ответ Пашка. – А зачем вал? Защищаться от поклонов?

– Нет, поклоны еще не нападали. От зверей, от лесной нечисти, от разбойников. Нас многие хотят убить. Или ограбить.

Убежище помников было невелико: несколько улиц, очищенных от зарослей. Отремонтированные каменные дома окружали небольшую площадь. Там, перед трехэтажным домом с колоннами, и опустилась Алина.

К ней поспешила худая пожилая женщина с добрым узким лицом, в простом сером платье. Следом шел молодой человек в шортах, с лопатой в руке, словно он только что копал землю, но увидел птицу и оторвался от своего дела.

Женщина удивилась при виде Пашки – она ожидала увидеть Ручейка.

– Вы кто? – спросила она настороженно.

– Я все сама расскажу, – сказала Алина. – Это наш маленький герой.

– Простите, – сказал Пашка. – Ничего страшного не случилось. Ручеек жив. Он просил меня передать вам вот это...

Пашка достал из кармана плетеную косичку и передал женщине.

Та взяла плетенку и вопросительно поглядела на птицу.

– Можно, я буду петь? – спросила Алина. – Подвиги, совершенные нашим гостем, настолько велики, что их нельзя рассказывать прозой.

– Как хочешь, – сдержанно сказала женщина.

Пашка понял, что она предпочла бы выслушать его, но не могла обижать птицу.

А та распелась! Пашке казалось, что она описывает их путешествие уже целый час. Ему хотелось вмешаться и попросить прощения – уж очень птица преувеличивала его заслуги, – но женщина и молодой человек с лопатой слушали Алину внимательно, а когда та наконец закончила и завела руладу без слов, женщина сказала Пашке:

– Не удивляйтесь, Паша. Наши друзья – птицы Альтосы – очень привязаны друг к другу. И если вы спасли жизнь одной из них, можете быть уверены, что все птицы будут петь о вас гимны. Но я вижу, что в послании Ручейка говорится о тревожных вещах. Можете ли вы добавить что-нибудь новое?

– Постараюсь, – сказал Пашка.

– Тогда пройдемте со мной в штаб.

Женщина поблагодарила Алину, которая не слышала благодарности – так как была очарована собственным пением. Женщина пошла в дом. Пашка и молодой человек последовали за ней.

– Значит, вы с другой планеты? – спросил молодой человек.

– Вот именно, – сказал Пашка. – Мы ищем наших друзей, которые живут у вас.

– Да, к сожалению, они попали в плен к духам беспамятства. И мы не можем им помочь. Но в остальном они здоровы. Мы о них заботимся.

– Первым делом, – сказала женщина, – вам, Паша, надо умыться. Копье, – обратилась она к юноше, – будь любезен, покажи гостю, где он может помыться.

Когда Пашка привел себя в порядок и вернулся в комнату, на столе уже стояла большая кружка с молоком и лежала буханка хлеба.

– Наша еда покажется вам скромной, но мы живем небогато, – сказала женщина.

– Это замечательная еда! – ответил Пашка. – В последний раз я ел тысячу лет назад.

Он отхлебнул теплого парного молока, это было самое вкусное молоко, которое ему приходилось пить в жизни.

– Простите, – сказал он с набитым ртом, – я не знаю вашего имени-отчества.

– Меня зовут Учительница Зарница. А что такое отчество? Это имя отца?

– Конечно.

– Мы забыли многие слова, – сказала женщина. – Кто был мой отец, я не знаю. Когда я была маленькой девочкой, меня продали в рабство, наши люди выкупили меня и привезли сюда.

– Сколько же лет существует ваше Убежище?

– Уже больше ста лет, – сказала Зарница.

Пашка с трудом дожевал хлеб и допил молоко.

– Я вижу, что вы хотите спать, – сказала Зарница, – но, пожалуйста, постарайтесь еще немного потерпеть. Нам очень важно знать, как готовятся наши враги к походу.

– Разумеется, – ответил Пашка.

И он начал рассказывать обо всем, что видел за последние два дня.

Во время рассказа вошел кругленький, подвижный, совсем лысый пигмей в белом халате. Зарница представила его как доктора Хруста, физика и врача Убежища.

Когда Пашка кончил свой доклад, глаза у него слипались. Но он все же нашел в себе силы попросить Зарницу:

– Можно, я встречусь с моими друзьями?

– Конечно, можно, – ответила женщина. – Только они вас не узнают.

– А вдруг? Я с ними давно знаком. Ведь не может быть, чтобы люди все забыли.

– Может быть, – вздохнула Зарница.

Они вышли из большого дома. Возле него стояла лошадь, запряженная в кузов старого автомобиля. Шин на колесах не было, и потому, когда этот экипаж поехал по улице, трясло так, словно катишься по стиральной доске. А это особенно чувствительно человеку, который только что выпил литр молока и съел буханку хлеба.

Пашка оглядывался по сторонам.

Честно говоря, он ожидал от города помников большего.

Кое-где улица шла между расчищенных от развалин кварталов. Потом тянулись груды камней, руины больших зданий, переплетение проводов и арматуры...

– У нас не хватает пока людей и сил, чтобы все привести в порядок, – сказала Зарница, заметив удивление Пашки. – Но со временем мы обязательно отстроим наш город.

Они миновали ржавый остов автобуса, опрокинутый помятый киоск, фонарный столб, привалившийся к стене... На некоторых домах сохранились вывески, напоминавшие о прошлой жизни.

Уже совсем стемнело. Улицы были освещены редкими керосиновыми фонарями. Прохожих почти не было.

– Вы так и не догадались, что здесь произошло? – спросил Пашка.

– Наш главный учитель, профессор Разум, обещал на днях сделать сообщение, – сказала Зарница. – Он уже несколько месяцев работает в архиве Собрания наук, который мы раскопали в прошлом году. А пока мы знаем только, что жизнь на нашей планете оборвалась неожиданно. Люди бросили свои дела, остановились заводы, машины и поезда; самолеты, что летели в небе, упали и разбились, в столовых люди оставили недоеденные блюда, корабли теряли путь к гавани, и их выбрасывало на берег... Что это было за бедствие, никто не знает.

– Даже самые старые старики?

– Даже самые старые.

Шин на колесах не было, и потому, когда этот экипаж поехал по улице, трясло так, словно катишься по стиральной доске.

– Но ведь здесь живут подолгу, – сказал Пашка. – Наши друзья с Атлантиды улетели триста лет назад.

– Теперь мы живем не так долго, – ответил профессор Хруст. – Может, сорок – пятьдесят лет. Вот мне, например, тридцать пять...

– Погоди, – оборвала пигмея Зарница, – о каких друзьях с Атлантиды ты говоришь, Паша? Кто улетел от нас триста лет назад?

«Конечно же, – спохватился Пашка. – Она ничего не знает!» И Пашка даже расхотел спать, так напряженно слушали его жители Крины. Он рассказал им о том, как они с Алисой отыскали забытую экспедицию с Крины на дне Тихого океана.

Но он не успел кончить рассказ, они доехали до места назначения. Там, рядом с глубокой ямой, в которой работали археологи, раскапывая подвалы научной библиотеки, стояло приземистое здание с узкими окнами. Когда-то в нем был склад. Теперь же в подвалах освободили место для тех ценностей, что помникам удалось найти или раскопать за последние сто лет. Они старались сберечь каждую крупицу знаний.

В одном из подвалов, в большой комнате, устланной мягкими коврами, Пашка нашел своих друзей.

Лучше бы он не видел их! Страшно было войти в комнату и увидеть, что капитан Полосков сидит за столом и, придвинув к себе лист бумаги, рисует на нем крестики и нолики, всклокоченный механик Зеленый мрачно бродит из угла в угол и повторяет: «Это хорошо не кончится», Тадеуш лежит, задрав ноги, на широком диване и равнодушно смотрит в потолок. В углу, прижавшись друг к другу, дремлют два старика – Посейдон и Гермес, а Афродита сидит на полу и пытается напоить Алисину старую куклу чаем из кружки... И страшнее всего, что никто из них тебя, Пашку Гераскина не хочет узнавать.

– Здравствуйте! – громко сказал Пашка, в глубине души надеясь, что земляне и криняне, увидев его, бросятся к нему с объятиями и это недоразумение разрешится.

Но ничего подобного не произошло. Капитан Полосков поднял голову, посмотрел на Пашку равнодушно и снова принялся рисовать. Механик Зеленый произнес, глядя в угол:

– Жду больших неприятностей.

А Тадеуш даже не повернул головы.

Пашка на какое-то время буквально потерял рассудок. Он бегал от человека к человеку, тряс каждого, кричал:

– Ну что же это? Вы меня не узнаете? Я же Пашка Гераскин! Ваш друг. Вы меня помните? Вы Алису помните?

Потом он кинулся к Тадеушу, дергал его за рукав и повторял:

– Ирия здесь! Она прилетела. Ты понимаешь, твоя Ирия здесь!

– Ирия? – Тадеуш удивился. Он осторожно освободил свой рукав от Пашкиных пальцев и повторил: – Ирия? Странное имя.

– У тебя есть дочь, Вандочка! Она живет под Вроцлавом.

– Я не знаю никакой Вандочки! – вдруг рассердился Тадеуш. – Не мешайте мне думать.

И он отвернулся к стене.

Пашка готов был разреветься.

– Не расстраивайтесь, – сказала Зарница. – Вы этого раньше не видели, а для нас, к сожалению, это обычное дело. Мы потеряли таким образом много друзей.

– Но почему? Почему?

– В лесу осталось немало колодцев и котловин. Люди считают, что там живут духи беспамятства. Если человек туда попадает, он все забывает.

– А потом?

– А потом? Мы их лечим.

– Как?

– Мы все начинаем сначала. Мы показываем им разные вещи и просим запомнить! Мы учим их есть, пить, одеваться, мы подсказываем им забытые слова. Постепенно человек становится нормальным. Для него начинается новая жизнь. Он может накопить новую память, но никогда уже не вспомнит то, что было раньше.

– Какая ужасная болезнь!

– Хотите, Паша, посмотреть, как их учат? Только учтите, это не очень приятное зрелище.

– Хочу, – упрямо сказал Пашка.

В комнату вошла женщина. Она катила перед собой столик, на котором стояла тарелка с пирожками. Она остановилась посреди комнаты. Люди в комнате оживились. Афродита первой подбежала к столику.

– Дай! – закричала она.

– Подожди, – сказала женщина. – Сначала ты должна сказать мне, сколько будет один и один.

Женщина показала Афродите два пальца.

– Не знаю, не помню, хочу кушать!

– Сначала скажи, – настаивала женщина.

– Я скажу. – Полосков поднялся и подошел к столику. – Это будет два.

– Вот как хорошо, умница! – сказала женщина. – Возьми пирожок. А как тебя зовут?

Полосков жадно жевал пирожок. Паша смотрел на него с состраданием. Полосков потерял свой мундир, он был в брюках, но босиком.

– Я не помню, – сказал Полосков.

– Простите, Паша, – услышал Пашка голос пигмея Хруста. – Я хочу, чтобы вы продиктовали мне имена и род занятий наших больных. Это может быть полезно при лечении.

И Пашка, стараясь не смотреть и не слышать, как женщина учит беспамятных, продиктовал пигмею имена и занятия всех больных... Больных ли? Ведь они не знают, что заболели. Они думают, что все в порядке.

– А потом мы учим их работать, – сказала Зарница. – Они могут освоить простые занятия.

– Мы увезем их как можно скорее, – сказал Пашка. – Если это вирус или что-то подобное, наши ученые найдут противоядие.

– Это было бы замечательно! – сказала Зарница. – Если вы сможете привезти это противоядие нам...

– Первым делом! – заверил ее Пашка, будто он и был тем ученым, который вот-вот придумает противоядие. – До свидания, – сказал он своим друзьям.

Но никто из них не ответил. Они смотрели на столик с пирожками, им было не до Пашки.

Когда вышли из подвала и остановились под фонарем у экипажа, Пашка отказался идти спать.

– Поймите, – горячился он, – в лесу стоят два космических корабля. Один из них – Гай-до, мы сможем поднять его в воздух, если перенесем на него с «Днепра» контейнер с гравитонами. Так что сейчас о сне думать некогда. Пора в путь.

Сказав так, он вдруг почувствовал, что ноги у него словно ватные.

Зарница ответила, что она очень благодарна Пашке за такое самопожертвование, но не может ему этого разрешить, ведь каждому человеку надо отдыхать. Особенно после опасных приключений.

Мимо пробежала стайка ребятишек. Они были одеты бедно, но веселы и говорливы. При виде Пашки они остановились как вкопанные. Слух

о том, что в городе появился героический мальчик-инопланетянин, уже распространился во все концы.

– Можно получить ваш автограф? – спросила худенькая большеглазая девочка, протягивая Пашке дощечку, покрытую воском, и тонкую палочку.

– Конечно, – сказал Пашка, – пожалуйста.

Он взял палочку и, пока расписывался на твердом скользком воске, увидел, что к нему тянутся еще десять рук с такими же досками.

– Сейчас, – сказал он и почувствовал, что глаза у него закрываются.

– Дети, спать! – сказала Зарница. – Наш гость еще побудет в городе. А сейчас ему надо отдохнуть. Он очень устал, сражаясь с медведями.

Доктор Хруст взял Пашку под руку.

– Мой дорогой друг, – сказал он мягко, – я предлагаю пройти ко мне в дом, это совсем рядом, за углом, и несколько минут поспать.

– Но только несколько минут, не больше, – согласился Пашка.

Он не помнил, как дошел до дома профессора Хруста, как добрался до низкой короткой кровати, и заснул, и проспал десять часов.

Глава двадцать пятая
ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Алиса проснулась от того, что ее кто-то позвал.

В комнате царил голубой рассвет. За окном громко пели птицы.

– Алиса! – снова раздался отчаянный крик.

Алиса увидела, как Ирия рывком села на постели.

По лестнице застучали шаги.

Кто это? Бородач? А где Белка?

От сильного удара дверь рухнула внутрь, и комната мгновенно наполнилась вооруженными вкушецами. Несколько кинжалов нацелились в Алису и Ирию. В прорезях лиловых чадр сверкали злобные глаза.

– Вниз! – приказал один из вкушецов. – Быстро!

В саду кишмя кишели вкушецы и подслушники. Они врывались в комнаты, вытаскивали оттуда вещи, что-то искали, перекликались, ломали кусты, из кухни, гремя, вылетали кастрюли и тарелки, под навесом жались толпой пигмеи.

Ирию и Алису потащили вокруг дома. На веранде два вкушеца вязали мудреца Кошмара.

– Я ничего не знаю! – кричал он. – Ничего не видел. Я ни о чем не спрашиваю. Это мой жизненный принцип.

– Сейчас мы покажем тебе жизненный принцип.

Один из вкушецов выволок из внутренней комнаты сундук и раскрыл его. Он начал выбрасывать оттуда многочисленные вывески и куски бумаги, исчерченные корявыми знаками, – плоды деятельности мудреца.

– Не смейте! – кричал Кошмар. – Это моя мудрость!

Тут Алиса увидела Вери-Мери.

Он стоял в сторонке рядом с толстым вкушецом. Он был возбужден, покрикивал на воинов:

– Ищите! – повторял он. – Она должна быть здесь! Она не могла убежать!

– Так вот как вы держите слово! – сказала Алиса.

– А я ничего от вас не получил, – ответил, улыбаясь, Вери-Мери. – Неужели думаешь, я поверил в ваши обещания? Я сам кому хочешь могу мешок золота обещать.

И он было засмеялся, но тут же его лицо снова собралось в кулачок.

– Ищите! – крикнул он.

Мудреца подтащили к предателю и поставили рядом с Алисой.

– Вы можете подтвердить, что я вас никогда не видел? – спросил он Алису. – Это для меня жизненно важно.

Среди гама и треска ломаемых стульев Алиса услышала тихий голос, который звал ее. Алиса подняла голову: в ветвях большого дерева затаилась Белка.

– Не бойся за меня! Я позову помников, – прошептала она.

Мудрец поднял голову, проследил за взглядом Алисы и спросил:

– А кто там прячется?

– Нет, – сказала Алиса, отводя глаза от дерева. – Вы ее не знаете.

– Вот именно, – сказал Кошмар. – Незнание – высшая форма знания.

Вери-Мери был взбешен. Он бегал по комнатам, но Белку найти не смог.

Наконец вкушецам надоело обыскивать дом, который они уже полностью разграбили. Они повели пленников на улицу. У ворот Алиса в ужасе замерла.

Там поперек дорожки лежал мертвый бородач, рядом с ним повар Моро-Пари. В руке Вепря был зажат меч.

Вери-Мери мстительно сказал Алисе:

– Допрыгались! Сопротивлялись при аресте. Это у нас карается смертью.

Тут же он подбежал к толстому вкушецу, который командовал нападением, и сказал:

– Давайте их пытать. Сейчас. Они скажут, где она прячется.

– Не вмешивайся в высшие дела правосудия, пигмей, – сказал, напыжившись, вкушец. – Кто ты такой, чтобы направлять наши действия?

– Я стараюсь, – сказал Вери-Мери. – Я сам вас сюда привел. Вы же обещали, что в обмен на преступников я получу рабыню Белку.

– Если ее нет, я не могу тебе помочь, – сказал вкушец. – Ищи ее сам.

Он приказал вести пленников к большой повозке, на которой стояла клетка. Пленников затолкали в клетку. Алиса выглянула наружу – ей показалось, что листва на большом дереве колышется.

Мудрец дергал Ирию за рукав и повторял:

– Вы обязаны подтвердить, что я не имею отношения к вашим ужасным преступлениям.

– К каким преступлениям?

– Неважно, – сказал мудрец. – Был бы преступник, преступление у нас всегда найдется. А я чист, я в жизни не прочитал ни одного слова.

Повозка со скрипом двинулась по улице. Вери-Мери, злой, нахохленный, опухший от бессонной ночи, шагал рядом.

Он крикнул Алисе:

– Хотите остаться живыми, скажите, где Белка!

– Мы с вами даже разговаривать не хотим, – ответила Алиса.

– Вы не представляете, какой ужасной будет ваша гибель. Это хуже, чем смерть. Куда хуже.

На перекрестке повозка и ее охрана остановились. По большой улице шли войска. Ждать пришлось довольно долго.

Зрелище войска, выступающего в поход, было внушительным и в то же время, с точки зрения современного человека, смешным.

Вот верхом на быке, разукрашенном желтыми и черными полосами, видно для того, чтобы больше походить на тигра, едет Червяк Самыйдлинный. Его худые ноги волочатся по земле. За ним нестройной толпой шагают воины с копьями и луками.

Затем шестерка коров тянет катапульту.

Вот и сам Радикулит Грозный. Его несут на золотых носилках восемь воинов. Он сидит в своем любимом зубоврачебном кресле, и собравшиеся вдоль улиц зеваки кричат от восторга, видя такое богатство. За носилками шагают закованные в панцири телохранители, у каждого на

На перекрестке повозка и ее охрана остановились. По большой улице шли войска. Ждать пришлось довольно долго.

плече сидит стервятник. Широким кольцом окружив носилки, семенят подслушники, хлопая матерчатыми ушами.

Вот и близнецы Кроты. Они мрачны как тучи, они бледны как смерть. Еще бы! Им приходится выступать в поход верхом на оленях. Бородач не ошибся – единороги исчезли. А может, единороги, жители вольного леса, не хотели воевать?

Топали солдаты горбуна Таракана, пели боевые песни воины госпожи Коси-косиножки, стучали копыта, ревели быки и коровы, развевались флаги и вымпелы. Оркестранты били в барабаны и дудели в деревянные трубы.

Наконец последний солдат миновал перекресток, толпа загудела – внимание зевак переключилось на повозку.

Мальчишки бежали за ней, крича:

– Ура! Сегодня будет казнь!

– Я не теряю надежды, – простонал мудрец, – что это недоразумение разрешится и меня оправдают. В конце концов для казни достаточно и вас, вы как думаете?

Алиса так не думала, поэтому ничего не ответила.

Повозка остановилась возле красного собора.

– Что здесь было раньше? – спросила Алиса у мудреца.

– Когда-то здесь была водокачка, – ответил мудрец.

– А вы откуда знаете? Вы ведь ничего не помните.

– Разумеется, не помню, – согласился мудрец. – И вообще я все путаю.

Клетку с пленниками на веревках втащили внутрь красной водокачки. Там было прохладно, сквозь дыры в крыше проникали утренние лучи солнца. Громко ворковали голуби.

С другой стороны открылась широкая дверь и выехала низкая платформа, на которой стоял резной шкаф. Дверца шкафа приоткрылась, и оттуда высунулась голова в чадре.

– Наконец-то! – раздался радостный голос Клопа Небесного. – Все здесь! И девчонка-акробатка, и дикая женщина, и даже мой старый друг мудрец Кошмар. Я рад приветствовать вас в моем храме!

– Ваше Святое Незнание! – воскликнул мудрец, подползая к прутьям клетки и дергая их. – Это недоразумение! Я спал и, как всегда, не видел никаких сомнительных снов. И вдруг меня привезли сюда. Я сначала решил, что намечена плодотворная дискуссия с вашим Незнанием по по-

воду некоторых букв алфавита, но оказалось, что меня обвиняют в укрывательстве опасных преступников. Защитите меня своим могуществом!

– Разумеется, ты, как всегда, ничего не знаешь, – сказал Клоп, откидывая чадру.

– Разумеется, я ничего не знаю!

– Тогда я тебе помогу, – сказал верховный вкушец. – Я сделаю так, чтобы ты совсем ничего не знал.

– Помилуй! – зарыдал мудрец.

– Отнесись к этому философски, – сказал Клоп Небесный. – Это с тобой случается не в первый раз.

– Неужели?

– Ты и этого не помнишь?

– Конечно, не помню, конечно, не помню! – И мудрец горько зарыдал.

В зал, расталкивая вкушецов, вбежал Вери-Мери.

Хлопнула дверца шкафа – Клоп закрылся, опасаясь покушения. Воины выхватили кинжалы.

Вери-Мери, растрепанный, несчастный, подбежал к шкафу и принялся стучать в дверь.

– Откройте, ваше Неведение! – умолял он. – Это я, ваш верный раб Вери-Мери. Меня обманули. Мне обещали мешок и девушку по имени Белка, но девушку не нашли, а мешок не дали.

Дверца шкафа со скрипом приоткрылась, высунулся нос Клопа – самый длинный нос на планете. И вкушец скрипучим голосом произнес:

– Зачем ты меня испугал, глупый пигмей? Я этого не прощаю.

– Но ведь это нечестно, ваша милость! Мне обещали.

– Разве мы ему что-нибудь обещали? – спросил Клоп.

– Ничего подобного, – ответил толстый вкушец, который командовал нападением на дом мудреца. – Мы приняли его донос с благодарностью.

– Благодарность – это лишнее. Великие вкушецы никогда не благодарят. Все остальные должны быть нам благодарны за то, что еще живы и что-то помнят. Полагаю, что пигмей Вери-Мери совершил преступление, оклеветав нас, честных вкушецов, – сказал Клоп Небесный.

– А что? – задумался толстый вкушец. – Вы, как всегда, правы, наш мудрейший. Пожалуй, Вери-Мери надо арестовать.

Может, все бы обошлось, если бы пигмей не пришел в ярость.

– Как так! – закричал он. – Я всю жизнь верой-правдой служу вам, я сделал для вас столько подлостей и совершил столько предательств,

а вместо благодарности вы пытаетесь меня одурачить? Нет, хватит! Я ухожу. Поищите себе другого предателя. Вы ко мне еще придете, вы еще попросите...

Он повернулся и пошел прочь из собора.

– Это слишком, я этого не потерплю! – рассердился Клоп. – Он меня пугает, он мне угрожает, он вымогает у нас деньги. Взять его!

В мгновение ока вкушецы набросились на визжащего пигмея и поволокли его в клетку.

Хоть Алисино положение было несладким, она не могла скрыть удовольствия от того, как наказано предательство.

Пигмей сел на пол клетки, закрыл лицо руками и стал отчаянно ругаться сквозь зубы. В соборе было тихо. Все вкушецы слышали, как ругается пигмей.

– Пожалуй, состав преступления налицо, – сказал толстый вкушец. – Неприличные выражения в храме, попытка покушения на Клопа Небесного и гнусное вымогательство.

– Тогда начнем суд с него, – сказал Клоп.

– Согласен.

Воины вынесли длинную скамью, которую поставили рядом со шкафом. Несколько вкушецов уселись на нее, а толстяк, подняв колокольчик, что висел у него на груди, потряс им. Раздался мелодичный звон.

– Начинаем высший и справедливый суд! – воскликнул толстый вкушец.

– Начинай! – сказал Клоп, высовываясь из шкафа.

– Перед нами предстал известный негодяй и платный предатель пигмей Вери-Мери, – сказал толстяк. – Он не только выдал нам сотни людей...

– Большей частью невинных, – добавил Клоп Небесный, – о чем мы скорбим...

– Он к тому же помогал бандитам, неоднократно судимым кровожадным Кротам, ловить и продавать в рабство собственных единоплеменников.

– Позор! – крикнул кто-то из вкушецов.

– Сегодня же он, презрев все правила приличия, ужасно вел себя в нашем присутствии. Может ли быть снисхождение к такому мерзавцу?

– Нет, не может! – откликнулись вкушецы.

– К чему мы его приговариваем? – спросил толстяк.

– К беспамятству! – отозвались вкушецы, сидевшие на скамье.

– Погоди, – вмешался Клоп. – Может быть, мы его помилуем? В прошлом он сделал для нас немало полезного.

– Помилуйте! – закричал Вери-Мери, который осознал, что ему грозит.

– Мы отпустим его на свободу, – продолжал Клоп, – если он передаст нам нечестно нажитое богатство.

– Нет, только не это! – завопил Вери-Мери.

– Тогда нам не остается ничего иного...

– Приговаривается, – сказал толстяк, – преступник и изверг Вери-Мери...

– Согласен, согласен! – закричал пигмей.

– Тогда сообщи, где хранишь свои богатства, – произнес толстый жрец, который ждал такого исхода дела.

– Я скажу! Мое золото лежит под полом в большой комнате моего дома. Надо открыть вторую от двери половицу.

– Там все твое золото?

– Да, я клянусь!

– Оставайся в клетке, – сказал Клоп Небесный, – пока мои люди не принесут золото. Тогда мы тебя отпустим.

– Переходим к следующим преступникам, – объявил толстый жрец. – Вернее, к преступницам. Прибыли к нам неизвестно откуда, вели себя безобразно. Есть подозрение, что они умеют читать и потому служат подглядчицами помников.

– Девчонку помилуем, – сказал из щели Клоп. – Дикую бабу – в яму!

– Почему? – удивился толстяк, который не знал, что Алиса – акробатка. – Зачем миловать девчонку?

– Потому что она будет услаждать наш взор, – ответил Клоп. – Девчонка, покажи нам, как ты умеешь прыгать.

– Я покажу, – сказала Алиса, – если вы не будете кидать в яму Ирию.

– Я удивлен, – вздохнул Клоп и прикрыл дверь.

Все молчали. Ждали.

Минуты через две дверь раскрылась, и нос жреца высунулся наружу.

– Я решил, – сказал он, – остаться без развлечений. Казним обеих.

Толстый вкушец позвонил в колокольчик, и судьи хором воскликнули:

– Решено! Решено! Решено!

Алиса поглядела на Ирию.

– Не сердись, – сказала она.

– Что я могу сказать? – грустно ответила Ирия. – Конечно, ты поступила неразумно. Но я бы на твоем месте сделала то же самое.

И она улыбнулась Алисе.

– Дело последнее! – сказал толстый жрец. – Мудрец Кошмар, известный нам по прежним процессам и уже не единожды приговоренный. Судится за укрывательство опасных преступников, за подозрение в том, что научился читать, и за сопротивление при аресте.

– Возражаю! – закричал мудрец. – Я не сопротивлялся.

– Думаю, что выражу общее мнение, – сказал толстяк, – если скажу – в яму его!

– В яму, – согласился Клоп Небесный. – С конфискацией имущества. А где имущество?

– Уже конфисковано, ваше Незнание!

– Тогда можно казнить.

Воины повезли шкаф с Клопом к выходу. Остальные тоже потянулись к дверям.

– Когда казнить будете? – крикнул вслед вкушецам мудрец.

– Подождем, пока привезут золото пигмея, тогда и казним. Мы не задержимся.

– Ой! – рыдал пигмей. – Лишиться всего – и любви, и богатства, и репутации! И все вы виноваты! Не будь вас, жил бы спокойно!

Он с ненавистью смотрел на Алису и Ирию.

– Никто не просил нас предавать, – сказала Алиса. – Вы платите за собственную подлость.

– Что ты понимаешь, девчонка! Что ты можешь понять в душе бедного пигмея, который только своим умом и талантами смог столь многого добиться в жизни. Ты ничего не нажила, ты ничего не потеряешь. Я же теряю все!

Пигмей упал на пол и замер.

В водокачке было тихо, только под крышей ворковали голуби, мудрец сидел прямо, шевелил губами, словно читал стихи.

«Ну почему не прилетает Пашка? – думала Алиса. – Ведь нас хотят казнить!» – Яма забвения, – шептал мудрец. – Яма забвения... Снова эта проклятая яма забвения!

Глава двадцать шестая
ГАЙ-ДО ДОЖДАЛСЯ

Проснувшись, Пашка некоторое время лежал, соображая, где он. Ему казалось, что он поспал совсем немного, полчаса, ну, час, не больше. В комнате было полутемно, за дверью разговаривали шепотом – берегли его сон.

Пашка вскочил, осторожно приоткрыл дверь и заглянул в щелку. Пигмей Хруст, похожий на мальчика, напялившего кожаную куртку и кожаные штаны, о чем-то спорил со своей женой, обыкновенной женщиной, которая хоть и была небольшого роста, но на голову возвышалась над ним.

– Никуда ты не пойдешь, – шептала она. – Тебе уже много лет. Пускай по лесам шастают молодые. Ты нужен здесь.

– Тобой движет не забота о науке, о нашем Убежище в конце концов, – горячился пигмей, – а лишь эгоистические интересы!

– Назови мне эгоистические интересы!

– Мое здоровье!

– Это не мой эгоистический интерес, а твой. Ты думаешь, что здоровье принадлежит только тебе. А оно принадлежит мне и нашим детям. Вот сейчас я их позову, они начнут рыдать, тогда посмотрим.

– Замолчи! Ты разбудишь нашего гостя!

– Его из пушки не разбудишь! – ответила жена пигмея. – Как раз он-то и бережет свое здоровье. Спит уже десять часов, а весь город ходит на цыпочках.

– Как так десять часов! – воскликнул Пашка так громко, что супруги Хрусты разлетелись от его голоса в разные стороны. – Этого не может быть! Вы что, забыли, что Алиса с Ирией в плену? Почему меня никто не разбудил?

– Молодой человек, – ответил Хруст, придя в себя, – сначала я хотел бы познакомить вас с моей супругой.

– Очень приятно... Но...

– А во-вторых, должен заявить с полной ответственностью: ваш отдых не нарушил наших планов. Всю ночь шла подготовка к походу в лес, в которой ваше участие не требовалось.

Профессор Хруст всегда помнил, какого он маленького роста, и потому говорил очень торжественно.

– Вы меня жалеете, да? Но мне не нужна жалость!

– Я клянусь вам, Паша, что нам тотчас сообщат, как только все будет готово. Пока что у нас есть время позавтракать. Дорогая, завтрак готов?

– Готов, – мрачно ответила его жена. Но при Пашке спорить с мужем она не решилась.

– Пейте молоко, оно свежее, – сказал Хруст. – У нас в городе большое стадо коров. И хлеб мы печем.

– А сахар? – спросил Пашка.

– В этом нам потребуется ваша помощь, – сказал Хруст. – Нам очень нужны семена сахарной свеклы. Здесь мы их не нашли. Когда прилетите в следующий раз, захватите, пожалуйста.

– Обязательно, – пообещал Пашка.

Он чувствовал себя бодрым и готовым к подвигам. «Пожалуй, хорошо, что я выспался, – подумал он. – Теперь можно выходить. Чего же они медлят?» Завтракая, Пашка разглядывал комнату. Кроме стола и табуреток в ней было несколько полок. Только стояли на них не книжки, а старые предметы. Как в запаснике музея.

– Книг мы в домах не держим, – сказал Хруст, разгадав взгляд Пашки. – Слишком большая ценность. Но когда наберется много книг, они будут в каждом доме.

– А это что? – спросил Пашка. – Музей?

– Это – загадки, мой друг, – ответил Хруст. – Каждый день при раскопках, а то и просто в развалинах нам попадаются загадочные вещи. Мы не знаем их назначения. Мы стараемся разгадать, что это могло значить, как это употреблялось нашими предками. Иногда случаются замечательные открытия, которые сразу на несколько лет вперед двигают нашу цивилизацию. Как рассказывают, наш первый учитель, глядя на сломанные карманные часы, изобрел колесо.

– Изобрел? – Пашка не понял.

– Конечно, изобрел, – сказала жена пигмея. – В первые годы даже этого никто не знал.

Не выпуская из руки кружки с молоком, Пашка поднялся и подошел к полкам. Предметы, что лежали там, были поломаны, некоторые заржавели, от других остались только детали.

– Во многих наших домах, – услышал он голос Хруста, – есть такие полки. Надо все время смотреть на вещи, и тогда тебя может озарить...

– Я знаю, что это такое! – сказал Пашка, подняв небольшой ржавый металлический конус, днище которого было усеяно мелкими отверстиями.

– Скажи, скажи! – воскликнул Хруст. – Я бьюсь над этой проблемой уже третий год!

– Это наконечник от садовой лейки, – сказал Пашка. – Если соединить его трубкой с ведром, то можно разбить струю воды на много струек и поливать овощи.

– Гениально! – воскликнул Хруст. – Искусственный дождь! Спасибо, Павел Гераскин! Не хотел ли бы ты вернуться к нам консультантом по загадочным предметам?

– Я постараюсь, только на каникулах, сейчас мне в школу надо возвращаться.

– Похвально, – сказала строгая жена Хруста, – что у некоторых людей еще сохранилось чувство ответственности.

В комнату заглянула Зарница.

– Доброе утро, – сказала она. – Вы уже встали?

– Я готов, – ответил Пашка.

Зарница положила на табуретку мешок.

– Здесь одежда для путешествия по лесу, – сказала она. – Твой костюм уже совсем изорвался.

Пашка убежал в маленькую комнату и там быстро переоделся.

Помники все подобрали по размеру. И кожаную куртку, и штаны. Только башмаки Пашка переодевать не стал. Его собственные еще были крепкими.

– Ну вот ты и настоящий помник, – сказала Зарница, увидев его. – Пошли?

Пашка поблагодарил госпожу Хруст за завтрак, и они вышли на улицу.

На улице прямо на мостовой сидело человек двадцать молодых помников. Некоторые дремали, другие читали или писали что-то на восковых дощечках. В сторонке по земле прогуливались две белые птицы, тихо беседуя о чем-то. И с первого же взгляда было ясно, что они давно ждут сонливого инопланетянина.

– Так я и знал! – возмутился Пашка. – Мы потеряли время из-за вашей ненужной деликатности.

– Вы вчера так устали, – смутилась Зарница.

– Это не довод!

– Но вы – наш гость, – сказал Хруст. – И еще очень молоды.

– Хорошо, я принимаю ваши извинения, – сказал Пашка. – Но прошу, чтобы это было в последний раз. Пора в путь.

– Паша, – сказала Зарница. – Мы хотели рассказать, как мы планируем поход. Конечно, лучше было бы всем полететь на птицах, но здоровых птиц в городе всего две.

– А как себя чувствует Альта? – спросил Пашка.

– Ей лучше, – сказала Алина. – Но она еще долго не сможет летать.

– Вот карта нашего леса, – продолжала Зарница, расстилая прямо на мостовой большую, грубо нарисованную карту. – Ты можешь показать, в каком месте вы вышли к реке?

– Разумеется, – ответил Пашка. – Мы вышли там, где стоит дом перевозчика, в котором живет ваша подглядчица Речка.

– Это какая Речка? – спросила Хруст Зарницу.

– Сестра Ручейка, – ответила Зарница. – Моя ученица.

И она указала на точку на берегу реки, где маленький черный квадратик изображал хижину перевозчика.

– Мы вышли под прямым углом к реке, – сказал Пашка. – А шли примерно два часа. Следовательно... – Пашка провел линию в глубь леса. – Какой у вас масштаб?

– Один к десяти тысячам, – сказал Хруст.

– Значит, примерно здесь. – Пашка показал точку в лесу и ногтем отчеркнул крестик.

– Вы правы, – сказала Зарница. – Беспамятные космонавты были найдены нами вот здесь... – И она показала на точку километрах в трех от места падения «Днепра».

– Отсюда, – сказала птица Алина, которая подошла к карте и заглядывала поверх голов, – лететь три дня, не меньше.

– Три дня? – удивился Пашка.

Хруст улыбнулся.

– Не слушайте, Паша, наша уважаемая Алина, к сожалению, не умеет считать.

– Мне это не нужно, – сказала птица. – За меня считают другие.

– Значит, план таков, – сказала Зарница. – Паша Гераскин и Хруст летят на птицах туда, где должны быть корабли. Как только они их находят, Хруст возвращается к основной группе, которая тем временем движется в этом же направлении.

– А контейнер с топливом, о котором вы говорили, он тяжелый? – спросил Копье. – Сколько он весит?

– Честно говоря, – смутился Пашка, – я не знаю. И как его переносить тоже не знаю. Но мы спросим Гай-до. Это наш маленький корабль. Он все расскажет.

– Корабль расскажет? – удивился Хруст.

– Он разумный, – ответил Пашка.

– Корабли не бывают разумными, – сказала птица Алина.

И Пашка не стал с ней спорить.

– Все равно надо брать повозку, она может понадобиться, – сказала Зарница.

Повозка – широкая телега на деревянных колесах, запряженная двумя быками, – стояла за углом.

Молодой помник вскочил на облучок и крикнул быкам:

– Трогай!

Остальные пошли следом за телегой. Копье остался с Пашкой и Зарницей.

– Держи, – сказал он, протягивая Пашке большой кинжал в кожаных ножнах.

– Спасибо, – обрадовался Пашка, который любил ходить по диким планетам вооруженным. Он прикрепил кинжал к поясу.

– Увидимся, – улыбнулся Копье, поправляя на плече большой лук.

– Счастливого пути, – сказала Зарница.

Птицы подошли поближе и присели, чтобы Пашка и Хруст могли на них влезть.

– Хорошо сидишь? – спросила Пашку Алина.

– Хорошо, – ответил Пашка.

И она, легко разбежавшись, взмыла в небо.

Город уходил вниз. Вот улица, по которой за повозкой, запряженной быками, бредет группа помников. Вон там стайкой бегут в школу дети, вон начали трудиться археологи. Но больше всего народу на валу, они готовятся к бою с поклонами.

«Хорошо, что я прилетел, – подумал Пашка. – Теперь помников никто не застанет врасплох».

Птица, которая несла Хруста, летела совсем рядом и переговаривалась с Алиной о том, какие ягоды созрели в какой-то роще, о том, что у Альты маховые перья линяют...

– Ваша жена так волнуется о вас! – крикнул Пашка Хрусту.

– Что поделаешь? – ответил пигмей. – В наши дни мужчина должен рисковать. А кто, кроме меня, полетит с вами!

– А разве другие не летают?

– Глупый, – сказала Алина. – Мы же тоже не железные. Мы взрослых не возим, надорвемся. Тебя или Хруста – пожалуйста, а уж Ручейка мне не поднять, только Альта может, она самая сильная.

– Нас мало осталось, – сказала вторая птица. – Нас надо беречь.

– Скажите, пожалуйста, – спросил Пашка, – а почему вы не летаете в столицу? Ведь это бы ускорило связь?

– Глупости, – сказала Алина. – Я никогда туда не полечу.

– Ее лучший друг, Алон, погиб возле столицы, – сказала вторая птица. – И попрошу вас не задавать больше горьких вопросов.

Птицы замолчали.

А Хруст сказал:

– Столицу охраняют прирученные стервятники. Нашим птицам там нельзя появляться.

– Не надо, не надо о печальном! – воскликнула Алина.

Под ними уже тянулся сплошной лес. Справа, вдалеке, была видна полоса реки. Пашке показалось, что он увидел над деревьями холм и на нем башню обсерватории. Но, может, он ошибся.

Впереди что-то блеснуло.

– Смотрите! – воскликнул Пашка. – Это «Днепр»!

И в самом деле, внизу, в переплетении поваленных деревьев и разорванных лиан, лежал громадный космический корабль.

– Ура! – закричал Хруст. – А я, честно говоря, сомневался...

– Вы не верили?

– В чудо трудно поверить, – отозвался Хруст.

– Теперь медленнее! Не пропустить бы, – сказал Пашка. – Там должна быть поляна...

Вот и поляна. Посреди нее стоит любимый, дорогой, покинутый, одинокий Гай-до.

– Гай-до, друг! – закричал Пашка. – Я к тебе прилетел!

И услышал снизу громкий голос корабля:

– Пашка! Какое счастье! Я чуть не умер от тоски и беспокойства.

Конечно, космические корабли не умирают от тоски и беспокойства, но Пашка понимал чувства кораблика.

– Снижаться? – спросила Алина.

– Конечно, и скорей. Мой друг ждет нас.

– Это кто ваш друг? – спросила птица. – Это железное яйцо – ваш друг?

– Конечно. И он может летать быстрее вас и выше вас, даже к звездам.

– Железные яйца не летают, – категорически ответила Алина.

Они опустились на поляну неподалеку от Гай-до, и обе птицы, как только люди сошли с них, отлетели на почтительное расстояние.

Обернувшись на их кудахтанье, Пашка понял, что причиной испуга птиц был не сам Гай-до, а громадная драконья голова, что лежала на траве в метре от Гай-до. Пасть была разинута, из нее торчали желтые кинжалы зубов, красные глаза остекленели.

Вместо того чтобы вбежать в корабль и рассказать ему, как он соскучился, Пашка изумленно спросил:

– Это еще что такое?

– Прости, – смущенно ответил кораблик. – Я понимаю, что с точки зрения экологии я совершил непростительную ошибку. Назовем ее даже преступлением. Но я, как ты понимаешь, совершенно неподвижен

и не могу гоняться за драконами. Пожалуйста, сформулируй мое преступление как превышение пределов разумной обороны...

– Что ты несешь, Гай-до! – прервал его Пашка. – Мне совершенно не жалко здешних драконов.

– И нам не жалко, – ответил профессор Хруст, – слишком много их развелось в лесу. Житья от них нет!

– Как тебе удалось отрубить ему голову? – удивился Пашка.

– Понимаешь, когда эта тварь вылезла из леса и стала обдавать меня вонючим огнем из всех трех голов, шатать и бить когтями, я долго терпел. Я ему объяснял на всех известных мне языках, что несъедобен. Обычно драконы на меня не нападают, потому что об меня только зубы облома-

ешь... Можешь поверить, что я старался быть рассудительным. Но когда он совсем обнаглел и попытался прогрызть мой корпус, мне пришлось выпустить манипуляторы и придержать его голову. И вдруг – ты не поверишь! – он отбросил ту голову, которую я держал, и удрал в лес!

– Голову?

– Ничего удивительного, уважаемый Паша, – сказал профессор Хруст. – Некоторые ящерицы отбрасывают хвост. А драконы умеют в минуту опасности отбросить голову. Иногда рыцари устраивают ловушки на драконов, а когда дракон попадет в ловушку и отбросит голову, рыцарь возвращается в свой замок и рассказывает, что он эту голову отрубил. Хотя на самом деле ни одному рыцарю не удалось еще победить дракона.

– Вы очень подробно все объяснили, маленький человек, – сказал Гай-до. – Я вижу в вашем лице представителя местной науки. Вы сняли с меня моральную тяжесть и потому разрешите мне поблагодарить вас за внушительный вклад в космическую драконологию.

– Ну что вы, – смутился профессор. – Я драконами не занимаюсь. Мой профиль – домашний скот.

– Тем более меня поражает широта ваших познаний. Я буду рад познакомиться с вами. Меня зовут Гай-до.

– Профессор Хруст. Родом из пигмеев, – ответил карлик. – Я рад встретить столь образованный корабль.

Пашка понял, что Гай-до и Хруст могут хвалить друг друга до вечера. А времени нет.

– Послушай, Гай-до, – прервал их разговор Пашка, – нам надо спешить...

– Я понимаю твое нетерпение, Паша, – ответил кораблик. – Но вежливость отличает воспитанное существо от нецивилизованного. Надеюсь, ты не захочешь погубить мою репутацию?

Даже птицы, которые все еще жались к кустам, удивленно распахнули клювы, слушая такой изысканный монолог.

– Если на вашей планете такие корабли, – сказал профессор Хруст, – то теперь я понимаю, откуда получаются такие герои, как вы, Павел Гераскин.

– Что ты натворил? – обеспокоенно спросил Гай-до. – Рассказывай!

– Некогда рассказывать! Нам надо как можно скорей поднять тебя в воздух. Ирия и Алиса в плену, все остальные потеряли память!

– Так я и знал! – возопил кораблик. – Ни на минуту вас нельзя оставить одних! Скорей летим!

– Сначала надо тебя заправить, – ответил Пашка. – Скажи, контейнеры с гравитонами очень тяжелые?

– Запасные контейнеры с гравитонами очень невелики. Не более полуметра в поперечнике, включая защитную оболочку. Но вес их... – Гай-до на секунду замолчал, заглядывая в свой компьютер. – Вес их триста двадцать килограммов. Мне достаточно одного контейнера.

– Триста двадцать – это много? – спросил Хруст. – С чем бы сравнить? Это восемь раз мой вес, – ответил Пашка.

– Не так много, – сказал Хруст. – От корабля «Днепр» до этой поляны примерно тысяча шагов. Можно отнести контейнеры на носилках. Десять юношей донесут?

– Конечно, – сказал Пашка.

– Тогда я немедленно лечу навстречу нашим друзьям. Часа через два они будут здесь. Но как найти этот... контейнер?

– Летите, профессор, – сказал Пашка. – А мне оставьте Алину. Мы с ней подлетим к «Днепру» и там будем вас ждать.

– Отлично! – сказал профессор Хруст. – Люблю деловых людей. Я сам деловой человек.

– А я тогда пока слетаю позавтракать, – сказала Алина. – Здесь недалеко я видела отличные ореховые кусты. Тем более что мне не хочется проводить время в обществе драконьих голов и железных яиц, которые называют себя летающими кораблями. Хотя вряд ли они умеют летать.

Алина презрительно фыркнула и взлетела.

Пашка с Гай-до остались одни.

– Заходи в меня, – сказал Гай-до, – на тебе лица нет.

Пашка не заставил себя долго просить. Он взобрался в гостеприимно раскрытый люк своего друга. Внутри все было по-старому, даже запах сохранился: запах ванили, молока и детской присыпки. Ведь совсем недавно здесь стояла кроватка Вандочки. Вот и объемная фотография девочки – сейчас засмеется. И Пашке стало грустно, когда он подумал, что отец этой девочки потерял разум, а мать сидит закованная в кандалы в неизвестном подвале.

– Открывай холодильник, – сказал Гай-до, – там твои любимые сосиски. Соскучился, наверное, по домашней пище. А я пока плиту в камбузе включу. Ты не спеши рассказывать, ты все обдумай, ты меня не пугай, но только правду говори...

Голос Гай-до оборвался.

Пашка понял, как переживает кораблик и как старается держать себя в руках.

«Он же не знает, в каком я состоянии, – думал Пашка, – может быть, я потеряю сознание от страха и отчаяния, а может, у меня полное душевное опустошение. Сейчас он предложит мне провести медицинское обследование».

Только Пашка открыл холодильник и достал оттуда сосиски, как услышал голос Гай-до:

– Пашенька, у тебя не будет свободной минутки? Мне так хотелось проверить, не барахлит ли диагност? Это займет всего несколько минут...

– Не хитри, Гай-до, – сказал Пашка, проходя в камбуз и бросая сосиски в закипевшую воду. – Не волнуйся за меня. Я в норме, нервы в порядке, чувствую себя отлично. Давай я лучше расскажу тебе о наших злоключениях.

Пашка рассказывал долго, Гай-до не прерывал его, лишь иногда вздыхал или ахал. Он все принимал близко к сердцу и очень огорчался, что стоял в лесу, когда его друзья подвергались таким страшным опасностям.

Пашка за время рассказа съел полкило сосисок, выпил литр ананасового сока и сожрал коробку сладкого печенья. Но сам этого даже не заметил. Наконец его рассказ подошел к концу.

– Должен тебе сказать, что я тоже не терял времени даром, – заявил Гай-до, когда Пашка закончил свой рассказ.

– Сражался с драконами?

– Сражения с драконами заняли лишь полпроцента моего времени, – серьезно ответил кораблик. – Кроме того, мне пришлось отразить нашествие метровых муравьев, нападение ядовитых улиток и наскок коррозийных микробов, которые хотели превратить меня в ржавчину. Но главное – я думал. И теперь, когда ты мне все рассказал, мне стала абсолютно ясной причина болезни наших с тобой друзей.

– Ты догадался?!

– Да... Разумеется, это потребовало некоторой изобретательности и серьезных размышлений. Ты помнишь, как на высоте восьми километров от планеты мы брали образцы забортного воздуха, подлетая к Крине?

– Помню.

– Что-то почти неуловимое в анализах мне тогда не понравилось. Должен тебе сказать, что интуиция меня не обманула, и я недаром окружил себя силовым полем. Смею думать, что это дало нам возможность спо-

койно сесть на Крину. Пока я сидел и ждал вас в лесу, я размышлял над этим происшествием. И в результате решил провести небольшой эксперимент. С помощью манипулятора я поймал двух мышей и поместил их в маленький несложный лабиринтик, выход из которого мыши легко находили. Но стоило мне заполнить эту мышеловку воздушной пробой, взятой нами на восьмикилометровой высоте, как мыши стали метаться и уже не могли выйти из лабиринта, они напрочь забыли, где находится выход. Значит, рассуждал я, там, в атмосфере, на этой высоте существует некая субстанция, которая заставляет живые существа терять память. Это не вирусы. Это даже не газ – газу не проникнуть в корабль. Это разновидность биологического поля. И оно, словно пелена, окутывает планету на высоте восьми километров.

– Значит, экипаж «Днепра» попал под действие такого поля и потерял память?

– Именно так!

– А на планете никто не знает, что существует такой слой. Они уже двести пятьдесят лет никуда не летают. Но зато у них есть какие-то колодцы и провалы, попадая в которые человек становится бе-пе – беспамятным.

– Молодец! – воскликнул Гай-до. – Между колодцами и слоем есть связь. Я измерил движение слоя и подсчитал, что он постепенно поднимается над планетой. Ровно двести пятьдесят лет тому назад он вплотную прилегал к поверхности Крины. Понял?

– Начинаю понимать! – сказал Пашка.

– А допусти, – воскликнул Гай-до, – что двести пятьдесят лет назад планету окутало поле беспамятства! И люди мгновенно все забыли. Тогда ты можешь объяснить, почему они до сих пор, за исключением кучки упрямых помников, не умеют читать. Ты же сам говорил, что какой-то их учитель изобрел колесо! Представляешь, как все забыто! Поэтому их так мало на планете. Ведь люди без памяти легко погибают, как погиб наш бедный Меркурий.

– Это великое открытие! – воскликнул Пашка. – Ты гений, Гай-до!

– Я давно об этом подозревал, – ответил кораблик скромно. – Кстати, Пашка, ты тоже молодец. И с ракетами ты великолепно придумал.

Собеседники были довольны друг другом.

Послышался стук в стенку корабля.

– Там птица, – сказал Гай-до, – твоя голубоглазая глупая птица, которая полагает, что я не умею летать. Она тебя зовет.

– Значит, мне пора лететь. Помники уже подходят к «Днепру».

– Тогда слушай, как пробраться в резервный топливный отсек и извлечь контейнер...

Через десять минут Пашка подлетал к «Днепру». Как раз в это время, запыхавшиеся и измученные, из леса вышли помники. Пашка провел их в «Днепр», поразивший помников своими размерами и техническим могуществом. Общими усилиями они вытащили наружу контейнер, и еще через полчаса Гай-до мог сказать:

– Я готов к полету. Прошу всех желающих на борт.

Разумеется, все помники забрались внутрь Гай-до, стало ужасно тесно, но было очень весело. Гай-до, за те несколько минут, что занял полет до города, развлекал гостей как мог, показывал им фильм о Земле, напоил с Пашкиной помощью ананасовым соком, сделал для них мороженое и успел поговорить на научные темы с доктором Хрустом. Пашка слушал их разговор краем уха, но уловил забавную фразу Гай-до, которая позволила ему заглянуть в душу корабля.

– Вы невелики ростом, – сказал Гай-до, – по человеческим меркам.

– Да, к сожалению, это так, – вздохнул Хруст. – Даже жена выше меня.

– А я невелик по корабельным меркам. Ах, сколько мне приходится выслушивать обидных слов от роботов и диспетчеров! А я ничем не хуже громоздкого дурака, вроде этого «Днепра». А вы, наверное, не глупее местного короля.

– С королем не сталкивался, – сказал профессор, – но отлично вас понимаю.

– Нам, маленьким, надо держаться друг друга.

– О, как я вас понимаю! – воскликнул профессор.

Птицы летели над Гай-до, постепенно отставая, хоть изо всех сил работали крыльями, – им не хотелось признать, что с того момента, как на Крине появилось это железное яйцо, они перестают быть самыми быстрыми существами на планете. Они прилетели уже после того, как Гай-до, к изумлению жителей Убежища, опустился на площади перед Главным домом.

Зарница предложила послать вместе с Гай-до в столицу нескольких молодых стрелков. Но Гай-до отказался. Он знал, что каждый защитник в Убежище на вес золота.

– Спасибо, – сказал он. – Мы с Пашкой вдвоем справимся. У нас есть опыт.

Глава двадцать седьмая
КАЗНЬ ЗАБВЕНИЯ

Видно, времени прошло немного. Может, час, может, чуть больше. Алиса так устала, что ей уже было все равно. Нет, она не собиралась умирать. Страна эта, хоть и страшная, все равно казалась сном, сказкой. Ей было жалко бородача и веселого повара, но непонятно, существовали ли они или приснились... Рядом бормотал мудрец, и конец его бороды лежал, завившись белым червем, на грязном полу клетки. Скорей бы уж все это кончилось!

Вошли четыре вкушеца, встали по сторонам дверей, как почетный караул. Клетка дрогнула, сзади ее толкали слуги. Дребезжа и раскачиваясь, клетка выехала в дверь и оказалась на площади. Площадь была залита солнечным светом, по яркому голубому небу плыли легкие облака. Внизу было видно бескрайнее море.

Вокруг площади стояли толпы народа. Удивительные люди, беспамятные, готовые к любому развлечению. Вчера они бежали на невольничий рынок, на рассвете провожали войска, сейчас собрались глазеть на казнь.

Под крики толпы клетку подтащили к низкой балюстраде – каменному кольцу шириной метра в три, окружавшему колодец или вход в шахту. Над колодцем, упираясь многометровыми лапами в кольцо, поднимался треножник, к которому была подвешена небольшая платформа со столбом в центре. Справа, неподалеку от кольца, была трибуна, на которой возвышался большой куб, накрытый черным полотнищем с намалеванным человеческим лицом, с повязкой на глазах, завязанным ртом и заткнутыми ушами.

По сторонам этого сооружения стояли в два ряда вкушецы.

– Смотри-ка, – сказал Вери-Мери, – какой большой сбор ради вас. Обычно попроще это бывает.

– А что это? – спросила Ирия.

– Как что? Казнь.

– Людей кидают в шахту? – спросила Ирия.

– Нет, не кидают, – засмеялся Вери-Мери, – а опускают и поднимают. У вас что, не так?

– Не так.

– А я думал, что везде, где есть вкушецы, они так казнят.

– У нас нет вкушецов.

– Так я и знал! Ведьмин корень, вот ты кто! – сказал пигмей и постарался отодвинуться. Хотя как отодвинешься в клетке в два квадратных метра.

Алисе казалось, что все это происходит не с ней, с другим человеком, а она смотрит кино. Даже не очень страшное.

Вкушецы были в лиловых тогах, глаза сверкали сквозь отверстия в чадрах. Толстый вкушец вышел вперед, стукнул золотым посохом о помост и воскликнул:

– Начинается главная казнь этого года! Великая казнь, посвященная началу победоносного похода нашего славного воинства против логовища помников!

Народ на площади зашумел, некоторые хлопали в ладоши. Другие молчали.

– Командует казнью специально прибывший для этого в столицу великий Клоп Небесный, Гроза разума.

И при этих словах вкушецы стащили полотнище с куба, и под ним обнаружился уже знакомый Алисе шкаф.

Дверцы шкафа распахнулись, и оттуда вышел Клоп Небесный.

Народ на площади пал ниц.

И было из-за чего. На Клопе была высокая, золотая, в драгоценных камнях тиара, а одежды усыпаны драгоценностями. Он был без чадры, но в черных очках.

– Эти жертвы, – сказал Клоп, – мы приносим на алтарь победителей. Пусть они укажут путь в неведение всем помникам, которых вы скоро увидите на этой площади.

Затем Клоп Небесный обернулся к своему толстому помощнику:

– Кто у нас первый? – спросил он. – Начинай.

С этими словами он отступил назад, встал в шкаф и прикрыл дверцу.

– Первым будет казнен закоренелый помник, скрывающийся под видом благородного мудреца. Это не мудрец, а подколодный зайчик, ядовитый соловей, пожиратель трупов – колибри!

– Не надо! – закричал мудрец. – Друзья мои, коллеги, подтвердите, что я не умею читать, что я в жизни книги в руках не держал!

Мудрец кричал, обращаясь к небольшой группе мудрецов в высоких цилиндрах и черных траурных одеяниях, которые стояли в толпе.

– Освободите его! – крикнул из толпы второй мудрец. – Он не виноват.

– Если он не виноват, – сказал толстый вкушец, – тогда ему бояться нечего. Он ничего не знал и ничего знать не будет. Разве не в этом высшая мудрость мудрецов?

– Но жизненный опыт! Вы забыли о жизненном опыте Кошмара!

– Снова наберет, – отмахнулся от защитников жрец.

– Странная казнь, – сказала Алиса Ирии.

– Я тоже ничего не понимаю.

Вкушецы распахнули дверь клетки, ловко подхватили визжащего мудреца и поволокли его к колодцу. Платформа на треножнике покачнулась и поползла вниз. Один из жрецов захватил ее крюком за трос и подтянул к каменному кольцу. Вкушецы затащили мудреца на платформу и быстро прикрутили к столбу. Тут же спрыгнули с платформы, и по знаку толстяка она снова поднялась и повисла над центром колодца.

Клоп Небесный высунулся из шкафа и махнул белым платком.

Платформа начала медленно опускаться вниз, мудрец вопил, остальные мудрецы стенали, закрыв лица руками.

– Я боюсь! – вдруг вырвалось у Алисы, и она прижалась к Ирии. – Они хотят его сжечь. Там огонь.

– Не бойся, девочка, – сказала Ирия, – все будет хорошо.

Она обняла Алису и крепко прижала к себе.

Вопящий мудрец скрылся за бортом колодца, и вкушецы подбежали к краю, стали заглядывать внутрь и кричать:

– Ниже! Еще ниже!

Любопытные из толпы тоже пытались прорваться к колодцу, но вкушецы их не пускали. Крики мудреца вдруг оборвались. И на площади стало тихо.

– Все, – сказал толстяк. – Казнь свершилась, справедливость восстановлена. Да здравствует неведение и беспамятство!

Он обернулся к толпе, поднял руки и громко возгласил:

– Мы ничего не видим!

– Мы ничего не видим! – подхватили люди на площади.

– Мы ничего не слышим!

– Мы ничего не слышим...

– Мы ничего не знаем!

– Мы ничего не знаем...

– Мы никогда не возражаем!

– Мы никогда не возражаем... не возражаем... не возражаем...

Дверцы шкафа распахнулись, и оттуда вышел Клоп Небесный.

Вкушецы принялись энергично крутить лебедку, и платформа стала подниматься. Вот из-за края колодца показалась голова мудреца. Он был жив и вроде бы невредим. Толпа встретила его появление возгласами. Мудрец стоял совершенно спокойно, глупо улыбался, словно забыл, что только что отчаянно сопротивлялся.

Платформу подтянули к борту колодца, мудреца освободили от пут. Он остался стоять на месте, словно не знал, куда идти.

Вкушецы свели его под руки на площадь и подвели к помосту.

– Ты кто? – спросил из шкафа Клоп.

– Не знаю, – ответил мудрец и улыбнулся. – Понятия не имею.

– Как зовут тебя, ничтожество?

– Ничтожество, – согласился мудрец.

– Где ты живешь?

– Я живу? Где я живу?

– А куда ты пойдешь?

– Я никуда не пойду, – ответил мудрец.

Под аплодисменты зрителей жрецы разрешили мудрецам подойти к своему коллеге и увести его. Мудрец шел не оборачиваясь, загребая ногами, словно разучился ходить.

– Что с ним случилось? – спросила Алиса.

– Я знаю, – сказала Ирия, – они лишили его памяти.

– А что, раньше не догадалась? – спросил пигмей. – Мне говорили, что его уже пять раз лишали памяти, а он все равно остался мудрецом. Они такие живучие... Года не пройдет, как он снова начнет учить людей, как надо жить.

– И это они хотят сделать с нами? – спросила Алиса.

– Это то, что случилось с Тадеушем, – сказала Ирия. – И со всеми нашими друзьями. Значит, Ручеек прав – они тоже попали в такой колодец.

Тут на площадь прибыла странная процессия. Три быка тащили большую телегу, на которой горой было навалено всевозможное барахло.

Пигмей кинулся к решетке клетки, вцепился в нее и закричал:

– Так мы не договаривались! Вы сказали: только золото. А не вещи. С вами нельзя договориться честно.

– Что такое честность? – спросил толстый вкушец. – Мы не помним такого слова. Господин Клоп Небесный, мы обещали что-либо этому ничтожному пигмею?

– Не помню. Я – вкушец забвения.

– Вы меня ограбили! – закричал пигмей, кусая прутья.

Толпа на площади покатывалась со смеху. Ясно было, что пигмея многие знали и никто не любил.

– Так ему и надо! – кричали люди.

За телегой шли солдаты, волоча несколько тяжелых кожаных мешков. Они подходили к помосту, кидали на него мешки, и те с тяжелым стуком падали возле шкафа.

Клоп Небесный присел на корточки, жадными, дрожащими пальцами он развязал один из мешков, и из него посыпались золотые монеты, слитки, украшения, драгоценные камни.

Толпа зашумела, завопила.

– Все! Я разорен! Я погублен! – кричал пигмей. – Дайте только мне выйти отсюда, я до вас доберусь! Я за каждым из вас знаю такие делишки, что господин Радикулит всем вам головы отрубит. У меня все записано!

Это последнее, вырвавшееся в запальчивости слово и погубило коварного пигмея.

– За-пи-са-но? – медленно произнес, выпрямляясь, Клоп Небесный. – Значит, ты тоже агент, лазутчик помников.

– Нет! – спохватился Вери-Мери. – Я в переносном смысле, я ничего никогда не записывал. Я не умею!

– Казнь подглядчику! – закричал Клоп, прыгнул в шкаф и захлопнул за собой дверцу.

– Казнь! – требовали жрецы.

– Казнь! – кричали в толпе.

Алиса не выносила предателей, а уж Вери-Мери особенно. Но когда его, плачущего, сопливого, протащили к платформе, она не выдержала и крикнула:

– Пожалейте его, может, он еще исправится! Вы же у него все отняли!

– А мы его и собираемся исправить. Причем самым решительным образом, – ответил толстый вкушец.

Он подождал, пока платформа с Вери-Мери скроется в колодце и крики пигмея прекратятся, затем в наступившей тишине сказал:

– Здесь одна из обвиняемых обвинила нас в жестокости. Она сказала, – жрец показал на Алису, – что наша казнь ужасна. Так ли это?

– Так! – крикнул с площади молодой голос.

– Не так, – перебили его другие голоса.

– Объясняю, – произнес толстый вкушец. – Нет ничего добрее и гуманнее, чем наша казнь. Мы не приносим человеку никакого вреда, а воз-

вращаем его обществу живым и здоровым. Мы только извлекаем из него все плохое, что он накопил в своей душе: склонность к преступлениям, жестокость, жадность, стремление к заговорам, желание жить лучше, чем поклоны и господа вкушецы, преступную страсть к чтению или знаниям. Мы ничего у него не отнимаем хорошего и полезного. Разве он разучивается есть? Нет, он умеет есть и спать, ходить и стоять. Со временем он научится полезному ремеслу и вернется в общество перековавшимся, полезным существом. Да здравствует мудрость казни беспамятства!

В толпе раздались приветственные крики и свист.

Платформа с Вери-Мери поднялась. Он стоял у столба, крутя головой. В глазах его был ужас.

– Кто эти люди? – спросил пигмей. – Они хотят меня убить!

Глава двадцать восьмая
ВОЗВРАЩЕНИЕ ЕДИНОРОГОВ

Профессор Хруст попросил Пашку подвезти его к дому. На одну минутку.

– А то жена волнуется, – смущенно сказал он.

– Понимаю, – ответил Пашка.

Хруст не зря беспокоился. Его жена стояла на пороге дома, скрестив руки на груди, и даже при виде Гай-до не дрогнула.

Гай-до осторожно спустился на улицу и открыл люк. Профессор выглянул наружу и игриво крикнул:

– Кисочка, я здесь! Я вернулся, я здоров!

– Вернулся – иди в дом! – ответила жена и скрылась в дверях.

– Вот видите, – развел руками пигмей. – Но она меня любит. До скорой встречи.

Он выпрыгнул из корабля и побежал к дому. В дверях он столкнулся с женой, которая вновь возникла на пороге. На этот раз она держала в руке какой-то предмет, завернутый в белую тряпочку.

– Твой мальчишка здесь? – спросила она.

– Паша? Паша летит спасать своих друзей. Все в порядке!

– Ребенок голоден, – мрачно сказала жена. – Отдай ему пирог.

И она снова ушла.

Пигмей кинулся обратно к Гай-до. Он отдал Пашке сверток и сказал:

– Вот видишь, а ты ее упрекал.

Хотя, разумеется, Пашка ни в чем не упрекал жену пигмея.

Гай-до резко поднялся ввысь, и Пашка, сев в пилотское кресло, заложил в навигационный компьютер оптимальный маршрут до столицы.

– Где мы их будем искать? – спросил кораблик.

– Не знаю, – признался Пашка. – Я сам в столице не был. Я думаю, что мы опустимся где-нибудь на окраине, и я пойду в Город искать их.

– Глупости, – сказал Гай-до. – Ты сгинешь, а мы потеряем время.

– А что ты предлагаешь?

– Открытый полет. Мы летим с законной целью: спасти из рабства наших близких. Следовательно, мы опускаемся на их главной площади и задаем прямой вопрос: что вы сделали с Алисой и Ирией?

– А они не ответят?

– Они испугаются. Они же темные.

Убежище пропало из глаз, начался густой лес. Две белые птицы поравнялись с Гай-до и, отчаянно работая крыльями, пытались его обогнать.

– Не старайтесь! – крикнул им Гай-до. – Сейчас я прибавлю скорости, надорветесь!

– Яйцо железное! – крикнула в ответ упрямая Алина. – Ты сейчас упадешь, у тебя крыльев нет.

Почему-то белых птиц больше всего возмущало то, что у Гай-до не было крыльев.

– Забавные создания, – сказал Гай-до. – Но настолько глупы, что мне порой бывает стыдно, что я принадлежу к их породе.

– Ты? – спросил Пашка.

– Разумеется. Еще у моего прадедушки были крылья. Его называли самолетом.

Птицы держались рядом – Гай-до жалел их.

Вдруг одна из них крикнула:

– Смотри вниз! Какой ужас!

Пашка включил нижний экран, но ничего не увидел в сплошном зеленом море листвы.

А птицы уже снижались к вершинам деревьев.

– Гай-до! – закричала Алина. – Чего же ты медлишь? Помоги, яйцо железное!

– Давай посмотрим, что там, – сказал Пашка.

– Без тебя знаю, – ответил Гай-до и начал опускаться вниз.

Он коснулся верхней границы листвы. Пашке показалось, что он слышит, как шуршат листья и трещат ветки. Вскоре внизу открылось пространство, спрятанное под кронами, словно они влетели в громадный полутемный храм, в котором колоннами служили прямые стволы деревьев.

И тогда Пашка увидел то, что раньше высмотрели птицы: по лесу бежал Ручеек.

Он перебегал от ствола к стволу, отбиваясь от преследователей – стай коротких полосатых ящериц на длинных мускулистых лапах с массивными, похожими на крокодильи головами. Ящерицы были размером со среднюю собаку, и, наверное, каждая в отдельности была не очень опасна для вооруженного человека, но когда их больше десятка!..

Ручеек, как видно, бежал из последних сил. Он прихрамывал, движения его были неточными, ящерицы яростно наскакивали на него. Вот самая смелая бросилась вперед, широко разинув желтую пасть, усеянную треугольными зубами. Все же блеск меча заставил ее отступить и спрятаться в стае.

– Ручеек! – закричал Пашка. – Держись!

Птицы опередили Гай-до, они с трудом летали между стволами, задевая деревья концами громадных крыльев, и отчаянно кричали. Ящерицы при виде птиц остановились. Они поднялись на задние лапы, опираясь на короткие хвосты, будто надеялись сбить птицу, если она опустится слишком низко.

И тут в битву вмешался Гай-до.

Он включил свою оглушительную сирену, перепугав не только ящериц, но и птиц, которые с криком взмыли вверх, и Ручейка, не понявшего, откуда идет такой страшный вой.

В следующую секунду Гай-до коснулся земли. Пашка включил внешний микрофон и закричал:

– Не бойся, Ручеек, это я, Павел Гераскин!

Ящерицы постыдно улепетывали.

Пашка выскочил из люка и подбежал к Ручейку.

– Ты не ранен? – спросил он.

– Пашка, друг! – обрадовался юноша. – Как хорошо, что ты пришел!

– Тебя не ранили?

– Нет, устал только. Я боялся, что не хватит сил отбиваться от этой дряни, ведь до Убежища еще далеко.

– Тебе километров пять еще осталось, – сказал Пашка. – Как там дела?

– Не беспокойся, – сказал Ручеек, переводя дух и опускаясь на кочку. – Твои подруги в безопасности, они в доме у Вепря. Никто их не тронет.

– А Белка? – спросил Пашка.

– И Белка там же.

– А ты почему в лес пошел?

– Они начинают поход на день раньше. Об этом Алиса узнала. Она у тебя отважная девчонка.

– Знаю, в одном классе учимся, – согласился Пашка.

– Друзья вывели меня из Города, – продолжал Ручеек, – я должен был взять коня в деревне. Но коней нет, их всех отобрали для похода. Вот мне и пришлось бежать пешком. Всю ночь... Устал страшно.

– Ничего, мы с Гай-до мигом тебя домчим до Убежища.

– Как хорошо! – сказал Ручеек. – А то сил не осталось. И каждая минута на счету.

– Ничего подобного! – раздался сверху пронзительный голос. – Ручеек полетит в Убежище с нами. – Это говорила Алина, которая сидела на большом суку прямо над их головами. – Еще чего не хватало – лететь в железном яйце! Как упадет да как кокнется – костей не соберешь!

– Ну уж, – обиженно сказал Гай-до, – где это вы видели, чтобы я падал и кокался?

– А сегодня утром в лесу? Кто валялся чуть не кокнутый и не мог взлететь?

– Но у меня топлива не было.

– Вот я и говорю, – рассмеялась птица. – Какой же ты летун, если без топлива не можешь?

– А если тебя два дня не кормить, как ты полетишь?

– Хватит, хватит! – приказал Пашка. – Сейчас не время для ссор, друзья!

Алина опустилась на землю и подошла к Ручейку.

– Ну как, полетим или будем глазеть на железное яйцо?

– Не сердись, Алина, интересно, – сказал Ручеек, – я никогда еще не видел космического аппарата. А тем более говорящего.

– В этом отношении я уникален, – сказал Гай-до.

Но тут Ручеек поднял голову и стал прислушиваться.

Птицы тоже насторожились.

– Кто-то едет, – сказал Ручеек, поднимая меч.

– Два коня, – сказала Алина и взлетела на толстый сук.

– Один конь со всадником, второй без всадника, – сказала сверху вторая птица.

Все обернулись в ту сторону, откуда доносился стук копыт.

Между деревьями мелькнуло что-то белое.

В следующую минуту стало ясно: скачут два единорога.

На одном сидела верхом Белка. Второй был без всадника.

– Ручеек! – закричала издали Белка. – Ты живой? Какое счастье!

Единороги одновременно замерли, кося глазами на Гай-до, который стоял среди сломанных ветвей и кучи листьев, сорванных с деревьев при посадке.

Белка спрыгнула с единорога и кинулась к своему Ручейку.

Она плакала от радости. Пышная копна черных курчавых волос скрыла лицо Ручейка. Он гладил Белку по плечам и успокаивал:

– Ну что ты, все в порядке, все живы, здоровы! Я рад тебя видеть.

– Ты ничего не понимаешь, – заговорила сквозь слезы Белка. – Это мое счастье, что единороги убежали от моих братьев. Я выскочила на улицу, темно, вокруг враги... и тут стук копыт. Они тоже меня узнали. Им в Городе плохо было, они воевать не хотят, они в лес хотели, они знали, что я в Городе, и искали меня, а я думала, что все-все погибли, и бородача убили, а Алисочка... – тут Белка зарыдала.

– Что, – кинулся к ней Пашка, – что с Алисой?

– Их поймали! И Алису, и Ирию. Их поганый Вери-Мери предал, чтоб ему в колодец беспамятства провалиться! Гадкий, поганый, он меня выследил и вкушецов привел! Бородач их у ворот встретил. Он сражался, и Моро-Пари сражался, а их убили... А Ирию с Алисой в собор повезли, там их казнить будут, а я побежала, а единороги меня увидели, они все понимают...

Белка говорила сбивчиво, плакала, сама себя перебивала, но Пашка уже все понял.

– Где? – спросил он. – Где казнить?

– Их повели в собор, а потом к колодцу беспамятства.

– Где это? – обернулся Пашка к Ручейку.

– На холме посреди Города.

– Все! – крикнул Пашка. – До встречи!

– Я с тобой! – Ручеек побежал за ним.

– Справимся, – сказал Гай-до, – у тебя свой долг. Ты забыл, что должен предупредить Убежище?

Пашка прыгнул в люк. Люк мгновенно закрылся. Пашка сел в пилотское кресло. На экране внешнего вида он видел, как Ручеек что-то говорит птицам, и те одна за другой взмывают ввысь. Единороги преклонили колени и опустили к земле золотые рога. Белка и Ручеек вскочили на единорогов. И последнее, что увидел Пашка, прежде чем Гай-до, прорвав листву, вылетел снарядом в небо, были скачущие по лесу на прекрасных белых единорогах Ручеек и Белка. Они скакали рядом, держась за руки.

Глава двадцать девятая
В ПОСЛЕДНИЙ МОМЕНТ

Под гогот толпы воины развязали Вери-Мери, тот ступил на борт колодца, испуганно вращая глазами.

– Нет! – закричал он вдруг. – Я не могу! Я боюсь!

И, сделав неосторожный шаг, упал в колодец.

Все замерли от неожиданности. И слушали... Секунд через десять донесся глухой далекий всплеск... и все затихло.

Дверца шкафа раскрылась, и оттуда выглянул Клоп Небесный.

– Что случилось? – спросил он.

– К сожалению, ваше Беспамятство, – ответил толстый вкушец, – презренный пигмей наказал себя больше, чем мы того хотели.

– Прискорбно, прискорбно! – сказал Клоп. – Но к счастью, перед смертью он успел завещать нам, вкушецам, свое имущество. А это искупает его грехи. Продолжайте казнь!

Он схватил ближайший мешок с золотом и утянул его в шкаф.

Толстяк прокашлялся и произнес:

– Теперь мы приступаем к казни двух женщин, пришедших к нам с заданием помников. Одна из них старалась убить самого Повелителя Ради-

кулита. Вторая нападала на поклонов. Так как наша задача – искоренять террор во всех его видах, мы этих подглядчиц обязаны казнить. Какую первой? – обернулся он к приоткрытому шкафу.

– Вместе, вместе! – отозвался Клоп Небесный из шкафа. – И не отвлекай меня, я считаю завещанное имущество.

Из шкафа слышался звон монет.

Воины вывели Алису и Ирию из клетки.

И тут по толпе прокатился гул возмущения. Жители столицы привыкли к казням, даже любили на них глазеть. Но казнить беспамятством девочку – этого еще не случалось. Да и красота Ирии произвела на зрителей впечатление.

– Отменить казнь!

– Детей казнить нельзя!

– Что вы делаете, изверги?

С каждой минутой толпа шумела все громче. Толстый вкушец растерянно посмотрел на шкаф.

Клоп Небесный высунул оттуда нос и крикнул:

– Исполняй, и скорее!

Воины вытащили мечи и старались остановить толпу, которая напирала на них.

Ирия решила воспользоваться этим замешательством и крикнула Алисе:

– Бежим!

И понеслась по площади.

Алиса за ней.

Может быть, они и убежали бы, тем более что толпа раздалась, пропуская их, а многие кричали:

– Давай! Скорей! Мы задержим стражу!

Но, как назло, на пути оказалась толпа мудрецов, они окружили Кошмара и хором твердили:

– Мудрость – это незнание!

– Мудрость – это незнание, – покорно повторял за ними мудрец Кошмар.

При виде бегущих он вдруг ожил и закричал:

– Бегать нельзя! – и кинулся им наперерез.

Ирия успела увильнуть, а Алиса споткнулась о выставленную ногу и рыбкой полетела вперед.

Ирия пробежала еще несколько шагов и поняла, что Алиса отстала. Она бросилась обратно. Алиса кричала:

– Беги! Беги!

Но было поздно. Толпа вооруженных вкушецов накинулась на них.

Алиса и Ирия сопротивлялись, как пантеры. Их растащили и поволокли к колодцу. Толпа пыталась отбить их, но вкушецы обнажили мечи, и на площади полилась кровь.

Вот все ближе колодец... Над ним уже покачивается платформа...

Но в тот момент, когда Алису уже втаскивали на борт колодца, с неба, из облаков, послышался громовой голос:

– Несчастные! Остановитесь! Или я поражу вас молнией!

От этого голоса вкушецы замерли, затем бросились врассыпную. Зеваки, сшибая друг друга, неслись за ними вслед, сзади семенили мудрецы. И через минуту на площади остались только Алиса с Ирией и мудрец Кошмар.

Гай-до медленно и торжественно опустился возле колодца.

Люк раскрылся, и из него выскочил Пашка Гераскин.

– Как хорошо, что ты успел! – сказала Алиса. – Еще бы пять минут...

– И что? – спросил Пашка.

– И что? – спросил встревоженно Гай-до.

– Мы бы вас уже не узнали, – сказала Ирия, протягивая к Пашке руки, чтобы обнять его.

– Это колодец забвения? – спросил Гай-до.

– Он самый, – сказала Алиса. – А как вы догадались, где нас искать?

– Нам сказала Белка, – ответил Пашка. – Мы ее встретили в лесу.

– Как же она успела?

– Ей помогли единороги, – ответил Пашка.

Гай-до покачнулся и выпустил манипулятор. На конце его был шнур с небольшим контейнером. Гай-до взмахнул манипулятором, чтобы забросить контейнер в колодец и взять в нем воздушную пробу.

Как раз в этот момент Клоп Небесный выполз из шкафа и, волоча за собой мешок с сокровищами пигмея, пополз в сторону. Увидев манипулятор, он решил, что страшная железная рука тянется именно к нему. Иначе зачем бы ему прыгать в сторону? А прыгнув в сторону, обезумевший от страха жрец попал прямо на платформу. С визгом начали разматываться тросы... Еще мгновение – и жрец скрылся внизу.

– Ой! – закричал Гай-до. – Скорее! Остановите его! Он погибнет!

Тросы размотались и замерли. Платформа была глубоко внизу.

– Ничего, – сказала Алиса, – они потом придут, его вытащат и научат полезному для общества труду.

– Значит, его не надо вытаскивать? – спросил Гай-до.

– Этим ему уже не поможешь, – сказала Ирия.

– Как там наши? – спросила Алиса.

– Они здоровы, – уклончиво ответил Пашка. – Они чувствуют себя хорошо.

– Они тебя узнали?

– Пока еще нет, – сказал Пашка.

– Все ясно, – вздохнула Ирия. – Я уже нагляделась на больных этой болезнью.

– Простите, какой болезнью? – спросил, подходя, мудрец Кошмар.

– Той, от которой вы уже никогда не излечитесь, – ответила Ирия.

– А разве надо? Я отлично себя чувствую, – сказал Кошмар.

Он пошел к колодцу.

Ирия развернула его в другую сторону, подтолкнула в спину и приказала:

– Идите и не оглядывайтесь. Ваш дом там!

И мудрец послушно побрел с площади.

Что говорить о встрече Ирии с Тадеушем? Это была печальная встреча. Он не узнал свою любимую жену, хотя Алиса в глубине души надеялась, что любовь окажется сильнее беспамятства.

Они стояли в большой комнате под библиотекой лесного города.

Беспамятные земляне и атланты смотрели на Алису и Ирию не узнавая. Как на чужих.

Ирия подошла к Тадеушу, протянула ему руку. Тадеуш взял руку, поглядел, наморщился, будто стараясь что-то вспомнить, потом сказал:

– Простите, – и отошел в угол.

– Я надеюсь, – произнес доктор Хруст, который был огорчен не меньше землян, – что на Земле вы скорее найдете способ вылечить своих друзей.

– Конечно, найдем, – сказал Пашка. – Гай-до уверяет, что он на пути к отгадке.

Алисе хотелось плакать. Но она и виду не подала, как ей тяжело. Она стояла рядом с Ирией и держала ее за руку. Пальцы Ирии были холодными, а в глазах такая тоска, что представить себе трудно.

– Больным надо отдыхать, – сказал доктор Хруст. – Мы их подготовим к отлету. Вы когда собираетесь улетать?

– Мы бы хотели улететь сейчас же... – начала Ирия. Но тут же взяла себя в руки: – Мы ваши гости. Мы знаем, что войско Радикулита и его поклонов движется к вашему Убежищу. И мы считаем своим долгом остаться с вами, чтобы помочь отразить нашествие.

– Спасибо, – сказала Зарница. Ее большие добрые глаза были полны слез, она понимала, каково сейчас приходится Ирии. Ведь муж Зарницы, один из учителей, погиб два года назад, попав в засаду отряда вкушецов. – Спасибо, но мы отразим это нашествие без вашей помощи. Ручеек успел нас предупредить, и мы готовы к бою. Мы уже знаем об электричестве.

Зарница показала на потолок, и тут только Алиса поняла, что над их головами светит настоящая электрическая лампочка. Слабенькая, но ярче свечей и факелов в королевских дворцах.

– Мы протянули вдоль рва проволоку и пустили по ней ток. А если ток не поможет, у нас есть порох и пушки.

– Хорошо, – сказала Ирия, – тогда мы улетаем... через час?

– Раз у вас остался час времени, – сказала Зарница, – я предлагаю навестить нашего учителя, уважаемого Книгочея. Он ждет вас.

– А зачем? – спросил Пашка, которому очень хотелось остаться в Убежище и сражаться с рыцарями, хотя он понимал, что Ирия этого не позволит.

– Сегодня учитель нашел архив одной лаборатории... и разгадал загадку нашей планеты.

– Да, мы пойдем к нему, – сказала Ирия, – это очень интересно и важно.

– Разгадка странная, – сказал профессор Хруст. – Мне даже трудно было в нее поверить. Но человеческая натура порой так удивительна. Человек хочет добра и наносит непоправимый вред. Бывало ли так на вашей уважаемой Земле?

– Да, бывало, – коротко ответила Ирия.

Они вышли из библиотеки. На улицах лесного города царило оживление. Даже дети были заняты делом. Некоторые несли боеприпасы, другие спешили куда-то с заступами и лопатами. Стайка девочек в белых халатах с рулонами бинтов пробежала мимо...

Доктор Хруст подвел своих спутников к старому, вросшему в землю зданию. Дверь была открыта. За ней тянулся длинный, узкий коридор. По сторонам его были стеллажи с кассетами и микродисками.

Навстречу им вышла пожилая женщина в сером халате.

– Идите, – сказала она, – учитель ждет.

Учитель оказался древним стариком.

Он сидел за большим столом, заваленным кассетами и листами бумаги. При виде гостей он поднялся.

– Здравствуйте, люди Земли, – сказал он. – Я рад, что дождался вас. Я знаю об экспедициях на Землю и прочел документы о них. Но за прошедшие годы вы ушли далеко вперед. И обогнали нас.

– Нам сообщили, что вы знаете причину катастрофы на Крине, – сказала Ирия.

– Да. Я искал ответ на эту загадку многие годы. И только теперь мне открылась правда. Садитесь, мои дорогие гости. Я знаю, что вас постигло несчастье, но оно лишь малая доля того несчастья, что обрушилось когда-то на нашу планету.

Гости расселись.

– Двести пятьдесят лет назад, – продолжал учитель Книгочей, – наша планета была одним из ведущих центров галактической науки. Мы поко-

рили космос, мы достигли многого. Но не достигли счастья. Да и можно ли его достичь?

– Нет, – сказала Ирия. – Счастье в пути, в движении, в борьбе. Полного счастья не бывает.

– Именно так, – согласился старик. – Но среди жителей Крины был один ученый, гениальный, но наивный ум, который решил, что все несчастья людей проистекают оттого, что они слишком многое помнят. Они помнят все обиды и потери, все разочарования и беды. Видно, он сам пережил когда-то тяжелую утрату или оскорбление, но документы об этом молчат. В то время он работал над изучением поля, открытого им, – поля, которое стирало у живых существ память. Это поле было всепроникающим и опасным. Но наш гений не думал об опасности. Ему в этом поле виделось всеобщее лекарство от всех бед человечества. Он утверждал, что если человек забудет обо всем, то, начав жизнь сначала, он будет счастлив. Беда его заключалась в том, что он решил за всех людей, что им нужно для счастья. Он полагал, что сам отсидится в подземном убежище, а потом выйдет наружу и научит людей добру. Но поле, выпущенное им, окутало всю планету и проникло во все подземелья. Память потеряли все без исключения. В том числе и сам изобретатель. Вот и вся история.

Старик замолк.

Остальные тоже молчали.

Потом Пашка спросил:

– А когда поле исчезло?

– Оно не исчезло совсем, – сказал учитель. – Остатки его вы можете найти в глубоких шахтах. Говорят, что следы его есть на вершинах высоких гор... Но я не могу проверить эти слухи.

– Это так, – сказала Ирия. – Теперь это поле окутывает планету на высоте восьми километров. Наш корабль Гай-до, узнав, что «Днепр» не выходит на связь с Землей, заподозрил неладное. Он сумел окружить себя силовой защитой и тем самым спасти нам жизнь.

– Значит, ваши товарищи потеряли память не в лесу? – спросил Хруст.

– Нет, – сказала Ирия. – Они потеряли память перед посадкой. Они спустились, уже не понимая, что с ними происходит, кто они и куда попали.

– Я выражаю вам свое сочувствие, – сказал учитель. – И надеюсь, что мое открытие может быть вам полезно.

На улице их ждал Ручеек.

– Все в порядке? – спросил он, широко улыбаясь. Через плечо у него висел большой лук, у пояса колчан. – Летите осторожней.

– Мы обязательно вернемся, – сказал Пашка.

– Тогда я вас приглашаю на свадьбу.

– С Белкой? – спросила Алиса. И подумала: «Хоть одна хорошая новость за день».

– Конечно, с Белкой.

– А где она? – спросила Ирия. – Мне бы хотелось с ней попрощаться. Она славная девочка.

– Она единорогов в лес повела. Она обещала им свободу.

– Когда мы вернемся к вам, – сказала Алиса, – я обязательно с ними встречусь. Они очень красивые. И конечно, они все понимают.

– Может, подождете? Белка должна скоро вернуться.

Ирия отрицательно покачала головой.

– Понимаю, – сказал Ручеек. – Но учтите, свадьбы без вас не будет. И если не прилетите, мы с Белкой так и не поженимся.

– Прилетим, – сказал Пашка.

– Передавай привет своей сестре Речке, – сказала Алиса.

– Обязательно. Я как раз иду ее встречать.

Из дома в сопровождении Зарницы и доктора Хруста вышли потерявшие память земляне. Капитан Полосков, механик Зеленый и Тадеуш. Атланты оставались на родной планете и здесь будут ждать, пока на Земле найдут лекарство от беспамятства.

Механик Зеленый посмотрел на небо, по которому бежали кучевые облака, и сказал:

– Погода испортится. Имейте в виду, что я предупреждал, что это хорошо не кончится.

– По крайней мере, характер у него не изменился, – сказала Алиса.

Они подошли к Гай-до, который ждал их на краю площади.

Над Гай-до кружились белые птицы.

– Никакая ты не птица, – говорила Алина. – Ты толстое яйцо, которое летает по недоразумению. Ты – живое оскорбление всем нам, пернатым.

– Учтите, что я вовсе не пернатое, – отвечал Гай-до. – И если вздумаете снова соревноваться со мной, предупреждаю, что на этот раз я лечу за пределы атмосферы, а вам там делать нечего.

– А мы и не собираемся за пределы! – ответила птица. – Мы хотели с мальчиком попрощаться. Он отважный мальчик.

– До свидания! – крикнул птицам Пашка. – Передавайте привет Альте. Пускай скорее поправляется.

– Счастливо, смелый мальчик! – сказала Алина, и птицы поднялись высоко в небо.

– Ну что ж, – вздохнул доктор Хруст, – мы рады, что с вами познакомились.

Он церемонно пожал всем руки. А Пашку хлопнул по плечу и добавил:

– Жду в гости. Жена обещала испечь пирог, который тебе так понравился.

– Скорей, скорей, – сказал Гай-до. – Тут все меня отвлекает. А я должен сообщить, что у меня возникли некоторые важные идеи. Я, кажется, нашел путь нейтрализовать поле беспамятства. Но для размышлений мне нужно спокойствие космического пространства.

Алиса первой вошла в кораблик. И обернулась, потому что услышала голос Тадеуша:

– Ирия... Ты знаешь Ирию? – Он смотрел на свою жену, наморщив лоб и мучительно стараясь что-то вспомнить.

– Милый, – сказала Ирия и взяла его за руку.

Так вместе они и вошли в корабль. Последним забрался Пашка. Люк закрылся. Алиса хотела провести космо-

навтов в трюм, но увидела, что они стоят перед пультом и рассматривают его, как что-то знакомое. И Алиса решила, что рубка корабля – лучшее лекарство для космонавтов.

А Ирия села рядом с Тадеушем на диван и смотрела на него.

– Я поведу тебя, – сказал Пашка кораблику, садясь на место пилота.

– Веди, – сказал Гай-до, который отлично мог сам себя вести, но не хотел обижать друга.

Они поднялись над городом. Алиса смотрела в люк на разрытые улицы, на деревья и развалины.

– Ты куда? – услышала она голос Пашки. – Я тебе этого курса не задавал!

– Две минуты, только две минуты, – ответил Гай-до. – Не мешай мне, дружок.

Вместо того, чтобы подниматься, кораблик взял курс на юг, в сторону столицы. Вот мелькнула внизу река... а вот впереди показались клубы пыли – вдоль леса двигалось войско Радикулита.

– А ну, держитесь! – сказал Гай-до.

Он резко пошел вниз и на бреющем полете промчался над войском.

Появление его было таким неожиданным и таким страшным, что кони и быки бросились в разные стороны, воины приседали, бросая оружие. Телохранители кинули паланкин с Радикулитом, зубоврачебное кресло упало, и сам Повелитель закатился в камыши.

Удесятеряя панику, с неба гремел голос Гай-до:

– Остановитесь, безумные! Не смейте идти в лес! Поверните домой, несчастные! Ни один из вас не вернется живым, если посмеет напасть на Убежище помников!

Сказав так, Гай-до включил сирену...

Дорога опустела, лишь валялись в пыли брошенные копья и опрокинутые осадные орудия.

И только после этого гордый своей выдумкой Гай-до взял курс к Земле.

На высоте восемь километров от Крины он включил силовое поле. Еще через полчаса перешел на космическую скорость. Планета Крина быстро уменьшалась на экранах.

ЭПИЛОГ

Еще в полете Гай-до догадался, как уничтожить поле забвения. А на Земле, через три недели лечения, к космонавтам полностью вернулась память. Правда, Тадеуш уже к концу обратного пути вспомнил, что любит Ирию. Так что его лечение прошло куда быстрее. Алиса полагала, что это сделала любовь, а Пашка считал, что сильный характер и педагогические способности Ирии.

Алиса снова попала на Крину только через шесть лет, уже студенткой. В Городе она встретила многих знакомых.

Ручеек стал строителем. Они с Белкой жили у самого моря, а их дети – мальчик и девочка – научились плавать раньше, чем ходить. Бывший мудрец Кошмар, который теперь получает пенсию и умеет читать, с утра уходит на пляж, следит за малышами в подзорную трубу и кричит пронзительным голосом:

– Вернитесь! Я вас почти не вижу!

Иногда к нему присоединяется бывший предатель пигмей Вери-Мери. Он держит лавочку на базаре, торгует дарами леса и клянется, что ровным счетом ничего не помнит о своем темном прошлом.

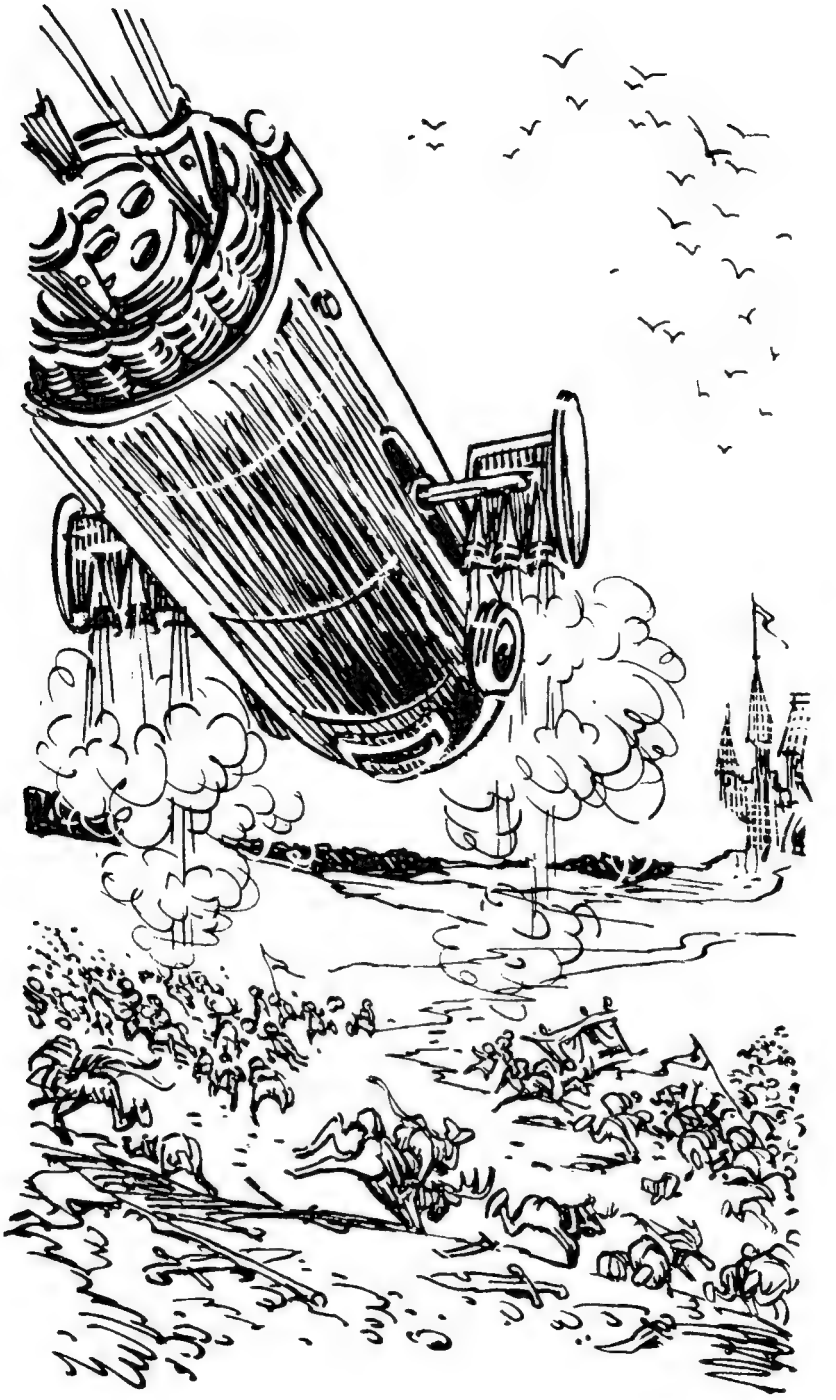
Афродита открыла модный салон «Московский стиль», она сама шьет, а все деньги, что зарабатывает, тратит на коллекцию кукол.

Старые атланты Мастер и Посейдон живы и до сих пор работают. Лекарство от беспамятства, которое привезли с Земли Алиса и Гай-до, позволило атлантам вспомнить все, чему они научились за долгую жизнь. Так что теперь их опыт очень пригодился на Крине.

Когда Алиса отправилась в лес изучать диких животных, с ней полетела туда Речка. Она живет в Убежище, работает на станции по изучению леса, директор которой – профессор Хруст. В лесу Алиса встретила братьев Кротов. Они – лесные объездчики. Единороги к ним вернулись.

В лесу Алисе пришлось пережить много приключений.

Но это уже совсем другая история.



Удесятеряя панику, с неба гремел голос Гай-до:
– Остановитесь, безумные! Не смейте идти в лес!

Подземная лодка

Глава первая
ДИПЛОМНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

– Здравствуйте, дорогие дипломники, – сказала Светлана, входя в класс.

Десять семиклассников биологической школы окружили ее.

– Садитесь, – сказала Светлана. – Столы и кресла вам уже малы. Почему вы так быстро растете?

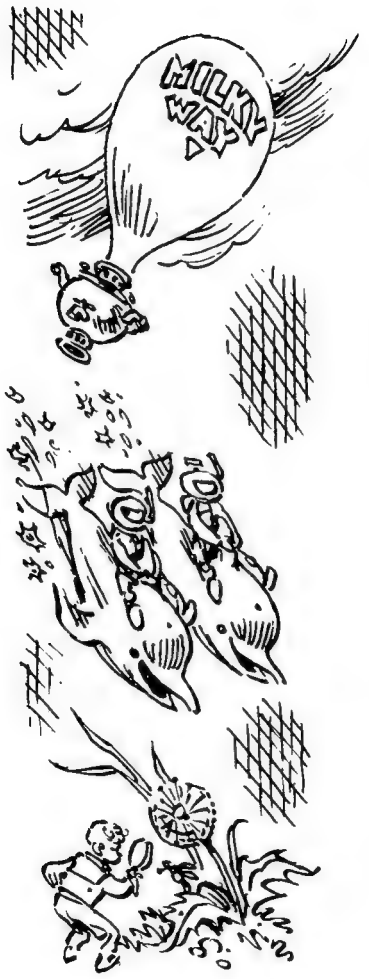
– Вы еще посмотрите, как мы за лето вырастем, – сказал Джавад, который и без того был выше Светланы.

– Все пришли? Никто не заболел? Никто не улетел на денек на Луну? Никто не купается на Гавайских островах? – спросила Светлана, усаживаясь в учительское кресло.

– Если вы меня имеете в виду, – сказал Пашка Гераскин, – то я пришел сегодня раньше всех.

– Этого не может быть!

– Мне тоже свойственно ошибаться, – признался Пашка. – Я становлюсь рассеянным.



– Он хочет сказать, что становится великим, – пояснил Аркаша Сапожков.

– Мне очень приятно, – сказала Светлана, – что в нашем классе будет великий выпускник. Но пока займемся делом. Итак, вы должны мне сегодня сказать, какие путешествия вы себе придумали.

Наступила тишина. Никто не хотел говорить первым. Диплом, который надо защитить после седьмого класса, называется «Необыкновенное путешествие». За месяц надо путешествие совершить, а потом написать о нем необыкновенный отчет. Задача сложная.

– Хорошо было сто лет назад, – сказала Маша Белая.

– Еще бы, – подхватила ее близняшка – Наташа Белая. – Любое путешествие было необыкновенным. Даже на Луну семиклассники еще не летали.

– А еще лучше было тысячу лет назад, – сказал Илюша Чашков. – Тогда еще паровоз не изобрели.

– Надо ли ваши слова понимать так, что вы ничего интересного не придумали? – спросила Светлана.

– Я придумал, – сказал Джавад. – Я уже начал делать воздушный шар, чтобы совершить на нем беспосадочный полет вокруг света.

– Уже летали! – сказал Пашка.

– А я полечу быстрее, – сказал Джавад.

– Очень хорошо, – согласилась Светлана. – Необыкновенным может стать даже обычное на первый взгляд путешествие.

– Конечно! – воскликнула Маша Белая. – Мы с Наташей договорились с дельфинами, что они нас перевезут через Средиземное море.

– И если будет хорошая погода, мы поплывем к Азорским островам, – сказала Наташа.

– Верхом на дельфинах? – удивился Аркаша. – Но ведь это опасно.

– Неужели дельфины дадут нам утонуть? – обиделась Маша.

– Ну а ты, Аркаша? – спросила Светлана. – Ты, наверное, придумал что-то необыкновенное.

– Я совершу путешествие вокруг нашей дачи.

– Как так?

– Я обойду всю дачу и буду наблюдать, как живут насекомые, как растут цветы.

– Теперь я понял, почему он испугался за близняшек! – сказал Пашка. – Сам-то выбрал самое безопасное путешествие на свете. Но если увидишь незнакомую собаку, сразу зови бабушку на помощь.

– Я постараюсь, – улыбнулся Аркаша. – Только она не услышит. Потому что я сначала уменьшусь в сто раз.

– Молодец, – сказала Алиса. – Жалко, что ты меня обогнал.

– Ты тоже хотела путешествовать вокруг дома? Тогда пошли вместе.

– У меня была другая идея, – сказала Алиса. – Я тоже хотела воспользоваться открытием куньминьского физика Ли Чуси, который научился уменьшать живые существа. Я собралась повторить путешествие Нильса на диких гусях. В Африку.

– Одно другому не мешает, – сказала Светлана. – Это два различных путешествия.

– Я подумаю, – ответила Алиса. Она была огорчена. Какая же она наивная! Решила, что никто, кроме нее, не подумает об уменьшении.

И пока другие ребята рассказывали о своих планах, Алиса размышляла, может быть, в самом деле отправиться в путешествие вместе с Аркашей? Или все-таки полететь на гусях?

– Гераскин, – услышала она голос Светланы, – что же ты молчишь? Опять рассеянность подвела?

– Не надо иронизировать, Светлана, – серьезно ответил Пашка. – К великим людям нужен особый подход, деликатный. Мы очень ранимы.

– Извините, – сказала Светлана. – Но учти, хоть ты и очень великий, дипломную работу я с тебя спрошу. Иначе в восьмой класс не перейдешь.

– Есть у меня одна мысль... – сказал Пашка. – В общем, я решил совершить путешествие к центру Земли.

– Ого! – сказал Илюша Чашков. – Ради такого путешествия я согласен отказаться от моей идеи.

А идея у Илюши была интересная – он хотел проплыть подземной рекой, что течет под Сахарой.

– Это невозможно, – сказал Аркаша. – Даже взрослые еще не были в центре Земли. Это невероятно трудная задача. Ты забыл, какое там давление?

– Я ничего никогда не забываю, – сказал Пашка.

– Подземный корабль еще только проектируется! – воскликнул Джавад.

– Корабль, может, и проектируется, но подземная лодка уже существует, – отрезал Пашка.

– Хорошо, – улыбнулась Светлана. – А теперь каждый из вас по очереди подходит ко мне и сообщает все детали путешествия, чтобы я убедилась, что оно безопасно. Кто первый? Ты, Илюша? Тогда оставайся в классе, а остальные свободны. Вы сами договоритесь, кто пойдет ко мне следующий.

В школьном саду Пашка отозвал Алису в сторону.

– Слушай, мой юный друг, – сказал он. – Чует мое сердце, что ты расстроена оттого, что узурпатор Сапожков украл у тебя идею.

– То-то и обидно, что он не крал, – сказала Алиса. – По крайней мере, с точки зрения науки его путешествие более интересное.

– Лилипут бегает в траве от кузнечика! Тоже мне путешествие! Алиска, предлагаю: присоединяйся ко мне.

– Зачем?

– Мне нужен верный напарник. Моя идея уникальная, но одному, пожалуй, не справиться.

– Тогда расскажи, в чем дело.

– Потом. Сейчас ты дашь мне согласие, я расскажу обо всем Светлане, сообщу, что мы едем вместе.

– Пашка, а я знаю, зачем тебе это нужно.

– Зачем?

– Ты боишься, что Светлана тебя одного не отпустит. Признавайся немедленно! Или я с тобой не поеду.

– Значит, поедешь! Жди меня здесь. Я побежал к Светлане.

Вышел он от Светланы минут через десять. И тут же, поманив Алису за собой, побежал к стоянке флаеров.

– Что она тебе сказала? – спросила Алиса.

– Разве это так важно? Главное – мы с тобой вдвоем отправляемся в невероятное и удивительное путешествие к центру Земли.

Глава вторая
КУЗНЕЦ СЕМЕН ИВАНОВИЧ

– Сейчас ты увидишь гения, – сказал Пашка Гераскин, направляя флаер вниз, к тихой извилистой речке, отороченной ивами. Речку пересекала запруда, у которой стояла старая седая мельница. Водяное колесо медленно вращалось, с него, сверкая под солнцем, стекали струи прозрачной воды.

За мельницей была видна крыша еще одного дома – тоже старого, бревенчатого, под тесовой крышей. Из трубы поднимался дым.

– Что это такое? – удивилась Алиса.

Ничего не ответив, Пашка посадил флаер на площадке перед мельницей. Слышно было, как из дальнего домика раздаются гулкие короткие удары.

– Пошли! – Пашка первым направился туда. Широкая дверь была распахнута. Над ней прибита вывеска:

КУЗНИЦА

Кузнец Семен
Как слон силен

ПОСЛЕДНИЙ НАСТОЯЩИЙ КУЗНЕЦ
В ГАЛАКТИКЕ

– Семен Иванович! – сказал Пашка, заглядывая внутрь. – Можно к вам?

– Заходи, коль не шутишь, – раздался в ответ сиплый голос. И снова послышались быстрые удары.

Они вошли внутрь кузницы. Она была невелика и заставлена, завалена железными предметами так тесно, что посреди нее только-только оставалось место для горна и наковальни, возле которой стоял сам кузнец и небольшим молотом стучал по раскаленной докрасна старинной алебарде.

Кузница была удивительной. В первое же мгновение Алиса увидела в ней множество вещей, которые встречаются только в музеях. Там лежала груда лошадиных подков, наконечников копий, алебард, стояли прислоненные к стене решетки и спинки железных кроватей, на гвоздях, вбитых в стены, висели амбарные замки и стремена...

Но удивительнее всего был сам кузнец.

Он был не очень высок ростом, но казался великаном, которого так стукнули по голове молотом, что он вдвое уменьшился, раздавшись во все стороны. Математик бы сказал, что этот человек точно вписывается в куб. Алиса подумала, что этот человек похож на старинный сундук.

– Ну что, решился? – спросил кузнец у Пашки.

– Я ни минуты не сомневался.

– Тогда погоди, – сказал кузнец. – Я еще обед себе не заработал, а уже умираю от голода.

Руки его не переставали работать. Левая быстро и точно двигала раскаленную алебарду, а правая ловко постукивала по ней молотком.

– Павел, – приказал кузнец, – шуруй!

Руки его не переставали работать. Левая быстро и точно двигала раскаленную алебарду, а правая ловко постукивала по ней молотком.

Пашка, видно, был здесь не в первый раз. Он кинулся к мехам и начал работать ими. Кузнец прикрикнул на Пашку:

– Смелей, немощь городская!

Пашка не обиделся.

– Помочь тебе? – спросила Алиса.

– А ты, девочка, иди, собирай цветочки! – сказал кузнец, и этим Алисе сразу не понравился.

Но сам он сразу же забыл об Алисе, потому что снова принялся молотить по железу.

– Все! – закричал он торжествующе и сунул алебарду в бочку с водой.

Поднялось облако пара. Пашка распрямился, потер руки – ему было приятно чувствовать себя помощником кузнеца.

– Ну и как? – спросил он. – Получилось у нас?

Кузнец ничего не ответил. Срывая на ходу фартук, он побежал к мельнице.

– Пошли за ним, – сказал Пашка.

– Но он не звал.

– Он никогда не зовет.

Они вошли в старую мельницу. Внутри обнаружилась обширная кухня. На стеллажах вдоль стен бесконечными рядами стояли банки и бутылки с приправами, специями, вареньями, соленьями, маринадами и соками. С потолка свисали длинные связки лука и чеснока, сушеной мяты и укропа. А вдоль стены тянулся длинный широкий стол, на котором стояли кастрюли, миски, чайники, котлы и сковородки. Еще больше их было на старинной плите с шестью конфорками.

– Зажигай! – приказал кузнец, кидаясь к столу и начиная быстро разделывать карпов, которых вытаскивал из ведра.

Пашка наклонился к сложенным у плиты полешкам, ловко наколол лучины, заложил в плиту и разжег ее.

Алиса глазам своим не верила. Она, честно говоря, впервые в жизни видела, как разжигают плиту, только в сказках об этом читала. И было непонятно, зачем же жечь дрова, если еду приготовит электровакуумный комбайн?

Кузнец, который все еще чистил рыбу, словно угадал ее мысли.

– Чепуха! – зарычал он. – Ты эти современные штучки-дрючки брось. Это, прости, не продукт получается, а самоубийство. Может, для вас,

людишек умственного труда, роботы-шроботы и нужны, а нам это без надобности! Больше огня, Пашка!

– Слушаюсь, капитан! – ответил Пашка, подбрасывая поленья в плиту.

– Девчушка, как тебя кличут? – спросил кузнец.

– Алиса Селезнева.

– Алиска, хватай ведро, беги к колодцу, одна нога там, другая здесь.

– А где колодец?

– Найдешь, не слепая!

Кузнец весело улыбался. Он был совсем не такой страшный, как в кузнице. Голова его казалась полушарием, вросшим в покатый холм плеч. Короткопалые руки были подобны слоновьим ногам. И вообще он был больше всего похож на слона, вставшего на задние ноги, только вместо хобота торчал красный носик, по сторонам которого яростно горели круглые голубые глазки.

Алиса взяла ведро и вышла из мельницы.

Колодец она увидела сразу, он был шагах в двадцати, под большой липой. Над колодцем была двускатная крыша, под ней отполированное руками бревно с намотанной на него цепью. Алиса прикрепила ведро к цепи, и бревно принялось крутиться, позвякивая. Потом ведро плеснуло, ударившись о воду.

Только сейчас Алиса поняла, как здесь тихо и ласково. Только и звуков, что монотонное жужжание стрекоз, кузнечиков, мух и других насекомых, да отдаленное поскрипывание мельничного колеса. Как будто Алиса попала в сказочный, давно ушедший древний мир, в котором никто и не подозревает, что где-то есть флаеры, космические корабли, роботы и марсиане.

Алиса принялась тянуть ведро из колодца. Железная рукоять поворачивалась с трудом, ведро было тяжелым, и Алиса представила себе, как ведро появится сейчас над срубом колодца, а в нем медленно плавает щука, которая спросит:

– Чего тебе надобно, старче?

Она так поверила своей выдумке, что брала ведро осторожно, как бы щука ее не укусила. Никакой щуки, конечно, в ведре не было, но вода в ведре оказалась газированной, она бурлила от пузырьков, что поднимались к поверхности. Алисе даже почудилось, что нести это ведро было очень легко – вода все время стремилась наверх.

Когда она вернулась с ведром, в мельнице работа шла полным ходом. Жарко и весело трещали дрова в плите, шкварчала на сковородке рыба, закипала в кастрюле картошка, кузнец взбивал мутовкой клубничный мусс, Пашка резал хлеб. Он отколупнул кусок корки и сказал:

– Лучше чем пирожное.

– Еще бы, – согласился кузнец Семен, – я сам муку мелю и хлеб пеку. Ко мне за хлебом из Австралии прилетают.

И тут он побледнел, даже пошатнулся от ужаса.

– Соус! – закричал он. – Соус перестоялся!

Он схватил с плиты кастрюльку и принялся бегать с ней по комнате, чтобы остудить.

– А почему у вас вода газированная? – спросила Алиса.

– Это не вода! Это нарзан, лучший в мире нарзан. Наливай в чайник, ставь на плиту, потом бери скатерть и приборы в буфете и быстренько накрывай на стол. Поняла, Алиса-киса?

От кузнеца Семена исходил такой шум, грохот, веселье, столько в нем было жизни, что хотелось смеяться.

– Еще минута – и я помру от голода! – закричал он. – Пашка, сливай картошку, волоки на стол, мечи из подпола сметану, соленые огурцы

и не забудь квас. Мой квас на нарзане – лучший в мире, за ним из Австралии приезжают.

Наконец, через пять минут все было готово и они уселись за стол.

– Начинай! – зарычал кузнец. Он наколол на вилку целого карпа, высыпал из кастрюли десяток крупных, как дыни, картофелин, отломил половину буханки, и в мгновение ока все это исчезло в его пасти.

– Вы Гаргантюа и Пантагрюэль сразу, – сказала Алиса. – Это были такие...

– Не надо объяснений. Я все читал, – ответил кузнец. – Не отвлекай меня, а то аппетит пропадет.

И с этими словами он кинул в рот еще одного целого карпа.

Но больше Алиса на хозяина не смотрела, потому что сама принялась за еду, которая оказалась такой вкусной, что остановиться было невозможно.

Клубничный мусс кузнец есть не стал, пододвинул миски с ним гостям, а сам, вздохнув, сказал:

– Ох, надо мне себя ограничить. С понедельника обязательно сяду на диету.

С этими словами он взял со стола еще одну буханку хлеба и не спеша затолкнул себе в рот.

– А почему у вас в колодце нарзан? – спросила Алиса. – Ведь нарзана в средней полосе не бывает.

– Мой колодец – сверхглубокий, – ответил кузнец. – Я его сделал во время последних испытаний. Нарзан поступает с глубины три километра.

И только тут Алиса вспомнила, зачем они приехали к кузнецу.

Она хотела было спросить про подземную лодку, но кузнец поднял толстый палец и произнес:

– Никаких деловых разговоров. Сейчас все спать, спать, спать. Пища не выносит легкомысленного отношения.

Он с трудом поднялся из-за стола и побрел наружу, где в саду, под яблоней, Алиса увидела помост, заваленный сеном. Там все они и заснули.

Разбудил Алису шмель. Он летал над самым ухом и занудно жаловался на жизнь. Солнце уже стояло низко, тени стали длинными. Слышно было, как поскрипывает мельничное колесо. Пашка спал на сене, раскинув руки и ноги, как парашютист в свободном падении. Кузнеца Семена не было видно. От сена пахло сладко и сонно. Может, еще подремать? Пять минуток?

И тут от мельницы донесся громовой голос кузнеца:

– Вставать, вставать, чай готов!

– Я не хочу чаю, – ответил Пашка, не просыпаясь.

Алиса вскочила. Ей было неловко. Приехали к одинокому мужчине и улеглись спать, а он вынужден заниматься хозяйством.

Кузнец уже сидел за столом. Он сам все приготовил. Притащил самовар литров на сто, сверкающий как раскаленная лава, расставил чашки,

разлил по вазочкам варенье и, главное, испек такую гору пирожков, что над ней поднималась только блестящая макушка кузнеца.

– А мужик твой спит? – спросил кузнец, наклоняясь в сторону, чтобы увидеть Алису.

– Я думаю, он скоро придет, – сказала Алиса. – Он любит все делать сам, не выносит, когда ему приказывают.

– Понял, – сказал кузнец и усмехнулся. И тут же закричал на всю округу: – Павел! Не ходи пить чай! Спи немедленно!

Но его приказ запоздал.

Пашка уже стоял на пороге.

– Ясное дело, – сказал он. – Если дрова пилить, то где Гераскин? А если чай с пирогом, то о Гераскине забыли.

– Представляю тебя занудным стариком, – сказал кузнец. – Ты же всех своих внуков перепилишь.

Пашка стоял в неуверенности – то ли смертельно обидеться, то ли счесть слова кузнеца шуткой. Но кузнец сам решил за него эту задачу.

– Есть выход, – сказал он. – Давай есть пирожки наперегонки. Ты берешь, я беру. Кто последний взял – проиграл.

– Ой! – сказала Алиса. Она уж не знала, когда кузнец шутит, а когда говорит серьезно.

– Давайте, – сказал Пашка, усаживаясь за стол.

Кузнец начал соревнование всерьез. Он глотал пирожки словно горошины, а Пашка тем временем спокойно жевал, запивая чаем, не спешил, только спросил:

– А кто выиграет, что получит?

– Любое желание, – ответил серьезно кузнец.

– Ты же проиграешь! – шепнула Алиса.

– Проиграю – значит, проиграю, – сказал Пашка, продолжая не спеша жевать пирожок. – Хорошие сегодня пирожки у вас получились. Мне сейчас с капустой попались.

– А ты правее возьми, вон там, с брусникой. Сказка!

И не дожидаясь, пока Пашка возьмет пирожок справа, кузнец схватил оттуда пригоршню пирожков. Гора уменьшалась на глазах. Это уже была не гора, а пологий холм, над которым ритмично двигались ручищи кузнеца, словно ковши экскаватора.

И тут Пашка подобрался, словно изготовился прыгнуть.

Пальцы кузнеца скользнули по блюду, подбирая последние пирожки. Пашка мгновенно вытянул руку, схватил предпоследний пирожок и крикнул:

– Я выиграл, Семен Иванович!

Ручища кузнеца замерла над последним пирожком. Он поднял глаза на Пашку, хлопнул белыми ресницами и сказал с уважением:

– На вид маленький, а жуешь как великан. Придется тебе с понедельника садиться на диету вместе со мной.

– Мне это еще не грозит, – сказал Пашка.

– Желание сейчас будешь заказывать или потом?

– Потом, – сказал Пашка.

– Правильно. Тогда часок передохнем и пойдем смотреть машину.

– У меня желание, – сказал Пашка.

– Понял, – ответил кузнец, улыбаясь, – пошли смотреть машину сейчас.

Глава третья
ПОДЗЕМНАЯ ЛОДКА

Кузнец Семен Иванович с трудом поднялся из-за стола и пошел впереди. Хоть ножищи у него были толстыми, все равно Алиса удивлялась, как они выдерживают вес такого тела.

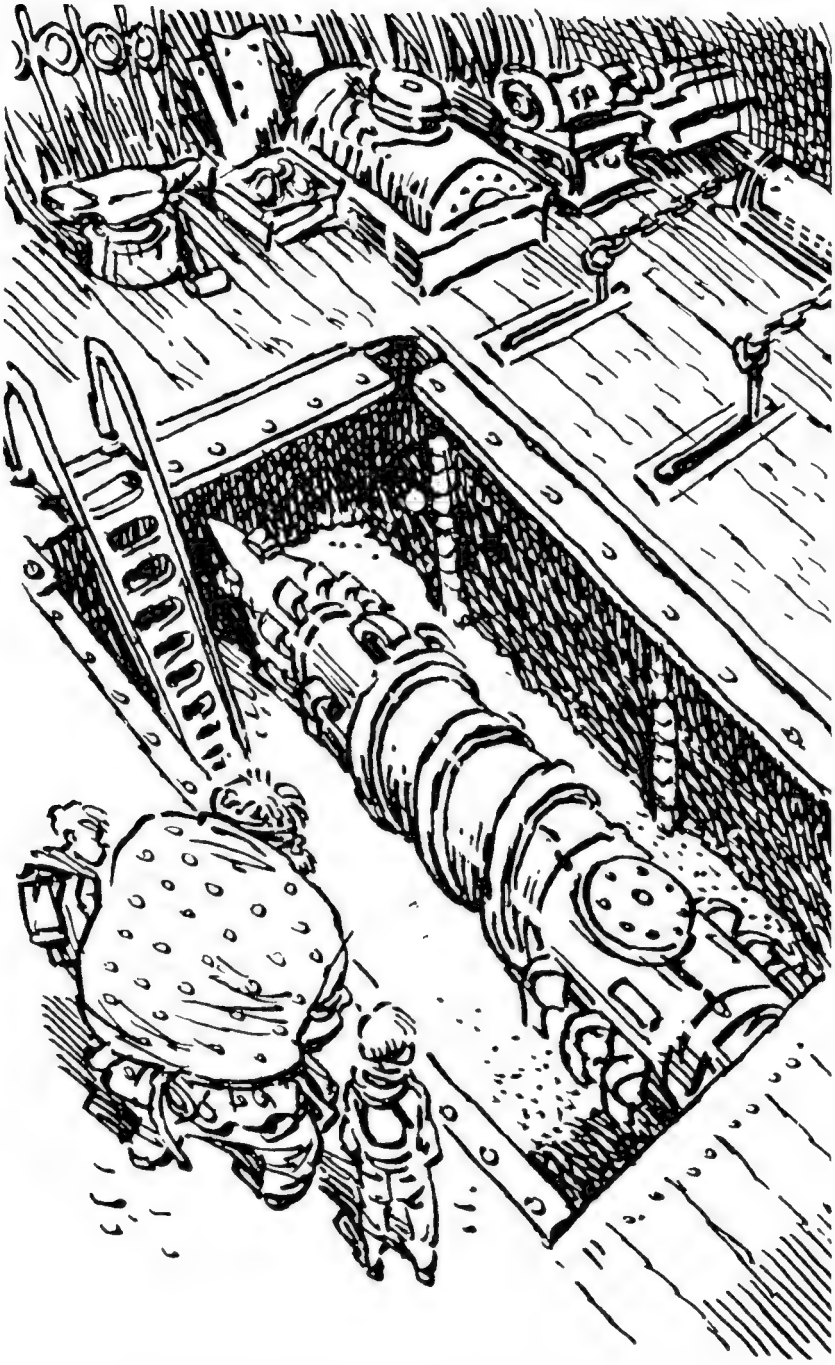
Они миновали колодец, прошли сквозь заросли орешника, и тут Алиса увидела покосившийся сарай. Двери его были заперты на замок. Семен Иванович начал искать по карманам ключ, не нашел, рассердился, рванул замок, дужка отлетела, и он сказал:

– Ничего, завтра починю.

И они оказались в сарае.

Кузнец рванул за большой железный рычаг у двери, и деревянный пол в сарае разъехался у самых Алисиных ног. Образовалась большая продолговатая яма. На дне ямы лежало веретено метров в десять длиной с широкой винтовой нарезкой, отчего Алисе оно показалось похожим на длинный батон с заостренными концами.

– Вот она, моя подземная лодочка, – сказал кузнец Семен. Он включил свет, и яркие лампы, спрятанные под стропилами сарая, залили все белым светом.



– Вот она, моя подземная лодочка, – сказал кузнец Семен. Он включил свет, и яркие лампы, спрятанные под стропилами сарая, залили все белым светом.

Кузнец первым спустился по лесенке к подземной лодке.

Он обошел ее, похлопывая словно лошадь.

– Ну как, красавица? – спросил он.

– У меня желание есть, – сказал Пашка.

– Но ты его уже заказал.

– То было не желание, а пожелание, – сказал Пашка.

– Не вижу разницы.

– А я вижу, – сказал Пашка. – Как честный человек, вы должны выполнять условия.

Тут кузнец расхохотался, принялся хлопать себя руками по бокам и повторять:

– Ну, хитрец, ну, Пашка, хитрец! Ну перехитрил! Ну перехитрил старика!

Отсмеявшись, кузнец подошел к люку, что был врезан в борт подземной лодки, и начал его отвинчивать. Он, видно, почувствовал, что Алиса смотрит на него с удивлением, поэтому, не оборачиваясь, сказал:

– Ты не думай, Алиска-барбариска. Изнутри все на автоматике. А вот чтобы снаружи открыть, нужна моя сила.

Внутри подземной лодки было темно. Кузнец просунул в люк ручищу, пошарил там, нашел выключатель, и в лодке загорелся свет.

– Влезайте, – сказал он, – поглядите, как там. Может, не понравится.

Пашка в мгновение ока нырнул в корабль. Кузнец подсадил Алису, и она буквально свалилась на Пашку. Там, в лодке, было страшно тесно, они умещались, лишь прижавшись друг к другу. Даже ноги некуда было вытянуть, потому что они упирались в пульт управления.

– Ну как устроились? – раздался голос снаружи.

– Замечательно, – сказал Пашка. – Можно попробуем?

– Как ты попробуешь, если не учился? – спросил кузнец. – Ты мне машину сломаешь.

– Вы же мне показывали, – возразил Пашка.

Пульт был выкован из железа, узорчатый, витиеватый, вместо кнопок на нем были изогнутые рукоятки, а рядом торчали ажурные головки ключей.

Пашка повернул рычажок, над пультом загорелась лампочка, спрятанная в выкованную сеточку, словно в корзинку.

– Эй ты, неслух! – послышался голос кузнеца. – Ты хоть люк закрыть не забудь.

– Я ничего никогда не забываю, – ответил Пашка и повернул другой рычажок. Сбоку послышался удар – захлопнулся люк, затем – страшный визг. Алиса вздрогнула.

– Что это? – крикнула она, стараясь перекричать визг.

– Понятное дело, – ответил Пашка. – Люк завинчивается.

Пашка взялся за два больших рычага, что торчали в узких прорезях пульта, и одновременно двинул их вперед.

– Теперь держись!

Дрожание лодки усилилось, и тут Алиса почувствовала, что сползает с железного кресла на пульт – нос лодки начал крениться вниз.

– Совсем забыл, – сказал Пашка. – Привяжись.

Он вытянул со своей стороны конец широкого брезентового ремня, перекинул через Алису, та нащупала со своей стороны крепление, защелкнула ремень. Теперь они были привязаны одним ремнем к креслу, но все равно было очень неудобно, потому что приходилось руками упираться в край пульта, чтобы не стукнуться об него головой.

– И так будет всегда? – спросила Алиса.

– Настоящий исследователь не имеет права надеяться на легкую прогулку, – строго сказал Пашка. – Если не нравится, останешься дома и будешь путешествовать вокруг дома вместе с Аркашей. Но если вас сожрет какой-нибудь необразованный паук, я не отвечаю.

– Мы уже под землей? – спросила Алиса, чтобы переменить тему разговора.

– Разумеется. Где включается экран, ты не помнишь?

Вопрос был риторическим. Пашка принялся поворачивать ключики. В кабине зажегся яркий свет, потом погас, включился вентилятор, из крана, похожего на кран самовара, который высунулся из стены как раз над Алисиным ухом, полилась вода...

– Не то, – бормотал Пашка, – не то...

Вдруг над пультом зажегся экран. На нем появилась цифра 6. Она поехала вправо, а от левого края экрана двинулась к центру цифра 7.

– Вот видишь, – сказал Пашка. – Я же говорил. Мы на глубине семь метров. Теперь можно перейти на горизонтальный ход.

Пашка потянул на себя два рычага, и лодка приняла горизонтальное положение. Алиса с облегчением откинулась на спинку кресла.

– А как она работает? – спросила Алиса. – Снаружи непонятно.

– Как все гениальное – просто, – сказал Пашка. – У этой лодки два корпуса. Как орех в скорлупе. Внешний керамический, жаростойкий, с резьбой. Он ввинчивается в породу как бур. А внутреннее ядро, в котором мы с тобой сидим, остается неподвижным, как бы плавает внутри бура. Этой лодке никакие породы, никакая температура не страшны. Мы можем с тобой сквозь вулкан пройти, и хоть бы что.

– И это он сам сделал?

– Собственными руками. Что мог – выковал в кузнице, – Пашка показал на приборы на пульте. – А что не смог, заказал, ему сделали по его чертежам. Простой скромный гений.

– А почему он тебе эту лодку дал? Разве он ее не для себя делал?

– Нам с тобой повезло, – ответил Пашка. – Пока он ее изобретал и строил, он так растолстел, что ему в люк не влезть. А кому-то надо под землю идти. Вот и повезло кузнецу.

– Повезло?

– Конечно, повезло, что он меня встретил. Он за меня теперь двумя руками держится.

– Что-то ты, Пашка, темнишь, – сказала Алиса.

– Я не темню. Сейчас вылезем на поверхность, он сам тебе все расскажет.

На экране цифра 7 уезжала обратно и снова появилась шестерка.

– Постепенно поднимаемся, – сказал Пашка. – Видишь, какое простое управление.

– Вижу, – сказала Алиса. – Любой ребенок сможет.

– Ну не любой, – ответил Пашка серьезно, – а очень талантливый. Нужна интуиция. И точность. И не мешай мне. Мы поднимаемся наверх. Река позади.

Алиса следила, как на экране сменяли друг дружку цифры: 5, 4, 3, 2, 1, 0.

– Приехали, – сказал Пашка. – Пора вылезать. А то Семен Иванович проголодается, уйдет ужинать.

Снова раздался страшный визг – это отвинчивался люк.

И в этот момент лодка качнулась, нырнула носом вниз, на экране снова поехали цифры – только в обратном порядке: 0, 1, 2, 3...

Лодка замерла.

– Это что такое? – удивилась Алиса.

Послышался грохот – открылся люк.

И в ту же секунду в кабину хлынул поток воды.

– Мы в речке!.. – успела крикнуть Алиса, но тут же вода ударила ее, кинула на Пашку, дышать было нечем, со всех сторон стенки – не выберешься, никуда не денешься... Алиса пыталась задержать дыхание и отыскать в темноте люк, но подземная лодка, видно, повернулась, погружаясь в воду, и руки никак не могли нащупать выхода. Воздуха не хватало – Алиса инстинктивно рванулась вверх и выскочила из воды – оказывается, под потолком кабины остался пузырь воздуха.

Но где Пашка?

И стало страшно... страшно до смерти.

Алиса выплюнула воду и позвала:

– Пашка!

Голос ее не слушался, звук его заглох в узком темном пространстве.

Алиса решила нырнуть, чтобы отыскать друга, но тут же натолкнулась на него. Он бултыхался совсем рядом и, видно не сообразив, вцепился в Алису и чуть не утащил ее под воду.

– Погоди, Пашка! – крикнула Алиса.

И в этот момент подземная лодка накренилась, дернулась, вода хлынула наверх, Алиса еле успела набрать воздуха, как оказалась снова под водой. И непонятно было, то ли лодка поплыла сама по себе, то ли ее крутит водой.

Тут, видно, Алиса потеряла сознание, потому что ей вдруг показалось, что она лежит на солнечной поляне, светит солнце... Она ударилась о жесткую спинку железного кресла, свалилась в узкое пространство за ним, больно ударилась и пришла в себя.

...Лодка покачивалась, будто попала в шторм, но воды в ней не было.

Удар. Лодка замерла.

Алиса стала карабкаться из-за кресла.

Из люка в кабину протянулся луч света. Пашка лежал в кресле, закрыв глаза.

Что-то темное закрыло люк, послышался глухой голос:

– Вы живые или нет?

– Живые, – с трудом ответила Алиса.

– Тогда вылезайте, мне за вами не залезть.

Алиса сообразила, что голос принадлежит кузнецу. Она подхватила Пашку под мышки и потянула к люку.

Пашка начал кашлять. Он отбивался, но вяло, будто сам не соображал, что делает. Могучие ручищи кузнеца встретили Алису у люка, рывком вытащили ее наружу, затем выволокли Пашку.

Алиса упала на траву. Хотелось только одного – лежать, закрыв глаза, и ни о чем не думать. Но она заставила себя открыть глаза и сесть. Кузнец сидел рядом с ней, перед ним лежал на траве Пашка, и кузнец делал ему искусственное дыхание.

Пашка махал руками и все еще кашлял.

– Посадите его, – сказала Алиса. – Только не бейте его по спине, позвоночник сломаете.

– Еще чего не хватало, позвоночники ломать, – обиделся кузнец.

Пашка открыл глаза и сказал между приступами кашля:

– Я сам, со мной все в порядке. А где Алиска?

– Я здесь.

– А лодка? Лодка утонула?

– Лодку я вынул, – сказал кузнец. – Я как увидел в речке пузырьки – сразу понял, что ты не там выскочил да еще сдуру люк раскрыл.

– А откуда мне знать...

– Молчи, путешественник! Пришлось мне в речку лезть и лодку на берег тащить. Хорошо еще, что я сильный, в лодке четыре тонны веса. Чуть не надорвался, пока на берег вытянул.

– Спасибо, – сказала Алиса. – А мы чуть не захлебнулись.

– Так чего же вы на приборы не смотрели? – сказал кузнец укоризненно. – Там же есть указатель, где лодка – в земле, в воздухе или в воде.

– Я забыл, – сказал Пашка, – я думал, что мы снаружи. Я на указатель глубины посмотрел, он на нуле, вот я люк и открыл.

– Нет, – сказал Семен Иванович. – Лодку я вам не доверю. Мне нельзя на душу такой грех принимать. Ты же не только себя загубил, ты невинную девочку погубить решил, разбойник.

Пашка ничего не ответил. Он снова закашлялся, но Алиса не была уверена, что ему хотелось кашлять. Кашель был дипломатическим. Пашке очень хотелось, чтобы его пожалели, но никто его жалеть не собирался.

– Подводим итог, – сказал кузнец. – Испытания провалились. Команда к походу не готова. Пошли одежду сушить. Заодно перекусим.

Глава четвертая
СТАРШИЙ БРАТ ГАРОЛЬД

За ужином Семен Иванович был печален, ел он мало: три жареные курицы, пирог с капустой, мешок пряников и ведро чая. Пашка сначала оправдывался – он не терпит признаваться в своих ошибках.

– Жаль, очень жаль, – сказал Семен Иванович, допивая последнюю, семнадцатую чашку чая. – Я так надеялся... это был мой последний шанс.

– Еще не все потеряно, – сказал Пашка. – Я постараюсь оправдать ваше доверие. Будем считать, что произошла случайность... больше она не повторится.

– А если так случится под землей, на глубине ста километров? Тогда как я вас вытащу? И что мне скажут ваши родители? Нет, и не мечтай.

Кузнец так расстроился, что смахнул со щеки слезинку, тяжело поднялся из-за стола и побрел на улицу.

– Ну вот, – сказал Пашка, – видишь, что ты наделала!

Алиса только улыбнулась. Она понимала – кто-то должен быть во всем виноват. Только не Пашка.

Она осталась убирать со стола. Потом вымыла посуду. За всей этой историей скрывалась непонятная трагедия, в которую Алису не посвятили.

Когда Алиса наконец вышла на поляну, она увидела, что кузнец сидит на большом пне, а вокруг него, заложив руки за спину, ходит Пашка и что-то доказывает. Алиса подошла к ним.

– Я вам не помешала? – спросила она.

– Нет, – ответил кузнец. – Пашка твой меня уговаривает. А я не поддаюсь.

– Алиска, подтверди, что на меня можно положиться! – воскликнул Пашка.

– Когда как, – честно ответила Алиса.

– Да? А кто Черного рыцаря победил? А кто пиратскую мамашу разоблачил? А кто, наконец, до лесного города долетел? Ты?

– Я и говорю – когда как, – повторила Алиса.

– Жаль, – сказал кузнец. – Я так надеялся...

Было тихо. Тонкие, легкие облака плыли по вечернему небу. Солнце уже опустилось низко, и тень от колодца пролегла через всю поляну.

– Мой бедный брат, – произнес кузнец. – Сколько еще тебе ждать спасения?

– Ваш брат? – не поняла Алиса.

– Она ничего не знает, – сказал Пашка.

– Мой брат Гарольд, – сказал кузнец. – Гарольд Иванович. Ведущий талант в систематике пещерных сколопендр, рыцарь науки, святой человек... мой учитель во всем, в большом и малом, мой славный братишка!

Голос кузнеца дрогнул.

– Я не могу...

Кузнец тяжело поднялся с пня и сказал:

– Подождите, я сейчас. Мне надо успокоиться.

Он вернулся в мельницу.

– Что случилось с его братом? – не выдержала Алиса.

– Его брат Гарольд пропал без вести в какой-то очень глубокой пещере.

– Ой, как страшно! И давно это случилось?

– Давно, – отозвался Семен Иванович, подходя. Он держал в руке жареный свиной окорок и обкусывал его, как куриную ножку. – Это случилось двадцать лет назад. Поиски ни к чему не привели. Я – единственный человек в мире, который не поверил в смерть Гарольда. Остальные... только посмеиваются надо мной.

– Поэтому вы и построили подземную лодку? – спросила Алиса.

– Пошли ко мне, – сказал кузнец. – Я расскажу все по порядку.

Жил Семен Иванович в мельнице, на втором этаже. Посреди комнаты стояла низкая железная кровать, спинки которой были выкованы из множества виноградных листьев. Рядом с кроватью был низкий столик с лампой, на котором лежали справочники по металлургии и стояла ваза с леденцами, а белые стены были увешаны фотографиями.

Семен Иванович уселся на кровать, гости рядом с ним, и, глядя на стену, кузнец принялся рассказывать, в нужных местах показывая пальцем на ту или иную фотографию.

– Вот это мои бабушка и дедушка, – говорил он, – я их почти не помню. Мой дед был энтомологом. Он отыскал на Марсе пустынных паучков и этим прославился.

– Мы проходили это в школе, – сказала Алиса. – Его фамилия Бордаев.

– Это наша общая фамилия, – сказал Семен Иванович. – Молодец, Алиса-киса, ты меня радуешь. Ты, наверное, хорошо учишься.

– Прилично, – сказала Алиса.

– Она почти отличница, – честно сказал Пашка.

– Чего о тебе сказать нельзя.

– У меня бывают срывы, – сказал Пашка. – Настоящий талант не может быть отличником.

– Неубедительно, – сказал Семен Иванович. – А вот это мои папа и мама. В день свадьбы. Мой папа тоже хотел стать энтомологом, но моя мама страшно боялась пауков, и ему пришлось заняться кулинарией. Он изобрел торт «Двойной сюрприз». Не слышали?

– Нет, – сказала Алиса.

– После смерти папы никто не смог его изготовить. Этот торт состоит только из начинки. Но начинка сделана из десяти сортов ягод и плодов, сливок и кефира. Она совершенно жидкая и даже частично газообразная. Для того, чтобы этот торт не расплылся, папа придумал специальное силовое поле. А вот и мы с Гарольдиком.

На следующей фотографии была изображена вся семья. В креслах сидели бабушка и дедушка, они держали на коленях двух мальчиков. Сзади стояли папа и мама. Мальчики были очень разные. Тот, что постарше, был худеньким, серьезным и грустным. Младший был веселым крепким бутузом.

– С детства мы были очень разными. Гарольдик отлично учился и никогда не баловался. А из меня получился большой шалун.

Кузнец тяжело вздохнул и продолжал:

– Вы не представляете, сколько пришлось из-за меня пережить моим родителям и брату! И не только в раннем детстве. Именно я стал причиной трагической гибели наших родителей. Да, я! Как сейчас помню этот страшный момент. Мне было четыре года, и мне захотелось попробовать новый папин торт, над которым он работал второй год. Это был суперторт, которым можно было накормить всю планету. Достаточно было положить на тарелку затравку, сделанную из крема, как этот крем начинал расти.

– Как так? – удивилась Алиса.

– Он забирал из воздуха атомы и сам строил из них свои молекулы. Ты положил на тарелку чайную ложку крема, а через час получалась целая цистерна прекрасного крема. Папа хранил крем в специальном контейнере, потому что не изобрел еще способа, как остановить крем, если он начинал расти. Но я подглядел, куда он клал ключ от контейнера, и однажды, когда все легли спать, я открыл контейнер, положил затравку на тарелку и начал ждать, пока она увеличится. Как сейчас помню, в доме тихо, все спят, я сижу возле тарелки и смотрю, как на глазах увеличивается комок крема. А как трудно мне удержаться, чтобы не попробовать, но я терплю, а крем все растет, растет как снежный ком...

Кузнец замолчал, рассеянно запустил пальцы в вазу с конфетами и ссыпал их себе в рот. Проглотил, не заметив, что они были в фантиках, и продолжал:

– Когда крем начал расползаться с тарелки, я взял ложку, ведь я был воспитанным мальчиком, и принялся его есть. Крем был такой вкусный, что я забыл обо всем. Помню только, как мне пришлось отступить, когда крем сполз со стола, помню, как я ел его на улице, а он выползал из окон и расплывался по газону... Помню какие-то крики, шум. Мои родители утонули в креме, стараясь остановить его, но Гарольдика они успели выбросить в окошко. Я не сразу узнал, что стал сиротой, потому

что меня увезли в больницу и с трудом спасли. Беда была не только в том, что я съел слишком много крема. Беда была в том, что он и во мне продолжал расти. Лучшие медики и химики мира не спали несколько суток, пока придумали способ остановить крем. К тому времени, говорят, он затопил мой родной город Кинешму. Меня спасли... но на всю жизнь я остался калекой.

– Калекой?

– Как мне объяснили доктора, мой организм для того, чтобы спасти себя, перестроился и научился переваривать пищу в сто раз быстрее, чем нормальный. Вы видели, какой я обжора. Это не распущенность. Это безнадежная болезнь. Мой брат Гарольдик, который после смерти родителей стал меня воспитывать, возил меня ко всем врачам-диетологам, я проводил месяцы в санаториях, но кончалось все печально: меня приходилось выписывать, потому что я пожирал все, что лежало вокруг, я воровал пищу с соседних столиков, грабил кухни и склады.

А оттого, что я так много и быстро ел, во мне бушевала энергия. В двадцать лет я уже был чемпионом мира по толканию ядра, только ядро у меня было в десять раз тяжелее, чем у остальных, иначе со мной никто не желал соревноваться. А с соревнований по поднятию штанги меня выгнали...

Кузнец показал на фотографию молодого атлета, который держал одной рукой штангу весом килограммов в пятьсот.

– Только представьте себе эту трагедию, – продолжал кузнец. – Всю жизнь Гарольд мечтал пойти по дороге нашего дедушки и открыть новый вид пещерной сколопендры. Он так любил порядок, тишину, систематику! А ему достался я... Вместо библиотек он посещал мою школу и выслушивал жалобы учителей на мое поведение. Он не выносил обжорства, а вынужден был кормить меня с утра до вечера. Он ценил тишину, а я ее всегда нарушал. Я дрался, целовался с девочками, прогуливал уроки, а Гарольдик терпел. И только когда с грехом пополам я кончил школу, Гарольд договорился, чтобы мне отдали эту мельницу, где я устроил пекарню. Правда, пользы от этой пекарни мало – я пожирал свежие булочки быстрее, чем их пек. Но, по крайней мере, Гарольд мог больше обо мне не беспокоиться. А в один прекрасный день двадцать лет назад он сказал мне: «Все, Семен. Я выполнил свой долг. Остаток жизни я посвящу науке. Я наведу порядок в энтомологии».

– Это наука о насекомых, – пояснил Пашка, хотя все знали, что это такое.

– Я испек мешок булочек для Гарольда, он взял с собой длинную веревку и фонарь и спустился в глубокую неисследованную пещеру, что начинается как раз за мельницей. Он сказал, что вернется, как только отыщет свою сколопендру. Но не вернулся... Вот и все.

– Нет, не все, – сказал Пашка. – Вы о себе не рассказали.

– Обо мне? Что можно сказать обо мне? Я понял, что мой долг спасти моего брата. И я решил посвятить остаток моей жизни поискам Гарольда.

– А разве его не искали? – спросила Алиса.

– Его искали. Его искали с помощью современных приборов. Целый месяц экспедиция спелеологов исследовала пещеру. И никаких следов...

– Может, он погиб? – спросил Пашка. – Провалился в трещину и погиб?

– Тогда бы его нашли. Нашли бы его тело. Но раз его не нашли, значит, он ушел так глубоко, что спелеологи были бессильны. Нет, мой брат жив!

– Значит, подземную лодку вы построили, чтобы отыскать его?

– Разумеется, – сказал кузнец.

– И вы ее сделали сами? Собственными руками?

– Я изобрел ее и построил всю, до последнего винтика!

– Но кто вам рассказал, как ее делать?

– Мне подсказало мое горе, любовь к брату и чувство вины.

– Это удивительно, – сказала Алиса. – Ни один институт еще не изобрел такую лодку, а вы изобрели.

– А моя наследственность? А мой папа? Мой дедушка? Они наградили меня талантами, которые раньше пропадали втуне. Первым делом я построил кузницу у своей мельницы, потому что лодка должна была быть очень крепкой. Я проводил в кузнице дни и ночи, пока не стал лучшим кузнецом в мире. Ко мне прилетают даже из Австралии, чтобы выковать то, что никто не может выковать. В музее народного искусства вы можете увидеть мои учебные работы: железную веточку ландыша в натуральную величину, паутину с пауком и три подкованные блохи. Но это все шутки...

– Шутки гения, – сказал Пашка.

– Нет, – серьезно ответил Семен Иванович. – Это шутки огорченного человека. Это лишь первый шаг к спасению Гарольда. Потом я перечитал всю литературу по металлургии и теплостойким сплавам, выучил все, что касается бурения. И потратил десять лет, пока создал такую лодку, которая может достичь центра Земли. И тут случилось новое горе!

– Какое? – спросила Алиса.

– Я вырос.

– Выросли?

– Да, я несколько растолстел. Я много работал, я махал молотом с утра до вечера, но мой организм все время требовал пищи. И я сам не заметил, как немного располнел. Изготовление внешнего корпуса потребовало двух лет упорного труда. И когда лодка была готова и я захотел испытать ее, оказалось, что влезть в люк я не могу. Я готов был себя убить!

– Надо было сесть на диету, – сказал Пашка.

– Не говори глупостей, Павел, – ответил кузнец. – Я не только сел на диету. Я целый день не ел, я потерял сознание от голода, но похудел только на один килограмм. А если во мне лишних сто двадцать?

– А сколько не лишних? – спросил Пашка.

– Триста сорок, – ответил кузнец.

Наступила тишина. Кузнец нагнулся, достал из-под кровати мешок с конфетами, высыпал в вазу и немного подкрепился.

– Я готов был себя убить. Но потом понял, что моя смерть не спасет Гарольда. Я должен найти человека, который согласен подхватить эстафету, выпавшую из моей растолстевшей руки.

– И это был я, – без лишней скромности сказал Пашка.

Но Алиса не поверила своему другу.

– А почему вы не обратились к ученым, к испытателям, к спелеологам? – спросила она.

– Я обращался, – сказал толстяк. – Но меня, к сожалению, подняли на смех. Неужели, сказали они, какой-то кузнец-самоучка может построить подземную лодку, которую до сих пор не изобрел наш институт? Разве они могли понять, что мною двигали высокие чувства, а ими – только научные планы? Однажды сюда приехал доктор Воляпюк. Он осмотрел мой корабль и сказал, что моя лодка никогда не сможет проникнуть в глубь Земли, потому что я самоучка.

– А вы? – спросила Алиса.

– Я выкинул доктора на тот берег речки. И больше ко мне никто не приезжал.

– Кроме меня, – сказал Пашка.

– А как же вы встретились? – спросила Алиса.

– Мы встретились в музее народных талантов, – сказал Пашка. – Мне так понравилась кованая паутина, что я решил научиться кузнечному делу. Ты же меня знаешь!

Алиса кивнула. Она знала, какой Пашка увлекающийся человек.

– Я сюда прилетел, и мы подружились.

– Пашка – хороший парень, – сказал кузнец. – Но одного я его под землю не отпущу. Надежности в нем мало. Я ему так и сказал: найдешь солидного спутника – бери корабль, отправляйся к центру Земли.

– Вот я и привез сюда Алису.

– Ну хитрец! – сказала Алиса. – А сам сделал вид, что все произошло случайно.

– Но теперь я сомневаюсь, – сказал кузнец. – Ведь путешествие нешуточное, а сегодня Пашка чуть вас не утопил.

– Больше этого не повторится.

– Под землей меня не будет... Нет, не возьму такого греха на душу.

– Алиса, ну скажи! – взмолился Пашка. – Скажи, что ты будешь за мной следить!

– За тобой нелегко следить.

– Но ты подумай о брате Семена Ивановича. Он уже много лет сидит под землей, он мечтает увидеть солнце. Он ждет спасения! Неужели в тебе нет сердца?

Пашка может уговорить даже чугунную тумбу. А Алису уговорить легче. С ее-то любовью к приключениям!

– Но как мы его найдем? – спросила Алиса, и Пашка вздохнул с облегчением. Если она спрашивает, значит, уже колеблется. – Ведь прошло...

– Двадцать лет, – сказал кузнец.

Алиса подумала, что двадцать лет никто под землей не проживет, и, видно, Семен Иванович угадал ее мысли, потому что сказал:

– Гарольдик жив. Я получил от него записку. В прошлом году.

Кузнец расстегнул рубашку, вытащил висевший на груди золотой медальон, раскрыл его, достал изнутри свернутый в трубочку золотой листочек и расправил его на столе.

– Смотрите, – сказал он. – Это я нашел у моей двери в прошлом году.

На листочке чем-то острым были выдавлены маленькие буквы:

У меня все в порядке. Вынужден задержаться. Нашел три вида неизвестных науке насекомых. Надеюсь, ты ведешь себя достойно.

Гарольд

– В прошлом году? – спросила Алиса.

– А это значит, что он находится где-то там. – Кузнец показал под ноги. – И не может вырваться. Видите, он написал: «Вынужден задержаться».

– Значит, под землей есть жизнь, – сказал Пашка. – И мы стоим на пороге открытия.

– И эта жизнь не отпускает ко мне Гарольдика!

И кузнец не выдержал. Он зарыдал. Страшно было смотреть, как рыдает такой громоздкий мужчина.

Алиса поняла, что обязательно отправится в глубь Земли, чтобы воссоединить Семена с братом Гарольдом.

– А долго надо будет путешествовать? – спросила она.

– День-два, не больше! – радостно откликнулся Пашка. – Лодка ведь быстроходная.

– Пашка прав, – сказал сквозь слезы Семен. – Ведь не в раскаленном же центре Земли запрятан мой брат!

– Мы найдем его, даю слово, – сказал Пашка. – Завтра в путь.

– Нет, – сказал кузнец. – К путешествию надо подготовиться. И я хочу, чтобы Алиса научилась управлять лодкой. Пускай она будет главной.

– Еще чего не хватало! – воскликнул Пашка. – Я же мужчина!

– Ты легкомысленный мужчина, – сказал кузнец. – Или Алиса, или никто.

– Ладно, – взял себя в руки Пашка. – Я сдаюсь.

Ему очень хотелось отправиться в недра Земли. Он жаждал великих приключений и открытий.

Семен Иванович проводил их до флаера. Уже стемнело, жужжали комары. Громко плеснула рыба у плотины.

– Завтра с утра испытания, – сказал кузнец.

Он поднял руку, прощаясь со своими юными друзьями, и побрел в мельницу, чтобы чего-нибудь перекусить.

Глава пятая
В ГЛУБИНАХ ЗЕМЛИ

Три дня продолжались тренировки экипажа и испытания подземной лодки. Алиса быстро привыкла к тесной каюте, сама сшила две подушки, чтобы не так было жестко сидеть на железе, а Семен Иванович усовершенствовал привязные ремни. Теперь они надежно подхватывали терранавтов и не давали уткнуться носом в пульт. Слово «терранавты» придумал Пашка. От латинского слова «терра» – земля. Слово всем понравилось,

и даже подземной лодке дали название «Терранавт». Правда, написать это слово на борту было нельзя – лодка сотрет его о грунт в две секунды. Зато Алиса написала его большими буквами на обложке судового журнала. Ведь не бывает корабля без судового журнала. За спиной водительского кресла укрепили контейнеры для воды и еды. Места там было достаточно. И хоть договорились, что путешествие продлится только два дня, Семен Иванович набил эти контейнеры продуктами так, словно сам собирался в далекое путешествие.

– Ничего, – сказал он Алисе, когда она начала было спорить, – ведь Гарольдик так изголодался, он будет рад домашним продуктам.

За дни испытаний «Терранавт» пробуравил поляну так, будто на ней резвились громадные кроты. Алиса уговорила кузнеца после путешествия передать чертежи лодки ее знакомому сантехнику – ведь нет лучшего способа делать подземные коммуникации, чем проходить их на «Терранавте». Тем более что его внешняя оболочка могла разогреваться до трех тысяч градусов, и тогда стенки туннеля, который лодка прокладывала в земле, становились твердыми и гладкими, как фарфоровые.

Наступил четвертый день. Семен Иванович вызвал из Москвы трейлер, погрузил на него лодку, отвез ко входу в пещеру. Там он и поджидал путешественников. Когда прощались, он вручил им выкованные им за ночь острые ножи и каски, блестящие, легкие и крепкие. Спереди – фонари, которые не требуют подзарядки тысячу часов и светят ярче любого прожектора.

– Если встретится подземная опасность, – сказал Семен Иванович, – сразу включайте фонари – подземные жители не терпят яркого света.

– Подземная опасность, – прошептал Пашка с надеждой. Он мечтал встретить подземную опасность.

На прощание Семен Иванович нежно обнял друзей и передал им письмо для брата и фотографию Гарольда. На ней был изображен худенький молодой человек в очках, с бородкой. Человек был очень серьезен.

– Наверно, мой брат изменился, – сказал Семен. – Но вы его узнаете. Он добрый.

Кузнец был взволнован. Он вытащил из-за пазухи буханку и принялся ее жевать.

Алиса с Пашкой залезли в лодку.

– Поехали! – сказал Пашка.

Алиса включила механизм, который закрывал люк, потом проверила, как работают приборы. Пашка с нетерпением ждал, когда же начнется путешествие. Но молчал, потому что дал слово Алисе, что капитаном корабля будет она. И слово свое держал.

Все приборы работали нормально. Алиса включила двигатель и толкнула вперед две большие рукояти. Лодка задрожала, ввинчиваясь в землю.

Над пультом в изящной кованой рамочке появилась цифра 1.

Алиса включила экран. Он тоже был обрамлен рамкой из железных листочков. По экрану бежали цифры, которые показывали плотность породы.

– Земля, – сказал Пашка.

На третьем метре порода стала плотнее. Алиса посмотрела на спидометр – «Терранавт» ввинчивался в землю со скоростью метр в минуту. Конечно, это был не предел скорости, но Семен Иванович просил не торопиться.

– Один недостаток у нашей лодочки, – сказал Пашка. – Дрожит.

– Привыкнем, – сказала Алиса.

Она с удивлением посмотрела на экран, который показывал плотность породы – цифры на нем внезапно побежали назад, к нулю. Алиса хотела было сказать Пашке, что прибор испортился, но в тот момент они почувствовали, что лодка падает. Если бы не ремни, терранавты вылетели бы из кресел.

– Держись! – крикнула Алиса, не отрывая глаз от глубиномера.

Цифры на нем выскакивали как сумасшедшие.

Лодка ударилась во что-то, свалилась набок, выпрямилась и снова полетела в глубину.

– Это пещера! – крикнул Пашка.

Еще удар! Лодка замерла. Алиса перевела дух и выключила двигатель.

Стало очень тихо. Только слышно было, как часто дышит Пашка.

Глубиномер показывал 67 метров.

– Конечно, пещера, – согласилась Алиса.

– А крепкий у нас кораблик, – сказал Пашка, который как раз пришел в себя. – Грохнулся с высоты двадцатиэтажного дома и хоть бы что.

– Да, кораблик хороший, – согласилась Алиса. – Только я очень испугалась.

– А я, честно говоря, даже не успел.

– Может, выберемся, посмотрим, что вокруг? – предложила Алиса.

Пашка согласился. Они надели шлемы и открыли люк.

– Далеко не отходим, – сказала Алиса.

– Что ж я, не понимаю, что ли? – сказал Пашка. – Здесь все равно ничего интересного.

«Терранавт» лежал, заклинившись в расщелине. Если посветить наверх, то увидишь, как она расширяется.

– Здесь проходил спелеолог Гарольд, – сказал Пашка.

Гулкое пещерное эхо отозвалось перекатами шума.

Когда эхо смолкло, под землей стало тихо. Даже в ушах звенело от тишины. Только где-то далеко капала вода...

– Поехали, – сказала Алиса.

Они снова забрались в лодку. На этот раз управлял ею Пашка.

Лодка врезалась в стену расщелины и начала снова пробиваться в глубь Земли.

Целый час они двигались без приключений. Лишь на счетчике выскакивали новые цифры да показатель плотности утверждал, что порода за бортом становится все плотнее и немного теплее, словно горячее дыхание центра Земли добиралось до ее коры.

Висеть на ремнях было неудобно. Поэтому Алиса предложила идти вниз под углом в сорок градусов. Пускай скорость будет не та, зато меньше устаешь.

– Но тогда мы сильно отклонимся от той пещеры, сквозь которую спускался Гарольд, – сказал Пашка.

Сказав так, он тут же перевел «Терранавта» на планирующий спуск, потому что тоже устал висеть на ремнях.

Еще через полчаса они выпрямили лодку и перекусили.

– Знаешь что, – сказал Пашка, – давай еще на полкилометра спустимся, а потом обратно.

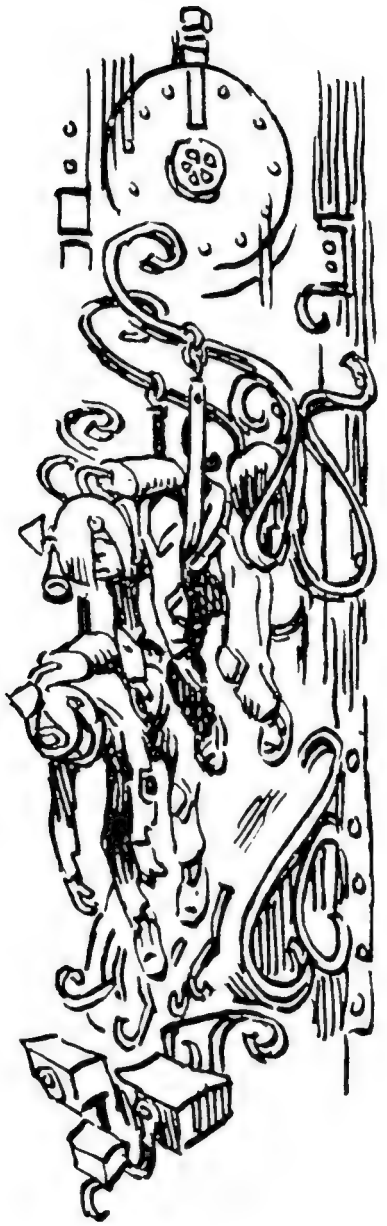
– Почему? – удивилась Алиса. – Мы же всего-навсего на сто пятьдесят метров спустились.

– Скучно!

– Ну вот, – заметила Алиса, – ты же сам хотел пробиться к центру Земли.

– До центра нам целый год добираться.

– Ну пускай не до центра. Хотя бы до того места, откуда пришло письмо на золотом листке.



– А ты уверена, что оно настоящее? – спросил Пашка. – А вдруг его Семен Иванович сам написал?

– Зачем?

– Чтобы мы согласились в этой лодке путешествовать.

– Слушай, Пашка, – рассердилась Алиса. – Тебя никто за язык не тянул. Ты сам меня затащил в это необыкновенное путешествие.

– Но я же думал, что оно в самом деле необыкновенное, а оно – самое скучное путешествие в мире. У этой проклятой лодки даже никаких рук нет, чтобы образцы забирать. Может быть, мы сейчас проходим мимо алмазных месторождений и даже не подозреваем об этом.

– Не ворчи, – сказала Алиса. – Займись лучше корабельным журналом. Будешь вести его через пятнадцать минут.

– И что записывать? Как капитан Селезнева чихнула?

– Я уверена, что еще будут приключения, – сказала Алиса. – А пока что я увеличиваю скорость вдвое. Ты согласен?

– Нет!

– Ты не согласен?

– Каждый лишний метр значит, что нам придется дольше подниматься. Ты об этом не подумала?

– Ты совсем пал духом, – сказала Алиса. – Открывай журнал и пиши, как мы открыли подземную пещеру.

Пашка подчинился. Со вздохом он достал журнал, записал что-то в него, потом открыл контейнер, вытащил оттуда пирожок, начал скучно жевать его, да так и задремал, повиснув на ремнях. Алиса не стала его

будить – хуже нет, когда экипаж недоволен. Когда-то матросы чуть было не заставили Колумба вернуться обратно. Послушался бы он матросов, осталась бы Америка неоткрытой.

Пашка проспал почти час. За это время лодка опустилась еще на сто метров. На счетчике глубины горели цифры – 205 метров. Ой, подумала Алиса, которая тоже очень устала, сколько же нам придется подниматься? А если откажет двигатель? И ей стало не по себе от мысли о том, какой толстый слой камня отделяет их от солнца.

И куда они стремятся? А вдруг до самого центра Земли идет камень, сплошной камень?..

Где искать этого Гарольда?

Сами руки потянулись, чтобы повернуть рукоятки на подъем. Но упрямство взяло верх. Еще часок, может, два часа, сказала себе Алиса, и будем возвращаться.

Пашка мирно спал, свесившись ей на плечо, а минуты текли медленно, и было слишком тихо, лишь урчал двигатель.

Алиса незаметно задремала, а когда в следующий раз она поглядела на глубиномер, тот показывал 306 метров. Алиса кинула взгляд на второй экран. Плотность упала. Алиса посмотрела на таблицу и поняла, что лодка находится в воде. Понятно, почему она так быстро опускается. Видно, они попали в подземное озеро или даже море. Интересно, глубокое оно?

На отметке 440 метров погружение прекратилось и лодка снова начала вгрызаться в породу. Если внизу под морем какая-то новая пещера и в ней скрывается несчастный Гарольд, то через туннель, который пробурит лодка, вода хлынет туда и все затопит, испугалась Алиса. Но потом она вспомнила, что не включала обогреватель внешнего корпуса, поэтому лодка отбрасывает породу назад и закупоривает туннель.

Пашка пошевельнулся во сне, лениво открыл глаза и не сразу сообразил, где он. Потом проснулся окончательно, посмотрел на экран и не поверил своим глазам.

– Что это? – спросил он. – Сколько я спал?

На экране горела цифра 456.

– Посчитай, – сказала Алиса. – Ты заснул, когда было двести метров?

– Да.

– Значит, проспал четыре часа.

– Шутишь!

– Посмотри на экран. Он не будет врать.

– Что-то неладно, – сказал Пашка. – Четыре часа... Нет, не может быть! Поворачивай назад. Хватит!

– Я пошутила, – сказала Алиса. – Мы прошли сквозь подземное море глубиной в двести метров.

– Море? И ты меня не разбудила? Ты предательница.

– Но в лодке нет иллюминаторов, и ты все равно ничего бы не увидел.

Пашка успокоился, но вскоре стал жаловаться, что у него все затекло. Они поменялись местами на кресле, но это не помогло. Алисе тоже надоело висеть на ремнях в махонькой каюте.

Может, и в самом деле повернуть назад?

Алиса решила подождать, пока об этом снова попросит Пашка. Иначе, когда они вернутся на поверхность, он будет всех уверять, что хотел пробиться к центру Земли, да вот Алиска испугалась и сорвала экспедицию.

– Смотри! – крикнул Пашка.

На показателе плотности снова был 0.

– Держись! – крикнула Алиса.

Лодка начала падать. Казалось, что она падает страшно долго. Цифры глубины слились в сплошную линию. И когда наконец лодка ударилась о дно и покатилась по нему, отчего все в каюте перепуталось, на глубиномере горела цифра 624. Это была уже рекордная глубина! Наверное, ни один человек еще не спускался так глубоко.

– Все, – сказала Алиса, потирая ушибленную руку. – Приехали.

– Давай вылезай поскорее, – сказал Пашка. – Полцарства за то, чтобы выпрямить ноги!

Люк со скрежетом и визгом открылся. Они спрыгнули на каменный пол громадной пещеры, и, как ни старались достать до потолка ее лучами фонарей, так его и не увидели. И во все стороны простиралась пустота.

Тихо. Совсем тихо.

Никто не живет на такой глубине.

– Знаешь, что я сейчас сделаю? – сказал Пашка. – Я вытащу из кабины подушки и буду спать на полу. Не возражаешь?

– Только будем спать по очереди, – сказала Алиса. – Мало ли что...

– А если придет Гарольд, – сказал Пашка, залезая в лодку за подушками, – скажи ему, чтобы подождал, пока я проснусь.

Пашка положил подушки на камень, вытянулся и закрыл глаза.

Все-таки он храбрец, подумала Алиса. Я бы никогда не осмелилась здесь заснуть. Конечно, известно, что внутри Земли никто не живет. Но ведь

получил же записку Семен Иванович... А почему здесь не жить? Воздух хороший, свежий, совсем не холодно. Только темно. Но к этому можно привыкнуть.

И Алиса решила пройти немного вперед, посмотреть, что представляет собой пещера, в которую они попали.

Только она сделала шаг вперед, как услышала голос Пашки:

– Нет, – сказал он. – Спать я не смогу. Я думал, что я устал, на самом деле хочу начать исследования. Не уходи без меня!

Пашка вскочил и догнал Алису.

И они пошли по гулкому подземному залу, где никогда не ступала нога человека.

Глава шестая
В ГОСТЯХ У ПЛЕМЕНИ ОХОТНИКОВ

Метров сто они прошли по гладкому, словно отполированному полу, затем пол начал полого подниматься, кое-где встречались светлые столбики сталагмитов, сверху падали редкие капли воды. Алиса запрокинула голову, посветила фонарем, оказалось, что потолок здесь совсем не высок, с высоты трехэтажного дома свисали многочисленные сосульки сталактитов. И чем дальше они шли, тем ниже опускался потолок и гуще становились столбики и сосульки, кое-где они соединялись, образуя неровные, тонкие посредине стволы, будто путешественники попали в лес.

– Как бы нам не заблудиться, это будет глупо, – сказал Пашка.

– У меня компас на руке, – сказала Алиса.

– Ему здесь нельзя доверять. Вдруг где-то рядом запасы магнитного железняка?

– Пойдем обратно?

– Погоди, что-то блестит.

За лесом сталактитов поднималась гладкая скала. Она была черной, лишь кое-где поблескивали звездочки светлых вкраплений.

– Как ты думаешь, это алмазы? – спросил Пашка.

– Надо бы в справочник по минералогии поглядеть, – ответила Алиса.

– Но я его не взял.

– Зато я взяла, – ответила Алиса. – Только он на борту остался.

Пашка попытался отковырнуть кусочек скалы, но ничего не получилось. Нож только скользил по ее поверхности.

– Легкомысленно ты отнеслась к путешествию! – сказал Пашка. – Надо было молотки взять, взрывчатку.

– В следующий раз возьмем, – ответила Алиса.

– В следующий раз поедешь с кем-нибудь еще, – мрачно сказал Пашка. – Лучше бы я вокруг дома с Аркашей пошел. Сражались бы сейчас с пауками и гусеницами. Все интереснее. Здесь никакой жизни нет.

Но Пашка глубоко заблуждался.

Алиса вдруг почувствовала, что они не одни. Нет, она ничего не услышала и не увидела – так же тихо вокруг, но воздух... шевельнулся, будто повеял легкий ветерок.

Алиса оглянулась.

Луч ее фонаря скользнул по столбам сталактитов и отразился в человеческих глазах.

Кто-то наблюдал за ними.

– Пашка!

– Ну что еще?

– Пашка, здесь кто-то есть!

– Где?

Алиса не успела ответить, потому что раздался пронзительный свист и со всех сторон на них кинулись какие-то черные страшные существа, навалились, повалили на каменный пол. Алиса отбивалась, как могла, ее пальцы хватались за шерсть, за крепкие корявые пальцы, скользили по мощным мышцам... Но сопротивление было безнадежно. Она почувствовала, как ее поднимают и тащат.

– Пашка!

– Я здесь!

Алиса сообразила, что ее несет кто-то большой и сильный, перекинув через плечо. Она стала молотить кулаками по спине этого существа, но оно не обращало на это внимания.

Путешествие закончилось быстро.

Алису кинули на землю. Она увидела, что неподалеку горит большой костер, мохнатые люди, что схватили терранавтов, окружили их и переговариваются между собой возбужденно и громко.

Язык этих существ состоял не из слов, а из каких-то междометий.

Так как Алису никто не трогал, она приподнялась и села. Пашка лежал рядом.

– Пашка, – сказала Алиса, – ты живой?

– Живой, – ответил Пашка. – Только они меня по голове стукнули.

Услышав голоса пленников, мохнатые люди принялись еще громче ухать, ахать и рычать, но в их поведении не было ничего враждебного. Вернее всего, они были очень удивлены, увидев в своем подземелье таких странных гостей.

Местный ребенок вертелся возле Алисы и трогал ее ручонками. Алиса направила на него свет фонаря, ребенок зажмурился и заверещал, а большой мохнатый человек, что тащил Алису, рассердился и ударил кулаком по фонарю.

Удар был такой сильный, что Алиса поняла: еще раз стукнет – фонарь вдребезги. Так что она выключила фонарь, и мохнатый успокоился. А ребенок отбежал к костру и тер глаза, плакал. Мохнатая женщина подошла к нему и стала успокаивать.

– Уух, – сказал мохнатый человек. – Ты?

– Я Алиса, – ответила Алиса, поднявшись на ноги. Она ткнула себя пальцем в грудь и повторила: – Алиса.

Мохнатый охотник подумал немного, его маленькие, спрятанные в глубоких глазницах под низким покатым лбом глазки заморгали – видно, мохнатый соображал. Наконец он сообразил и произнес:

– Алиса! – И ткнул ее в грудь коротким пальцем. Потом еще подумал, ткнул себя пальцем и сказал: – Рын!

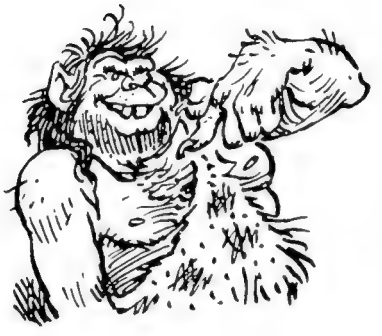
И все мохнатые вокруг повторили:

– Рын! Рын! Уух как Рын!

– Начало положено, – сказал Пашка. – Первая встреча доктора Ливингстона с дикарями на реке Замбези.

Он сделал шаг вперед и, ткнув себя в грудь, сказал:

– Павел Гераскин! Москва!



Эти слова привели мохнатых в полное замешательство. Никто из них не мог выговорить таких сложных слов. Мохнатый начал было стараться:

– Аве! Аски... Мо-ва...

Потом махнул рукой и отвернулся от Пашки. Зато при виде Алисы он рассмеялся, показав все свои могучие клыки, и повторил:

– Алиса!

Алиса сообразила, что ее несет кто-то большой и сильный, перекинув через плечо. Она стала молотить кулаками по спине этого существа.

Потом снова показал на себя и повторил:

– Рын.

Остальным Алиса тоже понравилась. Мохнатые люди по очереди подходили к ней, и каждый представлялся, и каждому Алиса называла свое имя. Пашке это не нравилось, но на него никто не обращал внимания.

Потом мохнатые люди повели Алису к костру и посадили на круглый камень. А когда Пашка тоже постарался занять там место, его оттолкнули в темноту, и Рын зарычал, показав клыки. Пашка счел за лучшее подчиниться.

На костре, насаженное на железные пруты, жарилось мясо.

Один из мохнатых людей долго выбирал куски получше, потом протянул прут Рыну, который был здесь главным. Рын понюхал, одобрил мясо и, сняв кусок с прута, дал Алисе.

– Спасибо, – сказала Алиса.

Сзади из темноты донесся шепот Пашки:

– А он рук не моет.

Сам Пашка не отличался чистоплотностью, но сейчас у него было плохое настроение.

Алиса откусила кусочек, мясо было мягкое, но несоленое.

– Как? – спросил Рын. – Ах, добро? Кус-кус?

– Ах, кус-кус, – согласилась Алиса.

– Они здесь подземных крыс едят, – сказал злобно Пашка.

Рын услышал голос Пашки и не одобрил его тона, потому что, не поворачиваясь, метнул назад большую кость. Послышался удар и Пашкин крик:

– Так и убить можно!

Алиса вскочила:

– Пашка, тебе больно?

– Еще бы, крысоеды проклятые. Ты, Алиса, как хочешь, но я возвращаюсь в лодку и беру курс наверх.

На самом деле он, конечно, никуда без Алисы не двинется, но унижений Пашка не выносил.

– Пашка, ах! – сказала Алиса Рыну. – Уух, хороший!

– Нет, – отозвался Рын. – Он груб!

– Груб! Груб! Груб! – закричали остальные мохнатые люди.

Алиса обернулась и протянула Пашке кусок мяса.

– Не надо, – гордо сказал он. – У меня в лодке жареная курица есть.

Но мясо сжевал в мгновение ока.

Подошли две дикие мохнатые женщины, они стали щупать Алисины волосы, гладить шершавыми пальцами ее лицо. Алиса терпела, хоть и было страшновато.

– Алиса, – тут, Алиса, – кус-кус всегда, – сообщил Рын.

– Нет, – сказала Алиса. – Спасибо за гостеприимство, но у нас здесь дело.

Издали послышались голоса. Они приближались.

Мохнатые люди поспешили туда, где тускло светили факелы. Вскоре к костру подошла еще одна группа подземных жителей. Они волокли за собой большую мохнатую тушу. Морда была оскалена, острые зубы оскалены – это же медведь! Огромный черный медведь!

– Вот это добыча! – сказал Пашка.

– А ты говорил – крысы, – сказала Алиса.

– Но крыс они тоже едят, даю слово, – сказал Пашка.

Женщины сбежались к медведю, начали каменными скребками сдирать с него шкуру.

Главный охотник, седой, хромой, обросший шерстью так, что сам был похож на медведя, сел к костру и, посмотрев на гостей, спросил Рына, кто такие.

Рын начал объяснять, больше жестами, чем словами.

– Я попрошусь с ними на охоту, – сказал Пашка. – С моим ножом я для них находка.

– Этого еще не хватало, – сказала Алиса. – Нам пора уходить.

– Нет, – сказал Рын. – Кус-кус свежий медведь.

– Он прав, – сказал Пашка. – Пещерного медведя мы еще не пробовали.

Охотники у костра принялись петь. Пели они заунывно, медленно и однообразно, а вместо припева хором рычали.

– Алиса от-туда? – спросил Рын, показывая наверх.

– Да, – сказала Алиса.

– Я – от-туда, – сказал Рын, – но... – Он искал слова, которых у него в языке было совсем немного.

– Давно? – спросила Алиса.

– Ой, да! – сказал дикарь.

Он стал показывать руками, как давно, и по мере того, как он рассказывал, Алиса поняла, что язык жестов становится ей все более доступен.

А по тому, как Пашка, сидевший рядом, поддакивал Рыну, стало ясно, что и Пашка все понимает.

Много-много лет назад, показал Рын, никто не помнит сколько, племя его жило на Земле, наверху, где солнце и хорошая охота. Но потом пришли другие люди, похожие на Алису и на Пашку, совсем без волос, была война, многих мохнатых убили, и оставшиеся спрятались в пещерах. Но безволосые люди добрались и до пещер. Поэтому мохнатые ушли глубже под землю, пока не забрались так глубоко, что и забыли путь обратно.

– Вы же неандертальцы! – сообразил Пашка.

– Неа – что? – спросил Рын.

– Пашка, – сказала Алиса укоризненно, – как же Рын может знать слово, которое изобрели совсем недавно?

– А я думал, что они сами себя так называли, – сказал Пашка.

– А наверх не хочется? – спросила Алиса, она тоже помогала себе жестами, и Рын ее сразу понял.

– Страшно, – ответил Рын. – Потому что безволосые люди нас убьют.

– Нет! – возмутился Пашка. – Безволосые никого не убивают. Они цивилизованные, они овладели природой и летают в космос.

Рын Пашку не понял, но улыбнулся.

– Ты же видишь, – сказала Алиса. – Мы не хотим зла.

– Вы – другое дело, – ответил Рын. – Ты хорошая. Ты так похожа на женщину, которая попала к нам давно, когда Рын был маленьким. Она пришла сверху и осталась жить у охотников. Рын ее очень любил.

– Наверное, тоже заблудилась, – сказал Пашка.

– Я покажу, – сказал Рын.

Он повел гостей внутрь низкой пещеры, где остановился перед гладкой стенкой, на которой было много рисунков мелом.

– Смотри, – сказал Рын.

На стене был портрет женщины с длинными белыми волосами. Портрет этот был приблизительный, как будто его рисовал пятилетний ребенок. Так что угадать, кто нарисован, было невозможно.

– Смотри! – Пашка бегал вдоль стены и рассматривал рисунки. – Это мамонт! А это саблезубый тигр! Они здесь водятся?

– Совсем мало осталось, – сказал Рын. – Кус-кус нет. Даль ходи.

– Наверное, когда неандертальцы скрывались здесь от древних охотников, – сказала Алиса, – то и животные тех времен тоже стали прятаться в пещерах.

Охотники у костра принялись петь. Пели они заунывно, медленно и однообразно, а вместо припева хором рычали.

– Он кус-кус что? – спросила Алиса, показывая на мамонта.

Молодая женщина, что несла факел, нагнулась и подняла с пола белесую тряпку.

Алиса увидела, что это белый лишайник. Значит, здесь есть подземные растения, которые никогда не видели света.

– Рын – кус-кус нет, – сказал охотник, и это значило, что лишайники не годятся людям в пищу.

– Ого! – воскликнул Пашка. – Что мы видим!

На стене был изображен настоящий дракон, вокруг которого, словно для масштаба, были нарисованы маленькие человечки с копьями.

– Драка, – сказал Рын. – Много кус-кус, но бух!

И Алисе стало ясно, что в таком драконе много мяса и он – желанная добыча для неандертальцев, но, к сожалению, охота на него очень опасна и многие погибают во время нее. И чтобы Алиса в этом не сомневалась, Рын показал на лежащего у ног дракона человечка.

– Амба! – сказал он.

Пашка, не отрываясь, глядел на дракона, и Алиса поняла, что теперь Пашка не поедет обратно до тех пор, пока не отыщет и не поразит в честном бою подземное чудовище.

– Учти, – сказала Алиса, – если драконы здесь и сохранились, то их нужно немедленно занести в Красную книгу и охранять как зеницу ока.

– Ладно, – согласился Пашка. – Одного мы с тобой поразим, а остальных будем охранять как зеницу ока.

– А кто рисовал все это? – спросила Алиса.

– Рын! – Охотник ударил себя кулаком в грудь, и звук получился такой гулкий, что по пещере раскатилось эхо.

Женщина подняла с пола кусок мела, Рын жестом велел Алисе встать к стене, прижавшись спиной, и быстро обвел ее мелом, потом велел отойти и показал на Алисин силуэт на стене, очень гордый своим мастерством.

– Так каждый может, – сказал Пашка, – тоже мне художник!

Но этим работа Рына не закончилась. Поглядев на Алису, он вернулся к своему рисунку и нарисовал два кружка на месте глаз, потом вертикальную полоску – нос и горизонтальную – рот. Затем подошла очередь волос – их он нарисовал прямыми линиями, и теперь Алиса стала точной копией той женщины, что была нарисована раньше. Сходство поразило и самого художника.

– Ах! – воскликнул он.

А женщину, которая держала факел, больше всего потрясло мастерство художника. Жестами и междометиями она уверяла, что сходство портрета с Алисой – потрясающее. И она так громко восторгалась, что сбежалось все племя. И, конечно же, все были потрясены талантом Рына.

Тут Пашка не выдержал. Он отобрал у Рына кусок мела и заявил:

– Хоть в школе по рисованию у меня всего четверка и художником я становиться не намерен, но я обязан показать, что умеет делать обыкновенный талантливый школьник двадцать первого века.

Он велел молодой женщине с факелом встать у стены и принялся рисовать ее портрет. Портрет был не очень удачным, но, разумеется, куда ближе к действительности, чем работа Рына. Алиса предпочла бы, чтобы Пашка не демонстрировал свои таланты, но останавливать его – это значит еще более укрепить в упрямстве. Так что она терпела и ждала, чем это кончится.

Все племя глазело на Пашку. Принесли еще факелов, чтобы приезжему художнику было сподручнее. Пашка увлекся, очень натурально изобразил шерсть, скошенный лоб, маленькие глазки и даже шкуру, в которую женщина была закутана.

Минут двадцать он трудился. Потом отошел на два шага, склонив голову, обозрел свой труд и сказал:

– Готово. Принимайте работу.

Охотники вежливо смотрели на стену, потом хромой охотник сказал:

– Шкура похожа.

Охотники разошлись, а женщина поглядела на свое изображение и вдруг заплакала.

Ее подруга обняла натурщицу и повела прочь.

Алиса и Пашка остались одни.

– Ничего не понимаю, – рассердился Пашка. – Я же старался. Неужели моя картина хуже, чем эти детские каракули?

– Не знаю, – сказала Алиса. – Может быть, они не привыкли к таким рисункам.

– Да, – утешил себя Пашка, – им еще расти и расти, пока они поймут искусство.

Они вернулись к костру. Охотники подвинулись, освобождая им место. Пока жарилась медвежатина, молодые женщины спели гостям песню, а воины сплясали боевой танец, в котором они очень понятно изобразили, как охотятся на мамонта.

– Рын, – спросила Алиса, – а почему Пашкина картина вам не понравилась?

Рын ответил, что понравилась, но видно было, что говорит он это только из вежливости.

Алиса пристала: говори правду. И Рын, вздохнув, объяснил, что Пашка, к сожалению, не понимает искусства. Искусство должно показывать не то, что видишь, а то, что хочешь увидеть. Если ты рисуешь картину охоты, то зверь должен быть побежден. Если ты рисуешь человека, то человек должен быть красивым. Вот Алису Рын нарисовал красивой, а Пашка нарисовал Кы-ну очень некрасивой, он показал, что у нее на теле волосы, что у нее маленькие глазки и низкий лоб, но это же не искусство!

Может быть, Алиса не все тонкости речи Рына поняла, но главное было ясно: не быть здесь Пашке великим художником.

Охотники спрашивали Алису, как там, наверху, как охота, есть ли мамонты? И когда Алиса пыталась объяснить, что там уже совсем другая жизнь, что безволосые люди на мамонтов не охотятся, ее не понимали.

– А чего бы вам не вернуться наверх? – спросила Алиса. – Вас там никто не обидит.

– Обидят, – ответил Рын уверенно.

– Можно послать кого-то из вас, пускай поглядит.

– Нет, – ответил Рын. – Мы знаем. Безволосые охотятся на нас и очень мучают.

После обеда Алиса спросила:

– Пашка, а где фотография брата Гарольда? Нужно ее показать неандертальцам, может, они его видели.

– Правильная мысль, – сказал Пашка. – Я как раз собирался сходить на лодку и принести фотографию.

– И заодно принеси оттуда чего-нибудь вкусненького для наших хозяев.

– И об этом я тоже подумал, – сказал Пашка.

Он включил фонарь и пошел к лодке. Никто его не останавливал – нужно человеку куда-то сходить, его воля.

– И куда вы дальше? – спросил Рын.

– Вниз, – сказала Алиса. – У нас там дело.

– Нет, – сказал Рын. – Вниз нельзя. Внизу плохо. Внизу вас обидят.

– Но что там такое?

– Там царство Четырехглазого!

При этом имени все вокруг костра начали водить ладонями у лица – видно, отгоняли злого духа. Женщины завывали, дети плакали, а мужчины били копьями в пол и угрожающе рычали.

– Чем он опасен? – спросила Алиса. – Он дракон?

– Он хуже дракона. Дракона мы кус-кус, а Четырехглазый нас кус-кус.

– Людоед?

– Много наших людей погибло навсегда, попав в его царство, – объяснил Рын.

Тут вернулся Пашка с целой коробкой спелых яблок.

Неандертальцы сначала не хотели их есть, боялись, но потом, видя, как Пашка хрустит яблоком, последовали его примеру.

Ну и радость началась!

Алиса следила, чтобы и маленьким досталось, и старикам, которые выползли откуда-то из пещер. К счастью, Семен Иванович не пожалел яблок и всем хватило.

– Вот это вы будете есть каждый день, если подниметесь наверх, – сказала Алиса, которой очень хотелось, чтобы неандертальцы вернулись на поверхность.

– Но мы не знаем туда пути – давно уже обвалились все пещеры и забыты ходы, – сказал Рын.

– И не мечтай, обойдемся без этих красных шаров, – сказал хромой охотник. – Там безволосые. Там друзья Четырехглазого.

Пашка воспользовался паузой и вытащил фотографию Гарольда.

– Простите, – сказал он, протягивая ее Рыну, – вы не видели где-нибудь такого человека?

Рын взял фотографию, посмотрел на нее, и вдруг лицо его исказилось гримасой ужаса.

– Нет! – закричал он. – Никогда!

Другие неандертальцы, любопытствуя, что же так испугало смелого охотника, подходили, смотрели на фотографию, и при виде лица Гарольда Ивановича их охватывал ужас. Женщины тащили детей, прятали их в темноте, охотники потрясали копьями.

– Чего вы так испугались? – спросил Пашка. – Это фотография одного хорошего человека, энтомолога, мы его должны спасти. Вы что, фотографии раньше не видали?

Но Алиса уже поняла, что не в фотографии дело – эти люди узнали Гарольда Ивановича и почему-то его испугались.

– Кто он такой? – спросила Алиса у Рына.

– Ты знаешь! – сказал он.

– Я не знаю о нем ничего плохого.

– Ты его друг, – сказал Рын и поднял копье.

– Они его друзья! Они шпионы Четырехглазого! – раздались крики.

Несколько копий уткнулись в грудь Алисы. Пашка отступал от занесенного над его головой каменного топора.

– Честное слово, мы ничего не знаем! – закричала Алиса. – Мы его даже никогда не видели.

«Еще мгновение – и нас убьют, – поняла она. – Это же дикие люди!»

Но в этот момент раздался голос Рына:

– Охотники великой пещеры не проливают кровь детей! Остановитесь.

Остальные нехотя опустили оружие.

– Может быть, они в самом деле ни в чем не виноваты, – сказал Рын. – Они пришли сверху, а не снизу.

– Тогда пускай уходят, – сказал хромой охотник.

– Пускай уходят! – закричали остальные неандертальцы.

– Пошли, Павел, – сказала Алиса.

– Пошли, нас здесь не поняли, – сказал Пашка и поднял фотографию Гарольда Ивановича с пола пещеры. – Может, еще пригодится.

Когда они уходили, ни один неандерталец не тронулся с места.

Вслед им глядели враждебные глаза.

Отойдя метров на сто, Алиса обернулась. Сзади по-прежнему горел костер, и вокруг него черными сутулыми тенями стояли охотники.

– Ничего страшного, – сказал Пашка. – Спустимся пониже, найдем дракона.

Глава седьмая
ЦАРСТВО ЧЕТЫРЕХГЛАЗОГО

– Подытожим, что нам известно, – сказал Пашка, забравшись в лодку. – Где-то здесь, под нами обитает человек, который похож на Гарольда Ивановича. А может быть, это и есть Гарольд Иванович.

– Вряд ли, – сказала Алиса. – Ведь неандертальцы говорили, что он людоед.

– Для того чтобы проверить информацию, мы должны спуститься в так называемое царство Четырехглазого и посмотреть на него.

– Если он нас не съест, – сказала Алиса.

– Съесть нас нелегко, – уверенно возразил Пашка. – Зубы обломает. Нас с тобой целое племя неандертальцев убить не смогло.

– И не хотело, – сказала Алиса.

– Дикарям доверять нельзя.

– Пашка, если они не оценили твоего произведения искусства, это не значит, что они недостойные люди.

– Дикари, и этим все сказано. Но не отвлекайся. Поехали дальше.

Алиса включила двигатель. Лодка послушно ввинтилась в породу. И снова начали выскакивать на экране цифры глубины.

На этот раз они недолго пробивались сквозь камень. На показателе плотности появился 0. Алиса тут же остановила лодку. Та покачнулась, проехала по инерции вперед, но на этот раз, к счастью, никуда не упала.

– Добро пожаловать в царство Четырехглазого, – сказал Пашка.

Алиса выскочила из лодки на пологий откос громадной полости и удивилась: вокруг было светло. Свет исходил от стен, он был мерцающим, тусклым, но фонарей не требовалось.

– Алиска, – сказал Пашка, – ты взяла счетчик радиации?

– Нет, я не думала...

– Типичное урановое свечение, – сказал Пашка. То ли он где-то об этом читал в фантастическом романе, то ли полагал, что радиация должна быть светящейся, но сказал он это так уверенно, что Алиса невольно сделала шаг назад.

Но потом заметила, что светится не вся стена, а точки на ней, словно зеленые звездочки. Вот одна звездочка оторвалась от стены, перелетела на другое место...

– Алиса, стой! – закричал Пашка. – Ты с ума сошла!

Но Алиса уверенно подошла к стене. Так она и думала – вся стена была усеяна светлячками.

Они переползли на подставленный Алисой палец, и Алиса показала светящийся палец своему другу. Тот, конечно, сообразил, что видит насекомых, но не сдался.

– Может, они тоже радиоактивные, – сказал он. – Ты поосторожнее.

Алиса огляделась – полость была столь огромна, что ни потолка, ни дальнего ее конца не было видно. Алиса прислушалась. Неподалеку журчала вода.

Туда они и направились.

Под ногами пружинил белый мох, идти было легко, как по ковру. Вскоре они увидели подземную речку, которая бежала по камням. В воде мелькали тонкие прозрачные рыбки.

– Жалко, что папы нет, – сказала Алиса. – Он бы страшно обрадовался. Такое открытие!

– Ничего страшного, – сказал Пашка, – считай, что это открытие сделали мы с тобой. Интересно, хватит его на Нобелевскую премию?

– Пашка, зачем тебе Нобелевская премия?

– Мне бы очень хотелось стать самым молодым ее лауреатом. Тогда меня внесли бы в Книгу рекордов Гиннесса.

– Ну и логика! – удивилась Алиса.

– Какая есть. Представляешь, я прихожу в школу, а все спрашивают: что это за медаль у тебя, Гераскин? А я молчу. Учитель физики спрашивает: что за медаль? А я говорю: можете меня сегодня не спрашивать, я так устал, всю церемонию награждения на ногах простоял.

Порой с Пашкой трудно: непонятно, где кончаются его шуточки и начинаются его глупости.

Они пошли вниз по реке. Светлячки, которых они видели на стене, резвились во мху, и оттого было радостно, как на карнавале.

– Мы сюда будем экскурсии возить, – сказал Пашка.

– Не спеши, мы еще не знаем, кто такой Четырехглазый. Может, он не захочет, чтобы сюда ездили экскурсии.

Пашка замер.

– Прислушайся.

Издалека доносилось постукивание – словно несколько молоточков выбивали дробь.

– В случае чего, – напомнила Алиса, – включай фонарь – он ослепит любого местного жителя.

– Знаю.

Речка повернула, огибая высокий холм. За ним обнаружилась большая впадина, в которой горели фонарики, наполненные светлячками. При свете их были видны маленькие существа, которые откалывали молотками куски породы.

– Шахтеры, – сказал Пашка.

При звуке его голоса работа тут же остановилась.

Шахтеры замерли, испугались.

Алиса смогла их разглядеть. Некоторые из них были в красных или синих колпаках, большинство бородатые, ростом каждый не больше ботинка.

– Это же гномы! – сказала Алиса. – Самые настоящие гномы. У нас один живет в Заповеднике сказок, я с ним знакома. Только все думают, что они все вымерли.

– Это кто вымер? – строго спросил гном с самой длинной белой бородой. – Это мы вымерли?

– Я не говорю, что вы вымерли, – сказала Алиса. – Только так считает наука.

– Значит, ваша наука никуда не годится.

– Разумеется, никуда не годится, я тоже так считаю, – предательски заявил Пашка. – Я лично всегда был убежден, что вы не вымерли.

– И на том спасибо, – сказал самый старый гном.

– Скажите, пожалуйста, – спросила Алиса, – а вы давно здесь живете?

– Мы всегда здесь живем, – сказал гном. – С тех пор как люди вытеснили нас с Земли. Развели машины, автомобили, поезда, раскопали все горы – куда деваться честному гному? Пришлось уйти сюда.

– Но мы не жалуемся, – сказал второй гном. – Мы очень довольны.

– Мы счастливы! – сказал третий.

И что-то в их голосах Алисе не понравилось. Люди редко кричат о том, что они счастливы. Если они кричат, значит, не очень счастливы.

– А вы откуда? – спросил первый гном.

– Мы сверху, с Земли.

– И зачем к нам приехали?

– Мы ищем одного человека, – сказала Алиса. – Он потерялся много лет назад. Паша, покажи фотографию Гарольда Ивановича.

Пашка достал фотографию и протянул старому гному.

Фотография была размером с гнома, и Пашке пришлось поставить ее на землю.

Старый гном посмотрел на лицо Гарольда Ивановича, которое было чуть поменьше его самого, ахнул и упал в обморок. Среди гномов началась паника. Некоторые кидали свои лопаты и кирки, пытались зарыться в породу, другие с криками убежали.

Пашка поймал на бегу одного из гномов, взял его осторожно двумя пальцами и приподнял. Гном зажмурился.

– Простите, – вежливо сказал Пашка. – Вы, кажется, испугались?

Гном кивнул.

– И чего же вы испугались?

– Мы ничего плохого не сделали, – пискнул гном. – Мы выполняем нормы. За что нас так пугать?

– Честное слово, – сказал Пашка, – мы не хотели вас пугать. Мы хотели только узнать. И если вы недовольны, мы уйдем и оставим вас в покое.

С этими словами Пашка осторожно поставил гнома на камень.

– Мы так далеко ехали, – сказала Алиса, – а вы не хотите с нами разговаривать.

– Мы знаем, – послышался голос из-за каменной глыбы, где скрывались несколько гномов. – Вы нас нарочно испытываете. Вас прислал господин Четырехглазый.

– Нас никто не присылал, – сказала Алиса. – Но если вы скажете нам, как пройти к этому господину, мы тут же уйдем.

Гномы осмелели, некоторые стали выходить из укрытий. Старый гном пришел в себя и сказал:

– Уберите портрет. Умоляю. У меня слабые нервы.

Пашка послушно спрятал фотографию в карман.

– Куда же нам идти?

Гномы как по команде показали вниз по течению подземной реки.

Когда Алиса с Пашкой отошли на несколько шагов, сзади послышался тонкий голосок:

– Простите, а зачем вы сюда приехали?

Алиса обернулась. Гномы стояли кучкой, в руках покачивались фонарики со светлячками.

– Я же сказала – мы ищем человека, портрет которого вас так напугал.

– Мы всегда здесь живем, – сказал гном. – С тех пор как люди вытеснили нас с Земли. Развели машины, автомобили, поезда, раскопали все горы – куда деваться честному гному? Пришлось уйти сюда.

– А зачем? – повторил вопрос старый гном.

– Мы хотим ему помочь.

– Я же говорил, говорил! – воскликнул самый молодой из гномов. – Они его хотят убить!

– Тише! – Старый гном погрозил ему кулачком. – Как же вы ему поможете?

– Мы еще не знаем.

– Мы вам подскажем.

Алиса присела на корточки.

– Вообще-то он бессмертный, – прошептал старый гном. – И убить вам его будет очень трудно. Но у него во дворце есть потайная комната. В этой комнате хранится стеклянное яйцо. Если яйцо разбить, то он умрет. Понимаете – его смерть в стеклянном яйце! Но это страшная тайна, которую знаем только мы, гномы. Если вы нас выдадите, мы все погибнем. Он не пощадит нас!

Гном замолчал.

Его руки так дрожали, что фонарь раскачивался словно маятник.

– Спасибо за информацию, – сказал Пашка. – А у этого Четырехглазого другое имя не Кощей Бессмертный?

– Есть такая версия, – прошептал гном.

– Скажите, – спросила гномов Алиса, – а почему вам пришла в голову мысль, что мы намерены убить Четырехглазого?

– Это не мысль, – ответил старый гном, – это наша мечта.

– Но почему мы?

– Вы молодые, красивые, – сказал гном. – Пришли сверху. Наверное, там узнали, что у нас безобразия, вот и прислали вас его убить. Правильно? Мы угадали?

– Посмотрим, – сказал Пашка. – А драконы здесь водятся?

– Водились, – сказал гном.

– Пойдем, Пашка, – сказала Алиса. – Ты забыл, что время дорого? Семен Иванович волнуется.

По берегу реки вела дорожка. Сначала она была просто тропинкой, видно ее протоптали гномы, но вскоре, возле озера, где впадала подземная река, тропинка закончилась. Поперек нее был шлагбаум из окаменевшего бревна. На нем прибито объявление:

ГОСУДАРСТВО ПОРЯДКА ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН

– Мы почти у цели, – сказал Пашка. – Всегда жалею, что приходится вступать в бой без оружия.

– Пашенька, – попросила Алиса, – а можно сегодня не сражаться?

– Ты с ума сошла, – сказал Пашка. – Когда мне еще придется встретиться с настоящим Кощеем Бессмертным?

– Но ведь это не Кощей, вернее всего, это несчастный брат Семена Ивановича, который заблудился и сошел с ума.

– Не исключено, – согласился Пашка. – Но что мы знаем о самом Семене Ивановиче?

– Он твой знакомый.

– Он совершенно случайный знакомый. И очень странный притом. Мне просто не пришло в голову, что он злобный волшебник. И он сознательно послал нас на смерть. Где письмо для Гарольда?

– У меня.

– Надо его немедленно вскрыть. Там инструкция по завоеванию Земли.

– Нехорошо читать чужие письма.

– Алиса, неужели ты до сих пор не поняла, что мы имеем дело с волшебниками, которые никого не щадят?

– Волшебники вымерли.

– Нет, не вымерли. Они спрятались под землей. Ты это отлично знаешь, но пытаешься закрыть глаза на правду. Земле грозит опасность. Мой долг – проникнуть к Кощею и разбить стеклянное яйцо. Но, как ты понимаешь, без боя он не сдастся. Давай сюда письмо.

– Нет, не отдам!

– Я отниму силой!

Алиса поняла, что Пашка настроен решительно. Он уже сам верил в то, что они вступают в царство зла.

Алиса подошла к шлагбауму и хотела подлезть под него, но как только она до него дотронулась, раздался пронзительный вой.

Алиса отпрыгнула от шлагбаума, но вой не прекратился.

– Все, – сказал Пашка. – Поздно. Мы обнаружены.

– Ну и что? – сказала Алиса. – Мы ничего плохого не сделали.

– Бежим обратно к неандертальцам!

Но договорить Пашка не успел.

По берегу озера к ним спешили странные существа, похожие на людей, но в то же время не люди. Они были очень худыми, длинные руки болтались будто тряпичные, узкие лысые головы покачивались на бегу. Существа были покрыты короткой светлой шерстью, сквозь которую просвечивала голубая кожа. В руках они держали заостренные палки.

– Нарушение, – сказало первое существо, подходя к Алисе. – Это нельзя.

Лица у существ были неподвижны, глаза белые, невидящие, движения вялые.

– Пропустите, – сказал Пашка, – нам нужно к вашему царю.

– Слово неизвестно, – ответило существо. – Вы подлежите изоляции для выяснения личностей.

– Еще чего не хватало! – возмущался Пашка. – Мы сами пойдем куда хотим.

– Нет, – сказало существо, – вы не пойдете куда хотите, а пойдете куда положено.

Алиса оглянулась. Сзади подошли еще три таких же монстра.

Пашка протянул руку, чтобы отвести железную палку, которую существо уперло ему в грудь. Но как только он коснулся ее, из палки вылетела искра и Пашка скорчился от боли.

– Нет! – закричала Алиса. – Вы не смеете!

– Мы охраняем порядок, – сказало существо. – Вы не хотите слушаться, вы сами виноваты.

С этими словами оно направило палку на Алису, которая склонилась к Пашке.

– Мы пойдем, – сказал Пашка. – Но учтите, что я вам это припомню.

Существо кашлянуло, а может, засмеялось.

– Тебе больно? – спросила Алиса, когда они, миновав шлагбаум, шли по прямой, посыпанной песком дорожке.

– Я умею терпеть, – сказал Пашка.

Они миновали большое квадратное поле, окруженное изгородью из колючей проволоки. На поле трудились неандертальцы. Они выкапывали какие-то белесые корни. По углам поля маячили белоглазые существа с железными палками.

Затем они обогнали вереницу гномов, каждый из которых тащил большой тяжелый мешок, сгибаясь под его тяжестью. За гномами также брело существо с палкой. Один из гномов споткнулся и свалился под тяжестью мешка.

Вжжик! – вылетела молния из палки, и гномик начал корчиться по камням от боли, потом дернулся и затих. Остальные гномы остановились, но существо с палкой прикрикнуло на них:

– Вперед! Не останавливаться!

Ногой оно отбросило с дорожки тельце гнома, подобрало мешок и сунуло в сумку, прикрепленную к животу.

Пашка сжал кулаки.

– Нет, – прошептал он, – я не уйду отсюда, пока не прекращу этот фашизм.

Он с такой ненавистью поднял кулак, обернувшись к охранникам, что те отшатнулись, выставив вперед свои палки.

Это мгновенное отвлечение дало Алисе возможность наклониться и схватить лежащего у обочины гнома. Она сунула его в нагрудный карман. Никто вроде бы не заметил.

Дорога стала шире. Теперь она шла между совершенно одинаковых высоких каменных стен, в которых через равные промежутки были двери, забранные железными решетками. Из-за одной двери доносился плач.

– Кто там? – спросила Алиса.

– Не разговаривать, – ответил охранник.

У следующей двери Алиса увидела обитателей этих камер: прижавшись к решетке, стояли маленькие существа, во всем подобные тем, что вели Алису и Пашку. Они протягивали сквозь решетку покрытые белой шерсткой лапки и молили:

– Кушать! Кушать! Кушать!

Один из охранников на ходу ударил ногой по решетке – существа отскочили.

– Я думал... – начал было Пашка.

– Как видишь, и среди них не все равны, – поняла его Алиса.

Она осторожно прижимала руки к груди. Ей казалось, что тельце гнома все холодеет. А может, ей только кажется?

– Пашка, – сказала она по-английски, полагая, что охранники его не знают, – держи себя в руках. Никаких неосторожных поступков. Мы должны выбраться отсюда.

– Понимаю, не маленький, – сказал Пашка. – Только я очень злой.

Охранники остановились перед пустой камерой. Решетка была откинута.

– Входите, – сказал главный охранник, подталкивая пленников концом палки.

Решетка опустилась. Звякнул замок.

Охранники пошли прочь. Алиса осторожно выглянула. Один из них остался, стоит у стены, сторожит.

Внутри было темно. Лишь кое-где по стенам ползали зеленые светлячки.

– Мы требуем свидания с вашим начальником! – сказал Пашка, подходя к решетке.

– Молчать!

– Я буду жаловаться!

Молния из палки пролетела через всю камеру и ударилась, разлетевшись искрами, в дальнюю стену.

– Погоди, Паш, – сказала Алиса.

Она отошла в угол так, что охранник не мог ее увидеть, и осторожно достала из-за пазухи гнома. Гном уместился на ее ладонях, только босые ноги свешивались вниз. Глаза его были закрыты. Алиса осторожно приложила ухо к его груди. Вроде бы сердце бьется. Она погладила гнома пальцем по щеке. Щека теплая.

Алиса присела на корточки и открыла аптечку, что была вмонтирована в пояс ее комбинезона. Оттуда она достала мягкую ампулу со стимулятором. Пашка стоял рядом, закрывая Алису от решетки.

Алиса закатала рукав рубашки гнома и приложила ампулу к его руке. Чуть-чуть прижала, чтобы под кожу гнома попала капля лекарства.

– Чего делаете? – спросил неожиданно охранник, заглядывая сквозь решетку.

– Спим, – сказал Пашка. – Не приставай.

Гном пошевелился. Приоткрыл глаза. И в ужасе зажмурился. Алиса поднесла губы к уху гнома:

– Тише, – прошептала она, – а то они услышат.

Гном понял. Он так и остался лежать у нее на ладонях. Но терпения его хватило ненадолго, вдруг он стал биться, стараясь вырваться. Алиса опустила его на пол.

Гном кинулся к решетке, но увидел ноги охранника и бросился обратно к Алисе.

– Вам надо будет подождать, – прошептала Алиса, – пока нас уведут. Потом вы сможете уйти. А сейчас опасно.

– Спасибо, – сказал гном. – Я думал, что меня убили. А вы кто такие?

– Мы ваши друзья.

– Если вы наши друзья, вы должны убить Четырехглазого, – сказал гном убежденно.

– Я это обязательно сделаю, – сказал Пашка.

– Но сделать это можно, только если знаешь страшный секрет, – сказал гном. – Я вам его открою.

– Если вы про стеклянное яйцо, в котором жизнь Четырехглазого, то мы уже знаем.

– Как? Откуда вы знаете эту страшную тайну?

– Нам сказали об этом другие гномы.

– Тогда судьба всего нашего мира в ваших руках.

И в этот момент послышался шорох. Гном бросился в угол и сжался там в комочек. Плита в центре камеры поднялась, и оттуда хлынул яркий свет.

В люке появилась голова охранника.

– Следовать за мной! – приказал он.

Глава восьмая
ВО ДВОРЦЕ ЧЕТЫРЕХГЛАЗОГО

Вниз вела белая лестница. Возле нее стояли еще два охранника, такие же белоглазые, слепые, с такими же длинными, как хоботки, носами и большими ушами.

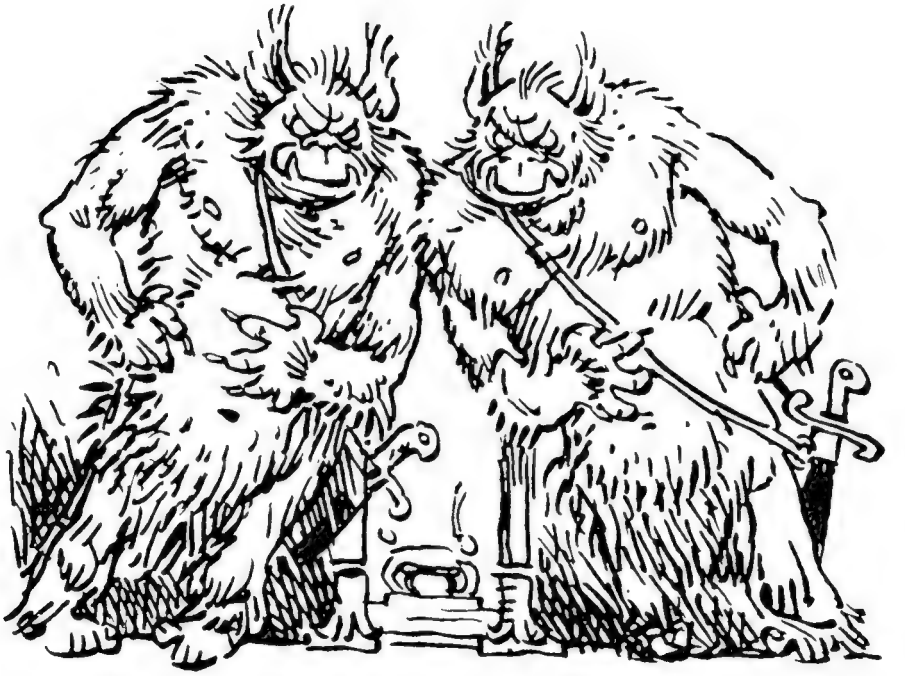
Коридор под камерами был ярко освещен и покрашен в белую краску, отчего создавалось больничное настроение.

Охранники быстро пошли вперед. Два охранника впереди, третий сзади.

По сторонам коридора были двери, такие же белые, как и стены. Из-за некоторых слышались голоса, одна была приоткрыта, и кто-то там плакал.

Поворот. За ним еще один охранник. При виде своих коллег он отступил, вжался в стену. Еще поворот. Еще охранник. Они бежали по лабиринту, и за каждым углом стоял охранник с палкой наготове.

Потом они попали в круглый зал. По сторонам большой двери в конце его стояли на страже два чудовища, которых Алисе и в книгах видеть не приходилось. Это были огромные карикатуры на людей, коренастые, корявые, с зубчатыми мордами и глазами навыкате. Чудовища качнулись



навстречу друг другу, закрывая проход. Первый охранник остановился в шаге от них и прошептал пароль. Чудовища нехотя расступились. Проходя мимо, Алиса подняла голову и встретилась взглядом с чудовищем. И поняла, что оно слепое – белые глаза были без зрачков.

Пропустив пленников вперед, охранники остались снаружи. Дверь тихо закрылась.

Они стояли в самом настоящем тронном зале, как будто перенесенном в это подземелье из старинной сказки. Алисе даже показалось на секунду, будто она видела его на картинке в детской книжке.

Широкая красная ковровая дорожка вела к возвышению, на котором стоял позолоченный каменный трон с высокой спинкой, наверху которой была прикреплена резная хрустальная корона. Балдахин над троном был сделан из белого меха, а под сводчатым потолком было прикреплено вырезанное из камня изображение огромного отвратительного насекомого, глаза которого светились и, казалось, наблюдали за каждым, кто посмел войти в тронный зал.

Прошла минута, может быть, две, пока Алиса и Пашка осматривались, не смея шагнуть вперед. Но зал был по-прежнему пуст и зловеще тих.

– Эй! – не выдержал наконец Пашка. – Кто тут живой?

– И-вой... – откликнулось эхо.

Алиса разглядывала стены зала. Они были украшены картинами, выложенными драгоценными камнями. На картинах были изображены мрачные горы, ущелья, высокие ели, тесно стоящие у подножия гор, между деревьев была протянута паутина, у подножия елей росли громадные поганки и мухоморы. На мухоморах сидели черные улитки. Картины эти были сделаны так тщательно, что не сразу сообразишь, что стоишь в зале, а не в темном лесу. Каждая картина была выпилена из малахита, горы выложены из сапфиров и бирюзы.

– Не прячьтесь от меня! – сказал Пашка. – Меня не надо бояться.

– Пашка! – укоризненно сказала Алиса. – Ты опять за свое.

– Нет, ты только подумай: притащить нас в подземелье, издеваться, а потом привести в минералогический музей.

– Храбришься? – спросила Алиса. – Мне тоже не по себе.

– Я ничего не боюсь, – ответил Пашка громко, чтобы тот, кто подслушивает, не сомневался в Пашкиной отваге. – Просто мне все это надоело.

С этими словами он повернулся и направился обратно к двери, толкнул ее, но дверь была заперта.

– Эй! – сказал Пашка. – Выпустите меня!

Он стучал в дверь кулаками. Но дверь была гранитной, так что он только отбил кулаки.

– Ну ладно! – сказал Пашка. – Тогда я объявляю здесь революцию! Отныне я и есть Четырехглазый! Кощей Бессмертный! Властитель подземного царства!

Он перебежал зал, поднялся на три ступеньки и сел на трон.

– Ну как? – спросил он. – Похоже? Где бы еще корону найти?

Но тут он вскрикнул, подскочил на троне, скатился по ступенькам вниз и сел на ковер.

– Что? Что случилось? – Алиса подбежала к нему.

– Дергается! Током бьет! – сказал Пашка. – Даже трон у них не настоящий.

– Я думаю, что за нами наблюдают, – сказала Алиса. – Наблюдают и посмеиваются. Пустили детей в тронный зал! Посмотрим, настоящие ли это противники или просто детский сад, который вышел сюда порезвиться?

– А что я такого сделал? – обиделся Пашка. – Я пошутил. Каждый может пошутить.

В тишине послышался тихий смех. Совсем рядом.

Он доносился откуда-то из-за трона.

Алиса быстро пошла туда, откинула тяжелую махровую портьеру и увидела за ней небольшую приотворенную дверцу.

– Пашка, смотри.

Пашка уже был рядом.

– Он туда спрятался?

– Может, это ловушка?

– Какая еще ловушка? Мы с тобой где? Разве не в ловушке?

– В ловушке.

– А из ловушки в ловушку можно ходить без пропуска.

С этими мудрыми словами Пашка первым ступил в тускло освещенный проход за тронным залом.

Это был узкий, чистый, безликий коридорчик, в который выходило несколько дверей.

За первой был какой-то склад, там грудами лежали вывески и плакаты: «Вход воспрещен», «В труде высшее счастье», снова «Вход воспрещен», «Норму выполнил дотла – будет свежей голова», «Сегодня недоел, завтра остался запас», снова «Вход воспрещен» и просто «НЕЛЬЗЯ!».

Они прошли ко второй двери. Она была закрыта на засов. Пашка хотел откинуть засов, но Алиса сказала:

– Если он спрятался, то не сюда.

– Разумно, – согласился Пашка.

В третьей комнате стояло несколько вырубленных из камня ящиков. Все они были наполнены драгоценными камнями. В одном – груды рубинов, в следующем – алмазы, затем ящик с изумрудами. Все камни были огранены и сверкали в полутьме, но оттого, что их было слишком много, они не казались драгоценными камнями, а выглядели как кучи стекляшек. Ведь драгоценный камень, чтобы быть драгоценным, должен быть одиноким.

Они повернули за угол. Коридор кончался небольшой лестницей и перилами. Двенадцать ступенек. Они поднялись на площадку, куда выходила дверь, обитая кожей. Обыкновенная дверь, какие бывают в старых домах.

На двери был прикреплен почтовый ящик. На стене рядом с дверью – кнопка звонка.

Пашка толкнул дверь – она была заперта. Тогда Алиса нажала на кнопку звонка. Внутри отозвалось мирно: дзинь-дзинь.

– Иду, иду, – послышался за дверью голос.

Дверь приоткрылась на цепочку, и в щели блеснули очки.

– Вам кого? – спросили изнутри.

Это было как во сне. Только что ты прошел мимо чудовищ, стоял в тронном зале, видел ящики с изумрудами – и вдруг как пробуждение, а может, провал в другой сон – мирный голос за обыкновенной дверью.

Алиса не нашлась, что сказать, ведь не Кощея же спрашивать. Но Пашка вдруг сообразил.

– Простите, – спросил он, – Гарольд Иванович здесь живет?

– Гарольд Иванович? А кто вас к нему послал?

– У нас письмо к нему от брата, Семена Ивановича.

– Не может быть! Сейчас отворю.

Звякнула цепочка, дверь растворилась. На пороге стоял невысокого роста худенький пожилой человек, в очках, одна дужка которых была сломана и подвязана веревочкой. Он был в синем халате и шлепанцах на босу ногу.

– Заходите, пожалуйста, умоляю вас, здесь опасно стоять снаружи. Проходите внутрь, проходите.

Алиса и Пашка прошли узким темным коридором, где стояло длинное, в рост человека, зеркало и на пустой вешалке висела шляпа, в небольшой кабинет. Стены кабинета были уставлены стеллажами с книгами, там стоял письменный стол, на котором лежали бумаги и тетради, и горела лампа под зеленым абажуром. Перед столом стояли два черных кожаных кресла.

Алиса посмотрела на Пашку, Пашка на Алису.

– Давайте знакомиться, молодые люди, – сказал хозяин квартиры. – Меня, как вы изволили проницательно догадаться, зовут Гарольдом Ивановичем.

– Я – Алиса Селезнева.

– А я – Павел Гераскин.

– Чудесно, чудесно. – Гарольд Иванович пожал гостям руки. – Уж я не чаял дождаться вестей из дома. А как же вам удалось меня отыскать?

– По фотографии, – сказал Пашка и протянул Гарольду Ивановичу его портрет, который вызывал такой ужас у обитателей подземелий.

Пашка толкнул дверь – она была заперта. Тогда Алиса нажала на кнопку звонка. Внутри отозвалось мирно: дзинь-дзинь.

Гарольд Иванович взял фотографию и принялся ее рассматривать.

– Как я изменился! – сказал он. – Даже не нужно смотреть в зеркало, чтобы понять, как промелькнувшие годы избороздили мое чело морщинами. О годы, годы!

С этими словами Гарольд Иванович прошел за стол, сел и поднес фотографию к глазам.

– У меня еще письмо к вам есть, – сказал Пашка и протянул Гарольду Ивановичу конверт.

– От брата? От Сени? Как я вам благодарен, мои юные друзья! Да вы садитесь, садитесь, отдыхайте, в ногах правды нет, как говорил Цицерон.

Гости послушались. Но как только Алиса опустилась в кресло, она от удивления подскочила – кресло лишь казалось кожаным и мягким. В самом деле оно было искусно вытесано из черного мрамора. Только ударившись об него, можно было понять, что кресло – обман.

Пашка вскочил, потирая ушибленный локоть.

– Это как понимать? – воскликнул он. – Зачем вы обманываете людей?

– В чем дело? – Гарольд Иванович поднял голову и удивленно уставился на Пашку сквозь очки.

– Это же не кресла, а камни!

– Ах, да, – Гарольд Иванович виновато улыбнулся. – Я виноват! Эти кресла стоят здесь так давно и так давно в них никто не садился, что я сам поверил, что они кожаные. Господи, как бежит время! Поймите, я старею, я теряю память, я становлюсь рассеянным. И мне так дороги все воспоминания о моем земном прошлом, о нашей с Сеней квартире, о дедушкиных креслах, что я стараюсь поддерживать в себе иллюзию того, что жизнь продолжается. Да, жизнь моя явно уже прекратилась, но я себя обманываю... Простите старого немощного человека.

– Ничего, – смутился Пашка, – я понимаю. Просто от неожиданности...

– Хотите, я уступлю вам мой стул? – Гарольд Иванович даже приподнялся. – А я постою...

– Нет, что вы! – возразил Пашка. – Сидите, я не устал.

Наступила тишина. Гарольд Иванович снова углубился в чтение письма.

Пашка отошел к полкам, стал смотреть на корешки книг. Потом, не подумав даже, что надо попросить разрешения, протянул руку, чтобы достать одну из книжек. И тут же отдернул руку, потому что между пальцами и стеллажом пролетела голубая искра.

– Ой! Током бьет!

– Что? – Гарольд Иванович был раздражен. – Из-за вас я не могу дочитать письмо! Что еще стряслось?

– Я хотел взять... А оно ударило.

– Это остаточное электричество, – сказал Гарольд Иванович. – Возможно, вам приходилось об этом слышать. Электричество накапливается в горных породах.

Алисе показалось, что глаза Гарольда Ивановича за толстыми стеклами очков улыбаются. Или ей это показалось? А его указательный палец дотрагивается до кнопки посреди стола.

– Не расстраивайтесь, Павел Гераскин, – продолжал Гарольд Иванович. – Это не настоящие книги. Откуда мне здесь их добыть? Это лишь корешки, выточенные из камня. Как ученый и интеллигентный человек я не мыслю себе существования без библиотеки. За долгие годы я выточил эти стены – точную копию библиотеки моего дедушки. Видите – вот полное собрание сочинений Чарльза Дарвина. А это моя любимая книга – произведение французского энтомолога Фабра. Он так интересно писал о муравьях! А дальше справочники, справочники, словари. Но есть книги для развлечения. Да, я не чужд этому. Видите «Пиквикский клуб» Диккенса? А это его же роман «Айвенго».

Алиса послушно смотрела на корешки. На них золотом вытиснены названия. Но ведь «Айвенго» написал не Диккенс, а Вальтер Скотт! А тут написано: «Диккенс».

– Простите, – сказала она.

Но Пашка ее опередил.

– Смешно, – сказал он. – Любой ребенок знает, что «Айвенго» написал Вальтер Скотт.

– Что? – Гарольд Иванович буквально подскочил на стуле. – Конечно же, Вальтер Скотт. А там что написано? Диккенс? Это безобразие! Я прикажу казнить всю типографию! Я их растерзаю!

Рука Гарольда Ивановича потянулась к красной кнопке, но в миллиметре от нее замерла. Гарольд Иванович спохватился и переменил решение.

– Ладно, – сказал он. – Пошутили и хватит. Но я должен сказать тебе, Паша, что ты безобразно воспитан. Если пожилой немощный человек совершил маленькую ошибочку, неужели ты должен смеяться над ним? Неужели у тебя хватит совести смеяться и издеваться?

Казалось, Гарольд Иванович вот-вот заплачет. Голос его дрожал.

– Я не хотел, – сказал Пашка. – Нечаянно получилось.

– Я принимаю твои слова за извинение, – сказал Гарольд Иванович. – И мы забудем об этом печальном инциденте. Прошу тебя, Алисочка, расскажи мне подробнее о моем брате Сене. Как он выглядит, чем занимается? Скучает ли обо мне?

– Он очень по вам скучает и любит вас, – сказала Алиса. – Все двадцать лет, прошедшие с того дня, как вы потерялись в пещере, он не вылезал из кузницы, чтобы изготовить подземную лодку для вашего спасения.

– Это удивительно, – сказал Гарольд Иванович. – Значит, он всегда верил, что я жив? Я этого не хотел.

– Значит, вы нарочно потерялись? – удивилась Алиса.

– Все значительно сложнее, ах, сложнее! Ты еще девочка, тебе не понять той страсти, которая ведет настоящего ученого к подвигам и жертвам. Неужели ты думаешь, что Колумб, отправляясь в безнадежное и опасное путешествие к берегам неизвестной Индии...

– Колумб открыл Америку, а не Индию, – вмешался Пашка.

– Павел, – сказал печально Гарольд Иванович, – ты плохо кончишь. И, может быть, даже в ближайшем будущем.

– Колумб отправился открывать Индию, а открыл Америку, – сказала Алиса.

– Молодец, девочка. Так вот, Колумб также вынужден был разорвать связи со своими близкими, бросить семью, которая его не понимала, и даже оставить на произвол судьбы своих детишек... Но если бы он думал о семье, Америка осталась бы не открыта, а Колумб никогда бы не прославился.

– Но Америка уже открыта. Зачем вы под землю полезли? – спросил Пашка. Он дразнил Гарольда Ивановича, и Алиса, хоть и не одобряла Пашкиного поведения, понимала, что Пашка не верит этому тихому старичку. И ни на секунду не забывает о несчастных гномах.

Гарольд Иванович лишь вздохнул и продолжал:

– Я рожден не для обычной жизни, не для того, чтобы ходить на службу или сидеть в кабинете. Я – из тех пионеров, которые первыми поднимаются на Эверест и достигают Северного полюса. Меня влекут высокие цели познания! – Гарольд Иванович вскочил, начал бегать по кабинету, размахивая руками, халат его распахнулся и летел сзади, словно крылья летучей мыши. – Мой любимый дедушка посвятил жизнь подземным исследованиям. Он открыл восемь видов насекомых, таящихся в глубинах земли, в тишине, в темноте, в подземных озерах и безмолвных реках. Статьи моего дедушки публиковались в ведущих энтомологических журналах Европы! Но Сколопендра Таинственная, безмолвный страж подземных пространств и пропастей, о которой писал в своем труде средневековый путешественник Генрих Сильмузфанский, который утверждал, что укус ее вызывает сладостные видения, Сколопендра Таинственная моему дедушке не далась в руки! И бессмертная слава ускользнула от него! С той минуты, как я осознал себя, с той минуты, как я впервые взглянул на коллекцию моего дедушки, на прозрачные и почти невидимые тельца и ножки насекомых земной пучины, я понял, что у меня в жизни есть призвание. И этому призванию я следовал всю жизнь. Да, всю жизнь! Меня не волновали страсти и шум земной поверхности. Я убегал с уроков, чтобы забраться в подвал или подпол. Я проводил каникулы в пещерах и ямах. В тишине... в тишине... в тишине.

Последние слова Гарольд Иванович произнес тихим свистящим шепотом.

– Но ваш брат Семен Иванович, – сказала Алиса, – рассказывал нам, как вы о нем заботились, как вы заменили ему родителей...

– Я человек долга! – сказал Гарольд Иванович совсем другим, громким пронзительным голосом. – Во мне уживаются две натуры. Одна – романтическая, стремящаяся к неизведанному, к великим свершениям, любящая тишину и уединение подземных глубин. И вторая моя натура – это Долг. Долг с большой буквы. Как тяжело мне было нести свою ношу, тащить на своих слабых, неокрепших еще юношеских плечах заботу об этом толстом, шумном, неуемном мальчишке, полном каких-то шуток,

розыгрышей, необдуманных поступков, всегда жующем что-то, всегда что-то требующем от меня! Как я порой ненавидел его! Но я стискивал свои молочные зубы и нес свой крест. И ждал, с наслаждением ждал того момента, когда Семен подрастет настолько, что я смогу наконец-то оставить его и не мучиться совестью, что я чего-то недоделал! Вы просто не представляете, какой я совестливый человек... Я дождался. Выполнил свой долг и ушел к романтике глубоких пещер. К одиночеству.

– Значит, вы не хотите возвращаться? – спросила Алиса.

– Я! Возвращаться? В сутолоку и суматоху жизни мелких людишек, которые не знают великого слова – Порядок? Которые не имеют высокой жизненной цели? Нет. Мое место здесь. Среди моих коллекций и тишины!

– Но ваш брат так переживает!

– Это несоизмеримо! – Гарольд Иванович расстегнул пижамную куртку, и там обнаружился широкий кованый пояс с прикрепленной к нему связкой ключей. Он выбрал маленький серебряный ключ, подошел к большому резному шкафу и, прикрывая замок от гостей спиной, открыл его. Шкаф был поделен на плоские ящики. Один из них Гарольд Иванович вытащил. Осторожно перенес на письменный стол и произнес: – Можете убедиться сами.

На планшете ровными рядами были прикреплены насекомые. Совершенно одинаковые паучки, почти прозрачные, с ноготь размером, но с длинными тонкими ножками.

– Знаете ли вы, мои дорогие гости, – сказал Гарольд Иванович, – что этот вид паука неизвестен науке? Совершенно неизвестен. Ни один ученый не подозревает о его существовании. И я его открыл! А знаете ли, как он называется? Он называется Паук Гарольди! В мою честь! А в этом шкафу хранится еще более ста неизвестных видов. Более ста. И все они называются в мою честь!

– Очень интересно, – сказал Пашка. – Но если все они Гарольди, как их различить?

– Их вам не надо различать. Я их различаю, и этого достаточно.

– А зачем вам так много одинаковых? – спросила Алиса.

– Одинаковых? В природе не бывает двух одинаковых особей. Каждая отличается. Как отличаемся мы с вами. Я же каждого паука знаю в лицо! Я никогда их не перепутаю. Я должен поймать всех, всех, понимаете? И всех наколоть на булавки. Они все Гарольди – они все мои!

– Но их не останется, если вы их всех поймаете!

– Это мой идеал. Тогда они останутся только здесь! И если вы, профессор Браун, или вы, доктор Сигемицу, захотите убедиться в их существовании, пожалуйста, идите ко мне, просите, умоляйте! И, может быть, я соглашусь показать, а может, и нет...

Гарольд уморился, побледнел. Он устало поставил обратно на место планшет с паучками, запер шкаф и застегнул пижаму.

– Это романтическая половина моей жизни.

– А ту... сколопендру вы нашли?

– Молчите! – вдруг испугался Гарольд Иванович. – Вокруг завистники. Не смейте говорить о самом святом, самом сокровенном!

Он перевел дух, прошел к себе за стол, уселся, устало положил руки перед собой.

Наступило долгое молчание.

Его прервал Пашка:

– А вопрос можно задать?

– Задавай.

– Кто такой Четырехглазый?

– Кто-кто?

– Четырехглазый.

– В жизни не слышал такого имени. А почему ты спрашиваешь?

– Все здесь боятся Четырехглазого. Он правит подземным царством и всех страшно угнетает.

Гарольд Иванович снял очки, прикрыл их ладонью. Покачал задумчиво головой.

– Нет, не приходилось слышать такого имени.

– Но кто же правит этим царством? – не сдавался Пашка. – Кто командует этими... с палками?

– Лемурами?

– Пускай лемурами. Кто сидит на троне в тронном зале? Кто заставляет гномов приносить ему драгоценные камни, кто убивает неандертальцев? Кто держит людей в камерах? Неужели вы не знаете?

– Как? Держит людей в камерах? Угнетает неандертальцев? Здесь? В царстве свободы и порядка? Не представляю. Мальчик, тебя ввели в заблуждение.

– Но кто здесь главный?

– Ума не приложу. Я никогда об этом не задумывался. Наверное, кто-то правит. Но я же ученый, я романтик, я занимаюсь своими делами и не вмешиваюсь в окружающую жизнь.

– А кто вас кормит, кто сделал вам эти кресла и стеллажи?

– Паша, дорогой мой, ты мне надоел, – сказал Гарольд Иванович. – Ты все время задаешь нетактичные вопросы. Я же тебе сказал – совершенно не представляю, что происходит вокруг. Я живу как бы в башне из слоновой кости. Я изолирован от мира и выбираюсь отсюда только на экскурсии в поисках насекомых.

– Странно, – сказал Пашка.

Он не верил этому кабинетному ученому.

– Что же мы должны сказать вашему брату Семену Ивановичу? – спросила Алиса. – Вы не хотите возвращаться?

– Ты угадала. Не хочу.

– Может, вы напишете ему письмо?

– Здесь очень плохо с бумагой.

– Но вы ему посылали письмо. На золотом листке.

– Золото денег стоит, – отрезал Гарольд Иванович. – Скажите Семену на словах, чтобы не беспокоился и не вмешивался в мои дела. Сколько нужно повторять одно и то же!

– Хорошо, мы пойдем, – сказала Алиса.

– Возвращайтесь и забудьте о том, что видели. Я устал и не буду вас провожать.

– До свидания.

Гарольд Иванович не ответил.

Пашка первым пошел к двери. Алиса за ним. Они вышли на лестничную площадку, закрыли дверь. Щелкнул замок. И тут же они услышали, как звякнула цепочка.

Молча они прошли коридором, вышли в тронный зал. Там было пусто и тихо.

– Он и есть Четырехглазый, – сказал Пашка, глядя на пустой трон.

– Помолчи, – сказала Алиса. – Здесь слушают. Нам бы скорее добраться до лодки.

– Точно, – согласился Пашка. Но у выхода из тронного зала начал сомневаться. – Не в моих правилах бросать угнетенных на произвол судьбы.

– Пашка!

– Правильно. Мы вернемся.

– Пашка!

– Двенадцать лет Пашка. И знаю, что говорю.

Дверь из тронного зала медленно распахнулась. Два чудовища, что стерегли ее с той стороны, скалились, заглядывая внутрь.

– Скажите, как вас назвать? – спросил Пашка, который совсем расхрабрился.

– Мы тролли, – ответило одно из чудовищ и щелкнуло зубами так, что уши заложило от грома.

Охранники-лемуры стояли поодаль, палки наготове.

– Господин Гарольд Четырехглазый, – сказал Пашка, – велел нас отпустить.

И он пошел по коридору прочь от тронного зала. Охранники шли сзади.

– Видишь, – Пашка наклонился к Алисе. – Они не возражали.

– Это ничего не значит, – сказала Алиса. – Не исключено, что он все же просто эгоистичный ученый, который ничего, кроме своих пауков, не видит. И в самом деле не подозревает, что происходит вокруг.

– А кто же тогда здесь правит?

– Не знаю. Не видела.

– Ты наивная или притворяешься?

– Я осторожная, – улыбнулась Алиса.

Пашка спросил:

– А почему он назвал их лемурами? Ведь лемуры – это такие обезьянки. У Аркаши был лемур, маленький, как белка, только без хвоста.

– Я думаю, что обезьянок назвали лемурами в память об этих. О жителях подземелий, наверное, потому что они ночные.

– Эх, скорей бы выбраться! Мы бы такую экспедицию организовали. И главное – освободили бы угнетенных!

– Я думаю, что Гарольд Иванович именно этого и боится, – сказала Алиса.

Эта мысль пришла ей в голову, потому что лемуры остановились перед лестницей, что вела в камеру. В ту самую, из которой их час назад увели.

Лемур сказал хрипло:

– Иди. Наверх!

И в самом деле, откинув люк, Пашка оказался в загончике с решеткой.

Решетка была закрыта. Люк захлопнулся.

– Вот этого я от него не ожидал, – сказал Пашка.

– А я, к сожалению, ожидала, – ответила Алиса.

Глава девятая
ПОПЫТКА БЕГСТВА

Из темного угла камеры послышался голосок:

– Вы живые? А я так боялся за вас.

– Гном! – удивилась Алиса. – Ты почему не убежал?

– Тише. Там снаружи дежурит лемур. А у лемуров замечательный слух.

Алиса присела перед гномом на корточки.

– Я боялся за вас, я думал, что вас съел Четырехглазый. Или тролли разорвали. Я думал – подожду, пока выключат свет. Тогда побегу к своим. Но я еще думал – а вдруг они придут обратно? Вдруг вы нашли стеклянное яйцо и разбили его?

– Спасибо, – сказала Алиса, – что ты думал о нас. Но стеклянного яйца мы не нашли.

– А Четырехглазого видели?

– Может быть, видели. Только я не уверена. Мы видели одного человека и даже разговаривали с ним.

– Какой он? Скажи, какой?

– Он невысокого роста, в очках, седой, он собирает подземных насекомых. А живет в маленькой квартире за тронным залом.

– Нет! – воскликнул гном. – Это не тот. Это кто-то из пленников Четырехглазого. Он скрывает их в подземельях. Четырехглазый громадного роста, у него оскаленные, как у тролля, зубы, у него четыре глаза. Когда он говорит, изо рта у него идет дым. Если он поглядит на тебя в упор, ты падаешь без чувств.

Лемур, который стоял снаружи, услышал голоса и заглянул сквозь решетку.

– Что за разговоры? – спросил он. – Нельзя. Надо молчать.

– Молчим, молчим, а ты не подслушивай, – сказал Пашка. – А то я тебя заколдую.

– Нельзя, – сказал лемур, но от решетки отошел.

– А лемуры служат Четырехглазому? – спросила Алиса.

– Некоторые служат, а некоторые боятся. Лемуры глупые. Лемуров можно обмануть, мы, гномы, их обманываем. Вот тролли – это ужасно. Тролль может гнома одним зубом перекусить. Это наши самые страшные враги. И Четырехглазый их любит. Он, может быть, сам из троллей.

– Гном, – спросил Пашка, – а ты сам Четырехглазого видел?

– Нет, нет, что вы! – пискнул гном. – Кто его видел, долго не проживет. Но мне рассказывали верные люди. Мой старший брат Фуро попал в колесо, но чудом остался живым.

– Куда попал?

– В колесо.

Лемур снова сунул свой бледный нос-хоботок в решетку, вынюхивая.

Так Алиса и не узнала, что такое колесо, в которое попал брат гнома.

Когда он отошел, гном знаком попросил Алису взять его на руки, добрался до ее уха и начал быстро шептать:

– Сейчас свет потушат, я тогда побегу к моим знакомым. Тут есть городские гномы, их заставляют канализацию чистить, камеры строить, камни гранить. Я у них инструменты возьму, мы вашу камеру откроем и вас к себе уведем. Потому что если не увести, Четырехглазый вас обязательно сожрет. Ждите и молчите, с лемуром не спорьте.

И тут свет в подземелье погас. И в камерах, и в коридорах – везде. Только поблескивали светлячки.

Откуда-то издалека донесся строгий голос:

– Всем честным жителям спать, спать, спать... Вы должны быть готовы к завтрашнему трудовому дню. Запрещается видеть плохие сны, храпеть и вставать с постели. Виновные будут наказаны. Спокойной ночи, спокойной ночи...

Заиграла тихая музыка. За стенкой звякнуло.

– Это лемур спать ложится, – сказал гном.

– А как же он будет сторожить нас?

– Ночью все спят, вы тоже. А если спишь, как можно убежать?

– А ты?

– Меня все равно что нет. Меня уже сегодня убили, и в большой книге записано, что я умер. – Гном хихикнул. – Даже лучше, что меня нет. Только вот паек мне теперь выдавать перестанут.

– Не беспокойся, – сказала Алиса, которая вдруг поняла, что страшно проголодалась. – Это долго не может продолжаться.

– Хорошо бы, – ответил гном. – Но мне не дожить. Некуда деваться.

– У нас есть подземный корабль, – сказала Алиса. – Если вы поможете нам до него добраться, мы привезем помощь и вас освободят.

– Какое счастье! Тогда я побежал! Поставь меня на пол!

Легонько прошелестели быстрые ноги гнома, и наступила мертвая тишина.

Пашка с Алисой уселись у стены, прижавшись друг к другу. Было холодно и голодно.

– Почему он нас не отпустил? – спросил тихо Пашка. – Или не убил?

– А вдруг в самом деле Гарольд Иванович ни в чем не виноват? Вот и гном Четырехглазого совсем иначе описывает.

– У страха глаза велики.

– Он, наверное, не знает, что с нами делать, – сказала Алиса. – Если нас отпустить, мы сюда приведем людей. И власть его кончится. А если пропадем без вести, то за нами пошлют экспедицию и его царство все равно будет открыто.

– Тогда нас лучше убить, – сказал Пашка мрачно. – Пока еще экспедиция сюда доберется. Он успеет следы замести.

– Все следы ему не замести, – сказала Алиса. – Нас неандертальцы видели, нас гномы видели. Они расскажут.

– Только нам будет уже все равно.

– Давай надеяться на гномов, – сказала Алиса. – Они нас выручат. Нам бы только до лодки добраться.

Было темно и тихо. Алиса пригрелась, прижавшись к Пашке, и задремала.

Проснулась она оттого, что кто-то осторожно дергал ее за рукав.

– Алиса, проснись. Это я, Фуррак, ваш друг.

Алиса сразу пришла в себя – вокруг слышались легкие шаги, шепот, шорохи.

– Я привел других гномов, – сказал Фуррак. – Они принесли инструменты.

Покачивались зеленые фонарики, наполненные светлячками. Черные силуэты множества гномов суетились вокруг.

– Алиса, подними нас к замку, – сказал гном Фуррак. – А то нам трудно туда забраться.

Проснулся Пашка.

– Привет, – сказал он, – спасатели пришли.

– Шшш, – сказал Фуррак, – лемура разбудишь.

– А я такой страшный сон видел, вы не представляете.

– Шшш, – зашипели на него сразу все гномы. – Страшных снов смотреть нельзя, Четырехглазый накажет!

– Ну и запуганные вы!

Алиса подняла на ладонях двух гномов к замку. Один из них светил зеленым фонариком, второй достал инструменты из мешка, что висел через плечо, и начал копаться в замке. Остальные гномы собрались внизу и подняли фонарики, чтобы было больше света.

– Знаешь, Алиса, – сказал Фуррак, – они все пришли, чтобы на вас поглядеть. Мы так давно живем без всякой надежды, а вы – наша надежда. Чем скорее вы приведете помощь, тем скорее мой народ будет свободным. А если вы не приведете помощь, то скоро от нас никого не останется.

– Я обещаю, – сказала Алиса, – что вам недолго придется ждать.

Замок щелкнул.

Алиса открыла замок. От щелчка чуть было не проснулся лемур, что лежал снаружи. Он заворочался во сне, зачмокал тонкими белыми губами. Все замерли.

Но лемур перевернулся на другой бок и тихонько захрапел.

– Вот кто-нибудь услышит, что он храпит, донесет куда надо, и его накажут, – сказал гном.

– Пускай спит, – сказала Алиса. – Пошли?

– Да. Пошли. Только я хотел попросить у вас прощения.

– За что?

– Мы не принесли с собой никакой пищи. И нам, гномам, которые всегда славились гостеприимством, очень стыдно. Но сейчас конец месяца, и мы истратили все талоны, а без талонов нам не дают никакой еды.

– А что вы обычно едите? – спросила Алиса.

– Мы выращиваем съедобный мох и подземный овес, делаем из них муку и жарим пироги. Мы собираем сладкие грибы и делаем из них приправы. Мы выменивали у подземных охотников мясо...

– Прекрати, – зашумели снизу остальные гномы. – Не говори о еде! Мы же все голодные!

– А почему вы теперь не выращиваете и не обмениваете? – спросил Пашка.

– Но ведь нельзя! Все, что собирается, выращивается и делается, нужно сдавать в распределитель Четырехглазого. А он уже выдает всем сколько нужно. Это называется справедливость.

– А почему же мало выдают?

– Потому что надо делать запасы. Надо быть разумным. Должен быть порядок.

– Не говори, как глупый лемур, – послышался снизу голос одного из гномов. – Ты же знаешь, что нашу пищу поедают охранники и тролли. Им теперь не надо заботиться о еде. За то, что они нас охраняют и мучают, им выдается пища, только куда больше, чем остальным.

– Вы пойдете или будете беседовать? – раздался еще один голос. – Скоро свет включат, а вы все разговариваете.

Пашка осторожно открыл решетку, и они пошли по улице между камер, где спали обитатели подземного города, которым нельзя было храпеть и видеть плохие сны.

Впереди бежали три гнома с фонариками и показывали путь. Потом шли Алиса с Пашкой, а остальные гномы замыкали шествие.

Гном Фуррак сидел на плече у Алисы, как матрос на мачте.

Передние гномы повернули направо.

– Не туда, – сказала Алиса. – Нам налево. Я помню, откуда нас привели.

– Мы не можем идти по дороге к шлагбауму, – сказал Фуррак. – Там охрана, которая не спит даже ночью. Придется пойти в обход.

Передний гном покачал фонариком, и вся процессия остановилась.

– Помоги, – сказал Фуррак Пашке.

Тот прошел вперед, нагнулся и поднял крышку люка.

– Нам вниз.

Они очутились в таком же коридоре, какой вел из камеры во дворец Четырехглазого.

– Теперь совсем тихо, – прошептал Фуррак на ухо Алисе.

Стены коридора разошлись, исчезли в темноте, и впереди открылся низкий зал, в котором бесконечными рядами тянулись одинаковые каменные столы. Глаза Алисы уже настолько привыкли к темноте, что света зеленых фонариков было достаточно, чтобы понять: на каждом столе лежит лемур. Лемуры лежали одинаково, на спинах, нос-хоботок кверху, руки сложены на мохнатой белой груди, и тонкие вялые пальцы переплетены.

Сначала Алисе показалось, что лемуры умерли и их здесь сложили перед похоронами. Но тут же она сообразила – лемуры дышат. Они похрапывают, стонут во сне, морщатся, вздыхают, но никто не поворачивается, не меняет позы.

– Что с ними? – спросила шепотом Алиса.

– Как что? – удивился гном. – Они спят.

– А почему все одинаково? И почему здесь? Ведь неудобно.

– Может, и неудобно, но так надо. Они здесь работают, за этими столами, и спят здесь, чтобы времени не терять. Проснутся – сразу за работу. Видишь, что у них в руках?

Тут Алиса заметила, что в пальцах каждый сжимает маленькую коробочку.

– Там в коробочке их работа. Маленькие камешки и палочки. Много-много камешков и палочек. Они сидят весь день и перекладывают камешки и палочки. Один считает, сколько пайков надо гномам выдать, другой – сколько штрафов наложить, третий – сколько лемуров на какие работы послать. Очень много работы.

– Ты шутишь, Фуррак?

Но гном не шутил, как и все гномы, он был лишен чувства юмора. Он удивился, что Алиса такая непонятливая.

– Каждому лемуру выдают одну коробочку. Если он ее потеряет – значит, останется без работы, а если без работы – значит, без еды, и попа-

дешь в большое колесо. А чем лучше лемур работает, тем больше у него коробочка. Вон, видишь, лежит главный лемур?

Алиса увидела лемура, который держал на животе целый сундук. Правда, и стол у него был вдвое больше, чем у остальных, и под головой была подушечка.

– А что ты про колесо говорил? Это что-то страшное?

– Иногда очень страшное, а иногда просто страшное, – сказал гном. – Но это увидеть надо.

По узкой лестнице они вышли на поверхность. Если можно считать поверхностью пол громадной полости, поросший мхом и лишайниками. Неподалеку журчала речка.

– Вот тут мы встретились, – сказал Фуррак. – Куда теперь?

– Сейчас соображу, – сказал Пашка. – Река была справа. Теперь слева. Нам туда!

Ноги тонули в белом мху, и потому звука шагов не было слышно. Темными котятами впереди бежали гномы, и зеленые фонарики раскачивались на ходу. А вокруг светлячки.

Скоро мы поднимемся наверх, подумала Алиса. И трудно будет поверить, что далеко внизу останется странное и загадочное царство Четырехглазого, где сидит упрямый Гарольд Иванович и не хочет отрываться от подземных букашек. Словно закроешь последнюю страницу интересной и страшной книжки и знаешь, что все это неправда, что так не бывает, хотя минуту назад ты в это верил.

Впереди блеснул борт «Терранавта».

Гномы остановились, испугались.

– Вот и наша лодка! – закричал Пашка. – Ну теперь берегись, Четырехглазый!

Он побежал к лодке и похлопал ее по борту, как боевую лошадь. Какая она твердая, надежная, даже красивая, подумала Алиса.

– До свидания, отважные гномы, – сказала Алиса, опуская на мох Фуррака. – Спасибо вам за помощь.

– Мы ждем, – сказал Фуррак. – Скорее возвращайтесь. Когда Четырехглазый узнает, что вы убежали, он начнет искать, кто вам помог, и, конечно же, догадается, что только гномы могли открыть замок. И он будет нас пытать. Скорее! Привезите много пушек и ружей, привезите острые пики и железные щиты! И ведите нас в бой!

Гном даже приподнялся на цыпочки, чтобы стать выше ростом, и выпятил грудь.

– До встречи, друзья, – сказал Пашка и протянул руку к люку, чтобы открыть его.

– Не спеши, Паша, – раздался тихий голос.

Пашка обернулся. Вспыхнули яркие фонари, которые держали в руках могучие злобные тролли.

Гномы кинулись врассыпную, некоторые старались зарыться в мох.

Алиса зажмурилась.

– Глупые гномы сказали вам, что все спят, когда гасят свет. Но спят не все.

Алиса прищурилась, чтобы рассмотреть, кто это говорит. Она подозревала, что увидит сейчас Гарольда Ивановича, но увидела совсем другого человека.

Перед ними стояла высокая повозка на толстых широких колесах. В повозке сидел человек в черной мантии и широкополой шляпе, с полей которой опускалась книзу сетка, подобно тем, что носят пчеловоды на пасеке.

– Нам надо было узнать, где вы скрываете свой подземный корабль, – сказал человек в шляпе. – Вот мы и подождали, пока вы сами к нему приведете. Теперь для нас не будет преград в подземном мире – мы сможем спускаться и подниматься куда хотим. И власть моя расширится безмерно. А ну-ка, Паша Гераскин, открой мне корабль, я хочу посмотреть на него изнутри.

– Сами открывайте, – сказал Пашка.

– Не люблю непослушных мальчиков, – сказал человек в шляпе. – Я, повелитель подземелий Четырехглазый, приказываю тебе: открой подземный корабль, который теперь принадлежит мне!

– Еще чего не хватало! – грубо ответил Пашка.

– Тролль, научи этого пащенка хорошим манерам, – приказал Четырехглазый.

Алиса не успела ахнуть, как тролль схватил Пашку за шиворот и поднял в воздух. Алиса бросилась Пашке на выручку, но второй тролль громко захохотал и также схватил ее. Земля ушла из-под ног, и Алиса почувствовала, как на ее горле сомкнулись страшные когти тролля.

– И не подумаю! – закричал Пашка.

– Тогда, тролль, милый мой, – спокойно сказал человек в шляпе, – будь любезен, помучай немного Алисочку. Мне ее очень жалко, но я не вижу другого способа образумить глупого Пашу. Пощекочи ее когтями, почеши ее зубами, откуси ее тонкие пальчики, выцарапай ее голубые глазки!

– Нет! – закричал Пашка. – Не смейте! Мучайте меня, но Алису не трогайте!

– Вот на это я и рассчитывал, – сказал человек в черной шляпе. – Вы ведь так просто устроены, благородные мальчики.

– Открою я вам корабль, – сказал Пашка.

– А ты, тролль, не отпускай Алисочку и мучай ее немножко, чтобы Паша торопился.

Алиса не смогла сдержать стона, так больно резали ей шею когти тролля.

Пашка сказал:

– Отпустите меня скорей! Я все покажу.

Пашка отвинтил крышку люка.

Он торопился, чтобы освободить Алису.

– Залезайте, – сказал он.

– А вот это лишнее, – возразил человек в черной шляпе. – Я залезу, а ты меня там запрешь или еще какую-нибудь гадость придумаешь. Нет уж, я вашим кораблем займусь на досуге, без свидетелей. А сейчас нам при-

Перед ними стояла высокая повозка на толстых широких колесах.

дется вернуться ко мне во дворец. Идите рядом с моей каретой, только не смейте убегать. Учтите, что тролли бегают очень быстро. Понятно?

Человек в шляпе стегнул повозку бичом – сначала по правым колесам, потом по левым. Из колес донесся писк и стоны.

Тролль опустил Алису на мох.

Повозка двинулась вперед, Алиса и Пашка шли по ее сторонам.

Алиса потерла шею.

– Тебе не больно? – спросил Пашка с другой стороны повозки.

– Нет, все в порядке, – сказала Алиса.

Колеса медленно поворачивались, повозка ехала со скоростью пешехода. Алисе стало интересно, почему из колес доносятся такие странные звуки. Она нагнулась и увидела, что колеса устроены подобно беличьему колесу – внутри по ступенькам бегут гномы, много гномов. Они нажимают на ступеньки внутри колеса, и оно катится вперед.

– Там живые гномы? – удивилась она.

– Там наказанные, непослушные гномы, – ответил Четырехглазый. – Они знают, что только послушание может помочь им искупить свою вину.

– Но это же бесчеловечно!

– Это разумно и способствует дисциплине, – ответил Четырехглазый. – В государстве нельзя без наказаний, а то все распустятся. Все, что я делаю, я делаю для блага моих подданных.

– Алиса, не разговаривай с ним, – сказал Пашка. – Он же изверг! Когда мы вернемся наверх, я всем расскажу, что он здесь творит!

– Вот почему вы и не вернетесь наверх, – сказал Четырехглазый. – Я, к сожалению, не могу этого допустить. Я столько труда положил в создание образцового счастливого государства, что любое вмешательство со стороны для меня невыносимо.

– Ничего себе справедливое! – возмутился Пашка. – Спросите у гномов, которые заперты в этом колесе, справедливое ли оно?

– Конечно, справедливое. Если бы гномы вели себя достойно, они бы гуляли сейчас на свободе. Ничего не бывает без причины. И каждый мой подданный знает: ведешь себя хорошо – живешь хорошо. Нашкодил – будешь наказан. Это и есть справедливость. Не замыслил бы ты, Пашка, предать меня, убежать отсюда и донести на меня злым людям, что обитают на поверхности Земли, ты бы тоже остался жив и, может, занял бы высокое положение в моем обществе.

– Не нужно мне высокое положение!

– Вот именно поэтому ты и умрешь.

– Если вы нас убьете, – сказала Алиса, – то за нами тут же пошлют экспедицию и все ваши тайны будут раскрыты.

– Не знаю, не знаю. Пока что эта лодка существует в единственном экземпляре... Впрочем, я обязательно что-нибудь придумаю. Вот соберем сейчас высший совет моего королевства, посоветуемся и найдем способ, чтобы и вас убить, и тайну сохранить.

Четырехглазый обернулся к одному из троллей и приказал:

– Включай свет! Начинается трудовой день.

Тролль поднял трубу, висевшую у него через плечо, и громко затрубил.

И тут же впереди, где лежал подземный город, начали вспыхивать огни, загорелись они и под потолком пещеры, и вдоль улиц города, так похожих на коридоры в тюрьме.

– Хватит спать! – зарычал тролль так громко, что голос его, усиленный эхом, разнесся на километры. – Начинается новый счастливый день! Вставайте, лежебоки! Вставайте, преступники, вставайте, виноватые! Все, кто видел дурные сны или храпел, должны немедленно доложить об этом начальнику квартала для получения наказания! С добрым трудовым утром, граждане справедливого королевства!

Тролль снова протрубил.

Огоньки загорелись ярче. Алиса представила себе, как где-то в глубине пленные охотники и наказанные лемуры крутят громадные колеса, дающие свет этому городу.

– А теперь ты, – обернулся Четырехглазый ко второму троллю. – Объяви общее собрание.

– Уважаемые свободные граждане! – закричал второй тролль. – Ваш уважаемый и любимый повелитель просит и умоляет вас, если вам не трудно, собраться на площади перед дворцом для того, чтобы присутствовать при поучительном и незабываемом зрелище.

– Будем судить этих пришельцев, – подсказал Четырехглазый троллю.

– Справедливый и великодушный повелитель будет советоваться с народом, каким образом казнить двух негодных пришельцев, которые мутили народ и подрывали законную власть. Теперь они осознали свою вину и умоляют наказать их так, чтобы никому неповадно было нарушать порядок в нашем счастливом государстве. Спешите участвовать!

– Молодец, – похвалил тролля Четырехглазый. – Теперь предупреди как положено.

Тролль снова протрубил сигнал и крикнул:

– Напоминаю! Все, кто не поспешит сейчас, немедленно, быстро, радостно, на собрание, будут сурово наказаны как враги свободы. Только попробуйте не прийти, мерзавцы!

– Ну, последнее – лишнее, – сказал Четырехглазый.

– С ними иначе нельзя, – прорычал тролль. – Совсем распустились.

– Вот именно поэтому я хочу, чтобы суд над этими хитрецами был страшным, ужасным! Чтобы он стал уроком для всех!

Они въехали на главную улицу города. Видно было, как лемуры палками и пинками выгоняют из камер своих бедных родичей, как небольшой тролль, видно, троллиный детеныш, гонит перед собой толпу перепуганных гномов, как целая толпа вооруженных лемуров подгоняет связанных цепью неандертальцев.

При виде повозки Четырехглазого лемуры отгоняли народ к стенам и заставляли падать на колени.

– Зачем же так? – не выдержала Алиса. – Вы же производите впечатление интеллигентного человека.

Ее волновал вопрос: человек в черной шляпе и Гарольд Иванович – одно лицо или нет? Голос вроде похож, но и не похож...

– Они иного, к сожалению, не понимают, – ответил Четырехглазый. – Их приходится приучать к демократии палкой. Что ж, мое общество вынуждено пройти через этот реконструктивный период. Пускай для постороннего зрителя он может показаться недостаточно эстетичным, но иначе наступит анархия и вернется та дикость, из которой я год за годом вытаскиваю этих несчастных...

– А зачем? – спросил Пашка. – Зачем вытаскивать?

Четырехглазый полоснул бичом по одному колесу, затем по другому, гномы внутри заныли, заплакали, колеса стали вращаться скорее.

– Для их блага, – сказал Четырехглазый. – Вы просто не представляете, в каком я застал их состоянии. Никакого порядка! Гномы копают драгоценные камни, но не знают им цены и отдают за бесценок грязным, отвратительным неандертальцам. Неандертальцы охотятся за кем хотят! Лемуры жрут мох и вообще ничего не делают. Тролли охотятся на гномов и лемуров, и никакого порядка!

– А как же они вас стали слушаться? – спросила Алиса.

– Цивилизованный человек всегда найдет способ, как управиться с дикарями, – ответил Четырехглазый. – Они не знали, что такое справедливая власть, и потому не знали, что надо сопротивляться... А когда сообразили, было поздно. Вот только до неандертальцев я никак не доберусь! Отбиваются! Безобразие какое-то! Я у них пленных беру, набеги совершаю, стараюсь перевоспитать их трудом – помирают, но не перевоспитываются. Но с помощью вашей лодки я смогу их обуздать.

Как раз в этот момент повозка обогнала еще одну партию неандертальцев. Они были скованы цепями, со всех сторон шли лемуры, уткнув им в спины электрические палки. Один из неандертальцев понял, видно, что речь о нем, поднял голову и оскалился. Глаза его горели ненавистью.

– Бей его! – крикнул Четырехглазый троллю. – Бей его!

Тролль ударил наотмашь когтистой ручищей по лицу неандертальца. По распоротой щеке потекла кровь.

– Вот так! Так будет с каждым, кто не хочет понять высшей справедливости!

– Вы мне противны, Четырехглазый, – сказал Пашка.

– А мне не нужно тебе нравиться, мальчишка! Через несколько часов тебя не будет на свете. Уж я позабочусь, чтобы всенародный суд с тобой расправился пожестче.

Улица кончилась, и они оказались на площади перед дворцом. На этот раз они подошли к нему со стороны главного входа.

Дворец оказался большим зданием из полированного мрамора с зелеными нефритовыми колоннами. Колонны были украшены пышными капителями, которые представляли собой пауков, плетущих паутину. В стеклянные глаза пауков были замурованы зеленые светлячки, они бились внутри, старались вылететь наружу, и от этого казалось, что пауки вертят глазами. На отполированных стенах дворца были выложены алмазами слова:

ТРУД – ПОРЯДОК – СПРАВЕДЛИВОСТЬ –
ЭТО И ЕСТЬ СЧАСТЬЕ

Площадь перед дворцом была заполнена жителями подземного города. Свободное пространство перед широкими ступенями, ведущими к дворцу, было оцеплено рядами лемуров-охранников с электропалками

на изготовку. За их спинами покорной молчаливой толпой стояли обыкновенные лемуры. Канцеляристы держали в лапках заветные коробочки с камешками и палочками. Другие лемуры также прижимали к груди инструменты своего труда: один лопату, второй лом, третий метлу, четвертый грабли, пятый весы. Гномы толпились в первом ряду, а неандертальцы стояли закованные в цепи – видно, их здесь боялись.

Два тролля вытащили из дверей дворца трон, что стоял раньше в зале. И замерли по сторонам его, глядя перед собой зверским взглядом. Вслед за троном из тех же дверей вышли знатные лица государства. По крайней мере так решила Алиса, глядя, как важно они выступают и как толкаются, чтобы занять место поближе к трону.

Там были лемуры, но не простые лемуры, а толстые, лоснящиеся, там была старая троллиха в шапке из лемурьих шкур, там были две амебы. Алиса не знала, как их еще назвать – белые студенистые туши, с черненькими глазками по сторонам узкого рта, там был горбатый карлик на костылях из самородного золота и ящерица, которая шагала на задних лапах, упираясь хвостом в пол. Там были две огромные белые летучие мыши, которые семенили, сложив крылья, как плащи, а за ними вышло привидение – ходячий голубой скелет со светящимися зубами. И все эти знатные лица королевства были так густо увешаны драгоценностями, браслетами, ожерельями, диадемами, кольцами, серьгами, что живого места не оставалось. Толпа на площади подалась назад, зашелестел испуганный шепот.

Четырехглазый, увидев этих чудовищ, подумал вслух:

– За верность этих ублюдков мне приходится дорого платить.

– А вы не платите, – сказал Пашка.

– Пускай радуются, – сказал Четырехглазый. – Если кто из них начинает заноситься, я обвиняю его в измене, отдаю на растерзание подземному дракону, а богатства возвращаю в казну. Так что считайте – все ценности у них на временном хранении.

И Четырехглазый засмеялся. Смех его глухо долетал сквозь сетку.

– Эй, стоять! – приказал он гномам в колесах. Повозка замерла. Четырехглазый ступил на площадь, все склонились в поклонах.

– Пашка! – ахнула Алиса. – Это не он!

– Да, – сказал Пашка не менее удивленно. – Я был убежден, что Четырехглазый и есть Гарольд Иванович. Все сходилось. Но этот...

– Он по крайней мере на голову выше Гарольда Ивановича!

– Значит, зря мы его подозревали.

Глава десятая
СУД И ПРИГОВОР

Странной походкой, будто у него ноги не гнулись, Четырехглазый поднялся по ступенькам. Обернулся, глядя на толпу, но сетки, скрывавшей лицо, не откинул.

Он уселся на трон, поднял руку.

Тролль с трубой вышел вперед и прогудел в трубу.

Второй тролль встал рядом.

– Начинаем показательный суд! Никто не уйдет от справедливой руки закона. Ура!

– Урра! – завопили значительные лица.

– Ура, – потянули отдельные голоса в толпе.

– Не слышу радости! – рассердился тролль.

– Урра! – уже громче крикнула толпа.

– Преступники, подойдите сюда! – приказал Четырехглазый.

В пещере была такая удивительная акустика, что каждое его слово доносилось до последнего человека в толпе.

– Пошли, что ли? – спросил Пашка. Он храбрился, но на самом деле ему было страшно. Алисе тоже. Этот сумасшедший диктатор может действительно казнить их. А желающих исполнить его приказание здесь больше чем достаточно!

– Преступление их ужасно! – сказал Четырехглазый.

– Смерть! – закричали значительные лица. Ящерица попыталась укусить Пашку, летучие мыши расправили крылья и принялись хлопать ими, тролли скалились...

– Есть мнение – смерть, – сказал Четырехглазый. – Есть другие мнения?

– Нет! – закричали приближенные. Толпа молчала.

– Есть другое мнение, – сказал Пашка. – Во-первых, я не знаю, в чем нас обвиняют.

– Позор! – закричали значительные лица. – Он издевается над нашим судом! Он ставит под сомнение слова повелителя.

– А вы скажите, скажите! – не сдавался Пашка.

– А почему бы и не сказать? – перекрыл общий шум голос Четырехглазого. – Я скажу. У нас все открыто, демократично. Вы прибыли сюда без приглашения, по сговору с нашими злейшими соседями, презренными неандертальцами, для того, чтобы свергнуть законную власть, вы вели агитацию против моей персоны, вы склонили к предательству ничтожных гномов, вы, наконец, намерены открыть тайну нашего великого государства чудовищам, что живут наверху. А как все знают, наверху нет разумных людей. Там нет порядка, нет счастья. Вы – лазутчики, которые хотят отнять у нас наши славные чертоги! Которые хотят съесть все наши продукты и отобрать драгоценности!

Какой шум подняли тут значительные лица, трудно вообразить! Больше всего испугала их опасность расстаться с драгоценностями. Троллям пришлось защищать пленников от их гнева.

Кое-как угомонив приближенных, Четырехглазый произнес:

– Судить этих негодяев будет народ. Как у нас принято. Я не буду вмешиваться в голос народа. Вот ты!

Палец Четырехглазого уперся в лемура, который стоял в одном из первых рядов, прижимая к груди маленькую коробочку.

Его сразу же вытолкали из толпы, и, перепуганный, ничего не соображающий, он оказался на пустом пространстве.

На площади наступила гробовая тишина.

– Как зовут тебя, глас народа? – спросил Четырехглазый.

– Забыл, – прошептал лемур.

Значительные лица покатились от хохота. Одна из летучих мышей даже взмыла над площадью, но Четырехглазый погрозил ей пальцем, и мышь

ринулась обратно так быстро, что сшибла с ног троллиху, что, конечно, только прибавило веселья.

– Замечательно, – сказал Четырехглазый. – Ты существо без имени, и имя тебе народ. Требуешь ли ты от имени народа, чтобы мы казнили этих мерзавцев?

Лемур стоял неподвижно, лишь рот его открывался и закрывался, а хоботок вздрагивал.

– Молчание – знак согласия, – произнес Четырехглазый. – Итак, народ потребовал смерти пришельцев, и мы, конечно же, подчиняемся столь недвусмысленно высказанному требованию. Теперь скажи нам, представитель народа, отдадим ли мы их дракону или кинем в пропасть, чтобы они умерли от голода?

Лемур выпучил от ужаса глаза и пошатывался, как ванька-встанька.

– Правильно, – сказал Четырехглазый. – Кинем. Пускай помучаются перед смертью. Но крови не прольем, не такие мы жестокие, как некоторые распускают о нас слухи. Решено. Единогласно. Кто не согласен, поднимите руки и пеняйте на себя!

И вдруг раздался громкий звон.

Все неандертальцы подняли свои волосатые могучие руки.

– Что? – Четырехглазый подпрыгнул на троне и застучал в бешенстве ногами о пол...

Нет, поняла Алиса, не ногами! Он стучал деревянными ходулями! Она хотела сказать об этом Пашке, но тот сделал быстрый шаг вперед, остановился на верхней ступеньке и закричал:

– Жители подземелья! Честные гномы и неандертальцы! Угнетенные лемуры и другие тролли! Объединяйтесь! Да здравствует революция! Долой диктатуру Четырехглазого! Час освобождения близок!

Значительные особы сначала опешили от такой наглости. Четырехглазый все еще в гневе стучал деревяшками по полу, а в ответ на Пашкин призыв из толпы донесся тонкий, но отчетливый голосок гнома:

– Да здравствует свобода!

– Найти! – кричал Четырехглазый. – Уничтожить!

Началась суматоха. Лемуры кинулись в толпу, разыскивая гнома, другие избивали беспомощных неандертальцев.

– А вас... вас, мерзавцы... – Четырехглазый не находил слов от возмущения. Он поднялся на ходулях, потеряв равновесие, уцепился за шапку троллихи, шапка слетела, обнажив лысую бугристую голову.

И вдруг Четырехглазый громко ахнул и замер.

Голова его медленно поворачивалась, растопыренные пальцы трепетали. Алиса проследила за движением его головы и увидела, что над площадью медленно порхает какое-то насекомое, похожее на ночную моль, только больше размером и совсем прозрачное.

Как во сне, повелитель подземного царства медленно двинулся к моли.

Догадавшись, что привлекло внимание диктатора, значительные лица кинулись вперед, стараясь поймать моль.

– Нет! – закричал Четырехглазый. – Не смейте! Вы повредите ей крылья! Ее нет в моей коллекции! Сачок! Срочно сачок!

Но сачка ни у кого не было.

Все замерли, глядя на моль, которая как ни в чем не бывало порхала над толпой. Четырехглазый прыгнул за ней, упал, но куда проворнее оказался Пашка. Во вратарском прыжке он кинулся за молью, та не успела увернуться и попала в ладони Пашки.

Лежа, Четырехглазый кричал:

– Осторожнее! Не помни крылья! Убью!

– Убью! – кричали значительные лица.

Пашка осторожно держал моль в ладонях.

Тролль достал из-за пояса коробочку и молча подставил Пашке.

Пашка положил туда моль, тролль закрыл коробочку и передал ее диктатору, который одернул свою мантию, чтобы не были видны ходули, и с трудом поднялся. Он приоткрыл коробочку, заглянул в щелку и сообщил:

– Этот вид науке неизвестен!

– Это он! – прошептала Алиса. – Он ходулями меня одурачил.

Пашка кивнул.

– Спасибо тебе, пришелец, – искренне сказал Гарольд Иванович. – Спасибо, Паша. Наука тебя не забудет. За такую заслугу я позволю тебе высказать любое желание. И я его исполню.

По площади прокатился вздох облегчения. Алиса поняла, что никто из подземных жителей не хочет их смерти. Но в толпе придворных послышались недовольные голоса.

– Молчать! – рассердился Гарольд Иванович. – Здесь я приказываю. Павел Гераскин, тебе предоставляется слово.

– У меня есть желание, – сказал Пашка, – чтобы вы отпустили нас с Алисой домой, а также отпустили всех неандертальцев, выпустили из колес несчастных лемуров и гномов и вообще вернулись к своему брату. Хватит вам здесь прохлаждаться.

– Много, ох как много желаний у тебя, Паша, – сказал укоризненно Гарольд Иванович. – Но, к сожалению, это все не желания, а требования. А требований я не допущу.

– Разве это не желание – остаться живым?

– Нет, это ультиматум. И если ты не хочешь остаться без желания, то спеши, проси. Ведь все равно я тебя казню. Потому что интересы государства выше личных. Тебя не я приговорил, тебя народ приговорил. А против народа я не пойду. Говори желание, которое лично я могу выполнить.

– Хорошо, – сказал Пашка. – Есть у меня желание.

Стало очень тихо. Только ящерица постукивала от нетерпения хвостом.

– С детства я интересовался собиранием насекомых, – сказал Пашка. – Не было у меня большей радости, чем накалывать на булавки бабочек и жучков. Все в классе завидовали моей коллекции. Алиса может подтвердить.

Алиса смотрела на Пашку во все глаза. Никогда в жизни он не собирал бабочек и жучков.

– Я хочу перед смертью, – продолжал Пашка, – увидеть великую и знаменитую коллекцию подземных насекомых, собранную великим ученым Гарольдом Ивановичем. Если я увижу ее, то могу умереть спокойно.

Над площадью шелестели удивленные голоса. Никто ничего не понимал.

– Ты не лжешь, мой мальчик? – спросил Четырехглазый.

– Я никогда не лгу! – торжественно соврал Пашка.

– Ну что ж, я знаю одного энтомолога по имени Гарольд Иванович. Он живет в задних помещениях моего дворца и никогда не выходит к людям. Я попрошу этого скромного человека показать тебе коллекцию. Но как только посмотришь, сразу на казнь – договорились?

– Разумеется, после такой коллекции и умереть не жалко, – сказал Пашка со слезой в голосе.

Алиса не понимала, что задумал ее друг, но не стала мешать ему. Она надеялась на Пашкину находчивость.

– Идите в тронный зал, – приказал Четырехглазый. – Вас проводит мой верный тролль. А вы, все остальные, расходитесь, срочно расходитесь по своим рабочим местам. И ввиду того, что все прогуляли целый час, проторчав на этой площади и ничего не делая, вы все оштрафованы на дневной паек, а сон сегодня будет укорочен на час. Ура?

– Ура! – крикнул кто-то из придворных.

– А что касается вас, мои дорогие помощники, – сказал диктатор, обернувшись к значительным лицам, – то после казни прошу всех на скромный ужин.

Больше Алиса ничего не слышала. Тролль втолкнул их с Пашкой в тронный зал, молча показал на дверь за троном и остался стоять возле нее. Видно, никто не имел права входить во внутреннюю квартирку кабинетного ученого Гарольда Ивановича.

Они поднялись по знакомой лесенке.

– Ты что задумал? – спросила Алиса.

– Ничего! – ответил Пашка, показав себе на ухо – могут подслушать.

Он первым подошел к двери в квартиру Гарольда Ивановича и нажал на кнопку звонка.

– Он еще не успел, – сказала Алиса.

И в самом деле, им пришлось подождать минуты три, прежде чем изнутри послышались шаркающие шаги и голос ученого произнес:

– Кто там?

– К вам гости! – бодро сказал Пашка. – Ваши старые друзья, нас прислал Четырехглазый.

– Кто-кто? – Гарольд Иванович приоткрыл дверь на цепочку.

– Здешний повелитель.

– Здесь есть повелитель? Никогда не слышал, – сказал ученый. – Ах, это вы, Пашенька и Алисочка? Как я вам рад! Заходите, заходите.

Ученый откинул цепочку и впустил гостей.

Черная шляпа висела на вешалке в прихожей. Но сам диктатор успел снять ходули и был уже в домашнем халате и шлепанцах.

– Заходите, – сказал он ласково. – Что же вас снова привело ко мне?

– Страстное желание посмотреть на вашу коллекцию, – сказал Пашка. – Прежде чем нас казнят, я должен насладиться ею.

– Казнят? Вас? Детей? Какое варварство! Вы, наверное, злостные преступники?

– Честно говоря, нет! – прошептал Пашка. – Но этот мерзавец Четырехглазый думает иначе. И знаете почему?

– Почему же?

– Он нас страшно боится.

– Вас? Детей?

– Он боится, что мы вернемся обратно и расскажем о тех безобразиях, которые здесь творятся.

– Безобразия? – Ученый был очень расстроен. – Не может быть! Я, правда, не встречался со здешним повелителем, но по отзывам он – милейший человек и жертвует всем, чтобы научить местных дикарей жить по справедливости, соблюдать порядок и плановую систему. Он считает, что мир должен быть организован строго и четко, как коллекция насекомых.

– Нет! – поддержал хитрость Гарольда Ивановича Пашка. – Когда встретитесь с этим негодяем, то поймете, насколько вы не правы. Это мучитель и садист. Он уверен, что люди должны жить, как бабочки на булавках.

– Не будем отвлекаться. Какую часть коллекции вы хотели бы посмотреть?

– Все части, – сказал Пашка.

– Ну что ж, начнем.

Следующие полчаса показались Алисе самыми скучными в жизни. Гарольд Иванович доставал один за другим планшеты с наколотыми на них насекомыми и подробно рассказывал о них Пашке, а Пашка не спеша задавал вопросы. И если посмотреть на них со стороны, то подумаешь, что перед тобой старый ученый и его верный увлеченный ученик.

– Вот и все, – сказал наконец Гарольд Иванович. – Вы ознакомились с моей скромной коллекцией. Если не считать той коробочки, которую мне принесли сегодня.

Он показал на коробочку с молью, пойманной Пашкой.

– Ею я займусь сегодня вечером, когда с вами будет покончено. Довольны ли вы, Павел Гераскин?

– Мне жалко, что моя мечта стать собирателем насекомых не сбудется.

– Если бы это зависело от меня, – сказал Гарольд Иванович, – ты был бы моим любимым учеником. Но народ... народ требует.

– Чего требует народ?

– Ты же мне сам сказал, что народ тебя приговорил?

– Ничего я не говорил. Народ ждет не дождется, когда вас убьют.

– Ах, не говори страшных вещей, у меня слабые нервы! Как можно меня убить, когда меня все так любят?

– Как жаль, – сказал Пашка, оглядываясь, – что вы не показали мне всю коллекцию. Не думал, что вы будете обманывать меня по мелочам.

– Я? Показал не всю коллекцию?

– А где сколопендра Гарольди? Почему вы ее скрываете?

– Но она же существует в единственном экземпляре!

– В той маленькой комнате? – Пашка показал на дверцу за письменным столом. – В стеклянной банке?

– А ты откуда знаешь?

– Я догадался, – сказал Пашка. – Я только кажусь рассеянным и невнимательным. А на самом деле я все запоминаю и умею делать выводы!

– Впрочем, – Гарольд Иванович поправил очки, – я и сам собирался тебе ее показать. А почему бы и нет? Ты же никому о ней не расскажешь!

Гарольд Иванович открыл дверцу. За ней обнаружилась маленькая комната, и сквозь дверной проем Алисе была видна узкая кроватка и шкафчик. Из шкафчика Гарольд Иванович извлек небольшую хрустальную баночку. В ней сидело прозрачное, удивительно гадкого вида членистоногое.

– Вот она! – сказал Гарольд Иванович, показываясь на пороге. – Сколопендра Гарольди! Мое сокровище.

Пашка подошел поближе.

– Руками не хватать! – испугался диктатор.

– Я только посмотрю! – произнес дрожащим голосом Пашка. – Посмотрю и умру!

Гарольд Иванович нехотя приблизил банку к лицу Пашки.

Алиса уже все поняла и напряглась для прыжка.

Пашка резко толкнул Гарольда, выхватил банку и кинулся к выходу.

– Ааа! – закричал Гарольд, метнулся к письменному столу, выхватил электрическую палку и бросился за Пашкой. Он забыл про Алису.

Когда Гарольд пробегал мимо нее, Алиса совершила отчаянный прыжок, сбила с ног Гарольда Ивановича, выхватила палку и кинулась вслед за Пашкой. Гарольд Иванович никогда не занимался физкультурой, и потому, когда он с проклятиями поднялся на ноги, Алиса уже была у входа в тронный зал.

Она успела вовремя. Тролль готов был схватить Пашку.

Алиса подняла электрическую палку и воткнула ее в мохнатый бок чудовища. Запахло паленой шерстью, тролль закрутился на месте от боли.

Еще через секунду Пашка и Алиса выбежали на площадь.

А там за эти минуты многое изменилось.

Толпа лемуров поредела – видно, многие поспешили на рабочие места, но вместо них на площади появились неандертальцы – сотни разъяренных, страшных охотников. Размахивая копьями, они наступали на лемуров и троллей. Их товарищи крутили в воздухе цепями, сбивая с ног охранников. Могучий тролль, утыканный стрелами, как дикобраз, вертелся от боли и ревел, знатные лица метались вокруг трона. Но и неандертальцам приходилось несладко – многие из них уже упали, пораженные электрическими палками.

И в этот момент Пашка вскочил на трон и оттуда закричал:

– Стойте! Все стойте!

Его голос перекрыл шум боя.

Пашка поднял руку с зажатой в ней стеклянной банкой.

– Здесь у меня, – кричал он, – стеклянная банка, в которой смерть Четырехглазого!

– Уууу! – прокатилось по площади. Одни кричали от ужаса, другие от радости. Все замерли.

И тут из дверей тронного зала выскочил Гарольд Иванович.

– Стойте! – кричал он. – Остановите его! Убейте!

Но никто не двинулся с места. Гарольда Ивановича погубило то, что он всегда появлялся перед своими подданными на ходулях и в черной шляпе с вуалью. А в маленьком лысом энтомологе трудно было угадать великого повелителя подземелий.

Визжа от страха и злобы, Гарольд Иванович старался влезть на трон, чтобы отнять у Пашки склянку со сколопендрой.

И в тот момент, когда его руки дотянулись до Пашки, Пашка размахнулся и со всего маху грохнул склянку о каменный пол. Склянка разлетелась вдребезги.

Знатные лица побежали во все стороны, лемуры-охранники кидали палки и падали на колени перед неандертальцами, умоляя о пощаде. Тролли, сшибая все на своем пути, умчались прочь.

Гарольд Иванович охнул тонким голосом и упал на спину.

И тогда наступила тишина.

И в этой тишине Пашка сказал:

– Все! Кончился ваш Четырехглазый. Это говорю вам я, Павел Гераскин! Можете жить спокойно.

Глава последняя
ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО БРАТА

К подземной лодке Алису и Пашку пришли провожать гномы и неандертальцы. Лемуров там не было – лемуры побежали толпой грабить продовольственные склады, чтобы впервые за десять лет наесться до отвала.

Неандертальцы втиснули в люк завернутое в одеяло бесчувственное тело Гарольда Ивановича, который все еще был в глубоком обмороке. Алиса с трудом уговорила диких охотников это сделать. Она сказала им, что Гарольд Иванович не имеет никакого отношения к злобному диктатору, который исчез без следа после того, как его взяла смерть.

Она присела на корточки перед гномом Фурраком, который был страшно горд тем, что смог пробраться тайными ходами к неандертальцам и поднять их на помощь Алисе и Пашке.

На прощание он подарил Алисе свой фонарик с зелеными светлячками, а Алиса оставила подземным жителям все припасы, которыми их снабдил на дорогу добрый Семен Иванович. Вместо припасов положили Гарольда Ивановича.

– До скорой встречи! – сказал Пашка новым друзьям. – Живите спокойно.

Закрылся люк.

– Постараемся выжать из этой машины все, на что она способна, – сказала Алиса.

– Я тебя сменю, когда устанешь, – сказал Пашка. – Надо за ним присматривать. Как бы чего не натворил.

Поднимались они медленно. Пришлось огибать обширные подземные пещеры. Только через два часа они оказались выше подземелий, и лодка уверенно поползла наверх.

Пашка отыскал забытый кусок сыра, и они с Алисой разделили его.

И тут они услышали сзади стон.

Очнулся Гарольд Иванович.

– Где я? – спросил он слабым голосом. – Я умер?

– Нет, вы живы, – ответил Пашка. – Хотя думаю, что вы заслуживаете смерти.

– Ах! – завопил Гарольд Иванович. – Выпустите меня немедленно! Моя коллекция! Они же ее разорят!

– Когда туда отправится экспедиция, – сказала Алиса, – мы попросим их забрать и вашу коллекцию.

– Нет, я не переживу! – рыдал Гарольд Иванович. – Двадцать лет я посвятил собиранию этих насекомых. Это смысл моей жизни! Я не занимался ничем другим!

– Так уж и не занимались, – сказал Пашка. – А кто был Четырехглазым диктатором?

– А кто? – спросил Гарольд Иванович.

Алиса обернулась. Ей показалось, что за очками глазки Гарольда Ивановича лукаво поблескивают.

– Он забыл! – возмутился Пашка. – Двадцать лет он всех мучил, а теперь забыл.

– А это был не я, – ответил Гарольд Иванович. – Честное слово, не я. Я даже из своей скромной квартирки выходил только в походы за насекомыми. Я ничего не знаю. Клянусь памятью моего дедушки, я ничего не знал!

– Оставь его, Пашка, – сказала Алиса. – Он ни в чем не сознается.

Гарольд Иванович горько рыдал. Он перечислял неизвестные науке виды открытых им насекомых. Он вспоминал паука Гарольди, и сколопендру Гарольди, и мокрицу Гарольди...

И так он стенал, пока Пашка не сказал:

– Хорошо, мы возвращаемся назад. Но учтите, что там вас ждут неандертальцы и ненавидящие вас гномы, я уже не говорю о лемурах... Возвратимся. Вас встретят с распростертыми объятиями.

Гарольд Иванович сглотнул слюну и замолчал.

Он молчал и тяжко вздыхал полтора часа подряд.

Потом вдруг произнес:

– Я все равно уйду под землю. Есть еще много других подземелий, где обо мне ничего не знают...

Алисе вдруг стало его жалко. И она чуть было не достала коробочку с молью, что успела схватить со стола диктатора. Она отдаст эту моль в музей, и пускай ее называют молью Гераскина, потому что поймал ее Пашка.

Через пять часов подземная лодка выбралась на поверхность земли неподалеку от мельничной запруды. Гарольд Иванович то стонал, то засыпал и бредил во сне, грозил кому-то, распределяя какие-то должности и пайки. Потом просыпался и спрашивал:

– Я ничего лишнего не сказал? Мне приснился страшный кошмар.

Но ни Алисе, ни Пашке разговаривать с ним не хотелось.

Когда «Терранавт» замер на поверхности земли, Пашка открыл люк и сказал:

– Вылезайте!

Гарольд Иванович принялся умолять его:

– Пашенька, милый, любименький, только не говори ничего моему брату. Он простой и недалекий человек, он может тебя неправильно понять.

– Нет, – сказал Пашка, спрыгивая на траву, – как приговоренный к смерти, я не имею права молчать.

– Паша! – умолял Гарольд Иванович. – Это была шутка!

– Не надо, не унижайтесь, – сказала Алиса, помогая Гарольду Ивановичу выбраться из подземной лодки. – Есть некоторые поступки, которые нельзя держать в тайне. Иначе их повторяют.

Она вышла из лодки последней.

Посреди лужайки стоял громадный добрый Семен Иванович. Он держал на руках полотенце, на котором лежал пышный каравай хлеба.

– Добро пожаловать, мои дорогие! – сказал он.

Гарольд Иванович оглянулся на Алису, потоптался на месте, а потом с криком:

– Братец, младшенький мой, я так скучал, так тосковал по тебе! – побежал к Семену Ивановичу и старался обнять и его, и каравай, что было совершенно невозможно.

– Какое счастье! – повторял сквозь слезы Семен Иванович. – Какое счастье!

Пашка посмотрел на Алису и пошел к флаеру, что стоял у мельницы.

– Вы куда? – удивился Семен Иванович. – Обед на столе!

Алиса, которая пошла следом за Пашкой, обернулась и сказала:

– Мы потом прилетим. Завтра. А сегодня мы очень устали.

Гарольд прижался щекой к локтю младшего брата и махал им вслед ручкой. Он быстро осмелел.

– И не надейтесь! – крикнул Пашка. – Мы обязательно завтра прилетим.

Он задвинул дверцу флаера и поднял машину в воздух.

ОГЛАВЛЕНИЕ:

ПЛЕННИКИ АСТЕРОИДА

Глава
ПЕРВАЯ. 7

Глава
ВТОРАЯ 8

Глава
ТРЕТЬЯ 15

Глава
ЧЕТВЕРТАЯ 17

Глава
ПЯТАЯ 26

Глава
ШЕСТАЯ 27

Глава
СЕДЬМАЯ. 35

Глава
ВОСЬМАЯ 40

Глава
ДЕВЯТАЯ 47

Глава
ДЕСЯТАЯ 50

Глава
ОДИННАДЦАТАЯ. 56

Глава
ДВЕНАДЦАТАЯ 60

Глава
ТРИНАДЦАТАЯ. 68

Глава
ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. 72

Глава
ПЯТНАДЦАТАЯ. 74

Глава
ШЕСТНАДЦАТАЯ 83

Глава
СЕМНАДЦАТАЯ 86

ЗАПОВЕДНИК СКАЗОК

Глава первая
ГНОМ В КАРМАНЕ 89
Глава вторая
КАК ЛЕЧИЛИ ДРАКОНА 97
Глава третья
СВЕН И КУКЛА 102
Глава четвертая
ЗАГОВОР В ЗАПОВЕДНИКЕ 106
Глава пятая
НОВЕНЬКАЯ 114
Глава шестая
В ГОСТЯХ У ТЕТИ ДАГМАРЫ 120
Глава седьмая
ГДЕ ЖИВЕТ СНЕГУРОЧКА? 125
Глава восьмая
БАБУШКИНЫ ПИРОЖКИ 130
Глава девятая
КУСАНДРА ОБЕСПОКОЕН 137
Глава десятая
КОРОЛЬ НА ТРОНЕ-КРОВАТИ 144
Глава одиннадцатая
ДРАКОН И ЕГО ДВОЮРОДНАЯ СЕСТРА 152
Глав двенадцатая
У ХРУСТАЛЬНОГО ГРОБА 156
Глава тринадцатая
ДОПРОС 160
Глава четырнадцатая
УЗНИЦА ПОДЗЕМЕЛЬЯ 167
Глава пятнадцатая
СОБРАНИЕ 172
Глава шестнадцатая
ЧТО ПРИДУМАЛ КУСАНДРА 175
Глава семнадцатая
КУСАНДРЫ БОЛЬШЕ НЕТ! 192

КОЗЛИК ИВАН ИВАНОВИЧ

Глава первая
КОНСИЛИУМ 199

Глава вторая
ЛЕГЕНДАРНАЯ ЭПОХА 206

Глава третья
АЛИСА РЕШИЛА: ЕДЕМ! 212

Глава четвертая
СНОВА В ЗАМКЕ 214

Глава пятая
БОГАТЫРСКИЙ КАМЕНЬ 220

Глава шестая
КОГДА ВОЛКИ ШУТЯТ 228

Глава седьмая
СЛАБОВОЛЬНЫЙ ВЕЛИКАН 233

Глава восьмая
НАСТОЯЩИЙ СТАРИК 236

Глава девятая
КАК ПРИДУМАТЬ КОЛЕСО 239

Глава десятая
ЯБЛОНЯ ЗА РЕКОЙ 243

Глава одиннадцатая
В РАЗБОЙНОМ ЛЕСУ 248

Глава двенадцатая
ВСТРЕЧА С КУСАНДРОЙ 259

Глава тринадцатая
ДРУЗЬЯ И ВРАГИ 266

Глава четырнадцатая
БОЙ С ДРАКОНОМ 271

Глава пятнадцатая
В ЗАМКЕ ООХА 279

Глава шестнадцатая
ВТОРОЙ КОНСИЛИУМ 281

Глава семнадцатая
ПУТЕШЕСТВИЕ В АРАВИЮ 288

Глава восемнадцатая
СИНДБАД 292

Глава девятнадцатая
ПУТЕШЕСТВИЕ НА СОДЕЙДУ 295
Глава двадцатая
В ПЕЩЕРЕ ДЖИННОВ 299
Глава двадцать первая
ВОЗВРАЩЕНИЕ К ШЕХЕРЕЗАДЕ 305
Глава двадцать вторая
ПРОЩАНИЕ 309
Глава двадцать третья
ВОЗВРАЩЕНИЕ ИВАНА ИВАНОВИЧА 311

ЛИЛОВЫЙ ШАР

Глава первая
ГРОМОЗЕКА И ПАУК 315
Глава вторая
ПЛАНЕТА БРОДЯГА 320
Глава третья
СПЛОШНОЕ НЕВЕЗЕНИЕ 324
Глава четвертая
ГИПОТЕЗА АЛИСЫ 329
Глава пятая
ПОДЗЕМНЫЙ ГОРОД 330
Глава шестая
ТАЙНА ПОДЗЕМНОГО ГОРОДА 336
Глава седьмая
ТЮРЬМА НА ОСТРОВЕ 342
Глава восьмая
ВИРУС НЕНАВИСТИ 347
Глава девятая
ЭПОХА ЛЕГЕНД 350
Глава десятая
ВОЗВРАЩЕНИЕ 354
Глава одиннадцатая
СХВАТКА НА КОСМОДРОМЕ 356
Глава двенадцатая
В ЗАПОВЕДНИКЕ СКАЗОК 362

Глава тринадцатая
ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ ТЫСЯЧ ЛЕТ НАЗАД 371
Глава четырнадцатая
ГЕРАСИК 378
Глава пятнадцатая
ОШИБКА 384
Глава шестнадцатая
ДРАКОН ДОЛГОЖЕВАТЕЛЬ 391
Глава семнадцатая
КОРАБЛЬ С БРОДЯГИ 397
Глава восемнадцатая
В ПОГОНЮ ЗА ШАРОМ 405
Глава девятнадцатая
ПОЛЕТ 411
Глава двадцатая
В ГОРАХ 413
Глава двадцать первая
КАК ОТДЕЛАТЬСЯ ОТ ШАРА 418

ВОКРУГ СВЕТА ЗА ТРИ ЧАСА 424

ЭТО ВАМ НЕ ЯБЛОЧНЫЙ КОМПОТ! 436

ВТОРОГОДНИКИ 447

ЭТО ТЫ, АЛИСА? 456

ГАЙ-ДО

Глава первая
ГАЙ-ДО И ЕГО ГОСПОЖА 461
Глава вторая
НА ПЛАНЕТЕ ПЯТЬ-ЧЕТЫРЕ 468
Глава третья
ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ИРИИ ГАЙ 474
Глава четвертая
НУЖЕН КОСМИЧЕСКИЙ КОРАБЛЬ! 478
Глава пятая
СВАЛКА В САХАРЕ 482
Глава шестая
РАЗУМНЫЙ КОРАБЛЬ 488
Глава седьмая
ГАЙ-ДО РАССКАЗЫВАЕТ 494
Глава восьмая
САД ПОД ВРОЦЛАВОМ 499
Глава девятая
САМОУБИЙЦА 508
Глава десятая
Я С ВАМИ НЕ ПОЛЕЧУ! 511
Глава одиннадцатая
ФЕСТИВАЛЬ НА ГАВАЙЯХ 517
Глава двенадцатая
ДВА ЗАЙЦА 519
Глава тринадцатая
ПОЛЕТ С ПРОИСШЕСТВИЯМИ 527
Глава четырнадцатая
НЕУЮТНАЯ ПЛАНЕТА 533
Глава пятнадцатая
ПОХОД 537
Глава шестнадцатая
ПАЛАТА В ЦВЕТОЧКАХ 545
Глава семнадцатая
ИРИЯ ГАЙ ИЩЕТ МУЖА 547
Глава восемнадцатая
ВЕЧНЫЙ ЮНОША 552
Глава девятнадцатая
НЕЛЬЗЯ БОЯТЬСЯ ПАУКОВ 560
Глава двадцатая
ВСТРЕЧА СТАРЫХ ДРУЗЕЙ 566

Глава двадцать первая
В ОЖИДАНИИ АЛИСЫ 571
Глава двадцать вторая
БОЙ В ТЕМНОМ ТУННЕЛЕ 572
Глава двадцать третья
СТОЙ, МЫ СВОИ! 577
Глава двадцать четвертая
РАССКАЗ ИМПЕРАТРИЦЫ 584
Глава двадцать пятая
ГРОЗНАЯ ИРИЯ 588
Глава двадцать шестая
РАЗОБЛАЧЕНИЕ ЗОВАСТРА 590
Глава двадцать седьмая
ЧТО ЖЕ ТЫ НАТВОРИЛА? 597
Глава двадцать восьмая
ПЕРЕД ГОНКАМИ 602
Глава двадцать девятая
ГОНКИ 605
Глава тридцатая
ПОБЕДА И ПОРАЖЕНИЕ 608

УЗНИКИ «ЯМАГИРИ-МАРУ»

Глава первая
ПОДВОДНОЕ КЛАДБИЩЕ 623
Глава вторая
ТАИНСТВЕННЫЙ УБИЙЦА 626
Глава третья
АТОЛЛ МОРУТУ 630
Глава четвертая
В ПОГОНЕ ЗА КЛАДОМ 637
Глава пятая
В ПЛЕНУ 641
Глава шестая
В ПОИСКАХ ВЫХОДА 646
Глава седьмая
СПАСЕНИЕ 649

КОНЕЦ АТЛАНТИДЫ

Глава первая
СОВПАДЕНИЕ КАК В РОМАНЕ 657
Глава вторая
В ПОДВОДНОМ УЩЕЛЬЕ 669
Глава третья
ПЛЕННИКИ АТЛАНТОВ 686
Глава четвертая
СМЕРТЬ ПРИШЕЛЬЦАМ! 696
Глава пятая
ПРИНЦЕССА, КУКЛЫ И СИРЕНЫ 708
Глава шестая
ТАЙНА АТЛАНТИДЫ 729
Глава седьмая
ПОБЕДА ГОСПОЖИ ГЕРЫ 734
Глава восьмая
КАМЕУСЫ ВЫХОДЯТ НА ОХОТУ 739
Глава девятая
БЕГСТВО ИЗ АТЛАНТИДЫ 748

ЧУДОВИЩЕ У РОДНИКА

. 762

ГОРОД БЕЗ ПАМЯТИ

Вступление
О СТАРЫХ И НОВЫХ ЗНАКОМЫХ 785
Глава первая
«ДНЕПР» НЕ ОТВЕЧАЕТ 791
Глава вторая
«МЫ ЕГО НАЙДЕМ!» 799
Глава третья
ПУТЬ К ЗАГАДОЧНОЙ ПЛАНЕТЕ 801
Глава четвертая
ТАЙНА «МАРИИ ЦЕЛЕСТЫ» 808

Глава пятая
ГИБЕЛЬ МЕРКУРИЯ 816
Глава шестая
ДОЧЬ ПЕРЕВОЗЧИКА 823
Глава седьмая
ПИГМЕИ АТАНИ 843
Глава восьмая
ВСТРЕЧА В ЛЕСУ 856
Глава девятая
ИСТОРИЯ БАНДИТСКОГО СЕМЕЙСТВА 863
Глава десятая
НОЧЬ В ЗАМКЕ 869
Глава одиннадцатая
КРОТЫ РАССЕРДИЛИСЬ 879
Глава двенадцатая
В ПОДВАЛЕ ЗАМКА 885
Глава тринадцатая
ВНИЗ ПО РЕКЕ 889
Глава четырнадцатая
СОБЫТИЯ НА ДЛИННОМ ОСТРОВЕ 898
Глава пятнадцатая
ОПАСНЫЙ ПОЛЕТ 907
Глава шестнадцатая
ГОРОДСКИЕ ПРИЧАЛЫ 916
Глава семнадцатая
СОВЕТ В БЫВШЕМ ТЕАТРЕ 929
Глава восемнадцатая
БЕГСТВО 945
Глава девятнадцатая
НЕВОЛЬНИЧИЙ РЫНОК 953
Глава двадцатая
В ОСАДЕ 960
Глава двадцать первая
ДОМ КОШМАРА 965
Глава двадцать вторая
ФЕЙЕРВЕРК В ЛЕСУ 971
Глава двадцать третья
ВЕЧЕР С МУДРЕЦОМ 975

Глава двадцать четвертая
УБЕЖИЩЕ ПОМНИКОВ 984
Глава двадцать пятая
ПРЕДАТЕЛЬСТВО 994
Глава двадцать шестая
ГАЙ-ДО ДОЖДАЛСЯ 1003
Глава двадцать седьмая
КАЗНЬ ЗАБВЕНИЯ 1016
Глава двадцать восьмая
ВОЗВРАЩЕНИЕ ЕДИНОРОГОВ 1022
Глава двадцать девятая
В ПОСЛЕДНИЙ МОМЕНТ 1028
ЭПИЛОГ 1038

ПОДЗЕМНАЯ ЛОДКА

Глава первая
ДИПЛОМНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ 1041
Глава вторая
КУЗНЕЦ СЕМЕН ИВАНОВИЧ 1045
Глава третья
ПОДЗЕМНАЯ ЛОДКА 1054
Глава четвертая
СТАРШИЙ БРАТ ГАРОЛЬД 1061
Глава пятая
В ГЛУБИНАХ ЗЕМЛИ 1069
Глава шестая
В ГОСТЯХ У ПЛЕМЕНИ ОХОТНИКОВ 1076
Глава седьмая
ЦАРСТВО ЧЕТЫРЕХГЛАЗОГО 1089
Глава восьмая
ВО ДВОРЦЕ ЧЕТЫРЕХГЛАЗОГО 1100
Глава девятая
ПОПЫТКА БЕГСТВА 1114
Глава десятая
СУД И ПРИГОВОР 1129
Глава последняя
ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО БРАТА 1138

Кир Булычёв

ПРИКЛЮЧЕНИЯ АЛИСЫ

БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Том 205

На основании п. 2.3 статьи 1 Федерального закона № 436-ФЗ от 29.12.2010 не требуется знак информационной продукции, так как данное издание классического произведения имеет значительную историческую, художественную и культурную ценность для общества

Компьютерная верстка, обработка иллюстраций
Е. Гезенцвея

Дизайн обложки, подготовка к печати
А. Яскевича

Гарнитура Гарамонд Премьер Про
13 кегль

Сдано в печать 25.09.2023
Объем 72 печ. листа
Тираж 3100 экз.
Заказ № 5263/23

Бумага
Сыктывкарская книжная кремовая офсетная 60 г/м^2

ООО «СЗКЭО»
Телефон в Санкт-Петербурге: +7 (812) 365-40-44
E-mail: knigi@szko.ru
Интернет-магазин: www.сзкэо.рф

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт»,
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс №3А,
www.pareto-print.ru

Истоки современной фантастики уходят своими корнями не только в Средневековье, но и глубже — в античность. Как самостоятельный жанр фантастика сложилась лишь в XIX веке в основном благодаря Жюлю Верну и Герберту Уэллсу. Позже ответвление фантастики появилось на плодоносном древе детской литературы. Одним из первопроходцев на этом новом пути стал наш соотечественник — востоковед Игорь Всеволодович Можейко. Читателям он более известен благодаря псевдониму — Кир Булычёв. В пятидесятых годах XX века Станислав Лем отправил своего героя Ийона Тихого в космос, где с этим новоявленным Мюнхгаузеном произошло множество приключений. Примерно через десять лет придуманная Можейко героиня — девочка из будущего Алиса Селезнева — также начала путешествовать по космическим далям. Такой ход оказался удачным и плодотворным. В результате появилась обширная «Алисиана». Данное издание включает повести и рассказы об Алисе, написанные Можейко с 1984 по 1987 год. Читателей ждут встречи с чудовищами, космическими пиратами, воинственными лилипутами и таинственными жителями подводного мира. В отличие от Жюля Верна Можейко не описывает технику будущего и не делает футуристических прогнозов как Уэллс. Его повести об Алисе — это добротная детская литература, и в этом секрет ее успеха.

Рисунки в этой второй книге о приключениях Алисы в серии БМЛ выполнены Евгением Тихоновичем Мигуновым. В 1965 году с его иллюстрациями вышла повесть Стругацких «Понедельник начинается в субботу». По манере и технике они очень похожи на его рисунки к повестям Булычева. Главной их отличительной чертой является динамизм. Мигунов почти всегда изображает героев Булычева в движении, и это не случайно, ведь Евгений Тихонович много лет проработал в анимационном кино. В 1939 году он поступил на художественный факультет Всероссийского государственного института кинематографии, где начал заниматься в мастерской знаменитого Иванова-Вано. Окончив ВГИК, Мигунов стал не обычным художником-мультипликатором, а сделался настоящим новатором рисованного и кукольного кино. Его творческие наработки сыграли важную роль в становлении современной школы русской мультипликации. Мигунов придумывал новые приемы, патентовал изобретения, помогавшие «оживлять» кукол, предлагал новые режиссерские приемы. С 1961 года Евгений Тихонович начал сотрудничать с журналами «Мурзилка», «Веселые картинки», «Пионер», «Крокодил», делая для них многочисленные иллюстрации. Рука мастера в них узнается с первого взгляда.